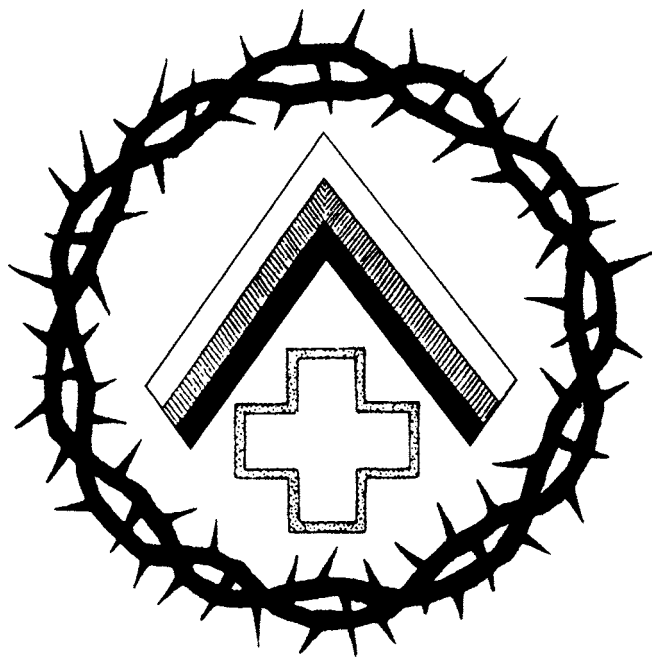

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

АЛЬМАНАХ

№ 7

Москва «Посев» 2003

ISSN 0234-680X

9 770234 680002

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КЛУБ «ДОБРОВОЛЕЦЬ-XX ВЕК», «КОРНИЛОВСКИЙ УДАРНЫЙ ОТРЯД», ЖУРНАЛ «ДОБРОВОЛЕЦЬ».

Воздвижение Креста-Памятника в станице Мечетинской. 2002 г. (фото предоставлено Н.А. Кузнецовым).

Военно-исторический клуб создан в ноябре 1997 года, и насчитывает в своем составе 15 действительных членов.

Главная задача клуба - всестороннее изучение Российской Императорской, Белых армий, военных организаций русской эмиграции, а также армий их союзников. Помимо этого члены клуба занимаются поиском материалов в архивах и библиотеках России, подготовкой публикаций военно-исторической тематики. Выпущены два номера журнала «Доброволец», ведется работа по подготовке web-сайта.

Членами клуба воссоздана форма одежды и снаряжение следующих частей Русской и Белых армий: 8-го Московского Гренадерского полка; Корниловского Ударного отряда (Великая (Первая Мировая) война 1914-1917 гг.); Корниловской Ударной дивизии (1918-1920 гг.). Помимо этого реконструируется форма частей противников и союзников России по Великой (Первой Мировой) войне - Германии и Великобритании, а также ряда подразделений Белых армий Востока России. Почетным шефом клуба К. К. Семеновым с точностью создана копия ушкальной реликвии - Николаевское знамя Корниловской Ударной дивизии.

За время существования клуба его члены приняли участие в различных военно-исторических памятных мероприятиях в России (в Москве, С.-Петербурге, Перми, и др.) и Чехии. При участии членов клуба был установлен памятный крест воинам Северо-Западной армии в селе Ложгалово под Санкт-Петербургом в 1998 г. В минувшем году члены клуба приняли участие в мемориальной акции «Ледяной поход», пройдя часть маршрута похода 1918 г. и установив памятный знак в станице Мечетинская.

Члены клуба на Кубани. 2002 г. (фото предоставлено Н.А. Кузнецовым).

Клуб активно поддерживает контакты с Русской Православной Церковью за границей. Большую духовную поддержку оказывает клубу Ставропигиальный Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (США, Нью-Йорк).

Приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных лиц. Адрес для контакта:

125480, г. Москва, а/я 32.

Пигилову Д.Ю.

E-mail: sv-nikola@yandex.ru

Во время полевого выхода. Подмосковье. (фото предоставлено Н.А. Кузнецовым).

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

*85-летию образования Северо-Западного фронта Белой борьбы,
70-летию со дня кончины генерала от инфантерии Н.Н. Юденича,
памяти погибших бойцов-крестоносцев посвящается...*

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

АЛЬМАНАХ

№ 7

Москва «Посев» 2003

Альманах издается с 1997 г.

Учебно-научный центр высшего педагогического образования
Московского педагогического государственного университета.
Федеральная целевая программа
«Интеграция науки и высшего образования России на 2002–2006 гг.»

Главный редактор: В. Цветков.

Заместители главного редактора: Р. Гагкуев, С. Балмасов, А. Воронов.

Редколлегия:

А. Каревский – история Белого движения в Поволжье, на Урале и в Сибири.

А. Гольдин – история Белого движения на Северо-западе и Севере России.

А. Ганин – история Белого казачества.

В. Чичерюки-Мейнгардт – история Белого движения в Зарубежье.

К. Кулагин, Н. Кузнецов – история Белого флота.

М. Хайруллин – история Белой авиации.

Б. Татаров – Союзники и Белое движение.

Альманах издан при финансовой поддержке Д.А. Ягодинцева, А.В. Ветрищак и
Russian Research Foundation Б.С. Пушкарева.

Адрес редакции: Россия, 127051, Москва, ул. Петровка, д.26, стр.2, офис 96.
107497, Москва, а/я 4. тел. (095) 925-81-38, факс (095) 925-92-48, e-mail: posev@online.ru
Наши координаты в Интернете: www.posev.ru

Седьмой номер исторического альманаха «Белая Гвардия» посвящен истории Белого движения на Северо-Западе России в 1917–1920 гг. Номер составлен на основе уникальных документов из архива Северо-Западной армии Н.Н. Рутыча (Рутченко), переданного в фонды библиотеки «Русское Зарубежье», а также материалов Государственного архива Российской Федерации. Большинство из них никогда не публиковались ранее и неизвестны не только российскому читателю, но и многим специалистам по истории гражданской войны в России. Когда образовалась Белая армия на Северо-Западе и из-за чего она погибла, существовала ли реальная возможность взятия Петрограда осенью 1919 года и победы в гражданской войне, была ли реальной поддержка со стороны Англии, Финляндии, Эстонии, как жил белый тыл – на все эти и многие другие вопросы отвечают исторические документы, размещенные на страницах очередного номера альманаха «Белая Гвардия». Возможно, что знакомство с этими документами изменит привычные оценки Северо-Западного фронта Белого движения. Номер иллюстрирован фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотодокументов, частных коллекций. Приведены карты-схемы боев за Петроград в 1919 году.

Художник – А. Лебедева.

Картограф – Д. Фаттахова.

Технический редактор – А. Моренко.

Корректурa – Е. Журавлева.

Перепечатка только с разрешения редакции

При перепечатке ссылка на «Белую Гвардию» обязательна

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Точка зрения автора не всегда совпадает с мнением редакции

Альманах «Белая Гвардия» зарегистрирован в Российской книжной палате при Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Имеет регистрационное свидетельство № 0405 от 4.05.2001 г. Российской книжной палаты.

ISSN 0234-680X

Подписано в печать 12.09.2003 Формат 60*90 1/8. Печать офсетная. Усл. п.л. 30, Тираж 750 шт.

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев», 2003

© Белая Гвардия, 2003

© Государственный архив Российской Федерации, 2003

© Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Северо-Западной армии, 2003

© Авторы публикаций, 2003

На титульной странице: Герб Северо-Западной Области. Гравирован на печати штаба 5-й («Ливенской») пехотной дивизии.

115598, Москва, ул. Ягодная, 12. Типография Россельхозакадемии.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛО СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА	8
<i>С.Н. Базанов</i> ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ	8
<i>Л.Ф. Зузов</i> ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРНОЙ АРМИИ	17
<i>Ар-ин.</i> НА ЗАЩИТЕ РИГИ	30
СО ЩИТОМ ИЛИ НА ЩИТЕ	32
<i>Е.И. Шимановский</i> ИСТОРИЯ 53-го ПЕХОТНОГО ВОЛЫНСКОГО ПОЛКА	35
«НАСТУПЛЕНИЕ НА ПЕТРОГРАД НЕОБХОДИМО»	36
«СЛАВНОЕ МАЙСКОЕ...»	45
<i>М.В. Ярославцев</i> КЕРСТОВО - КОПОРЬЕ - ВОРОНИНО (Май 1919 года)	45
<i>Н.Н. Неклюдов</i> К ИСТОРИИ «КРАСНОЙ ГОРКИ»	46
БЕЛЫЙ ТЫЛ ВЕСНОЙ-ЛЕТОМ 1919 года	48
<i>Р.В. Полчанинов</i> ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ БЕЛЫХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ	55
<i>С.С. Балмасов</i> ОМСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ФИНАНСИРОВАНИЕ АРМИИ ЮДЕНИЧА	58
ФИНЛЯНДСКИЙ ВАРИАНТ	63
<i>А. Пюккенен</i> ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ И БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ	65
<i>А. Пюккенен</i> РУССКИЕ ЛЕТЧИКИ В АРМИИ МАННЕРГЕЙМА	69
<i>А.О. Александров</i> ДЕЙСТВИЯ БРИТАНСКОЙ И ФИНСКОЙ АВИАЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В РАЙОНЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА	70
НАКАНУНЕ НОВОГО ПОХОДА	77
УДАР «БЕЛОГО МЕЧА»	88
ЗАПАДНАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ	95
<i>В.Г. фон Розенберг</i> ЗА КУЛИСАМИ РУССКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ	96
<i>В. Акунов</i> РЫЦАРИ БЕЛОГО КРЕСТА	102
В ЛУЧАХ КУПОЛА СВЯТОГО ИСААКИЯ	118
<i>А.И. Курприн</i> СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ПРИНЕВСКИЙ КРАЙ»	130
<i>Л.А. Молчанов</i> С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ПЕТРОГРАДА ИЗ-ПОД ИГА БОЛЬШЕВИКОВ... ..	131
<i>Е.И. Шимановский</i> ЗАМЕТКИ ОБ ЭПОХЕ СЕВЕРОЗАПАДНИКОВ	140
ДНЕВНИК ПУЛЕМЕТЧИКА ДМИТРИЯ СОЛОМИНА	141
<i>М.В. Ярославцев</i> ВТОРАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ ПОД ПЕТРОГРАДОМ	157
КАТАСТРОФА	163
<i>В.В. Вальтер</i> ПИСЬМА С ФРОНТА И ГОСПИТАЛЯ	163
ГИБЕЛЬ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ. ВЗГЛЯДЫ ИЗ ЗАРУБЕЖЬЯ	170
<i>М.В. Ярославцев</i> ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ	181
<i>Г. Тарасов</i> ВОСПОМИНАНИЯ РЯДОВОГО ДОБРОВОЛЬЦА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ	185
ЛИКВИДАЦИЯ ФРОНТА И АРМИИ	194
ИСТОРИЯ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ	198
<i>М. Иванов</i> ОТРЯД БАЛАХОВИЧА	199
<i>Н. Мальшев</i> БРОНЕВЫЕ ЧАСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ В 1919 г.	207
<i>Н. А. Боголюбов</i> ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН	210
<i>М.А. Хайрулин</i> АВИАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ (Октябрь 1918 - январь 1920 гг.)	213
ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ МОРЯКОВ В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ	221
БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	225
<i>Е.И. Шимановский</i> ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА	230
ЛЮДИ И СУДЬБЫ	
<i>К. М. Александров</i> СУДЬБА ПОЛКОВНИКА ДЫДОРОВА	234
<i>Ю. Серчинский</i> ПАМЯТИ ГЕРОЯ	238
<i>Н.Н. Рутыч</i> «ПРИРОЖДЕННЫЙ БОЕЦ»	239
<i>Александр Д-ский</i> ПОДПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РУДАКОВ	243
<i>А. Пюккенен</i> ПОЛКОВНИК ЭЛЬВЕНГРЕН - СОЛДАТ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ	244
<i>С.Г. Зирин</i> ОБЪЕДИНЕНИЯ И СУДЬБЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНИКОВ НА ЧУЖБИНЕ	251
<i>В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт</i> ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ	258
ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
<i>Б. Татаров</i> УЧАСТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В БОЯХ В КИЕВЕ	259
<i>А. Колмогоров, Н. Лухманова</i> СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ. ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ	265
<i>А. Воронов</i> СМЕРТЬ КОМАНДИРА	269

*...Сметая красные отряды,
В мечте лелея Петроград, –
Мы шли, не ведая пощады,
Не зная окрика «назад»!
Мы много наших положили
Но твердо к цели шли все, шли,
Мы у заставы Нарвской были,
Исаакий виделся вдали...
Увы, Господь не дал отрады, –
Кто виноват, – не здесь судить, –
И от родного Петрограда
Мы злобно стали отходить...
Но Ты в делах, о Боже, дивен!
Придет и красных дней закат:
И верим мы, что прежний Ливен
Войдет с отрядом в Петроград!...*

Кренгольм (Нарва) 14 декабря 1928 г.

Б. С-ов

Дорогие читатели!

Очередной номер альманаха «Белая Гвардия» посвящен, пожалуй, одной из самых драматических страниц истории Белого движения в России – Северо-Западному фронту в 1918-1920 гг. Его зарождению, громким, впечатляющим успехам и фатальным неудачам, катастрофе. В истории Северо-Западного фронта соединились радость побед и горечь поражений, ожидание скорого освобождения «Града Святого Петра» и гибель всех надежд, крушение военных и политических расчетов. Наверное, не будет преувеличением сказать, что в истории этого фронта отразилась история всего российского Белого движения. Рождение фронта осенью 1918 года на древней земле Запсковья, в историческом центре норманнской Руси – Рутении, в Пскове, Острове, Изборске, Гдове, Ивангороде, Нарове. Отступление от Пскова в ноябре – декабре 1918-го, Ледяной поход по заснеженным полям к Нарве, зимние бои с наступавшими красными войсками в Эстонии и Латвии, формирование Северного корпуса и первый майский, под покровом белых ночей, бросок к Петрограду. Наконец главный удар – осеннее наступление 1919 года. На одном дыхании, как молитва о спасении России, стремительный, одержимый, самозабвенный поход к заветному куполу Святого Исаакия Далматского, к Обетованной Земле. В это время Вооруженные Силы Юга России подходят к Москве. Победа близка как никогда. Газеты Киева и Ростова на Дону выходят с заголовками: «Доблестными Войсками генерала Юденича взят Петроград!»...

«Увы, Господь не дал отрады». Крестоносцы XX столетия, носившие Белый Крест на рукавах мундиров, не смогли освободить своего Вифлеемского храма, натянутая струна Северо-Западного фронта оборвалась, и для осколков разбитой армии начались долгие годы «Русского рассеяния» в Прибалтике, Польше, Скандинавии.

Хотелось бы, чтобы наши читатели смогли почувствовать, ощутить сквозь десятилетия этот напряженный ритм боевой жизни, биение сердца Северо-Западной армии. После этого, очевидно, станет понятным смысл осеннего похода 1919 год, имевшего, как показала исто-

рия Белого дела, наибольшие шансы на успех. Ведь целью был Петроград, остававшийся для многих, если не для большинства русских людей, столицей России, Российской Империи. И его освобождение стало бы, поистине, символическим.

В этом отношении очень много скажут первоисточники, документальные свидетельства. Именно им, а не аналитическим статьям, более поздним исследованиям отдавалось предпочтение при составлении данного номера альманаха. Документы, представленные читателям, разные. Это дневники, рапорты, приказы, отражающие историю боевых операций Северного корпуса и Северо-Западной армии, а также отдельных воинских частей. Это уникальные свидетельства эпохи – переписка лидеров российского Белого движения с генералом Юденичем, докладные записки о судьбе фронта и армии, о перспективах военных действий. Голоса участников, живая ткань истории, проступают сквозь скупые строки документов.

Факты свидетельствуют, что Северо-Западный фронт с самого начала своего формирования многими лидерами Белого движения, и даже рядовыми участниками не воспринимался всерьез, считался второстепенным, предназначенным лишь для содействия войскам Северного и Восточного фронтов. Многим казалась неприемлемой очевидная зависимость Северо-Западной армии от иностранной помощи – немецкой, эстонской, финляндской, английской. И лишь с весны 1919 года, после того, как спаянные воинской доблестью полки Северного корпуса с честью выдержали суровые испытания первых месяцев борьбы, отразили натиск обманутых идеями «Интернационала», «мировой революции» эстонских, латышских и русских красных стрелков, фактически спасли независимость молодых Прибалтийских республик, отношение к Северо-Западному фронту стало меняться.

Весной и летом 1919 года становилось ясным, что победа в гражданской войне может быть достигнута не путем создания свободных от советских декретов региональных автономий, пусть и прочных, на первый взгляд. Ведь подобные «автономии» очень быстро заявляли о своей независимости не только от «красной Москвы», но и от любой власти (в том числе и белой), претендующей на выражение общероссийских интересов. О патриотизме и государственности, в этом случае, речи не шло. Поэтому только быстрый, одновременный удар основных белых армий, удар на Москву и Петроград, мог бы привести большевизм к гибели.

Союзники России по Великой войне – Англия и Франция (а еще раньше ее противники – немецкие оккупационные власти) оказывали Северо-Западному фронту определенную военную и дипломатическую поддержку, хотя и небескорыстную. Деятели Русского Политического Сопровождения в Париже, российские военные и дипломатические представители в Париже, Стокгольме, Лондоне и Риме признавали, что Северо-Западный фронт не должен ограничиваться рамками региона, но должен стать важным звеном в создании единого антибольшевистского фронта от Балтики до Урала.

Говоря о союзниках Белого движения в этом регионе, нельзя забывать об Эстонии и Финляндии. Довольно распространенная точка зрения о «предательстве русского Белого движения новообразованными лимитрофами» нуждается в серьезных коррективах. Республике Прибалтики и Финляндии было принципиально важно, какая власть установится в России. Власть Интернационала, исповедующая идеи «всемирного социализма» или власть признающая самостоятельность госу-

дарственных образований. Существует и точка зрения, согласно которой, одной из причин неудач похода на Петроград стало отсутствие официального признания Верховной Белой властью факта отделения Прибалтики и Финляндии от России. Думается ответ на вопрос что лучше: Эстляндская, Курляндская губернии, Великое княжество Финляндское или независимые Эстония, Латвия, Финляндия – союзники Белой России, не может быть однозначным. Финляндия к 1919 году уже испытала раскол на Красную и Белую Гвардию (название «Русская Белая Гвардия» повторилось в интервью ген. Юденича гельсингфорским газетам). Документальные свидетельства о боях на Карельском перешейке, об участии в боях на Северо-Западном фронте эстонских и финских формирований, о «Свободной Ингерманландии» также приведены в номере.

Представленные документы отражают жестокую, кровавую сущность гражданской войны. В них содержатся сведения о «Государственной комиссии по борьбе с большевизмом», созданной при Управлении юстиции Северо-Западного правительства, неоднократно упоминаются расстрелы коммунистов, комиссаров, даже тех, кого лишь подозревали в сочувствии большевикам. Обесценение человеческой жизни – неизбежное следствие военной действительности, непримиримости сражающихся, идейного оправдания собственной смерти и смерти своих врагов. Но нельзя не видеть и жертвенных подвигов белых бойцов, их подвижнического самоотречения. «Была бы спасена Россия...» – вдумаясь в слова погибшего Павлика Шувалова из одноименного рассказа А.И. Куприна.

Интересны и документы, отражающие деятельность Северо-Западного правительства. Следует отметить, что его работа – редкий пример участия представителей социалистических партий в белых правительствах. Приведены тексты приказов, отчетов различных правительственных структур, проекты восстановления местного земского и городского самоуправления, реформирования земельных отношений в «освобожденной от большевизма России», созыва Областного Собрания – прообраза будущего Всероссийского Учредительного Собрания. Особая сторона истории Северо-Западного правительства – его взаимоотношения с военными властями, его оценка со стороны русских политических центров в Зарубежье.

Рассматриваются и проблемы истории Западной Добровольческой армии князя Бермондта-Авалова. Почему многочисленная, хорошо вооруженная, составленная из профессиональных бойцов армия, появление которой под Петроградом, несомненно, могло бы решить исход операции в пользу белых, вдруг начинает бессмысленный, даже позорный, с точки зрения многих современников и исследователей, штурм Риги, и категорически отказывается содействовать армии Юденича?

Вообще исследование Белого движения на Северо-Западе России не отличается обилием научных публикаций. Лишь в последние годы стали появляться книги, в той или иной степени отражающие проблемы этого фронта. При подготовке альманаха учитывалось, что многие фактические данные, в частности биографии командного состава Северо-Западной армии, общие описания боевых действий и состояния белого тыла имеются в других, уже опубликованных и доступных источниках и монографиях. Номер альманаха представляет, прежде всего, историко-научную ценность. Поэтому подробных комментариев к документам в номере не дается. Читателям мы рекомендуем обратиться к обстоятельным биографическим очеркам замечательной книги

Н.Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича», вышедший в издательстве «Русский путь» в 2002 году. Много ценных сведений содержат «Энциклопедия Белого движения» С.В. Волкова и сборник воспоминаний «Белая борьба на Северо-Западе России» из серии «Белое движение», увидевшие свет в этом году. Комплексное, глубокое исследование истории Белого движения на Северо-Западе России содержится в одноименной монографии петербургского историка А.В. Смолина. Его обращение к проблемам истории Северо-Западного фронта известно еще с середины 1980-х гг, когда большая часть документальных материалов находилась в спецхранах ЦГАОР СССР. Достаточно интересные сведения по униформе частей Северо-Западной и Западной армий в 1918-1920-м гг. содержит книга А.И. Дерябина «Белые армии Северо-Запада России. 1918-1920 гг.»

Но основой номера стали материалы Архива Северо-Западной армии и архива Л.Ф. Зурова, бережно сохраненные и переданные Н.Н. Рутычем Библиотеке-фонду «Русское Зарубежье». Появление альманаха стало возможным благодаря помощи директора издательства «Русский путь» В.А. Москвина и, особенно, благодаря поддержке сотрудника библиотеки М.А. Котенко. Это уникальные, не публиковавшиеся ранее документы, большинство из которых абсолютно неизвестны исследователям.

Также в альманахе вошли материалы фондов Государственного архива Российской Федерации, в чем большая заслуга директора архива С.В. Мироненко, его заместителя О.В. Маринина и заведующей фондами истории Белого движения и Русского Зарубежья Л.И. Петрушевой.

Особая благодарность за содействие в подготовке альманаха русскому военному историку И.В. Домнину.

Низкий поклон энтузиастам Всероссийского Братства Св. Архистратига Божия Михаила и председателю движения С.Г. Зирину (г. Ямбург (Кингиссеп)). Благодаря их самоотверженной, многотрудной работе сохраняется память о павших русских воинах-северозападниках.

В номере опубликованы фотографии из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотодокументов (г. Красногорск). Однако, следует отметить, что количество фотографий невелико, ввиду отсутствия сколько-нибудь полного собрания фотоматериалов по истории Северо-Западного фронта. Многие из фотографий, опубликованных в альманахе, предоставлены из частных коллекций – Н.Н. Рутыча, А.В. Воронова, В.Г. Чичерюкина-Мейнгардта, А. Пюккенена, М.А. Хайруллина, К.М.Александрова, Н.А. Кузнецова, С.Г. Зирина, С.Ю. Меркулова.

Карты-схемы выполнены опытным картографом Д.Г. Фаттаховой. Иллюстрации обмундирования, орден и знаков различия, знамен выполнены художником А.В. Лебедевой.

Структура данного номера альманаха построена на сочетании хронологического и тематического признаков и отражает общую историю Северо-Западного фронта от его возникновения, до распада и гибели. Все даты до 1918 года указаны по старому, а с 1918 г. по новому стилю.

Надеемся, что он будет интересен и полезен всем, кто обращается к истории Белого движения, всем кому не безразлична судьба нашего Отечества, новой Возрождающей Белой России.

В.Ж. Цветков – главный редактор альманаха «Белая Гвардия», составитель номера.

НАЧАЛО СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Гражданская война на Северо-Западе России началась сразу же после прихода к власти большевицкой партии осенью 1917 г. Большевики придавали особое значение поддержке со стороны воинских частей Северного фронта Русской армии. Кадры окончательно ликвидированного, после подписания Брестского мира; Северного фронта стали одной из основ для формирования будущей белой Северо-Западной армии. В статье кандидата исторических наук С.Н. Базанова анализируется практически неизученная проблема взаимоотношений солдатских комитетов и комиссаров Временного правительства с присланными из Петрограда представителями большевиков. Статья особенно интересна тем, что в ней рассматриваются последние дни старой Русской армии, дается характеристика фронтовых настроений в период осени 1917 – зимы 1918 гг., во время, называвшееся ранее «триумфальным шествием Советской власти».

С.Н. БАЗАНОВ

ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ (октябрь 1917 – январь 1918 гг.)

Послеоктябрьский период истории Русской армии по настоящее время остается «белым пятном» в историографии, несмотря на немалое, казалось бы, число трудов, посвященных вооруженным силам в 1917г. В литературе, особенно в монографиях, достаточно подробно рассматривался весь процесс, происходивший в армии от Февраля к Октябрю, а послеоктябрьский период большинство исследователей рассматривали весьма поверхностно. Отчасти это вызвано значительно меньшим, по сравнению с дооктябрьским периодом, наличием документальных источников, сохранившихся в архивных фондах. Дело в том, что в период германского наступления в феврале 1918 г. многие штабы полков, дивизий, корпусов и даже армий были захвачены противником. Однако, главный недостаток всей предшествующей литературы в том, что процессы в вооруженных силах в 1917 г. рассматривались по одной схеме, а события унифицировались. Исследователей в основном интересовали лишь вопросы, связанные с «проведением социалистической революции». Все работы заканчивались главным образом утверждением, что «Советская власть окончательно установлена» на том или ином фронте или армии такого-то числа такого-то месяца. Как правило, для подобного заключения большинству авторов хватало резолюции, вынесенной в поддержку Советской власти (или признании) съездом солдатских депутатов изучаемого объекта. И на этом ставилась точка.

Но если это так, то почему Русская армия в течение менее чем четырех месяцев была демобилизована и уже в марте 1918 г. прекратила свое существование? «Было одно крайне

важное обстоятельство, – писал в 1982 г. академик И.И. Минц, – которое мешало широкому использованию старой армии. Во время революции и после Октября в старой армии стала разворачиваться и все более обостряться гражданская война. К сожалению, в литературе все еще нет обобщающих работ о гражданской войне в самой старой армии, в которую вовлекались не только отдельные полки, дивизии, но даже целые корпуса и армии»¹. К сказанному можно добавить, что и спустя 20 лет не только не написано такой работы, но даже нет обобщающих монографических трудов по истории деятельности органов взятия власти на фронте – военно-революционных комитетов, которые стали создаваться в действующей армии сразу после обращения II-го Всероссийского съезда советов 26 октября 1917 г. к фронту. Без изучения деятельности созданных большевиками ревкомов, советских комиссаров, прибывавших на место комиссаров Временного правительства, невозможно воссоздать целостную картину борьбы большевиков и их политических противников за армию в послеоктябрьский период. Эти органы не избирались, а создавались местными армейскими организациями большевиков во исполнение постановления II-го Всероссийского съезда советов от 26 октября 1917 г. В нем, в частности, предлагалось всем армиям создать временные революционные комитеты, которые должны были отвечать за «сохранение революционного порядка и твердости фронта»², а по существу, как им, так и новым советским, комиссарам предписывалось взять всю полноту власти в армии. При этом солдатские комитеты и командование должны были перейти

под полный контроль со стороны создаваемых ревкомов и присланных из Петрограда или назначенных из местных лидеров большевиков новых комиссаров.

Появление на фронтах и в армиях комиссаров, назначенных СНК, создание без участия солдат новых административно-командных органов ревкомов – в частях и соединениях действующей армии обостряло политическую борьбу в недрах солдатских масс, накал которой нарастал в зависимости от специфики фронта, его армий и взаимодействия фронтов с ближайшим тылом.

Для завоевания армии на свою сторону Петроградский ВРК направил на фронт сотни своих комиссаров и эмиссаров, целью которых было устранение аппарата комиссаров Временного правительства, создание ревкомов, фактически становившихся над существующими солдатскими комитетами, устранение нелояльного к новой власти командного состава путем введения «выборного начала» и др. Следует заметить, что большинство советских комиссаров и председателей фронтовых и армейских ревкомов было назначено новой властью из лидеров местных армейских большевиков, а состав корпусных, дивизионных и полковых ВРК полностью формировался местными армейскими организациями большевиков. Таким образом, сразу же после Октября в действующей армии разгорелась острейшая борьба за власть между местными армейскими организациями большевиков, большевизированными солдатскими комитетами, создаваемыми большевиками ревкомом и советскими комиссарами с одной стороны, и старыми, непереизбранными эсеровскими солдатскими комитетами, армейскими организациями эсе-

ров и меньшевиков, комиссарами Временного правительства, создаваемыми эсерами и меньшевиками на фронтах и в армиях «Комитетами спасения Родины и Революции» и командования, с другой. Офицерский корпус, особенно после сентябрьской чистки, вызванной корниловским выступлением, весьма неприязненно относился не только к А.Ф. Керенскому и Временному правительству, но и к комиссарам Временного правительства на фронтах и в армиях и, особенно, к солдатским комитетам. Однако в вопросе о непризнании новой власти он был союзником прежним комиссарам и эсеровского большинства солдатских комитетов. При этом следует заметить, что каждая из противоборствующих сторон стремилась перетянуть на свою сторону солдат, втянуть их в гражданскую войну в самой армии.

Как вели себя солдаты в такой обстановке? Наиболее достоверными источниками для определения позиции фронтовиков являются сводки сведений о настроении, еженедельно составляемые командованием частей и соединений и отправляемые в Ставку, а также солдатские письма во ВЦИК, СНК и другие государственные, общественные и политические организации. Однако резолюции, принятые на заседаниях солдатских комитетов, не всегда верно отражали настроения и симпатии солдат. Так, две первые послеоктябрьские недели основная масса солдат, не будучи информированной или подвергаясь дезинформации о событиях в Петрограде, вела себя сдержанно и выжидательно, и все помыслы фронтовиков были сосредоточены вокруг декрета о мире, о котором они узнали 27 октября. Именно этот декрет, как показывают многочисленные источники, солдаты восприняли как акт об окончании войны и ожидали практических шагов новой власти в этом направлении: заключения мира с противником и демобилизации. Поэтому втягиваться в политическую борьбу, которая в любой момент могла перерасти в вооруженную, они в своей массе не желали. Именно по этой причине на своих митингах фронтовики отказывались выделять воинские части и Временному правительству, и большевикам. Во всей предшествующей литературе отмечалась большая активность солдат, их якобы полная поддержка новой

власти. Для этого приводились единичные случаи такой поддержки и выдавались за массовое явление, а пассивность фронтовиков, отмечаемая еженедельно в сводках командования, просто игнорировалась исследователями.

Наиболее острый характер борьба за власть в первые же послеоктябрьские дни приняла на Северном фронте – наиболее важном для большевиков. Этот фронт (12-я, 5-я, 1-я армии и 42-й отдельный армейский корпус) находился на Северо-Западе России и прикрывал Петроград. Несмотря на близость к столице и значительное по сравнению с другими фронтами количество присланных из Петрограда комиссаров, эмиссаров и агитаторов, созданные здесь ВРК не смогли сразу взять власть в армиях этого фронта. Меньшевики и эсеры занимали еще достаточно крепкие позиции, а солдаты проявляли свойственные им колебания и зачастую склонялась к выжиданию и нейтралитету. Исключение составлял 42-й отдельный армейский корпус, дислоцировавшийся в Финляндии. Штаб корпуса располагался в Выборге. Здесь 26 октября экстренное заседание исполкома корпуса, заслушав телеграмму II-го Всероссийского съезда советов об образовании в действующей армии ревкомов, приняло решение образовать из членов исполкома ВРК корпуса. В его состав вошли 5 большевиков. По решению исполкома принятому в тот же день, на ВРК была возложена задача контроля над деятельностью штаба корпуса. На другой день, 27 октября, ВРК обратился ко всем частям корпуса с телеграммой, в которой провозгласил, что «военно-революционный комитет стоит на страже завоеваний революции» и призвал солдат быть «в полной готовности к отражению натиска врага и контрреволюционных походов». ВРК установил контроль над деятельностью штаба корпуса, приказал комиссару Временного правительства при корпусе сдать дела, а 1 ноября отдал приказ о назначении во все части корпуса советских комиссаров. 7 ноября Петроградский ВРК назначил советским комиссаром корпуса председателя корпусного ВРК большевика Г.З. Заонегина³.

Исполком корпуса, заслушав 28 октября телеграмму А.Ф. Керенского о продвижении к Петрограду с указанием разослать ее по частям, постано-

вил: «Телеграмму принять к сведению, не рассылая ее по частям»⁴. В этот же день общее собрание солдатских комитетов корпуса, организованное большевиками, заявило о поддержке новой власти, подчеркнув, что «походы против власти Советов мы готовы подавлять по первому зову всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, охраняя при этом боеспособность фронта»⁵. Такая благоприятная политическая обстановка позволила исполкому корпуса дать 28 октября обещание о помощи Областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии в ответ на его предложение послать войска в распоряжение Петроградского ВРК⁶. На состоявшемся в тот же день совместном заседании президиума дивизионного комитета и военно-революционного отдела 106-й пехотной дивизии, входившей в состав этого корпуса, после обсуждения юзограммы, поступившей от Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии и корпусного ВРК «о высылке от дивизии отряда в 2000 штыков и возможно большего количества пулеметов в Петроград», было постановлено «отправить целиком 422-й пехотный Колпинский полк со всеми пулеметами». При этом было оговорено, что для несения же гарнизонной службы вместо ушедшего полка вызвать 1-й батальон 423-го пехотного Лужского полка»⁷. Уже 2 ноября на заседании корпусного ВРК была оглашена телеграмма, поступившая из 106-й пехотной дивизии, в которой сообщалось, что из нее было направлено в столицу 1500 солдат 422-го пехотного Колпинского полка с 34 пулеметами, а также две роты 424-го пехотного Чудского полка с 4 пулеметами⁸. И в дальнейшем 106-я пехотная дивизия, как наиболее большевизированная, продолжала выделять отряды для борьбы с политическими противниками новой власти. Так, на совместном заседании, состоявшемся 30 октября, президиум дивизионного комитета и военно-революционный отдел этой дивизии постановили в связи с организацией на станциях Скуро и Тюрвя финских вооруженных формирований просить полковой комитет 421-го пехотного Царскосельского полка отдать распоряжение, чтобы роты, стоящие вблизи частей 34-й Смоленской пешей дружины, были в контакте с дружиной и оказали помощь в случае нападения на охрану

железной дороге»⁹. Впоследствии отряды, выделенные из этой дивизии, также принимали активное участие в разгорающейся гражданской войне. Так, в донесении от 14 декабря помощника комиссара этого корпуса в ВРК при Ставке сообщалось, что «сегодня... отправлены три эшелона (423-го пехотного) Лужского и (422-го пехотного) Колпинского полков в количестве 765 штыков при 16 пулеметах на Петроград-Курск товарищу Антонову против Каледина»¹⁰.

Кроме вышеперечисленных частей, корпусной ВРК организовал и направил в Петроград на помощь большевикам еще несколько отрядов. Так, 1 ноября комиссар Свеаборгской крепости сообщал в штаб фронта, что 28 октября 14 офицеров и 526 солдат 511-го пехотного Сычевского полка, а 29 октября все роты и команды 509-го пехотного Гжатского полка отправились по железной дороге в Петроград¹¹.

Все попытки командования фронта воспрепятствовать посылке отрядов из корпуса на помощь Петроградскому ВРК потерпели неудачу. Уже 29 октября заявил о своей беспомощности генерал-квартирмейстер фронта генерал-майор В.Л. Барановский. Так, в телеграмме на имя А.Ф. Керенского он констатировал, что «лишен возможности принять меры против движения мятежных войск из Финляндии, так как связи с Финляндией нет. В Финляндии повсеместно действуют большевистские революционные комитеты»¹².

В то же время попытка командования направить из корпуса 5-ю Кавказскую казачью дивизию на помощь А.Ф. Керенскому была сорвана корпусным ВРК. Об этом вскоре был вынужден сообщить комиссар Временного правительства этого корпуса К.М. Соколов комиссару Временного правительства фронта В.С. Войтинскому: «Выполнить полученное штабом корпуса распоряжение об отправке казачьей дивизии не представляется возможным»¹³. Заявил о невозможности посылки в распоряжение А.Ф. Керенского войск из корпуса, ввиду противодействия корпусного ВРК, главнокомандующий армиями фронта генерал от инфантерии В.А. Черемисов. 31 октября он, в частности, несколько витиевато сообщил командующему 12-й армии этого фронта генерал-лейтенанту Я.Д. Юзефовичу, что в «Финляндии

настроение определено не в пользу вмешательства в политическую передрягу и даже в пользу поддержки Петроградского Революционного Совета, в этих частях установились свои революционные комитеты и контроль над аппаратами»¹⁴. Параллельно с борьбой за власть корпусной ВРК принимал меры к установлению полного своего контроля над корпусом. Так, 4 ноября, он приказал назначенным, как уже отмечалось 1 ноября, во все части и соединения корпуса комиссарам, контролировать «распоряжения и деятельность командного состава в строевом, общественном, политическом, хозяйственном, боевом и стратегическом отношениях. Комиссары должны находиться по возможности при штабах. Все приказы и приказания должны скрепляться комиссарами, без подписи которых они считаются недействительными»¹⁵.

Спротивления этим мероприятиям ревкома не последовало. Об этом свидетельствует донесение исполняющего обязанности начальника штаба корпуса полковника В.Н. Чернышева, отправленное на следующий день 5 ноября генерал-квартирмейстеру фронта генерал-майору В.Л. Барановскому, в котором особо указывалось «на полное подчинение частей Военно-революционному комитету»¹⁶. Вскоре, 9 ноября, корпусной ВРК объявил, что он, «являясь в пределах корпуса органом народной революционной власти, будет самым решительным образом поддерживать высший орган народной власти Советов и неуклонно проводить в жизнь все постановления Совета Народных Комиссаров»¹⁷.

Так, к середине ноября в войсках, расположенных на территории Финляндии, власть полностью перешла под контроль большевиков. Поэтому, пленарное заседание исполнительного комитета армейского корпуса, состоявшееся 4 декабря, приняло решение в связи с выполнением чрезвычайных оперативных функций «ревком 42 упразднить, передав все функции исполнительному комитету, который выделяет несколько товарищей для контроля за деятельностью штаба корпуса»¹⁸. Таким образом, по мере установления контроля большевиков в войсках корпуса постепенно отпадала необходимость в сохранении специальных командно-административных органов, какими

являлись в армии ВРК. Они расформировывались, и их функции переходили либо к исполкомам, либо к военным отделам соответствующих войсковых организаций.

Важное значение для большевиков в обороне Петрограда от войск Керенского-Краснова имел Псков, где размещался штаб Северного фронта. Политическая обстановка в городе складывалась таким образом: 26 октября состоялось совместное заседание Псковского совета с солдатскими комитетами местного гарнизона. Большая часть собравшихся принадлежала к партиям меньшевиков и эсеров. По их инициативе был создан ВРК Северо-Западной области, в состав которого вошел комиссар Северного фронта меньшевик В.С. Войтинский и представители небольшевизированных солдатских комитетов этого фронта. Однако этот ВРК быстро распался, не просуществовав и дня¹⁹. Вместо него эсерами и меньшевиками был создан Комитет спасения Родины и Революции²⁰. Политическая обстановка в Пскове становилась для большевиков все более напряженной. Учитывая важное стратегическое положение Пскова, ЦК партии большевиков дал указание Петроградскому ВРК направить туда своих представителей. Прибывшие в Псков посланцы Петроградского ВРК, во главе с матросом-большевиком В.Л. Панюшкиным, опираясь на местную организацию большевиков и распропагандированных ими солдат гарнизона, добились перелома в политической обстановке. Уже вечером 26 октября Псковским комитетом РСДРП(б) и фракцией большевиков Псковского совета в городе был создан ВРК под председательством В.Л. Панюшкина. В воззвании ревкома говорилось, что своей первоочередной задачей он считает «...остановить движение воинских частей на Петроград»²¹. ВРК незамедлительно установил контроль над штабом фронта, телеграфом и провел переборы местного совета, в котором стали преобладать большевики.

На следующий день, 27 октября, в Пскове из представителей Псковского ВРК, 42-го отдельного армейского корпуса, 12-й, 5-й армий, фракций большевиков исполнительного Комитета объединенных организаций советов солдатских и рабочих депутатов тыла Северного фронта (Искоборсева), Крошштадта и Гельсинг-

форса был образован большевицкий Северо-Западный ВРК, власть которого распространялась на весь Северный фронт²².

Однако к вечеру того же дня, 27 октября, положение изменилось. В Псков вошли вызванные фронтовым комиссаром В.С. Войтинским и штабом фронта четыре сотни казаков и батальон ударников. Эти части стали опорой Псковского Комитета спасения. Они взяли под свой контроль вокзал, артиллерийский склад, телеграф, арестовали пять членов Северо-Западного ВРК. Однако полностью взять власть в городе Комитету спасения так и не удалось. В Пскове продолжал работу Псковский ВРК, сообщивший в Петроградский ВРК, что фактически власть остается в его руках. Комитет спасения предпринял попытку вступить в переговоры с Псковским ВРК, но она успеха не имела. В течение 29 и 30 октября в Пскове шла перестрелка между казаками и ударниками с одной стороны, и солдатами гарнизона, перешедших на сторону большевиков, с другой. В ходе вооруженной борьбы солдатам гарнизона 31 октября удалось выбить казаков и ударников из здания вокзала и установить контроль над движением воинских эшелонов. В тот же день председатель Псковского ВРК В.Л. Панюшкин сообщил об этом в Петроградский ВРК: «...Сегодня занимали посты и телеграф, охрана в наших руках, казаки обезврежены...»²³. 1 ноября в город вступили латышские стрелковые полки, вызванные Псковским ВРК из 12-й армии, прибытие которых предопределило окончательный исход вооруженной борьбы в Пскове. Опираясь на них, ревком вывел из города казачьи части и распустил Комитет спасения²⁴.

Чтобы объединить свои силы на Северном фронте и его тыловом районе, большевики 1 ноября воссоздали в Пскове Северо-Западный ВРК, который, как уже отмечалось, из-за ареста 27 октября политическими противниками большевиков его членов прекратил свою деятельность. Вновь образованный Северо-Западный ВРК потребовал немедленного роспуска по всей Северо-Западной области и на Северном фронте комитетов спасения, оказания самой энергичной поддержки Петроградскому ВРК, прекращения всякой отправки и срочного отозвания войск, посланных с фронта в поддержку А.Ф. Ке-

ренскому и удаления с постов всех лиц, не признающих новой власти²⁵. Северо-Западный ВРК направил своих комиссаров в штаб фронта и взял его деятельность под контроль. Главнокомандующий армиями этого фронта генерал от инфантерии В.А. Черемисов вынужден был беспрекословно подчиниться власти Северо-Западного ВРК. Чтобы приостановить движение частей на Петроград, Северо-Западный ВРК приказал разорвать железнодорожную линию на участке севернее Пскова. Вот что об этом доносил В.А. Черемисов 5 ноября в телеграмме в Ставку временно исполняющему обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину: «...я вам донес, что... части 3-й Финляндской и 35-й дивизии продвинуты в Лугу, что однако выполнить не удалось, так как образовавшимся в Пскове Областным военно-революционным комитетом были разобраны пути у ст. Торошино и в 10 верстах от Пскова, севернее города, причем разобраны пути охранялись вооруженными частями, высланными Северо-Западным военно-революционным комитетом. Целый день переговоров 4 ноября и убеждений пропустить эшелоны в Лугу не привели ни к каким результатам»²⁶. Аналогичное сообщение поступило и от генерал-квартирмейстера штаба фронта генерал-майора В.Л. Барановского 5 ноября в адрес Комитета спасения в Петроград: «Наши армии определено высказались за непосылку войск ни той, ни другой стороне, причем образовавшиеся в Двинске, Валке, других пунктах и особенно в Пскове военно-революционные комитеты старательно соблюдают эту позицию, не пропуская никаких эшелонов севернее Пскова»²⁷.

Таким образом, власть в тыловом районе Северного фронта была взята большевиками быстро и относительно бескровно.

Ближе всех других армий фронта к Петрограду была расположена 12-я армия. Политическая обстановка в канун Октября здесь была весьма сложная. Ведь в 12-й армии фактически существовало два центра: находившийся под руководством эсеров и меньшевиков Исполком совета солдатских депутатов 12-й армии (Искосол) и руководимый большевиками «левый блок» частей, куда входила военная организация большевиков этой армии, исполком совета де-

путатов латышских стрелковых полков (Исколастрел) и ВРК района 12-й армии, созданный неофициально накануне большевиками.

Здесь уже 26 октября начал легально действовать ВРК района 12-й армии. Объявив себя органом власти, этот ревком обратился с манифестом к солдатам, в котором призывал их не допустить посылки войск из армии на помощь Временному правительству²⁸. Орган большевиков газета «Окопный набат» 28 октября известила солдат, армии о том, что «почти во все войсковые части посланы комиссары»²⁹. Учитывая исключительно важное стратегическое значение 12-й армии, Петроградский ВРК направил на помощь армейским большевикам своего эмиссара К.А. Гайлиса. Прибыв на место, он был тут же введен в состав ВРК района 12-й армии³⁰. Большевики этой армии неустанно призывали солдат не исполнять приказ командования о передвижении войск³¹. Печатный орган большевиков 12-й армии газета «Окопная правда» на своих страницах также настраивала солдат против командования³².

В свою очередь командование намеревалось создать в тыловом районе армии – в городах Вендене (Цесис), Вольмаре, а также в Валке (где дислоцировался штаб армии) и других важнейших пунктах ударные группировки из верных Временному правительству частей армии. Так, в районе Валка были сосредоточены казачьи части, три кавалерийские дивизии, 5-й броневой дивизион, ударные батальоны и другие части. Благодаря этому там, 27 октября, был создан Комитет спасения, который ультимативно предложил Псковскому ВРК, являвшемуся фронтовым центром большевиков: «первое – снять караулы, поставленные в учреждениях; второе – немедленно распустить себя как самозванно-заговорщицкую организацию»³³. Командующий 12-й армией генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович вызвал дополнительно в Валк верные Временному правительству части. Большевики принимали ответные меры. Согласно изданному приказу ВРК района 12-й армии распропагандированные большевиками 1-й Усть-Двинский и 3-й Курземский латышские стрелковые полки 27 октября заняли Венден, а 6-й Тукумский и 7-й Бауский латышские стрелковые полки 29 октяб-

ря – Вельмар. В результате этих действий вся железная дорога от Вендена до Вольмара оказалась в руках ВРК. На станциях был установлен контроль большевиков над передвижением воинских эшелонов. Снять и двинуть какую-либо часть на помощь Керенскому-Краснову, ни штаб 12-й армии, ни эсеровский Искосол после этого уже не могли.

Таким образом, к концу октября ВРК района 12-й армии практически распространил власть на всю территорию этой армии. Его признавало большинство частей, под его контролем находились основные коммуникации и стратегически важные пункты тыла 12-й армии, за исключением Валка. Находившийся здесь штаб армии и Искосол оказались на положении осажденных и не представляли для большевиков серьезной опасности. Сложившаяся обстановка позволила ВРК района 12-й армии даже отправить в начале ноября на помощь Петроградскому ВРК 6-й Тукумский латышский стрелковый полк и сводный батальон, сформированный из солдат-латышей.

Одновременно с борьбой за власть большевики 12-й армии пытались создавать свои ревкомы. Особенно успешной их деятельность была в латышских стрелковых полках, распропагандированных ими еще в дооктябрьский период. Здесь в обеих латышских стрелковых бригадах – 1-й и 2-й, созданные большевиками ревкомы брали власть в свои руки. 31 октября начальник штаба 12-й армии генерал-майор А.А. Посохов сообщил в штаб фронта: «В латышских частях самочинно образовались военно-революционные комитеты, захватившие управление полками и арестовавшие многих офицеров. Обе бригады подчиняются только приказам Военно-революционного комитета»³⁴.

Находившийся под охраной ударного батальона в Валке, Искосол вступил в переговоры с ВРК района 12-й армии, в ходе которых предложил созвать Большой совет 12-й армии. С 28 по 31 октября в Вендене, где находился ВРК района 12-й армии, заседал большой совет, заменивший в этой армии армейский съезд. В президиум было избрано 7 человек, в том числе 3 большевика. Председателем сначала был избран председатель ВРК района 12-й армии большевик С.М. Нахимсон. Од-

нако затем правым эсерам удалось провести свою кандидатуру М.А. Лихача. Совет раскололся на левый блок и правый блок. Незначительным большинством голосов (248 против 243) была принята резолюция о поддержке СНК. Правые эсеры и меньшевики-оборонцы, составлявшие правый блок, опротестовали результаты голосования, большевики и левые эсеры – левый блок покинули зал заседания. Все же после достижения договоренности между блоками было решено образовать объединенный Искосол. Левый блок предложил не выбирать ни одного из прежних членов Искосола. Договорились сформировать временный комитет на паритетных началах, в который вошли по 22 человека от левого и правого блоков. Были избраны два председателя: от правого блока – правый эсер М.А. Лихач и от левого блока – большевик С.П. Медведев. Таким образом, главный вопрос о власти решен не был. Избранный временный исполнительный комитет занял позицию нейтралитета. Сложившаяся ситуация объяснялась прежде всего тем, что в Валке, где были сосредоточены штаб 12-й армии и Искосол, находились не признающие новой власти воинские части, что затрудняло большевикам задачу ликвидации последних очагов сопротивления командования, Искосола и Комитета спасения в районе 12-й армии. Этому способствовало и то, что в результате выборов меньшевики и эсеры имели большинство, хотя и незначительное³⁵. Естественно, что такое положение не устраивало большевиков.

Для нанесения удара по созданной правым блоком группировке в Валке и занятия города по приказу ВРК района 12-й армии была сформирована боевая группа из распропагандированных большевиками 6-го Тукумского латышского стрелкового полка, 2-го батальона 436-го пехотного Новоладожского полка и батареи тяжелой артиллерии. Военным руководителем отряда был назначен сочувствующий большевикам командир 5-го Земгальского латышского стрелкового полка полковник И.И. Вацетис. По разработанному им плану предусматривалось заключить мирное соглашение с дислоцированными в тылу армии воинскими частями и нейтрализовать 17-ю кавалерийскую дивизию, охранявшую под-

ступы к Валку, а затем вооруженной силой подавить ударный батальон. 4 ноября эта боевая группа выступила из Вендена в сторону Валка. Узнав об этом, правый блок Искосола направил из Валка 5 ноября войсковым комитетам ряда частей и соединений 12-й армии телеграмму, в которой требовал принять меры против продвижения боевой группы. По отношению к ВРК района 12-й армии в телеграмме содержалась угроза, что если «дальнейшее передвижение полков со стороны Военно-революционного комитета будет продолжаться», то «в город Валк будет введено 3 пехотных полка и дивизион артиллерии»³⁶. Однако, войсковые комитеты на это требование не прореагировали, а угроза ввести в Валк дополнительные воинские части так и осталась на бумаге, так как на ее исполнение времени уже не было. Боевая группа беспрепятственно продвигалась к Валку, без кровопролития занимая станцию за станцией. Ударный батальон под угрозой окружения был вынужден оставить город, и 7 ноября боевая группа без боя вошла в Валк. В первую очередь были заняты железнодорожная станция, телеграф, почта, дом Искосола, штаб 12-й армии и другие учреждения. ВРК района 12-й армии даже выразил 6-му Тукумскому латышскому стрелковому полку и 2-му батальону 436-го пехотного Новоладожского полка благодарность за «взятие» Валка, а также «всем лицам, содействовавшим этой операции»³⁷. Здесь следует заметить, что кровопролития удалось избежать только благодаря нейтралитету солдат Валкского гарнизона, которые не желали развязывания гражданской войны в самой 12-й армии. Несмотря на мирный исход «операции», ВРК района 12-й армии произвел аресты среди командного состава и членов правого блока Искосола. Фактически с этого момента руководство перешло к левому блоку Искосола, который, вскоре переименованный в Совет солдатских депутатов 12-й армии, объявил себя единственной властью в районе расположения армии. СНК назначил С.М. Нахимсона, комиссаром 12-й армии. Таким образом, к середине ноября контроль большевиков был установлен над большинством частей и соединений 12-й армии.

Более сложным было положение большевиков в соседней 1-й армии,

дислоцировавшейся в центре Северного фронта. Здесь у них не было централизованной военной организации; партийную работу вели небольшие группы и отдельные члены партии. Одной из основных причин такого положения было то, что армия была вновь сформирована лишь в начале октября, и к кануну Октября организация большевиков там еще не сложилась. Поэтому командование фронтом возлагало на 1-ю армию особые надежды. Однако, в течение же первого месяца пребывания на Северном фронте многие части и соединения этой армии достаточно быстро были распропагандированы большевиками, а командование здесь так и не нашло надежных частей для оказания помощи Временному правительству. 26 октября на экстренном заседании армискома в Альтшванненбурге, где размещался штаб армии, было принято решение о признании новой власти. В принятой резолюции говорилось, что армиском объявляет себя ревкомом, берет в свои руки контроль над деятельностью командования, устраняет комиссариат Временного правительства и предлагает корпусным и дивизионным комитетам назначить из своего состава комиссаров и командиров корпусов и дивизий. Из членов армискома была образована особая комиссия, которая стала именовать себя ВРК. В тот же день, 26 октября, комиссар Временного правительства на Северном фронте В.С. Войтинский сообщил в Ставку, что «в 1-й армии плохо, там армиском провозгласил себя Военно-революционным комитетом», и в связи с этим сетовал на то, что «распространить в 1-й армии приказ Керенского... пока не удается»³⁸.

Однако уже на другой день, 27 октября, армиском и выделенный из его состава ВРК изменили свою тактику и встали на позицию нейтралитета, так как состав этих организаций был в основном эсеровский. Так, узнав о приказе А.Ф. Керенского послать ему на помощь из 1-й армии 23-й Донской казачий полк, армиском постановил «не давать войск ни одной из борющихся сторон, впредь до разрешения этого вопроса II-м армейским съездом», а А.Ф. Керенскому было заявлено, что 1-я армия «вряд ли может выделить значительный отряд» для его войска³⁹. Через день, 29 октября, под давлением эсе-

ровского большинства армиском 1-й армии принял постановление, в котором говорилось: «1. Считать армиском органом, руководящим всей политической жизнью в армии; 2. Власть Военно-революционного комитета (Петроградского – С.Б.) не признавать; 3. Все приказы, изданные Военно-революционным комитетом, отменить; 4. Комиссаров ВРК в армию не допускать»⁴⁰.

Созванный по настоянию большевиков 2-й чрезвычайный армейский съезд 1-й армии состоялся в Альтшванненбурге 30 октября – 6 ноября. Однако фактическое преобладание эсеров и меньшевиков среди делегатов съезда не позволило большевикам захватить бразды правления. Так, уже в резолюции по вопросу о власти, предложенной левыми эсерами, отмечалось, что съезд требует в дальнейшем создание «однородно-социалистического» правительства⁴¹. Это же проявилось и в отношении делегатов съезда к советским комиссарам, назначенным в 1-ю армию Петроградским ВРК. Так делегат съезда председатель крестьянской секции левый эсер С. Коржев сообщил, что «5 ноября нам были присланы комиссары от Военно-революционного комитета, которых съезд не принял, а избрали своих, которых отравили в Петроград для утверждения»⁴². Об этом же доносил 11 ноября в Ставку исполняющий обязанности комиссара Временного правительства 1-й армии поручик Себов: «Съезд не признал посланных революционным комитетом (Петроградским ВРК – С.Б.) комиссаров, заслушав их программу действий и видимо имея представление об их работе. Вместо них съезд пожелал иметь выборного комиссара с условием быть утвержденным Центральным комитетом... избранный комиссар отправился в Петроград для утверждения, таким образом, предоставив продолжать дела»⁴³. Следует также отметить, что под давлением эсеров и меньшевиков съезд так и не создал армейский ВРК.

Окончательно положение в армии изменилось в пользу большевиков, на состоявшемся в середине ноября 3-й армейском съезде. Новый состав армискома, где преобладали уже большевики, возглавил солдат-большевик А.Н. Войтов. Съезд также признал назначенных Петроградским ВРК советского комиссара 1-й

армии большевика Д.Н. Аврова и его помощника большевика В. Кашицина⁴⁴. Следует заметить, что в отличие от 5-й и 12-й армий Северного фронта, в 1-й армии армейский ВРК так и не был образован. Поэтому функции ВРК – контроль за деятельностью командного состава, средствами передвижения и другие – исполнялись армискомом. Кроме того, армиском выделил «из своего состава боевую комиссию, которой поручил организацию сил в армии для борьбы с контрреволюцией»⁴⁵.

17 ноября армиском утвердил положение об организации комиссариата 1-й армии и начал назначать советских комиссаров в части и соединения армии. 22 ноября армиском принял решение о расформировании ударных батальонов. И уже 5 декабря товарищ председателя армискома В. Осовский доложил комиссару Военно-политического отдела Ставки об установлении полного контроля большевиков над 1-й армией⁴⁶.

Установление контроля большевиков в армиях Северного фронта происходило не одновременно. Наиболее быстрыми темпами он был установлен в 5-й армии, занимавшей левый фланг фронта, поскольку еще накануне Октября значительная часть солдатских комитетов, в том числе и армиском, были переизбраны и встали на позиции большевиков Штаб армии и армиском находились в Двинске (Даугавпилсе). В ночь на 25 октября делегация большевиков II-го Всероссийского съезда советов от 5-й армии, возглавляемая председателем армискома Э.М. Склянским дала телеграмму в армиском и Двинский совет, в которой сообщала о событиях в Петрограде и требовала от фракций большевиков армискома и совета решительных действий. С получением телеграммы было принято решение оказать помощь Петроградскому ВРК⁴⁷. Затем фракция большевиков армискома вызвала по прямому проводу Петроградский ВРК, сообщила о своем решении и предложила ему свою помощь продовольственным и вооруженной силой. ВРК ответил, что в данный момент помощь не требуется, но просил «быть наготове, чтобы поддержать в случае надобности»⁴⁸.

Утром 25 октября на заседании армискома по предложению фракции большевиков было вынесено решение о посылке в случае необходимос-

ти вооруженного отряда, который намечалось формировать из числа сочувствующих большевикам солдат 5-й армии. Численность его намечалось довести до дивизии. Затем телеграммой это решение было направлено Петроградскому совету и всем фронтовым и армейским комитетам⁴⁹.

Состоявшееся 26 октября объединенное заседание исполкома Двинского совета и армискома приняло решение об организации двух ревкомов. Один предназначался для Двинска и уезда, а другой – для армии. Уже вечером, только что организованный армейский ВРК, отправил телеграмму, адресованную всем солдатским комитетам 5-й армии. В ней сообщалось, что «армиском образовал Военно-революционный комитет в 5-й армии, который рассылает в корпуса своих комиссаров, а Совет р., с. и к.д. гор. Двинска образовал Военно-революционный комитет для Двинска и Двинского уезда...»⁵⁰.

Создание двух ВРК по существу на территории одной армии распыляло силы большевиков. К тому же наиболее опытная, руководящая их часть, как уже отмечалось, в это время находилась в столице, на II-м Всероссийском съезде советов. Обстановка для большевиков осложнялась еще и тем, что в эти ревкомы наряду с ними вошли и представители партий эсеров и меньшевиков. Они всячески саботировали предложения большевиков, направленные на помощь Петроградскому ВРК (посылка продовольствия, оружия, вооруженного отряда) и старались провести резолюции, направленные на сохранение нейтралитета армии по отношению к событиям в Петрограде.

Однако, как уже отмечалось, значительная часть солдатских комитетов были переизбраны и встали на позиции большевиков еще накануне Октября. Большевики, стоявшие во главе их уже в первые послеоктябрьские дни собрали заседания комитетов, на которых проводились решения об оказании вооруженной помощи Петроградскому ВРК.

Большую инициативу в создании вооруженного отряда проявили большевики 278-го пехотного Кромского полка. 29 октября отряд был сформирован. Его составили 12 батальонов с пулеметами, кавалерией и артиллерией⁵¹.

В тот же день, 29 октября, состоялось заседание армискома, посвя-

щенное обсуждению вопроса о посылке вооруженного отряда в распоряжение Петроградского ВРК. Дело в том, что накануне, 28 октября, армиском 5-й армии получил радиogramму Петроградского ВРК за подписью Н.В. Крыленко с просьбой выслать «верные революционные полки» против войск Керенского в Гатчине. После оглашения радиogramмы большевицкой фракцией было предложено послать отряд в распоряжение Петроградского ВРК. Однако другие фракции настояли на том, чтобы отряд был «нейтральным»⁵². На другой день, 30 октября, вновь состоялось заседание армискома, так как был получен приказ Петроградского ВРК по действующей армии. Приказ гласил: «На 5-ю и 12-ю армии, как ближайшие, ложится долг в первую очередь придти на помощь к Петрограду...». На этот раз эсеро-меньшевицким большинством была принята резолюция – отряда не посылать со ссылкой на саботаж железнодорожников⁵³.

На состоявшемся в тот же день заседании фракции большевиков армискома было решено поручить перешедшему под их руководство армейскому ВРК использовать вооруженный отряд для подавления антисоветских выступлений в самой 5-й армии и прилегающих к ней районах⁵⁴.

Еще 26 октября Петроградский ВРК издал предписание: «...никакие передвижения войск в направлении Петрограда недопустимы. Все эшелоны войск,двигающиеся в этом направлении, должны быть немедленно приостановлены и задержаны в пути...»⁵⁵. В соответствии с этим образованный большевиками вооруженный отряд установил контроль над телеграфом и железнодорожным движением в районе Двинска. На крупные узловые станции – Витебск, Смоленск, Вязьма, Ржев, Лихославль, Бологое, Дно, Новоскольниковы, Великие Луки и Режица (Резекне) – были назначены ВРК 5-й армии советские комиссары, перед которыми стояла задача не пропускать войска,двигающиеся к Петрограду⁵⁶.

Большевики армискома и ВРК 5-й армии не допустили также выполнения распоряжения командования об отправке частей на помощь Керенскому. 30 октября командующий 5-й армией генерал-лейтенант В.Г. Болдырев выделил для этой цели

шесть броневиков из 1-го броневого дивизиона. Железнодорожная станция в Двинске находилась в руках армейского ВРК, и броневики поэтому были отправлены по шоссе на станцию Режица, находящуюся в 90 км от Двинска. Там их предполагалось погрузить на железнодорожные платформы и отправить в сторону Петрограда. Но в Режице броневики были задержаны посланными армейским ВРК частями вооруженного отряда и 31 октября отправлены обратно. Станция же была взята под охрану Режицкого ВРК⁵⁷. Затем, как следует из донесения главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии В.А. Черемисова, отправленного 2 ноября в Ставку, по распоряжению армейского ВРК на станцию Новоскольниковы, были отправлены части вооруженного отряда численностью около батальона, состоящего из солдат 278-го пехотного Кромского полка с целью преградить путь войскам, следующим в Гатчину. Станция была взята под их контроль. Также армейским ВРК была сорвана попытка командования 5-й армии отправить казачьи части для взятия под контроль Псковского железнодорожного узла⁵⁸.

В целом ВРК 5-й армии удалось пресечь все попытки командования оказать вооруженную поддержку Керенскому-Краснову. Как впоследствии об этом сообщал в ЦК РСДРП(б) заместитель председателя армискома А.И. Седякин, армейскому ВРК «удалось поставить заставы на путях к Петрограду – Режица, Новоскольниковы и установить связь до Смоленска. Этим путем мы задержали три казачьих полка и 16 броневиков и бронированный поезд с определенно враждебным «настроением»⁵⁹.

Однако, общее политическое положение большевиков 5-й армии после ликвидации выступления Керенского – Краснова было довольно сложным. Вот как охарактеризовал его в своих воспоминаниях член армейского ВРК, большевик Г.Я. Мерэн. Во-первых, постоянная угроза со стороны немцев, во-вторых, соседство находящейся в Могилеве духовинской Ставки, кроме того, нечеткие позиции, армейских организаций 1-й и 12-й армий Северного фронта и 3-й армии Западного фронта, а также положение внутри самой 5-й армии – наличие не признающего новой

власти штаба армии, саботаж железнодорожных, интендантских и телеграфных чиновников⁶⁰.

К концу октября в Двинск возвратились большевики-делегаты II-го Всероссийского съезда советов. 30 октября по решению военной организации РСДРП(б) 5-й армии армейский ВРК был реорганизован и перешел под ее руководство⁶¹. Это сразу же придало деятельности ВРК решительный характер. В тот же день двинский телеграф и армейская радиостанция перешли в его руки. Затем по постановлению фракции большевиков армискома части вооруженного отряда, в основном составляющие его костяк сочувствующие большевикам солдаты 278-го пехотного Кромского полка, окружили здание, где располагался армиском и предъявили ему ультиматум о сдаче дел. Под угрозой открытия огня армиском сложил с себя полномочия. Штаб армии большевики захватывать не рискнули, но он фактически оказался в изоляции. Заметим, что командарм и его штаб были арестованы позднее, 12 ноября, по приказу прибывшего в Двинск нового советского верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко. Советским комиссаром 5-й армии был назначен член фракции большевиков армискома Н.Д. Собакин. Уже к началу ноября все наиболее важные армейские учреждения 5-й армии, были в распоряжении армейского ВРК. Командующий 5-й армией генерал-лейтенант В.Г. Болдырев в разговоре по прямому проводу 1 ноября с главнокомандующим армиями Северного фронта генералом от инфантерии В.А. Черемисовым так и заявил: «Двинск фактически в руках армискома»⁶².

Через два дня армейский ВРК издал временный устав комиссаров 5-й армии. Первым пунктом в нем значилось – контролировать все действия командного состава⁶³. И уже в недельной сводке сведений штаба армии за 3–10 ноября, переданной в штаб фронта, сообщалось, что «во всех частях армии избраны комиссары, действия которых контролируются армейским ВРК, выделенным из состава армискома»⁶⁴.

В первых числах ноября большевицкий контроль был установлен не только в Двинске и на прифронтовой территории 5-й армии, но и в ее глубоком тылу. Из штаба Двинского военного округа впоследствии (11 ноя-

бря) доносили об этом в Ставку: «Все крупные гарнизоны и громадное большинство мелких встали на сторону большевиков, образовали военно-революционные комитеты и под их руководством предприняли целый ряд действий по оказанию активной поддержки Петроградскому военно-революционному комитету»⁶⁵.

17 ноября армейский ВРК издал приказ, в котором провозглашалось: «Вся верховная власть в 5-й армии принадлежит Военно-революционному комитету при Армискоме 5. Военно-революционный комитет 5-й армии действует в полном согласии с Советом Народных Комиссаров»⁶⁶. Положенный этим приказом армейского ВРК процесс перехода под контроль большевиков в частях и соединениях 5-й армии в основном завершился во второй половине декабря. Это подтверждает телеграмма председателя армейского ВРК. И.М. Кригера, отправленная 24 декабря в Ставку, где сообщалось о переходе власти в войсках армии к военно-революционным комитетам⁶⁷.

Таким образом, к середине ноября в основном завершился переход под контроль большевиков 12-й, 1-й и 5-й армий, а также тылового района Северного фронта. В такой благоприятной для местных армейских большевиков обстановке они предприняли окончательное наступление на своих политических противников. 28 ноября в Пскове начал работу 1-й съезд солдатских делегатов Северного фронта. Более половины делегатов съезда были большевиками. Съезд поддержал политику СНК и избрал фронтовой комитет. В его состав вошло 46 человек, из которых 26 были большевиками. Фронтовой комитет должен был контролировать деятельность высшего командного состава и руководящих учреждений фронта. На него возлагалась также задача организовать управление Северным фронтом на коллегиальных началах. Во исполнение этого указания 2 декабря было организовано Управление Северного фронта (Упрасев), в состав которого вошли большевики Б.П. Позерн, А.Д. Щербаков и левый эсер М.В. Крутов⁶⁸.

В середине декабря исполнительный комитет Северного фронта (Искомсев) объединился с исполнительным комитетом советов Северо-Западной области (Искоборсев) и

образовал Верховный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северо-Западной области и Северного фронта (Верхосев), который являлся высшим органом новой власти на Северном фронте и прифронтовом районе. Впоследствии приказом управления Северным фронтом от 23 января 1918 г. был образован Чрезвычайный военно-революционный штаб для борьбы с контрреволюцией. Он взял на себя функции ВРК Северного фронта, который был расформирован⁶⁹.

В целом, такой сравнительно быстрый и, как показали события, бескровный переход власти от старой к новой на Северном фронте может быть объяснен позицией основной солдатской массы, не желавшей втягиваться в гражданскую войну в самой армии. В их сознании, особенно после заключения перемирия, война России с Германским блоком была уже фактически окончена, и они ждали демобилизации. Вместе с тем, солдаты, а большинство их, как известно, были малограмотными, потрясенные нахлынувшим на них потоком событий, не могли разобраться в происходившем и в ожидании мира, земли и демобилизации проявляли растерянность по отношению к сложным политическим вопросам. Следует добавить, что сравнительно быстрому и бескровному переходу власти к большевикам на этом фронте способствовало также и то, что прифронтовые гарнизоны перешли под контроль ревкомов еще раньше, чем фронтовые части и соединения. Однако следует заметить, что, как и в армиях Северного фронта, ревкомы здесь лишь установили свой контроль над штабами, связью, важными объектами и командованием. Солдатская же масса была фактически бесконтрольна. В прифронтовых гарнизонах Двинского военного округа, прилегающего к этому фронту, царил хаос и анархия, происходили разгромы винных заводов, грабежи железнодорожных составов. В городах солдаты производили самочинные обыски, громили магазины и лавки. Значительная часть солдат гарнизонов включалась в разросшееся аграрное движение крестьянства, громившего и сжигавшего имения и усадьбы. Тлетворное влияние распадавшихся гарнизонов негативно отражалось на фронтовых частях.

Примечания:

- ¹Миц И.И. Год 1918-й. – М., 1982. С. 64.
²Правда. 1917. 24 октября.
³Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. – М., С. 137; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917г. – март 1918 г. – М., 1982. С. 569.
⁴Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). – М., 1983. С.134.
⁵Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. – М., 1957. С. 572-573.
⁶Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 387.
⁷Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 140.
⁸Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 709.
⁹Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 617.
¹⁰Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 375. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.
¹¹Гаврилов Л.М. Указ. соч. С. 134.
¹²Борьба за установление и упрочнение Советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 г. – 10 января 1918 г. – М., 1962. С. 72.
¹³Цит. по кн.: Гаврилов Л.М. Указ. соч. С. 134.
¹⁴Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 617.
¹⁵Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 150.
¹⁶Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1542. Л. 85.
¹⁷Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 156.
¹⁸Там же. С. 210.
¹⁹Капустин М.И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. – М., 1957. С. 251-252.
²⁰Рижский фронт. 1917. 31 октября; РГВИА. Ф. 2152. Оп. 7. Д. 272. Л. 453.
²¹Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 754.
²²Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 618.
²³Петроградский военно-революционный комитет. В 3-х тт. Т. 1. – М., 1966. С. 468.
²⁴Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 150-151.
²⁵Известия Северо-Западного военно-революционного комитета. – Псков. 1917. 3 ноября.
²⁶РГВИА. Ф. 2003. Оп. 10. Д. 186. Лл. 81-84.
²⁷Октябрь на фронте // Красный архив, 1927. № 5. С. 105-106.
²⁸Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 136-137.
²⁹Окопный набат. 1917. 28 октября.
³⁰Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 618.
³¹Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. – М., 1968. С. 550-552.
³²Окопная правда. 1917. 2 ноября.
³³РГВИА. Ф. 2152. Оп. 7. Д. 272. Л. 450.
³⁴Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 144.
³⁵Окопная правда. 1917 12, 13 ноября; Рижский фронт. 1917. 7 ноября.
³⁶Октябрьская революция в Латвии. – Рига, 1957. С. 266-267.
³⁷Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 (март 1917 – февраль 1918 гг.). – Рига, 1963. С. 519-520.
³⁸Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 598.
³⁹Красный архив. 1927. Т. 4. (23). С. 152.
⁴⁰Рижский фронт. 1917. 31 октября.
⁴¹Правда. 1917. 5 ноября.
⁴²Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 380.
⁴³РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1542. Лл. 114-125.
⁴⁴Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 293; Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 1. С. 450, 507.
⁴⁵Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917г. – март 1918 г. С. 199, 200, 211, 621.
⁴⁶Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 134-135; Известия армейского комитета 1-й армии. 1917. 28 ноября; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 211.
⁴⁷Окопная правда. 1917. 9 ноября.
⁴⁸Рабочий путь. 1917. 26 октября.
⁴⁹Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 567.
⁵⁰РГВИА. Ф. 2433. Оп. 1. Д. 13. Лл. 11-12 об.
⁵¹Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 190.
⁵²Движское слово. 1917. 31 октября.
⁵³Движское слово. 1917. 1 ноября.
⁵⁴РГВИА. Ф. 2206. Оп. 7. Д. 14. Л. 271.
⁵⁵Рабочий путь. 1917. 26 октября.
⁵⁶Известия Северо-Западного Военно-революционного комитета. 1917. 4 ноября.
⁵⁷Красный архив. 1927. Т. 5. (24). С.30.
⁵⁸РГВИА. Ф. 2212. Оп. 10. Д. 6. Л. 628 а.
⁵⁹Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сборник документов. – М., 1977. С. 446-447.
⁶⁰Мерэл Г. Октябрь в 5-й армии Северного фронта // Знамя. 1933. № 1. С. 147.
⁶¹РГВИА. Ф. 3020. Оп. 1. Д. 167. Л. 83 об.
⁶²Красный архив. 1927. Т. 5. (24). С. 71.
⁶³Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии. 1917. 3 ноября.
⁶⁴РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1550. Л. 104. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии 1917–1918 гг. Сборник документов. – Псков. 1957. С. 132.
⁶⁶Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 166, 619.
⁶⁷Там же. С. 623.
⁶⁸Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 576.
⁶⁹Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 243, 623.

Третье издание первого выпуска библиотечки руссиеведения

«Коммунистический режим и народное сопротивление в России. 1917-1991»

Под редакцией Б.С. Пушкарева. 80 стр., мягкая обл., цена договорная.

Под таким названием в середине октября 1997 г. вышел в свет спецвыпуск журнала «Посев», посвященный осмыслению событий отечественной истории 1917-1991 гг. Его содержание – обвинительный акт преступлениям коммунистического режима, хроника народного сопротивления (перечислено 210 наиболее характерных его вех. Подобная сплошная хронология в литературе дается впервые), анализ последствий владычества большевиков и возможные варианты иного развития событий (их приведено 10).

Л.Ф. Зуров

ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРНОЙ АРМИИ

В представленном очерке Л.Ф. Зурова, одного из наиболее ярких «летописцев» Северо-Западного фронта, дается сжатое, но весьма содержательное описание истории возникновения Северной армии, первых ее сражений, отдельных воинских частей (старейших Псковского, Талабского и Островского полков). Показательны факты перехода на сторону белых целых отрядов красной армии (Булак-Булахович и Пермикин). Формирование армии в Пскове, под контролем немецких оккупационных властей, носило, первоначально, почти исключительно военно-полицейский характер. Северная армия готовилась к последующему переходу на Юг для объединения с Южной Армией, формировавшейся, в это же время, на территории Гетманской Украины. Но уход немцев из Прибалтики и Пскова в ноябре 1918 г., поставил Северную Армию перед необходимостью оперативного противодействия начавшемуся наступлению красных войск. Не закончившие формирования отряды Северной Армии вступили в бой с многократно превосходившим их по численности и вооружению противником. Неравенство сил определило и характер боевых действий – лихие партизанские набеги, смелые и дерзкие рейды по красным тылам. В очерке описывается и т.н. «Ледяной поход», отступавших от Пскова частей белой армии, под командованием полковника А.Ф. Дзержинского к границе с Эстонией, интересны сведения об отношениях с местным населением, о реальных масштабах помощи со стороны немецких военных, о боевых действиях на Чудском озере (Талабские острова) и в Запсковье.

(Публикация В. Цветкова).

Первая мысль о формировании Северной Армии зародилась в мае месяце 1918 года в городе Пскове среди кругов русского офицерства.

В это время герцог Лейхтенбергский начинал свои формирования на юге России (Южная Армия – прим. сост.). Псковская область была оккупирована немецкими войсками, что пришли на смену надвигавшейся после октябрьского переворота волне красного террора. Врагов сменили недавние враги, и каски немецких солдат увидел славный вечевой Детинец. Многим русским был не по душе вежливый, но суровый тон прусского лейтенанта, умные реквизиции и редкие расстрелы неповинующихся немцам мужиков. Слухи о Корнилове, русских Белых знаменах и верящих в грядущую славу и мировую Империю молодых полках докатились до Пскова и разбудили многие сердца. Русское офицерство послало из Пскова несколько эшелонов на юг.

После дней революционного позора, сорванных погон, грязного мира, после дней, когда в снег была затоптана русская честь, Бог и семья, нужно было своей кровью омыть родные страницы. Когда захлебнувшиеся от крови и смеха враги пустили по России все позволяющую красную волну, на юге слабыми руками было поднято Белое знамя, и звуки набата нашли отклик на всех окраинах земли.

Белое знамя против вызова Богу, против открытого права на бесчестие. Красный путь шел через кровь. Убей – и ты будешь сильный. Десять заповедей были вывернуты наизнанку и обращены против Бога.

Была ломка морали, семейных преданий и культуры.

В чистоте своей Белая идея была не случайное водительство, а борьба за Бога, русскую правду и честь.

Стоявшие под Белым знаменем люди поняли не умом, а духом кровавые дни антихриста, которому уготовил путь отрекшийся от Бога социализм. Памятуя, что Бог не в силе, а в правде, люди стали в ряды, взяв на себя иго братской войны во имя распинаемой Родины.

Несмотря на несочувственное отношение, к идее русского формирования немецкого командования, псковские офицеры самолично организовались и предполагали призвать для возглавления Армии генерала от кавалерии графа Келлера (убитого в Киеве в январе 1919 года).

В августе месяце распространились слухи, что немецкие войска оставляют область и склоняются на русское формирование при следующих условиях: возникшие в тылу части должны через месяц выйти за границу расположения немецких отрядов, в то время как последние остаются тыловой базой. Поводом к разрешению послужил один из пунктов Брест-Литовского договора, по которому немецкие войска обязаны были покинуть Псковскую область.

При таких условиях родилась Северная Армия. Официальным днем было 12 октября.

Немцы указали район формирования – Двинск, Валк, Вильно, но запись добровольцев повелась в городах Пскове, Острове и Режице, где вопреки немецкому приказанию, начало организовываться добровольческое ядро. В Риге, Либаве, Митаве,

Юрьеве и Ревеле были открыты вербовочные бюро. Северный корпус, или как немцы его называли «Nordarmee», в тяжелую годину начал свое правое дело.

Снабжение Армии провиантом, оружием и деньгами исходило от немцев, и было весьма скудным. Из оружия доставлялись проржавевшие винтовки без штыков, изломанные пулеметы и старые испорченные пушки. Хуже обстояло дело с обмундированием, в котором ощущалась острая нужда, но которого немцы не дали. Носились слухи о прибытии английской эскадры, о высадившемся десанте.

Желая сохранить свое влияние, командир ост-командования принц Рупрехт прикомандировал в штаб Северной Армии германских офицеров. Немецкая оккупационная армия быстро разлагалась, теряла дисциплину, утверждая советы солдатских и рабочих депутатов. Среди населения говорили о том, что красные имеют в немецких войсках своих агентов и с благосклонного разрешения немецкого командования переправляют в тыловые районы прокламации, агитаторов и деньги на устройство крестьянского восстания.

Рождавшимся полкам были даны названия родных городов. Первоначально были сформированы следующие войсковые единицы:

Псков – I Псковский стрелковый полк – 250 штыков;

Небольшие части специальных войск (250-300 штыков и 8 орудий);

Остров – II Островский стрелковый полк – 600 штыков;

Конный взвод полк. Бибикова – 30 шашек;

Режица – III Режицкий стрелково-ый полк – 200 штыков;

Конный партизанский отряд полк. Афанасьева, 30 шашек.

Три полка составляли дивизию под командованием ген.-майора Симанского.

Во главу корпуса офицеры временно призвали генерального штаба ген.-майора Вандама. К этому времени из Киева штабом Южной Армии был прислан для связи 53 пехотный Волынский полк в количестве 175 штыков.

Из 800 выданных винтовок четверть оказалась годной к бою. Из 26 легких и 26 тяжелых обещанных орудий дали 6 легких и 24 тяжелых, из которых только 9 оказались годными. К 20 ноября 1918 года Северная Армия имела: 2 генерала, 692 офицера, 2489 солдат, 9 орудий, 36 пулеметов и 4850 винтовок и 300 снарядов.

Армия выпустила деньги 50-рублевого достоинства, гарантированные всем достижением Псковской губернии.

Было начато формирование двух полков в Лифляндии в г. Юрьеве и в г. Нарве. Но сформировать вышеуказанные полки не удалось. Нарвское формирование впоследствии было перенесено в г. Ревель и дало I Ревельский офицерский отряд, а из Юрьевского сформировалась Немецко-Балтийская оборона. На службу в Северную Армию принимались добровольцами все лица мужского пола, способные носить оружие, без различия возраста и физического состояния. Увлекаемые идеей борьбы с большевиками, в Армию поступали даже калеки.

Из условий наиболее существенными были следующие:

1. Все добровольцы поступают на службу без срока до расформирования Армии.

2. Сохраняются в силе все воинские уставы и положения до 28-го февраля 1917 года со следующими оговорками:

а) замена обязательного «ты» обращением к рядовым на «вы».

б) отмена титулования до генеральских чинов. Генерал – превосходительство.

в) в частной жизни солдат и офицеров применяется положение о взаимоотношениях воинских чинов в Западной Европе.

Отличительным признаком при общей армейской (по другому ис-

точнику – стрелковой – прим. сост.) форме были трехцветный национальный шеврон углом вверх и белый равноугольный крест под ним, нашитые на правом рукаве у плеча.

В Пскове формирование продвигалось слабо. Общую массу горожан не затронул призыв, не захватил настолько, чтобы послать на жертвенник. Записывалось много молодежи – кадет, гимназистов, реалистов, но их вышучивали, не веря, что совершается закладка большого русского дела. В Пскове организовалась масса частей с пухнувшими штабами, при небольшом количестве солдат. Обещали броневики и бронепоезда. Артиллеристы долго были без пушек. Ходили слухи о неограниченном германском кредите, но многие из псковских военных уезжали на юг. Лишь в некоторых ротах I Псковского полка изредка производилось обучение. Остальные солдаты были заняты целый день в нарядах по охране Пскова.

Солдатский и офицерский состав лишь частично был вооружен винтовками. Ввиду недостатка обмундирования, полк оставлял странное впечатление. Добровольцы – крестьяне ходили в лаптях и опорках, вольноопределяющиеся в шинелях средне-учебных заведений, офицеры в полушубках с шитыми погонами, в штатских пальто и в формах мирного времени.

Состав рот был следующий: много хороших и унтер-офицеров старой войны, помнящих дисциплину и былую мощь, сыновей зажиточных крестьян псковских деревень и горячо откликнувшейся на призыв молодежи, всеми силами стремящейся помочь делу освобождения России.

Но попала в полк и развинченная публика, в виде голодавших босяков, желавших подкормиться на военных хлебах, и лиц, очень возможно, подсланных большевиками для разложения добровольческой среды. Все это доказывало невнимательное отношение штаба Армии к формирующимся частям.

В г. Острове офицеры во главе с командиром II Островского полка полк. Дзержинским, георгиевским кавалером Великой войны, не потеряли времени и отдали все силы, чтобы за короткое время создать из добровольцев крепко сбитую часть, готовую к защите псковской земли.

Нужно было спешить. Немецкие солдаты с каждым днем разлагались сильней, требуя отправки на родину.

Близки были дни, когда Армия останется одинокой. Боеспособность требовала многого. Большинство не было на войне. С утра до ночи в ротах велись занятия прикладкой, строевыми и рассыпными занятиями. Часто происходила стрельба по мишени и ложные ночные тревоги.

Полк быстро принял строевой вид. Пулеметная команда и команда связи, набранные исключительно из боевых офицеров, солдат старой войны и вольноопределяющихся, были на высоте.

Из рот наиболее выделялась дисциплиной и боеспособностью 2-я поручика Данилова (будущий Даниловский отряд, 12-й Темницкий гренадерский полк – прим. сост.), состоящая из крестьян Островского и Пороховского уездов.

Конный взвод Островского полка под командой полк. Бибикова и корнета Степанова, обещал быть образцовой частью. Он был организован из крестьян и сыновей местных помещиков, что поступили в Армию со своими лошадьми.

Взвод ходил в разъезды по Опочечкому, Новоржевскому и Псковскому шоссе за линию немецкого охранения.

Квартирующие немецкие части смеялись над регулярными занятиями русских войск, а через границу от большевиков передавали, что недавно вкопанные телефонные столбы белые приготовили для своих виселиц.

ПЕРЕХОД ДИВИЗИИ БУЛАК-БАЛАХОВИЧА И ЧУДСКОЙ ФЛОТИЛИИ.

По истечении назначенного месяца, оказалось, что за такое короткое время организовать действительно мощную силу не удастся.

Тогда появилась новая мысль о переговорах с красными территориальными войсками о переходе их на белую сторону и образовании фронта перед немецкой передовой линией. Впереди Пскова и станции Торошино стояла 3-я советская дивизия. Считая по красному фронту, в тылу дивизии находился карательный отряд под командой Булак-Балаховича.

Три конных дивизиона – в районе г. Луги под командой Балаховича.

Один пеший дивизион.

Два дивизиона белых под командою ротм. Соловьева.

Три дивизиона – в Елизаровом монастыре под командой есаула Пермикина (Всеволода, брата Бориса Сергеевича Пермикина – прим. сост.).

В Гдове в это время квартировали абсолютно ненадежные красные части, а в базе Раскопель стояла Чудская красная флотилия, состоявшая из четырех винтовых пароходов, вооруженных 37 миллиметровыми пушками и пулеметами, одного колесного, вооруженного пушкой и пулеметом, и одного маленького разведывательного. Таковы были красные силы впереди Пскова.

В это время в Советской России появилась среди офицеров следующая тенденция: поступать на красную службу и, утрируя исполнение приказов, создавать среди населения врагов советского строя.

Петроградским округом командовал генерал Лечицкий. Ему вполне доверяли и, поступая на службу, конспиративно создавали в отделениях воинских разведок и контр-разведок несочувствующие строю группировки. Одним из этих офицеров был пор. Видякин. Перейдя в г. Псков, он взял на себя ведение переговоров с начальниками красных частей о переходе их к белым. Первые переговоры Видякин вел с командиром 3 дивизии на станции Торошино. Но тот оказался сильно красным и на переход не согласился. Переговоры с Балаховичем и командиром Чудской флотилии капитаном I ранга Нелидовым увенчались успехом. Нелидов предложение встретил весьма сочувственно и решил передать весь флот белым. Балахович согласился, потребовав (по слухам) чин ротмистра.

26-го октября по старому стилю было предположено поднять восстание. К этому числу все комиссары должны были ехать на Петроградские революционные празднества, а в воинские части должна быть доставлена амуниция.

Задание было следующее: дивизия Балаховича объявит себя белою на местах. Чудская флотилия арестовывает гарнизон г. Гдова, каковой и переходит в руки белых.

Оставалась лишь одна 3 дивизия, которую все сообща должны были ликвидировать, таким образом, очистив от красных сил участок от Пскова до Луги.

Но дело неожиданно испортил своим ранним выступлением есаул Пермикин. В Елизаров монастырь до вышеуказанного срока прибыла проверочная комиссия. Во время выпивки один из комиссаров встал и поднял чарку «за здоровье советской власти». Пермикин не выдержал и ответно крикнул:

- За здоровье белых и генерала Вандама! Ура!

Комиссары заволновались, а Пермикин, схватив шашку и револьвер, крикнул вестовому и подоспевшим солдатам:

- Тишка, бей их! Меня хотят арестовать. Не выдавай, братцы!

Солдаты связали комиссаров, сели по коням и отправились с пленными в Псков.

В это время Балахович и Соловьев выжидали на месте 26-ое октября. Перед 26-м в Струги Белые и Лугу явились комиссары для ареста командиров за контрреволюцию.

Соловьева арестовали, а Балахович, построив солдат, повел их в Псков. У Торошина ему дала бой 3-я дивизия. Балахович, потеряв обоз, прорвался и пришел с батареей в Псков.

В Чудской флотилии дела происходили следующим образом: комиссар Морозов уехал на петроградские торжества. Тремя пароходами командовали старые офицеры, остальными техники-коммунисты. Четыре парохода, перепоив матросов-коммунистов, развели пары. Ночью явился капитан Нелидов и приказал выходить из бухты. Три офицерских парохода и один коммунистический двинулись. В проливе между Псковским и Чудским озером коммунистический пароход открыл стрельбу. Нелидов ответил артиллерийским огнем и взял пароход на абордаж.

Пароходы прибыли в Псков. У красных остались: колесный «София» и малый «Ермачок».

Таким образом, благодаря невыдержанности есаула Пермикина план образования фронта из опорных частей рухнул.

УШКУЙНИКИ (ТАЛАБСКИЙ ПОЛК).

В штаб генерала Вандама прибыли три рыбака, прорвавшиеся в Псков на ладьях. Рыбаки, одетые в высокие сапоги, просмоленные куртки, предложили генералу поддержку

талабчан и проводников для захвата Талабска.

Новых надежд на создание фронта впереди немецкой границы – не было. Рыбаки подали мысль о занятии Талабских островов, население которых в своем большинстве явно сочувствовало белым.

Армии открывались новые возможности.

1) Частям, выдвинутым на острова, легче защищаться от красных при поддержке Чудской флотилии.

2) В случае наступления белых на Торошино гарантирована охрана фланга.

3) Положение на островах фланговое по отношению к железным дорогам.

После переговоров с рыбаками, генерал Симанский поручил ш.-к. Макарову сформировать особый отряд, выбрав людей из I Псковского полка. Отряд был сформирован из пяти человек. В его состав вошли: прапорщик, три вольноопределяющихся (студент и два псковских реалиста) и разведчик Васья Японец. Было выдано два пулемета «Максима», и приказано выступить с проводниками на пароходе «Елизаров».

До озера «Елизаров» сопровождали два воинских парохода. «Елизаров» подошел к указанному рыбаками месту. Пересев на ладьи, отряд переправился на берег и по указанию обрадованных жителей подошел к арестному дому, где квартировали красные.

Двери оказались открытыми. Наружного поста не обнаружили. Капитан Макаров вошел в переднюю и увидел стойки с 67 винтовками. Осторожно приоткрыв двери, он вынул торчащий в скважине ключ и благополучно закрыл спящий красный отряд. Добровольцы направили два пулемета по окнам и двери. Затем капитан Макаров стуком разбудил красных и сообщил, что остров занят сильным отрядом, и в случае неповиновения пленные будут расстреляны из пулемета.

Красных выпускали по одиночке и, обыскав, окружали конвоем. Было захвачено 65 человек пленных (из коих 5 оказались комиссарами и 27 коммунистами), 4 пулемета и пушка Гочкиса. На утро 5 комиссаров были отправлены с пароходом в Псков, но механик по дороге побросал их в озеро. К следующему вече-

ру все пароходы Чудской флотилии пристали к Талабску и высадили 1 офицерскую роту первого Псковского полка в количестве 27 штыков. К этому времени гарнизон Талабска насчитывал: 29 офицеров и 4 разведчика.

Группа островов состояла из трех: Талабск, Средний и Талавенец.

Быт рыбаков веял седой стариной. Жили они все богато в крепких деревянных домах, похожих на Псковский посад. С детства знакомые с бурей, капризной волной, выросшие на крепком ветру, испокон веков промышляя рыболовством, мужчины и женщины были рослы и сильны. Дух Псковской вольницы сохранился на островах. Не жалуя незваных красных гостей, ушкуйники по общему сговору призвали псковскую белую силу.

Капитан Макаров организовал из рыбаков самооборону. Все мужчины от 18 до 43 лет получили оружие, лица от 15 до 18 и от 43 до 55 лет обязаны были по тревожному сигналу привести ладьи в состояние посадки.

Сигналы были двух родов:

- 1) церковный звон редкий – наступление – все в лодки;
- 2) пароходные сирены – оборона – рота на сборных местах.

Население каждого из островов представляло из себя роту. (После первых боевых действий роту Талабска из-за величины разбили на две).

Получился Талабский батальон четырехротного состава.

Все унтер-офицеры были выбраны ротой. Пример: в первой роте фельдфебель Цицин – старик 64 лет – доброволец. (Впоследствии произведен штабом армии в подпрапорщики и прапорщики). Четыре взводных первой роты – добровольцы – сыновья Цицина.

Из Пскова вскоре прислали два трехдюймовых орудия. Из рыбаков пришлось набрать артиллеристов.

Гарнизон Талабских островов выразился в следующих цифрах:

1 пехотный батальон четырехротного состава (самооборона): 28 офицеров, 1500 человек, 6 пулеметов. Артиллерия: 2 трехдюймовых скорострельных орудия, 1 пушка Гочкиса. Флот: 4 парохода, вооруженных 6-ю тридцати семи миллиметровыми орудиями и 8-ю морскими пулеметами.

Когда части были сформированы, капитан Макаров донес, что Талабск приведен в боевую готовность.

Из штаба армии получен приказ о вылазке на занятый неприятелем берег. Предварительно были высланы две разведки, собравшие сведения о силах неприятельских гарнизонов, караулов и наметившая секретные подступы.

Первый набег был произведен на Елизаров монастырь. Целью набега была боевая проба сформированной части.

Перед выступлением был произведен легкий обстрел неприятельских позиций. Вечером, когда стемнело, ударили в церковный колокол. Сигнал дал великолепный результат. С момента звона и до отхода от берега последней ладьи прошло 20 минут, принимая во внимание ночь и сон. В озере было принято движение на деревню Орехово (место, выбранное после совещания с рыбаками). Когда подошли к Орехову, то оказалось, что ладьи из-за мелей не смогут подойти к берегу на полторы версты.

Несмотря на ноябрь месяц, холодную ночь и на то, что рыбаки не служили в солдатах, ни одного человека не пришлось подгонять. Когда мокрые солдаты вышли на берег, их провожатые повели по болотистым, тяжелым топям. Наиболее страдали от перехода офицеры, обутые в ботинки и короткие сапоги.

На рассвете вышли к Елизарову монастырю. Бесшумно подойдя вплотную, окружили монастырские строения и без выстрелов взяли его на ура.

Спротивление стрельбой было оказано за монастырской гостиницей, но ее забросали гранатами. Взято было в плен 6 человек, остальные успели скрыться. Со стороны талабчан умер от ран псковский доброволец еврей Добрыт. После разрывов гранат судовая артиллерия открыла огонь по окрестным деревням.

Возвращались через прибрежную деревню Толбицы, куда пришли уже в сумерки. Сели на поданные за реку ладьи и вернулись на Талабск. Боевая проба вполне удалась. Талабчане оказались выносливыми, смелыми и предприимчивыми солдатами. Испуганное внезапным появлением новых белых сил, большевистское командование решило укрепить опасный район. В Елизаров подвезли два

дальнобойных орудия, которые спокойно могли обстреливать Талабские острова, не боясь малокалиберной белой артиллерии.

Положение островитян стало угрожающим. Талабская группа была густо застроена деревянными хатами, и возможны стали пожары. Рыбак-разведчик донес, что два новых орудия прибыло в деревню Терхолино и два других - в деревню Маслогостицы. Сама собой напрашивалась задача захвата артиллерии и очищения края от неприятельских сил. Задача была большой сложности, и выполнять ее при помощи недавно сформированных частей было рискованно.

Тогда для ядра наступления попросили прислать из Пскова кадровую часть. В ответ были присланы два спешенных эскадрона Балаховича под командованием ротмистра Пермикина (Бориса Сергеевича – прим. сост.) и Мельгунова. План наступления был разработан на 9-ое ноября. Весь наличный войсковой состав был разбит на три колонны, которые получили следующие приказания:

1) Колонне № 1 под командованием капитана Макарова - выступить южнее Елизарова монастыря, обойти с тыла артиллерию противника и взять ее; двигаться для занятия деревни Верхолино.

2) Колонне № 2 под командой ротмистра Пермикина - высадиться в деревне Орехово, занять Елизаров монастырь и продолжать наступление на деревню Большая Толбица.

3) Колонне № 3 под командой ротмистра Мельгунова - высадиться севернее деревни Орехово и ликвидировать противника, засевшего в деревне Маслогостицы.

4) Судовой артиллерии сосредоточить огонь по деревне Большая Остица и станции 9 разъезд.

5) Сухопутной артиллерии бить по деревне Малая Толбица, являющейся передовым пунктом красных частей и не входящей в линию наступления.

Таким образом, колонна № 1 действовала в обход и била по хвосту противника, а колонна № 2 била по головам, парализуя возможность маневрирования. Благодаря тому, что высадка из лодок задержалась, части очутились на берегу на свету, и были замечены. Ветер был не попутный, и ладьи пришлось взять пароходам на

буксир. Пароход «Ольга» при повороте не рассчитал хода, и одну ладью залило водой. Когда «Ольга» подошла к берегу, ее заметили неприятельские артиллеристы и сбили снарядом корму, что помешало ей подойти ближе.

Колонну № 1 пришлось раздробить пополам: колонная № 1а - продемонстрировала наступление в лоб, а колонна № 1б, уйдя в нейтральную зону, обошла противника с тыла и вышла в деревню Верхолино. Узнав об обходе, красные начали отступать, и колонна № 1а продвинулась.

К вечеру задание всех колонн было выполнено, за исключением взятия артиллерии, которая успела уйти. Потери талабчан были следующие: 1 офицер легко ранен, ранен один доброволец, один пулеметчик убит. Взято: 17 пулеметов разных систем, несколько десятков винтовок, 2 зарядных ящика со снарядами, около 400 пленных и 38 лошадей. Колонна № 3 захватила весь состав волостного исполкома, один миллион Николаевских рублей и взорвала железнодорожный мост между Желчей и Маслогостицами.

После набега во внутреннем устройстве Талабска по приказу штаба армии, произошли следующие перемены:

1) По желанию населения Талабск объявлен крепостью и над ней поднят крепостной флаг.

2) Начальником всех пехотных частей назначен капитан Макаров.

3) Начальником артиллерии - поручик Резвой.

4) Начальником озерных сил - капитан первого ранга Нелидов.

5) Комендантом крепости - ротмистр Пермикин.

Пассажирский пароход, делавший рейсы между Юрьевым и Псковом, возвращаясь в Псков, был обстрелян большевиками против деревни Изменки (Михикорн). Пароход получил пулевые пробоины, а капитан был легко ранен в руку.

После этого от немецкого командования было получено распоряжение очистить берег у Михикорна. Во исполнение данной задачи была собрана в Талабск команда под начальством капитана Макарова и посажена на пароход, который лично повел капитан Нелидов. Сделав сорокаверстный ночной рейс, капитан Нелидов точно подвел пароход к указанному рыбаками месту.

Солдат погрузили на ладьи и высадили в канаве, перерезавшей перешеек полуострова. Была выделена застава в деревне № 2 для предупреждения возможного нажима на противника из глубины материка. Часть силы, около взвода, была оставлена в деревне № 1 для выполнения роли резерва и ловли противника, отступающего из деревни № 3. Остальные были растянуты цепью вдоль всего полуострова и наступали по направлению с востока на запад, прижимая заставу противника к берегу.

Впереди деревни Понево оказалось проволочное ограждение. Наступающая цепь, ввиду сильной стрельбы, залегла у ограждения и наступление продолжать не могла. Тогда по условленному сигналу ракеты, по деревне Понево был открыт артиллерийский огонь с пароходов. Одновременно с этим немцы по собственной инициативе открыли стрельбу по красной заставе.

Показавшиеся из Чудского озера два неприятельских парохода «София» и «Ермачок», белая флотилия заставила отступить и, обстреливая, гнала до деревни Подборовье. Поддержанная артиллерийским огнем, пехотная цепь талабчан перешла проволочные ограждения и смяла неприятельскую заставу, захватив 20 пленных, 2 пулемета и пушку Гочкиса.

22-го ноября из штаба Армии была получена письменная диспозиция генерала Вандама. «Ввиду происшедшей в Германии революции и отречения императора, в Пскове среди немецких частей чувствуется неустойчивость и развал. Ввиду этого необходимо, чтобы белые части выдвинулись вперед». Для чего предполагалось: частям, стоящим в Пскове и на Талабских островах, занять станцию Карамышево, а Островским частям - произвести демонстрацию в Норвежском направлении. Конные эскадроны Балаховича должны двинуться на станцию Карамышево и занять ее. Первый Псковский полк - занять станцию Торошино. Связь держать - конным частям Балаховича. Талабским частям - высадиться на берег и действовать во фланг Торошину и, заняв линию до Елизарова монастыря, перерезав Гдовское шоссе и Гдовскую железную дорогу, связаться с первым

Псковским полком. О дне и часе операции должно поступить особое приказание.

1) Для получения его в Псков был отправлен пароход «Ольга» для дежурства на реке Великой.

2) В случае большой экстренности штаб Армии должен предупредить Талабск по радио, находящемуся на пароходе «Народник».

До 26-го ноября никаких распоряжений из Пскова не поступало. 26-го утром талабские рыбаки донесли, что Псков занят красными. 26-го днем крестьяне побережных деревень донесли, что по Гдовскому шоссе идут большие колонны красных войск и беспрепятственно входят в город.

Несмотря на запросы радио, ни одна псковская станция не ответила. Радиотелеграф принимал отрывочные сведения, и по их содержанию можно было заключить, что в Пскове неблагоприятно.

17-го утром за сведениями в штаб Армии был отправлен пароход.

Настроение талабского населения было спокойное. Пароходом воспользовались рыбаки, захватив с собой две бочки керосина. Пароход вел капитан Нелидов с мичманом Васильевым. Артиллерийские снаряды лежали в трюме, чехлы с орудиями не были сняты. Пароход благополучно вошел в устье реки Великой, но, когда миновал деревню Муромцы, то был обстрелян пулеметным огнем с тыла из погоста Никольского, в лоб из деревни Марьино и из деревни Муромцы.

Фарватер Великой был настолько узок, что пароход не мог повернуться, и мичман Васильев стал его выводить задним ходом.

Нелидов приготовил орудия к бою. Но первый артиллерийский выстрел показал, что орудия действовать не могут. Бочки с керосином были пробиты пулями, и палуба, смоченная горючей жидкостью, загоралась при каждом выстреле. В это время был убит рулевой и пулеметным огнем перебит штурвал. Руль не действовал.

Благодаря тому, что пароход имел две машины, мичман Васильев вывел его, действуя винтами поочередно. Во время обстрела была убита женщина и ранено два крестьянина. Пароход вернулся в Талабск.

Обстрел доказал, что, если не Псков, то прилегающие к нему де-

ревни, уже заняты неприятельскими войсками. С 27-го на 28-ое была послана в Псков сухопутная разведка. Для облегчения ее задачи, пароходы вышли в озеро и открыли стрельбу по деревням Большая и Малая Остинка. (Впоследствии, когда Псков взяли обратно, удалось установить, что стрельба капитана Нелидова была идеально точная). Пешая разведка дошла до деревни Ершей и донесла, что деревня нейтральной зоны и Псков заняты красными.

28-го утром решили оставить Талабск и увести отряд в пределы Лифляндской губернии и в район Печор-Верро соединиться с отступающими сухопутными частями. Предполагалось людской состав погрузить на пароходы и, нагрузив в ладьи снаряжение и трехдюймовые орудия, увести их на буксире.

Погрузка шла целый день. К вечеру поднялся ветер, нагнал к берегам «шерень» (замерзшие от волн брызги, ледяная каша до дна, которую нельзя прорубить). Ладьи двинуться не могли. К ночи выяснилось, что два трехдюймовых орудия придется бросить. Снятые с пушек замки, потопили в озере.

В ночь на 29-ое все озеро покрылось льдом. Погруженные и выведенные в озеро ладьи взять было невозможно, так как по пути их перерезал бы лед. Все оружие, пулеметы и две пушки Гочкиса были погружены на палубы пароходов. Лошадей оставили жителям. Весь провиант был выброшен на берег.

Утром 29-го нос парохода «Народник» был обит железом. 29-го в три часа дня пароходы покинули крепость. Было решено подвести десант к деревне Побережье, откуда разгруженные пароходы с боем прорываются в Чудское озеро и приходят в Юрьев (где стояли немцы).

Труден был путь. Озеро замерзло. Пароходы не ледокольной системы. С большим трудом «Народник» пробивал окованной грудью ровную льдину. Впереди была неизвестность. Много рыбаков-добровольцев последний раз простились с родным ветром и островами. Словно в древние вечевые времена потомки ушкунников уходили к новым зорям, к новым лихим дням.

Поздно вечером 29-го ноября пароходы достигли побережья. Пришлось вести переговоры с немецким комендантом о высадке десанта. В

начале немцы наотрез отказались, но когда Талабская вольница повернула дула пушек и объявила, что можно открыть из четырех орудий огонь, комендант согласился и даже лично отвел квартиры.

ПАДЕНИЕ ПСКОВА.

22 ноября по неизвестным причинам командующий армией генерал Вандам и его начальник штаба Малявин покинули свои посты. Командование армией принял полковник фон Неф, а штаба – ротмистр фон Розенберг.

24 ноября во исполнение принятой на военном совещании диспозиции (на совещании кроме командного состава присутствовал начальник штаба 5 германской дивизии), была выдвинута пешая разведка на Торошино и конная разведка на Карамышево. Немецкое командование письменно поручилось за охрану тыла и левого фланга.

Днем 24-го в Пскове все было спокойно. На вечер Агановской женской гимназии веселилось много военных, но среди танцев в зал вошел адъютант коменданта и приказал военным чинам отправиться по своим частям. По ночным улицам Пскова грохотал отступающий на Ригу немецкий военный обоз.

В связи с уходом немцев в полках чувствовалось нервное напряжение. Солдаты были в сборе. Многие на снегу чистили проржавевшие винтовки, выданные накануне. Части выступили в наступление из Пскова ночью с песнями. Когда пехота проходила мимо Иркутских казарм, юнкера-артиллеристы кричали:

- Сейчас получим пушки и айда на позицию.

25-го утром началось наступление в направлении Торошино-Карамышево. Конные части Балаховича, изредка встречая пассивное сопротивление неприятеля, вскоре заняли станцию Карамышево. Пешие части численностью в несколько сот штыков под командой полковника Ветренко (Волынский полк – прим. сост.), двигались с батареей вдоль шоссе на Торошино и у почтовой станции Кресты (3 версты от Пскова) встретили сопротивление двух красных бронепоездов и пяти эшелонов пехоты.

Желая уклониться от столкновения, добровольческие части отошли до деревни Кебь и начали обходить

Торошино справа, приближаясь к Карамышеву и удаляясь от озера. Один неприятельский поезд вскоре удалось выбить из строя, но другой подошел к Пскову и в 1-ом часу утра открыл по городу и отряду сильный артиллерийский огонь. (Бронепоезд Северной армии, незадолго отданный в немецкий ремонт, немцы тайно увезли из Пскова на Валк, прицепив его к своему эшелону).

Талабские острова в бою 25 ноября участия не приняли. Письменных приказаний о наступлении командиром парохода «Ольга» лейтенантом Знаменским получено не было. Было заявлено, что приказание последует по радио. По распоряжению штаба армии пароход остался в Пскове для связи.

В шесть часов утра штабом армии была отправлена на немецкую радиостанцию радио-телеграмма с приказом о наступлении Талабских частей. Немцы ее не передали. В час дня на радиостанцию был послан русский офицер для личной передачи приказа. Немцы его не допустили. Талабские части выжидали на островах. Весь район от озера до Торошина остался без охранения и наблюдения белых. Неприятельский полк, стоявший в Елизаровом монастыре, беспрепятственно двинулся на Псков и свежими силами ударил по добровольческому отряду.

Бой под Псковом продолжался целый день. Весь гарнизон города был двинут на передовые позиции. Псков остался без охранения, если не считать ученического батальона, находившегося в периоде начального формирования. (Командир батальона капитан Клаун бежал в момент боя, бросив вверенный ему отряд). Красные, почуввав прорыв между Торошиным и озером, не обращая внимания на успешное наступление белых на Карамышево, поели части в бой вдоль Гдовского шоссе и железной дороги.

Добровольцы приняли штыковую атаку. Офицерская рота подходила на 200 шагов к неприятельской батарее. В это время немецкая рота, охранявшая городские проволочные заграждения, перевязала своих офицеров и, открыв левый фланг, впустила в город красные части со стороны Запсковья и Соляных Амбаров. К трем часам дня красные заняли Кресты и Запсковье. К трем с половиною часам в Пскове вспыхнуло воору-

женное восстание. К четырем часам дня на Великолуцкой улице расположились красные заставы, базарная площадь была захвачена, и шел уличный бой. Немецкий лейтенант Херинг, пытавшийся прорваться со своими солдатами через Ольгинский мост, был расстрелян красными пулеметами.

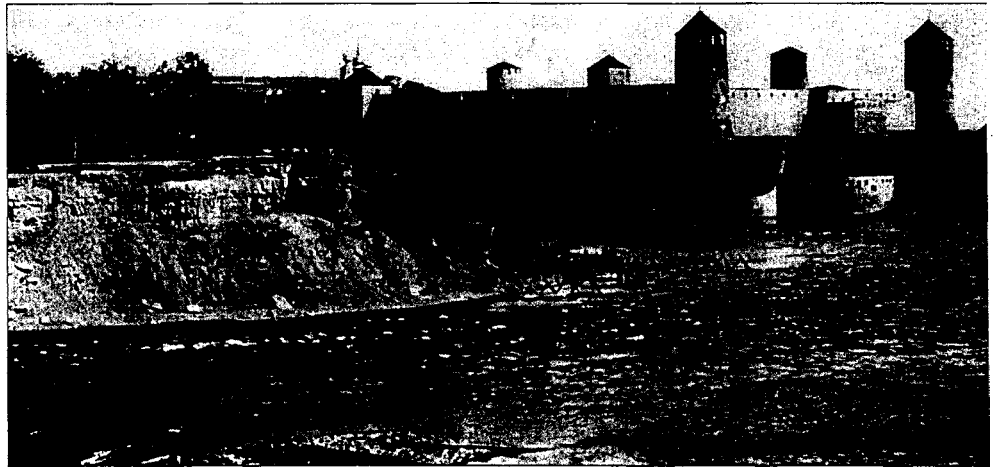
Вторичные попытки окруженных в городе добровольцев не увенчались успехом. После этого немцы и добровольцы бросились к лодкам. Одна из них затонула с солдатами. Лишь незначительной части отступающих удалось спастись. К пяти часам дня красные столкнулись с левым флангом добровольческих частей, наступавших на Торошино, и сбили их.

Объединенные белые части деморализовало известие о взятии Пскова. Началось отступление на Кресты. Заметно было стремление солдат разбежаться. Резко в первом Псковском полку и меньше у Ветренко в Волынском. Разобраться, в чем дело, было трудно. В Крестах собрались уцелевшие 200-300 штыков и 4-орудийная батарея.

Темнело. В Крестах совещались начальники. Псков горел в нескольких местах. Небо освещали ракеты, трещала дальняя перестрелка. Подполковник Ветренко заявил командиру первого Псковского полка полковнику Лебедеву, что его Волынский полк – единственная организованная и сохранившаяся после боя часть, способная к походу. А кто хочет идти вместе, тот пусть подчиняется.

Было три пути: Остров, Псков через Ольгин мост и Выбутинские пороги. Псков был занят. Пробиваться через город с кучкой усталых потрепанных солдат было безнадежно. Обогнув Кресты, отряд вышел на шоссе. У Черехи с боем взяли занятые красными мосты. Соединившись по телефону со станцией Черской, отряд запросил о положении Острова. Станция Черская ответила, что у них все спокойно, но из Острова никаких известий нет. Когда подходили к Выбутинским порогам – родине Св. Княгини Ольги, солдаты падали и засыпали на ходу. Шел снег. Среди быстро бегущих облаков светил месяц. Было десять градусов мороза. Великая на порогах глухо шумела.

Солдаты считали, что все погибло. Некоторые не знали что делать: отступать или оставаться. Отдель-

У стен древнего Пскова, 1918 г.

ные люди тихо покидали части. Не билась надежда, что где-то полк будет формироваться. Было жутко лезть в ледяную воду. Когда стали в Великую, не замерзающая на быстринах вода доходила до пояса, отбившимся в сторону – по горло и грудь.

С высоких берегов было тяжело спускать орудия. Лошади бесились. По грудь в воде вольноопределяющиеся Псковской батареи, хватаясь за спицы, помогали коням вытаскивать орудия.

Со стороны красных началась пулеметная и ружейная стрельба. Окоченевшие руки отказывались действовать. Раненых перевозили на повозках. Повозки заливали вода. Батарею спасли, но многие из обмороженных коней на том берегу пали.

Спать не пришлось. Были выставлены пулеметы. Солдаты в обледневших тяжелых шинелях, в сапогах с примерзшими портянками отстреливались от наступающего неприятеля. Голодные и усталые добровольцы, обойдя Псков с востока, вышли на Рижское шоссе, и растянувшиеся колонны отправились в сторону Изборска и там заночевали. Слабые люди покинули части. Штаб армии поспешно уехал в Ригу, оставив отряды на волю судьбы. Некоторые из офицеров и солдат тайно дезертировали из полков и отрядов при приближении к не перерезанным железнодорожным линиям и населенным центрам. Полки о них не жалели. Панический и неверный элемент, испугавшийся тяжести похода и голода, схлынул, очистив ряды бойцов.

Солдаты и офицеры в тяжелые для всех дни узнали друг друга и крепче сплотились. Отступавший отряд двинулся на Печеры. Сзади его преследовали латышские коммунистические полки, крестьяне устраива-

ли засады и делали тыловые восстания. Одиночные группы, отклонившиеся от своих частей, забегая вперед, погибали под крестьянскими выстрелами и топорами.

В деревне Дитятино была первая стычка с крестьянами. Дорога изгибалась. Только отряд успел обогнуть дугу, как был засыпан ружейным и пулеметным огнем. В начале добровольцы подумывали, что это стреляют забежавшие вперед не опознавшие свою колонную белые солдаты.

Полковник Ветренко, рассыпав людей в цепь, взял деревню. В ней остались одни старики. Устроившие засаду вооруженные крестьянские парки, отступили в лес.

Взяв заложников, Ветренко отправил к засевающим двух стариков с предупреждением, что в случае дальнейшего обстрела, заложники будут расстреляны. После короткого совещания, отряд двинулся вперед. При выходе из деревни он вновь был встречен огнем. Двух крестьян-заложников расстреляли. Следующая позади отряда конная разведка зажгла деревню. Поднялся бабий плач. Крестьянки бросились тушить. Разведчики позволили.

Несколько верст попавший в мешок отряд, отстреливаясь, бежал под перекрестным крестьянским огнем. Многочисленные больные и раненые солдаты отстреливались с повозок, подраненные лошади, скача на трех ногах, жалобно ржали. Версты три добровольцы отбивались, залегая в придорожных канавах, пропускали вперед обоз и вновь залегали. По пути встречались убитые офицеры, солдаты и беженцы-псковичи. Многие лежали, порубленные топорами, раздетые, с выколотыми глазами.

В следующей деревне встретили иконами и хлебом-солью. Перегру-

женный обозом раненых и больных, отряд пошел по направлению на Верро. По пути взрывали шоссе, мосты. Голодали, оборвались. Тяжел был путь. Эстонские хуторяне удивлялись, почему русские отступают от русских. От первого псковского полка осталось немного штыков. Волынский полк и Псковская трехорудийная батарея также потеряли много людей.

До Верро дошли без особых столкновений. Здесь начали сосредотачиваться русские, отступающие из Пскова части, сюда же прибыл командир третьего Ржецкого полка с 15 солдатами и женой. Самоуправление города расквартировало отряды и взяло на себя их питание. К тому времени подошли новые воинские части.

Талабский отряд.

Конница Балаховича.

Отряд Микоши (будущий Георгиевский полк – прим. сост.).

Двухорудийная Балаховская батарея.

Ходили слухи, что в Ревеле и Нарве формируются войска Эстонской республики. Мимо Верро на рысях бежала в Германию немецкая кавалерия...

ОСТРОВ (ОСТРОВСКИЙ ПОЛК).

Первым командиром Островского полка был назначен полковник Казимирский, вскоре смещенный ввиду непригодности. Был назначен полковник Дзерожинский. С первых же дней его вступления в командование полк почувствовал в нем офицера и командира, достойного своего поста.

Ко второй половине ноября Островский полк насчитывал 650 штыков (батальон четырехротного состава, пулеметная команда – 4 пулемета, команда связи, команда пеших разведчиков и нестроевая рота). Островское вербовочное бюро раскинуло по уезду свои отделения. Настроение прибывающих добровольцев-крестьян было хорошее. Ввиду наличия новых возможностей, было приступлено к формированию второго батальона, но немцы предупредили, что они средств на его содержание не дадут.

Из-за морозов, недостатка обуви и одежды, пришлось прекратить стрельбу и вести казарменное обучение по расписанию мирного времени. Большую поддержку полку оказала

Земская Управа, снабдив лошадьми, повозками и амуницией. За время формирования было произведено несколько боевых разведок. В конце октября месяца 15 шашек колонной команды Бибикова и 10 стрелков под командой капитана Рудакова сделали налет на Печано-Горайскую волость. Боевая проба вполне удалась. Отряд вернулся с 15 пленными лошадьми и небольшим количеством провианта и оружия, но по приказанию немецкого коменданта трофеи были сданы немецким войскам, а пленные отпущены.

В первых числах ноября ввиду частых жалоб крестьян на большевицкие реквизиции, был предпринят набег на деревню Дубки. В два часа утра 27 шашек и 30 штыков при одном пулемете выступили по Новоржевскому шоссе. Операцией командовал полковник Бибиков и ротмистр Зиновьев. Не доходя до деревни двух верст, пехота рассыпалась в цепь и повела наступление в лоб, а конница, рассыпавшись в лаву и открыв огонь, пошла в обход. Засевший в деревне противник, численностью в 120 штыков, открыл огонь из трех пулеметов. Конница, попав в примыкающие к деревне болота, завязла и, спешившись, хотела перерезать тыловую дорогу, но ввиду задержки в болоте, красным удалось бежать. Ворвавшаяся в деревню пехота, захватила одного комиссара, три оседланных лошади, винтовки и патроны. Со стороны островцев оказалось два легкораненых. Крестьяне радостно встретили белых и добровольно их накормили.

Через три дня крестьяне донесли, что большевики шупают лес разведками. На Дубки был выслан отряд. Он занял без боя деревню и захватил походную кухню. Так как полк был вооружен учебными винтовками и часты были разрывы последних, то полковник Дзерожинский просил немецкое командование вооружить полк русскими винтовками, что бесполезно тысячами лежали в складе.

Немцы обещали исполнить его просьбу, но с выдачей неизвестно почему-то медлили. 21 ноября крестьяне донесли о продвижении большевицких отрядов в нескольких направлениях. На запрос полковника Дзерожинского немцы ответили, что в окрестностях все обстоит спокойно, тревожных сведений нет, и полк может продолжать свое обучение.

Внешнее и внутреннее охранение поддерживалось немецкими войсками, и на несение полевой и внутренней службы русские войска не допускались.

23-го прибывший из Белоборья родственник командира второй роты поручика Данилова сообщил последнему, что нейтральная полоса и находящаяся там деревня Белоборье заняты неприятельскими войсками.

Получив разрешение, поручик Данилов с 5 стрелками своей роты отправился в занятую большевиками область для спасения своей семьи.

23-го днем выставлена первая застава к имению Турчино на Новоржевском шоссе. 24-го утром немецкий комендант заявил, что распоряжения об уходе немецких войск нет. По прибытии последних русские части будут извещены заблаговременно, но желательно, чтобы полк был наготове, на случай помощи немецким частям.

Днем из г. Режицы в распоряжение полковника Дзерожинского прибыл полковник Конопак с третьим Режицким полком, численностью в 200 штыков. В г. Ревель отбыла депутация от городов, земств и Псковского дворянства для обращения с призывом о помощи к прибывшей (по слухам) в Ревельский порт английской эскадре. По полученным сведениям, на остров от Порховой Опочки двигаются большевицкие части.

25-го утром адъютант полка пор. Вебс, соединившись по телефону с Псковом, запросил, все ли там благополучно. Был получен утвердительный ответ. Немецкий комендант объявил, что их войска снимают свои передовые посты и уходят в город.

В три часа дня были выставлены две новых заставы: 1) на Псковское шоссе у деревни Кувшиново – одна рота с пулеметом «Максима», 2) на Опочечское шоссе в деревню Крюково – конная застава Бибиковцев.

Конные разъезды донесли о медленном продвижении неприятельских отрядов со стороны Пскова.

В 10 часов вечера пулеметная команда, расположенная за рекой Великой у деревень Глушни и Бережане, по приказанию командира полка перешла в центр города, заняв здание, очищенное немцами, женской гимназии. 11-12 часов. Спешный уход немецких обозов. Немецкие солдаты распродают оружие, амуницию и провиант.

26-го утром. Немцы перед самым уходом открыли для полка склады оружия. Винтовки оказались сильно заржавленными, из всех пулеметов – лишь один годным для боя. 12 часов дня. На станции Остров (полторы версты от города) толпа крестьян привокзальных деревень начала грабить брошенные немцами склады. Для усмирения было командировано в распоряжение коменданта станции пять пулеметчиков. Последние, явившись в назначенное место, коменданта не обнаружили.

У вокзала стоял поданный эшелон с беженцами и немецкими солдатами, два немецких пулемета при померах его охраняли. Пулеметчики-островцы, увидев на перроне одетого в офицерскую форму со знаками отличия начальника дивизии генерала Симанского, обратились к нему за инструкциями.

Последний ответил, что он уезжает и никакими указаниями помочь не может. Тогда пулеметчики по собственной инициативе подошли к разбитым толпой складам и залпами в воздух прекратили грабеж.

В это время эшелон ушел. Станция наполнилась крестьянами и неизвестными личностями, одетыми в штатское. Пулеметчики, сдав охрану склада прибывшему паряду стрелков, отправились в город и по дороге арестовали вооруженного карабином штатского, назвавшегося солдатом Островского полка, но не знавшего фамилию командира своей роты. Он оказался переодетым красноармейцем.

1 час дня. Над городом замечен русский аэроплан (трехцветные круги на крыльях), сбрасывающий тюки прокламаций. После обстрела он улетел на Псков. В прокламациях большевики призывали к избиению буржуев и восстанию.

2 часа дня. Прибыв с 32 пленными, оружием, седлами, обмундированием, отряд стрелков Островского полка сделал набег на совет Горайской волости.

Со стороны Пскова на Кувшиновскую заставу прибегают отдельные добровольцы первого Псковского полка. Сообщили: Псков взят. Все полки побиты. Часть спаслась через реку. В Чехове взорван немцами мост. 4 часа дня. На улицах города патрули Островского полка. 6 часов вечера. В воинских частях все спо-

койно. Пулеметчики заняты набивкой лент. Приказано готовиться к смене застав.

На военном совещании полковник Дзержинский настаивал на обороне города, но большинство офицеров было несогласно, ввиду опасности быть отрезанными мостом на Великой и шоссе Остров-Опочка. Совещание пришло к решению: отходить по Варшавскому шоссе на узкоколейную ветку Имбалово-Альтшванбург. Предложение отступления по шоссе Псков-Рига для соединения с наступающими на Изборск русскими отрядами, было отклонено ввиду приближения большевистских сил к станции Черской.

В семь часов вечера последние немецкие части, сняв городские посты, ушли по Варшавское железной дороге, направлением на Режицу.

7 с половиной часов. Решено отходить, выдвинув вперед военный обоз, к которому присоединилось около 70 подвод городских беженцев.

Ввиду недостатка средств на отступление полка, было внесено предложение о выемке денежных сумм из Островского казначейства, но, так как большинство денег принадлежало горожанам, полковник Дзержинский на выемку не согласился, считая ее незаконной. В казармах раздача хлеба и мармелада. Среди стрелков полная уверенность, что они пойдут сменять заставы.

Тревога. В ружье! Спешка. Взято лишь оружие. Казарма брошена, части выстроены на улице. По приказанию начальника пулеметной команды, пулеметчики с запасным «Максима», бегом отправляются к Троицкой площади. Напряженное чувство неуверенности. Морозно. Только что выпал неглубокий снег. Звездное небо. Пулемет установлен на углу казначейства, направлен на Троицкую площадь.

У городского клуба конная команда Бибилова и третий Режицкий полк. Кувшиновская и Крюковская заставы сняты. Солдаты не верят, что сейчас полк пачнет отступление. Четкая ружейная стрельба от Турчинской заставы... Пулеметная очередь...

Передовые неприятельские части, продвигающиеся по Порховскому шоссе, вошли в соприкосновение с заставой. Застава, открыв огонь, отступает. У большевиков убито три кавалериста. Стрельба со стороны

красных то прерывается, то вновь закипает.

8 часов. Приказано перейти через мост. Третий Режицкий полк нестройно снимается с места и движется полубегом, вслед за ним проходит конная команда Бибилова. Роты Островского полка идут в колонне. Все молчаливы. От дробы копыт дрожит мост. Среди крепостных стен белеет старинная Николаевская церковь, что на острове.

Последним за отступающими полками идет, тяжело опираясь на палку, полковник Дзержинский.

С окраины города доносится четкая трель пулеметной стрельбы.

ОТХОД.

На версту растянулся скрипящий обоз. Небольшой арьергард прикрывал отступление. Двигались кратчайшим путем по проселкам. Куда шли – не знали. Было ясно одно – кругом враги.

В Толкове (25 верст от Острова) был сделан первый привал. Несколько часов удалось поспать. Вечером 27-го, когда полк подходил к ст. Мариенгаузен, отступающие немецкие части сообщили разведчикам, что от ст. Пыталово отошел поезд с отрядом большевиков. Полк был развернут лицом на железнодорожное полотно. В лесной опушке на кострах отогрели замерзшую в пулеметах воду. Но тревога оказалась напрасной. Это двигался эшелон Данилова.

Выступив из Острова 28 ноября и сделав переход в 75 верст, Данилов нагнал красных у деревни Мулдово, арестовал комиссара и вернул белоборским крестьянам захваченный скот. На ст. Пыталово комиссар был расстрелян (он пытался призывать крестьян к восстанию).

Телефонный провод не был еще перерезан. Данилов вызвал Остров.

- Каково положение в Острове?
 - Великолепное.
 - Кем занята станция?
 - Советскими войсками.
 - А город?
 - Советскими войсками.
 - А кто на станции Пыталово? –
- запросили из Острова.
- Белые и немцы.
 - Ну, нам с вами говорить нечего, – оборвался разговор.

У перрона стоял под парами паровоз. Данилов, приказав взорвать железнодорожное полотно, вызвал коменданта станции.

- Куда поедет поезд?
 - В Жогово и Остров.
 - Перегоняй на Мариенгаузенскую ветку! Паровоз пойдет на Ригу.
 - Мне приказано.
 - А я тебе приказываю! Всю ответственность я беру на себя.

Когда к паровозу прицепили два товарных вагона, оказалось, что машинист бежал. На его место поставили кочегара и на ст. Мариенгаузен благополучно соединились с родным полком.

30-го после сорокаверстных переходов по колчам замерших дорог полк заночевал в имении Липно. Прибравшие ночью отставшие солдаты рассказали о вступивших в город красных войсках и о первых расстрелах, жертвами которых пала половина священников.

Нужны были для добровольцев твердые слова и воля предводителя. Впереди голодный, суровый путь без проблеска надежд, путь, на котором возможны многие смерти. В то утро, когда ветер гнал по полям дымные снега, роты были выстроены, как на параде. Полковник Дзержинский поздоровался, обошел фронт и командовал:

- На молитву, шапки долой!

Полковник, сняв папаху, застыл лицом на восток – седой, старый отец-командир, влюбленный в Великую Россию и Русского солдата.

Ветер рвал слова молитвы, относил в поля, было грустно и одиноко. На околице имения столпились хмурые крестьяне.

Но в словах молитвы росла готовность на одиночество и смерти.

«Да будет воля Твоя».

Из Родины за Родиной, без дорог, связи, полураздетые, без патронов в подсумках, голодая и побираясь во имя Христово, они шли, не имея ни впереди, ни позади ничего, кроме веры в грядущие светлые дни. Они хотели принести мирную жизнь окровавленной России.

Офицеры, имена их Господи веси, у которых осталось лишь честное имя и открытая грудь. Незаметные в своих тихих подвигах, что молча шли и молча умирали. Их в 17 году оскорбили, с них сорвали погоны.

Юношество – молодые отпрыски надежд Российских, что болели за позорные дни, для чьих плеч были тяжелы винтовки. Маленькие люди с большими душами в ногу с бородами солдатами делали поход.

Интеллигенты – книжные теоретики, посмотревшие близорукими глазами в откровенное до страшного лицо революции и поднявшие оружие, такое незнакомое для их рук, умевших держать лишь перо.

Крестьяне. Солдаты. Много их.

За Правое Дело они пошли. В походное колонне, плечо к плечу бывший барин и бывший мужик.

БЕЛЫЕ СОЛДАТЫ...

В древнем Пскове и Острове братья шли в бой! За дом Святыя Троицы, за Святыя Церкви, за свое Отечество» и памятовали крепко, что Бог не в силе, а в правде. Бились с немцами, с ляхами, с Литвой.

Российская армия раскинула свои крылья над миром, памятуя Веру, Царя и Отечество. Клятва была свята, и верность не была политикой. С Богом и Царем выросли Суворовы и Кульневы. Была честью защита родных святынь и мир матерей.

В один год, оборонив славу, они отступили из России, чтобы от граней принести ее белой. Без Царя и Присяги, без земли, с остатками старой дисциплины, собирая по крохам разграбленное достояние земли Русской, протягивая ради Христа руку союзникам, отступали белые воины в терновой нишете.

В пути мерзлые проселочные колеи разбили обувь. Добровольцы мешками и тряпками обматывали ноги, сырые конские кожи резали на поршни, крепили телефонными проводами. После изнурительных походов, на почлегах стоя засыпали, прижавшись друг к другу. Несколько недель не снимали шинелей, умывались снегом. Еще при выходе из Мариенгаузена кончился хлеб. Денежные суммы иссякли. С Лиша христорадничали, но не грабили. Ходили по хуторам и полученные куски делили по-братски. Распухшие, изъязвленные ноги отказывались нести тела. Шли, схватившись за повозки и пулеметные надульники, поочередно сменялись. Когда колонна растягивалась длинной змеей, Дзержинский слезал с лошади, подбадривал роты командирскими приветствиями и вызывал песенников. Спотыкаясь, они обегали колонны. В метель песня сменяла песню, роты подтягивались, добровольцы бросали повозки и, хотя от холода ныли зубы, но с песнями забывали все.

Дзержинский уезжал вперед квартирьером и, когда полк приходил в деревню, он лично размещал всех и ложился последним. В походе была дисциплина. На постое солдат украл валенки сапоги. За виновного просил простивший хозяин, но вора порол перед строем. Добровольцы знали из-за каких мелочей развалилась мощная дисциплина.

Третий Режицкий полк, выступивший вместе с Островцами, в походе оказался слабо дисциплинированным, его роты таяли, солдаты разбегались. После нескольких насильных реквизиций у части солдат Режицкого полка пришлось отобрать оружие. Полковник Конопац, с небольшим числом оставшихся, отделился от Островского полка.

Конный взвод Бибикова, в пути переименованный в Конно-Егерский полк, пополняясь, двигался через Мариенбург на Руен.

Начались заносы. Островцы продвигались по колено в снегу. Обоз застревал, голодные кони приставали, и повозки приходилось вытаскивать на руках, но дух отступающих был бодр. Заболеваний среди добровольцев не было. Кадровые офицеры удивлялись выносливости усталых солдат. Лучше всех переносила поход вторая рота поручика Данилова. Поручик, опираясь на палку, улыбаясь, шел впереди бессапожной ободранной роты.

Когда полк подходил к Верро для розыска командующего Северной Армией, был послан вперед помощник командира полка полковник Анапкин. В Валке начальник Вербовочного бюро ротмистр Куражов и интендант армии о движении частей ничего не знали и денег не дали. Одни называли командующим армией подполковника Ветренко, другие же полковника Бибикова. Когда Анапкин приехал в Юрьев, к нему в гостиницу явился вооруженный полковник Бибиков и заявил:

- Почему вы не явились?! Я командир!

Получив на станции 10 000 рублей, Анапкин нагнал полк.

НАБЕГИ.

17-го декабря Островский полк отдыхал в имении Эрмес. К этому дню Валк был занят большевиками и путь отступления перерезал восставший город Руен.

Был задуман смелый налет на паходящийся в тылу красный Валк. Из полка был отобран наиболее боеспособный элемент, сохранивший одежду и обувь. Вечером, в гололедицу, после молитвы и напутственных слов Дзержинского отряд партизан-островцев до 50-ти штыков численностью, под командой ш.-к. Бергмана соединился у железной дороги с небольшим партизанским отрядом Волинского полка и вступил под командование подполковника Ветренко.

Ночью был подан паровоз и несколько открытых платформ. Партизанам приказали снять знаки отличия. Накануне начальник команды связи второго Островского полка капитан Блюм, переодевшись крестьянином, пробрался в город и выяснил местонахождение большевических частей.

Не доезжая версты до станции Валк, эшелон остановился, и снегом была выслана разведка в семь человек под командою подпрапорщика Щербовского. Она заняла станцию, захватила спавших в буфетном помещении красноармейцев, дежурный паровоз и перерезала телефонное и телеграфное сообщение. По приказанию Ветренко, большая часть отряда пробралась ночными улицами в город и, убив охранявшего совет часового, забросала здание гранатами. В городе испуганные неожиданным налетом красноармейцы, открыли беспечельную перестрелку и начали бросать ракеты.

Отряд, отойдя на станцию, дерзко дождался рассвета и отступил, неся потери под огнем неприятельских цепей. Стрельбой пулеметчиков-островцев был сбит неприятельский пулемет, работавший со станции, и отогнал подошедший бронепоезд. Красные были ошеломлены налетом измученных добровольцев и дали полку возможность беспрепятственно отступать до Руена. Первое боевое дело подняло силы и доказало, что тяжелый поход сковал в боевую силу горсть раздетых людей. Отряд стал арьергардом и, неся сторожевое охранение, медленно отходил на Руен, двигаясь цепью впереди эшелона. Стояли морозные ветряные дни. Гололедица обнажила поля. Добровольцы драли на замерзших бороздах последнюю обувь, нередко оставляя на снегу кровавые следы.

У Пиксары, где был взорван железнодорожный мост, пришлось бросить пенужный эшелон. Ночью отряд подошел к восставшему Руену и цепочками влился в город. Совет и местная красная гвардия, узнав о приближении добровольцев, спрятались по частным квартирам. Отряд не спал всю ночь. Незнакомый город зловеще притих. Патрули ловили одиночных вооруженных большевиков, одетых в штатское. В совете захватили патроны, оружие, гранаты и богатое продовольствие. Первые дни прошли кроваво. Несколько десятков захваченных было расстреляно. В эти дни среди добровольцев Волинского полка пошатнулась дисциплина. Солдаты, находившиеся под командой поручика Волинского полка Шведенко, донесли, что последний, вопреки офицерской чести, грабил население и изнасиловал дочь волостного старшины. По приговору военно-полевого суда Шведенко был разжалован и расстрелян.

Обиженные расстрелом Шведенко и почувствовавшие железную дисциплину Дзержинского, Волинцы отделились от Островского полка. Над оставшимися партизанами Островцами принял команду ш.-к. Бергман, отважный и выдержанный офицер.

Утром 24-го декабря отряд находился на ст. Руен в ближайших окопах, давая возможность безопасно отступать полку. Когда первые неприятельские колонны отступили в город, отряд был посажен на эшелон и, отстреливаясь, чудом прорвался через перерезавшую тыл толпу большевиков, развивчивающих рельсы. На ст. Абия отряд соединился с Островским полком. В этом районе добровольцы впервые вошли в соприкосновение с молодыми эстонскими частями и вместе с ними несли службу застав.

24-го декабря полковник Дзержинский был назначен командиром отдельного Северного корпуса. Командование Островским полком принял полковник Ананьин.

ПСКОВСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ. «СОЮЗНИКИ».

Организованная по инициативе городских дум и земских собраний делегация отбыла из Пскова 24-го ноября к прибывшей (по слухам) в Ревель английской эскадре. Целью

поездки было обращение к английскому правительству с просьбой о защите Псковской области от надвигающегося из центра России красного террора.

Перед отъездом делегаты были приглашены полковником фон Нефа на военное совещание, как специалисты по вопросам гражданского характера. На совещании делегацию поразило пассивное отношение Нефа к возникшей Северной Армии, в чьих рядах служили сыновья и родственники приглашенных. Нефа больше всего интересовало личное устройство жизни, и о армии он говорил слишком поверхностно. Делегация вынесла о полковнике Нефе впечатление, как о человеке, совершенно неподходящем к возглавлению ядра русских национальных сил древнего Пскова.

По прибытии в Ревель, делегация эскадры не обнаружила, а узнала о падении Пскова и Острова и об отступающих голодных полках. На просьбы делегации о пропуске белых войск на территорию Эстонии и обеспечении последних провиантом и денежным довольствием, Эстонское правительство пригласило ее на заседание кабинета министров, на котором были намечены офицерские и солдатские оклады и пайки. С такой же просьбой обратился к Эстонии явившийся в Ревель полковник фон Неф. Ему кабинет ответил, что, если общественные представители примут условия, то армия будет удовлетворена. Решение кабинета Неф передал представителям, и они совместно подписали договор, приняв на себя обязательство по восстановлению России возратить все понесенные Эстонией затраты, ручаясь учреждениями, их пославшими. После этого Неф пригласил делегацию на совещание для распределения финансовых, хозяйственных и других должностей. Когда делегация явилась, окруженный адъютантами Неф долго был занят разговорами штабного характера и долго не обращал внимания на прибывших. А потом, подойдя, сказал:

- Вам, господам, гражданским людям, в военную жизнь входить нечего, мы сами справимся.

После этих слов делегация принуждена была удалиться.

Отправив в Париж и Лондон телеграммы с мольбой о защите русской земли (на телеграммы никто

не отозвался), делегация отправилась в Ригу, где, по слухам, стояла флотилия, но последнюю удалось обнаружить лишь через несколько дней в Либаве. Английский вице-адмирал принял делегацию очень любезно, заявил, что уверен в помощи Англии в виде присылки амуниции, снаряжения и провианта, но добавил, что на живую силу рассчитывать нечего, ввиду неурегулированного вопроса с Германией. После этой беседы, подав петицию, делегаты разъехались.

В результате деятельности полковника фон Неф была в корне пресечена возможность организации гражданского правительства Псковской губернии. Этим самым был приближен и подготовлен инсценированный захват портфелей так называемым Северо-Западным правительством, самопроизвольно решившим стать главою армии. (Три четверти министров Северо-Западного правительства люди демократического, республиканского и социалистического толков почему-то забыли о выборной системе и, воспользовавшись приказанием английского генерала, беспрекословно через 40 минут оказались у власти, никем к этой власти не уполномоченные).

Через некоторое время вторичным договором с Эстонским правительством полковник фон Неф подчинил Северную армию Эстонскому командованию, и та, потеряв название армии, стала именоваться Северным Корпусом.

ДОГОВОР МЕЖДУ СЕВЕРНЫМ КОРПУСОМ И ЭСТОНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.

1. Основой взаимоотношений Северной Армии с Эстонским Правительством являются общие действия, направленные к борьбе с большевиками и анархией, причем главным направлением действий Армии является Псковская область.

2. Северная Армия гарантирует во время своего нахождения в пределах Эстонии свое невмешательство во внутренние дела последней.

3. Во время общих боевых действий в пределах Эстонии Северная Армия подчиняется Эстонскому Военному Главнокомандованию.

4. Во время нахождения своего в пределах Эстонии для совместных боевых действий, Северная Армия получает от Эстонского Правительства полностью ее обеспечивающие денежные довольствия, обмундирование, вооружение, снаряжение и обоз с запряжкой и продовольствием натурой по выработанным раскладкам. Денежное довольствие, получаемое Северной Армией от Эстонского Правительства, зачитывается, как долг организующегося Правительства России.

5. Первые три недели, со времени расположения частей Северной Армии в представленной ей районе Эстонии и со времени получения от Эстонского Правительства всех средств, указанных в п. 4, предоставляются Северной Армии исключительно на организационную работу, необходимую после тяжелого отступления.

6. Эстонское Военное Министерство и Штаб Корпуса Северной Армии взаимно командуют представителями для освещения положения и работ.

7. Северной Армии оставляется право комплектоваться лицами, не принадлежащими Эстонии. До прибытия союзников Армия не должна превышать численности свыше 3.500 человек.

8. При Штабе Северной Армии будет находиться представитель от Главного Интенданта Эстонии, которому предоставляется право контроля по расходованию выданных для Северной Армии денег, продовольствия и всех предметов снабжения.

6-го декабря 1918 года.

Подлинный подписали: Командующий Северной Армией полк. Неф.

За Военного Министра Временного Правительства Эстонии

Товарищ Военного Министра Т. Юринэ.

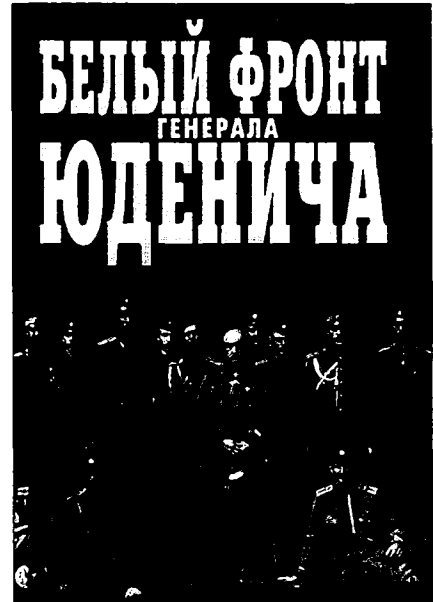
Северный корпус стал кадром С.-Запад. Армии, совершившей два похода на Петроград. Мало осталось в живых первопоходников-псковичей, много людских могил в Псковских, Петроградских и Нарвских полях. В городе Пскове с вольных времен в Троицком соборе висит меч святого князя Довмонта. «Чести своей никому не отдам» - гласит выгравированная на нем надпись...

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Северо-Западной армии. Папка 3-9, № 9, Папка 3-10, № 6.

Н. Рутыч «Белый фронт генерала Юденича»

Москва, 2002.

Труд посвящен Белому движению на северо-западе России в 1918-1919 гг. Он сочетает в себе биографический справочник и монографическое исследование. В него вошли биографии Н.Н. Юденича, А.П. Родзянко, П.В. фон Глазенапа, В.К.Пилкина, св. кн. А.П. Ливена, других генералов и офицеров (всего более 60 персоналий), составленные на основе источников отечественных и зарубежных архивов, а также личного архива автора. Раскрывается замысел генерала Юденича по овладению Петроградом, обстоятельства и причины неудачи его реализации. Показаны место и роль в операции командного звена Северо-Западной армии, участников подготовки контрреволюционного восстания в Петрограде.

Остров Талабск. Место высадки десанта Пермикина (из книги О. Калкин «На мятежных рубежах России», Псков, 2003.)

ТАЛАБСК

Статья в ревельской газете «Новая Россия» неизвестного автора интересна, прежде всего, как дополнительный источник по истории восстания на Талабских островах и формирования Талабского полка. Примечательно поведение местного священника, ставшего большевиком, купца, ставшего главой комитета по продовольствию, а также характерные черты поведения местных жителей, рассчитывающих преимущественно на внешнюю помощь в борьбе с советской властью. Интересный факт - при канонизации месточтимого святого Русской Православной Церковью сохраняется советское название острова - Залит (ничего общего с «заливами» не имеющего). Увы, это название сохраняется до сих пор. (Публикация В. Цветкова).

Лежащие на Псковском озере три острова много пережили за последнее время. Жители островов были люди патриархальные, кормились от заработков на рыбной ловле в озере и были людьми в высшей степени религиозными, потому что, находясь в маленьких лодочках в бурю на ловле, испытывали такие положения, про которые русская пословица говорит: «Кто в море не бывал, тот и Богу не молился». Рабочие и предприниматели работали дружно, рука об руку. После большевицкого переворота в России в Талабске оказался учителем некто Залит, еврей, который и стал разрушать религиозное чувство населения и прививать большевизм. Отпора он ни то кого не встречал и, пользуясь этим, подобрал шайку хулиганов, основал комитет бедноты и стал действовать повсюду.

Благоразумные жители островов, в том числе и бедняки, слезно обращались в Псков и просили немцев убрать от них смутьяна, но просьба не исполнялась.

В это время Залит успел увлечь на свою проповедь большевизма и местного священника Леонида Колосова, который из семейной невзгоды пошел в сотрудники Залита.

В это время в Пскове создавалась северная армия, и группа жителей обратилась в штаб с просьбой восстановить на островах порядок и прекратить творившиеся безобразия.

Штаб пошел навстречу, и ко-

мандированный штабом небольшой отряд очистил Талабские острова от большевиков, причем, Залит и другие главарь были захвачены и отправлены в пожизненное заключение.

Население островов восторженно приветствовало присланный отряд и восстановление порядка; немедленно составилась из всех жителей островов самоохрана и боевой военный отряд, который и предпринимал удачные набеги на берега Совдепии. С изменническим падением Пскова, в силу необходимости, пришлось созданному военному отряду и всем маломальски состоятельным и интеллигентным людям очистить Талабские острова от своего присутствия. Военные пароходы доставили войска в Лубовку, а жителей в Юрьев. Таково было положение после захвата большевиками Пскова. С этого момента началась вакханалия большевизма: все имущество уехавших было разграблено, снетосушительные заводы со всеми запасами сделались коммунистическими, а оставшийся местный богач Соловьев вторично принялся работать совместно с большевиками, сделался большевицким комиссаром по продовольствию. После этого священник Колосов снял с себя духовный сан и сделался чуть ли не прокурор в Псковском большевицком трибунале. Несмотря на такие благодетельные победы большевизма на Талабских островах, народ там

стонет от власти, стонет от голода и ждет - не дождется, когда придут русские северные войска, а с ними и свой родной талабский отряд и освободят жителей от непрошенных благодетелей.

По островам сильно распространены сведения, что союзники, англичане, прислали корабли с рожью и пшеницею для голодающей России, но не приказали отпускать, пока не будет сломлен и уничтожен в России большевизм.

Насколько народ опасается большевицких должностей, боясь впоследствии ответственности, видно из того, что должности военного комиссара в Талабске долго никто не хотел принимать на себя, боясь участи комиссара Хорева.

Талабские острова в память освобождения крестьян от крепостной зависимости, по желанию жителей, назывались Александровским посадом, но теперь высшая большевицкая власть отменила это название и приказала впредь именовать их остров «Залита». На выдаваемых удостоверениях личности значится: «Верхний остров Залита»; жители с проклятием отплеваются от этого названия, но делать нечего, приходится гнуть шею, как гнули в старое время пред опричниками и татарами.

Талабчанин

«Новая Россия», Ревель,
22 марта 1919 г.

Ар-ин.

НА ЗАЩИТЕ РИГИ

(ВСТРЕЧА НОВОГО, 1919 ГОДА).

Рассказ о первых боях русских добровольческих отрядов вместе с частями латвийской армии против наступавших полков красной армии и красных латышских стрелков. В новогодних боях, наступавшего 1919-го года, русские добровольческие формирования, брошенные своими вчерашними и новыми «союзниками», героически защищали столицу и... свободу Латвийской республики. Эти отряды стали позднее основой Отряда Св. Князя Ливена, знаменитой 5-й «Ливенской» дивизии Северо-Западной армии.

(Публикация В. Цветкова).

1918 год шел к концу; наступали Рождественские праздники. Тревожные дни переживала Рига. За отступающими германскими отрядами хлынула красная волна, почти нигде не встречая на своем пути сопротивления, и с каждым днем подходя все ближе и ближе к столице молодой Латвии. Оттуда, с востока приходили все более и более тревожные вести: пал Псков, защищаемый горсточкой храбрецов – русских добровольцев, были оставлены Остров и Режица, красные орды заняли Валк, Альт-Шванебург, Двинск и вслед за этими угнетающими сообщениями, шли еще более жуткие – отдельные, вырвавшиеся из занятых красными областей, люди рассказывали о жестоких расправах красных палачей с мирными жителями, о расстрелах и насилиях. Без задержки шли большевнические полчища на запад, охватывая Ригу с трех сторон, и смертельная опасность уже грозила самому городу. В Риге лихорадочно организовывались отряды добровольцев для защиты города и страны. В один из них зачислился и я. Ускоренным темпом в непрерывной работе, двигалась вперед военная подготовка и все же она была недостаточной, ибо, с одной стороны, помешало этому ежедневное прибытие новых и новых добровольцев, подчас совсем не подготовленных к военной службе, а, с другой стороны, усиленная патрульная и постовая служба по охране самого города.

Так наступило 30 декабря. Неприятель стоял у самых ворот Риги, а в городе почти что открыто поднимали свою голову сочувствующие коммунистам элементы. Наш отряд, под командой полковника Б., занимал Петровское реальное училище и находился в непрерывной боевой готовности, ежеминутно ожидая приказа наступить. Хотя главный штаб добровольческих отрядов, по каким-то непонятным причинам,

скрывал даже от нас серьезность общего положения, все же мы, добровольцы, отлично понимали нервное настроение, охватившее всех, и чувствовали, что ближайшие дни, быть может, уже часы, должны принести что-то решающее.

Около 10 час. вечера пришло приказание главного штаба немедленно выступить для посадки в вагоны. Мы все поняли, что командование решилось на последнюю, почти безумную попытку, задержать неприятеля, хотя бы на время, у самых ворот Риги, бросив кучку добровольцев навстречу многочисленному врагу; очевидно, было решено не сдавать Риги без боя. В течение полчаса наш отряд, человек около 150 выстроился; короткие команды и мы двинулись безмолвно на станцию. Тускло горели на улицах фонари, немногочисленные пешеходы шли как-то пугливо и, сжавшись по улицам, как будто боялись чего-то странного, таинственного, неизбежного. Около часу ночи на 31 декабря наша погрузка в вагоны была окончена, но эшелон простоял на станции отчего-то еще несколько часов. Только около 4 час. утра скрипнули колеса, поезд рванулся вперед и, равномерно ускоряя ход, покатился по рельсам. В вагоне чей-то юный, полный задора голос зашел: «Марш вперед! Друзья в поход...»

На станциях продолжительные остановки, и уже рассветало, когда мы прибыли на станцию Хинтенберг, занятую кавалерийским разъездом в 10 человек, высланных отрядом полковника А. (полковник А. старший арт. офицер, организовал конный отряд в Режице и под натиском красных отступал до самой Либавы, где погрузил свой отряд на пароход и отправился на Нарвский фронт). Наш отряд немедленно был выгружен. Была выделена застава, которая должна была занять мост через реку Аа, в пяти верстах севернее Хинтенберга; «главные силы» отряда заняли

корчму Хинценберг и ближайшие усадьбы, а станция охранялась 3 тяжелыми пулеметами под командованием ротмистра германской службы Л., опытного и храброго офицера германских колониальных войск. В центре нашего расположения встал офицерский пулеметный взвод.

Наступил полдень, большими gustами хлопьями падал снег, все промерзло и продрогло. Роздали обед. И опять шли медленные, тупые часы ожидания. Высланная разведка донесла, что хутора в 3-4 верстах от Хинценберга заняты красными. Где-то на юге трещали пулеметы. Около 3 часов дня прискакал ординарец от полк. А., стоящего со своим отрядом в 10 южнее Хинценберга, с сообщением, что на отряд полк. А. сильно нажимает неприятель. Почти одновременно с получением этой вести, из леса в двух верстах от нашей позиции, стали появляться цепи противника, которые повели на нас наступление.

Итак, мы остались одни, а справа и слева от нас двигались в почной тьме красные полчища, к одной общей, заветной цели, к Риге. О нашем положении было сообщено в главный штаб в Ригу, из которого поступило категорическое и лаконичное приказание майора Б.: «Держаться до последнего патрона!» На указание начальника нашего отряда, что у него совершенно недостаточно сил для удержания станции и 5-ти верстного фронта и что ночью отряд не в состоянии охранять себя от обхода неприятеля, майор Б. повторил свое приказание, обещая выслать нам на поддержку германский егерский батальон, который якобы уже грузится на станции Рига. Положение стало более, чем жутким. После короткого военного совета всех начальников, решено было остаться и всеми силами удержать занятую позицию до прибытия обещанного подкрепления. Около 10 часов вечера было пре-

рвано телефонное сообщение с Ригой, высланные для исправления линии телефонисты не вернулись обратно, нам стало ясно, что противник находится в нашем тылу, что мы отрезаны от всего света. Так что же нам делать? Сняться и уйти. Но это немыслимо, ибо с минуты на минуту должно прибыть подкрепление. И второй раз было решено оставаться. Только на следующий день мы узнали, что высланный майором Б. нам на поддержку егерский батальон доехал только до ст. Роденпойс, там германские солдаты устроили митинг, на котором было решено дальше не ехать. Батальон устроился на ст. Роденпойс в вагонах встретить новый год, перепился и к утру укатил обратно в Ригу. А наш отряд занимал в то время позицию у Хинценберга, ежеминутно ожидая поддержки, ежеминутно готовый вступить в решающий бой с неравным врагом.

Бесконечно медленно тянулось время. Тихая, темная, зимняя ночь. Нервы были натянуты до последнего. Мельчайший шорох заставлял насторожиться, глаза до боли впились в мрак, самые обыкновенные предметы: заборы, кусты, камни – принимали причудливые, зловещие формы. И хотя об этом не говорилось, по всем было жутко и вряд ли кто-нибудь из участников той встречи нового года под Хинценбергом, способен забыть эту ночь. Стиснув зубы, стараясь не выдавать той нервности, которая охватила каждого, добровольцы несли свою службу. Охранялась позиция не только со стороны неприятеля, охранялся и тыл постами, противник мог нагрянуть отовсюду.

Было половина двенадцатого ночи, когда стоящий на тыловом посту доброволец Б. заметил перед собой надвигающуюся цепь; на оклик часо-

вого наступающие ускорили шаг. Доброволец Б. не растерялся, он схватил одну за другой две готовые к метанию ручные гранаты и бросил их в сторону неприятеля. Гранаты разорвались в самых рядах красных, и цепь, ошеломленная взрывами, залегла. Послышались ругань и крики раненых. Также была замечена другая цепь красных, наступающая на станцию с юга. Ротмистр Л. выскочил к своим пулеметам и, крикнув своим пулеметчикам громовым, веселым голосом: «С новым годом, молодцы! Только не падать духом!», скомандовал: «Огонь!» И затрещали пулеметы по лежащим в каких-нибудь 100 шагах красным. Закричало, как в аду, отдельных выстрелов нельзя было различить; впечатление создалось явно такое, что неприятель обстреливает нас со всех сторон и вот-вот ринется в штыковой удар. Тут и там падали добровольцы, слышались стоны и крики умирающих и раненых. Одним из первых пал капитан Ц., командир батареи, доблестно ведущий своих артиллеристов в атаку на занятую красными батарею. Рядом со мной фельдфебель К. диким, полным предсмертного ужаса голосом, крикнул: «Полковник Б. убит, он приказал держаться!», крикнул, схватился за грудь и упал мертвым. Пули красных жужжали над самыми головами, как рой пчел и со стрекотом ударялись в заборы и стены зданий. Но наступил момент, когда чувствовалось, что обстрел неприятеля стал ослабевать, а потом и совсем перестал. Как-то сразу наступила зловещая тишина, изредка лишь прерываемая одиночными выстрелами. Что случилось, почему неприятель вдруг отступил; какого ночного призрака он испугался, бросив наши захваченные орудия, у которых лежал заколотый часовой –

артиллерист? И так, каким-то чудом было отбито и это наступление. Я посмотрел на часы, они показывали половину первого – во время боя наступил новый, 1919-й год.

Остальная часть ночи прошла спокойно. Утром прибыл из Риги поезд с частью добровольческого отряда полковника Д. Слишком малочисленно было это подкрепление, чтобы спасти положение. Поезд увез в Ригу раненых и убитых нашего отряда. Около полудня 1 января Хинценбергская позиция, после упорных боев, была оставлена добровольцами. Часть из них в последнюю минуту успела сесть на паровоз с двумя вагонами и уехать, остальные пробили себе дорогу к Риге через цепи красных, и только падающий густой завесой снег спас их от поголовного истребления.

Наш отряд прибыл в Ригу, потеряв за сутки отчаянного сопротивления красным полчищам приблизительно треть своего состава. Так кончилась последняя попытка остановить врага у самых ворот города, красавица Рига была сдана на поругание в окровавленные руки ошалелых красных убийц. Кто был виновником трагического конца защиты Риги, было ли то роковое стечение обстоятельств или же преступное легкомыслие высшего командования, или каких-либо других высших инстанций, об этом судить не берусь. Это могут выяснить только те лица, которые в те тревожные дни стояли у власти и хорошо знали всю закулисную игру, следили за тогдашними военными и политическими событиями.

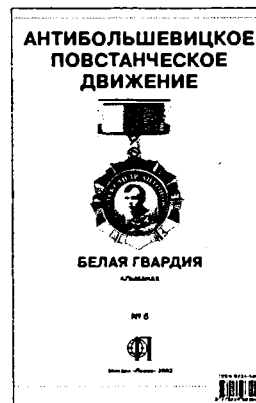
Рига. 27 декабря 1925 года.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Северо-Западной армии. Папка 3-10, № 1.

Альманах «Белая Гвардия» № 6

Редактор и составитель В.Ж. Цветков.

Специальный выпуск альманаха посвящен проблемам антибольшевизмского повстанческого сопротивления в России в годы гражданской войны. Обширный территориальный охват, солидная документальная база публикаций, высокий уровень профессионализма авторов делают данное издание уникальным. Его основу составили материалы научных конференций и семинаров, прошедших в Ижевске, Тамбове, Ярославле, Волгограде, Ливнах в 1999–2001 гг. В издание вошли архивные материалы о восстаниях в Центральной России, Сибири, на Урале и в Поволжье. Приводятся полные боевые расписания Партизанской армии Тамбовского края, Русской Народной Добровольческой армии Б. Савинкова. Выпуск иллюстрирован фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, Государственного центрального музея современной истории России, частных коллекций, цветными рисунками формы и знаков различия бойцов повстанческих армий.

СО ЩИТОМ ИЛИ НА ЩИТЕ

(С РЕВЕЛЬСКИМ СТРЕЛКОВЫМ ПОЛКОМ В БОРЬБЕ ЗА РОДИНУ И ПОРЯДОК).

История формирования Ревельского стрелкового полка Северо-Западной армии – это история участия русских добровольческих отрядов в защите другого независимого Прибалтийского государства – Эстонии. Боевое братство между русскими и эстонскими солдатами и офицерами прошло в 1919-1920 гг. через множество испытаний. И, очевидно, не стоит ставить знак равенства между взаимоотношениями военных и политиков Белого движения и независимой Эстонской республики. Следует помнить тот факт, что свобода Эстонии зимой 1919 г. защищалась и русскими белыми добровольцами, составившими затем (вместе с частями, отступавшими из Пскова) основу Северного корпуса Эстонской армии – фактически наиболее боеспособной ее части. Очерк неизвестного автора, офицера-ревельца, повествует о первых боях Ревельского полка, отражает особенности его комплектования и организации.

(Публикация В. Цветкова.)

I. ОСНОВАНИЕ РЕВЕЛЬСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА И СТОЯНКА ЕГО В РЕВЕЛЕ

Осень 1918 года приближалась к концу, когда до Ревеля долетели первые вести о вспыхнувшей в Германии революции, и население оккупированной германскими войсками Эстонии поняло, что оно стоит накануне грозных и, быть может, кровавых событий. Германские оккупационные власти держали себя в первые дни с большим достоинством. В кратких и ясных аншлагах генерал фон Закендорф, командующий германскими войсками 68 окуп. участка, т.е. всей бывшей Эстляндской губ., сообщал населению о политических событиях, с поразительной настойчивостью, повторяя в конце каждого сообщения стереотипное: «Призываю население к спокойствию! Положение в оккупированной мною области не изменится! Я остаюсь с войсками на месте! Большевики не займут области!» Но, несмотря на эти успокоительные бюллетени, обыватели, особенно буржуазные элементы, все же сразу заволновались. И было, о чем волноваться: ведь на востоке, там где-то в болотистых лесах, за широкой Наровой, вставала опять кровавая тень красного вампира, готового броситься на свою беззащитную жертву. Не волновалась лишь ультра-национально настроенная часть эстонской интеллигенции, ликующая при известии о гибели Германии и страстно желающая ухода ненавистных германских оккупантов. В те дни казалось, что эти, терявшие от телачьих восторгов разум, господа, твердо усвоили себе брошенный большевиками лозунг: «Чем хуже, тем лучше!» Они не думали о том, что будет на другой день, после ухода германских войск, они забыли, как 22 февраля, за два дня до прихода «проклятых» германцев, пьяные

матросы, предводительствуемые эстонскими коммунистами типа Анвельда и Пэгельмана, ворвались в Ревеле в зал, где заседало Первое эстонское национальное собрание, площадной руганью и прикладами разогнали присутствующих и жестоко избили руководителей собрания.

Позабыто было и то, что только приход германских отрядов повсюду в Эстонии положил конец грабегам и убийствам большевистских банд. Эти эстонские ура-патриоты повторяли все одно: «Лишь бы германцы скорее ушли, а с большевиками мы справимся, они нам не страшны!» Но вот пришел тот момент, поистине страшный момент, когда, вопреки еще вчерашним заявлениям, германские войсковые части стали бросать все и поспешно начали эвакуировать занятую область. Они покинули Нарву, очистили Везенберг, а вслед за ними, никем не сдерживаемая, хлынула красная волна. Впоследствии рассказывали, что, чуть ли не на второй день после ухода германцев, в Нарве уже заседало «Правительство Красной Эстонии», возглавляемое Анвельдом. Германцы, отступая, докатились до ст. Тапс, а оттуда двинулись на юг, на Ригу. Вместе с германцами шла война беженцев и отступали маленькие отряды смельчаков, решивших бороться до последней возможности с красной нечистью. Враг стоял уже у самых ворот Ревеля и казалось, что, если не завтра, так через неделю всему будет конец, и красные палачи действительно, как они хвастливо обещались в разбрасываемых в городе прокламациях, расправятся с «сбежавшими в Ревель капиталистами и прочей буржуазной сволочью». Лихорадочно организовывались отряды по борьбе с большевиками. Эстонцы организовали так. наз. «самозащиту» (кайтселит), началась вербовка в «Балтийский полк», состоящий из

балтийских немцев, собрал маленький отряд, прославившийся своими безумными подвигами и павший впоследствии смертью храбрых, поручик Куприянов. Была объявлена всеобщая мобилизация, которая, однако, прошла весьма слабо, ибо в те дни эстонское правительство не имело достаточного авторитета и было только «тенью власти». Кроме того, с одной стороны, часть населения малодушно считало борьбу с красными полчищами безнадежной и потому не решалась активно «вмешиваться» в какие бы то ни было «белые дела», а с другой стороны, было и не мало тех, которые ждали, не дождалась прихода «красных освободителей».

В эти тревожные дни в Ревеле группа русских общественных деятелей обратилась к находящимся в Ревеле русским офицерам и малочисленному русскому населению города с предложением организовать русский отряд для борьбы с надвигающимся врагом. На организацию было получено разрешение командования Северной Армии, а также Эстонского правительства. На призыв горячо откликнулись все те, в ком еще не умерла вера в победу над бандой международных проходимцев, ведущих ошалелых, одураченных красноармейцев резать мирное население. Во главе отряда встал подполковник Бадендык, который в самом непродолжительном времени собрал и организовал несколько сот добровольцев, в начале по большей части офицеров. Так был основан Ревельский Партизанский Отряд, ядро будущего Ревельского Стрелкового Полка. На спех шла боевая подготовка и спайка отряда. А в это время, казалось, приближался трагический конец защиты Ревеля. Очевидно было, что защитники города слишком малочисленны и что даже при самой геройской защите конец неминуем, и город будет

занят большевиками. Ревель кишел большевицкими агитаторами, выловить которых не оказалось никакой возможности, и то тут, то там, уже открыто, поднимали свою голову местные коммунисты, загнанные было в подполье и державшиеся более или менее пассивно во времена германской оккупации. Но береженого и Бог бережет! В решающий момент прибыла помощь, приехали отряды финских добровольцев. И картина сразу изменилась. Со своими беспощадными приемами борьбы, финские добровольцы наводили панический страх на красноармейские части, и не только остановили наступающего врага, но и в первые же дни обратили его в беспорядочное бегство. Ревельский Партизанский Отряд рвался на фронт, но его выступление изо дня в день задерживалось получением обмундирования и какими-то соображениями высшего эстонского командования. Наконец, дело с обмундированием было урегулировано. Какой-то доброжелатель пожертвовал изрядную сумму, на которую было приобретено у эстонского правительства обмундирование на складах стоявшего до русско-германской войны в Ревеле Онежского и Беломорского полков.

Отряд был одет в старые, мирного времени, черные мундиры с красными обивками. Получена была также партия сапог. Таким образом, отряд был приведен в полную боевую готовность, и он с нетерпением ждал приказа выступить. Ревельский Партизанский Отряд к этому моменту состоял из двух пехотных полурот, пулеметного взвода, офицерского взвода, взвода конных разведчиков и саперного взвода. Ревельским Русским Обществом было в торжественной церемонии преподнесено отряду знамя, на котором золотыми буквами было вышито древнее изречение: «Со щитом или на щите». Полковник Бадендык обратился к отряду с горячим призывом держать знамя высоко, благословил партизан на путь ратный и высказал уверенность, что все чины отряда будут помнить всегда слова, вышитые на знамени и ясно выражающие ту истину, что для партизан существует только два исхода: пасть смертью храбрых или же выйти победителями и спасти Родину от кровавого дурмана. Это знамя впоследствии сопровождало Ревельцев в их бесчисленных победах, оно ободряло

партизан в черные, беспросветные дни отступления, а лучшим доказательством того, что Ревельцы твердо помнили вышитые золотом слова, являются те бесконечные могилы павших в неравном бою партизан, разбросанных по всей обширной Северо-Западной области и Эстонии.

Наконец, после долгой, скучной стоянки в Ревеле, отряд получил приказ погрузиться в эшелоны и выступить на Нарвский фронт. Этот приказ был принят Ревельцами с большим воодушевлением и искренней радостью. В ночь на 13 февраля эшелоны партизан катились на восток, и Ревельский Партизанский Отряд двинулся навстречу боевым подвигам.

II. РЕВЕЛЬСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД НА СТРАЖЕ НАРВЫ

Ранним зимним утром 13 февраля 1919 года эшелон Ревельского Партизанского Отряда прибыл в Нарву. Распоряжением высшего эстонского командования в Ревеле, отряд был присоединен к действующей эстонской армии и поступил в непосредственное подчинение командиру 5 эст. пех. полка, являясь как бы прикомандированной частью этого полка. По приказанию к-ра 5 эст. пех. полка, штаб которого находился в Нарве, эшелон ревельцев был выгружен и расквартирован в обширных помещениях бывшей «Петроградской Гостиницы» по Вышгородской улице, в самом центре города.

Время уже шло за полдень. На дворе гостиницы дымилась походная кухня, каким-то образом раздобытая еще в Ревеле; пахло щами. Прозвучало столь родное и трогательное «Отче наш»; раздали обед. Потом свободные от наряда ревельцы получили отпуск в город.

Нарва имела какой-то мертвый, унылый вид, и медленно угасающий серый зимний день еще больше усиливал это гнетущее впечатление. Немногочисленные пешеходы двигались по улицам как-то вяло, нехотя; шныряли эстонские солдаты, подчас удивительно похожие своей перьяшливой наружностью на своих коллег по Красной армии. Тут и там по два, по три гуляли в белых полушубках финны-добровольцы, приятно отражаясь своей молодцеватой выправкой и прекрасным обмундированием на старом безотрадном фоне общей недисциплинированно-

сти, царившей в те времена в эстонской армии. В городе много заколоченных окон и дверей, признаки поспешного, панического бегства жителей от большевицких ужасов. В некоторых местах выбитые пулями стекла и исцарапанные ими же стены домов. Особенно заметны эти следы недавних боевых стычек на здании гостиницы Метрополь. Здесь в красные дни квартировал окруженный матросами и элементами Нарвского дна, сам красный «главковерх» Нарвского фронта - небезызвестный матрос Дыбенко. Этот «красный витязь» до последней минуты клялся, что не отдаст Нарвы «белогвардейским бандам». Матросы Дыбенки бесчинствовали и грабили, а сам атаман со своими штабом предавался в «Метрополе» беспробудному пьянству и устраивал оргии с проститутками. Характерно то, что в Нарве была расстреляна матросами целая группа этих несчастных «жриц любви» по той причине, что они якобы наградили «красу и гордость русской революции» венерическими болезнями. Когда в город ворвались финские добровольцы, то Дыбенко с несколькими приближенными в последний момент успел выскочить из Нарвы на автомобиле, оставив своих преданных, обезумевших от кокаина, крови и страха матросов, в руках финнов, которые расправились с ними жестоко и беспощадно. Так рассказывали мирные жители города, вынесшие на своих плечах все ужасы красного произвола.

На пятый день стоянки в Нарве, Партизанский отряд получил от к-ра 5 эст. полка первую боевую задачу. Батальон 4 эстонского полка должен был повести ночное фронтальное наступление на большевицкие позиции у дер. Комаровки, а отряду было дано приказание лесными дорогами пробраться в глубокий тыл неприятеля, взорвать железнодорожный мост у полустапка Сала и заградить путь отступления от дер. Комаровки отходящему противнику. В 6 час. вечера отряд выступил. Перешел через мост на Ивангородскую сторону, вышел за проволочные заграждения, тянувшиеся еще со времени германской оккупации вокруг города и благополучно, незамеченным добрался до леса, который находился на одной линии с большевицкими позициями. Короткая остановка, точнее ориентировка

по карте и компасу, а потом путь шел дальше по болотистому лесу, прямо на восток. К 11 час. ночи Ревельцы уже были на высоте станции Сала, т.е. вышли к назначенному по плану пункту. Отряд остановился, была выслана разведка, которая должна была установить, что делается на станции и где в точности находится предполагаемый к взрыву мост. Вскоре разведчики вернулись и принесли все нужные сведения. Теперь оставалось только ждать наступления эстонцев под Комаровкой, которое должно было послужить сигналом для начала действий отряда. Около 12 часов ночи у Комаровки началась перестрелка, видны были три красные ракеты – сигнал эстонцев: «Мы наступаем». Партизаны двинулись вперед. Саперы-подрывники под командою поручика Исберга сбили караул у моста, заложили пироксилиновые шашки – мост с грохотом взлетел. Эта мера была крайне необходима для дальнейшей удачи операции, ибо взрывом моста неприятельскому бронепоезду был загражден путь к Комаровке. Минут через 20 после взрыва, бронепоезд уже был на станции Сала и ураганным пулеметным огнем обстреливал правый фланг ревельцев, не причиняя, впрочем, никакого вреда партизанам, так как они уже успели отойти от взорванного моста. Цепью шли дальше, приближаясь с тыла к Комаровке. Подходили к какой-то усадьбе версты 1,5-2 от Комаровки. На усадьбе затрещал пулемет. Офицерский взвод, думая, что имеет перед собою часть, отступил от Комаровки, бросился на «ура» и захватил неприятельскую заставу человек в 20 с пулеметом. Из допроса пленных выяснилось, что эстонцы не только заняли Комаровку, но даже должны были отступить, ввиду того, что во время боя перешел на сторону красных целый эстонский взвод. Перестрелка под Комаровкой прекратилась не по причине отступления красных, а потому, что эстонцы отошли. Партизаны не верили своим ушам. Но следующие события вскоре полностью подтвердили правильность показаний опрошенных красноармейцев. Красные повели на отряд наступление с трех сторон: от Комаровки, со стороны железной дороги и из Салы (десант с бронепоезда). Партизанам пришлось отходить. Только перед самой зарей Ревельцы, пробившись через красноармейские заслоны, вышли

к эстонским позициям под Нарвой, где они вдобавок еще не были узнаны и обстреляны эстонцами. Результаты ночной операции для отряда были следующие: партизаны потеряли убитыми прапорщика Александра, павшего при взятии пулемета и восемь человек ранеными.

Тело прапорщика Александра, как и все раненые, были, несмотря на все трудности, захвачены с собой и вывезены в Нарву. Захвачено было около 20 человек пленных, пулемет, телефонный аппарат и несколько винтовок. Так закончилось боевое крещение Ревельского Партизанского Отряда.

Часть пленных изъявила согласие служить в Отряде, и была принята, остальные были сданы в штаб 5 эстонского полка. Также были сданы эстонцам, по приказанию командира 5 полка, захваченные пулеметы, телефонный аппарат и винтовки.

Через два дня после ночного боя партизаны в торжественном шествии отнесли тело погибшего боевого товарища прапорщика Александра, гроб которого был покрыт русским трехцветным знаменем, на станцию Нарва для отправки в Тапсаль, где жила убитая горем мать сына-героя. Прапорщик Александров – первый из партизан вернулся домой на шите. Исполнились в первый раз слова вышитые золотом на знамени Партизанского отряда.

Как бы в ответ на сильный ночной налет Ревельцев, красные 20 февраля самым систематическим образом начали разрушать Нарву артиллерийским огнем, причем эти упражнения в стрельбе по незащищенному городу производились по 2-3 раза в день, каждый раз в продолжение 2-3 часов. Расстреливали город батареи, подвезенные к Комаровке, орудия бронепоезда, а также броневые автомобили, подъезжающие чуть ли не к самому проволочному заграждению по Петроградскому шоссе. Эстонцы были бессильны бороться с этим обстрелом, ибо у них кроме 2-3 батарей легких полевых орудий, ничего не имелось; эстонский бронированный поезд не мог попасть через Нарву (взорванный мост), а о броневых автомобилях эстонское командование в то время знало только понаслышке. В первые дни красные держали под огнем т.н. «Старый город», а на третий день, когда красные артиллеристы, очевидно, решили, что эта часть Нарвы уже до-

статочно разрушена, начали обстреливать станцию Нарву и прилегающее к ней предместье Уоахимсталь.

Если обстрел Старого города мог быть мотивирован, хотя бы тем, что здесь находились некоторые штабы и учреждения и стояли войсковые части (напр., Ревельский Отряд) и этот район города населялся по большей части т.н. «буржуями», то обстрел Уоахимстаня уже явился какой-то непонятной, просто каторжной, выходкой. Уоахимсталь, с его маленькими деревянными домами, сплошь населен рабочим элементом и беднотой, которых расстреливать и просто губить совсем, казалось, не входило в задачу «рабоче-крестьянских артиллеристов».

Как бы там ни было, но население города страдало ужасно, и им овладела паника. В Нарве уже не было дома, который больше или меньше не был бы поврежден от попаданий снарядов. Обстрел продолжался шесть дней подряд и потом так же внезапно, как начался, окончился. Впоследствии оказалось, что этот усиленный артиллерийский огонь был артиллерийской подготовкой к общему наступлению неприятеля. Так, по крайней мере, объяснил этот кошмар командир одной из красных батарей, перебежавший 26 февраля вечером к эстонцам. Этот артиллерист, бывший капитан русской армии, привез с собой сведения чрезвычайной важности и, быть может, только благодаря ему Нарва спаслась от вторичного нашествия красных гуннов.

Сведения эти заключались в следующем: в Ямбурге уже несколько дней находится сам красный «генералиссимус» Троцкий; на Нарвский фронт прибыли 2 вновь сформированные дивизии и около десяти самостоятельных коммунистических отрядов; красным войскам объявлен приказ Троцкого, в котором говорится, что Нарва должна быть взята и что он, Троцкий, во главе войск перенесет красное знамя через Нарву и поможет эстонскому пролетариату освободиться от капиталистов и генералов в золотых погонах. Экземпляр этого приказа перебежчик передал командир 5 эстонского полка. Начало общего наступления было назначено на утро 27 февраля.

*Библиотека-фонд «Русское За-
рубежье», Архив Северо-Западной
армии, Папка 3-10, № 7.*

Е. И. Шимановский

ИСТОРИЯ 53-го ПЕХОТНОГО ВОЛЫНСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОЛКА

История формирования Волынского полка, одного из немногих возрожденных полков старой армии в составе Северо-Западного фронта, показательна как пример создания воинской части на основании сочетания «кадрового» и «партизанского»-добровольческого принципов. Волынский полк – единственная воинская часть, объединившая две армии – Северную и Южную, призванная стать основой единой белой армии, идущей под знаменами восстановления Династии Романовых. Армии, так и не созданной. Поручик Е.И. Шимановский, доброволец полка, описывает в этом очерке первые бои полка составе Северной армии, особенности взаимоотношений с командованием, специфику комплектования воинской части.

(Публикация В. Цветкова.)

В дни великого распада русской армии 53-й пехотный Волынский полк стоял на Юго-западном фронте и был расформирован вскоре после октябрьского переворота. Расформирование протекало крайне безалаберно. Буйствующие солдаты полка разделили между собой полковые деньги, цейхгауз, лошадей и телефоны. Командир полка поспешил уехать в Одессу: в дальнейшем никаких сведений о нем не сохранилось.

Полковое знамя уцелело. Оно слано кем-то из офицеров под расписку в Алексеевский музей в Киеве, где и хранится. Там же, в Алексеевском музее, хранится и Георгиевское знамя 1-го батальона тоже уцелевшее от разгрома. Спасено еще одно батальонное знамя (номер батальона неизвестен): оно на руках у одного из офицеров полка (фамилия не известна). Полковая печать сохранилась в главном штабе Украинской Армии.

О том, кем были переданы волыньские знамена и печать на сохранение, при каких обстоятельствах эта передача состоялась и когда она произошла, об этом никаких сведений не имеется.

Во время германской оккупации на Украине (июль 1918 года) начала сформировываться Южная Армия. Вновь стали возникать и восстанавливаться многие старые, разваленные полки. И вот, в группе офицеров (подполк. Будзилович, подполк. Бауэр, штабс-капит. Галецкий, штабс-кап. Решетин, поручик Днепровский и друг.), случайно собравшихся в г. Киеве и раньше вовсе не служивших в Волынском полку, - в этой группе впервые зародилась мысль воссоздать 53 Волынский полк. По своей личной инициативе вышеуказанные офицеры обратились к подполковнику генерального штаба Украинской Армии Ветренко (штаб-офицер для поручения при штабе от главного управления Украинцы генерального штаба, бывший начальник 35 и 50 корпусов русской армии), с просьбой взять на себя все труды по формированию и командованию Волынским полком. Подполковник Ветренко дал свое согласие.

Начальник Главного Бюро Южной Армии на рапорт подполковника Ветренко о разрешении формирования полка наложил резолюцию: «Разрешаю формировать». Дату 3 октября 1918 г. и следует считать датой воссоздания Волынского полка. Правительство Украинской Державы сознательно ставило препятствия на пути дальнейшего развития молодого полка. Оно ни в коем случае не позволяло формироваться полку на Украинской

территории для Южной Армии, мотивируя свои чудачества следующими соображениями: «Волынский полк – из Волыни, это – Украинский полк, и его нельзя дать русской армии». В связи с этим Украинское Правительство не выдавало ни полкового знамени, ни полковой печати. Конфликт был улажен лишь только после того, как Командующий Южной Армией официально переименовал 53 «Волынский» полк в 53 «Великого Князя Николая Николаевича» полк. Впоследствии, с уходом 53 Великого Князя Николая Николаевича полка из Украины титул «Волынский» сам собою вернулся к своей цифре «53» и, соединившись с великокняжеским титулом, дал новое полковое заглавие – 53 пехотный «Волынский Великого Князя Николая Николаевича» полк. Это заглавие и осталось за полком на все последующее время. Местом формирования полка была определена ст. Миллерово, области войска Донского. Первоначально полк пополнялся добровольцами, которых набирали волыньские вербовщики – офицеры в Киеве, при Главном Вербовочном Бюро Южной Армии. Замечался приток добровольцев и из других местностей, куда также были посланы вербовщики – из Черниговской, Нежинской, Полтавской губ., из Бобруйска Минской губ., из Минска.

Первоначально ядро полка составили: 1) Офицеры-добровольцы, отправившиеся в первую очередь на ст. Миллерово; 2) Смешанная группа (офицеры и солдаты), уехавшие во вторую очередь и 3) Команда разведчиков, сформированная прапорщиком (фамилия неразборчиво) и добровольно поступившая на службу. Первый приказ был издан подполк. Ветренко в г. Киеве 12 октября 1918 г.

18 октября в Киев присаждают представителя Северной Армии и просят у командующего Южной армией поддержки живой силой. Как бы в ответ на эту просьбу командующий Южной Армией приказывает подполковнику Ветренко перенести формирование полка со ст. Миллерово в г. Двинск. Предполагается, что Волынский полк по его формированию будет полком для связи Северной Армии с Южной.

Группы добровольцев солдат и офицеров (всех групп – около 10) по 10-15 человек каждая, направляются из Киева пароходом и по ж.д. в г. Двинск. При этой перевозке волыньцев немцы оказывают содействие – выдают литеры для бесплатного проезда,

выдают пропуска (В этом много помог обер-офицер для поручений при оберкоманд. лейтенант Галмерин). Не успел еще штаб полка перебраться в Двинск, как Верховное немецкое командование своей властью переводит волыньцев, раньше штаба прибывших в Двинск, из Двинска в Псков. Туда же, в Псков, переезжает штаб полка.

29 октября штаб полка расквартировывается в гост. «Париж», офицеры – в гост. «Лондон» и «Палермо», а солдаты – в казармах. Волынский полк зачисляется на весьма скудное довольствие при 1 Псковском добровольческом стрелковом полку. Немецкое командование и штаб Северной Армии в Пскове только обещают, но ничего не дают: ни снаряжения, ни денег, ни обмундирования, ни ружьев. Положение Волынского полка становится критическим. Оружие – перержавшие винтовки без штыков волыньцы получают от немцев в самый кагун немецкой революции, когда по городу распространяются зловещие слухи о грядущем восстании большевиков и готовящейся Варфоломеевской ночи.

1 ноября 1918 года. Наступает период немецких нестроений; немецкие солдаты срывают у своих офицеров погоны. В это беспокойное и тяжелое время Волынский полк продолжает свое формирование в Пскове. По городу развешиваются плакаты с приглашением вступать в ряды Волынского полка; при вербовочном бюро Северной Армии остается офицер-волынец, но приток добровольцев замечается слабый. Штаб Северной Армии получает сведения о том, что большевики готовятся взять Псков: в м. Торошино (18 верст к северо-западу от Пскова) накапливается противник. Штабом Северной Армии организовывается большая боевая разведка в составе 60 волыньцев и 150 солдат отряда Балаховича для выяснения наличия и сил противника.

Ночью 24 ноября 1918 года разведка выясняет присутствие врага в нескольких верстах от Пскова по ж.д. на Луки – Петроград. Той же ночью был обнаружен большевицкий бронированный поезд к западу от Пскова на ж.д. линии Псков – Дно в районе деревни Языково – село Керкман. Утром 25 ноября сводный отряд из солдат Волынского, Островского полков, отряда Балаховича, под командой подполковника Ветренко выступил из Пскова в почт. ст. Кресты навстречу врагу.

«НАСТУПЛЕНИЕ НА ПЕТРОГРАД НЕОБХОДИМО»

Весной 1919-го года обстановка на всех фронтах Белого движения стала быстро меняться. Началось широкомасштабное наступление Российской Армии адмирала Колчака. Вооруженные Силы Юга России успешно разгромили части красной армии в Донбассе и на Северном Кавказе. Достаточно прочным, гарантированным союзнической помощью, представлялось положение Северной армии ген. Миллера. В этой обстановке Северо-Западный фронт приобретал уже иное значение, чем то, вспомогательное, которое представлялось в конце 1918, начале 1919 гг. В Париже проходили совещания мирной конференции, призванной установить «новый порядок» в послевоенной Европе. Однако Россия, на конференции не была представлена. Ни одно из возникших на территории бывшей Российской Империи белых правительств не имело официального признания со стороны «держав-победительниц». Поэтому скорейшее завершение гражданской войны и «победоносная ликвидация большевизма» представлялись военным и политическим деятелям Белого движения крайне важными. В планах российской контрреволюции быстрый удар на Петроград и последующее общее наступление Северного, Северо-Западного и Восточного фронтов на Москву могли бы сыграть решающую роль. Приведенные ниже уникальные документы свидетельствуют об этой новой роли Северо-Западного фронта в планируемых операциях весны-лета 1919 г. Их авторы те, от чьих решений, зависело очень многое в судьбе Северной армии. Это - министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов, посол России в Швеции К.Н. Гулькевич, председатель Особой военной миссии по оказанию помощи Белым армиям в Лондоне генерал-майор Б.В. Геруа, Военный Представитель Русской армии при союзных правительствах и Союзном Верховном командовании в Париже генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев (сын которого был офицером Северо-Западной армии), его начальник штаба, выдающийся военный историк и теоретик генерал-лейтенант Н.Н. Головин, наконец, сам Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак и Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенант А.И. Деникин. Появляется и новый адресат - генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, кавалер Ордена Св. Георгия 2-й степени, «покоритель Эрзерума», «герой Кавказского фронта». Именно ему предстояло повести на Петроград части Северной армии, превратить полупартизанские добровольческие отряды в дисциплинированные, организованные, хорошо обученные полки и дивизии. Общий лейтмотив всех писем и телеграмм - люди есть, очевидна цель наступления, но необходимо снабдить армию обмундированием, вооружением, особенно продовольствием (и для «голодающего Петрограда»). Следовало также заручиться поддержкой, или хотя бы дружеским нейтралитетом, Эстонии и Финляндии, что требовало гарантии их политической независимости. Сложности встречались на пути формирования правительственных структур белого Северо-Запада, но и эту проблему предполагалось решить.

(Публикация В. Цветкова.).

Юденич - Деникину.

Милостивый государь, Антон Иванович!

Посылаю Вам копию с телеграммы № 65, посланной мною Адмиралу Колчаку через нашего военного агента в Стокгольме, 21 января 1919 года, тотчас, как мне стало известно, что он принял на себя должность Верховного Правителя. Я поручил полковнику Кандаурову передать Вам упомянутую копию телеграфом, но, не будучи уверенным, дошла ли до Вас эта телеграмма и в каком виде, посылаю ее Вам с курьером. Из этой телеграммы Вы усмотрите цель моего пребывания здесь и мои намерения. Я опираюсь на местный Русский Комитет, председателем которого стоит Антон Владимирович Карташев, товарищами председателя кн. Волконский и Струве. В Комитет входят представители всех общественных групп от кадет и правые представители торгово-промышленного класса. Струве поехал в Лондон и Париж, чтобы поддержать там нашу идею. Нашему посланнику в Стокгольме Гулькевичу, который теперь тоже в Париже, мой план тоже известен.

Доказывать Вам возможность и выгоду действия против большевиков в направлении на Петроград и, впоследствии, на Москву, базируясь на Балтийские губернии и на Финляндию, считаю излишним - это ясно. Люди здесь есть, желание работать есть, но средств нет. Некоторую денежную сумму, размер которой еще определить нельзя, предполагают собрать здешние капиталисты и промышленники, во всяком случае, эта сумма будет незначительна и даст лишь средства для начала действий. Нам необходимо вооружение, снаряжение, продовольствие для армии, Петрограда и его области и деньги. Я считаю, что в течении двух месяцев, со дня отпуска необходимых средств с Петроградом и его областью будет покончено и я пробьюсь на соединение с адмиралом Колчаком. Денег нужно сверх вооружения и обмундирования по 50 миллионов на непредвиденные расходы, а всего, следовательно, 150 миллионов. Продовольствие Петрограда и его области в расчете не при-

нято - эти деньги вернутся, население будет платить за доставляемые ему продукты.

Положение Петрограда отчаянное, город вымирает, на рынках китайцы продают человеческое мясо под названием телятины, это тела расстрелянных ими людей. Если предоставляется возможность освободить Петроград от ужаса большевицкого управления хотя бы на один месяц раньше, чем это может быть достигнуто наступлением с юга или востока, это должно быть исполнено, и лишать нас здесь возможности сделать это - грешно. Вот почему я обращаюсь к Вам с просьбой - помогите мне. Не можете уделить из имеющихся у Вас средств, я знаю, до последнего времени Вы сами во всем нуждались, убедите наших представителей в Париже, убедите союзников. Если моя личность не угодна Адмиралу Колчаку, Вам или союзникам, сообщите, и я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите само дело. До меня дошли сведения, что Южное правительство относится отрицательно ко всем организациям на Северо-Западе, какого бы толка они не были. Эти сведения распространяет бывший несколько дней тому назад в Гельсингфорсе, именовавший себя курьером от Вас капитан ЛГв 2-й Артиллерийской бригады Короленко. Вот почему и обращаюсь к Вам с этим письмом. Преданный Вам и готовый к услугам, Н. Юденич.

№ 76.

Копия телеграммы.

Омск. Верховному Правителю Адмиралу Колчаку.

С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и Балтийскую губернию. Удобства сообщения с Антантой и краткость расстояний до Петрограда и Москвы - двух очагов большевизма, составляют выгоды этого направления. Около меня объединились все партии от кадет и правых. Представители торгово-промышленного класса, находящегося в Финляндии, обещали

финансовую поддержку. Реальная сила, которой я располагаю в настоящее время, - Северный корпус в три тысячи человек дерется с большевиками в Эстляндии и три-четыре тысячи офицеров находятся в Финляндии и Скандинавии. Это кадры для будущих формирований добровольческой армии. Я рассчитываю также и на некоторое число (до тридцати тысяч) военнопленных офицеров и солдат, пригодных для армии по нравственному и физическому состоянию. Без помощи Антанты обойтись нельзя и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа еще не имею. Необходимо воздействие союзников на Финляндию дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом офицеров. То же - в отношении Эстляндии и Латвии. Необходима помощь в достаточном количестве вооружением, снаряжением, техническими средствами, особенно нужны танки и аэропланы, финансами, продовольствием. Без этого занимать Петроград нельзя, город буквально вымирает от голода. Вооруженная сила от Антанты не требуется, достаточно флота для обеспечения портов, но если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволиите поддержать мое ходатайство перед Антантой. Ответ прошу направить через нашего военного агента в Стокгольме, Гельсингфорсе.

21 января 1919 г. № 65.

ГА РФ. Ф. 446, Оп. 2, Д. 94, Лл. 2-2 об.

Головин - Щербачеву.

2 апреля 1919 г.

Принимая во внимание решение Политического Совещания 7 апреля, относительно значения формирования генерала Юденича и Петроградской операции, докладывая, что необходимо:

1). Ознакомить генерала Юденича с указанным решением Совещания и о предполагаемых новых шагах для получения помощи Антанты, с указанием хотя бы приблизительного срока, в течение которого генералу Юденичу, в ожидании политических результатов, следует поддерживать начатое им дело.

2). Просить о безотлагательной реализации для генерала Юденича миллиона рублей, назначенного ему Адмиралом Колчаком по телеграмме его 2 февраля № 90.

3). Изыскать средства для поддержания Петроградской разведки, Петроградских антибольшевических организаций, разрушившихся вследствие истощения денег.

4). Испросить немедленную помощь Антанты для снабжения 3,5 тысячного отряда, находящегося в Эстонии, со ссылкой на имевшее место распределение присланного английским правительством снаряжения только между эстонскими частями.

5). Ходатайствовать об облегчении условий связи (посылка телеграмм) с генералом Юденичем (минуя Стокгольм).

6). Просить теперь же принять меры к тому, чтобы на случай возможности использовать Финляндию как территорию для формирования, иметь право формировать и собирать силы на территории Эстляндии, включая острова Эзель и Даго. Уже в настоящее время эта территория нужна для направления волонтеров, набранных из числа военнопленных. Отсутствие подобной территории для сбора волонтеров может разрушить всю организацию по набору добровольцев.

Подписал генерал-лейтенант Головин.

ГА РФ. Ф. 5936, Оп. 1, Д. 182., Лл. 1-2.

Головин - Щербачеву.

Создаваемая обстановка указывает, что текущее лето - решающий период борьбы с большевиками. Рассчитывать на активное содействие вооруженных сил Союзников нельзя, мы предоставлены нашим собственным силам, используя их помощь в области снабжения. Спасение России может прийти только с фронта Сибирских Армий, непосредственно руководимых Верховным Правителем, успешно продвигающихся вперед, имея ближайшей целью освобождение Поволжья.

Южные Армии генерала Деникина борются сейчас на Юге Донской области. Получив поддержку Добровольцев и Кубанцев, Донцы, оправившись и восстановив некоторые из своих частей, откинули красных за реку Донец; на Востоке Донцы успешно держатся в районе Великокняжеской. В тылу красных, в Верхне-Донском округе, вспыхнуло восстание казаков, для подавления которого красные взяли крупные силы с фронта. Ошибки Союзников на юге России, приведшие к потере ими Одессы и в ближайшем времени к утрате Крыма, совершенно меняют стратегическую обстановку на Юге. Задачей генерала Деникина в ближайшем будущем может явиться только защита от большевиков Южной части Дона, Кубани и Терска. Считаю, что только при дальнейшем успешном продвижении Сибирских Армий генерал Деникин сможет принять активное участие, задавшись целью восстановить общий казачий фронт и движением с Юга помочь действиям Сибирских Армий в Поволжье. Полагаю, что прежний расчет на Армии генерала Деникина как на силу, могущую через юг самостоятельно действовать на Москву, отпадает, что на них можно рассчитывать во время ближайших операций только как на силу, чисто вспомогательную по отношению к тому главному удару, который ныне выпадет на долю Сибирских Армий. Точных сведений численности Южных Армий генерала Деникина привести не могу, т.к. официальных сообщений мы давно не получали, но могу утверждать, что численность этих армий сильно уменьшилась, и, думаю, не превосходит 60-ти тысяч штыков.

В Северной Армии генерала Миллера до последнего времени численность Русских войск дошла до 10-тысяч. Приступлено к мобилизации Мурманского Края и предполагено мобилизовать все старые сроки, что даст еще 15 тысяч. Закончить это предполагено 1-го июля, и этим людские средства края исчерпаны. Настроение на фронте русских войск отличное, крестьян - прекрасное, в Архангельске настроение рабочих большевистское, буржуазии - инертное. Производимые мобилизации и формирования пройдут успешно только при наличии союзнических войск. Без этого, полагает генерал Миллер, формирование не удастся, тем более, что чрезвычайный недостаток в офицерском составе может быть пополнен только после открытия навигации. Между тем, благодаря неустойчивому курсу внешней политики Союзников, Американские войска уже не годны к бою, Французские уже деморализованы, Англичане еще держатся, но дух их падает. Генерал Миллер телеграфировал, что нужны свежие части, дабы сменить уставшие и дать необходимую при создании сейчас Армии устойчивость фронта. Если Союзники будут отозваны, как делают американцы, генерал Миллер считает дело проигранным. Отсюда заключаю, что Север сам нуждается в поддержке и поэтому самостоятельной сейчас активной силы не представляет. Между тем, в связи с нанесением главного удара Сибирскими Армиями значение Северной Армии очень велико: она готовит Армиям адмирала Колчака выход в Северное море, являющееся жизненно необходимым, как только Сибирские Армии завладеют Поволжьем.

Принимая во внимание, что на Сибирские Армии всецело ложится бремя активной части задачи по восстановлению России, что, в свою очередь, приведет к сосредоточению против них всех большевистских сил, что по мере продвижения на Западе Сибирских Армий и роста их сил, они все более затруднены в снабжении при помощи одного выхода в море через Сибирскую магистраль, полагаю необходимым принятие всех мер по созданию нового фронта генерала Юденича, имевшего бы целью овладение Петроградом. Это привело бы: 1) к облегчению Северу удержать выход через Архангельск; 2) при удаче - к захвату нового выхода через Петроград; 3) при большой удаче - к отсоединению от большевиков всего Севера. В худшем случае действия генерала Юденича послужат только демонстрацией, которая отвлечет значительные части большевиков от фронта Сибирских Армий, а это с ослаблением Армий генерала Деникина само по себе получает стратегическое значение.

Придавая такое огромное значение созданию нового фронта генерала Юденича, нужно также указать и на те трудности, которые это создание встречают. На первом месте стоят затруднения политические в отношениях с Финляндией и Эстляндией; до разрешения этих затруднений приступить к формированию невозможно; 2) необходимы большие финансовые и материальные средства: для начала - кредит в 20 миллионов франков, вооружение и снабжение 50-ти тысяч войск, продовольствие для населения Петрограда на 2 месяца; 3) налицо имеются сейчас: отряды до 8-ми тысяч на Эстонском фронте, до 2-х тысяч офицеров, находящихся в Финляндии; последние вследствие затяжки разрешения вопроса и затруднений, чинимых в Финляндии, начинают расходиться; для начала серьезных боевых действий нужно набрать тысяч тридцать среди остатков наших пленных, с оттяжкой решения это становится все более трудным.

Таким образом, стратегическая обстановка создания нового фронта, угрожающего Петрограду, требует больших жертв политического и материального характера. Полагаю, что, не останавливая всех подготовительных работ, необходимы принципиальные указания Верховного Правителя, т.к. только он может указать, в каком размере нуждаются Армии, находящиеся непосредственно под его руководством в тех жертвах, которые требуются для начала формирования нового фронта генерала Юденича. Со своей стороны думаю, что решительный характер, который будут иметь наступающие летние операции, требуют принесения великих жертв во имя достижения единой основной цели восстановления правового порядка в политических центрах России, в Москве и Петрограде.

ГА РФ. Ф. 5936, Оп.1., Д. 183, Лл. 1-5.

Геруа - Щербачеву.

2 апреля 1919 г.

Положение народа, изнывающего под игом большевиков в Советской России, с каждым днем становится ужаснее. Власть насильников, до основания разрушив в стране государственность, бросив массы людей в невероятную нужду, систематически развращает все слои населения, цинично оперируя над человеческой совестью, чувством долга, чести и собственного достоинства. Ужас положения увеличивается его безнадежностью: власть большевиков тверда; потеряв опору в массах, она сохранила аппарат сыска и террора, не дающий пошевелиться даже помыслу; красная армия при всех своих военных недостатках, представляет силу, не дающую отказа при подавлении восстаний; таким образом, на взрыв изнутри, по крайней мере, в ближайшее время, нет никакой надежды. С каждым днем теряется на-

дежда у населения на выручку извне. В результате, народ опускается. Буржуазия, вынужденная голодом идти на службу Советской власти, и не находя другого исхода, кончится духовно. Массы народные - крестьяне и рабочие, развращенные постоянной игрой на низких инстинктах, еще далеко не отрезвели; большевистский угар сползает с них медленно.

г. Париж

Величайшая трагедия, которую переживает сейчас население Советской России при условии, что оно само не в состоянии сбросить с себя иго большевиков, требует нанесения удара извне теперь же, в кратчайший срок и с наибольшей решительностью.

Постепенное отслаивание от Большевистской России областей на востоке и на юго-востоке, к чему сводятся активные стремления армий Колчака и Деникина, представляют слишком длительную операцию. К тому же, на всем восточном и юго-восточном обводе антибольшевистского фронта, нет ни одного заметного предмета действий, падение которого могло бы решительно подорвать Советскую власть.

Совершенно иное значение могло бы иметь отсоединение от большевиков северо-западных областей, а именно частей Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской и Новгородской губерний; отсоединение, которое должно начаться со взятия Петрограда, находящегося на самой границе Советской России и представляющего, под именем «Красного Питера», один из двух центров большевизма.

Удар по правительству Северной Коммуны, отвоевавшему себе у Москвы наибольшую автономию и образовавшему как бы отдельное гнездо большевизма со своими традициями и особенностями; захват экспедиции заготовления государственных бумаг и целого ряда заводов; овладение военными складами, эвакуировать которые, вследствие расстройств транспорта, едва ли удастся большевикам своевременно. Наконец, освобождение столицы и замученного голодом и террором его несчастного населения.

Все это имеет решительное значение. Несомненно, что падение Петрограда потрясет большевиков; но вместе с тем, весь об этом заставит встрепенуться и все антибольшевистское население; она разбудит чаяния на освобождение и возбудит антибольшевистскую, внутреннюю самодетельность; она разрушит создавшуюся инерцию безнадежности и подаст повод к возобновлению повсеместной внутренней борьбы с большевиками.

Взятие Петрограда, с точки зрения общего наступления антибольшевистских армий, имеет не меньшее значение. Взяв Петроград и закрепившись в нем, мы становимся на головной станции Северной железной дороги Петроград-Вологда-Вятка-Пермь-Екатеринбург, т.е. получаем возможность искать связи с Сибирью, наступая навстречу Колчаку вдоль Северной железной дороги.

Комбинируя известным образом это движение с действиями Архангельской группы и северного крыла армии Колчака, можно рассчитывать, что через два месяца после утверждения в районе Петрограда, связь с Сибирью будет установлена. Связь эта упрочит положение всего антибольшевистского фронта, даст возможность скорых сношений, даст хлеб освобожденным от большевиков областям и в высшей степени облегчит развертывание сил для дальнейшего движения на юг и юго-запад, примерно от фронта Новгород-Ярославль-Казань, для овладения подступами к Москве и самой Москвой.

Переходя к частностям организации похода на Петроград, следует указать, что город легче всего может быть взят

согласованным движением: одной группы со стороны Эстляндии (Нарва) на Гатчину и Тосно, другой группы со стороны Финляндии на так называемые Парголовские позиции и самый Петроград, с обходом его вдоль Ладожского озера с общим направлением также на Тосно; наконец, третьей группы – со стороны Кеми на Петрозаводск и ст. Званку – вдоль Мурманской железной дороги.

Движение этой последней группы, приводящее к занятию Званки, не только облегчит развитие операции на востоке, но и освободит значительную часть Олонецкой губернии от большевиков. Известно, что жители этой губернии особенно ждут этой минуты и дадут хороший контингент для набора ополчения против большевиков.

Условия наступления фланговых групп, т.е. Эстляндской и Мурманской, фактически существующих, таковы, что для решительности действий они должны быть большой численности; в противном случае, они, подставляя свой фланг большевикам – Эстляндская группа правый, а Мурманская – левый, не будут в состоянии своими собственными средствами справиться с этой угрозой и вместе с тем еще вести главное наступление. Если же, при условии невозможности существенно усилить эти группы, а это именно так, возложить на них только одну вспомогательную задачу – своим наступлением обеспечить фланги Финляндской группы и помочь ее удару, то и при слабой численности обе группы сыграют свою роль в операции – даже в случае неполного достижения поставленных им частных целей.

Удар группы, наступающей со стороны Финляндии, облегчается короткостью расстояний (один пехотный переход, т.е. работа одного дня); относительно узким фронтом развертывания, требующим мало сил; ничтожной глубиной защиты Петрограда со стороны современной финляндской границы, так как с падением Парголовской позиции, дальнейшая оборона Петрограда может быть перенесена только на переправы через Неву, т.е. в самый город, на его улицы. Однако, наступление Финляндской группы затрудняется наличием большевистского флота в Финском заливе и Ладожском озере. Для обеспечения успеха удара необходимо обезвредить этот флот, что немыслимо без участия союзного флота.

Для этого нужно, во-первых, не допустить, со вскрытием льдов, разгрома Гельсингфорса и Ревеля, и усиления центрального мишного заграждения на линии Гельсингфорс-Ревель; во-вторых, с приходом союзных морских сил осуществить контроль над Финским заливом и закупорить Балтийский флот в Кронштадской губе, без чего этот последний сохранит возможность действовать против Выборга и Нарвы, прикрывшись созданием новой мишной позиции, примерно на линии Гоглаңда.

Наконец, взять Петроград и не накормить население нельзя. Нужно, следовательно, заблаговременно подготовить всю операцию по питанию населения Петрограда и окрестностей в течение первых недель по занятии, пока не будет налажен аппарат новой власти. Как уже было упомянуто, группы Эстляндская и Мурманская уже существуют. Первая насчитывает до 4 тысяч русских войск и до 12 тысяч эстонских. Вторая – около 10 тысяч русских и вместе с Архангельскими отрядами – около 22 тысяч иностранных войск. Что касается Финляндской группы, то она существует пока только в форме будущей души этой группы – ее командного состава, в числе 4 тысяч офицеров, уже взятых на учет в Финляндии.

Солдат нет. Их решено набрать из числа военнопленных, интернированных в Дании и еще находящихся в Германии. Для этого приняты меры, еще не давшие, за полным

отсутствием средств и из-за политических затруднений, сколько-нибудь осязательных результатов. Между тем, солдаты нужны в следующем числе по самому умеренному расчету: 25-30 тысяч для Финляндской группы и 5 тысяч для усиления Эстляндской группы, предоставляя Мурманскую, имеющую свои источники пополнения, собственным силам. В общем, нужно набрать до 35 тысяч волонтеров, считая, что мы действуем одни, без помощи или с незначительной помощью Эстляндцев и Финляндцев, и, безусловно, без помощи войск Антанты.

При этом силы эти нужны только для овладения Петроградом и его удержания. Дальнейшая операция по овладению линией Северной железной дороги и расширению захваченной территории потребует, разумеется, свежих сил; в этом смысле можно с большой вероятностью рассчитывать на население Петроградской и Олонецкой губерний; если оно выставит не менее 15 тысяч, общая численность отряда достигнет 50 тысяч. Понятно, что участие эстляндцев и финляндцев в высшей степени облегчило бы задачу наступления. Но и в этом благоприятном случае нам нужно стремиться к указанным цифрам, чтобы не сойти на роль «пристроившихся» отрядов и иметь возможность придать русским силам внушительный и организованный вид.

Финляндская группа не существует не потому, что набор солдат является задачей неразрешимой, но, главным образом, вследствие политических препятствий. Финляндское Правительство не даст разрешения собирать людей и сводить их в военные единицы на территории Финляндии. Подражая своей старшей сестре по независимости, и Эстляндия стала чинить препятствия развитию той русской группы, которая уже действовала и действует в Эстляндии.

Таким образом, изыскивая средства для осуществления набора, необходимо одновременно и срочно добиться разрешения Финляндского Правительства на формирование антибольшевистских сил на территории Финляндии. Аналогичное разрешение должно быть дано и Эстляндией. Добиться можно двумя путями: или прямым воздействием Антанты, в частности, с заменой господствующего сейчас в Финляндии Германского влияния влиянием Антанты; или соответствующим соглашением с Правительством Финляндии, которое устранило бы коренную причину его противодействия русскому делу. Причина эта заключается в нашем молчании на тему о независимости Финляндии.

Первый путь, если мы остаемся на точке зрения решительности и немедленности немедленного похода на Петроград, неизбежен во всяком случае. Но возможно, что скрытое противодействие будет проявляться во многих формах, например, в запрещении вступать в ряды формирований финляндским волонтерам. Между тем, усиление за их счет Финляндской группы, безусловно, желательно. И недостатка в желающих нет даже и в настоящее время.

Соображение это заставляет признать, что вступление на второй путь дало бы более значительные результаты. Но для этого необходимо снять запрет обсуждения вопроса независимости Финляндии (Указание Верховного Правителя от 10 марта) и выработать известную политическую формулу соглашения, приемлемую для обеих сторон.

Очевидно, что наши интересы требуют: 1) гарантий, что Финляндия при полной ее внутренней самостоятельности, сохранит, путем договора с будущим Всероссийским Народным Собранием, значение территории, обеспечивающей морскую оборону подступов к столице, согласно опыту войны; 2) разрешения всех частных вопросов, связанных с унией России и Финляндии, в том числе национальных,

по соглашению с Всероссийским Народным Собранием; 3) установления в Петрограде, по взятии его, Русского управления.

И путь воздействия, и путь соглашения лежат перед нами еще неиспользованными. Времени потеряно много. Пора, настоятельно пора принимать решение, без которого мысль об организации удара на Петроград является неосуществимой.

В общем, для успеха удара необходимо:

1) превращение Финляндии, посредством политической обработки, в базу для антибольшевицких формирований;

2) немедленная организация набора волонтеров, добыча для этого денег и определение территории, где волонтеры могли бы собираться до уничтожения политических препятствий (например, остр. Эзель и Даго);

3) привлечение союзного флота, для пресечения активности красного флота;

4) добыча снаряжения и вооружения на 50 000-ую армию, принимая во внимание важность бить большевиков техникой, которой у них нет и которая будет способствовать разложению красной Армии;

5) разрешение вопроса продовольствия армии;

6) разрешение вопроса продовольствия Петрограда тотчас по его занятии, считая население не менее одного миллиона, и срок – 2-3 месяца.

ГА РФ. Ф. 5936, Оп. 1., Д. 170, Лл. 1-20.

Щербачев – Колчаку.

14 апреля 1919 г.

Центральный военный орган в Париже, представляющий интересы всех без исключения противобольшевицких формирований, настоятельно необходим. Только здесь ясна общая картина частных усилий, возможно стройное сочетание их для достижения общей цели, производства соответствующего давления на союзников и наблюдение за своевременным выполнением оказываемой ими помощи. Сохранение здесь этого органа необходимо из-за более простых условий связи с прочими центрами борьбы, доступнее и полнее объединение деятельности военных агентов Западной Европы. Только здесь достижимо разрешение особенно важного вопроса об использовании военных, находящихся за границей и военнопленных, как материала для новых формирований или усиления существующих. Определенно выяснилось, что союзники окажут содействие исключительно в форме материальной помощи, что заставляет нас обратить особое внимание на изыскание источников комплектования людьми наших собственных войсковых групп. Особенно остро стоит вопрос для группы генерала Миллера, где не хватает командного состава и зарождающихся в Эстонии и Финляндии формирований генерала Юденича, имеющих офицеров, но почти не имеющих солдат. Между тем, общая обстановка требует срочного разрешения этих формирований, необходимых для удара на Петроград.

Сообщения эти требуют, первое: определение Вами размеров кредита на поддержание центрального военного органа в Париже; второе – кредита на отправку офицеров и использование военнопленных, принимая во внимание важность формирований генералов Юденича и Миллера; третье – Ваши указания для дальнейшей работы.

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 46. Л. 19.

Гулькевич-Сазонову

23 апреля 1919 г.

1. Общее политическое положение в Финляндии тако-

во, что благодаря антирусскому настроению финнов, с одной стороны, антирусской пропаганде, с другой, немецкой пропаганде, с третьей, и неустойчивому положению Финляндского правительства, с четвертой, никаких вооруженных русских формирований на территории Финляндии допущено не будет. Наоборот, все старания финнов направлены к тому, чтобы освободить финскую территорию от русского элемента и, в первую голову, от русского офицерства.

Последнее заявление русских представителей в Париже, не признающих независимости Финляндии, усилило еще более антирусское настроение в Финляндии, как среди населения, так, главным образом, и среди правительства; агрессивно настроен и Глава Правительства, сознающий, что время для совершения оккупации Петрограда, Восточной Карелии и Ингерманландии, еще легко возможной зимой, теперь пропущено.

Кроме того, антирусское настроение все увеличивается под влиянием той большевицкой пропаганды, которая проникает в Финляндию из России. Едва ли можно думать, что даже давление союзников будет иметь успех в смысле разрешения русских формирований на финской территории; в данное время, когда со дня на день откроет свою работу сейм, настроенный определенно против русских, это представляется весьма проблематичным.

II. Между тем, на эстонской территории находится в данное время северный русский корпус численностью от 5 до 6 тысяч человек, находящийся по контракту на службе и в подчинении эстонского командования. Это единственные реальные русские силы, находящиеся в пределах финского побережья и в кратчайшем расстоянии от Петрограда.

Северный корпус получает снабжение свое от Эстонского командования, но получает его в недостаточном количестве и крайне непоследовательно. Настоящего своего командования и штаба корпус не имеет. В данное время корпус фактически несет службу пограничной стражи на эстони-русской границе, разбит на мелкие отряды, действующие отдельно друг от друга, и будучи плохо снабжен и не имея нужного командования (общего), никаких активных действий предпринять не может. В течение последних двух недель отношения между эстонцами и финнами серьезно осложнились, и финны отозвали из Эстонии большую часть добровольцев.

Отношение эстонцев к русскому корпусу поэтому изменилось к лучшему, ибо к лету эстонская армия должна будет на 50 % быть распушена на полевые работы, и под ружьем для противодействия большевикам достаточных сил не будет. Вот почему Эстонское Правительство разрешило увеличить численность русского корпуса до 30.000 человек, хотя по имеющемуся контракту численность русского корпуса не должна быть более 3 тысяч человек.

III. Принимая во внимание все вышесказанное, представляется срочно необходимым не только сохранить эту единственную русскую силу в районе финского побережья, но сделать ее действительно способной к активной борьбе с большевиками и наступлению в кратчайший срок вглубь территории России вне всяких политических партий и платформ, исключительно стоя на военной точке зрения и рассматривая корпус как исключительно военную силу для активной борьбы с большевиками и отнюдь не только на Эстонской территории.

Для этого представляется необходимым:

1. В ближайшее время назначить Командира Корпуса или, вернее, Командующего Русскими войсками в Эстонии, соответственно популярного, тактичного и способного в кратчайший срок привести эти войска в должный порядок.

Кроме того, это Командное лицо должно иметь при себе

вполне сформированный уже и сплоченный Штаб не импровизированного характера, а работавший раньше активно на войне. Лицо, назначенное на должность Командира Корпуса и Командующего войсками, должно быть способно личным примером и внешностью служить моделью для контингентов корпуса; считаясь с особенностями настоящего момента и времени, когда прежней дисциплины нет и возможны среди офицеров всякие рассуждения, Командующее лицо должно быть молодым, энергичным генералом, отнюдь не кабинетного характера, имеющим настоящую боевую репутацию человека, лично бывавшего в боях и в опытах отличившегося. Считаясь с тем, что в составе корпуса могут входить и иностранные добровольцы, и всякие переговоры придется вести с иностранцами, Командующее лицо и его ближайший Штаб должны быть способны объясняться на языках и знать обычаи Союзных армий.

Представлялось бы желательным во главе войск иметь лицо не Генерального Штаба, ибо последнее могло бы вызывать парекация контингентов корпуса на кабинетный характер будущих действий, тогда как в настоящее время во главе войск необходимо иметь лицо, которое будут считать способным на личный пример в партизанских действиях.

2. Улучшить снабжение корпуса всем необходимым и получать это снабжение непосредственно от Союзников, а не через эстонское Командование.

3. До перехода через Русскую границу предоставить Командующему Русскими войсками в Эстонии лицу полную свободу действий по сколачиванию, снабжению вверенных ему войск и сношениям с нужными лицами, как русскими, так и иностранными, дабы избежать возможной волокиты при передаточных инстанциях.

4. После перехода через русскую границу движение русских оккупационных войск надо будет возглавить начальствующим лицом, имеющим широкие полномочия в политическом и военном отношениях и действующим по общим директивам высшего союзного командования.

5. Иметь при командующем русскими войсками лиц — военных представителей союзных армий, являющихся контрольными инстанциями, как в военном, так и в финансовом отношениях.

IV. В январе сего года на должность командира корпуса в Эстонии был назначен Генерал-Лейтенант Арсеньев, который, согласно полученных приглашений от эстонского командования и представителей русских и финских войск в Эстонии и согласно полученного приказа и предписания от Генерала Юденича, опираясь на свой бывший Штаб и личные добрые отношения с Генералом Лайдонером и Генералом Маннергеймом, приступил к исполнению возложенной на него задачи, приветствуемый русскими элементами, находящимися в Финляндии и Эстляндии.

Был сформирован вполне боевой штаб и разработан план постепенного пополнения войск Генерала Арсеньева русскими и иностранными добровольческими элементами. Изысканы способы к скорейшему снабжению корпуса оружием, снаряжением и обмундированием, причем выяснилось, что все изложенное можно было получить в Финляндии же от финнов из складов, реквизированных у русских, а также и из складов, оставленных немцами при их уходе из Финляндии, в общем количестве на 15-20 тысяч человек. Были установлены контакты с финскими заводами, работавшими на артиллерийское ведомство для исправления оружия. От финского артиллерийского управления получено реальное обещание о выдаче артиллерийского имущества. От финского интендантства получены реальные обещания о выдаче снаряжения и обмундирования.

В общем, можно было достать всего вдоволь, но можно

было это достать частным неофициальным способом, путем покупки, ибо официальные переговоры вызвали бы политические недоразумения и недополучение необходимых материалов, которые бы остались никем не использованные. Главная задержка была в деньгах, но и это последнее обстоятельство не явилось бы препятствием, ибо, если бы было все реально проведено в жизнь, то, несомненно, вопрос снабжения деньгами встретил бы реальную поддержку союзников. Собранные же гельсингфорской промышленной группой средства были направлены не в распоряжение Генерала Арсеньева, а потому произошли естественные задержки и промедления.

Тем временем, под влиянием темных сил и интриг, Генерал Арсеньев, 8 месяцев просидевший в тюрьме и на 5-ый день после выхода из нее явившийся в Финляндию, готовый к активным действиям и активной работе, был смещен 14 февраля, как только он начал активно и реально работать, согласно полученных им приказаний. На место Генерала Арсеньева был командирован в Эстонию Генеральный Штаба Генерал Суворов, но последний, съездив в Ревель, вернулся обратно и командования не принял. С тех пор Русские части в Эстонии вновь были предоставлены себе, а в Финляндии также никакой активности проявлено не было. Отставка Генерала Арсеньева и способ этой отставки произвели чрезвычайно тягостное впечатление на Русские войска в Эстонии и на Русское офицерство в Финляндии, ибо в Генерала Арсеньева верили и его знали, а также знали, что его отставка не вызвана неспособностью этого Генерала к службе.

Результатом этой отставки и отказа от активных действий на Эстонском фронте было то, что объявленная в Финляндии регистрация Русских офицеров дала всего около 500 человек, и то лишь потому, что подписавшим обязательство выдавалось по 450 фин. марок в месяц.

Офицерство раскололось на партии, появилась апатия к дальнейшему и, естественно, под влиянием упадка духа, преследования Русского элемента в Финляндии и отсутствия активной работы, на которую так надеялись, появилась крупная по количеству лиц партия, которая назвалась Арсеньевцами или, вернее, так называли тех лиц, тех офицеров, которые действительно желали работать.

V. Ныне, когда значение Русских войск в Эстонии, при паличности 4-х месячной пассивности в Финляндии, представляется особенно серьезным, как единственного Русского кадра, и когда необходимо двинуть срочно части навстречу идущим войскам Адмирала Колчака и помочь освобождению Петрограда с юго-запада, является совершенно необходимым разрешить вопрос Русских войск в Эстонии немедленно.

Необходимо теперь же использовать действительно желающие работать элементы и командировать в Эстонию Генерала Арсеньева с его Штабом, как с аппаратом, готовым, активным, имеющим свою разведку и свою организацию в Петрограде, для чего войти в соглашение по этому вопросу с Эстонским Правительством. Командированием Генерала Арсеньева именно на Эстонский фронт прекратится и та печальная рознь среди Русского офицерства, которая образовалась в Финляндии, и все интриги и попытки темных сил не дать ходу здоровым Русским начинаниям. Такая мера даст возможность желающим элементам вступить и принести свою посильную активную помощь несчастной Родине и выйти из состояния «белого сплина», столь желательного для большевиков. В противном случае эта единственная Русская ячейка на финском побережье погибнет.

ГА РФ. Ф. 6094, Оп.1, Д.1, Лл.8-14.

Гулькевич – Сазанову

22 мая 1919 г.

По мнению группы членов Русского Совета в Эстонии, работающих совместно с представителями С.-З. корпуса по финансово-экономическим вопросам, а также по делу организации Гражданского управления в местностях, освобожденных от большевиков, для успеха русского дела в настоящий момент является необходимым:

1. Просить генерала Н. Н. Юденича немедленно взять в свои руки Главнокомандование всеми военными силами, действующими против большевиков на освобожденной уже русской территории, за пределами Эстонии, так как без авторитетного главного руководителя С.-З. армию оставлять дальше невозможно. В крайнем случае, если бы генералу Н. Н. Юденичу по соображениям высшего порядка невозможно было бы в данный момент покинуть Финляндию, то было бы желательно, чтобы генерал прибыл в район военных действий хотя бы на короткое время, чтобы своим личным присутствием еще больше вдохновить наших славных героев и укрепить силу духа всей армии, сообщить ей, как и всему страждущему русскому населению, что они не будут более оставлены на произвол судьбы, и что им идет немедленная помощь как снаряжением, так и продовольствием, а всему краю обещать немедленное восстановление строго законного правопорядка, в котором не будет больше места ничьему угнетению. Главнокомандующему нужно будет провозгласить ясно и определенно в виде публичного обращения ко всему населению о целях и задачах нашей белой армии, чтобы все население верило, что эти белые воины являются в Россию, неся на своих знаменах светлое и великое будущее России, восстановление действительной свободы для всех граждан, без различия религии и национальности. Необходимо, чтобы народ при самом вступлении армии верил восстановлению после свержения ига большевиков, не старой, а новой России на истинно широких, демократических началах, в которой и рабочие, и крестьяне, наравне со всеми остальными российскими гражданами, получают охрану закона, их личности и труда.

2. Немедленно образовать при Главнокомандующем или его заместителе Гражданский Совет, ведающий всеми невоенными делами, в котором будут организованы специальные отделы: финансовый, экономический, торговли и промышленности, административный и юридический, медико-санитарный, путей сообщений, народного просвещения, труда и общественного призрения, аграрный и иностранных сношений.

3. Командировать немедленно в действующую армию авторитетного генерала в качестве будущего заместителя Главнокомандующего совместно с некоторыми влиятельными общественными и государственными деятелями для немедленной организации как военного Штаба при Главнокомандующем, так и гражданской его части, а именно, Гражданского Совета, в составе коего могут быть приглашены от имени Главнокомандующего некоторые полезные общественные деятели, находящиеся в Ревеле и далее на освобожденных местах, которые могли бы совместно приступить незамедлительно к реальной работе, заключающейся в следующем:

а) организация финансов; учреждение Государственного банка, первоначальный денежный фонд которого образуется при содействии союзников путем взноса разного рода ценных бумаг и других денежных документов, под залог которых должен быть получен у союзников кредит;

б) организация Временного Гражданского Управления в занятых русских местностях, подчиненного вполне Глав-

покомандующему впредь до установления по всей России законного порядка;

в) образование органов снабжения армии и тыла, которые должны работать при содействии Государственного банка, дабы избежать отнюдь недопустимой спекуляции и чрезмерной наживы отдельных лиц за счет народа, как это имело место в недалеком печальном прошлом, что и было одной из причин распада России;

г) образование Российского Красного Креста при Штабе С.-З. армии и немедленное откомандирование в него опытных руководителей, в помощь которым имеется достаточное количество лиц на местах;

д) выработка текста публичных обращений к населению и опубликование юридических мероприятий, обеспечивающих строгий правопорядок, не допускающий незаконностей и невольного произвола, могущих вызвать раздражение населения, но указывающих на определенный, твердый и законный характер управления при безусловной ответственности перед судом всех должностных лиц;

е) поручить политическому отделу достигнуть соглашения с Эстонским и Финляндским Правительствами по всем политическим и военным вопросам и получить для русских граждан право свободного проживания и передвижения в пределах обеих стран, так как без этого невозможно совместная работа в борьбе с большевизмом. Необходимо назначить в Эстонию и Финляндию специальных представителей на правах дипломатических агентов или консулов, деятельность которых вызывается необходимою защитой интересов русских граждан;

ж) озаботиться восстановлением путей сообщения (восстановление железнодорожного моста у Нарвы), для чего следует прибегнуть к помощи финляндцев и союзников;

з) принять меры к организации товарообмена внутри России и вне ее и к восстановлению промышленности.

Заключение.

Для скорейшего осуществления всего вышеизложенного я, от лица Русского Совета, близко стоящего к С.-З. армии, позволю себе просить подвергнуть этот вопрос немедленному рассмотрению группы общественных деятелей при участии генерала Юденича для принятия определенного решения и для немедленного его исполнения. Первым шагом для этого должна быть выработана краткое общее положение о гражданском и военном управлении при Главнокомандующем С.-З. армии. Затем должна быть отправлена делегация к союзникам в Париж для всестороннего осведомления их о положении дел в С.-З. крае и для получения незамедлительной помощи продовольствием и снаряжением, а также и финансами и для назначения от них специальной исполнительской комиссии при Штабе в целях их совместной работы с последним. Эта комиссия должна быть снабжена достаточными полномочиями для решения немедленно всех возникающих на месте вопросов и давать возможность их осуществлению, ибо всякие сношения, даже путем телеграфа, в данный момент были бы слишком продолжительны и тормозили бы успех дела. Одновременно с этим, т.е. немедленно, должно быть достигнуто соглашение по всем вопросам с Эстонским и Финляндским Правительствами, без какового соглашения положение армии и населения может сделаться катастрофическим, что в свою очередь будет опасно для Финляндии, а, в особенности, для Эстонии.

ГА РФ. Ф.6094, Оп.1., Д.1., Лл.6-7.

Щербачев – Юденичу.

10 июля 1919 года.

Милостивый Государь, Николай Николаевич.

1). Из разговора тотчас по возвращении из Екатеринодара с маршалом Фош и другими лицами я прихожу к заключению, что факт признания генерал-лейтенантом Деникиным Правительства адмирала Колчака пашел здесь чрезвычайно выгодную для общего дела оценку, показывая на отсутствие у стоящих во главе лиц каких-либо личных стремлений и увеличивает сочувствие нашему делу.

2). Развитие рабочего движения в Англии может сильно затруднить работу безусловного сторонника помощи нам Военного министра Черчилля, который на днях официально сообщил Набокову:

а). Под давлением рабочей партии к началу зимней кампании английские войска решено оттянуть со всех Русских фронтов, начав их отправление с сентября месяца.

б). Слабжение материальной частью будет производиться даже и после этого также интенсивно до настоящего времени.

3). В настоящее время я прилагаю все усилия, чтобы наладить связь с адмиралом Колчаком и генералом Деникиным. И французы и англичане обещают установить радиостанцию в Екатеринодаре и облегчить отношения с адмиралом Колчаком.

Крайне желательно было бы наладить скорейшее получение сведений от Вас по всем вопросам, которые представляют собой какой-нибудь интерес. В частности желательно знать: а). положение ваших войск, оперативные и разведывательные данные, Ваши предположения, б). позиция Финляндского правительства и отношения с ним, в). роль Эстонского правительства и эстонско-латышских частей, г). в каком районе желательно было бы установить у Вас радиостанцию для сношений с Парижем, чтобы можно было начать переговоры об этом с англичанами.

Подлинный подписал:

Щербачев

Гулькевич - Юденичу.

14 июля 1919 г.

Только что получил от Министра Иностранных Дел телеграмму следующего содержания, которую спешу передать Вам:

«Помощь союзников русским отрядам Балтийского фронта снабжением и продовольствием задерживается недостатком уверенности в полном согласии действий отдельных начальников с видами правительства Адми-

рала Колчака. Необходимо устранить в этом вопросе малейшие сомнения. Уверенный в Вашем патриотизме, ожидаю от Вас немедленного определенного заявления в Вашем подчинении Юденичу, назначенному указом Верховного Правителя Главнокомандующим всеми русскими силами Северо-Западного фронта. Приказ Генерала Деникина по Добровольческой армии должен служить всем примером».

(подп.) Сазонов.

Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Гулькевич.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Л.Ф. Зурова. Ящик № 3, папка 3-6, Л. 25.

Миллер – Колчаку.

(публикация С.С. Балмасова)

Архангельск, 4 июня 1919 г.

Ожидается оставление Петрограда большевиками. Кто руководит операциями против Петрограда, и в какой мере участвуют русские войска, нам здесь не ясно. Прошу телеграфировать, имеют ли лица, стоящие во главе, полномочия и указания от адмирала Колчака и какие. Временное правительство Северной области полагает, что создание нового, совершенно обособленного правительства в Петрограде – недопустимо и находит желаемым включение Петрограда и всей освобожденной вокруг него области в орбиту полной компетенции Временного правительства Северной области, как только установится через Петрозаводск и Званку непосредственная связь с Петроградом. Для выяснения обстановки командирован генерал-лейтенант Марушевский в Гельсингфорс, о результатах донесу.

Ответ на телеграмму Миллера

12 июня 1919 г.

Указом Верховного Правителя Юденич назначен главнокомандующим Северо-Западным фронтом с предоставлением ему прав, предусмотренных статьями 90 – 100 «Положения о полевом управлении войск». Инструкции даются правительством Юденичу, сообщу дополнительно.

Сенатор Тельберг.

ГА РФ. Ф. 176, Оп.3, Д. 26, Л. 69-70.

Калкин О.А. На мятежных рубежах России.

Очерки о псковичах - участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918 - 1922 гг. Псков, 2003.

Книга члена Союза писателей России, редактора телерадиокомпании «Псков» О.А. Калкина посвящена малоизученным страницам истории возникновения подразделений Псковского Добровольческого Корпуса, ставшего позднее ядром формирования Северо-Западного фронта. На обширном краеведческом материале автор последовательно излагает историю возникновения Талабского стрелкового полка, боевую деятельность конного отряда ген. Булак-Булаховича, а также обращается к судьбам северозападников, оставшихся в России и вынужденных покинуть Родину. Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями из личного архива автора.

О БЕЛОЙ БОРЬБЕ В ПЕТРОГРАДЕ

В организации наступления на Петроград большую роль призвано было сыграть антисоветское подполье, в частности структуры Всероссийского Национального Центра. В сборнике «Красная книга ВЧК» о петроградском отделении Центра говорится немного. Известна роль подпольной организации капитана В.А. Зайцова в бывшем ЛГв Семеновском полку (с ее помощью полк перешел на сторону белых в мае 1919 г.), организация поручика Н.Н. Неклюдова, поднявшая восстание на форте Красная Горка. Ценные сведения о подпольной военной организации генерал-лейтенанта А.В. Шварца, имевшей обширные связи в штабных структурах 7-й советской армии и немалую поддержку среди военспецов, представляет предлагаемый ниже отчет начальнику контрразведки депижинской армии ст. сов. Орлову.

(Публикация В. Цветкова.).

Судебный следователь по особо важным делам
статский советник Орлов
«4» февраля 1919 года гор. Одесса

В феврале месяце 1918 года по предложению представитель французской армии капитана ФОИА, капитана РАНЬЕ и английской армии капитана ВАТСОНА и полковника ВОЙСА с согласия генерала АЛЕКСЕЕВА по плану, одобренному б. Главнокомандующим Кавказской армией ген. ЮДЕНИЧЕМ, паходившимся тогда в Петрограде, мною было организовано в Петрограде тайное разведывательное бюро.

Первоначально это бюро, состоявшее из 80 сотрудников, проникших во все более или менее важные учреждения большевистской власти, занималось собиранием для генерала АЛЕКСЕЕВА и союзников секретных сведений, материалов и документов военного и политического характера.

Перед моими сотрудниками были раскрыты двери всех советских учреждений и полная осведомленность во всех кругах у большевиков давала возможность заблаговременно раскрывать все планы и намерения большевиков, направленные, как против граждан союзных держав, так и против членов нормальных государственных и военных (учреждений) организаций (тайных), а также своевременно предупреждать нежелательные обыски, аресты и расстрелы. Таким образом, обследовалась самым тщательным образом всякая вновь появляющаяся у большевиков организация и ее задачи.

В начале марта 1918 года после занятия Пскова немцами в Петрограде возник Штаб Военного Руководителя Петроградского района, во главе которого назначен был генерал-лейтенант А. В. ШВАРЦ, которому было предоставлено право формировать армию без выборного начала и при полной власти начальника. Желая точно установить, какие цели преследует эта организация, я лично при посредстве своей организации связался со многими из чинов Штаба, которых я хорошо знал, как любящих Россию и стремящихся тем или иным способом освободить ее от большевицкого и немецкого ига.

Сразу же моей организацией было установлено, что лицам, входящим в этот Штаб из уст в уста объяснялось, что задача Штаба – воссоздание Русской Армии для продолжения войны с немцами, а лицам, внушающим полное доверие, говорилось под секретом, что тайная цель, кроме того, – ниспровержение изнутри большевицкого Правительства.

Создание армии предполагалось начать с восстановления старых гвардейских полков в местах их стоянок из старых офицеров и известных им солдат. План создания Армии разрабатывался генералом РЫЛЬСКИМ, который после переезда большевицкого правительства в Москву два раза ездил туда, добываясь на это санкции, но безуспешно.

Сразу же начались в Штабе подготовительные работы, открылась запись офицеров, вокруг командиров гвардейских полков стали группироваться гвардейские офицеры, однако, на все требования узаконить формирование новой Армии, большевицкая Москва затягивала ответом. Боясь немцев, большевики на все соглашались, но действовать не давали, пока окончательно не сговорились с немцами.

В Петроградской большевицкой прессе началась травля генерала ШВАРЦА, открыто называли его организа-

цию контрреволюционной и его самого Бонапартом, а Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией завела особое дело о наблюдении за каждым служащим в Штабе генерала ШВАРЦА. Председатель Всероссийской Комиссии по борьбе с контрреволюцией Феликс ДЗЕРЖИНСКИЙ по телеграфу неоднократно требовал от Петроградской Чрезвычайной Комиссии, чтобы они установили сношения чинов Штаба и самого генерала ШВАРЦА с французами и англичанами, а особенно с ЛОККАРТТОМ, считавшимся очень сильным врагом большевиков. Первоначально никаких комиссаров в штабе генерала ШВАРЦА не было, но затем прислали комиссаров и установили, таким образом, кроме тайного, и явный контроль и наблюдение.

Не отказывая генералу ШВАРЦУ в проекте его формирования, большевики вместе с тем поручили Начальнику Петроградского военного Округа ЕРЕМЕЕВУ формирование войск большевистского образца. Генерал ШВАРЦ стал протестовать, и это послужило основанием для трений между генералом ШВАРЦЕМ и ЕРЕМЕЕВЫМ, что повлекло за собой лишение ген. ШВАРЦА права формирования и объявления создания Красной Армии.

Внезапно были разоружены еще сохранившиеся части Преображенского и Псковского полков, на которые еще мог бы опереться ген. ШВАРЦ, и тогда только стало ясно, что дело ген. ШВАРЦА было проиграно.

Деятельность ген. ШВАРЦА санкционировалась союзниками, так как его Штаб находился в самой тесной связи с представителями Франции и Англии (лейтенант ВИДОР, майор КОРБЕЙЛЬ, майор ШАПУИ, полковник ВОЙС, лейтенант граф-де-Люберсак ЛОВЕРН, поручик ХОТ-СЕН и сам ген. ШВАРЦ поддерживал до самого последнего момента сношения с ЛОККАРТТОМ).

Как только выяснилось, что задуманная цель создания белогвардейских частей в центре большевизма провалилась, большинство чинов Штаба во главе с ген. РЫЛЬСКИМ ушло, а затем, дабы не претерпеть судьбы расстрелянного ЩАСНОГО, ушел и сам ген. ШВАРЦ, а один из его ближайших помощников генерального штаба полковник Борис Петрович ПОЛЯНОВ был арестован Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и ему, как помощнику ген. ШВАРЦА, было предъявлено прямое обвинение в измене Советской Республике, выраженной в формировании белогвардейских частей и в сношении с союзниками. На место генерала ШВАРЦА был назначен генерал ПАРСКИЙ, явившийся типичным деятелем Красноармейского типа. Организация ген. ШВАРЦА Советскими политическими деятелями ставилась на одну доску с организацией Добровольческой Армии, так как она возникла на севере в то время, когда та возникла на юге, и в то время большинство офицеров в Петрограде о добровольческой армии ничего не знало.

Одну постигла неудача, другую – неудача, ввиду того, что условия были разные, но цель была одна – Воссоздание Русской Армии, а вместе с ней – борьба с немцами и свержение большевизма изнутри.

«СЛАВНОЕ МАЙСКОЕ...»

М.В. Ярославцев

**КЕРСТОВО – КОПОРЬЕ – ВОРОНИНО
(МАЙ 1919 года).**

В историографии Белого движения на Северо-Западе России существуют утверждения, что майское, 1919 г., наступление на Петроград не было специально подготовлено и имело целью лишь «расширить плацдарм» на территориях Петроградской и Псковской губерний. Однако документальные материалы показывают, что Северный корпус предполагал развить активные действия в направлении столицы Российской Империи. К этому же времени относился и план удара на Петроград со стороны Финляндии, активным сторонником которого был ген. Юденич. Воспоминания начальника 2-й пехотной дивизии генерал-майора М.В. Ярославцева свидетельствуют о готовности прорыва Северного корпуса к Петрограду, об основных боевых операциях майского наступления.

(Публикация В. Цветкова.)

*Марш вперед,
Россия ждет.
Добровольцев роты;
Звук лихой
Зовет нас в бой,
Бросим все заботы!..*

Опрокинув 13 мая (нов. ст.) большевицкий барьер на реках Плюссе и Луге, без отдыха и передышки идут вперед малочисленные части добровольцев Отдельного Корпуса Северной Армии (О.К.С.А.). Изо дня в день расширяется освобожденная от «красных» территория Северо-Западной области, но наша позиция, кучки белых, еще не прочно: нет ни флангов, ни тыла, снабжение не налажено, резервов нет, где враг, где друг – не знаем. Грозной тучей висит над нами Ямбургский гарнизон в 3 1/2 тысячи курсантов, матросов и красноармейцев. 16 мая (нов. ст.) командуемый мною Островский стрелковый полк, пройдя с боями трое суток от реки Плюсы и, имея в своем составе два батальона (800 бойцов) с четырьмя пулеметами и при легком обывательском обозе, остановился на ночлег в деревнях Ополе и Ямсковичи, что севернее ст. Веймарн. Сторожевое охранение было нами выставлено в сторону Ямбурга у деревень Юхнова, Алексеевка, Кили. Ночь прошла спокойно, а на рассвете было обнаружено движение всех сил Ямбургского гарнизона по лесной дороге к Юхнову. Началась перестрелка, большевики приостановились, а затем стали разворачиваться в боевой порядок. Считая, что при значительном перевесе сил противника, оборона не выгодна для нас, успех же возможен лишь при энергичных наступательных действиях, я направился в район 2-го батальона и приказал его командиру, храброму ротмистру Рентельну, атаковать врага,

не давая ему дебушировать из лесу; командиру 1-го батальона, доблестному подполковнику Васильеву (гергиевскому кавалеру Великой войны) приказал ударить на красных со стороны села Керстово, охватив их левый фланг. Бой разгорелся молниеносно, загрела ружейная и пулеметная пальба. 2-й батальон не допустил красным выйти из лесу и лихим контрударом заставил их отступить несколько назад. 1-й батальон стремительно обрушился на большевиков, захватив пленных, пулеметы и оркестр, но, к сожалению, подполковник Васильев был убит в самом начале боя в цепях батальона. Укрывшись за естественными валами на опушке леса, красные развили сильный огонь. Их артиллерия безнаказанно била из лесу по нашим цепям и деревням Керстово, Кили, Мали, Заполье, причем начались пожары. Не имея ни одного лишнего человека и не зная, что делается на флангах и в тылу нашего боевого расположения, я выслал в качестве дозора своих вестовых для связи. Скоро у нас оказалась острая нужда в патронах, и я тщетно зывал к начальнику отряда, графу Пален, на станции Веймарн, прося прислать патроны и хотя бы одно орудие. До 5 час. вечера продолжался бой, красные не осмеливались напасть на нас и, укрываясь лесом, группами пробирались по проселочной дороге на север к Копорью. Наконец, мы получили немного патронов и два орудия, из коих одно сразу испортилось. Другое открыло огонь, и роты Островцев двинулись вперед; красные дрогнули и стали спешно отступать. Преследовать их в большом, болотистом лесу было невыносимо, и мы ограничились сбором трофеев и вылавливанием из чащи красноармейцев. На следующий день особая команда вытаскивала и приводила в порядок брошенные боль-

шевиками на лесной дороге 19 тяжелых и легких орудий.

Островцы отошли на ночь в те же деревни, 19-го числа состоялись похороны убитых, и в тот же день полк с двумя орудиями выступил по дороге на деревни Лялицы, Хотыницы, Коноховицы, Терпилицы и Канаршино. Погода была холодная, ветреная, шли мы небольшими переходами с мерами охранения, собирая брошенное красными имущество и вылавливая в деревнях и лесах красноармейцев. Другие части нашего корпуса подвигались южнее вдоль железной дороги на Волосово и еще южнее в направлении городов Луги, Струги Белые и Пскова. Получив от графа Палена приказание взять местечко Копорье, я направился в село Бегуницы, где еще принял под свою команду Конно-Егерский дивизион с энергичным ротмистром Грюнвальдом во главе. Конно-егерям я дал самостоятельную задачу прикрыть наше движение с востока, и они расположились в районе деревень Зябицы, Теглицы и Власово. По данным разведки, в Копорье находились остатки Ямбургского гарнизона (166 и 168 полки), Новгородские курсанты и Кронштадский крепостной полк при 6 орудиях. К 3 часам ночи мы подошли к опушке леса, полубатарей стала тут же у шоссе на позицию, 2-ой батальон полка занял исходное положение по опушке у села Новоселки, а 1-ый – под командой очень храброго офицера штабс-ротмистра барона Унгерн-Штернберга, двинулся в обход по болотистой лесной тропинке через деревню Замошье на Ласуны. Вскоре оттуда послышалось дружное «ура» и в ответ беспорядочные выстрелы; это роты 1-го батальона ворвались в Ласуны, а затем ударили с тыла на Копорье. Одновременно заговорили наши орудия, и 2-й батальон овладел позицией красных у Кербуково

и Новоселки. Из Копорья началась ружейная и пулеметная стрельба, но скоро смолкла, и вся масса красных ударилась в паническое бегство. Наши стрелки, преследуя их, кричали матросам: «Давай клещи!». Победа была полная: очищен от большевиков весь район до Копорского залива, нам достались запасы продовольствия. Потерь почти не было. Дав полку трехчасовой отдых, я повел его затем в наступление на деревню Глобицы, которая и была взята после перестрелки. Я сильно опасался за свой левый фланг, но приехавший в тот же вечер на автомобиле генерал Родзянко уверил меня, что у деревни Керпово сосредотачивается Ингерманландский отряд, который войдет в подчинение мне. Переночевав с мерами охранения в деревне Глобицы, Островцы повели с утра наступление на г. дв. и деревню Воронино: началась артиллерийская и ружейная перестрелка. Цепи быстро продвинулись вперед до глубокого оврага, окружавшего Воронино, и здесь паше наступление захлестнулось. Захватили лишь небольшую обоз красных у деревни Лопатицкой и к вечеру отошли в исходное положение. Тогда я решил действовать иначе: еще до рассвета отправил 2-й батальон в глубокий обход лесом, через болото, а сам с 1-м – снова перешел в наступление с фронта; опять дошли до оврага, шла интен-

сивная перестрелка, неприятельская артиллерия была по нашим цепям, но давала большой перелет, наша же по д. Воронино. В 3 ч. дня в тылу у красных раздалось «ура» нашего 2-го батальона; оно было подхвачено здесь, и дружной атакой с двух сторон красные были смяты. Нам досталось много пленных, оружия, четыре пулемета, патроны и четырехорудийная курсантская (Михайловского артиллерийского училища) батарея с полной упряжкой; орудия были повернуты курсантами и били картечью по бегущим большевикам. Вокруг, на дворе и в саду валялись трупы, снаряжение, виштовки, дом был избит осколками снарядов и шрапнелью. С пленными перешло много офицеров, служивших у красных по принуждению. По окончании боя, с форта Красная Горка прилетело к нам два снаряда крупного калибра и разорвались с оглушительным грохотом, подняв в воздух тучи черной земли и камней. Еще накануне два таких же снаряда разорвались в Глобице, разогнав обозных лошадей и напугав подводчиков.

Я со штабом поместился в доме помещика, в деревне Воронино стал обоз, а роты полка заняли позицию на линии деревни Закорново, фронтом на северо-восток. На следующий день Островцы перешли в наступление на Лопухинку и Хожерицы. Из целого ряда боев 1-го наступления на

Петроград Северо-Западной Армии (тогда еще О.К.С.А.), я выделил три, хотя и не самые большие, но зато имевшие особое значение, так как отдавали в наши руки целую область севернее шоссе из Петрограда в Ямбург, вплоть до Финского залива. Все эти бои велись с врагом, значительно превосходившим нас силами.

Должен отметить геройское поведение поголовно всех офицеров и стрелков-добровольцев славного Островского полка. Взять Петроград не удалось, но пример горсти храбрцев, их патриотизм и жертвенность да послужат уроком тем, кто прятался по тылам, спасая свою шкуру и благосостояние в годы великой борьбы за Родину, а теперь поднимает голову и кричит о своих заслугах и достоинстве. Лишь тем, кто выступил за честь России – честь и слава, а павшим на поле брани – вечный покой. Усилия «белых» в беспрецедентную эпопею 1919-го года не пропали даром, а дали глубокие всходы, и мы еще увидим нашу Родину свободной и счастливой. Слава белым борцам, среди которых почетное место занимает Северо-Западная Армия!

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии. Папка 4-8, № 4. Журнал «Служба связи ливенцев и северо-западников» №3, Рига, ноябрь 1930 г., с. 27-29.

Н.Н. Неклюдов

К ИСТОРИИ «КРАСНОЙ ГОРКИ»

Восстание гарнизонов форт «Красная Горка», «Серая Лошадь» и «Обручев» относятся к малоизученным страницам в истории Северо-Западного фронта. В частности до сих пор нельзя однозначно решить вопрос о причинах несогласованности действий красногорцев и частей Северо-Западной армии. Разъяснения поручика Н.Н. Неклюдова данные им сразу же после присоединения к армии, объясняют это исключительно враждебными действиями Западно-Ингерманландского полка, не оказавшего восставшим своевременной поддержки, а также пассивностью английской эскадры. Точка зрения ингерманландского командования излагается в статье А. Пюккенена «Ингерманландцы и Белое движение» (см. далее). Напомним, что на крыльях Креста Участника освободительного движения Ингрии Красная Горка («Юхимьяки») обозначена как один из пунктов освобожденных ингерманландцами. Отрывки из воспоминаний самого Н. Неклюдова были опубликованы в книге Н.Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича». Но эта статья – первое свидетельство о восстании форта.

(Публикация В. Цветкова.)

Из Гельсингфорской газеты «Русская Жизнь» мы узнали о желании Начальника сухопутной оборонной части гарнизона форта «Красная Горка» поместить на страницах нашей газеты версию означенного начальника о событиях на «Красной Горке». Охотно исполняем это желание, предупреждая ингерманландское командование, что делаем это

не в силу какого-либо пристрастия, а единственно в силу права каждого гражданина давать обществу разъяснения фактов, представляющих общественный интерес, и что наша газета придерживается принципа: «Audiatur et altera pars».

Приводимое разъяснение взято нами целиком из № 133 «Русской Жизни».

Разъяснение.

В 4 часа утра 13-го сего июня гарнизон Красной Горки, под руководством своего командного состава, обезоружив присланную на форт из Кронштадта, коммунистическую роту, поднял знамя восстания против Советской власти и арестовал всех своих Комиссаров и коммунистов. То же самое сделали 1-й и 2-й Кронштадтские

крепостные морские пехотные полки, 2-й Петроградский стрелковый полк, расположенные около самого форта в дер. Борки, Таменгонт, Черная-Лахта и проч. Никаких Ингерманландских частей и вообще Ингерманландцев гарнизон форта не видел до вечера 14-го июня, когда на форт прибыли два Ингерманландских офицера и доктор, которые привезли ложные известия о том, что Английский флот в 2 часа ночи откроет огонь по Кронштадту и также уверения, что о событиях на форту поставлен в известность Северный корпус. Артиллерийский огонь по Кронштадту и бой с судами Красного флота вел исключительно гарнизон Красной Горки, после того, как остров Котлин отказался сдать гарнизону форта. Ни один Ингерманландский солдат не видел ни одного тяжелого орудия форта, даже более, Ингерманландские солдаты, находясь вместе со 2-м Кронштадским крепостным морским пехотным полком в с. Лебяжье, куда они прибыли 14-го июня вечером, услышав страшную канонаду на форту, стали отступать не на форт, как было указано, а, минуя опасное место, обошли его значительно правее, оставив подступы к форту совершенно открытыми, чем, безусловно, сыграли в руку красным войскам, заставив гарнизон покинуть самый форт.

Канонадой с фортов Кронштадта и судов красного флота действительно были сожжены все деревянные строения форта, среди коих находились также склады огнеприпасов и продовольствия, но означенные склады принадлежали исключительно гарнизону форта и никаких боевых складов Ингерманландского полка на форту не имелось, по той причине, что на нем не было самих Ингерманландцев. В ночь на воскресенье, действительно, в Ковашам отступила рота Ингерманландцев, находящаяся перед фортом в с. Лебяжем, по отступила, минуя район форта, боясь, видимо, артиллерийского огня красного Кронштадта, который был особенно жесток в это время. В воскресенье гарнизон форта, измученный бессонницей, голодом, морально подавленный не сбывшимися обещаниями офицеров Ингерманландского полка о помощи форту с судов Английской эскадры, покинул форт, по возможности испортив орудия и захватив с собою часть замков. Никаких взрывов мостов, дорог в крепости гарнизон форта

не производил, равно как не производили таковых и Ингерманландцы, так как части их спешно отходили к западу впереди отступающего гарнизона, каковое отступление прикрывалось исключительно 1-м Кронштадским крепостным морским пехотным полком. С воскресенья на понедельник форт действительно не находился ни в чьих руках, но не по причине обстрела подступов к нему тяжелой артиллерией Ингерманландцев, каковой вообще у них никогда не имелось, а потому, что большевицкие части боялись, видимо, взрыва всего форта, полагая, что таковой минирован гарнизоном при отступлении. Что же касается командования Троцким одним из броневых поездов, то таковых сведений у защитников форта не имелось и было известно лишь, что все наступающие части Красных войск находятся под командой Председателя Петроградской коммуны Зиновьева. В понедельник никакие ингерманландские части форта не занимали по той простой причине, что они, как было уже указано, все время находились впереди отступающего гарнизона. Форт был действительно занят, после ухода с него гарнизона, но 1-м Кронштадским морским пехотным полком, который прикрывал затем все время отход всех частей.

В составе гарнизона, поднявшего знамя восстания и боем с красными войсками доказавшего свою преданность задачам вождей Северного корпуса, входили: 1-й Артиллерийский дивизион со всеми приданными к нему специальными командами, 1-й и 2-й Кронштадские крепостные морские пехотные полки, и частью 2-й Петроградский стрелковый полк; никаких матросов, кавалерии и т.п. в составе гарнизона форта не имелось. Гарнизон форта никому, а в особенности Ингерманландцам не сдавался, а с оружием в руках с трехдневным боем с силами красных, далеко превосходящих его, добровольно примкнул к Северному корпусу, борясь вместе с ними за те же задачи, кои начертаны вождями истинных сынов России. Главная масса гарнизона отступала с форта на Новые Калища, а отдельные его части, находящиеся сравнительно далеко от форта, стали отступать, выполняя боевой приказ высшего командования форта, на дер. Долгово и Керново и встречая на пути Ингерманландские части, присое-

динялись к ним, не ставя, конечно, при этом никаких условий, так как они знали, что им приказано, и что все переговоры ведет вообще высшее командование, а не отдельные части по собственному их усмотрению. При восстании гарнизона было арестовано около 350 комиссаров и коммунистов, часть которых была передана Ингерманландцам в виде заложников, без чего офицеры их ни за что не хотели прибыть для переговоров на самый форт, а остальная часть была направлена в распоряжение Северного Корпуса, но по дороге, когда было вполне выяснено почти изменническое поведение Ингерманландского командования, была в дер. Керново им расстреляна, причем все деньги с убитых, равно как и деньги за проданную одежду с них и проданные предметы казенного снаряжения, были взяты упомянутым командованием, после чего оно вероломно, бросив своих солдат, скрылось на моторных лодках в Финляндию, открыв, таким образом, целый участок фронта, ввиду чего для спасения создавшегося положения и был назначен даже Командир из состава гарнизона форта «Красной Горки», который и командовал Ингерманландцами до прихода частей Северного Корпуса.

Гарнизон форта, отступая, имел с собою полное военное снаряжение, обозы и т.п., которые и были у него отобраны Ингерманландцами, согласно приказа Командующего Северным корпусом Генерал-майора Родзянко, повинувшись коему гарнизон только согласился сдать свое оружие и имущество. Как выяснилось впоследствии, Ингерманландское командование совершенно ложно донесло в Штаб Северного Корпуса об истинном ходе событий на форту «Красная Горка», упирая именно на то, что гарнизон форта взят в плен, чем и был вызван указанный выше приказ о сдаче оружия. Когда же означенное недоразумение было выяснено при личном докладе Начальников гарнизона форта Генералу Родзянко, то немедленно было отдано распоряжение о возвращении всего имущества гарнизона, как добровольно присоединившегося к Северному Корпусу. Но, к сожалению, часть его была уже распродана и расхищена Ингерманландцами.

БЕЛЫЙ ТЫЛ ВЕСНОЙ-ЛЕТОМ 1919 года

С первых же дней, после занятия частями Северного корпуса уездов Псковской и Петроградской губерний здесь начали формироваться структуры гражданского управления. Специфическими чертами организации белого тыла на Северо-Западе были: отсутствие ярко выраженной самостоятельности военных властей, в частности волостных и уездных комендантов, опора на восстанавливаемое местное самоуправление, в том числе и на волостные земства, возрождение законодательной практики периода Временного правительства 1917 года. Введение военного положения в местностях, занимаемых частями Северного корпуса, обязывало командование в той или иной степени регулировать сложившиеся после Октября 1917 года отношения. Интересны публикуемые ниже приказы о возврате бывшим владельцам движимого имущества (что было актуально в губерниях, знаменитых своими «дворянскими гнездами», большинство которых представляли собой отнюдь не земельные латифундии а, прежде всего, памятники истории и культуры, сильно пострадавшие от «черных переделов»). Примечательны проекты восстановления системы народного образования, института мировых судей, опубликованные в псковской газете «Заря России». Представлены рапорты волостных комендантов и гражданских чиновников о состоянии тыла, настроениях крестьян Псковской и Петроградской губерний.

(Публикация В. Цветкова.)

ПРИЕЗД ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО.

10/23 июня Ямбург встречал Главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии Юденича. Для встречи на перроне вокзала был выстроен почетный караул от Ямбургской Стрелковой Дружины в составе одной роты под командой штабс-ротмистра Андриевского при оркестре музыки. На правом фланге находился Ямбургский Комендант Полковник Бибилов, командир Ямбургской Стрелковой Дружины полковник Столица и другие начальствующие лица. К вокзалу стеклось множество городского населения. В 3 ч. 40 мин. дня подошел экстренный поезд. Из вагона вышел генерал Юденич, командир Северного Корпуса генерал-майор Родзянко, начальник штаба корпуса генерал-майор Крузенштерн, начальник Военно-Гражданского Управления области полковник Хомутов и члены Штаба Главнокомандующего: полковник Даниловский и штабс-капитан Покотилло. Генерал Юденич обратился к почетному караулу с приветствием и благодарил войска Северного Корпуса за их боевую службу и геройскую защиту Отечества.

Затем генералом были приняты ординарцы от почетного караула подпоручик Шведов и унтер-офицер Андреев. Андреев, георгиевский кавалер, удостоился расспросов Главнокомандующего о его боевой жизни и совершенном им подвиге.

Сам Главнокомандующий имеет два Георгиевских креста (так в тексте. Не упомянут Крест 2-й степени за взятие Эрзерума – прим. сост.): один 3-й степени за взятие Эрзерума (на самом деле за бои летом 1915 г. на Ахтинском перевале – прим. сост.) и другой 4-й степени за личную храбрость (за Сарыкамышскую операцию осени 1914 г. – прим. сост.). Обойдя представлявших ему чинов Ямбургского Гарнизона и представителей местного населения, генерал пропустил почетный караул церемониальным маршем и вторично благодарил молодец ямбургцев. Надо признать, что Ямбургская Дружина своим бравым видом, стройной выправкой и отличным старанием действительно заслужила начальственное одобрение. Вид настоящей боевой воинской части произвел на всех присутствовавших сильное и радостное впечатление.

Дай Бог, чтобы и другие вновь формируемые части последовали доброму примеру Ямбургцев и поскорее сравнялись со старыми бойцами геройского Северного корпуса, беззаветно дерущимися на фронте. Проехав по городу, Главнокомандующий вошел в Храм Божий, где был встречен духовенством крестом и молитвой.

Затем был осмотрен военный лазарет. Перед вечером генерал Юденич отбыл на боевой фронт. Проводив знаменитого покорителя Армении, население Ямбура стало медленно расходиться, обсуждая подробности встречи, весьма довольное тем, что в лице столь известного боевого военачальника, наконец-то, стали объединяться разбросанные от Архангельска до Вильны силы Северо-Западного фронта.

«Белый Крест», Ямбург, № 1, 13 (26) июня 1919 г.

П Р И К А З

Командира Северного корпуса
По Военно-Гражданскому управлению
№ 107

26 мая 1919 г.

г. Нарва

1. На основании положения о Полевом Управлении Войск, изд. 1914 г., приложение 1-е, статьи 1-й пункта 2-го, объявляю о введении **военного положения** во всех местностях Российской территории, освобожденной Северным Корпусом и совместно с ним действующими войсками.

2. Все декреты, распоряжения и приказы, изданные или объявленные после 27 октября 1917 г. считать отменными.

Командир корпуса
Генерал-майор Родзянко
Начальник штаба
Генерального Штаба Полковник Крузенштерн
Начальник Инспекционного отдела
Штабс-ротмистр Зиновьев

П Р И К А З

Командира Отдельного Корпуса Северной Армии
6 июня 1919 г.

г. Нарва.

Объявляю мобилизацию мужского населения в городах Ямбурге, Гдове, Пскове с их уездами и в прифронтовой полосе, очищенной от большевиков.

Всем лицам, достигшим к 1-му июня с.г. 19-летнего возраста и до 30-ти лет включительно надлежит явиться для регистрации: в городах – городскому коменданту, в уездах – к волостному.

Регистрацию призывных возрастов произвести в десятидневный срок со дня получения сего приказа на местах.

При регистрации представить сведения о семейном положении.

По окончании регистрации призывные распускаются по домам; о дне явки и местах сбора будет объявлено особо.

Виновные в неисполнении сего приказа подлежат военно-полевому суду.

Командующий Отдельным Корпусом
Северной Армии
Генерал-майор Родзянко
Начальник Военно-Гражданского Управления
Области Северного корпуса
Полковник Хомутов.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

В городе Нарве организуются (мною) два госпиталя и санаторий для лечения больных и раненых доблестных воинов наших, сражающихся за возрождение и светлое будущее России. Вы знаете, какое беспримерное тяжелое время мы переживаем, и как трудно достать теперь при нашем оскудении и недостатке средств самые необходимые жизненные продукты и самые простые вещи для образования даже несложного хозяйства. А потому к вашей отзывчивости обращаюсь я, граждане, офицеры и солдаты, и прошу вас помочь, кто чем может. Не сомневаюсь, что каждый из вас сочтет своим нравственным долгом отозваться на этот призыв и посылить помочь тем, кто кровью своей и здоровьем жертвует для освобождения Русского народа от кровавого ига большевиков. Нужно все – продукты первой необходимости, одежда, обувь и белье, как в готовом виде, так и в материалах, хозяйственные предметы – мебель, посуда, вещи для канцелярии – пишущие машины, бумага, перья и чернила, и медикаменты для аптек. Кроме того, необходимо предоставить нашим дорогим больным и раненым и духовную пищу – газеты, книги, журналы и картины, а для выздоравливающих – и развлечение – музыкальные инструменты, шахматы, лото и т.п. В госпиталях предложено открытие мастерских для раненых, и нужны швейные машины, шитки и иголки; просим добрых людей помочь этому начинанию своим безвозмездным руководящим трудом. Просим и духовенство откликнуться на наш призыв и побудить своих прихожан к жертвам на это Святое Дело, а также устроить тарелочные сборы. Жертвуйте, кто что может. Не стесняйтесь размером – всякое даяние благо и будет принято с благодарностью. Мы уверены, что русское общество поддержит наше общее дело и не останется в долгу перед своими самоотверженными защитниками от кровожадных тиранов, равных которым по жестокости еще не видел мир.

Пожертвования принимаются: 1. Старшей Сестрой Милосердия 1-го Полевого Госпиталя, г. Нарва, Ивангородская сторона; 2. Сестрой милосердия Анной Газенкамф, г. Нарва, Вышгородская, 18, Офицерское Собрание.

Попечительница лечебных заведений Северо-Западной Армии Ф. Родзянко (супруга командующего армией ген. Родзянко – прим. сост.).

«Вестник Северо-Западной Армии», Ямбург, № 26,
23 (10) июля 1919 г.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ СТОЛОВАЯ ДЛЯ ПИТАНИЯ ДЕТЕЙ.

По предложению американского представителя по продовольствию при Сев. Армии майора Керкера в Ямбурге организуется Центральный Российско-Американский комитет для питания детей.

По предложению г. Евсеева 3 июля собирались представители земства, доктора и члены дамского кружка. Майор Керкер передал собравшимся, что Америка безвозмездно дает продовольствие с тем, чтобы в ближайшие дни в Ямбурге была открыта столовая для нуждающихся в питании детей от 2 до 14-лет; такие же столовые должны быть открыты в уезде и областях, очищенных от большевиков. Организацию детского питания майор Керкер считает делом женщины и просил всех женщин, имеющих опыт и возможность быть полезными и помочь ему в этом деле. В тот же день были избраны члены комитета. Председательницей избрана А.Н. Бибикина (супруга коменданта Ямбурга полк. Бибикина - прим. сост.), товарищ. председ. Г. Т. Ионов.

Комитет уже нашел помещение для первой кухни. На первые 10 дней будет получено продовольствие с расчетом на выдачу 8000 обедов в день.

«Белый Крест», Ямбург, № 4, 8 (25) июля 1919 г.

ПРИКАЗ

по Северо-Западной Армии
№ 158

24 июля 1919 г.

г. Нарва

На улицах, в общественных местах и в вагонах железных дорог военнопослужащие обсуждают политические события, нередко высказывая превратные взгляды; открыто говорят о положении дел на фронтах, о наших силах, передвижениях войсковых частей и т.д., забывая, что кругом кишат шпионы, и всякая неосторожная откровенность – величайшее преступление. В переживаемое нами время, когда злостная агитация разжигает политические и национальные страсти, от военнопослужащих требуется величайший политический такт. Каждое неосторожное и непродуманное слово будет превратно истолковано и может подать повод к крупной неприятности. А теперь они тем более недопустимы, мы должны дружно сомкнуть наши силы для борьбы с жестокими тиранами – большевиками. А потому запрещается военнопослужащим на улицах, в вагонах железных дорог и во всяком общественном месте разговоры на политические темы, а равно о положении дел на фронте, о передвижении войсковых частей, местах их стоянок, составе отрядов и т.д. Виновные в нарушении сего приказа будут предаваться Военному Суду.

Командующий Армией,
Генерал-Майор Родзянко.
И.д. Дежурного Генерала,
Полковник Барон Вольф.

«Вестник Северо-Западной Армии», Ямбург, № 26,
23 (10) июля 1919 г.

ОТ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ г. ПСКОВА.

До моего сведения дошло, что попечители некоторых участков распускают слухи, что кооперативы прекращают свою деятельность и совершенно отстранены от торговли продуктами первой необходимости, выдаваемыми Продовольственным Отделом Городской Управы. Считаю необходимым заявить:

- 1) Кооперативы будут торговать, как и прежде;
- 2) Для уменьшения хвостов в кооперативных лавках к торговле предметами первой необходимости привлечены и частные лавки;
- 3) Граждане, желающие получать товары из кооперативов, заявляют об этом попечителю, который обязан прикрепить их к кооперативу, указанному гражданином.

Городской Голова Эйшинский

«Заря России», Псков, № 2, 23 (10) июля 1919г.

ПРИКАЗ

Коменданта Псковского района

№ 16

28 июля 1919 г.

г. Псков.

1. Временно впредь до особого распоряжения, приказываю: все театры, увеселительные заведения, сады, клубы и рестораны закрывать в 23 часа. В театре спектакли начинать с таким расчетом, чтобы заканчивать таковой к установленному выше времени. Содержатели и администрация названных заведений, при неисполнении сего приказа, подвергаются в первый раз штрафу до 10.000 рублей, а во второй – закрытию заведения.

2. Всякое нарушение гражданами после 23 часов на улицах города тишины и спокойствия и появление на таковых в нетрезвом виде будет наказываться заключением в тюрьму до 6 месяцев и штрафу до 3000 рублей.

3. Лица, оказавшие сопротивление или нанешие оскорбление словом или действием при задержании их патрулями, полицией или чинами Городской Самоохраны, подвергаются преданию военно-полевому суду по законам военного времени.

Комендант Псковского района Полковник Эральд
Адъютант Коменданта Сотник Корчагин

«Заря России», Псков, № 7, 30 (17) июля 1919 г.

ПРИКАЗ

Командира Отдельного Корпуса Северной Армии
(по Военно-Гражданскому Управлению)

№ 12

17 июня 1919 года

О незаконных захватах имущества

1. Всем лицам, захватившим самовольно и незаконно или получившим от большевических (коммунистических) властей чужое движимое имущество, как то: домашнюю обстановку, утварь, белье, драгоценности, библиотеки, портреты и разные художественные произведения, экипажи, лошадей, разный домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь (машины, орудия, семена и т.д.), вменяется в обязанность в течение 10 дней со дня опубликования сего постановления вернуть таковое имущество собственникам или владельцам, а в случае их отсутствия – подать заявление местному Коменданту при подробной описи всего имущества в двух экземплярах за собственноручной подписью.

2. Третьи лица, купившие или иным каким-либо способом получившие в свое владение указанное выше имущество, обязаны сделать то же самое.

3. Все, знающие о нахождении такового имущества или о лицах, пользующихся им, обязаны немедленно заявить об этом местному Коменданту.

4. Лица, виновные в нарушении сего обязательного постановления, предаются Военному Суду.

Командир Отдельного Корпуса Северной Армии
Генерал-Майор Родзянко

Начальник Военно-Гражданского Управления
Полковник Хомутов

ПРИКАЗ

Командира Отдельного Корпуса Северной Армии
(по Военно-Гражданскому Управлению)

№ 13

19 июня 1919 года

О временном праве пользования землею

В видах создания спокойной и твердой уверенности земледельческого населения в том, что урожай будет принадлежать тем гражданам, которые в настоящее время пользуются землею, т.е. запахали ее и засеяли, объявляется:

1. Все граждане, в пользовании коих в настоящее время находятся пахотные земли, - будь то помещичьи, казенные, монастырские, церковные, удельные, кабинетские или принадлежащие мелким землевладельцам, - все, засеявшие и обработавшие таковые, имеют право собрать урожай с означенных земель. Право пользования этими землями предоставляется и тем гражданам, коим они были переданы в пользование разными учреждениями и организациями большевического режима.

2. Дабы обеспечить крестьян землею на началах законных и справедливых, впредь никакие самовольные захваты вышеупомянутых земель (ст. 1) допускаться не будут. Все нарушители чужих земельных прав будут подлежать преданию суду.

3. В тех хозяйствах, где прежними батраками и отдельными крестьянами соседних деревень работы производились на правах единоличного и непрерывного пользования, до 1919 года, запашки сохраняются в размерах 1918 г., причем дальнейшее пользование допускается лишь при уплате аренды за землю прежнему ее владельцу.

4. Усадьба, т.е. жилой дом с необходимыми надворными постройками и площадь, занятая садом и огородом, в полном объеме остаются в пользовании прежнего ее владельца.

5. Всякие переделы надельной земли без разрешения на то подлежащей власти воспрещаются. Каждый домохозяин владеет землею в том количестве, которое состоит в его действительном пользовании, но с обязательством обсеменения всей площади. Земли, оставшиеся не обсемененными, поступают в распоряжение общества для передачи их в пользование тех лиц, которые могут их засеять, причем преимущество отдается прежним их владельцам.

6. Все надельные земли, захваченные при большевиках посредством переделов, по снятии с них урожая в 1919 г., должны быть возвращены прежним их владельцам.

7. Коренные крестьянские усадьбы остаются в пользовании прежних владельцев и не подлежат изменению.

8. Право скося травы для всякого вида покосов, в 1919 году, предоставляется прежним их владельцам, причем разрешается купля и продажа, как сена, так равно и травы на скос.

9. Волостным Старшинам и Сельским Старостам вменяется в обязанность иметь строгое наблюдение за тем, чтобы сенокосы и поля не подвергались потравам. Виновные в потравах подвергаются: денежному штрафу до 3000 р. или тюремному заключению до 3 месяцев.

10. Выход на хутора разрешается с согласия 2/3 действительных домохозяев селения, причем место и площадь хутора определяются по взаимному соглашению сторон, изложенному в приговоре.

Вышеизложенные меры являются временными и имеют целью удовлетворить неотложные нужды деревни. Вековой земельный вопрос будет решен имеющим быть созданным Российским Всенародным Собранием.

Командир Отдельного Корпуса Северной Армии
Генерал-Майор Родзянко
Начальник Военно-Гражданского Управления
Полковник Хомутов

ПРИКАЗ № 17

Командующего Северной Армией (По Военно-Гражданскому Управлению)

30 июня 1919 года

В развитие пункта 5 приказа моего за № 10, приказываю:

I. Образовать два Мировых Судебных округа:

1) Псковский – из г. Пскова и освобожденных от большевиков территорий Псковской губернии и части Лужского уезда Петроградской губернии;

2) Гдово-Ямбургский (с местопребыванием Съезда в Гдове) – из г.г. Гдова и Ямбурга и их уездов.

II. Мировые Съезды названных Округов состоят из: Председателя Съезда, Мировых Судей 2-ой инстанции (апелляционных), Мирового Судьи, заведующего нотариальным архивом, мировых Судей 1-ой инстанции (участковых), канцелярии, Судебных приставов, Архивариуса, Секретарей при участковых Мировых Судьях и курьеров и сторожей.

III. Все лица судейского звания назначаются моими приказами; Судебные приставы и все чины канцелярии – Приказами Председателя Съезда; Секретари при участковых Судьях – приказами сих последних.

IV. Рассмотрению участковых Мировых Судей подлежат дела: гражданские (независимо от рода их), если сумма иска не превышает 10.000 рублей, а уголовные – все, предусмотренные Уставом о Наказаниях – не изъятые из общей подсудности приказом моим за № 10 и, если показание не сопряжено с ограничением или лишением прав. Рассмотрению Мировых Судей 2-ой инстанции (Мировых Съездов) подлежат дела: все гражданские, оценка коих превышает 10.000 рублей, а уголовные – по Уложению о Наказаниях и Уголовному Уложению, влекущие ограничение или лишение прав и не изъятые из общей подсудности.

V. В делах особой сложности Мировым Съездом предоставляется сноситься с Военно-Прокурорским надзором Военного Суда Северной Армии о производстве предварительного следствия Военным Следователем; в

случае же возникновения по этому поводу между Съездами и Военно-Прокурорским надзором пререкания – последнее разрешается Военным Судом С. А.

VI. Приговоры, решения и постановления Мировых Съездов почитаются окончательными и обжалованию не подлежат. Приговоры и решения участковых Мировых Судей, по коим назначен арест не свыше 7 дней или штраф не свыше 300 рублей, почитаются окончательными и подлежат обжалованию лишь в кассационном порядке. Все прочие приговоры и решения участковых Мировых Судей почитаются не окончательными и подлежат обжалованию в Съезде в порядке апелляции.

VII. При кассационном обжаловании требуется внесение залога: по делам гражданским – 25 рублей, если сумма иска не превышает 500 рублей, и 75 рублей, если сумма иска выше 500 рублей, по делам уголовным – 50 рублей. По делам арестантским залог не взимается.

VIII. При разрешении дел Мировые Судьи их Съезды руководствуются правилами Уголовного и Гражданского Судопроизводства, установленными для Мирового Суда, при наличии же затруднений руководствуются правилами судопроизводства, для общих судебных мест установленными.

IX. По делам уголовным в Съезде Мировых Судей дает заключение лицо Военно-Прокурорского надзора.

X. По вступлении в законную силу приговоров, по коим определено наказание не ниже тюремного заключения, Судьи и Съезды препровождают в Прокурорский надзор справку по существу приговора. На обязанности Прокурорского Надзора лежит ведение регистрации судимости, а также периодическое сообщение сведений о судимости во все судебные учреждения.

XI. Законы о рецидиве применяются лишь в случаях повторения преступного деяния по отбытии наказания, назначенного по правилам настоящего приказа.

XII. По делам уголовно-частным неправая сторона присуждается к платежу судебных и за ведение дел издержек, в размере не свыше 250 рублей и не ниже 10 рублей.

XIII. Вошедшие в законную силу, но не исполненные приговоры по делам уголовным, постановленные судебными местами (за исключением, однако, большевистских) до издания настоящего приказа, приводятся в исполнение Военно-Прокурорским Надзором по мере обнаружения осужденных лиц. Уголовные дела по преступлениям и проступкам, возникшие до издания настоящего приказа, возобновляются по предложениям Военного Прокурора. Дела, разрешенные судебными местами большевиков, подлежат, по мере возможности, пересмотру Мировыми Съездами по предложениям Военно-Прокурорского надзора, по сообщениям присутственных мест и должностных лиц, а также по жалобам заинтересованных лиц.

XIV. Все судебные пошлины и сборы взимаются с увеличением на 100 % против ставок, существовавших к концу 1915 года. Судебные пошлины по гражданским делам взимаются в размере 2-х копеек с рубля.

XV. При Мировом Съезде состоит Нотариальный Архив. Обязанности и права Старшего Нотариуса возлагаются на особо назначенного Мирового Судью, обязанности же и права Окружного Суда присваиваются Мировому Съезду.

XVI. Младшие Нотариусы состоят при Съезде Мировых Судей и из взимаемого ими за нотариальные действия вознаграждения по таксе, утверждаемой Съездом Мировых Судей, получают в свою пользу половину, а другую немедленно вносят в местное казначейство в депозит Съезда. В тех местах, где Нотариусов не имеется, обязанности их на тех же основаниях исполняются участковыми Мировыми Судьями.

XVII. Крепостные пошлины взыскиваются в размере 80 % во всех без исключения случаях перехода недвижимости по договорам.

XVIII. Все суммы, упомянутые в пунктах 7, 12, 14, 17 сего приказа вносятся в местное казначейство в депозиты Съездов Мировых Судей и расходуются на содержание Мировых Установлений Округа.

XIX. Не дожидаясь полного замещения штатов в обоих Мировых Съездах, открыть действия последних немедленно.

Распределение участков между Мировыми Судьями, а также определение границ самих участков предоставить общему собранию Мировых Судей Съезда. Тому же общему собранию предоставить распределять Мировых Судей 2-ой инстанции по специальности: гражданских и уголовных.

XX. Указанные ниже штаты Псковского и Гдово-Ямбургского Судебно-Мировых Округов считать временными и подлежащими увеличению в зависимости от расширения освобождаемой из-под власти большевиков территории.

XXI. Псковскому и Гдово-Ямбургскому Мировым Съездам, по мере надобности, периодически выезжать на судебные сессии в находящиеся в пределах Округов города. Количество сессий устанавливать на общем собрании Мировых Судей Съездов.

Командующий Северной Армией, Генерал-Майор Родзянко

Начальник Военно-Гражданского Управления, полковник Хомутов

«Заря России», Псков, № 3, 24 (11) июля 1919 г.

А. Гоняев

Реорганизация школы.

17-го, 18-го и 19-го июля комиссией по реорганизации школы из представителей учащихся Псковских учебных заведений были выработаны следующие положения, основанные на законах, изданных до Временного Правительства и во времена Временного Правительства.

1) Установить двухступенную единую школу с полной преемственностью в ней, причем 1-ая ступень с шестилетним курсом составляет шестиклассное начальное училище, а 2-ая с 4-летним курсом – реальное училище и гимназию.

2) Вознаграждение учащихся поурочное на обеих ступенях, именно: в зависимости от прожиточного минимума 1000 руб. за месяц по царской валюте за 24 часа труда в неделю, из них 18 уроков и 6 часов сверхурочных занятий: классное наставничество, секретарство, библиотека и проч.

3) Предметы преподавания следующие: Закон Божий (обязательный предмет), русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, история, география, естествознание, физика, политическая экономия,

философская диалектика, один из новых языков (обязательно), пение, гимнастика и ручной труд, где это окажется возможным ввести.

4) Окончившие 6-классное начальное училище, переходят в гимназию и реальное училище беспрепятственно.

5) Школы обеих ступеней могут быть объединены в одном здании, причем в таком случае заведующий будет помощником директора.

6) Обучение на обеих ступенях возможно совместное, причем 2-й ступени с ходатайством перед управлением учебного округа.

7) Количество учащихся в классе определяется от 40 до 50 человек.

8) 6-классное начальное училище находится в ведении общественных управлений, а гимназии и реальные училища – учебного округа.

9) Управление гимназиями и реальными училищами возлагается на директора, педагогический совет и хозяйственный комитет, а в 6-классных училищах – на заведующего, педагогический и попечительский советы.

10) Число преподавателей в школе определяется соответствующими штатами.

11) Вознаграждение их поурочное, с прибавлением 4-х пятилетних прибавок по 100 р. каждая в месяц, причем лица с высшим образованием получают на 20 % больше, чем учащие со средним образованием.

12) Число уроков преподавателя – 24, заведующего – 12 и директора в объединенном учебном заведении – 6.

13) Уроки сверх 24 и 12 оплачиваются соответственным образом: из расчета 500 руб. за годовую урок.

14) Классное наставничество, секретарство, библиотекарьство и проч. оплачиваются сообразно, действительно, затрачиваемому на них труду по постановлению педагогических советов и утверждению учебного округа.

15) Обучение в 6-классных начальных училищах бесплатное, а в гимназиях и реальных училищах платное, причем плата определяется педагогическим советом по утверждению размера с учебным округом. При этом педагогическим советам предоставляется право освобождать учащихся от взноса платы и сверх 10 % (закопных).

16) Хозяйственные расходы 6-классных начальных училищ относятся на счет общественных управлений, с пособием от казны, а гимназий и реальных училищ – учебного округа.

17) В специальных учебных заведениях управление и вознаграждение преподавателей производится по существующим законоположениям и правилам, изданным до Временного Правительства и последним.

18) С удлинением курса против советской школы на 1 год учащиеся, кончившие в ней курс, остаются еще на один год в X классе, а прочие ученики и ученицы переводятся в соответствующие классы. Аттестаты об окончании курса предоставляется право приобретать и путем установленных испытаний экстернами.

Положения эти 20-го июля приняты общим собранием учащихся, причем введены еще сельское хозяйство и гигиена.

20 июля 1919 г.

«Заря России», Псков, № 3, 24 (11) июля 1919 г.

СООБЩЕНИЯ С МЕСТ.

Рапорты военного чиновника Васильева начальнику Военного Управления области Северного корпуса «О безземелье и бедственном положении крестьян в Северо-Западном крае»; гдовского уездного коменданта полковника Саламанова начальнику Петроградской губернии «О настроении крестьян в Гдовском уезде»

Начальнику Военного Управления
Области Северного Корпуса
Рапорт

Во исполнение предписания от 30 мая 1919 г. за № 268 по вопросу продовольствия, я посетил гор. Гдов и ряд деревень и сел в его уезде, и везде встречал один и тот же вопль: «Мы измучены, разграблены. Живем под страхом за свою жизнь и имущество, ждем твердую и сильную власть, какую дадут, только не власть большевицкую». В общем, повсюду начинают созрывать, что путем различных хитро сплетенных политических комбинаций, обмана народа выведен из нормальной жизни и тем поставлен в пределы такого разорения, за которым открываются двери окончательной гибели. Нет хозяйственной отрасли, «которой не коснулась бы строго обдуманная система разрушения. Передел душевых наделов, данных крестьянам в 1861 году по ревизии 1857 года и уже ими выкупленных по едокам до 1/8 основного надела (в 1861 году на мужскую ревизскую душу положено по 5,5 десятин). Окончательно сбил крестьян с толку, и они не знают, чем и как себе помочь. Появление же местами очагов черной оспы и тифа, угрожает отнять у крестьян последнюю искру веры в ту светлую будущность, проблески которой они увидели с момента долгожданного занятия области Северным корпусом.

Как ни тяжело положение крестьян, они безгранично рады изменившемуся положению, но рядом с той радостью, несмотря на всю дороговизну (рожь – 700-800, ячмень – 400, овес – 120-150, картофель 70-100 рублей царскими за пуд) и предстоящий перед новым урожаем абсолютный голод, они не столько боятся этого голода, как боятся мести скрывшихся в леса представителей бывших советских властей – коммунистов.

Не имея никаких сведений о ходе событий для Северного корпуса и вообще о положении России, (со стороны же большевиков, наоборот, проникают растлевающие ум и душу сведения), крестьяне находятся в положении неустойчивости и полной шаткости их мнений, почему они и верят всякому вздорному слуху, не имея возможности проверить у себя на месте, и при том не знают, какими законами руководствоваться. Ввиду изложенного, желания крестьян сводятся к следующему:

1. Знать законы, действующие в данное время в Области. Посему является необходимым разъяснить народным массам, что восстанавливаемый порядок действий в Области идет в полной согласованности с основными законами Российского государства, изданными в 1864 году и впоследствии дополненными, и что законы эти, как были принятыми к руководству Всероссийским Временным Правительством, после переворота 2 марта 1917 года, будут оставаться неизменными до созыва Всероссийского Земского Собора.

2. Не менее предыдущего крестьяне интересуются Временными Правительствами, в данное время спасающими Россию. По данному вопросу народу желательно знать, где и под чьим руководством действуют Правительства, что ими уже сделано, и какая конечная цель каждого из Правительств.

3. Земельный вопрос крестьяне уясняют себе в том смысле, что самочинно и без всякой системы захватывать чужие земли не следовало, но раз захват учинен, хотя бы это и было по агитации чуждых для народа людей, то надо урегулировать этот вопрос по принципам миролюбивых сделок.

4. По отношению коммунистов крестьяне отзываются, что добровольно записывалось незначительное число, но впоследствии ловкими приемами агитаторов, бессознательная масса завлекалась в ряды коммунистов под видом железнодорожных охранников, сторожей волостных правлений и прочими служащими, имевших какое-либо соприкосновение к Правительству. Многие из таких невинных оставили дома, чувствующие же за собою провинности бежали и скрываются в лесах. Последнее обстоятельство усугубляет чувства тревоги населения, а с наступлением темных ночей июля и августа, будет представлять и угрожающую опасность, ввиду чего крестьяне полагают полезным, а по существу и необходимым, следующие мероприятия:

а) Во всех более-менее населенных пунктах поставить комендантов с отрядами, по мере надобности могущими делать лесные обходы.

б) Всех бежавших членов советских учреждений взять на учет волостными правлениями, с представлениями подробных списков начальникам уездов, а последние уже представляют Областному Управлению.

в) Всех коммунистов, находящихся на лицо в деревнях, как бывших охранников железнодорожных путей, разных сторожей и проч., поставить под надзор своих обществ и деревень, с воспрещением права выезда.

г) Ни на какие места и должности не только коммунистов, но и лиц, служивших у коммунистов, не допускать, а принятых до сего распоряжения – уволить.

Когда все эти мероприятия будут проведены в жизнь, то можно будет ожидать полного успокоения народных масс не большевицкого толка, причем от того же народа можно будет ожидать и смелого активного выступления против большевизма, о чем и докладываю, присовокупляя, что деревня с необычайным интересом готова читать все исходящие из Штаба Корпуса распоряжения, но она не может удовлетворить себя в этом, ибо всех распоряжений высылается в деревню крайне недостаточно, чуть ли не по одному экземпляру на волость или деревню, и те выставляются на таких под дождем открытых местах, которые доступны народу лишь при случае, и тогда, когда уже миновала острота интереса, а посему является желанным, чтобы все распоряжения, касающиеся интересов деревни, в последние высылались бы в количестве, не меньшем двадцати экземпляров на каждые 100 дворов.

При таком способе рассылки законоположений Штаба последние незамедлительно будут читаться всеми, и читаться с интересом старым и малым, мальчиками и девочками, и это послужит огромным плюсом в умиротворении Области, потому что все выпады оставшихся на

местах большевиков будут сей же час опровергаться. Теперь же какую бы чушь большевик ни нес, ему никто не противоречит, потому что под рукой нет явного доказательства.

Военный чиновник Васильев

Правление коменданта Гдовского уезда

№ 370

18 августа 1919 г.

Рапорт

Доношу: настроение во вверенном мне уезде спокойное, в некоторых местностях, по донесению волостных комендантов, даже безразличное. Заметно некоторое недовольство в отношении самовольной реквизиции скота и домашнего инвентаря, принадлежащего крестьянам, но главные претензии падают на наряды крестьян в подводы. Позволяю себе указать на серьезность и обоснованность последних претензий. В настоящее время, когда крестьяне заканчивают сенокос, убирают хлеб и начинают сеять рожь, постоянные выезды в наряды, к сожалению, иногда произвольно затягиваемые, тяжело отзываются на работе крестьянства.

Ввиду отсутствия обоза, предпринять что-либо для облегчения их участи представляется в настоящее время невозможным.

Жизнь в Гдове протекает нормально. Приказ № 19 о пользовании лесами вызвал большие толки, и я бы сказал парекание крестьян. Крестьяне толкуют этот приказ на всякие лады, указывая, что с приходом белых их не только наделили землей, но оставили в силе прежнее ограничение. Со своей стороны должен указать, что крестьянские надельные леса представляются, главным образом, под выгон скота. Оплата выгона, согласно пункта 7, и вызывает, главным образом, парекания.

Подлинный подписали:

Гдовский комендант Полковник Саламанов

Заведующий канцелярией (подпись)

С подлинным верно: Делопроизводитель (подпись)

ГА РФ. Ф. 6387, Оп.1., Д.4, Лл. 3-7.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ПСКОВСКОГО УЕЗДА.

Вести из Качановской волости

Всюду, где ни появляются белые войска, меняется сразу самый характер жизни. Население волости, утомленное укрыванием своих зеленых, вечно чего-то боящееся, прислушивающееся даже к лаю собак, возмущающему приход карательных или реквизиционных отрядов, наконец, вздохнуло полной грудью. Теперь можно спокойно ставить на стол все, что есть, не опасаясь постороннего глаза; не нужно закапывать хлеб, одежду и все мало-мальски ценное, что может привлечь к себе взоры представителей советской власти. Лай собак никого уже не пугает; никого не гнетет мысль о судьбе будущего урожая. Вечером, в кучках собравшихся крестьян уже не раздаются жалобы и сетования на реквизиции и грабежи, наоборот, слышится веселый смех и искренние шутки. Все пережитое кажется теперь каким-то нелепым кошмаром. Нужно ли говорить, каково отношение крестьян к белым и своим зеленым - для них есть все: и масло, и молоко, и творог, и хлеб, и мясо; в каждой избе они желанные гости. Почти до самого последнего времени продовольствие местному партизанскому отряду доставлялось своими же крестьянами,

причем не существовало никакой хлебной повинности; все давалось добровольно, кто сколько может. Успехи белых вызывают бурную радость и вселяют в сердца уверенность, что плодами трудов будут пользоваться сами трудящиеся, а не первый попавшийся коммунист. Весело проходит сенокос, и весело готовятся к уборке хорошо уродившегося хлеба.

Ал. Константинов

Опочка, Псковская губ.

Большевики, предчувствуя скорое падение собственной власти, самым наглым и бессовестным образом разграбляют народное достояние. В Исполкоме, Совнархозе и Уездпромкоммуне воруют все, кому не лень, не исключая комиссаров и членов коллегии.

Жалование служащим платится только новыми советскими деньгами, которые почти не принимаются базарными торговцами и крестьянами, - это обстоятельство еще больше усиливает царящий в городе голод.

Волосье мясо и хлеб на базарах отсутствуют. В продаже имеются только конина да свежие овощи.

Расстрелам, арестам и обыскам нет конца - Чрезвычайка все ищет белогвардейских шпионов и просто членов Сов. Армии и сочувствующих ей.

В уезде организируются тайно отряды зеленых, которые частенько подстреливают участников хлебных и карательных отрядов.

Горожане с нетерпением ждут белых, которые избавят их от «социалистического рая».

Уездный комендант.

«Заря России», Псков, № 9, 3 августа (21 июля) 1919 г.

УЕЗДНАЯ ХРОНИКА

Остенская волость. Наша волость сравнительно благополучно отделалась от большевицкого режима. Репрессии миновали. Военных действий больших не было. Лишь потерпели от налогов. Урожай, пожалуй, выше среднего. Хочется слышать хорошее слово. В Ильин день погост Кривоницы посетил псковский архиерей Арсений. Была архиерейская служба; давно не видели мы у себя такой службы. После служения архиерей посетил прихожан и беседовал с ними, расспрашивая про житье-бытье.

Раньше рядовой священник редко заглядывал в избу крестьянина, мало беседовал с ним, посещение же архипастыря приятно подействовало на крестьян. Побольше бесед с нами; наступает осень с длинными вечерами, молодежь проводит время непроизводительно и начинает подумывать о самогонке, спастись от которой можно только просвещением.

К-к

«Заря России», Псков, № 20, 22 (9) августа 1919 г.

Не менее важной чем аграрно-крестьянская, для белого фронта и тыла становилась финансовая политика. Уезды Псковской и Петроградской губерний, занимаемые частями Северо-Западной армии, не отличались значительными природными ресурсами, развитым сельским хозяйством или промышленностью. Отсутствие сколько-нибудь крупных источников доходов делало необходимым создание устойчивого финансового снабжения армии и населения. Большую роль играли кредиты и ссуды, получаемые из различных источников и, в первую очередь, от Верховного Правительства России адмирала А.В. Колчака, с санкции которого ген. Юденич осуществлял командование фронтом. Насколько эффективной оказалась подобная помощь рассматривается в статье С.С. Балмасова. Но помимо долгосрочных кредитов белый тыл испытывал острый недостаток денежных знаков для выплаты жалования, пенсий и пособий. Подобная ситуация делала необходимым переход к частичной натурализации заработной платы, а также выпуску деизнаков, претендовавших на достаточную устойчивость курса (в том числе и напрямую привязанную к фунту стерлингов), но, фактически, напрямую зависела от успехов на фронте.

Р.В. Полчанинов

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ БЕЛЫХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

В этой статье мы постараемся взглянуть на денежные знаки белых в Северо-западной России в годы гражданской войны как на экономические и политические документы времени. 7 ноября 1917 г. Россия находилась в состоянии войны с Австро-Венгрией, Германией и Турцией. К этому времени Германия оккупировала Русскую Польшу и Прибалтику. Нехватка русских денег на оккупированных немцами территориях вызвала выпуск 17 апреля 1916 г. русских рублей и копеек немецкой Darlehnskasse Ost Ostbank fur Handel und Gewerbe (Ссудной кассой Восток Восточного банка торговли и промышленности), которые 4 апреля 1918 г. были заменены немецкими марками. Для Польши, по политическим причинам, 9 декабря 1916 г. русские рубли немцы заменили польскими марками. После того как советская делегация покинула 18 февраля 1918 г. Брест-Литовск, заявив, что войны не ведем, но мир не подписываем, немцы 24 февраля заняли Псков. Предвидя скорый конец войны, немцы разрешили 12 октября 1918 г. сформировать антибольшевицкую добровольческую часть под командованием генерал-майора А.Е. Вандама, а 2 ноября 1918 г., когда Псков был все еще под немецкой оккупацией, Псковское областное казначейство выпустило 50-рублевые кредитные билеты, на которых стоит подпись Командира Северной армии генерал-майора Вандама. Плохо вооруженная Северная армия генерал-майора Вандама не выдержала натиска большевиков и 25 ноября отступила в Эстонию.

Сколько мне известно, большевики не изъяли из обращения кредитные билеты Вандама по той простой причине, что Экспедиция заготовления государственных бумаг в Петрограде не справлялась с выпуском новых кредитных билетов, не советских, а «романовских», «керенок» и «думок». Большевики своих денег с серпом и молотом не выпускали, считая, что деньги – пережиток капитализма, и коммунистам не к лицу печатать свои деньги. Споры шли с первого дня захвата власти до мая 1919 г., когда сама жизнь заставила их пойти на подобный компромисс. «Романовскими» назывались любые царские кредитные билеты. «Керенками» назывались выпущенные при Керенском 4 сентября 1917 г. казначейские знаки достоинством 20 и 40 рублей, которые, несмотря на свой несолидный внешний вид и название (вместо «кредитный билет» – «казначейский знак»), принимались населением наравне с «романовскими». «Думскими» назывались кредитные билеты в 1000 рублей с изображением Думы.

Северная армия генерал-майора Вандама была переформирована в ОКСА – Особый корпус Северной армии. Командующим ОКСА стал генерал-майор А.П. Родзянко, и 25 мая 1919 г. ОКСА вместе с отрядом полковника С.М. Булак-Балаховича и эстонскими частями отбили у крас-

ных Псков. На освобожденных от большевиков землях, для нужд Особого Корпуса, генерал-майор Родзянко выпустил «Временные разменные знаки» в 1,3, 5 и 10 рублей и марки-деньги в 50 копеек на плотной бумаге с императорским двуглавым орлом и надписью: «Имеет хождение наравне с разменной монетой». В то же время Булак-Балахович, для нужд своего отряда печатал 40-рублевые керенки, которые от настоящих отличались только водяным знаком. У коллекционеров они считаются исключительно редкими.

Характерны достоинства денежных знаков ОКСА от 50 копеек до 10 рублей. Они свидетельствуют, что и к середине 1919 г. инфляция в России еще не успела набрать силу, но и в то же время показывает, что военные власти не имели времени организовать экономическую жизнь контролируемых ими территорий и вместо сбора налогов, должны были выпускать собственные бумажные деньги. С образованием летом 1919 г. Северо-Западной армии под командованием генерала Николая Николаевича Юденича, куда влились и ОКСА, и отряд Булак-Балаховича, появились «Денежные знаки Полевого казначейства». Серия начиналась с 25 и 50-копеечных знаков и имела еще 8 рублевых достоинств: 1, 3, 5, 10, 25, 100, 500 и 1000. Само название «денежный знак» говорило о том, что выпуск имел временный характер. Поэтому на оборотной стороне денежных знаков и было сказано: «Подлежит обмену на государственные кредитные билеты».

Особое место занимает Западная армия полковника П.М. Авалова-Бермондта, которая в Митаве (Латвия) выпускала 10 октября 1919 г. «Временные разменные знаки» достоинством в 1,5, 10 и 50 марок. Как утверждает Н. Кардаков в своем «Каталоге денежных знаков России и Балтийских стран 1769-1950», «были отпечатаны так же и денежные знаки в 2 марки, но они полностью сгорели в вагоне», видимо, во время перевозки.

Рисунок для денежных знаков делал какой-то немец, не знавший русского языка, о чем свидетельствуют ошибки в надписях по-русски. Надписи на деньгах были, с одной стороны, по-русски, с другой – по-немецки, и сами деньги назывались не рублями, а марками, что говорит не только о том, что в армии Авалова было много немцев, но и об их сильном влиянии. На всех «Временных разменных знаках» Западной армии был императорский двуглавыи орел. Ошибки в русской надписи (старая орфография) выделены мною: «Эти разменные знаки обеспечиваются всем государственным достоянием областей, занятых западной Лобровольческой армией. Имеют хождение в этих областях как законное средство платежа и с 1 октября 1920 размениваются в государственных кредитных учреждениях и казначействах на германские марки или на равноценную русскую валюту».

У населения Северо-Запада России имелись на руках как «романовские», так и «керенки» и «думки», и очень возможно, что с возвращением советской власти на территории, занятые педелогое время Северо-Западной армией, выпуск этой армии и ОКСА более не имели хождения. Другое дело «кредитные билеты» Псковского областного управления. Очень возможно, что, несмотря на подпись генерал-майора Вадама, «кредитные билеты» имели хождение до 1922 г., когда был произведен обмен из расчета: «Один рубль выпуска 1922 г. равен 10.000 рублей всех ранее выпущенных образцов».

Приложения:

ПРИКАЗ

Командующего Северо-Западной Армией
(по общему управлению областью)

№ 29

22 июля 1919 г.

г. Нарва

Для упорядочения вопроса снабжения хлебным пайком лиц, не принадлежащих к составу Армии, но работающих совместно с ней, приказываю принять к руководству ниже следующее.

1) Все служащие в разных государственных учреждениях в пределах области Северо-Западной Армии имеют право получать с 1-го сего июля следуемое им содержание часть деньгами, часть пайком, в размере, указанном ниже. Означенный отпуск пайка установить с 10 июля. К этой же категории лиц относятся и все военнотружущие, состоящие в Военно-Гражданском Управлении.

2) Размер пайка для указанных выше лиц устанавливается: служащим – один фунт муки и 1/8 фунта сала; членам их семей 1/2 фунта муки на человека.

Под членами семьи понимаются жены и дети до 16-летнего возраста. Ценность месячной пропорции пайков служащего и членов семьи не может превышать размера ежемесячного его содержания. Цена муки устанавливается для этих расчетов - 3 руб. 50 коп. за фунт; сало по цене 1 фунт – 8 руб. (1/8 фунт. – 1 думский рубль).

3) Земские служащие, работающие на Армии и внесенные в списки, утвержденные уездными и городскими комендантами при фактической проверке государственного контроля, причисляются к гражданским служащим. Остальные земские и городские служащие имеют право на получение общего гражданского пайка в кредит под гарантией городских и земских управ с удержанием стоимости его по общегражданской цене при первом получении ими содержания.

4) Временно впредь до полного разрешения вопроса выпуска своих денежных знаков Северо-Западной Армией и связанного с этим вопроса регулярной уплаты содержания государственным служащим, часть содержания, не покрытая выдачей пайка, выдается на руки или же выдаются соответственные квитанции на сумму недоплатных денег, каковая считается долгом за казной. Корешки квитанций предоставляются Учреждением, ведающим выдачей содержания, в Государственный контроль при Армии.

5) Детям в приютах выдавать вместо нормального гражданского пайка, равного 1/2 фунту хлеба – по одному фунту в день, впредь до оказания помощи «Американской Комиссией Помощи».

6) Установить для рабочих, привлекаемых к работе по нарядам военной власти на срок свыше 7 дней, поденную плату в размере: пешим – 4 рубля в сутки, с лошадьо – 15 рублей в сутки.

Рабочие эти сверх поденной платы получают военный пайк стоимостью 10 думских рублей (2 ф. муки и 1/4 ф. сала). Заработная плата, причитающаяся им, за вычетом пай-

ка, может уплачиваться мукой по цене, установленной для продажи гражданскому населению.

7) Военнопленным и лицам, содержащимся в концентрационных лагерях и прочих местах заключения, выдавать пайк в размере 1/2 фунта хлеба, выходящим же на работы – пайк увеличивается до 1 фунта хлеба и 1/8 фунта сала.

8) Винозные в вывозе из района Северо-Западной Армии в местности, занятые большевиками, каких бы то ни было съестных предметов, подвергаются ответственности по законам военного времени.

«Заря России», Псков, № 10, 5 августа (23 июля) 1919 г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

с согласия Верховного Правителя России Адмирала Колчака, возглавляющего Всероссийское Правительство в ближайшем времени для нужд Северо-Западной Армии и для покрытия расходов по управлению областями, освобожденными от большевиков, будут выпущены денежные знаки, подлежащие впоследствии обмену на Государственные кредитные билеты рубль за рубль. Подробности этого выпуска будут в свое время особо объявлены. Впредь до выпуска этих денежных знаков, равно как для устранения крайнего неудобства, вызываемого обращением в областях, освобожденных от большевиков, лишь крупных денежных знаков и полного отсутствия мелких денежных знаков, согласно моему предписанию, распоряжением Командующего Северо-Западной Армии, Отделением Государственного Банка в Пскове будут выпущены в обращение временные разменные знаки Полевого Казначейства в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 руб.

Эти временные разменные знаки будут, по изготовлении вышеупомянутых кредитных билетов, изъяты из обращения путем обмена Псковским Отделением Государственного Банка и Правительственными Кассами Северо-Западной Армии. Во время их обращения они имеют быть принимаемы как во все казенные и частные платежи, а равно на всех рынках и базарах по обозначенной на денежных знаках стоимости.

Главкомандующий Северо-Западным фронтом Генерал от Инфантерии ЮДЕНИЧ

Член Политического Совещания Управления Финансовым Отделом ЛИАНОЗОВ

Начальник Снабжений Сев.-Зап. Армии Генерального Штаба полковник ПОЛЯКОВ

«Новая Россия», Псков, № 115, 19 августа 1919 г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

от Министра Финансов Северо-Западной области России. В разъяснение объявления Главкомандующего, подписанного 8 августа с.г. о предстоящем выпуске согласия Верховного Правителя Адмирала Колчака денежных знаков, настоящим доводится до всеобщего сведения:

1. что означенные денежные знаки изготовлены в Швеции и придут сюда в ближайшие дни;

2. что они имеют подпись Главкомандующего генерала Юденича и Министра Финансов Лианозова;

3. что они обязательны к приему на Русской территории, как казенными и общественными учреждениями, так и частными лицами и на всех рынках и базарах по обозначенной на денежных знаках стоимости;

4. что через три месяца по занятии Петрограда, выпускаемые ныне денежные знаки будут обмениваться Петроградским Государственным Банком без ограничения сумм всем желающим на государственные кредитные билеты, рубль за рубль;

5. что выпускаемые денежные знаки обеспечены всем достоянием Государства Российского;

6. что Правительство Северо-Западной Области России дает гарантию, обеспечивающую каждому по предъявлении выпускаемых денежных знаков в Петроградской Конторе Государственного Банка, в течение четырех (4) месяцев получение денежной стоимости знаков в английской валюте, приравнивая сорок (40) рублей новых знаков одному (1) фунту стерлингов;

7. что означенные новые знаки Эстонским Правительством, в республиканском Министра Финансов распоряжении, допущены к обращению в пределах Эстонской Республики, на одинаковых, со всякой иностранной валютой правах, без установления твердого на них курса;

8. что временные разменные знаки, выпущенные Приказом Командующего Северо-Западной Армией за подписью генерала Родзянко, начальника снабжения полковника Полякова, будут немедленно обменены, рубль за рубль, по прибытии новых знаков из Швеции.

Министр Финансов Лианозов

«Новая Россия», Псков, № 119, 23 августа 1919 г.

М.Г. Господин Редактор!

В № 57 от 30 августа газеты «Вестник Северо-Западной Армии» появилась статья под заглавием «Новые деньги», отмечающая преимущество только что появившихся денежных знаков Северо-Западной Армии перед другими категориями русских денег и предостерегающая обывателей от сбыта их по дешевой цене. Как лицу, потерпевшему от вынужденного размаха новых денег при расплате в магазинах за произведенные покупки, мне хотелось бы поделиться с читателями Вашей газеты несколькими любопытными фактами.

На прошлой неделе перед отъездом отсюда в Ревель в уплату за скромное количество приобретенных мною питательных веществ, я предложил торговцу пестренькие кредитки нового образца: не обнаружив на степенной физиономии продавца никаких признаков радости при виде «соблазнительных» бумажек и повинаясь голосу своего не в меру требовательного желудка, я предложил хозяину произвести расчет моих денег по любому курсу. Результат получился блестящий: оценив каждую десятирублевку в 6 марок, продавец милостиво отпустил своего покупателя, хотя и не очень нагруженного товарами, но зато весьма довольного исходом своей сложной валютной и продовольственной операции.

По приезде из Нарвы в Ревель я не мало был удивлен тому обстоятельству, что мой новый рубль котируется в Ревеле с большой легкостью по курсу не только не ниже номинала, но даже с надбавкой еще в 20%, так что на радостях я разрешил себе позабавиться удушливой английской сигареткой. Влияние Ревельской «биржи» очевидно уже сказывается и на нарвском рынке: по возвращении своем сюда мне довелось быть свидетелем скупки в Нарве денежных знаков определенного типа молодыми людьми, любезно предлагавшими свои услуги для обмена новых денег на какую угодно другую валюту. По-видимому уже начался спрос, и рекомендуемая упомянутой выше статьей осторожность, по моему, необходима и вполне уместна.

Читатель.

«Вестник Северо-Западной Армии», Нарва, № 63, 6 сентября (24 августа) 1919 г.

ПРИКАЗЫ

Главнокомандующего Северо-Западной армии
№ 34

2 сентября 1919 г.

г. Нарва

При сем объявляю телеграмму Верховного Правителя Адмирала Колчака, переданную мне Российским посланником в Швеции Гулькевичем: «Осведомившись о перемене управления Северо-Западной области, Верховный Правитель повелел передать, что Вам будет оказано всемерное содействие для успешного совершения борьбы с большевизмом в Петроградском районе. Министру Финансов указано срочно перевести указанные Вами двести шестьдесят миллионов рублей. Задержка в переводе произошла из-за отсутствия валюты, которая в настоящее время имеется в распоряжении Правительства. Равным образом мы продолжаем настаивать перед союзниками на оказании Вам широкой помощи снабжением и прочими потребными Вам материалами».

Омск, 28 августа с.г.

6 сентября 1919 г.

г. Ревель

1. В изменение приказа по Северной Армии от 28 июня 1919 года за № 131 п.5 и по Северо-Западной Армии от 8 июля 1919 г. за № 140 п.5 объявляю для сведения и руководства нижеследующее: Все служащие в частях войск, штабах, управлениях, учреждениях и заведениях Военного Ведомства в пределах областей Северо-Западной России и в местах расположения указанных выше русских частей имеют право на получение полного пайка.

2. Полный паек в сутки на одного человека с 1 сентября впредь до изменения устанавливается: печеного хлеба 2 фунта (или мукой 1,5 фунта), крупы или бобов 24 зол., консервированной свинины 1/2 фунта (два раза в неделю, когда имеется рыба, вместо 32 зол. сала кладется 1,5 ф. рыбы и 12 зол. сала), свежих овощей: картофеля, капусты и свеклы по 1/2 ф., луку 4,5 зол., соли 6 зол., подболточной муки 4 зол., перцу и лаврового листу 1/3 зол., чаю 1/2 зол., сахару 6 зол., табаку 4 зол., мыла 1/2 фунта в месяц.

3. Сверх того, семьи упомянутых в п.1 служащих (жена и дети) при наличии достаточного количества продуктов имеют право приобретать за наличный расчет по заготовительной стоимости по половине пайка на каждого члена семьи.

Главнокомандующий

Генерал-от-Инфантерии Юденич

«Новая Россия», 13 сентября 1919 г.

П Р И К А З А Н И Е по Северо-Западному фронту
№ 11

1 октября 1919 г.

г. Ревель

Главнокомандующий приказал:

Объявить распоряжение Министра Финансов Северо-Западной Области: «В течение двухнедельного срока от 1-го до 15 октября с.г. в правительственных кассах будет производиться обмен на новые денежные знаки Северо-Западной Армии кредитных билетов Псковского Областного Казначейства, подписанных Командующим Северной Армией Генерал-Майором Ваидамом, по курсу рубль за рубль. По истечении этого срока означенные кредитные билеты к обмену больше приниматься не будут».

Подписал Министр Финансов Лианозов

С.С. Балмасов

ОМСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ФИНАНСИРОВАНИЕ АРМИИ ЮДЕНИЧА

Одним из главных и самых острых моментов для лидеров Белого движения было финансирование боевых операций. Нужно было не только получить необходимое количество боеприпасов и вооружений, но и обеспечить армию и население продовольствием, своевременно выплачивать жалование. От успеха этой деятельности зависели успехи всего Белого движения.

Следует отметить, что в распоряжении тех антибольшевицких групп, которые сосредоточились на северо-западе, севере и юге России, средств, которые бы позволили профинансировать операции по овладению Петроградом, не было. Большие надежды возлагались на Омское правительство, в распоряжении которого были значительные суммы денег, валютные активы за границей и Золотой запас России. Бывший царский министр иностранных дел С.Д. Сазонов в телеграмме Верховному Правителю от 2 апреля 1919 г. отмечал, что «Юденич лишен средств для поддержания начатой организации. Настоятельно необходимо поддержать хотя бы те силы, которые уже имеются в его распоряжении, и обеспечить разворачивание сил по мере возможности»¹.

В телеграмме указывалось также, что в распоряжении Юденича было 4 тысячи русских офицеров из Финляндии, 4 тысячи русских солдат и офицеров, расположенных в Эстонии и 1 тысяча солдат и офицеров, отобранных из числа бежавших из немецкого плена и интернированных в Дании².

Согласно предоставленным Сазоновым министру иностранных дел правительства Колчака И.И. Сукину финансовым сметам, расходы на обмундирование и содержание офицера составляли 750 франков, а солдата 40 франков. Поэтому, только на апрель 1919 г. для финансирования 9 тысячной армии Юденича требовалось 3 200 000 франков³.

Кроме того, в Эстонию продолжали прибывать добровольцы из германских лагерей военнопленных, число которых должно было составить около 10 тысяч человек. На финансирование командировок в немецкие лагеря офицеров-вербовщиков на Северо-Западный фронт также требова-

лись значительные суммы. Средние расходы на довольствие армии, по расчетам Юденича и Сазонова, составили 3 франка на человека в день. Таким образом, к маю 1919 г. минимальная потребность армии Юденича в деньгах составляла, по расчетам Сазонова, 5 042 500 франков и она неизбежно должна была возрастать⁴.

Что касается успешного проведения операции по овладению Петроградом, то по данным Сазонова, «Юденич требует 8 млн. 50 тысяч франков, каковую сумму необходимо перевести ему безотлагательно, чтобы не дать погибнуть начинанию, имеющему столь решительное значение»⁵.

Военный представитель России в Париже ген. Д.Г. Щербачев предполагал, что в расчете на 4 месяца для армии ориентировочной численностью 19 тысяч человек потребуется как минимум 12, 65 млн. франков, из которых 3 млн. могли пойти «на непредусмотренные расходы, причем 11, 25 млн. необходимо отпустить теперь же»⁶.

Следует отметить, что Юденич из-за финансовых трудностей не смог использовать людские резервы. В это время они находились в разных странах Европы в очень тяжелом положении, не имея возможности уехать на Родину. Возможности набрать из них кадры для борьбы против большевиков были большими, поскольку служба хотя бы давала небольшое содержание⁷.

В результате, требуемые деньги были выделены, хотя и не в таком объеме, о котором писали Сазонов и Щербачев. Однако, попали они в распоряжение Юденича уже во время операции по овладению Петроградом. Это было обусловлено тем, что процесс принятия постановлений Советом Министров правительства Колчака был очень долгим: после рассмотрения Министерством Финансов дела поступали в ведомство Государственного Контроля, неизменно урезавшее практически все требования и уже после прохождения через юристоконсульскую часть Управления Делами Совета Министров запрос попадал на рассмотрение министров. Однако, это не давало гарантии немедленного принятия соответствующих законопроектов, поскольку

ку нередко их отправляли на доработку и возвращались к ним после долгой процедуры внесения поправок. Такая процедура при выделении средств для армии Юденича делала невозможной быстрое осуществление перевода денежных средств. Это осложняло успешное осуществление боевых действий, поскольку задержки в переводе денег означали, что армия может оказаться без оружия, боеприпасов и продовольствия.

Соответствующее постановление Совета Министров правительства Колчака об отпуске Юденичу 10 млн. франков было принято 17 апреля 1919 г., а сама операция по переводу денег началась только 2 мая 1919 г.⁸ Положение для Юденича осложнилось еще и тем, что в распоряжении Омского правительства такой суммы в валюте не было. Чтобы получить 10 млн. франков, требовалось обменять 40 млн. сибирских рублей⁹. Такая операция была долговременной, что отрицательно сказывалось на ведении боевых действий Юденичем, т.к. в середине июня 1919 г. данная сумма так и не поступила в его распоряжение. Об этом свидетельствует тот факт, что лишь 10 % от требуемой суммы или 1 млн. франков к 18 июня 1919 г. поступили на счет посла России в Швеции Гулькевича¹⁰. Эта сумма представляла собой аванс, который Совет Министров Омского правительства постановил немедленно перевести для армии¹¹.

Согласно документам, эта сумма была переведена ему «по поручению Иностранного Отделения Особой Канцелярии по Кредитной Части Индустриальным Китайским Банком через «Энскильда Банк» в Стокгольме¹². Все переводы валюты за границу осуществлялись через Владивосток, где и находилось Иностранное Отделение Особой Канцелярии по Кредитной Части¹³.

Большая задержка между заявкой и получением первой части перевода (два с половиной месяца) была обусловлена также и тем, что за это время курс сибирского рубля по отношению к другим денежным знакам упал на 10 %¹⁴. Кроме того, немало времени неизбежно ушло бы на разрешение вопроса о покупке франков через правительство Франции¹⁵.

Поэтому, для закупки 10 млн. франков требовалось еще дополнительно 4 млн. франков комиссионных, что стало предметом серьезного обсуждения в Омском правительстве¹⁶.

После долгих обсуждений этот вопрос был положительно разрешен министром финансов И.А. Михайловым¹⁷. Очевидно, что из-за ситуации на валютном рынке Иностранное Отделение Особой Канцелярии по Кредитной Части отказалось от дальнейшей закупки франков, и совершила операции по приобретению фунтов стерлингов, финских марок и шведских крон. Об этом свидетельствует тот факт, что оставшиеся 9 млн. франков поступили в распоряжение Юденича в виде 150 тысяч фунтов стерлингов, 5 млн. финских марок и 7 млн. шведских крон¹⁸. Следует отметить, что финские марки для Юденича поступили в качестве займа благодаря доброжелательному отношению со стороны правительства Финляндии¹⁹.

Надо сказать, что так называемая «помощь» белым со стороны прочих «союзников» исключала займы и осуществлялась под выделение Омским правительством золота. Однако, не успели перевести Юденичу эту сумму, как потребовалось перечислить ему средства за летние месяцы. Как свидетельствует телеграмма Гулькевича Колчаку и Вологодскому № 367 от 4 июля 1919 г., к этому времени у Юденича сложилась крайне тяжелая ситуация с финансированием армии²⁰. Согласно этому документу, к этому сроку, в его распоряжение уже были отправлены 22 млн. франков, что было недостаточно для финансирования потребностей армии и населения освобожденных от большевиков местностей. Поэтому Гулькевич просил ассигновать «на самые неотложные нужды на июль и август 85 млн. рублей», кроме того, он передал просьбу Юденича выделить еще 15 млн. рублей на нужды населения Петроградского района в случае овладения им²¹.

Поэтому, рассмотрев эту телеграмму и видя отсутствие положительной реакции на нее, 17 июля 1919 г. Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего белыми войсками на Восточном фронте генерал Д.А. Лебедев и военный министр Будберг доложили в Совет Министров эти данные и просили оказать Юденичу скорейшую помощь деньгами в размере 100 млн. рублей²².

Кроме того, Лебедев для ускорения процесса выделения денег Юденичу, попытался принять это решение через Главное Законодательно-Финансовое управление при Военном министерстве Омского правительства. Это было сделано запросом данного органа Особой канцелярии по кредитной части²³. Однако, как показала практика, быстро решить этот вопрос было невозможно. Из Особой Канцелярии по Кредитной Части в Главное Законодательно-Финансовое Управление пришел следующий запрос: «1) на основании какого распоряжения Правительства сделано указание перечислить указанную сумму; 2) на какие именно надобности, в какие сроки и в какой валюте должна расходоваться указанная сумма»²⁴. Таким образом, даже для решения самых неотложных дел, от которых во многом зависела судьба Белого движения вообще, у Омского правительства не был выработан соответствующий механизм.

После положительного решения Совета Министров, Михайлов 29 июля 1919 г. отдал распоряжение о переводе Юденичу 100 млн. рублей на содержание армии²⁵. На этот раз, сумма стала поступать еще медленнее – с конца августа 1919 г.²⁶ Вопрос о кредитовании армии Юденича дополнительно рассматривался в Междуведомственном Совещании при Совете Министров Омского правительства, которое затягивало положительное решение большинства финансовых вопросов. Не стало исключением и рассмотрение выделения суммы для Юденича. Затруднения данного органа при решении финансирования операций по овладению Петроградом проявились в довольно странном вопросе – в какой валюте перевести эти 100 млн. рублей²⁷ Для самого Юденича, судя по его телеграммам и телеграммам Гулькевича это не имело принципиального значения. В это время в Омск продолжали поступать телеграммы, содержащие крайне тревожные для правительства Колчака данные. Так, согласно телеграмме Гулькевича от 6 августа 1919 г. «армия Юденича находится в крайне тяжелом положении из-за недостатка денежных средств на ее содержание»²⁸. Об этом же свидетельствует телеграмма Щербачева от 8 августа 1919 г. на имя Колчака: «Никакими кредитами не располагаю. Кроме кредитов для сербских и болгарских формирований, необходимы 15 млн. франков

на эвакуацию пленных, отправку офицеров и их семейств, 5 млн. франков – на непредвиденные расходы, включая содержание военных управлений. Настоятельно нужен аванс не менее 3 млн. франков, иначе задержится отправка офицеров»²⁹. Речь здесь идет, очевидно, об отправке бывших военнопленных к Юденичу.

Юденич в очередной раз обратился к сибирякам, описывая армейские настроения безденежья и, в то же время, силы духа в борьбе с большевиками. Она свидетельствовала о героических и одновременно, трагических подробностях борьбы против коммунизма на северо-западе России. Он это сделал через Гулькевича и командующего Северным фронтом ген. Е.К. Миллера. 13 августа 1919 г. Миллер отправил секретную телеграмму № 22: «Юденич просит передать Верховному Правителю. Возвращаясь с фронта, считаю долгом уведомить Вас, что дух солдат и командного состава необыкновенно силен и патриотичен, но жизнь армии протекает при чудовищных условиях, ввиду отсутствия нужных средств. Такого беззаветного героизма требовать далее нельзя. Нет горячей пищи, нет сапог, шинелей, обмундирования, снаряжения, денег. Жалование не плачено уже 2 месяца. Раздаются жалобы, что при большевиках было лучше. Железнодорожники, не получая жалования, грозят забастовками; наладить гражданскую жизнь без денег тоже нельзя. Все начинают роптать. Рядом с этим, части войск, находящиеся на иждивении немцев и поступившие, путем соглашения с англичанами, в состав Северо-Западного фронта, великолепно одеты, отлично снаряжены, сыты и получали жалование вперед каждые 10 дней. Такой случайный контраст дает почву для вредной пропаганды, сравнивающую отношения к войскам наши, немцев и Держав Согласия. Закключаю, что если в ближайшее время положение не будет исправлено, произойдет чрезвычайная катастрофа, войско развалится на отдельные банды и все дело будет проиграно»³⁰.

Денежные средства в размере 160 миллионов рублей были выделены Юденичу лишь 6 сентября 1919 г. и поступили к нему уже после начала операции под Петроградом в октябре того же года³¹. Учитывая предыдущий запрос со стороны Юденича, новый омский министр финансов Гойер отдал распоряжение финансовому агенту в Англии Замену о переводе

Главнокомандующему Северо-Западным фронтом 260 миллионов рублей 860 тысяч фунтов стерлингов, имевшихся тогда в наличии, которые следовало перевести в финские марки, шведские кроны или другую валюту³².

Документы, отразившие подготовку наступления Юденича на Петроград, свидетельствуют, что сам Верховный Правитель уделял боевым операциям под Петроградом большое значение, стремясь в кратчайшие сроки обеспечить армию Юденича всем необходимым³³. Так, на телеграмме Юденича, полученной от Миллера 13 августа 1919 г., Колчак поставил резолюцию: «Ассигновать из военного фонда и донести мне о выполнении»³⁴. Но из Военного министерства был получен ответ, что на его счетах всего лишь 28 миллионов рублей. Это объяснялось, в частности, тем, что с 19 июля 1919 г., на Северо-Запад начали переводить запрошенные ранее 100 миллионов рублей, и это опустошило его фонды³⁵. Интересно, что в это же время, военным министром Омского правительства Будбергом был разработан законопроект, обязательный для всех белых фронтов, в том числе и для Северо-Западного. Согласно ему, для подрывной работы в красной армии, выделялись специальные средства. Из них предписывалось выдавать денежные пособия для перебежчиков. Размер данных пособий зависел от статуса перебежчика, но в любом случае предписывалось, что эти средства должны превосходить размер пайка, получаемого у красных³⁶. Однако, реализация этого законопроекта была затруднена из-за нехватки средств.

Следует отметить, что если первое наступление Юденича в мае-июне 1919 г. удалось решить отчасти с привлечением «местных средств», сумм, имевшихся в распоряжении послов в Лондоне и Стокгольме - Набокова и Гулькевича, а также ген. Щербачева, то к моменту второго, октябрьского наступления, эти источники были исчерпаны. Тяжелое положение армии Юденича, отступившей в июне 1919 г. к Ямбургу и Пскову, усугублялось отсутствием финансирования. Юденич и его представители прилагали все силы к разрешению ситуации, постоянно отправляя в Омск телеграммы, в которых описывалась безотрадная картина состояния армии.

В очередной телеграмме Гулькевича от 16 августа 1919 г. Сукину гово-

рилось: «Исходя из катастрофического положения, в котором находится Юденич, не получавший вооружения, я начал шесть недель тому назад переговоры со шведской фирмой о поставке оружия генералу, а также всего необходимого для армии в 30 тысяч человек. Переговоры увенчались успехом, при содействии Гофа, имеющего полномочия от Юденича, подписан сегодня договор по списку генерала для нужд 60 тысячной армии. Сохраняется тоннаж, чем обеспечена доставка в Ревель из Любека на второй день от сегодняшнего числа. Стоимость – около 38 миллионов крон, обеспеченных личными моими векселями без какого-либо поручительства, но с оплатой через 6 месяцев. Задаток в 6 миллионов крон вношу при подписании договора, столько же – за тоннаж. Убедительно прошу немедленно принять меры к тому, чтобы по векселям было уплачено в срок»³⁷.

В данном случае, инициатива Гулькевича нашла у нового министра финансов фон Гойера положительный отклик, о чем свидетельствует быстрый ответ на телеграмму посла России в Швеции. Фон Гойер заявил, что «Ввиду тяжелого положения армии генерала Юденича и короткого срока поставки, являющейся поэтому, по сообщению Гулькевича, исключительно выгодной, Министерство Финансов всецело одобряет принятые Российским Посланником в Швеции меры и со своей стороны полагает уплатить в срок выданные векселя, употребив для этой цели часть выручки, имеющей поступить по операции с Англо-Американским Сипдикатом в 10 миллионов фунтов стерлингов. Представляя о сем в Совет Министров, Министерство Финансов испрашивает согласие Совета Министров на ассигнование из военного фонда на нужды армии генерала Юденича суммы в 700 миллионов рублей, которая, по курсу в настоящее время, соответствует приблизительно поставке в 38 миллионов крон»³⁸.

Омское правительство, затягивавшее финансирование армии Юденича, летом 1919 г. находилось само в довольно тяжелом положении из-за быстрого продвижения красных в Сибирь. К тому времени силы сибирских белых армий были подорваны, и большие надежды возлагались на успешное развитие боевых операций на других фронтах, в том числе и Северо-Западном. Однако, три месяца армии Юденича, после неудачного наступления на Петроград в мае-июне

1919 г. находилась в тяжелом бездействии из-за отсутствия денег, боеприпасов, оружия и продовольствия. Телеграмма Гулькевича Юденичу от 28 августа гласит: «Осведомясь о перемене управления Северо-Западной областью, Верховный Правитель велел передать, что Вам будет оказано всемерное содействие для успешного завершения борьбы с большевизмом в Петроградском районе. Министру Финансов указано срочно перевести указанные Вами 260 млн. рублей. Задержка в переводе произошла из-за отсутствия валюты, которая в настоящее время имеется в распоряжении Правительства. Равным образом, мы продолжаем настаивать перед союзниками на оказании Вам широкой помощи снабжением и прочими потребными Вам материалами»³⁹.

Данная сумма, переведенная в валюту, составила 860 тысяч фунтов стерлингов. Механизм перевода денег из Омска в Ревель был довольно долгим и сложным. Для перевода в иностранную валюту сибирские рубли или часть Золотого запаса поступали в Иностранную (Кредитную) канцелярию во Владивостоке. После этого валюта переводилась в лондонские и стокгольмские банки, откуда она поступала на счета послов России в Англии и Швеции Набокова и Гулькевича, а оттуда – в Ревель, в распоряжение правительства Северо-Западной области или Юденича⁴⁰. В результате, поступление денег Юденичу проходило медленно. В этом была вина не только Омского правительства, но и союзников, о чем свидетельствует телеграмма Набокова и военного представителя белогвардейцев за границей капитана 1 ранга Новопашенного из Лондона 4 сентября 1919 г. Ее содержание таково: «Лианозову, в ответ на запрос о 860 тысячах фунтов стерлингов. Перевод возможно будет исполнить не раньше, чем через месяц. Получение валюты зависит от выполнения условий договора с английскими банками, задержанного техническими затруднениями»⁴¹.

Колчак и Омское правительство предприняли еще одну попытку помочь Северо-Западной армии, отправив Юденичу до 20 сентября 1919 г. 10 миллионов рублей⁴², а 20 сентября того же года дополнительно 80 миллионов рублей⁴³. Однако, это была слишком запоздалая мера.

На пути успешной и быстрой доставки грузов армии Юденича стояла не только проблема перевода валюты.

Необходимо было найти для перевозок уже закупленных грузов на кораблях, аренда которых, в условиях больших потерь торгового флота европейских стран в 1914 – 18 гг., очень сильно поднялась. Этим вопросом представители антисоветских сил занялись слишком поздно, о чем свидетельствует телеграмма посла России в США Бахметьева от 29 августа 1919 г. № 199: Угет (финансовый представитель Омского правительства в США) просит передать Министру Финансов. Гермониус (финансовый и военный представитель Омского правительства во Франции) сообщает, что Французское Правительство обещает полное снаряжение для Северо-Западной армии, если мы добудем тоннаж. Предварительные переговоры с Государственным Департаментом и Эйтинг Бордом (американская сторона) дают надежду на успех. По-видимому, удалось бы зафрахтовать пароходы для перевозки 45 тысяч тонн из английских и французских портов в Ревель на основаниях шестимесячного кредита. Потребная сумма – около 1 миллиона долларов. Не откажите срочно сообщить, согласно ли Правительство на указанную операцию»⁴⁴.

Из данного документа следует, что необходимые грузы для сил Юденича к концу августа 1919 г., в наличии были. Вовремя не подготовили лишь их доставку. 6 сентября 1919 г., на имя Сукина от Бахметьева была отправлена еще одна телеграмма № 330: «Принципиальное согласие Президента на предоставление Американских пароходов в 45 тысяч тонн для перевозки из Франции и Англии грузов Юденичу получено. Ожидаю срочного ответа на № 199»⁴⁵. Таким образом, благодаря расторопности Бахметьева, удалось, фактически, получить требуемый тоннаж для перевозок Юденичу. Зафрахтовать более или менее крупное судно тогда было очень тяжело из-за дефицита свободных судов. Несмотря на все трудности, этот сложный вопрос, учитывая скептическое отношение американцев к Белому движению, был Бахметьевым принципиально решен. Не было только одного – денег от Омского правительства на доставку грузов.

Кроме того, в конце сентября 1919 г. была прекрасная возможность в то время перевезти снаряжение для армии Юденича из Франции. Благодаря Бахметьеву, корабли из Англии и Франции для этой цели

были зафрахтованы. Однако, для оплаты перевозки 45 тысяч тонн данных грузов требовалось перевести финансовому представителю России в США Угету 1 млн. американских долларов⁴⁶. Таким образом, за целый месяц ситуация так и осталась неразрешенной⁴⁷.

Телеграмма председателя Северо-Западного правительства Лианозова от 1 октября 1919 г. Гулькевичу показывает, какие трудности возникали в самом переводе денег из Англии в Швецию: «Саблин (русский военный атташе в Лондоне) телеграфирует. Технически невозможно перевести все фунты из Лондона в Стокгольм. Юденич распорядился оставить их в Лондоне. Сообщите, какие суммы следует уплатить сделанным Вами займам. Прошу навести справки о контрагенте по договору Янова и, если получите неблагоприятные сведения, лучше деньги не платить, предоставив ему право иска. Опасаюсь, что фирма просто выманивает деньги»⁴⁸.

Движение денег произошло уже в момент самой операции Юденича в районе Петрограда. Согласно телеграмме Гулькевича от 2 октября 1919 г. из Стокгольма в Ревель, деньги начали поступать на его счета: «Пятьсот тысяч фунтов стерлингов уже здесь. Вполне согласен на сохранение остальных 350 тысяч в моем распоряжении и Замена (финансовый представитель Омского правительства в Англии). О Мартине (финансовый представитель Омского правительства во Франции) навожу справки, оказалось, что в данном случае преждевременное вмешательство союзников помешало выполнению заказа»⁴⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что странным образом из ранее означенной суммы в 860 тысяч фунтов стерлингов исчезли 10 тысяч, значительная по тем временам сумма, составлявшая в рублях по тогдашнему курсу более 3 миллионов. По всей видимости, через месяц после поступления валюты в английские банки, их удалось получить. Из этих денег 500 тысяч фунтов стерлингов пошли на оплату текущих расходов армии Юденича. В данном случае представляется сомнительной деятельность коммерческих представителей правительства Колчака и российских послов за границей. Кроме того, неблагоприятная роль англичан очевидна – не будь задержки с их стороны, Юденич мог бы лучше подготовиться к наступлению. Создается впечатление, что при та-

ком взаимодействии между отдельными белыми регионами, работе их контрагентов и негативной роли союзников армия Юденича была обречена.

17 октября 1919 г. Щербачев отправил Колчаку телеграмму следующего содержания: «Юденичу необходимы 10 тысяч лошадей для наступления. Прошу разрешения израсходовать 500 тысяч фунтов на аванс по покупке»⁵⁰. Из этого документа следует, что большая часть денежного перевода из Омска должна была уйти на закупку лошадей, нужных не столько для малочисленной кавалерии Северо-Западной армии, сколько для выполнения перевозок и доставки различных грузов. По всей видимости, в этом Щербачеву было отказано, поскольку просьба Щербачева была трижды повторена Набоковым, пытавшимся доказать Омскому правительству, что Юденич, в момент ожесточенных боев под Петроградом, сильно страдает из-за нехватки перевозочных средств⁵¹.

То, что значительная доля вины за плохое обеспечение армии Юденича ложится на Омское правительство, сомнению не подлежит. Так, начальник заграничного управления по делам правительственных заготовок Омского правительства в своей телеграмме от 5 октября 1919 г. на имя Гойера жаловался на отсутствие реальной помощи Юденичу. В его телеграмме говорилось, что «целый ряд вопросов, связанных с помощью армии Юденича, рассматривается в Особом совещании по Валюте, но никакого определенного плана по снабжению армии и населения Северо-Западного края не выработано. Без установления общего руководящего плана для Главного Управления заграничных правительственных заготовок, высказывать заключения по отдельным предположениям, идущим от Дипломатического Представителя Российского Правительства за границей, представляется весьма затруднительным»⁵². Для исправления ситуации, он предлагал незамедлительно «созвать по этому вопросу расширенное заседание Особого совещания по валюте, пригласив на него Управляющих Министерства Иностранных Дел и Министерства Продовольствия и Снабжения»⁵³.

В этом высказывании колчаковского чиновника проявляется не только старое желание работать «по шаблону», но и показывается прямая зависимость работы одного ведомст-

ва Омского правительства от другого. Таким образом, даже при наличии успеха в осуществлении своих функций одним органом власти, он мог парализоваться неудачами других.

Другой проблемой для Северо-Западного правительства стало обеспечение продовольствием населения освобождаемых войсками Юденича областей. Продовольственная ситуация в регионе была тогда очень тяжелая. Население Петрограда и его окрестностей голодало. Нормальное обеспечение города едой было очень важно. Северо-Западное правительство планировало создать специальный фонд для удовлетворения нужд населения освобождаемой его армией территории продовольствием и, особенно, Петрограда⁵⁴. Распространение среди населения сведений об этом могло сыграть немаловажную роль в дальнейшем развитии событий на северо-западе. Главную ответственность за то, что такая удачная идея не была реализована, также несет Омское правительство, хотя роль его в финансировании данного проекта была минимальной. Об этом свидетельствует телеграмма Сазонова Сукину от 14 октября 1919 г.: «продовольствия для Петрограда подготовлено на 2 недели. Бахметьев старается добыть. Гулькевичу обеспечено 20 тысяч тонн ржаной муки по 460 крон за тонну без мешков в шведском порту, в октябре и ноябре, под условием уплаты наличными. Жиры, молоко также можно получить в Швеции, но также за наличные. Необходимо распоряжение Замену»⁵⁵.

Уже 18 октября 1919 г., не получив внятного ответа на свою просьбу или получив отказ, Сазонов отправ-

ляет еще одну телеграмму Сукину. В ней говорилось: «Освобождение Петрограда ожидают со дня на день. Запасов продовольствия имеется лишь на 2 недели. Единственное средство – обеспечить неотложное снабжение – купить за наличные продовольствие у Швеции, для чего необходимо срочно уполномочить Замена открыть кредит в 25 миллионов франков по ордеру Гулькевича»⁵⁶. Однако, в ответ на такую просьбу о помощи, из Омска Сазонову 1 ноября 1919 г. была дана такая телеграмма от Сукина: «Верховный Правитель вновь просит передать Вам следующее его решение: «Никакой траты валюты на обеспечение гражданского населения Петрограда не допускаю»⁵⁷. Очевидно, что Колчак или не понимал значимости обеспечения населения продовольствием, или опасался расхищения валюты.

Для успеха развития операций Юденича имели транспортные коммуникации и в частности, железные дороги. Состояние железнодорожного транспорта в это время было плачевным и он был не в состоянии выполнять потребности Северо-Западной армии. Для исправления ситуации Юденич предпринимал усилия со своей стороны. Об этом свидетельствует телеграмма Сазонова от 27 октября 1919 г.: «Юденич дал Обществу Содействия Развития железных дорог в России предварительный заказ по снабжению и восстановлению железных дорог Северо-Западного района. Общество, возглавляемое инженерами Наградским и Макшеевым, исполнило заказ совместно с другими фирмами по специальности и ходатайствует уполномочить Посланника в Стокгольме выработать и подписать

окончательный договор»⁵⁸. Для оплаты восстановления железных дорог северо-запада России в нужном объеме требовалось полтора миллиона фунтов стерлингов со сроком погашения на 6 месяцев. В эту сумму входили не только сами работы по реконструкции путей, но и стоимость запасных частей к подвижному составу⁵⁹. Далее Сазонов говорил, что условия выполнения этого договора целиком зависели от Омского правительства: «Благоволите телеграфировать, уполномочит ли Правительство заключить договор на указанных основах. Дело – срочное; Общество боится утратить представляющуюся возможность получения валюты»⁶⁰. Опять-таки, приступили к решению восстановить железные дороги слишком поздно, на конец октября 1919 г., когда армия Юденича была уже остановлена у самого Петрограда. Без надежного тыла, продовольствия, вооружения, обмундирования, продовольствия и стабильной помощи армия Юденича вела героическую и трагическую борьбу все время. Она, несмотря на свою малочисленность, отвлекла на себя с других фронтов значительные силы противника. Однако, условия борьбы, враждебность «союзников» и слабое внимание к ее судьбе Омского правительства сыграли роковую роль.

Этот вывод подтверждается словами горькой правды начальника штаба войск Колчака в октябре-ноябре 1919 г. ген. П.Ф. Рябикова: «...не было подготовлено ни стратегически, ни политически или экономически самоотверженное наступление армии генерала Юденича на Петроград, хотя генерал Юденич и был подчинен Верховному Правителю»⁶¹.

Примечания:

1 ГА РФ. Ф.176. Оп.3. Д.16. Л.4.

2 Там же.

3 Там же.

4 ГА РФ. Ф.176. Оп.3. Д.16. Л.4.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же. Ф.6167. Оп.1. Д.8. Лл.8 - 9.

8 Там же. Ф.150. Оп.3. Д.64. Л.1.

9 Там же.

10 ГА РФ. Ф.150. Оп.3. Д.64. Л.2.

11 Там же. Ф.5936. Оп.1. Д.402. Л.1.

12 Там же. Ф.150. Оп.3. Д.64. Л.2.

13 Там же.

14 Там же. Л.4.

15 Там же. Ф.5936. Оп.1. Д.402. Л.1.

16 Там же.

17 Там же. Л.5.

18 Там же. Л.11об.

19 Там же.

20 Там же. Л.11.

21 Там же. 11.

22 Там же. Л.9.

23 ГА РФ. Ф.150. Оп. 3. Д.64. Л.10.

24 Там же.

25 Там же. Л.6.

26 Там же. Л.8.

27 Там же. Л.12.

28 ГА РФ. Ф.150. Оп.3. Д. 64. Л.9.

29 Там же. Л.15.

30 Там же. Л.23.

31 Там же. Л.17.

32 Там же. Л.22.

33 Там же. Л.23.

34 Там же.

35 Там же. Л.24 об.

36 ГА РФ. Ф.176. Оп.3. Д.26. Л.221.

37 ГА РФ. Ф.142. Оп.1. Д.29. Л.4; Там же. Ф.176. Оп.5. Д.351. Л.2.

38 Там же. Ф.176. Оп.5. Д.351. Л.2 об.

39 ГА РФ. Ф.6094. Оп.1. Д.295. Л.1.

40 Там же. Л.3.

41 ГА РФ. Ф.6094. Оп.1. Д.295. Л.2.

42 Там же. Ф.176. Оп.5. Д.351. Л.1 об.

43 Там же. Ф.150. Оп.3. Д.64. Л.27.

44 Там же. Ф.142. Оп.1. Д.29. Л.6.

45 ГА РФ. Ф.142. Оп.1. Д.29. Л.7.

46 ГА РФ. Ф.150. Оп.3. Д.64. Л.28.

47 Там же. Л.3.

48 Там же.

49 Там же. Л.4.

50 ГА РФ. Ф.142. Оп.1. Д.29. Л.2.

51 Там же. Л.9.

52 Там же. Д.34. Лл.1 - 3.

53 Там же.

54 ГА РФ. Ф.5805. Оп.1. Д.553. Л.1.

55 ГА РФ. Ф.6094. Оп.1. Д.295. Л.5.

56 Там же. Ф.142. Оп.1. Д.34. Л.4.

57 Там же. Ф.5805. Оп.1. Д.553. Л.1.

58 ГА РФ. Ф.142. Оп.1. Д.29. Л.11.

59 Там же.

60 Там же.

61 Там же. Ф.5793. Оп.1. Д.1г. Л.94.

ФИНЛЯНДСКИЙ ВАРИАНТ

Российская Империя и Республика Финляндия... Словосочетание невероятное для начала XX века. Великое Княжество Финляндское в составе Российской империи, Гельсингфорская губерния – гораздо более понятные и приятные «русскому уху», а также «уму и сердцу» термины. Определения, ставшие принципиально важными в судьбе Северо-Западного фронта. Известно, что Юденич придавал особое значение возможности нанесения удара на Петроград с Карельского перешейка, объединенными силами финской армии и русских добровольческих отрядов. Однако для этого следовало пойти на, хотя бы, декларативное признание независимости Финляндии, в чем убеждал Юденича регент Финляндии, будущий президент К. Маннергейм. И если со стороны самого Главкома и, особенно, Северо-Западного правительства, практически не было возражений по поводу признания независимости Республики (что и было сделано, по сути, отдельно от Омска), то Верховный Правитель России адм. Колчак, равно как и глава МИДа Сазонов были уверены, что признание независимости одной части бывшей Российской империи может стать прецедентом для повторения подобных признаний в отношении других государственных новообразований. Немаловажную роль сыграли также опасения возрождения «Великой Финляндии», претендовавшей на обширные территории в Карелии и на Кольском полуострове.

Но в боях 1919 г. солдаты и офицеры, добровольцы финских отрядов сражались против большевизма и погибали в боях. В представленных статьях историка А. Пюккенена содержатся интересные сведения о создании независимой Ингерманландии. История Западно-Ингерманландского полка в составе Северо-Западной армии и Северо-Ингерманландского полка, воевавшего в Карелии под командованием офицера Российской Императорской армии, георгиевского кавалера Ю. Эльвенгрена, представляется весьма интересной и поучительной. Читатели могут ознакомиться также со статьями о боевых действиях ВВС Финляндии и об участии в них русских летчиков.

(Публикация В. Цветкова.)

Гулькевич-Сазонову.

Стокгольм, 1 мая 1919 г.

...Весьма трудно обрисовать немногими точными штрихами настоящий характер похода финнов в Карелию. Является ли он попыткой осуществить затаенные вожделиния к «Великой Финляндии» при разочаровании в возможности получить на это помощь Германии и неуверенности в постоянстве настроений союзников? Или поход служит средством отвлечь общественное внимание от вопросов внутренней политики, невыгодно складывающейся для нынешнего правителя Финляндии или, наконец, как о том открыто говорят в Стокгольме, поход предпринят в целях облегчения положения союзнических отрядов, затертых льдами на севере? Быть может, тут сыграли роль все три причины. На косвенное, ради собственных выгод, участие союзников в предприятии, как будто бы, указывает щедрое снабжение боевыми припасами уже насыщенного, но бездействовавшего финского фронта в ущерб другой ячейке борьбы с большевизмом – Эстонского фронта, где наши люди сражаются в самых бедственных условиях.

Внутреннее положение бывшего Великого Княжества крайне неспокойное. Одержанные в прошлом году победы белых оставили в широких массах довольно горькие воспоминания, и общее недовольство находит себе выход не только в ряде иных более мелких происшествий, но и в открытом недавно заговоре в Выборге. На армию вовсе не полагаются. Вся надежда сосредоточена в добровольческое белое образование, но и эта опора начинает, как о том носят злое слухи, розветь... Вшит в том, быть может, и не без основания, пропаганду большевиков. Привлекает внимание повторяемое в частных беседах приглашение некоторым из русских офицеров не покидать Финляндии, ибо недели через три могут наступить «интересные» для них события. Довольно недвусмысленно намекается на ожидаемое падение Петрограда и на возможность образовать единицу, которая в качестве русского отряда будет сопровождать генерала-победителя. В свите ли его?

Каковы бы ни были истинные причины того, что про-

исходит, мы не должны сокрушаться, как бы ни было задето наше национальное самочувствие; печалью беде не поможешь. К тому же даже в теперешнем облике, предприятие и для нас имеет свои хорошие стороны: оно разбивает внимание большевиков и мешает им сосредоточить все силы против Колчака. Выходит так, что на зов Верховного Правителя откликнулись пока только одни финны. Ждать иной помощи неоткуда. Это и заставляет нас внутренне мириться с походом хотя бы на время. Существенные поправки Вы могли бы внести, добившись присылки союзного флота в Петроград ко времени подступа к столице финнов. Обидным могло бы казаться оставление нас союзниками в полном неведении относительно характера движения финнов на восток; это секретничанье нам в одном отношении выгодно. Оно, во всяком случае, развязывает нам руки, и мы сохраняем полную свободу в будущем, не считаясь с последствиями похода, в какие бы формы они ни вылились. Ибо чудовищной альтернативой возвращению нам столицы под условием принятия финских требований я не допускаю ни на минуту.

ГА РФ, Ф.6094, Оп.1, Д.1, Лл.21-23.

Лианозов – Хольсти.

Господину Министру Иностранных дел
Финляндской Республики

Военный Министр Северо-Западного Правительства, ген. Юденич, обратился через посредство своего представителя в Финляндии, генерала Гулевича, с просьбой о содействии финляндской армии в предпринятом им Северо-Западной русской армией освобождении русского народа от преступных рук большевиков.

Северо-Западное Правительство, обсудив существующее положение вещей, признало совершенно необходимым присоединить свою просьбу к просьбе генерала Юденича по следующим соображениям: в высшей степени важно, чтобы Петроград был освобожден незамедлительно, т.к. в противном случае можно опасаться, что по его освобождению в городе будут найдены лишь трупы людей, умерших от пыток или истощения.

Благодаря нашей полной уверенности в том, что финский народ питает к тирании и насилиям такое же отвращение, как и мы, - мы и обращаемся к Финской Республике. Русское Правительство объявило уже о том, что считает Финляндию свободным и независимым Государством; оно счастливо также констатировать, что велико число русских, присоединившихся к декларации Правительства о независимости; такое отношение будет всеобщим после высоко гуманного поступка Финляндии, спасающей, благодаря своему вмешательству, тысячи человеческих жизней. Правительство готово помочь Финляндии перенести без особых затруднений материальное усилие, вызванное подобной интервенцией; кроме того, Правительство готово предоставить братской стране все преимущества, которые она имеет право требовать, благодаря услуге, оказанной несчастному населению столицы и всей стране.

В полной уверенности, что согласие интересов, объединяющее обе соседние страны, не сможет не привести к решению протянуть русскому народу твердую и дружественную руку, - прошу Вас, Господин Министр, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Министр Иностранных Дел, Председатель Совета Министров Северо-Западной Области России

С. Лианозов

Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России, Берлин, 1923, с. 310-311.

Хольсти-Лианозову.

От финляндского министра иностранных дел г-на Хольсти получено Министром-председателем Северо-Западного Правительства С. Г. Лианозовым следующее письмо:

«Господин Председатель.

Президент Республики имел честь получить Ваше письмо от 26-го августа, которым Ваше превосходительство пожелало поставить его в известность об образовании Правительства Северо-Западной России об общих принципах, на которых названное Правительство предполагает основываться, а также о желании Правительства Северо-Западной России войти в сношения с Правительством Республики для совместной защиты демократических начал от большевицкого насилия. Принося благодарность Вашему Превосходительству за это сообщение, Президент Республики просит Вас, Господин Председатель, быть убежденным в искренности его пожеланий благополучия и процветания Русской Нации, а также верить в усилия, прилагаемые Им и Финской Нацией поддерживать хорошие отношения с Россией и с народом».

Гельсингфорс, 1-го сентября 1919 г.

Председатель Совета Министров и Министр Иностранных дел Северо-Западной области России С. Г. Лианозов 31-го октября передал Министру Иностранных дел Финляндской Республики нижеследующую ноту:

«Министру Иностранных дел Финляндской Республики.

Главнокомандующий Сев.-Зап. Армией и Военный Министр генерал Юденич уже обратился к Вашему Правительству через своего представителя генерала Гулевича с просьбой о выступлении Финляндской армии и поддержке Северо-Западной армии в ее борьбе с большевиками по освобождению русского народа от ужасного рабства.

Северо-Западное Правительство Области России, со своей стороны, обсудив создавшуюся обстановку и возможность более быстрого освобождения Петрограда при содействии дружеских войск Финляндии, и принимая во внимание нечеловеческие страдания населения Петрограда и его окрестностей, отрезанного совершенно от подвоза провианта и умирающего с голода, обращается к Правительству Финляндской Республики и к человеческим чувствам финского народа, пользующегося благами цивилизованного и свободного государства, с призывом об ускорении указанной помощи. Каждый день промедления вырывает страшные жертвы из рядов несчастного населения, и запоздалая помощь может оказаться ненужной. Северо-Западное Правительство вновь торжественно подтверждает независимость Государства Финляндского и заявляет, что с ничьей стороны угрозы этой независимости последовать не может, а потому немедленное выступление Финляндии может лишь укрепить свободу Финляндии, сокрушив очаг заразы большевицкой тирании, с одной стороны, и возбудив чувство неизмеримой благодарности освобожденного народа, с другой. И в братских чувствах двух свободных народов проявится лучшая гарантия созданных государственных форм Финляндии, а совместные усилия обоих народов, направленные к единой общей цели, несомненно, создадут общность интересов духовных и материальных, которые настолько упрочат отношения между двумя нациями, что никакие специальные договоры не могли бы этого достигнуть.

Министр Иностранных Дел
Лианозов»

«Свобода России», Ревель, № 39, 2 ноября 1919 г.)

WWW.PVR.RU

Это адрес в интернете страницы «Комитета за правопреемственность и возрождение России». Всем интересующимся судьбами нашей страны советуем посетить эту страницу.

А. Пюккенен

ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ И БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

Участие в антибольшевицкой борьбе на Северо-Западе двух полков ингерманландских финнов недостаточно освещено в отечественной историографии. Умолчание обо всем, связанном с ингерманландскими финнами в советское время, не требует особых комментариев. Однако в трудах участников Белого Движения (мемуары Родзянко) и современных историков (А.В. Смоллин) мы можем встретить односторонне отрицательную оценку действий Западно-Ингерманландского полка, действовавшего вместе с Северо-Западной армией. Упоминания о Северо-Ингерманландском полке, который, будучи удален от основного театра военных действий более чем на сто километров, действовал совместно с Северо-Западной армией в октябре 1919, вообще отсутствуют.

Вторая половина XIX и начало XX века стали для ингерманландских финнов временем национального подъема. Финны активно участвовали в земской деятельности. Была налажена прекрасно действовавшая система народных школ, создано собственное учебное заведение – учительская семинария в местечке Колпаны под Гатчиной. Выходят две финских газеты, традицией становится проведение общенациональных финских песенных праздников. В предреволюционные годы в Петербургской губернии проживало более 120 тыс. Ингерманландских финнов. Во многих местностях финны составляли большинство населения (особенно в Северной Ингерманландии, близ старой границы с Финляндией). Наличие национальной интеллигенции, сильное национальное самосознание способствовали тому, что в период революций и гражданской войны сравнительно небольшой народ создал свое национальное движение, выдвинул собственные политические лозунги, которые могли быть реализованы в рамках демократического государства. Сразу после Февральской революции 23 апреля 1917 в Петрограде проходит общенациональный съезд, в котором участвуют более 200 делегатов, представляющих все приходы Ингерманландии. Избирается постоянно действующая Центральная Ингерманландская комиссия под руководством ректора Колпанской семинарии и редактора газеты «Нева» Каапре Тюнни, по своим политическим взглядам близкого к эсерам. Большинство решений первого и второго съездов касались ре-

формы образования. Предусматривался полный перевод обучения на родной язык, что и было реализовано в течение нескольких месяцев. Третий съезд, прошедший уже после большевицкого переворота 10 марта 1918 принимает решение о формировании в местах компактного проживания волостных правлений (органов местного самоуправления). Однако большевики не допускают их к власти. Волостные правления так и не приступили к работе, будучи заменены комитетами бедноты, не пользующимися авторитетом у большинства финских крестьян.

Продразверстка и мобилизация в красную армию приводят к вооруженному потовостоянию. Летом 1918 восставшие крестьяне на несколько дней захватывают станции Волосово и Вруда. В восстании участвовали русские, финские и эстонские крестьяне – жители этих мест. Руководил восстанием ингерманландец – капитан русской армии П. Коппо. В Колтушах финские крестьяне несколько дней оказывали вооруженное сопротивление продотрядам. Этот эпизод вошел в финляндскую историографию как «картофельная война» (*perunasota*). Тысячи ингерманландцев бегут в Финляндию. 31 января 1919 в Хельсинки образуется Временный Комитет Ингерманландии, который возглавляет агроном профессор Тойкка. Позднее в него входит приехавший в Суоми Каапре Тюнни. Идея помощи соплеменникам нашла горячий отклик среди финляндской общественности, однако, ряд политических причин привел к тому, что серьезная помощь ингерманландцам так и не была оказана.

26 марта ингерманландская делегация провела переговоры с президентом Эстонии К. Пятсом и главнокомандующим К. Лайдонером. Результатом переговоров стало решение о формировании на территории Эстонии добровольческого трехбатальонного полка (1500 человек), вооружение и обмундирование которого брала на себя Эстония. Командный состав формировался в значительной мере из финляндских офицеров. Полк должен был принять участие в совместном с Северо-Западной армией и эстонцами наступлении на Петроград. К началу мая был сформирован батальон (325 человек). Половину их составляли уроженцы Северной Ингерманландии. Командиром батальона стал капитан Александр Тюнни (брат Каапре Тюнни),

бывший офицер русской армии. 15 мая отряд принимает участие в наступлении армии Юденича, высадившись с эстонских кораблей в районе Усть-Луги. Заняв Сойкинский полуостров, отряд пополнился 50 добровольцами из числа финнов и ижорцев. Предпринятая 18 мая попытка занять крепость Копорье закончилась трагически. Полк, приближавшийся к крепости по открытой местности, попал под ураганный пулеметный огонь. В бою погиб командир полка Александри Тюнни. Батальон потерял 43 человека. 24 мая крепость Копорье была занята. К концу июня численность отряда вырастет до 1624 человек за счет пополнения, прибывшего из Инкери через Финляндию. Отряд был реформирован в трехбатальонный полк с артиллерийской батареей. В занятых деревнях ингерманландцы формировали органы самоуправления и назначали своих коммандантов. Велась агитация за свою политическую программу – широкую местную автономию в составе России. Во время формирования полка капитаном Хаапаоски был предложен флаг, созданный на основе герба Ингерманландии. Вскоре этот флаг стал восприниматься как флаг национального движения.

С самого начала наступления угрожающая напряженность возникла в отношениях с русским командованием. Генерал Родзянко и его окружение видели опасный сепаратизм в существовании национального формирования с собственной политической программой и флагом. В свою очередь ингерманландские активисты видели в белых офицерах «реакционеров», нетерпимо относящихся к любому проявлению национального самосознания. Коммандант Ямбурга Бибилов постоянно нагнетал обстановку, донося Родзянко об опасной сепаратистской пропаганде. В конце концов, по требованию Родзянко полк был переподчинен русскому командованию (до этого полк был подчинен Эстонии), что вызвало недовольство финских офицеров. 13 июня полк подошел к фортам Красная Горка и Серая Лошадь. В это время на Красной Горке произошло восстание. Бойцы Западно-Ингерманландского полка не смогли пробиться к восстановленному форту из-за сильного огня. Генерал Родзянко обвинил ингерманландцев в том, что они якобы скрыли от командования факт восстания и не оказали восставшим помощи. Ингерман-

ландцы в свою очередь утверждали, что готовились перебросить подкрепление, но не смогли осуществить это из-за того, что русские войска заняли тыловую штаб, дезорганизовав работу. Однако Родзянко отдал приказ о расформировании прекрасно обученного и боеготового соединения. Желаящие могли вступить в другие части, что и сделали 350 человек, сведенные в отдельный батальон 2-го стрелкового Островского полка. Остальные вернулись в Эстонию и в Финляндию. Вскоре Северо-Западная армия потерпела поражение и отступила на рубеж реки Луга.

Центр борьбы перемещается в Северную Ингерманландию, где восставшие крестьяне взяли под свой контроль 5 приграничных деревень в местности Кирьясало (приход Лемболово). Прошедшее в приграничной финской станции Рауту (ныне Сосново) собрание ингерманландских беженцев избрало Временную Комиссию Северной Ингерманландии. Для военного руководства приглашается эверст-лейтенант (подполковник) Юрьё Эльвенгрена, молодой, но уже известный командир, одержавший во время гражданской войны в Финляндии блестящую победу над превосходящими силами красных под Рауту. Перед нами строки из уникального документа – протокола допроса полковника Эльвенгрена, касающегося ингерманландских событий. После десятилетия молчания историк Михаил Торгиайнен излек их из спецхранов ФСБ. Итак, предоставим слово полковнику Эльвенгрена.

«Вооружение этих крестьян было самое разнообразное, было их, должно быть, несколько сот человек и руководили ими свои же ингерманландцы из крестьян – бывшие унтер-офицеры и солдаты старой армии во главе с бывшим прапорщиком (Юкка Тирранен) военного времени и его братом (не военным). Был там еще один прапорщик военного времени некий Титтанен, по профессии корреспондент маленького ингерманландского органа печати дореволюционного времени, образование получивший в Колпанской семинарии. Происходил он из крестьянской семьи Северной Ингерманландии. Ни одного русского в этом первом восстании не участвовало, также ни одного финна. Произошло оно чисто местными силами.» Отдельной книги заслуживает судьба самого Эльвенгрена. Уроженец Финляндии, дворянин, кадровый офицер, участник первой мировой, сопредседатель Союза Георгиевских кавалеров, принимавший участие в выступлении Кор-

пилова. После окончания гражданской войны он вместе с Савинковым стал одним из организаторов Народного Союза Защиты Родины и Свободы. В 1926 г. во время выполнения задания на территории России был арестован ЧК и вскоре расстрелян.

Первым приказом Эльвенгрена стал приказ о наступлении. 580 человек, вооруженных винтовками и 5-ю пулеметами неожиданно занимают крупный населенный пункт Лемболово в 20 км от старой границы. Приграничная полоса на протяжении 20-30 км оказывается под контролем повстанцев. Однако через 3 дня повстанцы вынуждены были отступить, сохранив за собой Кирьясало. Позднее Эльвенгрена писал: «Результат – спасение собственности от произвола разбойников, очистка от коммунистов и советов приграничья. Потери – 4 легкораненных и один убитый». Власть Финляндии, недовольные несогласованным с ними выступлением, закрыли границу и прекратили помощь. Небольшая помощь пришла неожиданно лишь от шведоязычной военной школы, участвовавшей в укреплении границы в районе Кивеннапа (Nyland kampskola). Ее начальник Вольдемар Апфельгрена негласно помог боеприпасами. Но слабый фронт разрушался и Эльвенгрена отдал приказ отступить в Кирьясало.

«Вскоре после этих событий восстание вспыхнуло на побережье Ладоги в приходе Микулайнен (Никулясы). Отряд из 300-400 человек под командованием бывшего русского офицера Додонова ушел в Финляндию. Из них был сформирован 3-й батальон, базировавшийся в Метсаниртти недалеко от устья Вуоксы. Связь с ним оставалась проблемой в течение всего времени боевых действий. Кроме этого, события за наше отсутствие было получено такое известие, что один небольшой пароход, команда которого состояла из ингерманландцев на Ладожском озере почти одновременно с имевшим место восстанием, перешел в финские воды и заявил себя участником Ингерманландского движения, предоставив себя в распоряжение Комитета. Что с этим пароходом делать и как быть, мы не могли придумать. Участие его в борьбе было не нужно, а содержание требовало расходов. В конце концов, решили сдать его в аренду кому-нибудь и превратить эту расходную статью в небольшой, но стабильный доход...»

Эльвенгрена постоянно поддерживает контакт с представителем Юденича в Финляндии генералом А.А. Гу-

левичем. Однако отношения с Северо-Западной армией трудно назвать безоблачными. Юденич через Гулевича требует размещения в Кирьясало русских белых частей для открытия «второго фронта». Эльвенгрена доказывает ему невозможность этого. Недоверие правительства Финляндии к Белому движению, откладывавшему признание независимости Финляндии до Учредительного Собрания, могло привести к прекращению помощи повстанцам. Эльвенгрена же вызывал у многих финляндских (в особенности – егерей, воевавших в первую мировую в германской армии) военных подозрение в «прорусской ориентации».

Да и переброски белых через свою территорию Финляндия, скорее всего, не позволила бы. Правящие круги Финляндии в это время начинают готовить почву для заключения мирного договора с Советской Россией. Переговоры несколько раз начинаются и срываются из-за территориальных вопросов.

Сроки нового выступления согласуются с Юденичем. Численность полка к тому времени достигает 1400 человек. По роковой случайности оно начинается 21 октября – в день, когда Северо-Западная армия потерпела поражение у Пулковских высот. Вместе с Северо-Западной армией участие в наступлении принял воссозданный после долгих переговоров Западно-Ингерманландский полк, вновь наступавший по южному берегу Финского залива и дошедший до Ораниенбаума. Вместе с другими частями при поддержке английского монитора «Эребус» полк безуспешно пытается овладеть фортами. Во время ожесточенных боев под Ропшей полк теряет почти половину личного состава...

На короткое время пограничная полоса от Лемболова до побережья Ладоги вновь оказывается в руках повстанцев. Ожесточенные бои разгораются за станцию Куйвози (Грузино). На полчаса повстанцы занимают ее, но вскоре вынуждены отступить перед превосходящими силами красных, поддержанных артиллерией (3 орудия) и бронепоездом. Повстанцы снова сохраняют за собой Кирьясало – островок свободной Ингерманландии. Расположение Кирьясало, окруженного с трех сторон Финляндией, позволяло оборонять эту территорию небольшими силами.

Известный в Финляндии писатель Юхани Конкка родился в Ингерманландии (Токсово) и в 15 лет вступил добровольцем в Северо-Ингерман-

ландский полк. На страницах автобиографического романа «Огни Петербурга» немало страниц посвящено эпизодам гражданской войны.

Мне велели представиться командующему. И вот, сняв шапку, я с дрожью в ногах вхожу в раскрытую дверь. Полковник сидел за столом, постукивая трубкой о край чайного блюдца. Это был худой мужчина с впалыми щеками. Он строго посмотрел на меня, но уже в следующую минуту черные глаза улыбнулись мне.

- Откуда прибыл? - спросил он фински с сильным акцентом.

- Из Рауту.

- Ингерманландец?

- Да.

- Давно в Финляндии?

- Два дня.

- По-русски умеешь говорить? - неожиданно произнес он по-русски. - На этот раз акцент был безукоризненный.

- И писать можешь?

- Умею, - ответил я.

- И хорошо?

- Грубых ошибок не делаю.

- Где учился?

- Окончил народную школу и двухклассное училище, читал много, - сказал я смело, посмотрев в глаза полковнику.

- А сколько тебе лет?

- Два месяца назад исполнилось пятнадцать.

- Всего? А выглядишь на все двадцать.

Это мне говорили многие.

Полковник подумал и снова набил трубку.

- Ты говоришь по-русски, это хорошо, можешь остаться при штабе, будешь помогать писарю.

- Я на фронт хочу, господин генерал, - произнес я.

В знаках различия я тогда не разбирался, но был уверен, что командир освободительной армии непременно должен быть генералом.

Полковник ухмыльнулся и произнес: Ты сейчас на фронте, разве не слышишь?

Еще в дороге я слышал непрерывную канонаду. Но теперь снаряды падали где-то здесь, совсем рядом. Казалось, что они направлены именно сюда.

Из окна я увидел, как один снаряд взорвался всего в двухстах шагах, сревав верхушку сосны. «На передовую хочу, господин генерал», - упрямо повторил я.

Полковник посмотрел на сидящего в углу офицера, и оба улыбнулись.

«В тебе, наверное, течет кровь героя», - произнес полковник: «Хорошо, лейтенант, возьмите парня к себе.»

Лейтенант, светловолосый молодой человек, был начальником военной школы. Он записал мое имя и дату рождения в записную книжку и увел с собой в деревню, где располагалась военная школа в паре километров от штаба. Навстречу нам на трех лошадях везли раненных. На передней повозке лежали два бородатых солдата, на второй сидели четверо, на головах у них были окровавленные повязки, у двоих - руки на перевязи. Лошадь, запряженная в третью повозку сама остановилась около нас, на верное, привыкнув к этому в мирной жизни. Под мешковиной лежал кто-то, чье лицо не было видно. Второй сидел, свесив ноги набок. Рука его была на перевязи.

- Ваше благородие, не найдется табачку? - произнес он. Лейтенант ответил, что махорки нет, есть только трубочный табак. Набрав в кисете лейтенанта табака, он свернул из газетного листа сигарку, помогая пальцами раненой руки.

Нахмурившись, солдат вдруг произнес: «А Матти Мякеляйнен взял и умер...»

- Тот, который под рогожкой? - спросил лейтенант.

- А кто же еще, посмотрите...

Солдат поднял одеяло, приоткрыв осунувшееся бледное лицо, принявшее удивительно спокойное, умиротворенное выражение.

- Вместе на Германскую попали, три раза в штыковую ходили. И вот теперь на этой игрушечной войне... Жена и четверо детей остались в Рауту. Навылет в грудь две пули...

Час назад сказал: «Ничего, еще встану». Не встал. А полчаса назад уже говорит: «Не быть мне в живых, передай привет Софии и сыновьям.»

- Под Куйвози ранены?

- Там.

(перевод А.Пюккени)

В конце ноября в Рауту прошло заседание Временной Комиссии Северной Ингерманландии, на котором вся полнота военной и гражданской власти передается Эльвенгрёну. Полк фактически подчиняется С-З правительству. На средства, полученные от Северо-Западного правительства, самостоятельно заявившего о признании независимости Финляндии, полк был полностью обмундирован в форму собственного образца. В здании железнодорожных казарм в Рауту оборудуется госпиталь, в котором работает русский отряд Красного Креста, оказавшийся во время революции в Финляндии. К концу декабря личный состав насчитывает 1674 человека. Формируется соб-

ственная батарея из 4-х (по другим сведениям - 6) легких пушек, полученных от военного министерства. В тайне от финляндских властей проводятся более 7 партизанских рейдов в приграничные местности. Разведчики доходят до Токсова.

Вводятся собственные награды. В начале 20-го года выходит первый номер газеты «Кирьясалон сапомат», печатавшейся на территории Финляндии в Кякисалми (Приозерск). Для финляндской подлгерки выпускаются собственные почтовые марки, изображавшие ингерманландский герб, Токсовскую церковь и другие местные сюжеты. Эльвенгрён с известной долей юмора говорил о «государстве площадью 30 км², имеющем герб, флаг, гимн, флот (пароход, шхуну и две ладьи)». На территории Кирьясало существовал свой суд, включавший членов комитета, представителей военных и местных жителей. Впрочем, местных жителей в пяти деревнях Кирьясало было немного - 348 человек. В феврале 1920 после роспуска Северо-Западного правительства финляндская поддержка прекращается. Под давлением финских властей Эльвенгрён уходит в отставку. На его место приходит финляндский офицер. Полк в несколько этапов сокращается до батальона и используется Финляндией в качестве пограничной стражи до конца 1920. Невиданный в истории прецедент - границу государства охраняют граждане другого государства, базирующиеся опять же на территории другого государства. Ингерманландцы перестают быть самостоятельной политической силой. Решения Комиссии не влияют уже на батальон, ставший частью финской армии.

После заключения Тартуского мира (5 декабря 1920), территория Кирьясало возвращалась Советской России. 5 декабря батальон выстроился на свой последний парад. После полевого богослужения был спущен ингерманландский флаг, и командир батальона отдал исторический приказ «Шагом марш в Финляндию!» Мост через пограничную реку Тунгелмай-оки (Смородинка) был украшен финскими флагами и словами ветвями. Через несколько дней в Линпола был зачитан приказ о расформировании батальона.

Западно-Ингерманландский полк был расформирован в начале 1920 после заключения мирного договора между Советской Россией и Эстонией.

Так была закрыта одна из малоизвестных страниц Белой борьбы.

Приложения:

Герб и флаг Ингерманландии: история и значение.

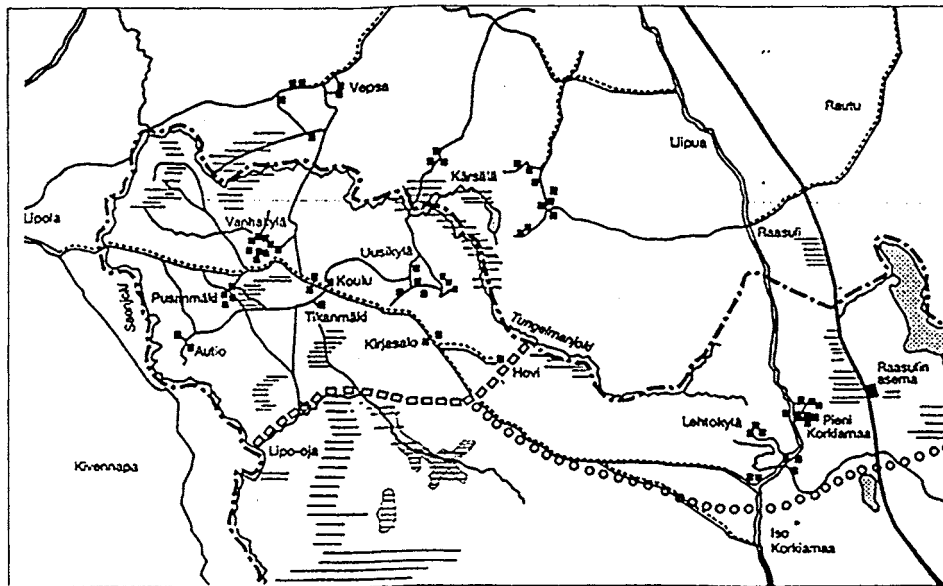
Герб Ингерманландии известен с первой половины XVII века. Желтый цвет символизирует поля Ингерманландии, синяя полоса - Неву, красные зубцы - глину, из которой делали кирпичные стены пограничных крепостей. Первое изображение герба Ивандорского герцогства - предшественника нынешнего герба Ингерманландии - приводится в 1581 году в хронике Лаврентиуса Петри. Позднее к гербу прибавился крест, исчезнувший в XVII веке. В изображениях использовались разные цвета: стены изображались красным, золотым или серебряным цветом, поток также изображался разными цветами, из которых серебряный был наиболее естественным. Свой современный вид герб приобрел в конце XVII века при Карле XII. Флаг, который сейчас развевается во время ингерманландских праздников, вывешивается в офисах национальных организаций, немного моложе флага Финляндии. Он создан капитаном Хаапакоски на основе цветов герба в годы гражданской войны (весной 1919 г. в Западно-Ингерманландском батальоне), и лишь в 1988 году ингерманландские финны снова смогли поднять свой национальный флаг на родине. В годы гражданской войны герб использовался (в упрощенной прорисовке) в нашивках и на печати Временной комиссии Северной Ингерманландии (в черно-белом варианте). Однако и до этого многие годы флаг был национальным символом народа, разбросанного по разным странам. Крест на флаге символизирует Веру в Бога, без которой ингерманландский народ не вынес бы выпавших на его долю испытаний, а также общую культурную традицию с северными странами.

Форма Северо-Ингерманландского полка.

В декабре 1919 г. полк получил собственную форму. Она представляла собой серый мундир с обшлагами, погонами и воротником темно-синего цвета. Приказ, описывающий его неизвестен, но имеется много фотографий и воспоминаний.

Награды Временной Комиссии Северной Ингерманландии.

«Комитет учредил между прочим в виде награды за отличие в деле освобождения Ингерманландии Крест Свободы Ингерманландского Народа. Такие кресты были заказаны, и на ингер-

Территория «Свободной Ингерманландии». 1919 г.

Боевые действия Северо-Ингерманландского полка. 1919 г.

манландской ленте давались наиболее отличившимся. Перед тем, как я окончательно оставил движение, общим делегатским собранием мне тоже с адресом и благодарностью от ингерманландского народа был преподнесен такой крест. Из других финляндцев крест этот был дан также Президенту республики, министру иностранных дел и военному министру» (Из протокола допроса Ю. Эльвенгрена).

Крест белой стены.

Имел форму креста высотой и шириной 45 мм.

В центре - золотой ингерманландский герб.

Офицерам вручался крест золотого цвета, солдатам серебряного. Носился на ленте национальных цветов - синего, желтого и красного, украшенной бронзовыми мечами.

Крест «За особые заслуги» был украшен лавровым венком.

Знак участника освободительного движения Ингерманландии.

Крест из темного металла высотой и шириной 28 мм. В центре - герб Ингрии. Слева и справа цифры 1919 и 1920. Знаком награждался каждый участник войны. К кресту прилагалось свидетельство. Награда введена уже в эмиграции. На крыльях креста надписи, отмечающие места боев ингерманландцев: «JUHIMAKI» (Красная Горка), «KAPRIO» (Копорье), «KIRJASALO» (Кирьясало), «MIKKULAINEN» (Никулясы), «1919 - 1920».

Источники и литература:

1. Pekka Nevalainen. Rautu Inkerin rajalla.
2. Juhani Konkka. Pietarin Valot
3. Inkerin lippu ja vaakuna
4. В. Мусаев. Ингерманландский вопрос в XX веке.
5. Протоколы допроса Ю. Эльвенгрена.

А. Пюккенен

РУССКИЕ ЛЕТЧИКИ В АРМИИ МАННЕРГЕЙМА

Участие русских летчиков в формировании военно-воздушных сил независимой Финляндии – одна из ярких страниц в истории эмиграции, фактически не освещавшаяся российских изданиях. Данная статья подготовлена по материалам публикаций в финляндской прессе.

6 марта 1918 в самый разгар гражданской войны в Суоми, Моран-Парасоль, подаренный Финляндии шведским графом фон Розеном, приземлился на лед Ботнического залива в окрестностях Ваза. Вооруженные силы Финляндии получили свой первый самолет. Вскоре еще 3 самолета прибыли морем и по железной дороге из Швеции. 5 самолетов, пилотируемых русскими летчиками, в течение марта приземлились на Карельском перешейке, перелетев из большевицкого Петрограда! Судьбы русских офицеров, вставших на сторону борющейся за независимость Финляндии, могли бы лечь в основу приключенческого романа.

В январе уроженец Выборга капитан русской армии Крашенинни возвращается домой. Позади была первая мировая. После ранения в ногу и длительного лечения Александр заканчивает первую в России авиационную школу в Гатчине, получив специальность летчика-наблюдателя (штурмана). Возвращение домой не сулило спокойной жизни. В Выборге, ставшем последним оплотом красных финнов царил красный террор. Фактически сразу Крашениннин включается в подпольную работу по созданию шюцкора (белых отрядов местной самообороны). После победы белых на севере и в Центральной Финляндии основные военные действия переносятся на перешеек. Штаб Маннергейма располагается в Антреа. В Выборгском шюцкоре становится известно, что многие летчики в Петрограде недовольны большевиками и готовы перейти на сторону Финляндии. Крашениннин совершает из Выборга, еще контролировавшегося красными, несколько поездок в Петроград, во время которых встречается со своими знакомыми. 11 апреля он прибывает в Антреа на самолете Ньюпор, пилотируемом перешедшим на сторону Финляндии офицером Игорем Зайцевским! В марте-начале апреля на своих самолетах прилетают еще 4 летчика. Вступая в финскую армию, они получают псевдонимы и воинские звания. Так, старший лейтенант морской пехоты Игорь Зайцевский ста-

новится капитаном Эриком Илмари-неном, его брат Олег – капитаном Отто Илмариненом, лейтенант морской пехоты Михаил Шлабович – капитан Микко Хейконен, капитан Владимир Парфиненко – капитан Валдемар Адлерхейм, Михаил Сафонов – капитан Микко Вуоренхеймо. Перелетевший вместе с Шлабовичем прапорщик инженерных войск Воробьев получает псевдоним Ауермаа без присвоения воинского звания. Задачами авиационной группы были разведка и бомбардировка. Бомбы сбрасывались на глаз, и попадание было, в общем-то, делом случая. Боевое крещение авиационная группа получила под Йоутсено. С аэропланами красных в воздухе ни разу не встречались. За их штурвалами сидели тоже русские летчики, командированные большевиками. Участие летчиков в военных действиях было недолгим. После тяжелых боев белые освобождают Выборг. После окончания полетов офицеры обучали полетам первое поколение финских военных летчиков. Михаил Шлабович в Турку обучает полетам на гидропланах. В сентябре 1919 все русские летчики были неожиданно уволены. Не получив обещанного гражданства, они должны были вскоре покинуть страну. Очевидно, это было связано с отказом командующего Северо-Западной Армии Юденича признать независимость Финляндии. Ходатайства командования ВВС о продлении контракта не имели успеха. Пилоты были награждены Крестом Свободы и спешно уволены.

Первым покинул страну Михаил Сафонов. Он направляется на Юг России, чтобы присоединиться к Белому движению. По одной из версий он вернулся в родной Киев и был расстрелян большевиками. По другой – после гражданской войны служил в британских ВВС и погиб в авиакатастрофе. Михаил Шлабович тайно перешел границу и проник в Петроград, чтобы попрощаться с родными и друзьями перед тем, как отправиться на Юг России, чтобы примкнуть к Белому движению. Неожиданно, ему захотелось взглянуть на аэродром, с которым в его жизни было столько связано. Там он был кем-то опознан, арестован ЧК и расстрелян. Дальше всех остававшиеся в Финляндии Зайцевский и Парфиненко принимают решение через Америку пробираться в армию Колчака. Деньги на дорогу им дал их бывший ученик и друг И. Эрнрут, сын руководителя выборг-

ского шюцкора. Однако, в Стокгольме планы изменяются. Друзья присоединяются к подпольной группе генерала Хачаладзе, готовившей теракты против недавно открытого в Стокгольме советского посольства. Вскоре шведская полиция раскрывает их планы, арестовывает заговорщиков. Бежавший в Хельсинки Парфиненко, сидя в кафе на Эспланаде, видит газеты, передовицы которых пестрят новостями о русских террористах в Стокгольме. Братья Зайцевские были арестованы и приговорены к восьми годам заключения. Однако годы в тюрьме не были очень тяжелыми. Как примерные заключенные, братья пользовались многими привилегиями. Игорь становится смотрителем библиотеки. Хорошим другом братьев становится тюремный пастор. Дальнейшее напоминает красивую скандинавскую сказку. Обнаружив в себе талант художника, Игорь расписывает тюремную церковь. Посетивший тюрьму король приходит в восторг от росписей, встречается с заключенными и издает указ о помиловании! В тюрьме братья Зайцевские провели 4 года. Олег через два года уезжает в Мексику, где становится предпринимателем. Игорь 30 лет работает водителем в Стокгольме, в свободное время занимаясь живописью. Некоторые его картины выставлены в галереях Швеции и Финляндии. В 1952 он открывает свой бизнес. В торжественных случаях он всегда надевал Крест Свободы. Перебравшийся в Вену Парфиненко заболевает туберкулезом и вскоре умирает. Финские друзья добиваются для него денежной помощи от военного министерства, но деньги приходят через несколько дней после его смерти. Александр Крашениннин (взявший фамилию Торика в соответствии с псевдонимом) продолжает работу в шюцкоре, участвует в Зимней Войне. После войны его судьба складывается трагически. В вышедшей в 1963 книге финляндского историка Янармо об этом говорится кратко: «Известно, что, выполняя задание в приграничной полосе, он пропал без вести, через 15 лет умер и обрел безвестную могилу». Очевидно, он был похищен советской разведкой и погиб в лагерях...

Источники и литература:

1. K.W Janarmo Varhaismailu 1963
2. Karjala 20/4/2000 Venalaislentajat Vapaussodan taivalla. Pentti Toivonen
3. Karjala 4/5/2000 Karjalan rintaman venalaiset lentajat

А. О. Александров

ДЕЙСТВИЯ БРИТАНСКОЙ И ФИНСКОЙ АВИАЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В РАЙОНЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ: «ЛИЧНОЕ ДЕЛО. СОВЕТСКАЯ МОРСКАЯ АВИАЦИЯ НА БАЛТИКЕ 1914–1925.», СПб, 1999. (Дан в переработанном варианте.)

Действия германской, финской и британской авиации*

Двадцать четвертого января 1919 г., в небе над Кронштадтом был замечен чужой самолет. «Кресты» на его нижних крыльях только казались германскими. Дело в том, что опознавательным знаком юной военной авиации Финляндии утвердили голубую свастику на белом фоне, и русские наземные наблюдатели, привыкшие за годы мировой войны к черным крестам в вышине, могли по старинке спутать свастики с немецкими «балочными» крестами, состоявшими из взаимопересеченных в центре полос. О действиях финских авиаторов известно мало; нижеследующая информация любезно предоставлена историком Пеннти Маппиненом из Хельсинки (надо не забыть и про книгу финского автора К. В. Янармо – K. W. Janarmo VARHAISILMAILUMME 1753 – 1919, Otava, Helsinki 1963, pp. 110 – 116).

Финляндия начала собирать воздушный флот вскоре после обретения независимости в 1918 г., но до ноября этого года над финскими просторами и прилегающими землями и водами летали только германские авиаторы в составе германского вооруженного контингента, который с одинаковым правом можно именовать оккупационным и союзническим. Летом 1918 г. немцы основали гидроавиастанцию в Койвисто и прислали туда не менее трех поплавковых «Фридрихсхафенов». Согласно данным шведского историка Леннарта Андерссона, по состоянию на 1 ноября 1918 г. в районе Финского залива находились «Фридрихсхафены» типа ФФ 49Ц, а также поплавковые «Румплеры» типа 6Б1, «Бранденбурги» модели В 29 и «Саблатниг» типа СФ 5. Вероятно, работали не все из перечисленных аппаратов. Намного больше количество германских морских аэропланов сидело на базах в Либаве (Лиепая), Виindaве (Вейтспилс), Ревеле (Таллин) и Папенгольме на острове Эзель (Сааремаа). Для переброски машин с места на место использовали авиатранспорт «Санта-Елена». Об этом же сообщает израильский историк Миша Бухман. В условиях шаткого мира с Советской Россией немецкие авиаторы ограничивались несчастными разведывательными полетами над морем и побережьем, а от Петрограда, по-видимому, отворачивали. К зиме 1918/19 г. станция в Койвисто перешла к финнам.

Тогда же финны приобрели ряд гидроаэропланов. По утверждению финских историков Калеви Кескинена, Карн Стенмана и Тимо Хейнонена, в самой Германии, а также в Ревеле были куплены три «Фридрихсхафена» типа ФФ 33Е, «Фридрихсхафен» ФФ 49Б, четыре «Фридрихсхафена» ФФ 49Ц, «Фридрихсхафен» ФФ 41 и два «Румплера» 6Б1. В 1919–1925 гг. на вооружение поступали поплавковые самолеты других моделей, а также летающие лодки (с 1918 г. Финляндия использовала российские конструкции М–5, М–9 и М–15). В 1919 г. из Койвисто вылетали на задания только аппараты типа ФФ 49Ц.

В начале декабря 1918 г. майор Вяйне Миккола, в недавнем прошлом летчик Воздушной дивизии Балтийского моря, сбился с курса при перелете из Сортавалы в Койвисто в условиях плохой видимости и усмотрел невольную, но опасную ошибку только при движении над фортом «Красная горка», на российской территории. В отличие от этого непреднамеренного вторжения, зимой

1918–1919 г. пилоты 4-го авиаотряда не раз поднимали свои машины из Койвисто для воздушной разведки в пограничной полосе и в районе Кронштадта. В мае 1919 г. финны встретили друзей – англичан. В течение лета и осени британцы привезли до 20 самолетов для работы на подступах к Петрограду, включая машины как с колесным («Сопвич Кэмел»), так и с поплавковым шасси («Шорт 184»). Подобно германцам, новоприбывшие держали дополнительные силы морской авиации в Прибалтике. Передовую базу сухопутных аппаратов англичане оборудовали на о. Бьорке (иначе о. Койвусаари, ныне о. Большой Березовый) у селения Мелликанниеми, поблизости от гидроаэродрома Койвисто и якорной стоянки кораблей.

В мае финские авиаторы патрулировали над Финским заливом, наблюдая за судами, следовавшими в Петроград и обратно. Их внимание привлекла шведская шхуна «Эскилстуна III», и 1 июня они перехватили ее на пути в Швецию в 5 милях к северу от о. Сескар. Пилот лейтенант Г. Вреде и его наблюдатель сбросили бомбу перед носом судна и тем самым заставили его остановиться. Невзирая на высокие волны, они затем сели рядом с «Эскилстуной» и под угрозой пулемета велели ее капитану идти в Койвисто. По дороге туда со шхуны ссыпали в море какие-то бумаги, а при портовом досмотре в трюме были обнаружены газеты и листовки, признанные пропагандистскими. Среди команды несколько моряков внушали подозрения.

Редко, но все же периодически «красные» авиаторы совершали палеты на Териоки, Ино и иные населенные пункты финского побережья, но вреда эти атаки почти не наносили. Тринадцатого июня сухопутный аппарат совершенно безрезультатно кинул бомбу на деревню Тулокас. На следующий день финские аэропланы летали над Кронштадтом и разбрасывали листовки, призывавшие команды боевых кораблей к переходу в Койвисто и к сдаче базировавшейся там британской эскадры. В том же месяце самолеты несколько раз бомбили русские подводные лодки и другие цели в Финском заливе. В частности, пять бомб метили в линкор «Петропавловск», но ни одна из них в него не попала. Двадцать второго июня две крылатые машины атаковали в Кронштадте миноносцы, пришедшие после набега на финляндские рубежи. Обороняющиеся маневрировали и избежали поражения. Две бомбы из десяти, сброшенных с высоты около двух тысяч метров, все же подожгли какой-то склад или нефтяной резервуар. Еще одна «рванула» рядом с неопознанным доком, и сделанные летчиками кадры запечатлели убегающих на берег матросов. За штурвалами аппаратов сидели лейтенант Вреде и подпоручик Хонгел. Вреде летал и на Ладогге, где бомбардировал советские суда и добился двух прямых попаданий в цели.

Вечером 7 июля Вреде возглавлял группу из двух самолетов, совершавших разведку по маршруту Майнила – Александровская – Дибунь. Из десяти бомб, сброшенных над Дибунями, три поразили железнодорожные пути и стрелки. Примерно в эти же дни форт «Красная горка» обстрелял финскую территорию. От его снарядов пострадал лишь какой-то частный дом, но для предупреждения подобных происшествий финны решили на-

пасть с воздуха на Сестрорецкий патронный завод. Два аэроплана выполнили задачу: по допесениям лейтенанта Вреде, утром 10 июля они устремили семь бомб в завод и три – в железнодорожную станцию. Взрывы вызвали значительные разрушения, в частности, на участке завода сгорело дотла трехэтажное здание. Атака финской авиации привела к энергичным протестам советской стороны. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин заявил, что восемь рабочих погибли, а еще 17 получили ранения. Финские самолеты испытали сильный ответный обстрел, но «откупились» одной единственной пробойной на двоих.

Для корректировки огня артиллеристы фортов «Красная горка» и «Серая лошадь» использовали привязной аэростат. И финны, и англичане неоднократно прилетали, чтобы уничтожить его, но не сразу и не без труда преуспели в этом: при начале очередной атаки воздухоплаватели быстро опускали баллон вниз. Наземная воздухоплавательная команда немало рисковала, осыпая пулями из бортовых пулеметов и осколками падающих вокруг бомб.

Девятнадцатого августа два советских сухопутных аппарата бомбили станцию Териоки, где, как подозревали, стоял бронепоезд. На следующий день бомбы крушили Райволу и Кивенпапу. Данные о контратаках отсутствуют. Известно, что финны летали 17 сентября и 4 октября (на высоте около 4 тыс. 300 м), но, вероятно, основная тяжесть боевой работы в эти месяцы легла на плечи британских авиаторов. В 1920 г. после заключения мирного договора между Финляндией и Советской Россией авиастанция в Койвисто утратила свое былое значение.

Надо добавить, что осенью 1919 г. финские авиаторы все-таки подставляли дружеское плечо Юденичу. Восемнадцатого сентября четыре «Бреге 14» были посланы в Перкярви на Карельский перешеек, откуда им и предстояло летать. Среди пилотов был капитан А. Чернышин и два французских офицера. Двадцать пятого октября отряд получил приказ выполнить разведку и бомбометание над южным берегом Финского залива, запасной целью значился Комендантский аэродром. Все авиаторы взяли с собой гражданскую одежду на случай вынужденной посадки на вражеской земле и словно накликали беду. На взлете, из-за неполадок в моторе, «Бреге» Чернышина упал на лес. Операцию все же не отменили, хотя и отсрочили на минуты или часы старт остальных бипланов. При пересечении границы, идя на высоте около двух тысяч метров, экипажи увидели впереди сплошную противозащитную завесу, устроенную «красной» артиллерией, и французские авиаторы позорно, но благоразумно легли на обратный курс. Только одна машина прорвала оборону между Кронштадтом и Петроградом, произвела разведку над линией боевого сопротивления, обследовала кронштадтские гавани, сфотографировала их и повернула к Комендантскому аэродрому. Там летчики освободили бомбодержатели от своего бомбового груза, а потом, петляя над жерлами зениток, пересекли береговую линию между Сестрорецком и Териоками и счастливо посадили свой «Бреге» на аэродроме. Он пострадал-таки от обстрела – при осмотре в его фюзеляже нашли «дыру» диаметром около 5 см. За исключением нескольких пробоин, за всю кампанию 1919 г. финны не зафиксировали больше никаких боевых потерь. (Неясно, куда следует отнести эпизод с Чернышиным.) Правда, подпоручик Хонгел пережил несколько очень неприятных минут после того, как над Кронштадтом на высоте 1 тыс. 800 метров его самолет остался без пропеллера, улетевшего по своим делам. Мотор сохранил привязанность к планеру, что спасло

общую балансировку аппарата. Благодаря этому и южному ветру пилот спланировал на песчаный берег в районе Териок.

Совсем недавно московский исследователь М.А. Хайрулин обнаружил в Российском Государственном Военном Архиве (РГВА) интересные документы, сообщющие о палете финнов на Петроград 2 октября 1919 г. Вот они:

Телеграмма от 2 октября 1919 г. срочно секретно оперативно

2.X.1919. 18ч20мин: около 13 часов над Петроградом появился аэроплан противника[,] бросивший около 6 по-видимому зажигательных бомб [в] расположении 2 городского района. Бомбы упали на проспект Маклина[,] на набережной реки Пряжки и Адмиралтейский судостроительный завод на Галерном острове. Бомбы не разорвались[,] повреждений никаких нет[,] воздухоплатоной аэроплан противника замечен не был. Выяснение подробностей производится. 2 октября 1919 г. НР 0650. Комендант Петрукрепрай подпись неразборчива, член Реввоенсовета Козловский. **

Комендант Петроградского
Укрепленного района секретно в Революционный военный совет 7-й армии
4 октября 1919 г.

№0719

Петроград, ул. Гоголя, 19.

На №09734/11828. В дополнение к №0650 от 2.10. Всего бомб брошено 7: 2 упали на Пряжке, 2 в Адмиралтейский судостроительный завод на Галерном острове, и 3 на проспект Маклина. Ни одна бомба не разорвалась. Причинами необнаружения аэроплана противника Воздухобороной послужили: большая высота, на которой, вследствие благоприятных атмосферических условий, летел неприятельский аэроплан, облачность неба, недостаточная налаженность и отсутствие прямой связи между Кронштадской и Петроградской Воздухобороной, и недостаточное наблюдение. К устранению последних недочетов все меры Петр.укр.районом принимаются.

Бомбы сданы в лабораторию адмиралтейства, анализ которых выяснил, что технически бомбы снаряжены правильно, но видимо плохо хранились – почему и не взорвались. Вес бомб 20ф. каждая, марка невыяснена. Комендант Петр.Укр.Района, подпись неразборчива. ***

Вероятно, финский «Бреге 14» подлетел к городу со стороны верховьев Невы, куда он вышел либо через Карельский перешеек, где ему ничего не угрожало, либо, обогнув петлей Кронштадт, Красное Село, Детское Село и Колпино и тем самым замаскировав себя под «своего». Потом он летел вдоль Невы, отсчитывая мосты, за Дворцовым лег на боевой курс, руля к судостроительным заводам, выстроенным вдоль главного рукава реки за Николаевским (Лейтенанта Шмидта) мостом. В конце этой цепи, сразу за Галерным островом, сторожил южный сектор Невской дельты Гутуевский остров с его гидроавиастанцией. Большая высота полета, а также малый калибр бомб (каждая массой до девяти килограммов) помешали агрессору произвести точное бомбометание.

Примечания:

* – Преимущественно флотского подчинения.

** – РГВА, ф.190, оп.3, д.349, л.90

*** – РГВА, ф.190, оп.3, д.349, л.92.

Отрывок из книги представлен в варианте, подготовленном специально для данной статьи. В оригинальном виде он опубликован в книге: А. О. Александров. «Лич-

ное дело. Советская морская авиация на Балтике 1914–1925», которую читатель может заказать через М. А. Хайрулина. Тем же путем можно получить книгу «Победы. Потери... Задачи, подразделения, начальствующий состав, летательные аппараты и вооружение морской авиации и воздухоплавания России, а также список побед и потерь с 1894-го по 1920 г.», дающую представление о деяниях морских авиаторов противоборствующих сторон Гражданской войны и изданную тиражом всего в 125 экземпляров. Автор будет рад предоставить дополнительные сведения и других его книг.

А. О. Александров также предоставил в наше распоряжение некоторые тексты, написанные им в связи со сдачей в печать помещенного выше «Отрывка из книги», и мы предлагаем их Вашему вниманию.

Очевидцем негромкого болболетания, отмеченного 2 октября, мог быть поэт Александр Блок, живший в районе падения дефектных финских «гостищев», в доме на углу набережной Пряжки и Офицерской улицы. Война не делит людей на простых и великих, чего никак нельзя сказать об истории и исторической науке. История есть дама с умоластроением, прилично любому спобу, привечающему в окружающем пространстве только тех, кто, по мнению споба, достоин уважения, почитания и подражания. Из всего состава «чинов» Северного корпуса и Северо-Западной армии нынче более всего известны предводители – генералы А.П. Родзянко и Н.Н. Юденич. О них писали многие сочинители, и еще будут писать. Имена генеральских подчиненных, офицеров и рядовых, в большинстве их поглотила тьма времени. Ставшие безымянными люди унесли с собой и тайну имени, и правду о двух приступах против «красного» Петрограда.

После неудачного первого приближения к «колыбели трех революций» шансов на успех второго почти не существовало. Около полутора десятков тысяч штыков, немного артиллерии и пулеметов, несколько танков, несколько броневиков, недееспособная и слабая авиация – вот и все, чем располагал Юденич – явно негодные средства для взятия и удержания такого крупного города, каким, несмотря на все беды и несчастья, был град, некогда успешно освоенный царем Петром посредии невских толп. Поход Юденича надлежит охарактеризовать как типичную военную авантюру, каковая иногда и дарует стратегу победу, но чаще ведёт к закономерному провалу. Вряд ли опытный военачальник, не понимал чрезмерной шаткости занимаемой им позиции и почти совершенную бесперспективность ничем не обеспеченного движения вперед. Понимал, но все же отдал отрядам приказ наступать и воодушевлял их на подвиг, не иначе. А был ли у генерала иной выбор?

Быстрый марш Северо-Западной армии к петроградским предместьям в ощутимой степени напугал большевистских лидеров, но отнюдь не до паралича воли. Они устремили на врага превосходящие «полчища», возглавляемые военспецами – высокоучеными и благородного происхождения, ранее верой и правдой, на штабных офицерских должностях служивших самодержавию и республиканскому режиму. Например, солдаты С.И. Одинцова, в прошлом полковника генерального штаба и, позднее, генерал-майора, обороняли ключевые рубежи на Пулковских высотах. В 1911 г. подполковник Одинцов стал первым командиром Севастопольской офицерской школы авиации Отдела воздушного флота, до этого управляемой коллегиально (хотя, конечно, не советом рабоче-крестьянских депутатов, но все-таки советом), и выказал на верном посту много энергии и ума. Потускнели его

таланты к хмурому октябрю 1919-го или же блистали как оstarь – неведомо. Про Одинцова почти не вспоминают: два – три слова здесь, две – три фразы там, вот и все, что уцелело за человеком.

Морские авиаторы Б.П. Берг и С.А. Лишин освящены более, но за известность они заплатили злой погибелью. Обоих произвели в активные заговорщики, так грозно ослабили, что вычеркнули из героических мартирологов «красной» и «белой» смерти. Советские граждане видели в Берге и Лишине подлых изменников священному делу освобождения пролетариата, «белое рыцарство» подозревало в бывших товарищах если не коммунистов, то не менее как «розовых» отщепенцев.

Отталкивая прочь давно покойных «мятежников», непримиримые антагонисты одинаково воодушевленно продвигали и продвигали саму идею вызревания в Петрограде антибольшевистского заговора, образования сети тайных обществ, руководимых отважными и дерзкими мужчинами с офицерскими погонами под солдатскими и матросскими шинелями и неожиданно воинственными представителями профессорско-преподавательского корпуса. Для одних гипотетический заговор зримо увеличивал угрозу, излучаемую Юденичем, для других – избавлял стратегический замысел генерала от признаков предприятия отчаянного и обреченного на поражение. Сперва вестью о предупреждении и беспощадном искоренении «мятежа» пугала обывателей «Петроградская правда», примерно через полвека о горячечной холодности или холодной горячке усыпанных лавровыми листьями чекистов ведали в своих произведениях Д.Л. Голышков и его «подголоски». О смелости и негибимой воле подпольщиков писал Н.Н. Рутыч-Рутченко. (Выпуски «Петроградской правды» от 23 ноября 1919 г. и о книгах: Д.Л. Голышков. Крушение антисоветского подполья в СССР 1917–1925 гг. М.: Политиздат, 1975.; В.А. Кутузов (сост.). Чекисты Петрограда на страже революции. кн.2. Л.: Лениздат, 1989.; Н.Н. Рутыч-Рутченко. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002.)

Было бы неразумно отрицать очевидное наличие в Петрограде 1919-го жителей и даже групп жителей, глубоко недовольных царившими порядками. О наличии потенциальных буитовщиков говорят не только источники военно-исторического толка, а даже реминисценции абсолютно далеких от вооруженной борьбы литераторов (долго искать не надо, достаньте дневник Зинаиды Гиппиус). Наверное, в городе орудовали и агенты, контактировавшие и с «северо-западниками», и с англичанами, и с финнами. Другой вопрос – были ли они объединены в некую реальную, боевую и политическую организацию, или же последняя представляла собой плод мечтаний.

В разгар «перестройки», в 1989 году, автор «Альбатросы. Из истории гидроавиации» А.Б. Григорьев напомнил широкой, тогда широкой аудитории «авиационных энтузиастов» и ревнителей авиационного наследства СССР, о том, о чем ранее во всеуслышанье заявляли петроградские верноподданнические журналисты и «голкинковицы». «В ночь на 18 августа Кроиштадт и корабли Балтийского флота подверглись одновременному нападению английской авиации и торпедных катеров, – неоспоримым посылом открывает Григорьев мнимую историю мнимого преступления Б.П. Берга. – Под прикрытием самолета катера ворвались в Кроиштадтскую гавань и торпедировали линейный корабль «Андрей Первозванный». План этого нападения был разработан не англичанами, а командиром Ораниенбаумского [гидро]дивизиона Бергом, который имел связи с английским консулом в Гельсингфорсе, английским послом в Стокгольме и даже с Лондоном. Предатель перебрасывал в расположение юде-

ничских войск завербованных им летчиков. Так, в конце октября им были переброшены три летчика. 2 ноября со сведениями для Юденича перелетели еще два летчика. Берг действовал нагло, поскольку отсутствовал элементарный контроль со стороны комиссара, потерявшего бдительность. Группа Берга была арестована сотрудниками ВЧК, сам Берг был расстрелян. Берг использовал для связи самолеты лучших летчиков дивизиона. К ним (надо понимать, к самолетам – авт.) подвешивались бомбы с вложенными в них донесениями. Неразорвавшиеся бомбы собирала контрразведка белых и вынимала из них донесения». «Петроградская правда» и Г.Л. Голиков разглашают еще одну леденящую кровь подробность: «В соответствии с планом, самолет должен был сбросить на Знаменскую площадь (сейчас площадь Восстания) пятипудовую бомбу (без взрывателя) [не иначе как навязчивая мысль о «холостых» боеприпасах мучила изменишков! – авт.], что означало сигнал к восстанию внутри города [вот так знак! без взрыва, без пыли, без шума! – авт.].» (Цитаты заимствованы из книг: А.Б. Григорьев. указ. соч. с.109; Д.Л. Голиков. указ.соч. с.333.) Судя по хитроумному способу передачи сведений, провал всей операции Юденича явился следствием того печального обстоятельства, что большая часть и пеших и конных была втянута в трудоемкий сбор «пустых» бомб с депешами, раскиданных там и сям! Вообразим и горе-заговорщика, почамы, с риском для здоровья, запикивающего зловерные депешки в бомбы с муляжами взрывателей (отсутствие взрывателей могло быть превращено истолковано «передовыми» пилотами).

Даже обладая неограниченным резервом праздности и сытным пайком, чекисты вряд ли смогли поднять-выдумать «от нуля» столь чудной корреспонденцией механизмом «мятежников», слишком уж чужаковатыми и в отношении сигналопроизводства. Чекистам, по-видимому, помог эпизод с беспорядочной бомбардировкой петроградских заводов 2 октября (см. выше), он высек искру фантазии.

Что касается перелетов к врагу, то да, один такой случай зафиксирован 28 октября 1919 г.: при воздушной разведке Гатчины и прилегающих мест сгинул без вести морлет Н.А. Рагозин (на истребителя «Ньюпор 23»). До 1918 г. Рагозин носил звание лейтенанта и с честью воевал на Черном море. Спустя некоторое время после его исчезновения советское командование приказом констатировало «факт» намеренного дезертирства пилота с целью вступления в ряды неприятеля. Однако, истинная причина приземления Рагозина на территории, по которой бродили редкие и разрозненные подразделения Северо-Западной армии, не установлена, что допускает различные интерпретации происшествия, как то: остановка мотора, потеря ориентации на местности, повреждение аппарата зенитным огнем и, в любом случае, вынужденная посадка и пленение, повлекшее немедленный и без сожалений разрыв с «красными». Незадолго до 28 октября Рагозин летал к российско-финляндской границе и потому мог беспрепятственно и гарантированно переместить себя, не рискуя в гатчинском секторе с изменчивой обстановкой. Либо он выжидал, либо 28-го числа принял внезапное решение под напором внезапных же факторов.

28-го, 29-го или 30-го октября «красная» морская авиация вдобавок и так же бесследно потеряла «Ньюпор 23» пилота Б.А. Пилиповского и самого пилота, и никаких сведений ни о машине, ни о судьбе человека до сих пор не обнаружено. (Между Петербургом и Лугой и сейчас еще есть дремучие леса и топкие болота, готовые поглотить и самолет, и экипаж, особенно в холодные, враждебные всему живому месяцы.) Не исключено, что кто-то из морских летчиков дореволюционной закалки, привлеченных большевиками под красные знамена, загодя выехал из Пе-

трограда, используя первый подходящий для ретирады момент (предположительно, именно так поступил «однополчанин» Рагозин по Черному морю и морской авиации Советской Украины, прежде лейтенант В.Р. Качинский, сидевший в городе под страхом «справедливого суда» за якобы допущенные им финансовые преступления на посту начальника гидроавиаотряда Днепровской военной флотилии).

Отсутствие ясности касательно даже, истинных, казалось бы, событий разрушает наскоро сколоченную «систему» чекистских доказательств вины Б.П. Берга. Наоборот, вздорность которых оголяет, лживость обвинений. Надо все же отдать должное соратникам «железного Феликса», так богато декорировавшим убийство несчастного Берга, тогда как расправа над начальником воздушной обороны Петрограда командиром Воздушной бригады особого назначения морлетом С.А. Лишиным (встретившим роковые перемены 1917 – 1918 гг. в звании старшего лейтенанта) произошла, вероятно, буднично, без словесных красот в «красных» газетах: Лишина «порабочему» назначили соучастником «предательства». (Можно, конечно, предположить, что Берг и Лишин сами подсушили чекистам всю эту несусветную чушь про бомбы, чтобы отвести смертельную опасность от товарищей по оружию, от настоящей подпольной организации и ее настоящих, пусть и проваленных, планов.)

Вывод прост: Б.П. Берг и С.А. Лишин пострадали совсем не за то, в чем они, возможно, были грешны. Если они и играли некие роли в некоем заговоре, то заговор этот не раскрыт, по крайней мере, публично. Как бы там ни было, память о замученных лже-заговорщиках настойчиво требует их поминания и неотложной реабилитации перед лицом прозревшего вдруг народа, простившего самого Юденича, его сподвижников и тех, кто заслонял им дорогу в бывшую столицу бывшей общей Родины.

Краткие данные о служебном росте Б.П.Берга и С.А.Лишина из документов Российского Государственного Архива Военно-Морского Флота:

БЕРГ Борис Павлович

Рожден 28 октября 1892 г. Занесен в разряд потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил пять классов Харьковского реального училища. Окончил Морской корпус и получил звание мичмана 5 октября 1913 г. В период учебы плавал на учебных судах «Верный» (1909) и «Воин» (1911) и на крейсерах «Диана» (1910), «Аврора» (1911) и «Олег» (1912) и на линкорах «Андрей Первозванный» и «Слава» (1913). Одновременно с присвоением офицерского чина назначен в бригаду линейных кораблей Балтийского флота, где плавал на линкорах «Андрей Первозванный» (1913), «Цесаревич» (1914) и «Гангут» (1914, 1915). При зимней стоянке в 1915 г. с 9 февраля по 27 марта, прошел начальный курс обучения полетам на самолете на 4-й авиастанции Балтийского флота в Гельсингфорсе, в результате чего 24 марта был откомандирован для поступления в Севастопольскую офицерскую школу авиации Отдела воздушного флота. После успешного окончания означенного заведения и прибытия на Балтику 21 июля 1915 г. зачислен в Воздушный район Службы связи Балтийского моря и получил практический курс управления гидроаэропланом на 3-й авиастанции в Ревеле.

Утвержден в звании морского летчика 30 сентября 1915 г. и в этом качестве включен в состав 2-й авиастанции в Кильконде на острове Эзель, при которой служил до 8 мая 1916 г., то есть вплоть до перевода на 3-ю станцию. Произведен в лейтенанты 30 июля 1916 г. Зимой 1916/1917 гг. был слушателем Временного штурманского

офицерского класса в Гельсингфорсе, с 10 декабря 1916-го. Одновременно и позднее возглавлял авиаотряд «Б» («Буки») Воздушной дивизии Балтийского моря, с 19/31 декабря 1916-го. К 1 ноября 1917 г. проходил обучение в Школе воздушного боя в Красном Селе. В период проведения боевых кампаний 1916–1917 гг. принимал активное участие в боевой работе авиации, за что удостоен орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (10 апреля/6 июня 1916 г.), Св. Анны 4-й степени «за храбрость» (28 мая/23 октября 1916), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (31 октября 1916). Имел значки 2-й и 3-й степеней за отличную стрельбу. С апреля 1918 г. начальствовал над Ораниенбаумским воздушным дивизионом (иначе Гидроавиационный особый назначения) Воздушной бригады особого назначения, на коем посту пал жертвой «красного» террора. (Подробности биографии Б.П. Берга можно найти в книге Н.Н. Рутыча-Рутченко. Белый фронт генерала Юденича, см. выше.)

ЛИШИН Сергей Андреевич

Рожден 18 марта 1889 г. Окончил Морской корпус и получил звание мичмана. Согласно циркуляру штаба главнокомандующего флотом Балтийского моря за №555 от 5 декабря 1913 г., выдержал медицинское свидетельство в качестве с последующим зачислением на Теоретические курсы авиации при Санкт-Петербургском политехническом институте. В мае 1914 г. по окончании курсов направлен в Севастопольскую офицерскую школу авиации Отдела воздушного флота. В связи с мобилизацией вооруженных сил империи в июле 1914 г. возвращен на Балтику. Произведен в лейтенанты. Доучивание и практику морского летчика осуществлял в Ревеле при 3-й авиастанции с 7 октября 1914 г., с исчислением ученического стажа с 22 июля. Утвержден в звании морского летчика 14 февраля 1915 г. С конца марта по середине апреля 1915 г. был командирован в распоряжение начальника Эскадры воздушных кораблей генерал-майора М.В. Шидловского в Яблонну. Летную боевую кампанию провел в составе 2-й авиастанции в Кильконде на острове Эзель. В апреле 1916 г. перенял руководство 3-й авиастанцией, порой совмещая эту должность с главенством над «кадрированной» 1-й авиастанцией, эвакуированной в июле 1914 г. из Либавы в Ревель. Произведен в старшие лейтенанты. Принимал активное участие в боевой кампании 1916 г. С конца 1916 г. по май 1917 г. начальствовал над 1-м дивизионом Воздушной дивизии Балтийского моря, с мая 1917-го над 1-й бригадой той же дивизии. С июня по август 1917 г. исполнял должность командира Воздушной дивизии Балтийского моря. В апреле 1918 г. назначен начальником Воздушной бригады особого назначения. Позднее назначен начальником воздушной обороны Петрограда. Убит «красными» товарищами осенью 1919 г. За боевые отличия в 1915–1916 гг. удостоен георгиевских наград: приказом за №908 командующего флотом Балтийского моря от 27 августа 1915 г. представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени за первый на Балтике воздушный бой с двумя германскими гидроаэропланами 20 июля того же года; приказом № 696 командующего флотом Балтийского моря от 30 сентября 1916 г. представлен к награждению георгиевским оружием за операцию против германской морской авиастанции Ангерн 3 августа того же года (представления утверждены приказами за №557 от 8 сентября 1915 г. и №839 от 28 ноября 1916 г.).

РАГОЗИН Николай Александрович

Рожден 30 июня 1891 г. По происхождению курчанин и дворянин. Начальное воспитание получил в Кадетском корпусе императора Александра II. Поступил в Морской корпус 8 сентября 1907 г., выпущен из него в апреле 1911-го, удостоен звания мичмана 6 декабря. В

бытность свою в Морском корпусе плавал на учебных судах «Рында» (1908) и «Воин» (1909), на транспорте «Рига» (1911), на крейсерах «Россия» (1909), «Олег» (1910) и «Рюрик» (1911). Далее плавал на линейных кораблях «Цесаревич» (1911) и, после перевода на Черное море, «Евстафий» (1912–1913). Назначен в Службу связи Черного моря для обучения полетам 12 марта 1913 г. и к 25 августа сдал приличный пилоту экзамен, тем самым, завершив практический курс управления гидроаэропланом на станции в Килен-бухте Севастополя. Вскоре, 7 сентября, был командирован на Теоретические курсы авиации при Санкт-Петербургском политехническом институте. По возвращении из столицы с весны 1914 г. служил в авиации Службы связи Черного моря и Авиации Черноморского флота. Удостоен звания морского летчика 1 июля 1914 г. Удостоен звания лейтенанта 1 января 1915 г. (по иной версии – 22 марта 1915-го). Командовал 2-м, 3-м корабельными отрядами с июня по декабрь 1916 г., 5-м отрядом Воздушной дивизии Черного моря с декабря 1916-го – января 1917 г., 1-м дивизионом той же дивизии приблизительно с июня 1917-го. Принимая деятельное участие в боевой работе, 3 декабря 1916 г. при отражении палета германских аппаратов на Сулин причинил повреждения неприятельскому истребителю и тем самым принудил его к аварийной посадке в море. Награжден георгиевским оружием за действия против неприятеля у турецких берегов (приказ №287 от 4 мая 1915 г.), орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом за атаку турецкого порта Зонгулдак в составе 2-го корабельного отряда 24 января 1916 г., орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом за успешное исполнение дел начальника 2-го корабельного отряда по охранению транспортов около портов Одесса, Новороссийск и Ризе 14–31 марта 1916 г. и за регулярные вылеты в районе Севастополя, а также другими орденами и медалями. В 1917 г. исполнял должность наблюдающего офицера на заводе В.А. Лебедева в Таганроге и предложил к конструированию гидроаэроплан оригинальной системы. Период оккупации и интервенции пережил, вероятно, пребывая в Крыму или южно-русских областях. Зачислен на службу в Отдел морской авиации при Управлении (советского) украинского военно-воздушного флота 8 июня 1919 г., то есть за несколько дней до формального учреждения данного органа и был там помощником по организационно-строевой части. Ввиду отступления «красных», через Киев и Гомель, в качестве пилота гидроавиационного отряда Днепровской военной флотилии к осени 1919-го попал в Петроград, где получил предписание на должность летчика-истребителя в Воздушной бригаде особого назначения. При невыясненных до конца обстоятельствах встал на сторону Северо-Западной армии, совершив вынужденную или преднамеренную посадку при исполнении воздушной разведки в районе Гатчины 28 октября 1919 г. После поражения войск генерала Н.Н. Юденича либо проник в Крым, где летом 1920 г. командовал морским авиаотрядом. Был в Бизерте, познал крайнюю нужду, недолго работал шофером на табачных плантациях. С 1922 г. служил в авиации Испании (под двойной фамилией Рагозин-Дейман), начав с чина капрала Иностранного легиона. Участвовал в Марокканской войне 1922–1927 гг., преподавал в летной школе Трипултанте, преподавал штурманское дело в Табладе и в Малаге. В первые месяцы гражданского конфликта был произведен в капитаны, отличив себя храбростью и умением. По непроверенным сведениям, одно время выступал личным пилотом лидера националистов генерала Ф. Франко. Удостоен испанскими, итальянскими и германскими знака-

ми боевого отличия. В 1940–1941 гг. руководил авиашколой в Тьерра. Согласно посмертной памятке, опубликованной в журнале «Часовой» №382(11) в декабре 1957 г., за свою летную карьеру «накопил» 2 тысячи 400 летных часов, из которых 1 тысяча 465 боевых. Умер в Испании, на Майорке, 21 сентября 1957 г., предположительно от заражения крови.

КАЧИНСКИЙ Виктор Иванович Романович

Рожден 28 февраля 1891 г. По происхождению дворянин Санкт-Петербургской губернии. Принят для воспитания в Морской корпус 7 сентября 1904 г., выпущен в апреле 1910-го, получил звание мичмана 6 декабря. В бытность свою на Балтике плавал на учебных судах «Воин» (1906, 1908), «Рында» (1907), «Верный» (1909), на «Рюрик» (1910) и на линейном корабле «Цесаревич» (1910). После перевода на Черное море плавал на крейсере «Кагул» (1911, 1912), на эсминце «Завидный», миноносце «Стремительный» (1912). Прикомандирован к службе Связи Черного моря для летного обучения на 22 апреля 1912 г., 15 августа успешно сдал экзамен летной программы в Севастопольской офицерской школе авиации Отдела воздушного флота. Освоил науки, преподаваемые на Теоретических курсах авиации при Санкт-Петербургском политехническом институте, кои постигал с 24 декабря 1912-го по 8 мая 1913 г. По возвращении из командировки был числен на линейном корабле «Синюп» (1913), пока не получил назначение в Службу связи Черного моря (официально явился 7/9 октября 1913 г.; впрочем, летал и в мае–августе и в октябре–декабре, не летал лишь в сентябре). После окончательного зачисления в авиацию Службы связи был рядовым пилотом, командовал летучим авиаотрядом в Батуме (в августе–октябре 1914 г.). Удостоен чина лейтенанта 6 апреля 1914 г. Удостоен звания морского летчика 1 июля 1914 г. В составе Авиации Черноморского флота, в марте–апреле 1915 г., начальствовал над отрядом Б.З (развернуты позднее в 3-й корабельный отряд). Заведовал авиастанцией в Круглой бухте до ноября 1915 г., то есть до отъезда в Петроград в связи с направлением в Великобританию для изучения дирижаблей мягкой конструкции прибрежного действия и для наблюдения за исполнением заказа на четыре аппарата указанной системы. Находился за рубежом до апреля 1916 г., привез с собой разрешение на ношение нагрудного знака

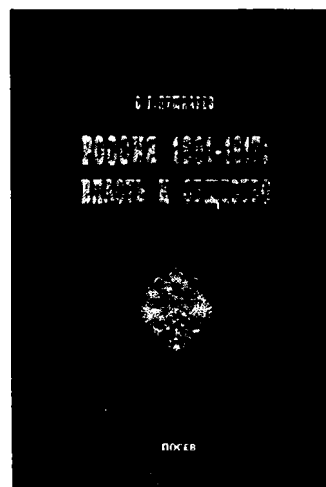
пилот (дирижабля) Королевской морской воздушной службы. Не проявив большого рвения продолжать занятия воздухоплаванием, с августа по ноябрь 1916 г. исполнял должность начальника 2-го корабельного отряда, оперировавшего в Румынии, но зарекомендовал себя на этом посту не с лучшей стороны. Предположительно возглавлял 1-й отряд Воздушной дивизии Черного моря, в 1917 г. В 1914–1917 гг. принимал активное участие в боевых действиях, вследствие чего имел, вероятно, многочисленные награды. За групповой почтой налет на болгарский порт Варна 29/30 августа 1916 г. представлен командующим Черноморским флотом, приказом от 27 декабря 1916 г., к георгиевскому оружию (представление одобрено свыше 6 февраля 1917-го). Оккупацию и интервенцию пережил в ожидании перемены к лучшему, по-видимому, не покидая южно-русских областей. В середине мая 1919 г. принял бразды правления Гидроавиационным отделом при Управлении воздушного флота Советской Украины, вскоре трансформированным в Отдел морской авиации. В связи с отступлением «красных» из Причерноморья назначен начальником 2-го Черноморского гидроотряда (середина июля 1919-го), превращенным спустя непродолжительный промежуток времени в гидроавиатряд Днепровской военной флотилии. Уже в августе был смещен с командирской должности и сделан, наряду с Н.А. Рагозиным, простым пилотом. Без трагических последствий перенес обвинения в финансовых махинациях и пребывание в Петрограде. Неведомыми путями, надо полагать, с осколками Северо-Западной армии, попал в Польшу. Помог полякам в приобретении части «германского наследства» – нескольких подлежащих уничтожению гидроаэропланов – и недолго занимал один из командных постов в морской авиации Польши, который без особого сожаления покинул по ряду причин. Провел около семи–восьми лет в Бельгии, в 1928 г. переехал в США, где обрел кров сперва в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде, а позднее – в Коннектикуте, Бриджпорт. В течение 30 лет работал на авиационных предприятиях, основанных И.И. Сикорским. С 1960 г. жил на пенсию в Санкт-Петербурге во Флориде, где и скончался 3 февраля 1986 г. (о чем было сообщено в газете «Санкт-Петербург Таймс», в номере от 4 февраля 1986 г.).

С.Г. ПУШКАРЕВ «РОССИЯ 1801–1917: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО»

Москва. «Посев», 2001. 672 стр.

Книга известного русского зарубежного историка повествует о том, что происходило в России до революции, в последние пять царствований. Книга излагает историю государственной власти и общественных движений, описывает социально-правовое положение различных групп населения, прежде всего крестьянства, развитие народного хозяйства и культуры, в частности образования и Церкви. Эпилог кратко излагает ход революции 1917 г. и причины крушения.

Книга допущена как учебное пособие для высших учебных заведений, но может быть полезна и в старших классах средней школы. Содержит многочисленные цитаты из документов, 20 карт и диаграмм, 209 иллюстраций, указатель 1170 имен и хронологическую таблицу.

Данный документ представляет собой соглашение между генералом Юденичем и правительством Финляндии, представляющее собой, с одной стороны, признание независимости де-юре этой страны от России, а с другой – военный союз между Северо-Западной белой армией и армией Финляндии. Правительство Колчака упустило реальную возможность получить в реальные союзники финскую Белую гвардию и овладеть Петроградом, что могло бы изменить общий ход гражданской войны. Это соглашение показывает, что генерал Юденич не был одержим ура-патриотическими порывами, представлял собой прагматичного политика, готового поступиться лаврами овладения Петроградом в пользу Маннергейма, чтобы привлечь дополнительные силы к Белой борьбе (публикация С.С.Балмасова).

Между генералом Юденичем, со стороны Русского Временного Правительства Северо-Западного фронта, и Финляндским правительством, заключены нижеследующие условия, как основа для окончательного договора, который имеет вступить в силу, когда это позволят обстоятельства.

1. Независимость Финляндии признается без всяких оговорок.

2. а) За Карелией и Олопецким краем признается право на полное национальное самоопределение. Когда, каким образом и в каких границах это право будет осуществлено, будет решено Мирной Конференцией или Лигой Наций.

б). Русские подданные финской национальности, проживающие около Петрограда, имеют право сохранять свою религию, язык, суды, управление и школы.

в). Русским паломникам предоставляется свободный доступ в Ладожское озеро и Валаамский монастырь и другие православные центры.

г). На Ладожском озере допускается финское судоходство на равных условиях с русским, с уплатой транзитных пошлин на грузы.

д). Ни Россия, ни Финляндия не будут иметь на Ладожском озере военных судов.

е). Финским подданным будет уплачено вознаграждение за утраченную в России частную собственность на одинаковых основаниях с подданными Союзных Держав. Русские подданные будут пользоваться покровительством Финляндии.

ж). Мирная Конференция или Лига Наций имеет разрешить вопрос о нейтрализации Балтийского моря и Финляндии.

3. а). В отношении Финляндии со стороны будущего Правительства объединенной России будет установлен преференциальный торговый и тарифный режим, существующие же правила сохраняют свою силу до установления такого Правительства.

4. Нижеследующие юридические вопросы, вытекающие из бывшей унии с Россией, подлежат разрешению:

а). Государственные долги и военные издержки Финляндии в предстоящей кампании погашаются за счет российской казны.

б). Все находящиеся в Финляндии порты и строения, принадлежащие прежде России, переходят в собственность Финляндии. Вопрос об остальном русском военном имуществе подлежит обсуждению особой комиссии, которая установит размер вознаграждения, подлежащего уплате.

в). Имущество невоенного характера имеет быть приобретено государством, в котором оно находится при некоторых исключениях.

г). Точный порядок осуществления Императорского Указа 15 февраля 1864 г., касающийся обмена территориями, который давал бы Финляндии доступ к портам Арктического океана, имеет быть установлен Лигой наций или Мирной Конференцией.

Условия военного наступления Финляндии на Петроград.

1. Общее руководство операциями принадлежит Генералу Маннергейму.

2. Для поддержания порядка в Петрограде русские силы получают помощь финской белой гвардии, по управлению всей занятой Русской территорией принадлежит всецело властям России.

3. Русское и Финское Правительства, по принадлежности, ведают транзитом через финляндско-русскую границу, которая имеет быть закрытой.

4. Беженцы из России русской национальности допускаются к переходу границы. При объявлении мобилизации в Финляндии местные русские силы собираются и организуются. При начале операций им предоставляются определенные секторы на фронте и они получают приказания непосредственно от генерала Юденича. К штабу каждой финской части прикомандировываются русские офицеры. Они будут велять реквизициями, расплатой и сортированием пленных.

5. Финляндия заведует железными дорогами к северу от Невы. Пока русские силы, сформированные генералом Юденичем, не смеют финских войск, последние останутся в России.

13. февраля 1919 г. Именной, объявленный военному министру министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского о признании актов прежней российской власти.

Об отделении Сестрорецкого оружейного завода, с ближайшей землей, от Выборгской губернии и присоединении к Санкт-Петербургской; об изменении границы между Российской Империей и Великим Княжеством Финляндским, и о приписке к Сестрорецку русских работников, также принадлежащего Российской казне Райволаского чугунного завода в Кивинеском приходе Выборгской губернии.

По всеподданнейшему докладу дела об устройстве положения Сестрорецкого оружейного завода, по встретившимся обстоятельствам и во внимание того, что мастеровые и прочие жители помянутого завода, находятся в Кивинеском приходе Выборгской губернии, суть российские подданные, и незнакомы ни с языком, ни с законоположениями Финляндии решено Сестрорецкий оружейный завод с ближайшей землей на пространстве около 12 квадратных верст, отделить от Выборгской губернии и присоединить к Санкт-Петербургской, а нынешнюю границу между Российской Империей и Великим Княжеством Финляндским изменить и на будущее время провести от речки Сестры до Финского залива прямой линией вдоль канала, соединяющего эту речку с Финляндским заливом. При этом согласовано, что в вознаграждение за означенную землю в свое время будут присоединены к Финляндии или прибрежная полоса у Ледовитого моря к западу от реки Якобс-Эльф у залива Стальбоа, об отводе которой на пристанища Лопарям уже пред сим был возбужден вопрос. Или же, по надлежащей разверстке и оценке, свободные угодья Санкт-Петербургской губернии, расположенные вдоль границы.

Вместе с сим, установлено об отделении Сестрорецкого оружейного завода от Финляндии и передаче его в распоряжение Российского Правительства. Русских работников также принадлежащего Российской казне Райволаского чугунного завода в Кивинеском приходе, приписать к Сестрорецку с правом проживания в Райволе по паспортам.

НАКАНУНЕ НОВОГО ПОХОДА

После боев июня-июля 1919 года Северо-Западный фронт, казалось, не сможет восстановить силы для нового удара на красный Петроград. Но после начала широкомасштабного наступления Вооруженных Сил Юга России на Москву и отхода армий Восточного фронта за Урал, становилась очевидной необходимость нового «похода на Петроград». Северо-Западная армия должна была, одновременно со вступлением в Москву войск Деникина, занять «колыбель мировой революции» и обеспечить победу Белому движению в гражданской войне. Важно было и предотвратить перспективу заключения мирного договора Советской России с Эстонией, в результате которого армия Юденича лишалась бы тыла, а также, что считалось не менее важным, поддержать у солдат и офицеров веру в успех Белого дела, веру в перспективы борьбы с большевизмом.

Возможность взятия Петрограда, необходимость признания независимости Прибалтийских республик и Финляндии, слабость гражданской власти на освобожденных территориях, твердое намерение «союзников» создать предсказуемую и управляемую политическую силу, привели к созданию Северо-Западного правительства. С момента своего возникновения оно имело, в отличие от других белых правительств несколько особенностей. Во-первых, это было правительство, имевшее ярко выраженный «демократический характер», благодаря участию в его работе меньшевиков и эсеров, представителей земского и городского самоуправления (что отличало его от Русского Политического Сопещения в Гельсингфорсе, более правого по своему составу и по своей близости к военным). Во-вторых, правительство сразу же заявило о наличии собственной политической программы, основанной на декларациях Российского правительства адмирала Колчака. В-третьих – Северо-Западное правительство не скрывало своей зависимости от Антанты, а, напротив, подчеркивало ее как свидетельство международного признания.

Представленные документы показывают особенности «политического курса» Северо-Западного правительства, его отношение к «союзникам», первые декларации, в частности, о готовности созыва Областного Собрания из «демократических деятелей» (пробраза Всероссийского Учредительного Собрания). В письме российского посла в Австрии Н. Шебеко содержатся интересные сведения об отношениях военных к правительству, а также о якобы имевшем место «низложении» генерала Юденича.

(Публикация В. Цветкова.).

В.Л. ГОРН**ДЛЯ ЧЕГО МЫ, СОЦИАЛИСТЫ, ВОШЛИ В СОСТАВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

При образовании русского Северо-Западного правительства ставилась совершенно определенная цель. В прошлом, предшествовавшем этому периоду времени, в управлении занятой полосой России было сделано столько вольных и невольных ошибок, что наступил, наконец, такой момент, когда потребовался радикальный ответ при создавшемся положении. Стало ясно, что освободительная против большевиков война может и должна вестись не только внешне под освободительными же лозунгами, но вся созидательная деятельность правительства и в гражданском и в военном отношениях должна быть безоговорочно пропитана искренними демократическими принципами. Борющейся против большевиков стороне, так сказать, на живом примере необходимо было отменить все выгоды и преимущества насаждения не ложной, а честной демократической гражданственности. Иначе власть со своей политикой заходит в тот тупик, поворот из которого у населения по-прежнему оставался один: под влиянием разочарования и отчаяния оно снова неминуемо бросилось в объятия большевизма.

Кем следует в заинтересованной сфере это было понято, хотя быть может и немножко поздно, но выводы были сделаны. Всем памяты условия, в которых родилось наше правительство, памяты и та поспешность, с которой это было сделано. И вот перед социалистической частью будущего кабинета грозно встало два вопроса: идти ли в это правительство, а если идти, то каковы наши ближайшие задачи и предстоящая работа.

Много возбуждал споров первый вопрос, но еще более возникало прений по второму вопросу. Создание правительства «сверху» на первый взгляд для социалистов делало совершенно неприемлемым вхождение в не-

го; на арене общественной деятельности мы издавна привыкли действовать лишь по избранию и отступление от этого принципа возможно было при обстоятельствах невероятно чрезвычайных. Мы, социалисты, так и разрешили вопрос: мы признали чрезвычайность обстоятельств и до некоторой степени, поскольку оставалось времени и средств, заручились некоторым общественным благоволением. Часть членов кабинета оперлась на одобрение псковской городской думы и местной объединенной группы социалистов, а часть – на мнение видных работников такой демократической организации, как кооперация, и отдельных работников при партии социалистов-революционеров. А чтобы крепче и полнее ощутить необходимое нам дыхание общественности, мы с первых же шагов решили в самое ближайшее время созвать съезд земских, городских, кооперативных и общественных деятелей, на котором предполагалось дать наш первый отчет не только о том, что нами уже сделано, но и о планах и будущих целях в предстоящей нам правительственной деятельности. Предполагалось созвать собрание недели через три, но обстоятельства военного времени значительно расстроили ближайшие намерения, отчего и самая организация съезда несколько подтянулась. Те из товарищей социалистов, которые близко стоят к нам в нашей повседневной работе, хорошо знают все эти обстоятельства и не поставят нам в вину создавшегося промедления. Исчез Ямбург, исчез Псков. Все взбудоражено и перепутано и требовалась усиленная спешная работа, которая отняла массу времени, а самый план съезда, выработанный ранее, нужно перестроить и создать заново.

Примечание С.Л. Горна: Писано в Ревеле в августе 1919 года. Господи, какие мы были наивные! 28.01.1930 г.

К НАСЕЛЕНИЮ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

Призванное к жизни необходимостью решительного и немедленного освобождения русской земли от большевицкого ига с северо-запада на началах государственных и демократических, возникшее в полном согласии с полномочными представителями Держав, объединенное с остальной Россией в лице Верховного Правительства адм. Колчака, Правительство Северо-Западной области России объявляет русским гражданам начала, которые оно полагает в основу своей предстоящей деятельности. Начала сии таковы:

1. Решительная борьба с большевизмом и со всеми попытками восстановить старый режим.

2. Все граждане Государства Российского без различия национальности и вероисповедания равны в правах и обязанностях перед законом.

3. Всем гражданам в освобожденной России обеспечивается неприкосновенность личности и жилища, свобода совести, слова, печати, союзов, собраний и стачек.

4. Всероссийская власть должна быть создана на основе народовластия.

Для сего немедленно по освобождении Родины от тирании большевиков должно быть приступлено к созыву нового Всероссийского Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

5. Если по условиям обстановки созыв Всероссийского Учредительного Собрания не представляется возможным вскоре по освобождении Петрограда, Псковской и Новгородской губерний, то для устройства местной жизни должно быть созвано в Петрограде Областное Народное Собрание, избранное на демократ. основе освобожденным населением.

6. Территориально отдельные народности, входящие в состав единой новой России, свободно выбирают форму правления для себя – автономную или федеративную.

7. Административное управление государством устанавливается на основе децентрализации при ближайшей связи с местным самоуправлением.

8. Земские и Городские самоуправления избираются на общих демократических началах.

9. Земельный вопрос будет решен согласно с волей народа в Учредительном Собрании. Впредь до решения последнего, земля остается за земледельческим населением и сделки купли-продажи на внегородские земли воспрещаются за исключением особо важных случаев и с особого в этих случаях разрешения Правительства.

10. Рабочий вопрос разрешается на началах восьмичасового рабочего дня, государственного контроля над производством и всемерной охраны труда.

Граждане многострадальной России, Правительство приглашает Вас к сплочению вокруг этих начал в борьбе с большевизмом, к труду и к последним жертвам.

«Заря России», Псков, № 19, 21 (8) августа 1919 г.

ПСКОВ, 22 августа.

Итак, - Эстония самостоятельна.

Наша часть перед нею теперь чиста, - мы дали ей все, что она от нас желала.

Не станем в эти светлые для нас минуты напоминать ей, что святая кровь и наших братьев помогла отмежевать ей границы своей государственности, что и рус-

ский белокрестовец был при кровавой купели коммунистического разгула, из которой эстонский воин восприимчив повую, свободную Эстонию.

Мы верим в честную Эстонию: она никогда не забудет своих страдающих друзей.

В Эстонии праздник – она самостоятельна. Она уже может жить спокойно, счастливо и в довольстве...

А Белая Русь?.. Ее все еще клюет страшный, кровавый коршун ослепленного безумия... Она страдает, она мечется, и окровавленная озирается кругом и ищет – своих верных друзей.

«Заря России», Псков, № 20, 22 (9) августа 1919 г.

Внеочередное заседание Псковской Городской Думы 19-го августа

Интересный доклад новых членов Правительства привлек массу публики. Состав гласных был почти весь налицо.

В седьмом часу на собрание явились члены английской миссии во главе с капитаном Смиттисом.

Председательствовал И. И. Лавров.

Вначале В. Л. Горн ознакомил собрание с ходом совещания до приезда Эйшинского. Совещание было созвано в Ревеле на 10 августа по предложению английского представителя в Прибалтийском крае г. Гоффа – ген. Марчем, совещание открыл И. И. Лланозов. На совещании присутствовали: финляндская группа – профессора Кузьмин-Караваев и Карташев, затем Лланозов и ген. Суворов и др. Эти лица в Гельсингфорсе совершили крупную работу по организации антибольшевических сил. Названные лица составляли политическое совещание при ген. Юдениче.

Ген. Марч в своей речи указывал, что наступил критический момент, когда должна быть власть, которая должна действовать, а не терять время в разговорах. В освобожденной от большевиков области необходима власть, которая опиралась бы на демократические слои общества и с которой союзники имели бы дело. Образованье такого Правительства требуется немедленно. Ген. Марч дал срок 40 минут для решения вопроса о Правительстве.

Ввиду предложенного вопроса о независимости Эстонии, собранием были выбраны трое лиц (ген. Суворов, проф. Кузьмин-Караваев и Крузенштерн), которые и должны были вступить в переговоры с Эстонскими правителями о независимости Эстонии. На следующий день было избрано Правительство, которое подписало акт независимости Эстонии. Заявление на имя Эстонского Правительства и союзников было также подписано русским Правительством.

Цель нового правительства – освободить совместно с другими белыми правительствами из-под ига большевиков Россию и принять бразды правления в Петроградской, Новгородской и Псковской губерниях. Признав независимость Эстонии, русское областное Правительство просило Главнокомандующего ген. Юденича начать немедленные переговоры с Эстонским Главнокомандующим о немедленной срочной помощи со стороны Эстонии.

Акт подписали: г.г. Лланозов, Маргулис, Александров, Финдиппео и Горн.

Ген. Суворов и Крузенштерн, за отсутствием в их руках мандатов на сии действия, акта не подписали.

В первое же заседание в собрание явились представители ген. Родзянко и принесли поздравления новому Пр-ву, которому надлежит позаботиться в первую очередь об армии.

Вот обстоятельства, которые имели место до прибытия второго докладчика Эйшинского. Эйшинский огласил список нового Правительства, эти лица следующие:

1. Лианозов С. Г., председатель, в его руках до замещения портфеля министров финансов и иностранных дел. Лианозов – известный общественный деятель;
2. Маргулиес Э. С. прис. пов. в г. Петрограде;
3. Александров К. Л., мин. вн. дел. Кадет. Бывший мировой судья в Петрограде. Последнее время был начальником гражданского управления;
4. Сенатор Иванов, бывш. председатель петр. гор. думы;
5. Ген. Юденич – военный министр и главнокомандующий;
6. Адмирал Пилкин – морской министр;
7. Филиппео М. М. – мин. почт и телеграфа;
8. Иванов И. Н. – без портфеля;
9. Евсеев – председатель управы;
10. Инж. Бутлеров;
11. Горн В. Л. эсдек – государственный контролер;
12. Эрн Ф. А. – мин. народ. просвещ.;
13. Эйшинский Ф. Г. – мин. продовольствия;
14. Богданов П. А. эсер – мин. земледелия.

Два портфеля свободны.

Будет созвано Областное Собрание, которое будет состоять из представителей городских, земских, кооперативных и др. общественных деятелей, который и даст санкцию кабинету. Съезд предполагается созвать недели через 2 или 3 в Юрьеве. Кабинет временно будет заседать в Ревеле, а потом переедет в Псков. Принять такие важные решения псковская группа должна была ввиду критического момента и требуемой поспешности англ. командованием. «Гласным думы», заключил г. Эйшинский, «надлежит утвердить или отречь действия своих делегатов». Наконец, г. Эйшинский прочел проект декларации.

Гласные выразили свое согласие на уход в члены правительства городского головы Эйшинского. Затем выслушали письмо уполномоченного Великобританской Комиссии г. Пири-Гордон к Псковичам, которая приводится ниже.

Псковичи!

Тяжесть настоящего положения стала столь великой, что решено обратиться к демократическим чувствам Русского Народа и выяснить, как ему, так и союзным демократиям Англии, Франции и Соединенных Штатов тот существенный факт, что борющиеся ныне против большевиков русские силы действительно воодушевлены искренней любовью к свободе Русского Народа и стремятся восстановить право на демократическое самоуправление для своих сограждан, находящихся ныне в рабстве у большевиков, этих деспотичных и более самодержавно-жестоких, чем любой из царей-тиранов.

В этих целях, выдающиеся государственные люди всех партий Северо-Западной России объединились для образования свободного и демократического Правительства губерний Псковской, Петроградской и Новгородской.

Правительство этот составлено из представителей всех партий, ибо существенно необходимо, чтобы среди

свободных русских жителей не было внутренних споров и трешей, пока существует большевицкая тирания. Правительство это пользуется советами и материальной помощью союзников России, доставивших ныне сюда запасы продовольствия, оружия, одежды, снаряжения, дабы дать возможность вновь образованному Правительству освободить как можно более земли русской из-под тирании большевиков. Вновь образованное Правительство пользуется поддержкой не одних союзников, оно обеспечило себе также полное содействие и доверие всех выдающихся граждан Северо-Западной России постольку, что сам генерал Юденич не только признал Правительство г-на Лианозова, но и предоставил себя в полное его распоряжение, приняв участие в его трудах и ответственности.

Граждане Пскова! Описав Вам, таким образом, Правительство, образованное ныне с одобрением представителей союзников для Северо-Западной России, я имею удовольствие сообщить Вам, что Ваш согражданин и Городской Голова г. Эйшинский избран в число лиц, призванных руководить судьбами России, дабы восстановить в ней и обеспечить на вечные времена демократические права для всех свободных русских граждан. Я говорю с Вами как друг свободной России и представитель Союзной английской демократии и призываю Вас мужественно предоставить в распоряжение Вашей страдающей страны Вашего Городского Голову, дабы он мог нести тяжелую долю участия в работах нового Правительства, которое предназначено, с Божьей помощью, стать орудием освобождения от тиранов Вашего народа.

Я призываю Вас, Псковичи, не только дать просимое от Вас во имя свободной России, ее Союзников и всей цивилизации согласие, но дать его быстро, дабы Ваш Городской Голова мог занять свое место среди остальных министров на демократическом конгрессе представителей народа, созванном в Юрьеве.

Граждане Пскова! Прежде чем проститься с Вами, я молю Всемогущего Бога, даровавшего западным демократиям победу над германцами, дабы он вдохновил Ваши сердца, преуспел Ваше оружие и даровал русской демократии победу над врагами и освобождение от угнетателей.

Г. Пири – Гордон

Затем интересную речь сказал капитан Смиттис на англ. языке. Переводил подп. Гзаген.

После прочтения председателем собрания письма английского уполномоченного г. Пири-Гордона к псковичам, с речью выступил гласный думы г. **Пошивалов**; последний приветствует акт возрождения общественности. Сперва царская система, а потом партийность мешали этой общественности, лишь временное правительство обращалось за поддержкой общества.

Обращаясь к образованию Правительства сев.-зап. области, оратор указывает на неясность процесса образования его, он задал вопрос, чем объяснить отступление от демократических начал при выборе лиц в Правительство?

«Раньше министры назначались царем, при немцах - унтер-офицерами, при большевиках - властью одной партии без голоса народа, а ныне же по списку английского генерала.» «Мы, - продолжает г. Пошивалов, - прижаты фронтом и тылом. Я надеюсь, что при содействии союзников демократическая фея все же прилетит к нам на демократических крыльях. Мы верим, что члены

Правительства пошли туда не ради личных интересов, а ради идеи. Мы верим в союзников».

Далее оратор задает вопрос, объединено ли наше Правительство с Правительством адм. Колчака, и в чем выразилось оно? «Программа по земельному вопросу не совпадает с программой адм. Колчака. Программа в некоторых пунктах превосходит земельную программу Чернова (ставки гораздо выше)».

Критически относится оратор и к применению у нас ввиду колоссального процента безграмотности крестьян «четырёхвостки» при выборах в Учредительное Собрание. Прекрасная избирательная формула не подходит во всем объеме к русской жизни, как не подходит к суровым, сермяжным панталонам русского крестьянина - изящный английский фрак!

После речи г. Пошивалова председатель поставил вопрос о согласии Думы на отпуск из Думы гор. головы и двух гласных в члены Правительства. Вопрос решен единогласно в положительном смысле.

В.Л. Горн, в ответ предыдущему оратору, указывает, что Правительство имело в виду гарантировать демократичность выборов в Учредительное Собрание. Более точные формулы Пр-во выработает вскоре. Задачи Правительства - действовать в контакте с обществом. В земельном вопросе необходимо успокоить крестьянство. Нужно определенно указать, что возврата к прошлому нет, и не может быть.

Земельный вопрос окончательно решит Учредительное Собрание, ныне же пришлось его временно решить в общих чертах, пока же земля должна находиться в руках фактических землевладельцев. Окончательно закрепить землю может лишь Учредительное Собрание.

Гласный г. **Карташев** указывает, что, ввиду чрезвычайных обстоятельств, пришлось идти на чрезвычайные меры и составить Правительство, которое быть может составлено не совсем на демократических началах. «Нам тяжело расставаться с избранниками в Правительство, но надо с радостным лицом это сделать. Быть может, это поможет возрождению нашей родины». Затем гл. Карташев предложил приветствовать новых членов Правительства и союзников аплодисментами, что охотно исполнили все, встав со своих мест. Председатель дипломатической комиссии капитан Смиттис произнес речь на английском языке, переводил подпор. Гааген. Капитан выразил сожаление, что он не может говорить на русском языке. С большим удовольствием он узнал о согласии собрания с содержанием прочитанного здесь письма уполномоченного Великобританской дипломатической комиссии и о согласии на уход г. Эйшинского и двух гласных думы в члены Правительства. Капитан просит обратить внимание на два вопроса, которые, он знает, задаст ему собрание: 1 - каков взгляд Англии на Россию? и 2 - какую помощь окажет Англия в ближайшие дни?

На первый вопрос ответ прост: как в прошлом, так и в настоящем Англия доказала и доказывает, что она является искренним другом всех демократических стран, и она решила доказать это в будущем.

В ответ на второй вопрос капитан говорит: «Безусловно, есть лица, которые думают, что Англия медлит и не оказывает скорой помощи. Не забывайте, господа, что Англия только кончила ужасную пятилетнюю войну, что она после невероятных страданий дошла до победы. Естественно, что Англия нуждается в отдыхе, тем не менее, правители Англии и правящие классы помнят о

России. И теперь Англия оказывает помощь, прислав в Прибалтику суда с военным снаряжением и пр. Капитан может категорически сказать, что скоро Англия окажет ту помощь, в которой Россия так нуждается. Отдых после пятилетней войны - понятен всем, после того, как Англия отдохнула, она даст ту помощь, которая необходима.» «Англия в душе постоянно заботится о русском народе и, пока не будет налажен русский вопрос, Англия не успокоится», - закончил капитан.

Затем Ф. Г. Эйшинский благодарил собрание за отпуск его и гласных и указал, что, если со стороны общества не будет им доверия, то они уйдут. А теперь постараются все сделать, что в их силах.

Ф. Г. Эйшинский поделился с собранием о продовольственных перспективах, между прочим он указал, что в Ревеле подняты и близки к разрешению вопросы: 1). о понижении стоимости муки до 2 р. 50 коп. царск. за фунт, 2). об увеличении нормы выдачи населению муки (1 ф.) и 3). вопрос о керенках. По первому вопросу получится удовлетворительный ответ, по второму не совсем, так как он зависит от того, будет ли крестьянам выдаваться мука или нет, и третий решен положительно, так как заказаны бумажные деньги, которые будут ходить в Эстонии наравне с эстонскими деньгами и котироваться на иностранной бирже, деньги эти будут гарантированы английским правительством. Жалованье всем будет уплачено.

Вопрос о керенках постепенно разрешится. Долги городу со стороны военного ведомства будут уплачены. Вопрос о дровах будет решен в комиссиях.

Относительно выхода к морю, В. Л. Горн сказал, что пункт 5 договора с Эстонией оговаривает, что независимо от сего договора, вопрос о выходе к морю будет решен особым соглашением.

В конце заседания гласный С. И. Обранд предложил собранию обратиться с просьбой к членам Правительства о том, чтобы они снесли с Эстонским правительством по поводу предполагаемой высылки 4000 иностранных из Ревеля, в числе которых подавляющее большинство - русские, и просили бы не чинить препятствий к проживанию русских до освобождения Петрограда. Собрание просило членов Правительства проверить газетные сведения о высылке и в случае правильности - предпринять соответствующие шаги. На этом заседание закрылось.

«Заря России», Псков, № 19, 21 (8) августа 1919 г., № 20, 22 (9) августа 1919 г.

Шебеко-Сазонову
29 августа 1919 года
Стокгольм

Я прибыл третьего дня в Стокгольм и здесь нашел Вашу телеграмму, в которой Вы предписываете мне строго руководствоваться высказанному Вами в предыдущей телеграмме мнению по поводу образования в Ревеле Правительства Лианозова и признания ими независимости Эстонии. По этому поводу я позволю себе высказать следующие соображения. В настоящее время события идут с такой головокружительной быстротой, и почтовые и телеграфные сообщения до того затруднительны и не совершенны, что издали руководить событиями совершенно невозможно и приходится в большинстве случаев считаться с совершившимися фактами, в особенности, когда имеешь дело с боевым фронтом.

С тех пор, как я выехал из Парижа, положение на нашем Сев.-Зап. фронте изменилось коренным образом два раза: первый раз образованием Правительства Лианозова, второй раз низложением ген. Юденича с должности Главнокомандующего. Оно, вероятно, в ближайшие дни изменится еще много раз, и то, что я Вам пишу в этом письме, когда оно до Вас дойдет, будет иметь, по всей вероятности, только исторический интерес. Даже здесь очень трудно составить себе ясное представление о том, что делается на Сев.-Зап. фронте. Организованной связи между Стокгольмом, Гельсингфорсом и Ревелем не существует, между тем, только из Стокгольма можно отправлять в Париж и Лондон шифрованные телеграммы. Необходимо эту связь установить, чтобы в Гельсингфорсе и Ревеле были наши агенты, которые сообщали бы Миссии в Стокгольме для передачи Вам о том, что там случается.

В настоящую минуту Гельсингфорс и Ревель являются для нас столь важными центрами, что необходимо быть с ними в постоянном сношении; между тем, здесь до сих пор ничего определенно неизвестно о тех событиях, которые произошли на днях на фронте, и о взятии Пскова большевиками здесь узнали из газет. Когда будет возможность сноситься непосредственно с Парижем и Лондоном, то эти агенты будут посылать свои донесения прямо Вам.

Отсутствие таких агентов в таких центрах, какими являлись в течение последнего времени Гельсингфорс и Ревель, сказало, по словам пребывающих там русских и сочувствующих нам иностранцев, самым пагубным образом на ходе событий. При моем приезде был положительно осажден вопросами о том, почему присылка авторитетного лица не состоялась раньше, когда положение не было испорчено, и когда присутствие его могло повлиять на ход событий в благоприятном для нас смысле.

В настоящее время в Финляндии создавалась весьма неблагоприятная для нас атмосфера, выразившаяся отстранением Маннергейма и появлением у кормила правления таких лиц, как Штольберг и Хлюсти (Штольберг - президент Финляндии, социалист, Гольсти - министр иностранных дел Финляндии - прим. сост.), которые свою работу против нас не ограничивают одной Финляндией, но распространяют также и на Эстонию.

На фронте положение также значительно изменилось к худшему, хотя бы сильным обострением отношений между лицами командного состава, окончившимся смещением Главнокомандующего одним из генералов, занявшим его место.

Об образовании Правительства Лианозова здесь теперь получены некоторые подробности. Оно действительно состоялось вследствие ультимативного требования англичан в лице генерала Марша, грозившего в противном случае уходом флота и прекращением снабжения, но выдающуюся, если не первенствующую роль при этом играл Маргулиес (С.М. Маргулиес - министр снабжения Северо-Западного правительства, масон - прим. сост.), который уже в Одессе старался организовать Правительство, объявив французам, что это было необходимо для спасения положения; Министерство это просуществовало одну неделю, и сам Маргулиес, почуввав беду, никому ничего не сказавши, бежал в Константинополь.

Он здесь, по-видимому, то же самое проделал с англичанами, которые также, как и французы, поверили, что спасение в образовании демократического Правительства. Чего ни англичане, ни Маргулиес не рассчитали, это то, что отношения армии и ее командного состава есть весьма важный фактор, особенно там, где государства нет, а есть одна армия. Действительно, отношения армии к демократическому Правительству г-на Маргулиеса оказалось самое враждебное, и членам его было запрещено показываться на фронте.

Одновременно с насильственным формированием этого Правительства, членам его было предписано подписать соглашение с Эстонским Правительством, в силу которого признавалась безусловная независимость Эстонии, с одной стороны, а с другой стороны, эстонцы обязывались всеми своими силами содействовать взятию Петрограда. Правительство Лианозова соглашение подписало, но подписало ли его эстонское Правительство - не ясно.

По последним сведениям, дух эстонской армии значительно понизился вследствие усиленной большевической пропаганды, так что подлежит еще большому сомнению, возможно ли будет двинуть ее вне пределов Эстонии. Вчера получено было здесь печальное известие о взятии Пскова большевиками и одновременно с этим находящееся, вероятно, с ним в связи, известие об острых столкновениях между отдельными членами командного состава армии, последствием чего явилось будто бы смещение ген. Юденича с должности главнокомандующего генералом Родзянко, назначившим самого себя на его место. Последние сведения дошли до Стокгольма в виде слухов и требуют проверки, известие о взятии Пскова, к сожалению, подтвердилось. Я выезжаю послезавтра в Гельсингфорс.

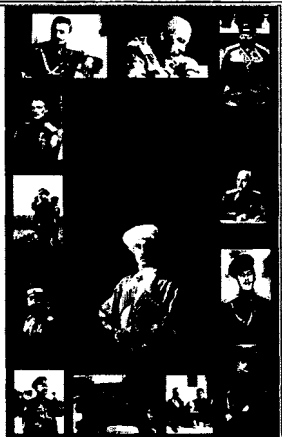
Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-5, № 4.

Н. Рутыч «Биографический справочник»

Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения.

Переплет, 381 с., М. «Издательство Астрель», «Издательство АСТ»: АНО «Редакция альманаха "Российский архив"», 2002.

В книге собран бесценный уникальный материал, проливающий свет на жизнь и судьбу представителей высшего руководства Добровольческих армий Юга России, причем не только на фронтах гражданской войны, но и в эмиграции. Издание снабжено фотографиями, часть из которых публикуется впервые.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48 posevru@online.ru

Представленные далее документы отражают военную сторону подготовки Северо-Западного фронта к наступлению на Петроград. Рассматриваются вопросы организационной структуры Северо-Западной армии, соблюдения воинской дисциплины, а также снабжения армии вооружением и обмундированием. Представленные распоряжения достаточно полно освещают проблему наличия в строевых частях английского обмундирования и вооружения (присланного, в полном соответствии с обещаниями англичан, но, из-за задержек при разгрузке и перевозке через Эстонию, несвоевременно прибывшего на фронт). Документы о наградной системе в армии Юденича подтверждают точку зрения о восстановлении в белых армиях системы награждения Российской Империи (за исключением Юга России).

Впервые публикуемые письма подполковника К.И. Дыдорова Св. Князю А.П. Ливену (раненому в мае 1919 г. во время штурма Риги), воспоминания А. Северина о первых боях Ливенцев на Нарском фронте, показывают взаимоотношения, сложившиеся между командованием Северо-Западной армии с прибывшими на фронт частями Ливенской дивизии и общее настроение в войсках накануне наступления.

(Публикация В. Цветкова.).

П Р И К А З

Северо-Западной Армии
№ 198

24 августа 1919 г.

г. Нарва

1. Об организации Армии.

Для приведения Армии к нормальной организации, приказываю прекратить формирование отдельных отрядов разных наименований, а уже сформированные свести в полки.

В состав 1-ой дивизии:

- 1-ый Георгиевский полк.
- 2-ой Ревельский полк.
- 3-ий Колыванский полк.
- 4-ый Гдовский полк.

В состав 2-ой дивизии:

- 5-ый Островский полк.
- 6-ой Талабский полк.
- 7-ой Уральский полк.
- 8-ой Семеновский полк.

В состав 3-ей дивизии:

- 9-ый Волынский полк.
- 10-ый Красногорский полк.
- 11-ый Вятский полк.
- 12-ый временно не формируется.

В состав 5-ой дивизии:

- 13-ый сформировать из отряда Св. Кн. Ливена.
- 14-ый присвоить наименование по усмотрению Св. Кн. Ливена.
- 15-ый присвоить наименование по усмотрению Св. Кн. Ливена.
- 16-ый Чудской полк.

2. При каждой дивизии сформировать один легкий артиллерийский дивизион, присвоив ему № своей дивизии.

3. В состав 1-го Корпуса включить: 2-ую и 3-ью дивизии.

4. При каждом корпусе сформировать один гаубичный артиллерийский дивизион; и тяжелую артиллерию при Армии.

5. Конно-Егерский и Конный полк Булак-Балаховича подчиняется непосредственно мне.

6. Темницкому батальону находиться в подчинении начальника 3-ей дивизии.

Командующий Армией,
Генерал майор Родзянко

И.д. Дежурного Генерала,
Полковник Барон Вольф

П Р И К А З

Северо-Западной Армии
№ 209

2 сентября 1919 г.

г. Нарва

Доблестные войска Северо-Западной Армии

Четыре месяца назад вы – малые числом, плохо одетые и босые, но сильные верою в правоту своего дела – перешли в наступление и рядом героических подвигов освободили от ига угнетателей значительную часть Русской земли с городами Псковом, Гдовом и Ямбургом. С нашим движением вперед на нашу сторону начали переходить целые полки, сдался гарнизон Красной Горки, выразил готовность выкинуть белые флаги Кронштадт. Близким казалось уже освобождение и Петрограда.

Но угроза столице, являющейся главным очагом большевицкой заразы, заставила грабителей-комиссаров напрячь последние усилия. Стянув все резервы, сняв с других фронтов новые полки, забрав с кораблей матросов, а из военных школ курсантов, они двинули против нас весьма значительные силы, и нам пришлось перейти к обороне. Но ваш отход оказался таким же славным, как и наше наступление. Медленно, шаг за шагом, вершок за вершком, отдавали вы освобожденную вами территорию, и ваша стойкость и ваше мужество привлекли к Северо-Западной Армии внимание всех народов, желающих скорейшего воссоздания России и введения в ней законности и порядка. К нам командированы были иностранные военные миссии, по докладу которых Америка начала посылать нам хлеб, Англия сапоги, пушки, ружья, боевые припасы, аэропланы и танки. Мы обеспечены уже деньгами. Скоро придут одежда, обувь, белье и другие запасы. Недавно образовавшееся Правительство Северо-Западной России энергично работает над обеспечением нас всем необходимым, а с началом нашего движения вперед немедленно примет в свои руки гражданское управление освобожденными Армией местностями.

Таким образом, несмотря на утрату нами части уже освобожденной территории и оставление Ямбурга и Пскова, наше положение сейчас несравненно лучше, чем оно было весною при начале наступления. Наши силы возросли во много раз, мы отлично вооружены и благодаря союзникам, имеем обильные запасы хлеба для нас самих и для жителей Петрограда, Гатчины, Царского и друг. городов, сел и деревень, которых мы должны будем питать в свое время. Искусным маневром мы не только вышли из-под удара, но завлекли противника в лесные и болотистые места, где он, очутившись вдали от железной дороги, не может больше пользоваться составляющими главную его силу броневыми поездами и автомобилями, где ему трудно будет та-

щить за собою артиллерию, боевые припасы и продовольствие и где благодаря этому мы с каждым днем получаем перевес в силах.

От лица пострадавшей и жаждущей скорейшего умиротворения Родины горячо благодарю вас за вашу несравненную храбрость, верю в вашу выносливость и непоколебимое мужество и ни одной минуты не сомневаюсь в том, что уже недалек тот день, когда мы снова двинемся на Петроград с таким же успехом, с каким сейчас двигается на Москву могущественная армия великого патриота Генерала Деникина.

Да сгинет комиссарская тирания, да здравствует Русский народ и да поможет ему Господь Бог в скором времени свободно выразить свою волю на Всероссийском Учредительном Собрании.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Командующий Армией,
Генерал-Лейтенант Родзянко.
И.д. Дежурного Генерала
Полковник Барон Вольф

Телефонограмма № 373

7 августа 1919 г.

Командиру 1-го Стрелкового Корпуса
Из Штаба Северо-Западной Армии.

Сообщаю для оповещения всех чинов на фронте, что на иностранных пароходах прибыло для Северо-Западной Армии следующее имущество:

16 гаубиц, 16 скорострельных орудий и к ним все принадлежности для 2-х дивизионов, как-то зарядные ящики и так далее к ним 6 000 снарядов, 10 тысяч винтовок английских и к ним 8 миллионов патронов, 4 аэроплана, Русских трехдюймовых шрапнелей и 3-х миллионов патронов. Точно установится лишь по окончании разгрузки вагонов. Десять тысяч сапог, 200 револьверов, 10 тысяч фляг, 10 тысяч газовых масок и 10 тысяч траншейных кирок. Это пароход («Жуназден»), который вышел из Бреста.

Следующие 2 парохода, вышедшие прямо из Лондона, должны прибыть по расчету движения 1-го, 3-го и 4-го августа. 1-й состав уже отправлен в Нарву, причем Англичане хотят первым составом выслать русские снаряды и патроны и всего другого, сколько можно нагрузить, так как они считают необходимым, чтобы 1-м поездом в Нарву прибыли все виды присланного имущества, а не только что-нибудь одно. 3 эшелона уже прибыли в Нарву, выгружены и по мере приведения в порядок и подбора будут отправляться на фронт.

На пароходе «Дания», который должен прибыть в Ревель 5-го августа находится следующий груз: 3 аэроплана, 33 ящика боевых припасов, 700 ящиков бомб, 16 401 гранат 1 667 ящиков ручных гранат, 19 ящиков зажигательных к ним трубок, 4 танка, 578 ящиков принадлежностей к ним, 1 050 ящиков одежды, 32 офицера, 26 солдат для танков, 1 доктор и 1 заведующий медицинским грузом. Этот груз на днях также будет переправлен в Нарву и в Псков, частью водным путем, частью по железной дороге. Кроме того, в Ревеле на рейд прибыл Английский пароход с 5 миллионами 400 тысяч папирос, 21 тысяча фунтов табаку и 5 тысяч фунтов чаю, а также по прибытии будут немедленно распределены на фронте Нарвы.

П Р И К А З

Северо-Западной Армии

№ 220

19 сентября 1919 г.

г. Нарва

Общее количество присланного пока обмундирования для солдат 20.000 комплектов; в комплект входят: шинель, френч, шаровары, ботинки, обмотки и снаряжение в половинном количестве.

По техническим условиям разгрузки английского парохода в Ревеле, обмундирование в Нарву будет прибывать партиями, из которых полные комплекты периодически будут подаваться на фронт.

Этого количества комплектов не хватит для выдачи всем солдатам Армии.

Приказываю новое обмундирование и обувь выдавать только строевым солдатам, находящимся на фронте. От строевых солдат, которым будет выдано новое обмундирование и обувь, отбирать все старое обмундирование и обувь, которые выдавать нестроевым солдатам и всем штабам, управлениям и учреждениям, а затем остальное присылать через соответствующих дивизионных и корпусных интендантов в склад Интенданта Армии при письменных сведениях с показанием числа предметов по наименованиям их. Эти присланные старые вещи поступят в дезинфекцию и починку и будут выданы солдатам тыла.

Офицерское обмундирование будет выслано дополнительно.

Ответственность и отчет по выдаче нового обмундирования и обуви и передаче старого необходимого нестроевым солдатам всех частей, а также пересылка оставшегося старого Интенданту Армии возлагаю на Начальников Хозяйственных частей и приказываю всем строевым начальникам до Командиров корпусов проследить за точным выполнением моего приказа.

Командирам Корпусов, Начальникам дивизий и командирам отдельных частей войск немедленно по получении комплектов обмундирования и обуви телеграфировать Начальнику Этапно-Хозяйственного Отдела (НЭХО) о количестве полученного.

В частях, получивших новое обмундирование, белье и обувь, немедленно завести арматурные списки на каждого человека, причем на каждой новой вещи написать звание, имя, фамилию и личный номер владельца ее, название части и команды и номер роты, эскадрона, сотни и батареи.

Продажа, как нового, так и старого обмундирования, белья и обуви будет караться по всей строгости законов военного времени, причем покупатели понесут то же наказание, что и продающие.

На левом рукаве шинели и мундира нашить белые кресты со штемпелем части.

Командующий Армией
Генерал-Лейтенант Родзянко

Телефонограмма

Начдив 2,3 и Ливенской.

Прибывшее в Ревель обмундирование в количестве 20 тысяч комплектов для солдат периодически высылается в Нарву, откуда по приемке и проверке немедленно будет передаваться приемщикам от Корпусов.

Командарм приказал: 1). получаемые комплекты обмундирования выдавать только строевым солдатам,

2). старое обмундирование от них отбирать и выдавать нестроевым солдатам, занятым Штабами со всеми их командами, учреждениями и управлениями, а что остается высылать Интенданту Армии для починки и выдачи тыловым частям, управлениям и учреждениям, 3). завести немедленно арматурные списки на каждого солдата, на выдаваемой вещи написать Звание, имя и фамилию и личный номер владельца ея, названия части, номер роты, эскадрона, сотни, батареи, 4). продажа как нового так и старого обмундирования, белья, снаряжения и обуви будет караться по всей строгости Закона военного времени.

Офицерское обмундирование будет выдаваться отдельно по получении от Англичан, которые взяли его на особый учет. Комплект состоит из шинели, френча, шаровар, подтяжек, ботинок, обмоток и кокарды. Белье, также и теплое белье будет высылаться по мере получения.

Прибывший пароход будет разгружаться в течении месяца по причинам не зависящим от Армии, почему присылка обмундирования в войска не может быть исполнена спешно. Кроме того, эстонская таможня чинит всякие препятствия пропуску продовольствия и всякого имущества за проволочные заграждения у Нарвы.

18/IX-19 года № 1232/а.

Вр. и.д. Наштакора I

Штабс-капитан Неводовский

С подлинным верно

Старший Адьютант Инспекторского Отделения

Подпоручик Бримман

П Р И К А З

Северо-Западной Армии

№ 224

22 сентября 1919 г.

г. Нарва

1. О расформировании части.

Запасную бригаду расформировать, весь личный состав чинов и имущество передать в распоряжение Командира 2-ого Корпуса для пополнения частей этого Корпуса. По ликвидации всю секретную переписку, канцелярию и остаток денежных сумм передать в Управление Дежурного Генерала. О распределении резерва офицеров и чиновников запасной бригады последует особое распоряжение.

2. О сформировании части.

При каждом Корпусе сформировать запасный полк по штату запасного полка, какой был установлен в Запасной бригаде.

3. О передаче Авиационного отряда.

Авиационный отряд Св. Кн. Ливена передать в распоряжение Начальника Авиационного Отдела Армии с 1-го сего августа.

4. О представлении сведений о не зачисленных чинах Армии.

Из поступающей в Штаб Армии переписки усматривается, что большой процент офицеров, врачей и чиновников не зачислены в списки Армии. Ввиду этого приказываю всем строевым частям, управлениям и учреждениям к 10 октября с.г. представить непосредственно в Управление Дежурного Генерала списки всех не зачисленных офицеров, врачей и чиновников, с указанием, когда и откуда прибыли и с какого срока должны быть зачислены.

5. О назначении Комиссии.

В виду наступления отопительного периода, для вы-

яснения количества топков в помещениях, занимаемых Частями, управлениями, учреждениями и Заведениями Армии, на предмет выдачи дров, Начальникам Гарнизонов городов Нарвы и Гдова образовать Комиссии, которым и приступить немедленно к выяснению этого вопроса и о результатах донести Начальнику Этапно-Хозяйственного Отдела.

6. Замечено мною, что некоторые начальники частей, управлений и заведений армии принимают на службу лиц, следующих из Финляндии, без предварительной регистрации Дежурным Генералом Штаба Армии. Такой беспорядок затрудняет вести правильный учет чинов Армии и распределение их по частям.

В устранение сего приказываю ни под каким видом и предлогом не принимать следующих из Финляндии и вообще откуда бы то ни было прибывающих на пополнение Армии лиц без предписания или сопроводительных документов, выданных Дежурным Генералом Штаба Армии, так как только эти документы должны служить основанием для зачисления чинов на довольствие.

7. На всех взятых в плен красноармейцев, а также и добровольно перешедших к нам красноармейских частей и оставляемых в частях, немедленно представлять именные списки с указанием в них звания, имени, фамилии и рода оружия, перешедших и взятых в плен.

Командующий Армией,

Генерал-Лейтенант Родзянко

П Р И К А З

Северо-Западной Армии

№ 232

26 сентября 1919 г.

г. Нарва

Все белые войска, сражающиеся против большевиков, должны неукоснительно иметь в виду, что, конечно, целью их стремлений является насаждение в стране порядка и законности. Поставив целью своей деятельности такие задачи, белые войска должны проводить их в жизнь, а самым лучшим способом такого проведения в жизнь столь святы задач, как водворение порядка и законности, может быть ни что иное, как собственный пример. Между тем, до меня доходят сведения, что некоторые воинские части, в отступление от задач, поставленных Белой Армией, допускают производство самых произвольных и насильственных действий. Так, они позволяют себя без суда и следствия расстреливать и вешать лиц, которые обвиняются, - может быть, и без достаточных оснований, - в большевизме и коммунизме. Они самовольно отбирают принадлежащее этим людям имущество, а их семьи высылают в пределы расположения красных войск. Такие действия в Армии, ведущей борьбу за утверждение порядка и законности, недопустимы, так как каждый, живущий в пределах Армии, хотя бы он был самый тягчайший преступник, пользуется защитой закона и без надлежащего суда не может быть лишен жизни и имущества. Поэтому приказываю всем начальникам иметь неослабный надзор за недопущением самовольных расправ и распоряжений с чужим имуществом, для чего руководствоваться нижеследующим:

1) В пределах расположения С.-З. Армии никто не может быть лишен жизни и имущества без постановления надлежащего суда.

2) Все лица, задержанные по обвинению в каких-либо преступлениях или в тайной разведке и других деяниях, могущих принести пользу неприятелю в случае,

если описанные деяния совершены в виду неприятеля, немедленно по обследовании их деяний – в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях, - лицом, назначенным подлежащим военным начальством, в отношении лиц, обвиняемых в преступлении, в тайной разведке или других деяниях, способствующих успеху неприятеля, - ближайшим органом местной контрразведки, могут быть преданы военно-полковому суду, приговор коего приводится в исполнение, немедленно по утверждении такового подлежащим военным начальством.

3) Деньги и прочее имущество, найденное при обвиняемом, должно быть тщательно охранено и, в случае предания обвиняемого военно-полевому суду, последний должен постановить, как следует поступить с этим имуществом и деньгами. Если же преданный военно-полевому суду обвиняется в тайной разведке в пользу неприятелю или же в каких-либо других деяниях, могущих способствовать неприятельскому успеху, то военно-полевой суд должен войти в обсуждение вопроса не только о том, как поступить с отобранным у преданного суду имуществом, но и всяким другим имуществом, принадлежащим преданному суду.

Примечание. В случае, если в числе имущества, отобранного у задержанного, окажется оружие, взрывчатые или ядовитые вещества, то оружие и взрывчатые вещества передаются в ближайшую воинскую часть или уничтожаются, если хранение их представляется или неудобным, или не безопасным; ядовитые же вещества отправляются в ближайшую воинскую аптеку или лазарет или также уничтожаются.

4) Никакая высылка лиц, принадлежащих к составу семьи осужденного, не изблеченных в прикосновенности к вине осужденного, не может быть допущена.

5) Воинские чины, виновные в нарушении сего приказа, подлежат за такое преступное деяние преданию военно-полевому суду.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах и батареях.

Командующий Армией,
Генерал-Лейтенант Родзянко.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 4-1, Папка 4-5.

Командир 1-го
Стрелкового корпуса
Сев.-Зап. Армии
6 сентября 1919 г.
Рапорт

Из разговоров с начальником и командным составом Ливенской дивизии выяснилось, что среди означенного командного состава распространились слухи о переименовании или реформировании означенной дивизии и принадлежащих к ней частей (артиллерии) и также о назначении нового начальника дивизии. Ввиду того, что такого рода слухи крайне вредно отзываются на настроении состава дивизии и на основании моего личного убеждения, что такого рода слухи не имеют никакой почвы – ходатайствую о привлечении к ответственности виновных в распространении вышеозначенных ложных слухов.

С моей стороны считаю своим долгом заявить, что Ливенская дивизия, представляющая собою часть, состоящую преимущественно из офицеров, при получе-

нии соответствующего пополнения представит собой в будущем для Северо-Западной армии весьма крупную сильную единицу и потому следует во всех отношениях поощрять сплоченность этой дивизии.

Лица, распространяющие такие ложные слухи, могут быть указаны офицерами Ливенской дивизии.

Подписал: Командующий корпусом Генерал-Майор граф Пален,

скрепил И.д. Начальника штаба Ротмистр Видякин.

Верно: начальник инспекторского отделения штабс-ротмистр барон Руммель.

Д. Ложгалово. 7 сентября 1919 г.

Дыдоров-Ливену

Нарва, 25 июля, № 40, 9 ч. 20 м. утра.

...Сегодня попытаюсь Вам сделать более подробный и более существенный доклад.

Вчера прибыл сюда отряд Туляков (отряды полк. М.А. Стрекопытова, мобилизованные красноармейцы, восставшие против советской власти, из которых позднее был сформирован 11-й Вятский полк – прим. сост.). Хотел взять оттуда себе пополнение, но пока мне не дали. Приехал нарочно сюда в Нарву и здесь сперва все выясню, а потом напишу Вам доклад. Ваше приказание и распоряжение я получил и на все попутно отвечу. Здесь все расчеты были сильно спутаны прибытием вместе наших частей – Туляков.

Сам я тоже сильно разбросался, так как прибывшие части стоят теперь так: к северу от железной дороги, в деревне Килли (около Кикерицы), стоит восьмая и девятая роты (около 100 человек) и пулеметная рота; к югу от железной дороги, в районе деревень Устье, Извоз, Ганьково – первая, третья и седьмая роты; 2-ой роты пока нет, так, офицеров-артиллеристов отдал временно в распоряжение Инспектора Артиллерии I корпуса (генерал-майор граф Пален - командир I корпуса, очень симпатичный человек).

Артиллерия стоит в Ямбурге, не имея снарядов – всего 153, а обоз на станции Сало. Вот как сильно мы разбросаны.

Наши лихо действуют, но все время несут потери, и довольно большие – опять вышло 7 человек (подполковник Шулькевич убит).

Собрать нас в одно место обещают только после того, как прибудет сюда весь отряд. Вас тут буду ждать с нетерпением.

В сравнении с прежними моими докладами, теперь произошли сильные изменения. Снаряжение, вооружение и продовольствие до сих пор не прибыло, и его почти нет. Аэропланов и броневиков в Северной армии совершенно нет, а потому наших нетерпеливо ждут, чтобы забрать их к себе и образовать армейскую ячейку авточасти. Есть у них уже какие-то штабы для этого.

При первом наступлении на Петроград Северная армия была довольно незначительна, и большевики удирали, потому что для них активные действия армии неприятны.

Местные жители относятся очень хорошо к белым и даже просили устроить мобилизацию, чтобы по уходе наших их семьи не пострадали бы от красных за то, что те пошли в белую армию добровольно.

Здесь в штабе много прибалтийских немцев, почему англичане, кажется, не совсем довольны штабом. Германцы здесь были бы очень полезны, но трудно их про-

везти сюда, помимо англичан, хотя в Балтийском полку они есть.

Мы скоро останемся без германских патронов и снарядов, потому необходимы хорошие работники, которые доставили бы нам все, что нужно из Германии.

Относительно пополнения, намербованного нами, мало надежды на то, чтобы мы его получили. Все предполагается пропустить сначала через запасные части.

Таким образом, наша дивизия вряд ли скоро развернется. Обучения армии здесь нет, так как нет возможности вывести хотя бы временно что-нибудь в резерв.

Наша база определенно так и не выяснена, и я, кажется, ничего не добьюсь. Платят здесь керенками и думскими, а потому почти все сидят без денег. Предполагается выпуск своих денег. Семьям тут жить тяжело. Союзники пока что все только обещают, но ничего еще не прибыло. Как только армия будет удовлетворена всем необходимым, она представит из себя силу, а пока это не армия, так как она представлена сама себе в смысле жизни. Естественно, что мы, прибывшие сюда, почти всем удовлетворенные, возбуждаем боязнь союзников нашей германской ориентацией.

Жалование здесь не получено некоторыми за 2-3 месяца, к чему наши совершенно не привыкли, а приучать их к грабежу и мародерству, по-моему, опасно.

Еще раз подчеркиваю крайнюю нужду в табаке и во всем прочем, о чем я Вам писал.

Отступления пока что больше не было, но зато нас все время во всю утилизируют. Пулеметная рота с корабля прямо попала на фронт. Скорейшее прибытие наших желательно, но я боюсь, что многие могут порвать условия, так как мы их сами не выполняем.

Подойдите на союзников, иначе вся наша предыдущая работа разлетится, и мне, как Вашему помощнику, будет так же тяжело, как и Вам.

Не смею критиковать действий высшего командования, но мое личное мнение таково, что здесь многое оставляет желать лучшего, и что здесь имеют место случаи, когда на теплые местечки устраиваются негодные элементы.

В общем, здесь много тех ошибок, против которых нам там удавалось бороться, а здесь это не делается. За все здесь написанное я отвечаю, а потому все это Вы можете перевести англичанам. Я не считаю себя интриганом, но искренне хочу принести пользу Родине по мере своих сил.

Туличане из моего подчинения выведены, а потому Ваши распоряжений я выполнить не могу. Все передал генералу Родзянко и генералу Крузенштерну, но что из этого выйдет – не знаю.

Генерал Родзянко уже пообещал им полковую организацию.

Дыдоров-Ливену

2 августа. 11 час. утра. Ст. Веймарн. № 212.

...Здесь у нас ходят слухи, что в штакоре есть до 300.000 рублей денег, кажется, которыми предполагается удовлетворять содержанием всех чинов корпуса. Будет ли это справедливо, если слух действительно верен. Мы тут поневоле грабим население, так как нет денег не только на жалование, но даже для покупки фуража и всего насущного, а там будут иметь все.

Не откажите обратить Ваше внимание на мое Вам донесение.

Дыдоров-Ливену

11 августа. Сукновщина. № 19.

Ваше Сиятельство, извиняюсь за ту массу беспокойства, которую я Вам причинял и причиняю, но здоровое размышление и спокойное обсуждение о положении здесь общего нам дела, заставляют меня настаивать перед Вами о необходимости принять предложение, сделанное мною Вам, оставить за себя здесь полковника Соболевского; полковник Бобошко примет 3-й полк, полковник Лебедев – 1-й полк, а меня назначьте и.д. начальника штаба дивизии, на каком-либо посту я постараюсь быть одинаково полезным общему делу.

Общая обстановка в 3-ей армии и та тяжелая ответственность, которая лежит на мне, как Вашем заместителе и помощнике в дивизии, меня не страшит, так как Ваше мне доверие меня поддерживало и поддерживает, но мое ложное здесь положение из-за погон, мне ясно, и я не хочу подражать Крыленко, раз не вижу, что упорство может принести пользу. Здесь в армии очень считаются с чинами, и эту установившуюся традицию мы не вправе ломать. Старшие, более опытные в военном деле офицеры здесь могут принести большую пользу делу, конечно, если они искренне мечтают об общем деле, а не о частном.

Мне кажется, да и те, кому я доверяю, с этим согласны, что большую пользу Вашей дивизии я принесу не как Ваш представитель, а как Ваш помощник в штабе. Надо принять во внимание, что здесь в армии старшие в чине будут шокированы, входя в мое подчинение, в особенности те, кто не пошел на это добровольно, а кто приходится дивизии с какой-либо чужой нам частью (например, Балтийский полк, входящий в настоящий момент с полковником Вейс).

Даже генерал Верховский (командир запасного батальона 5-й (Ливенской) дивизии - прим. сост.) начал жаловаться, что его чин у нас в дивизии не признается, а ведь соглашался быть у нас, хотя бы взводным офицером. Все это и многие другие мелочи, которые сейчас не приходят мне в голову, заставляют меня просить Вас уважить мою просьбу и разрешить отдать соответственный приказ. На это я жду спешный Ваш ответ.

Дело генерала Верховского принимает очень грязный оборот.

Полковник Пинкержевский, производящий дознание, просил уже нельзя ли дело прекратить, так как обнаруживается замешанность ген. Верховского и его супруги в деле продажи продуктов и т.д.

Дело полк. Ян.-Канепа задерживается из-за боевых передвижений, но, чтобы Вы имели какое-то представление о деле, я посылаю Вам копии данных показаний офицеров.

Укажите, что надо выяснить еще, и тогда показания будут дополнены.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-5, № 9.

НАГРАДЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ**ПРИКАЗ**

Главнокомандующего Войсками Северо-Западного Фронта и Военного Министра
№ 55

12 сентября 1919 г.

г. Нарва

Награждение за боевые отличия распространить и на солдат армии, награждая солдат Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями, согласно Георгиевского Статута.

Награждение Георгиевскими крестами и медалями производить властью Командующего Армией.

В виду невозможности найти в продаже достаточно числа крестов и медалей, награжденным надлежит выдавать Георгиевские ленточки, которые носить в виде полосок по английскому образцу: шириною в 1/2 дюйма для крестов и 1/4 дюйма для медалей; ленточки, обозначающие кресты, носить над ленточками, обозначающими собою медали.

В дальнейшем, по установлению в России твердой власти и Государственного порядка, всем награжденным будут выданы кресты и медали и присвоены права, соответствующие наградам.

Главнокомандующий

Генерал от Инфантерии Юденич...

О денежных выдачах награжденным Георгиевскими крестами и медалями. Каждому удостоенному Георгиевским Крестом назначается со дня совершения подвига ежегодная денежная выдача в следующем размере: по 4-ой степени – 36 руб., по 3-ей степени – 60 руб., по 2-ой степени – 96 руб. и по 1-ой степени – 120 руб. Каждому удостоенному Георгиевской медалью производится со дня совершения отличия ежегодная денежная выдача в следующих размерах: по 4-ой степени – 12 руб., по 3-ей степени – 18 руб., по 2-ой степени – 24 руб. и по 1-ой степени – 36 руб. (Вдовы награжденных Георгиевским Крестом или медалью, по смерти мужа, пользуются причитающейся ему по Кресту или медали денежной выдачей еще один год). Означенные денежные выдачи производятся солдатам действительной службы в виде прибавочного жалования из сметных сумм подлежащих ведомств, а по увольнении их от действительной службы, а равно всем прочим пожалованным в качестве пенсий из государственного казначейства. Прибавка жалования или пенсия по Георгиевскому Кресту и медали производится независимо от каких-либо денежных выдач и на-

град, причем продолжается производством и в случае награждения лица, имеющего Георгиевский Крест, Орденом Св. Георгия. При пожаловании высшей степени Георгиевского Креста прибавка жалования или пенсия по низшей степени прекращается. Статут (ст.ст. 89-91 включит. и 184-186 включит.). Все требования о выдаче прибавки жалования или пенсии по Георгиевскому Кресту и Георгиевской медали за прошедшее время удовлетворяются, несмотря на пропуск срока, установленного для таких требований. Вдова награжденного Георгиевскими Крестами или Георгиевской медалью, по смерти мужа пользуется причитающейся ему по Кресту или медали денежной выдачей еще один год.

Командующий Армией,

Генерал-Лейтенант Родзянко

ПРИКАЗ

Северо-Западной Армии
№ 239

28 сентября 1919 г.

г. Нарва

1. Награждаются:

Георгиевскими крестами 3-й степени

Батареи Балтийского полка:

Мл. фейерверкер **Гакеншмидт Эгон**

За то, что в бою 20 мая с.г. под дер. Ямок добровольно вызвались из батареи пойти в атаку на дер. Ямок, в результате чего противник силою около 200 человек с 4 пулеметами был выбит из дер. Ямок, причем было взято 16 человек пленных и 1 пулемет.

Ст. 67, п. 16 Георг. Стат.

Канонир **Бакшанов Павел**

Георгиевскими крестами 4-й степени

Батареи Балтийского полка:

Мл. фейерверкер **Нейман Эрик**

За то, что в бою 20 мая с.г. под дер. Ямок добровольно вызвались из батареи пойти в атаку на дер. Ямок, в результате чего противник силою около 200 человек с 4 пулеметами был выбит из дер. Ямок, причем было взято 16 человек пленных и 1 пулемет.

Ст. 67, п. 16 Георг. Стат.

Бомбардир **Вейс Курт**, Бомбардир **Ренненкампф Юрий**, Бомбардир **Берг Эдгард**, Бомбардир **Захаров Борис**, Бомбардир **Розенталь Феликс**, Канонир **Мартисен Эрих**, Канонир **Заутин Петр**, Канонир **Вейкер Бруно**, Канонир **Кульберг Гельмут**

Командующий Армией,

Генерал-лейтенант Родзянко

В. Штрик-Штрикфельд «Против Сталина и Гитлера»

Мягк. пер., карм. формат, 444 стр., М, 1993.

Перевод с немецкого.

Автор — рижанин, русский офицер I мировой войны. Во вторую мировую — капитан, переводчик Вермахта, прикомандированный к генералу Власову после пленения. Подробный рассказ о борьбе за создание Русской Освободительной Армии (РОА) в 1942-1945 г.

УДАР «БЕЛОГО МЕЧА»

Следующие документы – своеобразная кульминация альманаха. Это материалы, отражающие события осеннего наступления на Петроград. Операция «Белый меч», разработанная штабом ген. Юденича сводилась к удару на «красный Питер» по кратчайшему направлению Ямбург - Гатчина - Пулковое - Петроград, для чего использовался удерживаемый у Ямбура и Нарвы плацдарм (оставшийся после окончания майского наступления) и предварительный, демонстрационный удар 4-й дивизии ген. Долгорукова на Лугу. Успех операции напрямую зависел от скорости, быстроты темпа наступления, стремительности удара. Любая задержка, любое несвоевременное выполнение распоряжения, любая ошибка, пусть и незначительная, на первый взгляд, могли привести, и фактически привели к катастрофе всего Северо-Западного фронта. Авторы представленных документов детально описывают события военных действий в сентябре-ноябре 1919 г., обращая внимание и на несвоевременное снабжение и на ошибки командования и на непрекращающееся напряжение боев с многократно превосходящим противником. Интересны документы, отражающие проекты организации власти в «освобожденном от большевицкой власти Петрограде», донесения, отчеты, показывающие настроения населения в занимаемых Северо-Западной армией городах, уездах и селах. Читатели могут познакомиться с уникальными свидетельствами той эпохи - воспоминаниями генерала Ярославцева, начальника 2-й дивизии, наносившей главный удар на Петроград, офицерскими полевыми дневниками, перепиской послов, записками и отчетами министров Северо-Западного правительства, статьями известных писателей и журналистов, написанных, как говорится, «на злобу дня». Всех их объединяло в те дни одно - страстное ожидание и почти полная уверенность в скором «освобождении Северной Пальмиры». Увы, этим надеждам не суждено было сбыться...

(Публикация В. Цветкова.)

Г. Кирдецов ВПЕРЕД!

Началось то, чего мы все терпеливо, молча ждали.

Наступление!

Северо-Западная армия сдвинулась с места, к которому долгие месяцы ее приковывала злая судьба, и пошла.

Вперед – туда, куда зовет ее долг, священный, незбылемый, долг гражданина, кующего себе свободу. Она обута, одета, снаряжена. Стальные машины ей предшествуют, прокладывая ей путь, ломя, круша преграды, ввергая в ужас врага, вот уже два года захлебывающегося в крови... Чьей?

Нашей же русской, народной.

И потому одним только чувством должны преисполниться сегодня наши сердца – пламенным стремлением к победе, к полному сокрушению врага. И пусть этот священный огонь передастся сегодня вам, граждане-солдаты, творцы новой России!

Помните: не на приступ неприятельской столицы идете вы, сомкнув свои ряды. Не для покорения неведомого народа, ради неведомых целей, без веры и сознания, взяли вы за оружие... Нет! Вас Родина зовет, поруганная, окровавленная, истерзанная, бьющаяся в предсмертных муках, почти уже безгласная. Вас манит вопль ваших жен и детей, отцов и матерей, над которыми красный дьявол вот уже два года творит жестокую расправу, кривляясь и паясничая, стоны заглушая диким, пьяным своим хохотом.

Еще помните:

Он коварен и хитер, нагл и лжив. Он звал нас к миру и свободе. Обе-

щал землю и волю. Возвещал нам «мир хижинам, войну дворцам». На его знамени было начертано: «царство божье на земле». Вместо этого он залил всю Россию потоками крови. Отнял волю у крестьян, а рабочих расстрелял, частью обрек на крепостничество или загнал в тюрьмы и казематы на съедение червям.

Не дал он и мира, долгожданного мира, к которому все мы стремились после четырех лет войны с немцами и турками. Уже все народы отдыхают, залечивают свои раны, новым творческим духом преисполнены. А он, красный дьявол, ненасытный, кровожадный, еще заставляет русский народ калечить себя, умирать на 14-ти обширных фронтах.

И ради чего? В угоду кому?

Конечно, только для того, чтобы кучка злодеев, прикидывающихся апостолами новой веры, десятков самодержцев-комиссаров, могли продлить свое существование до тех пор, пока на Руси уже не слышно будет ропота и стога – ибо все вымрут к тому времени от голода и болезней, надругательств и истязаний. Но вы, граждане-солдаты повой, вольной, свободной России, не допустите никогда, чтобы замысел сей стал делом. Выбейте из рук убийцы нож, который он занес над сердцем нашим!

Скажите: довольно!

Не верьте лживым наветам его сапратпов и сподвижников, что вас зовут «качать» заблудившихся, что на острие ваших штыков – гнет и неволя, старый режим с его бесправием.

Нет, неправда! Вы возвращаетесь на Родину, чтобы выстроить новый дом, чтобы дать народу действитель-

ную свободу через Учредительное Собрание, из рук этого полновластного Хозяина Земли Русской, которого большевики разогнали штыками китайцев и латышей.

И вы не одни. На Москву, на Кремль, в котором обманщики-лжецы засели как воры в притоне, с юга идет другая рать народная – мощная Добровольческая армия, с такими же стальными орудиями, какие имеете вы, и с не менее твердым духом. Она уже сбила их надменность в трехмесячных боях. Вера их в победу (над кем? над русским народом?) уже сокрушена.

Но их НАДО ДОБИТЬ. Нельзя давать снова воспрянуть духом.

А потому: Смело вперед – к Свободе!

«Свобода России», Ревель,
№ 15, 4 октября 1919 г.

С. Заботкин
ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ р. ЛУГУ у
д. МУРАВЕЙНО
11 октября 1919 г.

- Сегодня ночью переходим в наступление, - с такими словами подошел к нам, вечером, 11 октября, наш отделенный командир прапорщик Цимерманн.

Как-то немного екнуло сердце от этой новости, но вместе с тем охватывает и чувство радостного нетерпения, ведь мы уже все давно ждем этого дня, а будучи, кроме того, кореным жителем Петрограда, для меня это имело и личное значение.

Начинаем лихорадочно собираться в путь. Наш пулемет, стоявший до

сих пор у остатков моста через реку Лугу, против деревни Поречье - немного левее деревни Муравейно на нашем берегу - назначен для прикрытия переправы, место которой в 2-х верстах вверх по течению реки, в глухом лесу. Выбрали это место потому, что здесь впадала в Лугу маленькая речушка, течение которой было высоким лесом скрыто от красных наблюдателей, и на которой заготовлялись лодки. Посадив в них людей, мы могли неожиданно выплыть в Лугу и переправляться на другой берег, чего при других условиях сделать было невозможно, не обнаружив задолго наших намерений.

Итак, когда уже совсем стемнело, погрузив на подводу пулемет и полтора десятка лент, перекрестившись на дороге, двинулись в штаб роты, помещавшийся в домике лесничего, в непосредственной близости от места переправы. Прибыли туда, когда уже совсем стемнело, и, простояв с полчаса, двинулись на заставу. Легкий туман как бы дымком заволакивает всю вокруг лежащую местность и прикрывает мелкими капельками влаги пулемет и металлические части винтовок.

В лесу пахнет гнилым листом и мхом, мягко ступает нога по покрытой опавшими листьями и хвоей дороге; тихо движется за нами обывательская подвода, поскрипывая давно не мазанными колесами, да изредка звякает подкова лошади о дорожный камень. Темнота хоть глаз выколи, идем молча, стараемся ничем себя не обнаружить. Но, вот мы у цели; бесформенным бугром возвышается, аршина на полтора над землей, блиндаж, сделан он основательно, несколько спускающихся ступеней ведут к входу, через неплотно закрытую дверь видим сидящих внутри солдат, освещенных ярким отблеском горящего в печи огня; пахло теплом и дымом. Быстро снимаем пулемет с подводы, до берега реки остается шагов 80, берем его на руки и движемся с провожатым вперед. Сразу, вдруг как-то поредел лес и гуще стал туман, повеяло холодком, чувствовалась близость воды. Еще несколько шагов и, минуя огромную воронку, в которую свободно мог бы спрятаться всадник, выходим на самый берег. Перед нами обрыв, поросший мелким кустарником, внизу свинцовая река, а там, шагах в 100, тот берег, чужой, враждебный, тающий в себе, может быть, смерть не одному десятку наших стрелков.

Тихо опускаем пулемет на землю, устанавливаем его по возможности ниже, ведь стоим-то мы почти что открыто, замаскировавшись только кустами, а это от пуль защита плохая! Окапываться же нельзя, красные могут услышать шум и насторожиться, а мы хотим захватить их врасплох, чтобы по возможности избежать потерь. Наконец, все приготовления окончены, мы имеем еще перед собой 2 часа свободного времени и идем греться в блиндаж. Тишина вокруг полная, только и слышно, что падающие капли с отяжелевших от влаги веток. Мундиры наши совсем сырые, ноги промокли, и хочется обсушиться, пока есть на то время.

Но вот, что-то ухнуло на том берегу, короткий режущий свист, ослепительная вспышка и оглушающий разрыв шрапнели пошел, перекатываясь по лесу, пока не замер вдали; тишина стала еще полнее, и только, шурша, падают сухие листья, сорванные взрывом. Красные почуяли недоброе!

Оглядываюсь назад, но там как будто бы все спокойно, только мечутся по небу холодные отблески кронштадтских прожекторов, что-то ища на нем своими длинными щупальцами.

Вот мы и в блиндаже, снимаю шлем и присаживаюсь к огню отогреть заочиненные руки. Скоро приятная теплота разливается по всему телу, и я незаметно засыпаю.

Просыпаюсь от сильного толчка - «вставай, пора», протираю глаза, быстро надеваю каску и выскакиваю вслед за остальными наружу. Ну, началось! - проносится мысль, - дай Бог удачи. Быстро выходим к пулемету; дважды резко щелкнула рукоятка о ролик - лента продернута. Все замерло в ожидании!

Проходит несколько томительных минут, вдруг слышим глухой звук уключин, первая лодка пошла, еще немного и вот она показалась на реке, за ней вторая, третья, потом сразу несколько.

Два сухих винтовочных выстрела с того берега эхом покатались по глади реки, потом шум ломаемых веток, неясные голоса и все затихло. Внимательно следим за противоположным берегом, но там, на вид, все спокойно, выстрелов больше нет.

Вот заскрипел песок под килем первой лодки, стрелки быстро выскакивают на берег, подхватывают пулемет на руки и скрываются в кустах; за ними подлетает вторая лодка, потом еще несколько маленьких и, наконец,

большой баркас, в нем человек 30. Прошло, может быть, минут 5, а на том берегу уже с сотню наших с пулеметами. Глухо застучал «Максим» и оборвался, это наши расчищают местность впереди, образуя что-то вроде «предмостного укрепления».

Нам делать больше нечего, высказываем во весь рост на берег и переключаемся с пулеметчиками прапорщика Огурского, которые уже на том берегу. Настроение праздничное, никто не мог предполагать, что нам удастся так легко форсировать Лугу.

Но вот красные несколько опомнились, и их батарея открыла беглый огонь; загудели придушенные болотистой почвой разрывы гранат и звонкие хлопки шрапнелей. По счастью противник сильно растерялся, что ясно было видно по беспорядочному разбрасыванию снарядов, и не смог даже нарушить порядка переправы. наших все больше и больше накапливалось на противоположном берегу, вот и нам черед подошел, снимаемся с позиций, подхватываем пулемет на руки и в большом баркасе, под пение «Вниз по матушке Волге», перебираемся на другую сторону, правда, пение не отличалось чрезмерной стройностью, но его недочеты с лихвой окупались повышенным настроением песельников.

Внезапно батарея противника за молкла.

- Ага! Удирать голубчики начали, - раздаются со всех сторон возгласы, - ну да ничего, все равно поймаем!

Впереди ожесточенно трещат ружейные выстрелы, то первый батальон очищает от красных деревню Поречье; но вот и весь полк переправился, потеряв двух раненых, да и то легко - прямо как-то не верится, что все обошлось так благополучно.

Быстро движемся на помощь 1 батальону, но он уже без нас справился с красными; лихой батальон! Почти что весь из старых Ливенцев, с ними шутки плохи.

Чуть начинает брезжить рассвет, тухнут на бледном небе одна за другой звезды - потянуло с реки предутренним холодком.

Весь полк собрался на дороге к деревне Юрки, выслали вперед дозоры и двинулись в путь.

Впереди - непреодолимо манил нас... Петроград.

П Р И К А З

Войскам Северо-Западного фронта
№ 77

2 октября 1919 г.

г. Нарва

С сегодняшнего дня я вступаю в непосредственное командование Армией.

НАЗНАЧАЮ:

Командующего Армией, Генерал-Лейтенанта **РОДЗЯНКО**, моим помощником по званию Главнокомандующего.

Начальника Штаба Фронта, Генерал-Лейтенанта, **КОНДЫРЕВА**, моим помощником по должности Военного Министра.

Штаб Северо-Западной Армии переименовать в Штаб Главнокомандующего Северо-Западной Армией.

Главнокомандующий войсками С.-З. фронта

Генерал от Инфантерии **ЮДЕНИЧ**.

П Р И К А З

Северо-Западной Армии
№ 247

2 октября 1919 г.

г. Нарва

1. Сего числа я назначен помощником Главнокомандующего Северо-Западной Армией.

Высоко ценя оказанное мне доверие и оставляя пост непосредственного начальника дорогой мне С.-З. Армии, я все же буду всегда с Вами, доблестные войска, и буду работать совместно на пользу Родины и во славу русского оружия под знаком Белого Креста.

Командующий Армией
Генерал-Лейтенант Родзянко.

П Р И К А З

Северо-Западной Армии
№ 262

14 октября 1919 г.

г. Нарва

1. Особая сводная дивизия II корпуса переименовывается с 17 сентября в 4-ую дивизию.

2. Особой сводной дивизии II корпуса полкам 1-му партизанскому и 2-му партизанскому присваиваются с 17 сентября с.г. наименования: первому – Нарвский полк и второму – Литовский полк.

3. Полки II корпуса имени Генерала Деникина и Псковский свести в отдельную бригаду с 17 сентября с.г.

4. 2-ой стрелковый полк II корпуса переименовать в Качановский полк и включить его в состав отдельной бригады.

5. Распоряжением Командира II корпуса сформировать Печерский полк, который включить в состав отдельной бригады.

6. Островский полк 4-ой дивизии II корпуса переименовать в Великоостровский полк.

7. Отдельную бригаду переименовать в 6-ую дивизию.

8. Присвоить наименования: а) корпусам: I – 1-й Армейский корпус и II – II Армейский корпус; б) всем дивизиям: ... пехотная дивизия и в) всем полкам: - пехотный...полк.

9. В состав Армейских корпусов и пехотных дивизий назначить дивизии и полки следующим образом:

I Армейский корпус

2-ая пехотная дивизия

5-ый пехотный Островский полк

6-ой пехотный Талабский полк

7-ой пехотный Уральский полк

8-ой пехотный Семеновский полк

3-я пехотная дивизия

9-ый пехотный Волынский полк

10-ый пехотный Красногорский полк

11-ый пехотный Вятский полк

12-ый пехотный Темницкий полк

5-ая пехотная дивизия

17-ый пехотный Либавский полк

18-ый пехотный Рижский полк

19-ый пехотный Полтавский полк

20-ый пехотный Чудской полк

II Армейский корпус

4-ая пехотная дивизия

13-ый пехотный Нарвский полк

14-ый пехотный Литовский полк

15-ый пехотный Вознесенский полк

16-ый пехотный Великоостровский полк

6-ая пехотная дивизия

21-ый пехотный имени Генерала Деникина полк

22-ой пехотный Псковский полк

23-ий пехотный Качановский полк

24-ый пехотный Печерский полк

Дивизия, не входящая в состав корпуса

1-ая пехотная дивизия

1-ый пехотный Георгиевский полк

2-ой пехотный Ревельский полк

3-ий пехотный Кольванский полк

4-ый пехотный Гдовский полк

Главнокомандующий,
Генерал от Инфантерии Юденич

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 4-1, Папка 4-5.

ПРИКАЗ

Северо-Западной Армии
№ 252

12 октября 1919 г.

г. Нарва

1. Поздравляю победоносную Северо-Западную армию с исполнившейся сегодня годовщиною существования ее.

Твердо верю в то, что руководимые богатыми знаниями и опытом вождями геройские войска с таким же блестящим успехом выполнят Святое Дело освобождения России, с каким начали они нынешнюю операцию.

От лица замученной низостью и предательством, но уже оживающей Родины, выражаю глубокую благодарность всем чинам Армии, которые в самые мрачные дни нашего государственного существования бесстрашно несли на алтарь Отечества свою могучую волю, свои организаторские дарования, здоровье и силы.

Вечная память тем, кто с непоколебимою верою в величие Русского народа положили жизнь свою за братьев своих. Да будет земля им пухом.

2. Отмечая работу нижепоименованных чинов Армии, вложивших свой труд в дело создания Армии своей боевой работой увенчавших славу ее, удостоиваю их производством и награждением орденами.

Производятся:

Из Генерал-Майоров в Генерал-Лейтенанты

Командующий 1-м армейским Корпусом Генерал-Майор Граф Пален, Командующий 1-ой пехотной Дивизией Генерал-Майор Дзержинский; Оба с утверждением в занимаемых должностях.

Из Полковников в Генерал-Майоры

И.д. Инспектора Артиллерии С.-З. Армии Полковник Афанасьев, И.д. Инспектора Артиллерии 2-го Армейского Корпуса Полковник Исаев,

И.д. Дежурного Генерала Штаба Главнокомандующего С.-З. Армией Полковник Барон Людингаузен-Вольф,

Комендант гарнизона русских войск г. Нарвы Полковник Лебедев, Командир 6-го пехотного Талабского полка Полковник Пермикин;

Первые трое с утверждением в занимаемых должностях.

Из Подполковников в Полковники

И.д. Начальника Штаба 1-го армейского Корпуса Подполковник Видякин,
 Командующий 2-м пехотным Ревельским полком Подполковник Булак-Балахович,
 Командующий 16-м пехотным Чудским полком Подполковник Смолин,
 Командующий 12-м пехотным Темницким полком Подполковник Данилов;
 Последние четверо с утверждением в занимаемых ими должностях.

Командир Отдельной Конной Батареи Подполковник Смирнов (Дмитрий),

Конно-Егерского полка Подполковник Бенкендорф,
 7-го пехотного Уральского полка Подполковник Шиманский,

5-го пехотного Островского полка Подполковник Барон Унгерн.

Из Штабс-Капитанов в Капитаны

Штаба 1-ой пехотной Дивизии Штабс-Капитан Штрикфон Штрикфельд.

Из Статских Советников в действительные Статские Советники

Интендант Армии, Курек (Николай).

Награждаются:

ОРДЕНОМ СВ.СТАНИСЛАВА 1 СТЕПЕНИ С МЕЧАМИ

Помощник Главнокомандующего Северо-Западной Армией Генерал-Лейтенант Родзянко,

Командующий 2-ой пехотной Дивизией Генерал-Майор Ярославцев,

Командующий 3-й пехотной Дивизией Генерал-Майор Ветренко,

Командующий Отдельной пехотной Бригадой Генерал-Майор Ежеский.

ОРДЕНОМ СВ.ВЛАДИМИРА 3 СТЕПЕНИ С МЕЧАМИ

Командир 3-го пехотного Колыванского полка Полковник Бадендык,

Командир 5-го пехотного Островского полка Полковник Алексеев,

Командир 1-го пехотного Георгиевского полка Полковник Микоша,

Командир 1-го Отдельного Легкого Артиллерийского Дивизиона Полковник Смирнов (Константин).

ОРДЕНОМ СВ.ВЛАДИМИРА 4 СТЕПЕНИ С МЕЧАМИ

Главный Ремонтер С.-З. Армии Полковник Зейдлиц

Главнокомандующий,

Генерал от Инфантерии Юденич

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 4-1, Папка 4-5.

В. Андреев**ГАТЧИНА**

(Из воспоминаний о боевой жизни Северо-Западной Армии)

Наше победоносное шествие на Петроград было в полном разгаре. Опьяненные победами, наши немногочисленные, но сильные духом бойцы, презирая усталость, голод и всякие лишения, с каким-то азартом шли вперед. Хотелось скорее нанести последний удар и окончательно освободить из-под гнета и кровавых кошмаров свои родные очаги.

И вот, с такими чувствами мы, наконец, у подступов Гатчины (со стороны Луги). Это был для нас первый крупный русский город. Наш первый батальон Темницкого полка (под команду лихого полковника Алексея Даниловича Данилова) был назначен в авангард. Бойцы подтянулись, шли стройно в ногу, в сознании, что идут на святое, великое и чистое дело. Два трехдюймовых орудия громыхали позади колонны, и это придавало нам еще больше бодрости и сознания нашей силы. Наконец, нашим взорам представилась Гатчина. В ясный осенний день она показалась нам сказочной. Город как бы замер в осенней прозрачной дымке. Только у Варшавского вокзала наблюдалась жизнь: там маневрировало несколько паровозов. Предполагая, что красные спешно эвакуируют город, решили помешать им в этом, или просто навести на них смятение.

Бравый и лихой командир батареи А. Гершельман на карьере выкатил вперед свои орудия и открыл меткий огонь по вокзалу. Паровозы начали курсировать более нервно, а некоторые из них скрылись. Батальон ускорил шаг, и Гатчина стала быстро приближаться. Батарея беспрерывно держала вокзал под огнем. Так подошли мы почти вплотную к Гатчине и остановились перевести дух в маленькой деревушке (насколько мне помнится – Колпино), примыкающей к предместью города. Красные дали несколько орудийных залпов, по всей вероятности, из броневика – и смолкли. Начинало вечереть.

Подъехал генерал Родзянко. Высказав мнение, что Гатчина оставлена красными, он приказал батальону идти в город. Выслав одну роту вперед, батальон продвинулся в предместье Гатчины, Александровскую слободу. Не встретив по пути противника, предположили, что город очищен и что предосторожности излишни. И раскатистое «Взвейтесь соколы орлами» прорезало глубокую тишину и прокатилось по кварталам предместья. Но не успели затянуть следующую, как командир передовой роты донес, что, по рассказам жителей, в городе есть красные. Не веря в такую возможность, продолжали петь. И только после вторичного подтверждения о том, что в городе красные, песни были прекращены.

Начинало темнеть. Вдруг от передовой роты устное донесение, что встретились с красными, залегшими густой цепью по железной дороге, которую нам надо было перейти, чтобы попасть в город. Так как цепь красных не стреляла и, якобы, приняла нас в темноте за своих, то командир роты поручик Баранов вступил в переговоры-пререкания, чтобы выиграть на всякий случай время.

Как раз в это время, весьма кстати, подоспел наш командир полка полковник Данилов, в самых трудных положениях не теряющий хладнокровия и присутствия духа. Его изощренная изобретательность в способах борьбы с врагом была настолько велика и пагубна для последне-

го, что красные боялись одного его имени. После того, как батальон тихо и незаметно подошел вплотную к передовой роте, все еще отвлекавшей разговорами красных, под личным руководством командира полка была незаметно развернута одна рота. Здесь русская мудрая поговорка «Все, что ни делается, к лучшему» оправдалась вполне. Петь песни, вступая в город, который по ни на чем не основанному предположению, якобы, оставлен противником, - была преступная неосторожность, но в данном случае неосторожность эта послужила нам на пользу.

Как выяснилось уже потом, - красные не стреляли, чтобы не делать излишнего переполоха, - они поджидали песенников, - и никак не думали, что эти «песенники», пользуясь наступившей темнотой, так быстро и незаметно вырастут перед ними в грозную цепь. Для них песенка уже была спета. Несколько дружных залпов с нашей стороны, короткий удар в рукопашную, и красная цепь смята вместе с пулеметами, не успевшими сделать ни одного выстрела.

Не допуская возможности, чтобы красные обладали выдержкой, позволяющей им подпустить нас вплотную, я невольно спросил пленных:

- Да кто же вы, наконец, черт возьми, - белые или красные?

- Красные, - был покорный и плаксивый ответ.

Среди пленных (это были курсанты) оказалось даже два их командира - офицеры старой армии, которые впоследствии служили в нашем полку.

- Не задерживаться на месте, с Богом вперед! - крикнул командир полка, и батальон кинулся дальше, напрямик по проспекту Императора Павла I. Уже не встречая более на своем пути препятствий, доехал он до казарм 23 артил. бригады, под аркой, заняв противоположный выход из города. Впоследствии выяснилось, что главные, довольно крупные, силы противника были сосредоточены в районе Варшавского вокзала, и ликвидировать их удалось только на второй день утром.

Была уже темная ночь. Вокруг жуткая тишина. Только в юго-западном направлении изредка слышалась отдаленная ружейная трескотня. Всем нам было немножко страшно, но, в общем, у каждого на душе было весело и лихо. Шоссе, на котором мы остановились, было чуть ли не единственным выходом из города на Петроград, не считая, конечно, Варшавского вокзала. Каждый поэтому невольно сжимал винтовку и был готов ко всяким сюрпризам. Послышался шум подходящего от Петрограда поезда. Не доходя до вокзала, поезд остановился. Кучка пассажиров направилась прямо на нас. Слышен был авторитетный бас:

- Я же говорил вам, что у этой арки обязательно будет стоять застава, - раз поезд остановили, не допустив до города, - значит что-то не так.

- Бог с ними, только бы нас пропустили домой, - отвечал женский голос.

- Здравствуйте, товарищи!

- Домой, товарищи, из Петрограда, сделайте милость, пропустите, товарищи!

- Ладно, проходи, проходи, не до вас тут, только не задерживайся по дороге!

Толпа торопливо засеменила мимо солдат и скрылась в ночной тьме, ничего не подозревая.

И опять тишина и томительное ожидание.

Наконец, уже со стороны города, послышались шаги и конский топот. Какая-то колонна шла прямо на нас.

- Стой, кто идет?

- Свои.

- Кто свои?

- Гатчинских командных курс...

- Бросай оружие! Сдавайся!

Колонна шарахнулась в стороны, и несколько ослепительных и преувеличенно громких в ночной тишине выстрелов, в упор ударило по слуху.

Дружные залпы и лента пулемета с нашей стороны последовали в ответ непокорным курсантам, и настолько подбодрили наших врагов, что уже через минуту не слышно было топота...убегавших обратно в город.

Прошло не более часа. Вправо от нас, невдалеке, что-то загорелось. Зловещим светом зарева осветились верхние окна и крыши домов. Стало брать нетерпение. Хотелось поскорее установить связь с главными силами, но посылать людей для этой цели было довольно рискованно, к тому же никто хорошо не знал плана города. Все мы в Гатчине были впервые. Опять послышался шум идущих на нас, и опять из города. Подобрались.

- Кто идет?

Большой неожиданностью, на этот раз уже для нас, были дружеский залп и раскатистое «ура»!

Батальон не замедлил достойно приветствовать смельчаков. После короткой схватки в наших руках оказалось до двух десятков курсантов, несколько лошадей, много оружия. С нашей стороны - убит фельдфебель и несколько стрелков ранено.

И опять наступила тишина, но тишина зловещая, прерываемая коротким ржанием перепуганных лошадей и непрерывными стонами раненых курсантов, оставленных на поле боя своими товарищами. Нам было не до них. Наконец, и это стихло. Видимо, легко раненые разбрелись, а тяжелые - впали в беспамятство.

Стрелки присмирели. Не было слышно веселых шуточек и сдержанных хохотков. Сосредоточенно-серьезные лица смотрели вопросительно.

- Не унывай, ребята, нас не оставят! Если Данилыч сам посылал нас вперед, то уж он, наверное, не забыл о нас. И серьезные лица освещались надеждой, расплываясь в доверчивые улыбки.

Но что же будет дальше? Где наши и что они делают? И что еще предстоит нам впереди? - Хорошо - еще пока скрыты ночной темнотой, а что, если до утра не произойдет соединения с главными силами? Но мрачные мысли оказались напрасными. Со стороны города в третий раз послышался шум осторожных шагов. Затаив дыхание, батальон нервно и напряженно насторожился! Все были наготове, чтобы по первому сигналу открыть огонь.

- Кто идет?

- Свои.

- Какой части?

-

- Говори скорее, или мы откроем огонь!

- Не стрелять по своим! - крикнул неожиданно ошеломляюще знакомый голос.

- Капитан Рождественский!?

- Я, конечно, и не один, а с батальоном. Давно вас ищу. Никак тут не разберешь, - где свои, где чужие.

- Братцы! Так это наш четвертый батальон! Не стрелять! Свои, свои, Даниловцы!

Слава Богу, наконец-то!

«Служба Связи Ливенцев и северо-западников», Данциг, № 3, ноябрь 1930, с. 30-32.

Д. Глуховский НА ПЕТРОГРАД

Та исключительная настойчивость, с которой доблестные войска Северо-Западной Армии стремились все дальше и дальше на восток, на освобождение своей Родины от тирании, не могла быть остановлена никакими окопами, укреплениями, никакими ухищрениями сатрапов коммиссародержавия.

С налета три дня тому назад была взята Луга с ее укрепленным районом, а сегодня штаб Главнокомандующего уже сообщает, что наши части смяли противника на линии Красное Село и Гатчина и заняли эти важные пункты. Красное Село и Гатчина это уже не подступы к Петрограду, это не ворота в него - это уже самая Петроградская позиция, на которой решалась судьба северной столицы.

Гатчинская позиция была большевикам особенно важна тем, что под ее прикрытием могла производиться эвакуация Петрограда, до ее падения можно было бы пользоваться Николаевской ж.д. и иметь связь Петрограда с Москвой. С взятием же Гатчины белыми войсками для последних открывалась возможность быстрого движения на Тосно и Саблино на переезд Николаевской дороги, откуда они угрожали бы ударом на Званку, с целью совершенно отрезать пути отступления Петроградской группы красных войск и запелить ее всю в мешок.

Чтобы предупредить это, чтобы отсрочить часть своей ликвидации, большевицкое командование Петроградского фронта всю весну и все лето занималось укреплением Гатчино-Красносельской позиции, соорудило на Кавелактских высотах столь прочные и мощные укрепления, что считало себя абсолютно обеспеченным от удара на Петроград с запада и юго-запада.

На основании своих лживых сообщений об уничтожении Северо-Западной Армии, о «ликвидации» Юденича - большевики никак не ожидали столь решительного и стремительного наступления белых и не имели достаточного количества войск в Петрограде для всесторонней обороны на Гатчинской позиции. По их диспозиции красные войска западного фронта, в случае необходимого отхода, планомерно и медленно отступают именно на эту, Гатчинскую, позицию, и тогда, значительно сокращенный своим отступлением фронт, у Гатчины и

Красного Села будет сосредоточен столь крупными силами, что их, безусловно, хватит для того, чтобы задержать белых до подхода резервов, с каковыми надлежало вновь прогнать белогвардейцев до Наровы.

Но командование Северо-Западной Армии планом своего быстрого наступления и сама армия своим воодушевлением и своей решительностью разбила расчеты этого планомерного отступления и заставила противника уже не думать о сопротивлении, а лишь искать спасения в бегстве. Разрозненная удачными операциями наших групп войск на отдельные отряды и части, красная армия не имела возможности отходить на Гатчину, т.к. путь на последнюю почти во всех направлениях был уже перерезан нашими обходными колоннами. Красное командование имело возможность собрать под Гатчиной лишь часть северной группы своих войск, к которой могло прибавить еще некоторое количество отрядов, спешно перебросенных с финляндской границы. При других условиях, при наличии бетонированных многоярусных окопов, сильных проволочных заграждений и громадном количестве сосредоточенных пулеметов этих, даже и небольших сил было бы достаточно для удержания позиций, но дух и воодушевление белых войск сметали все. Они, наши белые солдаты, при этом наступлении не признавали никаких задержек на своем пути: не думая о себе, об отдыхе, они, не дожидаясь подхода кухонь, обозов, и днем, и ночью вели бой с арьергардами красноармейцев, вплавь переправлялись через речушки и ручьи, попадавшие на их пути, на руках переносили через болота Петергофского и Лужского уездов пушки и пулеметы, на плечах отступавших сметали проволочные заграждения и с налета брали, казавшиеся неприступными, позиции.

Беспристрастная история оценить эти дни подвигов, страданий и лишений всех чинов Северо-Западной Армии, определить их великие заслуги в деле спасения Родины, а сейчас, после взятия Гатчины и Красного Села, можно уже с твердою уверенностью сказать, что наша славная армия уже сломала все сопротивление красных под Петроградом и что столица накануне своего освобождения.

*«Свобода России», Ревель, № 27,
18 октября 1919 г.*

ПРИЕЗД МИНИСТРОВ

В четверг вечером, 9 октября, прибыли в Гдов члены нашего Временного Правительства Сев.-Зап. Области - Министры: внутренних дел Илья Тимофеевич Евсеев, земледелия Петр Александрович Богданов и продовольствия Филипп Григорьевич Эйшинский.

Из названных лиц мы знаем уже более 10 лет уважаемого и ярко прогрессивного общественного и политического деятеля И. Т. Евсеева. Знаем его как передового земца Ямбургского уезда, затем как деятельного и глубоко симпатичного председателя Петроградской Губ. Зем. Управы, когда в тяжелые годы европейской войны объединенные в Земский Союз лучшие земские силы неустанно трудились в огромном деле помощи больным и раненым воинам и в снабжении наших армий всем необходимым, до боевого снаряжения включительно. Наконец, знаем мы Илью Тимофеевича как талантливую и влиятельного депутата 4-ой Государственной Думы. Всегда в своих общественных и политических выступлениях он энергично и неуклонно отстаивал право деятельного участия общественных сил в государственной жизни России, подавленной бюрократическим гнетом. Будучи сам крестьянином и пройдя в Государственную Думу преимущественно крестьянскими голосами, он, своим влиянием и авторитетом, прочно и плодотворно для думской работы объединил всю крестьянскую группу депутатов и оставался бессменным председателем группы до упразднения большевиками Государственной Думы.

Об И. Т. Евсееве, мы имеем все основания сказать гдовским крестьянам, что, пока он будет оставаться в составе нашего временного правительства, общественные крестьянские интересы и их наболевшие нужды - в хороших крепких руках.

Таких же прогрессивных и преданным народным интересам, но менее известных лично гдовичанам, мы приветствуем в лице приехавших в Гдов министров продовольствия и земледелия. Деловые совещания трех названных министров с представителями учреждений и местного общества дали весьма ценные результаты по вопросам о немедленном проведении земских выборов в Гдовском уезде, о продовольственных нуждах

населения и армии и о лесопользовании и заготовке дров.

Главнейшие потребности этих со-вещаний мы дадим в одном из ближайших номеров Гдовской газеты. Здесь же приведем только принятую совещанием простейшую, в связи с военными обстоятельствами, схему земских выборов, в виде «Временных Правил производства земских выборов».

1. Земство восстанавливается и действует на основании Положения о земских учреждениях, изданного Временным Правительством в 1917 г.

2. В виду невозможности при военных обстоятельствах осуществить всеобщее избирательное право, выборы земских гласных производятся следующим порядком: а) Сельские сходы избираются в волостные земские собрания по одному представителю от селений менее 50 дворов и по два от селений свыше 50 дворов; б) на сельских сходах имеют право участия все граждане и гражданки, проживающие в пределах сельского общества и неопороченные по суду за уголовные преступления.

3. Волостные Земские Собрания избирают председателя собрания. Волостные Земские Управы в составе

председателя и не менее двух членов и гласных Уездного Земского Собрания, одного от каждой волости, имеющей до 6000 душ и двух от волости, имеющей более 6000 душ населения.

4. Волостные Земства осуществляют совместно с Уездной Земской Управой всю земскую работу на местах.

5. Первое Волостное Земское Собрание открывается старейшим по возрасту гласным.

6. Уездное Земское Собрание состоит из гласных от волостей и двух представителей от города.

7. Уездное Земское Собрание созывается существующей Земской Управой и открывается председателем ее.

8. Уездное Земское Собрание избирает себе председателя и состав Уездной Земской Управы.

9. Проведение выборов возлагается на особую комиссию в составе Земской Управы, по одному представителю от кооперации, учительского союза и городского самоуправления, и трех волостных старшин ближайших к городу волостей.

Из делового и личного общения с Министрами в течение 9, 10 и 11 октября выяснились две ценные и весь-

ма привлекательные для местного населения черты. Во-первых, помимо простоты и корректной деликатности во время бесед и совещаний, совершенное отсутствие того разъединяющего начала между бывшими бюрократическими министрами и общественными учреждениями в виде напыщенной и мертвящей государственную жизнь формулы «Мы и они». Второй, еще более ценной чертой, сказалось несомненное ярко-прогрессивное, народное направление государственной деятельности этих трех лиц в составе Временного Правительства. С этим направлением в созидательной государственной работе над всем «по пути».

Распространяя эти строки широко в деревнях и на фронте, мы уверены, что нам откликнется радостно и бодро именно крестьянское население в деревнях и особенно молодежь на наших боевых фронтах, и что ее воинские тяготы и возможные лишения будут для нее легче, а враг – большевики-коммунисты – еще ненавистнее.

И. И. К.

«Гдовская газета», Гдов, № 4, 14 октября 1919 г.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

РУССКОЕ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИМЕНИ СЯГОГО ПРАВЕДНОГО ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Русское богословско-философское общество имени Святого Праведного Отца Иоанна Кронштадтского, член Союза Православных Братств Московской Патриархии, существует в г. Одессе с 1992 года. Основные задачи общества – изучение и распространение духовного, культурного, богословско-философского и исторического наследия Святых Патриархов Московских и Всея Руси, развитие культурных связей с обществами русской культуры Украины, Российской Федерации, с Русским Зарубеьем, участие в деятельности по повышению духовно-нравственного уровня детей и молодежи, приобщение их к достижениям русской культуры, возрождение классического образования, содействие восстановлению и сохранению историко-культурных памятников русской культуры.

Приглашаем всех заинтересованных лиц к сотрудничеству.

Наши координаты: г. Одесса, 65086, а/я 74, Любашевскому М.К.

ЗАПАДНАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

Понять причины поражения Северо-Западного фронта невозможно без обращения к истории создания и боевых действий Западной Добровольческой армии ген. Бермондта-Авалова. Редким примером единомыслия советской историографии и историографии Русского Зарубежья стали оценки действий его армии осенью 1919 г. «Авантюрист», «беспринципный политик и военный», «пронемецкий настроенный реакционер», «ставленник немецких баронов» - таков был диапазон оценок (достаточно узкий) командующего Западной Добровольческой армией. «Наемники - ландскнехты», «предатели Белого дела», «кондотьеры гражданской войны» - так писали о солдатах и офицерах Западной армии. При этом забывалось, что одной из самых доблестных частей Северо-Западной армии была Ливенская дивизия, состоявшая из бойцов, сражавшихся вместе с будущими «бермондтовцами» под Ригой весной 1919 г. и защищавших «демократическую Латвию» от нашествия «III Интернационала». Думается, что однозначных оценок в отношении Западной Добровольческой армии быть не должно. Представленные далее документы свидетельствуют, что армия Бермондта, ее формирование и перспективы использования рассматривались военным и гражданским руководством Германии и Белой России более широко, чем обычные боевые действия по «захвату Риги» и «ликвидации социалистического правительства Ульманиса». Мы представляем читателям разные документы и, обращаем внимание на те оценки, которые давали русско-немецким отношениям, Бермондту и его армии вчерашние однополчане. (Публикация В. Цветкова.)

Г. Кирдецов.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ БЕЗУМИЕ?

То, что происходит под Ригой, есть больше, чем преступление, это - безумие.

Безумие - потому, что руководители событиями г.г. Бермондты и Гольцы затеяли дело, от которого погибнут, прежде всего, они сами.

Как маньяки, которые бросаются с крыши, чтобы не попасть в лечебницу.

Беда лишь в том, что от этого пострададут и посторонние, в данном случае то великое дело освобождения Родины нашей от германо-большевицкого ярма, ради которого все мы здесь существуем и в чем весь смысл нашего бытия.

Разберемся.

Бермонт и его ближайшие сотрудники еще 27 сентября получили приказ Главнокомандующего Северо-Западной Армией выступить в Нарву и оправдать надежды Северо-Западной Армии и исстрадавшейся Родины.

Сознание долга, чувство дисциплины, патриотическое ощущение подсаживало им, несомненно, выполнить беспрекословно этот приказ в течение срока, который для этого был дан.

Русские люди, не калеки и не прокаженные, а, напротив, успевшие организовать во внушительную военную силу, не могут и не должны сидеть, сложа руки, на берегах Аа - в то время, как на расстоянии каких-нибудь 300 верст от них, здесь, у ворот Петрограда, решается вопрос, быть или не быть России свободной.

Не наемников-ландскнехтов звал Главнокомандующий на Петроградский фронт, а русских людей, для которых были слова «Родина требует» должны были звучать властнее, чем чечевичная похлебка, сулимая фон-дер-Гольцами.

Не «аннексий» ради должны были они двинуться в поход, а для освобождения русского города, захваченного жестоким врагом, на помощь тем дру-

гим русским воинам-гражданам, которые с другого конца подходят к другому осажденному русскому городу.

Все это столь элементарно ясно, что не требовалось и двух лишних слов для увещевания.

Но Бермонты остались глухи и слепы. Вместо исполнения приказа, не нуждавшегося в пояснениях, ибо и все способы перевода келлеровского корпуса на Петроградский фронт были предусмотрены до мельчайших подробностей с содействия наших друзей и союзников, - вместо этого Бермонты сочинили какой-то смешной ультиматум по адресу правительства Латвии и... двинулись на Ригу с боем, под гул артиллерии.

Эти безумцы не поняли и не хотели понять, что они лишь слепое орудие в руках фон-дер-Гольцев, у которых задачи совсем иные, маккиавелистические дьявольски задуманные и осуществляемые с широким размахом и упорством, напоминающими первые годы войны.

Они и не подозревали, - а если и подозревали, но не дерзали продумать до конца, то тем хуже для них - что фон-дер-Гольцы упорно сидят в Курляндии далеко не для того только, чтобы заставить правительство Латвии «дать землю» солдатам железной дивизии.

Если бы они не были безумцами, они поняли бы, что фон-дер-Гольцы не отпускают их от себя ни на шаг вовсе не из чувства Kameradschaftlichkeit (товарищества - прим. сост.), военной солидарности или особой «привязанности» к русскому солдату, которого они презирают.

Нет!

Игра ведется фон-дер-Гольцами и теми, кто ими маневрирует, - большая, и ставка в ней - Россия.

Это - игра на два стола, крупная, азартная, - и разоренными окажемся мы (политически, нравственно и экономически), если вовремя не скажем: довольно!

За одним - игра «в дружбу» с возрождающейся Россией, усиленное ухаживание за нами и предложение всяческих услуг по очистке Родины нашей от большевиков; за другим - явная помощь московским бандам.

И тот, и другой фронт могут пригодиться в решающую для Германии минуту. Ленин, сидящий в Кремле, есть пистолет, направленный постоянно - и чем дольше, тем вернее - в сердце Версальского мирного договора.

«Дружба» с Белой Россией, с той, которая страдает и стонет, стремится к избавлению и свободе и минутами, в припадке отчаяния, готова схватиться за первую попавшуюся соломинку, - эта игра в дружбу есть верно понятая закладная на все наше достояние экономическое, политическое и нравственное.

Мы не касаемся здесь вопроса в отдельных его разновидностях, а схватываем лишь целое - то, что составляет основу основ международной политики Германии сегодня и завтра.

Нашими устами говорит и не слепая злоба на Берлин за содеянное против нас раньше - за войну, за организацию большевицкой власти, за поддержку ее на протяжении двух лет.

Политика - не дело чувства, а сухого насущного интереса.

И именно эти верно понятые интересы наши властно нам диктуют держаться подальше от той новой петли, которую фон-дер-Гольцы собираются вновь на нас накинуть - так или иначе.

Понимают ли это те, кто слепо повинуются берлинской дирижерской палочке? Понимают ли Бермонты, что они лишь пушечное мясо для маршалов без жезлов?

Очевидно - нет.

Зато они безумцы, и Родина их не поблагодарит.

«Свобода России», Ревель, № 21, 11 октября 1919 г.

В.Г. фон Розенберг

ЗА КУЛИСАМИ РУССКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

(Первая и единственная до сих пор публикация на немецком языке: Rittmeister von Rosenberg. Die bildung Rissischer Nationaler formationen an der Baltischer Front (Hinter den Kulissen der Russischen Konterrevolution), Hamburg: C. Hoym Nacht., 1920. – прим. сост.).

Формирование русских национальных частей на Балтийском фронте.

(Документ датирован декабром 1919 г. – прим. сост.). Важность Балтийского фронта была уже давно осознана. Поэтому в октябре прошлого года было приступлено к формированию Особого Добровольческого корпуса в Пскове. Этим была положена первая основа к созданию русских национальных частей на вышеупомянутом фронте. Впоследствии корпус стал ядром Северо-Западной армии генерала Юденича. Формирование корпуса, которое было предпринято с согласия германского Императорского Правительства в оккупированных частях Витебской и Псковской губерний были следствием победы германской военной партии, которая была против всякого соглашения с большевиками и искала сближения с русскими монархическими кругами. Вождями этой новой политики в Германии были принц Леопольд Баварский и генерал фон Людендорф.

Образование частей шло успешно вперед и на русский корпус в виду его непосредственной близости к Петербургу, возлагались большие надежды. Совместно с немцами были задуманы громадные планы военных действий. Целью этих военных операций было – помочь России восстановить монархию и возобновить добрососедские отношения с Германией.

С момента революционного переворота в Германии (9-го ноября) положение корпуса ухудшилось, не было возможности продолжать формирование на прежних основаниях; нужно было, в виду крушения прежних планов, искать какого-либо выхода из положения при котором можно было бы сохранить русские войсковые части и дать им возможность выполнить их национальные задачи.

Этим выходом все считали перемену ориентации и обращение за поддержкой к нашим прежним союз-

никам. Осуществление этой поддержки предполагали в виду английской эскадры, прибытие которой ожидалось со дня на день. К сожалению, и эта надежда не оправдалась, так как английская эскадра медлила со своим прибытием и задерживалась в Скагугаке, где занималась вылавливанием мин.

Между тем обстоятельства не допускали промедления, и события развивались с молниеносной быстротой, которая предвещала близость катастрофы. После того как большевики сконцентрировали в районе станции Торошино 12 000 человек, они до ноября перешли по всему фронту в наступление. Особый Добровольческий корпус в Пскове, который только что начал формироваться, был вынужден под давлением превосходящих сил противника покинуть Псковскую губернию вместе с германскими оккупационными войсками и отступил в Эстонию где расположился на ночлег в районе Вален-Веро.

Здесь командование корпуса было поставлено в необходимость озаботиться о ближайшей судьбе отступивших русских частей, так и германское командование (А.О.К. VIII) сообщало об отказе своего нового социалистического правительства от дальнейшей поддержки русских добровольческих частей. Английская эскадра все еще не прибывала и держалась в открытом море. Поэтому не было возможностей выйти в море с союзниками и нужно было незамедлительно искать соглашения с одной из «новорожденных республик» - Эстией или Латвией.

Взгляд правительства упомянутых республик на отступившие русские части был одинаков. Эти правительства видели в названных частях с одной стороны ту вооруженную силу, которая им была необходима для защиты своих границ и своей самостоятельности от большевиков, с другой - эта вооруженная сила представляла угрозу их самостоятельности и обеспечивала усиление русского влияния.

Но в общем все же была возможность найти способы соглашения с ними, и весь вопрос сводился к тому, что было бы лучше для корпуса с стратегической точки зрения – продолжить отступление на Ревель и опереться на Эстонию, или же идти по направлению к Риге и дальше че-

рез Курляндию на Митаву – Либаву, имея в качестве базы Латвийско-Литовскую территорию.

Штаб корпуса высказался за отступление на Ригу, так как того требовало положение вещей и преимущества этого выхода были ясны. Между тем наступление большевиков становилось ясным и особенно интенсивно развивалось в направлении Кройцбург – Рига и вдоль подъездного пути Алтива – Небург – Рамоцкое. Это продвижение угрожало запереть корпус в районе Ревель – Юрьев – Валки, и могло бы в лучшем случае прервать связь с внешним миром и вынудить защищать Эстонию, а в худшем случае могло иметь последствием отступление к морю и окончательное уничтожение корпуса. Посредством отступления на Ригу и дальше на Либаву – Митаву корпус выходил из мешка и мог идти навстречу пополнениям, которые позже влились в формирования полковника князя Ливена, полковника Бермондта и полковника Вырголича.

К сожалению, командующий корпусом принял другое решение и согласился на предложения эстонского правительства, согласно которому русские войска поступали на эстонскую службу. Исходя из этого основного положения, он заключил договор, который ограничил самостоятельность русских войск и отнял у них возможность исполнить святой национальный долг. Согласно договору корпус не имел права увеличивать свою численность свыше 3 500 человек, подчинялся эстонскому штабу и после оставления территории Эстонской «республики» лишился ее поддержки. Эстонское правительство в свою очередь принимало на себя обязательство заботиться о полном содержании корпуса. Как будет указано дальше, эстонское правительство не выполнило большинства своих обязательств.

Между тем наступление большевиков на Ригу стремительно развертывалось и 10 декабря они заняли город Валк, чем была прервана связь корпуса с внешним миром. Часть офицеров и добровольцев, которая в это время находилась в Риге, оказалась отрезанной и, впоследствии, при занятии Риги большевиками была вынуждена отойти к Либаве.

18 декабря прибыла наконец в Либаву английская эскадра. Командир ее адмирал Синклер принял на своем крейсере «Кардифф», в присутствии английского консула в Риге, депутацию Особого Псковского Добровольческого корпуса, которая прибыла еще до перерыва связи.

После того как адмирал выслушал сообщение депутации, в котором было обрисовано положение в Прибалтике вообще и положение Добровольческого корпуса в частности, он заявил, что положение создавшееся в Прибалтике является для него неожиданным и он потребует инструкций от английского правительства.

Интересно заметить, что английский консул, который имел в тот момент особые инструкции от своего правительства, упорно противился стремлению корпуса занять первенствующее положение в крае, и определенно высказался за поддержку окраинных государств, считая возможным оказывать помощь русскому корпусу только при посредстве новообразованных «республик».

Это мнение английского консула, высказанное в первые же дни, вполне определило политику наших союзников, которую они ведут по сегодняшний день в западных окраинах Русского государства. В то время эта политика выразилась в том, что английская эскадра, курсировавшая между Ревелем и Либавой, держала непосредственную связь только с правительствами Эстии и Латвии, чем способствовало укреплению их самостоятельности и повышению их престижа. Чтобы достигнуть этих целей необходимо было создание национальной вооруженной силы. Англичане энергично приступили поэтому к формированию и организации эстонских и латышских воинских частей. Эти войска должны были заменить германские оккупационные войска, которые до сих пор были единственной защитой упомянутых правительств.

Особенно успешно продвигалась работа в Эстонии, где в короткий срок были созданы удовлетворительная военная организация и достаточно обученные воинские части.

К сожалению, все это делалось за счет Северо-Западной армии, которая в то время стояла на фронте раздетая, голодная и недостаточно вооруженная и защищала границы и спокойствие упомянутых «республик».

Немного другое положение создавалось в Латвии, где, с одной стороны

тяготение местного населения к большевизму исключало образование из его среды значительных войсковых частей, с другой стороны присутствие германских властей побуждало русских офицеров и добровольцев, после того как союзники им отказали в поддержке, собраться во круг ротмистра Кавалергардского полка князя Ливена, который перед лицом необходимости переменял ориентацию и создал небольшую, но очень сильную русскую воинскую часть, содержание которой взяло на себя немецкое Либавское военное командование. Эта в такой степени вынужденная перемена ориентации, не побудила ротмистра князя Ливена порвать свои хорошие отношения с англичанами, которые, после того как вошли в связь с упомянутой воинской частью, постоянно эти отношения поддерживали.

Впоследствии тяжелое положение на Курляндском фронте, которое привело к окружению Либавы тесным кольцом большевиков, которые в середине февраля занимали линию город Виндава – река Виндава и станция Мураево, дало возможность ротмистру князю Ливену получить согласие английских, немецких и латышских властей на увеличение своих частей посредством вербовки добровольцев из числа военнопленных в Германии.

Попытка произвести вербовку, устроенная Русской военной миссией в Берлине, в ведении которой находились все русские военнопленные в Германии, и во главе которой стоял тогда генерал Потоцкий, вполне благожелательно относившийся к этому плану, не имела успеха, так как союзные миссии были против.

Прибытие в Берлин князя Кропоткина, являвшегося уполномоченным отряда князя Ливена, не помогло делу, так как к этому моменту ему было заявлено начальником Русской военной миссии в Париже генералом Маткевичем, что Россия находится с Германией в состоянии войны, а потому не только нельзя принимать от немцев помощь, но недопустимо даже с ними разговаривать.

Между тем немцы, старались стать ближе к русским противобольшевицким кругам. Они были готовы во всем пойти навстречу, так уже было в начале апреля, когда немецкое социалистическое правительство, через своего министра рейсвера Носке, вполне определенно высказалось

против большевизма, и решительными мерами подавило вспыхнувшее спартаковское восстание.

Благожелательное отношение немцев с одной стороны, и равнодушные и отсутствие поддержки со стороны союзников с другой стороны, создало такое положение, в котором все обратили взоры к Германии, и искали там поддержки дела русских добровольческих частей, которые находились в Прибалтике.

Принимая во внимание бедственное состояние Северо-Западной армии и обратное положение отряда князя Ливена в Курляндии, был выработан план, который имел целью соединение всех русских национальных частей в Прибалтике и основание фронта, связанного общей идеей и любовью к Родине. В грубых чертах проект заключался в двух главных задачах. Первая – образование значительных вооруженных сил в Курляндии, вторая – соединение их с Северо-Западной армией.

Предполагали первую задачу привести в исполнение посредством пополнения храбрых частей князя Ливена, а также образования еще двух новых формирований всех трех родов оружия, которые должны были быть подчинены ротмистру князю Ливену. Каждая часть должна была достигнуть 6 000 человек и выделить ядро, которое впоследствии могло бы развернуться.

Вторая задача должна была быть достигнута наступлением и занятием района Режица – Двинск, где можно было рассчитывать на соединение с особым конным отрядом Булак-Балаховича, расположенным в треугольнике Пыталово – Мариенбург – Альшватенберг.

Было решено привести этот план в исполнение при помощи немцев, которые должны были взять на себя поддержку русских добровольческих частей и снабжение их всеми необходимыми военными материалами.

Министр рейхсвера Носке отнесся к этому плану очень благожелательно, и, после того как укрепилось внутреннее политическое положение, согласился провести это через военное главное командование на Востоке, обещая со своей стороны дать последнему соответствующие инструкции.

Командованием всеми соединениями Восточного фронта находилось тогда в руках генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга. Его войска состояли из двух групп. Одна за-

щищала границу от большевиков, другая занимала Польшу. Первая группа находилась под командованием генерала фон Кемста, бывшего командира четвертой армии на Марне. Его штаб находился в Бартенштейне, в Восточной Пруссии около Тильзита. Его начальником штаба был Генеральный Штаб генерал фон Зект (бывший начальник штаба генерал-фельдмаршала фон Макензена).

К этой группе принадлежали оккупационные войска в Курляндии под командованием генерала графа фон дер Гольца, его штаб, под управлением Генерального Штаба полковника фон Хокка, находился в Либаве. Штаб генерала фон дер Гольца являлся высшей военно-административной властью в оккупированной области и ему кроме чисто немецких частей подчинялись также: ландсвер (немецкое командование), латышские войска полковника Баллода и русские части князя Ливена.

Кроме упомянутого штаба в Берлине находился еще Главный штаб по охране границы, который был также подчинен генералу фон Гинденбургу. Во главе этого штаба находился Генеральный Штаб майор Виллензен, правой рукой которого был Генеральный Штаб майор фон Прауниц.

Впоследствии в Берлине действовало также вербовочное бюро для пополнения оккупационных войск в Прибалтике. Во главе бюро стоял брат генерала фон дер Гольца – тоже генерал.

При содействии главного штаба по охране границы, который находился в связи со всеми инстанциями на фронтах, там удалось добиться принципиального согласия на формирование русских добровольческих частей в Курляндии. Вся задержка заключалась в том, что нужно было получить разрешение от Союзнической Комиссии, которая ведала русским военнопленными, чтобы начать вербовку в лагерях и отправку людей на фронт. Однако это было не так легко. Так начальник русской военной миссии генерал Маткевич не симпатизировал этому делу, и не только не оказывал помощи, но даже старался повлиять на союзников в обратном смысле. Между тем русские военнопленные, особенно офицеры доставленные из Киева и здесь интернированные, а также добровольцы выражали желание поступить в русские национальные части. Ими были сформированы следующие части:

1). Полковника Бермондта в 3 500 человек.

2). Полковника Соболевского в 350 человек.

3). Полковника Вырголича в 400 человек.

В конце апреля генерал Манкевич уехал в Париж, а в Берлин прибыл ротмистр князь Ливен, который не дождавшись пополнений решил выяснить положение на местах и дал делу желаемое направление. Перед своим отъездом князь Ливен заручился в этом деле согласием генерала Юденича, а также согласием всех местных властей в Курляндии, то есть англичан, немцев и латышей.

На одном заседании, на которое были приглашены все русские, имевшие отношение к начатой работе, ротмистр князь Ливен, своими рассказами о боях с большевиками и о тяжелом положении Риги, произвел такое впечатление, что все согласились с тем, что некоторое время говорили не об ориентации, а о необходимости общими усилиями способствовать восстановлению России и освобождению ее от иноземного ига.

В результате этого совещания временно начальствующий русской военной миссией взял на себя ведение переговоров с Антантой, принципиального согласия которой добился князь Ливен, а сенатор Бельгардт взял на себя все политические переговоры с германскими властями. Соединенные усилия привели к тому, что союзники дали свое разрешение, немцы же со своей стороны обещали всяческую поддержку и необходимые денежные средства. Таким образом, были устранены все препятствия и формирования русских частей в Курляндии должны были пойти полным ходом вперед.

После этого ротмистр князь Ливен возвратился в Курляндию где готовилось большое наступление против большевиков, имевшее целью очищение Риги.

Перед своим отъездом ротмистр князь Ливен положил начало военному отделению, которое должно было заняться формированием русских воинских частей для Западного фронта, назначил начальника этого отделения, снабдив его соответствующими инструкциями.

По этим инструкциям дело должно было вестись на следующих основаниях:

1). Работа должна проходить в полном согласии с русской военной миссией в Берлине.

2). Все сформированные части войдут в состав признанного ген.

Юденичем добровольческого отряда ротмистра князя Ливена на следующих основаниях: а) по одиночке и группами будут отправлены в непосредственно существующие части ротмистра князя Ливена, б) целыми воинскими частями будут присоединены к отряду ротмистра князя Ливена в виде готовых рот, эскадронов и батальонов, в) новые состоящие из всех родов оружия части, находящиеся под командованием князя Ливена

3). Какие бы то ни было самостоятельные или носящие другой характер формирования не допустимы.

4). Зачисление немецких офицеров, солдат – не допускается.

5). Все переговоры с немцами относительно формирования частей должны происходить с ведома Военного отделения.

6). Зачисление таких русских, которые будут защищать только немецкие интересы – не допускается.

7). Не должны быть заключены тайные договора.

8). Начальнику военного отделения подчинены все сформированные на вышеуказанных началах части – до своей отправки из Германии, а также все лица, имеющие отношения к формированию и временно проживающие в Германии.

Кроме того, ротмистр князь Ливен лично условился с полковниками Бермондтом, Соболевским и Выргоlichem, после того как последние предъявили списки имеющих у них офицеров и вольноопределяющихся, о сформировании на вышеуказанных началах, следующих частей:

1). Полковника Бермондта – всех трех родов оружия в 3 500 человек.

2). Полковника Вырголича – всех трех родов оружия в 1 200 человек.

3). Полковника Соболевского – один батальон в 600 человек, который непосредственно должен быть присоединен к отряду ротмистра князя Ливена.

12 мая началась деятельность Военного отделения. Но едва была отправлена первая группа в 750 человек, как из Парижа вернулся генерал Маткевич, который узнал о начавшейся работе и определенно против нее высказался. Он вошел с союзными миссиями в соглашение, результатом которого было требование союзников германскому военному министерству прекратить вербовку и послать телеграмму о задержании отправленной партии людей. Позднее, когда ген. Маткевич немного разобрался в положении вещей, он за-

явил, что согласен разрешить продолжение вербовки, но с условием что ген. Юденич даст ему спешный ответ на его телеграфный запрос. Через некоторое время была получена телеграмма от генерала Юденича генералу Маткевичу, с определенным указанием не чинить формированию частей ротмистра князя Ливена препятствий.

Но работа уже не могла идти с прежним успехом, так как союзные миссии стали проявлять неблагоприятное отношение, чинили всяческие препятствия, и, наконец, вовсе запретили отправку.

Дело должно было продолжаться без ведома союзников, что очень замедляло и затрудняло работу. Достаточно указать на то, что из лагерей близ которых находились представители союзников, офицеры уходили под предлогом какой-нибудь экстренной надобности, а вольноопределяющиеся под предлогом отправки на работы собирались ехать в Берлин, где их грузили на эшелоны и отправляли прямо в Митаву.

Немцы принимали в этой работе самое деятельное участие и назначили даже специальных должностных лиц для проведения этой работы. Особенно должна быть отмечена интенсивная работа следующих учреждений:

1). Главный штаб по охране границы, который всячески способствовал формированию русских добровольческих частей, предоставляя им этапные транспорты для отправки на фронт.

2). Вербовочное бюро Бальтенсанд. А). Оно выдавало билеты и удостоверения по всей Германии для офицеров-вербовщиков. А для офицеров и добровольцев едущих на фронт, билеты от лагеря до Берлина, б) оно содержало прибывших в Берлин добровольцев вплоть до их отправки на фронт, в) доставляло эшелоны и отправляло их.

3). Лютцовский добровольческий корпус отпустил денежные средства на отправку людей, которые получали от Союза торговли и промышленности. Материально поддерживал всех немецких добровольцев и противобольшевицкие организации.

Несмотря на все усилия работа с каждым днем становилась труднее и причиной этому было обострение отношений между немцами и англичанами, возникшие на почве вербовки русских добровольцев. В то время как англичане требовали немедлен-

ного прекращения формирований, немцы под разными предлогами старались довести начатое дело до конца. Англичане обратились к ротмистру князю Ливену и настояли, чтобы он прекратил совместную работу с немцами. Результатом было недовольство немцев князем Ливеном и всеми лицами легально работавшими по вербовке. Потом немцы привлекли к работе таких русских, которым они по различным причинам больше доверяли, и которые были их информаторами в русских кругах.

К тому же при взятии города Риги ротмистр князь Ливен был тяжело ранен и принужден оставить на время свою лихорадочную деятельность. Вскоре произошло столкновение между ландсвером (немецкое командование) и эстонскими частями (английские инструктора), после того как бежавшее в свое время от большевиков из Риги, а потом изгнанное из Ливавы немцами правительство Ульманиса заключило с английскими представителями соглашение о восстановлении Латвии и об удалении немецких частей с территории упомянутой «Республики». Англичане не замедлили воспользоваться положением, чтобы вырвать части князя Ливена из под влияния немцев и отправить их к изолированной Северо-Западной армии. С этой целью они воздействовали на генерала Юденича и вынудили его отдать приказ полковнику князю Ливену отправить свои части в Ревель и присоединить их к Северо-Западной армии. Полковник князь Ливен хорошо понимал положение вещей и хотел ходатайствовать об оставлении его частей на месте, но ничего не мог сделать, так как англичане без его ведома и без его приказа посадили часть его войск на пароход и отправили в Ревель.

Полковник князь Ливен, после отбытия своих частей в Северо-Западную армию, сложил с себя полномочия командующего русскими добровольческими частями на Курляндском фронте. Этим воспользовались немцы и назначили полковника Бермондта, которого они считали самым подходящим для себя человеком в деле продолжения формирований русских частей на прежних основаниях. Командующим Западной армией, которая состояла из частей самого полковника Бермондта и частей полковника Вырголича.

Полковник Бермондт был утвержден генералом Юденичем в

должности Командующего Западной армией, было постановлено оставить некоторые части в Курляндии до окончательного их сформирования, после чего они должны были быть присоединены к Северо-Западной армии. Военное отделение для формирования добровольческих частей на Западном фронте, назначенное полковником князем Ливеном было ликвидировано и его заменило мобилизационное отделение Западной армии. Начальник последнего был назначен полковником Бермондтом и снабжен им соответствующими инструкциями.

О дальнейшей работе интересно заметить следующее: с одной стороны Бермондт был утвержден генералом Юденичем как командующий Западной армией и англичане изъявили свое согласие на то, чтобы части его армии оставались в Курляндии до своего окончательного сформирования. С другой стороны союзные миссии в Берлине запрещали доставку добровольцев для означенной армии и препятствовали, таким образом, формированию. Вербовка была крайне затруднена и приток добровольцев почти прекратился. Немцы не замедлили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы провести свои планы, которые они еще раньше пытались осуществить, но им воспрепятствовал полковник князь Ливен. Тогда они начали пополнять русские части немецкими солдатами и офицерами, образуя тем самым русско-немецкие части.

Таким направлением формирования немцы хотели достичь того, чтобы эти части не были бы отправлены на Северо-Западный фронт. Кроме того, под покровительством немцев был создан при командующем Западной армией так называемый Русский Совет, председателем которого был сенатор граф Пален.

С помощью этой ими созданной и дружественно настроенной русской силы, немцы надеялись продолжить свою борьбу с англичанами, дав отпор их натиску на Германию.

Между тем, положение создавшееся в Курляндии и конкуренция немцев в деле формирования русских частей на Балтийском фронте принудила англичан обратить внимание на Северо-Западную армию, где терпение русских начинало истощаться и громко раздавались голоса, что союзникам пора перейти от слов к делу. Прибытие в Северо-Западную армию отряда полковника князя Ливе-

на, который был до мелочей снабжен всем необходимым, еще больше подчеркнуло разницу в положении частей придерживающихся разных ориентаций.

Все это вместе взятое принудило, наконец, англичан исполнить хотя бы часть своих обещаний, и с этого момента, после многих разочарований и оскорблений русской национальной гордости, Северо-Западная армия получила возможность заняться своей реорганизацией.

Но ввиду того, что в расчеты англичан отнюдь не входило создание на Балтийском фронте внушительной русской вооруженной силы, могущей явиться угрозой самостоятельности покровительствуемых ими новорожденных «республик», которым была предназначена важная роль в изоляции будущей России от немецкого влияния, они организовали, безо всякой серьезной цели, поход на Петроград, не дав Северо-Западной армии возможности довести до конца своего формирования.

Кроме того англичане настояли на том, чтобы генерал Юденич, под предлогом необходимости концентрации русских сил в одном месте для взятия Петрограда, отдал бы категорический приказ полковнику Бермондту перебросить его части к Ревелю предварительно очистив их от гермаофильских элементов. Неполнение этого приказа привело к тому, что полковник Бермондт был объявлен изменником Родины и офицерам его отряда было приказано встать под команду старшего штаб-офицера, присоединиться к Северо-Западной армии.

Положение в Курляндии было тяжелым, так как немцы, несмотря на свое поражение не сдавали позиций и энергично выдумывали новые комбинации. Но это было возможно только до тех пор, пока борьба носила местный характер. Ее нужно было только перенести в Париж, Лондон и Берлин, чтобы ясно доказать превосходство союзников.

С одной стороны, угроза союзников возобновить блокаду и требования собственных левых социалистических партий с другой стороны, принудили немецкое правительство прекратить поддержку войск в Курляндии и рядом распоряжений довести их до такого положения, что им ничего больше не оставалось как возвратиться на родину.

Достаточно указать на то, что немецкое правительство приняло такие

решительные меры как прекращение выплаты содержания и доставка провианта оккупационным войскам, также как и содержания немецких подданных, если они к определенному сроку не вернутся на Родину. Этим окончилась борьба правительства, так как и не могло быть иначе при тяжелом политическом положении Германии, полной победы союзников, немецкое правительство принуждено было отказаться не только от поддержки Курляндских войск, но и вообще от всяких попыток в этом направлении.

Несмотря на создавшееся тяжелое положение борьба снова приобретает местный характер и продолжается самостоятельно, но силы слишком неравны и после долгой агонии героическая борьба в Курляндии заканчивается катастрофой. Одна из последних фаз агонии создала необходимость изыскать денежные средства для продолжения борьбы. Для этой цели Совет при командующем Западной армией уполномоченном барона Кнорринга, Пилляра фон Пильхау и Ремера войти в соглашение с торгово-промышленными и финансовыми кругами Германии. Эти уполномоченные по приезду своем в Берлин вступили в соглашение с генералом Бискупским и подполковником Дурново, которых некоторые политические деятели видели единственными спасителями командования Западной армии.

Вышеупомянутые лица создали, при участии сенатора Белгарта, члена Государственной Думы Дерюгина, полковника Саякина, Берга и Лаппе, под председательством генерала Бискупского, финансовую комиссию. Впоследствии члены финансовой комиссии, за исключением вышедших из нее сенатора Бельгарта, барона Кнорринга и Пилляра фон Пильхау, были спровоцированы неким Мошелем, выдававшим себя за агента торгового дома «Мошель и Ко», по на самом деле оказавшимся агентом др. Кона, бывшей правой руки большевистского агента в Берлине Иоффе, от которого он получил 12 миллионов марок, якобы для оказания помощи русским, а в самом деле, на пропаганду большевизма в Германии.

Мошель, получив необходимые для него сведения, начал свою преступную деятельность заключением тайных договоров между торговым домом «Морган и Ко» с одной стороны и русской финансовой комиссией с другой стороны, причем он угово-

рил членов комиссии подписать договор в качестве министров Западной России. Он обещал им, что в случае выполнения этого условия он получит для продолжения работы через упомянутый торговый дом субсидию в 300 миллионов марок.

После того, как Мошель получил на руки оригинал договора он исчез, и вместо того, чтобы выплатить обещанные суммы, опубликовал договор в газетах, чем доставил богатый материал для немецких крайних левых, социалистических партий, для того чтобы обвинить правительство в допущении подобной реакционной деятельности. Этой неудачной финансовой операцией было сильно скомпрометировано все дело, и попытка получить деньги из других источников не увенчалась успехом. Нужда вынудила Западную армию выпустить собственные деньги, которые, однако, не пользовались доверием, а выплата в них содержания была одной из главных причин внутреннего развала армии, который привел к печальным последствиям.

Наряду с внутренними беспорядками, столкновение Западной армии с латышскими войсками, кончилось в бою под Ригой. Вследствие участия английской эскадры на латышской стороне, операция закончилась печально для Западной армии, и она, потеряв всякую надежду на успех, стала отступать к немецкой границе.

Между тем в Тильзит прибыла военная комиссия союзников во главе с французским генералом Нисселем, выехавшим из Парижа, когда Западная армия еще находилась в благоприятном положении. Целью комиссии была ликвидация русско-немецкого предприятия, внушавшего союзникам серьезные опасения. Но так как она опоздала, ее деятельность направилась к тому, чтобы добиться оставления пределов Курляндской губернии Западной армией и оккупационными войсками и перевода их на немецкую территорию.

Приблизительно в то же время, когда произошла катастрофа в Курляндии, разыгрались печальные события и на северо-западном фронте, где наступление на Петроград кончилось отступлением русских национальных частей к эстонским границам. После перехода через эстонскую границу они были частью присоединены к эстонским полкам и дивизиям, частью из них были образованы рабочие команды для работы в тылу. Позднее пыл эстонского штаба несколько

ко остыл и англичане рекомендовали ему терпимее относиться к ген. Юденичу и не заходить так далеко с разоружением и уничтожением русских частей на северо-западном фронте.

После того как в Берлин была послана генералом Юденичем военная комиссия, Северо-Западная армия возобновила реорганизацию войск, причем были произведены большие перемены в командных должностях. Целью посылки военной комиссии в Берлин было исследование событий в Курляндии и выяснение дальнейшей судьбы отступивших в Германию русских частей Западной армии.

Таким образом, формирование русских национальных частей на Балтийском фронте не дало ожидаемых результатов и можно сказать, что создание таких боеспособных частей на упомянутом фронте теперь невозможно.

Между тем усилилась и укреплялась Эстонская «республика» и ожидается усиление соседней Латышской «республики».

В заключение можно сказать, что главная причина неудачи русских национальных частей на Балтийском фронте, является политика союзников (англичан), которую они здесь проводили, и которая, как заявил в первые же дни своего прибытия английский консул в Риге, заключается в поддержке и защите самостоятельных «республик» - Эстонии и Латвии, которые должны создать непроницаемую стену между будущей Россией и Германией. Следствием этой политики является препятствование англичан к созданию русских частей на фронте, так как существование таких частей угрожало бы развитию и существованию упомянутых «республик» и могла бы привести к нежелательному для англичан сближению этих частей с немцами.

Что касается политики немцев, то до прибытия англичан в балтийские гавани они руководствовались теми же принципами, то есть поддержки «самостоятельных» государств Эстонии и Латвии, правительства которых были созданы немцами и которым Германия, наряду с усилением своего влияния на них, открывала в будущем широкие перспективы. Но с момента прибытия англичан, когда явилась опасность что упомянутые «республики» станут скрытыми английскими колониями, Германия резко изменила свое отношение к окраинным государствам, и стремится к

тому, чтобы вся Прибалтика снова подпала под власть будущей России.

Непосредственная граница должна была помочь Германии выйти из изолированного положения и пробить, хотя бы на Восток, брешь для вывоза произведений своей промышленности.

Такая перемена политики указывала на желание Германии стать ближе к русским противобольшевицким кругам, и, в частности, к организациям в Курляндии. Этим обуславливается готовность немцев способствовать формированию русских национальных частей, и даже идти вместе с ними против большевиков. Но немцы не могли открыто провести своей помощи через правительство, так как у них был слишком сильный внешний враг в лице англичан и внутренний враг в лице своих крайне левых социалистических партий.

Второй причиной неудачи тех русских частей, которые были сформированы при поддержке немцев, следует искать в теперешнем тяжелом политическом положении Германии.

Несмотря на очень тяжелое положение в Прибалтике, мы, русские, все же могли достигнуть своей цели, используя местную борьбу немцев и англичан, для образования внушительной вооруженной силы. Но у нас не хватило единства, чтобы, несмотря на все препятствия, исполнить свои чисто русские задачи.

Недостаток этого единства наблюдается с того момента, как русские национальные части в лице Особого Псковского добровольческого корпуса остались в Эстонии и потеряли связь с внешним миром, попав в полную зависимость от союзников.

При этом картина сложилась бы совсем иначе, если местом формирования русских войск была бы выбрана Курляндская губерния. Там сформированная армия могла бы пользоваться для своих сообщений такими портами как Рига, Виндава и незамерзающая гавань Либавы. Находясь в непосредственной близости к Германии и в ближайшем расстоянии от Англии, эта армия могла бы сыграть решающую роль в деле возрождения нашей Родины.

Подтверждением этого положения может служить отряд ротмистра князя Ливена, который возрос до трех корпусов русских войск, снабженных всем необходимым, по численности (но не одновременно), превосходившем Северо-Западную армию.

Третьей причиной неудачи русских национальных сил, таким образом, явился неудачный выбор района для формирования русских армий.

Но и при наличии этой ошибки не все еще было потеряно, и можно было даже исправить эту ошибку, используя разрешение союзников на пополнение частей ротмистра князя Ливена. Нужно было приложить все усилия, чтобы создать таким образом сильные русские воинские части в кратчайший срок и двинуть их против большевиков в направлении Двинск - Режица.

Четвертой причиной неудачи являются, таким образом, трения и промедления допущенные при пополнении частей ротмистра князя Ливена. Следствием чего было изменение отношения англичан к этому вопросу, что изменил ход дальнейших событий, и вместо наступления на Режицу и Двинск привело к промедлению русских частей на Курляндском фронте. Позднее, когда борьба между англичанами и немцами приняла острый характер, надежда на успех была уже меньше, так как лучшее время было пропущено и для преодоления больших препятствий у нас не хватало национального воодушевления, которого мы не могли достаточно проявить даже в этих тяжелых обстоятельствах.

Таким образом, события указывают, что образование русских вооруженных сил на Балтийском фронте все же было возможно, несмотря на тяжелое политическое положение.

Кроме того события происходящие в Германии и Прибалтике указывают на то, что формирование русских частей на Балтийском фронте будет возможно в ближайшем будущем. И в этом направлении, для избежания вышеупомянутых ошибок при дальнейшей работе, необходимо (неофициальное) руководство лица, снабженного достаточными полномочиями, знакомого с положением на местах и не зараженного ядом ориентаций, которое могло бы здесь, на Западе, подготовить освобождение нашей Родины от чужеземного ига.

Берлин. 31 декабря 1919 г.

Генерального Штаба ротмистр Лейб-гвардии Кирасирского полка фон Розенберг.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-10, № 8.

В. Акунов

РЫЦАРИ БЕЛОГО КРЕСТА

Прежде чем перейти к основной теме нашего очерка - описанию боевых действий добровольцев немецкой Железной дивизии в составе Русской Западной Добровольческой Армии генерала князя Авалова-Бермондта¹, необходимо дать краткий обзор предшествовавших им событий в Прибалтике.

После свержения кайзера² Вильгельма II 9 ноября 1918 г. командование 8-й германской армии получило приказ очистить прибалтийские провинции России, обеспечив сохранность вывозимого военного имущества. Состоявшая главным образом из старослужащих 8-я армия начала разлагаться под влиянием большевизмской пропаганды и перестала существовать как серьезная боевая сила. Хотя «солдатские советы», образованные в оккупационных войсках после победы революции в Германии, заявили о своем намерении защитить Прибалтику от большевиков, старослужащие, обеспокоенные слухами о воцарившемся на родине хаосе, думали только о возвращении домой. Для обеспечения упорядоченного вывода войск и вывоза армейского имущества, командование 8-й армии объявило о формировании в ее составе добровольческих частей из наиболее стойких офицеров и солдат, готовых противостоять всеобщему разложению - наподобие русских «ударных частей» и «частей смерти» в период аналогичного разложения армии бывшей Российской Империи полугодом раньше.

Свежеиспеченные, но уже признанные Антантой временные правительства Эстонии, Латвии и Литвы также приступили к формированию отрядов самообороны против угрожавшего их независимости большевизма. Начало формировать свои добровольческие корпуса и балтийское население. В то время «балтийцами» именовали прибалтийских немцев, предки которых поселились в Прибалтике лет за 700 до описываемых событий, так что они являлись «пришлым» народом в Прибалтике не в большей степени, чем, например, татары в Крыму или русские - в Москве.³ В Эстонии был сформирован добровольческий Балтийский батальон, вскоре преобразованный в Балтийский полк под командованием

бывшего царского офицера Ганса фон Вейса⁴, а в Лифляндии⁵ и Курляндии⁶ - Балтийский ландесвер⁷ (буквально «земская оборона», иногда не совсем точно именуемый в русскоязычной литературе, в том числе в воспоминаниях современников, «ландсвером» или «ландвером»), под командованием первоначально русского генерала барона фон Фрейтаг-Лорингофена, затем - подполковника германской службы Эбергарда фон дер Гагена, а с февраля 1919 г. - немецкого майора Альфреда Флетчера⁸. Его начштаба стал капитан Лотар граф цу Дона-Вилькюннен. В состав ландесвера, кроме добровольцев из числа прибалтийских немцев, вошли также отряды русских белогвардейцев под командованием ротмистра Светлейшего князя Ливена⁹ (Либавский добровольческий стрелковый отряд) и капитана Дыдорова¹⁰ (общей численностью около 1000 штыков и сабель). Все они превосходно вооружались и снабжались из складов 8-й германской армии.

Формировавшиеся при 8-й армии германские добровольческие части были сведены под командованием полковника Куммера в Железную бригаду - нечто вроде нашего российского «Корниловского ударного отряда», имевшую даже знамя, похожее на корниловское - черное, с белой «мертвой головой» и девизом: «Вопреки всему». Все чины бригады носили на головных уборах череп с костями, наряду с черно-бело-красными кокардами кайзеровской армии. Уже в январе 1919 г. Железная бригада сразилась под Ригой с наступавшими большевиками. С середины января белые германские, балтийские и латышские части с трудом удерживали Виндавскую¹¹ линию, последнюю пригодную к обороне позицию перед границей Германии. На фронте общей протяженностью более 80 км (линия Гольдинген¹²-Шемеляны) Железная бригада имела всего навсего 300 штыков и сабель, Балтийский ландесвер - 500, а единственный «белый» латышский батальон бывшего офицера царской армии подполковника Оскара Колпака (Oskars Kalpaks), сформированный в Южной Латвии - всего 200 штыков.

Иной поворот события приняли только после назначения командиром Железной бригады германского майора Йозефа Бишофа. Начав службу в 166-м пехотном полку в г. Бич, он 8 лет прослужил офицером в Имперских колониальных войсках, первоначально в Германской Восточной, а позднее - в Юго-Западной Африке. В 1917 г., уже командиром 461-го пехотного полка, был награжден высшим военным орденом «За заслуги». 16 января 1919 г. ему было приказано возглавить добровольческие части на Курляндском фронте. Начальник Бишофа, командующий 6-й (резервной) германской армией в Прибалтике генерал-майор граф Рюдигер фон дер Гольц¹³, характеризовал следующим образом: «Я всегда задавался вопросом, чего в нем больше - офицера, африканца¹⁴ или студента-корпоранта. Во всяком случае, он был рожден командовать добровольческими частями».

18 января 1919 г. Бишоф свел остатки Железной Бригады и других частей в Железную дивизию (далее - ЖД). Тактика ЖД, по замыслу Бишофа, должна была сводиться в наступлении - к одновременной концентрической атаке нескольких ударных отрядов в 10-20 штыков каждый с несколькими пулеметами, во фланг и тыл противнику, а в обороне - к созданию оборонительных опорных пунктов с обеспечением возможности взаимной фланговой поддержки отдельных боевых групп. 20 января 1919 г. в состав ЖД вошли Балтийский конный отряд русского офицера барона фон Драхенфельса¹⁵, добровольческий отряд капитана фон Борке и новоприбывший добровольческий корпус «Шлезвиг-Гольштейн» под командованием капитана Гейберга. 1-м офицером штаба ЖД был назначен генерального штаба капитан Бизе.

Многие германские солдаты пошли добровольцами на Курляндский фронт, надеясь получить за службу землю. Уже в ноябре 1918 г. Балтийский Национальный Комитет (далее - БНК) вел с Верховным главнокомандованием германской армии переговоры о найме германских добровольцев для защиты «Балтенланда» (т.е. «Балтии» - проектировавшегося прибалтийского государства, власть в кото-

ром принадлежала бы местным этническим немцам-«остзейцам») от большевиков. Входившие в БНК курляндские и лифляндские землевладельцы во главе с бароном фон Мантейфелем-Кацдангеном обещали предоставить треть своих земельных владений (около 1 миллиона моргенов¹⁶) под поселения германских военных колонистов. Каждый германский (и не только!) доброволец, подписавший контракт о военной службе не менее чем на 6 месяцев, должен был получить 80 моргенов земли для поселения.

Наряду с балтийцами, с просьбой о военной помощи против большевиков к правительству Германской Империи обратилось также временное латвийское правительство Карлиса Ульманиса. 18 декабря 1918 г. германский имперский комиссар в Прибалтике, Август Винниг, заключил с латвийским правительством договор, согласно которому все германские солдаты, готовые защищать Латвию от внешнего врага, по завершении военных действий получали латвийское гражданство и землю, обещанную балтийцами германским военным поселенцам. Договор был ратифицирован латвийским премьер-министром 29 декабря 1918 г. Когда ЖД позднее волилась в состав русской Западной Добровольческой Армии, стоявшей за единую и неделимую Россию, договор был подтвержден с некоторыми изменениями (германские добровольцы получали от русского командования по 100 моргенов земли и российское гражданство).

Идея колонизации нашла большой отклик среди добровольцев ЖД и явилась одним из решающих факторов военных успехов этого соединения.

Между тем, Ульманис в ходе своего зарубежного вояжа провел переговоры с эстонским правительством, обещавшим ему военную поддержку против Красной Армии¹⁷, а также помощь при создании латышских частей на севере Латвии. Формирование этих северо-латвийских частей осуществлялось под руководством капитана-латыша Йорга Земитана (Jorgis Zemītans), но сами они подчинялись верховному командованию эстонских вооруженных сил, теснейшим образом связанного с Антантой. Так возник своего рода «второй фронт» против Красной Армии, вынужденной, чтобы избежать окружения, отступить на юго-восток, в Латгалию.¹⁸

К началу марта 1919 г. в распоряжении графа фон дер Гольца было уже

около 20 000 штыков и сабель плюс около 1000 солдат «белых» латвийских войск¹⁹ под командованием Колпака, повышенного в звании до полковника.

3 марта 1919 г. началось контрнаступление антибольшевицких войск на Ригу. В его ходе выяснилось, что боевой пыл красных войск за пять месяцев господства коммунистов в Латвии²⁰, ознаменовавшегося, как и повсюду в России, разрухой, голодом и вакханалией бессудных расправ, заметно поостыл.

В ходе операций «Оттепель», «Ледоход» и «Весенний ветер» ЖД совместно с балтийскими и русскими белыми частями нанесла большевицким войскам целый ряд поражений. Так, входивший в ее состав добровольческий корпус «Люнебург» под командованием ст. лейтенанта Герберта Фолька 22 марта 1919 г. в боях на р. Эккау разгромил поддерживаемый большевицкими бронепоездами немецкий коммунистический полк им. Карла Либкнехта, состоявший из бывших матросов кайзеровского военно-морского флота, перебежавших на сторону красных. Сам Фольк был тяжело ранен в бою. В боях с 3 по 22 марта 1919 г. потери ЖД составили 13 офицеров и 159 нижних чинов, из них треть убитыми. Временно подчиненный ЖД Балтийский ударный отряд был возвращен в состав ландесвера. Вследствие этого численность ЖД несколько уменьшилась, но ненадолго, ибо нарастал приток добровольцев из Германии.

1 марта 1919 г. Ульманис вернулся из дипломатического турне по Европе во временную резиденцию своего правительства – Либаву²¹ и возобновил переговоры с Балтийским Национальным Комитетом²². В своей предложенной на рассмотрение правительства программе из 14 пунктов²³ - как основе для выработки конституции независимой Латвии - БНК, в частности, требовал предоставления права на поселение для всех защитников молодого государства. Но Ульманис заявил, что все обязательства своего правительства перед германскими добровольцами утратили силу... в результате заключения Версальского договора!²⁴ Очередное совместное заседание должно было начаться 16 апреля 1919 г. ровно в 15.00. Однако незадолго до его начала один из командиров добровольческих корпусов, капитан Пфедфер фон Заломон, применив вооружен-

ную силу, освободил германского офицера, заключенного в латвийский следственный изолятор. Заседание было отложено до выяснения причин конфликта. В то время Ударный отряд Балтийского ландесвера во главе со своим командиром, бароном Гансом фон Мантейфелем, получив увольнение, как раз находился в Либаве. Вечером 16 апреля 1919 г. чины Ударного отряда ворвались в здание латвийского правительства, разоружили латышских часовых и арестовали двух министров. Остальные члены латвийского правительства успели укрыться в здании британской миссии. Добровольцы ландесвера интернировали 200 латышских солдат и взяли город под контроль.

Все германские официальные лица, в том числе и граф фон дер Гольц заявили, что ничего не знали о подготовке этого путча и не имели к нему никакого отношения. Однако латвийское правительство возложило всю ответственность за случившееся на «немецкую сторону» (не делая никакого различия между немецко-балтийским ландесвером, германскими добровольческими частями и официальными представителями Германской империи) со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе и юридическими. Оно в одностороннем порядке расторгло договор, заключенный им 29 декабря 1918 г. с верховным представителем Германии Августом Виннигом.

После разрыва с правительством Ульманиса «немецкая сторона» попыталась привести к власти альтернативное латвийское правительство, не поддерживающее столь тесных контактов с Антантой, как Ульманис. Разумеется, в создании такого правительства были больше всего заинтересованы официальные представители Германии.

Планировалось установление своеобразной военной диктатуры во главе с латышским подполковником Яном Балодом²⁵, преемником убитого при невыясненных обстоятельствах Колпака,²⁶ и командиром русских добровольцев Светлейшим князем Ливеном. Однако Балод отказался и запретил своим офицерам принимать подобные предложения. Солидаризовался с Балодом и князь Ливен.

Через 10 дней пост пастор и писатель Андрис Недра²⁷, согласился возглавить латвийское правительство под германским контролем. В отличие от Ульманиса, Недра был непримири-

мым врагом не только большевизма, но и социализма вообще. В любых его проявлениях.

С этого момента «немецкая сторона» признавала в качестве законного правительства Латвии только правительство Андриса Недры. Тем более, что Недра дал, наконец, германским добровольцам долгожданное разрешение на поселение в Латвии²⁸.

Балтийцы с самого начала сражались как за полное освобождение страны от большевизмского режима, так и за сохранность своих владений. Добровольцы из Германии первоначально присоединились к их борьбе только ради обеспечения безопасного вывода 8-й германской армии и охраны германской границы. Однако мысль о колонизации и родившееся в ожесточенных сражениях боевое братство с балтийцами постепенно привели и германских солдат к осознанию необходимости окончательного освобождения и замирения страны. Символом этой борьбы стало освобождение древнего ганзейского города Риги. Рига была освобождена от красных 22 мая 1919 г. исключительно силами балто-немецких, русских и германских добровольцев, и безо всякого участия «белых» латышей. Командир Балтийского ударного отряда Ганс фон Мантейфель, капитан фон Медем и старший лейтенант Альберт Лео Шлагетер с 2 пулеметами и одним орудием под шквальным огнем противника прорвались по Любекскому мосту, который большевики заминировали, но так и не успели взорвать, на восточный берег Западной Двины²⁹ и создали там первый плацдарм. Во главе всего 12 добровольцев они пробивались к цитадели, чтобы спасти арестованных, которых большевики держали в заложниках. При этом были убиты сам Мантейфель, граф Рейтерн-Нолькен и лейтенант Ольбрих. Большевики успели расстрелять в цитадели 8 священнослужителей, а в центральной тюрьме на Александровской улице – еще 23 мужчин и 10 женщин. Общее число жертв большевизмского режима в Латвии составляло на тот день более 5000.³⁰

К вечеру добровольцы Светлейшего князя Ливена очистили от красных северную часть Риги, включая Царский лес, а отряд капитана Дыдорова – правый берег Западной Двины до устья³¹. Князь Ливен собрал многочисленных пленных красных на территории рижского завода «Проводник» и навел порядок в освобожденной рус-

скими добровольцами части Риги.³²

Латышская «бригада Балода» страшным образом «опоздала» к освобождению столицы Латвии и прибыла в Ригу лишь на следующий день. После некоторых колебаний «белым латышским стрелкам» поручили очистить территорию страны до побережья от остатков большевизмских войск. Но Балод³³ и его люди, при «моральной» поддержке английского флота, занялись исключительно спасением своих соотечественников-латышей, мобилизованных коммунистами в Красную Армию якобы «насилу», от рук ландесверовцев, разъяренных открывшимися большевизмскими зверствами³⁴.

После освобождения Риги от красных майор Бишоф заявил чинам своего штаба «Мы, господа, напобеждали до смерти!». По его мнению, необходимым предпосылкой для присутствия германских войск в Прибалтике являлось наличие большевизмской угрозы Прибалтийскому краю. Теперь же, после освобождения Курляндии и Лифляндии от красных войск, Антанта не замедлила бы потребовать вывода германских войск, ибо несколько не была заинтересована в германском протекторате над свежиспеченными лимитрофами. Лишь сохранение или создание нового фронта против Советов могло бы служить оправданием продолжающегося присутствия германских войск. Поэтому представлялось необходимым исключить всякие дальнейшие военные действия в направлении Северной Лифляндии или Эстляндии³⁵, до новой концентрации там большевизмских войск.

Но вопреки всем доводам Бишофа, граф фон дер Гольц приказал ЖД продолжать наступление в Лифляндии. К концу мая 1919 г. Она вытеснила с территории Латвии последние большевизмские части.

Балтийский ландесвер также продолжал наступление до тех пор, пока 19 июня 1919 г. близ древнего замка ливонских рыцарей Вендена³⁶ не вошел в соприкосновение с эстонскими войсками и двумя сформированными эстонцами латышскими полками³⁷ верного Ульманису полковника Земитана, блокировавшими дальнейшее продвижение балтийцев. Главнокомандующий «белой» эстонской армией Лайдонер ультимативно потребовал, чтобы ландесвер не пересекал линию севернее реки Гауя – Сигулды – Нитауре – Яунгулбене, а там, где это уже произошло, отступил за эту линию не позднее 12 часов 5 июня 1919 г.

По истечении срока ультиматума он направил 2-й и 4-й эстонские бронепоезда проверить, отступил ли ландесвер за обозначенную линию. На проверку выехал также представитель армии США полковник Доули. Вблизи моста через реку Амата, разрушенного при столкновении эстонцев с ландесвером еще утром, разведывательный отряд 2-го бронепоезда был обстрелян «балтийскими бойцами». Передовое подразделение ландесвера предприняло попытку отрезать и захватить бронепоезд, но было отбито пулеметным огнем. Эта стычка послужила началом кровопролитных боев между Балтийским ландесвером и выступившими единым фронтом войсками Эстонии и северной Латвии в районе Лемзаль³⁸ – Гросс-Рооп³⁹ – Венден – Ронненбург⁴⁰. В 3 часа утра 6 июня 1919 г. части ландесвера пошли на штурм Вендена и выбили из города значительно превосходившие их силы северо-латвийской бригады Земитана. Эстонцы также почли за благо увести свои бронепоезда. Ландесвер активно устремился на соединение с русским белым Северным корпусом, преследуя конечную цель совместным ударом выбить большевиков из Петрограда и привести к власти национальное Русское правительство. Вскоре эстонцы, извещенные об этих планах своей агентурой, получили убедительное подтверждение правильности полученной информации.

8 июня 1919 г. на восточном берегу р. Наровы огнем подразделения 4-го полка 1-й эстонской дивизии был принужден к посадке германский аэроплан, на котором из Риги в штаб генералов Родзянко и Юденича летели российский сенатор Нейдгардт и два немецких офицера для координации действий Балтийского ландесвера с русским Северным корпусом. 9 июня близ Нарвы были сбиты еще 2 немецких пилота, летевших с аналогичным заданием. Антанта встревожилась. «Союзникам» совсем не улыбалось восстановление сильной монархической России «под сенью дружеских штыков» немецких добровольцев. По требованию военной миссии «союзников» в Прибалтике, в Венден на переговоры прибыли представители враждующих сторон. В 7.50 утра 10 июня 1919 г. под нажимом представителей Антанты было заключено перемирие, подписанное со стороны ландесвера А. Флетчером, а со стороны Эстонии – Я. Ринком. Представитель США В. Грин счел убедительной ар-

гументацию балтийцев, справедливо указывавших на фактическую оккупацию Северной Латвии эстонцами и разжигание ими там братоубийственной гражданской войны между латышами, и предложил последним, в интересах общей борьбы против большевизма, незамедлительно вывести все эстонские войска из Северной Латвии, с тем, чтобы Эстония взяла под свою ответственность оборону Южного фронта против советских войск вплоть до Яунгулбене. Однако эстонцы этот план отвергли. Лайдонер категорически заявил представителям Антанты о своей готовности передать Северную Латвию лишь правительству Ульманиса. Он приказал эстонским войскам и северо-латвийской бригаде Земитана быть в полной боевой готовности для нанесения удара по Балтийскому ландесверу. 13 июня 1919 г. прибывший в Ревель⁴¹ глава военной миссии Антанты в Прибалтике, британский генерал Гоф, настроенный в отношении эстонцев более чем доброжелательно, а в отношении русских и тем более немцев - откровенно враждебно, остановил начавшуюся эвакуацию эстонских войск из Северной Латвии. По его требованию Флетчер и Ринк подписали соглашение о продлении перемирия.

В тот же день Гоф направил графу фон дер Гольцу телеграмму, в которой говорилось:

«Как руководитель военной миссии в Прибалтийских странах, приказываю Вам:

1. Отвести подчиненные Вам войска к югу от линии Гауя – Сигулда – Яунгулбене;

2. Половину подчиненных Вам войск отправить в Германию.

3. Разрешить г-ну Ульманису образовать национальное правительство и беспрепятственно заниматься в Латвии организацией и обучением латышских войск...»

И т.д. в том же духе творений Редьярда Киплинга, подобных, по образному выражению Паустовского, наглому крику военной трубы перед конной атакой на толпу безоружных рабов. Но генерал Гоф, вероятно, забыл, что он не в Амритсаре⁴²!

Ответ фон дер Гольца был краток и полон достоинства:

«Я решительно отвергаю присвоенное Вами себе самому право приказывать мне. Я – германский генерал и подчиняюсь лишь приказам моих высших германских инстанций».

17 июня 1919 г. майор Флетчер, со своей стороны, предъявил Лайдонеру ультиматум:

«Требую, теперь уже от имени Правительства Латвии⁴³, незамедлительного согласия очистить территорию Латвии, как это предложили союзники 10 июня».

Вместо Лайдонера на ультиматум ответил генерал Гоф, приказавший Флетчеру немедленно усилить антибольшевицкий фронт частями ландесвера, а самому явиться в 12 часов дня 20 июня 1919 г. в Валк⁴⁴ для новых переговоров. Однако Флетчер не явился. Новое столкновение стало неизбежным. В период затянувшегося перемирия Антанта лихорадочно готовилась к решающему контрудару. Результаты этой подготовки не замедлили сказаться в ходе развернувшихся вскоре боев. Великолепно вооруженные и оснащенные англичанами эстонско-латышские части⁴⁵ постепенно начали одолевать обескровленный в боях за Ригу ландесвер. Огромную помощь эстонцам оказывали их бронепоезда. Крейсировавшие у побережья эстонские военные корабли своей артиллерией оказывали сухопутным силам наймитов Антанты огневую поддержку⁴⁶. Позднее в бои на стороне латышей и эстонцев напрямую вмешались и британские корабли. И тогда командование 6-й германской армии, вопреки всем предостережениям майора Бишофа, решило прислать на помощь балтийцам германские части. Под командование ландесвера из состава ЖД были переведены, в частности, «Баденский штурмовой батальон» (позднее выросший до размеров полка) и пулеметно-снайперский отряд фон Петерсдорфа.

19 июня 1919 г. комиссия Антанты ультимативно потребовала от Балтийского ландесвера очистить всю северную Лифляндию. Как майор Флетчер, так и новый латвийский премьер-министр Андрис Недра отклонили это требование Антанты и попросили помощи у командования 6-й германской армии. По приказу генерала фон дер Гольца ЖД на две недели перешла на службу к Латвийской республике (т.е. правительству пастора Недры) и поступила в подчинение его военного министра доктора Ванкина. 19 июня 1919 г. Бишоф получил приказ силами пяти батальонов поддержать наступление Балтийского ландесвера на Венден. Его просьба использовать для этого всю ЖД в полном составе была отклонена. Уже на следующий день

ландесвер тремя колоннами перешел в наступление. Его главные силы, поддержанные сильным огнем артиллерии, бронепоездом и аэропланами, двигались вдоль железной дороги Рига – Венден – Валк и по шоссе Рига – Псков к границам Эстонии. Наступавшие на Венден колонны возглавляли германские офицеры (1-ю колонну – майор Бокельман, 2-ю колонну – капитан Геннер фон Мальмеде, 3-ю колонну – ротмистр фон Йена⁴⁷).

1-я боевая группа ЖД под командованием майора фон Клейста форсировала у Гинценберга р. Лифляндскую Аа⁴⁸. 2-я боевая группа капитана фон Бланкенбурга продвигалась на Лемзаль. Сломив сопротивление эстонцев и поддерживавших их латышей полковника Земитана, сохранивших верность правительству Ульманиса, Клейст штурмом взял Гросс-Рооп. Отступление 2-го Цесисского латвийского полка бригады Земитана и 3-го эстонского полка с бронепоездом напоминало паническое бегство. На участке фронта 3-й эстонской дивизии севернее Вендена образовался 6-километровый разрыв, куда в направлении железнодорожной станции Лодде неудержимо устремились ударные части ландесвера. Однако Северная группа ландесвера была вынуждена отступить от Лемзала, после гибели в бою ее командира. Латыши и эстонцы, в свою очередь, большими массами перешли в наступление на Гросс-Рооп и вовлекли группу Клейста в кровопролитное оборонительное сражение. В самые критические дни боев 21-22 июня эстонцы получили сильные подкрепления: Тартуский батальон Куперьянова, батарею тяжелых орудий, 3-й бронепоезд с десантным батальоном, дружину «Калев», 1-й полк с 4 броневедомолами и ряд других свежих подразделений, обеспечив за собой значительный перевес над ландесвером в пулеметах, артиллерийских орудиях, аэропланах и кавалерии.

Особенно яростные бои развернулись в районе Вендена, как важного стратегического узла. Всего за несколько дней потери каждой из противоборствующих сторон убитыми и ранеными превысили 400 человек. Утром 23 июня 1919 г. эстонские войска перешли в общее наступление. Но их удар пришелся в пустоту – под покровом ночи основные силы добровольцев ландесвера и ЖД уже отступили по всему фронту в направлении Риги. Только Венден оборонялся еще балтийским бронепоездом и несколькими

пехотными подразделениями добровольцев. Но уже в 7.30 город был взят десантными частями эстонских бронепоездов.

Прибывший в боевую группу Клейста майор Бишоф получил радиogramму о поражении ландесвера под Венденом и о том, что самостоятельно двинутые офицером штаба ЖД Гейнцем Гудерианом из Риги подкрепления по приказу Генерального Командования были приданы не Железной дивизии, а Балтийскому ландесверу. Ввиду этих обстоятельств Бишоф прервал сражение за Гросс-Рооп и отдал приказ отступить к реке Аа.

В следующие дни вдоль всего фронта, проходившего по реке Аа, продолжались ожесточенные бои. Егерскому батальону старшего лейтенанта Бюхнера пришлось 22 июня 1919 г. врукопашную отбивать назад захваченную противником батарею. В ходе оборонительных боев фронт ЖД получил подкрепление в лице 2-го Либавского полка и частей бывшего уже на подходе добровольческого корпуса Кордта фон Брандиса, что позволило успешно отразить все попытки эстонцев и ульманисовцев прорвать фронт.

В ходе боев с 23 по 27 июня эстонские войска, наступавшие из района Вендена, достигли подступов к Риге, выйдя в район устья реки Гауя – озера Балтезерс – озера Югла, где, с учетом благоприятного для обороны характера местности, еще в период I мировой войны была сооружена полоса мощных долговременных оборонительных сооружений. ЖД и ландесвер рассчитывали прочно закрепиться на этой линии, перегруппировать силы и начать контрнаступление в северном направлении. Между тем главнокомандующий эстонской армией Лайдонер отдал вечером 29 июня приказ захватить Ригу любой ценой, не считаясь с потерями. Похоже, «белые» эстонцы перенимали «передовой опыт» у большевиков, чьими противниками они (в отличие от своих покровителей-англичан) все еще продолжали формально считаться.

Подписание 28 июня 1919 г. Версальского договора, в параграфах 292 и 293 которого содержалось требование всем германским войскам очистить Прибалтику, ускорило роковой ход событий.⁴⁹

С 30 июня по 2 июля развернулись бои на подступах к Риге. Части ландесвера и ЖД были оттеснены за озеро Кишезерс. Наконец, 2 июля 9-й эстонский полк, успешно продвигавшийся на пра-

вом фланге, вышел к северной окраине Риги, готовясь ворваться в город. Одновременно дивизион эстонских бронепоездов рвался в Ригу с северо-востока, из района озера Кишезерс. Крепость Динаминде⁵⁰ в устье р. Даугавы была атакована дивизионом военных кораблей эстонского Балтийского флота. Военные корабли «Лембит», «Леннук» и «Вамбала» огнем своих орудий подавили артиллерию крепости и сопротивление гарнизона, состоявшего из бойцов ландесвера и ЖД.

1 июля 1919 г. на рейде умолкнувшего Усть-Двинска появилось соединение британские военно-морского флота. Британские корабли под эстонским флагом, продвигаясь по Двине, начали обстреливать Ригу. Со станции Ропажы эстонцы из корабельных пушек, установленных на железнодорожных платформах, вели обстрел мостов через Двину, рижского вокзала и других стратегических объектов города. Под обстрелом Балтийский ландесвер был вынужден оставить рижскую станцию водоснабжения, которая незамедлительно была захвачена латышскими войсками, верными Ульманису, и выведена из строя, так что город лишился воды.

Вследствие обстрела с моря на северном отрезке фронта сложилось критическое положение. Поскольку одновременно возникла угроза разрушения мостов через Двину, граф фон дер Гольц 2 июля 1919 г. приказал войскам оставить Ригу. В ночь со 2 на 3 июля 1919 г. ЖД отошла на западный берег Двины. Эвакуация раненых и военного имущества проходила под прикрытием егерского батальона, который затем, 4 июля 1919 г., в качестве последней германской войсковой части, оставил Ригу.

Представители Антанты сочли неуместным вступление в «освобожденную от чужеземных захватчиков» латвийскую столицу победоносных эстонских (т.е. опять-таки «чужеземных») войск. Поэтому эстонцы пока что остались на позициях, занятых ими 3 июля 1919 г. Вместо эстонцев в Ригу в роли «освободителей» вступили латышские части Земитана. Ульманис со своими министрами высадился в Риге с борта английского военного корабля. Управление Ригой взяла на себя смешанная комиссия, состоявшая из представителей стран Антанты и латвийского временного правительства.

Национальное латвийское правительство пастора Недры под давлени-

ем Антанты заключило перемирие с эстонцами и с ульманисовскими латышскими частями. Согласно условиям перемирия, верные Недре войска должны были очистить также удерживавшиеся ими предместья Риги, расположенные на западном берегу Двины – Гагенсберг и Торенсберг⁵¹. После этого оказалось невозможно удерживать Двинскую линию обороны, и Генеральное командование приказало всем немецким частям и соединениям вернуться на свои исходные позиции под Митавой⁵².

При этом коренным образом изменилось положение балтийских добровольцев. Под давлением Англии правительство Недры в полном составе подало в отставку. Карлис Ульманис снова стал премьер-министром Латвии. 26 июля 1919 г. Балтийский ландесвер был вынужден перейти под командование английского полковника Александра и занять позиции северо-восточнее Риги, получив в качестве боевой задачи «зачистку» Латгалии и охрану латвийской границы с Совдепией. Находившиеся ранее в подчинении ландесвера германские части были выведены из состава ландесвера. Командир ландесвера майор Альфред Флетчер и все его германские офицеры были уволены, русский добровольческий корпус князя Ливена был эвакуирован в Эстонию и перешел под командование генерала Н.Н. Юденича.

При поддержке Северного Верховного Армейского Командования (АОК Норд) ранней весной 1919 г. в Прибалтике под верховным командованием полковника князя Авалова-Бермондта (немцы предпочитали называть его просто князем Аваловым) были сформированы два русских добровольческих отряда – Русский (первоначально именовавшийся Западным Добровольческим) Корпус имени графа Келлера (увеличивший свой состав с 4000 штыков и сабель в начале августа до 8000 штыков и сабель в начале сентября) под командованием царского генерала Д.В. Альфатера - в Митаве, и бригада под командованием полковника Е. Вырголича (2500 штыков и сабель) в Шаулене⁵³. Эти два подразделения 5 сентября 1919 г. были сведены в Русскую Западную добровольческую армию под командованием князя Авалова, действовавшего на основании полномочий и от имени эмигрантского Военно-политического совета, созданного в Берлине под председательством барона Л.К. Кнорринга, при участии предводителя ли-

фляндского дворянства барона Пилара фон Пильхау, сенатора Туган-Барановского, полковника П. Дурново и других. Армия князя Авалова, в отличие от подавляющего числа других русских белых армий, открыто выступала под монархическими лозунгами, а ее политический отдел разработал специальную программу «монархистов-демократов». Финансирование обеспечивали германские промышленники, в частности, Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, создавшие «Русско-немецкий финансовый синдикат». Позднее этот военно-политический комитет был преобразован в «Центральный Совет Западной России» и, наконец, в Западнорусское правительство, премьер-министром которого был назначен генерал В.В. Бискупский⁵⁴, а военным министром – П. Дурново.

Русские белые добровольцы в Прибалтике были самой силою вещей заинтересованы в теснейшем сотрудничестве с Германской империей, и прежде всего, с размещенными в прибалтийском регионе германскими войсками. Однако русско-германское сотрудничество никоим образом не входило в планы Антанты, и английский генерал Гоф в своем письме генералу Юденичу от 4 августа 1919 г. предупредил его, что «...кто будет сотрудничать с Германией, тот лишится всякой поддержки союзников».

Уже в июле 1919 г. между князем Аваловым и майором Бишофом были установлены первые контакты с целью налаживанию военного сотрудничества. 28 июля 1919 г. первый штаб-офицер ЖД, капитан Гейнц Гудериан⁵⁵ обобщил ситуацию в меморандуме, содержащем следующие тезисы:

1. Глава временного латвийского правительства Ульманис аннулировал все обещания, данные германским добровольцам в Прибалтике, что означает полный провал германской политики сотрудничества с Латвией.

2. Версальский договор требует вывода всех германских войск из Прибалтики и тем самым обрывает прямые связи между Германией и Россией. В случае ухода из Прибалтики Германия оказывается в окружении малых государств, всецело зависимых от Антанты. Во имя будущего развития необходимо сохранить путь в Россию через Прибалтику. Эта задача должна быть обеспечена силами германских солдат и колонистов в Прибалтике.

Именно Гудериану удалось добиться согласия германского военного

руководства на переход оперировавших в Прибалтике германских войск в армию Авалова-Бермондта.

Ссылаясь на соответствующие статьи Версальского договора, Антанта все более настойчиво требовала эвакуации всех германских войск из Прибалтики. 27 августа 1919 г. французский маршал Фош предъявил германскому правительству прямой ультиматум, угрожая в случае его отклонения применить против Германии репрессии на Западе. В ответ министерство рейхсвера приказало командованию 6-й армии незамедлительно начать эвакуацию германских частей, готовых по собственному желанию вернуться в Германию. Граф фон дер Гольц отказался от предложенной эвакуации морским транспортом, предложив со своей стороны поэтапно вывести вверенные ему войска в течение двух месяцев по железной дороге.

На тот момент численность ЖД составляла 14 000 штыков и сабель. По своей организационной структуре она соответствовала германской дивизии военного времени.

Командир ЖД опасался, что Антанта и правительство Веймарской республики задумали расчленить дивизию и расформировать ее под предлогом эвакуации. Его опасения вполне оправдались, когда дивизион пешей артиллерии был эвакуирован насильно, против воли офицеров и нижних чинов. 23 августа 1919 г. аналогичный приказ прибыть в Митаву для эвакуации получил и батальон лейтенанта фон Рикгофа. Явившись на митавский вокзал в сопровождении капитана Гудериана, майор Бишоф отдал приказ батальону Рикгофа выгрузиться в Шаулене и расквартироваться в ожидании дальнейших приказаний. На следующий день Бишоф обратился к войскам с воззванием, заявив, что ЖД в полном составе останется в Курляндии до получения соответствующих правительственных гарантий предоставления антибольшевицким добровольцам права поселения.

Примеру ЖД на следующий день последовали Немецкий (иногда именовавшийся современниками Германским) Легион и добровольческий корпус капитана Карла фон Плеве. Немецкий Легион (далее - НЛ), сформированный в июле 1919 г. из остатков германской 1-й гвардейской резервной дивизии, состоял на тот момент из добровольческих корпусов Кордта фон Брандиса, графа Йорка фон Вартенбурга, Вейкмана, Штевера и Дибби-

ча, добровольческого полка «Балтенланд», Баденского штурмового батальона, добровольческого пулеметно-снайперского отряда фон Петерсдорфа, добровольческих отрядов фон Йена и Михаэля, а также авиационной эскадры (авиаполка) старшего лейтенанта Готтхардта Заксенберга и нескольких более мелких подразделений. Командовал Немецким легионом капитан 1-го ранга Зиверт, его начштаба был капитан Отто Вагнер.

Вечером 24 августа 1919 г. германские добровольцы ЖД и русские солдаты князя Авалова-Бермондта, срывая латвийские флаги, прошли факельным шествием по Митаве и потребовали начать совместную борьбу с большевизмом⁵⁶. Казалось, состоялась новая встреча давняя мечта о германо-русском братстве по оружию. Отныне ничто более не препятствовало немецкой Железной дивизии влиться в ряды Русской Западной добровольческой армии.⁵⁸

26 августа 1919 г. Верховное Главнокомандование рейхсвера в лице генерала Гренера потребовало от ЖД и НЛ «безусловного подчинения» указаниям германского правительства. 5 сентября 1919 г. берлинское правительство закрыло границы Германии с Прибалтикой. 11 сентября 1919 г. германская военная прокуратура по приказу министра рейхсвера, социал-демократа Густава Носке, возбудила против капитана 1-го ранга Зиверта и майора Бишофа дело по обвинению в «злонамеренном неподчинении приказам».

21 сентября 1919 г. все германские войска в Курляндии, по соглашению между князем Аваловым и графом фон дер Гольцем, перешли под командование русской Западной добровольческой армии. Соглашение включало в себя, в частности, следующие пункты.

1. Русские войска берут на себя оборону участка фронта от Риги до Митавы и обеспечивают прикрытие эвакуации германских частей.

2. При нападении на позиции русских войск германские войска обязуются оказывать им незамедлительную помощь.

3. Германские добровольцы переходят на русскую службу по контракту.

4. Митавская (Курляндская) губерния и германское войсковое имущество под расписку переходят в распоряжение русского верховного командования.⁵⁹

5. Русский главнокомандующий обязуется выполнять военные и поли-

тические директивы Военно-политического Совета в Берлине.

26 сентября 1919 г. соглашение было одобрено и признано по телефону германским министром рейхсвера Носке. Однако всего через три дня тот же самый Носке, глазом не моргнув, приказал без предупреждения открывать огонь по каждому, кто попытается пересечь германо-прибалтийскую границу. 3 октября 1919 г. граф фон дер Гольц был отозван в Германию, и командование 6-м резервным корпусом принял на себя генерал-лейтенант фон Эбергардт.

4 октября 1919 г. князь Авалов направил главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генералу А.И. Деникину послание, оповещающее его о намерении Западной добровольческой Армии сперва взять Ригу, а затем продвинуться в направлении Двинск⁶⁰ – Великие Луки – Невель – Новосокольники на соединение с русскими частями, находящимися под командованием других белых генералов.

5 октября 1919 г. берлинское правительство распорядилось об усилении охраны границы между Германией и Прибалтикой, а военные корабли Антанты возобновили блокаду балтийского побережья.

6 октября 1919 г. князь Авалов, в качестве консультативного органа при главнокомандующим армией по вопросам гражданского управления, сформировал Правящий Совет во главе с царским сенатором графом Константином фон дер Паленом. Военным губернатором очищенных от врага областей был назначен полковник Шнедеман.

В тот же день Железная дивизия, Немецкий Легион и добровольческий корпус фон Плеве официально перешли на службу в Русскую Западную Добровольческую армию на следующих условиях:

1) Германские добровольческие части остаются под командой и руководством своих прежних германских офицеров, сохраняют свою прежнюю немецкую военную форму и по-прежнему подсудны органам германской военной юстиции.

2) Добровольцы обязуются бороться с большевизмом вплоть до прихода к власти в России нового русского правительства и признания такового по меньшей мере тремя великими державами.

Так был сделан окончательный и решающий шаг к русско-германскому боевому братству. Солдаты ЖД, первоначально добровольно взявшие

винтовку для защиты германских восточных границ и обеспечения немецкой колонизации Курляндии, окончательно и бесповоротно стали борцами против идей большевицкой мировой революции. Отныне они носили на рукаве эмблему Западной добровольческой армии – восьмиконечный белый православный крест (у офицеров крест был из серебряного галуна)⁶¹ - и русские царские кокарды. Некоторые, правда, по-прежнему носили на тулях своих фуражек над русскими кокардами (прикрепленными к околышу фуражки, на месте прежних «земельных» кокард) свои старые «государственные» черно-бело-красные «кайзеровские» кокарды, которые в самой Германии были уже запрещены веймарским правительством и заменены на «республиканские» черно-красно-золотые⁶². Нагрудным знаком Западной Добровольческой Армии служил белый мальтийский «крест Келлера» (в память о генерале графе Ф.А. Келлере, «первой шашке России», единственном корпусном командире царской армии, отказавшемся присягнуть Временному правительству и возглавившем формирующуюся в начале 1918 г. в Пскове Белую Северную⁶³ монархическую армию, получившем на это – в отличие от других Белых вождей! - благословение Святейшего Патриарха Тихона и образ Богородицы Державной, но в декабре 1918 г. по дороге в Псков убитом в Киеве петлюровцами; как выпускник Пажеского Корпуса граф Келлер всегда носил его знак, имевший форму белого мальтийского креста). Позднее введенный для Северной Армии белый мальтийский крест «терпения и неутомимой борьбы» был, в знак траура по графу Келлеру, заменен на черный крест такой же формы (т.н. «крест Авалова-Бермондта»), изображавшийся также на знаменах и денежных знаках Западной Добровольческой армии. Эмблемой ее военно-воздушных сил (120 аэропланов - больше, чем во всех других белых армиях!) стал восьмиконечный черный православный крест в белом круге⁶⁴.

Пока «в верхах» происходили вышперечисленные события, солдаты ЖД оставались на своих позициях вдоль р. Эккау. На передовой постоянно происходили стычки с латышскими патрулями, а в тылу – с большевицкими бандами, что, впрочем, не мешало процессу интенсивной боевой подготовки. Курляндский пехотный

полк, с начала июля 1919 г. обеспечивавший безопасность железнодорожной линии Шаулен-Тильзит, был заменен добровольческим отрядом Шаурота и вернулся в состав ЖД. Пользовавшийся всеобщим уважением капитан Гудериан был 15 сентября 1919 г. отозван в Германию. В конце сентября из Германии в Митаву прибыл «Железный отряд» известного военного летчика и кавалера ордена «За заслуги», капитана Рудольфа Бертольда силой в 700 штыков. Он был в качестве 3-го батальона придан 2-му пехотному полку. 5 октября 1919 г. князь Авалов, собрав под свои «мальтийские» знамена⁶⁵ более 15 000 русских и 40 000 немецких добровольцев, объявил всю латвийскую государственную территорию операционной базой Русской Западной Добровольческой армии и призвал латышей и литовцев к совместной борьбе с большевизмом. В то время как литовцы, в обмен на гарантию их автономии, проявили готовность участвовать в антибольшевицкой борьбе, правительство Ульманиса, науськиваемое Антантой, категорически отказалось от какого-либо участия Латвии в войне с Советами⁶⁶.

Мало того! Латвийское «национальное» правительство Ульманиса, еще 24 сентября 1919 г. начавшее мирные переговоры с большевиками, стянуло под Ригу 15 000 штыков и сабель. Эти - якобы «белые»! - латышские войска угрожающе нависали над левым флангом Русской Западной добровольческой армии, готовой к наступлению на Двинск. 6 и 7 октября 1919 г. латыши атаковали позиции ЖД в районе Олая.

Перед князем Аваловым возникла военная необходимость ликвидировать угрозу своему левому флангу⁶⁷. 8 октября 1919 г. он отдал приказ к наступлению на Ригу. Для наступления были сформированы три боевые группы.

Немецкому Легиону капитана Зиверта приказано было наступать через Кеккау на Торенсберг.

Железной дивизии майора Бишофа - через Янсон пробиваться прямо на Ригу.

Русскому Корпусу имени графа Келлера под командованием самого князя Авалова - атаковать Ригу через Шлок⁶⁸.

Бригада Вырголича, усиленная несколькими мелкими германскими добровольческими отрядами, обеспечивала прикрытие правого фланга наступающей армии. Прикрытие левого флан-

га обеспечивал русский отряд Билинского, усиленный бронепоездом.

2-й пехотный полк ЖД наступал вдоль Рижского шоссе, 3-й пехотный полк – на Бонде, 1-й пехотный полк – на Шварценгоф. В качестве дивизионного резерва оставались кавалерийский полк и егерский батальон. Все сложности рельефа местности были известны по предыдущему, успешному наступлению на Ригу.

8 октября 1919 г. НЛ взял Кеккау. Батальон Бертольда очистил от латышей Янсон, а 3-й пехотный полк капитана Кивица – взял штурмом мызу Рудзе. С наступлением ночи во фланг и в тыл Бертольду под Тюрингсгофом ударили латышские броневики и бронепоезд. Но Бертольду удалось вырваться из огненного кольца в западном направлении.

9 октября 1919 г. ЖД перегруппировалась. 1-я рота 1-го пехотного полка закрепилась в Шварценгофе, 2-й пехотный полк занял Янсон, а на правом фланге 2-я и 3-я роты 3-го пехотного полка совместно с егерским батальоном и 1-м русским стрелковым полком атаковали Торенсберг. Вечером того же дня 2-я рота 3-го пехотного полка и Баденский штурмовой батальон под командованием ротмистра Крауссе де Ависа на плечах поспешно отступавших латышей ворвались в это предместье Риги.

При подходе войск князя Авалова к Риге полковник Земитан со штабом в панике бежал из Риги, отдав войскам приказ занять позиции у Югльских озер.

На подступах к Риге князь Авалов, проявив добрую волю, попытался при посредничестве представителей Антанты вступить с правительством Ульманиса в мирные переговоры и убедить его пропустить Западную Армию на антибольшевицкий фронт. Однако «союзники», поначалу согласившись способствовать примирению сторон, неожиданно отказались от взятой ими на себя посреднической роли.

10 октября 1919 г. германские добровольцы Западной Армии очистили от латышских войск все предместье Торенсберг. В тот же день правительство Ульманиса в полном составе, включая военного министра Симонсона, бежало из Риги в Венден. В Риге воцарилась паника, колонны беженцев потянулись из города в сторону Юглы. Части ЖД и НЛ приготовились к решающему штурму, захвату мостов через Двину и вступлению в Ригу. Русские части на левом фланге

заняли Дален, большой остров на Двине между Болдераа и Динаминде. Весь западный берег Двины оказался под контролем Русской Западной Добровольческой армии. До оперативной цели наступления, города Риги, было рукой подать. Но когда 11-я рота 1-го пехотного полка уже перешла Двину по Любекскому мосту и закрепилась на восточном берегу, Бишоф неожиданно послал связных во все вовлеченные в бой подразделения с приказом прекратить наступление. Была отозвана на западный берег и только что закрепившаяся на восточном берегу 11-я рота лейтенанта фон Борриса. Добровольцы, видевшие долгожданную, а теперь – ускользавшую от них на глазах цель своего наступления, отказывались что-либо понимать. Они на чем свет стоит ругали «высшее начальство», отдавшее этот «нелепый» приказ, но все-таки подчинились. Прошло всего несколько дней – и правота командира ЖД, руководившего каким-то непостижимым военным инстинктом, была доказана со всей убедительностью.

Майор Бишоф приказал отступить, руководствуясь как политическими, так и тактическими соображениями.

1. Политические соображения заставляли его любой ценой избежать угрозы суверенитету Латвии, который в результате не подготовленного политически захвата Риги мог быть поставлен под вопрос, ибо Латвия практически стала бы сферой безраздельного влияния русского Центрального Совета Западной России. Ввиду отсутствия предварительных попыток политического зондажа вопроса о будущем статусе Латвии Антанта непременно воспользовалась бы этим как поводом для военного вмешательства⁶⁹. А ведь командование Западной добровольческой армии на данном этапе планировало посредством наступления на Ригу всего лишь склонить латвийское правительство к военному сотрудничеству с русской Западной армией.⁷⁰

2. Военные соображения сводились к тому, что овладение Ригой не имело бы решающего значения для планировавшегося похода вглубь России, конечной целью которого было провозглашено взятие Петрограда⁷¹ с последующим освобождением Москвы от большевиков. Наличных сил все равно не хватило бы для наступления вглубь России и одновременного удержания линии фронта против лат-

тышей (и пришедших к тем на выручку эстонцев) восточнее Риги. Все снабжение должно было бы осуществляться через рижские мосты, находившиеся под постоянной угрозой нападения английского флота (как в свое время в июле месяце). В то же время оборонительные позиции на западном берегу Двины были весьма удобными с точки зрения возможности удержания их наличными силами, выжидая возможного улучшения обстановки в будущем.

На северном участке фронта русский 1-й стрелковый полк генерала Билинского 12 октября 1919 г. взял штурмом Динаминде. Однако уже 14 октября противник выбил русских добровольцев с двинского острова Дален. Впрочем, незамедлительная контратака егерского батальона старшего лейтенанта Бюхнера ликвидировала этот прорыв.

В ходе боев за Ригу стала проявляться все нарастающая нехватка боеприпасов, военного снаряжения, медицинского имущества и перевязочных средств. Основная причина этой нехватки заключалась в очередном ужесточении контрольно-пропускного режима на германо-прибалтийской границе, введенного берлинским правительством 10 октября 1919 г. Всякое снабжение оперировавших в Прибалтике белых войск прекратилось. А 19 октября 1919 г. оправдались и наихудшие опасения Бишофа. В устье Двины вошло соединение английских военных кораблей (под латвийским флагом) под командованием британского адмирала Коэна⁷². 9 английских кораблей открыли артиллерийский огонь по Болдера и Динаминде. Огнем своих тяжелых орудий британская эскадра разметала русских пластунов князя Авалова и облегчила латышской пехоте взятие Динаминде. Одновременно другие британские военные корабли под Либавой обстреляли позиции добровольческого корпуса фон Плеве, роты которого уже почти очистили город от латышских войск.

Под защитой корабельной артиллерии британского флота латыши усилили свой нажим по всему Двинскому фронту. А на южном участке фронта позиции Немецкого Легиона были неожиданно атакованы советскими и литовскими полками. 20 октября 1919 г. в бою под Фридрихштадтом⁷³ пал ротмистр фон Йена. Впрочем, в тот же день добровольческие корпуса Брандиса и Дибича разгромили под Радзивиляшками три литовских батальона,

наступавших на железнодорожную ветку Шаулен-Мемель.

Части Западной армии продолжали успешно продвигаться в Курляндии. 22 октября 1919 г. они взяли Салдус, 30 октября Тался и Сабиле, 9 ноября Кулигу.

В то же время истекавшие кровью на Северном участке фронта русские добровольческие части оттеснялись латышами все дальше на запад. По мере своего наступления латыши охватили левый фланг ЖД. Контратака егерского батальона 10 ноября 1919 г. отбросила наседавшего противника, однако была остановлена концентрированным огнем английской и эстонской корабельной артиллерии. В этой ситуации майор Бишоф был вынужден отдать ЖД приказ оставить Торенсберг и отойти на исходные митавские позиции. В ночь на 12 ноября 1919 г. обстановка вновь обострилась. 3-й батальон 2-го пехотного полка под командованием капитана Бертольда оказался отрезан в Торенсберге. Но контратака пулеметной роты и самокатной роты подоспевшего отряда Росбаха помогла ему вырваться из окружения.

Помощь пришла в самый последний момент и совершенно неожиданно. «Добровольческий штурмовой отряд Росбаха» в составе 1200 штыков и сабель под командованием старшего лейтенанта Росбаха, в нарушение приказа министра рейхсвера, 31 октября 1919 г. перешел границу у Таурога. Росбаху было отказано в предоставлении железнодорожного транспорта, но он привел свой отряд на фронт пешим порядком, хотя и не поспел к началу контратаки на Динаминде, запланированной майором Бишофом. Тем не менее, росбаховские роты смогли обеспечить эффективное прикрытие отхода ЖД. Наконец Бишоф собрал остатки ЖД под

Примечания:

¹Князь Павел Михайлович Авалов-Бермондт (1887-1974 гг.) – один из малоизвестных белых военачальников периода гражданской войны в России. На него навешано много нелестных ярлыков (вроде «обормот Авалов»), причем не только изначально враждебными ему советскими историками. Хотя в определенный момент под его командой оказалось более 50 000 штыков и сабель, которые, при определенном раскладе сил могли, сыграть решающую роль в разгроме большевизма, даже в среде белой эмиграции о нем предпочитали не упоминать. Не с теми дружил! В отличие от большинства вождей Белого движения, слепо уповавших на помощь двучленной Антанты, князь, подобно атаману П.Н. Краснову, протянул руку недавним противникам – немцам. В составе 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска в чине пра-

митавой. Бойцы были на пределе своих моральных и физических возможностей. К тому же повторное отступление весьма негативно сказалось на боевом духе войск. Единственным, что еще удерживало остатки добровольческих рот и батальонов вместе под черным «знаменем смерти» Железной дивизии, было общее бедственное положение и верность командиру. Но когда опьяненные успехом латыши и эстонцы усилили натиск, им, несмотря на бронепоезда и танки, пришлось еще не раз испытать на собственной шкуре, что у добровольцев «не иссяк еще порох в пороховницах». Русские и немцы постоянно огрызались. Так, 18 ноября 1919 г. росбаховцы контратаковали и отбросили наседавших латышей до Олая. На следующий день егерскому батальону удалось в ближнем бою вернуть русской Западной армии г. Альт-Ауц⁷⁴. Тем не менее, всем было ясно, что продолжение вооруженной борьбы в составе обескровленной Западной добровольческой армии лишено всякой перспективы на успех. 20 ноября 1919 г. майор Бишоф вернул ЖД в состав 6-й германской армии и принял решение очистить Курляндию.

К отступавшей ЖД присоединился удерживавший дотопле южный участок фронта Немецкий Легион, чей командир, капитан Зиверт, пал в бою под Цоденом 16 ноября 1919 г. Командование НЛ принял на себя майор Левенфельд. Раненые вперемежку с многочисленными прибалтийскими и немецкими беженцами эвакуировались железнодорожным транспортом, в то время, как ЖД и НЛ тремя маршевыми колоннами отступали к границам Восточной Пруссии. Для обеспечения безопасного вывоза беженцев по железной дороге егерский батальон, 2-й и 3-й пехотные полки 3 декабря 1919 г.

порщика участвовал в русско-японской войне, награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени. В 1906 г. принят в казаки Уссурийского войска (в 1908 г. произведен в хорунжие). Участвовал в I мировой войне адъютантом командующего 2-м Кавказским корпусом генерала Мищенко. За годы службы 7 раз ранен, награжден, помимо Георгиевских крестов, орденом Святой Анны 4-й степени (аннинским оружием с надписью «За храбрость»). После Февральского переворота 1917 г. – командир Уланского Санкт-Петербургского полка. Входил в конспиративную офицерскую организацию в Петрограде, готовившую свержение Временного правительства и установление военной диктатуры. Летом 1918 г. в Киеве, уже в чине полковника, участвовал в формировании монархической Южной армии герцога Лейхтенбергского, ориентированной на кайзеров-

нанесли под Окмянами контрудар по наседавшим латышским войскам и далеко отбросили их.

12 декабря 1919 г. штаб ЖД близ Мемеля⁷⁵ перешел границу Германской Империи. Арьергард ЖД прибыл туда 25 декабря 1919 г., а последние подразделения НЛ вступили на территорию Германской Империи в новогоднюю ночь 1919-1920 гг. В Восточной Пруссии собрались около 5 800 добровольцев ЖД. В своем приказе по дивизии от 31 декабря 1919 г. майор Бишоф объявил о невозможности дальнейшего боевого использования дивизии как единой военной части и, как следствие, о расформировании ЖД. Кавалерия и артиллерия были переведены в Мюнстерлагер, а пехота и все прочие части – в район между Везером и Эльбой для последующей демобилизации.

Что же остается сказать в заключение нашего очерка? Если бы все белые вожди думали так, как князь Авалов или атаман Краснов, а союз русских и германских «белых крестоносцев» был реализован в масштабах всего Белого движения, то борьба с международным сбродом, захватившим власть в столицах и нескольких центральных губерниях Российской Империи, непременно завершилась бы победой белых. Ведь вся тогдашняя военная опора советской власти состояла в основном из латышских, мадьярских, китайских и прочих «интернационалистов». И потому с моральной и патриотической стороны позиция князя Авалова или, скажем, атамана Краснова, рассчитывавших на вполне реальную тогда помощь германских войск, давала единственный шанс на успех.

Увы – история не знает сослагательного наклонения...

скую Германию, создавая из бывших русских военнопленных добровольческий отряд (позднее переброшенный германцами в Митаву, Латвия). В Прибалтике, не подчинившись приказу командующего Северо-Западным фронтом генерала Юденича (по требованию Антанты запретившего ему действия против латвийских войск) об отстранении его от командования отрядом, окончательно решил на военный союз с германцами. Тогда же Павел Бермондт был усыновлен князем Михаилом Антоновичем Аваловым, и с октября 1919 г. официально именуется князем Аваловым-Бермондтом. К 20 июля в его подчинении находилось около 12 000 штыков, в т.ч. германских и балто-немецких добровольцев. Из нескольких отрядов он создал монархическую Западную Добровольческую Армию, насчитывавшую к 5 сентября до 52 000 штыков и сабель, 600

пулеметов, 100 артиллерийских орудий, 50 минометов, 3 бронепоезда, 120 самолетов и 10 броневых автомобилей. Т.о., силы армии Авалова многократно превышали силы Северо-Западной Армии генерала Юденича, насчитывавшей в конце сентября 1919 г. всего 18 500 штыков и сабель. В октябре войска князя Авалова, вследствие конфликта с временным латвийским правительством, фактически переметнувшись на сторону врагов исторической России, вступили в Ригу, но были отброшены и вытеснены из Прибалтики опиравшимися на поддержку Антанты «белыми» эстонскими войсками при частичной поддержке «белых» латышей. С 1 декабря 1919 г. Авалов-Бермондт – генерал-майор. По окончании кампании в Прибалтике продолжал в Германии подготовку нового выступления против большевиков. Способствовал коронации претендента на Российский престол, Великого Князя Кирилла Владимировича (двоюродного брата убитых большевиками Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича), «Императором в изгнании» (Кириллом I) в 1924 г. В 20-е гг. создал из бывших соратников по Западной Армии Русский Императорский Орден Святого Иоанна, а в начале 30-х гг. – РОНД (Российское Освободительное Народное Движение), избравшее своим символом российского двуглавого орла с образом Святого Георгия Победоносца на груди и свастикой в лапах. После запрета РОНД (в числе прочих правых организаций, не вошедших в НСДАП), князь Авалов был арестован и, после полугодового заключения в концлагере, в сопровождении русских и немецких соратников переехал в Белград. После проанглийского и просоветского путча генерала Симовича в 1941 г. князь Авалов переехал в США, где и умер в Нью-Йорке в 1974 г. на 90-м году жизни.

²Императора.

³Прибалтийские немцы, перешедшие в российское подданство при Петре Великом (в соответствии с так называемыми «Рижскими капитуляциями» 1710 г. и условиями Ништадтского мира 1721 г., завершившего Северную войну со Швецией, в результате которой Россия возвратила себе выход к Балтийскому морю), то есть, прежде всего граждане Риги, а также лифляндское, курляндское, эстляндское и эзельское рыцарство (т.н. «остзейские бароны», потомки осевших в Прибалтике рыцарей и вассалов Тевтонского Ордена), столетиями верой и правдой служили своему повому Отечеству. Они играли огромную роль при царском дворе в Петербурге, в правительстве, на государственной и военной службе. Достаточно назвать только несколько имен – Паткуль, Миних, Вейсман фон Вейсенштейн, Крузенштерн, Беллинсгаузен, Багговут, Бистром; Литке, Барклай де Толли, Дибич, Бенкендорф, Тотлебен, Эссен, Вирен, Врангель, Фелькерзам, Толль, фон Плеве, Ренненкампф, фон Унгерн-Штернберг, Келлер – чтобы по достоинству оценить всю важность этого «балто-немецкого мотива» в судьбах России.

⁴27 ноября 1918 г., за день до решающего штурма Нарвы вторгшейся в Эстонию Красной Армией во главе с бывшим полковым командиром латышских стрелков Вацетисом, премьер-министр временного правительства Эстонии, старый рево-

люционер Константин Пятс (Pdts), по договоренности с предводителем эстляндского рыцарства, бароном Эдуардом фон Деллинггаузенем, заключил с представителями местных балтийских землевладельцев М. Бокон, Г. Штакельбергом и Г. Кохом договор о создании балто-немецких добровольческих подразделений в составе эстонской армии. В сформированном 29 декабря 1918 г. Балтийском батальоне полковника Вейса уже в марте 1919 г. насчитывалось 29 офицеров и 445 нижних чинов. Он входил в состав 1-й эстонской дивизии, а с мая по ноябрь 1919 г. находился в оперативном подчинении первоначально русскому белому Северному корпусу генерала Родзянко, а затем Северо-Западной Армии Юденича (в составе которой численность этой части, выросшей до размеров полка, возросла до 800 штыков).

⁵Видземе (лат.)

⁶Курземе (лат.)

⁷«Ландесвер» (нем. Landeswehr) – «земская ополчение» (у Ливена – «земская оборона»); в некоторых русскоязычных документах того времени именовался «Охраной Балтийского Края».

⁸Призыв Балтийского Национального Комитета вступать в ряды ландесвера, обращенный ко всем мужчинам в возрасте от 18 до 60 лет и завершавшийся словами: «Защитите свой очаг!», был опубликован 13 ноября 1918 г.; в день провозглашения независимой Латвийской республики (18 ноября) балтийские немцы имели под ружьем 1 роту полного состава и отборную часть – так называемый Ударный отряд ландесвера.

⁹«Либаский добровольческий стрелковый отряд», или просто: «Ливенский отряд».

¹⁰Русская сводная рота в составе Рижского Отряда Охраны Балтийского Края»; в своих воспоминаниях князь А.П. Ливен называет командира этого отряда «Дыдеров».

¹¹Виитава по-латышски – «Вентспилс».

¹²Кулдига (лат.)

¹³Генерал-майор граф Густав Адольф Йоахим Рюдигер фон дер Гольц (1865-1946 г.), прусский дворянин, один из виднейших немецких монархистов и «восточных политиков» папгерманского толка. Служил в германском Генеральном Штабе, участвовал в I мировой войне последовательно командиром полка, бригады и дивизии на Западном и Восточном фронтах; в 1918 г., командуя германской десантной дивизией, помог финским белогвардейцам бывшего русского кавалергарда барона Карла Густава Эмиля Маннергейма подавить большевистскую революцию в Финляндии. С 1 февраля по 14 октября 1919 г. был командиром VI резервного корпуса и главнокомандующим всеми германскими оккупационными войсками в Прибалтике и Балтийским ландесвером. За служившими под его началом добровольцами из Германской Империи в литературе закрепилось общее название «бойцы добровольческих корпусов» (Freikorpskämpfer), а за всеми военнослужащими, входившими в группу войск фон дер Гольца – название «балтийские бойцы» (Baltikumkämpfer). В «программу-минимум» фон дер Гольца, Балтийского ландесвера, Железной дивизии и прочих добровольческих корпусов входило активное участие в свержении большевистской диктатуры в Прибалтике и недопущение наметившегося

сговора между Советской Россией и «белой» Эстонией; в «программу-максимум»: 1) освобождение, в союзе с русскими белогвардейцами, Петрограда и Москвы от большевиков; 2) свержение Советской власти во всей России; 3) восстановление в России монархии на главе с Царем из династии Романовых (Великим Князем Кириллом Владимировичем); 4) заключение с возрожденной монархической Россией военно-политического союза, направленного против Антанты и 5) ревизия Версальского договора. В своих воспоминаниях граф фон дер Гольц писал об этом как о великой идее своей и своих единомышленников. Он считал Прибалтийскую группу войск «последним (антибольшевицким) оборонительным валом Империи на Востоке» и подчеркивал, необходимость «создать под знаменем борьбы с большевизмом основу для экономического и политического сближения с будущей (монархической) Россией, испытывающей после истребления своей интеллигенции (большевиками) тягу к немецким купцам, техническим специалистам и руководителям и чьи разоренные, обезлюдевшие прибалтийские провинции с их плодородными землями тоскуют по заботливым немецким крестьянам».

¹⁴т.е. ветерана африканских колониальных войн.

¹⁵Драхенфельс был подполковником 19-го Архангелогородского драгунского полка.

¹⁶1 морген = 0,25 га.

¹⁷К тому времени эстонская армия бывшего царского полковника Иогана Лайдонера (Johan Laidoner), имевшая в своем составе, под названием «Северо-Западного Корпуса», также русскую Северную Армию под командованием генерала Юденича (3500 штыков и сабель), добровольческий полк балтийских немцев («Baltenregiment») и 2000 финских добровольцев, вытеснив из страны 35 полков Красной Армии (из которых было только 4 эстонских) Иохима Вацетиса (Jukums Vacietis) и выбив 1 февраля 1919 г. из г. Валки окопавшееся там 5 недельми ранее после бегства из Риги правительство Латвийской Советской Республики, к началу февраля очистила от красных всю Эстонию и теперь была в состоянии оказать Ульманису реальную военную помощь.

¹⁸Интересно, что и «красные латышские стрелки», служившие большевикам, после взятия Перекопа в 1920 г. шли на параде перед Фрунзе не под звуки «Интернационала», а под звуки латвийского национального гимна «Dievs sveti Latviju» («Боже, благослови Латвию»).

¹⁹1 латышская «офицерская» рота, состоявшая из бывших офицеров и унтер-офицеров царской армии; 1 «студенческая рота», сформированная в Риге по призыву двух латышских студенческих корпусов; 1 рота, сформированная под Венденом (Цесисом) к северу от Риги и неплохо показавшая себя в боях с большевиками, и, наконец, т.н. «елгавский» («митавский») кавалерийский отряд в количестве 30 сабель.

²⁰13 января 1919 г. в Риге состоялся Все-латвийский Съезд Советов, принявший для Латвии конституцию, почти дословно копировавшую конституцию РСФСР. Впрочем, это и не удивительно, поскольку Петр Стучка (Peteris Stucka), главарь латышских коммунистов, занимал в пер-

вом правительстве Ленина пост наркома юстиции. Действие всех изданных в РСФСР декретов автоматически распространялось и на Латвию. Была введена жесточайшая цензура. Газеты запестрели списками расстрелянных «контрреволюционеров».

²¹Лиенау (лат.)

²²Бежавшие 2 января 1919 г. из Риги от красных латвийское временное правительство и Август Винниг 6 января переместились в Либаву, под защиту германского «солдатского совета» (Soldatenrat).

²³Невольно напрашивается аналогия с 14 пунктами мирных предложений президента США Вудро Вильсона!

²⁴К тому времени Ульманис получил от англичан большие партии оружия, винтовок, пулеметов и боеприпасов. Его правительство реквизировало суда, стоявшие в либавском порту, в т.ч. пароход «Саратов», чтобы обеспечить себе возможность бегства морем. Полученное от англичан оружие Ульманис распорядился хранить на борту «Саратова», что было явным признаком нарастания напряженности в отношениях между этим ставленником Антанты и немецкими белогвардейцами – как ландесвером, так и германскими частями.

²⁵У Ливена: Баллод.

²⁶6 марта 1919 г., в ходе маневра по окружению красных частей, произошло вооруженное столкновение между латышскими и немецкими добровольцами, якобы принявшими друг друга за большевиков (?). В стычке было убито несколько немцев и латышей, в том числе полковник Колпак. Перед смертью он успел назначить своим преемником на посту командира «белых латышских стрелков» подполковника Баллода.

²⁷В некоторых источниках: Ниедра, Ниедра или Недрис.

²⁸Позднее Недра стал политическим советником князя Авалова; последний планировал после свержения большевицкой диктатуры в России и восстановления Российской Империи назначить Недру генерал-губернатором Лифляндским и Курляндским.

²⁹Даугавы (лат.)

³⁰Согласно брошенным красными в спешке актам «революционных трибуналов», только по их приговорам за 5 месяцев коммунистической диктатуры в Латвии было расстреляно 3 632 человека. К ним следует добавить также большое число жертв расстрелов заложников и широко распространенных бессудных убийств «по подозрению в контрреволюционной деятельности».

³¹При захвате добровольцами Дыдорова 23 мая рижского Магнусольмского форта, весь гарнизон которого (600 красноармейцев) сдался без боя, ливенцы захватили большевицкий броневомобиль, переименованный в «Россию» и дошедший с ними до предместий захваченного большевиками Петрограда.

³²Во время преследования красных, беспорядочно отступавших из Риги на Псков, ливенцы 24 мая попали в устроенную большевиками засаду у железнодорожной станции Роденпойс. В этом бою князь Ливен был тяжело ранен в бедро, что сделало невозможным его дальнейшее активное участие в военных действиях под Ригой.

³³Впоследствии он стал главнокомандующим армией Латвийской республики.

³⁴Рижским генерал-губернатором был

назначен командующий Балтийским ландесвером майор А. Флетчер.

³⁵Эстонии.

³⁶по-латышски – Цесис, по-эстонски – Вынну; Венден столетиями служил усыпальницей ливонских ландмейстеров (магистров Тевтонского Ордена в Ливонии).

³⁷Валмиерским и Цесисским.

³⁸Лимбажи (лат.)

³⁹Страупе (лат.)

⁴⁰Раупа.

⁴¹Таллинн (эст.)

⁴²В 1919 г. войска английского генерала Дайера расстреляли в пенджабском городе Амритсаре мирную демонстрацию безоружных сикхов.

⁴³То есть правительства Недры.

⁴⁴Валка (лат.), Валга (эст.).

⁴⁵Кроме многочисленных аэропланов и танков, «белые» эстонцы и латыши имели на вооружении 14(!) бронепоездов – больше, чем Вооруженные Силы Юга России генерала Деникина имели на своем гигантской протяженности фронте. Перед наступлением в начале февраля 1919 г. на южном фронте эстонцы смогли сосредоточить против частей ландесвера и ЖД 11 000 штыков и сабель при 242 пулеметах, 12 минометах, 43 артиллерийских орудиях и 7 бронепоездах (и это не считая сил и средств, оставшихся на фронте против большевиков!).

На тот момент «белая» эстонская армия состояла из 3 пехотных дивизий (по 3 пехотных полка, 1 артиллерийскому полку и 1 кавалерийскому полку в каждой), целого ряда отдельных полков и батальонов (например, партизанского батальона Куперьянова), 1 дивизии бронепоездов (11 бронепоездов, 5 броневомобилей, десантный отряд) и авиаотряда (18 самолетов).

Для сравнения: перед началом решительного наступления на Петроград Северо-Западная армия генерала Юденича имела всего 17 800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 6 танков и 2 броневомобилия.

«Белая» латвийская армия состояла из 2-х армейских групп: Южной (бригады Баллодса), позднее преобразованной в 1-ю Курземскую дивизию, и Северной (под командованием Земитана), позднее преобразованной во 2-ю Видземскую дивизию, а также из 3-й Литгальской и 4-й Земгальской дивизий.

⁴⁶Первоначально эстонский военный флот состоял из 1 сторожевого корабля и 1 канонерской лодки. Но вскоре «шедрые» англичане передали эстонским ВМС 2 повенских большевицких эскадренных миноносца, захваченных британскими военными кораблями (с борта одного из них британцы сняли безызвестного Федора Раскольников). С тех пор эстонский адмирал Юхан Путка (Juhan Putka) держал свой флаг на одном из трофейных эсминцев.

⁴⁷В русских документах и воспоминаниях: фон Иена.

⁴⁸Гауя (лат.)

⁴⁹Если бы не фактическая измена «белых» латышей и эстонцев общему делу борьбы с большевизмом, вполне реальным был бы и следующий ход событий: без вовлечения группы войск графа фон дер Гольца в конфликт с эстонской стороной, наступление белых Русской Северной корпуса и Северо-Западной Армии, при участии белой финской и более активных антибольшевицких действий «белой» эстонской армий, непременно

привело бы к освобождению Петрограда от красных генералом Юденичем. А уж потом балтийские немцы вместе с германскими добровольческими корпусами и русскими белогвардейцами не замедлили бы вернуть Прибалтику в лоно восстановленной Российской Империи. Такой вариант рассматривали, как реальную возможность, многие ведущие политики Антанты, в т.ч. британский военный министр Уинстон Черчилль.

⁵⁰Усть-Двинск или Даугавгрива (лат.)

⁵¹Торнакалис (лат.)

⁵²Елгава (лат.)

⁵³Шавли (русс.) или Шяуляй (лит.)

⁵⁴Бискупский Василий Викторович (1878-1945 гг.), царский генерал. В 1904 г. в чине подесаула 2-го Дагестанского полка, участвовал добровольцем в русско-японской войне, был тяжело ранен. В декабре 1914 г. назначен командиром 1-го лейб-драгунского Московского полка. С июня 1916 г. генерал-майор, с марта 1917 г. – командир III кавалерийской дивизии. Был неоднократно ранен, отмечен всеми полагающимися по чину боевыми наградами, в т.ч. Георгиевским оружием. В 1918 г. – на службе у союзного кайзеровской Германии украинского гетмана П.П. Скоропадского был комендантом г. Ровно. В июле-сентябре 1919 г. – глава Западнорусского правительства в Берлине. В 1920 г. участвовал в т.н. «Капповском путче» вернувшихся из Прибалтики германских добровольческих корпусов против социал-демократического правительства Эберта-Носке. До 9 ноября 1923 г. возглавлял общество «Ауфбау» (Мюнхен), развивавшее контакты между русской правой эмиграцией и германскими националистами. После мюнхенского путча НСДАП 9 ноября 1923 г. Бискупский укрыл у себя на квартире раненого Адольфа Гитлера. С мая 1936 г. – начальник Управления по делам российской эмиграции. Погиб при бомбардировке Берлина англо-американскими ВВС.

⁵⁵Гудериан позднее прославился в качестве танкового генерала гитлеровского вермахта.

⁵⁶Князь Авалов планировал вести свою армию на Двину в свободный промежуток между Якобштадтом (Екапилсом) – южной границей расположения «белых» латышских войск – и Динабургом (Двинском) – северной границей расположения литовских войск, и далее на Петроград и Москву.

⁵⁷18 декабря 1812 г. под Таурогами между русским генерал-майором Дибичем и прусским генерал-лейтенантом Йорком фон Вартебургом было заключено перемирие, приведшее в итоге к переходу Пруссии из стана союзников Наполеона на сторону России и антинаполеоновской коалиции.

⁵⁸По воспоминаниям участников событий (в частности, писателя Э.Э. Двингера), русские и немецкие офицеры клялись князю Авалову в верности на старинном мече рыцаря Тевтонского Ордена, снятом со стены Рыцарского зала Митавского замка герцогов Курляндских (построенного для Бирона знаменитым Растрелли и впоследствии разрушенного в ходе боевых действий – как утверждали очевидцы, к великой радости местных и не местных латышей).

⁵⁹Поскольку, по условиям Версальского договора, все германское войсковое имущество все равно подлежало передаче Антанте, немцы предпочли передать его

своим новым русским союзникам.

⁶⁰Динабург (нем.) или Даугавпилс (лат.)

⁶¹Во время гражданской войны в белых армиях, как, впрочем, и в армиях их противников, было широко распространено ношение нарукавных нашивок-эмблем той или иной части или соединения – так, в Северо-Западной Армии генерала Юденича носился нарукавный шеврон в виде угольника национальных цветов с белым прямым крестом в его вершине, в германских фрайкорах – белый щиток с черным тевтонским крестом, и т.п.

⁶²На жаргоне германских монархистов и националистов – «еврейские кокарды» (Judenkokarden).

⁶³Эта армия, сменившая впоследствии ориентацию с монархической на общую для почти всех белых армий «непредрешенческую», была переименована в Северо-Западную, чтобы отличаться по названию от собственно Северной, сформированной в районе Архангельска. Сам граф Келлер успел прокомандовать армией менее месяца.

⁶⁴Хотя православные кресты украшали только самолеты Западной Добровольческой армии, все аэропланы белых военно-воздушных сил были также украшены символами Добра – державными двуглавыми орлами (хотя, к сожалению, без корон!), изображениями русских богатырей и национальными цветами Великой России. А вот на красных самолетах времен гражданской войны зловеще ухмылявшиеся черепа и кости сочетались с черными и кровавыми пентаграммами, вампирами, ведьмами, красными дьяволятами (в буквальном смысле слова!), бутылками водки, чертями-куроцапами и прочей бесовщиной.

⁶⁵В воспоминаниях о Западной Армии неоднократно упоминаются знамена и значки с черными мальтийскими крестами на белом поле, хотя ее стяг представлял собой трехцветное бело-сине-красное полотнище, на которое был наложен восьмиконечный белый православный крест; знамя Ливенского отряда было также бело-сине-красным, с прямым равноконечным белым крестом; знамя Балтийского ландсвера было четырехчастным, с 1-м и 3-м полем голубого, а 2-м и 4-м полем – белого цвета.

⁶⁶Ульманис (как и Пятс, старый революционер и ненавистник Российской Империи, приговоренный к смерти еще в 1905 г. и ухитрившийся бежать из Риги, накануне вступления в нее русских кара-

тельных войск генералов Орлова и Мейнгардта и полковника графа Граббе, лишь благодаря попустительству царского губернатора Сологуба) категорически отказался даже пропустить Западную Армию через территорию Латвии на фронт против большевиков!

⁶⁷С целью облегчения положения Ульманиса и Пятса русское белое Северо-Западное Правительство, не без нажима со стороны Антанты, обратилось к солдатам русской Западной добровольческой армии с призывом не подчиняться более князю Авалову, Князь не замедлил с ответом:

«Радио. Митава. № 1250 113

Северо-Западному правительству. Ревель.

Ваше предательское воззвание к моим войскам доложено, конечно, прежде всего мне; иначе не могло быть там, где существует воинская дисциплина. Попытки ваши пошатнуть ее подобными приёмами в стиле Керенского – наивны. В ваших же интересах не дать этому произведению более широкого распространения, а то мои молодцы-солдаты могли бы дать вам ответ крепким русским языком. Со своей стороны, прошу передать солдатам на Нарвском фронте, столь много претерпевшим от вашей политики заискивания перед эстонцами, что мой совет – строго соблюдать дисциплину и быть уверенными, что, обеспечив свой тыл, я в недалеком будущем стану рядом с ними для совместного удара по большевикам. Командующий Западной Армией полковник князь Авалов».

⁶⁸Слока (лат.), пыше – часть территории г. Юрмалы.

⁶⁹В этом не приходилось сомневаться – Антанта уже заставила генерала Юденича приказом по армии от 9 октября объявить «полковника Бермондта» изменником, с исключением его войск из списков белого Северо-Западного фронта, и даже подарить временному правительству Ульманиса 4 артиллерийских орудия, которые ой как пригодились бы самому Юденичу против большевиков под Петроградом! А в результате латыши обратили их против Русской Западной Армии...

⁷⁰Разумеется, князь Авалов, как русский монархист и патриот, считал конечной целью боевых действий свержение правительства Ульманиса, не пропускавшего его армию на фронт против большевиков, возвращение Российской Империи незаконно отторгнутых от нее искони

принадлежавших России областей Балтийского побережья и восстановление их прежнего статуса российских губерний с ограниченной автономией, без права содержания собственных войск и с полным восстановлением всех прав и привилегий прибалтийского дворянства – извечной опоры Российской монархии. На этот счет существовали секретные циркуляры с грифом «не подлежит разглашению».

⁷¹Состояние Петрограда на тот момент характеризовалось в секретном докладе белого агента полковника Владимирова следующим образом: «Город обращен в громадную казарму с военным режимом для всего оставшегося населения (не более 500 000; карточек продовольственных было выдано 800 000, а число карточек примерно вдвое превосходит число действительных ртов). Улицы и кварталы разбиты по участкам, наблюдение за которыми поручено караулам и постам из, безусловно, верных коммунистов. От системы обысков отдельных квартир перешли к повальному обыскам целых улиц, для чего сформированы специальные отряды, в состав которых вошло много женщин. Обыски оканчиваются реквизициями и массовыми арестами остатков интеллигенции. При обысках нередко преследуется цель облавы на определенную мужскую часть населения, - например, на инженеров. В тюрьмах не хватает мест, переводят в другие города, обыкновенно в Москву. О режиме в тюрьмах говорить не приходится – он ужасен. Расстрелы производятся систематически. Довольствие населения организовано посредством подвоза продуктов на несколько дней и выдачи один раз в день тарелки супа из воблы и 1/8 фунта хлеба (4 рубля за обед). Невозможность доставать на рынках продукты и искусственное сокращение выдачи топлива частным лицам привели к почти полному прекращению домашнего хозяйства и питания... Смертность громадная, обстановка в больницах ужасающая. Хоронить некому и не в чем. В общем, население держится в состоянии голода и возможность какого-либо внутреннего взрыва, при организованном большевиками голоде, падоре и насилии, исключается. Терроризируемая часть жителей ждет непрерывно своего освобождения извне...».

⁷²У Ливена: Коан.

⁷³пыше - Яуелгава (лат.)

⁷⁴пыше – Ауце (лат.)

⁷⁵пыше – Клайпеда (лит.)

А. Бельгард-Св. Кн. Ливену.

27 декабря 1919 г. Берлин

Глубокоуважаемый Князь Анатолий Дмитриевич.

Только на этих днях я получил, наконец, первое достоверное известие о Вас и был несказанно обрадован, узнав, что Ваше здоровье поправляется, и что Вы по-прежнему сохраняете Вашу обычную бодрость духа и энергию. Не могу сказать того же самого о себе, и Вы, конечно, поймете то настроение, которое должно являться прямым и естественным последствием переживаемой нами моральной катастрофы. Вы, может быть, помните, то, что я писал Вам о Бермонте, когда он впервые прибыл к

Вам в Митаву в своего рода заплombированном вагоне графа Гольца. Теперь все стало ясно, что если мы шли с Гольцем по одному пути, то мы преследовали разные цели, но в том, что случилось, виноваты, конечно, не одни немцы, а и те многочисленные русские, которые, обманувшись созданною гр. Гольцем обстановкою, рассудку вопреки и наперекор здравому смыслу, поддерживали и укрепляли своею поддержкою явно авантюристическую личность душевно больного Бермонта, в ложном предположении, что он всего достигнет, благодаря реальной поддержке со стороны немцев и совершенно не разбираясь в целях, которыми руководилось при

этом германское командование.

К сожалению, и сейчас есть еще люди, которые, невзирая на все пережитое, продолжают думать, что нужно считаться с Бермонтом, и ссылаются при этом на отсутствие прямого приказа со стороны ген. Юденича и адм. Колчака об устранении Бермонта от командования и о назначении на его место другого лица, не понимая общего положения вещей и не отдавая себе отчета в том, что единственно возможный по форме и не вызывающий двух разных толкований приказ генерала Юденича, подтвержденный категорическою телеграммою адмирала Колчака должен исключать всякие колебания и

обязывает каждого русского человека занять вполне определенное положение в отношении, как Бермонта, так и всех его представителей в Берлине.

Я ясно предвидел то, что случилось и открыто боролся, как мог, но маньячество Бермонта, наивность Палена и определенно противная нашим интересам политика Гольца, на общем фоне разбитых нервов и общего упадка нравственности, оказалась, конечно, сильнее, и в результате – разоренная Курляндия, непоправимый урон Северной армии, громадные бесцельные и личные и имущественные жертвы, полное дискредитирование русского дела и самой идеи русско-германского сближения на почве борьбы с большевизмом и торжество большевиков. Политика Гольца обанкротилась не в Курляндии и Литве, судьба которых его вообще очень мало интересовала, а здесь, в Германии. Русские формирования и русский флаг были ему необходимы только для того, чтобы иметь возможность сосредоточить и сохранить на территории Курляндии и Литвы германские войска и необходимые военные склады в ожидании подготовлявшегося в Германии к середине октября выступления спартакистов в связи с предполагавшейся общей забастовкой, угольным голодом и всеобщим возмущением против теперешнего германского правительства. Он тянул до последней возможности, но когда даже убийство Гаазе не вызвало, казалось бы естественного взрыва среди независимых, то Гольц оказался приблизительно в том же положении, как и Корнилов при его наступлении на Петроград. Гольц и его партия вели и ведут крупную игру и при крайней неразборчивости в средствах, обладали и обладают еще и теперь очень широкими возможностями для достижения своих целей, имея всюду своих сознательных и несознательных агентов. Есть одно только средство не сделаться, подобно Бермонту, Пиллару и многим другим, орудием в их руках - это вести определенную активную политику, причем, чем труднее наше положение, тем это более необходимо.

После состоявшегося обратного перехода русских отрядов из Курляндии и Литвы через границу Германии и размещения их в концентрационных лагерях, необходимо так или иначе решить вопрос о дальнейшей судьбе этих отрядов. Наиболее простыми и естественными представляются два выхода: или сознательно отправить их на один из антибольшевицких фронтов, или же, оставив их в концентрационных лагерях, предоставить им возможность отправляться, наравне с находящимися в Германии военнопленными, в Северо-Западную или Южную Добро-

вольческую армию в одиночном порядке. И в том, и в другом случае следует иметь ввиду, что русские отряды, пришедшие в Германию после неудачных действий под предводительством Бермонта и германского командования, не могут не быть деморализованы, и что среди них, естественно, распространен дух крайнего недоверия к вождям, давшим себя обмануть и поставившим и себя, и их в ложное положение, которое привело их к катастрофе.

В частности, например, корпус полковника Вырголича держался и спаивался до последнего времени, образно выражаясь, антибермонтовским духом. Может быть, это была слабая спайка, но она была по своей простоте доступна пониманию массы: Бермонт не подчиняется приказу ген. Юденича, а корпус Вырголича подчиняется. Бермонт делает немецкое дело, а мы – русское. Бермонт поет гимны и пьянствует с Железной дивизией, а мы этого не делаем; он надел на погоны вензеля гр. Келлера, а мы преклоняемся перед его памятью, но считаем это неправильным. Бермонт служит местным прибалтийским интересам, а мы этого не хотим и т.д.

И вот, когда командир этого корпуса Вырголич и его пачальный штаба полковник Васильев, обманувшись громкими шутовскими приказами Бермонта при первоначальных его успехах под Ригою и, может быть, идя навстречу понятному нетерпению своих офицеров, издали уже после объявления Бермонта изменником приказ о полном подчинении второго корпуса политике Бермонта и о признании состоящего при Бермонте политического совещания, с угрозою самых суровых последствий в отношении тех, кто не разделяет «единой политики армии», то они убили дух этого корпуса, загубили его настроение, уничтожили цель борьбы и смысл самопожертвования. Офицерство наше не плохое и не хорошее, оно такое, каким должно быть в существующих условиях, отличительною же чертой нашего офицерства было всегда чрезвычайное увлечение политикой и очень развитый дух критики, поэтому именно в критические моменты и офицеры наши, а за ними и солдаты, крайне легко поддаются громким протестам, пропаганде и влиянию лиц, всегда всем недовольных и даже преследующих какие-либо определенные корыстные или иные личные цели. Ввиду этого для приведения этих частей в порядок, необходимо, чтобы прислан был совершенно новый человек, который был бы облечен властью и авторитетом со стороны высшей русской военной власти и которому при непереносимом условии устранения тех, кто привел русское дело в Курляндии и Литве к переживаемой нами мораль-

ной катастрофе, было бы предоставлено спасти то, что можно, и использовать благоприятные условия в общей борьбе за спасение нашей родины.

На этих днях в Берлин прибыл командированный ген. Юденичем в составе комиссии Нисселя ген. Явид (военный представитель России в Германии – прим. сост). Ознакомившись подробно со всеми обстоятельствами дела, ген. Явид совершенно правильно смотрит на вещи, но, к сожалению, не имеет достаточных полномочий для каких-либо активных действий. Совершенно ясно, что для устранения в корне возможности продолжения той же интриги и для восстановления порядка в отрядах, необходимо, прежде всего, раз навсегда покопчить с Бермонтом, который, между тем, приехал в Берлин, сам произвел себя в генералы, выражает в приказе от имени России благодарность германскому правительству за гостеприимство и благожелательное отношение к его войскам и т.п. Поэтому, согласно принятому решению, старший из чинов 2-го корпуса генерал-лейтенант Романовский опубликовал следующий приказ.

«В первых числах декабря сего года войска Западной добровольческой армии были принуждены отойти из Прибалтики в пределы Германии. В течение последнего периода пребывания армии в оккупированной местности были получены три телеграммы, касающиеся личности командующего армией полковника Бермонта – князя Авалова.»

В первой телеграмме, подписанной Главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом Юденичем, говорится о том, что полковник Бермонт, отказавшийся исполнить приказание генерала Юденича начать наступление на большевицком фронте и вместо того предпринявший наступление на латышей – объявляется изменником родины. Во второй телеграмме генерал-квартирмейстер Верховного Правителя России адмирала Колчака генерал Иностранцев сообщил, что если полковник Бермонт не подчинится во всем генералу Юденичу, то он, полковник Бермонт, не считается русским офицером и русским подданным. В третьей телеграмме военного представителя в Париже генерала Щербачева подтверждается изложенное в первых двух телеграммах. Все три телеграммы были доставлены полковнику Бермонту, но последний не нашел нужным объявить о них своим войскам и сообщить, какой ответ послан им Русскому Верховному командованию, которому должна подчиняться каждая Русская Добровольческая Армия.

Теперь русские части бывшей Западной Добровольческой Армии со-

средоточены на территории Германии и пользуются ее широким гостеприимством и вниманием, но кому подчинены эти части в высшем командном отношении и какие они преследуют цели в отношении русского дела – неизвестно.

Вследствие изложенных причин, а именно: 1) указанных телеграмм, из которых явствует, что полковник Бермонт, как не исполнивший приказаний Русского Верховного командования, оставаться во главе русских частей не имеет права, 2) что для выполнения своего прямого назначения эти части должны повелительно иметь единое командование и 3) что необходимо ясно и точно выяснить цель этих русских частей в отношении общего блага родины – я решил, как старший солдат бывшей Западной Добровольческой Армии с сего числа вступить во временное командование всеми русскими частями, расположенными на территории Германии до назначения на эту должность Верховным Правителем России того, который и поведет нас туда, где Верховный Правитель найдет нужным использовать наши реорганизованные и объединенные силы. Призываю всех офицеров и солдат бывшей Западной добровольческой армии к единению и объединению вокруг русской идеи исключительной борьбы с единственным нашим врагом – большевиками, не занимаясь никакой политикой и помня, что мы должны, строго охраняя дисциплину, во всем и всегда подчиняться только верховному русскому командованию и точно исполнять полученные от него приказания.

Объявляю: 1) все офицеры и солдаты, объединяющиеся вокруг меня, могут рассчитывать на полную поддержку со стороны Русского Верховного Командования, как в смысле содержания, так и существования, как организованной военной единицы; 2) всякий офицер и солдат, не присоединившийся к этому моему призыву, не будет более рассматриваться, как русский, и будет предоставлен самому себе; 3) офицеры и солдаты, желающие отправиться единым порядком в ту или иную добровольческую армию, могут рассчитывать лишь на содействие по отправке без всякой за их дальнейшую судьбу ответственности; 4) все объединившиеся части будут в кратчайший срок реорганизованы в стройную боевую единицу, о чем последуют особые приказания; 5) не позднее 5 часов дня 20 сего декабря ожидаю от частей и отдельных лиц ответа на мой приказ, чтобы к утру 21 декабря я бы мог донести Русскому Верховному Командованию о том, что русские воинские части, находящиеся на территории Германии, исполнили свой святой долг перед родиной и готовы

жизнь свою положить за спасение ее по первому приказу Верховного Правителя России. Я не сомневаюсь, что все, будь то солдат или офицер, в котором бьется сердце честного борца и которому дорога судьба своей родины, отбросят всякие личные счеты и цели и поймут, что неясность теперешнего положения и неудачи последнего времени происходили лишь потому, что общие русские цели были забыты и настал момент, когда мы все должны вспомнить, что мы только дисциплинированные солдаты, и что у нас только одна цель – спасти нашу родину от того ужаса, в котором она ныне находится, и избавить ее от врагов человечества – от большевиков, поправших все христианские законы и Православную Веру.

Приказ этот, подписанный генералом Романовским и его начальником штаба полковником Дурново, возымел свое действие, и ему немедленно подчинились полностью весь корпус полковника Вырголича и многие части 1-го корпуса, среди остальных же частей 1-го корпуса обнаружилось некоторое колебание, выразившееся в том, что временно командующий этим корпусом, ссылаясь на разбросанность своих частей, просил о продлении назначенного срока, затем некоторые части возбудили вопрос о необходимости санкционирования приказа ген. Романовского высшим немецким командованием, очевидно, желая лишь выиграть время для получения соответствующих указаний от Бермонта, который уехал в Берлин. Между тем, Бермонт, произведя себя в генералы, приехал в Берлин и остановился в квартире члена бывшего своего правительства, Ремера, окружил себя группой своих приверженцев, явился местному германскому команданту и отправился к Носке. Там он, по-видимому, принят был довольно сурово, и военное министерство послало местному германскому военному командованию, по указанию генерала Явида, телеграмму о том, что командующим всеми русскими частями следует признавать генерала Романовского. Таким образом, благодаря спокойному и вполне определенному отношению к делу ген. Явида, дело, по-видимому, начало налаживаться, когда совершенно неожиданно Бермонт нашел себе крайне непонятную поддержку со стороны генерала Гурко, который не только его принял, но и пожелал проявить личное воздействие на ген. Явида в пользу Бермонта. Когда же к ген. Гурко явился прибывший в Берлин вместе с ген. Романовским полковник Дурново, то ген. Гурко самым резким образом напал на него в присутствии другого офицера, высказал ему полное свое негодование по поводу всех мер, принятых по отношению Бермонта.

По мнению генерала Гурко, Бермонту подлежало дать возможность написать прощальный приказ и сдать командование старшему из чинов своего корпуса ген. Альтфатеру, а затем, оставаясь командиром своего корпуса, уехать в отпуск. Когда же ген. Явид предположил на время после своего предстоящего отъезда передать свои полномочия ген. Бискупскому, чего, может быть, и не последовало бы по другим основаниям, то ген. Гурко прислал ген. Явиду своего адъютанта предупредить его, что, хотя он относится с большим уважением к ген. Бискупскому, но что передача ему полномочий в отношении русских отрядов вызовет «резню в лагерях». Хотя, насколько мне известно, ген. Явид доложил ген. Гурко, что он согласен в точности исполнить все его распоряжения, если он согласен принять на себя всю дальнейшую ответственность, на что ген. Гурко ответил, что он находится в Берлине в качестве частного лица и никаких распоряжений на себя не берет, но, тем не менее, выступление ген. Гурко, разумеется, не могло остаться без влияния на дальнейший ход событий, и вчера Бермонт отдал приказ о передаче командования армией генералу Альтфатеру и о том, что сам он, оставаясь во главе своего корпуса, уезжает временно в отпуск.

С генералом Альтфатером, который по общим отзывам, человек вполне порядочный, но совершенно бесхарактерный, достигнуто соглашение, по которому он немедленно по вступлении в должность и по отъезде Бермонта, который во что бы то ни стало хочет вернуться в лагерь, чтобы проститься со своими войсками, подчинится генералу Романовскому, а затем предполагается в самом ближайшем времени назначение совершенно нового начальника, который возьмет все в свои руки и устранил возможность дальнейших интриг при помощи Бермонта. Тем не менее, и он сам, что, конечно, не удивительно, и многие другие, как это ни странно, совсем не думают, что роль его кончена, около него продолжает делаться что-то непонятное: так, например, вчера ночью был произведен обыск. Люди, его окружающие, утверждают, что будто бы к нему предъявлен иск какими-то голландскими купцами и что он будто бы принужден был выдать им обязательство на 6 миллионов марок, передав в обеспечение этого долга все принадлежащее Западной армии имущество. Какое это может иметь значение, конечно, сказать трудно, но все это в связи с принимаемыми разнообразными мерами воздействия в пользу Бермонта, показывает, что вокруг него продолжает разыгрываться прежняя интрига и что для того, чтобы покончить раз навсегда с этим

вопросом, необходимы самые решительные меры. Ген. Явид вполне правильно разбирается в создавшейся обстановке и дал делу совершенно правильное направление, но теперь почти все будет зависеть от генерала Нисселя, приезд которого ожидается на этих днях и от решения, принятого на совещании в Риге. Разрешение всех общих, как и частных вопросов, связанных с судьбою нашей родины, находятся в громадной и тяжелой зависимости от держав согласия, но мы не можем забывать, что и в этих условиях остается область самостоятельности, которой у нас никто отнять не может и которую мы должны оберегать всеми нашими силами, причем, чем тяжелее наша зависимость, тем более обязывает нас вести, в доступных нам пределах, определенную активную политику. Только ведя определенную активную политику, мы можем избежать повторения возможности снова оказаться орудием для достижения здесь, в Германии, совершенно чуждых нам целей.

Возвращаюсь к вопросу о судьбе наших отрядов. Какая бы судьба их ни ожидала, то есть, как бы эти отряды ни были использованы, их, прежде всего, необходимо привести в порядок и притом немедленно, без колебания, здесь на месте в исключительно благоприятных условиях нахождения их в специальных концентрационных лагерях, дабы, когда это потребуется, привести туда, куда будет приказано, реорганизованную воинскую часть, выбросив из нее предварительно все вредное и износившееся, уничтожив штабные и прочие организации и сведя все, что будет признано боеспособным, к соответствующей по своим размерам боевой единице. Наши действия в Германии должны по необходимости ограничиваться пока лишь тем, что мы должны делать, или тем, чего мы не можем делать, как, например, заботами о наших отрядах. Представлялось бы соответствующим нашим интересам сохранить в Германии небольшую ячейку русских военных формирований, которые дали бы возможность, я не говорю уже опереться в военном отношении на Германию, но просто использовать их для достижения других русских государственных целей. Вообще же, сделать здесь в этом направлении можно очень много. Прежде всего, в связи с вопросом о судьбе наших отрядов, пришедших из Курляндии и Литвы, выдвигается вопрос о русских военнопленных, находящихся в Германии. Военнопленные эти в количестве в настоящее время около 300 тысяч человек, находятся в ведении миссии, в состав которой входят и представители от России. Представители эти делают, вероятно, то, что в отношении наших

военнопленных не делается. Вопрос о наших военнопленных является для нас вопросом громадной государственной важности. Сперва, при содействии Германии, они распропагандировались против России, затем, во многих лагерях организованы советы солдатских депутатов и другие проявления большевизма. Решительных мер противодействия этому не принимается, а между тем, это было бы возможно именно теперь и в особенности необходимо ввиду того, что большевистские организации в достаточной степени надоели солдатам, главным же образом потому, что приближается срок возвращения на родину, который настоятельно заставляет подумать о необходимости еще здесь, т.е. до прибытия их в Россию организовать их так, чтобы они не перешли прямым путем в стан наших врагов. Наиболее естественным и целесообразным выходом было бы, воспользовавшись соответственно реорганизованными отрядами, пришедшими из Курляндии и Литвы, начать, путем постепенного отбора, формирование антибольшевистских отрядов в возможно более широких размерах, попутно коренным образом изменив внутреннюю организацию военнопленных. Одновременно с этим возникает новый вопрос, требующий принятия необходимых мер, а именно предстоящее обратное получение от Германии по Версальскому договору их русской военной добычи. Я не говорю и не позволяю себе мечтать о том, что разрешение предстоящей нам здесь громадной сложности задачи, выразится в возможности вывести из Германии трехсоттысячную вооруженную русскую армию, но для меня совершенно ясно, что разрешение всех этих трех вопросов должно быть поручено особому, специально для этого уполномоченному генералу, который по своему положению, авторитету и личным свойствам, мог бы в чрезвычайно сложной обстановке разбираться в событиях и людях и действительно был бы способен вести активную политику, направленную к определенно поставленной цели.

В заключение не могу не сказать, что, невзирая на все создаваемые затруднения и несмотря на все принимаемые меры к разобщению Германии и России, эти два государства в самом ближайшем будущем будут связаны между собою бесконечными общими экономическими интересами, а потому необходимо уже теперь обратить самое серьезное внимание на защиту русских экономических интересов в Германии, которые сейчас начинают захватываться евреями. Причем, как по чисто военным, так и по экономическим и финансовым вопросам нужно поставить здесь, в Берлине, определенные в рус-

ских интересах цели и в трудных условиях нашей зависимости использовать все выгоды нашего положения в отношении Германии, которая должна и может оказать нам существенную и необходимую помощь в деле воссоздания сильной и великой России.

Сведения из Ревеля очень грустные, общий отзыв: «Армии не существует, сохранилась только одна Ливенская дивизия, все остальное ненормально и требует полной реорганизации». Вчера приехал Ниссель. Под страхом его приезда Бермонт подал рапорт об освобождении его от командования корпусом и уехал из Берлина в Дрезден. Отряды, пришедшие из Курляндии и Литвы, пока остаются в Германии и размещены в лагерях. По-видимому, предполагается перевести армию Юденича в Латвию, образовав там новый антибольшевистский фронт и туда же перевести отряды отсюда. Искренне преданный Вам

А. Бельгард.

30 декабря 1919 г.

Д.Н. Потоцкий. О НЕМЕЦКОЙ ПОМОЩИ РУССКОМУ БЕЛОМУ ДЕЛУ.

(Записка ген. Д.Н. Потоцкого, официального представителя Российского Общества Красного Креста в Берлине и представителя Вооруженных Сил Юга России показывает отношение правящих кругов Германии к «русскому вопросу» в Прибалтике и о действиях представителей Антанты по вовлечению Германии в организацию общего фронта против Советской России – прим. сост).

В начале мая 1919 года ко мне, возглавлявшему русские национальные интересы в Берлине, как официальному представителю Вооруженных Сил Юга России, постоянно приезжал Светлейший князь А. П. Ливен и жаловался на неопределенность в боевой деятельности на Митавском фронте, общая об ужасах, творимых коммунистами с рижской интеллигенцией и о фактической слабости в военном отношении красных войск, защищавших подступы к Риге.

Сговорившись с Ан. Пав. Ливеном о возможности занятия Ландесвером и его добровольцами Риги при снабжении достаточным числом пулеметов и патронами и поддержки его орудийным огнем, для морального подъема среди немногочисленного, но отличного по составу, отряда добровольцев, я решил использовать свое положение среди членов Междусоюзной Комиссии и германского правительства.

С Георгием в петлице, в штатском платье, я отправился к министру внутренних дел Эрцбергеру.

Много зла причинила правящая в Германии партия, сметавшая со своего пути разумно настроенных, верных сынов своей родины, пытавшихся мирным путем восстановить нарушенный порядок после революции 1918 года. Оной из жертв этой ультра-шовинистической политики пал Эрцбергер, лидер католического центра, человек больших способностей и трезвых политических убеждений, своим спокойным и ровным отношением в роли представителя репарационной комиссии со стороны побежденной страны, смягчая все требования победителей.

Правые крайние элементы, не отдававшие себе отчета в происшедшем факте военного своего поражения, не могли простить министру его уступчивости и низвели его в ряды изменников родины и насильственно удалили его.

Эрцбергер принял меня в своем рабочем, скромно обставленном кабинете, выслушал внимательно мои упреки на бездействие войск ф.д. Гольца, поинтересовался, от чьей именно политической группы я действую, и, узнав, что я официальный представитель РОКК, обратился к министру, как к представителю гуманности и защитнику тех, кто беззащитно ждет своей участи, в зависимости от дикого красного произвола. После получасовой беседы, убежденный мною, что ответственность за активные действия отпущь не будет служить упреком со стороны Франции и Англии, при условии предоставления отрядам Ливена и Балтийского Добровольческого отряда майора Флетчера характера национального русского движения, министр вызвал своего начальника штаба к аппарату.

Произошел короткий разговор с ним по телефону (в моем присутствии), о возможности активных действий корпуса ф.д. Гольца – при условии получения мною подтверждения согласия о таковых действиях от английского и французского генералов - членов Междусоюзной Комиссии.

Пожелав успеха в поднятом мною вопросе, Эрцбергер, вызвал мне чиновника для сопровождения к начальнику штаба. Я распрощался с министром, которого больше не суждено было мне видеть.

Обстановка у Начальника штаба майора Х. была чисто военная. Небольшая комната, обвешанная сплошь картами.

Суровый на вид, очень раздражительный по тону майор Х. принял меня крайне резко, выражая недовольство на деятельность Союзной комиссии и,

в частности, высшего верховного военного управления, возглавляемого маршалом Фошем.

«Нас заставят уйти из Риги, даже если бы мы ее взяли», - был его резкий ответ на мое заявление о желательности скорейшего продвижения корпуса ф.д. Гольца к Риге.

«Они хотят нас унижить, нас окончательно уничтожить! Зачем мы будем жертвовать своими людьми для пользы Белой России, которая действует по указке англичан и французков...»

Его резкий тон, по сравнению с предшествовавшей мирной беседой с Эрцбергером, заставил и меня повысить голос. В резкой отповеди я отметил главные ошибки, допущенные Германией по отношению к России, губительные последствия которых возможно исправить лишь честной деятельностью, т.е. своими руками уничтожить красную нечисть, изготовленную и привитую России стараниями Германского Генерального Штаба. Затем я сразу перешел на деловую тему о снабжении отряда Ливена пулеметами и поддержкою артиллерией и напомнил, что, хотя я и генерал Императорской Российской Армии, но говорю с ним, как представитель гуманитарного учреждения Красного Креста, спорить с ним считаю совершенно излишним и прошу его содействия в интересах сохранения русско-немецкой буржуазии Риги, уничтоженной в громадном числе латышами, и что каждый день промедления стоит нескольких тысяч жизней.

Я слушал краски; в итоге он склонился на мою точку зрения, потребовал от меня в течение трех дней ответа от Верховной Комиссии, заседавшей в Версале.

Отклапавшись, я тотчас же отправился к французскому генералу Дюпон, изложив ему всю обстановку и мои предварительные переговоры с Эрцбергером. Я узнал от генерала, что в тот же вечер по разным делам вызывался в Верховную Комиссию в Кельн английский генерал Эварт, и к его отъезду я должен вручить ему краткую объяснительную записку для передачи ее маршалу Фошу, и просил по возможности составить записку сейчас же. Мое управление помещалось в двух шагах на Унтер-деп-Линден, и через час я был у генерала Дюпон и передал ему краткую записку с указанием на возможность, ввиду фактической слабости красных, внезапного нападения и взятия Риги при условии помощи артиллерией и пулеметами частей корпуса ф.д. Гольца. Непременным условием успеха операции и удержания в своих руках этого административного и торгового центра Прибалтийского края, я ста-

вил поднятие русского трехцветного флага и помещение в официальных реляциях и печати о взятии Риги русскими и балтийскими добровольческими частями.

Это условие было намечено еще до переговоров с Эрцбергером в беседе с Анат. Павловичем Ливеном.

Генерал Дюпон был вполне удовлетворен моей запиской и обещал лично переговорить с генералом Эварт и содействовать намеченному плану действий.

Через два дня я был назначен во французское посольство, и генерал Дюпон передал мне зашифрованную телеграмму от маршала Фоша, в коей корпусу ф.д. Гольца разрешалось содействовать занятию Риги и поддержке русских добровольческих частей в Прибалтийских операциях.

Я тотчас сообщил об этом начальнику штаба майору Х., и последний, хотя и в раздражительной форме, но сообщил мне, что все распоряжения им будут отданы, согласно нашим предварительным переговорам.

Через неделю в газетах промелькнуло сообщение о взятии белыми Риги, о бегстве красных комиссаров, а через несколько дней до Берлина дошли печальные сведения о гибели самоотверженного партизана Мантейфеля и о тяжелом ранении при взятии Риги отважного организатора добровольцев князя Анатолия Павловича Ливена.

Мы искренне сожалели о понесенной потере. В такое время потеря самоотверженных руководителей, активных борцов за освобождение родины, было важнее, чем территориальный захват, и одно было утешением для русских патриотов в Берлине, что жертвы эти не даром, что красное влияние Риги пало, и пало безвозвратно...

Мне, сидевшему в 1918 году в Трубеком бастионе Петропавловской крепости и ожидавшему в начале марта освобождения от уз темницы через наступление от Пскова германской армии, - были вполне понятны чувства прибывших беженцев, но я лично разочаровался в искренности этого избавления. Ибо, как читатель видит из моего рассказа, не германская каска освободила несчастную рижскую буржуазию, а маршал Фош, ориентированный вне политики в действительном положении вещей. А побудителями и исполнителями были не ф.д. Гольц, а храбрые русские добровольцы во главе с храбрейшим из храбрых князем А.П. Ливеном.

Д.П.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 4-9, № 4.

Г. Кирдецов
НАКАНУНЕ

Когда мы пишем эти строки, судьба красного Петрограда, быть может, уже решена.

Еще в пятницу взято Лигово, а первые конные разезды Северо-Западной армии к вечеру появились у Нарвских ворот.

Осталось немного, если только кровожадные комиссары из мести за поражение не вздумают в последнюю минуту воплотить в действие свою давищую угрозу и «хлопнуть дверью», т.е. превратить улицы и площади Петрограда в арену кровавой баррикадной борьбы.

Но - пусть! Это будет веще доказательство их душевного убожества, последний убедительный довод для Добровольческой армии Деникина ускорить занятие Москвы и таким образом совершенно очистить землю русскую от насильников-лжецов.

Пусть Ленин и Троцкий уверяют завтра, что они сделали Петроград исключительно по стратегическим соображениям, потому-де, что он расположен вдали от сердца России и с точки зрения потребностей общей обороны Советской власти стоит только лишних жертв.

Это они, наверное, скажут завтра, как они лгали летом при бегстве из Малороссии, а до того - при отступлении с Урала на Волгу.

Они не могут не лгать, ибо они сотканы из лжи, и в ней вся их сущность, весь смысл их бытия.

Но доколе? До каких пор еще будет длиться это царство лжи и обмана?

Мы глубоко верим, что недолго, и, во всяком случае, ни часа дольше, чем мы сами того пожелаем.

Инициатива теперь в наших руках на всех фронтах, и в первую голову, конечно, на фронте политическом, где наши позиции всегда были неуязвимы и еще более упрочились теперь, когда численно столь скромная, но мощная духом и сознанием правоты своего дела Северо-Западная армия в пять-шесть дней сокрушила сильнейший оплот большевизма - «красный Петроград».

Троцкий - помните - еще надменно-хвастливо говорил: - Есть участок на нашем западном фронте, где мы стоим скалой. Это - Петроград. Он не боится белых банд Юденичей, Маннергеймов и Лайдонеров, и горе Финляндии и Эстонии, если они отвергнут мир, который мы им предлагаем. Наши ближайшие зимние квартиры будут тогда в Ревеле и Гельсингфорсе...

Наивные люди верили и качали головой: ведь у большевиков 17 армий, а запасов снаряжения на несколько лет.

А вышло то, что сама судьба пожелала сыграть с ними лишнюю злую шутку: уже не будет завтра красного Смольного с его мощной радиостанцией в Царском, откуда каждый день летели гордо искры: Сдавайтесь!

Нас никогда не покидала вера, что так будет, так должно быть, но то, что уже есть - есть, и никакая новая большевицкая ложь не умалит завтра огромного значения фактов, совершившихся в эти дни.

Ведь не под палочными ударами, не под страхом пулеметного огня с тыла, ринулась армия наша на приступ большевицких позиций, смяла их и, точно на крыльях пафоса, летела вперед - туда, к Петрограду, где красный шут, упоенный славой, оргию последнюю собирался справить в годовщину восшествия своего на престол.

Армия знала, что она идет творить святое народное дело - избавить миллионный город от голода и позора, холода и болезней, на которые его обрекла Советская власть.

Она знала, что с ее вступлением в Петроград растворятся тюрьмы и казематы и из них выйдут тысячи мучеников-героев, женщин и стариков, заживо погребенных большевиками.

Еще она знала, что не для водворения старого режима опытная рука старого полководца вела ее в бой по родным полям и нивам, а во имя светлого будущего, во имя Свободы, поруганной большевиками, во имя Учредительного Собрания, которое, как единственный хозяин земли русской, скажет, наконец, как жить нам надлежит.

Вот что сотворило чудо этих дней и обеспечило нашим воинам-гражданам вечную благодарность Родины.

Вот что сотворит еще большее чудо завтра, когда, вступая через Нарвские ворота в многострадальный город, они примутся за водворение Закона и Права и явят всему миру пример высоких гражданских качеств и политического перерождения.

Это будет счастливейший день в жизни русского народа, и память о нем останется священной для грядущих поколений.

Это даст нам силу и отвагу творить новые чудеса, чтобы окончательно добить врага - ибо, ведь, осталась еще Москва, куда умчатся завтра бывшие люди «красного» Петрограда.

За ними, герои Ямбурга и Гатчины!

*«Свобода России», Ревель, № 28,
19 октября 1919 г.*

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНАРАЛА ЮДЕНИЧА К ГРАЖДДАНАМ ПЕТРОГРАДА.

Граждане города Петрограда и вы, заблудшие люди, обманутые насильниками-комиссарами, солдаты и матросы Красной Армии.

Пушки Северо-Западной Армии гремят под Петроградом, возвещая вам скорое спасение от голода, от расстрелов, от насилий над личностью, от попрания всяческой человеческой свободы.

От вас зависит ускорить этот давно жданный час, прекратить страшную братоубийственную войну и вместе со всею Русскою Россией приступить к свободному строительству Государства Российского на началах полной гражданской свободы.

Спротивление бесполезно, оно уносит только новые и новые жертвы, уносит молодые жизни. Вы давно одиноки в своей борьбе.

Вас обманывали, говоря, что демократия всей Европы с насильниками и преступниками-большевиками заодно. Все Европейские народы, Америка и Япония, отшатнулись от вас.

В Советской России объявлена полная блокада: то есть ни одно Государство не привезет вам ни хлеба, ни продовольствия.

Тесное кольцо Христиан-воинов окружает железными тисками извергов-комиссаров, и час страшного Народного Суда близок.

Верховный Правитель России Адмирал Колчак подходит к Уральскому хребту. Он идет победоносно, не

встречая сопротивления, - Красноармейцы разбегаются перед его полками.

Генерал Деникин с казаками и добровольцами занял Орел, подходит к Туле. Он идет с могущественной артиллерией, многочисленными танками, и движение его на Москву обращается в победное шествие.

Толпы народа и рабочие встречают его полки колокольным звоном и ликованием, Красноармейцы сдаются ему целыми дивизиями и, нашив себе на рукава Святой Трехугольный значок Великой, Единой, Неделимой России, со своими старыми офицерами идут уничтожать большевиков.

Всюду, куда приходят наши войска, восстанавливается Городское самоуправление, Земские учреждения, кооперативы и т.д.

Верховный Правитель Адмирал Колчак, Генерал Деникин и Я ведем борьбу с большевизмом, за право Русского Народа решить свою судьбу и наболевшие вопросы о земле и капитале через своих представителей в Народном Собрании.

Получившие самоуправление казачьи области Дона и Кубани приступили к земельной реформе. Ни одна народность не угнетена и никакое насилие над кем бы то ни было – нами не допускается, но все народности на равных началах пользуются благами настоящей свободы.

Мы несем Вам не войну, а мирный труд в порядке и полном уважении личности каждого гражданина. Мы знаем, что вы голодны, что у вас нет топлива. Мы знаем, что под властью насильников комиссаров ваши дети умирают от голода.

Демократия Америки и Англии прислала для вас муку, консервированное молоко, крупу и мясо. Финляндия заготавливает молочные продукты, скот и дрова, то же делает и Эстляндия.

На юге небывалый урожай. Корабли, нагруженные съестными припасами, стоят во всех портах Балтийского моря, поезда наготове идти к вам и спасти вас от голодной смерти.

Мы не будем мстить тем, кто согрешил против России и вовремя покаялся, но горе тем, кто с упорством демонов вздумает проливать братскую кровь. Горе комиссарам и коммунистам, смущающим душу народную. Горе тем, кого мы встретим не с дружески протянутой рукой, а с оружием в руках!

Ваши светлые дни близки.

С колокольным звоном, с молитвенным пением хвалебных гимнов забытому вами Истинному Богу, идите нам навстречу и забудем, что была между нами распря, и вместе пойдем очищать Россию от большевицкого дурмана и строить новую свободную и светлую жизнь.

Час свободы близок.

От вас зависит быть участниками великой радости освобожденной России, или понести суровую кару от народа, который никогда не простит вам смерти и насилия над своими братьями.

При проходе войск Северо-Западного фронта – все красноармейцы и матросские части должны вынести и сложить все имеющееся у них оружие, самим же построиться в версте от сложенного оружия и выслать вперед переговорщиков с белыми флагами.

Все окна и двери в домах должны быть закрыты.

При этих условиях не будет лишних жертв и город в ближайшие дни получит первые транспорты продовольствия, которые стоят наготове.

Одумайтесь и идите с Россией и Русскими, а не с врагами Русского Народа коммунистами и их комиссарами.

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом
Генерал от Инфантерии ЮДЕНИЧ
20-го Октября 1919 года
гор. Гатчина.

«Приневаский край», Гатчина, № 1,
22 октября 1919 г.

Гессен-Гулькевичу

(Письмо главного редактора газеты «Речь», одного из основателей кадетской партии, видного масона И.В. Гессена показательно, как пример беспокойства «демократических деятелей» Русского Зарубежья усилением влияния военных и вероятностью роспуска Северо-Западного правительства после занятия Петрограда - прим. сост.).

17 октября 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Николаевич!

Мы близимся к развязке. Сегодня здесь с утра сильнейшее волнение и высокая волна самых невероятных слухов. Но наступление и в самом деле развивается с такой быстротой, что не будет ничего удивительного: если это письмо дойдет до Вас после получения известия о падении Петрограда. Я, однако, не только не хочу изменить своей привычке привлекать Ваше внимание к мрачным сторонам обстановки, но убежден, что теперь именно на них следует сосредоточиться.

Я ни на минуту не сомневаюсь, что мы стоим перед развязкой. Если бы, чего я не допускаю, у Юденича и была временная неудача, то теперь финны выступят и вообще окончательный удар большевикам будет нанесен, но тогда перед нами станут задачи, для разрешения которых я не вижу требуемых данных. Здесь царит такая взаимная вражда, такое недоброжелательство, что все другие интересы отступают на задний план и бесследно тонут во взаимных перекорах, счетах и подсиживаниях. Центром вражды является, конечно, северо-западное правительство и в частности и в особенности Маргулиес (М.С. Маргулиес – министр снабжения в Северо-Западном правительстве, масон – прим. сост.). Теперь, конечно, бесцельно выяснять, есть ли основания для такого отношения, факт тот, что против него ведется сильнейшая травля, открытая и скрытая. Главное средство – это воздействие на Юденича, которому посылают телеграммы, шлют депутации, влияют через близких и т.д. Со своей стороны, правительство принимает аналогичные контрмеры, точно также прямые и косвенные, и Вы можете себе представить, какие результаты отсюда получаются. При этом все действуют в отдельности и в секрете друг от друга. Теперь к Юденичу поехал Бер, до него там был Карташов (А.В. Карташов - председатель правоцентристского Русского Политического Сопещения в Гельсингфорсе – прим. сост.), ездил туда Лич (глава банкирского дома в Лондоне – прим. сост.), сидит в Ревеле Шуберский (В.П. Шуберский - финансист, член Русского Политического Сопещения – прим. сост.), а ко всему этому здесь шумит и сплетничает Рубинштейн (глава банкирского дома Д.Л. Рубинштейн – прим. сост.). Что думает Юденич и на чем он, в конце концов, остановится, думаю никто (во всяком случае, никто из названных) не знает, а может быть, и сам генерал не имеет определенного взгляда. Но что мне касается несомненным –

это, что он правительство в Петербург не возьмет, а в лучшем случае оставит его просто в Ревеле и дальше его не пустит. Если это свершится тактично, не демонстративно, то в этом еще полбеды, и тогда центр тяжести переносится на вопрос, кем он их заменит. Карташов утверждает, будто при нем Марков II, но, если это и не так, то во всяком случае, его антураж ни в малейшей степени не соответствует тем задачам, которые ставит необходимость устройства Петербурга. В Петербурге, несмотря на жестокие расстрелы, имеется походящим сведениям, организация. Но признает ли ее Юденич, на этот вопрос скорее следует ответить отрицательно, и вот почему необходимо сделать все возможное, чтобы предотвратить возникающие отсюда опасности. Опасность же я считаю очень большой, нужно же иметь в виду, что там все обитатели после этих двух страшных лет душевно не уравновешены, что никакие меры строгости не могут импортировать и что поэтому требуется величайший такт и большая прозорливость, чтобы ввести жизнь в какое-нибудь русло и избежать крупных потрясений. Для этого, скажем, прежде всего, надо наладить продовольствие и топливо, а если, как сказано, царит такой разлад, что радуются неудачам, досадуют, если что-нибудь удастся, то, вряд ли, можно сметь рассчитывать, чтобы все было предусмотрено и обеспечено. И если обо всех этих трениях узнают, например, финны (а ведь никто и не старается скрывать), то возможно, что начавшиеся переговоры о поставке дров и т.п. легко оборвутся. Ну, а затем ведь в Петербурге, собственно говоря, все состоит на службе у большевиков (по крайней мере, вся интеллигенция) и при желании можно любого трактовать как большевика и сделать отсюда роковой вывод.

Что же делать. Сюда присылают непрерывно разных генералов, которых и без того довольно: Глазенап, Краснов, Долгорукий. Но разве присылка толкового умеющего ориентироваться штатского человека, менее важна. Я думаю, что это единственный способ разрядить опасную атмосферу. Приезжий человек, конечно с надлежащими полномочиями и авторитетом, разрубил бы гордиев узел, в котором сплелись самые разнообразные интересы. Перед приезжим человеком все склонились бы, и Юденич признает только начало повиновения. Когда у него есть приказ, он спокоен, но когда ему самому придется решать вопросы, над которыми он до сих пор никогда не задумывался, тогда и открывается поприще для всяких махинаций, до которых здесь так много охотников. Само собой разумеется, что такой посланный должен иметь самую решительную поддержку со стороны союзников. Вот Маклаков (В.А. Маклаков - посол России в Париже - прим. сост.) с Манженом отправились к Деникину. Во сколько раз (я не говорю о лицах) это было бы нужнее здесь. Не забудьте еще, что по словам всех перебежчиков и по письмам от различных организаций (сегодня только говорил мне об этом Караваев) в Петрограде настроение складывается против Антанты (В.Д. Кузьмин-Караваев - кадет, член Русского Политического Сопещения - прим. сост.) и в этом отношении тоже было бы в высокой степени необходимо умелое воздействие. Положение обостряется еще тем, что, как Вы знаете лучше меня, отношения между Англией и Францией в балтийском вопросе оставляли бы желать большого единодушия и отсутствие его проявляется здесь, не скрываясь.

Что касается Финляндии, то само собой, ее настроение сильно изменилось. Рубинштейн направо и налево

кричит, что Юденич ответил Личу на вопрос о желательности помощи Финляндии отрицательно, но я не знаю, как это было в действительности, но Вы видите, что из игры, которая тут ведется, ничего не выбрасывается. Рубинштейн и иже с ним, ни перед чем не останавливаются. Мне говорят друзья, что уже поздно об этом думать, события будут развиваться слишком быстро. Я не согласен с этим, как бы быстро они ни шли, во всяком случае, завершения настоящего фазиса придется еще долго переживать...

Будьте здоровы, дорогой Константин Николаевич, шлю Вам сердечнейший привет.

17 октября 1919 г.

ГА РФ, Ф.6094, Оп.1, Д.39, Лл.22-23.

Св. Князь Ливен-Дыдорову.

Париж 21 октября 1919 г.

Дорогой Климентий Иванович!

В дни наступления на Петроград я счастлив читать в газетах, что впереди идет корпус Князя Ливена. Взятие Красной Горки тоже работа корпуса (ошибка парижской прессы: дивизия Князя Ливена (5-я, Ливенская) взяла Красное Село - прим. сост.). Мыслями и молитвами я с Вами и плачу, что не могу участвовать. Я не имею права жаловаться на здоровье, но поправление идет очень тихо. Внешняя рана зажила, но в паху появилась, пока, небольшая грыжа, пришлось заказать бандаж. Боль в правой ноге уменьшается, но я все еще должен ходить с двумя палками и очень слаб. Нервы мои еще расстроены и меня лечат электричеством. Однако, как никак я начинаю за последние дни лучше спать и прибавил в весе, так что я надеюсь недель через шесть быть в состоянии к Вам вернуться. Врачи говорят, что до полного поправления пройдет еще 14-16 месяцев! Так быть просто не могу.

Вчера американский полковник Грин показывал кинематографические снимки нашего отряда в Риге. Очень я был рад Вас видеть и узнать многих знакомых.

Если я и нахожусь далеко от Вас, то я жив всецело Вашей жизнью и я могу сказать, что я в Лондоне и Париже сделал для нашей Армии больше, чем когда-либо мне бы удалось сделать на месте. Очень помогает мне полковник Грин, который очень любит русское дело и, особенно, наш отряд.

Об отряде здесь все говорят с большим уважением и этим я обязан Вашей работе и помощи. Сердечно и искренно благодарю Вас за то, что Вы там поддержали и поддерживаете доброе имя нашего родного отряда.

Я написал краткий очерк об истории нашего отряда. Он будет напечатан и я его Вам пришлю. Конечно я должен был писать только по памяти, что, конечно, объяснит возможность ошибок. Очерк будет переведен на французский язык и разослан интересующимся русским делом.

Когда я сюда приехал интерес к русскому делу был очень вялым. Благодаря частым беседам с французскими журналистами и офицерами, вплоть до начальника штаба маршала Фоша (ген. Вейган) удалось изменить настроение. Успех Юденича - лучшая реклама и теперь все только и говорят о восстановлении Великой и Единой России.

Дело Бермондта наделало много шума, но пошло скорее нам на пользу. Жалко только «наших», которые за-

путались в это дело. Тех, которые нас в последнюю минуту покинули мне не жалко. Пусть пожалеют теперь, что не пошли с нами.

Взятие Петрограда пока еще не подтверждается, но мы твердо надеемся на это событие. Это будет Вам и отряду наилучшая награда за все то, что Вы перетерпели. Если Петроград взят, то передайте за меня всем частям нашего отряда (дивизии) сердечные поздравления и благодарность за верную службу Родине.

Прошу Вас написать мне письмо адресуя его через Штаб Главнокомандующего, указав «Главноуполномоченному Главнокомандующего Северо-Западным фронтом в Париже Троцкому-Сенютовичу для передачи мне».

Жена со мною здесь, чему я очень рад, так как я все еще довольно беспомощен один. Она шлет Вам сердечный привет, а также Вашей супруге. Дети наши в Риге. Мы за них, конечно, боялись, но получили телеграмму, что все живы и здоровы в американской миссии.

Известия от Деникина пока, Слава Богу, хорошие. Будем надеяться, что скоро мы покончим с чумой и начнем возрождение нашей дорогой России.

Я надеюсь привезти сюда русских офицеров, которых я ругаю за сидение в тылу. Они желают идти, но непременно к нам.

Привет полковнику Лебедеву, Зейберлиху, Баке, Бурбергу и т.д. всем всем
Крепко жму Вам руку.
Ваш А. Ливен.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-6, № 11.

ПЕТРОГРАД.

(Корреспонденция с фронта)

По Стрельнинской дороге мерным шагом идут наши войска. Со всех сторон стрельба: вдали расплывается она низким гулом – и вот ухаёт где-то близко совсем над ухом...

– «Ну вот, слава Тебе Господи, и к самому Петрограду подходим!»

– «А я, робята, слышал: офицеры промеж себя разговаривали, так что сразу его возьмем!»

– «Возьмешь што ль его с налету! Безпременно остановка выйдет, обойтить то ведь надоть? – Вишь, как мы раскинулись!»

– «Отстаивать, видно, красные хотят... Жарко нам придется!»

– «Ничего, брат, не в первой!... Вот, как я на немецкой войне был – так мне сразу видать, что это штожь пока? – Война не настоящая, не обстоятельная, коли неприятель бежит. А теперь она, видно, и будет, настоящая-то!»

– «Небось, робя, за себя постоим! – «Сам» ведь на фронте! Даром штоль нас дедушка сам ведет!»

Достиг вершины Стрельнинской горы отряд и как по команде останавливается. Восторженный гул пробегает по рядам... Там, внизу у сверкающего залива, широко, так, что глазами сразу не окинуть, распростерся город, весь сияя в белых лучах осеннего солнца. И царствуя над ним, горит, как второе солнце, мощный купол Исакия. Золотыми иглами поднимаются к небу шпицы Адмиралтейства и Крепости. Кое-где видна голубая лента Невы... Сбоку вдали, омытые серыми мерцающими вол-

нами, видны темные груды Кронштадта, и небольшие рельефные пятна судов; то и дело вспыхивает на них дымок; обстреливают берег.

– «Ох, и хорош же он, подлец!» - громко вздыхает офицер, и прикрыв ладонью глаза, восторженно смотрит на город.

– «Фабрики-то, глянь, не работают: дыму из труб не видать...»

Воздух чист, нет обычной пелены копоти... И еще прекраснее от этого, словно весь омытый, лежит вдали распростершийся город, – желанный, замученный, несчастный Петроград!

– «Да, разве можно его красным оставить, Питер-то!» – раздается крик.

И с дружным «Ура!», охваченный безумным, окрыляющим, головокружительным восторгом, бросается отряд вниз с горы, к Петрограду, к вождельной, прекрасной, великой цели всего похода. И кажется: вот выросли за спиной крылья... Вот-вот ворвутся они с раздирающе-радостным криком в улицы Петрограда!..

Де-Бужим

*«Свобода России», Ревель, № 36,
29-го октября 1919 г.*

ЧТО ДЕЛАЕТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЛЯ ПЕТРОГРАДА

Картофель для Петрограда

Министром Продовольствия Ф.Г. Эйшинским и Министром Снабжения М.С. Маргулиесом от имени Сев.-Зап. Правительства ведутся переговоры с эстонским правительством о приобретении в Эстонии для нужд Петрограда полтора миллиона пудов картофеля и для нужд Области 500 тысяч пудов.

Как выяснилось из переговоров с эстонским советом министров, продажа будет организована нижеследующим образом: эстонское правительство будет выдавать само намеченным им лицам лицензии на вывоз картофеля из Эстонии, а эти лица сами будут входить в соглашение с Сев.-Зап. Правительством о ценах и условиях вывоза картофеля в Россию.

Соглашение будет оформлено в ближайшие 2-3 дня.

Закупка сахара, соли и капусты

В последнем заседании Совета Министров С.-Зап. Правительства отпущено министру продовольствия Ф.Г. Эйшинскому 15 миллионов рублей для закупки соли, сахара, капусты и картофеля для Петрограда и освобожденных от большевиков местностей.

В этом же заседании утверждены предложенные министром земледелия П.А. Богдановым правила землепользования и землевладения в освобожденных от большевиков местностях.

Правила эти печатаются нами сегодня.

Медикаменты

На прошлой неделе министром народного здоровья М.С. Маргулиесом приобретено в Ревеле на 90 тыс. эстонских марок медикаментов и предметов санитарного снабжения, каковые переданы для нужд Сев.-Зап. Армии начальнику воен.-сан. снабжения д-ру А.Н. Молодовскому.

Городское самоуправление в Петрограде

В заседании Совета Министров Правительство Сев.-Зап. Области от 18-го месяца постановило организацию городского самоуправления Петрограда поручить коми-

тету из 4-х лиц: премьер-министра, министра внутренних дел, министра снабжения и председателя комиссии по выработке положения об организации Петрограда сенатора С.В. Иванова.

Запасы дров для Петрограда

Сегодня выезжает в Гельсингфорс министр торговли и промышленности и снабжения М.С. Маргулиес для подписания договора с финляндским правительством о поставке дров для города Петрограда управлением Финляндской жел. дороги, а также для заключения финансового соглашения с синдикатом финских банков о займе Сев.-Зап. Правительства.

Мука и сало для Петрограда

По сведениям, полученным от министра снабжения Сев.-Зап. Правительства М.С. Маргулиеса, для Петрограда имеется муки не менее, чем на 6 недель; сала бобов, соли и проч. Питательных продуктов не менее, чем на месяц. За этот период времени, как уже обусловлено с целым рядом зарубежных фирм, будут подвезены дальнейшие продукты.

Начальником Управления по делам торговли министерства снабжения проф. В.А. Рогожиным разосланы запросы в Швецию, Данию, Финляндию, Францию, Англию и Америку о спешной доставке предметов первой необходимости, согласно плана снабжения Петрограда, из расчета питания 1,5 милл. лиц ежедневно.

Министр снабжения М.С. Маргулиес ведет переговоры с Датским Комитетом Помощи о спешном снабжении Петрограда мукой, рисом, сахаром и салом.

По просьбе министра, представителем Американской Комиссии Помощи капитаном Мюллером уже посланы запросы Гуверу и его администратору о сроках и количестве присылки муки и сала для Петрограда. О том же министр снабжения телеграфировал русскому послу в Вашингтон Бахметьеву и живущему в Нью-Йорке бывшему товарищу министра продовольствия Башкирову и члену Гос.Думы А. Бубликову. Отовсюду получены благоприятные ответы.

При содействии японского военного атташе капитана Коматубара министр снабжения ведет переговоры о доставке Японией сахара в Петроград. Министром снабжения получены предложения от крупных английских и французских фирм по доставке предметов жел.-дор. снабжения в крупном масштабе, причем, одновременно с доставкой предложено приступить и к ремонту путей. Вопрос будет разрешен в одном из ближайших заседаний Совета Министров.

«Свобода России», Ревель, № 29, 21 октября 1919 г.

ПРИКАЗ № 2.

По Министерству Земледелия Северо-Западной Области России

Совет Министров Северо-Западной Области России в заседании своем 18-го октября 1919 года

ПОСТАНОВИЛ:

Впредь до особых распоряжений Правительства Северо-Западной Области России в освобожденных сельских местностях по земельному вопросу применяются следующие положения:

1. Органы административной власти на местах не входят в рассмотрение каких бы то ни было споров и тяжб о праве собственности и владении внегородскими землями сельскохозяйственного назначения.

2. Никто не имеет права со дня прихода белых войск самовольно захватывать земли или, наоборот, восстанавливать свое нарушенное прежнее владение под страхом наказаний по всей строгости законов военного времени и немедленного принудительного восстановления фактического положения, предшествовавшего допущенному самоуправству.

3. Службы и пр. помещения, живой и мертвый инвентарь (скот, лошади, сельскохозяйственные машины и орудия и т.пр.) продолжают оставаться в распоряжении тех лиц, которые владели ими до последнего прихода белых войск.

4. Из лесов, как частновладельческих, так казенных и прочих, кроме наделенных, образуется особый лесной Фонд, который поступает в распоряжение Министерства Земледелия С.-З. Области России, согласно приказа от 28-го июня 1919 г. за № 190.

5. Так называемые советские хозяйства, а также коммуны и коллективы, кои к приходу белых войск окажутся бесхозяйными, показательные хозяйства и поля, племенные рассадники, питомники плодовых деревьев и прочие агрикультурные предприятия прежней советской власти, переходят полностью в распоряжение земельных отделов или Уездных Земств на местах.

6. Исполнение настоящего постановления возлагается на Земельные Отделы, а где таковых не имеется, впредь до их возникновения на волостные и уездные земства.

7. Действие приказа Командира Отдельного Корпуса Северной Армии по Военно-Гражданскому Управлению от 19-го июня за № 13 «О временном праве пользования землею» прекращается, все дела, возбужденные на основании приказа № 13, подлежат немедленному прекращению.

Всем учреждениям и должностным лицам предлагаю вышеизложенное принять к безусловному исполнению.

Министр Земледелия Северо-Западной Области России П. Богданов

«Свобода России», Ревель, № 29, 21 октября 1919 г.

СНАБЖЕНИЕ ДЛЯ ПЕТРОГРАДА

Беседа с министром снабжения М.С. Маргулиесом

16 октября вернулся из Гельсингфорса министр снабжения М.С. Маргулиес, выехавший туда 10 дней тому назад для подготовки снабжения Петрограда продовольствием и топливом. Для продовольствования Петрограда на первые недели имеются в Финляндии склады, принадлежащие Сев.-Зап. Правительству, муки, сала, бобов и конденсированного молока. Ими заведывает Комитет из Петроградских крупных торговцев с мукомолом Башкировым во главе. Комитет приступил к зафрахтовке судов для ввоза продуктов, как только будет сделано соответствующее распоряжение.

Что касается снабжения Петрограда топливом, то министр снабжения вошел в переговоры с финляндским правительством на предмет снабжения Петрограда ежедневно топливом в течение всей зимы в количестве, необходимом не только для населения, но и для фабрик и заводов с первого дня занятия Петрограда на условиях долгосрочного кредита.

После ряда совещаний, в которых принимали участие премьер-министр Финляндии Венола, министры иностранных дел, торговли и промышленности, путей

Министр торговли, промышленности и снабжения
М.С. Маргулиес.

сообщения, директор Финляндского Банка и мн. другие высшие чины, было в принципе дано согласие на снабжение Петрограда дровами. Избрана комиссия из нескольких лиц для разработки договора между Финляндией и Правительством Сев.-Зап. Области. Таким образом, самый острый вопрос снабжения Петрограда, особенно пугавший как Правительство, так и население, можно считать благополучно разрешенным.

Не менее удачно складывается вопрос об открытии в Финляндии Сев.-Зап. Правительству долгосрочного кредита для закупки нужных населению Петрограда продуктов, которыми изобилует Финляндия. Будут закуплены большие количества бумаги (в первую голову миллион учебных тетрадей, затем газетной бумаги), далее спички, оконное стекло, хлорная известь для дезинфекции, а также будут заключены договор с Сельскохозяйственным синдикатом по ежедневной доставке в Петроград молока и масла.

Министр снабжения отмечает доброжелательное и дружественное отношение финских властей к интересам населения несчастной столицы России и предупредительную готовность идти в этом вопросе рука об руку с Сев.-Зап. Правительством, демократическую программу которого финляндские министры считают лучшим стражем своей свободы.

В Гельсингфорсе министр снабжения вел продолжительную беседу с представителями русских фабрик и заводов, Петроградского городского самоуправления, Петроградских оптовых торговцев, Петроградского Союза Домовладельцев. Со всеми этими людьми министр выяснял условия приступа к работам в первые же дни взятия Петрограда по обеспечению городского благоустройства, спешного ремонта городских учреждений, водопровода, трамваев, ремонта жилых квартир, частных домов и установления очереди пуска в ход Петроградских фабрик, причем министр снабжения предложил иметь в виду на некоторое время исключительно фабрики, которые работают на военное снаряжение и на ремонт подвижного состава жел. дорог.

Министром были намечены в Гельсингфорсе крупные покупки предметов санитарного снаряжения, а также и предметов продовольствия, и послано ходатайство к американо-русской комиссии снабжения о спешной присылке новых запасов муки и сала и закупленной крупной партии риса и сахара.

Таким образом, министр снабжения надеется, что как с организацией, так и со стороны продуктов все будет готово к моменту взятия Петрограда, даже если бы падение столицы, чего все ждут с такой жадностью, и произошло бы в ближайшие несколько дней.

М.С. Маргулиес обсудил с Советом Министров все намеченные выше вопросы и получил от министра финансов надлежащие указания и полномочия по расходованию средств.

Имевшийся в Финляндии комитет, состоящий из

представителей всех ведомств Сев.-Зап. Правительства, для распределения и контроля над расходованием посылаемых министром финансовых сумм, возвращается в Финляндию, откуда рассчитывает ехать в Петроград с первым транспортом дров и муки.

«Свобода России», Ревель, № 27, 18 октября 1919 г.

П.Б. (П. Богданов) В ОСВОБОЖДАЕМЫХ МЕСТНОСТЯХ

Из впечатлений

Двенадцать часов дня. Паровоз с прицепленными к нему вагонами тронулся в Ямбург, тот самый Ямбург, который еще 10 октября большевики считали своим и который одиннадцатого утром бросили на произвол судьбы...Поезд довольно быстро бежит вперед...Вот и Сала. Зброшенный вокзал, однако целый. Вхожу вовнутрь: грязно, голо. Полное отсутствие мебели или чего-либо похожего на нее. Около вокзала бродят две хорошо кормленных коровы. На платформе никого, кроме нескольких железнодорожных служащих и прибывших с поездом. Трогаемся дальше...Поезд идет тихим ходом, так как не установлена связь с впереди стоящими бронепоездами. Лес, стоявший до сего времени сплошной стеною, расступился; перед глазами открылась равнина, вся изрытая воронками от взрывавшихся снарядов - результат сильных боев. А вот и следы проходивших танков: две гофрированных ленты. После разгрузки танки прошли вдоль железной дороги, перебрались на шоссе и погнали красных. Вдали виднеется погост Ново-Пятницкий, в районе которого стояла артиллерия красных. Поезд встал. До Ямбура осталось версты четыре, которые нужно пройти пешком. Идем по ж.д. полотну. Налево шоссе, на повороте стоят герои дня - танки; около них толпа любопытных. Рельефно выступил погост Ново-Пятницы; ему сильно досталось от нашей артиллерии: сгорело несколько зданий. Луга шумит и пенится, бессильная стряхнуть с себя массу двух полуразрушенных мостов...Перебрались на другую сторону. Ямбург...В общем Ямбург пострадал немного, главным образом, разбиты стекла, всего, кажется, сгорело два здания. При входе в город, бросился в глаза дом Ябургского Кредитного Товарищества, даже рамы унесены и вместо окон зияют черные впадины. Ябургский собор тоже немного пострадал, разворочена обшивка купола. В центре города обращают на себя внимание казармы, по одной версии построенные Екатериною, по другой - Николаем I, занимающие весьма большую площадь и расположенные двумя полукругами.

Вхожу в здание Ябургской Земской Управы: на полу обрывки бумаги, на столах масса коммунистической литературы на эстонском языке; столы, ящики, шкафы сдвинуты со своих мест. Кругом ни души. Деловые свидания кончены. В помещении Ябургского Союза потребительских обществ собрались местные работники. Чувствуется подъем, прилив энергии, желание работать. Мало того, имеется готовый план и рабочий аппарат в лице руководителей волостных и уездного Земства и Союза Кооперативов, которые во время эвакуации Ямбура в августе месяце перебрались в Векуль и там вели свою незаметную, но глубоко продуктивную работу. Все они сразу же явились в Ямбург. На улицах почти никого из местного населения не видно.

Все попрятались и, видимо, выжидают. Город выглядит вымершим.

Рассказы местных граждан о большевицком хозяйничании отмечают нечто новое в политике большевиков - расстрелы в Ямбурге не имели места: нежелательный элемент отправлялся на Гороховую 2 (адрес Петроградской ЧК – прим. сост.).

Говорить о нехватках продовольствия и предметов первой необходимости не приходится, о них очень много писалось и говорилось. На обратном пути заглянул на станцию Ямбург: на рельсах стояли брошенные большевиками вагоны – штук семьдесят. Самый вокзал очищен весьма тщательно.

В шестом часу вечера целой компанией мы двинулись обратно к поезду; после двух часов ожидания отхода рабочего поезда, пробы законченного постройкой моста, выехали обратно в Нарву.

Необходимо отметить беззаветную и трудную работу по восстановлению железнодорожного пути, которую так блестяще выполнил железнодорожный рабочий батальон.

В вагонах пришлось слышать цитату из солдатской песни красных:

«Дали отставку мы Богу;
Счеты свели мы с попом,
В ногу, товарищи, в ногу...
Все на борьбу с Колчаком...»

Думалось, что скоро будет дана отставка, но не Богу, а...большевикам.

«Свобода России», Ревель, № 27, 18 октября 1919 г.

С. Дехтерева В ЛУГЕ

Поезд тихо подъехал к Луге. Уже светало. Знакомые контуры построек и пейзажа вставали один за другим и радость возврата к прежней, нормальной жизни, охватывала душу.

На станции порядок, чистота, нет разнузданных, шатающихся солдат, нет вызывающей самодовольной грязи и грубости. Русско-Американскую Миссию от Главного Комитета Помощи Детям встречают с радостной торжественностью. Городской голова и Комендант Города выехали в двух экипажах на вокзал.

В городском самоуправлении много народа. Оживает жизнь, появляются прежние, городские и земские люди, бодрые и радостные, несмотря на истощенные от голода лица. Намечаем с городским головой состав Лужского Комитета. Американский уполномоченный капитан Пирс просит собрать комитет в тот же день и немедленно открыть столовую.

Американский темп, силою вещей, передается Лужскому Комитету. В 3 часа мы собираемся в полном составе, и через день столовая открыта.

Погода стоит дивная. Ясно, тепло, солнечно. Детишки всех возрастов до 18 включительно, идут со своими большими продовольственными карточками. По ним, для контроля, пока не готовы новые карточки, будут выдаваться обеды.

Какие худенькие, восковые личики! У иных болезненная одутловатость, много босых и едва одетых детей...

«Обед!» Как многозначительно это слово для изголодавшегося населения!..

1-ая столовая организована в прежней общественной столовой. В ней свободно можно накормить в несколько приемов до 2000 детей. Мы привезли американских продуктов на это количество.

Но детей гораздо больше. Сейчас голодны не только дети беднейших родителей. В Гатчине и Луге голодны все и самые зажиточные горожане не могут найти продовольствия ни для себя, ни для своих детей. Положение катастрофическое. С приходом белых, естественно, аннулированы советские деньги. Других же денег в городе нет. У самоуправления, в больницах, у частных лиц только советские деньги. На рынке пустота. Крестьяне не везут ничего. Негде купить ни хлеба, ни овощей. Лавки заколочены. Кто бы и хотел торговать, да торговать не на что. Говорят, что на мыло или папиросы в деревнях можно получить хлеб. Но до деревни далеко, мыла и папирос взять негде.

Странное положение. Негде истратить даже рубля. Но вот стоит легковой извозчик. Мне нужно осмотреть Лужскую земскую больницу. «Сколько возьмешь до нее? Вот она на горе.» «65 рублей белыми деньгами» – важный его ответ.

Бедная, многострадальная Россия! Две недели Луга в руках белых, и нет у нее ни крошки хлеба, нет ни одного «белого» рубля. Но ведь, мука же есть, «белые» рубли тоже в изобилии. Отчего же такое промедление? Ведь американский грузовик довез продовольствие для детских столовых, отчего же дают помирать людям с голода после прихода столь желанных, доблестных «белых» войск? Надо, не теряя ни минуты, все силы, все помыслы обратить на поставку продуктов в освобожденные области, как было сделано, для Гдова и Ямбурга; надо скорей, скорей наладить доставку хлеба и «белого» рубля, каждый день промедления несмываемым позором ложится на наш тыл, разрушая голодом и разочарованием огромную работу нашей доблестной армии.

Примечание от редакции: По сведениям, полученным редакцией из официальных источников, «белые» денежные знаки уже прибыли в Лугу, также уже налаживаются хлебные транспорты.

«Свобода России», Ревель, № 39, 2 ноября 1919 г.

К. Башкиров ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

От Нарвы до Ямбурга

Таможня пройдена. Наконец-то вагон. Поезд, набитый до отказа военными и гражданскими лицами, двинулся.

Перед окнами мелькают трубы, обуглившиеся остовы домов – следы жестоких боев и безрассудства красных. И в тоскливом дымке осеннего дня картина разрушения и недавних боев производит удручающее впечатление.

Вскоре завязывается беседа. Конечно, на военные темы.

- Вы знаете, - повествует старый полковник, - большевики придумали новый трюк: открыли школу малолетних шпионов. Забирают мальчуганов 9-13 лет, обучают их и отправляют в район расположения «белых». В Гдове мы захватили около 100 таких шпионов. И знаете, на допросе такими хитрыми оказались. Спрашивает офицер: «Ты из Стругобельской школы шпионов?»

- Нет, - говорит, - из Питера, за хлебом приехал.

- А какой пары? (Мальчуганов-то на работу парами большевики посылали).

Смутился мальчик, замолчал.

- Ну, говори, - пригрозил офицер.

- Да что ж, коли правду сказать, были с товарищем. Комиссар удрал, - двести рублей жалованья не отдал.

- А номер какой?

Мальчуган вытащил целую кучу жестянок с номерами и указал 5223. Вот, видите, что большевики делают. Разврат один.

- Да, пропащий народ. Таких ничем не исправишь, - заметил поручик.

- Позвольте, поручик, школа исправит их - нельзя же считать пропащими ребятишек. Так, ведь, можно всю Россию обвинить и заподозрить.

Полковник сочувственно качнул головой.

- А что нового на фронте? - спросил я.

- Бои идут жесточайшие, - сообщил тот же полковник. Танки работают во всю. Знаете, на днях, под Царским ужас сплошной был. Красные шли под кокаином, - в хлеб запекают теперь, потому что не все могут кокаин нюхать. Пьяные совершенно. На танки так и лезли со штыками. Искали щель, чтобы штыком или револьвером достать сидящих в танке. Посмотрите, танки штыками исцарапаны, теперь стоят на чистке в Н. Офицеры передавали, что временами стрелять не приходилось - прямо так и перли на красных, давили их, только кровь брызгала во все стороны да кости трещали - ужас один. А английский офицер, идя на танке, не стерпел: видит, на дороге стоит курсант, стоит и стреляет из винтовки. Открыл окно, машет рукой - «сойди, мол, с пути». Не сходит. Что же делать! Пришлось двигаться - только кусок мяса остался. Жестоко сражаются, - ну, да и наши маху не дают. Много перебили красных - тысяч до 15 одних убитых под Царским осталось. Были и неудачи, конечно, да только смерть подходит большевизму: мобилизовали уже с 15 лет. Тяжело бить мальчиков, а что поделаешь. Ну, и мерзавцы комиссары! - заключил полковник.

И перед глазами так ясно встала картина ужаса в стране красных. Что-то там делается?..

В Ямбург

Вымерший город. Грязь невылазная. Кое-где чернеют обгорелые постройки, торчат трубы. Но город пострадал мало. Жители еще не все вернулись. На улицах пусто - проходят только отряды да мчатся автомобили.

В Союзе Кооперативов кипит работа по снабжению населения. Тормозит только мост. Настроение деловое. Чувствуется напряженность. С фронта прибывают раненые, тянутся слухи, иногда самые нелепые. У страха глаза велики. А про расправы красных говорят очевидцы - в Павловске две тысячи расстреляли - и дети, и женщины, и старики попали.

Общественные организации действуют во всю.

С продовольствием дело неважно. Подошли беженцы из Павловска, Красного Села и Гатчины - эвакуировали их оттуда белые, чтобы спасти тысячи жизней.

Жизнь совсем особая. В Ревеле мы и не чувствуем того, что здесь творится. Голодно, холодно, будущее неизвестно. Граждане в ожидании. В деревнях и городах суд и расправу чинят по-прежнему коменданты. Нужны люди, и люди честные, могущие вести действительно демократическую работу, а не подтачивать слабый сук, на котором сидит все в Белой России. Нужно перебираться сюда из Ревеля. Припасть к груди своей родины, и, проникшись ее настроениями и переживаниями, взяться за

работу. Работы много. Это обязанность каждого русского, живущего в богатой продовольствием и тихой Эстонии. Нашим кличем должно быть:

- «Все в Россию, все на свои посты! Здесь работа, здесь бьется русское сердце, переживаются горести нашими братьями. В Россию! В Россию!»

Медлить нечего - вот, что говорит Ямбург душе русского.

Петербургжцы

- Здравствуйте, - Господи, сколько не виделись-то! - Всматриваюсь, лицо знакомое, но такое истощенное, бледное. Морщины избороздили лицо. Много пережито.

Начались расспросы. Делимся впечатлениями. Ведь, сколько месяцев не виделись.

- Ну, как в Петрограде? Что там? Давно ли были?

- В Петрограде был еще 14-го октября. Голод там невероятный - фунт хлеба 150 рублей, масло до 1000, пара сапог 15.000, и все в таком роде. Денег никаких не хватает на пропитание. Подвоза ниоткуда нет. Ходят, как тени. Идут расстрелы. Хватают заложников. Передают, что до 17.000 расстреляли уже. «Кресты» взорвали вместе с заложниками. Ужас, ужас сплошной! Рабочих, да и вообще граждан, под страхом смертной казни шлют на укрепление позиций. Чувствуются последние дни, и в предсмертной агонии большевики сметаю все. Вы и представить себе не можете, что там делается.

- Ну, а кооперативы живы, не расправились с ними за наше бегство?

- Хотели сначала, да удалось уломать. Кой-кого, однако, арестовали. Клянут вас, как изменников. Хотели даже в Оптсоюзе конфисковать все, да собранию кооперативов удалось отстоять. Вы-то, счастливы, вовремя убрались.

- Почему же они не бегут оттуда?

- Теперь невозможно, - фронт. В Петрограде по-прежнему царствует Зиновьев, речи говорит. 1-го октября был съезд крестьян Петроградской губернии. Собрали большинство совершенно посторонних крестьянству лиц. Стариков было только 12. Ну, конечно, в сторону «мужичков» Зиновьев расшаркнулся, - только веры ему у крестьян нет. Прошло время. Ждут там - не дождутся прихода белых. Надеются, что они настоящую свободу принесут и Учредительное Собрание созовут.

«Свобода России», Ревель, № 43, 7 ноября 1919 г.

Военно-гражданское управление области Северо-Западной Армии г. Нарва

Репорт коменданта прифронтовой полосы при штабе I стрелковой белогвардейской дивизии начальнику гражданского управления Северо-Западной области России о деятельности волостных комендантов и доклад чиновника особых поручений начальнику Петроградской губернии Северо-Западной области России о положении крестьян Гдовского уезда

Г-ну Начальнику Петроградской губернии

Доклад чиновника особых поручений В. Еремина

Вследствие Распоряжения Вашего, я совместно с назначенными мне в помощь зауряд военным чиновником И. Афанасьевым, выезжал в Выскатскую, Рудненскую и Казновскую волости Гдовского уезда и в течение времени с 4-го по 10-ое октября посетил следующие имения, деревни и хутора, а именно: деревни - Пелеша, Беревняк-Пелеша, село Выскатка, Демешкин-Перевоз, Забережье, Кривица, Патриева-Гора, Большая Руя и Строки,

имение Пелеша, деревни – Боровня, Кривая Лука, Большие Рожки, село Рудео и имение Марьинское.

В указанных местностях мною замечено следующее: все жилые помещения и надворные постройки, как в селах и деревнях, так и в хуторах и имениях от военных действий, как видно не пострадали и иные находятся более или менее в удовлетворительном состоянии. Хлеба с полей уже везде убраны и большей частью обмолочены, также убран картофель и овощи. По отзыву местного населения, урожай хлебов, овощей и сена в нынешнем году был выше среднего, что, и по моему мнению, соответствует истине. Озимые повсюду засеяны, и всходы отличные, что дает надежды на средний урожай и в будущем году, само собою понятно, если не будет стихийных бедствий.

Картофеля в этих областях собрано сравнительно очень мало, это произошло оттого, что зимний запас его был забран отчасти большевицкими организациями, отчасти употреблен в пищу в более большем количестве самим населением за отсутствием хлеба, а приобретение картофеля на месте весной совершенно не представлялось возможным, ввиду сего для посева приходилось добывать картофель окольными путями, из пределов Эстонии, и платить за пуд до 200 рублей и более, и то царскими деньгами, благодаря чему крестьянство, в силу необходимости, должно было ограничить посев его.

Земельные крестьяне обеспечены хлебом, по моему мнению, некоторые до нового урожая, а остальные на менее короткий срок, это зависит, само собою разумеется, от числа едоков в известном семействе. Если не последует реквизиция хлеба и картофеля, то население этих местностей, при известной экономии, может прожить своими запасами до весны будущего года.

Надельной земли каждый домохозяин имеет в среднем 5 десятин; почва, нельзя сказать, чтобы была плохая, в большинстве – среднего качества и требует удобрения, но такового у крестьян в достаточном количестве нет, т.к. держат слишком мало скота; обыкновенно у крестьянина – дворохозяина имеется более одной лошади, 2 коровы и 2-3 овцы, свиней же и домашней птицы совершенно не имеется. Кроме надельной земли почти все деревни приобрели в свое время в собственность пустоши, и в довольно значительном количестве, но, к сожалению, эти земли находятся в необработанном состоянии; для обработки же таковой необходимы деньги и труд, но, как видно, Земство в прошлом по этому поводу никаких мер не предпринимало. Наглядным примером служат эстонцы-хуторяне, которые, заарендовав от крестьян участки земли в количестве 30-35 десятин, обработали ее и ныне, сравнительно с русскими крестьянами, живут богато, имея на хутор 3-4 лошади, 5-7 коров, 15-20 овец и по несколько свиней. Лошади и скот у эстонцев более лучшей породы, чем у русских крестьян; у последних лошади, обыкновенно, малорослы и слабосильны, а коровы малодойны.

Цены на продукты и скот в настоящее время существуют приблизительно следующие: рожь до 200 руб. пуд, ячмень и овес до 150 руб. пуд, картофель до 25 руб. пуд, коровье мясо 10-12 руб. фунт, свинина 15-20 руб. фунт, масло коровье 30-40 руб. фунт, яйца 35-40 руб. десяток, лошадь 10-20 тысяч руб., корова 4-7 тыс. руб., овца до 1 тыс. руб., теленок до 1 тыс. руб., кружка молока 5-6 руб. Купить продукты, скот и лошадей, большей частью, возможно лишь только у эстонцев.

Дороги в пределах указанных волостей находятся в самом плачевном состоянии, как можно себе только

представить; в большинстве они разбиты, ухабисты и непроходимо грязны; о езде по ним не может быть и речи, следовать можно лишь только пешком скоростью от 2-3 верст в час. Что же касается поездки на телеге, то это слишком рискованно, чтобы не быть выброшенным из нее. По этим дорогам в настоящее время производится со станции жел. дороги Гостицы перевозка на фронт снаряжения, обмундирования и продуктов, причем на подводу наваливается не более 10 пудов, что само собою разумеется, тормозит снабжение фронта всем необходимым и служит и большим затруднением для крестьян по доставке подвод.

Для поднятия сельского хозяйства в уезде, в смысле увеличения площади пахотной земли и покосов, улучшения породы скота и лошадей, а равно и приведения как шоссежных, так и проселочных дорог в порядок, составляет священную обязанность Уездного Земства, и только по проведении этих предначертаний население уезда не будет в будущем переживать недостаток и голод, а, напротив, разовьется их благосостояние и, вместе с тем, торговля.

Торговля в деревнях совершенно замерла, за отсутствием товаров, нельзя даже получить по высоким ценам предметов первой необходимости, как то: спичек, керосина, соли, железа, кожи, материи, ниток и проч., в каковых население деревни испытывает острую нужду, не говоря уже о предметах роскоши: чай, табак, папиросы и проч. Если бы по какой-либо случайности посчастливилось купить что-нибудь, то, возможно, лишь за царские деньги, по баснословно высокой цене. Чтобы оградить население от спекулянтов и излишних расходов Торговому Отделу следует принять меры к доставлению крестьянству, по возможно низким ценам, крайне необходимых товаров.

Школы в деревнях не везде открыты, это происходит оттого, что многие школьные здания заняты под воинские части, а, во-вторых, что на месте нельзя приобрести школьных принадлежностей, а именно: книг, тетрадей, карандашей, перьев, бумаги и проч. Для устранения этих недочетов Уездному Земству следует принять соответствующие меры к тому, чтобы, по возможности в кратчайший срок, было бы приступлено к обучению детей. Почти во всех деревнях Выскатской, Кольцовской, Рудненской волостей квартируют войсковые части, причем крестьянское население, насколько мне пришлось наблюдать, относится к солдатам довольно хорошо и предупредительно, предоставляя им все, что только могут в той доброй надежде, что белая армия в недалеком будущем освободит пострадавшую нашу родину Россию, и вместе с тем и их, от ненавистного большевицкого ига и насильников грабителей-коммунистов.

Так мыслит, по моему убеждению, добропорядочный крестьянин, моля при том Всевышнего об окончании в самом скором времени братоубийственной войны и восстановлении в стране вновь правового порядка и спокойствия, дабы жизнь могла нормально развиваться для всеобщего блага и укрепления государственных основ. На служебную деятельность должностных лиц Выскатской, Кольцовской и Рудненской волостей, а равно волостных комендантов, жалоб или претензий со стороны населения ко мне не поступало.

Волостные старшины Рудненской волости Иванов и Выскатской – Васильев, вполне соответствуют своему назначению. Оба они были в этих должностях до революционного времени более 20 лет и ныне с успехом отправляют свои обязанности, пользуясь доверием и рас-

положением местного населения. О старшине Кольцовской волости Титове этого сказать нельзя, т.к. он в текущем году был первый раз избран на означенную должность, и своей деятельности еще по сие время не проявлял; ранее общественным деятелем не был и по выборам нигде не служил.

Комендант Выскатской волости коллежский асессор Чаплевский ранее служил по Министерству Внутренних Дел, занимая должности секретаря бывшего Нарвского полицейского Управления и станового пристава Гдовского уезда, вполне соответствует своему назначению и пользуется уважением населения. Одно можно было бы Чаплевскому выучить, чтобы он в своих действиях был более энергичен и распорядителен.

Волостной комендант Рудневской волости чиновник военного времени Т. Романов, состоит на должности коменданта лишь только с 5 октября с.г. Административной своей деятельности не проявлял, населению не известен. О бывших комендантах означенных волостей: прапорщике Иванове и поручике Потапове – местное население отзывается с похвалой и никаких претензий не имеет.

Если правительственной власти будет желательно и на будущее время сохранить должности волостных комендантов, то, по моему мнению, для пользы службы необходимо бы назначить людей, имеющих жизненный опыт и служебный административиз, а не молодых военных чиновников и прапорщиков, не имеющих ни жизненного, ни служебного опыта. Коменданты в волостях являются представителями власти, и от их деятельности зависит успешное проведение правительственных предначертаний по укреплению государственных основ, правого порядка и спокойствия в стране. Они вместе с тем должны служить надежными помощниками и правой рукой и оком уездных комендантов.

Нас крестьянское население принимало радушно и охотно вступало в разговоры, но в политических вопросах сохраняя крайнюю осторожность, это, по-видимому, происходит оттого, что они не вполне уверены в твердости существующей власти и положения на фронте.

Настроение населения повышенное, радостное, ввиду успеха Белой Армии на всех фронтах. Для поддержания в населении этого настроения необходимо было бы снабжать деревни газетами и воззваниями патриотического содержания, что, к сожалению, повсеместно отсутствует в крестьянской массе. Бывали действительно единичные случаи, как это произошло в деревне Пелеша, селе Выскатке и др., что проходившие воинские части, а именно Конно-Егерского, Семеновского и Талабского полков, в августе и сентябре месяцах текущего года, ввиду слабого надзора командного состава, позволяли себе самовольно брать у крестьян сено, солому, не выдавая при этом установленных квитанций за взятый ими фураж, а также бывали случаи хищения ими яблок и овощей, на что, однако, население не обижалось, вполне сознавая нужды Армии как в продовольствии, так и в фураже.

Кроме того, было выяснено, что в посещенных нами волостях кузнецы, мельники и кожевники за произведенные ими работы требуют от населения уплаты царскими деньгами или, в худшем случае, - натурою, чем, конечно, вызывают неудовольствие местного населения. Для устранения этого печального явления следовало бы издать соответствующий приказ об обязательном приеме денежных знаков полевого казначейства Северо-Западного фронта, наравне с царскими деньгами и предло-

жить уездным комендантам строго следить, чтобы в будущем сельские ремесленники, промышленники и купцы беспрепятственно принимали за труд и товары знаки полевого казначейства, в противном же случае привлекают их к ответственности.

На хуторе Демешкин-Перевоз мною было произведено расследование о преступном присвоении двумя неизвестными лицами у хозяина означенного хутора Петра Яковлева велосипеда и кражи карманных с цепочкою часов. Произведенным расследованием вполне подтвердилась жалоба Яковлева, но установить личности совершивших указанное преступное деяние не удалось. Кроме того, мною было произведено дознание по жалобе арендатора пустоши Свиныи Головы, Выскатской волости, Готлиба Мязе о насильственном отображении от него бывшими агентами расформированного Военно-Гражданского Управления области Северо-Западной Армии сапог и денег в сумме 1400 рублей, причем расследованием факт грабежа вполне подтвердился и в преступном деянии уличены 4 агента. Из вышепоименованного Управления, а именно: Андрей Серов (он же Воробьев) и Рей Кивер, личности же двух остальных выяснить не удалось. Обвиняемые Воробьев-Серов и Кивер, а равно потерпевший Мязе и свидетель Степанов не были допрошены, ввиду того, что первые неизвестно где находятся, а последние состоят в настоящее время на действительной военной службе в отряде Светлейшего князя Ливена.

К сему считаю своим долгом добавить, что крестьяне перечисленных волостей несут ныне тяжелое бремя по доставке подвод для нужд войсковых частей. Почти ежедневно, в лучшем случае, через день, каждый крестьянин, имеющий лошадь, должен выставлять подводу с возницей, причем лошади иногда берутся на несколько дней, что, однако, не может не отразиться на правильном ведении сельского хозяйства. Лошади в настоящее время изнурены до невозможности, и, если этот порядок будет продолжаться еще некоторое время, то они могут совершенно обессилиться и стать негодными к работам.

Необходимо было бы дать некоторую передышку лошадям, дабы они могли подкормиться и войти в тело.

При сем представляю два произведенные мною дознания с перепискою. О вышеизложенном имею честь донести Вашему Превосходительству, на благоусмотрение.

14 октября 1919 г. № 29, г. Нарва

Комендант Прифронтовой полосы
при Штабе 1-й Стрелковой Дивизии
Части административной
8 сентября 1919 г. № 140.

Начальнику Гражданского Управления.
Рапорт.

При сем представляю мои впечатления и наблюдения при объезде фронта за истекшие две недели.

Волостные коменданты по большей части не пользуются должным авторитетом и, что еще хуже, достаточным расположением населения. Происходит это вследствие того, что сами люди по большей части без служебного и житейского опыта и мало интеллигентны. Необходимо немедленно расформировать это учреждение, разработав подробнейшим образом инструкцию, т.к. сама жизнь показывает, какие требования предъявляет комендантам население, как на них смотрит и что от них ждет.

Комендант должен быть подобен бывшему Земскому начальнику, но с большими полномочиями. Власть им нужна для того, чтобы они могли в крупном масштабе решать дела, не прибегая к уездному коменданту, т.к. при нынешнем неустройстве способов сношений дело тормозится, а в иных случаях из-за этого и совсем не делается. Например, я был завален делами во время объезда фронта. Приходилось решать вопросы самого разнообразного характера, которые волостные коменданты решать сами не рисковали, крестьяне же предпочитали терпеть, чем обращаться в уезд. На основании изложенного считаю срочно необходимым назначать комендантами людей с большим служебным опытом и более интеллигентных, а главное, не происходящих из этой же местности, т.к. это мешает им быть беспристрастными и заставляет их из мести страха на многое закрывать глаза. Теперь деятельность волостных комендантов около фронта свелась почти исключительно к доставке подвод для воинских частей, некоторые воинские начальники берут на себя функции и гражданских комендантов, почему последние не знают, кого слушаться, т.к. зачастую их приказания идут вразрез с приказами сего прямого начальства.

Много путаницы вносят также различные приказы и правила, благодаря своей слишком малой разработанности, вследствие этого такие приказы можно толковать, как кому угодно, и разные коменданты, руководствуясь финансовыми соображениями, действуют различно.

Часть духовенства не понимает современного положения и, по-видимому, полагает, что с приходом белых восстанавливается «старый режим». Необходимо держать духовенство в курсе дел внутренней политики и внушить им правильный взгляд на вещи, иначе они могут принести большой вред несоответствующими проповедями и беседами, которых, кстати сказать, большинство не ведет, а пребывает в полной инертности.

У благочинного области О. Колчина имеется составленный мною список тем проповедей и бесед с народом, который теперь хотя, может быть и пригодится. К разъяснению народу настоящего положения необходимо привлечь официальным образом и учителей, но под контролем. Необходима специальная крестьянская газета, написанная серьезным языком, а не сладенькое слюнявое сюсюканье, которым обыкновенно наполняются издания для народа, вместе с тем, придется принять меры, чтобы эта газета действительно распространялась по всем деревням, а не заваливалась кусками, а затем пропадала бесследно на первом же этапе. Экстренно разработать вопрос о беженцах.

Необходимо привлечь все население Области для добровольного пожертвования съестных припасов и учреждения питательных пунктов на главных путях под заведыванием надежных выборных лиц. По моему мнению, казна также должна придти на помощь. В дополнение к моему рапорту за № 68 для характеристики положения, добавляю, что даже Гдовский кооператив не получил пока ни одной пачки товара, хотя рядом с ним расположено отделение торговли с представителем гном Келлером во главе.

Войска все еще сидят без табака, сахара и без мыла, хотя в видах справедливости должен сказать, что некоторые части получили по одной папиросе на человека, другие же - даже по три. Это просто были подарки - мне же пока еще не приходилось видеть ни одного сча-

стливого, облагодетельствованного Отделом снабжения. Среди войск циркулируют слухи о не особенно лестных делишках, творящихся вокруг товаров и денег, предназначавшихся для снабжения армии, но к ней не попадающих. Темная и не развитая масса не разбирается, кто виноват, а обыкновенно все обобщает и винит «начальство» во всем. Это же самое поселяет антагонизм между офицерской молодежью и начальствующими чинами армии, т.к. молодежь также склонная к обобщению.

Началась чистка армии от грабительских элементов. Было много случаев расстрела, начиная от рядового и кончая штабс-капитаном. Приветствую эту полумеру. А в армии ропот растет и слышится: «Ну, с ними ничего не будет, они ведь полковники». Не знаю почему, но этот чин отчего-то очень низко котируется на бирже офицерской честности и порядочности.

Ходит слух, что некто Красильников, ревельский житель, купил пароход, отправился в Данциг и вывез оттуда папирос, табуку и чаю на 1,5 млн. рублей и сдал этот товар или в Отдел снабжения, или Торговый. Чай по 25 рублей фунт, а папиросы по 400 рублей тысяча. Товары эти предназначались для фронта. Происходило это около 15-16 июля сего года. Госпожа «Иорданская-ордан» (Ревель, Нарская, 33) тоже знает некоторые подробности о сахаре, картофеле для Области и спирте. Я же по этим делам ничего не знаю, но она должна рассказать все подробности.

Все вышеизложенное является существенным вопросом дня, комментируется в армии и обывателями на все лады, создавая атмосферу недоверия и недовольства. Необходимо срочно принять самые энергичные меры для искоренения злоупотреблений и проведения в жизнь основ законности и порядка.

Капитан 2-го ранга

Подпись

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-1, № 2.

А.С. Пешков В ГАТЧИНЕ

Министр Призрения Сев.-Зап. Правительства А.С. Пешков поделился с нами впечатлениями о поездке в Гатчино и сообщил некоторые характерные эпизоды. В Гатчину он прибыл 25-го октября ночью и пробыл там до 27-го, когда началась эвакуация города.

Ночью

Улицы, ярко освещенные электричеством, произвели впечатление чистых и прибранных, город мирно и безмятежно спящим, несмотря на беспрестанно доносящуюся канонаду. Это первое впечатление, конечно, оказалось ложным. Над несчастными гатчинцами и во сне гонит красный кошмар.

Едва министр и его спутники постучались в двери отведенной им обывательской квартиры, как в дверях оказались бледные и дрожащие от страха люди...

Кто пришел? Коммунисты? Чрезвычайка? За что? Люди, охваченные ужасом, долго не были в состоянии понять, что от них требуется; зато, когда поняли, то ужас сменился самой неумеренной радостью, болезненным смешком человека, избежавшего только что смертельной опасности.

Такова была первая встреча с первыми гатчинцами. Позднее эта неумеренная радость стала чрезвычайно понятной.

Гатчинцы принимают министра

Подают чай из моркови. К чаю сырые капустные листья и репа. Это вошло в обиход; хлеба не было все последние месяцы. Об этих кошмарных месяцах большевицкого гнета все домочадцы рассказывают напереерыв, страшно торопливо и безостановочно, как говорят люди, насидевшиеся в «одиночке» и внезапно выпущенные на свободу.

Лица у них землистые с лихорадочными глазами, жестикуляция неумеренная, движения плохо координированные, речь неожиданно обрывающаяся: внезапно забываются самые обыденные слова или говорятся одни вместо других. Вот их рассказы.

Никаких припасов у населения нет давно. В течение всей зимы гатчинцы существовали тем, что обходили окрестные деревни, вымаливая у крестьян, Христа ради, картофель...за безумные деньги. Приобретение продуктов питания вне города, у сельского населения коммуны, есть преступление, предусмотренное соответствующим декретом. Оно приравнивается спекуляции и карается «Чрезвычайной Комиссией».

...Я прятала картофель в муфту, в большую, меховую муфту, и, кстати сказать, эта муфта и относительно «приличный» вид неоднократно спасали меня от ареста.

С бедно одетыми людьми коммунисты, как это ни странно, грубее и беспощаднее, чем с «буржуями» (это характерное явление подтверждалось, кстати, многими).

Первый хлеб

Первый хлеб привез с собою министр А.С. Пешков. Ему удалось доставить в город несколько пудов ситного и черного хлеба. Утром со своим спутником, захватив под мышку несколько караваев, министр отправился в местные богадельни и приюты.

В богадельне хлеб был роздан старухам по фунту на человека, и впечатление от раздачи осталось тяжелое и гнетущее. Эти отжившие существа брали куски ситника дрожащими руками, одни плакали от радости, другие крестились, слышались жалкие причитания: - «хлебец, беленький...» «свеженький хлебец, мягонький...» «дожить не чаяли до хлебца-то...».

Такие же сцены последовали и в остальных благотворительных учреждениях. Только в детских приютах продовольствие имелось в более или менее достаточном количестве. Русско-Американское Общество защиты детей успело снабдить их продуктами, доставленными еще на грузовиках. В том числе было и небольшое количество хлеба.

Как отнеслось население

Как отнеслось население Гатчины к приходу белых, говорить не приходится. Горожане издерганные, полупомешанные от всего перенесенного, выражают свою радость как-то истерично и слезливо...

Во время пребывания А.С. Пешкова в Гатчине, окрестные мужики привезли на гатчинский рынок огромную партию отборного картофеля и предоставили населению города безвозмездно. Это был первый случай такого рода за все время гражданской войны.

О существовании Сев.-Зап. Правительства в Гатчине уже знали до прибытия белой армии. Советские газеты посвящали ему глумливые статьи, за которыми чувствовалось живое беспокойство.

Громадная толпа

Громадная толпа военных встретила министра

призрения у вокзала. Это были подростки, испорченные дети столицы. Благодаря истощению и голоду, 17-летние юноши выглядят совершенно мальчиками. Они ужасно оборваны, всклокочены, грязны; над этой толпой висит ужасающая, непрерывная площадная ругань.

Когда А.С. проходил мимо, от толпы тотчас отделилось несколько молодых людей, которые окружили его, канюча и клянча деланно жалобными голосами: «Дайте, гражданин, рублишко...», «Барин, миленький, одолжите на жратву, три дня не евши...». В это время в воздухе, действительно, потянуло свежим хлебом – показалась подвода, нагруженная ковригами, под охраной вооруженных солдат...и орава военнопленных хулиганов бросилась с протянутыми ругами – урвать по кусочку. Конвойные едва осадили их...

Министр имел неосторожность дать, хотя и незаметно, кусок хлеба одному из несчастных, но едва тот протянул его ко рту, как вокруг него завязалась ожесточенная драка...

Ругань

Любопытно отметить, говорит министр, разницу между белыми и красными солдатами, которая резко бросается в глаза каждому:

Наши солдаты...не ругаются! Эта изумительная для русского человека воздержанность имеет единственное объяснение в серьезном, благоговейном настроении людей, сознающих святость своей миссии.

Пленные же большевики, особенно молодежь, «кроет» направо и налево с небывалой в мирное время распушенностью. По-видимому, это какой-то хулиганский шик.

Черепаша и гусеница

В Гатчине министр слышал рассказы очевидцев о поединке, имевшем место в одном боевом районе.

Один из наших танков подвергся обстрелу большевицкого бронепоезда, после чего между тем и другим началась ожесточенная артиллерийская дуэль. Она долгое время не имела определенных результатов, пока танк, «выведенный из терпения», не двинулся угрожающе по направлению к поезду.

Взбешенные коммунисты открыли бешеный огонь. Заработали и орудия, и пулеметы. Но стальная черепаша неумолимо двигалась на красную гусеницу, развивая все большую силу, и вдруг... отколола громадный кусок бронированного вагона. Поезд дал задний ход и стремительно удалился, сопровождаемый обстрелом.

Еще о танках

Сообщается, что матросы-коммунисты, опьяненные кокаином, спиртом и бешенством, бросались под Царским Селом в штыки на наши танки. Пулеметы танка, конечно, срезают нападающих, как бритвой, потоком свинца...

Беженцы

Беженцы из Павловска, Царского и прилежащих мест прошли через Гатчину, когда в городе распространился слух, что красные, будто бы, угрожают и Гатчине, и началась паника.

По дорогам потянулись тысячи пешеходов и повозок. Многие шли, в чем были, с детьми на руках.

Вторичный приход красных – смерть для населения, они готовы уйти на край света, чем опять испытать на себе комфорт коммунистического рая.

А.И. Куприн

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ПРИНЕВСКИЙ КРАЙ»

(«Пламенным бардом Северо-Западной армии» называл себя замечательный русский писатель Александр Иванович Куприн. Сравнительно недавно в России стал известным его знаменитый «Купол Св. Исаакия Далматского», описывающий жизнь фронта и тыла Северо-Западной армии. В октябрьские дни 1919 года, в Гатчине, А.И. Куприн стал редактором газеты «Приневский Край» (вместе с бывшим Донским атаманом, ген. П.Н. Красновым, также известным прозаиком и публицистом). Ниже приведены небольшие статьи из газеты – прим. сост.).

К читателям.

Газета, рожденная в бури и пламени!

От нее трудно требовать сначала аккуратности в выходе и большого разнообразия материала. Но зато мы можем ручаться за полную точность и правдивость сведений, черпаемых из первоисточника. Пусть стоустая молва иногда будет опережать нас. Но она часто путает, мы же будем давать известия совершенно зрелые.

Наша партия? Разве когда горит дом, когда буря треплет корабль или когда родного человека пожирает горячка – разве тогда дело в партийности?

Спасение и оздоровление России, мирный труд под защитой твердого, самим же народом избранного правительства, счастье и довольствие народа – вот наше стремление. Все для России – вот наш девиз.

Праздно-болтающим.

Граждане! Вчера вы целовались от радости на улицах, как в первый день Пасхи. Сегодня вы ропщите: «Однако, наступление что-то затянулось».

А вы думаете, одерживать победы, это семечки грызть?

Большевики выслали против нашей Армии все, до последних, свои лучшие силы. Это их конечная, отчаянная ставка. Зарвавшиеся игроки гонят других на убой и сами идут на смерть, потому что знают, что иного выхода им нет.

Оперативная сводка ясно показывает наше преобладающее положение. Но деремся мы на местности пересеченной, болотистой и населенной весьма густо; каждый дом, занятый коммунистами, приходится брать с бою или обходом. Оттого наше наступление на центр идет хотя и успешно, но несколько медленнее. Однако не забывайте того, что мы охватываем их фронт, а в тылу у них идет деятельное восстание той трезвой части рабочих Петрограда, который заставляли до сих пор молчать приклады большевиков. Они между двух огней.

Поэтому ждите терпеливо, не болтайте праздно и не смущайте слабых. Или два-три дня ожидания уже заставили вас снова мечтать о дуранде и жмыхах?

Еда

Почтенные гатчинцы, вы совершенно правы! Есть очень хочется. И вам и мне, пишущему эти строки.

Но, стягивая ремень на следующую дырочку, я размышляю так: «Да будет мой дух сильнее моего тела. Да не заглушит урчание брюха голоса разума. Пусть я останусь прежде всего человеком, венцом творения, а потом уже животным – млекопитающим, всеядным, двуногим».

- «Да-а, обещали хле-е-еба! Са-а-ала! – слышу я разочарованные голоса...

Обещали и исполнят. Детей уже подкармливает американская миссия. Скоро, очень скоро придут питательные транспорты для всего населения. Но, может быть, вы до сих пор еще думаете, что единственной и главной причиной стремительного захвата белыми Гат-

чины было исключительно пламенное желание наполнить нежной и вкусной пищей наши утробы?

Видите ли, я и сам сначала так думал. Но увидел я людей, только что сделавших беспримерный по тяжести поход, усталых, как мы с вами никогда не уставали, голодных, как мы с вами никогда голодны не бывали. И вот, вместо того, чтобы предаваться заслуженному отдыху, разнежено предаваясь к звукам пищеварения, эти люди тем же ускоренным маршем стремятся на позиции, в огонь и смерть, и ведут днем и ночью вот уже шестые сутки ожесточенный бой с врагом, собравшим все свои резервы, направляющим в позднем бешенстве последние остатки сил.

Там же на позициях они и спят на земле, и едят и пьют. Вы нередко видели, как по проспекту Павла I тянутся к артиллерийским казармам походные кухни, повозки с фуражом и провиантом. А заметили вы те телеги, которые возвращаются оттуда? Видели вы раненых? Или, обливаясь на кухни, вы их пропустили мимо глаз?

Всем нам давно известно, каково вообще состояние русских дорог, да еще не отремонтированных пять лет, да еще осенью, да еще в военное время! Транспорты, идущие из тыла, обозначенные на десять переходов, просачиваются до поры до времени, очень медленно. Кого же надо накормить в первую голову, ВАС или ЕГО?

Вы молчите. Но весы справедливости уже заколебались в ваших руках.

Это хорошо. Но вот еще более убедительный довод.

Если Белая Армия разобьет большевиков, то потерпеть вам, сравнительно с тем, что вы уже вытерпели, останется самая чуточка. Откроется свободный ввоз и свободная торговля. Вы себе и представить не можете, как еще богата наша испуганная, притаившаяся, пробедившаяся страна. Разрушители не съели ее, а только поглотили, испортив себе зубы.

Если же победят большевики, то голодными вы останетесь всегда, и ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Потому что большевикам, как проигравшимся дотла и к тому же нечестным игрокам, кредита нет нигде, ни на ломанный грош. И поэтому еще, что свои опыты коммунизма они по рецепту самого ихнего пророка Ленина, могут производить только над голодным, потерявшим разум, силу и волю скотом, кормя его одними посулами.

В будущем, как бы я ни был голоден, но если мне, вместо еды, подадут будущую карточку кушаний, помеченную так, например: «Месяца Зиновия, Года от разгона Учредилки 1001-го», я скромно откажусь и поблагодарю.

- Спасибо. Я уже обедал.

А так как Белая Армия не только победит, а уже побеждает, то следовательно...

Я вижу, как вы, вместе со мною, перетягиваете ремень на вторую дырочку.

«Приневский Край», № 1, № 3, Гатчина,
19,24 октября 1919 г.

Л.А. Молчанов

С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ПЕТРОГРАДА ИЗ-ПОД ИГА БОЛЬШЕВИКОВ...

(Статья постоянного автора альманаха «Белая Гвардия» проф. Л.А. Молчанова посвящена одной из малоизвестных страниц истории Северо-Западного фронта – деятельности Министерства юстиции Северо-Западного правительства, истории создания «Государственной комиссии по борьбе с большевизмом». Знакомясь с представленными документами нельзя не заметить, что предполагавшийся судебный процесс должен был состояться не только над партией большевиков (напрашивается некая параллель со знаменитым «судом над КПСС» начала 1990-х гг.), а над «большевизмом» как идеологией. Следовало осмыслить причины ее зарождения, роста сторонников в России и в мире, чтобы не допустить повторения 1917 года, навсегда осудить большевистские лозунги и их носителей – прим. сост.).

Публикуемые документы являются ценными источниками по истории антибольшевистской государственности на Северо-западе России в период гражданской войны. В них нашла отражение деятельность министерства юстиции правительства Северо-Западной области России.

На занятых белыми территориях администрирование осуществлялось военно-гражданским управлением, военными комендантами и военно-полевой юстицией. Однако аппарат военно-административного управления и военно-полевая юстиция в лице военно-полевого суда, прокуратуры и контрразведки себя не оправдали и своей деятельностью настроили общество Северо-Западной области против белых властей. Население оказалось «подчиненным волостным комендантам, людям в большинстве случаев, совершенно не соответствующим своему назначению и мало пригодным к занятию административных должностей»¹ На местах военные власти нередко произвольно конфисковывали имущество, а военно-полевые суды приговаривали к смертной казни без достаточных на то оснований. Больших размеров достигал произвол контрразведки. Все это вносило напряженность в социальные отношения и осложняло борьбу с большевиками.

Деятельность министерства юстиции Северо-Западного правительства должна была способствовать «успокоению тыла», привлекать симпатии общества к белой власти, убедить союзников в демократических намерениях руководителей Области. Для разрешения частно-гражданских дел было налажено функционирование гражданских судов, достаточно успешно работала гдовская комиссия по разгрузке тюрем. Но в целом добиться выполнения своих основных целей министерство не смогло. Его работа наткнулась на своеволие военных властей, бороться с которым оказалось невозможно. Создание министерства не изменило систему судопроизводства, установленную военными. Попытка Минюста пересмотреть ряд смертных приговоров, вынесенных военно-полевыми судами, также окончилась безрезультатно.

На работу ведомства существенно влиял его глава - Е.И. Кедрин. Это был высокопрофессиональный юрист, человек либеральных взглядов, но он не имел навыков практической и организационной деятельности и недостаточно разбирался в подчиненных. Как вспоминал государственный контролер области В.Л. Горн, он, человек «демократических взглядов», «умудрился устроить в своем ведомстве как-то так, что его кругом облепили весьма право-настроенные люди».² Несмотря на свой преклонный возраст, он был увлекающейся натурой, и в ряде случаев его идеи плохо соотносились с реальностью. По свидетельству члена правительства М.С. Мар-

гулиеса, он предложил обещать солдатам несколько сот миллионов рублей, если «они к 1 ноября возьмут Петроград».³ Непрактичность Кедрина хорошо видна из первого документа публикуемой подборки. В докладе Совету министров Кедрин предлагает кандидатуры на должность председателя и прокурора Петроградского окружного суда. Доклад начинается словами: «В ближайшем будущем я предполагаю восстановить деятельность Петроградского окружного суда». Доклад датирован 31 октября 1919 г. В это время возможностей занять Петроград у армии Юденича уже не было. В этой ситуации проработка данного вопроса стала несвоевременной, и только отвлекала правительство от решения более актуальных проблем.

Среди других направлений деятельности министерства выделялась подготовка законопроекта по разграничению военной и гражданской юстиции и проработка вопроса о создании «Государственной комиссии по борьбе с большевизмом». Документ № 3 настоящей подборки дает представление о работе министерства по разграничению сферы деятельности военной и гражданской юстиции. На заседании Совета Министров 5-го сентября 1919 г. было решено создать при Министерстве юстиции комиссию «для разграничения пределов ведения между военно-судебными учреждениями и общими судебными установлениями». Комиссия была образована в составе председателя Кедрина, прокурора Петроградской судебной палаты С.В. Карчевского, товарища обер-прокурора Правительствующего Сената А.П. Пилкина, присяжного поверенного М.Ф. Волькенштейна, мировых судей псковского мирового округа В.П. Ольшевского, О.А. Нильсена и В.П. Гейнрихсена, прокурора псковского окружного суда А.Л. Грина и др. юристов. Первое заседание комиссии состоялось 16 сентября. Всего было проведено 29 заседаний. В ходе работы комиссия нашла, что для разграничения полномочий необходимо создать «гражданский суд, которому могли бы быть переданы все уголовные дела, переведенные... в ведение военного суда, с наибольшей гарантией в правильности их решения».

Кроме этого, комиссия пришла к выводу, что современные условия требуют пересмотра всего законодательства о судопроизводстве с целью его усовершенствования и исключения из него устаревших положений. С этой целью комиссия пересмотрела: учреждение судебных установлений, устав уголовного судопроизводства, устав гражданского судопроизводства, уложение о наказаниях и уголовное уложение. По окончании этой работы вопрос о разграничении предметов ведения военного и гражданского суда, как пишет Кедрин, «разрешился сам собою». Гражданские лица должны были

быть подсудны гражданскому суду. Привлечение их к военному суду допускалось в исключительных случаях.

Параллельно с этой работой, комиссия рассмотрела целый ряд юридических вопросов, без решения которых осуществление на практике разделения сфер деятельности гражданских и военных судов было сильно затруднено. К этим вопросам относились: упразднение действующих не на основании существующих законоположений военно-полевых судов постоянного состава; организация суда с участием присяжных заседателей и определение его подсудности; порядок возбуждения уголовного преследования по делам о должностных преступлениях лиц гражданского и военного ведомств; усиление ответственности за спекуляцию и большевицкую деятельность и др. Эти проблемы затрагивали интересы всех слоев населения Северо-Западной области. Но провести эти меры в жизнь не было ни возможностей, ни времени. Доклад Кедрина так и не был вынесен на рассмотрение правительства.

Горн в своих воспоминаниях видит причину провала реформы в непрактичности Кедрина, который подошел к решению этой задачи «слишком фундаментально».⁴ Но, по-нашему мнению, причина неудачи намного глубже. Ситуация с разграничением полномочий военной и гражданской юстиции отражала одно из главных противоречий Белого движения. В условиях гражданской войны успешно бороться с большевиками могла только военная диктатура. И, ставить вопрос о разграничении военной и гражданской юрисдикции, было не вполне оправдано. Но военная юстиция себя сильно дискредитировала, и, оставив положение без изменений, можно было еще больше настроить общество против белых властей, что в свою очередь вело к усилению позиций большевиков. При этом, союзники настаивали на демократических изменениях в политике белых правительств. Но можно ли во время гражданской войны заниматься демократизацией общественной жизни без ущерба для военных успехов? Как показал опыт антибольшевицкой государственности 1918-1920 гг. – нет.

Доклад Кедрина по поводу создания «Государственной комиссии по борьбе с большевизмом» (док. № 2) и опросный лист комиссии (док. № 4) дают представление о том, как руководители правительства представляли организацию суда над большевиками и борьбу с большевицкой идеологией после разгрома советской власти. После победы предполагалось создать особую комиссию по борьбе с большевизмом, которая должна была заняться организацией судебного расследования деятельности большевиков. Она должна была выяснить виновность «не только коммунистов и большевиков в тесном смысле слова, но и всех тех лиц, которые, так или иначе, являлись их сотрудниками». Для этого предлагалось привлечь к работе комиссии следователей, прокуроров, литераторов, ученых, историков, государственных деятелей. В докладе содержалась мысль о привлечении к следствию представителей иностранных миссий, чтобы расследовать деятельность большевиков за рубежом. Предполагалось организовать судебные процессы с соблюдением всех юридических формальностей. Расследование должно было быть тщательным, чтобы не остался не наказанным ни один из «самых ничтожных участников» преступлений, но в тоже время объективным и всесторонним.

В ходе судебно-следственных действий должны были быть самым внимательным образом изучены документы, листовки, научные и публицистические труды

большевиков. Для этого в ходе занятия Петрограда необходимо было обратить внимание на сохранение документов большевицких учреждений. Кроме этого, комендант города должен был обязать служащих советских учреждений явиться в «в заранее указанные места» и ответить на вопросы специально разработанной анкеты. Необходимо было рассказать о своей работе у большевиков, о своих начальниках и сослуживцах, о партийной принадлежности и о том, состоял ли в партии большевиков. Нужно было указать, какие поощрения на службе имел, служил ли в красной армии, пострадал ли от большевиков, сидел ли в большевицкой тюрьме, если сидел, то с кем. К анкете должен был быть приложен отпечаток пальца и фотография.

Кроме судебной, комиссия выполняла научную функцию. Собирая материалы, комиссия должна была тщательно изучить идейную доктрину большевизма, основываясь на «точных, объективных результатах и научном исследовании... фактов, добытых следственными властями и установленных судебными приговорами». Предлагалось изучить причину возникновения большевицкого учения, формы и методы большевицкой пропаганды. Надо было проследить «влияние социалистических учений на психологию народных масс» и «влияние исторических, социальных и политических условий народной жизни на распространение большевизма». По результатам работы комиссии предлагалось опубликовать научные труды и популярные брошюры, а также разработать ряд практических мероприятий, которые бы позволили властям бороться «со столь великим злом». Но этот доклад был подан в правительство, когда белые уже отступали, и встретил «почти недоуменное к себе отношение в среде министров».⁵ На заседания правительства данный вопрос не выносился.

Характеристике работы министерства юстиции Северо-Западного правительства уделено внимание в упоминавшихся уже воспоминаниях Горна и дневниках Маргулиеса. В мемуарах Горна приводятся выдержки из доклада Кедрина о создании «Государственной комиссии по борьбе с большевизмом».⁶ О деятельности Минюста говорится в обстоятельной монографии А.В. Смолина.⁷ Публикуемые документы дают возможность взглянуть на разбираемые проблемы глазами руководителей министерства.

Документы хранятся в фондах Правительства Северо-Западной области России (Ф. 6385) и Министерства юстиции правительства области (Ф. 6389) Государственного архива Российской Федерации. Воспроизведены машинописным образом. Ряд имен, названий административных должностей и населенных пунктов можно восстановить по документам. О части лиц и организаций, упоминаемых в тексте, сведений не обнаружено. Орфография и стилистика сохранена.

(Публикация Л. Молчанова).

¹ Заключение Особой комиссии по ревизии тыловых учреждений и установлений Северо-Западной армии // Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С.405.

² Горн В. Указ. соч. С.250.

³ Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2. С.287.

⁴ Горн В. Указ. соч. С.247.

⁵ Горн В. Указ. соч. С.246.

⁶ Там же. С.245-246.

⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918-1920. СПб., 1999. С.294-295.

Доклад министра юстиции Северо-Западной области России Е.И. Кедрина Совету министров о замещении вакантных должностей председателя и прокурора Петроградского окружного суда.

31 Октября 1919 г.

№ 373

В ближайшем будущем я предполагаю восстановить деятельность Петроградского окружного суда. В связи с этим представляется необходимым ныне же заместить должности председателя и прокурора сего суда. Первая из этих должностей является вакантной в виду смерти бывшего председателя сего суда Н.В. Шевцова. Что же касается должности прокурора Петроградского суда, то за отсутствием каких-либо сведений о судьбе Ф.Ф. Нандельштедта, занимавшего эту должность в момент захвата большевиками судебных установлений, я таковую считать вакантной не могу.

По изложенным основаниям, я полагал бы возможным заместить ныне же должность председателя Петроградского окружного суда, назначив на таковую бывшего председателя военно-окружного суда Северо-западной армии, а до того присяжного поверенного Николая Митрофановича Васильева, должность же прокурора суда оставить пока незамещенной, командировав к исправлению таковой бывшего в момент большевицкого переворота прокурором Ревельского окружного суда, а затем состоявшего в должности прокурора военно-окружного суда Северо-западной армии Ростислава Степановича Ляхницкого, назначив последнего товарищем прокурора Петроградской судебной палаты.

Так как указанные выше должности по закону подлежат замещению Верховной властью и, принимая во внимание, что в пределах Северо-западной области России права Верховной власти присвоены Совету Министров, я считаю долгом представить изложенные мои предложения на утверждение Совета Министров.

Министр юстиции	Кедрин
Начальник Канцелярии	Срезневский
С подлинным верно:	делопроизводитель.

ГА РФ. Ф.6385. Оп.1. Д.18. Л.11.

Доклад министра юстиции Северо-Западного правительства Е.И. Кедрина в Совет Министров об учреждении «Государственной комиссии по борьбе с большевизмом». (октябрь 1919 г.)

С освобождением Петрограда из-под ига большевиков предстоит расследование преступной деятельности лиц, заливших кровью и разоривших страну и поправших все начала законности и свободы. Расследование, естественно, не может ограничиться отдельными преступлениями этих лиц, а должно будет охватить разрушительную деятельность их в целом, притом не только коммунистов и большевиков в тесном смысле слова, но и всех тех лиц, которые, так или иначе, являлись их сотрудниками.

Мера субъективной виновности этих лиц будет представляться, конечно, весьма различной в зависимости от той роли, которую они играли, и тех побуждений, под влиянием которых они действовали. Особою заботою правительства должно быть возможно полное единство деятельности лиц, на которых будет возложено расследование преступной деятельности большевиков, как в смысле точного установления необходимых для наличия состава преступления признаков, так и тех

градаций субъективной виновности, в соответствии с которыми будут разрешаться вопросы о способах пресечения обвиняемых уклоняться от следствия и суда. В целях объединения следственной деятельности необходимо поручить расследование преступлений не судебным следователям, которые на первых порах будут, вероятно, завалены большим числом текущих дел, а особым судебным следователям по важнейшим делам. На каждого из таких следователей должно быть возложено производство следствия в отдельной отрасли государственного управления, например, в области финансов, торговли и промышленности, земледелия, продовольствия, народного просвещения, городского самоуправления и т.п. К каждому из таких судебных следователей по особо важным делам должно быть прикомандировано еще несколько следователей, которые должны будут непосредственно производить те или иные следственные действия. Главною же задачею судебных следователей по особо важным делам будет общее руководство деятельностью лиц, к ним прикомандированных, разрешение возникающих у них, как общих вопросов, так и в особенности касающихся привлечения к следствию обвиняемых, формулировка обвинения, квалификация деяний их, и меры пресечения им способов уклоняться от следствия и суда.

Общее наблюдение за производством следствия по всем делам должно принадлежать прокурору палаты, для наблюдения за производством отдельных следствий суждено будет командировать товарищей прокурора судебной палаты и окружного суда. В случае необходимости производства следственных действий вне Петрограда, таковые производятся или местным судебным следователем, по отдельному требованию судебного следователя по особо важным делам, или этим последним, или одним из прикомандированных к нему следователей. В случае возникновения каких-либо общих вопросов по производству следствия у судебного следователя по особо важным делам, он за разрешением их обращается к прокурору палаты, который может приглашать для предварительного совещания всех или некоторых наличных следователей по особо важным делам и лиц прокурорского надзора.

В канцелярии прокурора палаты должны быть объединены все сведения о лицах, привлеченных к следствию в качестве обвиняемых, а также копии протоколов осмотров, приобщенных к делам книг и документов, имеющих общее значение, т. е. касающихся одновременно многих обвиняемых. Это необходимо, прежде всего, ради экономии труда следователей, во избежание излишнего повторения несколькими следователями иногда весьма сложной и требующей много времени работы по составлению протоколов осмотра этих книг. Основательное изучение всех этих книг, брошюр и прокламаций большевиков приведет к познанию большевизма, как общественной болезни во всех его проявлениях и стадиях. Правильное понимание этой болезни, ее причин, условий возникновения и эпидемического распространения только и может дать указание на возможность борьбы с нею.

Все получаемые отдельными следователями результаты исследований должны делаться общим достоянием всех других следователей. Так, например, преступная деятельность данного лица в сфере дипломатии должна быть дополнена сведениями, полученными судебными

следователями, расследующими торговую и промышленную деятельность большевиков и т. п. Только благодаря вышеописанной организации оказалось бы возможным настолько полно и обстоятельно проследить деятельность привлеченного к делу, что обвиняемые были бы лишены возможности давать лживые и уклончивые объяснения своих поступков. Такая система не только не замедлит хода расследования, но напротив того, будет способствовать скорейшему окончанию каждого дела. В то же время, не оставляя ни одного обстоятельства не разъясненным, вышеозначенная организация предварительного следствия получит возможность привлечь к делу всех без изъятия деятелей большевиков, что крайне необходимо.

Опыт показывает, что оставление без репрессий самых ничтожных участников преступления, приводит к необходимости со временем иметь с ними дело уже в качестве главных виновников другого однородного преступления. Поэтому-то в видах общественной профилактики необходимо расследовать самым тщательным образом деятельность каждого большевика и предавать его суду только после всестороннего расследования. Иначе слишком много лиц останутся безнаказанными и через некоторое время снова начнут свою преступную деятельность.

Для осуществления этих предположений я считаю необходимым два мероприятия, которые могут быть осуществлены лишь при участии Главнокомандующего.

Во-первых, необходимо, чтобы в самый момент занятия Петрограда было обращено внимание на сохранение полной неприкосновенности всех дел, документов и бумаг, находящихся в помещениях, занятых большевическими учреждениями и должностными лицами. Конечно, оставляя Петроград, большевики постараются по возможности уничтожить всякие следы своей деятельности. Но, конечно, это не может удалиться всякому, и по недостатку времени, и по небрежности, следы всегда останутся. Тем более необходимо собрать и сберечь все самые ничтожные обрывки писем, бумаг, документов. Может быть, ни в одном уголовном процессе в мире вещественные письменные доказательства не будут иметь такого значения, как в предстоящих процессах над большевиками. Это потому, что почти все беспристрастные свидетели, не принадлежащие к партии коммунистов, или умерли, или разъехались, или будут бояться давать откровенные показания. Что же касается до принадлежности к партии состоящих почти сплошь на службе в Совдепии, то, конечно, рассчитывать на их правдивость нет возможности. При таких условиях всякий клочок бумаги может иметь громадное значение для установления вины или невинности обвиняемого.

Во-вторых, необходимо, чтобы по занятию Петрограда комендант города издал обязательно постановление, которым вменил бы всем лицам, состоящим на службе у большевиков, от высших до самых низших, в определенный срок, не более трех дней явиться в заранее указанные места и дать ответ на целый ряд вопросов, касающихся их служебной деятельности.

Проект этого опросного листа прилагается.

Не надо быть пессимистом для того, чтобы признать, что ни военные поражения большевиков, ни судебная борьба с ними не могут дать уверенности в уничтожении самих корней большевиков. Даже после полного своего поражения большевизм будет тлеть и временами

вспыхивать. Вспышек большевизма следует ожидать не только в новых местностях, где население не познакомилось с ним ранее, но также и там, где благодаря крайней неустойчивости в населении социальных, экономических и политических, взглядов, люди заинтересованные сумеют внушить населению мысль, что развал государства, разорение и гибель промышленности явились последствиями не большевизма, но лишь неудачного выбора вождей движения, оказавшихся, дескать, не на высоте большевических требований и идеалов. Если вспомнить, что Венгрия, Финляндия, Эстония, Латвия и даже Германия, не говоря уже об азиатских государствах, оказались не чуждыми большевизму, который оказался чрезвычайно заразительным, то надо придти к заключению, что чрезвычайные профилактические меры против большевизма необходимы и не только в России, но и на пространстве всего мира. Единственным радикальным средством борьбы с ним может быть только раскрытие истинной его сущности. Необходимо исследовать не только перед русским народом, но и перед народами мира все источники зарождения большевизма, условий его развития и отношения его ко всем сторонам жизни, как государства в области международной, правовой, экономической, политической, так и народа в области чисто национальной, религиозной, бытовой и т. п. Для такого всестороннего изучения большевизма я предлагаю ныне же создать в Петрограде «ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОМИССИЮ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ». Комиссия должна быть образована немедленно вслед за взятием белыми Петрограда.

В этой комиссии должны сосредоточиться все сведения, касающиеся этой язвы государственной и народной жизни. В состав ее должны были бы входить как судебные деятели и государственные люди, так и ученые, историки, и литераторы.

Но, кроме этого, так как широкие задачи этой комиссии могли бы быть достигнуты при деятельном сотрудничестве заграничных кругов, то в состав ее должны были бы войти представители иностранных миссий. Последние ознакомляли бы комиссию со всеми явлениями социальной жизни их страны, имеющими отношение к большевизму, а также со всеми приемами борьбы с большевизмом в пределах их страны. Кроме того, представители иностранных миссий могли бы взять на себя, помимо Министерства иностранных дел, все сношения русских судебных властей по исполнению отдельных требований их за границей и заграничных требований их в России и тем самым оказать большую помощь в достижении быстроты следствия.

Из выше изложенного видно, что задача комиссии двоякая: во-первых, чисто судебная – расследование деятельности большевиков и, во-вторых, научно-административная. О первой сказано достаточно. Что касается административно-научной деятельности, то целью комиссии должно быть, прежде всего, раскрытие сущности большевизма.

Необходимо изучить историческое происхождение большевической доктрины, теоретических, научных и метафизических работ социалистических мыслителей¹⁵. Проследить влияние социалистических учений на психологию народных масс, а равно влияние исторических, социальных и политических условий народной жизни на распространение большевизма и, наконец, проследить приемы, условия и способы большевической пропа-

ганды не только во всех классах и национальностях нашего государства, но и среди других народов.

Такое изучение большевизма должно покоиться на точных, объективных результатах и научном исследовании положительных фактов, добытых следственными властями и установленными судебными приговорами.

Как необходимый результат деятельности проектируемой комиссии, должен явиться, во-первых, ряд научных исследований о сущности социальной болезни большевизма, во-вторых, выработка чисто практических мероприятий государственной власти для действительной борьбы со столь великим злом. Возможно, что эти мероприятия будут проведены в международном масштабе. И, наконец, в-третьих, ряд популярных книг и общедоступных брошюр, выясняющих сущность большевизма.

Я прошу Совет Министров одобрить в принципе предположения об образовании государственной комиссии борьбы с большевизмом, дабы я имел возможность приступить к подробной разработке способов осуществления вышеизложенных мыслей и соображений.

Министр юстиции
Начальник канцелярии

Е. Кедрин.
В. Срезневский.

ГА РФ. Ф. 6389. Оп. 1. Д. 3. Лл. 17-19об.

Из доклада министра юстиции Северо-Западной области России Е. И. Кедрина о создании и деятельности комиссии по разграничению предметов ведения между военно-судебными учреждениями и общими судебными установлениями при Министерстве юстиции.

Ноябрь 1919 г.

В заседании 5-го сентября 1919 г. Совет Министров постановил учредить при Министерстве юстиции комиссию для разграничения пределов ведомства между военно-судебными учреждениями и общими судебными установлениями.

Во исполнение сего постановления мною была образована под моим председательством указанная выше комиссия, в состав которой были приглашены: прокурор Петроградской судебной палаты С.В. Карчевский, товарищ обер-прокурора Правительствующего Сената А.П. Пилкин, присяжный поверенный М.Ф. Волькенштейн, мировые судьи псковского мирового округа В.П. Ольшевский, О.А. Нильсен и В.П. Гейнрихсен, прокурор псковского окружного суда А.Л. Грин и товарищ прокурора Рижского окружного суда А.Г. Дадашев.

Кроме того, в заседаниях присутствовали: присяжный поверенный В.М. Кацнельсон в качестве юрисконсульта Министерства юстиции и представители от Министерства военного: председатель военного окружного суда Н.М. Васильев, прокурор того же суда Р.С. Ляхницкий и генерал-майор А.В. Тавастшерн. Фактически комиссия большею частью заседала под председательством С.В. Карчевского, выбранного на первом заседании моим заместителем. Для исполнения обязанностей секретаря комиссии мною командирован был делопроизводитель канцелярии Министерства юстиции В.И. Павловский.

Первое заседание комиссии состоялось 16-го сентября с. г. Всего же по настоящее время состоялось 29 заседаний.

Приступив к исполнению возложенного на нее поручения, комиссия нашла, что до определения строгого разграничения между гражданской и военной подсудностью, необходимо создать такой гражданский суд, кому могли бы быть переданы все уголовные дела, переведенные приказом за № 10 командира Отдельного корпуса Северной армии по военно-гражданскому управлению в ведение военного суда с наибольшей гарантией в правильности их решения, так как отсутствие в Северо-Западной области окружного суда, судебной палаты и Правительствующего Сената лишает суд этих гарантий. Кроме того, комиссия признала, что падение ценности денежных знаков и изменение условий общественной, экономической и правовой жизни вызывает насущную потребность в пересмотре действующего судебного законодательства с целью согласования его с условиями переживаемого момента и изменения и исключения в нем всего того, что не соответствует действительности или же представляет пережиток прежних времен.

С означенной выше целью пересмотрены отдельными членами комиссии: учреждение судебных установлений, устав уголовного судопроизводства, устав гражданского судопроизводства, уложение о наказаниях и уголовное уложение, и по их докладу в таковые внесены комиссией подлежащие изменения.

По окончании комиссией этой работы вопрос о разграничении военной и гражданской подсудности разрешился сам собою в той форме, что подсудность лиц гражданского ведомства гражданскому суду должна составлять общий порядок, а передача дел о них на рассмотрение военного суда – исключение, и, как таковое, последнее должно строго основываться на законе, не допускающая никакого распространительного толкования.

Кроме указанной выше работы, комиссией были рассмотрены, как по своей собственной инициативе в связи с преподанным ей заданием, так и по особому моему поручению ряд юридических вопросов, а именно:

1. Об упразднении действующих не на основании существующих законоположений военно-полевых судов постоянного состава;
2. Об организации суда с участием присяжных заседателей и определении его подсудности;
3. О порядке возбуждения уголовного преследования по делам о должностных преступлениях лиц гражданского и военного ведомств;
4. Об образовании апелляционной инстанции для гражданских и уголовных дел;
5. Об изменении уголовной подсудности по 4 п. приказа № 17 командующего Северной армией по военно-гражданскому управлению в связи с понижением ценности денежных знаков;
6. О перерыве давности исковой и уголовной, как по безгласности преступления, так и за не обнаружением виновного ввиду перерыва деятельности судов во время захвата власти в данной местности большевиками;
7. О привлечении к судебной ответственности лиц гражданского ведомства за участие в поединках с военнослужащими.
8. О допустимости в настоящее время вноса денег и ценностей в депозит суда в виду изменчивости курса денег и других особенностей времени;
9. О приостановлении действия 1605 ст. Уложения о наказаниях;
10. Об усилении ответственности за спекуляцию;

11. Об увеличении залогов судебных приставов и нотариусов;
12. О временном предоставлении окружному суду дисциплинарной власти над присяжными поверенными;
13. О выработке штатов и окладов содержания служащих в судебном ведомстве;
14. О значении браков и разводов, заключенных по правилам, установленным большевиками, и правах детей, происходящих от таких браков, разводов, рождений и смертей;
15. Об уголовной ответственности за принадлежность к большевизму и содействие к его поддержанию и развитию.

Подготовительная к заседаниям работа распределялась между членами комиссии по специальности и требовала от них усидчивого труда вне установленного служебного времени.

В связи с исполнением комиссией возложенного на нее поручения, я считаю своим нравственным долгом возбудить перед Советом Министров ходатайство о вознаграждении некоторых членов ее за особые понесенные ими труды...

Министр юстиции.

Начальник канцелярии

ГА РФ. Ф.6385, Оп.1. Д.18. Лл. 13-14.

Опросный лист Государственной комиссии по борьбе с большевизмом.

1. Фамилия лица, дающего показания.
2. Имя.
3. Отчество.
4. Если фамилия менялась, какие, когда и по какому поводу присвоены, были фамилии и партийные имена, и прозвища.
5. Возраст (дата рождения).
6. Место рождения.
7. Национальность.
8. Религия.
9. Семейное положение (состав семьи).
10. Где семья находится.
11. Когда и по какому случаю прибыл в Петроград.
12. Занятие или служба до 25-го Октября 1917 года.
13. Источники существования, занятие или служба после 25-го Октября 1917 года (указать последовательное прохождение службы).
14. Состоял ли в политической партии, в какой и с какого времени.
15. Принуждал ли кто-либо вступить в партию коммунистов (кто и когда).
16. В каком положении был в партии коммунистов: а) называл ли себя сочувствующим; б) был ли зарегистрирован в партии коммунистов сочувствующим; в) состоял ли в партии коммунистов кандидатом; г) был ли зарегистрирован коммунистом. Примечание: если сохранилась партийная карточка, она должна быть приложена.
17. В случае состояния в партии коммунистов, каковы были мотивы вступления.
18. Состоял ли членом профессионального союза, и какого именно и не занимал ли должности в президиуме этого союза.
19. Участвовал ли в митингах в качестве оратора, когда, где, по какому поводу и от какой партии.

20. Состоял ли на службе в Красной Армии, в какой должности, не состоял ли комиссаром, был ли в сражениях.

21. Имелось ли разрешение на хранение оружия, и какого, кем и на какой предмет выданное.

22. Если был заключен в тюрьму большевиками: а) когда; б) за что; в) где; г) по чьему распоряжению или доносу; д) сколько времени содержался в заключении; е) кто сидел вместе; ж) кто допрашивал, з) применялись ли при допросах пытки или другое воздействие, и какое именно, и по какому поводу; и) кто был начальником тюрьмы; к) был ли присужден и к какому наказанию; л) какие случаи казни известны заявителю (сообщить имена казненных, № их вины и даты казни).

23. Был ли заключен в тюрьму белыми, когда и за что, сколько времени содержался, кем и почему был освобожден.

24. Пострадал ли от большевиков, когда, в чем и от кого.

25. В случае службы в советских учреждениях, указать: а) в каких состоял должностях (если состоял на службе в нескольких должностях, то ответить на ниже следующие вопросы в подробности относительно каждой должности); б) с какого по какое время; в) по какой причине поступил на службу; г) какой получал оклад; д) какого рода дела ведало учреждение; е) какого рода дела ведал заявитель; ж) возлагались ли особые поручения, какие и по какой должности; з) получались ли деньги и в какой сумме, и по какой должности; и) были ли даны какие-либо награды за исполнение поручений и какие именно; к) кто стоит во главе учреждения; л) кто были сослуживцы; м) где помещалось учреждение, если оно было раньше в другом месте, следует указать прежние адреса; н) были ли на службе в учреждении коммунисты или сочувствующие им и кто именно.

26. Кто может подтвердить правильность показаний.

27. Фотографический снимок.

28. Отпечаток пальца.

29. Особые приметы или физические недостатки (глухота, слепота), не страдал ли какой-либо конституционной болезнью (падучая, алкоголизм, малокровие).

30. Подпись.

С подлинным верно:

Секретарь.

ГА РФ. Ф.6385. Оп.1. Д.18. Лл.71-71об.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ РОССИИ

1. Земля играет роль основного фактора во всем революционном движении последнего времени. Кровная заинтересованность крестьянства в земле и недовольство существующими земельными отношениями вывели на поверхность политической борьбы всю массу крестьянского, прежде всего, косного, сельского населения, и этим определили в значительной мере ход всей революции вообще, а в деревне в особенности.

Ставшие у власти большевики широко используют страсть крестьян к земле для своих политических целей; в то же время, с чисто «большевицкой» прямолинейностью, они приступают к немедленному разрешению зе-

мельного вопроса в деревне, под лозунгом «вся земля трудящимся на ней».

Понятно, что вновь возникшее Правительство Сев.-Зап. Области, поставившее себе задачу, наряду с проведением в жизнь широких демократических реформ, борьбу с большевизмом, должно было, в противовес большевикам, выдвинуть в земельном вопросе свою положительную программу, наметить пути, по которым вопрос о земле будет разрешаться в соответствии с интересами и чаяниями широких масс крестьянской земельческой России. Проведение мероприятий в этом направлении и было возложено на министерство земледелия.

Министерство земледелия ясно сознавало, что отдельно разрешать земельный вопрос на каждом клочке земли обширной России, которая будет постепенно отвоевываться от большевиков, нельзя; что земельный вопрос должен быть разрешен Всенародным Учредительным Собранием в общегосударственном масштабе; что только общее положение о земле, принятое Учредительным Собранием, будет приспособляться к особенностям сельского уклада каждой области России в отдельности.

Но министерство земледелия понимало, что Сев.-Зап. Области России, по мере ее постепенного освобождения от большевиков, должен быть установлен, на смену большевизму земельной коммуне, временный порядок землепользования, удовлетворяющий широкие слои сельского населения, и не предвосхищающий окончательного решения вопроса о земле. На первых же шагах, как только местность освобождается от большевиков, нужно бы пресечь дальнейшую возможность «по-большевицки» рубить земельные отношения; нужно было не дать возможности еще сильнее спутать и без того сильно запутанный клубок земельных отношений в деревне крупным землевладельцам, принявшимся восстанавливать свои нарушенные права на отнятую от них революцией землю.

Приказ № 2 по министерству земледелия Сев.-Зап. Области России, принятый советом министров 18-го окт. 1919 г., размноженный и распространенный в громадном числе экземпляров среди населения местностей, освобождаемых от большевиков, и преследовал вышеуказанную цель. Приказ № 2 закрепил, впредь до издания особых распоряжений, земли за теми, в чьем фактическом владении они находятся к моменту прихода белых войск; приказ охраняет право фактического владения, но не собственности; гарантирует всякому обработавшему землю право на получение в свою пользу урожая с нее; сохраняет в деревне те земельные отношения, какие установились в ней до момента освобождения от большевиков и создает на местах особые земельные отделы министерства земледелия, кои впредь будут осуществлять мероприятия по землеустройству.

Издание приказа № 2 диктовалось, как политическими соображениями, так и необходимостью создать условия для дальнейшей и планомерной работы по землеустройству. Работа земельных отделов на местах намечалась в двух направлениях: первое – регулировать земельные отношения и оказывать содействие крестьянскому населению в деле землеустройства, вторая – работа агрикультурная, работа по залечиванию ран, нанесенных хозяйственно-экономическому укладу деревни. Указанные выше положения проводились в жизнь при

полном единении с всеобщими земскими учреждениями на местах с тем, чтобы работа министерства всегда соответствовала насущным запросам деревни.

Соответственно этому плану работ среди населения, сконструировалось в центре и само министерство земледелия. Оно состояло из двух отделов – лесного и земельного, причем земельный отдел, в свою очередь, включал отделения: землеустроительное, сельскохозяйственное, отделение по организации посевной площади и отделение по восстановлению разрушенных войною крестьянских хозяйств.

Считая хутора и отруба более совершенной формой землепользования, чем принудительная общинная черезполосица, при отсутствии у нас, на севере, в деревнях периодических переделов министерство решило пойти навстречу запросам жизни и деревни и содействовать расселению на хутора тем селениям, кои добровольно изъявили на это согласие, не предвосхищая еще этим окончательного решения вопроса о земле в будущем Учредительном Собрании. Одновременно с этим министерство решило оказывать самую широкую помощь таким крайне желательным формам землепользования, как земельческие артели, коллективы и коммуну, в тех случаях, если они окажутся действительными и живыми.

Сельскохозяйственное отделение министерства (и его отделения на местах) имело своей задачей вести агрикультурную работу в области, руководить оказанием населению агрономической помощи. Если землеустроительную работу, в целях проведения единого плана по землеустройству во всей Сев.-Зап. Области, предполагалось, в известной мере, централизовать, то, наоборот, агрономическая помощь, как направленная на удовлетворение местных хозяйственных нужд населения, должна носить специфический местный характер и должна быть особенно сближена с деятельностью местных земских самоуправлений, на кои законом возложена забота о местных нуждах. Министерство считало в силу этого необходимым восстановить в области земскую участковую агрономию, сделать сеть агрономических участков возможно густой, возможно приближенной к населению; собрать и восстановить деятельность прежних земских с.-хоз. складов, прокатных станций, опытных полей, племенных пунктов, с.-хоз. школ и т.п., широко использовав опыт местных земских людей по воздействию на население в смысле проведения с.-хоз. улучшений. В этом отношении министерство сохраняло за собой преимущественно роль направляющего центра, вызывающего местную инициативу и самостоятельность и всемерно ее поддерживающего, как материальными средствами, так и техническими силами. Министерство земледелия стремилось бы вызвать к жизни мелко-районные с.-хоз. о-ва, союзы, опутать всю сельскохозяйственную деятельность крестьянина возможно густой сетью производительных кооперативов с тем, чтобы им в будущем, как органам местной самодеятельности, передать оказание агрономической помощи населению, оставая за земством, как государственным органом, замещать местную самодеятельность там, где она недостаточна, и углублять ее там, где она недостаточна, и углублять ее при помощи своего кадра специалистов по разным отраслям.

Особое внимание министерство уделило вопросу о состоянии животноводства в области. Убыль скота и лошадей в крестьянских хозяйствах приняла такие разме-

ры, что заставляло и заставляет опасаться резкого падения и тех низких урожаев, которые до того держались на крестьянских полях, равным образом ждать резкого сокращения посевной площади за недостатком навозного удобрения. Нужны были чрезвычайные меры, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Начатое министерством беглое рекогносцировочное обследование животноводства в местностях, освобождаемых от большевиков, должно было лечь в основу широкого плана мероприятий по животноводству.

В связи с отходом Сев.-Зап. Армии к границам Эстонии, многие племенные стада были эвакуированы на эстонскую территорию: министерство приняло срочные меры разместить эти стада по образцовым хозяйствам на условиях, обеспечивающих, когда обстоятельства будут для этого благоприятствовать, обратное возвращение их в Россию.

Экономическое состояние местностей, освобождавшихся от большевиков, плачевно: деревня наводнена бумажными деньгами, но ее хозяйственное состояние в корне подорвано. Яровые семена с голоду съедаются, подвоз их извне слабый, и недосев на полях из-за недостатка семян за последние годы все туже и туже затягивал голодную петлю над деревней. Скота убывало больше, чем на половину; уменьшилось количество навоза; искусственных удобрений: урожайность быстро падает. Сельскохозяйственный инвентарь (плуги, бороны и т.п.) поизносился, чинить было нечем, не было ни угля, ни железа, ни запасных частей; покупать новую машину было негде. Нет ни сука, ни гвоздя для бороны, ни подлочного железа, ни шины для колеса.

При таких условиях вопрос о борьбе с массовым недосевом на крестьянских полях, о своевременном засеве всех полей, становился вопросом большой государственной важности и заданием весьма трудным и сложным. Проведение мероприятий по организации посевной площади в Сев.-Зап. Области и снабжение для этого населения необходимыми семенами, туками, машинами и пр. определило задачу третьего в составе земельного отдела министерства - отделения по организации посевной площади и с.-хоз. заготовкам.

Вести с.-хоз. заготовки в настоящее время представляет большие трудности. Прежде всего, вопрос валютный; утеряны, порваны все прежние торговые связи с рынками за границей и в России; не урегулированы условия транспорта и т.д. А между тем заготовки для области требуются массовые, на огромные суммы. Одних яровых семян, при самых скромных подсчетах, требовалось бы ввести в область не менее 1,5 миллиона пудов. Это тот минимум, ниже которого спускаться нельзя: такое же количество яровых семян было ввезено в область весной 1919 г. и этим едва удалось тогда покрыть 1/3 потребности населения в них. А между тем, нынче потребность предвиделась значительно больше, чем в прошлом году.

Единственный рынок, откуда мы можем получать такие количества яровых семян - это наш юг. Но тогда остро ставится вопрос о транспорте. Рассчитывать на доставку оттуда семян железнодорожным путем не приходилось, оставалось только - длинным водным путем, а на это требовалось располагать судами большой емкости. Завязавшаяся по этому вопросу переписка с Англией намечала пути к благополучному разрешению этого трудного задания. Далее, в связи с заготовками на юге

России, вставали вопросы о потребной на это валюте, о регулярных сношениях с югом, о системе заготовок и т.д. Для разрешения всех этих вопросов работала межведомственная комиссия из представителей министерств земледелия, финансов, торговли и промышленности, продовольствия и государственного контроля; для этой же цели должна была выехать особая делегация, от министерства на Юг.

В целях снабжения населения к предстоящей весне огородными семенами, семенами кормовых трав и корнеплодов, министерство земледелия вступило в сношения с крупнейшими торговыми семенными фирмами Швеции, Дании, Голландии, Франции, и достигнутые результаты позволяли не сомневаться, что население этими семенами будет своевременно обеспечено. К сожалению, представители заграничных фирм, приезжавшие в Министерство для оформления торговых сделок на эти семена, должны были убедиться, что с отходом Сев.-Зап. армии к границам Эстонии, интересы министерства земледелия лежали не в области заключения торговых сделок...

Труднее дело обстояло с искусственными удобрениями. На запросы министерства крупнейшим фирмам Англии, Америки и Швеции, благоприятные ответы получились только из последней. Англия и Германия запрещают вывозить искусственное удобрение, американский суперфосфат мог бы успеть только к озимому севу, а количество суперфосфата и калийных удобрений, предполагавшееся из Швеции, было невелико и довольно дорого. Предложений же азотистых удобрений ниоткуда не поступало.

Что касается сельскохозяйственных машин, то при высоких на них ценах за границей и низком курсе нашего рубля, они мало доступны массовому крестьянскому потребителю - и министерство было поэтому вынуждено ограничиться заботой о снабжении населения лишь простейшими необходимыми сельскохозяйственными орудиями, как плуги, бороны, косы, серпы, запасные части к ним и т.д. Поступившие в министерство многочисленные предложения заграничных, преимущественно шведских фирм, могли бы нам доставить в потребном количестве соответствующих конструкций эти орудия.

Кроме того, плуги и бороны, по образцам министерства, имелось в виду изготовлять на местных эстонских заводах, о чем велись переговоры с крупнейшими заводами в Ревеле.

Так как к работе по снабжению населения семенами, удобрениями и машинами было приступлено своевременно, еще с осени, то можно полагать, что до весны успели бы многое сделать в этом направлении, а, располагая необходимыми материалами для засева полей, можно было бы тогда весной проводить широкий план по организации посевной площади в С.-З. Области России.

Требованиями жизни было вызвано возникновение в составе земельного отдела четвертого отделения - отделения по восстановлению разрушенных войною хозяйств. От гражданской войны, происходящей на территории области, в местностях, попавших в сферу огня, сметены целые селения, разрушены отдельные хозяйства, уничтожены жилища и хозяйственные постройки.

Само население, потерявшее при этом во многих случаях свой инвентарь и движимое имущество, б.ч. не в состоянии восстановить свое хозяйство, как за недостатком средств, так и за отсутствием строительных матери-

алов, инструментов, - и вопрос о восстановлении разрушенных хозяйств стал, таким образом, одним из крупнейших государственных вопросов по устройению освобожденной от большевиков С.-З. области.

В силу этого министерство отдало распоряжение своему лесному отделу отпустить в местностях, освобождаемых от большевиков, по ордерам соответствующих земских управ, лес населению на восстановление своих разрушенных от войны хозяйств; проведение же прочих мероприятий в этом направлении должно было составить задачу особого отделения в составе министерства, в программу деятельности которого включалось: 1) выяснить размер потребности населения в деле восстановления разрушенных от военных действий хозяйств и снабдить область необходимыми строительными материалами, как то: железом, стеклом, гвоздями, цементом, красками, инструментами и пр.; 2) содействовать к немедленному восстановлению на местах деятельности предприятий по изготовлению строительных материалов; заводов цементных, кирпичных, лесопильных и пр., также мастерских черепичных, слесарных, кузнечных и пр.; равным образом, содействовать организации таковых земскими, городскими, общественными учреждениями и частными лицами; 3) оказать земствам и населению техническую помощь по созданию улучшенных типовых построек общественных, жилых и хозяйственных; 4) организовать доступный населению долгосрочный кредит на восстановление разрушенных от войны хозяйств и т.д.

Из всего вышеизложенного не трудно видеть, что намеченный и в части осуществленный план работы земельного отдела министерства земледелия вытекал из подлинных нужд и запросов сельскохозяйственного уклада С.-З. области, и что только краткое существование самого министерства земледелия, отсутствие территории и отсутствие необходимых условий для созидательной работы в освобожденных от большевиков местностях мешали этому плану полностью быть проведенным в жизнь.

II. Деятельность лесного отдела началась задолго до образования министерства земледелия. Самым крупным актом за период самостоятельного существования лесного отдела надо считать приказ № 19, регулирующий вопрос об управлении лесами.

Суть приказа № 19 - все без исключения леса, впредь до разрешения вопроса о земле в общегосударственном масштабе, изымаются из управления и распоряжения их владельцев и переходят в ведение военно-гражданского управления. Всем владельцам лесных материалов предлагалось в определенный срок представить доказательства своих прав на них, без чего материалы поступа-

ли в распоряжение органов власти. Далее, ряд статей приказа № 19 определяли порядок управления лесами.

После присоединения лесного отдела к министерству земледелия приказ № 19 остался в силе. Министерством были лишь в него внесены поправки, отменявшие ограничения, касавшиеся крестьянских лесов и крестьянского хозяйства: 1) наделные леса были оставлены в распоряжении их владельцев; 2) отменена плата за право сбора грибов, ягод, мха, выпаса скота и т.д.; 3) введен льготный и бесплатный отпуск леса крестьянским хозяйствам, пострадавшим от народных бедствий.

Деятельность министерства земледелия по лесному отделу развивалась в двух главных направлениях: а) сохранить леса и ввести правильное лесное хозяйство; б) обслужить нужды армии, железных дорог и населения.

Для достижения первого положения было предпринято широкое обследование лесных пространств области.

Одновременно с работой по обследованию производились отводы лесных пространств на нужды железных дорог, городов, земств и частных лиц.

В силу острой нужды армии и населения в топливе, министерству земледелия советом министров было поручено произвести заготовку дров; имелось в виду одновременно произвести заготовку строительного лесного материала, как для нужд местного населения, так и для вывоза за границу.

Работы повелись тремя путями: 1) заготовки дров в Ямбургском уезде были переданы Ямбургскому уездному земству, как общественной организации, имевшей в виду дать работу беженцам, находившимся в бедственном состоянии. Предполагалось заготовить через Ямбургское земство от 10 до 15 тысяч кубов. Отчеты о состоянии работ от Ямбургского земства не получены. 2) от 3 до 5 тыс. кубов предполагалось заготовить силами лесничеств, для чего были сделаны соответствующие ассигнования, и 3) весьма крупную партию от 10 до 15 тыс. кубов должны были поставить с подряда, о чем велись переговоры с рядом фирм.

В заключение необходимо отметить, что на всей работе министерства земледелия не могла не отразиться политика военного командования, являвшаяся отражением и дополнением политики военного министра и главнокомандующего, генерала Юденича, сделавшего попытку рядом приказов свести на нет работу правительства и, в частности, министерства земледелия. Как на примере такой политики можно указать на распоряжение командующего 2-ым корпусом, генерала Арсеньева, о том, что приказ № 2 по министерству земледелия воспрещается распространять в Гдовском уезде.

«Свобода России», Ревель, № 86, 31 декабря 1919 г.

Военно-историческая серия «Белая Россия»

Марков и марковцы.

Первая книга серии представляет собой сборник документов и воспоминаний об одном из самых выдающихся военачальников Белой армии генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основой книги стал известный в эмиграции двухтомник полковника В. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», по практически неизвестным широкому кругу российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, никогда не вводившиеся в научный оборот. Это - дневник С.Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало в № 3 альманаха «Белая Гвардия»), дневник начальника штаба Марковской дивизии полковника Биттенбиндера, приказы по формированию марковских частей. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях в 1917-1920 годах. Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев.

Е.И. Шимановский

ЗАМЕТКИ ОБ ЭПОХЕ СЕВЕРОЗАПАДНИКОВ

...В Ревеле, когда мы, Волынцы, проводили вечер в пользу полка, подпоручик Ликуди (ответственный распорядитель) послал одного из офицеров за более или менее приличным костюмом, чтобы ухаживать за барышнями и дамами-распорядительницами, устроительницами буфета. Костюм с трудом нашли...

...Деревня за Печерами, где мы оставались ночью. Коммунисты-крестьяне пригласили нас в «коммуна» и прикинулись белыми. Молодой показывает револьвер и просит патронов. Спим на полу, за нами ухаживают – стелят солому, дают продукты. Я хожу за молоком...

...Период Юрьевских боев всегда напоминает мне охоту за диким зверем. Выезжаемы мы на санях, с оружием. С саней ведем бой и в санях возвращаемся в Юрьев...

...В Извиде мобилизация лошадей. Я хотел взять двух лошадей лесничего. Он стал просить при крестьянах освободить его от этой повинности. Возмущение. Я отпустил. Он прибыл из Вышнего Волочка, и я позволил ему взять лошадей обратно...

...Ко мне привели коммуниста. С ним была жена, которая говорила: «Имейте сердце, имейте сострадание – не расстреливайте мужа». К коммунистам я без сердца и сострадания. Однако оставил эту жену в качестве заложницы при госпитале и муж жил до Нарвы. При развале фронта за мужем-комиссаром из Ямбурга была прислана тройка лошадей...

...Рассказал Сергей Курт: «Поймал седого железнодорожника, который сам сознался, что он коммунист и просил его помиловать. Командир батальона, несмотря на уговоры присутствовавших офицеров, приказал его расстрелять. Рота двинулась в поход. По дороге он нашел командира роты, производившей расстрел и сказал: - «Пополам? – Что пополам? – Деньги коммуниста пополам. – Денег у коммуниста не оказалось. – Тогда не нужно было его расстреливать. – Его расстреляли по Вашему, г. полковник, настоянию...»...

...Будилович получает письмо – аноним, с указанием в деревне N дворов коммунистов. Солдаты обследуют дворы. Коммунистов не находят и указывают на заблудшую женщину, которая и донесла ложно, по злобе. Ее арестовали, высыпали шомполов. Она упала в обморок...

...Состав наших рот: гимназисты и реалисты. Показалась справа кавалерия. Пулеметчик Гусев (краснощекый

мальчишка) отбил их пулеметным огнем. Преследовали бронемашин...

...Приехал полковник Хомутов к командиру. Входит в избу, где расположился штаб Ветренко. Ветренко обедал, разрывая мясо руками. Он сразу обрушился на Хомутова: «Почему до сих пор путь не взорван?» - «Взорван, ваше превосходительство. Не знаете не говорите...»...

...Набег на Валк. Заняли Совдеп. Докладывают, что станция отрезана латышами. Ветренко вместо ответа ушел с.т. Долго сидел. Выходит, подтягивая штаны, и говорит: «Ну, пойдем, посмотрим, как там путь отрезали. Пришли к станции. Со стороны застрочил пулемет, наши ответили с двух пулеметов с задней площадки. Станция замолкла. Впустили своих раненых. Поехали. Через стук колес слышим крик из-под поезда. Остановили поезд. Из-под вагона выбрался, раненый в шею талабчанин, подвешенный под осями. Когда его перевязывали, он растягивал свою рану, чтобы ее увидели...

...Когда отступили из Молосковиц в августе 1919 года, я с моим товарищем сняли с окон и дверей помещичьего дома, где мы стояли, все ситцевые занавески и простыни. Потом из таких простыней в моей ротной портняжной мастерской собирали нижнее белье. Вышло несколько пар, но такие чудные были рубахи и панталоны. Рукава цветные с цветочками. Солдаты были очень рады и такому белью. Так пришлось обмуниривать армию. Не будь этого дела, пожалуй, вши съели бы всю армию...

...Наша рота стоит в резерве в Липе. Довольствие весьма хорошее: два фунта хлеба и полфунта сала. Но вот однажды доносят мне, что солдатами моей роты у одной бабы унесли два пуда муки. Жалуется сама баба. Она берется найти вора. Дело в том, что солдаты из этой же муки уже сделали хлеб. Опасаясь крупного скандала, я позвал фельдфебеля и сказал ему, чтобы он предупредил солдат, чтобы они не попали впросак. Отчего же? Баба на другой день сама поймала подводчика-эстонца, который привез нам хлеб. В глубине души я был рад тому, что виноват не солдат, с которым пришлось бы поступить по всей строгости закона. Я сказал бабе – пусть она решает, что сделать с подводчиком. Если поднять дело официально – подводчика расстреляют. Если неофициально – ему высыпят шомполов. Баба стала Христом Богом молить, чтобы я

простил подводчика, она отказывалась от муки. Я отдал приказание высечь подводчика. А подводчик, тем временем, под шумок исчез...

...Финны, помогавшие эстонцам против большевиков, отличались большой жестокостью. Они приканчивали ножами пленных красноармейцев, не разбирая, мобилизованный или коммунист. И трупы зарезанных предоставляли закапывать белым солдатам. Во время атаки же финны бросают виштовки и идут на врага с ножами. Красные в ужасе убежали от них и боялись очень. Говорят, финны вспарывали пленным живот. Ненависть у них к эстам больше чем к русским. Они отбирали у эстов обозы, грабили интендантства. Та же участь постигла и русские обозы...

...Граф Пален, командуя своим отрядом (впоследствии «бибиковцы»), сам шагал по снегу в цепи, а лежа на снегу под пулями, лежал не на животе, как обыкновенно лежат в цепи, а на спине, и курил в таком положении папиросы...

...Во время наступления на Петроград, во время первой атаки на станцию Преображенскую, генерал Родзянко в своем автомобиле вместе с передовыми цепями подъехал к переправе. Красные, заслышав урчание автомобиля, открыли огонь. Идти на пулеметы противника нельзя было. Тогда Родзянко поднялся во весь свой гигантский рост, ударил кулаком в грудь и кричал: «Эй вы, краснож...е, вот я – русский генерал, не боюсь вас. Стреляйте, стреляйте в меня!»...

...Наши войска занимают Гатчино. Рота Чугунова проходит мимо инвалидных домов, по проспекту Павла I. Седой николаевский инвалид смотрит на них и плачет: «погодите ужю, покажут вам, черти вы, проклятые». Очевидно, он принял нас за большевиков. Чугунов и Медведев подошли к нему и стали уверять, что они – белые. Старик не верил. Тогда наши указали ему на погоны, которые были скрыты под шинелями. Старик радостно заплакал...

...На танке «Бурый медведь» существовал такой обычай. Англичане-танкисты купили где-то игрушку – мохнатого медвежонок и посадили его вперед машины на стержень, дав в лапы русский и английский флажки. По мере продвижения к Петрограду барышши и дети стали дарить таких медвежат команде танка, и в конце концов их накопилось около десятка самых разных. Англичане всех сажали на броню и верили в них, как в амулеты.

ДНЕВНИК ПУЛЕМЕТЧИКА ДМИТРИЯ СОЛОМИНА

Замечательный исторический документ, отражающий фронтовые будни Ливенской дивизии во время наступления на Петроград и решающих боев на Пулковских высотах. Автор - уроженец Ярославля, вольноопределяющийся Д. Соломин, доброволец, служил в пулеметной команде легендарного 17-го Либавского полка (командир генерал-майор барон фон Раден.), ближе всех подошедшего к Петрограду и практически полностью погибшего под Красным Селом. В бою под Русским Копорским Д. Соломин был тяжело ранен. В дальнейшем - в эмиграции. Однако, согласно другой версии, «автор» дневника - это собирательный образ, созданный Л.Ф. Зуровым, на основании имеющихся в его распоряжении документов, а также опубликованных в «Памятке Ливенца» дневников и воспоминаний А. Енша, Г. Цельмина, Д.И. Котомкина. (Публикация В. Цветкова.)

Начат 20 июля на транспорте «Холсатия»

Прощай, Либава!

Походным порядком, с песнями, двинулись мы к транспорту. На Кургаузском проспекте масса публики. Останавливаются, машут платками и шляпами, кто-то грустно смотрит, некоторые наоборот – злорадно улыбаются.

Море залито солнцем. Начинается погрузка. Лошади страшно пугаются. Начальник обоза работает во всю плечью и ругается. Для лошадей есть специальные клетки. Несколько раз сажусь с лошадьми в клетку и спускаюсь в трюм. Всю дорогу лошадь дрожит, как в лихорадке, и, когда клетка раскачивается, то она старается сохранить равновесие. Очень забавно.

Идем с Степой в город к Ростовскому есть пирожные. Страшно сожалеем, что не успели сняться, осталось бы на память. Напились шоколаду и съели столько пирожных, насколько хватило денег, впрочем, оставили себе немного на табак. Погрузив лошадей, капитан тоже ушел в город, чтобы, как он выразился, окончательно распроститься с кислой либавской «жистяжкой».

Начало смеркаться. Погрузка приходила к концу. Слышны военные песни. Дав несколько прощальных гудков, наш транспорт вышел в море.

Спать душно. Снизу из трюма от лошадей поднимается теплый воздух. Этажом ниже (если можно так выразиться) помещаются обозники; громко разговаривают, играют на гармонике, иногда слышна ругань пьяного начальника обоза.

Не спится. Решил узнать причину криков и хохота. Спускаюсь вниз и вижу такую картину: несколько женщин типичного вида стоят перед пьяными обозниками, те валяются тут же на одеялах, один из них играет, но пальцы не слушаются, и гармонь издает такие звуки, что действительно становится смешно. Спрашиваю одну из этих особ, откуда они взялись. Говорят, что решили проводить немощное солдатиков. Капитан заплетающимся языком кричит: «Соломин, сюда!» Все хохочут, в том числе и он. Спускаюсь ниже к лошадям посмотреть, как они себя чувствуют. Стоят спокойно. Некоторые жуят сено. Наконец иду спать.

21 июля. Играли зорю. Утро дивное. На посту сидит матрос немец и смотрит, не видно ли впереди мин. Вдали видны два английских миноносца. Они то уходят вперед, то возвращаются. На мостик поднимается капитан. Он показывает мне компас, карту, показывает, где мы должны идти. Страшно, - карта не голубая, как я представлял ее себе, а белая со множеством черных линий, указывающих направление рейсов. Вечером мы должны подойти к минным полям. На карте они обозначены красными крестиками.

Жарко, несмотря на маленький ветер. Сегодня вместо обеда выдали по банке консервов. Съел их, залез в лодку и проспал там до вечера.

Часов в семь приходит прапорщик Фогель (командир пулеметного расчета – прим. сост.) и говорит, что надо идти кому-нибудь на пост у продовольствия. Решив, что лучше дежурить сейчас, чем ночью, я вызвался. По-моему, глупо на пароходе устраивать дежурство. Я думаю, это сделано для того, чтобы занять нас чем-нибудь.

Захватив подсумки и карабин, иду на корму, где сложен провиант. Там уже стоят два дежурных – один от дивизиона, другой прапорщик от артиллерии. Последний читает книгу, положив карабин рядом на мешок. Приходит какой-то другой офицер и незаметно уносит с собою его карабин. Потом приходит снова и спрашивает, что тот делает. «Дежурю», - отвечает прапорщик. «Тогда ты бы взял карабин, а то, какое же это дежурство?» Прапорщик повертывается, глядит – где же его карабин? Не видя его, все же не хочет сказать о пропаже, но, поймав напрасно некоторое время, спросил нас. Мы отвечаем, что не видели. Через несколько минут приходит офицер, взявший карабин, но уже с толпой других. Все смеются. Прапорщик красный, как рак, начинает возмущаться по-французски, как, мол, не стыдно делать такие вещи при солдатах, то есть при нас.

Солнце закатывается. Впереди видны два судна. Подходим ближе. Оказываемся, это плавучие маяки перед минным полем, такие же маяки и за ним.

Пост отменен. Я ужасно зол, что пришлось дежурить одному мне. Сам напросился; в следующий раз всегда

буду стоять последним. На капитанском мостике наши поют что-то новое. Надо сказать, в нашей роте удивительно хороший состав, как офицерский, так и солдатский. Это не только мое убеждение, но говорят все.

22 июля. Видел какой-то пелопый сон. Оказывается, за ночь поднялся ветер. К утру уже сильно качало. В желудке как-то патошак неприятно. На палубе многие лежат, растянувшись с белыми физиономиями. В особенности плох один офицер; он такой зелецый – того и гляди, отправится на тот свет. Море все в белых гребнях.

Путешествие приходило к концу, а потому все вылезли на палубу. Через час мы уже в Гунгенбурге. Выражаясь по-солдатски, «пострадав» два часа, прибыли в Нарву. Пристаем к каким-то плотам в заливишке против Темного парка.

Погрузившись на «Нарва Товарная», едем к Ямбургу. Погода чудная. Настроение великолепное. Поем песни. Старые солдаты говорят, что никогда не видели такой веселой отправки на фронт.

Мост через реку Лугу. Речонка маленькая, обмелевшая, повсюду видны камни. Курица вброд перейдет.

На станции Ямбург пашика. Бестолковщина страшная. Фронт в четырнадцать верстах. Большевики прорвали его и двигаются на Ямбург лесом. Это говорит комендант города, встретивший нас. Сюрприз, нечего сказать. Все страшно перепуганы. На станции, прямо на полотно, груды валят белый хлеб, разный провиант, подводы, походные кухни и т.д. Как можно в таком беспорядке эвакуироваться – одному Аллаху известно.

Обыватели тоже с выпученными глазами таскают разные вещи на станцию. Вижу барышню, кажется из хорошей семьи. Она в почных туфлях, в не застегнутом платье, с чулками и ботиночками в одной руке и с корзиной в другой. Подбегает к нашему поезду, плачет и просит взять с собой в Нарву. Мы смеемся, говорим, что совсем не собираемся в Нарву, а выступаем на фронт. По-немому начинается успокоение. Только самые пессимисты говорят, что уже поздно, что большевики уже в городе. У страха глаза велики. Приятно видеть,

когда так бояться большевиков. Становится ясным, что настроение против «товарищей». Разгрузка идет лихорадочным образом. Через полчаса все готово. Откуда-то появился оркестр. Строимся и идем по Ямбургу под музыку. Как видно, летом здесь жить ничего. Вышли за город. Сразу же лес, дорога песчаная – пога так и тонет.

Луцкая колония на берегу Луги. Останавливаемся в ней. Приехал командующий армией со своим штабом и каким-то английским генералом (ген. Родзянко и ген. Марч – английский военный представитель на Северо-Западном фронте – прим. сост.). Вперед нас послан на прорыв батальон Уральского полка. Мы будем здесь обедать и отдыхать до вечера.

Выдают немецкое тонненное сало. Пошел получить для всего пулемета. Некуда положить – взял шанцевую лопатку. Иду обратно, неся сало на лопате. Навстречу попадается командующий армией с англичанином. Последний все время спрашивает у него по-французски, далеко ли большевики, видно боится их страшно. Увидев, что я несут сало, обращается к командующему, просит спросить меня, что это такое. Я решил подшутить.

-Германское сало для смазки пулеметов, ваше превосходительство. – Англичанин удивлен чрезвычайно. Брезгливо одним пальцем берет немного и пробует:

-Никогда не видал у нас в армии такого сала, прямо-таки можно есть. Пахнет свиной... Удивительно, про немцев говорят, что у них мало жиров, а вот посмотрите, какое чудное белое сало, и идет для смазки. Да, немец опасный враг: сам сидит впроголодь, а смазывает пулемет свиным салом.

Еле сдерживаюсь от хохота. Командующий переводит. Англичанин удивлен, пожимает плечами.

-Такое сало идет на смазку!

-Ваше превосходительство,- говорю я командующему,- к сожалению, сейчас придется есть это сало, ибо немцы теперь нам ничего не будут выдавать. Англичанину, видимо, это не понравилось. Он начал уверять, что скоро будет нам выдано все, что полагается. Поживем – увидим.

Когда начало темнеть, выехали на фронт. Едем полем. С нами конная разведка в составе пяти человек. Трое едут впереди по бокам, двое сзади. Один корнет, другой странного вида: в черных галфе, гимнастерке и фуражке, надвинутой на уши. Типичный вид товарища. Странно, на пароходе такого не было. Пропускаю вперед двуколки, чтобы посмотреть на него. Представьте, это сестра милосердия! Должно

быть, все же боевая женщина. Просхали версты две. Темно. Дороги не знаем. Проводников нет. Сзади нагоняет всадник. Привез приказ вернуться назад. Ночевка прямо на лугу. В деревню входят еще войска.

Говорят, что офицеры Уральского полка просят нас принять под арест одного солдата их же полка. Обвиняется он в следующем: за воровство и грабеж его выдрали, он обещал убить офицера, который отдал это приказание. Потом сбежал из полка, и его поймали, когда он пробирался к красным. Передали его нам, так как солдаты Уральского полка несколько ночей не спали. Привели к нам. Парень лет двадцати. Вечером будет полевой суд. Пока его отвели в пустую избу. Дежурных назначили троих и меня разводящим. Черт бы его побрал, придется всю ночь не спать. Решил сделать так: буду спать рядом с постовыми, когда нужно сменять, постовой меня разбудит. Арестованный сразу же улегся. Я бы на его месте попытался ночью удрать.

Встал едва заря. Где-то далеко слышна пулеметная стрельба. Утром пришла цыганка. Пристает с гаданьем. Приходится волей-неволей гадать. Говорит, что обязательно утону. Вообще все гадалки говорят это; еще в Петрограде какая-то дура сказала то же самое. Черт их знает, всякое настроение портится, когда купаешься, нет какой-то уверенности.

Кстати, ходил купаться в Луге. Мелко настолько, что неприятно плавать. Напившись кофе, выезжаем на фронт; захватили с собой и арестованного.

День жаркий. Идем лесом. Дорога простая – не шоссе, а песок. Трудно идти. Пройдя верст пять, остановились; поручик спрашивает, что делать с арестованным. Большинство голосов за расстрел, который сейчас же приводится в исполнение тремя солдатами. За такие преступления в любой армии даже в мирное время расстреляли бы. Но все же картины этой описывать не стоит. Бог с ним.

Лес идет до самой деревни Килли. Это фронт. Вчера Килли взяли большевики, утром наши отбили обратно. Перед деревней при выезде из леса лежат убитые лошади. Во рту стоит неприятный сладко-кислый запах – признак тошноты. Должно быть, они убиты дня три тому назад. Лежат со вздутыми животами, ноги растянуты почти под прямым углом.

В деревне сейчас стоит Даниловский отряд (12-й Темницкий гренадерский полк под командованием полка Данилова – прим. сост.); говорят, это специалисты по части тыловых операций и

обходов. Спрашиваем, где неприятель. «Да везде»,- ответил офицер и описал рукой круг. На всякий случай вокруг деревни вырыты одиночные окопы.

Мне деревня эта не нравится, очень уж она похожа на мышеловку. В деревне помещается штаб Островского полка. Место для штаба весьма неподходящее.

Только что расположились обедать. Начался артиллерийский обстрел, по снарядам лопаются дальше. Это большевики нащупывают батарею.

После обеда Степа говорит, что рядом с деревней должно быть имение его отца, в котором за всю жизнь он был один раз. Так оно и есть. Пошли туда. Встречает нас бывший управляющий, который и теперь живет здесь. Степа говорит ему, кто он. Обрадовался, хотя, может быть, только наружно. Жалуется, что теперь тяжело жить. Говорит, что скот и мебель товарищи увезли еще в мае при отступлении.

Идем в дом – действительно, голые стены, в одной из комнат прямо на полу навалена куча французских книг. Очевидно, товарищам они показались ненужными.

Окопы уже готовы. Перед заставами тянется полевая дорога, а за ней один ряд проволоки. Ее бы могло и не быть, ибо она больше похожа на загородку для скота, чем на проволочное ограждение. Впереди посреди поля стоит одно дерево. За полем лес – там красные. Степа уверяет, что такой прелестной позиции никогда раньше не видел.

На фронте.

25 июля. Красные стреляют большей частью шрапнелью. Ночью красивые разрывы, хотя только тогда, когда далеко. Ночью все как-то особенно ясно слышно. Красиво, когда пулеметы работают без задержек. Изредка бросают гранаты; звук их слышен сквозь частую дробь пулеметов как-то глухо, что придает особенную приятность, не режет ухо.

Утром красные снова лезли, но я не слышал, хотя видел какой-то военный сон с выстрелами. Поправляя гнездо для пулемета и роя помещение для лент, наткнулся на старые человеческие скелеты. Взяли черепа, воткнули на палочки и выставили на бруствер окопа. Ден, смеясь, предлагает надеть на высокий шест и выставить на страх врагам. Судя по положению скелетов, это – старинная братская могила.

Сегодня переберусь в другой шалаш. Причина – лягушка. Вчера, ложась спать, увидел ее в нашем шалаше. Пришлось почевать под открытым небом у потухшего костра, завернувшись в одеяло. Хорошо то, что оно у меня большое и теплое. Степа поднял меня

на смех по поводу моей боязни лягушек. С сегодняшней ночи буду спать у других, благо они зовут.

Пошел с карабином на охоту, но безрезультатно. Фогелю посчастливилось – убил на реке какую-то птицу; по-моему, она пестъедобная, но он ее сжарил и съел с удовольствием. После немецкого пайка английский кажется скудным. Суп такая гадость, что прямо невыносимо есть. Пошел бродить по кустам, нашел орехи; много, но зеленые.

Ночью приехал командир Островского полка с адъютантом (полк. Алексеев – прим. сост.). На посту в это время стоял Степа, который подошел к ним узнать, кто идет. Тот, вероятно, не заметил, что Степа простой доброволец. Любезно представился: полковник такой-то, пожал ему руку, спросил также, как ему правится позиция.

С сегодняшнего дня будут ходить ночью дозоры для связи застав. Сегодня пароль – «Москва, молодость».

27 июля. Ночью была слышна пулеметная стрельба и разрывы ручных гранат. Эхо сильно идет по лесу. Товарищи опять, вероятно, полезли. Артиллерия уже работает два часа. Я бы всего этого, вероятно, не слышал, но Ден так толкнул меня в бок, спрашивая, кто стреляет, что я живо очнулся. Выругался, как следует, зачем зря будить.

Под утро на посту стоять холодно в моей старой шинели. Проходили несколько раз два дозорных. Одеты красноармейски, - без погон и кокард и при этом босиком. На рукаве повязка грязная, когда-то была, вероятно, белаго цвета (белые ленты на фуражках и нарукавные повязки – традиционный элемент обмундирования у «данюловцев», приверженцев партизанских рейдов по красным тылам – прим. сост.). Окликаешь их и не знаешь - стрелять что ли, - до того товарищеский вид.

Ура! Сегодня за проволокой нашли картофель, видимо, посаженный рано, - он уже крупный. Теперь мы будем брать только сало, а суп пусть остается другим. Картофель с салом – это великолепно! Сегодня был на мельнице. В пруде плавают гуси – хорошо бы стянуть их. Ден открыл новый, поразительно удобный, способ чистки картофеля. Он берет его в котелок с водой и мешает палочкой; молодой картофель сейчас же теряет свою шелуху. Конечно, Ден додумался не благодаря изобретательности, а лени. Но это безразлично.

Сегодня командующий издал «приказ по красной армии» (одна из листовок – см. вкладку (прим. сост.)). Все красноармейцы должны до 15-го августа, бросив оружие, разойтись по домам. Похоже на кукиш в кармане; приказ

напечатан на листовках. Сегодня вечером пойдут их разбрасывать красным. Просился у Фогеля – не пускает. Надо было идти, не спрашивая, а теперь уже неудобно.

28 июля. Около пулемета упала пуля. Она уже на излете, даже не зарылась, еще теплая с видными следами парезов от винтовки. Два снаряда попали в речку, подняв белые столбы воды, взлетевшие выше леса. Степа побежал туда. Каково же наше удивление, когда он принес штук семь форелей, конечно, некрупных, но и за это спасибо красным артиллеристам. Испеченные на углях – это одна прелесть. Он еще поймал несколько штук прямо руками. У него большая способность на это. Я видел, как он ловил. Сняв рубашку, засовывал руку по плечо под берег и нет-нет вытаскивал оттуда форелей.

Интересно со стороны днем посмотреть на нашу заставу, можно видеть такую картину: Степа верхом сидит на окопе без рубашки и босиком, читает книгу. Через плечо по-английски перекинут ремень, это вместо подтяжек, без фуражки, карабин приклонен к пулемету.

Ден лежит на одеялах и принимает солнечные ванны. Мы так разленились, что было неприятно узнать, что сегодня придется сменить пулемет. Каждую ночь там приходится дергать красных, так что вряд ли можно так спокойно спать, как здесь.

Вечером первый пулемет приехал. Командир роты, увидев наши надутые физиономии, говорит мне: «Если вы не хотите идти, пошлите других». Этим он уязвил наше самолюбие, в особенности Фогеля, который сердито приказал скорее собираться и выезжать.

Проехали мимо имения, свернув в сторону от дороги прямо на Лугу. Новая позиция неважная. Пулеметное гнездо вырыто в железнодорожной насыпи, без шпал и рельс. Насыпь идет перпендикулярно нашему фронту, вся заросла травой. Влево от нас, в кустах – цепь пехоты. Ночью им так и приходится лежать цепью. Очень уж плохая и ненадежная позиция. В кустах вдали видно много трунов, одетых в черное. Это матросы. Когда ветер тянет в нашу сторону, то приносит мерзкий пряный запах гнилого мяса. Вдали пробегают через насыпь матросы, одетые в свою черную форму. Пользуемся случаем, чтобы пострелять из карабинов и, кстати, сделать пристрелку пулемета.

Когда стемнело, пришел первый дозор. Остановились передать нам пароль – «Война-Волга», а, кроме того, покурить просят. Приходится делиться последним. Рассказывают, что все у них удивлены нашим умением воевать.

Так, например, во время наступления красных и особенно сильной стрельбы наши пулеметчики выскочили на бруствер окопа и, стоя и крича по-немецки, начали стрелять по товарищам. Этот случай очень не понравился им. Глупые, не понимают, что это было сделано с целью устроить большевиков немецким видом, а также, чтобы показать им, что прицел, взятый ими, не верен. Солдаты рассказывали, что их начальство сообщило им, что отряд курсантов в две тысячи человек при поддержке матросов находится у нас в тылу.

Они ушли, сказав нам на прощание, что они вполне спокойны, ибо на прорыв посланы Ливенцы. Мы, конечно, их не разуверяли.

По всей вероятности, ночь не будет спокойная, ибо матросы и курсанты в тылу у нас. Конечно, это только мое мнение. Костер приходится устраивать в яме и то небольшой, а то, пожалуй, живо попадешь на мушку. Домик впереди мне очень не правится. Были слышны шорох и разговор в домике, но после наших выстрелов тихо.

1 августа. Степа будит меня с выпученными глазами. В чем дело? Пехота отстывает. Быстро вылезая и вижу поспешно уходящих пехотинцев. Вчерашний прапорщик говорит, что дал приказ о немедленном отступлении. Глубоко в тылу слышна частая стрельба. Так и чувствуешь, что весь тыл кипит.

На фронте пока тихо, но напряжение тоже чувствуется. Ощущаем это уже больше инстинктом. Просил пехотинцев подождать нас, пока мы вызовем двуколку из Малли. Просьбы напрасны, уходят и баста. Степа побежал за двуколкой. Наше положение хуже губернаторского. Замечаем, как неприятельский фронт оживает. Опять начинают пробегать через насыпь, теперь уже без стеснения, группами. Чтобы показать, что мы еще здесь и не ушли, стреляем из пулемета и карабинов, но это не производит уже впечатления. Красные тоже чувствуют, что влево никого нет, а, может быть, и видели отступление пехоты. Теперь они хотят подойти слева, воспользовавшись кустами.

У Килли тоже стрельба, - значит мы сидим в мешке. Придется прорываться. Наконец, приезжает Степа с двуколкой. Кое-как погрузив пулемет и ленты, рысью выезжаем к имению. Степа впопыхах оставил мыло в нашем шалаше, и как ни искал его – не мог найти. Куда-нибудь завалилось. Теперь он громко сетует.

Едем рысью, вернее, бежим за двуколкой по полю мимо прежних застав. Кругом пусто, ни души, все уже давно ушли. По дороге открылся ящик двуколки, и оттуда высыпались француз-

ские книги Степы, но подбирать нет времени, дай Бог унести ноги.

Проехали мостик через речку у мельницы, который так затрясся, что мы удивились, как это еще он не провалился под нами. Проехали лесом до деревни Новоселки. Оттуда опять полем до Ополя версты две или три. Справа от дороги видны люди, весьма подозрительно одетые в черное. Они обстреляли нас. Припустив опять рысью, задыхаясь от жары, усталые и потные, и приехали в Ополье, где встретили всех наших. В Ополье нас встретил кап. Эголин. Поздоровался с нами, смеется: «Вы, господа, кажется, побили рекорд быстроты сегодня. Рысью не сколько верст бежали».

Сейчас всей ротой идем по шоссе к Ямбургу, чтобы сделать на перекрестке шоссе и дороги из Алексеевки на станцию Веймарн заслон с целью задерживать красных и дать возможность отступить армии на Веймарн. Видимо, удержать Ямбург невозможно.

Стоим на открытом поле. Со всех четырех сторон рожь. Пулеметы приготовлены. Из Ямсковиц на помощь нам выезжает наш броневой автомобиль «Россия». Остановился на перекрестке и поднял стрельбу по Алексеевке. Из Алексеевки тоже показывается броневик красных. Бой начался. Наш броневик «Россия» выехал вперед, но, к несчастью, въехал в канаву передними колесами. Пришлось идти вытаскивать его. К счастью, поблизости лежали бревна. Взяв одно из них, подсунули под автомобиль и начали помогать ему выехать оттуда. Большевицкий броневик, увидев эту картину, обнаглел, подъехал ближе и открыл огонь по нам. К счастью, он ошибся прицелом. Было видно, как пули ложатся по шоссе все ближе и ближе к нам. Едва мы успели вытащить автомобиль на шоссе и броситься в канаву, как пули начали барабанить по броне «России».

Ден и Степа побежали в Ямсковицы за лентами, вернувшись, принесли бронебойные. Это будет несколько действительно. «Россия» уехала обратно в тыл, вместо нее пришла «Эстония» с маленьким оружием – скорострелкой. Пулеметы у красных находятся на крышах. Слышно, как идет рассеивание пуль веером; они жужжат, как пчелы. Когда близко, то с характерным сильным отрывистым свистом. Рикошетные же как-то специфически фыркают...

В деревне Мануйлово на нашем левом фланге видны фигуры товарищей. Из Алексеевки опять выезжает их броневик, за ним другой, а у самой деревни третий. Мы поспешно из всех пулеметов открываем огонь. Дав несколько

выстрелов из скорострелки, «Эстония» уезжает из Ямсковицы. Приподняв на прощание один из щитков, кричат, что у них нет патронов и снарядов. «Эстонцы» просто удирают.

Большевики держатся на приличном расстоянии. Отчасти, вероятно, потому, что боятся нашей немецкой формы. Мы по временам показываемся во весь рост. Пусть посмотрят.

Капитан Эголин послал Степу и еще двух забросать броневик по мере возможности гранатами. Но броневик, увидев солдат во ржи, бешено обстрелял и уехал. Перепугались. Наши вернулись – все равно броневик не подпустил бы их близко. Капитан хотел испытать своих солдат. Прошло часа три. По выстрелам красных слышно, что они сидят во ржи. Правый фланг, по видимому, занят ими, ибо пули начали залетать и оттуда.

Броневики скрылись, потому что хотят выйти со стороны Ополя нам во фланг. Адьютант идет опять в штаб. Приходит и говорит, что штаб уже уехал, деревня пуста. Решаем незаметно отойти. Теперь это уже трудно – красные близко. Забрав ленты и пулеметы, сгибаясь, пустились бегом по ржи. Красные заметили. Ноги путаются в стеблях. Мы со своим пулеметом упали раза два, пока добежали до деревни. Наслушались же мы тогда свиста.

Войдя в деревню, начинаем окапываться. Постараемся тут задержаться. Страшно хочется есть. Со вчерашнего дня было некогда.

Пошел бродить по деревне. Зашел в огород. Там сорвал репу и огурцов. Вижу, мужик копает яму, а кругом ставит ящики и насыпает туда землю. Спрашиваю, что он делает. «Да вот, батюшка, когда стрельба-то будет, я и схоронюсь здесь».

Только что мы окопались около какого-то сарайчика, вдруг слышу, что-то громадное со свистом валится сверху. От неожиданности попадали друг на друга в одну кучу. Я очутился на ком-то, меня сверху кто-то тоже придавил основательно, но в первую минуту я ничего не почувствовал, а увидел только, как с оглушительным треском земля и трава от растущей рядом картошки взлетели наверх. Густой дым и пыль заволкли глаза. Через секунду я почувствовал, что на шею ко мне что-то упало горячее. Хватаюсь за нее – земля.

Хотя снаряд уже разорвался, мы продолжаем лежать еще несколько секунд, потом Ден хватается лежащего под ним на мне Степу, трясет его и кричит: «Убит, убит!» У того, действительно, закрыты глаза. «Дурак, - отвечает тот, - просто пыль попала в глаза». Проморгавшись, встает, как ни в чем не бывало.

Подходим к пулемету: рядом в окопчике лежит пехотинец, уткнувшись в землю. После каждого выстрела он лежал минуты две без движения. Со стороны это забавно смотреть. Но все же красные недурно взяли прицел, черт их побери... Я и Степа пошли за репой. Опять свист снаряда. Курьезная картина в огороде. Снаряд попал как раз в ту яму, которую вырыл мужик, разбросав ящики с землею. Мужик бледный, с раскрытым ртом стоит на крыльце. Он только что хотел сесть в яму. Потом, махнув рукой, крестясь, идет в избу. Конечно, все зависит от судьбы.

Постояв до сумерек, выносим пулемет за деревню на двуколку. Там уже все в сборе. Пехота тоже уходит. Просим для прикрытия пулеметов хотя бы взвод. Нам говорят, что будет оставлен. Действительно, оставили, но только тех, кто не может скорее идти, у кого ноги стертые, кто ранен. Вот так прикрытие...

Опять очутились в хвосте армии. Отступаем на станцию Веймарн. Снаряды красных ложатся вправо в лесу.

Уже ночь. Слева горит полустанок. Зарево хорошо освещает дорогу. Картина жуткая. Нервы напряжены до крайности. Отступление куда хуже наступления. Капитан Эголин шутит сквозь слезы: «Говорил же вам командующий армией, что здесь условия войны совсем иные. Здесь, когда становишься во фронт, прежде всего узнай ближайший путь в тыл, а потом уже ищи дорогу вперед». Шли целую ночь, от усталости держась за двуколки.

Встретили нашу пехоту. Солдаты слышали раньше, что вся наша рота погибла. «Теперь мы вас не отпустим», - говорят они. Здорово я устал. Погода жаркая. Словчился и залез в одну из обозных повозок, лег на дно спать. Проснулся под вечер в деревне. Пошли мы со Степой за вишнями, их тут в каждом огороде воз.

Полевые работы уже кончены. Девки и парни поют песни. Вечером устроили танцы на улице. Кожухов пиликает на гармонии, мы же с деревенскими девицами плясали вальс, падеспан и пр. От революции они только танцам и научились, да еще петь романсы. Пели они, между прочим, «У камина». Голоса приличные, но мотив так перевертан, что становится смешно. Потом играли в горелки до поздней ночи. Когда уже стало совсем темно, можно было видеть у каждой избы по парочке, сидевшей на завалинке или просто на земле.

Среди «дам» большим успехом пользуются красные погоны юнкера Павловского училища. Степа со мной танцевал «шибер», чем мы привели в смущение деревенских Джульетт.

На утро дождь лил, как из ведра, пришлось перейти спать в избу, ибо на сеновале плохая крыша, - весь промок.

Приехала эскадронная сестра милосердия. Чувствую, что к ней неравнодушен. Это, вероятно, оттого, что давно не видел ни одной мало-мальски интеллигентной особы. Она уезжает к Деникину. Специально для того, чтобы посмотреть на сестру, прохожу мимо той избы, где она сидит у окна. Должно быть, у меня была глупая физиономия в этот момент, ибо сестра пристально посмотрела на меня и рассмеялась.

- Скажите, пулеметчик, я, кажется, вас видела, когда мы ехали из Ямбурга к фронту.

- Совершенно верно, - отвечаю я, растаяв.

- Не будете ли вы добры помочь корнету поставить самовар, а то он, бедный, не может с ним справиться.

Черт бы его побрал, - оказывается и он здесь.

- Гм, - говорю я, - господин корнет, кажется, привык хозяйничать. - Сестра смеется.

Удивительные люди наши пулеметчики, - слышу я голос корнета, - всегда найдут случай позубоскалить.

Не ожидая дальнейшей ругани, которую бы пришлось выслушать, убрался восвояси. На другой день вечером, когда мы уже хотели идти спать, слышим сигнал строиться. Сейчас выступаем.

На фронте опять неладно. По-видимому, прорыв. Ах, как это надоело... Вышли около двенадцати ночи. Грязь ужасная. Спать до того хочется, что однажды, споткнувшись, упал в колею с водой и чувствую, что засыпаю. На меня чуть-чуть не наехала одна из двуколок. К счастью, кто-то заметил и вытащил меня из грязи. Я понял, что играть в горелки, слишком часто и много, вредно.

Дорога еще хуже, дождь неприятный, холодный. Иногда приходится прямо на руках вытаскивать двуколки с кочки на кочку, ибо лошади вязнут. Наконец, промокнув до нитки и устав, как собаки, приезжаем в деревню Савиновщину.

Хуже этой деревни трудно себе представить; хотя она и большая. Кругом болота. Сунулись было в одну-другую избу, все полно. Весь наш отряд тут. Я залез в избу, где одни офицеры. По их разговорам узнал, что наш полковник (тогда еще подполковник К.И. Дыдоров - и.д. начальника Ливенской дивизии) придет на этих днях из Нарвы. Там он просит дать обмундирование и лучше питать нас.

Говорят, что англичане упорствовали, тогда он, сняв сапог и показывая

портянку, сказал: «Смотрите, даже это немецкое. Все получено не от вас, наших союзников, а от врагов наших». И пригрозил им, если они не дадут нам что надо, он увезет свой отряд обратно в Латвию, для этого надо только спуститься по фронту на юг к Пскову.

Еще прошел один день. Тоска такая, что готов повеситься. Наш эконоом оказался очень запасливым. Сегодня раздал нам по мешочку бисквитов, не будь их, мы бы прямо умерли от голода и скуки. Ибо, когда были розданы бисквиты, то сразу все были сыты и у всех нашлось занятие: начали играть на них в карты. Лично я играл удачно, ибо в итоге прибавилось полмешка сверх того, что я съел, хотя никто не жаловался на проигрыш.

Как видно, в этом мире все повторяется, включая библейский случай с насыщением пяти тысяч 12 хлебами. Или, наоборот, двенадцати тысяч 5 хлебами, - сейчас уже не помню, как это там было, в общем, кончилось все обоюдным удовольствием.

Пошел в лес со Степой, - может быть, попадет что-нибудь из дичи. Бродили, бродили, но толку никакого. В этом медвежьем углу, видно, и зверю не живется. Попало немного грибов, но и те оказались гнилыми. Степа заболел, видимо простудился. После такого перехода под дождем и не мурено, да и вообще здоровее у него неважное, хотя он такой цветущий на вид.

Завтра какой-то праздник. Должно быть, Господь Бог смилостивился по этому случаю над нами.

Выглянуло солнце. В деревне так грязно, что на празднике девицы, желая танцевать на улице, вынуждены делать это на бревнах, которые лежат около каждой избы в изобилии. Сразу видно, что после революции мужики набросились на лес и рубили, не думая, нужен он или нет.

Взяв ранцы из обоза, идем в баню. Это самое большое удовольствие на войне. Чувствую себя совсем слабым, ибо в бане Шишов меня выпарил веником. Никогда не предполагал, что это довольно приятно.

Чай пьем в стаканах. Это уже роскошь; вдобавок с молоком. Из стакана пить гораздо вкуснее, чем из кружки. От нее получается всегда металлический привкус. Баба очень добра к нам; принесла на ночь даже матрасы. А когда я подарил ей катушку ниток, то благодарности не было конца.

От матушки через штаб я получил письмо. Она перебралась в Ревель. Спрашивает, нужны ли мне деньги. Написал ей спокойное ласковое письмо. Зачем мне на фронте деньги? Вспомнил наш дом и стало грустно...

Ну, ничего, матушка! Даст Бог, скоро все соберемся вместе.

Пошли в церковь Старополье. Сегодня полковой праздник преображенцев. Под этим именем есть и сейчас полк у Деникина. В церкви было много народу, преимущественно из крестьян, бабы.

Была отслужена панихида по убитым Государе Императоре и Наследнике (они ведь были преображенцами) и обо всех вообще преображенцах. Вся церковь плакала навзрыд. Видно сразу, насколько большевики и вообще вся революция в России явление наносное и ненормальное.

Стоим уже дня четыре. Опять начинает надоедать. Наконец-то на восьмой день выходим. Чтобы веселей идти, Кожухов играет марш на гармонии, идя впереди двуколок. Дорога знакомая - опять Замосье и Засосье.

Идем в Ложгалово. По дороге попадает баба. Спрашиваем, далеко ли до Ложга лова. «Не знаю, кормильцы». - «А ты сама откуда?» - «Я из Ло`жгалова». Боже, какая старость. Поставь ударение на другой слог и она уже не понимает слова. Шли быстро. Мы, кажется, побили рекорд скорости: по семь верст в час. В Ложгалове встречаем наших.

Юнкер Павловского училища ранен в рот. Он сейчас у нас в избе; рот завязан. Пуля разорвала губу и выбила пять зубов, но потом застряла. Очевидно, она прошла прежде через дерево, - изо рта вместе с пулей вытащили маленькие щепки.

Вечером вышли из леса к Луге. В темноте ничего не вижу. Помню, что мы шагали через какие-то окопы, потом переходили по двум бревнышкам через ручей, куда я впотымах чуть не свалился, вместе с пулеметом.

Шли приблизительно с версту, пока не вышли к заставе, куда надо. Это горка. Встретил нас какой-то прапорщик. Пока предоставил нам поместиться в шалаше из срубленных берез. Очень удобно. Влево на версту видна река. Вот только вправо плохо; там, говорят, брод. Да это и видно - вода сильно журчит. Наш берег везде высокий. Как раз напротив хуторок, на самом берегу. Вправо, почти против нас - группа высоких деревьев, в них стоят качели, еще правее - поленицы. Мелкий лес там подходит почти вплотную к реке, оставляя неширокий кант луга. Положение нашей горки прекрасное, выражаясь военным языком, командное. Степа опять расхваливает позицию так же, как и тогда под Ямбургом. Мы ему заметили, что когда-то он говорил про последнюю, как про «лучшую». «Ну да, ну да, господа, вы увидите, как завтра мы сделаем гнездо».

Под обрывом у нашего берега стоит дырявый челнок, почти до краев в нем вода. Прапорщик говорит, что в нем есть солдаты, которые сейчас спят в землянках, за исключением постового, ездят к красным менять белый хлеб на табак.

Ден предлагает завтра вызвать красных и обстрелять из пулемета, на что мы, конечно, соглашаемся. Но солдат говорит, что ротный командир не поблагодарит нас за это, ибо курить очень хочется. Согласны с ним, только с условием, чтобы завтра же был табак. На этом порешили и идем спать.

Утром просыпаюсь от сырости. Развертываю одеяло, в котором был завернут, на нем в буквальном смысле слова лужа. Идет дождь. Одеяло настолько намокло, что не впитывает уже воду.

По берегу кое-где с самым беззаботным видом гуляют красные. Ощущая зуд в руках. Эх, хорошо бы стрелнуть раз или два, прицеливаюсь так и этак, но вспоминаю ротного и табак.

На опушке леса в кустах стоит сарай или сеновал, за ним поднимается дым. Красные что-нибудь варят. У них удобно ночевать; вероятно, в сеновале.

Один из солдат принес хлеб и сало. Сейчас же поехали за табаком. Из нас никто не решился ехать. Черт его знает, это может в конце концов скверно кончиться. Потом они там меняли на берегу, мы стояли в окопе, наводя карабины и пулемет на красных на всякий случай. Меняют быстро, видимо, все-таки боятся друг друга.

Красные одеты кто в чем, некоторые в черном. Взял у прапорщика бинокль посмотреть: видно насколько они грязны, хотя одеты во все целое. Сапоги тоже ничего, но трудно представить, как можно ходить в такой грязи. Мы находимся в таких же условиях, как и они, но почему же они не стараются быть чище?

С удовольствием закурили, табаку настоящего уже не видели больше месяца. Получив табак, опять условились: когда выстроим блиндажи и выроем гнезда, потихоньку от ротного все-таки угробить большевиков, предварительно наменяв побольше табаку. А то, что же это такое? – входить в какие-то соглашения с большевиками, гулять по фронту, как у себя дома.

Прапорщик говорит, чтобы мы не особенно-то расхаживали открыто в своей немецкой форме. Мы до того обнаглели, что воду стали брать прямо из Луги на глазах у красных. Для этого приходилось спускаться по откосу к воде. В случае выстрела со стороны красных смерть неминуема. Они, небось, боятся это делать, хотя им удобнее ввиду плоского берега.

Солдаты полны уважения к нам. Ходят за супом и хлебом, рубят дрова для костра и помогают нам строить землянки. Ночью делали гнездо. Меня муравьи больно искушали, поскорее побежал переодеться. С землянками не клеится, лень делать солидно.

На фронте все еще тихо. У нас ничего нового. На соседней заставе начальником назначен вольноопределяющийся еще царского времени Эрсон-еврей. Бедному страшно хочется получить производство, но не выходит.

Интересно посмотреть, какое у него обмундирование. Брюки он надевает так: сначала одну штанину, потом другую. Они у него так сносились, что трудно узнать, что было раньше. Сапоги без подошв. Последние он приматывает к ним телефонным проводом. Комик; он так не терпит немцев, что, когда в Либаве ему предложили взять немецкую форму, он отказался.

Уже прошло полторы недели, а все спокойно...

Должно быть, я сглазил: нежданно-негаданно приходится отступать. При этом моментально, без всякой видимой причины. Фон Ден меня возмущает. Во-первых, его не было целых полчаса. Он, видите ли, мылся. Ну и выругал же я его. Он же еще и в амбицию вломился. «Вечно вы, Соломин, неприлично ругаетесь, и вообще я с вами не разговариваю». – «Да я с вами и не разговариваю, а говорю вам», - отвечаю я.

В то время, как Степа уходит, нагружившись станком от пулемета и лентами, я же беру ствол пулемета и ленты, вылезает Ден из своей землянки. Вид у него такой: через руку перекинута одеяло, под мышкой подушка, под другой шинель, в руке тросточка и шапка, на голове каска. Обращается ко мне: «Соломин, окажите мне любезность, захватите, пожалуйста, мою сумку и фляжку».

Если бы не злость за отступление, я бы лопнул от смеха, глядя на него. Выругав его опять на чем свет стоит, заставил взять ящик с лентой и бак для воды.

На другой день перешли опять на пулеметную горку.

Между прочим, пехота при своем возвращении застала на берегу двух своих оставшихся солдат. Они занимались тем, что заколачивали дырявый челнок, чтобы переехать к красным. Их сразу арестовали. Они признались, что были еще коммунистами в Риге и поступили в отряд, чтобы спасти шкуру. Им предложили самим повеситься на качелях одного из хуторов, дав им веревки, что они и сделали. Перекинув через перекладину петли, встали на свои каски, а потом вышибли их из-под

себя ногами. Повисли они на каких-нибудь два вершка от земли. На другой день приказ – произвести демонстрацию по всему фронту. Наши стреляли первый раз из пулемета.

Несмотря на демонстрацию, пехотинцы опять ездили за табаком. Не знаю, верно ли это, но мне рассказывали, что один наш солдат, когда красные ему мало стали давать табаку, пошел к ним в землянку, набил там одному морду и, забрав лишние три осьмушки, возвратился обратно.

Идут дожди. Обмен табаком совсем почти прекратился. После демонстрации мы начали каждый день стрелять по красным. Степа угробил уже одного. У меня была сегодня ссора с начальником хозяйственной части. Возмутительно: кухню привозят чуть ли не за 4 версты от нас. Придя за супом, я заметил повару, что, кажется, можно было бы подвозить ближе, а то пока идешь, все остынет. На меня набросился начальник: «Небось у красных жрать не давали, так не разговаривали... Подумаешь, фрукт!» Тут я обозлился, тем более, что помню, как мы его самого под Ямбургом взяли в плен. «Я не из тех, которые служат то у красных, то у белых и переходят туда и обратно, когда это выгодно», - говорю я. Покраснев, как рак, спросил, на кого я намекаю. «Понимайте, как хотите», - отвечаю я. Живо отвязался. Теперь привозят суп в специальной кадке для нас к нашей двуколке.

Какая масса змей здесь. Видим их ежедневно. Прапорщику Фогелю, видимо, надоела артиллерия, ибо он всегда около одиннадцати часов, когда бывает обстрел, отправляется пить чай к ротному командиру и сидит там до вечера, сказав перед уходом Степе:

- Субботин, вы остаетесь за меня.

Чтобы подчеркнуть его уход, я говорю Шишову: «А вы останетесь за меня», - что приводит в смущение Фогеля.

Занимаюсь тем, что практикуюсь в стрельбе, расстреливая шрапнельные стаканы, а Фогель занимается тем, что бьет в лесу белых.

Ходил сегодня за грибами, здесь много растет на берегу маслят, но собирать надо осторожно, ибо можно от красных получить пулю. Набрал их массу, а свинья Степа, взявшись чистить, так вычистил, что осталось их на доньшке в котелке. Потом играли, бросая друг в друга пустыми гильзами. Дело кончилось скверно: Фогель разбил Степе нос, гильза влетела ему в ноздрю.

На том берегу мужик пашет поле. Он просил нас не стрелять напрасно по домику, а также по лошади, которую он выпустил пастись. Мы обещали. Один

из красных читал сегодня нам из домика газету. Менялись сегодня с ним. Они дали «Известия», а мы им наши газеты. Пусть читают – это им полезно.

Сегодня для нас ужасный день.

Я пошел на ручей мыть картофель, прихожу обратно – на заставе никого не вижу, валяются фуражки, постового нет. Бегу в землянку. У потухшего костра спит пулеметчик. Разбудил его, ничего не понимает. Выставил его пока на пост. Иду на соседнюю заставу узнать, что случилось. По дороге встречаю Фогеля и Степу, руки у них в крови.

- В чем дело?

- Ты разве не знаешь? Ден ранен.

- Тяжело?

- Кажется, да.

За ним пришел солдат от ротного, который звал его играть в преферанс. Они пошли по обыкновению берегом. С той стороны выстрел, затем другой... Солдату попало в винтовку, а после третьего выстрела упал фон Ден. Наши видели, как он поднял карабин, выстрелил в воздух, они бросились к нему. Пуля попала ему в таз и вышла в паху. Ранение очень неприятное. Перевязав его и взяв на руки, перенесли к двуколкам, а оттуда Шишов поехал с ним на телеге до штаба батальона. Бедный Ден – у него такие красивые руки. Славный он все-таки малый и не трус. Ему нужно было отбросить лишнюю гордость и упасть после первого выстрела. Но теперь уже поздно рассуждать.

Со злости вытащили пулемет, против того ржаного поля, откуда стреляли красные, и начали поливать. Степа наблюдательно пункта видел, как изоржи выскочили трое, но были скошены нами. Теперь мы зададимся целью всячески беспокоить красных.

Варим картофель, делаем из него кашу с салом. Стоя на посту ночью, услышал кашель красного постового и тихий разговор. Заметив место, вызвал наших, и мы залпами обстреляли его. На утро пехота на левом фланге ездил за табаком. «Что это ваши сволочи немцы (примечательное определение Ливенцев из-за их формы – прим. сост.) стреляют? Сегодня ночью опять убили у нас двоих», – жалуются красные.

Степа на этой неделе ухлопал еще двоих, одного очень удачно на 600 метров, была видна голова и чуть-чуть плечи. Фогель тоже одного ранил, орал во всю глотку. Мне не везет, не могу никого заметить.

Время теперь холодное. Особенно ночью. Иногда бывает туман, и очень густой. Мы пользуемся им, чтобы пугать красных. Делаем так: набираем камней, поленьев, чурбанов, приносим их к обрыву берега, размещаясь один от другого на некотором расстоянии.

Ждем сигнала. Фогель кричит во всю глотку: «Роты, к плотам!» Мы сбрасываем под обрыв заготовленные камни. Последние, катясь вниз, захватывают с собой песок и мелкие камушки, с шумом падают на берег и в воду. Мы тоже сбегает вниз и плескаем водой. С того берега – сразу же стрельба и слышен переполох. Нам не раз удавалось так обмануть красных. Потом: «Испугались?» – «Идите к черту», – отвечают они.

Мы так устали в течение этого времени – не спали, как следует, ни одной ночи, – что только и ждем, когда нас сменят. С сегодняшнего дня решили не есть раков по следующей причине: в Луге лежит дохлая лошадь около берега. Видели, проходя мимо, что весь вздувшийся живот покрыт раками. В глазной впадине тоже рак, оттуда торчит только его хвост. Фу, какая мерзкая картина.

Осень берет свое: осыпаются листья, журавли летят к югу. Когда они пролетают над нами, начинается стрельба. Стреляем и мы, и красные. Весь участок фронта оживает. Но журавли, как ни в чем не бывало, летят дальше и только иногда теряют свою углообразную форму и разлетаются в одиночку.

Стоял сегодня на посту. Приходит Фогель; прислушивается, вскидывает карабин и стреляет вниз по откосу. Через момент еще. Я удивлен. В чем дело? – Стоит туман, капли его осаживаются на холодных листьях деревьев, скатываются на землю. Этот шорох он услышал и ну стрелять. Вообще у нас нервы испортились за это время. Я тоже принял однажды отдаленную стрельбу под Ямбургом за шум от лодки, которую, как мне показалось, тащили по реке, и только бросив ракету и увидев, что все в порядке, напрягли до крайности слух, сообразил, что это стрельба.

Стоя ночью на посту, разглядываешь небо, – какая масса звезд! Иногда в тихую погоду слышишь, как у красных в тылу идет поезд.

Сегодня Степа ушел на пост, а я сидел у костра, чтобы вовремя дать ему смену. Не проходит получаса, как он является, спокойно ставит карабин к землянке и говорит:

- Удивительно, как скоро идет сегодня время.

Придя в себя от изумления, спрашиваю его:

- Степа, почему ты уходишь с поста до смены?

- Как? Да ты же выслал ко мне Шишова на смену. Я ясно видел, как он пришел и стал на опушке.

Я вызвал Шишова из землянки, где тот спал, чтобы убедить Степу. Отпра-

вил его обратно на пост. Черт знает, как расстроены нервы! У меня даже не мелькает мысль о надувательстве Субботина, ибо кто-кто, а он бы не сделал этого.

По вечерам в болоте иногда садятся на ночевку пролетающие на юг гуси. Но как мы ни старались к ним подобраться, ничего не выходило. Очень они чуткие. Услышав маленький шорох, с гоготаньем улетают. В болоте много клюквы, вероятно, они жрут ее.

Вечер, отлет птиц и туман почему-то напомнили мне Волгу. Как тогда, дома. Птицы летят, и мне кажется, что они летят от Ярославля.

Наступление.

11 октября. Прапорщик сообщил по секрету Степе и мне, просил нас молчать, – сегодня мы наступаем. Слава Богу, наконец-то долгожданный день наступил. Новым нашим солдатам мы и виду не подали. Только Степа по обыкновению набрал патронов не только в подсумки, а и в карманы. Выдают нам хлеб и сало на три дня. Вернее, даже без всякого счета, так как обоз не сможет следовать за нами. Прикрывать переправу будет наш пулемет. Это льстит нашему самолобию.

Ночь с 11 на 12-ое. Мы у места переправы. У берега лодки, большие баркасы и челноки, сколоченные для большей устойчивости по два. Стягиваются войска.

Несмотря на то, что мы знаем о наступлении, как-то не верим – так тихо. Говорим шепотом. Луна светит ярко. Степа проверяет прицел. Становлюсь на колени рядом с пулеметом, удобнее подавать ленту. Господи, благослови!.. Сейчас лодки выедут из речки в Лугу.

Показывается челнок, за ним другой, третий... Все они соединены друг с другом веревками. Гребут плохо.

Два-три выстрела. Слышно, как кто-то на том берегу бросает винтовку, слышен топот убегающих ног. Заметили. Артиллерия красных открыла огонь.

Ехали с песнями, нисколько не стесняясь соблюдать тишину. Река взволнована всплеском весел массы лодок. Подхватив пулемет и ленты на руки, идем быстрым шагом к деревне Поречье. Мы уже взяли несколько пленных и, хотя, как условились, в течение трех дней не брать пленных, чтобы не обременять себя, по случаю такой удачной и веселой переправы, отправили их к лодкам, чтобы там они сами уже попросили перевезти их к нам в тыл.

Часть выданного хлеба дорогой выбросили, ибо не в чем его нести. На рассвете подошли к Юрмам, забирая в плен отставших от своих отступающих

частей красноармейцев. Просто показывали им дорогу к месту переправы. Все равно никуда не убегут. Выходят они как-то неуверенно, как зайцы из леса, без винтовок.

Утро холодное. Иней. Из набранных красноармейских винтовок разложили костер. Стоявшая в деревне инженерная рота смята. Взятые два пулемета вместе с прислугой.

Часам к пяти подходим к Молосковицам. Бабы с радостным криком бросились навстречу.

- Голубчики, наконец-то и вы пришли.

До станции чистое поле версты на три. Издали заметна суматоха. Пыхтят паровозы. По дороге от Ямбурга показывается белый дым, и товарный поезд катит мимо станции к Петрограду, за ним другой, а сзади бронированный.

Один из взятых пленных накануне был назначен на наш пулемет для носки лент во время боев. Не успели мы оглянуться, как он, пользуясь толкотней, дал тягу. Фогель по этому поводу сильно дулся на нас. Субботину даже сказал со злости:

- Вы больше не первый номер.

- Слушаюсь, - ответил тот, ухмыляясь.

Я же лично доволен, что «товарищ» удрал. Меньше навоза - хлев чище, - есть такая пословица.

Соседний пулеметчик в бою под Молосковицами приобрел лошадь и теперь гарцует на ней. С нашим прапорщиком, видно, каши не сварить. Он никуда нас во время боя не отпускает. Чем мы хуже этого пулеметчика, теперь имели бы лошадь, а то прямо завидно. Ездит себе верхом и никаких гвоздей.

Сегодня ночь такая холодная, что лужицы на дороге покрылись льдом. Стоять на посту холодно; хорошо, что перед наступлением нам выдали теплые вязаные фуфайки. Луна светила, что называется, всю, далеко кругом видно.

Далеко, далеко слышно, как шумят красные. Ночью несколько раз было видно, как наш третий полк бросал ракеты. Мы тоже давали знать им белыми ракетами о нашем местопребывании. Приятно знать, что другие части тоже продвигаются вперед. Настроение великолепное.

14-го сентября. Утром выступаем дальше. Хотя дождя нет, но пасмурно. Мост через Лугу уже навешен.

Интересный пленный у нас появился. Бог его знает, откуда он взялся. Идет рядом с ротой неизвестный солдат. Мы думали сначала паш, только какой-нибудь другой роты, ибо на рукаве у него белый крест. Ротный ко-

манدير обратил на него внимание. Его окликнули. По-русски едва говорит - башкир. Один из солдат, оказывается, его заметил еще в Ельшах и переменял свою плохую шинель с крестом на хорошую, снятую с этого типа. Оставили его в покое.

Местность угрюмая: кусты и кусты. Едва стемнело, вдруг впереди идущая команда разведчиков пустила красную ракету. Стрельба началась. Конечно, опять в цепь, опять снимаем пулемет и надеваем каски. Накрапывает дождь. Рысью подвезли орудия, сняли с перекладки, уведя лошадей. Два снаряда полетели в деревню.

Подхватив с Субботиным и Шишовым пулемет с криком «Ура! Вперед на Петроград!» бросились по дороге к деревне, обгоняя пехоту. Наш прапорщик бежит рядом и на ходу приговаривает: «Вот это я люблю! Вот это я люблю!»

Пулеметчики первого полка последовали за нами.

Пехота, увидев такой оборот, крича: «Даешь Петроград», бросается тоже. Валим прямо по дороге. Вперед бежит третий батальон и для большего эффекта кричит: «Дай дорогу кавалерии!»

Стрельба утихает... Потом слышен грохот колес удирающих красных. На дороге стоит кучка людей, тормозящая движение. Это пулеметчики, которые бежали с нами. Их первый номер Пинин убит. При свете спички вижу - лежит он на спине. Пуля попала как раз в переносицу, выйдя в затылок. Убит наповал. Рана настолько свежа, что кровь на лице еще не успела запечься. Бедный Пинин, храбрый был парень.

Деревня занята. Войдя в хату, мы видим всех офицеров нашей роты, они уже пьют чай. Приглашают и нас. Подсаживаюсь с Субботиным к столу. Хозяйка жарит белый хлеб в свином сале, запах которого щекочет обоняние.

Ротный командир ввиду наших заслуг при взятии деревни на радостях отменяет пост нашего пулемета. Фогель польщен сего вниманием.

- Субботин, вы можете опять занять место первого номера, - говорит он.

15-го сентября. Часов в 10 утра были похороны убитого Пинина. Тремя залпами его соратники отдали последнюю честь.

Деревня Нисковицы показалась очень угрюмой и неуютной, возможно оттого, что было жаль Пинина.

По Ямбургскому шоссе идем с песнями. Видно, что красные удрали, сломая голову. По дороге то тут, то там падают сломанные ящики со снарядами и патронами. Иногда около дороги в канаве лежит двуколка или поход-

ная кухня со сломанными колесами. На телеграфных столбах кое-где приклеены лубочные картины, изображающие буржуев, попов и т.д., и простые белые прокламации. На одной из них напечатано: «Солдаты Юденича, спасайтесь с тонущего белогвардейского корабля».

На пути попадаются иногда небольшие деревни, их даже можно назвать хуторами; всего два-три крестьянина.

- Где же красные, - спрашиваем мы.

- Да были, батюшка, но вчера еще уехали, говорят на Кипень.

Деревни очень бедны. Наш хозяин говорил, что красные его совсем ограбили. Показал нам такой хлеб из жмыхов, что от одного вида стало неприятно в желудке. Эта черная плоская лепешка настолько тверда, что разбить ее можно только молотком. В середине она желтая. Прежде чем есть, надо размачивать кипятком. Это тихий ужас. До чего товарищи дохозяйничали. Смешно думать, что в России нет хлеба, народ мрет от голода.

У меня сапоги начинают лопаться по швам. В них забирается жидкая грязь. Очень неприятно. Кажется, нет худшего ощущения, чем сырые ноги. Крестьяне опять говорят, что все большевики удрали в Кипень.

- Сколько их? - спрашиваем мы.

- Ой, батюшка, видимо-невидимо, - говорят они.

Не доезжая до шоссе, слышим стрельбу. Опять заплелись пулеметы. Перед шоссе маленький хутор. На крыльце одной избы фельдшер перевязывает раненого в живот из первого батальона.

Не останавливаясь, быстро идем дальше. По канавкам вдали видны серые убегающие фигуры. Это башкиры. Они поджидали нас, думая, что мы пойдем по шоссе. Случайно мы на них наткнулись во фланге. Пулеметы были выставлены вдоль канав и открыт огонь. Дрались здорово.

Из деревни несется какой-то дикий вой. Влетев туда, видим картину: человек триста башкир стоят в одной куче, подняв руки, и от страха воют, да таким голосом, что нам становится жутко. Попадаем мы в их лапы, воображаю, что бы они с нами сделали! Видя, что мы возьмем все же деревню, они стреляли до последней крайности прямо в упор, а теперь, видя, что удирать уже поздно, сдаются. Некоторые из их пулеметчиков стреляли до тех пор, пока мы не подбежали к самому пулемету.

В гору поднимаются одиночные плешные. Некоторые из них расстегивали гимнастерки и показывали кресты, давая понять, что они не башкиры.

Сзади идет тип с самой такой азиатской рожей и тоже роется на груди.

Едва вышли из Высоцкого, как поднялась канонада. В наступившей темноте можно было видеть расположенные полукругом многие батареи. Стреляли с Красносельской стороны, немного левее деревни, прямо по шоссе и справа со стороны Гатчины.

Стреляли удачно. Шрапнели крупных калибров рвались над крышами, посыпая их, как горохом, пулями. Нет-нет, разрывались и гранаты, делая на шоссе воронки, срывая крыши и дымовые трубы.

Подводу мы поставили за избу. Вывели пехоту из деревни, чтобы не было напрасных жертв. Я же, сидя на заваulinке с противоположной стороны от обстрела, каюсь, весьма и весьма часто кивал головой при слишком близких разрывах, благо этого никто не видел, ибо обозники скрылись с самого начала неизвестно куда.

В течение часа в деревне был прямо ад. Снаряды исковыряли почти все избы. В одном месте вспыхнул пожар на сеновале, и он, как свечка, при тихой погоде, мигом сгорел.

Будем здесь отдыхать четыре часа. Я сказал Субботину, что уже несколько раз, как только начинался бой, мне хотелось посмотреть на себя в зеркало. Мысль эта очень назойлива. Он ответил, что это первый признак идиотизма. «Ну да, ведь я всегда говорил, что ты маньяк и дурак известный», - закончил он.

В 12 часов вышли на Красное Село. До него 10 верст. Идем по грунтовой дороге рядом с шоссе, дабы не вызвать шумом артиллерийского огня противника и не дать раньше времени заметить нас.

Степа принес печальную весть. Лозин, пулеметчик третьего полка, наш шестнадцатилетний друг по пулеметной роте, убит в первый день наступления под мызой Ивановской. Пуля вырвала ему полчерепа. Говорят, что у него было предчувствие смерти во время раздачи бинтов перед боем. Он отказался от них, сказав, что ему не надо. Славный был малый, царство ему небесное.

Что делать, все мы под Богом ходим. Не он первый, не он последний. В Высоцком его похоронят. Сначала хотели везти за собой вплоть до Петрограда, но он начал портиться.

Не доходя Красного Села версты две, при свете луны увидели левее от дороги хуторки, а на шоссе черное пятно. Подошли ближе. Окопчик. Стоит пулемет «Максим» и около него, завернувшись в шинель, спит солдат. Растолкали его. Со сна он хотел заорать, но ему вовремя успели заткнуть рот.

Это курсанты, шедшие на помощь башикирам в Кипень. Не думая, что мы можем ночью двинуться дальше, они спокойно устроились на хуторах, выставив пулемет на дорогу. Их 60 человек.

После бессонных ночей постовой заснул. Одна рота отправилась на хутор взять их. Подойдя к избам, солдаты закрыли выходы и тут же переловили курсантов, как цыплят.

Броневые автомобили опять едут вперед. Вот и оно!

Войдя в Красное Село без сопротивления, поворачиваем вправо по дороге к Гатчине. Наш полк едва бредет от усталости... Скоро рассвет. Шоссе идет около железнодорожного пути. Сейчас будет Дуденгорф на берегу озера и станция. Впереди раздается крик: «Кто идет?» Некоторые отвечают ему наугад пароль: кто «замок», кто «винтовка» или просто «свои товарищи». Он, видимо, сообразил и выстрелил. Раз, два. Выстрелы сиротливо шелкают в темноте. К нему побежали наши. Еще несколько выстрелов и все тихо. Ему пришел конец.

Рассвет едва брезжит. Видны очертания станции, а напротив, на горе - Дуденгорф. Местечко красивое.

Занялись порчей пути. Две колее. Спросили у будочника, по какой должен идти поезд. Нет с собой пироксилина. Связав несколько немецких гранат, подложили их под путь. Гранаты взорвались, но рельсу только выгнуло, и поезд спокойно мог пройти. Тогда, наложив массу рядом валявшихся шпал и укрепив их, мы отошли на горку. Орудие поставили рядом с рельсами, направив его в сторону Гатчины. Стали ждать.

Едва успели забраться на горку, как показался поезд от Гатчины. Товарный, красные вагоны. Мигом сбегает вниз. Убрав лошадей с пулеметами за станционную будку, ложимся рядом с пехотой, рассыпавшейся в цепь с одной и другой стороны пути.

Артиллеристы дают выстрел по поезду. Мимо. Поезд уже рядом. Открываем стрельбу по вагонам. Сначала кажется, что они пусты, но, присмотревшись внимательно, вижу в одном из них сквозь отодвинутую дверь фигуры растянувшихся людей. Огурский обстреливает из пулемета. С поезда отвечают, хотя в такой суматохе трудно разобрать, ибо треск наших залегших с другой стороны даже заглушает шум поезда.

Поезд идет по другому пути, а не по указанному стрелочником и заваленному нами. Наконец, последний вагон проплыл мимо. Все равно не уйдет в Петроград. Наши в Красном Селе!

Полк идет в Дуденгорф. Поднима-

емся в гору. Только начинаем размещаться по избам, как показывается другой поезд, тоже товарный. Орудие устанавливают для обстрела. Первый же выстрел попадает в паровоз. К удивлению нашему, поезд продолжает путь, хотя ход замедлен. Воображаю испуг машиниста.

Ура! Поезд идет по испорченному пути. Вот он подходит к наложенным на пути шпалам и останавливается, но к удивлению нашему, не потому, что ему мешают шпалы. Он сбрасывает их с пути, как ни в чем не бывало. Машинист решил, вероятно, лучше остановиться, чем ждать новых сюрпризов.

Поезд пуст. Вылезает только какой-то китаец и две женщины. Машинист, крестясь, смотрит с паровоза, как подбегаем мы. Китаец же хладнокровно подходит с заявлением: «Твоя моя расстреляй, моя доброволец». Ухо улавливает, когда пули шлепаются в голову. Несмотря на близкое расстояние, звук характерный, - как будто кто-то шелкнул пальцами...

Удивительная кровь у китаецка - темная. Ни у кого другого не замечаешь такой.

18 октября. Приехал полковник (Дыдоров - прим. сост.).

- Орлята, - сказал он, - заветная мечта скоро осуществится. Мы у ворот Петрограда! Еще усилие, и он наш. Главные успехи сделали мы. Сейчас другие части нашей армии стоят под Гатчиной. Может быть, ночью она даже взята, но на всякий случай надо придти к ним на помощь и заодно очистить окрестности от неприятеля, а потому второй батальон отправится сейчас для удара на Гатчину с тыла, а первый и третий пойдут в Красное Село! С Богом, орлята, на пушного красного зверя!

Господи! Стоя на дежурстве, мы видим огни Петрограда!

Выступаем. На пути через две версты - Тайцы. Дальше. Рядом с дорогой бегут откуда-то взявшиеся два ягненка. Спрашиваем разрешения у прапорщика подстрелить их на ужин. Не дал.

По дороге селение. Стоит чай-то обоз. Навстречу, подняв руки, идут сдаваться в плен красные. Это курсанты пулеметной роты со своими пулеметами, лошадьми и двуколками. Некоторых частей у пулеметов нет.

«Зачем же вы их испортили», - строго спрашиваем мы. Оказывается, самые ярые большевики, разбросав и попортив замки, удрали. Сдавшиеся остались по своему желанию. Один из курсантов говорит, что в лесу есть еще один пулемет. Курсанта, указавшего его, без дальнейших разговоров взяли в роту. На нем форменная шапочка-пе-

релетка. Она как-то режет глаз среди наших фуражек и касок.

Из Гатчины слышим колокольный звон. Полковник не ошибся - она взята. Послав троих узнать подробности, остановились на привал. По дороге к Царскому Селу двигаются наши. Их серые колонны на расстоянии сливаются. Кажется, что движется что-то целое, большое.

Вернулись посланные. Рассказывают подробности взятия Гатчины. Взял ее Талабский полк. Наши заметили на одной из улиц веревку, перекинутую из дома в дом. На ней повешено семь комиссаров. Население настроено празднично.

К вечеру приходим в Красное Село. Останавливаемся в бывшем дворце. Боже, как он загажен. До нас тут стояли красноармейцы. Стены - и те исцарапаны разными надписями. Про пол уже и говорить не стоит, - это хлев. Ни стула, ни стола; даже дверные ручки сняты. Многие стекла побиты и окна заткнуты соломой.

Мы поместились отдельно от пехоты в двух комнатах. Там и тепло, и довольно чисто.

Мы сделали жаркое из мяса, которое я достал по дороге в Гатчину. У курсантов в одной из телег нашли целую воловью ногу. Рота решила сварить суп. Но, размыслив, что для всех этого будет мало, мы стащили с ротной повозки мясо и спрятали под брезентом около пулемета, т.е. попросту украли.

Бифштексы сделали отличные, поджарив на шпекке с картофелем. Мы, конечно, пригласили с нами пообедать и женщин. Они говорят, что давно не ели так вкусно.

Дочери пожилой женщины рассказали о встрече третьего полка. Многие бросались к нашим на шею, целовали, плакали.

19 октября. Проснулся разбитым. Вместо того, чтобы отдохнуть после почти спокойного сна, чувствуем себя неважно. Ноги ноют от пройденных больше сотни верст, голова тоже болит. Вымывшись холодной водой, прихожу понемногу в нормальное состояние.

Большевики, не переставая, гвоздят снарядами по Красному Селу. Напротив через улицу стоит церковь и туда то и дело залетают они. Главным образом, огонь направлен по станции и по Павловской Слободе.

Сейчас выходим дальше. Против дворца полк в порядке строится колонной. Красное буквально ожило с нашим приходом. По улицам гремят подводы, везде - группами и в одиночку - солдаты.

- Нале-во! Шагом марш!..

Мы двинулись вперед под аккомпанемент рвущихся неприятельских снарядов. В городе они как-то не имеют такого эффекта, как в открытом поле. Возможно, потому, что каждый дом кажется хорошей защитой.

Не доходя до Павловской Слободы, свернули налево. Идем самым высоким красносельским холмом. Холмы идут уступами к Петрограду.

Вид поистине великолепный. Прямо перед нами Финский залив, а немного правее, чуть-чуть в дымке, Петроград. Буквально все на ладони. Видно даже без бинокля. Исаакий своей темной позолотой купола возвышается и выделяется по-прежнему. Разве немного стал темнее.

Левей Петергоф на небольшом холме, окруженный полями. Боже, как близко мы у цели! Всего 25 верст осталось до Петрограда. Если бы не надо было идти, то с наслаждением простоял бы на холме целый день, рассматривая в бинокль окрестность. Вдали, на берегу залива, Ораниенбаум...

Всю поэтическую местность нарушает грохот большевицкой артиллерии. Стреляют по шоссе от Красного к Стрельне. В полях то там, то здесь снаряды вздымают столбами черную вспаханную землю. Спускаемся с первого уступа на второй. Лишь только наши второй и третий батальоны вышли за деревню к Владимировке, как оттуда поднялась стрельба. Наш батальон еще в деревне. Я занят тем, что ем кочерыжки от кочна капусты, срезанного в одном из огородов.

Владимировка взята... Впереди Сергиев погост, но он еще в девяти верстах, а теперь мы должны взять дачи. На протяжении девяти верст они стоят отдельными усадьбами недалеко друг от друга. Оттуда-то и идет стрельба - упорная и сильная. Это засели коммунары.

Пленные во Владимировке показали, что их три тысячи. Сначала они сделали такой предательский маневр: вышли навстречу с белым флагом, подняв руки кверху, и, когда наши, не подзревая их уловки, подошли поближе, красные бросились в канавки и оттуда начали стрельбу. За ними был спрятан пулемет, из которого открыли огонь. За свою доверчивость мы заплатились двумя убитыми и несколькими ранеными.

Наши озверели. Сломив сопротивление, бросились в штыки на первую усадьбу. Наш батальон бежит на помощь. Усадьба очищена от коммунистов нашим первым головным батальоном, несмотря на сопротивление. Они настолько упорно держатся, что приходится брать каждый дом отдельно и

вытаскивать прямо за шиворот стреляющих в упор и бросающих гранаты коммунистов.

Подбегая к первым домам, мы видим только валяющихся убитых около мостика, в канавах и на дороге. В стороне санитар перевязывал одного нашего раненого. Осколок гранаты разорвал ему живот. Сквозь бинт кровь проступает алыми пятнами. Кишки, вывалившиеся наружу и наспех сложенные обратно, в некоторых местах торчат из-под бинта как розовая гофрированная бумага. Бедняга сильно страдает. Лицо искажено от боли.

Из усадьбы - роем пули. Земля взлетает от разрывающихся снарядов, по в жаре ничего не замечаешь. Скорей бы, скорей добраться до усадьбы. Чем ближе к неприятелю, тем больше шансов на успех.

По полю лежат мертвые - бежавшие с первой усадьбы и достигнутые нашими пулями. Около дач маленький лесок. Каждый домик - крепость. Пулеметы работают с крыш, из окон, из-за всякого прикрытого места и угла. В одном из окон видна фигура стреляющего товарища, но вот он, как-то глупо кивнув, исчезает. Убит...

Наши «ура» не кричат. Работают с крепко сжатыми зубами. По-моему, без криков должно казаться гораздо страшнее. Сопrotивление также встречаем упорное. Работают иногда штыками. С одной крыши снимаем забравшегося с пулеметом товарища. Один из них колбасой с пробитым черепом падает вниз.

Около дач на шоссе, где больше всего было засевавших, убитые лежат один на другом. О взятии в плен никто не заявляется. Пленных нет.

Вот из одного дома вытаскивают нескольких упирающихся коммунистов. Их тут же кого расстреливают, кого прикалывают. Ни звука о пощаде, ни звука о помиловании... Видно, что сошлись смертельные враги, и пощады ждать нечего. Не просят.

Приехал с броневиком полковник (Дыдоров - прим. сост.).

- Что, братцы, жарко? Ого, сколько, навалено, - говорит он, увидев кучи трупов.

Наш полковник всегда весел, смеется, никакого оружия при себе не носит, ходит с тросточкой, при наступлении так скоро идет вперед, что за ним приходится бежать. Он удивительный добряк и общий кумир. Когда мы поступали в отряд, все его боялись, многие ругали, а теперь все его полюбили.

Опять вперед, опять на поле...

Мы подходим к Сергиеву погосту. Не к самой железной дороге, а футов 600 ближе к перекрестку шоссе Вол-

ховского, соединяющего Петергоф с Царским. Позиция очень плохая, ибо впереди кусты почти до самого полотна. Ночь теперь безлунная, скверная.

Из штаба извещают, что получено сообщение о приближении от Стрельны к Сергиеву двух коммунистических полков.

Мы слышим на станции крики:

- Товарищи, стройся на поверку!

Видно, как к станции подходит поезд. Над кустами сыплются искры от трубы паровоза. Странно, что нет наступления.

Всю ночь, несмотря на усталость, не спали. Было очень холодно и сыро. Туман, поднимавшийся из леса и канавы, садился холодными каплями на одежду. Все же нет-нет минутами дремали, чтобы, вскакивая, снова пробежаться или потолкать друг друга для теплоты.

20 октября. Утром, едва заря, подошел бронепоезд и, став против шоссе, начал гвоздить снарядами. Нам было великолепно виден его серый бок. Наше орудие, стоявшее несколько сзади, дало прямым прицелом несколько выстрелов. Было видно, как снаряды ударились в вагон, но он настолько массивен, что трехдюймовые снаряды не могли сразу пробить броню. Заметив орудие, поезд всю стрельбу перевел на него.

Разбежавшиеся сначала артиллеристы выдумали остроумную шутку. Схватив на одной из дач телегу, с шумом выкатили ее на шоссе. Оставив ее, бросились опять за щит орудия. Думая, что это пушка, поезд гвоздит по телеге. Наши подхватили орудие за постромки, вывезли его на руках из зоны огня. Броневики до тех пор бил по телеге, пока не обратил ее в щепу. Часа через два, расстреляв, очевидно, все снаряды, он ушел.

День прошел спокойно. Возводим маленький окопчик. Его даже нельзя назвать окопом, настолько насыпь невысока. Лежим мы на краю шоссе, а потому трудно копать щебень. Глубоко же нельзя: сыро. Будет набираться вода. Срезаем сзади себя дерн и накладываем впереди нечто вроде невысокой стены.

Ночь с 20-го на 21-ое октября. Сергиев погост. Ночью красные ползли на нас, сделав предварительно артиллерийскую подготовку. Наши постовые, стоящие впереди, прибежав, сообщили о виденных ими густых цепях неприятеля.

Вот слышны их крики. Пехота открывает стрельбу. На правом фланге работает пулемет. Мы молчим. Ждем приближения. Темнота такая, что не видно даже другую сторону шоссе.

Бронепоезд, приехав, лупит снарядами по нашей позиции. Наша батарея отвечает.

В перерывах стрельбы слышно, как ломаются кусты под ногами красных. Мне почему-то вспоминается епископ Гапон у Жуковского. Действительно, красные лезут, как крысы...

От нервности ожидания закуриваем с Субботиным папиросы... Наконец, пора открывать огонь. Господи, только чтобы не было задержек... Становлюсь на колени и стараюсь как можно правильнее подавать ленты. Степа нажимает на спусковую кнопку и медленно еле заметно ведет рассеивание...

Сквозь стрельбу «ура» красных доносится, как писк комаров. Наши все время пускают ракеты, чтобы хотя бы на минуту увидеть местность. При свете видно, как по кустам бегут они. Какая их масса... От нашего сильного огня их цепь сбивается отдельными группами. Это чисто стадное, инстинктивное чувство во время ужаса скупиваться. Благодаря этому они еще более терпят урон. Удобно стрелять по группам.

Боже, до чего они близко...

Вода в пулемете уже кипит. Мы успели выпустить пять лент. Пар белым столбом валит из пароотводного отверстия кожуха. Доливать воду нет времени. Едва успеваем стрелять. Были несколько раз задержки, но Степа умелой рукой быстро их устранил.

Пехота заметно волнуется, и при каждой остановке пулемета по цепи тревожно передают вопрос: «Что с ним?..»

Ракеты приходят к концу. Теперь работаем в полной темноте. Не знаем, далеко ли неприятель... От орудийной, пулеметной и винтовочной стрельбы стоит ад.

Почти напротив в канаве по другую сторону шоссе, шагах в 25 от нас, замечаем маленький огонек.

- Степа! Видишь? – Пулемет! – кричу я, стуча ладонью по каске, ибо не слышу даже своего голоса от непрекращающейся ни на минуту стрельбы. Показываю на огонек пальцем. Степа направляет туда пулемет и держит без рассеивания, пока огонек не потухает. Попало чертям!

Какова наглость?.. Подвели пулемет на несколько шагов и открыли огонь. Они, по всей вероятности, думали, что мы не на шоссе, а в лесу. В одном месте из-под самого носа выскакивают несколько фигур. Одни из них падают на шоссе, убитые пулями, а трое, споткнувшись на насыпь окопа, валяются в него, где их сейчас же прикалывают штыками.

Но вот, видимо, обессилевший противник отступает. Это видно теперь

при свете горящего здания. Станцию подожгла наша батарея. Стрельба утихает понемногу. Вдыхаем с облегчением. Первый, самый страшный натиск отбит.

Время атаки пролетело настолько быстро, что я удивился – отчего потухла моя закуренная в начале боя папироса.

- Дурень, - говорит Степа, - да прошло ведь больше часа, мы успели выпустить 12 лент.

В наступившей теперь тишине слышно, как на перекрестке тихо-тихо работает машина нашего броневика. Он привез нам патроны и ленты. Как приятно узнать, что он здесь, и как действительно нам нужны патроны!

Побежали к тому месту, где был замечен большевицкий пулемет. Он тут голубчик и стоит. Около валяются убитые. Притащили в окоп. У пулемета пробит кожух. Это ничего. Заткнув дырку, чтоб вода не протекала, стрелять можно.

Теперь будем работать так: я с Субботиным и Фогель с Шишовым немного левее.

Впереди стонут раненые. Один из них совсем близко.

- Голубчики, помогите, - стонет он.

- Ползи сюда, - кричат наши.

- Не могу.

Несколько солдат идут к нему. Принесли. Хотим узнать что-нибудь о неприятеле. Осматривают фельдшер и санитар: нельзя ли перевязать, но он безнадежен. Ранение в живот и оба колена разбиты пулями. Одна нога держится на каких-то волокнах из мяса по бокам. По всей вероятности, работа нашего пулемета, ибо как раз лежал против нас, а по ранению видно, что пулемет: несколько пуль.

Едва передохнули – снова атака.

Теперь мы уже более уверены, выдержав самый опасный первый удар. И действительно, в полчаса снова отбили. Наш броневики тоже помогали нам, сыпля прямо на шоссе из пулеметов. Мы думали, что это последняя атака, но за ночь их было всего восемь.

Невольно думаем: будет конец или нет? Красные прибегают ко всяким способам: то посылают одну густую цепь, то несколько, причем, видимо, перебежками: когда бегут задние, первые лежат стреляют. Поезд тоже глушит из орудий. Творится нечто невозможное...

Наконец, под утро успокоились.

21 октября. Спать удалось не больше часа. При рассвете по привычке проснулся. В кустах масса трупов. Ночью в темноте и не подозревали, что товарищи были так близко. Я думал, что могут быть отдельные личности, а уби-

тые массой лежат на шоссе и, главным образом, в противоположной канаве.

Их мертвые головы, руки и ноги торчат оттуда; лежат в самых неестественных позах. У одного стертые кулаки торчат к небу; другой как бежал, так и свалился, выставив ногу в воздух. Большой частью на животе, съжившись и согнув ноги в коленях, а иногда на спине, раскинув руки в стороны. Одеты они странно. Многие в черных, мирного времени мундирах с красными петлицами на воротнике. Некоторые даже в кавалерийской форме, расшитой шнурами (из цейхаузов гвардейских полков - прим. сост.). Видимо, обмундирование только что выдано. Одели и бросили в бой.

У каждого за плечами по вещевому мешку и по новому брезенту защитного цвета для палаток. Сзади лежит мертвый красноармеец в таком же мундире. Спрашиваем у одного из солдат, как попал сюда этот.

- А это вчерашний подобранный нами раненый. Его пришлось пристрелить, так как помочь ему было нельзя, а он очень страдал. Пристрелили так, чтобы он даже не заметил. Успели только узнать, что в недавнюю атаку наступало до 8 тысяч человек. Большею частью, как и он сам, были коммунисты.

Выхожу из окопа к убитым. Многие уже ходили. А сколько убитых дальше в кустах - это ужас! Рыться по карманам противно, довольствуюсь тем, что срезал со спины один вещевой мешок и штук пять брезентов, которые подостлал в окоп под себя.

Едва закусили, как над деревьями показывается труба поезда, и обстрел опять начался. Поезд стоит так близко, что разрыв сливается с выстрелом. Лежа пластом на земле, прижимаешься к ней елико возможно, чтобы осколки рвущихся кругом снарядов не задели.

Сверху шрапнель с характерным звуком рвется над головой на уровне нескольких сажен. А это именно и спасает, ибо пульки летят под углом в стоящий сзади на несколько шагов лес, оголяя от веток елки. Если бы разрывы были несколько недолетом, то не было бы возможности держаться в окопе.

Гранат, к счастью, меньше, и ложатся они то на шоссе, то на лужок, изредка попадая правильно. В одно из таких удачных попаданий по нашему окопу я видел, лежа на земле, как покатила чья-то каска в канаву, как будто ее кто-то с силой швырнул.

В перерыве стрельбы пошел посмотреть. Лежит солдат пятой роты, но узнать его нельзя. Большой осколок, пробив и сбросив каску, размозил череп.

Мозги и кровь выползли по лицу какой-то кашей.

Отогнув шинель убитого, начал углом вытирать лицо, чтобы узнать, кто это. Лишь только прикоснулся, как челюсти задвигались, щелкая зубами, рот тоже полон крови. Бедняге невольно причинил боль. Удивительно, как я раньше не заметил, что он еще дышит, грудь еле заметно то опускается, то поднимается. Самый сильный огонь неприятель направил на перекресток. Каменный мостик через канаву пробит посредине насквозь.

Иногда шрапнель разрывается в сажени от земли, и клуб сине-белого дыма катится по ней, не рассеиваясь вначале. От напора воздуха он извивается. Впечатление такое, что как будто бы кто-то, курит, выпуская дым изо рта.

Часа в два стрельба прекратилась. Пользуемся случаем, чтобы поспать немного. Пулемет обтерли и смазали, но разбирать рискованно: вдруг атака. На замке большой нагар. Его удалили и отгребли впереди пулемета мешающие стрельбе гильзы. Их образовалась целая куча.

С вечера опять атака...

Комичный пленный башкир, взятый в начале наступления: помогает тем, что подает мне следующие ленты, таскает иногда из канавы воду и складывает стреляные ленты в пустой ящик.

Вдруг я замечаю ненормальную стрельбу пулемета, лента мне кажется очень сильно натянутой. Смотрю через пулемет на другую его сторону и что же вижу? Башкир убирает ленту, так как, по его мнению, она медленно идет сквозь казенник, и он, жмурясь и делая гримасы от стрельбы, тянет ленту из приемника. Вот идиот! Гоню его к черту. Очевидно, не понимая ничего, с глупой рожей смотрит на меня.

Перед концом атаки не хватает лент. Так как уже утихает, то на время можно оставить одного Субботина. Запасные ленты лежат в кузнице. Перебегаю через шоссе. Вижу, от штаба идет командир третьего батальона. Подойдя к перекрестку, остановился и смотрит вперед в темноту. Вдруг хватается за голову и с криком «санитар!» валится на землю. Убит прямо в середину лба. Обидно, что перед концом атаки.

К утру успокоились. По очереди солдаты ходили спать на стоящую сзади дачу. Отправился с Шишовым погреться, спросил разрешение у прапорщика.

В даче в русской печи горит огонь. Тепло, но так полно собравшихся, что многие едва могут стоять. Протиснувшись вперед к стенке, сажусь между

плеч сидящих рядом и спящих солдат. До пола не достать. Так и остался сидеть в воздухе, опираясь боками на спящих. Мне показалось всего мгновение, как кто-то начал трясти за шиворот. С трудом открываю глаза - Шишов.

- Идем, проспали.

Вышли наружу. Уже светает. Вероятно, прошло часа три. Прапорщик ругает нас за долгое отсутствие. Степа же спит у пулемета. Пришли как раз во время. Прибегают часовые:

- Красные атакуют!

Удар вялый; им, наверное, тоже хочется спать. Работаю на пулемете я. Прапорщик подает ленту. Степа так и не проснулся, несмотря на стрельбу над ухом. Узнав после, что была атака, он удивился:

- То-то я видел во сне наше наступление со стрельбой.

22 октября. Утром солдаты осматривают новых убитых. Один из них принес тысяч сто, если не больше, советских денег, массу документов и писем. Судя по ним, видно, что наступающие одни коммунисты. Тут отряды особого назначения, Петроградская конная милиция, курсанты петроградские, тверские, московские и всякая шушера здесь.

Среди бумаг попало письмо, написанное и заклеенное, но, вероятно за неимением времени, не отправленное. Вот оно полностью.

«Г. Смоленск (тые же губернии).

Политотдел. Тов. Эмиссару А. Софонову.

Товариш Софонов!

Ноне мы в Питере. Не рас приходилось быть тут так што нас не удивить. Супротив прежняго погрязнее но заместо чистоты вольгота громатная. Што хош, то и твори. Поперек слова не услышишь.

Были в Морведе один заграничный брехунец митинговал. Здорово каналья рассыпался, а что - ничего не понял. Едем теперь на фронт. На Сергиевом погосте слышь белые, так туда хотят бросить. Войску из Питера уходит уйма. Видел Егора Козлова. Поклон от него.

Кончаю просьбицей. За бабой присмотри, а то как в комунарихи записалась волю большую забрала. Присмотри потуже.

Прощай. С коммунистическим приветом Николай Белов»

Первая атака днем. Как-то не так страшно. Работаем более хладнокровно, чем ночью. Отбили. Опять аэроплан появился. Летит над окопами, но так высоко, что стрельба бесцельна. Многие все же стреляют. А тот сверху сбрасывает гранаты.

Вдруг на самом конце левого фланга пулемет заплелся. Остановка. Вероятно, задержка. Напротив его из кустов выскакивает из кустов одна фигура, потом другая, больше, больше и вот мы видим и теперь понимаем, что это красные.

Слева вдаль через шоссе тоже перебегают группами. Произошло совсем неожиданно. Тихо подобрившись, красные выскочили из кустов на шестую роту.

Пулемет, сначала заработав, остановился. Открыв крышку короба, первый номер хотел устроить случившуюся к несчастью задержку, но тут же получил пулю в лоб. Пехота от неожиданности не выдержала и побежала по фронту направо.

Вот и наша рота начинает слева откатываться, как волна. Слева от нас ее уже нет. Степа старается повернуть пулемет. Я вижу, как сзади нас бежит громадными шагами Шишов, за ним, тряся бородой, прапорщик. Я вижу, как он машет рукой и кричит:

- Спасайтесь! Бросайте пулемет к черту! Вы больше пужны.

За ним в нескольких десятках шагов бежит товарищ, прицеливаясь из папана ему в спину. Но выстрелить так и не пришлось: отбежавшая пехота стреляет из леса, и шальная пуля укладывает красного.

Отбежав немного, пехота топчется на месте. Видно, что красные делают в наших окопах то же самое. Их удивляет успех, может быть, больше, чем нас.

Наш правый фланг, видя, что мы выбиты из окопа, сейчас же загнул фланг под прямым углом и открыл стрельбу по красным. Автоматчики, выскочив прямо на шоссе, стреляют стоя. Мы же, постояв минуту, кричим ура и бросаемся на штыки в контратаку.

Взяли моментально. Степа и другие солдаты бегут преследовать отступающих. Я же – к своему пулемету. Он перевернут и обращен на нас, но, так как я успел вытащить замок, то нас не могли обстрелять. Вкладываю замок на место. Повернув и зарядив пулемет, почти не целясь, стреляю вдогонку красным...

Только теперь переводим дух. Фу, черт возьми, как это было неожиданно. Теперь мы передвинулись левее, ибо красные, наверное, полезут ночью, зная большое место.

Черти красные успели-таки свистнуть весь хлеб и сало, лежавшее в окопе. У некоторых убитых так и торчит изо рта. Значит логика та – пасться, а потом все прочее.

Вдруг из кустов идет спокойным шагом солдат. Мы сначала даже внима-

ния не обратили. В сумерках не разглядели кто. Подойдя к окопу, он хочет отодвинуть одну из винтовок, лежащую на бруствере, чтобы сесть, но, оглянувшись, кричит:

- Ой, не к своим попал! – и бросился обратно в кусты.

Случай этот насмешил нас до слез. Конечно, он успел удрать, хотя мы и стреляли. Но где же при смехе попасть.

Едва стемнело, как красные бросились опять в атаку именно в то же место. Но мы их здорово потрепали. Ночь проходит спокойно... Это что-то подзрительное.

23 октября. Трупы убитых начинают вонять. Командир батальона послал несколько человек зарыть ближайших убитых. Их сваливают в вырытую громадную яму.

Сергиев погост стал действительно погостом многих. Несколько наших убитых мы отправляем в Красное.

Часов в 12 неожиданно получили приказ об отступлении. Что за приказ? Отходим без давления, но очень быстро. Пришли во Владимировку. Там третий полк. Спрашиваем у некоторых – что за причина нашего отхода и почему они не идут на Петергоф с их танками.

- Мы слышали, что танки у вас, - отвечают они.

У нас их нет, - так у кого же они? Или союзники опять обманули?..

Отступаем обходным путем к Красному Селу.

На телегах сзади тянутся деревенские беженцы, не хотят больше оставаться у красных. Как-то совестно входить в Красное... Еще несколько дней назад нас так провожали!.. Многие женщины стояли с иконами, пока весь полк не прошел мимо. Крестили. Благословляли... Вдруг идем назад. В груди нагнетение тревожное. Улицы пусты. Жители с трепетом сидят по домам. Неприятельские снаряды гремят nepřестанно...

Ночью нас вызвали внезапно. Была премемерзкая погода. По выходе из города нас окружила темнота, с тропинки мы сбились. При остановках замученная походами рота садится прямо на землю, несмотря на мокроту. Моментально слышится храп, глаза невольно сами собой закрываются.

Спотыкаясь и падая поминутно в грязь, черепашьим шагом продвигаемся вперед. Мы долго блуждали, потеряв надежду, что выйдем на какой-нибудь населенный пункт.

Думали, что нам придется почевать в поле. Но разведчики случайно наткнулись на деревню. К счастью, она пустая. Если бы она была занята, то даже дети могли бы нас прогнать, настолько

усталые мы были. Входим в деревню. Куча соломы – так и тянет припасть...

Наконец, раздалась команда размещаться по избам. Степа придумал остроумную шутку, чтобы не дежурить: он залег с пехотой в какую-то избу и теперь его не пайти.

Фогель злится. Назначил меня разводящим. Еще того хуже, значит, всю ночь не спать. Пулемет выкатили на крыльцо. Все улеглись спать. А я поставил первого часового. Выйдя на минуту из избы и возвратившись обратно, вижу, что все спят – кто лежа, кто сидя. И присев на стул, незаметно для себя я заснул, как убитый.

24 октября. Проснувшись с рассветом, я понял, что спал всю ночь. Бедный Шишов стоит еще на посту, - думаю я, - но, выйдя на крыльцо, вижу такую идиллию: Шишов полулежит спит, прислонившись к косяку двери и обхватив пулемет рукой.

На крыльце других хат часовые тоже спят. Воображаю, что было бы, если бы пришли красные. Теперь понимаю, как кружились мы ночью по полю, от Красного двух верст, пожалуй, не выйдут.

Правее по нашей линии усадьба и влево под горой скачки. Из Красного пришла связь и сообщила, что нам приказали вернуться обратно. Этой ночью красные тоже бродили по полям, думая попасть в деревню, но вышли к красносельским лагерям, где их, окружив, под утро поймали. Можно думать, что нас хранит Бог.

Вернулись в Красное. Степушка заболел. Кажется, что-то серьезное. Его как-то в один день сломало. За последнее время он очень горевал и лишь теперь рассказал мне, заплакав, что офицер, прибежавший из Петрограда, сообщил ему о самоубийстве его брата. Степа не может этой смерти простить своим родителям. Когда он уезжал из России, его братишка, четырнадцатилетний лицеист маленький со слезами просил отца, чтобы его отпустили вместе с братом. «Нет, ты останешься», - ему сказали, а потом отца мобилизовали красные и отправили на юг строить окопы, мать тоже уехала, а его оставили одного в Петрограде сторожить квартиру и тряпки.

Офицер рассказывал, что Степин братишка страшно ждал, что белые возьмут Петроград в мае. Этой мечтой только и жил, думал, что он встретится со Степой, и они будут вместе служить у белых. Но Петрограда тогда не взяли. Красные распустили слухи, что белые окончательно разбиты, и братишка Степин всем говорил, что он совершенно непригодный для жизни человек, и потом неожиданно застрелился.

Ночью Степа лежал в слезах, издавая какие-то печенораздельные звуки. Мы его отправили в лазарет. Но вид у него очень плохой - восковое лицо, кашляет. А был Степа из пулеметчиков самый боевой, лучший стрелок в нашем полку. Я теперь подсчитал, он ни одного набега не пропустил. Фогель грустно говорит, что некому теперь шуметь и смеяться в роте. Степа не умел тихо говорить, а если ходил по компаниям, то как фельдфебель - на другом конце слышно. Если бы все так обожали военное, как Степа.

25 октября. Ночь была холодная. Застывшая грязь и трава хрустит под ногами.

Впереди на лошади едет генерал Раден. Его белая папаха выделяется на фоне защитных шинелей и касок. По наружности он орел. У него длинная худая жилистая шея, седые пушистые усы, не скорбные, а вздернутые вверх, горбатый нос и серые, стального цвета глаза старика под нависшими бровями. Он жилистый, крепкий, с хорошей выправкой. Всегда, как Скобелев, на белой лошади, в белой папаче и всегда с пагайкой. Он любит наш полк и боготворит его до безумия.

На горе - Русское Копорское. Въезжаем на последний перед нею холм. Стрельба начинается.

Оставив за холмом двуколки, рассыпавшись цепью, идем вперед. Деревня занята без особого затруднения. От Высоцкого идет ровное поле. К Петрограду с обрыва спускается дорога, за обрывом лес, кое-где проглядывает в его прогалинках шоссе, то самое, на котором мы стояли под Сергиевым погостом.

Вид Петрограда великолепен. Синеет залив. Кронштадт как раз напротив в дымке, скрывающей его от зрения, в бинокль заметны финские берега, а налево Петергоф, а еще левее поля Красной Горки. Но это уже так далеко, что кроме желтых пятен ничего не разобрать.

В деревне захвачены два кавалериста. Лошади высокие, породистые, видно хороших кровей, но такие тощие, что удивляешься, как они не подошли. Всадники шикарно одеты. У одного в тороках даже красного цвета мундир (очевидно, со складов бывшего ЛГВ Конного полка - прим. сост.). Один из пойманных с наглостью спрашивает поручика:

- Товарищ поручик, скажите, какие ваши политические убеждения?

Вот нахал! Конечно, поручик выругал его так, что небу жарко.

Подожло наше оружие. За лесом по шоссе видно, как идут части красных. Орудийным огнем мы их рассеяли.

Отдыхать будем до 12 часов, а потом пойдем на Петергоф. Крестьяне говорят, чтобы мы не шли прямо, так как на опушке леса шикарные, сходящиеся клином окопы матросов с проволочными заграждениями в несколько рядов.

Сидя у пулемета, люблюсь видом Петрограда...

(Записи в дневнике оборвались на этих строках. Несколько часов спустя Дмитрий Соломин был тяжело ранен во время неудачной атаки 17-го Либавского полка на Русское Копорское. 12 лет спустя, в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» был напечатан рассказ Л.Ф. Зурова «Петроград». В нем, со слов Д. Соломина, описывался этот последний бой Ливенской дивизии на подступах к «Северной Пальмире». Очевидно, этот рассказ (равно как и очерк «Даниловы», опубликованный в книге «Белое дело», «Летопись белой борьбы») должен был бы стать частью задуманного, но так и не осуществленного Зуровым повествования о Северо-Западной армии - прим. сост.).

Л.Ф. Зуров ПЕТРОГРАД.

I. Стоял осенний солнечный день с холодным ветром. Рота должна была, присоединившись к далеко ушедшему вперед полку, вместе с ним выбить матросов из лесного островка, перерезать Болхонское шоссе и взять Петергоф.

Даль была просторна и ясна. Подернутое золотым тусклым блеском Балтийское море, манило к себе, со стороны Кронштадта вздымались клубы черного дыма, и пельзя было решить - то ли флот дымит, или пожар растет над фортами. Казалось, совсем недалеко, правее за подмерзшими болотистыми лугами, откуда неслась дрожь разрастающейся пушечной стрельбы, раскинулся Петроград, отмеченный Исаакием, ясным шпилем Адмиралтейства и едва заметной верхушкой Казанского собора.

Еще не было снега, лишь серебристо курчавилась тропутая морозом трава, да грунтовая, с потяжелевшей пылью и дорога позванивала под ногами.

За последние дни вольноопределяющийся Соломин устал и осунулся. Его тапоги были разбиты и кожа рук потрескалась. Но так же устали все и, если бы полк не двигали беспрестанно из боя в бой, то на первом же привале люди свалились бы с ног.

После Сергиева погоста, когда первый раз за все наступление их полк, ле-

жавший на шоссе, отступил, Соломин почувствовал, что верить в победу больше пельзя. А в ту ночь, когда они, покинув городской вокзал, вышли в поле и их окружила тьма, пронизывающий ледяной ветер и мелкий дождь, когда они сбились с тропинки и блуждали по глинистой вязкой пашне, - в ту ночь они были побеждены не врагом, а усталостью: солдаты срывались в наполненные водой канавы и засыпали мгновенно...

Стрельба разрасталась. Не было слышно отдельных выстрелов и разрывов. Тяжелая дрожь колыхалась над мерзлыми полями. Стреляли с окраин, с Невы, с бронепоездов, из-за леса, и разрывы глушили друг друга.

Прапорщик спокойно шел впереди. Он не верил, что в этом бою они победят, но он был офицером и шел молчаливо, глядя, как за несколько сот шагов стоял посредине дороги командир полка, барон Раден, подавая солдатам пример храбрости и презрения к смерти.

- А где же полк? - спросил остановившийся прапорщик.

Полка не было видно, только далеко на полях, у леса, маленькие серые фигурки солдат, величиную с мизинцем, то поодиночке, то сбиваясь в группы, бросались то влево, то вправо, не продвигаясь ни на шаг и не отступая.

Белые дымы шрапнелей, рвущихся около самой земли, катились, как снежные комки. Черная стена земли взлетала веерами. Там метался полк.

Соломину стало жутко. Пулеметчики были бледны. Весь участок дороги, который пужно было пробежать, дымился от падения пуль. Пули, задевая обочину, брызгали на сухую дорогу черными крошками земли.

- Вперед! - крикнул прапорщик и побежал зигзагами по дороге из канавы в канаву. Он проваливался по пояс в подернутую тонким льдом воду.

- Ну, святые, выноси! - сказал, перекрестившись, пулеметчик Шишов, и они вбежали в поражаемый пулями участок. Соломин смотрел, как с шинели прапорщика текли струйки воды, как он, размахивая руками, бежал в мокрых, облепленных рыжей глиной сапогах.

Генерал в расстегнутой шинели сидел на краю канавы и перевязывал руку, держа зубами конец бинта. Соломин увидел, как он, качнувшись, упал вперед лицом, как его белая папаха откатилась в сторону и показала седой, коротко подстриженный затылок.

Он подбежал к генералу, по правую половину груди точно проколело, кто-то ударом в спину сбил его с ног, и он упал лицом в канаву.

Его вытащили за ноги. Каска зачерпнула воду, и грязные струи бежали по его подернутому бледностью, озябшему, лицу.

Каску сбросили. В груди резало, словно щипцами рвало лопатку. Трудно было дышать. Кровь, густая, солоноватая и вязкая, шла горлом, затекая за десны. Соломин дотронулся рукой до груди. Шинель была сухая, по рубашка уже смокла, и холод расплывался по телу длинным пятном.

Соломин хотел что-то сказать, но, хрипнув, бессильно опустился на руки Шишова. Прапорщик пожом пере-резал ремни, шинель, стащил с плеч Соломина мундир и вязаную пожелтевшую фуфайку. Задрожав от озноба, Соломин в расстегнутый ворот рубашки увидел, как из белой груди выходили, шипя и лопааясь, розовые пузыри и гроздью стекали по коричнево-му соску. «Странно, что своя кровь не противна», - подумал он.

- Ши-шо-ов, - сказал он раздельно, лягнув от холода зубами. - Посмотри на спину.

- Маленькая, Соломин, маленькая, - поспешно ответил Шишов.

- А рука... плетью, - сказал прапорщику Соломин, склонив к плечу голову. - Нельзя шевель-нуть... - и улыбнулся, показав прапорщику окрашенные кровью зубы.

Офицер, стоя на коленях, перевязывал его грудь, но бинты были коротки, и от дыхания повязка спадала.

- Бинт в мундире, - сказал ему Соломин, и кровь снова пошла горлом.

Едва успели его перевязать, как вторая пуля ударила в ногу.

- Куда? - спросил с тревогой прапорщик, услышав сухой звук.

Голый до пояса, вольноопределяющийся Соломин, сидел на краю канавы посреди осеннего холодного поля. Горстью руки он отер кровавый рот, и ему стало страшно. Ему казалось, что третья пуля его добьет. Тело прапорщика его не закрывало. Он редко и тяжело дышал, и от дыхания опадали перекрестившие его голую грудь бинты.

Разрезали сапог. Рыжий прапорщик неожиданно заплакал и дрожащим голосом сказал:

- Ах, Боже мой! Если бы мы знали, мы не пошли бы совсем... Или бы вас оставили, - потом прапорщик сбился, пет не то, Соломин, не то... не бойтесь ран... ничего... Денек полежите, и здорovy.

Соломин, лежа на дороге с бескровным и спокойным лицом, посмотрел на прапорщика и улыбнулся. Потом его положили на носилки и понесли.

- В ногу, черти! - доносился голос

Шишова, - ровнее иди. Застрелю беса! В ногу!

Слегка покачивало. Прикрытый солдатской русской шинелью, Соломин видел осеннее небо и слушал перекатывающийся гром пушек. И легкие мысли рождались об отдыхе, о чистом белье, о том, что он ранен, пролил кровь, а это славно.

- Кого несете? - спросил незнакомый голос.

- Пулеметчика.

В избе начала томить жажда, забила дрожь, отрывая спину от пола, сводя ноги, и трудно было унять зубы. Кто-то приходил, кто-то сменялся.

- Полк терпит урон, сказал низкий голос. - Командир полка убит. Помощник командира полка и два батальонных ранены. Среди офицеров страшные потери. Оставшихся солдат можно будет свести только ночью.

- Господин поручик, - приподнявшись, сказал раненый, - они в окопах хохочут. Я недалеко лежал. Как артиллерия затихает, так хохот и доносится.

- Кто хохочет?

- Матросы.

И. Как в полусне, Соломин помнил шедшего рядом, зажимавшего рукой рану офицера, шум подвод, звездное ночное небо и какие-то разговоры, доходившие отрывками до сознания.

Шишов обложил его сеном, накрыл шинелью и ушел искать свою роту. При каждом толчке мучила боль. Соломин хотел приподняться, но потерял сознание и очнулся лишь на Красносельском вокзале, от холода асфальтового пола, на который его положили.

Кругом стояли раненые. Сдавленный стои сорвался и с его губ, ничем нельзя было прикрыть обнаженную грудь. В теплушке было душно, пахло кровью и грязной соломой; повязка смокла, кто-то рядом скрипел зубами и молился.

Утром, проезжая через Гатчину, Соломин увидел первый снег.

В Ямбургском госпитале, куда их спешно эвакуировали, все лежали на полу. Санитары из бывших красноармейцев грубили и не слушали раненых.

- Ой, какая фуражка добротная, - сказал один из них, забрав себе бескозырку, лежавшую на груди Соломина.

- Отдай, - сказал он, открыв глаза.

- Ну, товарищ, тебе она больше не понадобится.

Сестра перебинтовывала раненых. Соломин спокойно ожидал своей очереди, но она прошла мимо. «Пусть забудут, пусть бросят, - горько думал он, - и ничего мне больше не надо, ни перевязок, ни участия, и пусть я буду один».

Когда кончилась перевязка, сестра подошла к нему и резким движением

сорвала с его тела шинель. Она встретила полные слез, укоряющие серые глаза, увидела окровавленную повязку, сползшую с обнаженной груди, изрезанный мундир и сапог, служивший Соломину подушкой.

Ах, голубчик мой, простите меня, - сказала она, опускаясь около него на колени.

От ее слов, от чувства бессилия и боли ему сразу стало радостно и горько, и он, слотнув слезы, постарался улыбнуться.

Потом пришел черноволосый полный врач в белом халате, и Соломин услышал звук пилы по кости, долетевший из угла, и выкрики, от которых холод пробежал по спине, приподняв волосы. То без паркоза молодому добровольцу Талабского полка ампутировали ногу.

Слева лежал белокурый ливенец, раненый в живот и почки; он метался и ежеминутно просил пить. Напротив Соломина лежал спокойный широкогрудый голубоглазый ефрейтор Меньшиков. У него отмидали ноги.

- Ну, как, доктор, выживу ли я? - спрашивал он.

Врач молча откидывал коричневое одеяло, приподнимая его так, чтобы Меньшиков не мог видеть своих ног, смотрел на мертвые побелевшие ступни и бодро отвечал:

- Еще повоюем!

- Да, мне господин доктор, полегчало, - весело говорил Меньшиков, и милая крестьянская улыбка растягивала его губы. - Вот пальцы уже не болят, а раньше дотронуться было больно.

Всем соседям он радостно сообщал, что боль проходит, что он скоро будет совсем здоров, что ноги уже совсем хороши.

- А все большевики, - говорил он и улыбался. - Почему не дать спокойно жить? Я посеял, хлеб снял, вот и спокоен, вот и сыт... Нет, братцы, я простой человек.

Под вечер он тихо забредил деревней, покосами и младшим сыном Алешкой.

Вечером санитар принес белокурому ливенцу ведро с водой и поставил его около головы.

- Вот ты все пить просишь, - сказал санитар, - беспокоишь зря людей. Ведро я поставлю, а ты не пей сразу, помокни палец в воду и пососи.

На утро полведра было выпито, и белокурый был уже мертв. Тихо, в полубреду, за ночь скончался и Меньшиков.

- Проклятая война, проклятая молодость, - сказал утром доброволец с ампутированной ногой.

Утром раненых положили на койки, а днем в госпиталь зашел генерал

(Юденич - прим. сост.). Солдаты видели его в первый раз.

Утомленный, коренастый, с длинными, печально повисшими усами, генерал был окружен неслышно ходившими офицерами. Он подсаживался к раненым, внимательно расспрашивал их о пуждах и положении на фронте, слушал их, опустив свою тяжелую голову...

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Северо-Западной армии. Папка 3-8, № 4; «Иллюстрированная Россия», Париж, № 21 (314), 16 мая 1931 г.

Г. Цельмин РУССКОЕ КОПОРСКОЕ

24-го октября 1919 г. наш I Ливенский (17-й Либавский – прим. сост.) полк получил приказ выбить большевиков из дер. Русское Копорское, откуда большевики грозили зайти нам в тыл Красного Села.

Полк только почью вернулся от Кавалергардских казарм около Красного Села, где он, вместе с другими частями, отбил атаки большевиков. Рано утром полк в полном составе, с двумя 75 мм английскими пушками, выступил из Красного по Ропшинскому шоссе на Копорье. Хотя и известно было, что Копорье занято довольно значительными большевицкими силами.

Подходя приблизительно в 7 час. утра к деревне полк под предводительством славного командира, генерал-майора Радеца, немедленно и без выстрела атаковал ее и так удачно и стремительно, что большевики не успели дать несколько выстрелов, как мы уже очутились в деревне.

Захватив деревню, взяв около 40 пленных (в том числе нескольких комиссаров), нам, кроме того, досталось 30 верховых лошадей и 3 пулемета. Через час после захвата деревни большевики начали нас обстреливать из тяжелых и легких орудий, наши пушки отвечали им. К сожалению, у нас оказались только гранаты, т.к. шрапнель англичане нам не доставили.

Из деревни, расположенной на возвышенности, мы ясно видели сильное накопление и передвижение большевиков. Около 11 час. пополудни ген. Радец решил перейти в наступление, надеясь на доблесть I-го полка.

Тут следует заметить, что перед дер. Копорье тянется приблизительно на протяжении 2-х верст мокрый и совершенно ровный луг, по которому ведет только одна дорога. За лугом ясно видны песчаные возвышенности, на

этих холмах окопы, а перед ними несколько рядов проволоки. Это были еще во время Великой войны воздвигнутые для защиты Петрограда сильные укрепления. Пришлось атаковать эти укрепления, перейдя луг, без всякого прикрытия.

Напрасно старшие офицеры пытались убедить ген. Радеца, что с нашими незначительными силами (весь I полк состоял из приблизительно 250 штыков), вряд ли возможно будет выбить большевиков.

По приблизительному подсчету против нас стояли около 1000-1500 большевиков, при этом его отборные части, т.е. матросы и курсанты. Генерал-майор Радец настоял, однако, на своем и приказал наступать.

Итак, в 11 час. мы спустились из дер. Копорское и начали наступать. Пулеметчики шли вместе со стрелками в цепи. Едва мы прошли треть расстояния, как большевики открыли по нас сильнейший огонь из винтовок и пулеметов, одновременно по нашей цепи били шрапнелью. Не проходя еще и половины расстояния, мы потеряли уже почти треть нашего состава.

Генерал-майор Радец пал, смертельно раненый, один из первых; из числа пулеметчиков пало более половины. Мы, пулеметчики, напрасно открыли огонь по неприятелю, т.к. не могли причинить ему вреда, ибо он хорошо спрятался в своих окопах, мы же служили им как мишень; в конце концов около каждого пулемета осталось только 3-4, а то и только 2 человека.

Видя, что нам не дойти до неприятельских окопов, офицеры приказали ложиться, ибо и обратно до деревни мы не дошли бы. К счастью, большевики не пошли в контратаку.

Лежа таким образом до вечера, мы, как только стемнело, отступили в Копорье. Но, увы, что осталось от нашего славного полка! Кроме командира полка, генерал-майора Радеца, из числа офицеров человек 25 выбыло из строя (кажется, только 8 офицеров остались не ранеными), а из стрелков осталось едва ли половина.

При пулеметах, вывезти которые удалось, остались по 2-3-4 человека. Самые лучшие выбыли из строя.

Ночью из Красного Села пришел приказ, во что бы то ни стало держаться до утра. Ночью большевики нас не тревожили. Под прикрытием темноты мы подобрали почти всех наших раненых и убитых.

Утром, 25-го октября, большевики открыли сильный артиллерийский огонь по деревне. Наши две пушки еле им отвечали.

Около 8 час. утра видно было передвижение у неприятеля и всем ясно было, что большевики перейдут в наступление. Обойдя пулеметы, я убедился, что на таковые надежды мало, ибо с 19-го октября мы не имели достаточного времени, как следует прочистить их, т.к. мы почти непрерывно были в боях, кроме того, при вчерашнем наступлении почти все лучшие пулеметчики выбыли из строя (см. «Дневник» Д. Соломина – прим. сост.).

Мы с тревогою ждали наступления неприятеля. Около 8 с половиной час. утра из окопов большевиков вышла цепь матросов. Допустив их на приблизительно 800 шагов, мы открыли огонь.

Неприятель немедленно ложился и со своей стороны нас сильно обстреливал; головные атаки мы все-таки отбили бы, но беда была в том, что оба наши фланга были открыты. Мы ясно видели, как густые большевицкие цепи обходили нас справа и слева.

Таким образом, нам оставалось только отступить.

Мне было приказано собрать человек 10-15 и прикрыть отступление. Исполнив приказание, меня, приблизительно через 10 минут после этого, тягело ранило навывлет в пах.

Не желая, однако, оставить пулеметы неприятелю, я спустился за ними (они были расположены у выхода деревни, на подножье холмов), но тут меня вторично ранило.

К сожалению, за неимением людей, удалось вывезти только 2 пулемета, 6 остались неприятелю, но замки мы все-таки вынули. Только благодаря прапорщику Циммерману мне самому удалось выбраться, т.к. Циммерман, все время отстреливаясь, поддерживал меня.

Тем временем из Красного Села на помощь к нам пришла саперная рота, во главе с полк. Бирихом, и Балтийский полк (эстонский ландесвер). Они перешли в контратаку, выгнали большевиков из Копорского, отбили 2 пушки, которые там остались при нашем отступлении и восстановили положение.

Мне лично балтийцы дали подводу, на которой меня отвезли в Красное Село.

Там я встретил ген. Родзянко, который отвез меня на своем автомобиле в Гатчину. Тем кончилось мое пребывание в Сев.-Западной Армии.

В крестном пути отступления, где I полк еще неоднократно отличался, я не участвовал.

Служба Связи Ливенцев и северо-западников, Даницы, 1932, сентябрь, № 6, с. 30-31.

М. В. Ярославцев

ВТОРАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ ПОД ПЕТРОГРАДОМ (5 августа – 1 декабря 1919 г.)

5-го августа 1919 года части 2-ой стр. дивизии заняли участок фронта Северо-Западной армии по реке Луге от мызы Прилуки до дер. Лычна. Три полка расположились на позиции по берегу реки, один стал в резерв у мызы Долгая Мельница, штаб дивизии – в ст. Ложгалово, затем в д. Заосья, интендантство устроилось в д. Выскатка; батареи разместились по полковым участкам позиции – в лесу.

После трех месяцев непрерывной, тяжелой борьбы с подавляющими силами большевиков, явилась возможность дать войскам отдых, выделить резервы, наладить тыл, переорганизовать полупартизанские части в регулярные, ввести точный учет людей, лошадей, оружия и др. имущества и все подготовить к новому наступлению на Петроград. Занимавшийся войсками 1-го стр. корпуса (2-ая, 3-я и 5-ая дивизии) район был болотистый, бездорожный, и наладить транспорт и связь было весьма затруднительно; тыловой дорогой моей дивизии служила та, которая шла через с. Валово (штаб 1-го стр. корпуса) к Выскатке и на мызу Гавриловскую у р. Плюсссы.

Постепенно настроение в частях стало подниматься, и вновь оживили мечты о новом, скором движении вперед, к заветной цели – Петрограду. За все время пополнений в полки почти не поступало, а между тем состав их был весьма слаб, некомплект же офицеров становился угрожающим.

В сентябре месяце в четырех полках моей дивизии насчитывалось до 3450 штыков, всего же численность достигала 5,5 тысяч человек (считая артиллеристов, сапер, штаб, интендантство, санитарную часть, нестроевых и подводчиков в частях); кроме того, имелся запасной батальон переменного состава. Пулеметов было 120, орудий – тяжелых 22, легких 8. Наибольший состав имел Талабский полк, почему на него и возлагались более трудные и ответственные боевые задачи.

Основу довольствия частей составляло американское сало и белая мука, обмундирование было прислано из Англии, причем при разгрузке львиная часть попадала эстонцам, затем оделись наши тыловики в Ревеле и Нарве и, наконец, оставшееся дока-

тилось, после ряда настойчивых требований, до фронта.

Также из Англии прибыло для нас и вооружение: изношенные танки без подходящих к ним, особого устройства пулеметов, орудия, часть которых не имела затворов, и винтовки с небольшим количеством патронов.

С тылом Армии у нас, строевых, все время шла глухая борьба; там сидели в большинстве люди чуждые интересам фронта, а благодаря разлаженности работы и плохому контролю, появилось много хищников, что не могло не вызывать негодования в строевых частях, несших на себе всю тяготу борьбы за Родину.

С 5-го августа, за время позиционной войны, на фронте было сравнительное затишье, обычная артиллерийская и ружейная перестрелка, иногда поиски наших разведчиков; все же красные три раза пытались прорвать наше расположение: так 1-го сентября в районе дер. Лычна они внезапно переправились через реку Лугу и потеснили Островский стр. полк, но на следующий день последний перешел в контрнаступление и отбросил красных, захватив пленных и трофеи.

После того, моя дивизия, смешанная 5-ой, на участке севернее дер. Лычна заняла фронт от этого пункта южнее по р. Сабе до дер. Чудинова (стык с 3-ей стр. дивизией); штаб стал в дер. Тарасова Гора. И вот здесь большевики снова попытались атаковать нас: 7-го сентября 3-я бригада 2-ой советской стр. дивизии (9 батальонов, 8 легких и 2 тяжелых орудия) приступила к форсированию реки Луги с целью выйти на линию дер. Лососкина и устье р. Сабы, но совместными усилиями правого фланга 5-ой дивизии и моего Уральского полка – была отброшена с большими для нее потерями.

Вскоре затем Талабский и Семёновский полки получили особую задачу и отбыли поэшелонно в гор. Псков (для участия в аресте атамана Булак-Булаховича 23 августа - прим. сост.), а 12-го сентября 1-ая бригада той же советской дивизии оттеснила от реки Уральский полк (двухбатальонного состава) и к 14-му числу вышла на линию деревень Дуб-Осминские Полоски. Оставаясь со штабом в

д. Тарасова Гора под прикрытием комендантской роты, я организовал к рассвету следующего дня контрудар – Уральцами с фронта от Замошья-Данилова и Островцами с юга во фланг зарвавшегося противнику; красные были разбиты и спешно ретировались за р. Сабу, оставив нам пленных, пулеметы и бросив обоз.

Ввиду тяжелого положения наших 3-ей и 1-ой дивизий, отступивших под напором ударной группы красных, из-под Пскова были переброшены Талабцы и Семёновцы, которые сначала помогли 3-ей дивизии восстановить положение, а затем ударили в тыл 1-ой советской бригаде и отбросили ее еще дальше – от р. Сабы за р. Лугу. Оба эти полка под общей командой полковника Пермикина достигли в своем наступлении Красных Гор, после чего вернулись в исходное положение.

С середины сентября в Нарве начались совещания старших начальников для выработки плана боевых действий против Петрограда; приходилось спешить, чтобы прибыть в столицу до наступления холодов и предупредить заключение эстонцами мира с большевиками. 28-го сентября части 2-го стр. корпуса генерала Арсеньева начали демонстративное продвижение на линию Псков – Струги Белые; успех этой демонстрации превзошел все ожидания. 8-го октября перешла в наступление на г. Лугу 1-ая стр. дивизия, 9-го числа – 3-я под наблюдением генерала Родзянко, ибо пачальник ее генерал Ветренко мало считался с руководящими указаниями старших инстанций и преследовал более свои, чем общие интересы. По маршруту 3-я дивизия должна была следовать к ст. Преображенской и далее к Гатчине, подвоя к которой – повернуть на восток и действовать, сообразуясь с правым флангом моей – 2-ой стр. дивизии, нацеленной прямо на Гатчину.

Вечером 9-го октября перешел в наступление Талабский стр. полк с полковником Пермикиным во главе. Благодаря хитрости поручика Кудина, Талабцам удалось легко переправиться через р. Лугу у Хилка, затем красные были сбиты с их опорных пунктов и, оставив нам пленных, пулеметы и обоз, отступили. Островцы

под командой полковника Алексева форсировали в ночь р. Лугу у Реджи и к рассвету, захватив батарею красных, пленных и оружие, зашли в тыл Сабской группы красных. Семеновский стр. полк с полковником Ликуди во главе, при поддержке артиллерии дивизии, овладел к утру Сабской переправой, после чего реку перешли в брод конно-егеря и устремились к ст. Волосово. Уральский стр. полк следовал в дивизионном резерве.

Очень трудно было переправлять через р. Лугу артиллерию и повозки; орудия уходили глубоко в воду, повозки опрокидывались, а лошадей сносило сильное течение, люди измучились и вымокли в ледяной воде. Дальнейшее движение частей дивизии к Яблонице шло беспрепятственно; полки и артиллерия следовали в общей колонне, обозы сзади.

Я обгонял войска верхом, здороваясь и поздравляя с походом; было радостно сознавать, что снова идем вперед, что все, как один, бодры, полны надежды и веры в торжество правого дела. Ночлег был в Яблонице; что от нас по сторонам – неизвестно, но справа прикрывают от всяких неожиданностей болота, а слева должны следовать части 5-ой стр. дивизии. На следующий день движение возобновляется, но я высылаю авангард – Талабцев. Конно-Егеря в это время подошли к станции Волосово и, взорвав железнодорожное полотно, вступили в бой с бронепоездом «Ленин»; под прикрытием мощной артиллерии, прислуга бронепоезда быстро чинит повреждения, и «Ленин» ускользает до подхода к станции Талабцев.

Выйдя на линию жел. дороги, дивизия меняет свое направление, и далее полки следуют широким фронтом на восток – к Гатчине. На левом фланге 1-ая бригада (Уральцы и Островцы) под общим командованием моего помощника полковника Делля, на правом – вдоль железнодорожной линии и южнее – 2-ая бригада (Талабцы и Семеновцы), руководимая полковником Пермикиным.

По фронту и в тыл держится тесная связь, каждый полк выполняет строго указанный маршрут. Оба фланга дивизии по-прежнему на весу, но доносимая изредка с севера оружейная пальба дает уверенность, что 5-ая стр. дивизия не отстает; установить с нею связь из-за быстрого движения не представляется возможным.

Внезапно справа от д. Лисино в тыл 2-ой бригаде заходит группа

красных курсантов, угрожая штабу дивизии и коммуникации, но командир батальона Талабцев, следовавшего в резерве, подполковник Ставский по собственной инициативе свернул в сторону, рассеял курсантов и стал снова продолжать свой путь. 14-го числа нами взята станция Елисаветино, 15-го – короткий бой у Шпанькова, и к сумеркам 16-го октября артиллерийская перестрелка под самой Гатчиной. Уральцы подошли к д. Мал. и Больш. Резино и Соколова, Островцы у Мариенбурга, Семеновцы и Талабцы южнее и до шоссе на Нарву включительно.

Наступившая темнота, необозначенность флангов и возможность упорного боя на улицах незнакомого города заставили меня отдать приказание о приостановке наступления до рассвета, как вдруг пришло донесение о подходе к Гатчине с юга частей 3-ей стр. дивизии. Будучи теперь вполне уверенным за свой правый фланг, немедленно поднимаю полки в ружье и приказываю начать атаку Гатчины.

В кромешной темноте части дивизии начинают боевые действия, арьергарды красных пытаются нас задержать шальной стрельбой, и у железнодорожного полотна вблизи Балтийского вокзала Семеновцы имеют перестрелку с какою-то цепью, двигавшейся в город с юга; оказались роты Темницкого полка, почему-то входившие в Гатчину. Разминувшись с ними, Семеновцы выдвинулись на восточную окраину города, Талабцы направились к Варшавскому вокзалу выбивать засевшие там крупные части красных, Уральцы и Островцы, пройдя Зверинец и, охватывая город с северной стороны, направились, согласно маршруту, к перекрестку шоссе и железной дороги и на линию деревень Вайялово, Никольская Слобода; их продвижение в тыл красным заставило последних спешно отступить в сторону Царского Села, а в Гатчине остались лишь отбившиеся в темноте заставы и отдельные красноармейцы, и их ликвидировали один батальон Талабцев и Темницкий полк. Еще некоторое время большевики сопротивлялись Талабцам в районе Варшавского вокзала.

В № 3-ем Службы Связи Ливенцев и северозападников В. Андреев в своей статье рассказывает про это, но ошибается, говоря, что он с батальоном прошел по проспекту Павла I до арки и артиллерийских казарм; дальше он сам говорит, что слева от них

подходил к вокзалу поезд, и вылезшая из вагонов толпа прошла мимо них, а затем справа загорелось какое-то здание. Очевидно, они находились не у арки, а между Балтийским вокзалом и горевшим совдепом (б. Дом командиров кирасир). За Темницким полком вступил в Гатчину и Вольнский; так командование 3-ей дивизией нарушило маршрут, указанный оперативным приказом по Армии, помешав мне в исполнении поставленной задачи.

Генерал Родзянко в своей книге определенно говорит, что он подтвердил генералу Ветренко приказ сообразоваться с правым флангом 2-ой стр. дивизии, а полк, а то и целую бригаду выделить для овладения ст. Тосно. Генерала Ветренко сильно притягивали города; он сунулся для чего-то в г. Лугу, которую брали, выполняя приказ по Армии, части 1-ой стр. дивизии, затем вторгся в Гатчину, в район 2-ой стр. дивизии. Измотав свои части бесцельными движениями, уклоняясь от указанного ему направления, он принужден был дать им двухдневный (17-го и 18-го октября) отдых, чем передал в руки противника инициативу, а мне затруднил захват почти без боя быстрым выдвиганием вперед – Царского Села.

Конечно, во всем этом несколько не виноваты славные Темницкий и Вольнский полки, исполнявшие лишь разноречивые приказания своего начальника дивизии.

В Гатчине нами захвачено: две тысячи пленных, пулеметы, авиационный парк, 5 паровозов, 200 вагонов и много всякого военного имущества. Утром 17-го числа части моей дивизии уже заняли линию деревень Пегелево, Вярево, Романово и Шаглино. С 5-ой стр. дивизией, взявшей на капуне Красное Село, установилась тесная связь в районе мызы Тайцы. Для внутренней охраны Гатчины в ней временно был оставлен батальон Талабцев.

В соборе был торжественно отслужен молебен, после которого генерал Родзянко произвел смотр сборным частям войск. Прибыли в Гатчину и командир 1-го стр. корпуса генерал граф Пален, затем вновь назначенный генерал-губернатором Петроградского района генерал-майор Глазенап и, наконец, Главкомандующий генерал Юденич.

18-го октября Островцы, после сильного боя овладели деревней Зайцево, а Талабцы взяли д. Новый Бугор, а затем при лихой работе ар-

тиллерии – д. Оптолово, где засели курсанты. Линия занятая частями дивизии – от Таицкого водопровода на д.д. Зайцево, Оптолово, Вилози, Пиккези.

Из Нарвы прибыли и выгружены у наскоро устроенной платформы на перекрестке шоссе, что северо-восточнее г. Гатчины, танки: «Бурый Медведь», «Скорая Помощь» и «Капитан Кроми». На следующий день, 19-го числа, с помощью танков снова продвигаемся вперед, несмотря на сильное, при поддержке бронепоездов, сопротивление красных, и к вечеру дивизия прочно обосновалась на линии: Н. Катлино, Кондакопшино, Коврово и Лампула.

Слева удачно продвигаются части 5-ой стр. дивизии и, наконец, на одну с нами линию вышли полки 3-ей стр. дивизии, что обеспечило мой флаг и давало возможность вести без риска дальнейшее наступление.

Уже начинает сказываться незанятие ген. Ветренко станции Тосно; большевики непрерывно подвозят подкрепления от Москвы, и их сопротивление усиливается с каждым часом. Островцы и Уральцы выдерживают ряд жестоких боев у деревень Виттолово, М. Карлино и Б. Коврово. Семеновцы и Талабцы ведут не менее сильные бои с финскими курсантами, лезущими со штыками на танки, но, в конце концов, отступающими к ст. Александровке и Царскому Селу.

Потери у нас большие, напряжение страшное, резервов и пополнений нет. 21-го октября с рассвета бой завязывается снова; отдаю приказ 1-ой бригаде атаковать расположение врага у деревень Редкое, В. Кузьмино (общее направление на Пулковские высоты), 2-ой бригаде действовать вдоль железной дороги, содействуя 1-ой, с демонстрацией против Царского Села. Последний пункт должен неминуемо пасть при нашей угрозе слева, а – 3-ей дивизии, подходящей уже к Павловску, - справа.

Главной задачей считаю действие против сил противника, сосредоточившихся на Пулковских высотах, что и подчеркиваю в приказе, но притяжение городов продолжает действовать, и полковник Пермикин, забыв про главное направление, бросает всю 2-ую бригаду против Царского Села.

Это чуть не привело к катастрофе: большевики при поддержке бронепоезда вклинились между обеими

бригадами вдоль жел. дороги и стали выливаться в тыл Островцам, ведущим наиболее ответственную операцию. Я направил в прорыв свой единственный резерв – комендантскую роту, и сосредоточил по прорвавшимся артиллерийский огонь, а вслед за этим батальону Талабцев удалось кружным путем выйти к ст. Александровка, и положение было спасено. 2-ая бригада вступила в Царское Село, но время для овладения Пулковскими высотами было упущено. 3-я стр. дивизия застряла в тот же день Павловск и Царскую Славянку.

Расположение Островцев и Уральцев начинает засыпаться снарядами тяжелых батарей Пулковских позиций и с судов флота; огневой бой не прекращается ни днем, ни ночью, кроме того, при поддержке броневиков и орудий, поставленных на грузовики, красные чередуют атаки на наши истомленные части. К тому же у нас начинает ощущаться недостаток снарядов и патронов, но выручает неутомимый генерал Родзянко, проявивший в эти дни громадную энергию, и наладивший транспорт.

Наша героическая, но слабая артиллерия не в состоянии бороться с красными бронепоездами «Лениным», «Черномором» и «Троцким», свободно маневрировавшим благодаря развитой сети железных дорог под Петроградом; наступает перелом, инициатива заметно переходит к большевикам. 22-го и 23-го октября отчаянные атаки Уральцев и Островцев и деревни Редкое, Кокколево и В. Кузьмино переходят из рук в руки. Впоследствии, в Риге, я узнал от капитана ген. штаба, бывшего в рядах красных войск на Пулковских высотах, что Троцкий решил отходить к Петрограду и организовать оборону на улицах последнего, но нам не повезло: Вятский полк (3-й стр. дивизии), бывший в районе Ц. Славянки и атакованный группой курсантов, не выдержал и поспешно отступил, открыв красным путь на тылы 2-ой и 3-ей дивизии. Заткнуть прорыв было нечем, и вот 3-я дивизия принуждена отойти от Павловска, а мои Талабский и Семеновский полки осаживают к Катлино – Переселино; на следующий день пришлось осадить еще много.

Под нажимом большевиков отходит, оставляя 25-го числа Красное Село, и 5-ая стр. дивизия; для отвле-

чения внимания красных от этого пункта, я в тот же день предприняю контрнаступление, дивизия продвигается по линии Кискисары – Попово, но удержаться здесь не удается, и к ночи приходится отойти в исходное положение; сила солону ломит и инициатива окончательно переходит к красным.

Танки уже с 21-го числа не принимают участия в боевых действиях и распоряжением английского командования отведены назад, из-за чего я имел резкое столкновение с начальником танковой команды полковником Карсоном. Происходит еще ряд боев и 2-ая стр. дивизия занимает фронт: Пеггелево, Вярево, Романово и Шаглино, 3-я - на одной с нею линии, 5-ая – западнее Красного Села.

Для противодействия глубокому обходу большевиками левого фланга всего нашего расположения сформирована особая группа под командованием полковника Пермикина; от моей дивизии в состав ее вошли Семеновский и Талабский полки, а весь фронт дивизии занимают редкой, растянутой цепью Островский и Уральский полки, на долю которых выпала тяжелая задача сдерживать напор во много сильнее врага.

Временно к этим полкам придается артиллерия 4-ой стр. дивизии, но вскоре отводится назад распоряжением своего начальника дивизии, даже без уведомления меня, как начальника боевого участка. Островцы и Уральцы с честью вышли из испытания, отбив все упорные атаки красных, и стойко выдержав огонь их сильной артиллерии. Также прекрасно действовали Семеновцы и Талабцы в боях под Кипенью и Ропшей, но судьба Северо-Западной армии уже решалась на ее правом фланге; там крупные силы красных оттеснили в районе г. Луги слабые, разбросанные части 2-го стр. корпуса и те отошли, открыв тылы войск 1-го стр. корпуса.

Главкомандование приказывает начать отход, спешно эвакуируется военное имущество и поездные составы, распоряжением генерал-губернатора из Гатчинского дворца вывозится ценное имущество, отправляются в Нарву дворцовые кареты и лошади, бежит со своим скарбом население.

Происходит перегруппировка войск, и 2-го ноября я получаю приказание следовать с 1-ой бригадой,

по смене ее с позиции частями 4-ой дивизии, к станции Мшинской; на рассвете следующего дня происходит погрузка в эшелоны и вдруг отмена. Вследствие изменившейся обстановки мне приказывается выступить с бригадой утром 4-го числа из г. Гатчины и вечером того же дня по сосредоточении всей дивизии в районе Антоши, занять фронт – Могилевка, Жабино. С печалью в сердце покидаю Гатчину, которая в тот же день вечером оставляется совсем войсками Северо-Западной армии.

Указанная мне позиция занята, справа примыкает левый фланг 3-ей дивизии, слева 1-ая Эстонская дивизия, которая в ту же ночь уходит без предупреждения. Со следующего дня начинают нажимать большевики, тесня нас с фронта и обходя большими силами мой открытый левый фланг. На правом фланге Армии дело обстоит совсем скверно, и красные подходят уже к г. Гдову, почему общий отход частей нашей Армии продолжается. 6-го ноября еду в автомобиле из с. Бетуниц в Нарву в штаб Армии за инструкциями, но там царит полная растерянность, а кое-кто из штабных уже складывает вещи.

Мой проект отвести всю Армию за озера между Балтийским морем и Ямбургом не встретил сочувствия, и я возвращаюсь без всякой ориентировки и инструкции на фронт, который отодвинулся еще назад и левым флангом (2-ая стр. дивизия) упирается в болотистое лесное пространство. Настроение офицеров и солдат сильно упало, надежд больше нет ни на что, сзади нас территория Эстонии, которая становится все более и более враждебной по отношению к нам; как мне кажется, виноваты были обе стороны, проявив излишнюю нетерпимость.

К. Пушкарев
14 ноября 1919 г.

*Да придет!.. Высокие плечи,
Преклоняя на белом лугу,
Я походные пески, как сечи,
Перед ликом России зажду.*

(Иван Савин).

ф14-ое ноября 1919 года. Эта дата твердо врезалась в памяти, тяжелым гнетом легла на сердце. Но мы не пали духом, мы отомстим, наш час придет, в этом смысл нашего су-

12-го числа моя дивизия заняла Кольцевую позицию перед Ямбургом; еду снова в Нарву, заместителем моим остается полковник Пермикин.

Красные потеснили части 3-ей стр. дивизии и обошли оба фланга 2-ой. Полковник Пермикин отправился лично руководить частями боевой линии, а резервы (полк 3-ей стр. дивизии и полк 2-ой, а также артиллерия) не используются в полной мере, и в результате – неудача. Неся потери, части отходят за р. Лугу по единственному мосту, вброд и по тонкому льду, а один батальон Талабцев отрезан красными и лишь на следующий день ему удалось присоединиться к своим.

Фронт занимается от моря по озерам до р. Луги эстонцами, от реки и до полустаика Сала моей дивизией, южнее снова эстонцами, 3-ей дивизией и др. частями нашей Армии.

Настали сильные морозы, помешаний не было, эстонцы чинили нам всевозможные препятствия и сами в то же время требовали нашей поддержки: то резервами, то артиллерийским огнем. На небольшом клочке Русской земли скопились беженцы и войсковые обозы; их в Эстонию не пропускали и вследствие холода и недооказания начались болезни, завершившиеся тифозной эпидемией, от которой погибло до 8 тысяч чинов Сев.-Зап. Армии и обывателей. Мой штаб притулился в двух полуразрушенных хатах мызы Сальской; грязно, тесно, холодно, много крыс. И днем, и ночью сильный артиллерийский бой, большевики пробуют наступать, но их отбивают наши доблестные части, ряды коих сильно поредели; стрелки с трудом держат винтовки в оледеневших руках.

В командном составе дивизии перемены: мой помощник полков-

ничества; борьба не кончена, она продолжается, залог тому крепкая духом, полная жертвенности русская армия за рубежом, партизанские восстания братьев Русской Правды на территории СССР. И кто знает – не является ли гром пушек с Дальнего Востока зарей освобождения России, началом нашего реванша...

14-го ноября 1919 года мы оставили Ямбург, последний город из числа тех, коими владела Северо-Западная Армия в своем победоносном наступлении на Петроград.

ник Делль назначен командиром 2-ой бригады дивизии, полковник Трусов – 1-ой, с производством в генералы; полковник Пермикин тоже произведен в следующий чин и уехал принимать 5-ю стр. дивизию; в командование Талабцами вступил полковник фон Гоэрц, Уральским полком – полковник Шиманский, Семеновским – полковник барон Унгерн-Штернберг, а Островским по-прежнему командует полковник Алексеев.

Эстонское правительство, наконец, разрешило беженцам и обозам перейти через р. Нарову на эстонскую территорию, а дивизионным резервам 2-й и 3-й дивизий – расположиться в Ивангороде и в помещениях Кренгольмской мануфактуры; от этих дивизий на фронте остается по два полка, причем талабцы еще раз поддержали свое имя, захватив в лихой атаке позицию противника и взяв пленных и батарею красных. 5-ая стр. дивизия отошла на эстонскую территорию, а 1-ая, 4-ая и 6-ая еще раньше были разоружены и направлены в глубь Эстонии; лебединая песнь Северо-Западной Армии была спета. Впереди оставались на долю чинов Армии бесконечные обиды, издевательства, тиф, лесные работы и эмигрантское рассеяние.

Настанет пора, воскреснет Россия и воздастся должное верным сынам ее. Не достоин своей Родины тот, кто не принимал участия в героических попытках освободить ее от ига насильников.

С большевиками, или против них, середины нет!

Ницца, 2-го февраля 1932 года.

Служба Связи Ливенцев и северо-западников, Данциг, 1932, сентябрь, № 6, с. 11-20.

Морозный день. Снег кругом белый, пушистый, хрустит под ногами. Небо серое, однотонное. Холодно. Части 2-й и 3-й стрелковых дивизий под командой генерала Пермикина получили приказ расположиться на подступах к городу Ямбургу с востока, артиллерии стать на западном берегу реки Луги (сначала артиллерия встала на позицию в самом городе, но потом ее отвели за мост, на левый берег реки). На правом фланге, упираясь в реку, окопались Волынцы, левее их Талабцы. Весь фронт проходил по ле-

БУДУЩИЕ ГЕРОИ БЕЛОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Генерал-майор Николай Николаевич Юденич после окончания русско-японской войны (погоны 18-го стрелкового полка 5-й стрелковой бригады 8-го армейского корпуса), 1906 г.

Ротмистр Кавалергардского Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка А.П. Родзянко (фото предоставлено А.В. Вороновым).

Корнет Кавалергардского Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка барон Карл Густав Маннергейм.

Начальник морского отряда по охране русского посольства в Пекине лейтенант Ф.В. барон фон Раден. 1900 г. (фото предоставлено Н.А. Кузнецовым).

Корнет Кавалергардского Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка Светлейший Князь А.П. Ливен. 1897 г. (фото предоставлено А.В. Вороновым).

ТЕ, КТО СОЗДАВАЛ И ПОДДЕРЖИВАЛ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Командир ЛГв Измайловского полка будущий Председатель Особой военной миссии в Лондоне генерал-майор Б.В. Геруа (из книги Б.В. Геруа «Воспоминания», Париж, 1969.).

Генерал-губернатор Северо-Западной Области генерал-лейтенант В.В. Глазенап. 1919 г.

Корнет Кавалергардского Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка князь А.Н. Долгоруков (будущий начальник 4-й дивизии Северо-Западной армии). (из книги: «Дворянские роды Российской Империи», т.1, СПб., 1993.).

Подполковник Д.Р. Ветренко, командир 53-го пехотного Вольнского полка, будущий начальник 3-й дивизии Северо-Западной армии (ГА РФ).

Барон фон Крюденер-Струве, псковский губернатор от Северо-Западной армии (фото предоставлено В.Г. Чичерюкиным-Мейнгардт).

Начальник штаба Военного Представителя Русских армий при союзных правительствах и союзном командовании генерал-лейтенант Н.Н. Головин (фото предоставлено А.В. Вороновым).

СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ СЕВЕРОЗАПАДНИКИ

Солдаты Семеновского полка, 1919 г. (фото предоставлено А.В. Вороновым).

Офицеры Талабского стрелкового и 53-го пехотного Вольнского полков, 1919 г. (ГА РФ).

Ударник Ревельского отряда (из журнала «Солнце России»).

ЛИВЕНЦЫ

Ливенцы накануне освобождения Риги. Калнциемс, 21 мая 1919 г. В центре на первом плане – А.П. Ливен, справа от него – капитан К.И. Дыдоров. (фото из семейного архива Г.К. Феофиловой-Дыдоровой, передано для публикации К.М. Александровым).

Ротмистр, Светлейший Князь А.П. Ливен. Начальник Либавского Добровольческого стрелкового отряда. Август 1919 г. (из книги: Н. Рутыч. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002.).

Ливенец-пулеметчик у дер. Килли (из «Памятки ливенца». 1919-1929 гг., Рига, 1929.).

Артиллерийская батарея штабс-капитана Ф.Н. Андерсона. Слева направо в первом ряду: подпоручик Н.В. Флоринский, поручик К.Р. Зиверт, поручик К.В. Граушер, штабс-капитан Ф.Н. Андерсон, штабс-капитан В.А. Малкин, прапорщик Г.М. Левенсон, поручик З.Д. Дамберг; прапорщик А.К. Циглер, прапорщик В.О. Нейман, поручик А.Г. Вильгельмс. Второй ряд: прапорщик А.К. Зейдлер, подпоручик Бримбаум; Третий ряд: военный чиновник Вендель, подпоручик А.А. Тонгис, прапорщик Л.Р. Караффа-Корбут (из «Памятки ливенца». 1919-1929 гг., Рига, 1929.).

В госпитале Ливенской дивизии. Ревель, 1919 г. (Фото предоставлено С.Ю. Меркуловым).

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ. БОИ ВЕСНОЙ-ОСЕНЬЮ 1919 г.

Штаб 1-го армейского корпуса накануне осеннего «похода на Петроград». В центре - Командующий Северо-Западной армией генерал-лейтенант А.П. Родзянко и Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (из «Памятки ливенца», 1919-1929 гг., Рига, 1929.).

Артиллерийская батарея Даниловского отряда ведет огонь по позициям красной пехоты. Май 1919 г. Белые повязки на рукавах – типичный атрибут формы даниловских партизан. (Фото предоставлено С.Ю. Меркуловым).

Бойцы 5-го Островского полка в полученном английском снаряжении накануне наступления на Петроград, сентябрь 1919 г. (Фото предоставлено С.Ю. Меркуловым).

ЗАПАДНАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ. 1919 г.

Командующий Западной Добровольческой армией генерал-майор князь П.Р. Бермондт-Авалов (справа) и Командующий всеми германскими оккупационными войсками в Прибалтике генерал-майор граф фон дер Гольц (из книги Бермондт-Авалов П.Р. «В борьбе с большевизмом. Воспоминания», Глюкштадт и Гамбург, 1925.).

Парад «Железной дивизии» 1 сентября 1919 г. (из книги Бермондт-Авалов П.Р. «В борьбе с большевизмом. Воспоминания», Глюкштадт и Гамбург, 1925.).

Смотр ген. фон дер Гольцем и ген. Бермондт-Аваловым русско-немецких частей Западной Добровольческой армии (из книги Бермондт-Авалов П.Р. «В борьбе с большевизмом. Воспоминания», Глюкштадт и Гамбург, 1925.).

Ротмистр ЛГв Кирасирского Ея Императорского Величества полка (в будущем полковник, начальник штаба Отдельного Псковского Добровольческого корпуса) барон В.Г. фон Розенберг (из книги Бермондт-Авалов П.Р. «В борьбе с большевизмом. Воспоминания», Глюкштадт и Гамбург, 1925.).

1-й эскадрон гусарского имени графа Келлера полка во главе с командиром полка полковником Долинским (из книги Бермондт-Авалов П.Р. «В борьбе с большевизмом. Воспоминания», Глюкштадт и Гамбург, 1925.).

ЗА СВОБОДНУЮ ИНГЕРМАНЛАНДИЮ

Знаменый взвод Северо-Ингерманландского полка. 1919 г. (фото предоставлено А. Пюккеном).

Регент Финляндии генерал-лейтенант Российской Императорской Армии кавалер Ордена Св. Георгия барон Карл Густав фон Маннергейм.

Бойцы Северо-Ингерманландского полка. 1919 г. (фото предоставлено А. Пюккеном).

Полковник Эльвенгрен и адъютанты штаба 1-го Карельского полка. Весна 1918 г. (фото предоставлено А. Пюккеном).

Полковник Эльвенгрен за оперативной картой. Терийоки. Весна 1918 г. (фото предоставлено А. Пюккеном).

ЛЕТЧИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Слева-направо: морские летчики лейтенант И.И. Нагурский, мичманы В.А. Корольков и О.Н. Зайцевский, лейтенант В.А. Литвинов, подпоручик по Адмиралтейству П.Г. Еременко. Авиастанция Кильконд/Папенгольм, зима 1915/1916 гг. Композиция снимка необъяснимым образом отразила будущее, отдалив Нагурского от остальной группы и обособив в ней Зайцевского и Литвинова (служил в авиации ВСЮР) (фото предоставлено М.А. Хайрулиным).

Капитан Вяйне Миккола в финской военной форме, приблизительно 1919 г. (фото предоставлено М.А. Хайрулиным).

Лейтенант Б.П. Берг. Авиастанция Кильконд/Папенгольм, 1916 г. (фото предоставлено М.А. Хайрулиным).

Старший лейтенант С.А. Липин. Авиастанция Кильконд/Папенгольм, 1916 г. (фото предоставлено М.А. Хайрулиным).

«Ньюпор 17/23» с мотором «Рон» 110 л.с. с финскими опознавательными знаками (синяя свастика (опознавательный знак с 1918 по 1944 гг.) - часть родового герба баронов фон Розен, приобретших для финских ВВС первый самолет). Имели в Финляндии кодовые номера «Д. 62/18» и «1.Д.453» (фото предоставлено М.А.Хайрулиным).

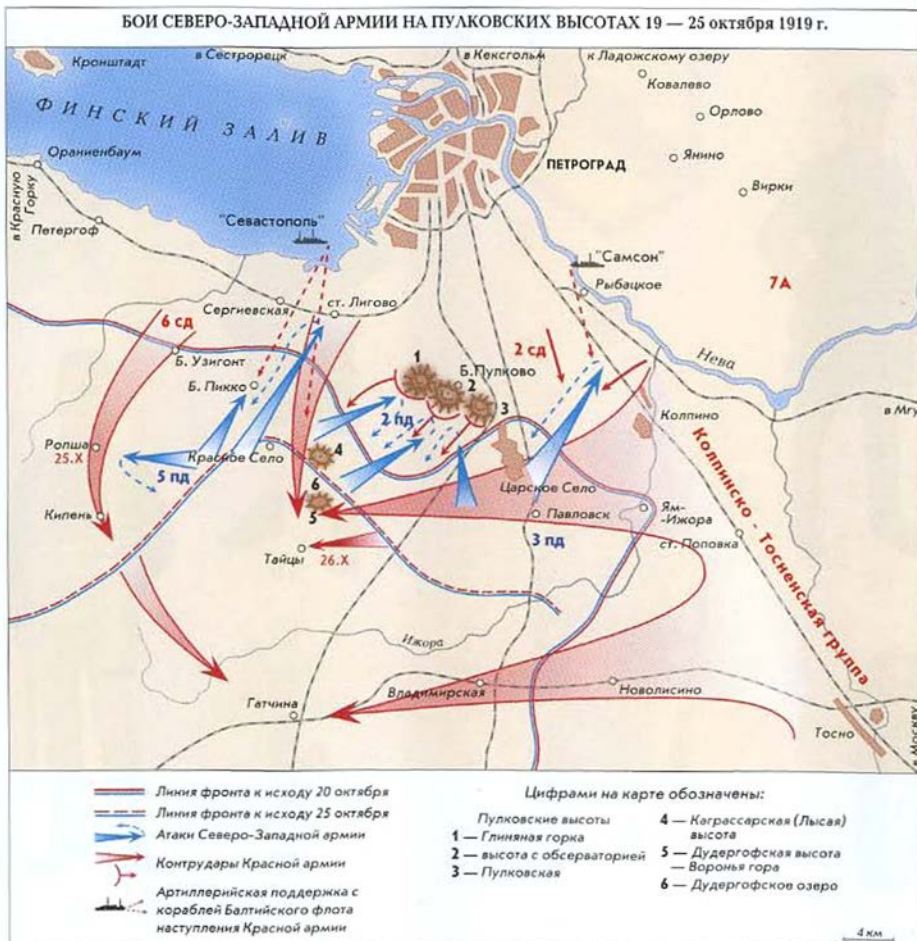
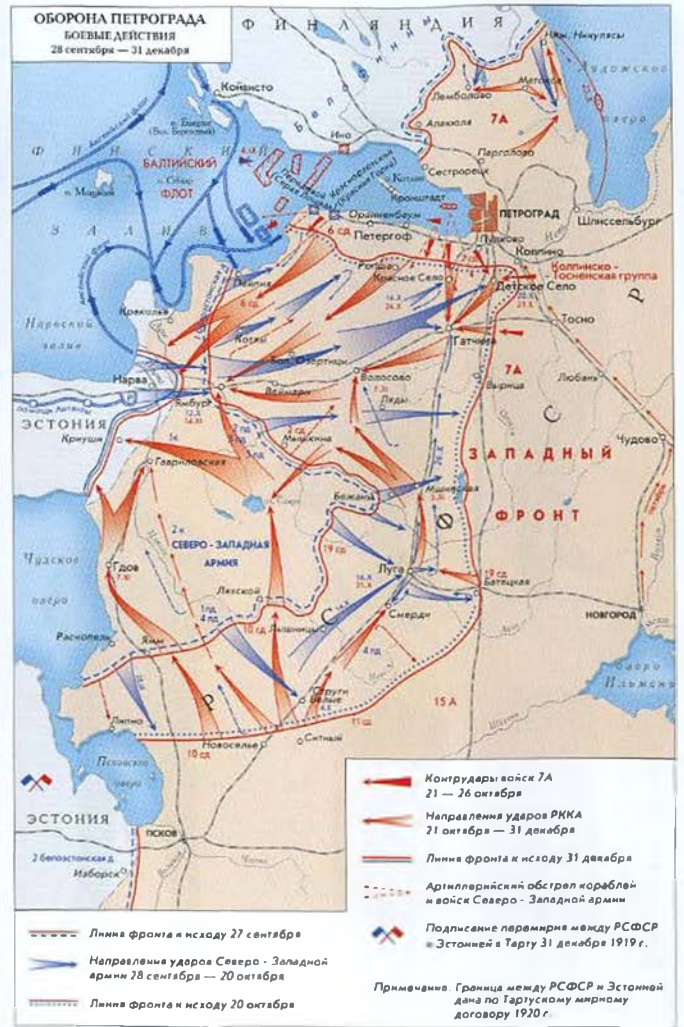

Штабс-капитан Б.В. Сергеевский у своего «Ньюпора». 1917 г. (фото из журнала «Русский американец», № 20, 1995 г.)

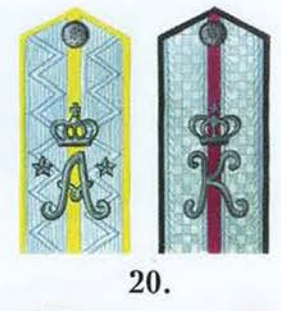
Угнанные из Петрограда «Ньюпоры 10» (на переднем плане) и один из «Ньюпоров 17/23» (на заднем плане) под охраной финских часовых. Антреа, 11 апреля 1918 г. (фото предоставлено М.А. Хайрулиным).

НАСТУПЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ НА ПЕТРОГРАД. 1919 г.

ОБМУНДИРОВАНИЕ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ БЕЛОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ (художник А. Лебедева)

ОРДЕНА И ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ, СИМВОЛИКА БЕЛОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

(художник А. Лебедева)

Подписи к рисункам:

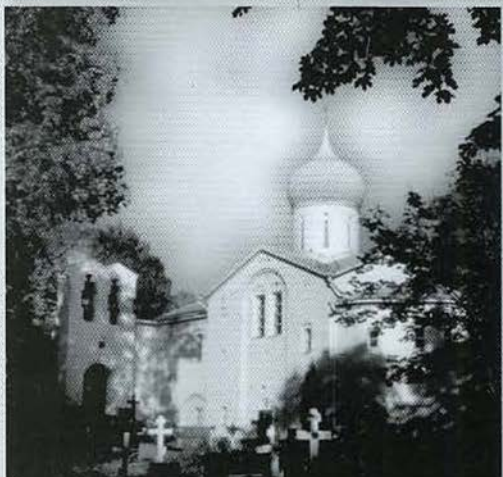
- 1). Офицер штаба Псковского Добровольческого корпуса. 1918 г.
- 2). Рядовой Северного корпуса. 1919 г.
- 3). Погон офицера 1-го Псковского стрелкового полка Псковского Добровольческого корпуса. 1918 г.
- 4). Погон младшего унтер-офицера 2-го Островского полка Псковского Добровольческого корпуса. 1918 г.
- 5). Погон рядового 3-го Режицкого полка Псковского Добровольческого корпуса. 1918 г.
- 6). Нарукавный знак чинов Северо-Западной армии (с печатью части). 1919 г.
- 7). Погон офицера 53-го пехотного Волынского полка Северного корпуса. 1919 г.
- 8). Погон фельдфебеля 5-го стрелкового Островского полка Северо-Западной армии. 1919 г.
- 9). Офицер 1-го дивизиона Конного отряда Булак-Булаховича. 1919 г.
- 10). Офицер Семеновского полка Северо-Западной армии. 1919 г.
- 11). Офицер 53-го пехотного Волынского полка Северо-Западной армии. 1919 г.
- 12). Фельдфебель Ревельского стрелкового полка Северного корпуса. 1919 г.
- 13). Рядовой 3-го Ливенского (19-го Полтавского) полка. 1919 г.
- 14). Офицер 1-го Ливенского (17-го Либавского) полка. 1919 г.
- 15). Нарукавный знак Северо-Ингерманландского полка. 1919 г.
- 16). Кокарда чинов Северо-Ингерманландского полка. 1919 г.
- 17). Погоны чинов Ливенской (5-й) дивизии Северо-Западной армии. 1919 г.
- 18). Унтер-офицер Северо-Ингерманландского полка. 1919 г.
- 19). Стрелок Особого Русского корпуса. 1918 г.
- 20). Офицерский погон чинов Конвоя Командующего Западной Добровольческой армией; погон чинов Казачьей полу-сотни при Конвое. 1919 г.
- 21). Нарукавный знак Западной Добровольческой армии. 1919 г.
- 22). Офицер Конвоя Командующего Западной Добровольческой армией. 1919 г.
- 23). Офицер Казачьей полусотни при Конвое Командующего. 1919 г.
- 24). «Крест Юденича» («За Осенний поход на Петроград. 1919 г.»).
- 25). «Крест Северо-Западной армии» («13 мая 1919 г.»).
- 26). Орден «Крест храбрых» Булак-Булаховича.
- 27). «Крест Бермондта-Авалова».
- 28). Медаль «За участие в боях в Курляндии» (аверс и реверс).
- 29). Знак в память начала Северо-Западной армии. «13 мая 1919 г.»
- 30). Знак Ливенцев.
- 31). Знак Св. Георгия Победоносца Северо-Западной армии.
- 32). Крест Балтийского ландшверта.
- 33). Крест Белой Стены (Ингерманландия) офицерский.
- 34). Крест Белой Стены пшжих чинов.
- 35). Крест Белой Стены «За особые заслуги».
- 36). Знак участника освободительного движения Ингерманландии.
- 37). Национальный флаг Ингрии.
- 38). Герб Ингрии.
- 39). Знамя Западной Добровольческой армии.
- 40). Знамя 1-го Ливенского (17-го Либавского) полка Северо-Западной армии.
- 41). Знамя Ревельского стрелкового полка.

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА

(из коллекций Ю.А. Артемьева, Р.В. Полчанинова).

ХРАМЫ И НЕКРОПОЛИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

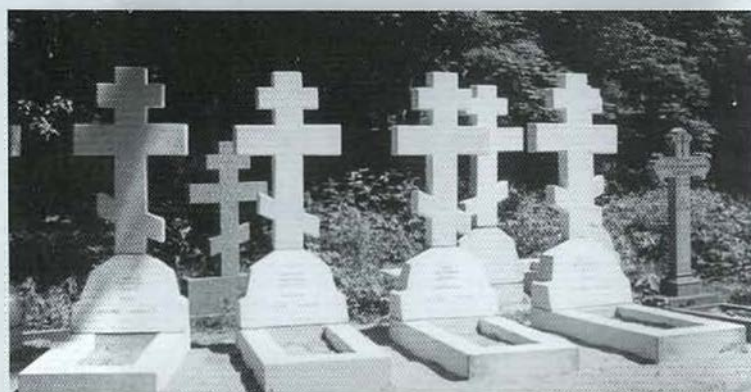
Часовня Св. Ильи Пророка на Русском кладбище в Гельсшгфорсе (Фото предоставлено В.Н. Бакинским)

Братское кладбище Северо-Западной армии 1918-1920 гг. в Нарве (Эстония) (фото предоставлено С.Г. Зириным)

Собор Св. Великомученицы Екатерины. г. Ямбург (фото предоставлено С.Г. Зириным).

Могилы чинов Западной Добровольческой армии на кладбище Тегель в Берлине (фото предоставлено В.Г. Чичерюкиным-Мейнгардт).

Церковь Св. Благоверного князя Александра Невского при военном госпитале в Красном Селе (из выпуска 26-27 «Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости», 2002.).

Иконостас часовни Св. вмч. Георгия Победоносца на месте его явления. с. Ложгалово. 1912 г. (из выпуска 26-27 "Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости", 2002.).

Мемориал в память погибших в боях 1918 г. солдат и офицеров Белой Гвардии Финляндии (фото предоставлено Р.Г. Гагкуевым)

ЧЕХОСЛОВАЦКІЕ ЧАСТИ В 1917 г. (к статье Б. Татарова)

Чехословацкіе стрелки на улицах Києва. 1916 г. (фото предоставлено Б. Татаровым).

Депутат Дюрих при встрече с чехословацкими стрелками. 1917 г. (фото предоставлено Б. Татаровым).

Генерал Червинка (фото предоставлено Б. Татаровым).

Офицеры 1-го Чехословацкого артиллерийского дивизиона (второй слева капитан Владимир Холявин, третий - поручик Алексей Холявин, в центре поручик Петржик, командир батальона, штурмовавшего Киевскую шандель (фото предоставлено Б. Татаровым).

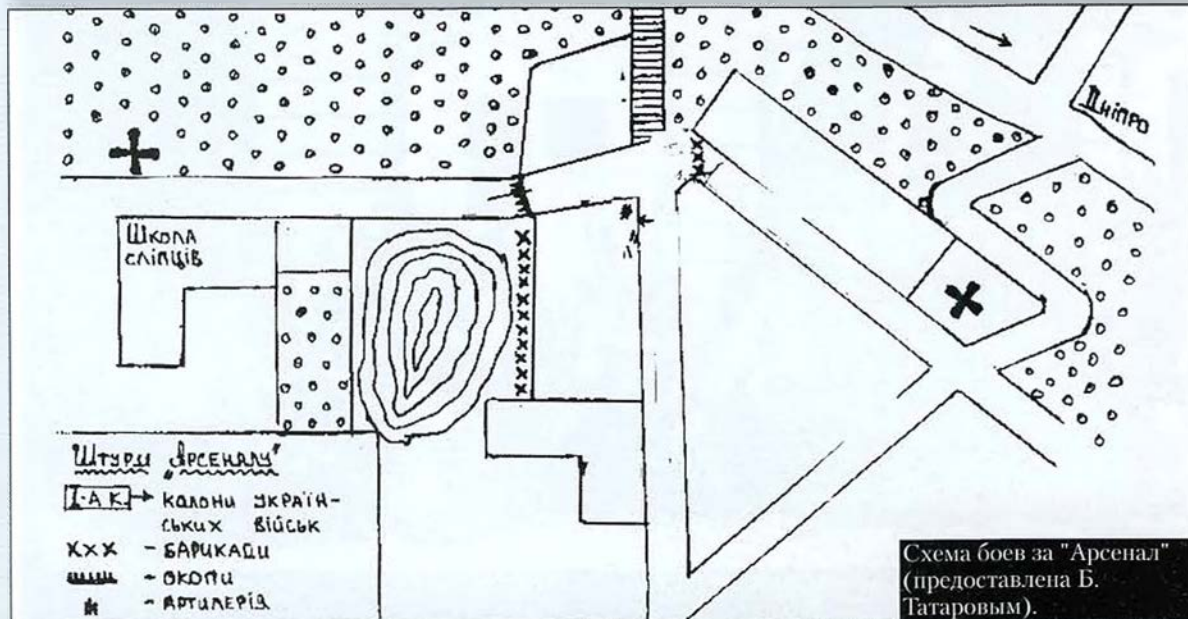

Схема боев за "Арсенал" (предоставлена Б. Татаровым).

«ОЛЬГИНЫ ГУСАРЫ» (к статье А.В. Воронова)

Подполковник 3-го Гусарского Елисаветградского Е.И. Выс. Великой Княжны Ольги Николаевны полка (открытка) (из коллекции А.В. Воронова).

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна, Августейший Шеф Елисаветградских Гусар в форме полка (из коллекции А.В. Воронова).

Рядовой 3-го Гусарского Елисаветградского полка. 1912 г. (ретушированная фотография) (из коллекции А.В. Воронова).

Оркестр 3-го Гусарского Елисаветградского Е.И.В. Великой Княжны Ольги Николаевны полка Новый Петергоф, 5 августа 1913 г. (из коллекции А.В. Воронова).

су, прорезавшемуся широкой полосой шоссе Ямбург – Ропша, служившему стыком Талабского и Волинского полков. 15-ая армия большевиков, прорвавшая обозначенную линию белого фронта между ст. Луга и ст. Гатчино (участок в 80 верст охранялся полутора сотней людей, расположенными вдоль железной дороги), шла наперерез отступавшей от Гатчины к Ямбургу Северо-Западной армии, в надежде раньше занять этот город с его единственной переправой через р. Лугу и отрезать Северо-Западную армию от Эстонии.

План этот не удался, Северо-Западная армия дошла до гор. Ямбурга раньше большевиков и решила оказать им здесь сопротивление. Артиллерии было трудно дать существенную помощь пехоте, наблюдательных пунктов с широким кругозором не было. Пристреляв пространство в нескольких местах перед нашими окопами, мы должны были ограничиться наблюдением за шоссе на случай появления бронемашин большевиков, для чего расположили свой наблюдательный пункт в районе Талабского полка, недалеко от шоссейной дороги.

Полная неизвестность, что происходит кругом – впереди ничего не видно – лес, лес пока глаз хватает, большой процент бывших красноармейцев в Волинском полку, делающий полк мало надежным при обороне, единственный мост через р. Лугу в тылу – все это создавало настроение нервное, напряженное. К 11 часам поднялся ветер, сгибались, скрипя высокие сосны, обдавая сидящих под ними мелким слоем снежной пыли, которая забиралась за воротник, таяла от тепла тела и заставляла неприятно дрожать. Скрип деревьев протяжным эхом отдавался в лесу, казалось, что кто-то жалобно, жалобно плачет. На шоссе показался броневой автомобиль красных и остановился у поваленных через дорогу больших деревьев, застрекотал пулемет по белым окопам, сплошным роем посыпались пули.

Батарея наша открыла огонь. Где-то далеко раздался глухой выстрел, прокатился по лесу, взметнул столб огня, дыма и развороченной земли перед радиатором автомобиля, и лес наполнился гулом разрыва гранаты, за ним последовал второй,

третий... Свистя, пронеслись снаряды, во всем лесу стоял треск и грохот. Вдруг, справа сзади раздался крик «ура» и мимо побежали Волинцы, в панике отступая – красные повели атаку на правофланговый 3-ий батальон Волинского полка, он почти весь сдался и красные грозили выйти нам в тыл, пришлось спешно отходить.

Отступать на Ямбургский мост было поздно, красные, вероятно, там уже хозяева. Двинулись к северной опушке гор. Ямбурга, туда же стекались отходящие Талабцы, Островцы и Волинцы. (Островцы стояли левее Талабцев). Мост был взорван, и красные, расположившись у моста, обстреливали р. Лугу из пулеметов. Река широкая, покрытая тонким слоем льда, запорошенным снегом, восточный берег низкий – западный гористый. Каждый человек, переходящий реку по льду, помимо опасности провалиться под лед, представлял собою великолепную цель для большевиков. Был еще переход севернее, туда предполагали идти Островцы, но не всем улыбалось двигаться так далеко и многие предпочли рисковать, переходя р. Лугу по льду. Потрескивал лед, искрился снег под ногами, мороз щипал нос и уши, далекой белой лентой вилась река, и по ней черными точками замелькали люди, переходившие на «ту» сторону, к крутому скату горы, где за забором стояли белые пушки и куда уже долетали красные пули.

А небо было суровое, неприветливое. Артиллерия получила приказ выбрать позицию за домами, в 1 версте от берега реки и оттуда держать огонь по большевикам в Ямбурге. В исполнение этого приказа о перемене позиции, наша батарея вышла на шоссе Ямбург – Нарва.

Короткий зимний день подходил к концу. Начинало темнеть. Серые причудливые тени ложились от изб и деревьев на дорогу, запруженную отходящими обозами. Повозки сгрудились сплошной массой, не давая возможности провести батарею. В этих во все времена и во всех армиях панически настроенных отступающих обозниках нельзя было узнать нормальных людей. Лица их выражали неподдельный ужас, они торопились куда-то, хлестали лошадей, кричали, повозки наезжали одна на дру-

гую, сбивались в кучу и загромождали дорогу, не будучи и сами в состоянии сдвинуться с места. Рядом двигались отдельные отступающие пехотинцы, оторвавшиеся в панике от своих частей, на их лицах было полное равнодушие, они задумчиво облокачивались при заторах на остановавшиеся повозки и курили «цигарки». Крик, ругань, удары кнута, ржанье лошадей – вот характерные звуки отступающего обоза. Еще, слава Богу, большевики не успели подвезти свою артиллерию и не открыли огонь, а то паника была бы невероятная. Только выслав вперед команду конных разведчиков, при офицере, угрожая револьвером, удалось кое-как расчистить путь для прохода батареи по шоссе к своей новой позиции. Доехав до места, снялись с передков, взяли направление, построили параллельный веер. Устраиваться не хотелось, чувствовалось, что ненадолго. Тьма стала гуще, шум с шоссе еще слышнее, холод все усиливался. Со стороны реки журчала дробь пулемета, хлопали отдельные ружейные выстрелы. Было грустно. Полные надежд шли мы месяц тому назад вперед, верили в скорое занятие Петрограда, свержение большевиков. Но все переменялось за этот месяц: от подступов к Петрограду мы откатились к эстонской границе, лишились последнего белого города. Кончились теплые дни, с холодами приходилось отказаться от активных боевых действий, тогда мы еще не думали, что пришел конец Северо-Западной Армии, что скоро уже разоруженная, интернированная в Эстонии Северо-Западная Армия превратится в лазарет для тифозных больных, где смерть поспешно будет ликвидировать остатки героической армии.

Поздно ночью получили новое распоряжение отойти к дер. Дубровка. Обозы уже прошли, шоссе было свободно. Мы медленно двинулись на запад. Над Ямбургом высоко к темному небу поднимался столб пламени, слышался злоеющий треск горящего дерева. Отступая, наши саперы подожгли Ямбургский мост...

Служба Связи Ливенцев и северо-западников, Данциг, 1932, сентябрь, № 6, с. 27-30.

**А. Куприн
Павлик Шувалов**

Так звали в Северо-Западной армии добровольца графа Шувалова, вошедшего в 1919 году в состав Талабского полка.

Стрелки промеж себя называли его «наш Павлик». Павликом Шуваловым он остался и поныне в памяти всех немногих офицеров, которых пощадила судьба во дни легендарного похода на Петроград.

В этом уменьшении имени совсем не было оттенка фамильярности или развязности: были любовь, привязанность и немощно неуклюжая, но очень теплая русская ласка.

Все, кто только ни встречался с Павликом Шуваловым, все добровольно и легко пленялись обаянием его аристократической простоты, его здоровой и беззлобной веселости, непринужденному чувству товарищества и быстрой способности к дружеской услуге.

В Северо-Западной армии никого нельзя было удивить храбростью, да, впрочем, об этом достоинстве никогда и не заходила речь. В бою берегли друг друга. Но особенным вниманием и с тревогою следили за Павликом Шуваловым, потому что он еще до наступления на Петроград потерял ногу и ходил с протезом.

Около графа Шувалова всегда безотлучно находился другой Шувалов, просто Шувалов, преданный Павлику с каким-то безграничным, собачьим обожанием. Во время атак он ходил как тень рядом с графом и, если случалось, что у графа Павлика

Шувалова заскакивал протез, то Шувалов-стрелок нагибался и выпрямлял его.

Боязнь смерти была совершенно чужда Павлику. С обычной беспечной и прекрасной улыбкой он говорил иногда: «Одного бы я не хотел: это, чтобы меня ранило в живот. Противно.»

Недобрая судьба точно подслушала его: он умер от смертельного ранения в полость живота.

Шел ночной бой в окрестностях Царского Села. Большевики стреляли из тяжелых орудий с бронепоезда «Ленин» и с Гатчинского шоссе.

Павлик Шувалов вместе со своим преданным стрелком Шуваловым тянули пулемет, с трудом опознавая в ночном мраке, изредка озаряемом дальними взрывами снарядов.

И, вдруг, в самой середине Талабского полка оглушительно грохнула бомба, сотрясая землю. Смутный говор пошел по рядам стрелков и офицеров: «нашего Павлика ранило... Павлика Шувалова убило...»

Командир полка, генерал Пермикин, только что пынешним утром назначивший графа Шувалова своим адъютантом, поспешил к месту взрыва. При свете ручного фонаря он стал приглядываться. Но в эту секунду ослепительный луч вражьего прожектора набрел на место катастрофы и, ярко осветив его, остановился.

Стрелок Шувалов лежал ничком на земле недвижно и беззвучно. Павлик Шувалов лежал на спине и тихо сдержанно стонал. Пермикин нагнулся к нему. Слабая мученическая

улыбка показалась на бледных устах Павлика.

- Конец, - прошептал он, - в живот... умираю.

Пермикин старался его ободрить.
- К чему отчаиваться, граф Павлик? И не такие еще раны заживают. Даст Бог, поправитесь...

Павлик слегка покачал головой: - Я не боюсь. Была бы спасена Россия... - простонал он. - А у меня к вам, ваше превосходительство, покорнейшая просьба.

- Ради Бога. Пожалуйста. Все, что могу.

- Умоляю вас, отойдите от меня подальше. Их артиллерия сюда пристрелялась.

Пермикин отказался и продолжал стоять над Павликом, ожидая носилок.

Через минуту, точно очнувшись, граф Шувалов сказал еле слышно:

- Ваше пре...ство, разрешите курить.

Генерал вставил папироску в рот и зажег. Сделав одну затяжку, Павлик Шувалов выронил папироску и замолк, лишившись чувств.

Вскоре он умер.

Могила его безвестна. Но живым памятником ему осталась незабываемая, теплая, нежная память о нем всех знавших этого прекрасного человека, положившего за други своя и молодую радостную жизнь и чистую душу.

«Была бы спасена Россия!»

*Служба Связи Лицевцев и северо-западников, Данциг, 1930, май,
№ 2, с. 7-9.*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ.

Материалы научной конференции, М., 2003.

В апреле 2002 года в Челябинске состоялась научно-практическая конференция, посвященная истории гражданской войны и Белого движения на Урале в 1918-1920 гг. Рассматривались также и другие регионы Восточного фронта Белого движения (Сибирь, Дальний Восток). Был обсужден широкий круг вопросов, связанных с экономическими, политическими и идеологическими аспектами истории антибольшевистского движения. Доклады участников были основаны на значительной источниковедческой базе, в частности на документах и материалах местных архивов. Материалы конференции вошли в данный сборник, интересный как для профессиональных историков, так и для всех тех, кто интересуется историей гражданской войны в России.

Библиотечка русоисследователя. Выпуск № 8

Гражданская война на Востоке России

Материалы научной конференции в Челябинске

Москва «РОСЭВ»
2003

Заказы направлять по адресу: 107497, Москва, а/я 4, Цветкову В.Ж.

КАТАСТРОФА

Ноябрьский разлом Северо-Западного фронта, начавшееся отступление от Красного Села, Павловска и Гатчины оказались настолько неожиданны, внезапны, что вызвали сразу же множество вопросов о причинах неудачи. И те, кто еще в октябре, в преддверии освобождения Петрограда, говорили о героических подвигах Северо-Западной армии и о грядущем «спасении России», наперебой стали искать виновных. Фронт обвинял тыл в «отсутствии поддержки», «свокорыстии» и «предательстве», а тыл упрекал фронт в «бездарности» и «реакционности командования», в «недоверии демократическим силам». В то же время многим казалось, что армия еще сможет собраться с силами и подготовиться к новым боям (как это уже было весной-летом 1919 г.) если не на петроградском направлении, то на Северном фронте ген. Миллера или в составе Вооруженных Сил Юга России. Даже во время отступления к Нарве на сторону белых переходили отдельные подразделения красной армии (что отмечал в своих воззваниях сам Троцкий), а боевые потери северозападников не представлялись такими уж крупными. Но с началом 1920 г. становилось все более очевидным, что Северо-Западная армия как самостоятельная боевая единица существовать не сможет. Главными причинами этого стали: страшная эпидемия тифа, обрушившаяся на остатки белых полков в начале зимы 1919/1920 гг., и Тартуское перемирие (31 декабря 1919 г.), а затем мирный договор Эстонии с Советской Россией (2 февраля 1920 г.), переводивший части Северо-Западной армии на положение беженцев. После этого единственной задачей белого командования стала ликвидация армии и обеспечение ее чинов хотя бы минимальными ликвидационными пособиями (что было сделано единственный раз за всю историю белых фронтов). Представленные ниже документы показывают особенности этого периода истории Северо-Западного фронта. Хотелось бы обратить внимание читателей на переписку послов, письма ген. П.Н. Краснова и материалы о т.н. «аресте ген. Юденича».

В.В. Вальтер

ПИСЬМА С ФРОНТА И ГОСПИТАЛЯ

Вальтер Владимир Викторович родился в Санкт-Петербурге 19 декабря 1893 года. Окончив 1-ю гимназию, в 1911 году поступил на историко-филологический и юридический факультеты Санкт-Петербургского университета. Однако получить диплом его так и не смог, началась Первая мировая война. Владимир Вальтер, несмотря на то, что был студентом, и мобилизации не подлежал, ушел на фронт добровольцем. Два года провел в окопах, был награжден солдатским, 4-й степени Георгиевским крестом, в 1916 году откомандирован в Николаевское инженерное училище (Петроград), из которого вышел поручиком в марте того же года.

И снова - русско-германский фронт, вплоть до октябрьской революции 1917 года, после которой армию пришлось оставить.

В 1918 году Вальтер решил уйти из Петрограда, он - противник большевистской диктатуры, принял для себя принципиальное решение - участвовать в вооруженной борьбе на стороне Белого движения. По всей видимости, еще в Петрограде Владимир Викторович был связан с антибольшевицкими подпольными организациями, так как именно он доставил командованию Северо-Западной армии план расположения красных войск вокруг Петрограда. Его военная эпопея продолжалась недолго, всего два месяца. После тяжелого ранения и перенесенного тифа он был комиссован с военной службы.

Благодаря помощи друзей и знакомых ему удалось получить возможность перебраться в Финляндию.

О дальнейшей - эмигрантской - судьбе Владимира Вальтера нам известно крайне мало: он жил сначала в Хельсинки, затем - во Франции.

В архиве библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (Ф. Е-39) хранятся письма В.В. Вальтера к своей невесте Елене (ставшей, впоследствии, его женой) из Северо-Западной армии, с фронта, а затем из госпиталя. Их - немного, но они передают тот военный колорит, который сложился в осенних, 1919 года, боях под Петроградом, общее состояние Северо-Западной армии (Вальтер служил в инженерной роте 3-й дивизии), настрой солдат и офицеров, надежды и реальность тех дней...

(*Публикация и комментарии подготовлены В.Л. Телицыным*).

15 октября 1919. д. Б. Озертицы

Вот уже несколько дней, как я иду походом с ротой. Догнать фронт невозможно, наступление неудержимо катится вперед¹. По слухам взяты Гатчина и Красное Село. Я сейчас нахожусь между Веймарном и Волосовым.

Ты можешь представить наше настроение? Писать об этом невозможно.

Моя рота еще не одета - обмундирование за нами не поспевает.

Сегодня я получил с оказией из Нарвы пачку твоих писем. В одном из них ты пишешь, что не видишь реальных оснований ожидать взятия Петрограда этой осенью. Я думаю, что теперь ты думаешь иное.

Через несколько дней я буду дома! Пойми это...

20 октября 1919. ст. Волосово

После долгих странствий походом порядком, наконец грузимся в поезд. Через несколько часов выезжаем в Гатчину и вероятно не выгружаясь - дальше... Ведь бои идут уже в Петрограде, через день - два, я буду там. При первой возможности постараюсь попасть к вам. - Удастся ли - не знаю, но, во всяком случае из Петербурга - дам о себе знать.

Настроение отличное. Передай при случае Марусе или Сергею, что у меня в роте делопроизводителем - Э. Петров, который привез мне от тебя и девочек пакет. К сожалению, он бросил его в Ревеле, так как не знал там, что попадет ко мне в роту.

Володя Фриде с английскими танками² вероятно уже под самим Петроградом...

24 октября 1919. Гатчина.

Сегодня получил от тебя письмо от 14 октября. Как хорошо знать, что впереди не только освобождение Петрограда, но и ты... Как странно и хорошо было после похода и грязи, утомления, когда все непрерывно шло, когда знал, что никоим образом не получить от тебя писем - теперь, здесь - наконец, получить от тебя весточку.

Вот уже три дня, как мы в Гатчине. Рота немного отдохнула и пришла в себя, нас, наконец, догнала обмундирование. Но уже сегодня пришлось выслать взвод с одним из моих офицеров вперед с танками.

Володя Фриде здесь, мы с ним встречаемся почти каждый день. За это наступление ему пришлось очень

туго. Было масса работы, очень тяжелой и опасной. - Я рад, что не попал на танки - это не работа, а каторга. Тех, кто сидит внутри машины, после нескольких часов работы, - часто выносят в обмороке.

27 октября 1919. Гатчина.

Я не успел дописать три дня назад, - это письмо так и осталось неотправленным. Эти три дня были очень тревожными. Ночью 25-го - привезли бедного прапорщика Фундта, который ушел с танками. Он был ранен в ногу. - Ночью возились с ним, и только к утру отправили в тыл. К счастью он ранен легко, в ногу. Он милый и храбрый мальчик, боюсь только, что он сам отчасти виноват в ранении, слишком полез в огонь. Из солдат - совсем легко ранено - двое.

Эти дни было масса работы, я устал порядочно и изнервничался. Приходилось мало спать, быть все время наготове. Красные отчаянно обороняются. Даст Бог, на днях положение улучшится, мы снова возьмем инициативу в свои руки и сможем продолжать наступление.

Славу Богу, что сейчас у меня в роте 4 офицера, кроме раненого Фундта, иначе я просто свалился бы с ног.

Даст Бог, то к чему мы все стремимся, - Петербург скоро будет нашим, и тогда мы снова будем уже окончательно вместе.

29 октября 1919. Гатчина.

Сегодня снова получил от тебя несколько старых писем... Письма почти все грустные. Не грусти, не тоскуй, не бойся за меня. Я верю, что то тяжелое дело, которое мы делаем, тяжелое не теми внешними условиями, в которых мы находимся, а тем, что в самом деле, которое мы творим, есть что-то бесконечно жестокое, несмотря на эту жестокость даст в результате что-то значительное и ценное, не только для нас лично, нет, для всех тех, кто так или иначе любит Россию.

Я писал тебе уже о ранении бедного прапорщика Фундта. После его отъезда, все эти дни были очень тревожны. Красные, по-видимому, согнали на наш фронт все, что они могли собрать, и жестоко папирали на нас. Только сегодня настроение поднялось и несколько упала напряженность.

Я бодр и энергичен. Настроение в такой обстановке совершенно меняется. Не позволяешь сомнениям забираться в душу, все «черти» вылетают сами собой из головы. Я думаю, что все мои муки и сомнения, о которых я тебе писал из Нарвы и Ревеля - следствие

где-то глубоко сидящего сознания, не ясно выраженного, что всякая работа в тылу неизбежно связана с чем-то стыдным. Опять та же «виноватость», которую я когда-то испытывал перед ранеными. Сейчас этого нет и следа, и мне и легче и проще. Как часто, шлепая по грязи, или слушая разухабистое пение моих сапер, я думал о тебе...

31 октября 1919 г. Гатчина.

Вот я пишу тебе все это, а в нескольких верстах все время грохочут пушки и как будто бы говорят, что в муках, страдании в напряжении нервом, нельзя погубить эту радость и свободу, что действительно страшна только пошлость. Я здоров и бодр. Внешние дела несколько улучшаются (по-видимому). Но вчера чуть было не пришлось оставить Гатчину. Один момент был очень тревожным.

Ты пишешь, что Иван Григорьевич написал, чтобы Маргулис снова вызвал меня в Ревель, - из этого ничего не выйдет, а если бы и вышло, я все равно не бросил бы роту до взятия Петрограда.

5 ноября 1919. Ст. Вруда.

Пишу тебе на походе, на коротком отдыхе. Рота «курит». Какой-то летчик слет в Нарву, он бросит там это письмо.

Наши мечты не сбылись, Петроград еще не взят, нам пришлось оставить Гатчину.

Отходить ужасно: тоскливо, грустно, злость берет! - но мы отходим сами, нас не гонят и положение, по-видимому, не скверно, но это опять задержка.

Несмотря на отход и дурное настроение в связи с этим, я бодр и здоров. Только нет писем. Почти все офицеры моей роты (командует ей теперь один штабс-капитан) из Финляндии и мы часто по вечерам, сообщая, но, не договаривая самого важного, мечтаем о поездке туда, сейчас конечно - несбыточной.

8 ноября 1919. Ямбург.

...Мы в Ямбурге. Измученные походом, в отвратительном настроении, так как ничего понять нельзя. Армия отошла без нажима со стороны красных, только из-за угрозы справа³. Будет ли в ближайшее время эта угроза ликвидирована, или это затянется несколько дольше - Бог весть.

Знаю одно - Ямбург забит войсками, измученными от похода, а не от боя, - забит так, что яблоку негде упасть.

Твои письма... доходят, вероятно, не все, но все-же доходят. В одном из последних писем ты пишешь, что если Петербург не будет взят, то нет сил больше терпеть. Неправда, нужно создать еще откуда-то сил, сжать зубы и быть упорно твердым...

10 ноября 1919. Ямбург.

...Только что вернулся с крайнего левого фланга 1-ой нашей позиции. Провели мы там (два младших офицера и я с 3-мя взводами) - двое суток в непрерывной работе, а сегодня, часа в 3 дня, нас неожиданно атаковали красные. Я первый раз с 1914 года принужден был бежать по полю, зная, что сзади в 800 - 1000 шагах идет цепь, что ты совершенно бессилён что-либо сделать, чтобы остановить уходящих и задержать наступление.

И стыдно и гадко, прямо злость берет! Из моих людей никто не пострадал, только трое не вернулись, боюсь не попались ли красным. Общее положение я сейчас себе представляю очень плохо, но хорошим его при всем желании не назовешь...

Прости, что такое короткое письмо, прямо сил нет - глаза слипаются, я не спал почти двое суток, да сегодня еще пришлось так «носпешно отходить», но завтра еду рано утром от нас в Нарву - я хочу дать о себе весточку.

13 ноября 1919.

...Мы (наша рота) - отошла от Ямбурга. Все части сбиты на очень коротком участке. Многие почуют на снегу у костров. Пишу в бараке, где мы ночевали. В бараке, вероятно, - человек пятьсот - полутьма, непрерывно висит в воздухе брань, но мы умудрились спать. Последние дни были ужасны в смысле работы. Приходилось спать по 2, по 3 часа. Вчера спал перед самым уходом из Ямбурга с 11 до 1 дня.

Как развернутся события дальше - трудно представить, но я поражен гораздо больше, чем в ту войну, выносливостью и главное - настроением солдат. Нет ни уныния, ни ропота, хотя люди измучены ужасно. В пехоте, в том полку, с которым я работал на левом фланге (вот где удирать пришлось), в ротах было человек по двадцать и они на другой день атаковали красных - раз в 10 - 15 превосходящих их численностью.⁴

Прости за почерк, пишу в полутьме, на парах, но хочу дать знать о себе. Мои письма теперь ты будешь получать гораздо скорее, ведь мы всего в 5 верстах от Нарвы.

18 ноября 1919.

Пишу тебе... в обстановке довольно примитивной. Лежу в шалаше на сене, горит костер, в котелке варится некое варево, которое будет названо супом.

Сюда мы пришли третьего дня ночью, для укрепления позиции [на] нашей передовой заставе. Надеялись разместиться на хуторе, но от хутора остался только фундамент. Ночевать та-

ким образом при 8 градусном морозе, довольно неприятно, но мы все офицеры, совершенно здоровы (до сих пор). Настроение не блестящее. В уныние и тоску я не впадаю, но положение наше (общее) - приходится признать весьма серьезным. Меня поражают солдаты: измученные непосильной работой, имея возможность спать часа по два - по три в сутки, в ужасных условиях они держатся. Ни ропота, ни уныния у них не чувствуется, все отлично сознают неизбежность создавшегося положения, и по возможности, к нему применяются.

Как сложатся дальше, один Бог решает.

Трое офицеров моей роты (шт. капитан Луговской, поручик Грибоедов и я) - все трое из Финляндии и все чаще наши беседы возвращаются к нашим местам. Вчера вечером, когда мы лежали прижавшись друг к другу, что бы было потеплее, мы вспоминали наших финских друзей и думали, что если бы вы все видели наши скрюченные фигуры? К счастью, живем мы все пятеро офицеров очень дружно, ни разу не было ни одного недоразумения, все ужасно трогательно заботятся друг о друге. В значительной мере это содействует нашей бодрости и хорошему настроению.

Надо кончать, сейчас едут в Нарву.

30 ноября 1919. Перевязочный отряд 3-ей дивизии.

... Не печалься, не грусти, не горюй о том, что я ранен. Повторяю, ранен я необыкновенно счастливо, через 10 - 14 дней я буду здоров, страданий почти нет, немного мучают на перевязках, но не боюсь я их совсем. Я сейчас спокоен, очень «тих» и сосредоточен. В первые минуты после ранения ужасно странное было состояние. Я сознания ни на минуту не потерял. Я понял, что я ранен, что если ранен в голову и не теряю сознания, не падаю - дело не так плохо.

Солдаты мои, когда увидели, что из меня, как из барана, хлещет кровь, что я еле иду, растерялись как дети. Трое потащили меня к нашему бронепоезду, а остальные стали удирать. Глупо и смешно смотреть. Хуже всего, пожалуй, было в бронепоезде⁵. У меня стало очень быстро опухать горло, дышать становилось все труднее и труднее. Минутами казалось, что я задохнусь. Поезд двигался взад и вперед, все время стреляя, а я лежал и думал, что если поезд застрянет на ночь, то я вероятно, без настоящей помощи смогу к утру отправиться «ad patres»⁶. Не знаю, действовало ли так на меня самое ранение, был ли это первый «шок» - но я и к

этой мысли относился, не то что споккойно, а «принимал» ее свободно, как нечто к чему я был давно подготовлен. Ведь я давно жил в дружбе со смертью, «Дамой - равнодушно дышащей Левкоем и Феоломом», - по словам Аннипского⁷. Ты об этой дружбе знаешь, и поймешь, вероятно, мое состояние.

А теперь - тихо, немного строго, даже внутри, странно думается (но почем я брежу немного) - и так ярко мечтается о тебе. Я временами с необыкновенной ясностью вспоминаю ваш дом, лестницу, твою и Верину комнату. Все кажется мне до такой степени милым, чистым и светлым, так хочется просто человеческого существования. Я не говорю о том, как мне нужно было бы повидать тебя теперь и говорить без конца.

Если бы только удалось это устроить! Так знай, что мне хорошо сейчас, не бойся и не нервничай из-за меня.

2 декабря 1919. Перевязочный отряд. Нарва.

Меня сердит, что меня до сих пор не отправляют в Ревель. Лежу здесь, в очень скверных условиях и сержусь.

Рана моя заживает так быстро, что я опасаюсь, что мне не дадут отпуска для поправки! Чувствую себя хорошо. Опухоль значительно опала, начинаю понемногу жевать, болей почти нет, только сплю неважно, всякая ерунда, главным образом военная, снится, и я начинаю бредить.

Много народа меня здесь навещает, вчера был Володя Фриде. Он сделал здесь карьеру, - кажется единственный из всех, кто сюда попал. Сейчас он служит в Английской миссии и, вероятно, сможет мне во многом помочь и в смысле эвакуации в Ревель и для переправы в Финляндию, если только это вообще будет возможно.

Ах, как бы мне хотелось попасть к вам на Рождество!

Ну, это все впереди, будет видно!

3 декабря 1919. Ревель.

Я в Ревеле. Вчера вечером меня собрали в две минуты и отправили сюда. Ехать было очень хорошо (эстонский поезд). Но здесь я попал в условия худшие, нежели в Нарве. Все переполнено (главным образом - больными). Завтра меня обещали устроить в частную лечебницу (за плату). Я решил лучше остаться без денег, но лечиться с толком. Ты подумай, ведь я с Гатчины, - значит, уже больше месяца не мылся, буквально зарос грязью, и ни в Нарве, ни здесь меня не посадили в ванну. Надеюсь, что завтра буду уже в хороших условиях. Рана моя заживает необык-

новенно быстро, я уже могу сделать несколько шагов самостоятельно. Болей нет. Пуля еще не вышуга, я ее сохранил на память, - тебе подарю. Хочешь?

С завтрашнего дня начну хлопотать о визах и пр.

5 декабря 1919. Ревель - 4-й армейский госпиталь.

К сожалению, мне не удалось перебраться в частную лечебницу - все занято и приходится валяться здесь, в противном госпитале. Сегодня доктор сказал мне, что я в таком состоянии, что если бы я мог устроиться в городе частным образом, то он разрешит мне это. Чувствую себя действительно хорошо, уже могу ходить (немного) рана почти зажила. Пулю доктор советует пока не вынимать, пока я совсем не поправлюсь.

Сегодня у меня должны быть Елачичи. Я постараюсь устроиться либо на квартиру у Константиновских, либо в гостинице, где живут Елачичи. Первое было бы приятней, но я боюсь стеснить Константиновских.

Во всяком случае здесь, в этом госпитале, я оставаться не хочу и в ближайшие же дни переберусь куда угодно отсюда.

Общее положение, а в связи с этим и настроение - скверное, но я стараюсь не скучать, не терять бодрости и держаться.

Относительно визы и эстонского разрешения, я еще ничего предпринять не мог, попрошу Елачичей замяться этими делами, пока я еще не могу сам прийтись за них вплотную. Во всяком случае, я приму все меры к тому, чтобы попасть к вам хотя бы на время.

От вас (от тебя и девочек) - получил в Нарве несколько писем - был им страшно рад. Боже, как я без вас стосковался.

12 декабря 1919. Ревель.

Прости, что несколько дней не писал, но я был очень уж зол. Дело в том, что я все еще сижу в 4-м госпитале. Рана моя совсем подживает, но я имел глупость здесь выкупаться и простудился. Эти дни у меня была довольно высокая температура, и чувствовал я себя довольно гнусно, но это все от ранения - там все в порядке. Если бы не эта дурацкая простуда - я уже выписался бы на амбулаторное лечение. Ну, да Даст Бог, я через несколько дней поправлюсь.

Здесь сейчас, Володя Фриде. Вот кому повезло, - он состоит при английской миссии. Он был у меня и обещал помочь мне устроиться с визой в Финляндию.

Общее положение здесь - крайне неприятно и запутано - как развернуть события, один Бог ведает.

Как я тоскую эти дни... Я только теперь понял, до какой степени я устал за последний месяц. Только бы отдохнуть как следует - а отдохну я только у вас, около тебя.

Прости за почерк, но я пишу еще лежа.

2 января 1920. - Ревель. 1-й военный госпиталь.

С Новым Годом!..

Первый раз пишу тебе не в постели, а сидя у столика. Если бы ты знала, какая мерзкая болезнь - тиф! Вот у меня уже больше недели нормальная температура, а слабость такая, что когда я встаю с постели, у меня темнее в глазах. Ноги стали совершенно чужими и не желают меня слушаться, руки дрожат, как у старого рамоли.

Я ужасно боюсь, что раньше 8-10-го не в силах буду выписаться. Лежать здесь ничего, уход недурной, кормя хорошо, но неприятно теперь, выздоравливающему, лежать вместе с тяжело и неопытно больными. Офицерских палат здесь нет, так что в моей палате сейчас, кроме меня, офицеров нет.

Ужасно противно, что голова работает также скверно, как руки и ноги. Думать о чем-нибудь ужасно трудно. Доктор (очень внимательный врач и милый человек, по-видимому) говорит, что в течение месяца, по крайней мере, он мне не советует заключать никакие сделки, говорит, после тифа вас всякий дурак надует.

Все мечты мои теперь сводятся к тому, что, пока я долечиваюсь, Володя достанет мне визу, и я смогу тогда сразу съехать к вам. Мечты эти иногда, очевидно, благодаря слабости, принимают необыкновенные реальные формы, мне кажется, что я уже в поезде из Гельсингфорса, что завтра утром буду уже в Усикирко. Кажется, нужно сделать еще одно усилие, и все это станет реальностью. А приходишь в себя - кругом сидящие фигуры...

18 января 1920. - 1-й военный госпиталь. Ревель.

...Вчера Володя Ф. мне сообщил, что виза для меня получена. Годность ее - 2 месяца со дня получения, так что я считаю - до середины марта. Надеюсь, конечно, что я отсюда выеду приблизительно через месяц, но ведь на свете еще много болезней, которыми я еще не болел. Если бы ты знала, родная, как я устал лежать, писать лежа и чувствовать себя больным - отвратительно. В особен-

ности, когда на дворе солнечно и ярко - так тянет на волю.

19 февраля 1920. - 1-й военный госпиталь. Ревель.

..Вчера я получил целую пачку твоих писем. Если бы ты знала, какая это для меня радость, я чуть не разревелся, как маленький мальчик...

Я очень устал от раны и болезней, но по-прежнему бодр и знаю и верю в свет впереди...

Мои дела за последнее время значительно улучшились, я определенно поправляюсь, надеюсь, окончательно. Сегодня доктор сказал, что, если так пойдет дальше, то через несколько дней он меня выпишет. Ты понимаешь, что мне не верится, что это возможно!

После выписки я думаю пробыть здесь дней 6-7, пароходы, кажется, будут ходить еженедельно: Балтийский порт - Ганге. Как перепутываются все нити между людьми. Мой ординатор - женщина-врач - доктор Отто. Мне приготовили комнату, чтоб было куда переехать из госпиталя; оказывается, в такой же квартире живет и она, так что после выписки я буду под ее присмотром.

Еще лучше: на днях, когда я с ней беседовал о выписке, я ей рассказал, в какие условия я попадаю в Финляндию и что буду под надзором Ив.Гр. - «Вы едете в Халилу? Представьте, мой дядя женат на сестре Ив.Гр., я много о нем слышала». Ее дядя живет в Москве, фамилии я не спросил.

...Будь добра, если увидишь Марусю, передай ей, что поручик Грибоедов, о котором она меня спрашивает - офицер (младший) моей роты - что я с ним сошелся, но что я не имею с начала января месяца никаких сведений о моей роте и об офицерах. Когда выпишусь, постараюсь что-нибудь разузнать.

Ты не можешь представить, какой ужас творится в бывшей Северо-Западной армии. Может быть, очень хорошо, что я три месяца проболел, а не остался в роте.

Ну, кончаю. Надеюсь, что за этим письмом скоро и сам приеду...

24 февраля 1920 - Ревель.

Дорогая, я вышел на свет Божий! Пойми это! Три месяца - мне сейчас противно вспоминать их. И сегодня, не понимаю, каким образом, очевидно, воздушной почтой, получил в виде подарка целую пачку твоих писем.

Прости, что я так редко писал тебе из госпиталя, но я только теперь понял, в каком состоянии нервной разбитости и какого-то оупения я был все время в госпитале. Не хочу даже писать об этом, но во время моей послед-

ней болезни (скарлатины) у меня были некоторые моменты чрезвычайно любопытные - я тебе расскажу их.

Когда я смогу выехать к вам - не известно. О пароходе пока никаких сведений нет, если он пойдет на будущей неделе, надеюсь, смогу с ним выехать, а то придется еще немного отложить. Слаб я еще ужасно, но уверен, что в несколько дней я приду в себя.

Погода стоит прекрасная, яркие солнечные дни, на солнце сильно тает.

Когда я сегодня пришел из нашего барака в канцелярию за бумагами (шагов 600), у меня закружилась голова, я прямо опьянел от воздуха. Только потом, когда я съехал на извозчике с мужем Володиной кузины (он за мной приехал), я пришел совсем в себя. Боже, я никогда не думал, что дышать свежим, солнечным воздухом - такое наслаждение!

Я захвачу с собой копию моей истории болезни, температурные листы и т.д., чтобы показать все это Ив.Гр. Пулька сидит под скулой - и пусть пока сидит.

Комнатка у меня маленькая, но сухая, теплая и светлая, хозяйка - старая дева, немка - по-видимому, славное существо.

Очень хорошо, что моя докторша живет здесь же, она ужасно заботлива и будет за мной присматривать.

В смысле денег, мое положение такое: я получил 3600 эст. марок от Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии (мое жалование за прошлые месяцы), но при существующем курсе это не больше 1000 финских марок. Володя Фриде должен был сговориться со своим дядюшкой, чтобы тот дал мне здесь 1500 ф.м. с тем, чтобы Ив.Гр. передал эти деньги в Гельсингфорс, о чем Володя должен был дать телеграмму Ив.Гр. Пока из Гельсингфорса сообщения о получении денег не поступало; в ближайшие дни я увижу его и все узнаю точно. Денежный вопрос, благодаря Ив.Гр., для переезда меня смущает мало, а в дальнейшем над ним надо будет очень и очень подумать.

Но все это не так важно, важно сейчас, действительно, что я смог, наконец, выписаться и почувствовать себя хоть немного - вольным человеком.

7 марта 1920. Ревель.

Только сегодня на дверях парходной конторы появилось объявление о том, что пароход из Гельсингфорса должен прибыть числа 13-14-го и уйти отсюда обратно в Гельсингфорс - числа 17-го (вероятно). Еще десять дней торчать здесь - это безобразие!

Ведь скоро месяц, как не было парохода. Чувствую я себя совершенно, как на вокзале, когда поезд опаздывает, и не знаешь, сколько еще часов пужно сидеть, зевать и ждать; только для меня часы превратились в дни. Слава Богу, что хоть что-нибудь о пароходе стало известно, а то каждый день приходиться в контору и слышать: «О прибытии парохода ничего не известно» - было совсем отвратительно

Проживаю я здесь сумасшедшие деньги, но, надеюсь, что обойдусь своими, если и придется занять, то немного - марок 200-250 (финских).

Чувствую я себя вполне прилично

Примечания:

¹Речь идет об октябрьском, 1919 года, наступлении Северо-западной армии.

²Речь, скорее всего, может идти о так называемом «танковом ударном батальоне» полковника Карсона, сформированном в Северо-западной армии в августе 1919 года. В начале октября 1919 года имел в своем составе 6 танков и 350 штыков.

и, хотя ноги еще побаливают после ходьбы, но окреп я настолько, что смело мог бы хоть завтра пуститься в путь.

На днях я просмотрел свой дневник, жалею, что мало писал. Перечитывать больно и грустно, не верится, что все предприятие окончилось такой грязью, такой мерзостью.

Очень неприлично было прочесть ноту Чичерина Финляндии: что-то будет дальше?

Ах, скорее бы к вам!

Я рад, что поеду не один: с этим пароходом едет много знакомых, между прочим, Луговской (очень он славный, но бедняга выглядит вроде меня: он пе-

³Речь скорее всего идет о подписании Эстонией перемирия с большевистской Россией и об ухудшении отношения эстонских властей к Северо-Западной армии.

⁴В боях под Ямбургом Северо-Западная армия потеряла пленными более 600 человек.

⁵На вооружении Северо-Западной армии состояло четыре бронепоезда: «Адмирал Кол-

ренес сыпной и возвратный тиф).

А я совсем уродом стал, стыдно будет тебе на глаза показаться: волосы не отрасли еще, уши торчат, физиономия тощая и зеленая, в шее торчит пуля, ноги как спички.

Зрелище приятное!

8 марта 1920. Ревель.

Только что узнал, что пароход уйдет только числа 19 апреля.

Да будут прокляты льды!

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» Ф. Е-39.

чак», «Адмирал Эссен», «Талабчанин», «Псковитянин»).

⁶«К праотцам», «к предкам» (лат.), то есть умереть.

⁷Аннинский Иннокентий Федорович (1855-1909) - поэт, филолог, преподаватель.

Военно-историческая серия «Белые войны»

Каппель и каппелевцы

Вторая книга серии посвящена боевой биографии легендарного генерала, последнего Командующего Восточным фронтом Белого движения - Владимира Оскаровича Каппеля. Основу книги составили воспоминания одного из боевых соратников Каппеля - полковника Вырыпаева. Помимо нее в книгу вошли уникальные, не публиковавшиеся ранее воспоминания офицеров - чинов каппелевских частей, в частности кавалерийской бригады ген. Нечаева. Воспоминания представленные в книге, содержатся в фондах рукописей Государственного архива Российской Федерации. В книге представлены также обширные аналитические материалы о боевой работе Волжского («Каппелевского») корпуса, его боях от Волги до Забайкалья в 1918 - 1920 гг.

Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Российского Государственного архива кинофотодокументов, из частных коллекций. Восстановлена форма одежды чинов Волжского корпуса.

В заключении приведены многочисленные материалы, отражающие боевые операции волжан в составе Российской армии адмирала А.В. Колчака, газетные заметки, отрывки из полевых книжек офицеров корпуса.

Выходит из печати

Военно-историческая серия «Белые войны»

Генерал Дитерихс

Третья книга серии посвящена биографии генерала Михаила Константиновича Дитерихса. Талантливый генштабист, разработавший планы знаменитого «Брусилловского прорыва», храбрый начальник русской Особой бригады, выполнявший «союзнический долг» на Салоникском фронте Великой войны, последний генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего до Октября 1917 года, руководитель расследования гибели Августейшей Семьи, тщательно, скрупулезно собиравший малейшие свидетельства мученической кончины Государя Императора Николая Александровича и его близких, Командующий Восточным фронтом Белого движения, предпринявший осенью 1919 года последнее наступление белых армий на р. Тобол, организатор добровольческих Дружин Святого Креста и Полумесяца, наконец, последний Правитель Белой России - Правитель Приамурского Земского Края в 1922 году, а в Зарубежье - начальник Дальневосточного Отдела Русского Общевоинского Союза, почетный член повстанческого Братства Русской Правды. Все эти стороны биографии генерала Дитерихса отражают многочисленные документы, отрывки из воспоминаний участников Белого движения, представителей Русского Зарубежья.

Особая ценность данной книги заключается в публикации уникальных документов и фотоматериалов из личного архива генерала Дитерихса, любезно предоставленных А.А. Васильевым (Дания). Книга проиллюстрирована рисунками, восстанавливающими форму бойцов Дружин Святого Креста и Полумесяца, а также Приамурской Земской Рати.

Научный редактор серии - кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

«ПИСЬМО С ФРОНТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ 25 НОЯБРЯ 1919 ГОДА В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ «ПРИНЕВСКИЙ КРАЙ» И «СВОБОДА РОССИИ».

Многоуважаемый господин редактор.

Мы, офицеры северо-западники, просим Вас поместить в Вашей редакции нижеприведенное.

«Письмо с фронта»

Настало трудное время. Наша армия истощенная многодневным походом и непрерывными боями, отошла к Нарве и кое-где к границе Эстонии. Условия борьбы очень тяжелы. Эстонские солдаты, неправильно понявшие наш отход, в благодарность за нашу самоотверженность осыпали нас оскорбительными насмешками и издевательствами. В эти печальные часы, когда казалось бы все должно было слиться в едином порыве, чтобы сокрушить врага, когда работа всей армии должна была бы строиться с точностью и плановностью часового механизма, - в эти часы мы замечаем крайний разлад и неравномерность в общем труде.

В то время как мы, офицеры и солдаты фронта, истекая кровью, до последнего предела напрягаем все свои силы в борьбе, - наш тыл, этот захудалый, злосчастный тыл, пользуясь сравнительным покоем, сложил руки и совершенно не в состоянии справиться с важнейшей задачей снабжения и довольствования фронта. Напрасно мы ждем и просим от тыла дела. Он не в силах работать, он может только сплетничать, создавая панику, - сплетничать и бестолково, по-бабьи суетиться.

Газеты еще с октября месяца кричат и даже теперь еще не перестают кричать, что наша армия уже окончательно обмундирована. Это неправда. Действительно, обмундированы бесчисленные танковые и запасные батальоны, все эти инженерные и самокатные роты, подрывные, конвойные и комендантские команды, санитарные и интендантские управления, одеты, великолепно одеты писаря и штабы. Всем примелькались лохотные, жирные русские денди, толпами разгуливающие по улицам Нарвы и с таким достоинством носящие английские френчи. Но пойдите к нам, в окопы, посмотрите на наших солдат: многие из них в рваных ботишках, худых шинелях и истрепанных гимнастерках. И это, когда дни и недели приходится мерзнуть под открытым небом, на резком пронизывающем

ветру. Интендантские склады полны от запасов обмундирования, а бойцы фронта почему-то преступно забыты.

В последние дни, когда красные изо всех сил старались сбить нас под Нарвой, когда борьба достигла своего высшего напряжения, наш и без того измотавшийся солдат по милости тыла голодал целыми днями. Убогий тыл не смог организовать даже выпечки хлеба, не говоря о подвозе прочего провианта. Горячей пищи не видели вовсе. Были дни, когда солдаты получали на руки только одну муку и из этой муки, под обстрелом, среди непрерывных красноармейских атак, они сами пекли себе на холоде скудные лепешки.

Всем нам хорошо памятна бой под Петроградом. Если бы не энтузиазм жителей, радостно делившихся с нами последней коркой, армии пришлось бы совсем плохо, и так солдаты питались «святым духом» и не день, не два, а в течение всего похода.

Нам станут говорить об осенней распутице, о трудностях транспорта и многом прочем. Но все это можно было предусмотреть и взвесить. Ведь протаскивали же мы через болота пушки и они двигались вперед со сказочной быстротой.

А подвозка снарядов и других боеприпасов. Это было нечто предательское. Мы проиграли многие бои только из-за того, что патроны не доставлялись вовремя. Под Павловском наши цепи отбивали одну атаку курсантов за другой. патронов, по обыкновению, не хватало. А на требование одного из полков власть имущий тыловой герой полковник С. наложил такую глубокомысленную резолюцию (дословно): «в виду большого количества патронов, бросаемых неприятелем, русские патроны выдаваться пока не будут». Этот позорный документ сохранен для потомства. патронов не выдавали, хотя они и были, не выдавали из-за несвоевременно проявленной экономии, а наши части, расстреляв все, что было под рукою, один за другим сдавали важнейшие стратегические пункты.

Под А. и другими деревнями противник бил нас только благодаря превосходству артиллерии, чего бы не было, если бы наши снаряды подошли вовремя.

Отвратительно был поставлен санитарно-эвакуационный отдел. Раненые, как собаки, валялись в холодных и грязных теплушках. В госпиталях не хватало мест, и вошпы целыми днями лежали в коридорах на соло-

ме. Неделями им не делали перевязок. Многие умирали от отсутствия своевременной медицинской помощи.

Не на бал шли мы, когда двигались к Петрограду. Можно было предвидеть, что будет. И много было времени, чтобы принять соответствующие меры. Но в тылу было так тепло и спокойно - стоило ли заниматься такими пустяками.

Многие больше года сражаются с большевиками, многие ранены, многие совершили геройства. Их почему-то совсем не считают нужным награждать или награждают так себе, для отвода глаз. Это было бы сполгоря и совсем не обидно, если бы таков был обычай, и в армии никого не награждали. Но у нас в штабах недавние поручики уже готовятся получить генералов, а настоящие фронтовые вояки ходят забытыми и обездоленными. Порою кажется, что тыл наш создан только затем, чтобы производить самого себя все выше и выше, для того, чтобы получать те награды, которых мы не видели. Вот теперешняя печальная аксиома: кто дальше от фронта и ближе к штабам, тот и растет скорее. Тыл задерживает и тормозит представления с фронта, заменяет высокие награды, к которым представил фронт, более низкими, почти детскими. Что это? - зависть? Или боязнь, что молодое и сильное забьет старое и дряхлое? Горько смотреть на чины и ордена быстро, словно на дрожжах поднявшихся тыловиков. Хочется сказать им: «бросьте ваши побрякушки, стыдитесь носить их, ведь это чужие награды, которых вы не заслужили».

Пришло время открыто заявить - тыл наш никуда не годен. Он требует коренной ломки и реорганизации. Поход на Петроград доказал нам это.

Совсем недавно обнаружены крупные злоупотребления в интендантской и других тыловых сферах. Злодеи уже арестованы. Мы требуем назначения Следственной комиссии. Пусть она всковырнет всю грязь, пусть расшевелит эту клоаку, нужно с корнем вывернуть гнойную, нагнившую яму. Повесьте виновных. Повесьте без жалости. Подлецам нет места среди тех, кто честно отстаивает свободу России! Пусть другим не будет повадно, пусть все знают, что мошенничество у нас жестоко карается! Пора бросить старорежимные привычки царских интендантов.

Назначьте другую комиссию с фронта. Пусть она гонит и метет всех тех, кто тепло прикурнул за на-

ОБРАЗ СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО В ПАМЯТЬ ВОИНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ.

Братство Св. Архистратига Божия Михаила призывает совершить подписку на сооружение Образа Спаса Нерукотворного в память воинов Северо-Западной армии (проект А.Н. Белобородова).

Помимо знака северо-западников на фронтоне Киота этого Образа, в нижней части предполагается поместить мемориальную доску с надписью: «Вечной памяти Христоролюбивого Белого Воинства Северо-Западной Добровольческой Армии и ее Главнокомандующего, героя Русско-японской, Великой и Гражданской войн, генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича».

В национальном чувстве нашего народа скрыт источник достоинства, который придворный историкограф Н.М. Карамзин охарактеризовал некогда, как «народную гордость». Именно народная гордость и подвигла русских людей сплотиться, став добровольцами Северо-Западной армии, и взяться за оружие против дьявольского произвола коммуно-большевиков.

Велик подвиг и беспримерен трагический исход северо-западников в истории Гражданской войны. Голодные, разутые, часто не зная ни сна, ни отдыха – они мужественно шли спасать устои тысячелетней Святой Руси. Подло обманутые «союзниками» и оболганные в годы советчины, Белые Витязи являют нам, потомкам, потрясающий по своему благородству пример Чести и Доблести Русского Солдата!

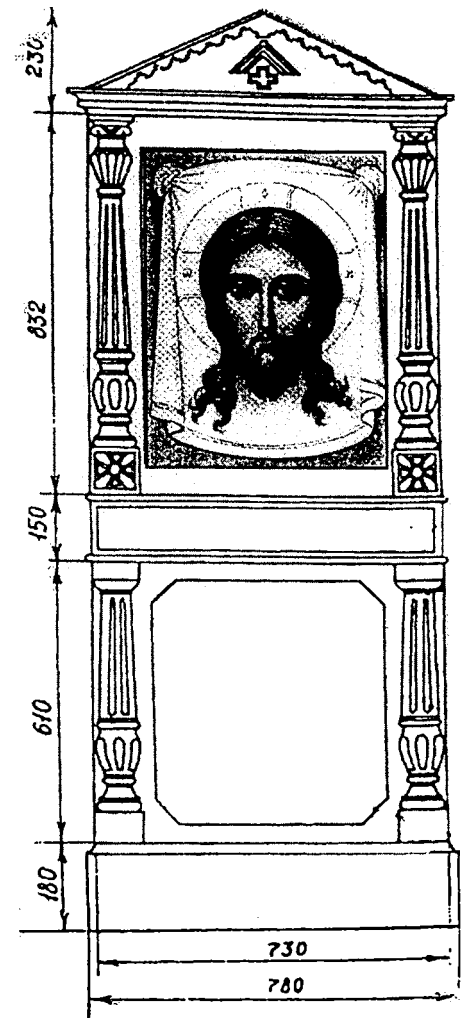
Пусть же молитвенным памятником их подвигу от благодарных потомков послужит Образ Спаса Нерукотворного, осеявший последние знамена Российской Императорской Армии!

С БОГОМ НА ДОБРОЕ ДЕЛО!

Пожертвования можно направлять почтовыми переводами на имя вице-председателя Братства Сергея Геннадиевича Зирина, по адресу: 188480 г. Кингисепп, Лен. обл., а/я-8. Все пожертвования на сооружения Образа памяти северо-западников следует сопровождать пометкой **СПАС**

Все пожертвования будут приняты с благодарностью, а имена жертвователей будут увековечены на боковой стороне Киота.

Подтверждаем получение денежных средств и сердечно благодарим жертвователей: Александра Ивановича Закутайло (г. Ямбург, Санкт-Петербургской губернии); Игоря Викторовича Родина (г. Киев, Украина); Людмилу Васильевну Сергейко (с. Войсковицы, Гатчинского уезда Санкт-Петербургской губернии); Олега Андреевича Калкина (г. Псков); Юрия В. Сергеева (г. Гатчина, Санкт-Петербургской губернии); Сорокина Юрия Валентиновича (г. Торжок, Тверской губернии); Прокопия Харлампиевича Иванова (г. Москва); Галину Климентьевну Феофилову-Дыдорovu (г. Сан-Паулу, Бразилия).

шей окровавленной спиной и лицемерно забыл свой долг перед Родиной. Наши ряды поредели. Расформируйте комендантства несуществующих комендатур, сократите штабы, растасуйте личные сотни и конвои. Все лишнее – на фронт! Ведите прячущихся к нам, а мы заставим их идти вперед.

И вы, все вы, кто повывез из нор на свет Божий, кому мы дали возможность высунуться из подполья. Вы, кто загребает жар чужими руками, вы, занявшие выгодные и теплые места; все вы, кто не в силах исполнять свое назначение – старенькие, седенькие и неспособные! Уйдите, уйдите прочь! Дайте место здоровым сильным и талантливым. Имейте мужество сделать это. Взываем к вашей совести, взываем во имя светлого будущего страны. Уйдите сами – не тормозите общего дела. Пусть умные и способные, заняв ваши места, наладят сложный механизм тыла. Пусть тыл составит с нами одно сильное, планомерное целое. Сплотившись вокруг нашего маститого вождя, генерала Юденича, мы представим непобедимую силу.

Мы готовимся к последнему решительному натиску на Петроград. Мы достаточно лили свою кровь, мы готовы ее лить снова. Мы молоды, бодры и энергичны. Но вы, кто останется сзади, наладьте все, что нужно для похода. Напрягите все ваши силы и умение. Ведь впереди – наша Родина, ведь впереди – наша дорогая потерянная Отчизна. Ее мы опять обречем.

Братья – воины, надейтесь только на себя: один дружный и согласный напор – и перед нами воспрянет из тьмы наша Великая и Святая, наша Могучая и Свободная Матушка-Русь, которую мы вызовем к жизни.

Подписали офицеры:

53-го пехотного Волынского полка:

Подполковник Васильев, капитан Сидорович-Войно, поручик Имран, подпоручик Шимановский, подпоручик Копцов, поручик Никифоров, штабс-капитан Каныч, священник Отец Иоанн Лещинский, подпоручик Ловчиков, прапорщик Филиппов, поручик фон Геннинг, сестра милосердия Кира фон Геннинг, поручик Яровой, подпоручик

Кутте, прапорщик Саламонович, подпоручик Лидке, подпоручик Соловьев, прапорщик Кирманов, подпоручик Созыко, штабс-капитан Поляков, подпоручик Зырянов, корнет Стронский, поручик Супонин, подпоручик Братерский, подпоручик Кокорин, прапорщик Гютленен, поручик Панин, штабс-капитан Давыдов, подпоручик Шмиоль, штабс-капитан Балтийский, штабс-капитан Норкевич-Радко, подпоручик Чернов.

7-го пехотного Уральского полка:

Поручик Буш, поручик Ар..., штабс-капитан Быр..., Прапорщик Гавор..., Прапорщик ..., Хорунжий Батуринов.

12-го гренадерского Темницкого полка (Даниловского отряда):

Поручик Баранов, корнет Михайлов.

10-го пехотного Красногорского полка.

Штабс-капитан Гейнеберг, подпоручик Белобородов, поручик Воронов, прапорщик Емельянов, штабс-капитан Усачев, поручик Исаев, подпоручик Мухин, поручик Миллер.

ГА РФ. Ф. 6462, Оп.1., Д. 23., Лл. 1-7.

ГИБЕЛЬ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ. ВЗГЛЯДЫ ИЗ ЗАРУБЕЖЬЯ.

(Публикация В. Цветкова, С. Балмасова.).

Гессен-Гулькевич

18 ноября 1919 г.

В то время, как мы с Вами беседовали в Стокгольме, здесь события продолжали развиваться усиленным темпом, неуклонно приближаясь к катастрофе, которая, по моему мнению, уже и наступила. Военная операция утратила все шансы на успех, и здесь в дружественной миссии были получены сведения, которые больно и стыдно было слушать. Эти сведения обвиняли Северо-Западное правительство в личных растратах (характерно, что Лианозов опять выделялся), в интригах, и возмущение не знало никаких пределов. Сущность же была в том, что, судя по рассказам Карташева, в прошлую пятницу правительство в полном составе (за исключением Маргулисса) прибыло в Нарву для того, чтобы поставить Юденичу ультиматум относительно установления «демократического метода управления». Но когда они прибыли туда, они сразу же отказались от своего намерения, находили, что в виду обремененности генерала военными заботами, не следует устраивать заседания, и, хотя Юденич заявил, что он очистил время для этого, тем не менее, заседание все же не состоялось. Причина та, что по дороге в Нарву Лианозову стало известно, что генерал предупреден о намерениях правительства и что в армии этим намерениям решено противопоставить очень решительные меры, говорилось даже об аресте и доставлении арестованных через границу к большевикам. Несомненно, что фактической подкладки под этими угрозами не было, но они характерны именно как угрозы и как показатель создавшихся отношений. В тот же день правительство выехало обратно в Ревель и его настроение, судя по телефонным переговорам, совершенно папаческое. В субботу мне Лианозов сказал под строжайшим секретом, что он собирается в конце недели быть в Париже, а сегодня меня остановил на улице один из чиновников ревельских и сообщил, что для Лианозова и Маргулисса выдана виза в Париж. Пытаясь выяснить в разговоре с Карташевым, чего же следует ожидать теперь, я пришел к выводу, что правительство считается ликвидированным, тем более, что оно очутилось в безвыходном финансовом положении, его деньги не принимаются и благодаря этому, в частности, солдаты фактически остаются без жалования. Ликвидация совершится незамет-

но и постепенно восстановится прежнее политическое совещание при генерале, опять-таки имя Лианозова. приедемся и в новую комбинацию. Однако возможен и худший исход, если эстонцы, о чем здесь уже распространяются самые чудовищные слухи, будут чинить затруднения вступлению нашей армии на их территорию. В таком случае положение Юденича стало бы невозможным и ему самому пришлось бы уехать за границу. Но по полученным мною вечером сведениям вопрос относительно армии благополучно улажен. По телефону мне не могли сообщить, как именно, но факт тот, что с того берега сообщили, что приезд ин. генерала, намеченный на завтра, является излишним в виду улажения всех недоразумений.

Причина военных неудач лежит, во-первых, в чрезвычайно странном отношении англичан. Подтверждая общее мнение, Карташев более чем резко квалифицирует поведение адм. Коэна, который вместо бомбардировки, любезничал с эстонским адмиралом Питкой на тему о передаче эстонцам Кропштадта и Красной Горки. Вторая причина — совершенно невероятная дезорганизованность нашего командования. Юденич не показывается на фронте и сидит в Нарве, в канцелярии и меньше всех знает ход военных действий. Его антураж (в особенности Вандам, Малавин, один из командиров гр. Пален) определенно ненавидимы армией и усердно выпираются ею. Генералы друг с другом враждуют, приказаний не исполняют, и впечатление такое, что если и не сознательно, то, так сказать, пассивно довольны тем, что демонстрирована неспособность Юденича. Но в солдатской среде и среди рядового офицерства его имя еще служит символом, и армия тянется к нему, прежде всего потому, что имеется здоровое тяготение к организованности, которой никто не может дать ни в малейшей степени. Пленные красные офицеры в один голос говорят, что они решительно не понимают, почему отступают перед красными, которые не в силах воевать. В общем, это подтверждается тем, что армия не только не убывала, но приобрела чуть не свыше 25 тысяч перебежчиков, с которыми теперь не знают, как быть. Однако под Ропшей и Царским были бои упорные, и там в некоторых частях офицерский состав понес тяжелые потери. Особенно тяжело было слушать рассказ о мытарствах, кото-

рые пришлось пережить 400-м офицерам, доставленным из нью-маркетского лагеря. В конце концов, их рассовали, куда попало, без всякого плана и смысла. Но самое тяжелое впечатление, которое давит как кошмар, произвел на меня следующий штрих: среди освобожденных в петергофском уезде оказался один знакомый инженер, б. член думы, человек уравновешенный. Он долгое время скрывался по деревням от большевиков, которые его разыскивали, и, наконец, был избавлен от опасности и попал в Нарву. Но его впечатления здесь на первых же порах оказались крайне безотрадными. Он не может в себя прийти от того хаоса, в котором он очутился, и который так резко расходится с его априорными представлениями о настроениях среди белых, он констатирует, что там у врагов наших гораздо больше воодушевления, и организованности, и дисциплины, и...творчества.

Возвращаясь назад. Когда мне сыпали обвинения, о которых я писал выше, я старался их парировать, переводя разговор на почву желательных и целесообразных практических мероприятий, и тогда мне было заявлено, что единственный выход, который мог бы положить конец этой невообразимой и гибельной путанице, заключался бы в назначении сюда полномочного представителя Колчака и Сазонова. Сгоряча мне предоставили было даже послать Вам об этом шифрованную телеграмму, но затем произошла заминка, так как передача указывала бы на вмешательство в этом направлении, а это всячески избегается. На другой день мне пришлось говорить с б. начальником здешнего ген. штаба, сопровождавшим Маннергейма за границу, и он буквально повторил мне то же самое. Я не сомневаюсь, что в этом есть действительно неотложная необходимость, и что это должно быть немедленно сделано. Боюсь только, что назначение настоящего представителя могло бы вызвать опять сомнения в Эстонии, почему и туда не послан такой же представитель, и это привело бы к новым осложнениям или новым уступкам. Поэтому, может быть, было бы правильнее ограничить полномочия специальным поручением. Но, само собой разумеется, что этот человек должен своим прошлым вызвать к себе доверие общественного мнения Ф. Вы мимоходом говорили обо мне, я бы со своей стороны указал на Нольде или Набокова Владимира (посол в Лондоне,

бывший управляющий делами Временного правительства в 1917 г. – сост.), которые были бы приняты весьма благоприятно и могли бы сдвинуть вопрос с мертвой точки. Как я уже говорил Вам, финны очень памятьливы, считают себя связанными прошлыми взаимоотношениями и с такими людьми говорили бы совершенно другим языком, нежели с Шебеко (российский посол в Вепе – сост.) и т.п.

Если еще могут быть в этом отношении какие-либо сомнения, то позволите привести заключительную фразу из полученного вчера одной миссией доклада контрразведки из Петрограда: «Если город не будет взят в ближайшее время, то мир будет присутствовать при небывалом зрелище поголовного вымирания миллионного города от голода и холода». Так там сказано буквально, и повторяю – не в газетной статье, а в военном докладе...

ГА РФ, Ф. 6094, Оп.1, Д.39, Лл. 24-26.

Гессен-Сазонову
22 ноября 1919 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич.

Возможно, что все, что я собираюсь изложить Вам, Вы уже знаете из других источников, да, и, кроме того, я стараюсь держать в курсе здешних дел Константина Николаевича, который сообщает Вам эти данные. Но пользуясь благоприятной okazji, мне хочется со всей доступной мне искренностью и на основании самым тщательным образом проверенных сведений подвести итоги создавшемуся здесь положению.

Наступление Юденича, которое, по общему убеждению, должно было привести к занятию Петербурга, кончилось потрясающей неудачей. В результате наступления армия его удвоилась, взято много пушек и пулеметов, пленные красные офицеры в один голос утверждают, что большевики сражаться не в силах, будучи голодными и плохо одетыми, и тем не менее, армия Юденича отступает и сейчас стоит перед вопросом об отступлении на территорию, считаемую эстонцами своей, есть опасение, что единственная причина – величайшая дезорганизованность военного управления и внутренних несогласий. Юденич не пользуется никаким авторитетом, а его антураж вызывает прямо негодование в армии, и на днях генерал-квартирмейстер Малявилл был избит офицерами. Постоянные недоразумения с Северо-Западным правительством, которое старает-

ся упрочить свое шаткое положение, играя в демократизм и создавая впечатление, что его уничтожение знаменовало бы отказ от признания эстонской независимости, дорисовывают печальную картину русского дела в этом важном пункте. Люди, которые вправе считать себя вполне компетентными, как среди русских, так и среди членов иностранных миссий, находят возможным утверждать, что неудача даже радует многих военачальников, так как она выяснила неспособность Юденича. Кроме того, у иностранцев засела еще мысль, что если не сам Юденич, то окружающие его, во что бы то ни стало, хотят доказать, что нам не обойтись без войск Бермондта, и эта мысль внушает им раздражение и усиливает стремление идти этому наперекор. Наконец, следует еще прибавить, что несогласие между Англией и Францией здесь все более определяется, французы открыто возмущаются поведением англичан, в особенности, здешнего адмирала, который держал сторону эстонцев, когда необходимо было нанести решительный удар на Красную Горку и Кронштадт. Сейчас вопрос идет, во-первых, о ликвидации правительства, оставшегося совершенно без денег (Деньги Юденича больше не идут, и армия, снабжаемая ими, в сущности, совершенно лишена средств, что-либо купить), во-вторых, о передаче командования эстонскому главнокомандующему Лайдоперу, с чем связывается вопрос о дальнейшем положении Юденича, которому там оставаться в таком случае было бы неудобно, и в-третьих, о ликвидации данного фронта вообще. Как бы эти вопросы ни были решены, во всяком случае, действия против Петербурга пока прерваны, и прерваны, по крайней мере, на 2 месяца. Я считаю это величайшей катастрофой, угрожающей неисчислимыми бедствиями, и вот почему: вы, конечно, много слышали о положении Петербурга, но я глубоко убежден, что нельзя составить себе и слабого представления о том, что там происходит. На днях сюда пробрался один мой приятель, человек очень уравновешенный и вдумчивый наблюдатель. Он вышел из Петербурга 2-го ноября, когда наступление уже приостановилось, тем не менее, все удивлялись ему, что он решается подвергнуться опасностям бегства в тот момент, когда столица накануне несомненного освобождения, все страстно верили, что город будет занят Юденичем. Надежда эта рушилась, и не в том дело, что люди будут умирать от голода и еще больше от холода, а в том, что большинство огромное большинство

превратится в психически больных, не только чуждых, но остро враждебных всему цивилизованному миру. У нас не будет общего языка с ними, никаких точек морального и умственного соприкосновения, и я убежден, что если несчастной России не помогут извне, то внутри явится какой-нибудь неуравновешенный безумец, который зажжет неожиданным лозунгом и поведет за собой расплывшееся население и который не будет знать никакого удержу. Эта перспектива является наиболее страшной (и не только для России) из всего, что только можно себе представить, и мне кажется, что как бы невыгодна ни была чужая помощь, каких бы жертв она ни требовала, все это менее тяжело, чем та опасность, которая угрожает в противном случае.

Вот, с какой точки зрения придается, по-моему, обсуждать и решать вопрос о помощи Финляндии, о которой только и может идти речь. Нужно же сказать, что, независимо от отмеченных выше крайне неблагоприятно сложившихся условий, многие компетентные люди, в частности Машпергейм, утверждали, что Юденич один не в силах был бы его удержать. Таким образом, помощь Финляндии является необходимой, тем более, что ее участие могло бы благотворно повлиять на ослабление тех недостатков, которыми страдает наше военное управление. Говорить Вам об условиях Ф. и ее настроениях значило бы повторять все, что писал Вам К.Н. (Гулькевич – сост.) на основании моих последних сообщений, ради которых я и совершил последнюю поездку в Стокгольм. По своем возвращении сюда мне вновь пришлось беседовать с Гольсти и вновь услышать заявление полной готовности помочь при разрешении финансового вопроса и присылке сюда уполномоченного лица. Удивительно, что в то время, как я пишу эти строки, ко мне позволили из официальной печати и недовольным тоном спросили, правда ли, что Н. А. Бер назначен Вашим представителем здесь, о чем они получили телеграмму от своего корреспондента из Парижа. Я успокоил их, говоря, что это, вероятно, недоразумение, что Н. А. действительно назначен, но совсем с другими функциями. Сюда должно быть назначено лицо, пользующееся доверием общественного мнения, имеющего здесь, как Вы знаете, решающее значение. Вот почему я и говорил о Б. Нольде. Но и вопрос о помощи Финляндии должен быть решен без замедлений, ибо, через несколько времени, и Финляндия может оказаться в та-

ком положении, что говорить о ее помощи не придется, между тем, как сейчас ее решение принять участие могло бы предупредить наступление для нее таких неблагоприятных и для нас условий. Я намеревался лично приехать в Париж для доклада Вам всех подробностей создавшегося положения, которые письменно изложить трудно, но, не зная точно, насколько полна Ваша информация и какое значение могло бы иметь мое осведомление, решил, что не следует ехать без Ваших указаний.

Пользуюсь случаем, чтобы просить Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

ГА РФ, Ф. 6094, Оп.1, Д.1, Лл.38-39.

Неизвестный корреспондент - Щербачеву.

22 ноября 1919 г.

По докладу прибывшего от Юденича генерала Тальдэра, выехавшего из Ревеля, к 22 ноября 1919 г. положение армии Юденича не внушает никаких опасений. Армия вооружена, сохранена полностью, за время наступления она увеличилась числом штыков на треть и ныне достигает приблизительно 20 тысяч вооруженных и организованных человек, а считая рты, достигает 90 тысяч человек. Несомненны трения и существенные недочеты управления, недостаток материальной части, но все это – поправимо. Главное – настроение войск вполне надежное, отношение эстонцев – удовлетворительное, что дает уверенность в возможности подготовить армию к новому наступлению не раньше, чем через 3 месяца, к чему Юденич приступает. Многочисленные отрицательные слухи и пессимистичные мнения отдельных лиц не выражают истинного положения, являющегося, в лучшем случае, результатом разочарования Петроградской операцией, от которой ожидали большего, или представляют выпады против личности Юденича. Последний уверенно и спокойно продолжает свое дело, постепенно упрочивая свою власть и утверждая свое влияние. Подробности состояния армии сообщу отдельной телеграммой.

ГА РФ, Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.30.

Геруа-Щербачеву.

27 ноября 1919 г.

...Причины неудачи Северо-Западной армии составляют:

Невозможность наладить связь

между Юденичем, Лондоном и Парижем, за непередачей эстонцами шифрованных телеграмм.

Орудия, гаубицы пришли без затворов (8 пушек, 4 гаубицы).

Танки прибыли без пулеметных лент.

Из 6 присланных англичанами аэропланов только 3 удалось пустить в дело.

Первая партия военного снабжения на 10 тысяч человек, отправленная англичанами Юденичу в июне, пришла в августе. К тому времени эстонская армия получила от англичан большое количество вооружения и снабжения.

Вторая партия – на 22 тысячи человек, была доставлена Юденичу во время наступления, то есть числа 10 октября.

18 аэропланов и авиационный дивизион, который был подготовлен к отправке в армию Юденича 3 месяца назад, до сих пор туда не отправлен.

Третья часть снабжения, отпущенная Юденичу, как результат его наступления, на 20 тысяч человек, была доставлена слишком поздно, в 2 приема, 1 и 25 ноября.

Преждевременное наступление по требованию англичан, создание под их давлением неавторитетного правительства, плохая помощь на море с их стороны с целью блокады Кронштадта.

Наступление, предпринятое под их давлением, было неподготовленным, что имело с их стороны предварительное требование немедленно перейти в наступление, несмотря на отсутствие готовности к этому армии.

Эстонцы лишь обозначили свою помощь Юденичу, заявив, что будут воевать только до 18 ноября, чем они поставили русскую армию из 14 тысяч человек в критическое положение.

Отступление эстонцев, не желавших сражаться, привело к оставлению Пскова и угрозе флангу Юденича.

Нежелание со стороны населения реальной борьбы против большевиков.

На конференции эстонцев и латышей в Риге 20 сентября, за 3 недели до наступления Юденича, было ими постановлено препятствовать ему как представителю Русского дела во всех отношениях. Это отразилось на армии, и над русскими офицерами с их стороны был произведен целый ряд насилий...

ГА РФ, Ф.5936. Оп.1. Д.370. Лл.133 - 142 об.

Щербачев-Колчаку

Копия-Депикину.

...Перед наступлением состав армии Юденича: штыков – 14280, ртов с тылами – до 50 тысяч; организация – 2 корпуса и отдельная бригада кавале-

рии – 2 полка, около тысячи сабель. При каждой из 6 дивизий – легкий артиллерийский дивизион – 12 орудий, при каждом корпусе – гаубичный дивизион, при армии – 8 аэропланов, 6 тяжелых и 2 легких танка.

После отхода в исходное положение численность армии, благодаря массовым переходам со стороны красных, увеличилась до 21 тысячи штыков, до 90 тысяч ртов. Потери армии в людях – ничтожны, всего около 2 тысяч убитыми и ранеными, тогда как большевики потеряли одними пленными до 20 тысяч человек. Потерь в материальной части почти нет. Реальный результат операции – увеличение армии Юденича, освобождение до 8 тысяч человек петроградского населения, привлечение к этому фронту значительных сил красных, собравших против Юденича до 80 тысяч человек, из которых 53 тысячи установлены документально...

ГА РФ, Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.29.

Гессен-Гулькевичу.

29 ноября 1919 г.

Надеюсь, что Вы получили письмо мое, посланное через греческую миссию. В телеграмме я Вам сообщал о приезде сюда членов правительства, которые, конечно, смотрят теперь на дело совершенно безнадежно, и всех и вся, кроме себя, ругают на все корки. По их словам, они формально не перестали существовать, а лишь приостановили свою деятельность на эстонской территории, но фактически эстонское правительство предложило им покинуть Эстонию, а у Маргулиеса был еще какой-то личный инцидент, сущность коего весьма различно передается разными лицами. Остается вопрос о Юдениче. По-видимому, он цепко держится за свое положение и, прежде всего, с помощью находящегося в его руках кошелька. Удастся ли ему удержаться, не знаю, но против него с разных сторон ведутся подкопы, и, как я, кажется, писал Вам, претендентом на его место является генерал А. А. Гулевич (военный представитель России в Гельсингфорсе – сост.), о чем сообщено за границу разными инстанциями и добровольцами. Больше всех суетится Иванов (Н.Н. Иванов – бывший глава Гражданского Совета при А. Булак-Булаховиче в Пскове – сост.), рассчитывающий в такой комбинации опять получить возможность действовать. Он, между прочим, послал телеграмму Сазонову, в которой сообщает, что можно было бы здесь получить товарный кредит на 100 миллионов марок, если бы обязательство было гарантировано

подписью представителя Колчака, и получил от Сазонова ответ с предложением сообщить условия этого договора. Вообще, в Париж отсюда сыплются с разных сторон письма и телеграммы, отражающие борьбу местных сил и их интриги.

Как я Вам телеграфировал, Кедрин (управляющий юстиции в Северо-Западном правительстве – сост.) едет в Париж (он, по-видимому, рассчитывает, между прочим, на свои масонские связи). На мой вопрос, какую собственно цель имеет его поездка, выяснилось, что она была задумана прежде, чем кризис разразился, сейчас та цель отпала, но так как деньги уже ассигнованы, то поездка и не была отменена. В противовес этому Иван. настаивает на необходимости поездки других лиц, чтобы не дать Кедр. ввести в заблуждение, но я ему сказал, что лично я, как они хотели, не могу взять на себя такой миссии.

Из слов одного иностранного корреспондента, очень осторожного наблюдателя, бывшего в Ревеле, на фронте (до Гатчины) и в Дерпте и беседовавшего с Литвиновым (парком иностранных дел РСФСР – сост.), следует заключить, что если не мир, то, во всяком случае, перемирие будет подписано Эстонией, это и прямо подтверждается отчаянным приказом Лайдонпера по армии, в котором он заявляет, что есть все основания рассчитывать на заключение мира. Все местные государственные люди в Эстонии и Латвии говорили корреспонденту, что они больше воевать не желают и не могут, и что их удерживает от заключения мира только опасение действовать против желаний Антанты, но теперь это опасение, по-видимому, тоже отпадает: я получил одновременно с Вашим письмом из Франции и Бельгии, в которых наше положение рисуется в самых мрачных красках и с выводом, что нам надеяться не на что.

Моя телеграмма с запросом относительно поездки в Париж, очевидно, была неясно отредактирована: я спрашивал, не признаете ли Вы нужным от себя запросить Париж, желательна ли моя поездка. Мне казалось бы, что имеет смысл ехать только в том случае, если бы они Вам ответили на это утвердительно. Но когда выясняется, что Париж вовлечен в густую сеть здешних интриг путем письменных и телеграфных сообщений, то я даже жалею о том, что написал письмо Сазонову, потому что оно будет рассматриваться, как одно из звеньев общей игры, ведомой отсюда.

Сейчас наиболее острый вопрос (оставляя в стороне военное положение)

), бедствия здешних беженцев, оставшихся благодаря всем этим «кризисам» без всяких средств, ибо правительство больше денег дать не может (хотя «ликвидация» производится очень щедро и поглотит еще не мало средств), Юденич, как я сказал, крепко зажал кошелек и говорит, что, кроме армии, он знает ничего не знает, и Комитет тоже не располагает деньгами. Между прочим, у Юденича имеется еще весьма значительная сумма на счету в Лондоне. Если здесь не будет оказана помощь, люди будут буквально умирать с голоду. Здесь, было, образовалось общество на коммерческо-благотворительных основаниях, Северо-Западное правительство дало ему десять миллионов юденичевских рублей, под которые оно рассчитывало получить ссуду из местных банков, но теперь и это отпало, ибо ни одного пени сейчас под эти деньги не получить.

Я очень сожалею, что мои кузены все-таки не получили транзитной визы через Стокгольм (в миссии здесь уведомления получено не было) и им придется во вторник ехать на Данию. Я рассчитывал, что они сделают Вам подробный словесный доклад о положении дел. Можно, к сожалению, считать несомненным, что если бы Юденич вошел в Петербург, то могло бы кончиться еще хуже: дезорганизованность превышала все, что только можно себе представить. Гатчина, например, оставалась все 9 дней без продовольствия, и армия объедала голодное население. В лучшем случае, было лишь стремление врезаться в Петербург, и конкуренция на этой почве без всякой заботы о тыле и флангах, о связи и согласованности, а в худшем дело доходило до предательства, таково, по крайней мере, общее мнение, и это, быть может, еще хуже, чем самый факт предательства, если таковой имел место. Нет также двух мнений относительно поведения адмирала Коэна, который, действуя в полном согласии с Питкой, в лучшем случае ничего не сделал, чтобы Юденичу помочь. Но хуже всех был, несомненно, сам Юденич. Если бы он был у большевиков, то за такое ведение кампании, несомненно, был бы расстрелян.

ГА РФ, Ф.6094, Оп.1, Д.39, Лл.28-29

Юденич-представителям «Российской Национальной власти».

29 ноября 1919 года

Верховному Правителю адмиралу Колчаку

Генералу Деникину

Париж: Сазонову и Щербачеву

Лондон: Саблину и Геруа

Сложившаяся к сентябрю политическая обстановка, ненадежность тыла, состояние которого, вследствие враждебного отношения эстонцев, каждым днем ухудшалось; необходимость сорвать мирные переговоры Балтийских государств с большевиками; постоянные требования Англичан; необходимость пополнения армии, таявшей в непрерывных боях; отсутствие зимней одежды заставили меня начать в октябре наступление на Петроград. Я принял это решение, несмотря на малочисленность армии и несовершенство ее организации, плохое снабжение и недостаточное обмундирование, а главное, несмотря на отсутствие помощи от Финляндии и Эстонии и неприход английских линейных кораблей, содействие которых было мне обещано. Операция была начата разгромом противника на нашем правом фланге и стремительном затем наступлении вдоль ж.д. Нарва-Гатчино и Варшавской. Были взяты Гатчино, Красное, Царское, Павловск, захвачены пленные, орудия, 800 вагонов, 12 паровозов, большое военное имущество, но затем встречено на подступах к Петрограду упорное сопротивление матросов и курсантов. Операция затруднялась небеспечением левого фланга, на котором действовали эстонцы и английская флотилия без определенной связи с нами и недостаточными силами. Встреченное сопротивление и прорыв в стыке с эстонцами нашего левого фланга заставили меня перекинуть силы с правого фланга, сосредоточив в конце операции в направлении Петроград 80 % войск.

Прорыв большевиков был ликвидирован и сопротивление их на Пулковских позициях, наконец, сломлено, но задержка в операции дала им возможность подвести подкрепления, по-видимому, со всех фронтов. Наступление Бермонта на Ригу, притянув Латвийско-эстонские войска, освободило силы большевиков – эстонское командование не могло исполнить мою просьбу занять Псков, что обеспечило бы наш правый фланг. Инициатива перешла к большевикам. Обнаружившееся от Струги Белые и Луги наступление противника большими силами заставило оставить Гатчино, Ямбург и впоследствии, после упорных боев, отступить за Лугу. Раню наступившие морозы, сделавшие болота непроходимыми, облегчили маневры противника и затруднили оборону. Бои с превосходными в три раза силами красных до крайности утомили войска и понизили их боеспособность, постепенно я был оттеснен к самой эстонской границе. В узкой полосе стеснились беженцы,

обозы, 12 тысяч пленных, маневрирование стало невозможным. Предвидя это, я еще 14 ноября обратился к эстонскому командованию с просьбой разрешить переход обозов, беженцев, пленнх, а в случае крайности, и армии на эстонскую территорию; в этом последнем случае просил дать армии определенный участок общего с эстонцами фронта, соглашаясь поставить армию в оперативном отношении под эстонское командование, и требовал лишь определенного района для расквартирования войск, где бы я мог привести их постепенно в порядок. В этом случае, не считая возможным в качестве назначенного Верховного Правителем, стать подчиненным Эстонцам, я предполагал назначить для непосредственного командования армией другое лицо. Эстонцы, вновь начавшие мирные переговоры с Совдепией, недовольные привлечением на них больших сил красных и необходимостью самим защищать свою границу, а также опасаясь русской вооруженной силы, тянули переговоры. Казалось, соглашение налаживалось, были выработаны приемлемые условия существования армии.

За Нарову перешли все обозы, пленные, 800 вагонов, 20 паровозов и треть армии. Две трети продолжают оставаться на нашей территории, упорно отстаивая ее, примыкая левым флангом к эстонцам. Непосредственное командование армией возложил на Глазенапа. Между тем, тыл разваливался, части разоружались, обозы грабили, лошади уводились, сообщение с тылом прекращалось, штабы и курьеры арестовывались, грузовики задерживались, телефоны снимались, люди, лошади голодали, наладить продовольствие при таких условиях было невозможно. 27 ноября приехал за Нарову Главком Эстонской армией Лайдонер и в ультимативной форме предъявил требования, смысл которых: свести русскую армию в одну из эстонских частей, лишая ее возможности пополнений. Все запасные и разоруженные части передавались эстонскому министру внутренних дел для тяжелых работ, буквально превращались в рабов. Обратился к Союзникам с просьбой или обеспечить существование армии как русской военной силы, имеющей задачу – борьбу с большевиками, а не защиту эстонских границ, или содействовать перевозу армии на один из фронтов, преимущественно Деникина. Сегодня, по приезде в Ревель, пришел к убеждению, что первое предположение, ввиду явно враждебного и вызывающего поведения Эстонцев, обостривших отношения, является невыпол-

нимым. Единственным выходом, остается перевозка к Деникину, в выполнении чего прошу Вашего содействия.

ГА РФ, Ф.6094, Оп.1, Д.123, Лл.35-38.

Юденич-Гулькевичу.

5 декабря 1919 г.

Милостивый Государь Константин Николаевич.

Из телеграммы моей № 171 Вы увидите, что Эстонцы стремятся заключить мир с большевиками. Присутствие здесь С.-З. Армии им в этом большая помеха, чтобы избавиться от нас, они не гнушаются никакими средствами: их цензура не позволяет печатать в газетах известия штаба С.-З. Армии, в эстонских сообщениях о русских войсках совершенно не упоминается, приезжающие в Ревель по делам службы офицеры получают свидетельства на проживание в Ревеле как беженцы, даже такой крупный начальник, как адмирал Пилкин показан беженцем, по Ревелю объявлен приказ о регистрации офицеров «бывшей» русской армии, у офицеров на том же основании отбирается оружие, как у офицеров несуществующей армии. Действия Эстонского Правительства я опротестовал, комендант Ревеля смещен, но факт остается фактом.

Части армии, перешедшие за Нарову, разоружены, между тем, их переход вынужден тем обстоятельством, что эстонские части, стоящие по Нарове, не позволяли им сражаться, грозили открыть огонь по нашим. Наши обозы, перешедшие Нарову с разрешения эстонского командования, разграблены эстонскими солдатами.

Обратился к посредничеству Союзников, они энергично, собственно французы, поддерживают нас и отстаивают наши интересы, но пока без видимого результата.

Между тем, армия существует и вполне боеспособна, находится на русской территории, занимает участок фронта до 40 верст протяжением; за Нарову перешла, по числу частей, лишь 1/3 армии, по числу людей – не больше 1/2; обстоятельства перехода указаны выше. Пишу эти подробности, чтобы Вы знали истинное положение и могли опровергнуть вымыслы эстонцев о нашем полном уничтожении, как боевой силы. Мы к великому неудовольствию эстонцев существуем и продолжаем борьбу с большевиками.

Деньги С.-З. в пределах Эстонии потеряли всякую стоимость, платить жалованье служащим и приобретать все необходимое для жизни армии: фураж, овощи, табак, дрова, платить за пе-

ревозку грузов по эстонским ж.д., оплачивать таможенные пошлины – приходится эстонскую валюту, которой мне нужно до 40 миллионов эстонских марок в месяц. Задержка в платежах может иметь самые губительные последствия, поэтому я очень прошу самым срочным образом исполнять платежи по моим телеграммам.

Всего, считая солдат, военнопленных, железнодорожных служащих и беженцев, которые за полным отсутствием денег у правительства, поступили на мое иждивение, мне приходится содержать до 56 тысяч человек.

Нужда среди беженцев и русского населения Эстонии очень велика, пужна помощь бельем, платьем, обувью – в этом я им помочь не могу: армия сама нуждается. Не может ли придти на помощь частная благотворительность?

Н. Юденич

ГА РФ, Ф.6094, Оп.1, Д.123, Лл.35-38

Щербачев-Колчаку

Копия-Деникину.

6 декабря 1919 г.

...По докладу выехавшего из Ревеля 22 ноября 1919 г. генерала Гальфтера, прибывшего от Юденича, положение его армии не внушает опасений. Армия вооружена, сохранена полностью, за время наступления она увеличилась на одну треть числом штыков. Работа штаба армии, к сожалению, создает атмосферу полного недоверия и озлобления к нему со стороны воинских частей. Необходимые перемены делаются Юденичем, построение войск – хорошее. Ощущается недостаток материальной части, раньше 3 – 4 месяцев армия не будет готова к новому наступлению. Юденич, по докладу Гальфтера, спокойно продолжает свое дело, упрочивая свою власть. Отношение эстонцев – удовлетворительное. Отрицательные слухи, пессимистические мнения некоторых лиц не выражают истинного положения и являются результатами разочарования неудачей Петроградской операцией, частью представляется личной враждой к Юденичу. Для выяснения положения командую Юденичу генерала Геруа и просим Сазонова командировать Шебеко.

ГА РФ, Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.126.

Сазонов-Саблину, Набокову.

Копия-Бахметьеву.

Юденич телеграфирует о критическом положении своей армии, которую эстонцы, ведущие переговоры с большевиками, наполовину уже разоружи-

ли. Сделанные от имени Совета Пяти (Антанта) представления эстонцам не возымели действия. Необходимо, чтобы Державы (Согласия или Антанты) срочно произвели на эстонцев более энергичное давление, требуя от них предоставления Северо-Западной армии возможности вновь организоваться на особой, выделенной для этого территории вокруг Нарвы. Для достижения цели желательна угроза эстонцам некоторыми репрессиями, как, например, распространением блокады на их побережье.

Обращаюсь с тождественной просьбой к Правительствам Франции, Италии, Англии и Америки.

/Прибавка для Вашингтона/. Нельзя ли направить в Ревель командированного в Прибалтику Гаде и поручить ему переговорить на месте с Юденичем и эстонцами».

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.15.

Щербачев-Юденичу.

10 декабря 1919 г.

В результате прежних переговоров с Фошем послана нота Эстонии союзниками для оказания Вам содействия. Вчера имел новый разговор с Фошем. Им обещано: 1) просить посылки (Французским правительством) новой энергичной ноты Эстонии; 2) принять меры, чтобы союзнические представители на местах способствовали Вам и наблюдали за выполнением Эстонией пожеланий союзников. Вопрос о перевозке и уходе Вашей армии из Балтики, считается неосуществимым по техническим условиям из-за недостатка тоннажа (судов). Фош полагает, что Согласие (Антанта) должна сделать все для реорганизации армии на месте. Для необходимости содействия Вам телеграфировал также Черчиллю.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.10.

Набоков-Щербачеву.

Лондон.

11 декабря 1919 г.

По собирающимся здесь сведениям, за время с 25 ноября по 4 декабря произошло ухудшение в армии Юденича. Но, что хуже всего, видимо он сам, не встречая моральной поддержки, выбился из сил. Об этом свидетельствует его письмо от 2 декабря, которое привез некто Цоппи, не офицер, состоящий при Глазенапе. Копию письма представляю Вам. По-моему, всякое суетливое метание для Юденича гибельно. Нужно, прежде всего, добиваться воздействия Антанты на эстов, а уже потом думать о перемене базы

(Латвия, что предлагал Юденич), или даже о ликвидации фронта с передачей личного состава Деникину. Остается несомненным, что за последнюю неделю офицерство Северо-Западной армии, под впечатлением тяжелой обстановки, начало рассиваться, а вслед за этим и пошли всякие слухи.

Но верно одно: что около половины бывших под ружьем войск сдали оружие, правда, не эстам, а англичанам, но все же – сдали. Таким образом, известная нота Французского правительства осталась невыполненной. Сегодня я буду говорить по всем юридическим вопросам с Синклером (секретарем Черчилля) и буду добиваться личного свидания с Черчиллем.

От Юденича вернулся генерал Степанов – «плавающий и путешествующий», который от Колчака (бывший военный министр Омского правительства – прим. сост.), с не вполне ясной миссией, проехал Лондон и Париж, Копенгаген и Стокгольм, Гельсингфорс и Ревель, к Юденичу. Я имел с ним двухчасовую беседу, причем я не могу согласиться ни на одно из его предложений. Вот они:

1) Заграничное представительство должно быть упразднено. В Париже и Лондоне должна быть восстановлена нормальная деятельность военных агентов.

2) Северо-Западный фронт – лишний фронт.

3) Он не выполнил ни одной задачи.

4) Юденич должен быть заменен другим лицом. (Политическая завязка: если не нужен фронт, то зачем заменять Юденича?)

Все заключения Степанова происходят из ложной исходной точки: что все уже устроилось, что мы уже имеем Государственную казну, что в союзниках мы нуждаемся мало и будто бы от них не зависим. Интересно, что путешествуя уже вот 7 месяцев, Степанов не говорил ни с одним из иностранцев, и «делает смотр» только русским силам. Сейчас он едет к Деникину и, очевидно, будет стараться внушить там свои идеи – большей частью острописные по собиранию по тылам разговоров и сплетен. Сам себя он не чувствует: критерия «странствующего» генерала не замечает, не понимает что сам побил рекорд в качестве кругосветного интервьюера.

Я жду Ваших указаний, приезда Шебско и сам стремлюсь к отдыху. Необходимо дать Юденичу возможность поправиться.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.4.

Геруа-Щербачеву

11 декабря 1919 г.

Лондон.

Завтра, в 10 часов утра, я отправляюсь для выполнения возложенного Вами на меня поручения, а оттуда – на минопопсе и рассчитываю, что не позднее 16 декабря буду в Ревеле. Таким образом, буду иметь возможность повидать Нисселя в самом начале его работы по отношению укрепления армии Юденича.

Безусловно, отношение Сазонова и его ближайших советчиков, выразившееся в отказе взять на себя смелость послать видного дипломатического представителя к Юденичу, просто поразительно. Кажется, должно быть ясно, что мне одному будет до крайности трудно справиться с задачей, так как в нее входят чисто политические переговоры. Боясь дискредитировать себя лично, эти люди не боятся систематически проваливать Русское дело. Они предполагают переложить всю ответственность на военных, вместе с тем, они предоставляют нас всецело собственным силам с тем, чтобы в случае успеха, на формальном основании разделить этот успех, а в случае неудачи – свалить всю вину на военных, как это и делается сейчас по отношению к Юденичу. Ведь с самого начала возникновения идеи нового антибольшевицкого фронта под Петроградом, Сазонов не сделал ни одного решительного шага, чтобы помочь ему. Даже такие настоятельные и простые вещи, как посылка политических и финансовых агентов к Юденичу не были сделаны в течение 9 месяцев. Я, положительно, не нахожу названия для политики тех лиц, которые в критические минуты, переживаемые нашей Родиной, не способны ни на какое решение и предпочитают отсиживаться.

Мы же, оказывается, слишком долго молчали. Все высказанное выше заставляет меня, при отъезде моем в Ревель, написать письмо Сазонову, в котором я конструирую факт, что одной из причин тяжелого положения Юденича является систематическое нежелание поддерживать его политически. Копию этого письма при этом прилагаю.

Не посетуйте на меня, что делаю это от себя. Но может быть, лучше распространить от Вас это документальное выступление и сохранить Вам свободу для дальнейшего воздействия на Сазонова.

Последние известия, сообщенные мне Вами в письмах от 8 и 9 декабря, подтверждаемые здешними данными, дают надежду, что Юденича вновь удастся поставить на ноги. Но если это

будет так, то придется подчеркнуть, что дипломатические наши представители были тут ни при чем. Все будет зависеть от позиции генерала Нисселя и я со своей стороны постараюсь включиться в переговоры так, чтобы решительно повлиять на их благоприятный исход.

Сердечно благодарю Вас за Ваше широкое ко мне доверие. Верую, что сделаю все от меня зависящее, и что в моих силах и способностях, чтобы оправдать это доверие. Не откажите и в доверии к генералу Хольмсену, которого я оставляю за себя, и который в Лондоне будет проводить нашу программу, не теряя связи с англичанами. Нельзя ли в Париже подобрать группу офицеров Генерального штаба для Юденича? Пораделов едет, но этого мало. Необходимо реорганизовать армию и поставить ее на серьезные основания.

Буду держать Вас в курсе непрерывно.

Со своей стороны, также желаю Вам успеха в Вашей работе на пути к твердому сосредоточению практической власти в Ваших руках – иначе за границей мы не сдвинемся с места.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Лл.16 – 18 об.

Начальник штаба Северо-Западной армии генерал Владимиров-Щербачеву.

16 декабря 1919 г.

...Одной из причин наших неудач здесь стало отсутствие таких пушек, которые могли бы бороться с бронированными поездами и отсутствие в достаточном количестве снарядов к полевым пушкам. Словом, отсутствие технических средств, о которых мы просили англичан. После того парохода, на котором я приехал, мы не получили НИЧЕГО. Мы перенли в наступление, побуждаемые угрозами английских генералов Гофа и Марша отнять у нас то немногое, что было прислано. Без работы воздушной разведки, без тяжелой артиллерии, без достаточного числа бронированных машин, еле одетые, не имея медикаментов, мы делали, что могли и напесли большевикам 47 тысяч потерь убитыми, ранеными и разбежавшимися. Мы спасли население Гатчины, Царского, Павловска, Луги, но невозможного требовать нельзя. Помощи флота не было. Нас били и подбили броневые поезда, у большевиков вдруг появилось изобилие германских снарядов (черные разрывы бризантных гранат наблюдал я лично) и весьма искусное руководство. Короче, появилась германская рука, оттолкнувшая нас от Петрограда и мы

очутились в Эстонии в ОТЧАЯННОМ ПОЛОЖЕНИИ.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.115.

Геруа-Щербачеву.

Копия-Саблину.

24 декабря 1919 г.

Точное положение армии, находящейся под начальством Глазенапа, на восточном берегу Наровы к 23 декабря – 2 дивизии в составе 9 тысяч бойцов, из коих 5 тысяч человек пехоты занимают окопы к юго-востоку Нарвы на фронте около 12 верст. Третья дивизия формируется согласно приказу, сообщенного телеграммой и насчитывает пока 4 тысячи штыков. Артиллерия – 80 орудий, 2 броневых поезда, есть броневые автомобили. Холод, тяжелые условия привели к большой заболеваемости. Сверх указанного числа находящихся в строю, здесь 10 тысяч больных, раненых в госпиталях. Кроме того, 5 тысяч больных находится при дивизиях. На западном берегу Наровы – в районе шоссе Иевве-Юрьев – расположены в крайне тяжелых условиях разоруженная 1-я дивизия, названная резервной, состав которой доходит до 4 тысяч человек и запасные части. В составе безоружных – бывшие красноармейцы и мобилизованные. Все эти части находятся в ведомстве МВД Эстонии как обыкновенные беженцы, однако, они учитываются Глазенапом как источник пополнения. Разоруженная 6-я дивизия, как подлежащая расформированию, не считается. Люди дивизии находятся в том же районе. Отсутствие денег, хорошего питания, теплой одежды, помещений и соответствующее отношение эстонцев быстро понижает настроение действующей части армии, не имеющей смены. Число дезертиров увеличивается. Глазенап считает необходимым для сохранения армии перенести боевой участок на Псковское направление, поменяв прежние с эстонцами, для чего необходимо добиться их согласия и перемены их отношения к нам. Среди солдат – много псковичей, кроме того, местность между Верро-Псковом против фронта Псков-Остров – густонаселенная, обещает возможность лучшего размещения и набора добровольцев, реорганизации. К этому району примыкают сейчас формируемые Балаховичем белорусские части. Полагаю, что дело поправимо, необходимо оказать давление на Эстонию в смысле предоставления нам территории.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Лл.36 – 36 об.

Геруа-Щербачеву.

Копия-Саблину.

2 января 1920 г.

Третьего января вступает в силу семидневное перемирие, в котором о русской армии вовсе не упоминается, но русские, занимающие всего в числе 8 тысяч человек десятиверстный участок фронта, не могут одни продолжать действия. К тому же эстонское командование требует перерыва в боевых действиях и от нас. Отдано приказание: сегодня снять войска с фронта. Необходимо немедленно принять меры к переброске людей, оружия, запасов на фронт Миллера, к чему склоняется и Юденич, или на фронт Деникина. Создавшееся положение обязано отсутствию ведения нами здесь какой бы то ни было политики. Финляндия категорически отказала пропускать войска, поэтому, во всяком случае, для переброски их нужен топнаж. Выезжаю в Лондон ближайшим пароходом.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.35.

Геруа-Щербачеву.

Копия-Саблину.

3 января 1920 г.

Считаю долгом сообщить подробно обстановку в данный момент: следствием полного отсутствия нашей политики в окраинных странах явилось заключение эстонцами перемирия, которое постепенно перейдет в мир. В настоящий момент союзники не могут изменить положения, ибо целый ряд требований без предоставления компенсаций за это эстонцам и без дальнейших действий совершенно подрвал их авторитет. Их система создания и укрепления барьерных государств без поддержки русской силы не дает возможности наступательной операции. Ныне уже формируется Балаховичем белорусская армия, развивается Литовская, все это получает поддержку в ущерб русским начинаниям, лишь под прикрытием идеи борьбы с большевиками. Ликвидация русского фронта в Прибалтике повлечет за собой распространение большевизма в Эстонии, затем – Латвии и возможно, Финляндии, что не входило в задачу Антанты. Потеря всего западного края от Финляндии до Польши обозначит решительную победу большевиков над союзниками и представит непосредственную угрозу Европе через Германию. Создавшаяся обстановка требует немедленного решения союзников и нашего, причем, спасти положение можно только союзным десантом в Эстонии и Латвии, и образованием экспе-

диционного волонтерского корпуса, не останавливаясь перед большими материальными издержками. Докладываю, что вопрос идет о широких политических последствиях, также о судьбе многих сотен тысяч гибнущих русских. Сейчас не только уничтожается Северо-Западная армия и наносится величайший вред общерусскому делу, но и международное положение становится в высшей степени сложным и внушающим опасения.

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 370. Л. 38.

Юденич-Щербачеву.

2 января 1920 г.

Из телеграммы моей Вы уже знаете, что эсты заключили перемирие с большевиками. Перемирие заключено с 3 января, сроком на 7 дней, с тем, что за 24 часа до срока, должно последовать уведомление перемирия стороны, о возобновлении военных действий. Если такового не будет, то перемирие автоматически продлевается, хотя бы до бесконечности. Переговоры о заключении мира эсты продолжают. О Северо-Западной армии в условиях перемирия ни слова, само собой разумеется, что продолжать борьбу мы не можем. Эстонское правительство и командование считают, что перемирие распространяется и на нас. Не признавая этого, мы поставлены фактически в невозможность продолжать военные действия, почему я и приказал Командарму Глазенапу отвести войска, находящиеся на фронте в тыл.

Сегодня я послал Сазопову телеграмму, в которой требую выяснить: считают ли союзники нужным сохранить Северо-Западный фронт для борьбы с большевиками, и если да, то требуются немедленные меры к его воссозданию. Мне представляется, что единственной решительной и действенной мерой является десант. Без него все требования союзников к Эстонскому правительству, какими бы суровыми эти требования ни были, не будут иметь успеха. Правительство лишено возможности их выполнить, ему не на кого будет опереться. Десант нужен как опора правительству, если оно решится продолжать войну. Общее мнение: в Эстонии через 3-4 месяца будет большевизм, который распространится и на Латвию. Немцы войдут в непосредственную связь с большевиками в Финляндии. Положение последней тоже весьма неустойчиво, неустойчиво оно и в Скандинавии. Но всего этого может и не произойти, если только Германия и Совдепия не войдут в непосредственную связь. Это будет боль-

шая победа немцев и поражение союзников. Последние ликвидировали Бермондта и Гольца а немцы, через 3-4 месяца, пройдут через всю Прибалтику и войдут в связь с Совдепией. Ясно какие преимущества получают германцы. Пишу это все для союзников. Не нам помогать, а себя спасать они должны, а мы, в данном случае, только средство для них. Мы помогаем и облегчаем ту же войну с немцами, которая далеко еще не кончилась. Нужно чтобы и союзники этой идеей прониклись. Они должны нам помочь, если не хотят собственной гибели.

Геруа видел и знает многое. Должит по приезду.

Крепко жму Вашу руку. Преданный Вам и готовый к услугам.

Н. Юденич.

ГА РФ, Ф. 5936, Оп. 1, Д. 90, Лл. 1-2.

Управление Добровольного флота сообщает о невозможности перевозки частей Северо-Западной армии на юг.

Распорядительный отдел

12 января 1920 г.

№ 180

Союз Русских Судовладельцев и его правление, в том числе и А.С. Остроградский, пришли к выводу, что перевозка 10 тысяч солдат, 2 тысяч офицеров, 100 орудий, 300 зарядных ящиков, 30 автомобилей, 400 паровозов, 300 пулеметов и 1 тысячи тонн багажа и грузов из Ревеля на юг России невозможна из-за того, что нет частного тоннажа для перевозки, это стоит колоссально дорого.

Добровольный флот мог бы это сделать при возвращении ему 5 пароходов, реквизированных англичанами в 2 этапа. Кроме того, на это требуется 150 тысяч фунтов стерлингов.

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 370. Л. 69.

Финансовый представитель Омского правительства в США Угет-Щербачеву.

...Пять пароходов, реквизированных англичанами, в 1919 г. были освобождены и отправлены в Россию. Для добычи русского тоннажа советую обратиться к адмиралу Хоменко в Париж, если почему-либо невозможно достать наш тоннаж, не откажите обратиться через Русское Посольство в Париже, к русскому послу в Вашингтоне, за американским тоннажем и Посольство сделает все возможное, дабы достать таковой...

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 370. Л. 80.

Юденич-Гулькевичу

26 января 1920 г.

Прошу расшифровать в первую очередь. Генерал Юденич просит передать за № 0198 (шифр): «Ожидаю и требую определенного ответа. Будет ли предоставлен тоннаж для перевозки Северо-Западной армии на юг или нет. В последнем случае я выпущен буду распустить армию, содержать которую в невозможных условиях существования без пужды вывоза или применения здесь нет смысла. Союзнические миссии здесь бессильны, влиянием у эстов не пользуются, ждут инструкций Правительства, которые молчат. Время идет, армия гибнет. Опасаюсь, что телеграммы до Вас не доходят. Телеграфируйте содержание этой. Прошу передать также генералу Щербачеву.

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 370. Л. 77.

А. Эрманн (обер-офицер для поручений при штабе 3-й стр. дивизии, подпоручик)-Св.Кн. Ливену.

14 января 1920 г.

...я попал в общую волну походной жизни, которая забросила меня в самое Красное Село.

Весь пройденный мною путь произвел на меня удручающее впечатление. В избах и на улицах деревень одни лишь бабы, а из мужчин подростки 9-11 лет или глубокие старцы. Все полевые работы производят бабы, причем обрабатывается не вся земля, ссылаясь, что нет сил. Везде указывали, что хлеба не хватит до будущего урожая и что будет голод, если извне не будет помощи.

По пути в Красное Село везде и всюду крестьяне интересовались политикой и газетями, но никто и не думал удовлетворять эту потребность, хотя в Ревеле и существовало агитационное бюро при Северо-Западном правительстве. Везде почта и телеграф были при занятии белыми закрыты и не функционировали. Продовольственный вопрос не налаживается. Одним словом, административная деятельность находилась в спячке. Единственно, что следует отметить – американцы работают всюду. Они появляются повсюду, собирают сведения о числе детей до 6-летнего возраста и снабжают их питательными средствами, так и теперь при взятии Двинска, они уже отправили туда съестных припасов на 10.000 детей. Военные власти тоже похрамывали, так, обязательные постановления коменданта для населения появились только перед самым отступлением.

Когда немцы куда-либо входили, немедленно в тот же день были расклеены все приказы, и чувствовалась

власть, а у нас это делалось при отходе. Правда, правительство было иногда дальновидней и назначало уже генерал-губернатора и даже Петроградского губернатора с окладами все, как следует, по результатам работ и удовлетворения потребностей, хотя бы настоящих, не было видно.

Относительно самого наступления на Петроград Вам, Ваша Светлость, уже известно, почему ограничусь личными впечатлениями, которые я вынес.

Вместе с нами потянулись беженцы; они и те, которые остались на местах, наверно, проклинали всю белую армию, которая пришла с тем, чтобы разорить их гнезда. Дело в том, что с возвращением красных, с жителями последние, конечно, расправлялись с жестокостью. Так, в Ложгалове были повешены два священника, а беженцам тоже было не особенно весело, так как их, например, в Нарву не пускали, и они должны были в трескучий мороз оставаться под открытым небом. В этом отношении эстонцы проявили всю свою жестокость и бессердечность. Например, под Нарвой за проволочными заграждениями одна мать сходилась с ума: у нее умирал ребенок, и она с распущенными волосами бегала и просила пропустить ее в город с умирающим ребенком, но эстонцы – народ твердый в своих решениях и, конечно, ее не пропустили.

Результат эстонской политики отозвался и на Климентии Ивановиче Дыдорове. Его супруга с сыном переправлялись через границу и на эстонской территории должны были переночевать под открытым небом. В результате они простудились, и мальчик умер от воспаления легких. Эту участь я избежал, благодаря тому, что перед отступлением за эстонскую границу я получил командировку в Нарву, где все это тяжелое время я и пробыл.

При отступлении вши нас заели в прямом смысле, и это был тихий ужас. При этом следует присовокупить, что дезинфекционные средства отсутствовали, равно, как и медикаменты.

От холодов многие замерзли и заболели, больных лечили случайными порошками, которые находили то у одного, то у другого.

Врачебная, медицинская и санитарная помощь отсутствовали.

О транспорте раненых и больных не стоит писать, кто мало-мальски мог передвигаться, шел десятки верст пешком, тяжело раненые и больные были в худших условиях, их по ужасным дорогам трясло в бытовых подводах.

Во всем этом наступлении и его последствиях, конечно, виноваты, с одной стороны, наше правительство, которое устроило это наступление, в оправдание всего полученного от союзников, но виноваты и англичане, которые своих обещаний не сдержали и не доставили всего необходимого. В общем, нашему отступлению поспособствовал и Бермонт-Авалов.

Результатом всего сказанного был развал Северо-Западной Армии, а теперь, кажется, остатки отправятся или на Мурман, или на юг. Из армии начали дезертировать к красным и в Латвию. Наконец, был издан приказ, чтобы латвийским подданным не пренятствовать возвращению на родину.

В это время Дыдоров был уже отстранен, и был назначен начальником дивизии генерал-майор Пермикин. Правда, он был недолго, кажется, недели две, после чего сложил свои полномочия, уехал и больше не возвращался. Ливенцы его игнорировали. Результатом было то, что временно был назначен начальником дивизии полковник Бобошко.

Наконец, было сделано последнее распоряжение: дивизию Светлейшего князя Ливена впредь именовать просто 5-й пехотной дивизией. Наступило повальное бегство ливенцев.

Полковник Дыдоров оставил в силе выданные мне документы и поручил Вам, Ваша Светлость, сделать полный доклад, причем присовокупил, чтобы я Вам передал, на первый Ваш звонок все бросить, чтобы поспешить к Вам и даже в том случае, если бы ему пришлось дезертировать и весь путь пройти пешком. Мне лично он заявил, что останется на месте вместо Вас, пока еще один ливенец будет налицо.

Материальное положение, конечно, и всех других тяжелое, т.к. Юденича деньги ничего не стоят. Из всего сказанного Вы, Ваша Светлость, можете усмотреть, что Северо-Западная Армия не существует больше, как таковая, и что причастные лица в благодарность за то, что Вы создали и в свое время спасли Северо-Западный фронт, уничтожили всю Вашу работу. Я не знаю, какую задачу Вы теперь намерены себе создать, но дальнейшую заботу о Северо-Западной Армии я лично считаю бессмысленной и, очевидно, полковник Дыдоров стоит на той же точке зрения, раз он готов следовать к Вам. Ливенцы были обижены и унижены, и это была благодарность за все те жертвы, которые они принесли.

Приложение:

1. Письмо на Ваше распоряжение.

С самого начала боевой деятельности Северо-Западной Армии и до последних боевых операций, армия не ощущала ни разу поддержки, помощи со стороны эстонской армии, а, наоборот, очень часто части эстонской армии или не шли в бой с частями Северо-Западной Армии (пабег на Гдов), или дрались вяло, отставая от частей Северо-Западной армии (Нарова и Красная Горка летом и осенью), что вредно отзывалось на ходе боевых операций и на построении солдат, а при переходе Северо-Западной Армии реки Наровы в мае 1919 г. эстонская армия, не желая развивать общие боевые цели, оставила Северо-Западную Армию, предоставив ей самой защищать границы Эстонии.

В то же время некоторые доблестные воины эстонской армии, за спиной сражающейся Северо-Западной Армии предавались ограблению, обмундирования, снаряжения, продовольствия Северо-Западной Армии и оскорблению ее офицеров. Приказы генерала Теннисона, которыми приказывалось расстреливать на месте преступления всех таких эстонских офицеров, говорят многое и спорить с ними не приходится.

Благодаря всяким тормозам эстонских властей в Ревеле и Нарве, правильное питание Северо-Западной Армии было нарушено, и это отразилось, понятно всякому, на боевых действиях ее. Были случаи в Нарве, что вагоны с продовольствием для Северо-Западной Армии стояли на ст. Нарва-1 по несколько дней невскрытыми в силу того, что чиновники эстонские не находили свободного времени для осмотра вагонов, и лишь после некоторой мзды вагоны осматривались из окна конторы. И это все происходило в то время, когда Северо-Западная Армия дралась с наступающим противником и заслуженно ждала помощи от своих союзников – эстонцев. О всяких тормозах, чинимых эстонскими властями в отношении снабжения Северо-Западной Армии, о грабежах складов и чипов ее среди белого дня на улицах Нарвы командованием Северо-Западной Армии сообщалось своевременно представителям Антанты, у которых возбуждалось удивление и возмущение, и ими принимались все меры к прекращению этих безобразий.

Разоружение Северо-Западной Армии и весьма скученное сосредоточение частей ее по распоряжению эстонского правительства в районе Йевве и разлагающая пропаганда среди частей

Разоруженные солдаты и офицеры 1-й пехотной дивизии Северо-Западной армии в Нарве. Ноябрь 1919 г. Обращают на себя внимание английские шенели и отсутствие белых крестов на рукавах, как следствие «разоружения». (Фото предоставлено С.Ю. Меркуловым).

армии эстонских солдат, не желавших продолжать войну с большевиками, о чем говорилось открыто, и массовый грабеж обозов и складов эстонскими солдатами в присутствии эстонского начальства (в районах Нарвы, Вайвары, Иевве, Паггары, Илюка, Пюхлица, Изака) окончательно убили Северо-Западную Армию и дали возможность развиться эпидемии.

Чем заслужила Северо-Западная Армия такое враждебное к себе отношение. Не тем ли, что она своим майским победоносным наступлением окончательно избавила Эстонию от врага и освободила Нарву от ежедневных артиллерийских обстрелов.

Убив Северо-Западную Армию, Эстония получила по неизвестному праву: все оружие армии, артиллерию, снаряжение, обозы, боевые суда и, кроме того, 1200 товарных вагонов, 86 классных вагонов, 26 паровозов, 2 бронированных поезда, 2 оборудованных железнодорожных мастерских и много много мелкого имущества.

Я не сужу Эстонию, привожу лишь только факты. Ее будет судить история и не простит ей гибель Северо-Западной Армии.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Северо-Западной армии, Папка 3-6, №№ 27, 28.

Неизвестный корреспондент-Щербачеву.

Представитель Английской Военной Миссии полковник Вильсон обещал оказать полное содействие в переброске частей Северо-Западной армии на юг. На последние по этому поводу телеграммы в Париж и Лондон получались благоприятные ответы. Троцкий-Сенотович из Парижа предложил пароходы с уплатой в среднем по 10 фунтов стерлингов за человека за переправку от Ревеля до Новороссийска. Генерал Геруа своей телеграммой от 14 февраля за № 600 указывал,

что деньги на пересылку им пайдены. Тогда, в конце января, состояние льда в Ревельском заливе позволяло почти беспрепятственное плавание, а то, что мирный договор не был подписан, допускало массовую отправку людей и даже оружия, на что Эстонское правительство тогда давало согласие при условии, что оружие будет уложено в ящики... Но все телеграммы, посылаемые из Северо-Западной армии в Париж и Лондон, как шифром, так и без него, как по эстонскому телеграфу, так и через иностранные миссии, оставались без ответа и есть все основания предполагать, что они не были пропущены эстонцами с ведома, а может быть, и по приказанию англичан.

Предприняли попытку влить эти силы к Бермонту, но в последнюю минуту Германия не дала разрешения на высадку их в Штеттине. Латвия отказалась пропускать эшелоны из-за боязни тифа.

Второго февраля был заключен мир, по нему Эстония была обязана разоружить Северо-западную армию и не допустить ее переезда на другие фронты.

Попытка уехать на пароходе «Посейдон» в Финляндию Юденича 24 января окончилась неудачей. Из личной мести и преследования спекулятивной цели – обмен скупленных за бесценку у офицеров и солдат Северо-Западной армии денег – именующий себя «генерал-майором» Булак-Балахович с шайкой пегодяев при участии бывшего прокурора Северо-Западного правительства Ляхницкого, арестовал в гостинице «Коммерс» и хотел увезти его в город Юрьев, чтобы там под угрозой выдачи его советской делегации, выманить у него чек на 100 тысяч фунтов стерлингов.

В этом шантаже, несомненно, участвовал Главнокомандующий эстонской армией генерал Лайдонер, который был предупрежден о готовящемся аресте и ничего не предпринял для его предотвращения и который все время

покровительствовал Балаховичу, и министр внутренних дел Геллат.

Благодаря начальнику французской миссии полковнику Хюрстель, в ту же ночь поднявшего на ноги все эстонское правительство и начальнику английской миссии полковнику Вильсону, Юденич на другой день, в Тапсе, был освобожден, возвращен в город Ревель, и, по приглашению полковника Вильсона, поселился в Английской миссии. Балаховичу с его шайкой было приказано оставить пределы Эстонии.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.93.

Щербачев-Угету.

Взятие Петрограда провалилось, благодаря отсутствию какой-либо помощи во время наступления. Двадцатого декабря Юденич, вследствие переговоров эстонцев с большевиками, желая сохранить армию, отправился в Латвию, там отказались принимать армию. В ней свирепствует повальный тиф – большие лежат в нетопленных помещениях, даже без соломы.

У Хоменко нет топшаж, хлопочем в Англии... Срочно необходимы врачи и медицинский персонал... Армии нет, есть только больные люди, надо спасти их из благодарности к ним за понесенные труды при невероятно тяжелых условиях... Гибнут десятки тысяч людей. Помогите, как можете...

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.81.

Начальник штаба ВСЮР ген. Романовский-Щербачеву.

3 февраля 1920 г.

Прошу сообщить делегату генерала Юденича Сенотовичу: Главковерх приказал двадцатитысячную армию Юденича направить в Константинополь, где, в зависимости от обстановки, будут даны конечные пункты высадки, Новороссийск или Феодосия.

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.86.

«С самого начала было ясно, что поход на Петроград обречен на полную неудачу...»

Из писем П.Н. Краснова Д.Г. Щербачеву.

(Публикация С. Балмасова.)

25 декабря 1919 г. Ревель.

Ваше превосходительство, Дмитрий Григорьевич!

Пишу Вам из Ревеля, куда приехал из Нарвы на 2 дня по делам, потому прошу извинить и за бумагу, и за почерк, впрочем, потом у меня в Нарве мало хорошего. Вам, вероятно, писали о том большом несчастье Вашего сына, которое постигло его неделю тому назад в бою под Криушами. Его лучшему другу, Андро, бывшему впереди, как наблюдателю их батареи (Гершельмана), оторвало ступню ноги. Его едва успели перевязать, как в деревню ворвались красные и взяли Андро в плен.

Нашей контратакой, в которой блестяще принял участие и Ваш сын, противник был выбит, но Андро уже не наши. Взятый в плен большевицкий офицер клялся и божился Вашему сыну, что Андро отправлен в госпиталь и что ему лично худа не будет, но, тем не менее, Ваш сын не верит этому. Тридцать шесть часов подряд Ваш сын с двумя верными солдатами провел в тылу у красных, надеясь, что может быть, он найдет хотя бы след Андро, но все напрасно. Я видел Вашего сына. Потеря друга очень сильно повлияла на него, и было бы очень хорошо, если бы Вы вытребовали его к себе. Обстановка тут очень тяжелая. Правда, в батарее Гершельмана подобались очень хорошие, благородные и в высокой степени порядочные люди и это на общем грозном фоне. Но армия – разутая, раздетая, без лошадей, без продовольствия, без горячей пищи, на чужой территории, среди враждебно настроенных эстонцев. Это уже не армия, а труп, который начал разлагаться. Ни офицеры, ни солдаты не получают месяцами жалования, что может плохо отразиться на их духе. Нужны железные нервы, чтобы вынести все это. Из армии никого никуда не отпускают, и это усугубляет ее тяжелое положение. Если бы были надежды на то, что армия окрепнет и снова пойдет в наступление, я бы никогда не стал писать о том, что Ваш сын может уехать, но при таком положении было бы хорошо, если бы Вы его потребовали к себе¹.

О себе пишу лично. Меня наши приняли холодно и недоверчиво, и

мне не нашлось места в строю. Может быть, это и к лучшему, потому что командовать частью, не имея возможности кормить и снабжать ее, было бы слишком тяжело. Также на мне лежит обязательство снабжать армию литературой. Но и тут работа протекает в невероятно тяжелых условиях, и часто руки опускаются. Нет денег, нет бумаги, нет сотрудников. Обидно и грустно, что мне пришлось оторваться от громадного дела на юге, чтобы здесь жить впроголодь и заниматься пустяками. Мечтаю вернуться на юг, где я мог бы работать, и где меня ждут. Мечтаю потому, что здесь ничего не делаю, а сидеть без дела как-то совестно. На Дону я был, что называется, и швец, и жнец, и на дуде игрец, а здесь я – никто. Официально – начальник «управления по осведомлению» – но это звучало бы гордо, если были бы средства для работы, или хотя бы эстонцы нам не мешали. А так, тихо умирать в ожидании, когда эстонцы выдадут нас большевикам – немного скучно и тяжело. А между тем, это не фраза – Северо-Западная армия – это застава Западной Европы от большевиков и пока она стоит, Европа может спать спокойно. Стоять она будет, если ее выведут из эстонского плена, покормят и оденут, и обучат, потому что пока – это толпа. Много, очень много я бы мог и написать, и рассказать, но боюсь, что и так написал слишком много и затруднил Ваше внимание.

Один номер издаваемой и редактируемой мной газеты присылаю для образца. Тут также в качестве беженцев находится семья полковника Л.И. Гусарского и другие...

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Лл.62 – 65.

11 января 1920 г. г. Ревель.

Ваше Высокопревосходительство, Дмитрий Григорьевич!

Чтобы описать причины крушения Северо-Западной армии, пришлось бы написать целые тома, и, к сожалению, все очень грязные истории. Самые основы были в корне искривлены. Армия началась и возникла из разбитых банд, с которых вожди своей целью ставили не спасение Родины, не победу над большевиками, а личные интересы, достигавшие того или иного имущественного благосостояния. Они не думали делать похода на Петроград для овладения им и прочного удержания в своих руках, но совершили на него и окрестности набег с целью пограбить и нажиться. И грабили, и наживались. Неумелый, слабовольный Родзянко, безмолвный граф Пален, слабый Арсеньев не могли, боялись и не умели бороться против этого. Начальник штаба генерал Владимирова, генерал-квартирмей-

стер генерал Малявин и, мне кажется, сам Главнокомандующий были участниками этих операций. По крайней мере, никто не предал суду заведомых воров, грабителей и мародеров. Мало того, при докладах об этом приходилось наблюдать камешное равнодушие. Армия строилась на гнилом фундаменте. И это было там особенно видно потому, что солдаты армии и много рядового офицерства были случайные люди. С самого начала было ясно, что поход на Петроград обречен на полную неудачу. Об этом говорили и все же пошли потому, что армия этого хотела, то есть хотели те темные личности, которые решили на этом походе нажиться.

Ничего, кроме позора, не вышло.

Приезд нескольких сотен офицеров из Англии, из Нью-Маркетского лагеря, людей свежих, внес некоторое оживление в армию. Сама жизнь требовала властным голосом коренных реформ... Остальная часть армии сидела в ледяных окопах и в течение почти двух месяцев отражала днем и ночью страшные, кровавые штурмы на Нарву. Этой героической обороной 100 тысяч красных войск разбились об эту горсть храбрецов...

Санитарное и материальное состояние армии – ужасно. Строевые офицеры и солдаты обносились, не имеют штанов и шинелей, не получают днями горячей пищи. Они давно не видели чая. Жалование они получают наполовину эстонскими деньгами, наполовину деньгами Северо-Западного правительства, которые совсем не ходят. В маленькой, грязной избе помещается до 30 – 40 человек, причем все лечь одновременно не могут. Половина – лежит, половина – стоит. Потом те, кто лежит, встает, а стоящие – ложатся. Сыпной тиф косит ежедневно по 30 – 40 человек, медицинской помощи нет. Белья нет не только у солдат, но и у офицеров. Для лошадей нет фуража. Эстонцы издеваются над русскими. Они грабят наши грузы, отнимают продовольствие, раздевают на морозе людей, отнимая у них последнюю одежду. Среди офицеров и солдат многие сходят с ума от такой тяжелой обстановки.

Наступил «мир» большевиков с эстонцами – началась агитация за переход к красным. Стали переходить не только солдаты, но и офицеры. Начались аресты и убийства командного состава. Ежедневно, круглым счетом, из армии уходит до 500 человек. Единственное спасение армии – быстрая ее перевозка в новые условия. В армии – около 10 тысяч человек, в том числе до 2 тысяч офицеров. Это все прекрасный боевой элемент, готовый сражаться против большевиков на любом фронте...

ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Лл.21 – 23об.

¹ В январе 1920 г. Щербачев предпринял попытку добиться от командования Северо-Западной армии того, чтобы его сыну дали краткосрочный отпуск, однако, не получил на это разрешения (ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.370. Л.47).

М.В. Ярославцев

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

*«В битве смертельной за дело святое,
Кровью вздымили мы лоно родное,
Жертвенной кровью – за всех...»*

14-го ноября 1919 года пал Ямбург, армия притиснута к границам Эстонии, но еще не все кончено; от Балтийского моря по озерам до р. Луги фронт занимается эстонцами, затем нашей 3-ей стр. дивизией и др. частями армии. В прифронтовой полосе скопились беженцы и войсковые обозы, помещений не хватает, живут в сараях, вагонах, землянках, а мороз все усиливается. Мой Штаб притулился в двух разбитых избах мызы Сальской, тесно, холодно, много крыс. Начались недоразумения с эстонскими солдатами, не уступают помещений, грабят, бесчинствуют и все это при попустительстве их командиров, которые в то же время то и дело просят нашей поддержки артиллерией и резервами. С большим трудом мне удалось добиться снабжения частей – без перебоев – продуктами и боевым припасом, получить немного пополнения, урегулировать отчетную часть и списочное состояние частей. Помощник мой, полк. Делль был назначен командиром 2-ой бригады дивизии, полк. Трусов – первой. В командование Уральским полком вступил полк. Шиманский; вместо произведенного в генералы и принявшего 5-ю стр. дивизию, Пермикина, командиром Талабского полка назначен полковник Фон-Гоэрц, Семеновцами стал командовать полковник Барон Унгерн-Штернберг. Вскоре мою дивизию переместили несколько южнее, сменив ее эстонскими частями. Начиналась агония Северо-Западной Армии; красные, наступая на дер. Низы, кричали солдатам 3-ей дивизии: «оставим вам кусок земли под кладбище». В обеих наших дивизиях по два полка находятся на позиции и по два – в резерве; 1-ая и 6-я дивизии отошли на эстонскую территорию и были разоружены эстонцами, затем у Криушей и Усть-Жердянки перешли на левый берег реки Наровы – 4-я и 5-я стр. дивизии. По настоянию генерала Лайдонера резервам 2-й и 3-й дивизии – разрешено стоять на Крэнгольмской мануфактуре и в Ивангороде (предместье гор. Нарвы); это было вызвано ни чем иным, как только нуждою эстонцев в нашей помощи. В командование Нарвским фронтом вступил ген. Теннисон – начальник 1-й Эст. дивизии, отстранив таким обра-

зом наш штаб армии от оперативного руководства. Командующим Северо-Западной Армией был назначен генералом Юденичем ген. Глазенап, произведенный одновременно в генерал-лейтенанты и награжденный орденом Св. Анны 1-й ст., хотя до сего времени он числился фиктивным генерал-губернатором Петрограда и ничем себя не проявил.

На фронте установилось относительно затишье, прерываемое лишь артиллерийскими состязаниями, да изредка нашими и неприятельскими рекогносцировками; раз, когда большевики потеснили части 3-ей дивизии на реке Плюссе, для восстановления положения был направлен Талабский полк и снова поддержал свою славу, опрокинув противника и захватив батарею, пулеметы и пленных. Состав этого полка из Талабских рыбаков был на редкость хорош, а батальонами командовали такие славные офицеры, как подполковники Ставский, Матвеев, Кабанов...

В Уральском полку не все обстояло благополучно; его новый командир – храбрый полковник Шиманский не сумел поставить себя должным образом и сплотить офицерский состав, повел интригу против командира корпуса графа Пален, и когда я его призвал к порядку, стал интриговать в Штабе армии и корпуса против меня. У командира Островского стр. полка, полк. Алексева все было в порядке, и фронт держался стойко, новый командир Семеновцев – полк. Барон Унгерн-Штернберг, за короткий срок достиг прекрасных результатов по сплочению кадра и усилению мощи полка. Выше всяких похвал была деятельность командира 2-го артиллерийского дивизиона подполк. Макарова. Соединение частей войск с тылом было затруднено до крайности; база наша находилась на эстонской территории и наши склады и груженные вагоны стали захватываться эстонцами, или ставились всевозможные препятствия к снабжению фронта. Особенно трудно приходилось мне, ибо распоряжением штаба корпуса на довольствие дивизии переданы были находившиеся в этом районе (перед Нарвой) беженцы, числом более трех тысяч человек, кроме них получали продовольствие подводчики-крестьяне (400 чел.), члены тыловых учреждений дивизии и временно ей приданных (железнодорожники и др.), – всего числом до 2-х

тысяч, запасный батальон (500 с лишним человек) и свои части: Островский полк – 900 чел., Уральский – 800, Талабский – 1.700 и Семеновский – 1.300, артиллерия – 1.000 чел., а всего до 12-ти тысяч человек. Переходить границу можно было лишь с особым пропуском, но это обыкновенно не затрудняло; на мосту через Нарову стоял эстонский часовой и на его опрос переходившие мост отвечали наугад, напр., «пропуск – очки», а он с достоинством поправляет: «не очки, а пинюкль» (биюкль), – и пропускает. Постепенно под давлением «союзников» эстонцы начали пропускать за реку семьи беженцев; подводчиков же мы стали отпускать по домам, уплачивая деньги за павших лошадей.

В виду большого возмущения в строевых частях делами сытого, благодушного тыла, командующим армией были организованы две следственно-ревизионные комиссии: одна в г. Ревеле под председательством ген. лейт. Баиова, другая – в Нарве под моим председательством из строевых офицеров с участием юристов и контролеров. В виде меры пресечения председатели получили право ареста и обысков. Днем члены Нарвской комиссии вели работы по проверке складов интендантства и инженерного отдела армии, отчетности и производили расследование по укрытию и продаже казенного имущества, а вечером в здании суда происходили общие собрания, на коих заслушивались доклады, принимались к исполнению новые дела и определялся распорядок следующего дня. Мелких злоупотреблений, случаев попустительства и т.п. совсем не касались, ибо и крупных дел было более чем достаточно. На основании расследований и имевшихся документов были установлены: продажа военнопослужащими в свою пользу – вагонов спичек, спекуляции с «Юденками», ряд невыгодных для армии договоров с поставщиками, грабежи мирных жителей, убийства, имевших ценные вещи под видом коммунистов и т.п.... Худшая отчетность была в Управлении Воен. Сообщений, некоторые заведующие интендантскими складами и мастерскими проявили необыкновенную ловкость по сокрытию изъятия имущества... Контрразведывательный отдел Штаба Армии сжег свой архив в ночь перед приходом комиссии. Серьезные обвинения были предъявлены капитанам штаба 1-го

стр. корпуса Шахурину и Козлову; вообще больше всего было жалоб на сволочь и насилия чинов контрразведывательных отделений. Нами был собран громадный материал по выявлению преступлений; все это хранится в настоящее время в архиве прокурора Эстонской республики и в копиях у некоторых членов комиссии. Лишь только деятельность комиссии начала разворачиваться, как произошло сокращение числа штабов и учреждений армии; шесть дивизий были сведены в три, а штабы корпусов упразднены и мне пришлось уступить вновь сформированную из 4-ой и 5-ой (Ливенской) - 3-ю стрелковую.

Уезжая к месту стоянки ее штаба в Пюхтицу, я передал председательствование в Комиссии полковнику Артюхову. Впоследствии Комиссии пришлось заканчивать свою работу в крайне неблагоприятных условиях ликвидации армии на эстонской территории. Правительство эстонское не захотело возиться с преступниками нашей армии и выслало их за пределы страны; ушедшие от возмездия за уголовные дела не приминули начать распространение слухов, порочащих армию и лиц, их объединявших, мстя за правосудие, но настанет час, когда будут опубликованы их позорные деяния, погубившие Белую идею. Наша армия шла с лозунгом: «Долой насильников, да здравствует право и истинная свобода» - и над нею развивалось белое знамя - символ чистоты, на рукавах воинов были кресты и национальные ленточки и потому лица, запятнавшие себя в этих условиях гнусными преступлениями, являются врагами нашими больше, чем большевики, и их имена должны быть известны всем в эмиграции, а затем и в возрожденной России.

Для удобства общего руководства, генерал Юденич переехал из Нарвы в Ревель, генерал Родзянко получил от него командировку в Англию, генералы Вандам и Малявин поспешили сдать должности и уехать, начальником Штаба Армии стал генерал Самариин, а генерал-квартирмейстером полк. Приюссииг. 1-ая стр. дивизия была переименована, как не имевшая оружия, в резервную и расположена в районе ст. Иевве, 2-я осталась у Нарвы, а моя - третья - в районе Пюхтицкого монастыря. 19-го декабря 1919 года я выехал с частью штаба и ординарцами к новому месту служения. При переходе моста через реку Нарву, в колонну попал большевицкий дальноточный снаряд, искалечил унтер-офицера и убил одного обозника;

это были последние боевые потери. Стояли сильные морозы, метель замела дороги и мы делали не более 12 верст в сутки, двигаясь кружным путем, через ст. Иевве; в Пюхтицы прибыли в день Рождества Христова по нов. ст. На фоне ослепительного белого снега и зелени соснового леса, высилась гора с Собором Богоматери на вершине, по склонам же строения поселка и монастырские. Здесь-то, в домах и сараях, были размещены крайне тесно и неудобно, чины штабов и учреждений, упраздняемых 4-ой и 5-ой дивизий; повозки и имущество находились под открытым небом. Тут же была расположена учебная команда 3-ей эстонской дивизии, а позднее прибыл и штаб дивизии.

Со следующего дня я приступил к формированию нового штаба из трех подлежащих расформированию, откомандировал часть офицеров в строй, отправил неподходящих для занятия ответственных должностей в распоряжение дежурного генерала армии и вызвал на совещание старших начальников. Постепенно все устроилось, и началась нормальная жизнь, даже с занятиями строем и словесностью. Своими помощниками (по плану мне полномочию командующего армией) я назначил: начальником штаба полковника Соболевского, командирами бригад полковников Бобошко и Дыдорова, а за отказом последнего - Прокоповича, командиром Нарвского стр. полка подполк. Анциферова, Вознесенского - полк. Терентьева, Либавского - полк. Рогожинского, Полтавского - полк. Казакова, начальником легкого артиллерийского дивизиона - полк. Афанасьева и тяжелого - полк. Шталь; артиллерия была на позиции при эстонской дивизии. Приказ мой об объединении интенданств обеих дивизий под начальством подполковника Королькова не пожелал выполнить интендант 4-й дивизии чиновник Иванов, за что был мною смещен; он уехал самовольно в Нарву, не сдав должности. В 4-й дивизии ни в штабе, ни в интенданстве не оказалось никакой отчетности; бывший начальник штаба штабс-капитан Липский объяснил, что всю канцелярию захватили красные при переправе через реку; нечего сказать, ценная для них добыча. Один полковник 4-й дивизии роздал на руки офицерам и солдатам остатки казенных сумм, что смутило чинов других частей и уехал в Ревель; также самовольно убыл и не возвратился к своей части полковник Хомутов (б. Начальник Гражд. Управления при Штабе Ар-

мии). Средств воздействия в то время у нас уже не было, и люди беспринципные пользовались этим.

Что будет дальше - никто не знал, ходили слухи о предстоящей переброске на другой фронт, но стояла холодная зима, и надо было пока устраиваться прочнее: помещений не хватало, землянки печем было строить и не из чего, не хватало повозок для привоза провианта, а по дорогам безобразничали вооруженные эстонские солдаты, отнимая лошадей и грабя продукты. В довершение всего в Нарве начался тиф и затем перебрался в Пюхтицкий район, а медицинского персонала и медикаментов почти не было; глав. врач дивизионного госпиталя М. передал самовольно эстонцам ценные препараты, инсценировав нападение и затем перешел сам к ним на службу. Видя угрозу эпидемии для населения, правительство Эстонии установило карантин и взяло в свои руки борьбу с тифом. С февраля заболеваемость пошла на убыль: жертв тифа умершими было до 8.000 человек. Внутренний распорядок жизни частей не нарушался, кое-где происходили даже занятия. В приказе генерала Глазенапа указывалось, будто армия в ближайшее время будет переброшена на другой фронт и намечался район сосредоточения для посадки на суда. Настроение вновь поднялось, воскресли надежды на помощь союзников, главным образом - на Францию.

Господствовало мнение, что везти с собою на другой фронт следует только надежных добровольцев, и вот появилось приказание за подписью начальника Штаба Армии генерала Самариина о роспуске мобилизованных, желающих отправиться по домам. В Нарве это распоряжение было несколько задержано к исполнению, да и присутствие на фронте эстонских частей повлияло на порядок роспуска, в 1-й же (резервной) дивизии и бывшей 6-й произошли беспорядки; уходившие в Советскую Россию захватили с собою несколько офицеров и казенное имущество. Пытавшийся воспрепятствовать уходу офицеров подполк. Аникеев был убит. Навстречу беспорядочным толпам выступила эстонская учебная дивизия; я сам также выехал с ординарцами навстречу. Удалось изловить несколько групп и отбить офицеров. У себя я объявил распоряжение о порядке выделения желавших уйти в Советскую Россию и все прошло спокойно, без инцидентов; каждому уходившему оставлено обмундирование и дано продовольствие на одни сутки, расставались дружелюбно.

В частях войск еще оставалось оружие и вот теперь эстонское правительство потребовало сдачи его; командующим армией генералом Глазенапом это требование подтверждено и оставалось лишь с печалью в сердце повиноваться. На заявление командира расположенного в нашем районе эстонского полка, что он пошлет команды отбирать оружие, я ответил, что дам ему тогда бой и посмотрим, чья возьмет, распоряжение же свыше будет нами выполнено, и оружие будет свозиться на указанные места. За исключением нескольких инцидентов, сдача оружия прошла довольно гладко. Должен отметить наглость начальника эстонской учебной команды в Пюхтипе капитана Соо и особую энергию и распорядительность командира Нарвского стр. полка подполк. Анциферова. После нашего разоружения эстонские солдаты окончательно обнаглели и стали грабить, открыто врываясь вооруженными в офицерские помещения и в склады продовольствия, все это при благосклонном попустительстве их офицеров. Эстонское правительство заняло по отношению нас явно враждебную позицию, по-видимому в благодарность за содействие наше освобождению Эстонии от нашествия большевиков в 1918-19 гг.

Северо-Западная армия перестала существовать. 22 января 1920 года генерал Юденич подписал приказ об образовании Ликвидационной Комиссии Армии под председательством генерала Графа Пален. Одновременно целый ряд старых офицеров, не игравших в армии активной роли был произведен в следующие чины, преимущественно в генералы, что дало потомству Ревельским варьете; по-видимому, преследовалась цель не дать молодым энергичным офицерам преимуществ по службе. Ликвидационная Комиссия, очень многочисленная, обосновалась в г. Ревеле и занялась сначала удовлетворением тыловиков, ловких проныр и случайно попавших в Ревель строевиков. Системы не было никакой, некоторые ухитрились получать по несколько раз содержание и различные виды пособий, но затем по протесту строевых начальников дело несколько упорядочилось, и стали удовлетворяться лишь целые части по установленным ведомостям. Сам Граф Пален был безукоризненно честен, но совершенно не искушенный в хозяйственных комбинациях, также, как и его помощник – генерал Трусов; всем орудовали опытные тыловики, знавшие все лазейки. Сначала по пе-

удачному проекту генерала Краснова пособия (3? фунта стерл.) выдавались лишь уезжавшим в другие страны и получали их, таким образом, люди состоятельные, а затем стали выдавать всем, но уже не хватало денег. У помещения Комиссии ежедневно происходили скандалы и драки, и пришлось поставить у дверей эстонского часового. Я приезжал два раза в надежде получить деньги для частей своей дивизии и, наконец, командировал подполк. Соболевского, но все же не многим удалось получить причитающееся им содержание. 11-го марта я отдал приказ об окончательной ликвидации частей своей 3-й стр. дивизии. Оставшуюся в пределах Эстонии главную массу северо-западников эстонское правительство (министр внутр. дел Геллат – соц.-дем.) решило поставить на лесные и торфяные заготовки и стало выполнять это насильно. Появились жесткая эксплуатация: к сожалеению, нашлись подобные – и среди наших офицеров.

В Ревеле для юридической защиты и устройства беженцев образовался Эмигрантский Комитет. Постепенно стали формироваться группы для отъезда в Крым и в Польшу. Одним из первых уехал Булак-Балахович и весьма заботливо устроил и перевез своих партизан «сынков». Желая получить для своего нового отряда деньги, оставшиеся у генерала Юденича, он пытался устроить похищение этого генерала, как будто не без содействия эстонцев, но вмешались союзники, и это предприятие не удалось. Все активное, патриотическое перебрасывалось на новый фронт для продолжения борьбы с большевиками, пристраивавшиеся из личных видов к армии и хищники предпочли уехать в Германию, или др. страны устраивать собственные дела. О Северо-Западной армии осталась у верных ее сынов светлая память, а грязь тыла и фронтовых преступников была искуплена кровью героев-мучеников, достойных Великой России. **«Больше сия любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя!»**

Ницца, 28-го декабря 1932 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

В серии статей о Северо-Западной Армии, помещенных на страницах «Службы Связи» в течение целого ряда лет, статья ген. Ярославцева занимает особое место. Она рисует нам печальную картину погрешностей тыла. Эта картина была необходима в этой

серии статей, чтобы дать объективную оценку того катастрофического положения, в котором оказалась Северо-Западная Армия, отнюдь не по ее вине. Она сражалась не только доблестно, но геройски. В ней ярко горел дух самого жертвенного патриотизма. В ее рядах сражались и отцы и дети, воодушевляемые одним идеалом – победить коварнейшего и злейшего врага Родины – Коммунистический Интернационал и спасти в первую голову Петроград от кровавого террора красных. История маленькой Северо-Западной Армии, с воодушевлением наступавшей без достаточного снабжения и снаряжения, без крепкого тыла, обманутой в своих надеждах на союзников при все растущей ненависти к ней со стороны эстонцев и нецененной своевременно руководящим политическим русским центром в Париже, остается, несомненно, одной из самых славных страниц борьбы белых сил против кровавого интернационала, подержанного международным капиталом и престоупным равнодушием бывших союзников. Начался развал при совершенно нечеловеческих по ужасу условиях. Мороз, отсутствие плацдарма, лишение чинов армии жилья на эстонской территории, смертоносный тиф, недостаток лечебных средств, сдача оружия, недостаток в пропитании, и постоянные ограбления, - все это привело ее в состояние окончательного развала, когда чины армии рады были найти в лесах работу за кусок хлеба. В такие минуты выявляется характер человека. Один несет все тягости, и, надеясь на милость Божию, стремятся вперед. Начальники продолжают поддерживать среди своих бывших подчиненных дух и дисциплину. Врачи, рискуя ежеминутно своей жизнью, оказывают днем и ночью усиленную помощь тифозным больным и умирающим на соломе в холодных сараях. Другие в то же время используют такой развал для собственной наживы. В такие минуты это иначе и быть не может, всегда и всюду при тяжелых испытаниях, жизнь проявляет свой лик и с отрицательной стороны. Вот об этих отрицательных сторонах развала армии повествует статья ген. Ярославцева. Она полезна, ибо она еще более выдвигает героизм всех остальных частей и чинов армии, которое они выказали как в походах и боях, так и в перенесении беспримерных невзгод последних месяцев развала героической Северо-Западной Армии.

Служба Связи Ливенцев и северо-западников, Данциг, 1938, № 8, с. 18-21.

Ф. А. Дмитриев
ВОСПОМИНАНИЯ СЕВЕРО-
ЗАПАДНИКА. 1919-1931 гг.

Федор Афанасьевич Дмитриев, рядовой I-го русского (Ревельского) офицерского партизанского отряда, Северо-Западной Армии находится в настоящее время на торфяных работах с 15 одноармейцами около станции Соонистэ в Эстонии.

Наша армия докатилась по воле судеб до Эстонской границы. Было большое скопление в дер. Криуши, около моста через реку Нарову, но эстонцы не пропускали нас, ожидая каких-то распоряжений. Артиллерия, стоявшая недалеко, отправляла снаряд за снарядом в сторону наступающих красных, но вскоре и она примолкла, по слухам, согласно приказанию эстонских властей. Пришло разрешение переходить через мост, и люди шли с мыслью, что отдохнем в Эстонии и весной вернемся обратно довершать начатое дело спасения нашей Родины. Но надежда эта, увы!.. не оправдалась. Эстонцы заключили мир с Совдепией, но это не означало, что Белое Движение кончилось. Нет! Белое Движение, несмотря на то, что нет войны, продолжает жить в сердцах русских людей.

Итак, мы вступили на территорию Эстонии. На хутора нас не пускали, даже погреться. 1-й Ревельский полк остановился в лесу недалеко от дома лесника. Что же делать? Стали рыть землянки и жили там неделю. После нашему полку был дан приказ сняться и двигаться по направлению к ст. Корф. Не доходя до места назначения, оказалось, что не разрешили двигаться на ст. Корф. Сколько будем стоять здесь – неизвестно! Под вечер мороз доходил до 20 градусов. Полк расквартировался в лесу, под высокими елями и соснами и кругом в снегу. Что же – и это хорошо, раз лучшего нет! Недолго думая, нас человек пять оградили место еловыми ветвями, в середине расчистили немного от снега место и развели костер. Набрали сухого валежника, чтобы на ночь хватило, уселись вокруг костра и начали рассказывать, кто, что мог из своей жизни. Перед отходом на сон грядущий, приготовили себе пищу из продуктов, выданных на руки. Вместо хлеба выдали нам белую муку и вот, из этой муки мы делали себе лепешки: в котелке растапливали снег, чтобы получить воду, потом сбивали туда муку и жарили, т.е. пекли на саперных лопатках, помазав их американским салом. Бы-

ло вкусно, спешно и сытно. Спать наше тоже было комфортабельное. Лежишь на одном боку – спине холодно, повернешься на другой бок спиной погреть – а уже надо живот греть, так и переваливаешься с боку на бок всю ночь, да подкладываешь дрова, чтобы огонь не потух. На утро, вставая, слышишь кругом, у кого шинель пожежена, у кого сапог загорелся. Один прожег себе и сапог, и посок и проснулся от боли. Стал снимать сапог и охал: «что ногу себе я обжег, это ничего – заживет, а вот плохо, что сапог себе испортил!»

Простояли мы здесь, не помню, сколько времени и нас пропустили на ст. Корф, а там пошли дальше на ст. Иевве. Шли, как следует, пикто не роптал на свою судьбу и так дошли до местечка Сеномяки, там расположились на почевку. Наша компания, человек шесть, остановилась на мельнице. Хозяйка была вдовушка-эстонка. Она рада была нас принять и приготовила ужин, не взяв от нас продуктов, которые мы ей предлагали. На ночь на полу были постланы матрацы, и мы уснули богатырским крепким сном до самого утра. Мы, быть может, спали и дольше еще, если бы нас не разбудили солдаты-эстонцы и пригласили к утреннему кофе в компании с ними. Эстонцы эти были хорошие люди, все старые служаки из «Старой России». Отсюда мы через Иевве пришли в Пюхтицы. Наши квартиры были в дер. «Аувере», а рядом с нашим полком в дер. Рауди стоял Георгиевский полк. Когда мы пришли на хутор, нас не хотели пустить, думали, что красные. Мы обратились к коменданту, жившему в мызе «Имеука» и поселились на одном хуторе трое солдат и 2 офицера – кап. Доретер и прап. Зимирев. Время проводили по вечерам в преферанс и мушку.

Впоследствии после демобилизации наш полк уехал с полковником Р. Садовским в Латвию и нас Ревельчан осталось человек десять. По какой причине мы остались – сейчас не помню. Пришлось приискивать работу. Надо было собственным трудом добывать себе хлеб насущный. Про себя скажу, что это для меня было тяжело, так как к труду, даже к легкому, я не был подготовлен, а тут сразу пришлось идти в лес. Нашли пилку дров. Собрались нас три пары, и с Божьей помощью пошли в лес на работу. Получили мы пилы и топоры. Коллега мой был такой же, как и я, который никогда не видал и не держал в руках пилы или топора. Цена была тогда на дрова – 45 марок за сажень, а место ра-

боты от нашей квартиры было 9 верст. За день так патаскаешься, что идешь из леса домой, еле ноги волочишь, а сделаешь за день всего каких-нибудь пол сажени на двоих, и с каким трудом добываешь эти несчастные копейки. Посмотришь, другие более опытные в работе болтают, смеются и сделают 2 сажени на пару. Проработают три недели, приходит «приемка», а у нас, как говорят, «кот дрова начихал». Приходит подрядчик принимать дрова, подходит к каждому полсаженку и мерит своей меркою. Мы сзади ходим, а как примерит, все бормочет «о-курат». Ну думаем, слава Богу, все в аккурат!.. Значит хорошая кладка дров. Прошла приемка, стали получать, было у нас заготовлено 12 сажень, а он бросил 2 ? саж., оказалась не полная кладка. Когда он принимал, он, видимо, ругался: «о, курат», по-русски это значит: «О, черт!» А подрядчик по-русски ни бумбум, что называется, как и мы по-эстонски.

Однажды, в воскресенье, мы пошли на прогулку. Встретил нас пор. Немаюнский, зашел случайно разговор о «фунтах» и он надоумил нас ехать в Ревель получить эти «фунты» в Ликвидационной Комиссии. А в Ревель не так-то легко было попасть, надо было иметь документ, где работаешь, а также «вшивый» паспорт (удостоверение, выдаваемое чинам Северо-Западной армии после медицинского освидетельствования на предмет заболевания тифом – прим. сост.). Все это мы получили очень легко. Пришли мы в имение Куртино, нас 6 человек к коменданту в канцелярию, он как раз там был и спрашивает нас:

- Ну, ребята, что вам пужно?

- А вот ехать в Ревель, так для этого пужно «вшивые» паспорта.

- Ну, в Ревель вам не попасть, это не так-то легко, а паспорт я вам выдам, мне не жалко. А вши-то у вас есть?

- Никак нет, - отвечаем мы.

- Ну, так платите 5 марок с носу!

Паспорта мы получили и пришли в местечко Иевве, а со станции Иевве садиться нельзя, приходится со станции Сошна. Пошли мы, а впереди нас по железной дороге идет какой-то американский офицер. Мы догнали его, он что-то заговорил на своем языке, конечно, нам непонятно, пожимает только плечами, потом вытаскивает портсигар и показывает нам сигареты, конечно, говорим ему по-русски, что нет у нас курения. Тогда один из наших говорит ему по-немецки «nein!». Тогда он выбирает из портсигара сигареты и передает нам. Мы поблагодарили и пошли в направлении ст. Сош-

но. Чуть отошли несколько шагов, слышим, американец что-то кричит, мы оглянулись, он машет к себе рукой и повел нас обратно в Иевве. Оказалось, что он из американского Красногостского Креста. Там получили мы сгущенного молока, галет и сигарет и пошли опять на ст. Сошно. Поезд уходил в час ночи. Достали мы билет, стоил он всего 28 марок до Ревеля.

Описывать, как мы там получили «фунты», я не буду, это было бы очень длинно, я хочу быть краток. Получив фунты, поехали мы опять в лес. Не долго пробыл я на работах, в лесу я порубил себе ногу и пришлось лечь в госпиталь в Пюхтицах. Вылечился, и старший врач, ген. Виттенберг, слу-

живший раньше в ЛГв. Вольнском полку, оставил меня при госпитале. Там я служил до расформирования госпиталя. Опять надо было приискать работу. В это время вокруг меня собралась артель числом в 28 человек. Тут я был, как бы сказать, старшиною. Так поработали мы некоторое время по сплаву леса. Впоследствии эта артель разъехалась, кто куда, а я и еще двое отправились в Ревель искать счастья. У нас было полное безденежье. Приехав в Ревель, оставалось у нас всего 6 марок. Мы купили хлеба и поделили между собою и отправились кто куда. Я пришел к своему командиру полка, полковнику Садовскому. Он меня принял, как своего бывшего од-

полчанина, и я прожил у него месяц, а после он нашел мне службу в одном магазине. Там я служил 6 месяцев. После сокращения штаба и я был сокращен. Опять пришлось искать работы, и я поступил в Минскую гавань к десятнику Телюку, тоже бывшему офицеру. По окончании там работ, пришлось ехать на станцию Элламаа, где разрабатывалось болото и строилась силовая станция. Это было в ноябре месяце 1922 года. С тех пор я остался до сих пор на одном месте.

Соопистэ, 3.XII.1931 г.

Служба Связи Ливенцев и северо-западников, Данциг, 1932, № 6, с. 32-35.

Г. Тарасов

ВОСПОМИНАНИЯ РЯДОВОГО ДОБРОВОЛЬЦА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

НАРВА

Я состоял добровольцем Северо-Западной армии в качестве простого солдата и служил в 5-м Островском полку. После ожесточенных боев у Ямбурга наш полк совместно с полками 2-й дивизии стал медленно отступать по дороге на Нарву.

Была глубокая осень – ноябрь месяца 1919 года; холодно и морозно. По пути находились деревни, занятые эстонскими солдатами. Нас не впускали в жилые помещения. Приходилось спать на открытом воздухе на морозе. Пригревал нас лишь огонь костров.

Успешь крепко – смотришь: пола шинели и прогорела, а то и сапоги затвердевают от огня, а потом и лопаются. Хлеба печеного не давали, давали муку, из которой пекли на костре блины.

Вся дорога была забита передвигающимся обозом, как армейским, так и подводами многочисленных беженцев.

Когда подходили к Нарве, вышла какая-то заминка. Передавали, что эстонцы нас дальше не хотят пускать. Большевики нас не преследовали, так как фронт задерживали части нашей армии. Настроение стало самое унылое и гадкое. Питали надежду, что нам помогут англичане, а тут со стороны эстонцев проделывается какая-то пакость по отношению нас.

Наконец, пачальство сговорилось с эстонцами, и прошли за провололочное ограждение, устроенное за время оккупации немцев, с электрическим током. При подходе к Нарве с первых жилых помещений раздалось по нам несколько ружейных выстрелов. Офицеры пошли выяснять. Там

стоял караульный пост эстонцев, которые сказали, что стреляли по нам какие-то мальчишки. На том дело и остановилось, не расследовали, не до того было.

С угрюмыми мыслями шли, лишь бы скорее дали место, где могли бы иметь расположение. Вошли в Ивангород. Нас расквартировали в помещениях рабочих бумаго-прядельной и сукошпой фабрик. Отдохнув немного, полк получил распоряжение отправиться на позицию за дер. Долгую Ниву по направлению к реке Плюссэ.

Позицию занимали в лесу. Красные постоянно делали атаки. Осыпали снарядами; вторая дивизия стойко отбивала. Были успехи; брали пленных, пулеметы, а Талабский полк захватил 5 орудий. Нарву красным не удалось взять. Большевицкий бронепоезд пускал снаряды по Нарве. В лесу жили в землянках, покрытых еловой чащей. Было очень снежно. В землянки занесли тиф. Каждый день стали заболеть солдаты, и полк численно убывал.

Обратно вернулись в Ивангород. Тиф быстро делал свое дело. Все заболели. Рабочие также. Много умирало. Перед Рождеством заболел и я. Отправился на полковой медицинский пункт. Меня отправили в полковой лазарет, помещенный на одной из окраинных улиц. Я пошел там около двадцати больных, которые лежали на полу, застланном соломой. Жуткая картина. Из числа помещенных здесь за сутки умирало, по крайней мере, по пяти человек. На место умерших прибывали новые. И так каждый день.

Тяжело показалось лежать в этом лазарете. Я болел возвратным тифом. Почувствовав облегчение, бежал. Мне указали на сукошную фабрику, в помещении которой болела 2-я дивизия. Во втором этаже лежало несколько сот тифозных. Лежали на грязном полу, без всякой подстилки и, как я узнал, в таком порядке: с входа направо больные Семеновского полка, затем Талабского, Островского и Уральского. Для нашего полка были устроены нары, не из ровных досок, а из полукруглых (оболопков).

Для меня пиле не находилось свободного места; пришлось забраться под нары. Плоховато было. Я дней пять так пролежал. Сыпалась грязь. Потом мне кто-то указал занять место на нарах одного умершего. Бока болели от этих полукруглых досок, которые еще и не соединялись вплотную. Под застилку служила шинель и она же одеялом. Многие больные, пролежав так некоторое время, получали на своем теле большие красные пятна – пролежни.

Ухаживать за больными некому было. Медицинский персонал тоже тифом не был пощажен. Приставленные служители или санитары, выздоровевшие от тифа солдаты, к своим обязанностям относились халатно. Да, по правде сказать, больных имелось очень много, и малочисленные санитары не в силах были всем помочь. Смертность была громадная. Каждый день выносили несколько мертвых. Их складывали внизу у входа в сарайчик или просто бросали у дверей. Выходишь на улицу – 15-20 трупов сложены один на другой в ку-

чу. И так, начиная с конца декабря, весь январь, февраль месяцы 1920 года. Каждый день.

Под влиянием болезни ум как-то помрачился, на все это гляделось равнодушно. Или привыкли видеть каждый день это зрелище. Не было того впечатления и сожаления к умершим. Как вспомнишь сейчас – один ужас. Больные валялись в нижнем этаже. В таком же количестве, как и наверху. И вот отовсюду мертвых сносили в одно место. Трупы лежали целые дни на виду у всех, покуда автомобили не отвозили их на кладбище.

От тифа были свои страдания, но к этим страданиям присоединялись еще большие – вши. Не было никакой возможности с ними бороться. Некому было заботиться о том, чтобы у нас имелось чистое белье. Я лично не сменял белья весь январь, февраль месяцы, да и все также. Вши развелись в таком количестве, что пужно было их сгребать горстью с себя и отбрасывать в сторону. Истребляй сколько угодно – сейчас же появятся новые в еще большем количестве. Тепло расчесывали до крови. Больные от постоянных укусов не имели ни покоя, ни сна – совсем измучились. Только разве в бреду забывались эти паразиты.

Пища выдавалась не по диете. Американское сало – на него и глядеть никто не мог. Тощо было ко рту подносить. И еще селедки. Ели только суп. К кухне за пищей нужно было выходить на улицу. Больным это было крайне тяжело. Пока изнуренные тифом дойдут и станут в очередь, сколько раз промелькают черные точки, или остановишься минуты две – в глазах станет совершенно темно, а тут еще холод, ветер. Больным, которые не могли сойти с места, пища приносилась санитарями, или вовсе не приносилась. Кипяток готовили часто. Его получали тут же наверху. Самое большое утешение приносили местные торговки, продававшие лимонад, правда, часто несвежий, яблоки и клюкву. Кто имел деньги, жадно набрасывался на приносимое. Все хотели есть или пить только кислое.

Первое время плохо обстояло с уборной. Она была загрязнена до невозможности. Люди падали. Большинство больных и с места не могло двигаться. И так лежали целые месяцы. Начальство нас редко навещало. Полковое офицерство было в тифу, только несколько раз посетил генерал Дзержинский. Почти ежедневно приходил наш полковой священник отец Евфимий. Оставшиеся в живых с благодарностью вспоминали отца Евфимия. Своим кротким голосом, сво-

ими утешениями он нас постоянно ободрял. От него мы принимали участие. Часто раздавались в фабричном помещении его священные песнопения. Он всегда приходил со своим псаломщиком. Нам, ожидавшим смерти, было очень умирно слушать молитвы и как-то легче становилось на душе.

Больные часто стопали. В бреду многие постоянно разговаривали, пели песни и плакали. Некоторые раздевались и пагими, без сознания, бежали по фабричным помещениям, прыгали на стены, искали выхода на улицу. Их гнали обратно на свои места. Они ругались, кричали. Грустно было смотреть на умирающих. Вытянувшись, они постоянно шептали что-то губами, поднимали руку кверху и что-то ловили пальцами. А потом выпускали свой последний вздох.

Один солдат – доброволец, лежавший без сознания, вообразил, что он плавает на море, и корабль тонет. Он разделся и, когда пришел в сознание, стал искать одежду, но брюк и френча не нашел: кто-то украл. Среди всего этого ужаса и то нашлись подлецы, как и везде. Друзья большого выручили из беды. Собрали денег, купили френч и брюки. И так страдали, а тут еще оставили голым. Часто больные просят пить. От жару во рту и глотке все пересыхает. Нужна вода. Не всякий имеет сил доползти. Один больной, лежавший впризу около пар, совсем ослабевший, что-то бормоча про себя, выпил свою мочу. Через некоторое время он умер. Воспрепятствовать ему сделать это другие были не в силах. Я метался из стороны в сторону и ужасно страдал. Иногда больные обливаются водой. Целыми ведрами. Солдат Павлов здоровым однажды увидел водопад на реке Нарове, очевидно, произшедший на него сильное впечатление. В бреду он все говорил про него. Ночью он выбегал на улицу, чтобы дойти до водопада. Я не пускал, но он ушел, под утро, кажется, это была пятая попытка. Павлов не возвратился. Нет сомнения, что он в бреду бросился в водопад, где и нашел смерть.

Тут на Нарве Северо-Западная Армия окончательно погибла. Половина солдат стала жертвой тифа. Я вспоминаю о тех местах, где сам был очевидцем, а ведь вся Нарва была в тифу. Из всех госпиталей, находившихся в Ивангороде, самой ужасной славой пользовался устроенный в крепости. Там госпиталь в каком-то подземелье. Как рассказывал один доброволец солдат, вырвавшийся оттуда, на фабрике была благодать и много света, а там всегда темно, горел лишь тусклый огонек, сырость,

грязь. Мало, кто вышел оттуда. Трупы лежали у входа в подземелье целыми горами.

Умиряли люди. Лошадям армейским досталась не лучшая доля. Нечем стало их кормить, пегде было взять ни сена, ни овса. Некому стало за ними ухаживать – они все издохли. Пока я был здоров, то видел в окрестностях Нарвы сотни дохлых лошадей. В печальное положение попали и наши подводчики – крестьяне Ямбургского, Гдовского и Петергофского уездов. Домой они вернулись безлошадными.

О войне больше никто не думал. Собирались переходить к красным, где пахотилась солдатская родина. Больше не было других выходов. Может быть, там ждет голод и холод, а то и смерть в застенках. Оставшиеся в живых немногочисленные добровольцы не знали, что делать. Советовались, куда отправиться: к генералу Миллеру на Северный фронт или на Южный, где еще Деникин сражался. К красным, хотя и родина там, ни в коем случае не решались переходить. Каждый ждал только расстрела.

Нам сообщили, что армия окончательно ликвидируется, и в скором времени выдадут расчет, и тогда каждый может идти на все четыре стороны. К больным записали газеты, и я узнал, что моя родина Латвия уже освобождена от большевиков. Я очень этому радовался. Теперь все мои мечты были, как бы по выздоровлении возвратиться поскорей к родным. Но этим мечтам не суждено было исполниться.

В конце февраля я почувствовал себя выздоровевшим, о чем и заявил. Меня отделили от прочих больных и под командой отправили в баню. Баня была за версту от фабрики. Я сперва шел бодро, наконец, до того устал, что стал отставать от команды и по дороге от бессилия упал в снег и не мог подняться. В таком положении увидел меня проходящий эстонский солдат, который поднял меня и привел опять на фабрику. Я опух. Опухла вся голова и лицо, возвратился опять тиф в еще большей степени.

В это время пришла нам на помощь американская миссия. В госпитале появились доктора, которые стали свидетельствовать больных. Освидетельствовали и меня. И в первую очередь в числе десятка больных посадили на санитарный автомобиль и направили куда-то в самый город Нарву в какой-то госпиталь. По приезде туда нас сразу остригли и вымыли в ванне, сделали дезинфекцию всей одежды и тем избавили от вшей.

В этом госпитале я пробыл только сутки; опять подъехал автомобиль.

Опять уселись туда и отбыли на станцию железной дороги. Подали поезд и поехали в Юрьев излечиваться от болезней. В Юрьеве отлично кормили, хорошо ухаживали, дали чистое белье и постельные принадлежности.

После Нарвы большие почувствовали себя точно в раю. Я пролежал там 13 дней. Вся моя мечта была отправиться на родину. Я просил доктора, чтобы меня выписали из госпиталя. Меня выписали. Теперь я считал, что буду дома. Денег у меня не было ни копейки. Остатки Северо-Западной армии получили расчет. В наш госпиталь никакая комиссия не прибывала и расчета не производила.

Из госпиталя выдали документы к Юрьевскому коменданту. У него получили документы для проезда на станцию Иевве, находящуюся не доезжая двух поездов до города Нарвы. Я протестовал, говоря, что моя родина Латвия и мне незачем ехать в обратную сторону. Мне сказали, что тут никаких документов для отправки на родину не выдают, что комендант ст. Иевве сделает все нужное. Пришлось подчиниться.

Болезнь истощила все мои силы, что называется - еле душа держалась в теле. Из госпиталя я выписался полубольным. Ночью нас партию человек в 15 отравили на станцию. Я еле дошел. По пути встречались небольшие пригорки, взойти на которые представляло для меня большую трудность. Я падал, меня подхватывали конвоиры, и только благодаря им дошел до вокзала.

По приезде в Иевве опять та же картина. Вновь комендант и немедленная отправка в какую-то волость, находившуюся в трех верстах восточнее от местечка Иевве. В волость я с величайшим трудом дошел и остановился окончательно. Я был настолько слаб, что не мог больше пройти и версту, а между тем писарь и старшина в тот же день под вечер гнали в другую волость, но я наотрез отказался, сказал, что решил здесь умереть и больше ни за что не пойду. Ко мне присоединилось еще двое, таких же, как я, уже не солдат, а Бог знает что, отправляемых от коменданта к коменданту в сопровождении эстонских солдат; точно мы стали бродягами. Напрасны были приказания старшины, писаря и эстонского солдата идти дальше, мы остались непреклонны.

На утро за нами приехала подвода, и мы поехали дальше. Голод сильно давал себя знать, уже сутки ничего не ели. Подводчик оказался хорошим человеком, по пути завернул к себе домой и отлично накормил. Таким этапом нас везли через три волости, сменяя в каждой лошадей, и, на-

копец, привезли в местечко, название которого я позабыл и которое отстояло верстах в 12 от Псковского озера. Это был уже окончательный пункт нашего этапа.

В этом местечке тоже была устроена комендатура. Остановились в доме коменданта, в особо отведенной комнате для таких прибывающих, как я. Денег не было. Пищу теперь нигде не давали. Некоторые имели деньги и покупали у окрестных крестьян картофель очень дешево - по 5 марок за пуд. Со мной делились, и я тем самым подкреплял свои силы. Здесь не торопились с дальнейшей высылкой, и я прожил там три дня. Просился поехать в Нарву, чтобы получить деньги. Комендант не разрешил и сказал, что в Нарве ничего и никого не имеется: Юденичевская армия везде ликвидирована, да и на что деньги, ведь вас отправляют в Советскую Россию.

До сих пор, чтобы я думал быть в России, идти к коммунистам, мне и во сне не спилось. Это меня озадачило и сильно испугало. Я стал говорить, что я был добровольцем и в Совдепии мне верная смерть, это жестоко, потому моя родина Латвия.

Мне заявили, что на проезд в Латвию никому не выдают документы; здесь не имеется ни латышского консула, ни других лиц, которые могли бы перепроводить в Латвию, что же касается идти в Россию, то там никто не узнает, что ты был добровольцем. Есть еще исход - отправляться рубить лес. Рубить лес я не в силах был. Лес находился в шести верстах от того местечка. Я бы еле мог туда добраться. Взавшись за топор и пилу, я себе не выработал бы и на харчи. Кто бы меня кормил. Таким образом, меня ожидала бы голодная смерть в лесу. Это ужасно.

Наступала весна. Снег таял. Проезжая на лошади, я видал сырость, мокроту в лесу. Дрожь пробирала. Решил идти к коммунистам в Совдепию. Пусть уж лучше там расстреливают чекисты, раз такая моя судьба! Как мне обидно было, что приходившим сюда полякам и литовцам из бывшей нашей армии выдавались документы к их консулам. Они были счастливы. Их отправляли домой. По газетам я знал, что между Латвией и Эстонией отношения натянуты из-за города Валка. По-видимому, это и было причиной моей отправки в Совдепию. Недалеко от этого местечка был устроен какой-то пункт, на котором находились солдаты Юденичевской армии. Эти солдаты выдавали на два дня продуктов всем проходившим в Советскую Россию. Зашли и мы туда. Получили продукты и с горестным чувством отправились в село

Ольховку, находящееся на берегу Псковского озера. Шло нас человек семь, в том числе один латыш, которого тоже не пустили на родину.

Прибыли в Ольховку, где перепочивали, и рано утром отправились к эстонским солдатам на заградительный пост. Солдаты сделали у нас обыск, все искали оружие. Эстонцы забрали чулки, перочинные ножи, вывели на озеро и указали на тот берег, где владычествовали красные.

На том берегу едва виднелась церковь, на эту церковь и взяли направление. Тяжело было на душе: что-то там ждет - голод, смерть, одним словом, ожидалось что-то самое ужасное. День стоял прекрасный. Светило солнце. После этой тяжелой болезни вновь захотелось жить и думать, что хорошо бы теперь быть дома на спокойствии.

Проходишь по гладкой поверхности озера и считаешь: что там будет через день, через два, а сегодня каждая минута моя, и это солнце светит на радость всем людям и самому тебе, и как мило поют жаворонки.

В 1920 году весна наступила ранняя. Была середина марта. Никогда я не находил такой прелести ни в природе, ни в пении жаворонков, как тогда, при той мысли, что может быть скоро этого и вовсе не увидишь. Из партии, с которой я шел, остались я да еще двое, как более бесильные. Остальные ушли вперед.

Шли с отдыхом. Версты три-четыре пройдешь - сядешь и отдохнешь на льду и затем идешь дальше. Уже зашли за середину озера, как наткнулись на окоченевший труп солдата нашей армии. Посмотрели-посмотрели и пошли дальше. Та же участь ждала бы и нас, но на наше счастье была солнечная погода. При плохой погоде был бы сильный противный ветер, пагоняющий снег, в котором завязали ноги. Ширина озера - 25 верст. В дни, когда солнце застилало тучи, и шел снег, проходившие через озеро солдаты не могли брать правильного направления и легко плутали. Длина озера достигала 90 верст. Часто заблудившиеся солдаты выбивались из сил, сваливались и замерзали.

Встретившиеся на пути рыбаки нам рассказали, что за эти дни они подняли на озере не меньше трехсот трупов солдат бывшей Северо-Западной армии.

Уже тепло, когда мы взобрались на берег, принадлежащий красным. Сразу же о нашем приходе узнал председатель деревушки. Коммунист при первых словах «товарищи» отвел нас в баню, где и запер. Мои спутники по пути купили у рыбаков рыбу, здесь ее сварили и этим начали новую жизнь.

Рано утром один крестьянин тихонько напоил нас чаем и молоком. Потом нас погнали в следующую деревню. Нас там обступили красноармейцы, одетые в английское обмундирование, спятое с перебежчиков. Они потрясли наши вещевые мешки, снимали с нас лучшие вещи и обувь. Дали нам какую-то рвань, и мы стали походить на каких-то бродяг. Как я узнал, мы вышли в Гдовский уезд Петроградской губернии в десяти верстах от уездного города.

Потом нас погнали 20 верст до села Никольского в штаб красноармейского полка. Коммунист из полкового коллектива много разглагольствовал. Меня беспокоила одна и та же мысль: что сделают со мной в дальнейшем. Я спросил коммуниста, что ждет добровольцев белой армии.

- Что, может быть, ты доброволец, - набросился он на меня. Я не сознался в этом, а сказал, что знал некоторых желающих сюда перейти из числа добровольцев. Коммунист ответил, что в РСФСР смертная казнь отменена по случаю победы над Колчаком, Юденичем, Деникиным и т.д. Теперь советская власть торжествует и дает добровольцам восемь лет принудительных работ.

Услышав, что к стенке меня приставят, сделалось приятно на душе. Из Никольского нас погнали в деревню Большие Поля. Там нас заперли в нежилом помещении и приставили двух красноармейцев. В это время пришлось испытать самый ужасный голод. С тех пор, как попали в руки красноармейцев, нам ничего не приходилось есть.

После тифа чего, кажется, не съел бы. Ведь дело шло к выздоровлению. Красноармейцы никуда не выпускали. Все мысли были о том, как бы утолить голод, других не было. Два дня во рту ничего не было. На третий я одному красноармейцу отдал записную книжку и за это получил кусок хлеба.

Через пять дней красноармейцы на нас махнули рукой и перестали караулить. Мы стали выходить в деревню и выпрашивать кусочки хлеба. Жители сами были голодны. Красноармейцы выкачивали у них все, что было можно, но пройдешь по деревне, как нищие ходят, один ничего не даст, а другой смилуется – даст кусочек хлеба или капусты. Через две недели нас доставили в Гдов в комендантское управление, арестовали и поместили в битком набитое арестантское помещение. Один фунт хлеба и две-три воблы служили нашей пищей, и этим поддерживалась наша жизнь. Есть и есть все время хотелось ужасно.

Из Гдова отправили в Лугу. На

Псковском вокзале, когда мы ожидали поезда, к нашим конвоирам подходили многие коммунисты и спрашивали, кто мы такие. Узнав, что из армии генерала Юденича, кричали, что напрасно с нами возятся, а не расстреливают. В Луге нас прогнали через четыре помещения, переполненных арестованными, и на пятый день меня в числе 20 человек, отправили на допрос в особый отдел VII красной армии.

На дворе, где мы ожидали, то и дело шныряли одетые в кожаные тужурки с важным видом коммунисты или катались на хороших лошадях.

Позвали на допрос. Через двери было слышно, как на одного из наших громко кричал следователь.

- Я загоню тебя туда, куда Макар телят не гонял! Как это ты был у белых и ни в каком полку не служил. Этого быть не может.

Ну, думаю, что-то будет петь следователь со мной, если узнает, что я добровольно служил. Следователь, молодой человек, одетый не по-пролетарски, в хороший костюм с галстуком, первым делом задал мне вопрос, из какого красного полка попал к белым. Я ответил, что служил у них добровольно. На это он покачал головой и говорит:

- Как тебе не стыдно, как тебе не стыдно. Какая причина заставила поступить тебя добровольцем?

Пришлось изворачиваться. Не к чему самого себя губить. Я сказал, что у отца слишком мало земли, что был голод, край оккупировали немцы, должности занять не имелось возможности, а тут стала вербовка солдат в ряды белых, куда я поступил, не имея никаких политических целей. Потом говорил, что горько раскаиваюсь в этом поступке. Мой слишком простоватый вид в оборванной шинелишке и обуви внушил следователю то, что не следует обращать какое-либо внимание.

Он заполнил анкету, в каком полку служил у белых, в каком звании и проч., и затем отпустил. Из г. Луги в первых числах апреля нас отправили в Царское Село, в карантинный полк, находившийся в гусарских казармах. Работать здесь не заставляли, но зато голод постоянный был. Выдавали на день один фунт хлеба и котелок супа, вернее сказать, кипяченой воды с несколькими золотниками не размолотой пшеницы на трех человек. Чуть ли не каждый день водили нас слушать речи коммунистов. Стоишь-стоишь несколько часов подряд, ноги подгибаются от голоду и устали, только и мысль о том, чтобы поскорее в казармы. Иногда выгонят слушать с утра, а вечером гонят в те-

атр. На сытый желудок послушать игру и пение артистов интересно, но при голоде артистами никто не заслушивался.

Царскосельский совет приветствовал нас, как раскаивавшихся и поэтому ставших сознательными. Поэтому устраивал ряд лекций о положении советской власти в данное время и еще и еще. От этих речей нас прямо-таки тошнило. В карантине находилось 3000 солдат бывшей Северо-Западной армии. Все они считались перебежчиками. Офицеров вместе с нами не было. Один прапорщик каким-то образом прибыл в карантин, но его моментально куда-то убрали.

Был вновь произведен допрос. Допрашивал здоровенный матрос. Заполнял анкеты. Я миновал допроса, назвавшись грамотным, и заполнил анкету самостоятельно. Через стенку мне было слышно, как матрос каждого допрашиваемого провожал бранными словами. Когда узнал, что один солдат из Семеновского полка, матерным словам не было конца.

- Изменники! Нам известно, что вы сами сдались добровольно белым...

Из карантина отправили в Петроград, на Малую Охту в Новочеркасские казармы и зачислили во второй стрелковый полк Петроградской караульной бригады. И так, мне, добровольцу белой армии, пришлось стать красноармейцем, о чем ни наяву, ни во сне я не мог помышлять. Красноармейскую жизнь с разными там комиссарами вспоминать слишком неинтересно. Скажу только то, что мне с тоской пришлось прослужить с мая месяца 1920 г. по май 1921 года.

После войны с Польшей началась демобилизация. Я сумел заделаться на два года старше своих лет и записаться в граждане Опочецкого уезда Псковской губернии в одну из пограничных волостей. Мне выдали проездные бумаги, и я счастливо переехал нелегальным путем через границу, минуя всякие посты, на родину домой.

Деревня Ляды Макашанской волости.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-9, № 8.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИКАЗЫ

ПРИКАЗ

По Северо-Западной Армии
№ 424.

16 декабря 1919 г.

Для удобства Управления и сокращения промежуточных инстанций и штатов приказываю произвести следующую реорганизацию Армии:

1) Должность командира 1-го Армейского Корпуса упразднить.

2) Штаб 1-го Армейского Корпуса расформировать: личный состав, лошадей и имущество обратить на формирование 1-й Стрелковой Дивизии.

3) 4-ю и 5-ю пех. Дивизии расформировать. Из частей этих дивизий сформировать 3-ю Стрелковую дивизию в составе: Нарвский стр. полк, который развернуть из танкового батальона.

4) Все оказавшееся сверх штата и суммы передать в распоряжение Начальников соответствующих Отделов Штаба Армии.

5) 2-ю и 3-ю пехотн. Дивизии переименовать в 1-ю и 2-ю Стрелковые дивизии.

6) Включить в состав 1-й Стрелковой Дивизии Деникинский пехотный полк и в состав 2-й Стрелковой Дивизии Печерский пех. полк.

7) Полки 1-й Стрелковой Дивизии именовать: Островский Стрелковый полк, Талабский Стр. полк, Уральский Стрелковый полк, Темницкий Стр. полк, Печерский Стр. полк.

8) В каждую из 3 дивизий включить по одному легкому артиллерийскому дивизиону из 3-х батарей по 4 орудия в каждой, одной 4-х гаубичной батарее и по одному артиллерийскому парку. Подробности реорганизации артиллерии разработать Инспектору артиллерии.

9) При каждой из 3 дивизий иметь: роту связи, комендантскую роту, эскадрон разведчиков, инженерную роту, дивизионный лазарет и дивизионный обоз с хлебопекарней.

10) Во главе каждой из 3 дивизий – Начальник Дивизии, Штаб Дивизии с его Начальником, инспектор артиллерии дивизии, дивизионный интендант и дивизионный врач с управлениями.

11) Каждую из 3 дивизий разделить на 2 бригады. В составе 1-й бригады иметь два полка и в составе 2-й бригады 3 полка.

12) Во главе каждой бригады – Командир бригады с состоящими при нем чинами.

13) Из Конно-Егерского полка и 1-го Конного полка сформировать конную бригаду.

14) В состав конной бригады включить конную батарею Подполковника Гершельмана в 4 орудия и 2-х гаубичную батарею.

15) При конной бригаде иметь команду связи и техническую команду (инженерную и подрывную).

16) Во главе Конной бригады – Командир конной бригады, штаб конной бригады с его Начальником и интендант конной бригады с управлениями.

17) 1-ю пех. Дивизию переименовать в резервную дивизию.

18) Все части впредь до изменения содержать по ныне существующим штатам. Штаты частей, подлежащих новому формированию, будут объявлены дополнительно.

Подлинный подписал: Генерал-лейтенант Глазенап.

ПРИКАЗ

Северо-Западной Армии
№ 1.

1 января 1920 года, г. Нарва.

Доблестные войска армии!

Поздравляю вас с Новым Годом. Пусть он принесет нашей дорогой, исстрадавшейся Родине покой и счастье, а вам силы и мужество претерпеть все те невзгоды, которые окружают нас.

2. Объявляю Приказ по Северо-Западной Армии № 10, 6 января 1920 года, г. Нарва. «Эстония заключила перемирие и, вероятно, заключит мир. Наша задача – борьба с большевиками – при таких условиях здесь в Эстонии невозможна. Вместе с тем русские люди, белые офицеры и солдаты, должны продолжать борьбу и закончить ее только тогда, когда будет достигнута полная победа над угнетателями России. Поэтому Русская Северо-Западная Армия будет перевезена на другой фронт. Предположен южный, русский, генерала Деникина, у которого сосредоточилось все наиболее сильное, где мы, объединившись, нанесем удар и в этом году освободим нашу Родину-мать от всех ужасов. Среди нас появились люди из большевицкого стана с целью поколебать наши ряды, внести в нашу дружную белую среду смущение. Большевики хотят нас победить, во что бы то ни стало: пробовали пулей, теперь начали провокацией. Но не следует верить слухам. Офицеры и солдаты, те, которые остались тверды и непоколебимы, разъясните слабым наше положение. В трудной обстановке особенно нужна дружная и сильная работа. Я верю в конечный успех и требую самой энергичной помощи от всех чинов Армии. Тот, кто твердо, не сворачивая, идет к намеченной цели, всегда ее достигнет. С Эстонским Правительством и Главнокомандованием достигнуто соглашение. Нам отводится район для сосредоточения, предоставляются железнодорожные эшелоны, наши раненые и больные устраиваются. Приняты все меры к пахождению пужного числа пароходов. Мы все поедем на другой фронт. И так, не должно быть колебания. Мы нужны России: все личное должно быть забыто во имя Родины.»

3. Объявляю для сведения и руководства Приказ по Северо-Западной Армии № 14, 8 января 1920 г., г. Нарва. Во изменение приказов Главнокомандующего войсками Северо-Западного Фронта и Военного Министра 1919 г. №№ 37, 60, 61 и приказа Командующего Армией 1919 г. № 242, объявляю новые нормы довольствия с 1-го сего января впредь до изменения: 1) для частей и команд района Нарва-Иевве, включая Штабы и Управления, хлеба – 2 фунта, сала – четверть фунта; 2) для лечебных заведений и команд выздоравливающих всей Армией и рабочей команды г. Ревеля: хлеба – полтора фунта, сала – восьмая фунта; для Управлений и Учреждений Армии, расположенных в г. Ревель: хлеба – один фунт, сала – восьмая фунта. Примечание: Войсковые части, учреждения, управления и лечебные заведения Армии, расположенные в г. Юрьев, г. Ревель и в районе к западу от последнего – сало получают не натурой, а деньгами; 4) размеры приварочного оклада во всех перечисленных случаях – четыре рубля девятнадцать (4 р. 19 коп.) в сутки на человека.

Подлинный подписал: Командующий Армией, Генерал-лейтенант Глазенап.

ПРИКАЗ

Северо-Западной Армии
№ 23

10 января 1920 г.

г. Нарва

1. Последние дни усилился переход русских солдат в перусские армии.

Переход этот считаю преступным. Честный человек не может быть наймитом. В дни испытаний Русская Северо-Западная Армия, находящаяся на чужой территории, имея впереди себя врага, должна еще более сплотиться. Чины ее не должны забывать, что они Русские, что они могут и должны отстаивать лишь наши русские интересы.

Я совершенно уверен, что наша Армия не умерла, что другие настоящие русские армии, совместно с нашей, добьются своей цели. Что же кажут тогда храбрецы, бежавшие из наших рядов. Россия им скажет: «Прочь, подлецы, продавшие Родину и совесть, нам таких не надо».

Приказываю всем начальникам вести списки и точный учет всем ушедшим самовольно офицерам и солдатам, с указанием, кто какой губернии, уезда и волости. В будущем все дезертиры ответят по всей строгости Российских Законов, как за государственную измену.

2. Армии предстоит переход в новый район. Представится возможность надлежащего квартирования и устройства. Прикладываются все усилия к снабжению бельем, перчатками, налаживаются продовольствие. Наряду с этим есть люди, которые, потеряв сознание долга и чести, продают принадлежащее Армии имущество. Таким путем усилия честного работника разрушаются, и благосостояние Армии поднять до крайности трудно.

Святая обязанность всех, сохранивших честь и совесть, прекратить эти позорные явления и поработать на пользу нашей Армии.

Подлинный подписал:
Командующий Армией,
Генерал-Лейтенант Глазенап

П Р И К А З
Северо-Западной Армии
№ 50

22 января 1920 г. г. Нарва

Осмотрев вчера казармы, госпиталя и другие лечебные пункты, я вынес впечатление, что в значительной мере виноваты строевые части их начальники в столь сильной заболеваемости. Грязь в казармах и лечебных заведениях отнюдь не способствует прекращению эпидемии и в несоблюдении должной чистоты. Не может быть никаких оправданий. Живая сила в частях была и есть, не было лишь желаний.

Приказываю немедленно привести все помещения, занятые Армией, в порядок и блестящую чистоту. Предупреждаю, что я не остановлюсь решительно ни перед какими мерами, дабы заставить точно выполнить мое приказание. Мы все, как один человек, должны бороться с надвинувшейся вплотную на нас опасностью. Мы должны и обязаны устроить всех наших больных и приостановить дальнейшую заразу. В наших руках теперь есть полная возможность выйти победителями из этой борьбы. Главнокомандующий Эстонской Армией Генерал Лайдонер и Командующий Нарвским фронтом Генерал Теннисон обещали оказать свое содействие и полную поддержку нам в этой борьбе.

Придавая громадное значение уходу и устройству больных, предупреждаю, что ни чин, ни положение не спасет виновных в нерадивости от полевого суда.

Подлинный подписал:
Командующий Армией,
Генерал-Лейтенант Глазенап

Циркулярное сообщение Начальника Штаба Главнокомандующего Северо-Западной Армии от 26 января 1920 года, № 109.

Согласно предположения Ликвидационной Комиссии, для устройства дальнейшей судьбы нашей армии, необходимо разделить ее на следующие группы, как офицеров, так и солдат: 1 группа - желающих ехать в Се-

верную Армию, 2 группа - желающих ехать на Юг, 3 группа - желающих поступить в одну из иностранных армий (Эстонскую, Латвийскую и т.п.) или к Балаховичу, 4 группа - вообще не желающих служить и желающих возвратиться домой.

Для первой категории придет один пароход на 40 классных и 150 трюмных пассажиров через две недели и другой пароход на 150 классных и 500 трюмных. Кроме того, ведутся переговоры о найме пароходов на 5000 человек.

Все отправляющиеся на Север будут удовлетворены содержанием и всеми видами довольствия до приезда в Северную Армию, где они будут удовлетворены уже по тамошним окладам. Северную армию до сего времени поддерживали англичане. Запас продовольствия она имеет больше чем на год. Силы ее небольшие, от 15 до 25 тысяч.

Желающие ехать на Юг, будут удовлетворяться содержанием по нормам, выработанным Ликвидационной Комиссией в той валюте, которая будет нужна, деньгами на довольствие и даровым проездом.

Самый способ отправления еще не выработан, во всяком случае, не морем вокруг Европы, так как на это союзники не дают тоннажа. Возможно отправление небольшими группами офицеров со своими солдатами, как частных пассажиров, в этом случае они будут удовлетворены деньгами на довольствие и визами, с целью затем собраться и вновь сформировать ядро Северо-Западной армии там, где это позволит обстановка.

Офицеры и солдаты 3 и 4 категории будут удовлетворены продовольствием по день их нахождения в армии и содержанием на некоторое время вперед (две недели - один месяц), как будет выработано Ликвидационной Комиссией. Семьи чиновников 1 и 2 категории могут следовать на казенный счет за своими главами.

Кроме того, есть предложение поступить в Иностранный Французский легион, находящийся в Северной Африке - служба очень тяжелая, все офицеры и солдаты поступают рядовыми и могут дослуживаться не выше фельдфебеля (офицеры французские), жалование от 75 сантимов до 3 франков в день. Есть предложение сформировать отдельный русский отряд в этом легионе, по согласию на это от французов еще не получено. Семьи следовать не могут. Больные и раненые по выздоровлении будут причисляться, согласно выраженных ими желаний, к одной из указанных категорий и отправлены по назначению.

Первые две категории, как частные пассажиры, с удовлетворением их визами и путевыми деньгами до места назначения небольшими группами; больные же и раненые 3 и 4 категории будут удовлетворяться так же, как и здоровые этих категорий. Все больные и раненые, которые потеряли способность к труду и не могут выехать из Эстонии, будут получать пособие, размер коего установит Ликвидационная Комиссия, в течение года.

Необходимо срочно доставить списки офицеров и солдат с указанием числа членов семейств, подлежащих отправке по каждой категории отдельно. Списки ожидаются к 31 января. Больных, которые в течение ближайших недель могут поправиться, желательно также опросить, составив на них отдельные списки.

Командующий Армией приказал, провести опрос каждого солдата отдельно, и не делая из этого митинга.

Порядок и срок отпуска частей и отправление людей, согласно выраженных ими желаний, будет указано дополнительно Ликвидационной Комиссией.

2. Представить завтра не позже 12 часов в строевую канцелярию именные списки на чин рот и команд согласно объявленного сообщения в п. 1 сего приказа.

СЫПНОЙ ТИФ

Борьба с эпидемией тифа

В целях достижения большой успешности в борьбе с эпидемией сыпного тифа, главное управление по делам здравоохранения обратилось к правительству республики с предложением дать министерству внутренних дел более крупный кредит, до 1 миллиона марок, на предмет открытия новых заразных бараков. Кроме того, предлагается сократить железнодорожное движение, путем допущения проезда лишь по особым на то разрешениям, затем требовать большей чистоты на железных дорогах и снабжать все пассажирские поезда особым вагоном со специальными приспособлениями для тифозных больных.

Далее предлагается, всех воинских чинов, отправляющихся в отпуск, подвергать предварительно дезинфекции и затем снабдить их медицинскими свидетельствами.

Энергичные меры крайне необходимы ввиду быстрого распространения эпидемии: так, например, в Нарве за неделю с 18 по 25 января было 113 случаев сыпного тифа, тогда как на предшествовавшей неделе их было вдвое меньше. В Ревеле, в течение того же времени (18-25 января) было 48 случаев, а за неделю до этого — 82.

На славном посту

Управление Отдела

В Министерство Внутренних дел
Российского Общества
Эстонской Республики
Красного Креста Сев.-Зап.

В местной печати появилась газетная статья под заглавием: «Эпидемия в Везенбергском уезде», в которой (на основании интервью с г-ном Министром Внутренних Дел) высказывается, между прочим, следующее: «...удивительнее всего то, что русские врачи, вместо того, чтобы помогать больным, собираются в городах в тылу. Когда Министр недавно был в Везенбергском уезде, он по телеграфу дал приказание зарегистрировать всех русских врачей и немедленно отправить их на место. Выслано было тогда более 10-ти врачей; из них только двое прибыло на место назначения, остальные пропали»...

По поводу указанной заметки считаю долгом сообщить, что в числе упомянутых 10-ти врачей, командированных на борьбу с эпидемией, было намечено и 5 краснокрестных врачей из крайне ограниченного врачебного персонала госпиталей Красного Креста, а именно: г.г. Ключев, Богданова, Полянский, Бранденбург и Карпова. Из них первые три заболели сыпным тифом, заразив-

шись таковым до выезда, при уходе за больными в своих же госпиталях; четвертый, г. Бранденбург, по соглашению с Военно-Санитарным Инспектором Эстонской армии, оставлен при госпитале для замены заболевших врачей, где в течение короткого времени заболело сыпным тифом 8 врачей.

Что же касается остальных, неподведомственных Красному Кресту, 5-ти врачей, то Управлению Красного Креста известно, что из них, при таких же обстоятельствах, не успев выехать, заболели сыпным тифом врачи Коченовский и Земляничский, последний уже умер.

Указанными обстоятельствами объясняется, почему так мало могло выехать командированных русских врачей на борьбу с эпидемией.

Заболелость среди русского врачебного персонала в указанное время приняла ужасающие размеры, достигая до 50 % и более, со смертностью до 20 %. Эти цифры с достаточной убедительностью говорят о полной самоотверженности русских врачей при исполнении своего долга.

Сообщая об изложенном для доклада г-ну Министру Внутренних Дел, прошу зависящего распоряжения к напечатанию в газетах, поместивших вышеуказанную заметку, также и настоящего сообщения.

Подлинн. за надлежащ. подписями.

С подлинн. верно.

Делопроизводитель Ф. Кох.

27 января 1920 г. № 5703

Еще о покойниках Северо-Западной армии

Сотрудник «Пяэвалехт» пишет о них следующее.

В газетах неоднократно указывалось, что во многих местах Везенбергского уезда валяются по земле трупы умерших от сыпного тифа солдат русской армии. Хотя и сделаны «соответствующие распоряжения», но устранить это ненормальное явление, видимо, не удалось, и повторяется оно уже в столице Эстонской республики.

Еще недавно сообщалось в газетах об одном русском санитарном автомобиле, развозившем и покойников, и булку одновременно, о чем составлен был протокол. Но это пустяки, ибо «все люди смертны», так почему же им не есть ту булку, которую развозят в автомобиле вместе с покойниками.

Ходили слухи, что в Ревеле, в Иоакимстале, на военном кладбище, валяются трупы солдат Северо-Западной русской армии. В первый момент мне трудно было этому поверить и я, желая лично проверить это, отправился на кладбище, и то, что я там увидел, было

что-то ужасное.

При входе на кладбище тебя встречают между могилами ноги русских солдат. Во многих местах кучами по 10-15 трупов. Я сам лично сосчитал в одной куче до 14-ти, но считать дальше более не было охоты, и таких куч было три.

Тут же у одной такой кучи три русских солдата рыли могилу, которая, по их словам, была уже готова (могила была глубиной 3-4 фута, считая от поверхности снега). Означенные трупы валяются на кладбище уже пятый день, несмотря на то, что на этом же кладбище довольно часто хоронят и эстонских солдат.

Мало того, что трупы валяются по земле, но, ведь, возле кладбища находится военная больница, и, когда начнется таяние, какую огромную опасность будут представлять для находящихся в окрестности войск и городского населения похороненные покойники, видные из-под снега, а также те три кучи, по 15 трупов каждая, имеющая быть похороненными в указанную выше могилу?

Принимая во внимание интересы армии и городских жителей, было бы желательно, чтобы это ненормальное явление в столице республики было устранено и на будущее время умершие от тифа не перевозились бы из Коппеля через город в Иоакимсталь, а хоронились бы там же на Коппельском кладбище или в ином месте в братской могиле, или же сжигались.

(Откровенная в своей «заботе» статья — прим. сост.).

Помощь Америки

По сведениям «Ваба Маа», Северо-Американский Красный Крест предлагает прислать в Эстонию для участия в борьбе с сыпным тифом 20 врачей, совместно с необходимым персоналом сестер милосердия и соответствующими дезинфекционными приспособлениями.

«Свобода России», Ревель, № 26, 1 февраля 1920 года.

АРЕСТ ГЕНЕРАЛА ЮДЕНИЧА

Бывшему Главнокомандующему
Северо-Западной Армией
Генералу Юденичу

Так как Ваше Высокопревосходительство, не произведя расчета, решили оставить нас, согласно решения Временного управления делами бывшей Северо-Западной Армии, приглашаетесь следовать на место Вашего временного пребывания до урегулирования расчета, где Вы будете находиться в полной безопасности под моей охраной.

Генерал-майор Булак-Балахович

М.П.
27 января 1920 г.

ГА РФ, Ф.6094, Оп.1, Д.123, Л.49.

Протокол допроса прокурора Петроградского Окружного Суда Р. С. Ляхницкого судебным следователем Эстонской Республики по делу об аресте ген. Юденича.

12 февраля 1920 г.

С 3 января по 30 октября прошлого года я состоял в должности Военного Прокурора, сначала Корпусного Суда Северного Корпуса, а затем Военного Суда при Северо-Западной армии; 2-го же ноября того же года постановлением Совета Министров Правительства Северо-Западной Области России я был командирован к исполнению должности Прокурора Петроградского Окружного Суда, то есть Окружного Суда названной области, причем в последней должности состоял и во время арестования генерала от инфантерии Юденича.

27 января сего года, вечером, я был приглашен генерал-майором Булак-Балаховичем к нему на квартиру, в гостиницу «Петроград», где он, Балахович, и другие лица, в том числе один или двое только что приехавших с фронта офицеров бывшей Северо-Западной Армии, заявили мне, как Прокурору, о ряде преступных деяний, учиненных некоторыми чинами штаба армии и бывшим главнокомандующим последней генералом Юденичем. Сформулировать теперь все предъявленные к указанным лицам обвинения, я считаю излишним, т.к. они должны явиться предметом особого судебного дела, если таковое будет возбуждено. Здесь же отмечу только, что генерал от инфантерии Н.Н. Юденич был заподозрен в том, что в известный период времени, состоя, по приказу Верховного Правителя России адмирала Колчака, в должности Главнокомандующего Северо-Западной Армией, сознательно не употребил всех указанных или дозволенных законом средств, коими он имел возможность предупредить или остановить присвоения, растраты и другие злоупотребления подчиненных ему чинов и через то предохранить вверенную ему армию от ущерба или вреда; в частности, он, генерал Юденич, обвинялся в том, что, состоя в той же должности, не употребил, имея к тому возможность, средств к снабжению некоторых находившихся на фронте войсковых частей Северо-Западной Армии надлежащими припасами и обмундированием в определенном количестве, а также не принял мер к охранению здоровья солдат и к предупреждению распространения между ними эпидемической болезни, равно не имея должного попечения о пользовании и содержании больных и раненых. (142, 1455, 145 ст. Военного Устава о наказаниях).

Вместе с тем, упомянутые выше лица заявили мне, что генерал Юденич, у коего должны были находиться деньги, предназначенные на содержание вверенной ему армии,

имеет, по-видимому, намерение присвоить себе означенные деньги и избежать ответственности, т.к. на следующий день, т.е. 28 января, рано утром выбывает из Ревеля.

Прямое указание на генерала Юденича, как на лицо, заподозренное в совершении указанных выше преступлений, а также вполне определенные сведения о предполагаемом им через несколько часов отъезде за границу и послужили основанием к личному его задержанию (2 и 5 п. 257 ст. Уст. Угол. Суд.), каковое и было произведено в ночь на 28 января в гостинице «Коммерческая», где он, генерал Юденич, проживал.

При аресте, кроме меня, присутствовали двое или трое чинов эстонской полиции, генерал-майор Булак-Балахович и несколько русских офицеров, причем никакого физического насилия над генералом Юденичем произведено не было.

Генерал Юденич по предложению одного из офицеров передал ему свой револьвер, затем Балахович предложил генералу Юденичу следовать за ним, и, после более или менее продолжительного разговора о причинах ареста, генерал Юденич в сопровождении генерал-майора Балаховича, чинов полиции и офицеров вышел из гостиницы и был отправлен на извозчике в шестую полицейскую часть города Ревеля.

После отъезда генерала Юденича из гостиницы занимаемые им и его канцелярией номера были заперты, и ключи от них 28-го того же января были переданы мною представителю Эстонской власти, в удостоверение чего у меня имеется специальная расписка.

Среди многих газетных статей и заметок, вызванных арестом генерала Юденича, я не могу обойти здесь молчанием письма В.Горна, помещенного в № 31 газеты «Свобода России», от 7 сего февраля.

Горн утверждает, что с 1-го декабря минувшего года я в должности Прокурора Петроградского Окружного суда не состоял и что, во всяком случае, при задержании генерала от инфантерии Юденича, я действовал не как должностное лицо.

Вследствие сего считаю пущим пояснить:

1. Предписание от Министерства Юстиции о прекращении моей, как Прокурора Суда, деятельности я не получал.

2. 1-го декабря минувшего года я не только не был освобожден от несения обязанностей Прокурора суда, но состоявшимся того же числа постановлением Совета Министров был назначен на должность Товарища Прокурора Судебной Палаты, причем исправление должности Прокурора суда было оставлено за мной (15 пункт журнала заседания Совета Министров от 1 января 1919 г.).

3. В течение всего декабря месяца канцелярия вверенного мне прокурорского надзора непрерывно продолжала свою служебную деятельность, и я в качестве Прокурора спосился с Министерством Юстиции, с военными властями, с тюремным начальством и с Председателем Петроградского Окружного суда, коему в том же декабре мною разновременно было препровождено 38 дел, подлежащих рассмотрению названного суда. В том же декабре я в качестве Прокурора спосился с Главным командующим Северо-Западной Армии.

4. В январе сего года служебная деятельность моя также никем прекращена не была, и в этом же месяце ко мне поступили официальные по должности Прокурора бумаги, по каким с моей стороны последовали те или иные распоряжения, отмеченные в моих канцелярских книгах.

5. Не получив от своего начальства предписания о сдаче делопроизводства и должностной печати и не встречая никаких препятствий к отправлению своей служебной деятельности, я таковую должность и обязан был продолжать в силу Указа Правительствующего Сената от 23 ноября 1917 г.

На основании изложенного я полагаю, что бывший Главным командующий Северо-Западной Армии генерал Юденич был подвергнут в ночь на 28-ое минувшего января личному задержанию по законным, достойным уважения

причинам, и я действовал при сем, имея по закону право, в качестве Прокурора окружного суда Северо-Западной области России.

Эстонская газета «Paewaleht». № 22 от 28 января 1920 г. об аресте ген. Юденича

Северная армия после проведения Петроградской операции оказалась в самых трудных условиях. Многие высшие начальники махнули на все рукой, оставили армию на произвол судьбы. Известно, что у них остались громадные склады разного имущества, - многие высшие начальники разделили это между собой. Как слышно, генерал Юденич переслал за границу много дел и вместе с тем хлопотал о разрешении на выезд за границу, но это ему не удалось.

В ночь на 28 января генерал Юденич был арестован по приказанию бывшего Прокурора Северной Армии Ляхницкого. Целью ареста служит выдача всего имущества Северной армии, которое целиком должно пойти на содержание несчастных воинов. При аресте адъютант Юденича хотел было стрелять, но был удержан полицейскими, которые схватили его за руку. При обыске у адъютанта нашли боевую гранату; как видно, они уже приготовились на всякий случай.

Подлинный протокол подписан

Р. Ляхницким и Судебным Следователем (подпись по-эстонски)

ГА РФ, Ф. 6114, Оп. 1., Д. 8, Лл. 1-13.

Письма в редакцию газеты «Свободная Россия».

Заявление ген. П.Н. Краснова.

Милостивый Государь Господин Редактор

В виду помещения в Вашей газете (№ 23) от 29 января с.г. неверных сведений по делу об аресте Генерала-от-Инфантерии Н.Н. Юденича я, как Русский Военный Представитель в Эстонии, в целях восстановления истины, прошу Вас не отказать поместить в Вашей газете нижеследующее:

1. Бывший главнокомандующий Генерал-от-Инфантерии Юденич не был арестован по требованию Прокурора Северо-Западной Армии и никакого участия судебные власти в аресте не принимали, равно никакого судебного постановления по этому делу не было. Присутствовавший при насилии над Генералом бывший прокурор Ляхницкий является частным лицом, а не представителем законной власти.

2. Приписываемое наличие громадного имущества на руках у Генерала Юденича не соответствует действительности. Имущества Армии у Генерала не было, и быть не могло, т.к. деньги, предназначенные на содержание Армии, находятся в полной сохранности в иностранных банках за границую.

3. Наличие у офицеров, состоявших при бывшем Главнокомандующем, оружия - явление вполне обычное, т.к. оружие присвоено по уставу офицерским чинам и тем более является необходимым при настоящей сложной обстановке.

4. Генерал Юденич не скрывался за границу, а должен был следовать в Париж по приказу Адмирала Колчака, состоявшегося еще 24 декабря 1919 г., для чего имел разрешение на выезд от местных властей и все необходимые визы.

5. Генерал Юденич был лишен свободы и временно арестован группой лиц, находившихся под руководством Булак-Балаховича и действовавших не во имя закона, а против него, вследствие чего Генерал Юденич был в скорейшем времени освобожден Эстонскими властями, против же виновных в самоуправстве и насилии возбуждено уголовное преследование.

Настоящее письмо прошу другие газеты перепечатать.

Русский Военный Предст. в Эстонии

Генерал-от-Кавалерии Краснов

«Свобода России», Ревель, № 20, 29 января, 1920 г.

Заявление представителей «Союза офицеров»

Господин Редактор, просим Вас поместить на страницах Вашей газеты следующее заявление.

Узнав, что среди участников ареста Главнокомандующего Генерала Юденича были лица, назвавшие себя членами Офицерского Союза, сим заявляем, что ни один член союза никаких полномочий на это не получал.

Другие газеты просим это перепечатать.

Союз офицеров

«Свобода России», Ревель, № 25, 31 января 1920 г.

Юденич-Лианозову.

Милостивый Государь Господин Министр,

Предполагая в ближайшее время отбыть за границу, считаю долгом сообщить Вам следующее:

1. Все средства, предоставленные мне Правительством Адмирала Колчака на содержание Северо-Западной Армии и находящиеся в настоящее время в моем распоряжении, в чем бы они ни состояли (деньги, недвижимость, движимое имущество и т.д.) и где бы они ни находились (в банках ли Эстонии, Англии, Швеции и других Государствах и стране или в иных местах), я передал в распоряжение Ликвидационной Комиссии по делам Северо-Западной Армии.

Комиссия имеет сообщить все подробности своих предложений по этому вопросу Вам непосредственно.

2. Заявляю, что кроме переданных мною Комиссии средств никаких иных денег, вкладов и пр., переданных мне для содержания Северо-Западной Армии и вообще для организации вооруженной борьбы против большевиков ни в банках Эстонии, ни за границей у меня не имеется.

3. Если бы средства, переданные мною Ликвидационной Комиссии оказались для дела эвакуации и обеспечения, находящихся на территории Эстонии бывших чинов Армии недостаточными, я употреблю все усилия, чтобы через посредство Адмирала Колчака или непосредственно у Правительств Союзных России Государств Европы и Америки получить их дополнительно.

4. Я предоставляю всем, остающимся в пределах Эстонии чинам Северо-Западной Армии, за исключением дезертиров и лиц, перешедших на службу в Армии других Государств до издания мною приказа о демобилизации, в случае неудовлетворения их Комиссией содержанием и иным довольствием за время службы, согласно штатов и приказов и норм вознаграждения при увольнении, установленных самой Комиссией, искать законное удовлетворение через Судебные Учреждения Эстонии.

Моим Представителем в этом случае будет Подполковник Борис Евгеньевич АГАПОВ, проживающий в гор. Ревель по Судебной ул., № 8, кв. 1.

Генерал-от-Инфантерии ЮДЕНИЧ

Бывший Главнокомандующий Северо-Западной Армии

19 февраля 1920 г.

Ревель № 202

Переданные мне суммы в присутствии Начальника Военной Миссии Англии и Франции от Генерала Юденича мною получены. Всего в сумме 227.400 фунтов и 250.000 ф.марок.

г.-л. Глазенап

1920 г.

Ревель

ГА РФ, Ф. 6114, Оп. 1., Д. 8, Лл. 1-13.

ЛИКВИДАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Постановление № 249

5 марта 1920 года
гор. Нарва

Особая комиссия по ревизии тыловых учреждений и установлений бывшей Северо-Западной Армии в составе: председателя - полковника Арт...ова и членов: полковника Еремеева, палатного советника Телепнева, полковника Пенхержевского, подполковника Матвеева и Мацюлевича, контролеров: Жеребкова и Красильникова, помощника контролера Кешвера и эксперта прапорщика Светозарова, в гор. Нарве в заседании своем 3-го марта 1920 г., выслушав телеграмму председателя Ликвидационной Комиссии Северо-Западной Армии в гор. Ревеле Генерал-лейтенанта графа Пален, сообщавшую резолюцию на рапорт председателя Особой Комиссии, наблюдающему за ликвидацией Генерал-лейтенанту Глазенапу от 24-го февраля 1920 года № 179, об окончании работ Особой Комиссии 25 февраля 1920 года, считает своим долгом заявить, что с прекращением деятельности Комиссии по ревизии, расформировываются последние и единственные учреждения, имевшие своей задачей борьбу с могущими быть при ликвидации злоупотреблениями и для таковых злоупотреблений ныне открывается полная возможность. Как на доказательства этой возможности Особая Комиссия указывает на следующие факты.

Со времени получения Комиссией от Генерал-майора Лотова предписания о наблюдении за ликвидацией частей и учреждений (предп. Наштарма от 13 февраля № 241):

1. Обнаружены злоупотребления:

а) В Талабском пехотном полку, где казенное имущество было продано, и вырученные от продажи деньги были присвоены чинами, ведавшими и распоряжавшимися продажей означенного имущества (капитан Носков и др.);

б) В автороте, где имела место продажа казенных горюче-смазочных материалов, с обращением вырученных от продажи денег в свою пользу продавцами, а также подлоги и подделки документов, оправдывающих расход означенных материалов.

2. Комиссией взыскано неоправданных авансов:

в Талабском полку
58.218 р. 67 к. знак. Северо-Западного
Правительства

в авто-броневых мастерских 6.263

р. (3021 р. эст. мар. и 3242 р. Северо-Западного Правительства

3. Обнаружены излишне потребованные и отпущенные из Полевого Казначейства Управлением Военных Сообщений 676.039 эстонских марок, из коих по настоянию Комиссии возвращено 200.000 эстонских марок.

4. Обнаружена и пресечена попытка увезти из г. Нарвы хранившийся в Полевом Казначействе без соблюдения казначейских правил, неизвестно кому принадлежавший, опечатанный печатью Генерал-квартирмейстера ящик, в коем по вскрытии оказалось около четырех с половиною миллионов рублей в валюте Северо-Западного Правительства и на ничтожную сумму эстонских марок.

Кроме того, Комиссией предполагается произвести проверку ликвидации частей и управлений в районе Иевве, при каковой, по дошедшим до Комиссии слухам, происходят хищения казенных денег и имущества. Однако, осуществить свои предположения Комиссия не могла ввиду получения ею приказа о ее расформировании.

Подчиняясь означенному распоряжению, Особая Комиссия постановила.

Деятельность свою прекратить тотчас по получении распоряжения о ее расформировании, т.е. 5-го марта 1920 года, но при этом заявляет, что она, будучи вынуждена закончить свои работы ранее вызываемого обстоятельствами срока, не может нести нравственной ответственности за могущие возникнуть злоупотребления при ликвидации от прекращения ее функций как органа ревизирующего, производящего расследования по преступлениям и следящего за исполнением закона. Все дела, в коих Комиссия нашла признаки совершенных военнослужащими преступлений и по коим есть возможность привлечь лиц, совершивших преступление к ответственности - передать военному прокурору Эстонской республики, для возбуждения против этих лиц уголовного преследования, таковые же дела о лицах, не принадлежащих к составу армии - передать гражданскому представителю бывшего правительства Северо-Западной Области Горну, все же прочие дела сдать по указанию Ликвидационной Комиссии.

Кроме того, Комиссия постановила: составить заключение о причинах развала Северо-Западной Армии по результатам своей деятельности по расследованию преступлений и из наблюдений за жизнью армии, почерп-

нутых при ревизиях отдельных частей и учреждений. К сему заключению составить список лиц, признанных Комиссией опороченными, хотя бы против них и не возбуждалось уголовного преследования, но коль скоро эти лица тем или иным образом были причиной развала армии и чью службу в армиях Комиссия считает недопустимой. Каждому члену Комиссии выдать по одному экземпляру заключения и списка и равным образом по одному экземпляру препроводить секретным порядком: бывшему командующему армией Генерал-лейтенанту Глазенапу, русскому военному представителю в Ревеле Генералу-от-Кавалерии Краснову, председателю Ликвидационной Комиссии Генерал-лейтенанту графу Палену и председателю Ревельской Особой Комиссии.

Подлинный за надлежащими подписями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особой Комиссии по ревизии тыловых учреждений и установления причин развала

Северо-Западной Армии, на основании результатов своей деятельности по раскрытию

злоупотреблений и наблюдения за жизнью армии, вынесенного из ревизии

Приказанием Командующего Северо-Западной Армией от 30-го ноября за № 371 и 6-го декабря за № 386 - 1919 года были образованы две комиссии: одна в Ревеле, а вторая в Нарве для всестороннего освещения плохой работы тыловых учреждений армии, повлекшей за собой ее неуспех на фронте.

Приступая со 2-го декабря 1919 года к выполнению своей задачи и исполнению возложенных на нее обязанностей, Нарвская Комиссия начала с ревизии находящихся в гор. Нарве и ее окрестностях тыловых учреждений: Этапно-Хозяйственного отдела, интендантства и Военно-Санитарного Управления, рассматривая в то же время поступающие в Комиссии жалобы и донесения и производя по ним расследования, насколько это оказывалось возможным по условиям ограничения во времени работ Комиссии, при этом Комиссия с несомненностью установила крупные злоупотребления отдельных лиц, служивших, как в Интендантстве, так и в штабах отдельных воинских частей, каковые лица обогащались за счет армии. В отношении этих лиц Комиссия возбудила уголов-

ное преследование, причем некоторые из них уже присуждены военным судом к определенным наказаниям (Шахурин, Бессонов, Сержант), а в отношении тех, о коих дела не могли быть закончены во время приказа о расформировании армии, расследования продолжались, а затем о них было сообщено Эстонским властям для привлечения их к уголовной ответственности (Аксаков, Козлов, Знаменский и др.). Корыстное злоупотребление отдельных лиц, в значительной степени расстраивавшее снабжение армии, могло бы не проявиться в столь широких и пагубных для армии размерах, если бы со стороны лиц, стоявших во главе отдельных тыловых частей было бы проявлено более энергии, предусмотрительности, знания и опыта в их ответственной руководящей работе. Между тем, Комиссии пришлось установить, что пропажи интендантских грузов при следовании их от Ревеля до Нарвы могли быть устранены или в значительной степени уменьшены принятием самых элементарных мер для охраны и своевременного учета таких грузов; что расхищение белья, одежды и медикаментов в госпиталях и аптеках могло бы не быть при отсутствии излишней доверчивости к низшему персоналу и наличности строгого учета этих вещей; что беспощипного провоза частных грузов по железным дорогам под видом интендантского могло бы не быть при условии более внимательного и добросовестного отношения к выдаваемым удостоверениям на провоз таких грузов и т.д.

Легкость наживы, хотя бы на незначительные суммы, создаваемая при наличии этих условий для отдельных, явно злонамеренных лиц, с неустойчивыми нравственными убеждениями и понятиями о долге, вызывая у них желание к обогащению и уменьшая в них дисциплину и воинский дух, а со стороны создавала неравенство, а также недостаток в снабжении отдельных частей и лиц на фронте вызывала несправедливые нарекания на оставшихся в тылу и постепенно приводила армию к ее разложению. Однако не одни только корыстные злоупотребления в тылу и пассивное отношение некоторых стоявших во главе лиц содействовало разложению армии.

Не касаясь обсуждения оперативных планов, которые также могли влиять на успех военных действий, конечно, и сыграли весьма крупную роль, Комиссия считает одной из причин разложения армии и систему, принятую в начале партизанской войны, при

каковой системе отдельные воинские части получали иногда довольствие на средства того населения, земли коего они случайно занимали в зависимости от хода военных действий, и тем самым, воспринимали мысли о возможности безнаказанного пользования во время войны чужим имуществом. Равным образом создавала уверенность в безнаказанности и практиковавшаяся в то время, да и впоследствии, система, или, вернее, бессистемность реквизиций, совершаемых, как начальниками крупных войсковых объединений, так равно и младшими начальниками, вызывая невольное у солдат раздражение.

Означенные мысли о незаконном пользовании чужим имуществом или возможность легко избежать уголовного возмездия, могли получать распространение еще и потому, что судебное преследование не могло осуществляться немедленно же вслед за совершенным преступным деянием из-за подвижности отдельных воинских частей и частого перехода отдельных населенных местностей в руки неприятеля. Следствием этого являлось то, что жалобы о совершенных преступлениях поступали к судебным властям зачастую тогда, когда воинской части в той местности уже не было, вследствие чего не было возможности установить виновное за совершенное преступление лицо и не было возможности проверить правильность сделанного заявления путем допроса свидетелей, имевших пребывание в местности, которая к этому времени была захвачена неприятелем. При таких условиях у лиц, совершивших преступление, не только не создавалась уверенность в неизбежном наказании, но, наоборот, являлась полная надежда на возможность избежать наказания, каковая надежда побуждала их к совершению дальнейших правонарушений и умножала преступный элемент, разлагавший армию.

Кроме того, несомненно, повлияло на умножение преступного элемента и на увеличение преступности почти полное отсутствие какого-либо ревизирующего органа или учреждения, на обязанности которого лежало бы контролирование деятельности отдельных должностных лиц и тем самым пресечение преступлений в самом их зачатке. Судебный аппарат не пользовался всей полнотой присущей ему власти, а зачастую и просто отсутствовал во многих частях войск, иногда даже в весьма крупных соединениях, как, например, корпус. Вся власть была сосредоточена в руках военных начальников, а потому сплошь и рядом взгляд на

преступление вообще не был един во всей армии, а менялся в зависимости от взгляда того или иного начальника отдельной части, и нередко поступок, почитавшийся в одной части преступлением, в другой вызывал похвалу. Особенно ярко это выявлялось в вопросах о реквизициях и конфискациях, каковые в некоторых частях были строжайше воспрещены, тогда как в других не только разрешались, но и поощрялись.

Население занимаемых С.-З. Армией областей, ожидавшее с приходом белых войск водворения законности и правового порядка, оказалось подчиненным волостным комендантам, людям, в большинстве случаев, совершенно не соответствующим своему назначению и весьма мало пригодным к занятию административных должностей. Между тем, этим лицам была предоставлена вся власть в волостях, как административная, так и судебная, и полная самостоятельность в своих действиях при отсутствии какого-либо над ними контроля. Судебные учреждения вовсе не существовали, и население не имело никаких уставов, в которые оно могло бы обратиться за защитой своих прав. Конечно, это не могло не вызвать неудовольствия в среде населения, и поэтому, когда были мобилизованы в августе и сентябре жители местностей, занятых армией, то в рядах ее появилось громадное количество людей недовольных, служивших прекрасной почвой для большевистской, анти-белоармейской агитации, и при малейшем неуспехе поддававшихся разложению.

Вышеизложенные причины, по мнению Комиссии, и довели армию до разложения и полного распада, и потому Комиссия заключает, что развала армии могло бы и не быть, если бы были своевременно созданы в ней органы, задачей которых было бы пресечение преступлений и преступных деяний, уже совершенные карались бы всей силой законной власти, и если бы представители командного состава стояли всегда на точке строгой законности и своим примером и действиями воспитывали чувство законности и долга в умах своих подчиненных...

Подлинный за настоящими подписями.

5 марта 1920 г. № 250. г. Нарва.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Панка 4-9, № 2.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

На одном из последних заседаний Ликвидационной комиссии С.-З. армии окончательно установлен срок, к которому заканчиваются основные работы по ликвидации армии – к 28-му числу с.м.

Одновременно с этим заканчивается прием прошений и заявлений в Расчетное бюро на Романовском проспекте.

Для окончания невыполненных работ и исполнения текущей работы, связанной с рассмотрением поданных заявлений и отъездом чинов армии, выделена подкомиссия под председательством ген.-майора ф. Гоерц.

Задача подкомиссии заключается в контроле расходов по специальной смете и попутно в окончательной передаче эстонскому правительству имущества и 50.000 фунтов стерлингов, передаваемых в обеспечение ухода за больными и ранеными в госпиталях С.-З. армии.

Общая сумма расходов по окончательной ликвидации исчислена в 45.555.250 эстонск. марок, из которых 10.500.000 марок ассигнованы на выдачу путевых пособий чинам армии, отправляющимся на Северный фронт.

К настоящему моменту в списках бывш. С.-З. армии числится еще около 10.000 человек, из них 3700 чел. офицеров.

На уплату жалования и заштатного содержания в смете определено 13.340.000 мар. и на продовольствие около 6.600.000.

Норма провиантской дачи фиксируется следующим образом: муки 11/2 фунта в день, мяса 1/2 ф. в день или сала 1/4 ф. в день, крупы 24 золотника в день, масла 5 золотн. в день, сахара 6 золотников в день, табаку 2 золотника в день, мыла 1/2 ф. в месяц.

Значительная сумма – около 7 миллионов, назначена для выдачи взамен дров, на освещение и наем помещений.

Остаток распределяется на покрытие расходов по пайму перевозочных средств, уплате рабочим, хозяйственным, типографским и проч. статьям.

Для урегулирования вопросов, связанных с ликвидацией армии на местах, организованы комиссии в Иевве и Нарве, в задачу которых, кроме окончательного расчета, входит также установление связи с кооперативами и трудовыми организациями

для подыскания работы бывшим чинам С.-З. армии.

Для организации трудовых артелей главной комиссией в Ревеле отпущено Товариществу кооперативов заимообразно 300.000 марок.

Из дальнейших выданных следует отметить утвержденный ассиданием от 20 февраля отпуск 500.000 марок на проведение санитарных мероприятий и 250.000 на пужды беженцев в распоряжение уполномоченного американской миссии.

Одновременно с этим уполномоченному миссии предложено принять на себя дальнейшие заботы о демобилизованных чинах армии.

Т.

Выплата содержания чинам бывш. С.-З. Армии

На Романовском проспекте 10 с 28 февраля будет продолжаться выдача заштатного содержания и пособий чинам бывш. С.-З. армии.

Состоявшим в расформированных частях армии на действительной службе содержание уплачивается из полного оклада по 10 марта, тем же частям, которые продолжали свою деятельность после 10 февраля, на общих основаниях за месяц вперед, считая со дня окончательной ликвидации части.

Врачам и санитарному персоналу госпиталей содержание выдается по 20 марта, так как все санитарные учреждения армии с 20 февраля считаются перешедшими в ведение Эстонского Правительства.

Суточные деньги солдатам за нахождение на фронте не включаются в число подлежащих выдаче впредь подразделений денежного довольствия. Удовлетворяться будут только ходатайства о выдаче таковых за прошедшее время.

Офицерские чины получают жалованье, семейные, квартирные и деньги на покупку дров по обычным нормам, исходя из оценки кубической сажени дров для частей в Нарве в 540 руб. и в Ревеле в 1.350 руб.

Для выдачи пенсионных пособий по смете Ликвидационной Комиссии отпущено 2.500.000 марок, распределение которых лежит на подкомиссии ген. Гоерц.

Уплата пособий семьям военнослужащих, находящихся за границей Эстонии, будет производиться только в исключительных случаях.

Т.

«Свобода России», Ревель, № 47,
28 февраля 1920 г.

Папье-маше из «крылаток»

Вслед за окончательным подсчетом неизрасходованных остатков, находящихся в распоряжении Ликвидационной Комиссии, могущих пойти на частичное погашение знаков Северо-Западной. армии, все наличные денежные знаки полевого казначейства будут обращены путем специальной обработки в бумажную массу.

Указанная операция будет произведена в Нарве комиссией полк. Эвальд, для чего все суммы учреждений армии, хранящиеся в подлежащей уничтожению валюте, переводятся в распоряжение комиссии.

Чины Северо-Западной Армии в Финляндии и Латвии

По рассмотрении вопроса об удовлетворении находящихся в Финляндии и Латвии офицеров бывш. С.-З. армии, ликвидационная комиссия решила произвести выплату, принимая за расчетную единицу для Финляндии финскую и для Латвии эстонскую марку.

Постановление не касается военных чиновников, которые будут удовлетворяться по выяснении средств комиссии.

Путевые пособия выдаются в настоящее время в ост-марках, что по курсу за 10 англ. фунтов составляет около 2800 марок.

Расчетное бюро в гор. Пернов

Для расчета и выдачи паспортов чинам С.-З. армии, находящимся в Пернове, учреждено расчетное бюро, изыскивающее также средства к улучшению положения офицеров.

Высланный недавно из Ревеля в Пернов офицерский эшелон находится пока в карантине, где довольствуется пайком от эстонского правительства на общих основаниях.

Зарегистрированы единичные случаи заболевания тифом.

Новые штаты

Перед Ликвидационной Комиссией возбужден вопрос о дальнейшем существовании контроля до мая месяца включительно, для чего необходимо утверждение нового штата и сметы в 200.000 марок.

Продолжение работы контроля признано желательным. Детальная разработка штатов передана подкомиссии г.-м. Гоерц.

Одно из прошлых заседаний утвердило также временные штаты архиепископа Псковского и Порховского, производя по ним выплату жалования, всего на сумму 8600 марок.

Последнее «прости»

Нами получена депеша:

«В грустный день окончательной

ликвидации командующий, офицеры и солдаты Ревельского полка шлют дружеский привет своим братьям по оружию Северо-Западной Армии.

Командующий полком капитан I ранга Политовский

Иевве, 1 марта

О документах бывших пенсионеров Сев.-Зап. Правительства

Выдача и пересылка оставшихся после ликвидации Мин. Общ. Призрения всевозможных документов бывших пенсионеров Сев.-Зап. Правительства будет производиться только до 15-го марта, после чего документы будут сданы в архив.

Требования о высылке документов направлять в Ревель, Нарвская, 40, кв. 2, К.Кох.

«Свобода России», Ревель, № 49, 2 марта 1920 г.

От Ликвидационной Комиссии

На многочисленные, поступающие из бывшей Северо-Западной армии вопросы офицеров и солдат, Ликвидационная Комиссия, согласно сложившейся политической обстановке, считает своим долгом заявить:

1. Есть ли какая-нибудь надежда на отправку на юг или восток?

Никакой надежды нет.

2. Каким порядком будут отправлены и скоро ли?

Можно ехать одиночным порядком, испытывая множество неприятностей из-за невозможности получить визы и паспорт. Ехать таким образом можно, когда угодно. Проезд одинокому человеку обойдется, считая на английские фунты, от 30 до 80 фунтов, так что пособия не хватит, надо приплачивать из своих.

3. Будет ли выдача содержания лицам, изъявившим желание ехать на юг, и по какое время?

На общем основании, до 10-го марта 1920 года.

4. Когда будет выдача паспортов и где?

Личные паспорта (Русские) получают через Юрисконсульта Ликвидационной Комиссии Полковника Агапова в Ревеле (Церковная ул., д. 4). Получить заграничные визы на них в данное время почти невозможно.

Председатель Ликвидационной Комиссии Сев.-Зап. Армии

Ген.-Лейт. граф Пален

«Свобода России», Ревель, № 52, 5 марта 1920 г.

Северо-Западная Армия и беженцы

Проф. Рогожниковым возбуждено ходатайство о передаче в распоряжение

американской миссии денежных средств, необходимых на содержание беженцев и бывших чинов Сев.-Зап. Армии, в размере 2 миллиона марок ежемесячно.

Комиссией по ликвидации С.-З. Армии ходатайство отклонено, т.к. эстонскому правительству передано имущество с указанной выше целью на сумму в 90 миллионов марок (300 тысяч ф.стерл.).

50.000 на ремонт русского собора

В результате доклада ген. Краснова об отпуске 50.000 марок на ремонт купола Ревельского русского собора, указанная сумма была передана настоятелю собора протоиерею Аристову, с отнесением расхода в счет сумм, предназначенных по ликвидационной смете на удовлетворение убытков, понесенных различными лицами и учреждениями от военных действий.

Обмен крылаток пенсионерам

Пенсионерам военного ведомства бывшей Северо-Западной Армии продолжается обмен «крылаток», полученных ими в счет пенсии за сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы 1919 г.

«Крылатки», как археологическая редкость

Хранившиеся в банкирской конторе Шеля 934.125.000 рублей знаками левого казначейства уничтожены, причем первоначально 841.000 рублей были оставлены «в археологических целях» и внесены на хранение в казначейство. Последующим распоряжением оставленные «древности» были также уничтожены.

Находка

По полученным сведениям, на пароходе «Ольга» в Либаве находится значительный груз санитарных и ветеринарных материалов, заказанный и оплаченный министром Северо-Западной Области Маргулиссом.

Теплое место

Одно из последних заседаний ликвидационной комиссии утвердило штат русского военного представителя в Финляндии по июль 1920 года с отпуском на содержание по штатам 108.000 финских марок.

Т.

Чины Северо-Западной Армии на работе

С приближением весны положение бывших солдат и офицеров Сев.-Зап. Армии, бывшее в начале совершенно безвыходным, постепенно улучшается.

Тем не менее, положение все еще крайне острое.

В особенности это относится к офицерам, так как просторабочему солдату легче и найти работу, легче и столкнуться со своим братом кресть-

янином. Офицеры же, в особенности старослужащие, у которых привычка и способность к труду давно уже атрофирована долготелней военной службой, зачастую находятся на краю голодной смерти. Год службы в армии большинству из них ничего не дал, кроме двух-трех тысяч бесполезных уже «крылаток». Еще менее дал этот год в смысле навыка в какой бы то ни было работе; последние месяцы существования армии были самым ярким примером полного ничегонеделания под вывеской «упорной и плодотворной работы», как писал один из генералов.

Солдаты бывшей армии почти сплошь уже разобраны на работу, хотя бы самую тяжелую. Среди офицеров, нашедшие занятия, составляют очень небольшую часть общего числа.

Наиболее счастливые устраиваются надсмотрщиками на лесных заготовках, что дает им около 1000 марок в месяц. Желających на те же заготовки, но в качестве рабочей силы, почти не находится.

На Русско-Балтийском заводе одно время работало довольно значительное количество бывших офицеров. По высылке бывших чинов армии в Пернов число их уменьшилось почти втрое.

Плата на заводе колеблется от 600 до 1500 марок. Высшие оклады получают уже мастера, что требует известной специальной подготовки.

Работают офицеры также и в гавани по разгрузке, зарабатывая марок по 30-40 в день. В отдельных случаях заработка достигает до 50-100 марок.

Интеллигентный труд среди бывших офицеров в силу неблагоприятных внешних условий (незнание языка и проч.) представлен очень слабо.

Устраиваются, главным образом, имевшие до военной службы какую-нибудь специальность.

Имеющие же чисто военную подготовку, принуждены в большинстве случаев после недолгого периода бездействия переходить на военную службу соседних государств, благо вопрос о подданстве решается очень часто простой пометкой на паспорте: «Уроженец города такого-то».

В число ищущих работы, конечно, не входит небольшая кучка лиц, до сих пор сидящих на своих местах, несмотря на то, что «ликвидационная комиссия» переименовывается в «малую», затем в «подкомиссию» и т.д., все уменьшаясь в своем объеме.

Л.Т.

«Свобода России», Ревель, № 65, 20 марта 1920 г.

ИСТОРИЯ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ

История Северо-Западной армии была бы неполной без обращения к истории отдельных полков, отрядов и других подразделений. Одной из наиболее интересных – история конного отряда генерал-майора С.В. Булак-Балаховича. О «батъке атамане» «Булахе» до сих пор нет единства в оценках. Ниже приводятся документы, характеризующие легендарного атамана с различных позиций. Вниманию читателей представлены также статьи об участии моряков в Северо-Западной армии, о ее авиационных и броневых частях – прим. сост.).

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Северо-Западным фронтом

№ 19

22 августа 1919 г. г. Нарва

1. Предписание мое генерал-майору Булак-Балаховичу вступить в командование 2-м Стрелковым Корпусом – считать недействительным.

2. Несмотря на неоднократные напоминания и увещания относительно злоупотреблений, допускаемых чинами Штаба генерал-майора Булак-Балаховича, ко мне продолжают поступать жалобы и прошения в большом количестве. Из этого усматриваю, что генерал-майор Булак-Балахович или же желает прекратить незаконное действие своих подчиненных по отношению к мирному населению, или же не в силах это сделать, поэтому приказываю:

Полковнику Пермикину, Командиру 3-го Стрелкового Талабского полка, взяв в свое распоряжение полки: Конно-Егерский, Семеновский и Талабский, 2 конных батареи, 3 бронепоезда и 2 бронемшины – арестовать в городе Пскове чинов Штаба генерал-майора Булак-Балаховича, замешанных в незаконных действиях, весь состав личной сотни генерал-майора Булак-Балаховича и представить их в мое распоряжение для расследования и передачи суду виновных. Полковнику Пермикину подчинить себе все полки и части, входящие в состав 2-го Стрелкового Корпуса. Командиром частей беспрекословно исполнять приказания Полковника Пермикина, как исходящие лично от меня. В случаях неисполнения какого-либо приказания, виновный в нарушении этого будет предан Военно-Полевому Суду.

3. Дальнейшие распоряжения будут отданы лично мною по прибытии в гор. Псков.

Главнокомандующий

Генерал от Инфантерии Юденич.

№ 20

24 августа 1919 г. г. Нарва

Утром 23 августа Командиром 3-го Стрелкового Талабского полка Полковником Пермикиным были арестованы в гор. Пскове те чины Штаба и личной сотни Генерала Булак-Балаховича, против которых имелись доказательства тяжких преступлений: раз-

бой, грабсж, вымогательство и производство фальшивых бумажных денежных знаков, Аресты произведены без применения оружия и кровопролития. Над арестованными назначено следствие.

Генералу Булак-Балаховичу Полковник Пермикин передал мое приказание оставаться у себя на квартире и ожидать моего прибытия в Псков. Генерал Булак-Балахович дал честное слово, что останется на квартире. При Генерале был оставлен Адьютант Талабского полка (граф П. Шувалов – прим. сост.). Когда затем было послано приказание явиться в мой вагон, Генерала Булак-Балаховича на квартире не оказалось. Было установлено, что Генерал Булак-Балахович ввел в заблуждение оставленного при нем Адьютанта Талабского полка, сказавши ему, что Полковник Пермикин будто бы, разрешил ему выехать в город с тем, чтобы попрощаться с полками. Не допуская мысли, чтобы Генерал мог решиться на обман и не сдержал слова, Адьютант Талабского полка не воспрепятствовал оставлению Генералом квартиры и сопровождал Генерала в его поездке. Когда генерал Булак-Балахович оказался вне города, он приказал Адьютанту Талабского полка ехать обратно, сам же отказался ехать в город, а направился в Штаб Эстонской Дивизии. Посланный за ним на автомобиле Подполковник Булак-Балахович, родной брат Генерала, не нашел его. Посланные для розысков разъезды нашли Генерала Булак-Балаховича, но приказания явиться ко мне, передать не могли. При приближении разъезда Генерал Булак-Балахович развернул цепь и громко сказал, что ничьих приказаний исполнять не

будет, никого не признает и, если кто-нибудь будет приближаться, отдаст приказание стрелять. Разъезды, которым было приказано лишь найти Генерала Булак-Балаховича и передать приказание, но не задерживать его или применять оружие, вернулись, а Генерал Булак-Балахович скрылся.

Таким образом, Генерал Булак-Балахович не сдержал данного слова, ввел в заблуждение Адьютанта Талабского полка, не дождался моего приезда, не принял моего приказания, заявил о нежелании исполнять чьи-либо приказания, угрожал открыть огонь против лиц, мною посланных, во время боя покинул нашу Армию и сделал в виду противника. Поэтому Генерала Булак-Балаховича исключить из списков Армии и считать бежавшим. Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

Главнокомандующий

Генерал от Инфантерии Юденич.

«Вестник Северо-Западной Армии», № 63, 6 сентября (24 августа) 1919 г.

ПРИКАЗ

Северо-Западной Армии

№ 246

2 октября 1919 г. г. Нарва

...26 сентября в газете «Новая Россия» напечатана была телеграмма о том, что Булак-Балахович, одержав блестящую победу над красными, двинулся в тыл противника. Между тем, в этот же день Балахович с тремястами партизан садился в поезд, чтобы ехать в Нарву и арестовать меня и Штаб Армии. 28 сентября Балахович прибыл на ст. Вайвара, но туда навстречу ему, распоряжением Начальника 1-й Эстонской дивизии, выслан был броневой поезд с приказанием не пропускать Балаховича дальше, а в случае его неповиновения открыть огонь. Узнав об этом, Балахович повернул обратно. Из сказанного видно, что в период серьезнейших и успешных боевых операций Балахович пытался совершить такие действия, которые могли бы внести в работу Армии дезорганизацию и оказать неопределимую услугу большевикам...

Командующий Армией,

Генерал-Лейтенант Родзянко

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 4-1.

М. Иванов

ОТРЯД БАЛАХОВИЧА

16 ноября 1918 года я приехал в Псков, решив поступить в Северо-Западную армию, тогда еще просто называвшуюся Северной. Меня назначили вступить в конную батарею конного отряда атамана Булак-Балаховича. Батарея находилась в распоряжении командира 1-го конного дивизиона и военного полицмейстера подъесаула Всеволода Пермыкина, память о котором сохранили многие из его современников. Я лично могу сказать, что он был добрый человек, но необычайный чудак и самодур. Офицерский состав отряда был очень разнообразный; были, конечно, господа, присвоившие себе пару лишних чинов, но народ за редким исключением боевой, что доказало дальнейшее. Среди офицеров был и Видякин, в то время поручик, впоследствии полковник, правая рука Юденича, интриган и неудачный подражатель Аракчеева в обращении с офицерами. Солдаты на первый взгляд производили грустное впечатление, но я уверен, что, если бы вся армия состояла из таких воинов, Петроград, несомненно, сменил бы красный флаг на трехцветный.

До 24 ноября жизнь в Пскове протекала вполне спокойно; в этот же день после обеда пронесся слух о появлении красных частей невдалеке от города, и для проверки сообщенного была послана разведка от конного отряда. Вечером того же дня были собраны все офицеры отряда в приемном кабинете Пермыкина, где получили приказание не расходиться по домам до выяснения положения. Ночью разведка вернулась и донесла, что в дер. Березка встретила неприятельский броневой автомобиль; кроме того, были получены сведения из других источников о движении красных войск. К утру 25 ноября был разработан план военных действий: нашему отряду предстояло ударить в тыл красным, в то время, как остальные части армии совместно с германскими войсками должны были удерживать неприятеля у Пскова и тем самым отвлекать его внимание от нашего продвижения. Часов в 8 утра весь отряд собрался возле каторжной тюрьмы на Кокановском бульваре и вскоре выступил к югу от Пскова. В Крестах встретили Псковскую артиллерию и Георгиевский отряд Микоши, с которым соединились на следующий день. В полдень устроили небольшой привал в дер. Лопатино, откуда был послан с разъездом в Псков шт.-ротм. Грешберг. Под вечер расположились на ночлег в дер. Кеб, вблизи дачной местности и

деревни Череха. Т.к. из Пскова до сих пор не поступило никаких донесений, то выслали второй разъезд во главе с прап. П-ым, который, по всей вероятности, до города не доехал, однако, донес о полном спокойствии в Пскове. На ночь мы поместились с солдатами, чтобы в случае тревоги сразу оказаться на своих местах. Солдаты храпели вповалку на полу, мы же, офицеры, дремали, не спимая шинелей, сидя на лавке у стены. Мрачные предчувствия всю ночь не давали покоя. Под утро 26 числа какой-то крестьянин заявил в штабе отряда, будто Псков занят красными. Решено было двинуться обратно ввиду полнейшей неясности положения. Выходя из избы, в которой мы почевали, один солдат нечаянно сбил винтовкой стоявшую в углу на полке перед иконой лампаду. «Быть беде» – раздались голоса его товарищей.

Построились походной колонной и только вышли за околицу, как не дальше, чем за версту от себя, увидели двигавшуюся из Черехи на Псков с развернутыми красными знаменами колонну красноармейцев. Небольшой лесок скрывал нас от беспечно продвигавшегося неприятеля, который даже не позаботился о высылке фланговых дозоров. Первое, что пришло каждому из нас в голову, было: напасть врасплох и уничтожить врага, тем более, что место благоприятствовало к внезапному нападению. Все же благоразумие взяло верх: нам совершенно не было известно общее количество красных войск, наступавших на нас; падение Пскова было уже выясненным вопросом, а отряд наш состоял всего лишь, не больше, как из 100 человек. Приняв все это в расчет, мы тронулись назад в дер. Кеб, где перешли реку, того же названия, что и деревня. Лошади едва втащили орудия и повозки на другой, успевший за ночь обледенеть, берег. Как всегда, перед снегом, дул пронизывающий ледяной ветер. У многих были полушубки и теплые фуражки, я же вышел в поход палатке в летней шинели, легком кителе, замшевых перчатках и теперь отчаянно мерз. Часа в три у дер. Кашеваров Брод соединились с Георгиевским отрядом и перешли вброд довольно широкую реку Череху. Стемнело. Мороз и ветер становились все нестерпимей. Совсем уже вечерело. Авангард отряда открыл в дер. Рябово присутствие красных. Оставив обоз с небольшим прикрытием в замерзшем болоте, которым мы шли, отряд двинулся на деревню и взял в плен штаб и

обоз 10-го Новгородского стрелкового красноармейского полка. Пленных было человек 60, среди которых можно было встретить солдат от 16 до 45 лет. Трудно сказать, были ли те мобилизованные или просто «Царь-голод» загнал этих людей в ряды красной армии. Нам доставлялись повозки, множество банок мясных консервов, сахар и мука. Чего не смогли взять с собой, отдали крестьянам.

Из Рябова взяли направление на запад, т.к. надо было пробираться к Изборску. Уже поздно ночью остановились в какой-то деревне; я до того промерз и устал, что не помню ни названия ее, ни того, сколько часов мы стояли там. Помню лишь тусклую керосиновую лампочку-коптилку на стенке и скамью, на которой я проспал, как убитый несколько часов, после чего нас разбудили, и мы в пред-рассветной тьме снова двинулись вперед, куда - никто не знал. Шли до обеда и остановились в каком-то брошенном имении на шоссе Псков - Остров. Опасаясь появления большевиков, выставили вдоль шоссе два орудия, однако, все обошлось благополучно. В сумерки перешли р. Великую у дер. Кузнецово, в которой отдыхали и собирали сведения о неприятеле. Как вчера, так и сегодня, большевистские шпионы следовали в некотором отдалении за нашим отрядом и пускали сигнальные ракеты. Ничего нет ужаснее, когда встречаешь неприятеля лицом к лицу, но эти: то красные, то зеленые огни, вспыхивавшие в небе и падавшие, треща и разлетаясь в лес, казались прямо зловещими. Нашему дозору удалось изловить в лесу какого-то подозрительного незнакомца, не желавшего давать никаких объяснений. Когда кто-то с целью обыскать расстегнул его пальто, под ним оказался ворох сигнальных ракет. Корнет Ш., присутствовавший при обыске, не говоря ни слова, вытащил из кобуры парабеллум и тут же уложил незнакомца. В это время выяснилось, что несколько деревень, лежавших на нашем пути к Изборску, явно сочувствуют большевикам и для того, чтобы была возможность отдохнуть в эту ночь, мы прибегли к хитрости: сняли погоны и кокарды и, придя в деревню Ветошка, выдали себя за красноармейцев. Встретили нас очень радушно, в особенности бабы, ругавшие белых почем зря. На следующий день утром, увидя в избе иконы, я спросил хозяйку, почему она, будучи, по ее словам, коммунисткой, держит в доме иконы

и даже зажигает лампаду. Баба, очевидно, не зная всех догматов III Интернационала, была очень удивлена моим вопросом. На прощание она пожелала нам счастливого пути и чтобы «Богородица помогла свернуть белым головы».

Нам предстояло пройти через деревню Гпилино, обитатели которой накануне задержали нескольких отступавших из Пскова офицеров, избивали их, сорвали погони и заперли в баню. До убийства дело не дошло, т.к. заключенных освободил какой-то полк, отступавший той же дорогой. При нашем приближении Гпилинские крестьяне разбежались кто куда, т.к., по-видимому, приняли нас за карательный отряд. Задержали двух раненых крестьян: оказывается, что накануне они, кроме пленения офицеров, пытались с оружием в руках задержать белые части, проходившие по шоссе из Пскова. Деревню в наказание слегка пограбили и двинулись дальше. И вот тут-то совершилось бесцельное, ничем не оправданное зверство (я не знаю, что побудило начальство прибегнуть к этому): начали мало-помалу расстреливать наших пленных. Мне кажется, что из 60 человек уцелело не больше пяти. По мере того, как мы продвигались к Изборскому шоссе, раздавались одиночные выстрелы, и кто-нибудь из отведенных к обочине дороги красноармейцев переселялся в «лучший мир». До сих пор я никогда не видел расстрелов и был удивлен, что это массовое избиение не произвело на меня тогда никакого впечатления. Впрочем, на войне первые и восприимчивость всегда притупляются. Совсем близко от меня расстреляли какого-то бородача, который просил пощадить его, говоря, что в красную армию его толкнул голод. Потом убили 16-летнего мальчика, который перед смертью поцеловал пательный крест и перекрестился. После этого мне стало противно смотреть на эту бойню, и я отошел от пленных к своему тарантасу, отобранному в дер. Гпилино от коммуниста.

Правда, положение было серьезное, и трудно было возиться с такой толпой пленных, но мне думается, что вид этой полусотни трупов надолго отбил охоту у красноармейцев переходить к белым. Это поняли и те, кому надлежало понять в тот день, 28 ноября, и впоследствии такие безрассудные расстрелы прекратились. Через деревни Апарина, Коглева и Крякова к вечеру подошли к дер. Дубник у шоссе. Остановились в поле и выслали разведку. Стояли часа два. Ледяной ветер заставил меня почувствовать все то же, что и традиционного замерзающего мальчика Рождественских рассказов. Я поемногу

замерзал; мысль прерывалась, и мучительно хотелось спать. В это время один из моих солдат, видя мое жалкое положение, одолжил мне свой коротенький полушубок, который надел прямо на шпатель. По всей вероятности, я походил тогда на китайского полководца, но в тот момент возблагодарил судьбу. Вернулась разведка, в которой принимал участие и сам «батька» Балахович, встретила на шоссе красных, которым выдала себя за авангард большевического отряда, разыскивающего отряд Балаховича. От тех же большевиков узнали, что Изборск занят ими и из Пскова туда идут на подводах матросы для уничтожения нашего отряда. Прошли дер. Дубник и свернули на шоссе. В это время большевики догадались о том, кто мы и совместно с мужиками начали обстреливать нас с тыла и левого фланга. Ввиду полнейшего мрака, все выстрелы их оказались перелетными. Мы не отвечали, чтобы не обпаружили линии огня. Наконец, часть Георгиевского отряда и наша конница атаковали Изборск. Для увеличения папки среди большевиков мы дали один выстрел из орудия. Наша конница захватила несколько матросов. До сих пор я не слышал, чтобы когда-нибудь кавалерия атаковала город ночью. Эта ночная кавалерийская атака беспримерное в истории Русской конницы дело дало нам возможность беспрепятственно пройти Изборск. В Георгиевском отряде ранены были два офицера; мы же потерь не понесли. Отойдя версты 3-4, мы расположились на почлег в дер. Дубровка, откуда утром выступили и через Паниковичи, Ней Хаузен и Ней-Казериц без особых приключений, в ночь с 3-го на 4-ое декабря пришли в Верро.

3 декабря в 4 часа ночи отряд выступил по направлению к Юрьеву; в тот день ночевали в имении Пелкс и на следующий день расположились в имении Варбус фон Самсона, впоследствии убитого большевиками в Юрьеве. В Варбусе часть отряда, к которому в то время я был прикомандирован, оставался несколько дней; самый же отряд, расположенный в окрестности, нес сторожевую службу. Первоначально у нас был план отступить по направлению к Риге, куда было двинулся конный отряд полк. Бибикова, впоследствии конно-егерский полк. Числа 9-го или 10-го после обеда штаб отряда выступил из имения и под вечер пришел в корчму Лива, расположенную на Верроском шоссе, в 30-40 верстах от Юрьева. В тот вечер произошло историческое совещание между Балаховичем и представителями зарождавшейся Эстонской армии. В результате было выработано согла-

шение, по которому Эстонское правительство предоставляло нам полную свободу военных действий против Красной армии в Эстонии. До сдачи большевикам Юрьева конница нашего отряда занимала имения Майдельстоф и Альт-Кустгоф, а батарея — Револад в 12-ти верстах от Юрьева. Через день я уехал в Юрьев и поступил в распоряжение ротмистра Васильева, офицера для связи с Эстонским правительством. Как эта связь поддерживалась, я до сих пор не знаю, т.к. в то сумбурное время все, чувствуя наступающую грозу, усиленно кутили, стараясь не думать о завтрашнем дне. С ротмистром Васильевым я виделся очень редко; впрочем, он не особенно скучал от моих постоянных отлучек. В конце концов, мне было предложено присоединиться к моей батарее, которая, как я уже упоминал, стояла в имении Револад.

Под вечер 16 декабря поступили сведения о приближении со стороны Чудского озера неприятеля, и в тот же вечер 1-й дивизион и конный батальон выступили из Револада на восток и ночью стали в дер. Уникул, верстах в 10-ти от места нашей предыдущей стоянки. На следующий день выслали разведку и, готовясь к необходимости действий исключительно в конном строю, послали всех «безлошадных» в Юрьев в главный обоз отряда. В числе этих пеших конников был и я (лошадь я раздобыл только недели через две), и ввиду того, что, сидя в тарантасе, невозможно было бы атаковать неприятеля, меня командировали в Юрьев по хозяйственным делам. Там царил беспокойство; поносились тревожные слухи о занятии красными Валка и Нарвы и скором падении Юрьева.

19-го числа отряд выдерживал в продолжение всего дня натиск красных в районе имения Альт-Кустгоф. К вечеру под давлением многочисленного неприятеля, наши принуждены были отступить на Феллин. Я чуть-чуть не застрял в Юрьеве и только случайно, узнав от одной знакомой о приближении красных к соседнему городу, поспешил к месту стоянки продовольственного отряда. Опоздай я на полчаса, пришлось бы мне отступить в единственном числе, что было бы весьма рискованным, т.к. обыкновенно я шикогда не носил с собой револьвера, а шашка в пешем строю оружие далеко не первоклассное. Когда мы отошли верст 5 от города, Пермыкину, командовавшему обозом, пришла в голову странная фантазия сформировать за чем-то штаб обоза. Начальником штаба был назначен поручик Ефремов; его адъютантом я. Впрочем, что послужило мне на пользу: всю дорогу Пер-

мыкин прямо-таки отечески заботился о моем питании и удобном ночлеге. К обозу пристало много офицеров из «числящихся, состоящих и прикомандированных» чуть что не к свежему воздуху – публика этого сорта и впоследствии наводняла собой прифронтовые города, а также и глубокий тыл, вместо того, чтобы подумать о более активной борьбе с красным пожаром, чем шатание по улицам городов и многочасовое сидение в многочисленных кафе Ревеля.

Из Юрьева мы пошли прямо на Запад, мимо Северного берега оз. Вири-Ярв, затем взяли на Север, затем - на Юго-Запад к Феллину. Остановились за два часа до Рождества в доме управляющего имением Тустенгоф около 10 верст на Феллины, где отпраздновали Рождество и куда в последних числах месяца пришел весь отряд. Я снова присоединился к своей батарее и 30 декабря вместе с ней погрузился в эшелон, тогда как конница двинулась по направлению к Ревелю походным порядком. Когда мы грузились в Феллин эстонцы, боясь нападения с нашей стороны, на два стога полугнилой соломы, стоявших у вокзала, выставили пулемет. Солдатам нашим такое преувеличенное внимание со стороны союзников пришлось весьма не по вкусу. Протесты в довольно красноречивой форме с упоминанием родословного дерева ретивых пулеметчиков, в связи с внушительным видом наших молодцов, заставило испариться непрошенных опекунов.

31-го числа в 2 часа ночи мы выгрузились в 50 верстах от Ревеля на маленькой станции Хермет и расположились в 2-х верстах от имения баронов Энифер-де-Сукаптоп. Замок имения Вальдау был сожжен в несчастном 1905 году, и мы поселились в доме управляющего. Отсюда было решено защищать подступы к Ревелю. Положение в те дни было одним из отчаяннейших. Однако, отряд наш не падал духом, решив победить или лечь костями, т.к., по выражению «батяки» Булак-Балаховича в нашем распоряжении оставался маленький клочок суши и безграничное пространство не замерзшего моря. Нарва, Юрьев, Валк и Рига были в руках красных, остановившихся неподалеку от Феллина и Пернова. Появления их под Ревелем ожидали со дня на день; англичане, обещавшие отстаивать Ревель, «распустили паруса» и решили «подышать воздухом отдаленных мест».

Я посетил в описываемое время Ревель. Там царил пир во время чумы. В ожидании пашествия красной орды, в возможности чего никто не сомневался, и военные и штатские спешили

вкусно поесть, поьянствовать и поразвратничать.

Наши ужины и банкеты ни в чем не уступали вечерам блаженной памяти паны Александры Борджиа. Было сумбурное, но веселое и острое время.

Около середины января 1919 года сформировались кое-какие эстонские отряды, из которых особенно хвалили отряд, сформированный из учащихся. Кроме того, на помощь нам прибыли финны и, кажется даже, какой-то шведский отряд (я не помню точно время его появления, но впоследствии встретил шведов под Печерами). Бои возобновлялись с уроном для красных, которые принуждены были очистить Юрьев, Нарву и Валк. Вследствие того, что в районе Валка еще кочевали неприятельские части, туда были брошены боеспособные части Белой Армии, состоявшие из отрядов Талабского, Георгиевского и Балаховича. Последующие бои на т.наз. Валкском фронте разыгрались в треугольнике, образуемом с Севера оз. Вири-Ярв, с Запада линией ж.д. на Пернов и с Востока линией на Юрьев. Вершиной этого треугольника был Валк. Итак, 18 января мы после примерно 18-часовой езды по узкоколейке, выгрузились на ст. Халлисте, южнее Феллина, и стали в имении «Малый Ээкиоль», западнее оз. Вири-Ярв; на следующий день после 33-верстного перехода остановились в имении Керстенгоф, откуда 20-го числа перешли в Лаценгоф, разграбленное, впрочем, как и все, почти, имение в 10 верстах от предыдущего.

21-го утром был отдан приказ занять имение Хельмет, верстах в 7-ми, и стать к югу от Лаценгофа. Моя батарея пришла на позицию в 9 ч., тогда как пехота пожаловала почему-то около 12-ти. Орудия стояли на совершенно открытой позиции на возвышенности и, вероятно, остались незамеченными противником, не выставившим сторожевого охранения. Впереди нас на 1? версты расстилалась покрытая снегом низина. Хельмет, лежащий на возвышенности, был виден, как на ладони. Когда-то здесь, почти четыре века тому назад, войска Ивана Грозного сражались против рыцарей и разрушили замок, развалины которого и теперь возвышаются черной грудой, почти рядом с имением. В полдень снова раздались в этом историческом месте выстрелы русских орудий, и наша пехота двинулась по направлению развалин той самой дорогой, которая вела в былые времена из Москвы в Ливонию. Кавалерия выступила с левого фланга и устроила засаду в лесу, где предполагался путь отступления красных. К заходу солнца Хельмет был взят, од-

нако, вечером наши войска неожиданным контратакой противника были выбиты оттуда. Нападение было столь внезапным, что несколько солдат, не имея возможности выбраться на дорогу, спрятались в развалинах замка, где на следующий день встретились со своими частями. На утро бой возобновился; имение было взято, и Талабцы с Георгиевцами продержались в нем два дня. Большевики отступили в Валкском направлении, верст на 15 южнее Хельмета.

23-го января батарея, пройдя Хельмет, стала на позицию против Коркюля, занятого штабом противника. После нескольких орудийных выстрелов наша кошица выбила из имения красных; в качестве добычи нам достались походная кухня, патроны и т.п. В то время, как я вел обстрел, к нам со стороны Хельмета в качестве подкрепления выступил Эстонский отряд, который мы чуть было не встретили «на картечь», т.к. приняли его за красноармейцев. Ошибиться было тем более легко, что в районе, описываемых мною действий, кое-где бродили отступавшие части противника. Вечером, возвращаясь на ночлег в Лаценгоф, встретили какого-то штатского, который, приняв нас за большевиков, поинтересовался узнать о стоянке штаба Китайского батальона. Этот господин настолько тронул нас своей любознательностью, что возбудил в нас желание познакомиться с ним поближе. По документам, найденным у него, он оказался красным шпионом. Самое же любопытное было в том, что наш повый знакомый был уже взят нами в плен под Юрьевом, где проявлял большую любознательность о численности и составе отряда Балаховича. В тот раз судьба помиловала его, дав возможность улизнуть, на этот же раз мы помешали ему свидеться со штабом Китайского батальона, при помощи веревки приблизив его аршина на два к небу.

К утру следующего дня, 25 января, большевики оправались и подошли довольно близко к Лаценгофу. На этот раз они подвезли свою артиллерию. Моя батарея стояла на неудобной позиции, однако, покинула ее в самый последний момент, когда уже выяснилось, что наша пехота начала отступление. Отошли в Керстенгоф, где уже почевали 20 января. Весь следующий день артиллерийским огнем, поддерживаемым кошицей и пехотой, отесняли неприятеля, к вечеру отошедшего на Восток, к имению Морзель. По-видимому, большевики стягивали силы и вели лишь отступательные бои, т.к. при несколько большей активности с их стороны было бы совсем не так

трудно, если не окончательно разбить нас, то, по крайней мере, загнать снова под Ревель.

Часов около 12-ти 27 января мы достигли красных у мельницы имения Морзель, и разгорелся жестокий бой, окончившийся для нас весьма неблагоприятно: разорвавшейся в воздухе, без всякой видимой причины, гранатой из нашего же орудия были ранены пять человек из офицерского стрелкового полу-эскадрона. Кроме этих и других убитых и раненых, был ранен в ногу с переломом кости командир Георгиевского полка полковник Микоша. Вечер положил конец бою, и мы отошли в имение бар. Крюденера Альт-Суслен. За ночь выяснилось, что красные отступают по направлению к Чудскому озеру, и на следующее утро в 9 часов мы двинулись по тому же направлению. Вечером стали на каком-то хуторе на берегу р. Эмбаха, а на завтра через ст. Бокенгоф пришли на хутор Ютти. Все эти дни конница вела деятельную разведку и допесениями подтверждала отступление красных к озеру.

До 3 часов дня 30 января через местечко Нустаго мы пришли в живописно расположенное среди озер и покрытых лесом возвышенностей имение ф. Рота «Бремсгоф». После почти полуторамесячного сна на полу, приятно было улечься в хорошую кровать, постланную чистым бельем, выпить настоящего чаю с сахаром и покурить хороших русских папирос, которыми снабдила нас экономка, типичная представительница прислуги старинного дворянского гнезда. Благодаря тому, что имение лежало в стороне от дороги, оно не подверглось разграблению со стороны красных, и я приложил все старания, чтобы и мои солдаты не подносили себе в нем подарков «от благодарного населения». Это мне почти удалось: потерпел лишь некоторое опустошение альбом с фотографиями родных и знакомых фон Рота, и через несколько дней мои солдатмены показывали мне портреты «своих» невест, отцов, матерей и дядей, извлеченных из педра альбома.

1-го февраля мы покинули гостеприимный дом, окруженный вековыми елями, и после 27-верстного перехода започевали на хуторе Альт-Воре. Через день прошли 38 верст и в половине 2-го почти 4-го февраля остановились на хуторе Сикка, недалеко от имения Разип, откуда на пятый день выступили к Чудскому озеру. Шли по какой-то ужасной узкой лесной дороге, с одной стороны которой лежала канава, глубиной в рост человека; с другой стороны тянулись телеграфные столбы. Была гололедица, от чего наши орудия то скатывались в канаву, то цеплялись ко-

лесами за телеграфные столбы, которые до того подгнили, что от соприкосновения с колесами ломались, как спички. Таким образом, свалив по дороге 20 столбов, прошли в течение 11 часов 15 верст и в 1 час почти расположились в дер. Параналло в близком соседстве с Чудским озером. Не успели мы выспаться после такого утомительного перехода, как в 4 часа утра были вызваны поддержать артиллерийским огнем Талабский отряд, готовившийся на рассвете атаковать остров Пирисар. Около 8 часов утра батарея стала на позицию немного севернее дер. Сакса на берегу озера, откуда очень ясно был виден Пирисар. Остров занимало 150 красноармейцев и 20 матросов, и ввиду того, что первые вынесли резолюцию об отступлении без боя, Пирисар после обеда того же 10 февраля был взят Талабским отрядом почти без выстрела.

14-го числа в половине 12-го дня мы выступили из Параналло и в 4 часа стали в имении фон Штрика «Кика» в двух верстах от Мехикорма, лежащего на берегу пролива, соединяющего Чудское и Псковское озера. Пролив у Мехикорма шириною не более версты являлся для нас, с одной стороны, слабым местом, где вернее всего можно было ожидать переправы большевиков, с другой стороны, представлял удобства для наших набегов на советский берег.

В ту же ночь отряд Балаховича ходил в набег на озеро, но заблудившись каким-то образом, вернулся ни с чем. Потом набегги сделались более удачными. В начале марта большевики решили последовать нашему примеру; правда, от столкновения с нашими частями они уклонялись, зато грабили эстонские хутора. 5-го марта утром красная артиллерия обстреляла Мехикорм и выбила оттуда сперва эстонскую роту, а немного спустя и наш стрелковый эскадрон, к слову сказать, состоявший человек из двадцати. Вскоре и мы открыли огонь, сначала из дер. Аррава, где были расквартированы, затем с позиции у хутора Пето-Сузис на разветвлении дорог Мекс-Кика. Вскоре наша пулеметная команда, офицерский эскадрон и взвод конницы были выбиты из Мекса, находившегося на правом фланге. Мы перенесли огонь батареи на Мекс. В это время большевики, решив окружить нас, начали обходить под прикрытием леса правый фланг; но были отбиты конницей. После этого батарея отошла версты на две и, став на большой дороге, до вечера обстреливала район расположения противника, тогда как конница и стрелковый эскадрон отражали атаки красных.

6-го числа бой возобновился; нас поддерживала пришедшая накануне

пехота в количестве 130 человек. Вели оборонительный бой, т.к. ожидали прихода Талабского отряда.

7-го марта наше пехотное подкрепление к вечеру почти заняло Мекс, но большевики открыли нашу Ахиллесову пятую – левый фланг, и заняли дер. Рихтемец и Параналло, вследствие чего пришлось снова отступить. К 10 часам вечера долгожданные Талабцы взяли Параналло, и к концу ночи берег озера был очищен от красных. После этого большевики притихли, и мы, включительно по 18 марта, после сторожевое охранение берега. 19-го батарея ушла на отдых в Юрьев, конница же стала под городом на берегу Эмбаха в Луис, бывшем имении фельдмаршала графа Миинха. В Юрьеве нас ждал очень неприятный сюрприз: в то время, когда выяснилась относительная безопасность Эстонии, в нее отовсюду стали стекаться прятавшиеся в укромных местах высшие чины, для которых начали переформировывать добровольческие отряды в полки и дивизии, чтобы «вверить им командование частями по чину и положению». Последствием такой политики было то, что наш отряд просто переименовали в «Конный полк Атамана Булак-Балаховича». Батьку Балаховича назначили инспектором кавалерии (!), т.е. попросту деликатным образом отстранили от дел, чем очень сыграли в руку большевикам. Командиром полка был назначен брат Батьки Юзик Балахович, далеко не такой талантливый командир, как старший брат, одним своим видом очаровывавший солдат и немногими простыми и сердечными словами заставлявший забывать усталость и тяжесть походов.

Мне приходилось неоднократно читать описание старшего Балаховича, в которых его пытались обрисовать каким-то извергом, палачом и грабителем; на деле же это был великодушнейшей души человек. Большим его несчастьем, правда, было то, что вокруг него терлось несколько темных личностей, обделывавших так ловко грязные делишки, что надо было быть не военным, а сыщиком, чтобы раскрывать разные злоупотребления. Кроме отрешения Батьки от должности командующего отрядом, им же сформированным и приведенным из Совдепии в Белую Армию, решено было нашу конную батарею придать к Псковской артиллерии. Дело в том, что был в этой части некто подполковник Смирнов, которому необычайно хотелось стать командиром дивизиона. В его распоряжении находилась всего одна батарея, и для сформирования дивизиона, во что бы то ни стало, надо было пойти вторую. И вот у этого господина «глаза

и зубы разгорелись» на нашу батарею, по тем временам общей разрухи, обладавшей хорошим конским составом и лихими солдатами – типичными партизанами, исполнявшими свое дело на фронте не за страх, а за совесть. Однако, моему командиру удалось обуздать притязания зарвавшегося подполковника, и батарея по-прежнему продолжала оставаться и по названию, и по духу конной батареей Атамана Булак-Балаховича. Если бы нас насильно попытались подчинить Псковской артиллерии, мы всем составом перешли бы в Конный полк. Высшее командование, считаясь с нашим настроением, прибегло к дипломатическому трюку: конный полк был отправлен под Нарву, батарея же – на Печерский фронт, куда мы прибыли 5-го апреля и где без нас было уже достаточно артиллерии.

Район военных действий ограничивался юго-западным берегом Псковского озера, линией жд. Валк-Псков и рекой Пимжей. Наш Волынский полк занимал позицию перед дер. Иваново Болото, которую мы ежедневно обстреливали. И на этом фронте мы выбрали позицию для батареи почти под носом противника, тогда как Псковская артиллерия, держась уступа «яко слепой стези», прохладялась на позициях, удаленных на довольно почтительном расстоянии от неприятеля. Несмотря на нашу деятельность, нас в смысле продовольствия и фуража держали в «черном теле», желая, очевидно, таким образом заставить смириться и подчиниться прихоти подполковника Смирнова. Наступившая распутица и разливы рек прекратили всякую активность на фронте, где и люди, и лошади голодали, и куда мы были двинуты совершенно бессмысленным приказанием. Наконец, в Страстную субботу 19-го апреля мы погрузились на ст. Печерен; в 10 часов вечера, облегченно вздохнув, отъехали и 21-го в 9 часов вечера прибыли в Нарву.

В это время добровольческие отряды полным карьером переформировывали в регулярную армию, и канцелярщина расцветала повсюду с быстротой сорного растения. Чтобы не показаться в данном случае голословным, приведу маленький пример: узнав на следующий по прибытии день, что продовольственный склад находится под Нарвой, я послал каптенармуса за продовольствием, однако, последний вернулся ни с чем, т.к. по моему совершенно официальному с приложением батарейной печати требованию продукты не были отпущены; по новым правилам я должен был представить требование по «форме № 2», известие о чем вместо хлеба привез мой каптенармус. Т.к. Балаховичем обращалось главное внима-

ние на боеспособность офицера, то естественно, что никто из нас даже и не слышал о всех закорючках интендантских канцелярий и потому не готовился к писарским обязанностям. На следующий день, в штабе корпуса я узнал о таинственной «форме № 2». И т.к. поезд уходил из Нарвы до начала занятий в штабе, то за продуктами пришлось послать еще через день, и, наконец, в 9 часов вечера 25-го апреля мы получили возможность поужинать прозаически хлебом и мясом, вместо воздуха и любви, которыми буквально-таки питались в последние дни.

О готовящемся наступлении на Петроград мало кто знал, и потому у многих возникал вопрос: «Что же дальше?» Я, хотя слышал различные разговоры о возможности большого наступления, однако, отнес их к области фантазии, которая, кстати сказать, в те времена очень часто разыгрывалась у людей под влиянием кокаина. Я неоднократно замечал, что, если армия долгое время не наступает, то она или начинает отступать или разваливаться. Чтобы поправить настроение, я воспользовался случаем и около 10-го мая поехал в Ревель за жалованием для батареи.

Попав в Ревель, я по обыкновению повел «великосветский рассеянный», как говорили у нас, образ жизни и совершенно не торопился с исполнением возложенного на меня поручения. Общество, в котором я проводил веселые дни, меньше всего интересовалось военными действиями, и я как-то случайно узнал, что переход белой армии на советскую территорию не простой набег, как я было подумал, прочтя экстренную телеграмму. В миг были получены деньги, забыты «почные лобзания», и я на всех парах устремился в Нарву, куда прибыл вечером 15-го мая. Пароходное сообщение между Нарвой и фронтом поддерживалось очень нерегулярно, и потому пришлось потерпеть еще день и отплыть лишь 17-го в 8 утра. В 5 часов вечера пароход пристал у дер. «Омут», где я узнал, что на следующий день пойдет в Глов другой пароход от дер. «Скарятинна гора». Т.к. в поход я отправлялся всегда налегке, то ничего не было легче, как пройти 6 верст, разделявших обе деревни, и 18-го мая в 5 часов вечера я был уже в древнем русском городе Глов, где от средневековья еще сохранилась часть крепостной стены.

Преследование большевистских банд было в полном разгаре, и мне предстояла довольно трудная задача отыскать на фронте мою часть. 20-го утром поступило донесение от конного полка, из которого выяснилось, где находится моя батарея. Ни минуты не медля, я покинул Глов. Меня сопро-

вождал пленный китаец, которого Балахович-старший послал в подарок моему командиру. История этого китаец довольно занятна: он попал в плен под Гдовом, где, по его словам, находился на службе у какого-то помещика. Заявление это показалось невероятным, и китаец был приговорен к расстрелу. Когда его вели на расстрел, он, глядя на Балаховича, засмеялся и очень простоушно заметил, что совершенно бесцельно убивать человека, у которого нет сапог и порваны штаны. Такой философский взгляд на положение вещей очень понравился Батьке и его солдатам, которые упросили Атамана пощадить китаец. Имя у него было настолько мудреное и неудобопроизносимое для русского языка, что солдаты окрестили его попросту «Егор Иваныч». Егор Иваныч оказался очень храбрым солдатом и впоследствии был даже награжден Георгиевским крестом.

Итак мы почти с фельдъегерской быстротой неслись на подводе по шоссе параллельно Гловскому озеру. Трехцветные флаги на домах, лежавших на пути деревень, создавали праздничное и радостное настроение. Наконец, попала какая-то деревня, из которой, по словам ее обитателей, красные были выбиты часа два назад; я переменил подводу, и снова началась скачка за соперничавшими в быстроте передвижения белыми и красными частями. Часа к семи вечера я наткнулся, наконец, на батарею Балтийского полка, почти сплошь состоявшего из представителей Эстляндских помещиков. Батарея обстреливала деревню Ямок неподалеку от станции Ям, и через каких-нибудь полчаса немцы освободили деревню от красных. Т.к. уже вечерело, балтийцы уговорили меня перепочевать у них, ввиду того, что местность еще не вполне была очищена от неприятельских банд. На утро я нашел 2-ой взвод батареи в 2-х верстах от моей почивки в дер. Пески; 1-й же взвод батареи с конным полком в то время где-то преследовал красных. Для облегчения «фуражного вопроса», мы 22-го перешли в мызу Рычково в полутора верстах от Песков; оттуда 23-го вечером в 8 часов выступили на дер. Ручьи, где стояла застава конного полка. Шли лесом, переговариваясь шепотом и не куря, т.к. часть леса между Ручьями и Рычково была занята противником. На следующий день через деревни Калашниково и Дуброво, нигде не останавливаясь, к 2-м часам дня пришли в дер. Горончарово, куда 21-го пришли 1-й эскадрон конного полка и 1-й взвод моей батареи. В тот же день был освобожден Псков, и 27-го мая мы вступили по направлению к Луге для того, чтобы,

захватив ее, держать ж.д. линию Луга-Псков в своих руках. Пройдя имение Низы и дер. Сербино и Алексиню, в 8 часов вечера стали в Погосте Лядском (Ляды), где соединились со 2-м эскадроном конного полка. 28-го выступили в 11 часов утра и к вечеру, не приходя в соприкосновение с неприятелем, пришли в дер. Заозерье. В 1 час ночи выступили и, пройдя 3 версты, в 4 1/2 часа утра открыли огонь прямой наводкой по дер. Заполье, примерно в 1 версте от нас. Красные в один миг очистили Заполье. В то же самое время на правом фланге сотник нашего полка Назаренко разгромил у дер. Репеск красноармейский батальон, взял 3 действующих пулемета, много патронов и красное знамя из великолепного полотна. Знамя было разрезано на кусочки, из которых заботливые руки встречавшихся нам на стоянках женщины шили кисеты для табаку «на память».

По взятии Заполья, не теряя времени, двинулись на дер. Стаи, где находился большевицкий штаб. Несмотря на быстроту перехода, штаб, кем-то предупрежденный, бежал и сжег небольшой мостик через реку Вердогу, которую по причине вязкости берегов не могла перейти артиллерия, чем наступление было приостановлено. В здании, которое занимал штаб, нашли целую кипу порнографических карточек и портреты большевицких главней вместе с Карлом Марксом, этим первоисточником завиральных идей, приведших Россию к разрухе. Вряд ли надо добавлять, что карточки были взяты солдатами, портреты же, отпечатанные на хорошей бумаге, послужили опять-таки солдатам на удовлетворение самых прозаических потребностей. 30-го утром мост был отстроен заново, и мы перешли реки Вердогу и Желчу. Пройдя 9 верст и остановились у мельницы Тростянки, откуда нами было послано несколько надежных лиц в Лугу в качестве шпионов и агитаторов. После обеда снова выступили: впереди конница, за ней батарея, в конце колонны на подводах стрелковый эскадрон и обоз. Разъезд, посланный вперед, замешкался на каком-то хуторе и в 8-ми верстах от мельницы у стекольного завода, иначе Темные ворота, оказался только чуть впереди головы колонны.

Внезапно со стороны Темных ворот раздались выстрелы, перешедшие вскоре в сплошную трескотню винтовок и пулеметов, которая усилилась благодаря эху и произвела до того удручающее впечатление на наших мужиков подводчиков, везших снаряды и винтовочные патроны, что несчастные с перекошенными от ужаса лицами понеслись полным карьером, кто куда. И смех, и грех. Чтобы произвести впечат-

ление на красную засаду, мы дали 10 орудийных выстрелов, но благодаря бегству подводчиков, обнаружился недостаток ружейных патронов, а также обход большим количеством красных нашего правого фланга. Отстреливаясь, мы потянулись обратно, и к 9 часам вечера вернулись в Стаи. Первоначально потери казались огромными, однако, на следующий день многие, считавшиеся погибшими, вернулись после почевки в лесу, где заблудились при отступлении. В общем, если не считать убитых батарейных вахмистра и разведчика, потерь почти не было. 31-го было получено новое приказание, в результате чего 2 взвода конницы с пулеметным и 1-ым конно-артиллерийским взводами выдвинулись из полка и, отойдя 3 версты от Стай, расположились в дер. Бори, откуда предполагалось двинуться на Плюссу. Остальные наши силы пошли на ст. Струги Белая, которую и заняли во время наших бесплодных попыток овладеть ст. Плюсса.

9-го июня утром выступили на Струги; по дороге выбили артиллерийским огнем красных из деревни Хмер и часам к 7-ми вечера присоединились на ст. Струги Белая к группе Конного полка, занявшей дня два тому назад станцию. За четыре месяца Струги переходили из рук в руки 12 раз и под конец имели весьма унылый вид, но во время нашего первого прихода это был цветущий и многолюдный уголок.

Красные сосредоточились верстах в 10 юго-западнее Струги в деревнях Новоселье и Лудоня на шоссе Псков-Луга. Конный полк с батареей занимал деревни Захонье, Коневницы и Заборовье. Левее, т.е. к северу, стоял Георгиевский полк. Тут, выжидая развития наступления на Петроградском фронте и охраняя линию жел. дороги на Псков, мы предпринимали небольшие набег и, поскольку возможно, всякими способами досаждали большевикам. Наступило 12-го июля. Большевики взяли мызу Букину на нашем левом фланге и дер. Пашково на дороге между Лудоней и Заборовьем. Часов в 10 утра красные чуть-чуть не взяли Заборовье, где я находился на наблюдательном пункте; однако, «ураганым» огнем, какой только можно было развить двумя орудиями, я не допустил занятия деревни, откуда шла прямая дорога на Струги Белые. К обеду Георгиевский полк начал отступать, обнажив, таким образом, левый фланг и этим заставив нас отойти в Струги, не представлявшие из себя удобной оборонительной позиции. По этой причине мы отступили к Погосту Щирскому; батарея стала на возвышенности у дер. Выборово в 1,5 версте от Погоста. 13-го вечером наступавшие на

Щир красные были отбиты, но в ночь на 14 июля Георгиевский полк снова очистил левый фланг, благодаря чему в два часа ночи Конный полк отступил в дер. Сквородка, а батарея выбрала позицию в дер. Миложа в 1 версте от полка. На этих позициях с 15-00 по 18-00 июля красные почти непрерывно вели наступления, каждый раз отражаемые нами с большими потерями для неприятеля. По словам крестьян, большевики возами отправляли своих убитых в Струги. Я выбрал очень хороший наблюдательный пункт в имении Сквородка, в результате чего подбил одно неприятельское орудие, которое до этого яростно обстреливало имение. Я думаю, мы перешли бы в контр наступление, если бы 19-го июля Георгиевский полк опять не оставил занимаемой воле дер. Вязки позиции. Пришлось и нам отступить, т.к. с уходом Георгиевцев создавалась угроза левому флангу Конного полка.

В это время большевики двинули на Псковское шоссе значительные силы, и надо было, замаскировав наш плац, нанести им неожиданный удар. С этой целью мы двинулись на Запад через дер. Эндапа, имение Озеро и дер. Дуброшкино, откуда Балахович послал меня на ст. Ям, чтобы связаться с Гдовом и выяснить общее положение. 22-го в Погосте Белом я нагнал мою часть, с которой на следующее утро выступил к ст. Молоди, где нами был обстрелян неприятельский бронепоезд. 24-го пересекли железнодорожное полотно и у деревни Ротный Двор вышли на Псковское шоссе, где атаковали большевиков, засевших в имении Гора. Имение это в самом деле лежало на горе и было укреплено окопами и колючей проволокой. Человек двадцать из Конного полка зашли большевикам в тыл и до того их напугали, что храбрые волки, забыв о доблести, проявляемой ими, главным образом, в застенках ЧК, бежали в паническом ужасе, оставив много убитых, оружие и патроны. С нашей стороны потерь не было. После взятия «Горы» наступление пошло на Восток по шоссе, и вскоре была взята дер. Цапелка, откуда мы обстреливали и слегка подбили броневой автомобиль; к сожалению, ему все же удалось уйти.

25-го выступили из Цапелки в Порховском направлении и к 4 часам через Жабенец пришли в Алексеевку. Ввиду того, что за последнее время телефонограммы, отсылаемые нами в Псков, а также получаемые нами через ст. Новоселье, безбожно перевернулись солдатами-телефонистами, я был вечером того же дня командирован в Новоселье для контроля особо важных телефонограмм и секретных донесений. Бои на Порховском фронте велись

ожесточенные, однако, взять Порхова не удалось и, как мне кажется, главным образом, из-за несогласованности действий командиров отдельных частей.

14-го августа моя миссия была закончена; на следующий день я вернулся на батарею в дер. Загоска. В это время план занятия Порхова был оставлен, ввиду того, что красные войска очень решительно двинулись на Псков. Главнейшей задачей поэтому было, елико возможно, мешать этому положению, что весьма успешно выполнялось нами в районе деревень Загоска, Кляново, Путилово и т.д. Т.к. этот район был обеспечен довольно значительными силами артиллерии и появилось опасение захвата красными ж.д. линии Луга-Псков, моя батарея была отправлена в район ст. Новоселье. Два дня мы простояли в дер. Липно в 1 версте от станции; 20-го августа мы опять выступили навстречу красным, двигавшимся южнее Псковского шоссе и в 1 ч. ночи через Цапелку пришли в Алексеевку. К 7 ч. утра выяснилось, что наступление большевиков в этом районе лишь демонстрация; главные же силы противника продолжали катиться на Псков. Выступили в обратном направлении через ту же Цапелку и остановились в дер. Подборовка на шоссе в 20 верстах от Пскова. 24 августа опять был встречный бой южнее шоссе; были взяты несколько деревень (Савино и др.) вблизи реки Кеб. 25-го я с успехом обстрелял дер. Поддубье и исключительно огнем моей батареи вышиб красных, после чего Литовский полк «стремительным натиском» овладел деревней. Конный полк окружил отступавших большевиков и забрал штаб полка, состоявший сплошь из коммунистов, много лошадей и пулеметов. Нечего говорить о том, что весь штаб в полном составе был отправлен на «тот свет». Инициатива была вырвана из рук, и мы собирались развить наступление, как вдруг нас постигла страшная весть о падении Пскова. Как ни больно было прерывать так блестяще начатое наступление, пришлось отступить, чтобы не быть сдавленными с двух сторон. На почлег остановились в дер. Патрова. Когда проходили дер. Подборовье (дело было вечером), я вскочил на моей кобылке на высокий холм и последний раз взглянул на Псков, освещенный красным заревом пожара. Жутко было представить себе, что творилось в тот момент в этом несчастном городе, павшем жертвой интриг некоторых высших чинов армии против доблестного защитника города генерала «Батьки» Булак-Балаховича.

Чтобы читателю была ясна последняя фраза, необходимо вернуться немного назад. Как я уже упомянул,

«Батьке» после реформирования его отряда в полк был предоставлен пост «инспектора кавалерии», должность подходящая для человека честолюбивого и мало способного к командованию, например, хотя бы, для генерала Родзянко. Балахович, конечно, не желал и не мог удовлетвориться такой sinecurой и сформировал новый отряд, руководствуясь при формировании не столько изящной внешностью и знанием всевозможных канцелярских крючкотворств подчиненных, сколько их боевыми качествами. Все лето отряд грудью отстаивал Псков. Кроме того, у Балаховича была налажена связь со штабами красной армии, посредством чего ему заранее было известно, в каком районе большевики намеревались напасть на город. Тут-то и начался поход бездарности против несомненного воинского таланта Балаховича. «Моски» всевозможных величин и рангов стали лаять на слона. Посыпались обвинения в изготовлении фальшивых керенок и в казнях через повешение на фонарях города Пскова. И Родзянко, и Юденич, и Ваидам, обеспечивавшие свои 5-ти рублевки «всем достоянием Псковской области», печатали свои деньги, бывшие, в сущности говоря, несколько не лучшими «Псковских керенок», которые изготовлялись для подкупа шпионов. Только ничтожное количество этих «фальшивок» попало в обращение, да и то вреда абсолютно никому не принесло (о них см. статью Р.В. Полчанникова «Денежные знаки на Северо-Западе России» - прим. сост.).

Второе обвинение – такой же детский лепет, как и первое: многие и сейчас еще с вытаращенными от негодования глазами повторяют о том, что, дескать, на фонарных столбах вешал. Этих людей возмущает не самый факт повешения, а по-видимому, то, что для казни употреблены были фонари, предназначенные в далекое счастливые времена освещать улицы города, и только здравомыслящий человек поймет, что в боевой обстановке, каковая царил тогда в Пскове, совершенно нелепо было бы строить специальную виселицу для нескольких десятков негодяев, попавшихся в шпионаже, грабеже и распространении паники и ложных слухов. Короче говоря, популярность Балаховича была бельмом на глазу одуревших и рассыпавшихся от дряхлости генералов. Штабной синедрион порешил, наконец, покопичить с отрядом Балаховича и на «усмирение» сравнительно небольшого его отряда выслал Конно-Егерский и Талабский полки, которые врасплох нападали на одиночных «Балаховцев» и обезоруживали последних. Вечный стыд на голову командира Талабского полка ге-

нерала Пермикина, который унизил свой доблестный полк исполнением полицейских обязанностей. Самого Балаховича не обезоружили и не арестовали, что могло бы привести к вооруженному вмешательству Конного полка и моей батареи; ему была «гарантирована» безопасность, но взято честное слово о невыезде из Пскова. Балахович очень хорошо знал цену гарантиям Родзянки и Ко и потому очень благоразумно нарушил насильно вырванное у него слово, уехав на Эстонскую территорию, куда не могли дотянуться руки штабной своры, ничем не брезговавшей для устранения негодных ей лиц.

Итак, наш «южный фронт» был ликвидирован. Войска стягивались в Гдовский район, откуда предполагалось развить наступление на Петроград, и 2-го сентября мы стали в селе Прибуш в 26 верстах от Гдова. Страдая последствиями контузии в голову, полученной мною еще в Германскую войну, я уехал в отпуск в Эстонию. То, что я увидел в тылу, могло привести в ужас всякого, кто серьезно относился к войне. Как грибы после дождя вырастили штабы без каких бы то ни было воинских частей, зато снабженные штабными контрразведками, комплектованными очень часто из людей очень сомнительной чистоты. Тыловики щеголяли в новом английском обмундировании, тогда как на фронте солдаты ходили грязными и обтрепанными. Некоторые полки изобрели сногшибательные формы, которые, правда, носили только в тылу и которые вызвали удивление и смех: например, я встретил в Нарве некоего полковника Т., по роду оружия пехотинца, одетого неизвестно для чего в расшитую по всем направлениям галунами черкесску и фуражку «желтых» кирасир. Коричневые сапоги со шпорами, офицерская шапка казенного образца и китель вместо бешмета дополняли это опереточное сочетание различных форм. И ко всему этому никто не верил в возможность успеха наступления на Петроград, все надеялись на игру «*va banque*» и торопились пожить по поговорке: «Хоть день, да мой».

29-го сентября я вернулся в Прибуш и узнал, что за время моего отсутствия Конный полк оперировал в районе Прибуша совместно с английскими танками. Танки эти представляли из себя старый хлам, и почти не было дня, чтобы не портился хотя бы один из них. Да и англичане шоферы не чувствовали особого пристрастия к боям и потому не удавалось ни разу развить настоящего длительного танкового наступления. 3-го октября нами были взяты Струги Белые, однако 4-го вечером были оставлены без боя из чисто

тактических соображений. Дело в том, что, когда захватили документы красной дивизии, разбитой нами под Стругами, выяснилось, что со ст. Молоди движется по направлению к Гдовскому шоссе 10-ая красноармейская дивизия и, таким образом, неприятель оказывался у нас в тылу.

И вот тут-то разыгрался период боев, который я до сих пор вспоминаю с удовольствием. Конный полк в то время состоял в прикомандировании к 4-ой пехотной дивизии, начальником которой был генерал-лейтенант кн. Долгоруков, руководствовавший Суворовским правилом: глазомер, быстрота и натиск, и не державшийся устава «яко сильной стены». Немедленно была выслана усиленная конная разведка в район ст. Молоди, и 6-го числа в 1 час ночи весь Конный полк выступил из дер. Зовка, где ожидал выяснения результатов разведки. В то же утро нанесли первый удар и рассеяли красных у деревни Мазовер и Остров; почевали в Большом Заполье. Весь следующий день прошел в мелких стычках, разведке и обстреле неприятельской артиллерии, стоявшей у дер. Жеребятино. Ночью большевики заняли дер. Остров, которую наши обошли и, перебив 75 красноармейцев, заняли. Чтобы сбить противника с толку, предпринято было обходное движение в тыл, и с этой целью мы, пройдя верст 20, напали на дер. Дуброшкино, где стоял штаб 10-ой дивизии и обозы. 1-й эскадрон Конного полка, занимая деревню, изрубил 25 большевиков. Наше нападение вызвало страшную панику, и обозы противника бросились враспыленную, кто куда. Главные части обоза были захвачены 3-им эскадроном. То, что успело разбежаться в лес, было тоже частью захвачено, частью перебито. Из Дуброшкина пошли на Жеребятино, где снова забрали обоз и артиллерийский взвод. 9-го ночью Дуброшкино снова было занято красными, но утром мы восстановили положение, взяв при этом Бурдидий и четыре тысячи снарядов. Преследуя красных, мы к вечеру того же дня пришли в Погост Гвоздянский.

Следующие два дня прошли в боях с остатками разбитой, отступавшей к югу 10-й дивизией. За эти все дни боев было взято нами, кроме обозов и орудий, около 200 пулеметов. Покончив с 10-ой дивизией, мы двинулись обратно к Стругам, и 14-го вечером стали в дер. Ждана, неподалеку от Гдавского шоссе. В 5 часов утра, 15-го открыли артиллерийский огонь из дер. Миложа по Сквородке. Ввиду того, что туман мешал наблюдать за результатами стрельбы, я пошел с телефоном и цепью Вознесенского полка в атаку, однако, стрелять больше мне не при-

шлось, т.к. красные поспешили очистить Сквородку. В 1 ч. дня Струги были уже в наших руках. 19-го ночью мы были выбиты; 20-го часов в 12 мы выбили противника из Погоста Щирского, и к 6 часам вечера взяли Струги. В тот день против нас со стороны красных были 89 и 90 полки, державшиеся, благодаря комиссарам, очень стойко.

21-го октября началось наше продвижение на Петроградском фронте, и с этой целью нами были очищены деревни Новоселье и Лудонь на Псковском шоссе. В последующие дни раза два чуть-чуть не столкнулись с большевиками, однако, последние каждый раз уклонялись от боя; торопясь поскорее попасть в Лугу, мы не преследовали их. 25-го вечером пришли в Лугу, откуда 27-го в 10 ч. 20 м. вечера выехали на поезде и на следующее утро прибыли в Гатчину. Конный полк оперировал в Красносельском направлении, батарея же пошла в направлении Царского села и стала на позицию в дер. Романово, в 5 верстах от города.

Много писалось о причинах неудачи наступления на Петроград, почему всегда сваливают вину то на Юденича, то на англичан. Безусловно, виноваты были многие в нашем поражении, но никто в своих записках не придает значения незначительности наших сил и безусловной талантливости красного командования, которое при нашем приближении к Петрограду поторопилось занять у нас в тылу Гдов. Не будь этих двух причин, глупость и халатность людей, вроде полковника Ветренко, не могли бы повлиять на успех наступления. Не помню, в чьих мемуарах о Северо-Западной армии, говорится о том, что надо было наступать через Новгородскую губернию, а не напрямик (мемуары ген. Родзянко — прим. сост.). Все равно, и это не помогло бы при малочисленности нашей армии. 2-го ноября Конному полку с батареей было предписано отойти в какой-то резерв: не то армии, не то штаба армии; и я понял, что дело проиграно.

5-го числа, когда мы, отойдя от Гатчины около 60 верст, остановились в имении возле дер. Большая Вруда, пришел приказ, подписанный ген. Глазенапом, об установлении полковых праздников, нагрудных знаков и формы, в которой требовалось установление единообразия. До сих пор не могу понять, каким образом мог прийти в голову генерала Глазенапа такой idiotский приказ, да еще в то время, когда яснее ясного было видно, что отступление началось, и мы движемся совершенно неизвестно куда, во всяком случае, не к победе, а к поражению. 7-го ноября мы пришли в Ямбург. Отступательный дух царил и там, и, хотя никто

прямо не затрагивал этого большого и ужасного вопроса, все ясно чувствовали поражение. 9-го прошли через Нарву и остановились в дер. Б. Жердянка, неподалеку от Наровы. Из Жердянки устраивали палеты на красных, пытавшихся подойти к Нарве. 19-го ноября 4-ая дивизия вместе с Конным полком сосредоточилась в районе дер. Долгая Нива и села Криуши к юго-западу от Б. Жердянки.

Обоз переправили на эстонскую территорию и стали официально ожидать благоприятного для наступления момента, а неофициально попросту дожидать последние дни. Настроенные войск, утомленных непрерывными боями, холодом и недоеданием, было подавленное, и, пользуясь этим, большевики повели решительное наступление огромными силами, и числа 9-го декабря мы были отброшены через Нарову на Эстонский берег. Как временно исполнявший обязанности адъютанта Конного полка, я с командиром полка провел дня два на хуторе, где был расположен штаб дивизии. Я видел, как писались приказы о контрнаступлении, и как никто не исполнял их потому, что каждому из нас слишком ясно был виден конец. Как ни тяжело было покидать своих солдат, с которыми я в течение 13-ти месяцев боролся против красной нечисти, я решил вернуться домой; правда, у меня не хватило сил сказать солдатам это и попрощаться с ними.

В заключение необходимо упомянуть о «Батьке» Балаховиче, который после оставления им Пскова снова собрал свой отряд. Когда Северо-Западная армия стала отступать, Балахович вошел в контакт с предполагавшейся Белорусской республикой и начал формировать Белорусский отряд, куда в последствие поступил почти весь состав Конного полка и Конной батареи. Когда выяснилось, что белорусская «самостийность» пустой звук, Батька, собрав большие силы, поступил в Польскую армию, где его доблесть неоднократно отмечалась в газетах и приказах по армии.

Благодаря тому, что в Польше Балахович не принял к себе различных штабных шаркунов, последние распространяли о нем массу самых нелепых и вздорных сплетен, подхваченных даже легковверными газетами, падавшими до сенсационных слухов. Уже давно перекованы наши «мечи в плуги», но мы, «Балаховцы», живем с надеждой когда-нибудь снова выступить в поход с нашим любимым и славным вождем.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-9, № 3.

Н. Малышев

БРОНЕВЫЕ ЧАСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ В 1919 г.

На всех фронтах Гражданской войны в России так называемые «технические части» играли достаточно большую роль. Бронированные поезда, автомобили и танки, появляясь на полях сражений, наводили панический ужас на пехотинцев и кавалеристов воюющих сторон – в большинстве своем недавних крестьян, многие из которых никогда не видели даже паровоза.

Вследствие известных причин, войска всех Белых армий никогда не были многочисленны. Поэтому использование «технических средств борьбы» белым командованием всегда придавалось особое значение. Не составляла исключение в этом плане и Северо-Западная армия.

Наиболее осуществимым в условиях острой нехватки техники, представлялось создание и использование броневых поездов. На базе железнодорожных вагонов и платформ удобнее и быстрее всего возможно было установить орудия и пулеметы, прикрыв их хотя бы импровизированной броней, и придав им таким образом необходимую подвижность и защиту.

К сожалению, отсутствие необходимых ресурсов в полосе армии не позволило добровольцам Северо-Западной армии (далее – СЗА) создать большое количество бронепоездов, образовав из них мощный ударный кулак подобный бронепоездным частям Вооруженных Сил Юга России.

В составе СЗА действовало 4 бронепоезда, отбитых у красных, либо построенных собственными силами. Они носили следующие имена:

«Адмирал Колчак», «Адмирал Эссен», «Талабчанин» и «Псковитянин».

В настоящее время до нас дошли лишь отрывочные сведения об их конструкции, вооружении и боевом пути. Из отдельных опубликованных мемуаров участников Белой борьбы на Северо-Западе известно, что белые бронепоезда с честью прошли тяжелый путь от Нарвы до предместий Петрограда и обратно, неизменно содействуя своим войскам огнем и маневром. Их команды состояли из добровольцев-офицеров и солдат тех частей, которыми бронепоезда были отбиты у большевиков (БП «Талабчанин» и БП «Псковитянин»); или из офицеров флота, построивших бронепоезда собственными силами.

Пример последнего мы находим в воспоминаниях командира батареи

2-го легкого артдивизиона полковника А.С. Гершельмана¹. Данный эпизод относится по времени к концу июня 1919 года. «В Волосово большое оживление ... Против платформы стоит только что созданный БП «Адмирал Эссен». Весь черный, с тремя орудиями и несколькими пулеметами, он производил внушительное и элегантное впечатление. Он был доморощенной конструкции, броня на нем отсутствовала и была заменена песком, насыпанным между двумя стенками. Благодаря моему близкому знакомству со старшим лейтенантом Качаловым, мне удалось подробно осмотреть броневик. Впереди находилась платформа с рельсами и шпалами для починки пути; эта же платформа предохраняла поезд от фугасов, т.к. первая попадала и взрывала фугас. Дальше платформа с 3-х дюймовым орудием, поставленным на деревянный полукруг, за ней вагон с вышкой для мелкокалиберного морского орудия, внутри вагона картечьница, перекачиваемая, в зависимости от цели на правую или левую стороны, потом пулеметный вагон, паровоз, и в хвосте снова вагон с пулеметами. Большинство офицеров и команды были моряки, почему и терминология у них была морская: вагон для еды и жилья – кают-компания, наблюдательная вышка командира – боевая рубка, правая и левая стороны поезда – борты. Поезду было много работы по охране Волосова от красных бронепоездов, пытавшихся обстрелять станцию и подошедших со стороны Гатчины и по Мшинской ветке.»

Так обстояло дело с бронепоездами, но Армии были необходимы и броневые автомобили – как сильное маневренное средство войны вне зоны железных дорог. Особенное значение приобретали бронемашини и потому, что в СЗА было ничтожное количество как «штыков» так и «сабель» - т.е. кавалерии. Ведь при том наступательном стиле ведения боевых действий, которого, вследствие своей небольшой численности, была вынуждена придерживаться СЗА, подвижность была одной из первостепенных задач.

Поскольку никаких производственных мощностей у белых не было, им оставалось только одно испытанное средство: взять у красных в бою необходимое вооружение.

Захватить броневый автомобиль, имея

лишь винтовки, было непростым делом. Тем не менее это случилось: 25 июля 1919 г. у деревни Килли (10 верст северо-восточнее Ямбурга) частями 5-й Ливенской дивизии у красных был захвачен один броневый автомобиль. По некоторым данным это был тяжелый БА типа «Гарфорд» Путиловского завода, вооруженный 3-х дюймовой противотанковой пушкой и 3 пулеметами «Максим». Плененная машина «Гроза белогвардейцев» была переименована в «Грозу». В этом бою русским частям помогали эстонцы, в рядах которых имелся БА «Эстония». Это была самодельная бронемашини, броневая защита которой была набрана из щитов от орудий и пулеметов.

Был в Северо-Западной армии еще один броневик – типа «Фиат-Ижорский», вооруженный 2 пулеметами «Максим» в башнях. Он попал к ливенцам после взятия Риги в мае 1919 г. Машина «Красная Латвия» (по другим данным – «Ленин») была переименована в «Россию» и также вошла в состав частей Светлейшего Князя А.П. Ливена.

На заключительном этапе борьбы, при отступлении от Петрограда появление броневика «Россия» и его участие в бою, позволило сильно потрепанному Волыньскому полку отбить у красных потерянную накануне позицию у дер. Луково, захватив пленных и пулеметы. Но как только бронемашини ушла в тыл, положение вновь изменилось в пользу красных... («Россия» стала фактически единственным бронесредством, защищавшим левый фланг наступавшей на Петроград Северо-Западной армии. Именно ему удалось дойти до Лигово и захватить вагон городского трамвая на его конечной остановке – прим. сост.)

Надежда белых солдат и офицеров на помощь союзников стала реальностью в конце лета 1919 г., когда из Англии в Ревель стали поступать аэропланы, обмундирование, артиллерия. 6 августа прибыли и первые 4 танка типа Mk.V, а через месяц еще 2. Все они были уже достаточно изношены на Западном фронте мировой войны, вследствие чего надежность их была крайне низкой даже для того времени. Как горько шутили северо-западники «их танки были первейшего типа – времен войны Филиппа Македонского». Тем не ме-

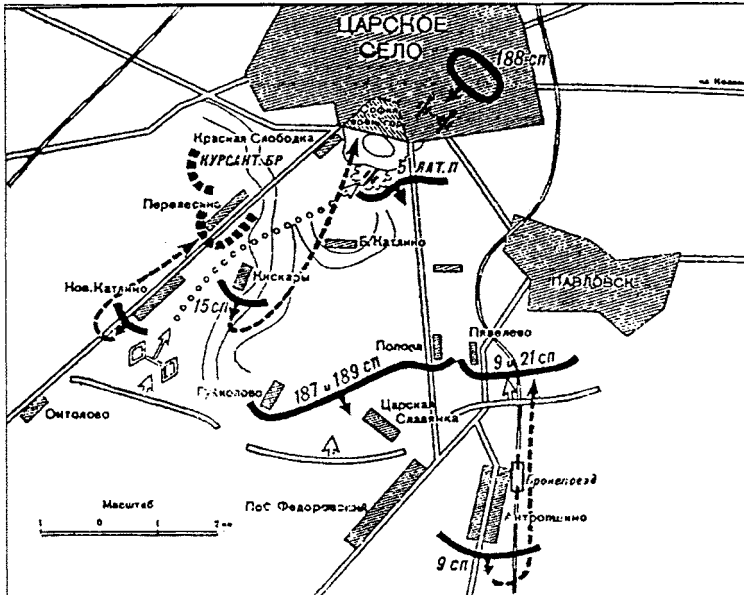
нее английские инструкторы под руководством майора Карсона начали обучение русских офицеров управлению танками. Кроме того был создан «танковый ударный батальон» – специальное пехотное подразделение для сопровождения танков в бою. Батальон состоял из 2 рот по 200 человек в каждой. Командовать батальоном был назначен полковник Хомутов, командиром же Танкового дивизиона стал капитан 1-го ранга Павел Оттонович Шишко – доблестный морской офицер, участник японской и прошедшей мировой войн. Осенью 1917 г. будучи командиром эсминца «Гавриил», встал во главе Ревельского морского Батальона смерти, с которым до последнего защищал от немцев Ориссарскую дамбу во время Моонзундской операции.²

В первых числах сентября танковый дивизион выступил на фронт. Дивизион имел в своем составе 6 тяжелых танков Mk.V. Все они имели собственные имена.

1. «Первая помощь» (по другим данным «Скорая помощь»),
2. «Белый солдат»,
3. «Бурый медведь»,
4. «Освобождение»,
5. «Доброволец»,
6. «Капитан Кроми» (в честь знаменитого британского подводника, воевавшего на Балтике и убитого большевиками при штурме английского посольства в 1918 г.).

Впервые белые танки пошли в бой 11 сентября 1919 г. южнее Гдова. Экипажи были смешанными, англо-русскими. В боях также принял участие и Танковый ударный батальон, игравший роль штурмового отряда. После двухнедельного участия в боях дивизион отвели в Нарву для ремонта матчасти и отдыха экипажей, условия работы которых можно смело признать адскими. Хотя три танка были подбиты в этих боях – дебют сочли удачным.

28 сентября 1919 г. наступлением частей 2-го корпуса 1-й и частично 3-й дивизий СЗА на лужско-стругобельском направлении началась первая фаза Петроградской операции, получившей кодовое название «Белый меч». В ней участвовало 8 тыс. штыков, 100 сабель при 24 орудиях и трех

Атака танковым дивизионом большевистских позиций у Царского Села и Павловска. 25 Октября 1919 г.

танках. ... В этот день полки 4-й дивизии князя Долгорукого при поддержке 2 танков перешли в наступление на Струги-Белые. Появление танков ошеломило красноармейцев и они оставили свои позиции. Однако в дальнейшем использование техники на этом участке из-за неудовлетворительного состояния дорог оказалось невозможным.³

11 октября 1919 г. в 7 часов утра СЗА повела общее наступление на г. Ямбург. В четырехчасовых боях за обладание Ямбургом принимали участие три танка: «Капитан Кроми», «Первая помощь» и «Бурый медведь». Далеко танки следовать не могли: отступившие красные взорвали мосты через реку Луга. Лишь 17 октября после наведения поновой переправы весь танковый дивизион по железной дороге был перебросен в освобожденное накануне Гатчино. С 19 по 25 октября танковый дивизион вновь участвовал в боях, содействуя наступающим на Царское Село войскам.

24 октября три танка Mk.V при поддержке пехоты и сильного огня белых батарей атаковали позиции красных у дер. Новое Катлино. Ведя орудийный и пулеметный огонь, танки медленно двигались на Царское Село. Две машины с интервалом около 200 м шли впереди и одна в 100 м за ними. Бригада красных курсантов, не выдержала танковой атаки, отошла под защиту своей артиллерии к дер. Перелесино, а 15-й стрелковый полк красных, занимавший позиции у дер. Киссары, бежал к Царскому Селу. У окраины Царского Села, остановленная мощным огнем красной артиллерии, атака захлебнулась. Укрытая в

роще у села Красная Слобода латышская батарея прямой наводкой открыла огонь по белым танкам. Был подбит танк «Белый Солдат», а за ним еще один. Третья машина сумела отойти за дер. Перелесино. Красные курсанты, перейдя в контратаку, после упорного сопротивления экипажей захватили оба подбитых танка. Позже добровольцы восстановили положение на этом участке и 25 октября эвакуировали подбитые танки в тыл.

Интересные подробности о боях с танками были обнаружены в советских источниках.

В книге «История латышских стрелков» так описывают бой с танками: «Вечером 25 октября против 5-го особого латышского полка командование белых бросило отборные части пехоты и 2 танка с намерением выбить полк из дер. Большое Кошелево. По сопровождающей пехоте был открыт ружейный и пулеметный огонь, а по танкам – артиллерийский. Первый танк, подбитый артиллерией, остановился, из него вылез водитель, чтобы починить машину, но меткая пуля стрелка сразила его. Второй танк под шквальным артиллерийским и пулеметным огнем повернул обратно. Помощник командира полка Б. Павар в своих воспоминаниях пишет: «Когда мы – командиры и группа бойцов во главе с командиром и комиссаром полка – приблизились к подбитому танку, то увидели, что у него подбиты гусеницы, увидели убитого водителя танка в английской форме. Этот первый подбитый танк рассеял распространившиеся среди воинов нашего и соседних полков слухи о неуязвимости танков вообще».

Подбитый латышскими стрелками белогвардейский танк приезжали смотреть представители Петроградского верховного командования. Его отправили в Петроград и выставили на одной из площадей города. Уцелевший белогвардейский танк с пехотой отошел к дер. Большое Катлино, находившейся недалеко от позиций 5-го латполка. Там танковый дивизион и Семеновский гвардейский полк начали готовиться к новому наступлению. 5-й полк вновь выбил из дер. Б. Катлино Семеновский полк с тремя танками. ...»⁴

Другой советский источник дает следующие подробности: «В конце октября 1919 г. особенного упорства бой достиг под дер. Оптолово. Белые обороняли северную окраину этой деревни. Когда наши части пошли в атаку, они бросили им во фланг танки. Медленно выползли из-за леса покрытые броней танки «Рикардо» и открыли огонь по нашей пехоте, стараясь выйти ей во фланг. Экипажи танков были из англичан. Белогвардейцы рассчитывали, что неожиданное появление танков внесет замешательство в ряды наших бойцов и даст возможность нанести им поражение. На деле получилось не так. Наши бойцы хорошо знали теперь, что танк страшен лишь для труса и паникера. Они теперь умели против него бороться. Увидя движение танка, курсанты бросились со связками гранат на передний из них, по названию «Бурый медведь». За ними последовали другие бойцы. Белые танки оказались атакованными нашей пехотой. И таков был порыв бойцов, так велика была их воля к победе, что танки отступили перед этим геройским натиском. ...»⁵

Следует добавить, что в этих же боях участвовали 2 (по другим данным – 3) французских танка «Рено» FT-17. Их с большим неудовольствием, и лишь благодаря давлению французов прислали финны. 17 октября «Рено» выгрузили в Ревельском порту, 20-го они своим ходом прибыли в Нарву, где были сформированы смешанные франко-русские экипажи под командованием французского лейтенанта Д'Арсье. К 23 октября пройдя своим ходом еще 130 км два «Рено» (называемые «Бебе») вступили в бой в составе ударной группы генерала Пермикина (состоящая из Талабского, Семеновского, Коппо-егерского и Булак-Балаховича полков, личной сотни генерала Родзянко, десантной роты и ударного танкового батальона). С их помощью был ликвидирован прорыв обходной группы красных на левом фланге СЗА, у дер. Кипень, а 31 октября отбита Ропша.

подавляющее численное превосходство красных, отсутствие в войсках боеприпасов и теплой одежды вынудили обескровленную СЗА к отступлению. Белые были вынуждены вывести в тыл свои танковые части. К началу ноября все танки были в Нарве, а к 18 ноября их перевезли в Ревель. Отступившие в Эстонию войска СЗА были расформированы и разоружены.

В январе 1920 г. англичане передали 2 Mk.V Латвии, 4 других остались у эстонцев, в армии которых они прослужили еще 20 лет. К 1940 г. эти крайне изношенные машины были списаны и хранились на складах. Но в июле 1941 г. при обороне частями РККА г. Таллинн (бывший Ревель) их отремонтировали, вооружив их пулеметами «Максим» и направив их в бой против наступающих на город немцев. На этот раз последний...

Финские же «Рено» 9 апреля 1920 г. отправили назад в Финляндию. Состояние их было плачевным и в 1921 г. финны в качестве компенсации получили от французов 2 новых танка.

Русские танкисты разделили судьбу всех чинов Северо-Западной армии. Их ждала эмиграция ...

Примечания:

¹Гершельман А.С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Т.1, М., 1997. С.56.

²Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С. Танки Гражданской войны. М., 1999.

³А.В.Смолин. Белое движение на Северо-Западе России. 1918-1920 гг. СПб: 1999. С. 354-355.

⁴История латышских стрелков (1915-1920), Рига, 1972. с.534-535.

⁵Караев Г.Н. Разгром Юденича в 1919 году. М., 1940. С.189-190.

Источники:

1. Куприн А. Купол Святого Исаакя Далматского. М., 1992.

2. Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С. Танки Гражданской войны. М., 1999.

3. Российский Государственный Военный Архив, г. Москва.

Приложение:

Список офицеров Отдельного батальона танков Северо-Западной армии по состоянию на декабрь 1919 г.

1. Шишко П.О., Капитан 1-го ранга, командир Отдельного батальона танков.

2. Бетхер, подполковник, помощник командира Отдельного батальона танков.

3. Быстроумов [Л.В.] ст.лейтенант, помощник командира Отдельного батальона танков.

4. Соболев, ст.лейтенант.

5. Вейгелин [Г.], ст.лейтенант, командир 1-й роты тяжелых танков Отдельного батальона танков.

6. Зиновьев, ротмистр, командир танка.

7. Голенищев-Кутузов [И.И.], ст.лейтенант, командир танка.

8. Копенхагов, ротмистр, начальник хозяйственной части.

9. Степапов, капитан, командир 2-й роты тяжелых танков Отдельного батальона танков.

10. Иванько, капитан.

11. Труслит, штабс-капитан.

12. Крыласов, штабс-капитан.

13. Глипка, штабс-капитан, командир легких танков Отдельного батальона танков.

14. Добровольский, штабс-капитан.

15. Ферман [О.О.], лейтенант, командир танка.

16. Васильев, поручик, командир танка.

17. Миклашевский, поручик, командир танка.

18. Долинский, поручик, командир танка.

19. Вукичевич-Сарап [Г.Д.], поручик, командир танка.

20. Туржанский, лейтенант.

21. Домогацкий, лейтенант.

22. Николаев, лейтенант.

23. Охонский, поручик

24. Мишанов, поручик, казначей.

25. Хребтов, поручик.

26. Топчиан, поручик.

27. Прокудин-Горский, поручик.

28. Лесгафт, мичман.

29. Сперанский, мичман.

30. Ромаповский, мичман.

31. Нагин, мичман.

32. Погодин, мичман.

33. Чистяков, мичман.

34. Шигаев, мичман.

35. Голиневич, мичман.

36. Менген [фон Альтенвога Н.Д.], граф, корнет

37. Меньшиков, подпоручик.

38. Лапин, поручик.

39. Лисицин, подпоручик.

40. Вейнберг, подпоручик.

41. Сольский, подпоручик.

42. Лукашевич, подпоручик.

43. Яковенко, прапорщик.

44. Шаров, прапорщик.

45. Утсаль, прапорщик.

46. Флориантский, прапорщик.

47. Семенов, прапорщик.

48. Егоров, инженер.

49. Лялько, инженер.

50. Мирвиц, коллежский регистратор.

51. Екжанов, коллежский регистратор.

52. Демидов, чиновник военного времени

53. Свяженинов, ст.гардемарин.

54. Ченцов, ст.гардемарин.

55. Страхов, ст.гардемарин.

56. Медведев, ст.гардемарин.

Список составлен по материалам РГВА, ф.40298, оп.1, Д. 67 и при участии д.и.н. С.В. Волкова.

Н. А. Боголюбов

ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН

МОРСКОЙ ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН АРМИИ ГЕНЕРАЛА ЮДЕНИЧА

В конце 1994 года я, как сотрудник Российского государственного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации, был приглашен на разбор прибывшего из Аргентины архива лейтенанта А. А. Штрома. Эти материалы были привезены из Буэнос-Айреса заместителем главного редактора журнала «Наше Наследие» Н. А. Кузнецовым. Он ездил туда за архивом генерала А. А. Алексеева, создателя Добровольческой армии. На приеме, устроенном потомками первых русских эмигрантов, Н. А. Кузнецов познакомился с дочерью лейтенанта А. А. Штрома, Анной Александровной. Ее отец Александр Александрович Штром в эмиграции много занимался историей Российского флота и оставил после себя небольшой архив. Именно эти материалы отдала Анна Александровна Н. А. Кузнецову с условием передачи их в Центральный Военно-морской музей в Санкт-Петербурге. В 1995 году, в канун празднования 300-летия Российского флота, ее просьба была выполнена. Разбирая архив, я обнаружил несколько десятков выпусков редчайшего «Бюллетеня Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке», выходившего в Нью-Йорке с 1934 по 1979 года. Из выпущенных 140 номеров, в России оказалось не более десятка. К примеру, в зале Российской государственной библиотеки не имеется ни одного экземпляра. В номере 119 за 15 августа 1969 года мое внимание привлекла статья мичмана Н. А. Боголюбова «Танковый батальон», рассказывающая о малоизвестной странице Гражданской войны: участии моряков в борьбе с большевиками в рядах Северо-Западной армии генерала Юденича. Считая, что об этом факте должны знать любители истории отечественного флота, я сделал копию статьи Боголюбова, в надежде на дальнейшую публикацию. Прошло празднование 300-летия Российского флота, но ни слова не было сказано о участии моряков в Гражданской войне. Отдавая дань уважения их памяти, я передаю статью мичмана Н. А. Боголюбова в журнал «Белая гвардия» в надежде, что она заставит вспомнить всех белых моряков, сражавшихся до конца и унесших в своих сердцах Андреевский флаг и честь России.

Биографическая справка. Мичман Н. А. Боголюбов. Родился в 1898 году, в 1919-20 гг. служил на тральщике «Китобой», первым из кораблей Балтфлота поднявшем вместо красного Андреевский флаг и перешедшего к англичанам. После передачи корабля в распоряжение Морского Управления Северо-Западной армии совершил на нем переход в Севастополь и далее в Бизерту. В эмиграции проживал в штате Вермонт, печатался в журналах «Военная быль» и «Бюллетень Общества офицеров Российского Императорского флота». Скончался в 1975 г.

(Публикация и комментарии А.А. Першина).

Одной из частей Северо-Западной армии, укомплектованной в значительной степени морскими офицерами и воспитанниками Военно-морских учебных заведений, являлся Батальон Танков. Происхождение этого батальона было таково. В конце августа 1919 г. в Северо-Западную армию, наконец, начало прибывать вооружение, снаряжение и обмундирование, обещанное Союзными Военными миссиями в момент формирования Северо-Западного Правительства генерала Н. Н. Юденича.

Среди прибывшего вооружения находились два порядка поношенных 30-тонных танка, в сопровождении английской команды инструкторов. Эти танки получили название «Первая помощь» и «Капитан Кроми» (в честь командира английской подлодки «Е-19», а потом Начальника Дивизиона английских подводных лодок, убитого большевиками в Английском посольстве в Петрограде) и составили ядро Батальона Танков. Командование, ввиду неопытности русских в обращении с танками и смешанного (русско-английского) личного состава, принял старший инструктор, английский полковник Керсон. В скором времени в Батальон влилось еще два однотипных танка: «Белый солдат», укомплектованный моряками, и «Бурый медведь»

с экипажем наполовину из моряков, наполовину из чинов армейских броневых частей. Пятый танк, полученный в октябре 1919 г., из-за начавшегося Второго наступления на Петроград и последовавшего крушения Северо-Западного фронта, никогда не был собран и использован.

Два или три маленьких французских танка были получены около того же времени, приняв участие в поддержке наших частей, наступавших в конце октября на левом фланге, в направлении Ропши. Хотя эти танки имели механизмы в лучшем состоянии и могли двигаться гораздо быстрее, английские танки, несмотря на частые поломки изношенных моторов и гусеничных лент, производили более внушительное впечатление на противника и обладали более сильным огнем.

Вооружение и характеристики английских танков (тип «Мк-5». прим. ред.), принявших участие в боевых операциях Батальона. Вооружение: одно малокалиберное (57 мм) орудие и пять пулеметов типа «Гочкис». Скорость около 5 миль/час (9 км/ч). Состав команды: 8 человек, из которых до начала Второго наступления на Петроград командир и его помощник – английские офицеры, артиллерист и механик – русские офицеры, четыре пулеметчика

– по два русских и англичанина. Маленькие французские танки (тип «Рено ФТ» – прим. ред.) были вооружены одним пулеметом, команда – два человека: пулеметчик и шофер, из русских армейцев.

Незадолго до Второго Петроградского наступления для пехотного прикрытия и поддержки танков был сформирован специальный Танковый Ударный Батальон, силой в 250 штыков, под командованием капитана 1-го ранга П.О. Шишко. Местом формирования обоих батальонов и обучения танковых команд была Нарва, где были отведены помещения бывшей Кренгольмской Мануфактуры.

В начале сентября 1919 г. части Северо-Западной армии, состоявшие из полков 4-й Стрелковой дивизии, под командованием генерал-майора князя Долгорукова, перешли в наступление на Лужском направлении. Именно здесь, под деревнями Рылово и Полна (к юго-востоку от Гдова), Батальон Танков получил свое боевое крещение. Мичман А. С. Страхов, один из пулеметчиков танка «Белый солдат», рассказывает об этом так: «Первое появление наших танков на фронте было похоже на парадное шествие. При нашем приближении красные поспешно отступали, оставляя свои окопы. Впереди нашей колонны шел во весь свой высо-

кий рост начальник дивизии генерал князь Долгорукий, в сером генеральском пальто на красной подкладке. Рядом с ним, со стеклом в руке, английский полковник, командовавший батальоном танков. Большинство танков вели англичане, а русские шли в цепи, как пехотное прикрытие.»

В этих боях части 4-й дивизии, при поддержке танков, опрокинули противника за линию реки Желчи, устранив опасность, угрожавшую Гдову, и закрепили правый фланг армии, удержавшийся в то время в Чудское озеро. После этой операции англичане непосредственного участия в боевых действиях больше не принимали. Все боевые командиры состояли исключительно из русских, главным образом, моряков, командир Батальона полковник Карсон остался.

В начале октября части 1-го Стрелкового Корпуса Северо-Западной армии, под командованием генерал-лейтенанта графа Палена, перешли в наступление, имея задачей захват мостов через реку Лугу, а также города Ямбурга, лежащего на противоположном берегу. В авангарде наступающих частей находились танки и Танковый Ударный Батальон. Для защиты временного деревянного моста, другие, включая стальной железнодорожный, были взорваны во время августовских боев. Красные сосредоточили значительные силы пехоты, при поддержке артиллерии, бронепоездов, бронепоездов, вооруженных 102-мм морскими орудиями и укомплектованных матросами Балтийского флота. Сам мост со стороны красных был прикрыт кольцевым окопом, пулеметы которого держали верхние обшивки моста под перекрестным огнем.

Несмотря на это, один из чинов Танкового Ударного Батальона, кадет Морского Корпуса Георгий Меркулов, бесстрашно устремился на мост, увлекая за собой людей своего взвода. Непосредственно за ними бросился россыпью весь Батальон, с капитаном 1-го ранга Шишко во главе. Красные бежали, мост был захвачен и немедленно использован для переправы через реку частей 2-й Стрелковой дивизии, занявших Ямбург. Позже кадет Меркулов, переведенный по своему желанию в Морскую Десантную Роту Дивизиона Бронепоездов, пал смертью храбрых в боях под железнодорожной станцией Александровской.

Из-за своей легкой постройки захваченный мост не мог быть использован для переправы 30-тонных танков, которые после нахождения подходящего брода через Лугу смогли присоеди-

диниться к наступающим частям только спустя неделю, в районе Гатчина - Царское Село.

Высшее командование Армии, к сожалению, не имело достаточного опыта в обращении с танками и бросало их в бой без сопровождения пехотных частей, а иногда и в одиночку, без сопровождения других танков. Даже Танковый Ударный Батальон из-за недостатка резервов был отделен и послан, как самостоятельная пехотная часть, на Лужское направление. В результате, отступающие красные, как только одиночные танки продвигались вперед, зачастую возвращались и занимали позиции в тылу танков. Несмотря на такие тактические недочеты, а также сильное отравление выхлопными газами моторов, команды танков доблестно выполнили свой долг в последовавших боях под Гатчиной и Царским Селом, включая деревни Онголово, Перелешино, София и Новые Веси.

Хотя в этих боях английские команды участие не принимали, номинально танковый батальон продолжал находиться под командованием английского офицера. В связи с этим инженер-механик мичман Б. Ю. Романовский рассказывает о следующем интересном эпизоде: «Вечером 22 октября в штаб нашего батальона прибыл Помощник Командующего фронтом генерал-лейтенант Родзянко и попросил английского командира о поддержке танками, так как красные сильно наступали на Царское Село и прорвали фронт. Англичане отказали наотрез, находя невозможным действовать ночью, и стали готовиться к эвакуации.

Тогда генерал обратился к нам, русским. Старший лейтенант Быстроумов немедленно собрал сводную русскую команду, и на танке «Первая помощь» (другие танки были отведены к Гатчине для ремонта) мы, против всех правил танковых боев, согласно которым танки всегда должны действовать парно, в темноте, отбили наступление красных и вернулись назад целыми и невредимыми, хотя и были уже похоронены английскими офицерами».

Это дело было «лебединой песней» Батальона Танков. Из-за растянутости фронта, отсутствия свежих резервов и невыполнения обещаний о поддержке левого фланга, как эстонцами, так и английским флотом, а, главное, из-за подвоза во много раз превосходящих красных сил, дела на фронте стали ухудшаться. Армия с боями отступила назад, к Нарве, куда были эвакуированы и танки. Здесь батальон танков объединили с Танковым Ударным Баталь-

оном, общее командование принял капитан 1-го ранга Шишко, назначив своим помощником старшего лейтенанта Быстроумова.

Англичане, уезжая, «письменно» передали танки эстонцам. Так как последние не имели никакого опыта обращения с танками, Сводный Танковый Батальон был отведен из Нарвы в Балтийский Порт и превращен в школу для обучения будущих эстонских команд. Там он и закончил свою жизнь как русская воинская часть в феврале 1920 г.

Список моряков, служивших в танковых частях Северо-Западной армии, и их дальнейшая судьба

Батальон Танков

Танк «Капитан Кром»

Старший лейтенант Л.В. Быстроумов (Морской Корпус (М.К.) 1905 г.). Умер в Аргентине 24 января 1960 г. (1)

Лейтенант О.О. Ферсман (М.К. 1910 г.). Умер в Аргентине 22 мая 1948 г. (2)

Мичман В.И. Сперанский (М.К. 1915 г.). Принудительно репатрирован из Чехословакии в СССР. Умер в Казани в 1950 г. (3)

Инженер-механик мичман Б.Ю. Романовский (Морское инженерное училище (М.И.У.) 1916 г.). Проживает в Сан-Пауло, Бразилия.

Старший гардемариин, позже мичман С. (М.К. 1918 г.). Проживает на Лонг-Айленде в Нью-Йорке. Фамилия не упоминается по его желанию.

Кадет М.К. Н.Р. Вреден. Умер 6 августа 1955 г. в штате Массачусетс.

Танк «Белый солдат»

Старший лейтенант И.И. Голенищев-Кутузов (М.К. 1904 г.). Умер в Бразилии 6 июня 1946 г. (4)

Лейтенант В.Н. Домогацкий (М.К. 1913 г.). Был в Эстонии в 30-х годах, дальнейшая судьба неизвестна.

Мичман В.И. Шигаев (М.К. 1914 г.). Умер в Бельгии в 1943 г.

Инженер-механик мичман С.Н. Чистяков (М.И.У. 1916 г.). Был в США в 20-х годах, дальнейшая судьба неизвестна. (5)

Старший гардемариин, позже мичман А.С. Страхов (М.К. 1918 г.). Проживает на Лонг-Айленде в Нью-Йорке.

Мичман военного времени Нагель (Школа прапорщиков. 1917 г.). Остался в Эстонии, дальнейшая судьба неизвестна.

Танк «Бурый Медведь»

Лейтенант П.А. Туржанский (М.К. 1911 г.). Погиб во Франции во Вторую Мировую войну 9 сентября 1944 г.

Лейтенант В.А. Николаев (М.К. 1912 г.). Умер во Франции 11 сентября 1952 г.

Старший гардемариин, позже инженер-механик мичман П.П. Чернецов (М.И.У. 1918 г.). Был в США в 20-х годах, дальнейшая судьба неизвестна.

Гардемариин, позже мичман Ю.К. Медведев (О.Г.К. 1919 г.). Умер в Швеции в 1967 г.

Остальная команда – офицеры армии.

Танк «Первая помощь»

Укомплектован исключительно офицерами армейских броневых частей, хотя в бою 22 октября 1919 г. участвовал со сводной командой старшего лейтенанта Быстроумова.

Танковый Ударный Батальон

Капитан 1-го ранга П.О. Шишко (М.К. 1901 г.), позже командир Сводного Танкового Батальона. Умер в штате Коннектикут 5 августа 1967 г. (6)

Мичман военного времени В.М. Фриде (Юнкер Флота. 1916 г.). Умер в штате Луизиана 20 апреля 1966 г. (7)

Мичман военного времени А.Б. Лесгафт (Шк. прап. 1917 г.). Проживает в Колумбусе, штат Огайо. (8)

Примечания А. А. Першина:

1. Старший лейтенант Л.В. Быстроумов. В Великую войну старший артиллерийский офицер крейсера «Аскольд».

2. Лейтенант Оскар Оскарович Ферсман. В 1914-1917 гг. служил на Черном море на эскадренном миноносце «Беспокойный». В декабре 1917 г. был приговорен матросами к расстрелу, но смог скрыться. Командовал

тральщиком «Китобой» в 1919-1920 гг. В эмиграции жил в Дании, откуда в 1948 г. перебрался в Аргентину.

3. Мичман В.И. Сперанский. Член экипажа тральщика «Китобой» в 1919-1920 гг. В эмиграции жил в Чехословакии, где в 1945 г. арестован «СМЕРШ» и доставлен в СССР.

4. Старший лейтенант И.И. Голенищев-Кутузов. Умер в 1946 г. в Сан-Пауло.

5. Инженер-механик мичман С.Н. Чистяков. Член экипажа тральщика «Китобой» в 1919-1920 гг.

6. Капитан 1-го ранга Шишко Павел Оттонович (16.07.1881-08.05.1967). Окончил Морской кадетский корпус (1901), Артиллерийский офицерский класс (1911). Участник Русско-японской войны. Флаг-офицер Штаба командующего флотом в Тихом океане с 12 апреля 1904 г. Дважды, в октябре и декабре, пытался в составе команды добровольцев под командованием лейтенанта А. М. Веселаго прорваться в осажденную крепость, но безуспешно. Участвовал в Цусимском сражении на борту броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин». Был в плену. Командовал капонерской лодкой «Вогул», миноносцами «Лейтенант Сергеев», № 207 (1907), «Твердый» (1907-1910). Отличился при усмирении бунта во Владивостоке в 1907 г. Командир эсминцев «Инженер-механик Дмитриев» (1915-1916), «Гавриил» (1916). Руководил десантом у мыса Доменес в октябре 1915 г. Награжден Георгиевским оружием 25 апреля 1916 г., капитан 1-го ранга (1917). Командовал Ревельским морским баталь-

оном смерти при обороне Ориссарской дамбы. Несколько раз ранен, попал в плен у деревни Тампернуме. Во время Гражданской войны командовал танками в Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Прибыл в США в 1921 г. Работал в ряде фирм, в том числе в «Электрик боут Гротон». На пенсии с 1955 г. Пользовался репутацией офицера, не знающего страха.

7. Мичман военного времени Владимир Матвеевич Фриде. Произведен в мичманы из юнкеров флота. Участник десанта на мыс Доменес, плавал на эсминцах Дивизиона Особого назначения. В Северо-Западной армии прикомандирован адмиралом Пилкиным к английским танковым частям, плавал на английских крейсера. По прибытии в США зачислен во флот и отправлен в Англию для дополнительного образования в Кингз колледж в Дохеме. Окончил его с получением звания корабельного инженера. За два года до войны возвращен в строй. В годы Второй Мировой войны служил на разных должностях. Ранен при высадке в Нормандии, находясь в звании Спот кэптен (временный капитан 1-го ранга). В отставку вышел с чином Коммаддер. После войны был морским инженером, председателем строительной фирмы по проектированию военных, морских, речных и вспомогательных судов, а также буровых платформ.

8. Мичман военного времени А.Б. Лесгафт. Флаг-офицер командовавшего Белым Черноморским флотом контр-адмирала А. И. Тихменева в июне 1918 г. Известно, что в 1974 г. жил в США.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

ДРОЗДОВЦЫ ПОСЛЕ ГАЛЛИПОЛИ

М., 2002.

В книге московского историка В.Г. Чичерюкина-Мейнгардт рассказывается о судьбе солдат и офицеров частей имени генерал-майора Михаила Гордеевича Дроздовского в годы Русского рассеяния, их участия в деятельности Русского Общевоинского Союза, а также в рядах Русского Освободительного Движения в годы второй мировой войны. На основании значительного объема архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, а также материалов личной переписки с потомками дроздовцев, автор подробно описывает жизнь наиболее многочисленных групп чинов частей имени ген. Дроздовского, проживавших в Чехословакии, Франции, на Балканах и в Америке. Книга представляет особый интерес для всех, кто обращается к изучению истории Белого движения в России и в Зарубежье. Книга иллюстрирована фото-материалами из коллекции автора.

Заказы направлять по адресу: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96. Кузнецовой О.А. (с пометкой: для В.Г. Чичерюкина-Мейнгардт).

М.А. Хайрулин

АВИАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ (октябрь 1918 – январь 1920 гг.)

Псковский Добровольческий Авиационный Отряд, октябрь-ноябрь 1918 г.

12 октября 1918 г. в г. Пскове генерал-майор А.Е. Вандам подписал первый приказ по Отдельному Псковскому Добровольческому Корпусу (Северная армия). 29 октября 1918 г. военный летчик подполковник П.Ф. Данилин был назначен командиром формирующегося Псковского Добровольческого авиационного отряда. На укомплектование отряда из Псковского Регистрационного Бюро Северной Армии прибыли военные летчики: штабс-ротмистр В. Галкин, поручик В. Попов, подпоручик Т. Таракуз-Таракузио и прапорщик Г. Егоров, а также морской летчик Р. Озоль. К середине ноября 1918 г. в составе Северной армии имелся бронированный поезд (без поезда), Чудская флотилия (4 судна) и авиационный отряд (без аэропланов). Это первое авиационное формирование армии, к тому же не имевшее самолетов прекратило свое существование в конце ноября 1918 г. при отступлении из Пскова Северной армии.¹

Создание авиации Северной (Северо-Западной) армии, июнь-август 1919 г.

19 июня 1919 г. генерал-майор Родзянко утвердил 24 временных штата Северной армии. Среди них были штаты Управления Начальника броневых частей и заведующего автомобильной частью, Отдельного броневоего железнодорожного поезда, Речной флотилии и ни одного штата, касающегося авиации.

27 июня 1919 г. из Отдела Внешних Сношений была послана телеграмма в Нарву Дежурному Генералу Северной армии следующего содержания: «Сегодня в Ревель прибывают 6 английских аэропланов для Северной армии. Временно необходимо для успешной работы по сборке и организации двух (Нарвский и Псковский) авиаотрядов назначение одного определенного руководящего лица. Прошу конкретных указаний по изложенному делу. [И.д. Начальника Общего Отделения Управления Дежурного Генерала] Лейтенант Штральборн.»²

8 июля 1919 г. в г. Нарве начал формироваться Авиационный Отдел Северо-Западной Армии (СЗА), его начальником стал лейтенант В.А. фон Штральборн. К середине июля 1919 г. в составе СЗА было два авиаотряда. В

приказах по Армии найдено назначение 22 июля штабс-ротмистра В.П. Галкина Начальником 2-го авиаотряда, а о 1-м отряде ни слова. Штаты двух отрядов были полностью укомплектованы, но они не имели еще самолетов!

Сохранились точные сведения о поставке через Генерал-лейтенанта Г. Гофа (Начальника всех Союзных военных Миссий в Финляндии и Прибалтийском крае) авиационного имущества из Англии. Доподлинно известно, что СЗА от союзников за весь 1919 г. получила только 6 английских самолетов типа R.E.8 («Аризэйт»).

Итак, первое сообщение о получении 6 самолетов датировано 27 июня от лейтенанта Штральборна. Самолеты ожидались, но не прибыли.

Английский пароход «Huntsgate» прибыл в Ревель 28 июля, имея на борту среди разнообразного авиационного имущества 4 аэроплана R.E.8.³

Другое сообщение было от 5 августа в виде телефонограммы от Начальника Этапно-Хозяйственного отдела СЗА генерал-майора Зильберга Командиру 1-го Стрелкового Корпуса: «Сообщаю для оповещения всех чинов на фронте, что на иностранных пароходах в Ревель прибыло для Северо-Западной армии следующее имущество: ... 4 аэроплана, ... Этот пароход (Хрунадзеп*), который вышел из Бреста. Следующих два парохода, вышедшие прямо из Лондона, должны прибыть по расчету 1-го, 3-го и 4-го Августа. ... На пароходе «Дания» который должен прибыть в Ревель 5 августа, находится следующий груз: 2 аэроплана, ... 4 танка, ... Этот груз на днях также будет отправлен в Нарву и Псков, частью по железной дороге, частью водным путем. ...»⁴

В книге о белых армиях, изданной в США сообщается, что «англичане пообещали, что первая партия с военными материалами, состоящая из 4 танков, 6 самолетов, 15 млн. патронов, 3000 авт. ружей, и обмундирования для 10.000 человек прибывает в Ревель 27 июня. На основе этих обещаний Северный корпус решил отложить наступление до 1 июля. 27 июня миновало без поступления военных грузов! Но слухи ходили, что танки будут отправлены... не раньше 2 августа. Более месяца спустя обещанной даты поставок, первый английский корабль с военным грузом причалил в Ревельском порту. На следующий день падение Ямбурга

предвещало конец первой попытке взять Петроград.»⁵

Итак, к 5 августа в Ревель прибыло 6 самолетов R.E.8. Это подтверждает другой источник⁶: «Наконец, после долгих проволочек, начались поставки вооружения, боеприпасов и снаряжения для СЗА из Англии. Первый транспорт прибыл в Ревель 28 июля, второй 5 августа. Они доставили вооружение и снаряжение на 10 тыс. человек, включая 12 тыс. винтовок. ... Всего до 26 октября в СЗА поступило ... 6 аэропланов. ...»

В начале августа СЗА обзавелась третьим авиаотрядом, прибывшим в Нарву с летчиками и двумя (по другим данным - тремя) самолетами. Это был авиационный отряд Светлейшего Князя Ливена. Его история создания очень интересна. 9 мая 1919 г. 3 красных истребителя «Ньюпор-24бис» (Предита - №4300, Пушкеля - №4306 и Якубова - №4321) из 1-го латышского авиаотряда пересекли линию фронта и сели на Петерсфельдском аэродроме недалеко от Добеле, где дислоцировался немецкий авиаполк Заксенберга (Kampfgeschwader Sachsenberg). Перелетевшие летчики вскоре были зачислены в формируемый Светлейшим Князем А.П. Ливеном авиаотряд. Либавский добровольческий отряд ротмистра Ливена вместе с Лаидесвером принимал активное участие при взятии Риги 22 мая 1919 г. На аэродроме у Цементного завода ливенцами были подобраны «Сопвич» №2341 и неисправный «Ньюпор-24бис» №4287 бывшего латышского авиадивизиона красных.

Ротмистр Андрижевский, назначенный командиром ливенской авиачасти, писал в рапорте Светлейшему князю: «Допишу, что 1-го сего Июня я согласно приказа приступил к формированию отряда. В настоящий момент в отряде налицо 4 аппарата, один двухместный системы Сопфича и 3 истребителя системы Ньюпор-24. Отряд расквартирован на аэродроме авиационного отряда Железной дивизии №427 и №433 близ цементного завода Шмидта, причем канцелярия и летчики помещаются в поместье Зиберг у управляющего завода. Из общего числа аппаратов два находятся в полной исправности, однако подняться в воздух не могут за неимением бензина и масла. ...»⁷

Одновременно, с июня месяца в Риге формировалась Авиационная группа

Латвийской армии. Не было только самолетов! А у Авиационного отряда Св. Князя Ливена было 4 трофейных машины! 9 июля было получено от генерала Юденича письменное приказание о немедленном переводе всех русских частей, находящихся в Латвии на Нарвский фронт. Ротмистр Ливен исполнил приказание и стал собираться в Нарву для присоединения к Северо-Западной армии. 4 машины (3 «Ньюпора-24бис» №№4287, 4300, 4306 и 1 «Сопвич» №2341) были погружены на баржу для отправки по реке. 20 июля командир Латвийской авиагруппы ст.лейтенант Валлейка вместе с вооруженным отрядом захватил судно и отбуксировал его на другой берег Даугавы. Светлейший Князь Ливен не хотел так просто расстаться со своим имуществом и случись бы вооруженное столкновение, не вмешайся союзная комиссия, которая разделила груз пополам. Латышам «достались» лучшие самолеты: «Ньюпор-24бис» №4300 и «Сопвич» №2341. Из трех красных летчиков с Ливеном остался лишь Н.П. Пушкель, а Я.П. Предит и В.А. Якубов перевелись в Латвийскую авиацию. 29 июля «Авиационный взвод» из Риги был отправлен на поезде на Нарвский фронт вместе с 5-й и 6-й ротами и броневым взводом.

Боевая деятельность авиации Северо-Западной армии, август-декабрь 1919 г.

Полетных книжек, так и сообщений летчиков в РГВА не обнаружено. О боевой деятельности авиации СЗА можно судить лишь по сохранившимся послужным спискам летчиков СЗА, отдельным приказам о награждении «за боевые отличия», а также по оперативным сводкам обеих противоборствующих сторон. Например, приказ Главнокомандующего Северо-Западным фронтом за №31 от 1 сентября о производстве за боевые отличия военного летчика Авиационного отряда Светлейшего Князя Ливена прапорщика Н.П. Пушкеля в подпоручики косвенно свидетельствует, что этот авиаотряд с момента своего приезда на фронт с августа месяца активно совершал боевые полеты из Нарвы. Впервые белые самолеты появляются в сводках красных частей 13 августа. Начштаба 6-й дивизии тов. Розанов сообщал, что в тот день «над Ямбургом появились 2 аппарата противника, скрывшиеся после обстрела нашим пулеметным и ружейным огнем. К 17 часам вторично пролетал аппарат противника по всему фронту участка». За август белые авиаторы были упомянуты еще в четырех сводках (за 14-е, 23-е, 24-е и 27-е). Причем в последней были упомянуты

2 неприятельских аэроплана типа «альбатрос» летавшие в 14 ч 30 мин вдоль участка 50-го полка 6-й дивизии, которые по видимому фотографировали наши позиции. Этот факт свидетельствует, вероятно, о первом использовании английских «аризэтов», которых красные приписали за знакомые им германские «альбатросы». И те и другие машины были двухместными и имели стационарные двигатели.

Весь сентябрь и начало октября велась активная воздушная разведка станции Ямбург и прилегающей к ней железной дороги. С 30 сентября по 11 октября самолеты СЗА производили бомбометание по станциям Ямбург, Тикопись, Веймарн и по обозам красных.⁸

Сколько же было у СЗА самолетов? Во всех известных источниках присутствует магическая цифра 6. Она фигурирует во всех советских источниках, начиная с самого первого⁹: «всего в армии к началу октябрьского наступления в 1919 г. на Петроград насчитывалось свыше 17 тысяч штыков, 6 танков, 6 самолетов и 2 броневика». Эти данные подтверждаются летчиком штабс-капитаном Таракус-Таракузио в докладе к Бермондту от 9 октября (см. приложение), который указывает о наличии авиаотряда из 6 аэропланов, 4 из которых были присланы англичанами. Словно не существовало двух остальных отрядов! По некоторым данным известно, что 2 «аризэта» так и пролежали неисправными всю кампанию на складе в Ревеле, а остальные 4 были в очень плохом состоянии. Очевидно, Таракус-Таракузио в своем докладе имел в виду 4 английских «Аризэта» 1-го (или 2-го) авиаотряда и 2 истребителя типа «Ньюпор-24бис» из 3-го (ливенского) авиаотряда.

11 октября 1919 г. СЗА при поддержке танков и авиации перешла в наступление. Разведывательная сводка Штаба СЗА от 11 октября 1919 г. к 10 часам утра гласила: «Воздушная разведка: в районе за Ямбургом красные находятся в отступлении, обозы тянутся за дер. Алексеевка. На ст. Тикопись стоит бронепоезд из 4 вагонов и платформой с паровозом на середине. На ст. Веймарн стоят составы товарных вагонов. При сбрасывании бомб красные обозы разбежались. Мосты у Ямбурга целы. Наши аппараты сильно обстреливались артиллерией».¹⁰

Газета «Вестник Северо-Западной Армии» от 12 октября сообщает подробности боя 11 октября: «В 5.30 11-го начался бой у Ямбурга. Наши части с танками достигли мостов через Лугу; противник отступает; наши летчики сбросили 8 бомб и обстреляли из пуле-

метов отступающие обозы противника, которые в панике рассеялись. Ямбург занят нашими войсками. Вчера 11 октября в 7 часов утра наши 2 аэроплана появились над Ямбургом. Замечено, что обозы длинной вереницей отступают из Ямбурга по Петергофскому шоссе. Один летчик сбросил над ст. Веймарн 4 бомбы, были видны взрывы, второй летчик обстреливал обозы у дер. Алексеевка. Бомбы были сброшены и на бронепоезд красных у пл.Тикопись. По аэропланам красные открыли пальбу. Летчики вернулись невредимыми».

11 октября был взят гор. Ямбург, а 16 октября частями 5-й дивизии - Красное Село. Как известно, там находилась Морская Школа Высшего Пилотажа. По крайней мере, там были захвачены в виде трофеев 2 учебных биплана «Ньюпор-10», 1 «Альбатрос» Лебедева и возможно 3 истребителя «Ньюпор-17». Данных об использовании этих самолетов не сохранились. Известно лишь, что все вышеперечисленные машины вместе с 6 «аризэтами», 2 «Ньюпорами-24» из ливенского отряда попали после ликвидации СЗА в Эстонию. (см. приложение) В советских источниках о захвате имущества в Красном Селе нет ни слова. Интересно, что Инспектор авиации СЗА лейтенант Штральборн был в 1918 г. начальником этой школы.

О боевой деятельности авиации СЗА в октябре месяце практически ничего неизвестно. Например, есть данные о передвижении 3-го (ливенского) авиаотряда, который с 17 октября 1919 г. стоял в Гатчине, а с 27 октября 1919 г. на ст. Вруда. Летчик Пушкель в составе этого отряда налетал с августа по ноябрь 45 боевых часов. Сводка 2-й советской стрелковой дивизии подтверждает полет юденичского самолета 20 октября: «... Аэропланом противника над ст.Александровская около 16 часов сброшено было две бомбы, не причинившие вреда. Убита одна крестьянская лошадь и ранен подводчик. Других, потерь не было».¹¹

К сожалению, также нет данных о действиях авиации белых в боях 21-22 октября за Пулковские высоты. После этих боев началось отступление СЗА к границе Эстонии.

Авиация красных по сравнению с белой обладала значительным превосходством в летчиках и самолетах. Воздушный флот 7-й армии в 1919 году состоял из 1-го, 6-го, 31-го, 32-го, 42-го и 50-го разведывательных авиаотрядов. На Комендантском аэродроме базировался 4-й авиационный дивизион истребителей (10-й, 11-й и 12-й отряды), состоявший в Воздухообороне г. Петрограда и имевший на вооружении до 20

истребителей (Ньюпор-23, Ньюпор-24бис, Спад-7). Кроме того, в Ораниенбауме и в Новом Петергофе базировался 1-й гидродивизион Воздушной бригады особого назначения Балтийского флота, который имел на вооружении летающие лодки и сухопутные истребители.** В РГВА сохранились все записи боевых полетов авиаотрядов 7-й армии и 4-го авиадивизиона истребителей за 1919 г. Воздушных боев не происходило, отмечены лишь несколько вылетов вдогонку неприятельским самолетам (английским, финским и белым). В связи с отсутствием информации по полетам белых стоит привести все случаи таких вылетов. Из журнала 12-го истребительного авиаотряда: 20 октября летчики Логинов и Климов на «Ньюпорах-24бис» летали на «отражение самолета противника». В тот же день летчик Троепольский на «Ньюпоре-24бис» совершал разведку из Петрограда с 17 ч 25 мин до 18 ч 28 мин и как он отметил в рапорте: «не долетая Детского Села, мною был замечен самолет противника, удалявшийся в направлении Петроград-Красное Село-Гостилицы и скрывшийся в тумане — пагнать и вступить в бой с самолетом противника не удалось.» Еще 24 октября летчик Соболев вылетал на «отражение самолета противника».¹²

1 ноября 1919 г. из Германии в Нарву прибыли 14 офицеров-летчиков (Капитаны: Г. Сахновский, В. Лочинов, И. Иванов. Штабс-Капитаны: Б. Сергиевский, С. Старченко. Поручики: Э. Бергбом, В. Попов, С. Островидов, А. Гапша, В. Островидов, Е. Демченко. Подпоручики: Н. Кобец. Прапорщики: Н. Саков и Н. Малинкин.) и были зачислены в СЗА с назначением в распоряжение Инспектора Авиации. Этот факт отмечен в книге Смолина¹³: «Уже после того, как поход на Петроград начался и последовали первые успехи, У. Черчилль 18 октября принял генерала Б.В. Геруа и выразил ему свою радость по этому поводу. В тот же день он отдал распоряжение об отправке снаряжения и вооружения на 20 тыс. человек, 20 легких и 16 тяжелых орудий и 18 аэропланов дивизиона Сахновского. Это решение он подтвердил и 20 октября при свидании с А.И. Гучковым. К Юденичу посылался также новый начальник Британской военной миссии генерал-лейтенант Р. Хэйкинг (прибыл 1 ноября), которому предписывалось руководить действиями русского коллеги после взятия Петрограда». В действительности, группа летчиков, громко именуемая дивизионом, прибыла без обещанных Черчиллем самолетов.

Один из прибывших – военный летчик Б.В. Сергиевский позже писал в своей книге¹⁴: «...Англия послала несколько своих самых устаревших самолетов, с которыми нам пришлось организовывать воздушные силы новой армии. Я получил аэроплан «R.E.8», который мне пришлось видеть в Англии только в музеях, т.к. этот тип считался устаревшим еще в начале 1916 г. Он имел мотор воздушного охлаждения с рядными цилиндрами. Передние цилиндры были всегда слишком холодными, а задние всегда слишком горячими.

Первый же совершенный мною на нем полет кончился почти катастрофой. Мне было дано задание выяснить, какие подкрепления брошены были С.-Петербургу из Москвы по главной ж/д артерии Москва - С.-Петербург. С этой целью я должен был лететь глубоко в глубь страны, вдоль ж/д линии. На обратном пути, находясь над центром Петербурга, я набрал значительную высоту, не очень доверяя своему мотору, и оказался совершенно прав: со звуком взрыва мотор остановился – он буквально разорвался в воздухе на куски. Посмотрев вперед на мой мотор, я увидел только одну часть стоящих там цилиндров, другие совершенно отсутствовали.

К этому времени большевики уже установили некоторые правила обращения с теми, кто попадал к ним в плен. В каждую звезду на плечевых погонах офицера они вбивали гвоздь в несколько дюймов длиной. Имея на себе погоны штабс-капитана с четырьмя звездами на каждом погоне, я предвидел большие неприятности. Представив себе мысленно восемь длинных гвоздей, я решил, планировать на наши линии.

К счастью дул сильный восточный ветер, но я точно не знал положения линий, которые постоянно передвигались. Я полагаю, что за всю мою долготную службу мне никогда не приходилось делать более удачного и более долгого планирования. Находясь над Нарвой, которая, как я знал, была в наших руках, я был все еще на высоте 800 футов. После хорошей посадки на Нарвском поле, в кругу своих друзей, спрашивающих меня, откуда я прибыл так бесшумно, я почувствовал себя счастливейшим человеком в мире. Я почти уверен, что с этим «R.E.8», я мог бы взять премию в планировании.

Наше авиационное оборудование Северо-Западной армии было настолько убогим, что мы фактически не могли делать полезной работы и от времени до времени шли добровольцами в пехоту, сражаясь рядовыми, потому что против каждого человека в Белой армии было по крайней мере, 25 или 30

в Красной. Но, несмотря на все это, Северо-Западная армия одерживала победы в каждом сражении.

Мы быстро шли вперед, и вскоре были у самых ворот Петербурга. Уже виднелись маковки церквей и сверкавший в лучах солнца Исаакиевский собор...

Воздушные силы Северо-Западной армии не были помещены в эстонский концлагерь. Мы могли свободно ходить, куда хотели, и делать, что угодно, и лишь наши самолеты были конфискованы ...»

Б.В.Сергиевский, пожалуй, единственный из летчиков, кто оставил воспоминания об авиации Юденича. Но, к сожалению, им нет полного доверия. Вызывает сомнения тот факт, что Сергиевский летал на «Ариэйте» над Петроградом и тем более планировал на нем до самой Нарвы. Как уже говорилось выше, за отсутствием полетных журналов и донесений проверить эти данные невозможно. Данный летчик широко известен на Западе, якобы сбивший 11 неприятельских аэропланов в «германскую». В российских архивах имеется лишь одна его победа, да и то совместная (см. приложение).

3 ноября белые покинули Гатчину и стали отступать на ямбургские и гдовские позиции, 14 ноября 7-я советская армия взяла Ямбург. Авиация СЗА была вновь сосредоточена в Нарве. Разведсводка 2-й дивизии красных от 25 ноября 1919 г. указывала нахождение «авиаотряда в 5 аэропланов, и ангаров у православного кладбища в 3-х верстах северо-западнее г. Нарвы». По имеющимся документам за ноябрь известен только один вылет, совершенный 19 ноября 1919 г. к истокам реки Нарва, в районе Поля и Низыи.

Последний полет, по-видимому, был совершен 29 декабря 1919 г. Два найденных сообщения подтверждают этот факт. Телефонограмма Полковника Приюсинга за № 1202 от 29 декабря 1919 г., 22 ч 25 мин: «Сообщаю сведения произведенной сегодня около 13 часов воздушной разведки: между ст. Низыи и 9-м разъездом стояло 5 поездов состава 8-10 вагонов, каждой паровоз дымился и был обращен к северу. Спереди этих составов стоял бронепоезд. В деревни Монастырек никакого движения не обнаружено».¹⁵ Оперсводка штаба 6-й советской дивизии того же дня сообщала, что «в 16 ч 10 мин над расположением противника районе дер. Сала показался неприятельский аэроплан скрывшийся в направлении на гор. Нарву».¹⁶

Генерал-лейтенант Глазенап приказом от 1 декабря 1919 г. предписал «непущное автомобильное и авиационное

имущество сосредоточить на складе-базе в г. Ревель», а 9 декабря 1919 г. оставшиеся в Нарве самолеты были сведены в дивизион. Из трех отрядов сделали два – истребительный и разведывательный (см. приложение). 22 января 1920 г. был подписан приказ о ликвидации СЗА. Ее часть разделила и немногочисленная авиация. Все самолеты СЗА достались Эстонии. Из летного состава часть летчиков осталась служить в Эстонии и Латвии, другая часть уехала за границу.

Примечания:

*Так пароход назван в тексте. Речь идет о первом транспорте, прибывшем 28 июля.

**Начальником Воздушной бригады особого назначения Балтийского флота (и Начальником Воздухобороны г.Петрограда) был морской летчик С.А. Лишиц, а начальником Ораниенбаумского воздушного дивизиона морской летчик Б.П. Берг. Оба в недавнем прошлом были сослуживцами по гидроавиации Балтийского моря своего будущего противника – В.А. фон Штральборна. В ноябре 1919 г. они были арестованы и расстреляны в январе 1920 г. по обвинению в т.н. деле о подготовке восстания в Петрограде (и якобы состояли в организации полковника В.Я. Люндквиста).

Источники и литература:

- ¹РГВА, по материалам Ф.190, Оп.11, Д. 28.
- ²ЕРА Ф.515, Оп.1, Д. 650, л. 22.
- ³РГВА, Ф.40298, Оп.1, Д. 97, л. 32.
- ⁴РГВА, Ф.40298, Оп.1, Д.1, л. 208.
- ⁵The White Armies of Russia. A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention. By George Stewart. New York/Russell & Russell. 1970. С.223, 225.
- ⁶Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918-1920 гг. СПб: издательство «Дмитрий Буланин». 1999. С.304.
- ⁷ГА РФ, Ф. 6054, оп.1, д.2, л.405.
- ⁸РГВА, по материалам ф.1171, оп.1, д.59.
- ⁹Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. Ленинград, 1929. С.240.
- ¹⁰РГВА, Ф. 40298, оп.1, д.4, л.63.
- ¹¹РГВА, Ф. 1171, оп.1, д.66, л.36.
- ¹²РГВА, Ф.11737, оп.1, д.2, л.237.
- ¹³Смолин А.В. Указ. соч. С. 304-305.
- ¹⁴Сергиевский Б.В. Воспоминания. Нью-Йорк, 1975 г., С.88-90.
- ¹⁵По данным М. Бухмана, Израиль.
- ¹⁶РГВА, Ф.1171, оп.1, д.51, л.331.

Приложения:

Летчик-офицер
Штабс-капитан Таракус-Таракузио
гор.Митава «9» Октября 1919 г.
№29
Командующему [Западной] Добровольческой Армии [имени Генерала от кавалерии] Графа Келлера

Доклад о политическом положении и состоянии армии в Северо-Западной области России

«...Армия, держа фронт между Ямбургом и опираясь правым флангом на Псковском озере, насчитывает, по заявлению полковника Хомутова, не более чем 10-12 тыс. человек, включая артиллерию и кавалерию; вдобавок там имеются вспомогательные подразделения: авиаотряд (состоящий из 6 машин), 4 из которых присланы англичанами и являются исправными, батальон танков, состоящий из 3 рот с 6 танками, один броневик, не считая машины в отряде Князя Ливена, который был захвачен во время боя под Ямбургом, 3 бронепоезда, база которых, ввиду отсутствия тыла, находится в Гдове....

Утверждаю генерал от инфантерии Юденич 6 октября 1919 г.

Временный штат №85. Управления Инспектора Сев.-Зап.Армии.

Инспектор Авиации, штаб 1 чел 1800 руб. месячного оклада.
или обер-офицер

Адъютант, обер-офицер 1 чел 950 руб. месячного оклада.

Временный штат №86. Авиационного Отряда.

Командир Отряда, военный 1 чел 1300 руб. месячного оклада.

летчик, штаб или обер-офицер

Старший офицер летчик, 1 чел 1100 руб. месячного оклада.

обер-офицер

Летчиков, обер-офицеров 4 чел 1000 руб. месячного оклада

Наблюдателей, обер-офицеров 6 чел 950 руб. месячного оклада

ТЕХНИЧЕСКОЕ ИМУЩЕСТВО И ОБОЗ.АЭРОПЛАНОВ

с зап.частями и принадлежностями 12

(летчики не офицеры 800 руб. и позиционные деньги).

Временный штат №87. Авиационной Базы.

Командир базы, штаб или 1 чел 1300 руб. месячного оклада

обер-офицер

помком.базы, штаб или 1 чел 1100 руб. месячного оклада

обер-офицер

Главкомандующий Армией, Генерал от инфантерии ЮДЕНИЧ.
РГВА, Ф.40298, Оп.1, Д.40, Лл. 229, 235 и 236.

12 октября 1919 г. Приказ № 257 Северо-Западной Армии, гор. Нарва

...§2 «Авиационный Отряд Светлейшего Князя Ливена переименовать в 3-й Авиационный Отряд Северо-Западной Армии».

§3 «Считать в составе Армии: 1-й и 2-й Авиационные Отряды Северо-Западной Армии - с 10 июля 1919 г. и Авиа-базу Северо-Западной Армии - с 17 августа».

...В отношении вооружения, армия вооружена собственными усилиями, за исключением немногочисленной артиллерии, которая поступила недавно, 6 танков, 4 аэроплана (неисправные)....

Насколько англичане имеют «свесть», можно судить по следующему факту: каждый из 4 старых аэропланов, поставленных ими, является негодным, благодаря техническим недостаткам, которые они не могли не заметить (абсолютно изношенные и негодные моторы, гвозди в цилиндрах моторов); когда поступили танки, там не было пулеметных лент...»

Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Ф. Голдера. Через М. Бухмана, Израиль

12 октября 1919 г. Приказ № 254 Северо-Западной Армии, гор. Нарва

При сем объявляю утвержденные мною Временные Штаты: № 85 - Управления Инспектора Авиации С.З.А., № 86 - Авиационного Отряда и № 87 - Авиационной Базы. ...

Штаты № 85, 86 и 87 вступают в силу с 1-го Августа с.г.

Главкомандующий Армией,
Генерал от инфантерии ЮДЕНИЧ.

РГВА, Ф.40298, Оп.1, Д.34, Л.95.

9 декабря 1919 г. Приказ № 406 Северо-Западной Армии, гор. Нарва

§1 «Инспектора Авиации переименовать в Командира Авиационного Дивизиона с подписанием его Генерал-Квартирмейстеру».

§2 «2-й Авиационный Отряд расформировать; авиационное, техническое и хозяйственное имущество, а также суммы передать в 1-й Авиа-Отряд, который составить из одноптипных аэропланов».

§3 «Недостающее число офицеров и солдат специалистов в 1-м и 3-м Отрядах пополнить из расформировывающегося 2-го Отряда».

§4 «3-й Авиационный Отряд переименовать во 2-й Авиационный Отряд

истребителей».

§5 «Всех офицеров и солдат, оставшихся за штатом, направить в распоряжение Дежурного Генерала».

§6 «В отмену Временных Штатов: № 85 - Управления Инспектора Авиации С.З.А., № 86 - Авиационного Отряда и № 87 - Авиационной Базы, объявленных в Приказе № 254 от 12 октября 1919 г. по Армии, при сем объявляю утвержденные мною Временные Штаты:

Временный штат № 85. Авиационного Дивизиона.

Командир Ав. Дивизиона, военный летчик	1 чел	1500 руб. месячного оклада
Адъютант, офицер или наблюдатель	1 чел	950 руб. месячного оклада
Офицер для поручений, военный летчик или наблюдатель	1 чел	1000 руб. месячного оклада
Итого	3 офицера, 9 солдат.	

Временный штат № 86. Авиационного Отряда.

Командир Отряда, военный летчик	1 чел	1300 руб. месячного оклада
Старший офицер, может быть наблюдатель	1 чел	1100 руб. месячного оклада
Летчиков	3 чел	1000 руб. месячного оклада
Наблюдателей	4 чел	950 руб. мес. оклада
		(в отряде истребителей набл. - 2)
Нач. хоз. части	1 чел	1000 руб. месячного оклада
Итого	10 офицеров, 2 чиновника и 29 солдат.	

Временный штат № 87. Авиационной Базы

Командир базы	1 чел	1300 руб. месячного оклада
Офицер для поручений	1 чел	950 руб. месячного оклада
Старший офицер	1 чел	1100 руб. месячного оклада
Итого	3 офицера, 4 чиновника и 44 солдата.	
ВСЕГО	16 офицеров, 6 чиновников и 82 солдата.	

Главнокомандующий Армией, Генерал-Лейтенант ГЛАЗЕНАП.
РГВА, Ф.40298, Оп.1, Д.28, Лл.170-171.

О штатном, списочном и паличном состоянии чинов Северо-Западной Ар-

мии на 1 января 1920 г. (в таблице указаны только «состоящие палицы»)

Авиационная часть	Офицеров	Солдат
Управление Инспектора Авиации	3	9
1-й Авиационный Отряд	7	41
2-й Авиационный Отряд	4	26
3-й Авиационный Отряд	5	30
Авиационная База	3	47
Итого	19	153

РГВА, Ф.40298, Оп.1, Д.116.

О сдаче авиаимущества Северо-Западной Армии Эстонии

28 января 1920 г. Комиссия, назначенная согласно Приказу Начальника Снабжения Северо-Западной Армии № 11 от 21 января 1920 г. и телеграммы Командира Авио-Дивизиона за № 98 от 17 января 1920 г. под председательством военного летчика штабс-ротмистра Башкатова в составе: военных летчиков поручика Бергбом, капитана Щербакова, прапорщика Иванова и поручика Матросова состоявшаяся 20-го сего января и продолжавшая работу в течение 9 дней по 28 января включительно по приемке авиационного имущества, числящегося за Авио-Базой Северо-Западной Армии и находящее-

ся у Эстонцев на аэродроме в городе Ревель приняла по приемо-сдаточной ведомости эстонской комиссии под председательством Вельмана и членов: капитанов Штейнберга и Эрика...

Акт № 3

- аппарат системы R.E.8 № E189 с мотором № 4636 в собранном виде, по капот снят.

- фюзеляж аппарата R.E.8 № E203 (в ангаре).

Акт № 4

Приемо-сдаточная ведомость, числящегося за Авио-Базой Северо-Западной Армии и находящегося на складах при экспедиции Грузов в г.Ревель

- фюзеляж аппарата R.E.8 № E198;

- аппарат системы «Альбатрос» № A789 с мотором «Фиат»;

- аппарат системы «Ньюпор-21» с «Рон» 110 НР (верхние поверхности поломапы).

28 января 1920 г., г. Ревель.

РГВА, Ф.40298, Оп.1, Д.116.

Летчики, служившие в авиации Северо-Западной Армии
октябрь-ноябрь 1918 г. и июнь 1919 г. - январь 1920 г.

АЛАШЕЕВ Евгений Владимирович (29.10.1896 - ?), военный летчик, 21 июня 1915 г. окончил Гатчинскую авиашколу. С 7 февраля 1916 г. летчик 21-го корпусного авиаотряда, потом переведен в 35-й Брянский пехотный полк. В Северо-Западной армии служил в 5-м пехотном Островском полку. 7 декабря 1919 г. переведен в распоряжение Инспектора Авиации СЗА.

АНДРЖЕВСКИЙ, летчик-наблюдатель, ротмистр 14-го драгунского Малороссийского полка. Летчик-наблюдатель Черноморской дивизии в 1917 г. С июня по октябрь 1917 г. сверхштатный наблюдатель 10-го корпусного авиаотряда. Командир авиационного отряда (взвода) Либавского отряда Св.князя Ливена с 1 июня 1919 г.

БАШКАТОВ, военный летчик, штабс-ротмистр. В январе 1920 г. был в составе комиссии СЗА по сдаче авиационного имущества эстонцам в г.Ревеле.

БЕРГБОМ Эрик (6.10.1884-?), военный летчик, поручик, 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации, в январе 1920 г. был в комиссии по сдаче авиационного имущества эстонцам в Ревеле.

БОРЩЕВСКИЙ, прапорщик (вероятно, наблюдатель). В январе 1920 г. значится в списках авиации СЗА.

ВАСИЛЬЕВ Теодор Гаврилович (12.01.1895 - ?), военный летчик, подпоручик. В июне 1917 г. окончил Гатчинскую авиашколу и был командирован в отряд Гатчинской авиашколы в Ольгино. С декабря 1917 г. по апрель 1918 г. на Украинской службе. 23 декабря 1918 г. добровольно поступил в Латвийскую армию. 25 июля 1919 г. с разрешения полковника Балодиса записался в Авиационный отряд Светлейшего Князя Ливена (3-й авиаотряд СЗА) и 22 августа 1919 г. прибыл в отряд в г. Нарву. С 24 августа по 24 сентября 1919 г. палетал 9 боевых часов. 20 ноября 1919 г. за боевые отличия произведен в подпоручики. 1 декабря 1919 г. выбыл из рядов СЗА и прибыл в Вольмар. 20 декабря 1920 г. прибыл в Ригу. Служил в Латвийской авиации.

ГАЛКИН Владимир Павлович (23.7.1888 - 1925), военный летчик, ротмистр. В 1916 г. летчик-наблюдатель 5-го армейского авиаотряда. В марте 1917 г. окончил Севастопольскую Военно-авиационную школу. В 1917 г. летчик 33-го корпусного авиаотряда. 1 ноя-

бря 1918 г. зачислен в списки Псковского Добровольческого Авиационного Отряда. Состоял для поручений при Штабе Отряда Булак-Балаховича. 15 июля 1919 г. переведен в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА. 22 июля 1919 г. назначен Начальником 2-го Авиационного отряда СЗА. 3 ноября 1919 г. произведен за боевые отличия в ротмистры со старшинством с 15 марта 1919 г. Умер в 1925 г. в Эстонии.

ГАПША Андрей, поручик. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

ДАНИЛИН Павел Феофемович (1883 - ?), военный летчик, подполковник. В 1913 г. окончил офицерскую школу авиации ОВФ в Севастополе. С декабря 1913 г. летчик 17-го корпусного авиаотряда с 26 октября 1916 г. его командир. В конце 1917 г. помощник Инспектора авиации Северного фронта. С 29 октября 1918 г. Начальник Псковского Добровольческого Авиационного Отряда. В дальнейшем в списках авиации СЗА в 1919 г. не значился.

ДЕМЧЕНКО Евгений, поручик. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

ДРУЖИЛОВСКИЙ Сергей, подпоручик, наблюдатель. 12 июля 1919 г. переведен в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА. В январе 1920 г. значился в списках авиации СЗА.

ЕГОРОВ Георгий, военный летчик, прапорщик. 31 октября 1918 г. зачислен в списки Псковского Добровольческого Авиационного Отряда. В 1919 г. в списках авиации СЗА не значился.

ИВАНОВ Иван, капитан. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

ИВАНОВ, военный летчик, прапорщик. В январе 1920 г. был в составе комиссии СЗА по сдаче авиационного имущества эстонцам в Ревеле.

КЕДДИС Александр. В 1919 г. служил во 2-м авиаотряде СЗА.

КОБЕЦ Николай, подпоручик. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

ЛОЧИНОВ Владимир, капитан. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

МАЛИНКИН Николай Алексеевич, военный летчик, поручик. Окончил Севастопольскую ВАШ и Английскую школу Высшего пилотажа; прапорщиком 1 ноября 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации. В январе 1920 г. значится в списках авиации СЗА.

МАТРОСОВ Иван Николаевич, военный летчик, поручик. В 1917 г. летчик, а затем командир (до июня 1918 г.) 11-го армейского авиаотряда. 2 октября 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА. В январе 1920 г. был в комиссии по сдаче авиационного имущества эстонцам в Ревеле.

МЕЙЕР Сергей Рудольфович (7.6.1896 - ?), морской летчик, подпоручик по адмиралтейству. 13 апреля 1918 г. окончил Бакинскую школу морской авиации. 8 октября 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА. 9 октября 1919 г. зачислен в Авиоотряд Светлейшего Князя Ливена (3-й авиаотряд СЗА). С 17 по 30 октября 1919 г. командир 3-го авиаотряда. 17 октября 1919 г. отряд переведен в Гатчину, 23-25 октября в командировке в Красном Селе. 27 октября 1919 г. отряд переведен на ст. Вруда. 30 октября 1919 г. сдал командование 3-м авиаотрядом. 30 ноября 1919 г. поступил в распоряжение командира 3-й стрелковой дивизии. 2 декабря 1919 г. демобилизован из Северо-Западной армии. Служил в Латвийской морской авиации с февраля 1924 г. до октября 1934 г., откуда был уволен по состоянию здоровья.

МИХАЙЛОВ, лейтенант. 29 сентября 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА.

МИХАЙЛОВ Евгений, военный летчик, подпоручик. В январе 1920 г. значится в списках авиации СЗА.

ОЗОЛИН Альфонс, корнет. 15 июля 1919 г. переведен из конного Отряда Булак-Балаховича в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА. 26 октября 1919 г. из Авиационного Отдела переведен в 1-ю конную батарею.

ОЗОЛЬ Роберт, военный летчик, подпоручик. 12 ноября 1918 г. зачислен в списки Псковского Добровольческого Авиационного Отряда. 15 ноября 1918 г. убыл в командировку в г. Херсон. В 1919 г. в списках авиации СЗА не значился.

ОСТРОВИДОВ Владимир, поручик. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

ОСТРОВИДОВ Сергей Николаевич (1889 - ?), военный летчик, поручик. В октябре 1914 г. окончил Севастопольскую Военно-авиационную школу. С мая 1915 г. летчик 23-го корпусного авиаотряда. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации. В январе 1920 г. значится в списках авиации СЗА. Скончался во Франции.

ПАВЛОВ Александр, штабс-капитан. 6 ноября 1919 г. зачислен в СЗА с назначением в распоряжение Инспектора Авиации. 7 декабря 1919 г. переведен в распоряжение Начальника броне-авто частей.

ПОПОВ Вадим Павлович (21.3.1896 - ?), военный летчик, поручик. В марте 1916 г. окончил Севастопольскую Военно-авиационную школу. С 26 апреля 1916 г. по 19 июля 1917 г. летчик 10-го корпусного авиаотряда. С 19 июля 1917 г. младший офицер 5-го авиапарка. 1 ноября 1918 г. зачислен в списки Псковского Добровольческого Авиационного Отряда. 1 ноября 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

ПУШКЕЛЬ Нарцисс Петрович (24.10.1896-28.7.1920), военный летчик, поручик. В мае 1915 г. окончил Гатчинскую авиашколу. С июня 1915 г. по январь 1917 г. летчик 1-го армейского авиаотряда. С января 1917 г. по август 1918 г. летчик 5-го истребительного авиаотряда. С августа 1918 г. летчик 1-го авиаотряда Латышской авиагруппы армии Советской Латвии. 9 мая 1919 г. перелетел из Риги на сторону Временного Латышского Правительства и зачислен летчиком Авиоотряда Светлейшего Князя Ливена (в будущем 3-го авиаотряда СЗА). В августе 1919 г. вместе с отрядом прибыл в г. Нарву в состав Северо-Западной армии. 1 сентября 1919 г. произведен за боевые отличия в подпоручики со старшинством с 8 августа 1919 г. 25 октября 1919 г. произведен за боевые отличия в поручики со старшинством с 30 сентября 1919 г. Налетал в СЗА 45 боевых часов. Своими разведполетами способствовал захвату 150 повозок красных. 25 апреля 1920 г. после ликвидации Северо-Западной армии пересел в Ригу. 28 июля 1920 г. утонул в р. Двине.

САКОВ Николай Ставрович (29.7.1890-20.2.1930), военный летчик, поручик. Родился 29 июля 1890 г. в Липецке. С ноября 1915 г. летчик 34-го корпусного авиаотряда, с 20 декабря 1915 г. летчик 7-го армейского авиаотряда. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации. Состоял в авиаотряде капитана Сергеевского, в январе 1920 г. значился в списках авиации СЗА. Скончался 20 февраля 1930 г. в Париже и похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

САХНОВСКИЙ Георгий Викторович (4.1890-10.8.1960), военный летчик, капитан. С 25 июля 1914 г. летчик 19-го корпусного авиаотряда, затем в 1915 г. 34-го корпусного авиаотряда, с 7 ноября 1915 г. начальник 7-го армейского авиаотряда. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации. С 1920 по 1926 г. служил в военной и гражданской авиации в Бельгии.

СЕРГИЕВСКИЙ Борис Васильевич (7.2.1888-24.11.1971), военный летчик, капитан. Кавалер Ордена Св.Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. С 15 марта по 2 ноября 1916 г. сверхштатный летчик-наблюдатель в 25-м корпусном авиаотряде. С ноября 1916 г. по апрель 1917 г. проходил обучение на истребителе в Севастопольской Военно-авиационной школе. С 19 мая 1917 летчик 2-го истребительного авиаотряда. 19 ноября 1917 г. совместно с прапорщиками Ингаулисом и Слегиревым сбил неприятельский самолет. В чине штабс-капитана 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации; в январе 1920 г. значился в списках авиации СЗА. Приказом о назначении его командиром одного из авиаотрядов СЗА и его производстве в капитаны не найдено. С 1923 г. в США

летчик-испытатель на заводе И.И.Сикорского. Был Председателем Союза Русских Летчиков и членом многих общественных и благотворительных организаций. Скончался 24 ноября 1971 г. в Нью-Йорке.

СИНИЦЫН Николай, подпоручик. 17 июля 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА.

СОБОЛЕВСКИЙ Владимир, летчик-наблюдатель, штабс-ротмистр. 29 октября 1918 г. зачислен в списки Псковского Добровольческого Авиационного Отряда. В 1919 г. в списках авиации СЗА не значился.

СТАРЧЕНКО Сергей, штабс-капитан. 1 ноября 1919 г. прибыл из Англии, зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Инспектора Авиации.

ТАРАКУС-ТАРАКУЗИО Иван, поручик. В декабре 1919 г. переведен в Танковый полк.

ТАРАКУС-ТАРАКУЗИО Тимофей Андреевич (4.1.1897-4.3.1958), военный летчик, штабс-капитан. Родился 4 января 1897 г. в Нарве. Окончил авиашколу во Франции. Подпоручиком 1 ноября 1918 г. зачислен в списки Псковского Добровольческого Авиационного Отряда. 8 июля 1919 г. переведен в Авиационный Отдел при СЗА. К 9 октября 1919 г. прибыл в Митаву в Западную Добровольческую Армию к полковнику Бермондту. В 1922 г. был в Сибирской флотилии во Владивостоке. В 1923 г. приехал в США. Скончался 4 марта 1958 г. в США.

ФИТИНГОФ, капитан. В январе 1920 г. значился в списках авиации СЗА.

ШТРАЛЬБОРН фон, Владимир Александрович (? - 27.8.1966), морской летчик, старший лейтенант. В 1916 г. служил в гидроавиации Балтийского моря. В 1917 г. был начальником отряда «С» («Слово») 6-го дивизиона и инструктором Морской Школы Воздушного боя в Красном Селе. В августе 1918 г. был Начальником Морской Школы Воздушного боя в Красном Селе. В июне 1919 г. н.д. Начальника Общего Отделения Управления Дежурного Генерала Северной армии. 1 июля 1919 г. назначен и.д. Начальника Авиационного Отдела СЗА. 7 сентября 1919 г. награжден за отличную усердную службу Орденом Святой Анны 2-й степени. С 12 октября 1919 г. Инспектор авиации СЗА. Вероятно, до января 1920 г. оставался руководителем авиации СЗА. Приказ о присвоении чина старшего лейтенанта не найден. В 1920 г. пересел в Германию, затем во Францию. С 1949 г. жил в США. Скончался 27 августа 1966 г. в Сан-Франциско и похоронен на Сербском кладбище в г.Колмо.

ЩЕПОТЬЕВ Борис, морской летчик. Начальник 2-го морского истребительного авиаотряда с 24 августа 1918 г. до 1 февраля 1919 г. После приезда в Петроград был назначен в Управление морской авиации. С августа 1919 г. летчик 3-го авиаотряда СЗА. С 19 января 1920 г. на службе в Эстонской авиации.

26 июня 1941 г. был арестован и осужден по статье 58-10а. Освобожден 12 сентября 1951 г.

ЩЕРБАКОВ, военный летчик, капитан. 12 октября 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в Авиационный Отдел СЗА. Начальник Авто-Авиационного Отдела, январь 1920 г.

ЯКОВЛЕВ Михаил (12.10.1882 - ?), военный летчик, штабс-капитан. Военный летчик с 10 октября 1913 г. С 3 августа 1914 г. казначей и адъютант 8-го корпусного авиаотряда, его начальник с 2 сентября 1914 до 3 мая 1915 г. С 3 мая 1915 г. Помощник командира 6-й авиароты. С 7 декабря 1915 г. командир 6-й авиароты (с 31 марта 1916 6-го авиапарка). С 16 октября 1917 назначен помощником Инспектора авиации Румынского фронта. 25 августа 1919 г. зачислен в списки СЗА и назначен в распоряжение Начальника Авиационного Отдела СЗА.

За 1919 г. упоминается до 40 человек, из них около 25 пилотов.

Источники:

1. Российский Государственный Военно-Исторический Архив, г.Москва
2. Российский Государственный Военный Архив, г.Москва
3. В.В. Лобыцын. Мартиролог русской военно-морской эмиграции. М.: Пашков Дом. 2001.
4. Данные А.О.Александрова, С.-Петербурга.
5. Данные Т. Киттеля, Эстония.
6. Данные М. Бухмана, Израиль.

Самолеты, состоящие на вооружении авиации Северо-Западной армии. август 1919 г. – январь 1920 г.

Тип	Серийный номер	Тип и номер мотора	отряд	Примечание
«Ньюпор-10» завода «Дукс»	1501	«Рон» 80НР №21256	?	16 октября 1919 г. захвачен войсками Северо-Западной армии в Морской Школе Высшего Пилотажа в Красном Селе. В Эстонских ВВС № 51.
«Ньюпор-10» завода «Дукс»	1511	«Рон» 80НР		16 октября 1919 г. захвачен войсками Северо-Западной армии в Морской Школе Высшего Пилотажа в Красном Селе. В Эстонских ВВС №52.
«Ньюпор-17» завода «Дукс»	1797	«Рон» 110НР №5140		Захвачен в Красном Селе 16 октября 1919 г. или на нем перелетел морлет Н.А. Рагозин или Пилиповский. В Эстонских ВВС №46.
«Ньюпор-17» завода «Дукс»	1853	«Рон» 120НР №101332		Захвачен в Красном Селе 16 октября 1919 г. или на нем перелетел морлет Н.А. Рагозин или Пилиповский. В Эстонских ВВС №44.
«Ньюпор-17» завода «Дукс»	1917	«Рон» 110НР №5370		Захвачен в Красном Селе 16 октября 1919 г. или на нем перелетел морлет Н.А. Рагозин или Пилиповский. В Эстонских ВВС №45.
«Ньюпор-24бис» французский	4287	«Рон» 120НР №51863	3-й авиаотряд	1 августа 1919 г. прибыл в Нарву в Северо-Западную армию в составе авиаотряда Светлейшего князя Ливена. В Эстонских ВВС №42.
«Ньюпор-24бис» французский	4306	«Рон» 120НР №51404	3-й авиаотряд	1 августа 1919 г. прибыл в Нарву в Северо-Западную армию в составе авиаотрядом Светлейшего князя Ливена. В Эстонских ВВС №43.
«Альбатрос» завода Лесбедева	A789	«Фиат» 100НР №199		16 октября 1919 г. захвачен войсками Северо-Западной армии в Морской Школе Высшего Пилотажа в Красном Селе. В Эстонских ВВС №50.
R.E.8 английский	E189	«РАФ» 140НР	1-й или 2-й авиаотряд	К 5 августа 1919 г. получен для авиации Северо-Западной армии через миссию генерала Гофа. В январе 1920 г. находился на авиабазе Северо-Западной армии в г. Ревеле. В Эстонских ВВС №48

R.E.8 английский	E192	«РАФ» 140HP	1-й или 2-й авиаотряд	К 5 августа 1919 г. получен для авиации Северо-Западной армии через миссию генерала Гофа. В Эстонских ВВС №47.
R.E.8 английский	E198	«РАФ» 140HP	1-й или 2-й авиаотряд	К 5 августа 1919 г. получен для авиации Северо-Западной армии через миссию генерала Гофа. В январе 1920 г. находился на авиабазе Северо-Западной армии в г. Ревеле. В Эстонских ВВС №56.
R.E.8 английский	E200	«РАФ» 140HP	1-й или 2-й авиаотряд	К 5 августа 1919 г. получен для авиации Северо-Западной армии через миссию генерала Гофа. В Эстонских ВВС №36
R.E.8 английский	E203	«РАФ» 140HP	1-й или 2-й авиаотряд	К 5 августа 1919 г. получен для авиации Северо-Западной армии через миссию генерала Гофа. В январе 1920 г. находился на авиабазе Северо-Западной армии в г. Ревеле. В Эстонских ВВС №57.
R.E.8 английский	E205	«РАФ» 140HP	1-й или 2-й авиаотряд	К 5 августа 1919 г. получен для авиации Северо-Западной армии через миссию генерала Гофа. В Эстонских ВВС № 49.

«ДОКУМЕНТ ИЗ РОССЫПИ»

В дополнение к статье А. Пюккена «Русские летчики в армии Маннергейма» А. Александровым представлен проект контракта, который заключался братьями Зайцевскими с эстонским правительством. Данный документ показывает условия службы, предполагавшиеся у русских летчиков в случае их зачисления в ряды эстонской армии

Контракт братьев Зайцевских с Эстляндским Правительством

Ваше Превосходительство

Имею честь приложить при сем наши условия. Если на них Эстляндское Правительство согласно, то сообразованно прислать один экземпляр с соответствующими подписями нам обратно по адресу Петербургская гостиница №10.

Мы завтра в 10 утра уезжаем в Финляндию. Наш адрес там, если Вы не успеете сообщить сюда

Finland Nyvinge Sanatorium, Kap.Igor Saitcevsky.

Нас знают здесь летчик Отс, капитан 2-го ранга Кньюфер. В Финляндии Генерал Маннергейм и Эстл.Консул в Финл. г.Напко.

Капитан Игорь Зайцевский.

[Приложение – 2 экземпляра договора]

Условия нашего вступления на службу Эстляндского Правительства

Прилетели в Финляндию 11-го апреля 18 г. из Петрограда. Летали на фронте «белых» против большевиков до конца войны. Имеем громадный опыт и познания в организации авиации потому, что с 15-го года были на передовых позициях в Авиации на остр.Эзель. Предлагаем свои услуги, Капитан Игорь Зайцевский и Капитан Олег Зайцевский, как летчики и организаторы авиации, для боевой работы на фронте против большевиков, – со своими аппаратами. Аппараты наши сейчас находятся в Финляндии и хлопоты для их получения мы берем на себя, при условии, которое стоит ниже. После доставки аппаратов в Ревель мы с аппаратами поступаем в распоряжение Эстляндского Правительства для работы на фронте, против большевиков, т.е.: бомбометания, разведки, разбрасывания прокламаций и воздушного боя с большевистскими аппаратами, во время их налетов с бомбами.

Мы доставим два или три аппарата при чем: два из них типа «Newport» истребители и один разведчик. Аппараты и моторы в полной исправности.

Наши условия следующие:

1) Поступление на службу Эстляндскому Правительству на чин выше.

2) По доставке аппаратов (двух или трех) каждый из нас двоих получает по 50.000 (пятьдесят тысяч) финских марок. Эти деньги должны быть выданы нам сейчас же по доставке аппаратов в Ревель и будут

служить обеспечением наших семей на случай нашей гибели на фронте.

3) Жалование 2.000 (две тысячи) марок в месяц на казенном пайке.

4) Три тысячи (3.000) марок, на теплое полетное платье, выдать сейчас-же по поступлении на службу.

5) Для того, чтобы, скоро и наверное, получить наши аппараты в Финляндии, нам нужно переговорить с Генералом Маннергеймом уже непременно находясь на службе в Эстляндии, что бы Генерал Маннергейм документально знал, что эти аппараты будут предназначены против большевиков.

Поэтому мы числимся на службе у Эстляндского Правительства с момента подписания этого документа обеими сторонами.

Соответствующие документы о том, что мы находимся на службе у Эстляндского Правительства для борьбы с большевиками должны быть нам выданы сейчас-же по подписании договора.

6) Эти условия, в двух экземплярах должны быть законным образом удостоверены казенной печатью, а так же подписями; как нашими так и, лиц входящих в состав Эстляндского Правительства.

Один экземпляр настоящего договора поступает нам.

Капитан Игорь ЗАЙЦЕВСКИЙ
Капитан Олег ЗАЙЦЕВСКИЙ

Источники:

Информация Огуста Блума /США/ и М.А.Хайрулина.

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ МОРЯКОВ В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Военные моряки, прежде всего – офицеры флота, приняли активное участие в Белом движении на Северо-Западе России. Офицеры флота сражались в рядах сухопутных частей; на бронепоездах; на реке Нарове была создана небольшая речная флотилия. Широко известна одиссея тральщика «Китобой», который 13 июня 1919 г. перешел на сторону белых, и уже после крушения Северо-Западного фронта ушел из Эстонии. После долгих мытарств, гордо пронеся Андреевский флаг по разным морям, пришел в Белый Крым, с тем, чтобы в тот же день с кораблями Черноморского флота уйти в Бизерту... Мы хотим представить вниманию читателей три очерка. Первый из них посвящен участию моряков в Белом движении на Северо-Западе; второй и третий – офицеру Российского Императорского флота (капитану 1 ранга), а впоследствии – генерал-майору барону Ф. К. Радену, воевавшему и погибшему на Северо-Западном фронте. (Подготовка к публикации, комментарии Н. А. Кузнецова).

Г.Б. Александровский¹ РУССКИЕ МОРЯКИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ²

В конце 1918 г. у устья Финского залива появились корабли английского флота³, в задачи которого, по-видимому, не входило оказание существенной помощи зарождавшемуся здесь силам сопротивления против коммунизма. Близость столицы с находящейся там частью населения, недовольной новой властью, наконец, неорганизованность самой власти могли бы сделать это направление решающим в борьбе против большевизма. Увы, помощи союзников оказалось достаточно только, чтобы отстоять отделение Эстонии, но не для организации серьезного наступления против Петрограда. К слабости материальных средств прибавились еще ошибки психологического характера, которые помешали использовать до конца помощь недовольных советской властью элементов, главным образом из личного состава Балтийского флота. Еще в 1918 г. на сторону белых перешли 2 лучших эскадренных миноносца этого флота – «Автроил» и «Капитан Миклуха-Маклай»⁴ – в результате решительности командовавших ими командиров (Виктор Александрович Николаев⁵ – 12 г.⁶, Николай Яковлевич Павлинов⁷ – 05 г.) и офицерского состава этих миноносцев. Однако, личный состав не был оставлен на этих кораблях, которые были переданы англичанами еще тогда не существовавшему эстонскому флоту. При таком отношении наших союзников нельзя было думать о возрождении морских сил в составе Северо-Западной армии. Только на Нарове организовалась небольшая речная флотилия под командованием капитана 1 ранга Д.Д. Тыртова⁸.

Зато морские офицеры и воспитанники Морского Училища⁹ влились в широком масштабе в сухопутные части. Особенно много моряков было в Печорском полку, где батальоном командовал капитан 1 ранга Павел Антонович Шишко¹⁰ (01 г.), а ротами – ка-

питаны 2 ранга Михаил Бабицын¹¹ (02 г.), Владимир Беклемишев¹² (03 г.), Михаил Николаевич Ромашов¹³ (05 г.) и Григорий Вейгелин¹⁴ (06 г.). Было много офицеров и в других частях; организовался отдельный морской полк Андреевского флага; морскими офицерами были укомплектованы бронепоезда «Адмирал Эссен» и «Адмирал Колчак», также как и несколько действовавших танков. Общая численность моряков, принимавших участие в Северо-Западной армии, достигала 250 человек.

Помимо 2 миноносцев на сторону белых перешло несколько вспомогательных судов, в том числе и небольшой тральщик «Китобой»¹⁵ (лейтенант Павел Моисеев¹⁶ – 14 г.), по отношению к желавшему перейти на сторону белых лично составу форта «Красная Горка» не был найден общий язык по вине наступавших вдоль побережья эстонцев. Гарнизон этого форта, совместно с высадившимися отрядами матросов из Кронштадта, своими решительными действиями в тылу подходившей уже к Стрельне, к Лигову и к Пулкову армии генерала Юденича, попавшей также под обстрел тяжелой артиллерии линейных кораблей «Андрей Первозванный» и «Полтава», вызвал остановку наступления и потерю времени, в течение которого большевики успели подтянуть превосходные силы, которые и заставили белую армию отступить к границам Эстонии, а после заключения последней мира с Советской Россией прекратить в начале 1920 г. борьбу вообще.

Только небольшой группе морских офицеров во главе со старшим лейтенантом О.О. Ферсманом¹⁷ (10 г.) удалось покинуть Эстонию на тральщике «Китобой» с гордо развивающимся Андреевским флагом на этом маленьком судне. И среди личного состава этого маленького корабля также находился один кадет Морского корпуса – Николай Вреден¹⁸. «Китобой», не поддавшись угрозам стоявшей в Копенгагене английской эскадры (Англия к то-

му времени признала советское правительство), обогнул всю Европу и осенью 1920 г. прибыл в Севастополь, откуда совместно с Черноморским флотом эвакуировался в Бизерту.

В рядах Северо-Западной армии погибли смертью храбрых: гардемарин Готов при взятии Гдова, кадет Мартынов Георгий (приема 16 г. в Морское училище) – в боях под Псковом и кадет Меркулов (приема 16 г. в Севастопольский Морской корпус) – особенно отличившийся во время высадки с бронепоезда «Талабчанин», когда наступление белой армии остановилось перед Петроградом. Из офицеров погибли: лейтенанты Бок Вильгельм¹⁹ (08 г.), Василий Биттенбиндер²⁰ (11 г.), мичман Александр Жевахов²¹ (15 г.) под Фелином и другие.

Наш список воспитанников Морского корпуса, расставшихся со своей молодой жизнью в борьбе за свои идеалы и любовь к отечеству и флоту, конечно, не полон.

Сколько неведомых могил этих юношей разбросано по необъятным просторам русской земли и сколько их погибло при боевых операциях различных флотилий (описать действия которых нам здесь не хватает места), а также при бесчисленных попытках всяких переворотов против советской власти – нам остается до сих пор неизвестным, и едва ли когда-нибудь это мы узнаем, но ...

«Имена их ты, Господи, веси!»

Н. А. Боголюбов²² ЛИВЕНСКАЯ ДИВИЗИЯ И ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Ф.К. БАРОН РА- ДЕН (БЫВШИЙ КАПИТАН 1 РАН- ГА РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОР- СКОГО ФЛОТА)²³

... В июне 1919 г., к моменту переформирования Отдельного корпуса Северной армии в Северо-Западную армию²⁴, генерал Юденич, принявший верховное командование, получил ряд обещаний от союзных – британской и французских миссий, о снабжении белых войск необходимым обмундированием, снаря-

жением и провиантом. В тыловых районах армии немедленно появились союзные офицеры, которые с нашими генералами посещали фронты, делали смотры полков [и] ужасались при виде раздетых, разутых и плохо вооруженных солдат, и вновь повторяли, что они ни в коем случае не оставят в таком состоянии своих бывших союзников и помогут им в дальнейшей борьбе против большевиков. Время шло, но, несмотря на неоднократные напоминания, обещанная помощь не приходила. К концу первого наступления на Петроград, белая артиллерия уже не могла открывать огонь из-за отсутствия снарядов; винтовок не хватало даже на строевые части и истекавшие кровью полки, бесшумно сражавшиеся против красных с ноября 1918 г., продолжали ходить в рваных сапогах и питаться чем попало.

К этому времени из Риги прибыла, переброшенная морским путем, дивизия Светлейшего Князя Ливена, отлично обмундированная, вооруженная и снабженная немцами. Влившись в Северо-Западную армию, она получила название 5-й Ливенской дивизии.²⁵

По настоянию высших строевых начальников, разочарованных в невыполненных обещаниях союзников, в конце июля было созвано военное совещание, на которое прибыли представители союзных миссий, включая британских генералов Гофа²⁶ и Марча.²⁷ Для встречи последних было выставлено два почетных караула: один – из одного из полков только что прибывшей Ливенской дивизии, а другой – от одной из старых частей Северо-Западной армии. Первый караул, одетый в поевенькую и хорошо пригнанную форму, в отличных сапогах и прекрасно и одинаково вооруженный, представлял настолько большой контраст с плохо одетым, плохо вооруженным и почти что босым вторым караулом, что один из союзных генералов не мог не высказать своего удивления и обратился с вопросом к сопровождавшему его русскому офицеру [и попросил объяснить], чем объясняется столь резкая разница в двух караулах одной и той же армии? «Тем, – последовал ответ, что один караул, принадлежащий к Ливенской дивизии, одет и снаряжен нашими врагами – немцами, а другой – нашими друзьями – союзниками». Намек, по-видимому, подействовал, т. к. союзные миссии, наконец, зашевелились, и транспорты с обещанным обмундированием и снаряжением вскоре начали прибывать в Ревель и в Нарву.

... Командиром 17-го Либаевского полка вышеупомянутой Ливенской дивизии был генерал-майор Ф.К. барон

Раден, бывший капитан 1 ранга Российского Императорского флота. История этого выдающегося храброго офицера, перешедшего после Русско-японской войны в армию и павшего смертью храбрых в конце октября 1919 г. в боях под Красным Селом, настолько интересна, что мы постараемся ее вкратце описать.²⁸ Барон Раден окончил Морской корпус (в то время – Морское училище) в 1886 г. Во время Боксерского восстания 1900 г. и осады пекинских иностранных посольств он, в чине лейтенанта, командовал десантной ротой, защищавшей русское посольство. За исключительную храбрость, проявленную во время осады, он был награжден орденом Св. Георгия. Русско-японская война застала его на Дальнем Востоке, где в чине капитана 1 ранга он командовал отрядом померных миноносцев во Владивостоке. Здесь он тоже проявил себя, как храбрый боевой командир, организуя постоянные набеги своих миноносцев на неприятельские коммерческие суда, как у берегов Японии, так и у берегов Кореи. В самом начале войны, войдя с двумя миноносцами своего отряда в корейскую гавань Гензан, он утопил миной японский пароход, стоявший у пристани. Много других неприятельских судов, главным образом – парусных, были захвачены и приведены во Владивосток с призовыми командами на борту.

Через несколько лет после окончания Русско-японской войны, капитан 1 ранга барон Раден покинул флот и позже, незадолго до начала Великой войны, поступил с Высочайшего разрешения в армию, где дослужился до чина генерал-майора, и в конце войны командовал дивизией на Кавказском фронте. С началом Гражданской войны, барон Раден поступил в так называемый «Балтийский Ландесвер»²⁹, приняв участие в отпяти от большевиков таких городов, как Виндава, Туккум и Митава. Всегда находясь на передовых линиях, в эту кампанию он заслужил всеобщее уважение своим бесстрашием и хладнокровием. В мае 1919 г. барон Раден перевелся в русский отряд Светлейшего Князя Анатолия Ливена, вскоре переформированный в Ливенскую дивизию, влившуюся в Северо-Западную армию.

Когда 28 сентября началось второе наступление Северо-Западной армии на Петроград, 5-я Ливенская дивизия, с приданным к ней Кошно-Егерским полком, действовала на крайнем левом фланге армии, сначала в направлении на станцию Волосово, а затем, после разгрома и раздробления 7-й Советской Армии, в направлении Красного

Села. После стремительного патиска, полки Ливенской дивизии, на плечах отступавших красных заняли Красное Село 16 октября (в тот же день частями 2-й и 3-й дивизий была занята Гатчина). 18 октября Ливенская дивизия продолжала движение на Стрельну и Лигово, имея 17-й Либаевский полк барона Радена на своем левом фланге (в этом полку из других моряков служил также капитан 2 ранга Г.Г. барон Остен-Сакен³⁰, М. К., 1904 г.).

Если бы в это время действия 1-й Эстонской дивизии, двигавшейся между 5-й Ливенской дивизией и берегом Балтийского моря, не были бы так пассивны, а английский флот оказал бы обещанную огневую поддержку в районе Красной Горки, красные войска не смогли бы удержаться в плацдарме Петергоф – Стрельна, имея постоянную угрозу попасть в мешок. Оправившись, однако, от своего напического отступления и пополнив свои ряды резервами, переброшенными с Карельского фронта и из Кронштадта, две сильные обходные колонны красных, включающие матросские отряды и отряды советских курсантов, начали 19 октября движение на Гостилицы – Ропшу. В Ропше наших сил не было, и советские войска оттуда продолжали свое беспрепятственное движение, как на юг, к Кипени, так и на восток, к Русской Копорской и Красному Селу. В ночь на 23 октября красные, при поддержке перекидного огня с «Андрея Первозванного» и «Полтавы»³¹, заняли Русскую Копорскую, хотя и понеся значительные потери от своей собственной судовой артиллерии.

Положение 5-й дивизии сделалось угрожающим, и 17-й Либаевский полк, вместо наступления на Стрельну, по приказанию начальника дивизии, начал наступление на Русскую Копорскую, выбив оттуда большевиков к вечеру 24 октября.³²

В этом бою барон Раден, находясь в передовой цепи и ведя свой полк в атаку, был смертельно ранен и умер, не приходя в сознание (пуля, попавшая в шею, перебила его сонную артерию). Так героически закончил свою жизнь и нал смертью храбрых бывший капитан 1 ранга Российского Императорского флота и русский генерал Ф.К. барон Раден.

Из других моряков, погибших в ожесточенных боях на нашем левом фланге, хотя и в других частях, были также: лейтенант В.Ю. Бок (М. К., 1908), лейтенант В.В. Биттенбиндер (М. К., 1911) и мичман А.И. Омелянович³³ (М. К., 1915).

Мир праху их всех!

ГЕН[ЕРАЛ]-М[АЙОР] РАДЕН, КОМАНДИР 1-ГО ЛИЕНСКОГО ПОЛКА³⁴

Назначение ген[ерала] Радена на пост командира 1-го полка³⁵, нами, добровольцами, было встречено весьма холодно, почти что враждебно. Имя ген[ерала] Радена мало было известно и по сравнению с именами других ливенских офицеров, с которыми [мы] постоянно встречались и ужились, было совершенно непопулярно. Нам казалось, что эти офицеры как бы обойдены, несмотря на их предыдущие боевые заслуги. Кроме того, весь вид ген[ерала] Радена, внушающий некоторый страх в наши солдатские сердца, говорил о железной воле этого человека. Возможно, что его просто боялись, видя в нем чересчур сурового начальника. Выше среднего роста, затянутый в серую шинель с генеральскими погонами и георгиевским белым крестиком, худощавый и мускулистый, несмотря на свой пожилой возраст, он производил впечатление стальной пружины, которая, распрямляясь в своем движении вперед, разметывает перед собой все препятствия. С проседью в волосах, горбатым носом на овальном лице и пристальными режущими серыми глазами, он походил на старого матерого орла-степняка, что водятся у нас на юге России. Получив полк, только что развернувшийся и пополненный новым составом, зачастую совсем не

служившими пикогда на военной службе людьми, генералу пришлось много поработать, чтобы создать из вверенной ему части тот 1-й Ливенский полк, который к моменту второго наступления на Петербург являлся одним из лучших в С[еверо]-З[ападной] армии. И в этом отношении вся слава 1-го полка есть слава генерала Радена.

С первого же боя при форсировании реки Луги, где генерал Раден в ясную лунную октябрьскую ночь в утлом челноке один из первых перебрался через Лугу, мы оценили нашего командира и, полюбив его, смотрели на него совсем иными глазами, чем раньше, исполняя давшие боевые задачи, нисколько не сомневаясь в успехе. Эта вера дошла до того, что, казалось, нет такой силы, которая могла бы помешать нашему наступлению на Петроград. Верхом на коне, в белой папахе ген[ерал] Раден вел свой полк от победы к победе. Лобовыми стремительными атаками бросал он свой полк в бой, видя успех дела в быстроте и силе натиска, понимая, что при колоссальном несоответствии сил только этими средствами можно добиться взятия Петрограда. Кипень, Высоцкое и Красное Село были взяты через несколько дней. Под Сергеевым погостом можно было видеть белую папаху генерала Радена, стреляющего с колена в наступающего противника. Прекрасный стрелок, он бил из карабина навскидку

и казалось, что он не на войне, а на охоте, так спокойно было выражение лица генерала. В последнем бою под Русским Копорским, откуда полк должен был быть брошен на Петергоф, казалось, в первый раз генерал Раден жалел свой полк, желая дать ему отдохнуть, но после двухчасового отдыха снова повел его в наступление. С горы из Копорского можно было видеть открытое поле версты 1,5 шириною, залитое осенними дождями и извивающуюся ленту дороги, уходящую в лес за полем, на опушке которого хорошились в кустах красные окопы. По вязкой земле редкими цепями полк двигался быстро вперед, стремясь скорей дорваться до врага, но, попав под перекрестный огонь неприятеля, окопы которого делали угол в заливе вдающегося в лес поля, покрываемый сверху шрапнелью нескольких батарей, полк сразу стал нести громадные потери. В этом бою 25-го октября генерал Раден пал смертью храбрых. Он был убит пулей в шею при атаке окопов неприятеля. Полк, потеряв своего командира и почти всех офицеров, был разбит, но остатки его по несколько человек от роты на другой день под давлением противника отступили от Русского Копорского. Со смертью героя генерала умер и 1-й Ливенский полк³⁶, командиром и создателем которого был покойный генерал.

Сентябрь 1919 года.

Примечания:

¹ Александровский Георгий Борисович, подпоручик по Адмиралтейству (1920). В 1919 г. окончил Одесский кадетский корпус и служил в рядах Добровольческой армии. Затем был переведен на флот. В 1921 г., будучи одним из 17 офицеров-экстернов бывшей Сводной роты, получил аттестат об окончании Морского корпуса в Бизерте. В эмиграции с 1964 г. был редактором газеты «Россия». Скончался 8 марта 1981 г. в Нью-Йорке.

² Впервые опубликовано: Колыбель флота. Париж, 1951. С. 255-257. Название дано публикатором.

³ 2 декабря 1918 г. Народный Комиссариат по иностранным делам официально уведомил командование Балтийского флота о приходе в Виндаву отряда английских кораблей в составе 4 легких крейсеров, 6 эскадренных миноносцев и нескольких тральщиков.

⁴ Эсминцы «Спартак» (так с 18 декабря 1918 г. стал называться эсминец «Капитан 1 ранга Миклухо-Маклай») и «Автроил» принимали участие в операции «Отряда судов особого назначения», который должен был обстрелять Ревель и спровоцировать там пролетарскую революцию. «Спартак» 26 декабря, отстреливаясь от английских крейсеров сел на банку Курадимуна (Девельсей) и сдался в плен, «Автроил» сдался в плен английским кораблям после короткого боя на следующий день. Оба корабля были переданы Эстонии, где служили до 1933 г., а затем были проданы Перу.

⁵ Николаев Виктор Александрович (1889-1952). Скончался в эмиграции в Париже.

⁶ Указан год окончания Морского корпуса.

⁷ Павлинов Николай Яковлевич (1886 – после 1940). Он остался в Эстонии, после захвата ее СССР был арестован и умер в сибирских лагерях).

⁸ Тиртов Дмитрий Дмитриевич (1880-1936), капитан 1 ранга (1913). Окончил Морской корпус в 1900 г. Скончался в Париже.

⁹ Так в 1915-1918 гг. назывался Морской корпус (точнее, его старшие гардемаринские классы, расположенные в Петрограде, параллельно в 1916 г. был открыт Морской кадетский корпус в Севастополе).

¹⁰ Отчество указано неверно. Речь идет о Павле Оттоновиче Шишко (1881-1967). Скончался в США.

¹¹ Бабичин Михаил Александрович (1882-1942), капитан 2 ранга (1915). Скончался в Париже.

¹² Беклемишев Владимир Александрович (? – 11.1926), старший лейтенант (на 1917 г.). Скончался в Эстонии.

¹³ Имеется в виду Ромашев Михаил Николаевич (1886-1958), старший лейтенант (на 1917 г.). Скончался в Париже.

¹⁴ Имеется в виду Вейгелин Георгий Евгеньевич (1886 – ?), лейтенант (на 1917 г.). Дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁵ Тральщик «Китобой» – бывшее норвежское китобойное судно «Эррис», построенное в 1915 г. и в том же году приобретенное Росси-

ей. Переход его на сторону Белых произошел 13 июня 1919 г. После своей знаменитой эпопеи – перехода в Крым, он разделел, в конечном итоге, участь большинства кораблей Русской эскадры. После ее расформирования он служил во французском флоте, в 1926 г. был передан Италии, в годы Второй Мировой войны был мобилизован в состав военно-морского флота в качестве вспомогательного судна и в сентябре 1943 г. был затоплен своей командой на рейде Генуи (подробнее см.: Стрельбицкий К. Последствие к судье «Китобой» // Боголюбов Н. А. «Китобой» на страже чести Андреевского флага. СПб., 2000. С. 55-56). Водоизмещение – 310 т; длина – 30,9 м; ширина – 6 м; осадка – 3,6 м; скорость – 12 узлов; вооружение – 2 75 мм орудия, 1 пулемет, тралы.

¹⁶ Имеется в виду Моисеев Николай (1887-1919) – лейтенант (1915), на флот переведен из армии. Служил в красном флоте в должности начальника 1-й дивизии тральщиков Балтийского моря. После перехода на сторону Белых, воевал на суше в полку Андреевского флага. Взят в плен и расстрелян (Боголюбов Н. А. «Китобой» на страже чести Андреевского флага. СПб., 2000. С. 53)

¹⁷ Ферман Оскар Оскарович (1891-1948) – лейтенант (1914), служил на Черноморском флоте, в эмиграции жил в Дании, скончался в Буэнос-Айресе.

¹⁸ Вреден Николай Романович (Робертрович) скончался в Массачусетс (США) 6 августа 1955 г. (Мартиролог русской военно-морской

эмиграции по изданиям 1920-2000 гг. / Ред.: В.В. Лобыцын. М.-Феодосия, 2001. С. 42).

¹⁹Бок Вильгельм Юлиевич (1888 – 1919?) – лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа (1914).

²⁰Биттенбиндер Василий Васильевич (1891 – 1919?) – лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа (1915).

²¹Жевахов Александр Константинович (1896-1919?) – мичман 1-го Балтийского флотского экипажа (1915).

²²Боголюбов Николай Александрович (1898-1975) – мичман (произведен в 1919 г.). Скопчался в эмиграции в США.

²³Впервые опубликовано: Бюллетень Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. 1969. №2 (119). С.44-46.

²⁴Сформирована 19 июня 1919 г., как Северная армия, 1 июля переименована в Северо-Западную.

²⁵Русский добровольческий отряд в Прибалтике начал формироваться ротмистром гвардии Светлейшим Князем А.П. Ливеном 6 января 1919 г. в Либаве. До лета 1919 г. принимал участие в боях с красными совместно с Латвийскими частями и частями Балтийского ландесвера. К моменту вхождения в Северо-Западную армию численность его увеличилась с 60 до 3500 человек.

²⁶Возглавлял миссию Антанты в Прибалтике.

²⁷Член английской миссии в Прибалтике.

²⁸Наиболее полный вариант биографии барона Ф.В. Радена приведен в работе Н.Н. Рутыча Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.

С.320-322. Ниже приводятся дополнения и уточнения к статье Н.А. Боголюбова, составленные на основании этого издания. Барон Фердинанд Владимирович Раден родился 3 июля 1863 г. в семье вице-губернатора Ревеля. В годы Русско-японской войны он командовал миноносцами Сибирского флотского экипажа в чине капитана 2 ранга (в капитаны 1 ранга его производят 27 апреля 1907 г.). 23 августа 1910 г. отчислен от должности командира крейсера «Аскольд», которым командовал с 25 января того же года. 13 января 1911 г. уволен от службы и отдан под суд за растрату казенных денег. Связано это было с тем, что незадолго до описываемого факта с «Аскольда» сбежал ревизор лейтенант Давыдов, после чего вскрылась недостача 5448 руб. (Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Крейсер «Аскольд». СПб., 1993. С.130. Интересно отметить, что в списке командиров крейсера, помещенном в этой же книге на странице 223, Раден вообще не упомянут). Был осужден на 3 года и 6 месяцев с исключением из службы и лишением всех чинов, прав и преимуществ. По докладу морского министра И. К. Григоровича, Император сократил срок заключения наполовину. Барон Раден был освобожден в декабре 1912 г., ему были возвращены все права и преимущества, он считался уволенным со службы в чине капитана 1 ранга. 14 февраля 1916 г. определен из отставки в 205-й пехотный Шемахинский полк. 27 января 1917 г. назначен командиром 82-го пехотного Дагестанского полка, 23 ноября произведен в генерал-майоры.

²⁹Добровольческое антибольшевистское формирование в Прибалтике. Начал создаваться в октябре 1918 г. в Риге при участии Светлейшего Князя А.П. Ливена. В январе 1919 г. в его состав вступило значительное количество солдат и офицеров германской армии и он был преобразован по германскому образцу. Вследствие этого его покинули большинство русских офицеров, объединившись в Ливенском отряде. В июле, по требованию англичан, все германские офицеры покинули его ряды, а осенью ландесвер был преобразован в латышский полк.

³⁰Барон фон дер Остен-Сакен Готгард Генрихович (1878 - 1934) – капитан 2 ранга (на 1917 г.). В эмиграции в Германии, покончил жизнь самоубийством.

³¹Линкоры Балтийского флота.

³²По данным вышеупомянутого труда Н.Н. Рутыча (С.322), генерал-майор Раден погиб 25 октября и был погребен на кладбище в Красном Селе.

³³Омельянович Андрей Иванович (1895-1919?) – мичман (1915).

³⁴Этот некролог был впервые опубликован на страницах 151-153 «Памятки Ливенца», вышедшей в Риге в 1929 г.

³⁵На момент формирования полка (первоначально – батальона) в Ливенском отряде он имел 1-й номер.

³⁶17-й Либавский полк просуществовал до декабря 1919 г., когда был объединен с 18-м Рижским полком в Либавский полк (командир – полковник В. Г. Бирих, командовавший 17-м полком после гибели барона Радена).

Не в силе Бог, а в правде! — Александр Невский

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1945 ГОДУ В ЭМИГРАЦИИ, С 1992 ГОДА ИЗДАЕТСЯ В РОССИИ

- Полвека нелегально распространялся в России и слыл в советской прессе «самым антисоветским белогвардейским журналом». Мы не боялись чекистских пуль. Мы не ждали перестройки, чтобы нам разрешили говорить то, что думаем.
- Мы не сверяли свою линию с извилистой линией партии. Мы не продавались партиям и банковским группам, чтобы выжить в послекоммунистический период. Нас читают во всем мире от Австралии до Бразилии. Среди наших подписчиков — советологи, политики, дипломаты.
- Наши рубрики — это основные темы общественной жизни. Среди наших авторов — известные политики, философы, публицисты, общественные деятели, ученые. Сегодня «Посев» не нужно доставлять в страну в чемодане с двойным дном или выпрашивать у знакомых «на одну ночь».
- Сегодня Вы можете выписать наш журнал с любого месяца на полугодие, переслав подписную плату 120 рублей по адресу:

127051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96. Кузнецовой О.А.
Наши тел./факс в Москве: (095) 925-92-48, в С.-Петербурге: (812) 233-09-23.
E-mail: posevru@online.ru; posev@online.ru; shtamm@mail.wplus.net
Нас можно читать и в интернете <http://www.posev.ru/>

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Было бы ошибкой ограничивать период Белого движения на Северо-Западе России исключительно рамками формального существования Северо-Западной армии или Северо-Западного фронта. Несмотря на завершение боевых операций на Петроградском направлении и ликвидацией штатов армии, бывшие северозападники продолжали верить в скорое возобновление борьбы. Об этом свидетельствуют приведенные ниже документы о попытках создания нового военно-политического центра в виде Русской Народной Добровольческой армии, (3-й Русской армии в составе войск ген. П.Н. Врангеля). Основу этой армии составили солдаты и офицеры армии Юденича. Характерны письма Б.В. Савинкова и ген. П.В. Глазенапа к Врангелю о перспективах возрождения белой борьбы. Также примечателен дневник офицера Волынского полка Е.В. Шимановского. Его размышления о гражданской войне в целом и о своей судьбе заслуживают внимания тех исследователей, которые обращаются к проблеме «человек на войне», особенно на войне гражданской.

(Публикация В. Цветкова.)

Письмо Б.В. Савинкова вице-директору департамента полиции Эстонии Бирку о содержании в Польше армии для борьбы с Советской Россией, 9 августа 1919 г.

Дорогой господин Бирк.

Я получил два Ваших письма в Париже и своевременно ответил на них. В политическом подчинении мне находятся ныне: 1) Отряд генерала графа Палена, находящийся на территории Латвии, 2). формируемый на польской территории отряд Глазенапа, 3). действующий на польском фронте отряд ген. Булак-Балаховича.

Я надеюсь, что, если Польша не будет побеждена большевиками, отряды эти (общая численность которых не превышает ныне 10 тысяч человек) увеличатся численно и сольются со временем в единую армию под единым русским командованием.

Генерал Врангель занял по отношению к вышеуказанным отрядам позицию нейтралитета, отказывая мне в помощи, но и не препятствуя моей работе.

Я был бы, разумеется, весьма рад, если бы Вы, а с Вами и близкие Вам офицеры приехали сюда, чтобы помочь в создании предполагаемой армии.

Я был бы счастлив, если бы понемногу в Варшаве собрались бывшие члены «Союза защиты Родины и Свободы», дело которого я продолжаю здесь.

Но звать я никого не могу: риск большой, затруднений много, а всякий, кто работает с нами должен заранее знать, что ему предстоит тяжкие испытания.

Если после этого моего предложения Вы все-таки захотите приехать сюда, знайте, что мы Вас встретим как старого товарища и друга.

С искренним уважением, душевно Ваш.

Б. Савинков.

ГА РФ, Ф.6092, Оп.1, Д.78. Л. 1.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ГЛАЗЕНАП.

«...» сентября 1920 года
м. Скальмержицы.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВСЕМИ РУССКИМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ
Барону ВРАНГЕЛЮ

Д О К Л А Д.

Приказом Генерала от Инфантерии Юденича от 22-го января 1920 года № 67, дальнейшее существование Северо-Западной Армии, отошедшей к этому времени на Эстонскую территорию, было признано, по соображениям, вытекавшим из сложившейся политической обстановки, невозможным, все чины ее уволены от службы, а для производства расчетов и окончательного завершения всех дел назна-

чена особая Ликвидационная Комиссия, наблюдение за действиями которой было возложено на меня.

С заключением мира с большевиками, влияние последних на внутренние дела Эстонии начало все более и более чувствительно проявляться и, как следствие этого, положение старших начальников бывшей Северо-Западной Армии, оставшихся на территории Эстонской Республики, стало крайне трудным, несмотря даже на то, что они находились под защитой иностранных миссий, в частности Английской.

Во второй половине февраля положение обострилось до такой степени, что начальник Английской Военной Миссии Полковник Вильсон несколько раз настойчиво советовал бывшему Главнокомандующему генералу от инфантерии Юденичу, бывшему Начальнику Снабжения генерал-лейтенанту Владимирову и мне покинуть в кратчайшие сроки пределы Эстонии во избежании возможных попыток выдать нас большевикам. Однако, озабоченный судьбой демобилизованных чинов Северо-Западной Армии, их окончательным расходом и дальнейшим устройством, я каждый раз отвечал категорическим отказом. 22-го февраля 1920 года полковник Вильсон, пригласив Генералов Юденича, Владимирова и меня к себе, заявил нам, что не может больше ручаться за нашу безопасность в случае дальнейшего промедления нашего с пребыванием в Эстонии и в решительной форме настоял на нашем немедленном отъезде в Латвию, назначив даже специальных офицеров для сопровождения и охраны нас в пути.

С тяжелым сердцем, покидая, против своей воли, в Эстонии бывших офицеров и солдат Северо-Западной Армии, я счел, однако, своим долгом принять в дальнейшем все зависящие меры к тому, чтобы вывезти их куда-либо, где они могли бы, если даже и не продолжить борьбу, то хоть жить и работать без постоянной угрозы высылки в Советскую Россию или принудительных работ по заготовке леса, торфа и сланцев, как то имело место по отношению к белым русским офицерам и солдатам в Эстонии.

Первоначально я предполагал для этой цели остановиться в Риге, однако, положение Латвии, готовившейся заключить мир с большевиками и стесненной в продовольственном отношении не благоприятствовало, на мой взгляд, перевозке оставшихся чинов Армии на ее территорию; частичный и постепенный переход единичных людей и отдельных групп мог, конечно, незаметно иметь место, переброска же большого количества людей вызвала бы неминуемо решительное противодействие. Поэтому из Риги мной был командирован Генерального Штаба генерал-майор Малявин в Варшаву, дабы разведать там обстановку и настроения, поскольку они позволяют наладить перевозку чинов бывшей Северо-Западной Армии в Польшу. Ответ от генерал-майора Малявина получился отрицательный.

Для окончательного выяснения занимавшего меня вопроса, а равно и других с ним связанных, я тем временем выехал в Париж, где тогда на очереди стоял и до сих пор стоит неразрешенный вопрос о вывозе чинов бывшей Севе-

ро-Западной Армии в Сербию (для какой цели в распоряжение генерал-лейтенанта Монкевица было отпущено 60.000 фунтов стерлингов). В Париже мною были получены сведения, что Б.В. Савинковым со своей стороны также велись переговоры о возможности организации Русских сил на территории Польши, причем, эти переговоры, как выяснилось, могли вполне рассчитывать на успех.

Так как переброска чипов бывшей Северо-Западной Армии на Юг была в то время совершенно невозможной, перевозка же их в Сербию вся откладывалась и затягивалась, я решил использовать открывавшуюся возможность и вступил с Б.В. Савинковым в переговоры о формировании в Польше Русской части. Созданная таким образом на Польской территории воинская единица дала бы возможность разбросанным по окраинным государствам после ликвидации белых на севере и северо-западе, в частности бедствовавшим в Эстонии Русским офицерам и солдатам вновь собраться вместе и сплотиться в крепкую воинскую часть и продолжать борьбу с большевиками. Значение присутствия Русского отряда на Польском фронте могло бы равным образом иметь чрезвычайное политическое значение, заложив крепкое основание будущему Русско-Польскому сближению. Если бы, однако, Верховное Командование Русских Вооруженных Сил в лице Вашего Превосходительства нашло необходимым отозвать формируемые части в Крым, они могли бы сразу же влиться в Армию вполне боеспособной единицей.

Полагая, что, независимо от того, на каком бы фронте ему не пришлось действовать, Русский отряд остается частью Русской Армии, возглавляемой Вашим Превосходительством и не может поэтому считаться ни на чьей службе, кроме Русской и что постоянное и последовательное проведение этого принципа является непременным условием формирования, я настоял на заключении Б.В. Савинковым с Верховным Польским Командованием соглашения, согласно которому все довольствие и снабжение отряда должно было производиться из средств, заимообразно представляемых Верховным Польским Командованием и зачисляемых в долг Российского Государства Польской Республике. Равным образом, принужденный временно действовать, вследствие трудности связи с Россией, с самого начала формирования, совершенно автономно, я последовательно проводил в жизнь идею подчиненности своей и всего отряда Вашему Превосходительству, как Главнокомандующему всеми Вооруженными Силами. Вследствие этого, согласившись для пользы дела на то, чтобы, ввиду сложности обстановки и международных отношений, во всех вопросах – политических и дипломатических – последнее слово принадлежало Б.В. Савинкову, я категорически отказался подчиниться ему в каком бы то ни было отношении.

Между тем вся работа Б.В. Савинкова клонилась к тому, чтобы сосредоточить в своих руках власть над всеми противобольшевскими формированиями на западной границе России (в Польше и Латвии) и захватить политическое руководство и управление ими. Отношение же Б.В. Савинкова к единственно для всех нас авторитетному правительству, образовавшемуся на Юге России, оставалось до самого последнего времени далеко невыясненным. Открытое, что только и могло бы удовлетворить отряд, подчинение этому правительству Б.В. Савинкова все не имело места и состоялось лишь 27-го августа; до того же времени во всех действиях и распоряжениях Б.В. Савинкова проявилась мысль о полной самостоятельности и независимости от кого бы то ни было образовавшегося в Польше под его председательством Политического Комитета.

Таким образом, из всех формирований на западной границе России подчиненный мне отряд оказался единственным, не подчинившимся Политическому Центру, возглавляемому Б.В. Савинковым. Результаты подобной обособленности не замедлили сказаться. В то время, когда отряды, пол-

ностью подчинившиеся политическому руководству Б.В. Савинкова (отряды Булак-Балаховича, ссаула Яковлева), полностью снабжались всем необходимым, подчиненные мне чипы, несмотря на то, что формирование отряда началось 1-го июля, до 15-го августа не получили решительно ничего. Вместе с тем, был принят ряд мер к устранению меня от командования и замене лицом, более сговорчивым. В этом направлении велась агитация, как в польских, так и в русских кругах. Впервые мысль о желательности моего ухода была высказана Б.В. Савинковым 12-го августа сего года в письме на мое имя. Из последовавших личных переговоров, в которых приняли участие вызванные с моего разрешения Б.В. Савинковым старшие начальники, выяснилось, что вопрос о смене Командующего понимается в смысле не только личном, но и принципиальном и единодушно признается желательным и недопустимым.

На этом совещании мне были переданы Полковником Долинским только что им полученные и расшифрованные телеграммы Вашего Превосходительства (от 7 и 15-го июля с.г.), которые и были поняты нами, как приказание ехать на Юг. Немедленно по возвращении из Варшавы 15-го августа с.г. я собрал начальников частей, чтобы поставить их в известность, как о Вашем желании, так и об общем создавшемся положении.

Считая Ваши приказания единственно для себя обязательными, начальники частей, как я уже имел случай докладывать Вашему Превосходительству, единогласно высказались за немедленное возбуждение ходатайства об отправке всего отряда на Юг России. Во время совещания пришло распоряжение о срочной, в 2-дневный срок, высылке на фронт 1 500 человек пехоты. Так как люди были в буквальном смысле слова раздеты и абсолютно ничем не снабжены, принять же все им необходимое в один день не представлялось возможным, я не считая себя в праве вести русские войска в бой с негодными средствами и почел долгом своим сообщить Польскому Военному Министру, что я в назначенный срок выступить не смогу. Вместе с тем, в исполнение принятого на совещании командиров частей решения добиваться пропуска в Крым, я на следующий день возбудил по телеграфу ходатайство перед Военным Министром о разрешении отряду при первой же возможности отправиться на соединение с прочими русскими войсками под непосредственным руководством Вашего Превосходительства действующими на Юге России. Во избежание кризисов, мною вслед же была послана Военному Министру телеграмма о том, что, ходатайствуя об отправке всего отряда на Юг России, я несколько не исключал возможности активного участия нашего, впредь до отъезда, в борьбе с большевиками на польском фронте.

Между тем, с отправкой Польскому Военному Министру телеграммы с ходатайством о переброске отряда к Вашему Превосходительству, начавшееся было в спешном порядке снабжение отряда всем необходимым, прекратилось, - как оказалось, по распоряжению Председателя Русского Эвакуационного Комитета, от которого я получил письмо, где он дальнейшее снабжение отряда ставит в зависимость от результатов моих переговоров с Б.В. Савинковым. Последний же, телеграммой на мое имя, категорически протестовал против желания отряда ехать в Крым к Вашему Превосходительству и настаивал на срочном выезде моем в Варшаву для окончательного разрешения вопроса о сдаче мною командования.

Не входя в обсуждение допустимости или недопустимости такого рода отношений к Русскому отряду со стороны русских людей, я, однако, не считая возможным связывать личный вопрос с судьбой подчиненного мне отряда и, имея возможности по болезни выехать в Варшаву, просил Б.В. Савинкова приехать ко мне для окончательного выяснения положения.

Приезд в лагерь Б.В. Савинкова дал ему возможность убедиться в полном единодушии отряда и полной согласованности взглядов, как старших начальников, так и младших офицеров. Общее желание отряда – подчиниться непосредственно Вашему Превосходительству, а не быть орудием какого-либо политического комитета, кто бы ни стоял во главе его.

Чрезвычайно обострившаяся вокруг Отряда политическая борьба настоятельно требовала принятия с моей стороны каких-либо решительных мер к тому, чтобы, по возможности, парализовать начавшуюся и уже ощутимую работу по разложению, быть может, немногочисленного, но крепкого духом и убеждениями и дружного до сих пор отряда. Для этого я просил Русского Военного Представителя в Польше Полковника Долинского официально принять отряд в состав Вооруженных Сил, непосредственно действующих под руководством Вашего Превосходительства. Это принятие состоялось 23-го августа с.г., и с этого дня отряд окончательно и гласно вышел из сферы политического влияния возглавляемого Б. В. Савинковым Русского Комитета. Связь с последним, однако, сохранилась по всем вопросам снабжения и довольствия. В стратегическом отношении отряд, как и раньше, остался в подчинении Главной Польской Квартыры.

Вместе с тем, несмотря на глубокое мое убеждение, что последнее слово в борьбе, ведшейся вокруг Отряда, еще не сказано, и, что она, независимо от того, кто будет командовать отрядом, станет продолжаться, быть может, в более скрытой и мягкой форме, пока отряд будет твердо стоять на почве непризнания ничьего политического авторитета, кроме авторитета Вашего Превосходительства, я все же счел необходимым сдать командование отрядом Помощнику моему, генерал-майору Бобошко, дабы, ввиду сложившейся обстановки, не повредить Русскому делу и делу формирования отряда своим нахождением во главе последнего.

27-го сего августа Председатель Русского Политического Комитета в Польше Б.В. Савинков послал, наконец, Вашему Превосходительству телеграмму с окончательным признанием и подчинением Вам. С самого начала твердо занятая и последовательно отстаиваемая подчиненным мне отрядом позиция не могла не оказать значительного влияния на такое решение Б.В. Савинкова, ибо, не встречая сочувствия проводимому им до сего времени принципу обособленности, Б.В. Савинков в случае дальнейшего упорства, терял всякую опору в русских противобольшевических кругах. Таким образом, столь долго и подчас остро ведшаяся борьба, окончилась в этой стадии своей полной победой отстаиваемого мною, с самого начала формирования отряда, положения о необходимости полного подчинения всех – где бы они ни действовали – Русских Вооруженных и Политических сил одной общей цели в лице Правительства, образовавшегося при Вашем Превосходительстве на Юге России, и созданием одного общерусского противобольшевического фронта.

Стойкость и твердость убеждений, проявленные в решительную минуту подчиненным мне отрядом, обратили на себя внимание польских руководящих групп и весьма заметно отразились на настроениях и взглядах общественных и политических кругов Польши, поставив на очереди вопрос об их отношении к Правительству, образовавшемуся при Вашем Превосходительстве на Юге России.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-4, № 7.

Управление
Главноуполномоченного
Главкомандующего В.С.Ю.Р.
Военному Агенту в Швеции
по военным и морским делам
«21» сентября 1920 года
г. Париж

По приказанию Главкомандующего прошу Вас передать *надежным способом следующие телеграммы:*

«Генералу Манергейму.

В целях объединения и координации действий всех, борющихся против большевиков армий, я сделал французскому правительству и командованию предложение о совместном плане действий с поляками.

Не сомневаюсь, что благодаря *Вашему содействию, Финляндия также присоединится к общим действиям с целью нанесения большевизму окончательного удара.*

Генерал Врангель».

О времени вручения этой телеграммы по принадлежности прошу меня уведомить.

П.п. Генерал-лейтенант Миллер

ПРИМЕЧАНИЕ. Написанное курсивом – передано шифром.

ГА РФ, Ф. 6094, Оп.1, Д.2, л.1

Дыдоров-Св. Кн. Ливену.

г. Юрьев. 27 апреля 1920 г.

Ваша Светлость, дорогой Анатолий Павлович! Прошло полгода, как я тишечно добивался и ждал от Вас вестей и каких-нибудь указаний. Много воды утекло за это время и многое в корне изменилось, но не изменилась моя вера, и хоть прочих мне нечем было поддерживать, все же я в тайне надеялся, что получу когда-нибудь от Вас весточку, а потом в дальнейшем и некоторые указания относительно тех, кто оказался беспомощным выбраться на такую дорогу - дорогу мирного труда.

Моя вера оправдалась сегодня, когда я получил ваше очень теплое письмо, да еще и с насмешливым мне подарком. Низко Вам кланяюсь! Большое Вам спасибо русского человека за вашу карточку и Ваши строки! И то, и другое меня бесконечно обрадовало, ободрило и подняло мое настроение.

Нет, в Латвию отсюда отрядом я и не пробовал пробираться, т.к. из-за этого было бы много политических недоразумений, а Вы знаете, что там, где что-нибудь политическое, там я особенно осторожен, и уж если действую, то только на верняка. Выходит, отсюда даже подобие отряда недопустимо, и по мирному договору Эстии с Совдепией и по многим иным соображениям. Ко всему этому с 17 мая волею высшего нашего начальства, где не безгрешен и гр. Пален, я потихоньку был отстранен от отряда, и Вашим заместителем был назначен ген. Пермикин, затем короткое время был Бобошко, а потом Ярославцев. Я считался помощником Начдива 5-й (фактически ставшей 5-й див. с 17 мая, согласно же приказов она должна была стать таковой с сентября мес., т.к. наименование «Ливенская Дивизия» кому-то из интриганов так и не дало жить, есть и спать), затем командиром 1-й бригады 5-й дивизии, а потом и просто при первой дивизии, - по все это только на бумаге; на деле же я жил недалеко от наших, но всегда отдельно, имел сношения с теми, кто из наших пуждался в моих советах, указаниях, моральной и материальной поддержке и т.д. С 15 января, благодаря тому, что

среди эстонского командования, я встретил своего сослуживца, я перебрался в г. Юрьев, и с этих пор отстаю от наших в 85-104 верстах, но тот, кто нуждается, заглядывает сам сюда или поддерживает связь перепиской. Я дважды обращался к ген. Баллоду за содействием, законным путем, одиночным порядком получить разрешение на въезд в Латвию, по ответа от него не получил, что и понятно, т.к. его и частные письма ко мне получили бы вид документа, а это было недопустимо. Лично я имею его разрешение на въезд, но до сих пор сижу здесь, чтобы никто не смел бы сказать, что я, Ваш заместитель, удрал, как и многие из наших бывших начальников. Сейчас сижу и делаю незаметную и неблагодарную работу, помогаю, чем и как могу нашим, пока они не устроятся как-нибудь и где-нибудь. Уроженцы Латвии и еще некоторые, за небольшим исключением, уже на родине, более ловкие и энергичные устроились здесь, а остальные «безродные» - на лесных заготовках пилят и рубят дрова.

Я не думаю, чтобы теперь возможно было бы вмешательство какой-нибудь вооруженной силы в советские дела, а потому и предлагаю всем приняться за мирный труд, но на эту дорогу некоторых приходится выводить...

Ездил я на русский съезд в г. Ревель, чтобы выяснить наше тут положение. Паспорта для проживания в Эстии не так уж легко получить...

Не удивляюсь, что Вам не удалось сделать что-либо реальное для тех, с кем Вы сроднились кровью; общая обстановка совершенно изменилась, и мне кажется, именно потому, что честных людей надо искать днем с огнем по всему свету.

Мне очень тяжело, что до сих пор Вы все еще не стали твердо на ноги, а чувствуете себя все еще калекой, но я надеюсь на то, что Господь Вам поможет, и Вы скоро будете совсем здоровым. Что Вы будете полезным работником для нашей исстрадавшейся Родины, я в этом не сомневаюсь, и тем более хочу идти с вами рука об руку, если только моя прежняя работа Вас удовлетворяла, и если я со своим очень узким кругозором все же смогу Вам где-нибудь помочь. Я не сомневаюсь, что среди Ваших прежних соратников найдутся нужные Вам лица, т.к. честные люди теперь ярче вырисовались. Вы, безусловно, правы, считая, что материалистические интересы убили в людях все святое, и люди забыли Бога, честность, правду, утратили Веру, Надежду, Любовь и теперь поклоняются только золотому тельцу, следуя, не отдавая себе отчета, за искусителем туда, куда он указывает.

Все наши, кто близко от меня, глубоко благодарят за Ваш привет и теперь уже с нетерпением будут ждать Ваших новых строк.

...Воображаю, как обрадуются старые «Ливенцы», узнав, что от Вас есть письма, и как они воспрянут духом там, у ст. Тамсальн (около Тапса), на лесных работах. Есть там старики, которые до сегодняшнего дня все ждут и верят, что Вы откликнитесь и как-нибудь им поможете выбраться на дорогу.

г. Юрьев. 9 июня 1920 года.

...Видимо, много здесь Ваших ко мне писем не дошло, а мои к Вам – так и совсем пропали, кроме одного, случайно, видимо, проскочившего.

...Я готов принять участие в организации артели взаимопомощи, но об этом надо серьезно подумать, так как здесь организованные артели мало работоспособны, и уж очень незавидная роль этих дровосеков.

Что касается поездки через Данциг в Сербию тем из желающих, кто бы хотел попутешествовать, то весь вопрос в визах.

...Дорогой Анатолий Павлович, мне очень досадно, что Вы испытали много горьких разочарований, а потому, чтобы не разочаровываться, не стоит искать надежды во Врангеле и других, а лучше будем устраивать мирную трудовую жизнь, и мне кажется, что теперь этим скорее сломишь большевизм, нежели вооруженным вмешательством в советские дела. Здесь в Юрьеве появился Шидловский. Я с ним познакомился. Он говорит, что в Совдепии 85 % населения довольны своей судьбой, а раз так, то стоит ли из-за 15 % ломать копыта!

Я лично тоже верю, что и Вы, и я, и многие из нас еще пригодимся нашей Родине, но так как нас постигло много разочарований, то лично я несколько растерялся, а потому надо придти в себя, учесть построение, понять момент и тогда только так работать, как работали Вы.

...Наших 2/3 в Латвии, я от них имею массу писем. 1/3 еще здесь, и вот о них, да еще о наших калеках у меня болит душа. Кое-кому тут чуть-чуть помогаю из оставшихся средств, но средства те – крохи для оказания хоть какой-нибудь помощи.

...Да, тяжело здесь живется нашему брату, и особенно потому, что мы не находимся под защитой каких-либо законов. В таком положении, кажется, всюду много русских, и понятно, что Вы болеете душой.

...Сижу тут, как и писал Вам, для того, чтобы делить участь неудачников и чтобы не говорили бы и про нас так же худо, как про Юденича, Родзянко, Глазенапа и других им подобных.

г. Юрьев, 21 июня 1920 г.

...Вам действительно посчастливилось, что на Ваших глазах прошли и 1-й и 2-й эшелоны Украинцев. Теперь и 3-й Вы видели. Я видел тут только 2-й эшелон (речь идет о переброске частей Ливенской дивизии в Польшу, в состав 3-й Русской армии – прим. сост.). В 3-м эшелоне поехало много тех, в ком я разочаровался, а потому я и не выходил на вокзал.

Поди, при встрече с нашими у Вас сердце болит. А у меня еще является чувство какого-то стыда. На, да что об этом много говорить!

...Документов и бумаг об отряде у меня почти не сохранилось, так как обстановка была такова, что надо было беспощадно сжигать все, что так бережно хранилось. Почему и отчего, я лучше Вам лично расскажу. Приказы по дивизии у меня все налицо, кроме этого, я к Вашим услугам, если что надо дополнить в Ваших записках.

г. Юрьев, 5 июля 1920 г.

...Из Копенгагена Ваше письмо полно надежд на лучшие дни. Вы надеялись с приездом в родной угол сделать доброе дело, помочь очень многим, но теперь, видимо, разочаровались, раз собрались в Мезотен и говорите, что в Риге Вам больше печего делать.

Понимаю, что Вам было очень досадно, что мы не могли войти в связь, но мое положение было еще хуже, так как я терял всякую опору, не получая Ваших писем. Сперва я Вас терпеливо ждал, потом надеялся на Ваш приезд и, в конце концов, только и мечтал о том, чтобы Вы хоть как-нибудь нас вытащили бы отсюда. Что наши письма не доходили по адресу, в этом я вижу интриги и слишком малое к Вам внимание со стороны здесь бывших властелинов.

...Вам я верю безгранично, а потому о том, что Вы нас не забывали, Вам не надо и писать, я это знал, в этом был уверен и потому-то так и действовал, чтобы Ваше имя не становилось на одну доску с авантюристами. Да! Жаль, что и Вы, и я, и очень многие из идейных борцов разочаровались в па-

ших руководителей, и их приближенных. Генералы в Париже и Лондоне, как видно теперь, немного могли бы сделать для нас, но нам немного надо было тогда. Одной визы на въезд куда-нибудь в антибольшевистскую страну тогда было бы вполне достаточно, а ведь мы и этого не могли относительно свободно получить. Надо было много денег на это затратить. Юденич, тот почти сбежал от своего войска. Юденич слова своего не сдержал, даже и Вам. Но на счет вывоза-то ничего не вышло ни у кого, до тех пор, пока сами не расплылись и пока не нашлись люди, и страны, дающие визы.

...Образовать товарищество взаимопомощи можно было бы при всяких обстоятельствах, но опять «ню». Вы говорите, что в Латвии уже есть кружок «Русское Общество в Латвии», вероятно, это общество будет претендовать на индивидуальное существование, в особенности, если там работает Бочагов и его компаньоны, а раз так, то тяжело будет идти этому «Обществу» и с этим «Обществом».

г. Юрьев, 7 июля 1920 г.

...В том, что Вы, если узнаете, что делается серьезное дело «чистыми руками», то готовы лететь, куда угодно и крикнуть клич, я не сомневаюсь, но если я по счастливой случайности окажусь около Вас, верьте мне, я буду Вас сильно сдерживать, так как то, что я здесь испытал, я не хотел бы, чтобы Вы когда-нибудь испытали. Здесь я видел чистейшую авантюру и скажу Вам, что не только 2-3 сотни чистейших лиц ничего не смогли бы сделать доброго.

...Если бы Вы знали, как много зла имени Вашего отряда сделал только один Канепа. Одно время первый полк считался полком мародеров, и только покойник Раден в конце изменил хозяйственную часть полка и восстановил репутацию полка, особенно, лихими действиями. Царство ему небесное, это был храбрейший и лучший офицер, прямая противоположность которому – это ген. Верховский.

...Моих писем Вы немного получили. Ну, да и неудивительно. Интересующихся нашей перепиской и тогда было немало.

...Я очень рад, что Вам удалось повидать тех, кто шел под Вашим стягом. Представляю себе, как Вас они и порадовали, и какое горькое чувство у Вас осталось с их отъездом. Помогите им всем Бог! Куда-то они попадут и что с ними будет.

...К пародившемуся «Русскому Обществу в Латвии» я очень критически отношусь.

Сделали ли они что-нибудь для русских? Бюро труда открыли? Как работают?

г. Юрьев, 28 июля 1920 г.

...Пор. Эльсон занимается садовничеством. Апатоллий Павлович, после лесных работ – это по-здешнему «буржуазный» способ заработка. Тут в разных чинах офицеры, духовенство и чиновничество, если не на лесных работах, то на торфяных, или в каменщиках, или в поденщиках, или берутся за то, что попадет под руки. Есть хочется, а голодно не тетка. Нет, я больше убеждаюсь в том, что наш брат, на что угодно годен, только беда в том, что он не умеет организовать, людей же – организаторов у нас очень мало.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-5, № 12.

Генерал-лейтенант
Граф Пален
Генерал-майору Соболевскому
4 ноября 1921 г.
№ 15

Генерал-майор Пермикин письмом от 14 августа за № 202 обратился с просьбой к Главнокомандующему Русской Армией генералу Врангелю об издании приказа по Армии, имеющего целью морально поддержать чинов бывшей 3-й Русской Армии. В ответ на это начальник Штаба Главнокомандующего письмом на мое имя от 12 октября с.г. за № 9368 просил меня поставить в известность генерал-майора Пермикина о нижеследующем:

«1) Чины 3-й Армии Главнокомандующим не забыты. 2) Судьба их Главнокомандующему так же близка, как и судьба остальных Армий, отдавшихся под его водительство. 3) К устройству этих чинов приняты меры, как и по отношению к чинам других армий, а именно возбуждено ходатайство перед венгерским правительством об устройстве на территории этого государства неустроенных еще чинов Русской Армии (при этом имелись ввиду, при благоприятном разрешении этого вопроса, чины 3-й армии). Трудно быть уверенным, что вопрос о размещении в Венгрии, разрешится благоприятно, во всяком случае следует пока во избежание шума не доводить об этом до сведения масс. 4) Желательно, чтобы чины 3-й армии оставались на своих местах, объединяясь вокруг инициативных групп, учитывая возможность в будущем такой международной обстановки, которая позволит всем верным сынам России, сохранившим бодрость и веру в Родину, выступить на ее защиту от интернационала. 5) Главнокомандующий слагает с себя ответственность за дальнейшую судьбу малодушных, которые бросают лагеря и разбегаются».

Вместе с тем, начальник Штаба Главнокомандующего сообщил мне, что издание соответствующего приказа по политическим соображениям в настоящее время не представляется возможным. Наконец, в части, касающейся субсидирования генерал-майора Пермикина, вопрос осложняется, во-первых, отсутствием необходимых для этой цели средств, а во-вторых, невозможностью для генерал-майора Пермикина активно работать в Польше, так как есть вероятность, что генерал Пермикин должен в недалеком будущем покинуть ее пределы.

Вышеизложенное прошу Вас сообщить генералу Пермикину для сведения. Вместе с тем прошу Вас, если по обстановке Вам представится это полезным для дела, поддержать «инициативные группы генерала Пермикина», а по его отъезде включить их в Вашу организацию. Что касается до отъезда генерала Пермикина в Эстонию и его работы там, то мне не представляется вероятным осуществление этого плана, так как, насколько мне известно, генерал Пермикин в свое время оставил территорию не вполне добровольно.

В случае, если бы таковая поездка генерала Пермикина все же удалась бы, я считал бы его работу там весьма ценной и полезной и дал бы ему соответствующие директивы немедленно по получении от него разработанного проекта, предполагаемых им к осуществлению действий, однако генерал-майор Пермикин должен при этом вполне определенно подтвердить мне о своем безусловном подчинении мне как представителю Главнокомандующего Русской Армии в Германии, Польше и Прибалтике.

Ввиду неимения сведений о местонахождении генерала Пермикина и направлении его деятельности, непосредственно с ним поддерживать связь представляется затруднительным, а потому предлагаю Вам такую установить лично и об исполнении мне довести.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-4, № 21.

Е.И. Шимановский

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

29 ноября 1919 г. Нарва.

Армия тает. Каждый день к красным перебегают по несколько десятков человек. Убежало из роты 24 человека с пулеметом, целиком перешла и 8-я рота, перебежали три заставы от моей роты, в которой теперь осталось не более 12 человек.

Причины дезертирства:

1). Упадок настроения в связи с нашим стремительным отступлением и жесточечность эстонцев. Солдаты думают, что действительно чухна повесит на штыки, и мы попадем между двух огней. Выхода нет - решил солдат своим темным умом и также первобытно нашел свою лазейку - дезертирство к красным.

2). Потеря веры в офицера, упадок его авторитета. Солдаты не верят, что мы уже можем спасти из создавшегося положения, видят, как оскорбляют нас эстонцы, и мы ничего не можем сделать. Я был свидетелем следующей характерной сцены, имевшей место у городского коменданта, куда я ходил регистрироваться. «Поезжайте в Иевве», - говорил офицер, - «там и берите пропуск».

«Да, попробуйте-ка вы иметь дело с этими чухнами. Стоишь - стоишь в очереди у эстонцев, а эстонский комендант ругается, бьется, а наш офицер стоит и молчит - хоть бы что».

3). Недостаток обмундирования. «Свобода России» кричит, что «наша армия вся одета, обута и обмундирована»: Это далеко не так. Одеты тылы, одеты штабы, одето все то, что дальше от фронта, а боевые солдаты, с винтовками в руках отстаивающие правду, полуодеты, в разорванных, износившихся ботинках, рваных шинелях и шароварах они целыми неделями мерзнут под открытым небом.

4). Холод и голод. Характер позиции, вдали от жилья, требует пребывания солдат прямо на снегу, где они и спят и почуют. Почему-то паек сократили до 1 фунта хлеба и «четверки» сала. Солдаты не получают горячей пищи. «Такую службу мы и у красных найдем» - говорят солдаты.

5). крайняя усталость и измотанность людей. Ведь от самых стен Петрограда не давали отдохнуть. Не давали обуви и по очень простой причине - сменить нечем.

Эстонцы отвели нам территорию для тыла к северу от Чудского озера по ст. Уеве и на восток - до красных. Здесь стоят наши обозы и тыловые части, которые разоружают эстонцы. Хотят разоружить всех нас, если мы перейдем на их территорию. Перспективы темные и даже грозные. Жаль нашего дела, жаль пулеметов, пушек, обозов, оружия, солдат. Все это с таким трудом сколачивалось, сбивалось, стаскивалось - и неужели всем этим завладеет чухна, как «пропой» (военная добыча)? А мы пойдем хлебать кисель к чужим берегам?

27 декабря 1919 г.

Парусиновая фабрика в Нарве, д. 23. Горизонты совсем опустелись. За истекший месяц дезертирство усилилось до максимума. Третий батальон Павловского, пополненный запасной ротой, почти целиком разбежался и дезертировал. Дезертируют Вятцы, Красногорцы, даже Даниловцы. Последние на днях перетащили к красным пулемет. Красные напряжено наступают огромными силами на Нарву. Они посылали на проволоку цепь за цепью. Эстонцы и остатки нашей армии отбивали их прямо-таки геройски.

Несколько раз красные прорывали фронт. Однажды под Криушами они переправили около 7 полков на наш берег р. Наровы и пробовали отрезать Нарву, но их доблест-

но выставили. Было время, что фронт представлял из себя непрерывно прорываемую линию, которая восстановилась только благодаря своевременно подтянутым резервам.

От нашей армии осталось только три дивизии - Ветренко, Ярославцев и Пален. Прочие полки частью обезоружены эстонцами и паходятся подобно банде в Иевве, Тапсале и Перпове, частью расформированы нашим начальством и приданы на пополнение другим боеспособным полкам.

Обострилось до крайности отношение к эстонцам. В Рождественскую ночь имел место, например, следующий случай: Островский полк давал на Парусиновой фабрике спектакль для раненых. В разгар праздника пришли пьяные буяны с бронепоезда № 2 - эстонцы и стали требовать, чтобы их бесплатно впустили на спектакль. Их, конечно, выставили, причем несколько человек из этой компании было арестовано. Дело дошло до мордобойства. Чухонцы пробовали было бросить гранату, но это им не удалось - гранату вырвали. Взбешенные «кульки» привели с бронепоезда № 2 и из 4 полка компанию побольше - человек 60-100 и хотели ворваться в наше расположение. Даниловцы поставили у входа на фабрику пулемет и предупредили, что откроют огонь, если пьяные эстонцы будут пытаться ворваться на фабрику. Тогда эстонцы рассыпались цепью и стали стрелять залпами по обеим фабрикам (парусиновой и сукопной). У них был автомат. Даниловцы открыли пальбу из пулемета. Начался бой, в результате которого даниловцы потеряли ранеными 1 офицера и 2 солдат, а также пулемет, доставшийся эстонцам. Всего у нас убыло из строя около 10 ранеными. У эстонцев - убитыми и ранеными - 16. Начался переполох. Даниловский полк стал в ружье, мы тоже. Теннисон послал роту поймать пьяных. Ветренко для этой же цели тоже отрядил команду ординарцев, Бунтарей арестовали. Данилов заявил эстонскому коменданту: «Я - враг красных, кем бы они ни были: я бил латышей, бил китайцев, русских, всех, кто большевики. Буду бить и эстонских большевиков. Жалею, что не перестрелял всех наступающих. Если мне не отдадут пулемета - я возьму два».

Пулемет Данилову возвратили. И теперь по поводу случившегося ведется дознание. Пока всякие трения на этой почве прекращаются.

10 января 1920 г.

Вот уже около недели как красные проявляют полнейшую пассивность. Прекратилась артиллерийская пальба на фронте, пальба по городу. В связи с этим распространяются чудовищные слухи. Поговаривают и довольно упорно о том, что мобилизованные красные разбегаются, что полки взбунтовались от того, что их гнали на убой и пошли по домам. Говорят, что матросы убили Троцкого, а Ленина арестовали. Говорят, что в Петрограде - переворот, власть большевиков свергнута. Слухи находят некоторое подтверждение. Сегодня доблестные талабцы каким-то образом захватили у красных 2 тяжелых и 3 легких орудия, много пленных и много пулеметов. Нашему полку и даниловцам приказано провести сильную разведку. Чем черт не шутит - давно бы, давно кончать пора.

16 июля 1920 г.

За ужином спорили. Гриша защищал Мальского (адъютанта Владимирову в штабе Юденича), защищал то, что М., будучи в финской контрразведке, поступил правильно, обобравши полковника Дихарова, взяв с него 40 тыс. при переправе в Финляндию. «Все мы большие и меньшие подлены»

- говорил Г. – «каждый из нас много или мало грабил». Очутись каждый на положении М. и поступи по другому – сам бы себя потом дураком называл». Усачев и я сказали Г., что нужно различать подлецов чистой воды, с врожденной подлостью в душе, которые не задумываясь ограбят и брата, и свата, подлецов черных, которым нельзя и руку подать и других подлецов – подлецов по несчастью, которых обстановка сделала такими и им можно подать руку.

Гр. поставил мне в упрек, что я при ликвидации части цапнул со Скудовитом деньги и поделил. Я возразил, что деньги эти цапнул Скудовит, а я его не выдал из-за товарищества, ибо С. наверное бы расстреляли и к тому же я не верил, что деньги эти, если их сдать в штаб, пойдут на нужды армии, а не на нужды Ветренко. А. Як. упрекнул Усачева за то, что он захватил 1,5 миллиона и не сбыв их. Усач сказал, что именно деньги эти (1,5 миллиона) он сдал Ветренко и теперь жалеет, лучше бы эти деньги он оставил у себя и лично употребил бы на доброе дело. А так они пошли в карман Ветренко. Пришли к выводам: мы – я, Усачев, подлецы не чистой воды, заслуживающие оправдания, а М., В. и прочие оправдания не заслуживают оттого, что они стали во главе армии и были черными червями, бесчестно продав наше дело, отчего оно и пошло швахом. Будь во главе армии хоть один честный человек, все бы подлецы второго разряда не были бы такими подлыми, а подлецов первого разряда можно было бы укротить. И мы бы выиграли поход. Практический вывод: если в будущем организуется белая армия, подобная развалившейся, то есть с такой же иерархией подлецов-мародеров - высших начальников, и если в этой армии мы будем иметь места, то всегда деньги, трофеи не следует сбывать по начальству, так как они всегда не дойдут по назначению и не будут употреблены на доброе дело, а пойдут в карманы начальства. Эти деньги лучше хранить при себе и самому употребить на доброе дело.

Все еще сидим в Эстии, проживаем последние марки. Идет отправка (тайная!) эшелонами в Ригу. Мы записались на один из таких эшелонов и чуть было на днях не уехали, но перед самым отъездом пришла телеграмма из Ревеля о том, что эшелон задержан – очевидно, влияние Петроградской коммуны. Теперь неизвестно, когда выедем.

Украинский эшелон (отправляющиеся в Польшу в состав 3-й Русской армии – прим. сост.) уже в Риге – пишут оттуда, уже расквартировав, получают паек, деньги, мармелад, шоколад и проч., словом, довольны.

В политической обстановке: в Данциге стоит постоянно увеличивающаяся армия в 60 тысяч. Поляки хотят двинуть 300 тысяч добровольцев на помощь своим отступающим частям. Идут какие-то формирования в Болгарии, Сербии, Румынии. Франция объявила мобилизацию 19-25 летних.

В воздухе пахнет большим новым белым походом. Эх, скорее бы вырваться отсюда на простор.

2 августа 1920 г. д. Кирдила.

Вчера утром приехали из Нарвы в Юрьев на лесные работы. Я и Егор ходили к подрядчику Шигалову, бывшему фельдфебелю, а теперь хозяину лесных артелей. Ш. принял нас очень хорошо: пригласил к столу, угостил кофе, познакомил с женой. Его отношение резко разнится с отношением тех работодателей, к которым обращались мы в поисках работы в Нарве. Те - форменные буржуи, грубые, подлинные эксплуататоры. Потом был у Петьки, в артель которого мы и поступили. Ш. нашел подводу для вещей за 1 300 марок и мы все пошли пешком. Пришли в училище, где находится артель (14 верст от Юрьева). Пришли мокрые, уставшие. Завалились спать. Когда были в Юрьеве мы на станции, подошел к нашей группе какой-то субъект из северозападников и сообщил, что в 8 часов идет эшелон.

Мы обрадовались, побежали по указанному адресу искать капитана М-ва, чтобы он записал нас. Барышни, к которым мы приехали на квартиру, ничего не знают. Подошел капитан Захаров Семеновского полка, спрашивал не с эшелона ли мы. Он сам ничего не знает. Потом оказалось, что эшелон в Польшу – утка.

П. вычитал в эстонской газете, что будто бы Юденич за границей собрал много денег для нового похода, будто готовится к выступлению, а нас, северозападников, на работах и в прочих углах Эстии мобилизуют и пошлют на помощь финнам. Этим сведениям мы не особенно верим.

Сегодня, и, пожалуй, завтра ничего не будет. Антон сидит и плетет нашей коммуне лапти, остальные развесили вчерашнее мокрое белье по забору перед окнами. Кто сидит – книги читает, кто – спит. Под вечер приехал Петька. Нам пришлось возвращаться на соседний хутор в версте от Кирдила. Расположившись в кухне старенького строения рядом с большим новым домом хозяина. В кухне нам всем не понравилось. Хозяину мы обратились с просьбой уступить нам комнату в его доме и он сказал, чтобы мы давали ему по сажени дров в неделю, тогда пустит.

Ни хлеба, ни картофеля нет. Денег у нас нет. Пришлось идти к хозяину – дал 50 марок в долг. Взяли крупу и бобы. Уже при свете свечи Антон варил ячневую кашу с салом. Приходил Петька с женою – проведать больного рабочего. У рабочего все началось с мозоли. Руку нарывало, и вдоль нее до самого плеча – красные полосы – началось воспаление сосудов. Жена шурина перевязывала ему руку. Работы пока что нет и скоро не предвидится. Новый участок леса еще не заведен, старый исчерпан. П. говорит, что послезавтра будет работа у локомотива. Пойдем молотить, где наша не пропадала. Когда улеглись спать кто-то на соломе, кто на походной кровати. Начался разговор на ту тему, что в начавшейся для артели безработицы виноват Шигалов а не рабочие и потому Шигалову следовало бы нам платить хотя бы половину грабительской платы. Хорошо было бы войти в связь с эстонским профсоюзом и высказать Шигалову свои претензии. Но по дальнейшему обсуждению пришли к выводу, что мы северозападники не рабочие, а рабы, а лесозаготовки – особый род эстонского концентрационного лагеря для русских, а посему всякие вольнодумства, с любой стороны, разрешаться расстрелом. Если эстонцы не церемонятся со своими рабочими, то нам надо сидеть и молчать. Словом – тюрьма. Среди рабочих в соседней комнате есть бывший студент Духовной Академии.

3 августа 1920 г.

Ранним утром сквозь сон слышал разговор в соседней комнате. В мозгу врезались слова – вот гнешься, гнешься здесь, пока не издохнешь на этой сололке. И подумаешь – за что все это?

Хутор наш расположился совсем на берегу реки. Солнечно. С удовольствием выкупался. Тишина полей, безлюдье. Небо, травы снова спизошли, как встарь, в душу и построили ее спокойствием и радостью. Слава Богу, хоть на время мы вдали от этого городского базара, и этих грубых чухонских солдат.

После сытного обеда все ходили к реке. Купались целый вечер. Вверх по реке прошел маленький пароходик под эстонским флагом – тащил громадную баржу пустую и еще 2-3 понтона – видимо едут за дровами. Приходил хозяин-эстонец в наше помещение рабочих и предложил одному молодому человеку, обросшему волосами, в рваной форме северозападника, пойти завтра работать на пароход – только одному. Плата: 70 марок и харч в день.

Оказалось – этот юноша адъютант Колыванского полка, которого я видел еще в первом походе на Петроград. Нео-

жиданная встреча. Рассказывал, как еще в ноябре 1918 года он, Румянцев и Бутов, организовали восстание в своей Елецкой волости Ржевского уезда. Эти партизаны полностью основали одну из рот Колыванского полка. Душой был Румянцев – он составил воззвание к населению и руководил восставшими. Восстание не удалось, благодаря неорганизованности. Собрали боевую дружину и вместе с ней ушли из Елецкой в соседнюю волость поднимать восстание. А тем временем красные заняли Елецкую волость и дружинникам пришлось отступать к Пскову. Ф. спрятал винтовку и патроны, карты и другие документы. Этот рассказ о восстании указывают на высокую ценность оставшихся белых в Эстии. Это – самые надежные, которым теперь нельзя уходить в Совдепию. В случае нового похода – великолепнейший набор: рабочие на лесных заготовках – бывшие офицеры. Здесь на хуторе живут 2 офицера с женами. Один из них спит с женой на сеновале.

4 августа 1920 г.

Третий день без работы. Ходили за малиной. Принесли 5 котелков. Пили чай с малиной. Великолепно! Когда шли в лес дул прелестный теплый ветер – словно мягкая женская рука треплет щеки, руки и даже через одежду касается тела. Кругом шутят, как умеют – по-деревенски, просто без задней мысли. И хорошо чувствую себя. Я в такой обстановке, где не нужно притворяться и кривить душой. Хочешь выругаться – ругайся, что ни скажешь – хорошо. Здесь, перед лицом высокого неба, совсем не чувствуется, что где-то готовятся новые восстания, волнения, ужасы. Смотришь на шуршащий под ветром желто-зеленый лес, на копны ржи, на хутора вдали и думаешь – а нужна ли на самом деле эта борьба красных и белых? Неужели кому-то нужна эта бессмысленная бойня? Неужели нельзя обойтись и жить без нее?

5 августа 1920 г.

Форица и Бутова пригласили на платную работу: 80 марок в день и харч. Мы по-прежнему сидим без работы. Скучно тянется время. Наши слоняются из угла в угол по дорогам, как травленные мухи. Жарко! Под вечер достали нечто подобное нашей белорусской «таптухе» и Егор с Вревкиным стали ловить рыбу. Натаскали фунтов с 5 окупей и щук – завтра на обед. Приятно было смотреть, как шарилы они с таптухой по берегам и потом внезапно вздергивали свою спасть над водой, рассматривая, что попало.

Тихая ночь. Пели на берегу. Поползли белые туманы. Эти прогулки с рыбной ловлей и за малиной в лес, на купание, уже не волнуют так, как прежде, до гражданской войны. Уже я не ощущаю того веселья и бодрости и свежести, которые посещали меня прежде. Отчего это? Может быть оттого, что за последние 2 года войны душа моя слишком обострилась в получении резких, захватывающих впечатлений. Может быть, ей уже недостаточно этих тихих, сладостных картин покоя, тишины и благополучия. Она, все еще не может прийти в себя, не может опомниться после пержитого. Она, привыкнув к бурному, уже не воспринимает тихого, она словно оглушается, замкнув в себя, будто умерла во времени.

6 августа 1920 г.

Прежде, во дни боевых скитаний, как-то не замечал темных сторон своей внешней жизни, не замечал неудобств при походной, собачьей жизни.

А теперь, когда нет страха смерти, когда мысль не захвачена лихорадочными соображениями, куда, сколько послать солдат, чем и как поддержать атаки, - когда нет этого главного, захватывающего тебя всего, - поневоле обращаешь внимание на всякую мелочь жизни и видишь, как безотраднее окружающая обстановка. На нашей кухне, где мы живем – тучи мух. С раннего утра нельзя спать, если не ук-

роешься одеялом. Во время варки обеда ловлю мух пригоршнями и бросаю их прямо в огонь. Печь вечно чадит и дымит. Потолок коричневый от дыма.

Сергея из-за каждого пустяка нервничает, и как бы ты к нему ласково не обратился – кроет матом, считая себя обиженным, и сделался каким-то болезненным недотрогой. Лучше с ним не говорить и не спорить – при споре упирается как глухой барабан. Продукты получаем нерегулярно – у Петьки это плохо налажено, приходится прикупать у чухон. Прав хозяйин, говоря, что при русском уряднике они все понимали и как только получили самостоятельность моментально разучились говорить по-русски.

По хуторам пусто, ни души. К вечеру со стороны Юрьева надвинулась сумрачная синяя туча и заняла полнеба. После ужина мы укладывались спать в темноте. Бутов в темноте прятал под Толину постель бурак, который он только что стянул на огороде. Прочие хвалили его. Мелкое воровство, особенно продуктов от чухонцев, с точки зрения этих рабочих не считалось преступлением, наоборот лихим делом, делом желательным и нужным. Пошел мелкий дождь. При его медленном рассудительном шуме паша дыра-комната казалась какой-то тюрьмой, а мы – рабами, загнанными в подземелье. Всю ночь меня и прочих зверски кусали блохи, которых было поразительное множество.

7 августа 1920 г.

Остановилась, замерла жизнь. После восьми лет непрерывного учения и физического воспитания вот выступил я в люди и стал жить самостоятельно. И эти первые шаги ознаменовались только тем, что я, благодаря окружающей обстановке, стал сеять вокруг себя одно зло. Не желая, я стал убивать людей. И это делал я во имя будущего блага народа. Какой злостный парадокс: чтобы сделать благо народу я должен был убивать его, только для того, чтобы через его трупы добраться до тех палаток, которые все-таки сидят на его плечах и являются головой, сеющей зло. Я и подобные мне сгубили тысячи людей, но мы не добрались до главарей, и они теперь учат: зло победило. Неизвестно, что было бы, если победили мы. Может быть у нас вышло бы то же самое, что и у красных – ведь и они, как мы, ратовали за благо народа, а вместо блага дали ему зло. Можно ли насильем заставить человека быть добрым, хорошим? Можно ли палкой привить добро? Уже не ложен ли и наш путь, путь белых, как ложны все пути людей насилующих? Через насилие, через войну можно ли прийти к миру? Если идти путем войны – не вечно ли будет длиться эта борьба? Не явится ли она переливанием из пустого в порожнее? Гражданской войной мы никогда не приходим к вечному добру. Но не является ли само добро тем идеалом, к которому только можно идти и не дойти? В жизни нет абсолютного добра. И чтобы идти к нему, нужно идти теми путями, которые ближе к добру. Зло красные, зло белые, но какое зло меньше? Я думаю – белые. При них, через них можно больше добра сделать, чем при красных. Белое движение – страстное желание народа спасти Родину от династий большевизма, здоровое движение, которое позволит избавиться от мертвечины теоретиков. Белое движение – самоспасание, попытка утопающего схватиться за соломинку. Если это движение проиграло, то это не значит, что Россия погибла. Она пройдет новый путь и этот путь будет вовсе не через красных.

Перечитал написанное – уу-х, какая путаница и непоследовательность в мыслях. Эти мысли еще не созрели, нужно снова их передумать, потом записать...

Петька уехал в город. К вечеру вернулся, сообщил новости: отвели участок здесь, поблизости. Работы начнутся через неделю.

13 августа 1920 г.

Утром проснулся от позвякивания бубенцов. Кричала пастушка звонким голосом и ей вторило эхо в лесу. Потом пошел дождь и слышно было, как он отбивал такт по крыше. Поэтично, славно! Я, Сергей и Вережкин ушли в лес за грибами – через 2 часа возле нашей бани пасобирали боровиков и подосиновиков. Притащили целый рюкзак. Антон режет грибы и несет на хутор – варить. Остальные получили пилы, напильники и точат – завтра на работу!

Участок недалеко от хуторов, где мы живем. Обошли его весь: квадрат в 7 с половиной десятин. Лес сосновый, средней толщины, сухой. Много брусники. Посередине участка – ель вперемежку с сосной – густо. Ель рубить не надо, зато сосна здесь толстая – можно выпилить много бревен.

Вернувшись с участка я застал у нас на хуторе работу по налаживанию инструментов в полном разгаре: точили топоры, колуны, точили пилы, пагоняли топорщица на топоры.

Хозяйка вынесла молоко и стала поить телят – бычка и телку. Я стал гладить бычка по шее, а затем поскреб ему между рогами. Бычок был очень доволен и жался ко мне. «Ишь как животное любит ласку» – сказала хозяйка. Да, человеческие чувства свойственны и скотам, только у последних они проще, без лжи, без фальши, они непосредственные и милые.

Спор с Гришей разволновал меня и ночью я долго ворочался не в силах заснуть и думал. Все живущее поделено на две половины – доброе и злое, хорошее и дурное, постоянно борющихся между собою, как и в природе вечно светлое борется с мраком, день с ночью. Одни люди эгоистичные, себялюбивые, заносчивые, думающие только о своем благе, только о себе, люди злые, служители бесов и другие, добрые, альтруистичные, отдающие себя. К таким и хочется принадлежать мне, за такими я стараюсь идти и служить, беру с них пример... Особенно хорошо борьба доброго и злого была видна в той борьбе за первенство, которая существовала в полку у нас при его основании между нами и группой Ветренко. Наша коммуна держалась закона, честности, порядка, мы были врагами насилия, деспотизма. «Ветренщики» (Ликуди, Гайдуков, Швиденко, Решетин и др.) сторонники мародерства и насилия, подлости. И, в результате Ликуди и Гайдуков, когда-то чуть-чуть не выперли меня из полка за то, что я допел про украденную ими лошадь, сами ушли в другой, Семеновский полк. Швиденко был расстрелян своими же за мародерство. Решетин, пограбивши, пошел в строй и очень скоро был убит красными: порок наказан. Решетин был очень мало в строю и его-то именно и убило, а убитых вообще было мало за эту войну. Наша коммуна, в конце концов, взяла полк в свои руки.

Борьба доброго и злого в большом масштабе: красные и белые. Временно победили красные, ибо и мы, белые оказались не на высоте. Белые – добро, красные – зло. Пока мы белые были добрыми: не расстреливали, не вешали и не надругались над населением, мы побеждали. Но, когда мы стали злые, нас победили красные, ибо они злые, оказались добрые. Вот организовывается новая тема: красная борьба. Она тогда только закончится нашей победой, если наше новое наступление будет основано на благе народа, по демократически. Добро только тогда победит, если оно воистину добро.

14 августа 1920 г.

Сегодняшний день – первый день в моей жизни, когда я сам, никого не эксплуатируя, ни паразитально, в поте лица своего заработал свой собственный кусок хлеба! Сегодня все мы ходили на работы в лес. Яков встал в 5 часов утра, согрел кофе и разбудил нас в 5.45. В лес вышли в седь-

мом часу. Хорошая солнечная погода. Ярко-голубое осеннее небо и особенно сверкающие белые облака. В лес пришли рано. Работала всего одна пила. Было еще сумрачно и только чуть-чуть верхушки сосен золотились солнцем. Было тихо. Но скоро все застонало. Стопали пилы, стонали топоры, стонали деревья, стонали и кричали мы. Ахали на землю подрезанные сосны, хлестко ломая сучья стоящих. Мы обрубали сучья, затем распиливали деревья на бревна и остатки пилили на дрова. Сначала было тяжело, с непривычки, и я думал, что не выдержу. Пот крупными каплями падал прямо на мох и на траву, но потом, когда наступило второе дыхание, стало легче и я легко работал до самого конца. С 7 часов работал до 12 часов с тремя малыми, 10-ти минутными перерывами – покурить. В 12 часов ушли с участка на хутор – обедать. Обед оставался готовить Антон. Пообедали мы после трудов праведных всю. Отдыхали до 2 часов – я уснул крепко, как мертвый. После обеда работали еще, до 7 часов вечера. Я и Федин поставили погонную сажень и выгнали 20 бревен, всего, значит, 170 марок на двоих. Участок представляет из себя груды наваленных одно на другое деревьев, словно поле битвы великанов с пигмеем-человеком. Пигмей победил. Мы – дохлые, злосчастные, слабые люди – мы побеждали природу. Мадам Т. помогла мужу, спасла сучья, собирала ягоды. Вот это жена! Дай Бог и мне такую.

В коротенькие перерывы между работой – утоляли жажду брусничною – как настоящие лесовики. Брусники много, прямо под ногами. Вернулись с работы в седьмом часу, измазанные смолою, с топорами на плечах – настоящие пролетарии. Скулы выбились, лица почернели. Поужинали и свалились мертвым сном.

15 августа 1920 г.

Воскресенье. Стало быть, не работаем. Болят руки, болит спина после вчерашнего, но не так сильно, как я опасался, что будет болеть. Пасмурно. Двумя партиями ушли в лес – одни за грибами, другие за ягодами. Вчера вечером чувствовали себя помолодевшими после работы: труд очищает человека, делает его крепче, энергичнее, чище и помыслы и желания. Я и Гриша собирали чернику – множество голубых ягод на фоне красно-зеленого черничника между деревьями. Моросит дождь. Вернулись с полным лукошком. Я доволен. Все к твоим услугам: и труд – полезный, тяжелый, смиряющий плоть, и лес с ягодами, грибами и поля. Смеркается. Я сижу один и тороплюсь дочитать Мережковского о Толстом и Достоевском. На хуторе лает собака, а совсем рядом, в лесу ей вторит звонкое эхо. А потом опять все тихо, молчание звенит в ушах.

17 августа 1920 г.

Смеркается. Стемнело так, что трудно писать. Только что пришли с работы, поужинали, попили черного кофе и благодушествуем. Работаем в день чистых 10 часов без перерыва на обед, который занимает 2 часа. На руках кровавые мозоли. До того измазались смолою, что стали больше похожи на гончаров, чем на дровосеков. На эту работу никто кроме северозападников не идет. Это – рабы эстонского правительства, которое эксплуатирует их безжалостно. Работают весь день и больше 40 марок в день не получают.

Когда пилим – летают, брызжут опилки. От березы они белые, сочные, пахнущие по-весеннему, свежими листьями и молодой травой. Опилки от сосны желтые, пахнущие терпко, захватывающе смолою. В лесу пахнет мхом, брусничкой.

Пилишь и вдыхаешь в себя все эти запахи. Пилишь до боли в руках, до боли в спине. Сейчас спать. Завтра опять на работу в пол-шестого утра вставать. Да и стало совсем темно...

ГА РФ. Ф. 6462, Оп. 1., Д. 4, Лл. 1-12.

К. М. Александров

СУДЬБА ПОЛКОВНИКА ДЫДОРОВА

Галине Климентьевне Теофиловой-Дыдоровой посвящается...

20–22 июня 1997 г. вместе с группой петербургских разведчиков 38-го сводного отряда генерал-майора М.Г. Дроздовского¹ мы приводили в порядок русские воинские захоронения, ныне брошенные и забытые на разоренном старом кладбище Ивангорода близ эстонской границы. Столь важное и незаметное мероприятие было организовано членами Братства Архистратига Михаила и чинами РОВС из Ямбурга² во главе с С.Г. Зириным. На протяжении ряда лет они ведут реестр сохранившихся на северо-западе военных могил и подвижнички спасают их от разрушения и осквернения. Среди спасенных и восстановленных ямбуржцами захоронений на Ивангородском кладбище – могила командира Лейб-гвардии Драгунского полка в 1897–1902 гг. генерал-лейтенанта Николая Александровича Яфимовича.

В тот раз особое внимание уделялось братскому захоронению, в котором покоятся останки³ скончавшихся от ран, болезней, голода и холода на рубеже 1919–1920 гг. чинов Северо-Западной Добровольческой армии (СЗДА) и беженцев, оставивших Петроградскую губернию и интернированных на территории Эстонской республики. Чудесным образом сохранился памятный знак в виде надгробного креста, воздвигнутый проживавшими в независимой Эстонии русскими людьми в начале 1920-х гг. Вместе с взрослыми петербургские разведчики пропалывали сорную траву, убирали мусор и приводили в порядок ограждение. Позднее в одном из русских зарубежных изданий появилась коротенькая заметка о проведенном в Ивангороде биваке, а спустя месяц автор получил трогательное письмо от Галины Климентьевны Теофиловой-Дыдоровой – дочери и.д. начальника 5-й (Ливенской) дивизии СЗДА полковника К.И. Дыдорова. Из теплых писем возник образ кадрового русского офицера, который во время второй отечественной Смуты встал на сторону тех, кто защищал честь страны от богоразбойников. Пусть эти строки станут венком на утраченную могилу доблестного полковника Дыдорова, чье имя уже навечно внесено в синодик воинов национальной России.

Климент Иванович Дыдоров ро-

дился в Гавани в Санкт-Петербурге 25 января (6 февраля по н. ст.)⁴ 1885 г. в семье заводского служащего, крестьянина Костромской губернии. Мать Климента Ивановича – урожденная Штейнваллер – происходила из мещан Колпино. Будущий ливенец принадлежал к той части общества дореволюционной России, представители которой добивались чего-либо в жизни, благодаря исключительно собственному трудолюбию. Россия с ее достоинствами и недостатками воплощалась для таких людей в повседневном быту с его маленькими радостями, аккуратном исполнении обязанностей службы, в привычном размеренном укладе жизни, с любовью описанных уже в эмиграции П.Н. Красновым и И.С. Шмелевым.

Окончив Императорское техническое училище, Климент Дыдоров некоторое время служил в химической лаборатории мануфактурной фабрики. В 1905 г. он выдержал экзамен на вольноопределяющегося II разряда при 1-м кадетском корпусе и 3 сентября⁵ согласно поданному на Высочайшее Имя прошению после вступительного экзамена был зачислен юнкером рядового звания в общий класс Санкт-Петербургского пехотного юнкерского училища. 30 мая 1906 г. юнкер Дыдоров был переведен в 1-й специальный класс. О его отношении к службе и учебе свидетельствует производство в унтер-офицеры 26 июля 1907 г. с назначе-

нием и.д. фельдфебеля. 5 августа Дыдоров стал младшим портупей-юнкером и спустя двенадцать дней перешел во 2-й специальный класс. 31 октября мы видим его уже старшим портупей-юнкером и 11 декабря – фельдфебелем.

В связи с переходом в 1903 г. юнкерских училищ на трехлетний срок обучения изменились правила выпуска, отныне выпускники делились на 3 разряда. Выпуск по I разряду требовал среднего балла не менее «10» из «12» возможных, по военным предметам – не менее «7», и по строевой службе – не менее «9». Окончившие училище по I разряду, выпускались в полк подпоручиками независимо от наличия в полку вакансий.⁶ Фельдфебель Дыдоров 3 июня 1908 г. был награжден призом как «отличнейший из выпускных по I разряду» и 15 июня по окончании курса наук Высочайшим приказом был произведен в подпоручики в 177-й пехотный Изборский полк 1-й бригады 45-й пехотной дивизии.⁷ Прибыв в полк, квартировавший в Пензе, Дыдоров занял должность младшего офицера 16-й роты. Потекли размеренные служебные будни... 26 июля 1908 г. подпоручик Дыдоров на состязательной стрельбе добился результатов, необходимых для получения Императорского приза, и в дальнейшем сохранил репутацию отличного стрелка.

В 1910 г. Дыдоров окончил окружные гимнастическо-фехтовальные курсы в Казани, а по возвращении в полк принял команду связи. В 1912 г. герой нашего очерка женился на Герте Карловне, урожденной Зейберлих – дочери почетного гражданина, разделившей с мужем весь его нелегкий жизненный путь. Выступив с полком на Великую войну в августе 1914 г., Дыдоров провел весь первый год на фронте, получив все ордена до св. Владимира IV ст. включительно, участвовал в Люблинском сражении, в боях под Ивангородом и в обороне Холма. Будучи прикомандированным с августа 1915 г. к штабу 45-й пехотной дивизии, Климент Иванович занимал должности начальника связи и и.д. старшего адъютанта по оперативной части дивизионного штаба. В июле 1916 г. Дыдоров был прикомандирован к штабу XXVII армейского корпуса в качестве

Чета Дыдоровых в помещении клуба YMCA. Резекне, 1922 г. (предоставлено Г.К. Феофилов-Дыдоровой).

Климент Иванович Дыдоров, Резекне, 1929 г. (предоставлено Г.К. Феофилов-Дыдоровой)

и.д. старшего адъютанта оперативной части, а в октябре направлен на курсы в Императорскую Николаевскую военную академию. По окончании курсов назначен старшим адъютантом по оперативной части штаба 187-й пехотной дивизии. Последней должностью капитана Дыдорова в годы Великой войны стала должность и.д. начальника штаба 18-й пехотной дивизии XIV армейского корпуса. Входящий в состав 5-й армии Северного фронта, XIV корпус неплохо показал себя в июльские дни 1917 г., когда прогрессировали хаос, развал и деморализация армии. В сражении под Якобштадтом 10 июля 18-я пехотная дивизия самоотверженно дралась против частей германской «Двинской группы»⁹, несмотря на то, что в июне некомплект личного состава в дивизии составлял 38 %.¹⁰

Капитан Дыдоров исполнял должность начальника штаба дивизии вплоть до ее расформирования на ст. Старая Торопа восточнее Великих Лук. Пробыв некоторое время с чинами штаба в Ярославле, Дыдоров перебрался в Москву, а потом устроился служить санитаром врачебно-питательного пункта на станцию Себеж и в июне 1918 г. покинул большевицкую столицу. Мотивируя пересечение демаркационной линии необходимостью возвращения к семье в Ригу, Дыдоров был пропущен на территорию оккупированной немцами Латвии и благополучно добрался до латвийской столицы. Здесь осенью он стал свидетелем разложения германских частей и соединений под влиянием революционных известий из Германии. В хаосе ноября 1918 г. зародилась независимость прибалтийских республик. Вместе с тем угроза вторжения через советско-германскую демаркационную линию

частей РККА (10-я Новгородская стрелковая дивизия, 1-й и 4-й латышские стрелковые полки и т.д.) возрастала с каждым днем, а подразделения 8-й германской армии не отличались особенным боевым порывом.¹¹

В первых числах ноября 1918 г. в зале латышского общества в Риге капитан К.И. Дыдоров участвовал в совещании представителей местной общности. Практическим результатом совещания стало рождение 15 ноября добровольческого Рижского отряда охраны Балтийского края, в который вступали латыши, немцы, русские и поляки. Русской (сводной) ротой отряда командовал капитан Дыдоров. Правительство республики во главе с лидером Крестьянской лиги К. Ульманисом общало всем защитникам Латвии права гражданства за разновременное участие в боевых действиях или службу в тыловых частях.¹² В декабре чины Русской роты принимали участие в боевых действиях против большевиков под Огером и Роденпойсом. К тому моменту британские представители в Латвии согласились на использование в Прибалтике немецких добровольческих частей (Freikorps), одновременно формировался балтийский ландесвер – ополчение из местных немцев под командованием майора А. Флетхера. 29 декабря правительство Ульманиса заключило с германским уполномоченным в Прибалтике А. Виннигом соглашение об использовании немецких добровольцев для защиты Латвии от большевиков с последующим предоставлением им гражданства.¹³ Но в тот момент столицу отстоять не удалось.

Жена Дыдорова с маленьким сыном Юрой не рискнула оставить родителей, а ее муж во главе своей роты по-

кинул Ригу 2 января 1919 г. и через Митаву прибыл в Либаву. Здесь в небольшом районе сосредоточились верные национальному правительству Ульманиса добровольческие подразделения, в то время как на большей части Латвии была установлена советская власть. Две недели чины роты отдыхали и приводили себя в порядок перед дальнейшими боями. Независимо от роты капитана К.И. Дыдорова, в Либаве по инициативе Гвардии ротмистра А.П. Ливена началось формирование Либавского добровольческого стрелкового отряда, датой создания которого считается 15 января 1919 г. по одним сведениям,¹⁴ а по другим – 6 января 1919 г.¹⁵ В составе 65 штыков и при двух пулеметах отряд вошел в подчинение командира балтийского ландесвера майора А. Флетхера до будущего воссоединения с русскими частями, базировавшихся в Эстонии. 31 января отряд убыл в Павилоста и в последних числах февраля принял участие в первых операциях против большевиков на левом фланге Либавского плацдарма.

Рота Дыдорова не могла присоединиться к Либавскому отряду Ливена, так как была связана службой в Рижском отряде. Еще 22 января Дыдоров получил приказ выступить из Либавы в имение Рудбарен и подчиниться полковнику О. Колпаку, который командовал добровольцами-латышами. 28 января в составе латвийского батальона Русская рота участвовала в штурме мызы Шрунден, а затем защищала занятую позицию. К тому моменту 2/3 чинов были русскими, остальные – латыши, немцы и др. После изгнания большевиков из Вицдавы и района Гольдингена 8 марта 1919 г. Русская рота капитана К.И. Дыдорова влилась в Либавский добровольческий стрелковый отряд Светлейшего князя Гвардии ротмистра А.П. Ливена. Вплоть до трагического конца СЗДА судьба К.И. Дыдорова оказалась тесно связана с ливенцами, а Дыдорову было суждено стать одним из наиболее близких к Светлейшему князю офицеров. После соединения с Либавским отрядом Дыдоров остался командиром стрелковой роты, заслужив от Ливена отличные служебные аттестации. Дыдоров участвовал в наступательной операции 13–18 марта по линии Гольдинген – Туккум – Митава, которую проводил балтийский ландесвер. За взятие и удержание Митавы Либавский отряд получил благодарность министра внутренних дел республики доктора Вальтерса.

Взятие Риги 22 мая 1919 г. балтийским ландесвером при участии русских

добровольцев серьезно изменило обстановку в Прибалтике, осложненную не только борьбой с большевиками, но и внутренними местными конфликтами. Капитан Дыдоров пробыл в Риге с чинами отряда недолго, но с облегчением узнал о спасении семьи от ливонского террора, оставленной в столице в январе. Репрессии, затронувшие при советской власти многих рижан, Дыдоровых не коснулись, хотя, по собственному признанию главы семьи, «поголодала она здорово».¹⁶ При преследовании отступающего противника 24 мая в лесу близ станции Роденпойс князь Ливен получил тяжелое ранение – пуля раздробила бедренную кость и прошла нижней частью живота. От последствий столь мучительной раны основатель Ливонского отряда страдал вплоть до собственной кончины 3 апреля 1937 г. Это печальное обстоятельство фактически передавало судьбу отряда в руки заместителя Светлейшего князя капитана К.И. Дыдорова.

Пребывая на излечении в госпитале, Ливен получал от Дыдорова исчерпывающую информацию об обострившемся противостоянии между эстонцами, латышами и балтийским ландесвером, пик которого пришелся на июнь 1919 г. Еще 16 апреля командовавший VI немецким резервным корпусом генерал-майор Р. фон дер Гольц совершил в Либаве военный переворот – премьер Ульманис бежал на британский корабль, а к власти пришло прогерманское правительство во главе с пастором А. Ниедрой. После освобождения Риги от большевиков в районе Вендены на севере Латвии начались стычки между частями балтийского ландесвера и латвийской бригадой полковника Й. Земитанса, сохранившего верность смещенному Ульманису. Земитанса поддерживали союзные эстонцы.¹⁷ Основываясь на докладах Дыдорова, Ливен приказал Ливонскому отряду сохранять полный нейтралитет.¹⁸ Благодаря разумной позиции русских добровольцев, конфликт между противоборствующими сторонами не отразился на положении СЗДА, всецело зависевшей от ненадежных эстонских союзников.

Первую половину лета 1919 года капитан Дыдоров провел в Митаве. Здесь находился штаб Ливонского отряда разбросанного по разным стоянкам. В июне отряд разросся до 3,5 тыс. человек, за счет прибывавших из Германии бывших военнопленных и передислоцировавшегося из Польши Полтавского отряда полковника М.Я. Соболевского. В июле 1-й отряд ливонцев, 2-й отряд графа Келлера под ко-

мандованием полковника П.Р. Бермондта и 3-й отряд полковника Вырголича составили Западный корпус СЗДА. В командование корпусом вступил А.П. Ливен, которого Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак назначил командующим всеми русскими стрелковыми частями в Курляндии. Однако на Нарвский фронт убыли только ливонцы, так как Бермондт и Вырголич все более тяготели к фон дер Гольцу. По приказу Ливена Дыдоров выехал в Нарву ранее, чтобы подготовить встречу ливонцам.

На Нарвском фронте в начале августа 1919 г. отряд Светлейшего князя Ливена был переименован в 5-ю (Ливонскую) стрелковую дивизию, включенную в состав 1-го корпуса генерал-майора графа А.П. фон дер Палена. И.д. начальника дивизии ввиду ранения Ливена стал К.И. Дыдоров.¹⁹ Приказом №15 от 10 августа 1919 г. генерала от инфантерии Н.Н. Юденича капитан К.И. Дыдоров был произведен в подполковники.²⁰ Под командованием Дыдорова 5-я дивизия приняла участие в Петроградской операции, продолжавшейся с 28 сентября по 1 ноября 1919 г. Действия ливонцев оказались весьма результативными, во многом благодаря волевым качествам и.д. начальника дивизии. Овладев переправой через Лугу у Муравейно, утром 11 октября ливонцы достигли Балтийской железной дороги (ст. Веймарн), а затем успешно теснили противника до Ропши, развивая операции на Красное Село. Вечером 15 октября подполковник Климент Дыдоров отличился при взятии Высоцкого, обстреляв в решающий момент окопы большевиков из броневедомола и поддержав атаку 19-го Полтавского полка. Взяв Высоцкое, Дыдоров принял решение о незамедлительном движении на Красное Село. Вечером 16 октября ливонцы (18-й Рижский полк), которых радостно приветствовали местные жители, вступили в Красное Село, а к 20 октября достигли окрестностей Лигово.

В последней декаде октября 1919 г. подполковник Дыдоров умело распорядился имевшимися у него в подчинении частями дивизии. В жестоких боях 23–25 октября ливонцы стойко выдержали натиск превосходящих сил большевиков (6-й стрелковой дивизии бывшего подполковника В.В. Любимова) под Русским Копорским. Здесь около 12 часов дня 25 октября в атаке погиб доблестный командир 1-го Ливонского (17-го Либавского) полка генерал-майор барон Ф.В. фон Радеп. Временное оставление Красного Села и Высоцкого не обескуражило Дыдо-

рова, хотя ливонцы понесли большие потери. 1 ноября чины ударной группы генерал-майора Б.С. Пермикина вернули Высоцкое, ливонская разведка вновь замаячила у Красного Села. Однако к тому моменту на фронте СЗДА произошел необратимый перелом в пользу противника в связи с выходом в тыл белых в районе Гдова и Луга – Мшинская частей 15-й красной армии. Дыдоров получил приказ об отступлении и горячо защищал избранную им тактику отступления в вышестоящих штабах. В последующие недели, по выражению А.П. Ливена, Северо-Западная армия «оказалась припертой к эстонской границе, дни ее были сочтены».²¹ Эстонцы грабили северо-западников, тиф, мороз, голод косили чинов армии и следовавших вместе с ней к эстонской границе беженцев.

20 ноября будучи несогласным с тактикой отступления и с пассивностью командования по отношению к судьбам чинов армии и беженцев, подполковник К.И. Дыдоров сдал командование дивизией генерал-майору Б.С. Пермикину, который через несколько суток передал должность генерал-майору Л.А. Бобошко. Хотя Дыдоров был произведен в полковники и назначен командиром бригады новой 1-й дивизии, в которую вошли уцелевшие ливонцы, фактически он остался не у дел. «Дни пребывания армии около эстонской границы были для войск ужасны», – вспоминал позднее Дыдоров.²² В конце концов, чины армии были пропущены на территорию Эстонской республики, пережив невероятные страдания и лишения. Проживая нелегально без документов в Нарве, Дыдоров стремился по возможности максимально облегчить участь ливонцев и искал способы для отправки в недалеком будущем своих соратников из Эстонии в Латвию. Здесь в Нарве Дыдоровых настигло тяжелое горе – 1 декабря 1919 г. от воспаления легких умер их сын Юрий. Смерть сына не сломила полковника, он продолжал заботиться о поездемых вшами и тифом остатках интернированной армии. Дыдоров имел возможность покинуть Эстонскую республику еще до Нового 1920 года, но оказался чуть ли не единственным старшим начальником, пытавшимся приложить максимум сил для облегчения участи северо-западников.

Во второй половине февраля 1920 г. Дыдоровы переехали в Юрьев (Тарту), где открылись новые возможности для оказания помощи чинам армии. Климент Дыдоров участвовал в работе русского съезда в Ревеле в марте 1920 г., а затем служил казначеем в Комитете

эмигрантов в Юрьеве. Здесь в начале 1921 г. он познакомился с господином Шафгаузером – полномочным представителем международного Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ или УМСА). Узнав о намерении бывшего командира ливенцев выехать в Латвию, Шафгаузер предложил ему занять должность председателя небольшого клуба УМСА для солдат без определенных занятий в местечке Режице (Резекне). При отъезде из Юрьева Дыдоровых провожала почти вся русская колония, отдав, таким образом, должное военной и общественной деятельности главы семейства. В Режице четы Дыдоровых поселились по адресу: Rezekne, Ratgales posp. 80.²³ Деятельность клуба УМСА в Режице, благодаря усилиям Климента Ивановича и Гертты Карловны, приняла довольно оживленный характер.

В объединении велась духовно-просветительская и спортивная работа, к участию в начинаниях клуба привлекались представители местной русской диаспоры. В перечне мероприятий клуба стоит упомянуть развертывание ремесленных курсов и курсов по изучению иностранных языков, театральное кружка, проведение спортивных состязаний и даже устройство кинематографа, привлечавшего, по свидетельству Г.К. Феофилова-Дыдоровой, «чуть ли не все население города».²⁴ Здесь в Режице в марте 1921 г. у Дыдоровых родилась дочь Галина, а в 1923 г. – Татьяна. Благодаря познаниям в электротехнике и наличию генератора, сохранившегося после германской оккупации, К.И. Дыдоров сыграл заметную роль в преобразовании Режице. Его стараниями было проведено электричество в городской управе, на почте, в банке, появилось уличное освещение... Климент Иванович открыл электротехнический магазин, бухгалтерию вела его жена, а монтерами работали его бывшие солдаты. Несколько лет в 20-е гг. К.И. Дыдоров был Режицким церковным старостой и председателем Пушкинского клуба.

Полковник Дыдоров не прекращал пытливо интересоваться всем, что происходит на Родине. Ведя большую переписку, он стремился поддерживать морально и материально ливенцев, попавших в трудные житейские обстоятельства. Будучи членом Объединения Ливенцев, полковник Дыдоров состоял постоянным корреспондентом журнала «Служба Связи Ливенцев и Северозападников», выходившего в 1930–1936 гг. Непосредственный начальник Дыдорова – князь А.П. Ливен – в 1927–1928 гг. играл важную роль в

конспиративной военно-политической организации генерал-лейтенанта барона П.Н. Врагеля. Организация Врагеля была создана в противовес разведывательно-информационной части Капцелярии Великого князя Николая Николаевича, деятельность которой возглавлял генерал от инфантерии А.П. Кутепов. Дыдоров и Ливен поддерживали тесные взаимоотношения, но мы не знаем, насколько Дыдоров был посвящен в антибольшевицкую деятельность Светлейшего князя.

Вероятно, какая-то связь имела место, так как в марте 1931 г. латвийская полиция произвела обыск у Дыдоровых, конфисковав письма, документы и некоторые книги. Сам Дыдоров остался на свободе, хотя в тюрьме Режице были отправлены несколько ливенцев, поддерживавших со своим командиром тесный контакт. Еще несколько чинов 5-й дивизии оказались вынуждены покинуть Латвию, переехав в Литву и Германию. Ожидая неизбежного ареста, Дыдоров приехал в Ригу и лично представился начальнику Рижской тюрьмы Озолиньшу. Потребовалось личное вмешательство военного министра Латвийской республики генерала И. Баллодиса, чтобы к лету 1931 г. подтвердилась политическая благонадежность Дыдорова и его полная непричастность к какой-либо деятельности против Латвии.²⁵ Г.К. Феофилова-Дыдорова объясняла автору преследование отца и его подчиненных в 1931 г. якобы имевшимися претензиями правительства СССР к деятельности русской диаспоры в Латвии. Возможно, какую-то роль могли сыграть и местные русофобские настроения.

Репрессивные акты властей по отношению к участникам Белой борьбы произвели на диаспору тягостное впечатление. Дыдоров формально отказался от какой-либо общественной деятельности, не прекратив, тем не менее, частных встреч. В 1935 г. он приобрел небольшой в 15 гектар хутор и с увлечением посвятил оставшиеся годы жизни сельскому хозяйству, продолжая поддерживать связи с однополчанами, ряды которых неуклонно редели. В 1937 г. скончался князь А.П. Ливен, ранее написавший о бывшем своем офицере следующие строки: «Полковник Дыдоров сумел сохранить, укрепить и довести до павысшего героизма тот дух, который удалось вдохнуть в малеский добровольческий отряд и превратить его, сохраняя этот дух, в целую дивизию».²⁶ 10 марта 1938 г. в возрасте 53 лет умер полковник К.И. Дыдоров – замеча-

тельный русский офицер и доблестный ливенец, сохранивший верность России до последнего часа своей жизни. Тело начальника Ливенской дивизии было погребено на Покровском кладбище в Риге, снесенном в 40-е гг. уже при советской власти.²⁷

Примечания:

¹В 1997 г. отряд входил в состав Российского отдела Организации Российских Юных Разведчиков, который возник после разделения по идеологическим мотивам этой юношеской организации в России в ноябре 1996 г. С октября 1998 г. отряд действует в составе Корпуса Разведчиков, входящего в общественную и неправительственную Национальную Организацию Добровольцев «Русь». За период своей службы в Петербурге 1991–2003 гг. отряд разведчиков-дроздовцев провел более 40 лагерей и выпустил более 60 подростков, заслуживших право носить дроздовский шеврон и звание дроздовца.

²Ныне Книгсепп.

³Число захороненных в братской могиле колеблется в пределах от 2 до 5 тыс. человек.

⁴Дата рождения указывается по послужному списку. См. Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. №26837. П/сп. №3221/1909 г. Дыдорова К.И., подпоручика 177-го пехотного Изборского полка. В биографической справке составленной А.П. Ливенюм дата рождения К.И. Дыдорова указывается как 23 января. См. Ливен А.П. Полковник К.И. Дыдоров (Биографический очерк) // Памятка Ливенца 1919–1929. Рига, 1929. С. 53. Ту же дату приводит Н.Н. Рутыч-Рутченко. См. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 222.

⁵Все даты по 1917 г. указываются нами по ст. ст.

⁶Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 117–118.

⁷Входила в состав XVI армейского корпуса (Казанский ВО).

⁸Н.Н. Рутыч-Рутченко указывает, что по окончании курсов Дыдоров был причислен к Генеральному штабу. См. Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 222.

⁹Керсновский А.А. История Русской Армии. М., 1995. С. 751.

¹⁰Френкин М.С. Русская Армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 308.

¹¹Мусаев В.И. Drang nach Osten и русская редакция: история «Западной русской армии» (1919) // Новый Часовой (СПб.). 1998. №6–7. С. 81.

¹²Дыдоров К.И. Формирование русского отряда // Памятка Ливенца. С. 55.

¹³Мусаев В.И. Указ. соч.

¹⁴Ливен А.П. Основание отряда // Памятка Ливенца. С. 13.

¹⁵Личный архив Александра К.М. О князе А.П. Ливене // Копия письма директора Latvijas valsts vestures arhivs №6 – JP – 32431 от 14.01.99. в Ямбургское отделение I отдела РОВС. Копия письма любезно предоставлена автору С.Г. Зириним.

¹⁶Из письма полковника К.И. Дыдорова // Памятка Ливенца. С. 58.

¹⁷Мусаев В.И. Указ. соч. С. 82.

¹⁸Ливен А.П. Наступление в Курляндии // Памятка Ливенца. С. 31.

¹⁹Его же. Июль 1919 // Там же. С. 42–43.

²⁰Выдержки из приказов // Там же. С. 175–176.

²¹Цит. по: Ливен А.П. Указ. соч. С. 47.

²²Цит. по: Из письма полковника К.И. Дыдорова // Памятка Ливенца. С. 59.

²³Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 228.

²⁴Л.А. Г.К. Феофилова-Дыдорова. Климент Иванович Дыдоров (рукописные заметки). С. 1.

²⁵Там же. С. 3.

²⁶Цит. по: А.П. Смерть полк. К.И. Дыдорова. Жизненный путь полк. К.И. Дыдорова. – Его высокий нравственный облик // Сегодня. 1938. 11 марта. №70.

²⁷Л.А. Феофилова-Дыдорова Г.К. Указ. соч. С. 4.

Ю. Серчинский ПАМЯТИ ГЕРОЯ

Умер генерал Борис Сергеевич Пермикин. Имя его было овеяно легендами в Северо-Западной армии.

В конце 1918 – начале 1919 г. он в чине штаб-ротмистра организовал противобольшевицкий отряд из рыбаков Талабских островов, что на Псковском озере. В марте 1919 года его отряд был переименован в Талабский полк и в боевой обстановке стал в полк превращаться. Пополнение он получал от старообрядцев и крестьян, от молодежи – гимназистов и кадет и, главным образом, от военнопленных. И этих совершенно разных людей генерал Пермикин сумел сплотить, связать и спаять так, что в кратчайший срок Талабский полк стал одним из лучших, если не лучшим полком Северо-Западной армии. И все это в почти беспрестанных боях.

Как сплочен и как крепок был этот полк, показали его действия в осеннем наступлении на Петроград. С 9 октября 1919 года, первого удара в Петроградском направлении от Нарвы, по 21 октября – дня занятия Царского Села, полк тараном, с непрерывными боями, идет вперед, всегда впереди, всегда в самых опасных местах.

В рассказе «Купол св. Исаакия Далматского» А. Куприн производит характеристику генерала его подчиненным: «В бою лют, стрелками обожает. В службе требователен. В другое время серьезен и добр, но все-таки надо вокруг него ходить с опаской, без покушений на близость. Зато слово его твердо, как алмаз, и даром он его не роняет».

Но вот 25 октября наступает перелом, и Северо-Западная армия начинает откатываться к эстонской границе. Теперь Талабский полк в арьергарде. Беспрерывными контратаками он сдерживает наступление красных. Его перебрасывают с фланга на фланг, всюду туда, где есть опасность прорыва, катастрофы, и полк восстанавливает положение.

В ноябре Северо-Западная армия прижата к эстонской границе. С одной стороны, красные бронепоезда и свежие отборные части, с другой – проволочные заграждения и эстонские пулеметы.

«Хлеба не было; готовить горячую пищу людям было негде; ели болтушку, - пишет генерал Родзянко, - вообще невозможно описать весь ужас того положения, в которое попала Северо-Западная армия. Бесчеловечное отношение эстонцев переходило все границы».

Генерал-лейтенант Б.С. Пермикин.
(Фото из журнала «Знамя России»,
Нью-Йорк. 1971 г.)

И это не день, не два, а недели, при 20-градусном морозе! И в таких условиях, продолжает генерал Родзянко – «части Северо-Западной армии продолжали доблестно отражать все атаки красных, пытавшихся овладеть Нарвой, и даже, перейдя в частичное наступление. Талабский полк, уже лишенный своего командира генерала Пермикина, удаленного в Гельсингфорс, захватил четыре неприятельских орудия. Но это была «лебединая песнь» Северо-Западной армии».

«Лихого» командира. Да, лихого, конечно... Скакать на коне перед танком, показывая ему дорогу по заболоченной местности под снарядами бронепоезда и огнем красных цепей, - это лихость. Врываться первым в расположение противника во главе своих стрелков – это тоже лихость. Лихость, - нарвавшись на красноармейскую заставу, вдвоем с адъютантом разоружить ее и взять в плен. Но лихостью трудно было кого-либо удивить в Северо-Западной армии, в армии, где командующий генерал Родзянко и командир корпуса генерал граф Пален во весь рост ходили в атаку во главе своих солдат, а другие начальники мало в чем им уступали.

Нет, не только лихостью был отмечен генерал Пермикин. Было в нем то, что роднило его с другим рыцарем Белой идеи, слишком поздно оцененным, - генералом Владимиром Оскаровичем Каппелем.

- Война не страшна ни мне, ни вам, - учил генерал Пермикин своих талаб-

цев. – Ужасно то, что братьям довелось убивать братьев... Жителей не обижать. Пленному первый кусок. Для большевиков всякий солдат, свой и чужой – ходячее пушечное мясо. Для нас он, прежде всего, человек, брат и русский.

Так и генерал Каппель. Разбив и рассеяв десятеро сильнейшего противника, оторванный от баз, без тыла, постоянно в окружении, он собирал после боя пленных, часто по числу превосходивших его маленький отряд, и просто говорил им: «Кто хочет, присоединяйся к нам, остальные свободны идти, куда хотят».

И генерал Каппель, и генерал Пермикин чувствовали трагическую необходимость гражданской войны. Мучались трагедией братоубийства. И в ожесточении боя, и в упоении победой, и в горечи поражения видели во вражеском солдате, прежде всего, человека, брата, русского. Это и было той золотой цепью, которой они раз и навсегда приковывали к себе души людей.

И Талабский полк, к тому времени, наверно, уже больше, чем на половину состоящий из пленных красноармейцев, спаянный волею своего отсутствующего командира, вписал последнюю страницу славы в горькую историю Северо-Западной армии.

Недолго отдыхал в Гельсингфорсе генерал Пермикин. В Польше намечается какая-то возможность продолжения борьбы с большевиками. Генерал Пермикин переезжает в Польшу. За ним, обходя пограничные рогатки, не считаясь с трудностями и опасностями, тянутся его верные талабцы. Генерал Пермикин назначен командующим 3-ей армией генерала Врангеля, формирующейся в Польше. Но Польша заключает с большевиками мир. Русская армия больше не нужна. Не только не нужна, но и обременительна. Генерал Пермикин покидает Польшу. Где он жил и как жил дальше, я не знаю. Но после обнародования Пражского манифеста, он является к генералу Власову и отдает себя в его распоряжение. Имя основателя и командира Талабского полка говорит за себя. Генерала Пермикина, с сохранением чина, зачисляют в резерв чинов РОА.

Но не сулил Господь герою Гатчины и Царского Села еще раз послужить своей кровью родине.

Да будет легка ему чужая земля!

«Новое Русское слово»,
1 апреля 1971 г.

Н.Н. Рутыч

«ПРИРОЖДЕННЫЙ БОЕЦ»

ПАМЯТИ КОМАНДИРА 12-ГО ТЕМНИЦКОГО ПОЛКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

(Автор книги «Белый фронт генерала Юденича» получил справедливые нарекания за отсутствие в ней биографии полковника А.Д. Данилова. Причина проста: своевременно не удалось собрать необходимых архивных материалов. Теперь, благодаря настойчивым и упорным поискам А.Б. Болховитинова (Москва) в полковых фондах, в картотеке георгиевских кавалеров РГВИА, а также сведениям о жизни А.Д. Данилова в Зарубежье, любезно предоставленным В.В. Никоновым (Режица (ныне Резекне), Латвия), этот пробел удалось заполнить. Автор приносит свою самую искреннюю признательность и благодарность А.Б. Болховитинову и В.В. Никонову).

«Храбрый из храбрых. Любим солдатами и офицерами. Спартаец в боевой обстановке и в частной жизни. Вполне соответствует занимаемой должности»¹ - так характеризуется полковник Алексей Данилович Данилов в аттестации, составленной в штабе Северо-Западной армии, 16 декабря 1919 г., вскоре после того, как генерал Юденич передал непосредственное командование армией генералу Глазенапу.

Полковник Данилов родился в 1882 г. в деревне Белополье, Опочечского уезда, Псковской губернии, в крестьянской семье. В 1903 г. был призван в армию и начал службу в 6-м Финляндском стрелковом полку. «Полк сформирован в 1901 г. приказом по военному ведомству № 436; входил в состав 2-й Финляндской бригады, переименованной в 1915 г. в дивизию. В период 1-й мировой войны в составе дивизии был включен в XXII-й армейский корпус и действовал на Юго-Западном фронте...»².

4 стрелковые бригады XXII корпуса стояли в Финляндии. Их личный состав отбирался особенно тщательно. Окончив полковую школу и оказавшись на сверхсрочной службе унтер-офицером, Данилов вышел на фронт 1-й мировой войны командиром взвода в чине подпрапорщика. За первые же бои в Августовском лесу был награжден Георгиевской медалью.

В приказе по полку № 16 от 12 марта 1915 г., где был объявлен список награжденных Георгиевскими крестами «за подвиги и отличия в период боев от 14 сентября по 8 ноября. Георгиевским крестом четвертой степени (№ 38170) был награжден подпрапорщик 8-й роты Алексей Данилов за то, что в бою 18 сентября, находясь с 3-мя отделениями на правом фланге роты, будучи отрезан железнодорожной насыпью от роты, сильным огнем этих отделений, три раза отразил атаки немецкой пехоты силою больше роты и до конца боя удерживал занятую позицию, чем способствовал спокойному отходу рот правого

Слева направо: К.И. Дыдоров, А.П. Ливен, А.Д. Данилов. Резекне, 1929 г. (предоставлено Г.К. Феофиловой-Дыдоровой).

боевого участка на первоначальную позицию»³.

Вскоре, XXII корпус был перебросен в Галицию, где на Карпатах сковал немецкую Южную армию генерала Линзингена.

Как сообщает Л.Ф. Зуров, соратник А.Д. Данилова по Северо-Западной армии, написавший свой очерк «Даниловы» со слов самого Алексея Даниловича Данилова: «в 1914 г., за дело под Бокаларжево, когда он с тремя взводами без поддержки своей артиллерии, отбил три германские атаки, поддержанные 20-ю орудиями и 8-ю пулеметами, ему дали (Георгиевский – Н.Р.) крест 3-й степени и надели офицерские погоны»⁴.

Разыскать приказ о производстве А.Д. Данилова в прапорщики не удалось, но сохранился приказ командующего 11-й армией генерала Щербачева о награждении его офицерским Георгиевским крестом 4-й степени.

Во время вынужденного отступления русских армий из Галиции под натпором превосходящих сил армий генерала Макензена, 2-я Финляндская дивизия получила приказ отбросить противника с левого берега Днестра. Необходимо было взять высоту 335, занятую венгерской пехотой при поддержке немецкой батареи. Выполнить эту задачу было приказано временно командующему 12-й ротой прапорщику Данилову. Наградной лист предельно ясно, хотя и кратко, говорит об исключительной доблести недавно

произведенного в офицеры Данилова:

Он был награжден «за то, что командуя в бою 27 мая 1915 года при деревне Вишинов ротой, атаковал с ней по открытой местности, укрепленную позицию противника на высоте 335, довел роту до удара в стыки и, опрокинув сильнейшего противника, захватил с боя два действующих пулемета. Обнаружив затем за горой 335 батарею противника, стрелявшую по нашим цепям, прапорщик Данилов по собственной инициативе, атаковал ее и захватил 2 орудия с зарядными ящиками и передками, переколов прислугу»⁵.

В самом конце боя, уже на неприятельской батарее, Данилов был ранен в ступню и, сдав командование ротой фельдфебелю, по пути в полевой лазарет доложил командиру батальона полковнику Васильеву о необходимости вывезти захваченную им батарею⁶.

По возвращении из госпиталя, произведенный в подпоручики, Данилов принял третью роту своего 6-го Финляндского полка, занимавшего позиции впереди города Броды. 9 августа 1915 г. в полк прибыл и вступил в командование выдающийся военный мыслитель и доблестный офицер, полковник Генерального штаба Александр Андреевич Свечин. За полтора года службы под его началом Данилов многому научился. Говоря о категории офицеров в своем полку, произведенных из фельдфебелей и сверхсрочных унтер-офицеров А.А. Свечин писал: «...самым выдающимся был Данилов, дослужившийся уже при мне до штабс-капитана (в действительности до поручика; вспоминая о своем полку в 1930-м году, А.А. Свечин несколько ошибся – Н.Р.) и имевший офицерский орден Георгия за взятие весной 1915 г. австрийской батареи. Из псковского крестьянина выработался удивительный боевой организм. Имея перед фронтом неприятеля, Данилов не знал ни минуты покоя: его окопы были всегда в блестящем виде, блин-

даже в чистоте, выметены, а в мокрых местах сообщения был устроен досчатый тротуар.

А все свободные минуты он проводил на избранном им наблюдательном пункте; когда я видел его, застывшего с биноклем у глаз, не моргая высматривавшего часами слабые места в расположении неприятеля, не обращающего внимания на падающие чемоданы и тяжелые мины, мне так и напрашивалось сравнение Данилова с хищником подстерегающим свою жертву. Ни один кадровый офицер не мог так подробно и толково доложить о недостатках нашей и неприятельской позиций, как этот прирожденный боец⁷.

Пока полком командовал полковник, а затем генерал-майор Свечин, подпоручик, а вскоре поручик, Данилов получил ряд боевых наград, в том числе ордена Св. Станислава 3 степени, с мечами и бантом⁸.

В период развала армии поручик Данилов подал рапорт об уходе, указывая свою категорию по ранениям, и в конце 1917 г. прибыл в родное Белоборье, Псковской губернии. Здесь на родине он вернулся вместе с братьями к крестьянскому труду. Но до самого марта 1918 г., когда по Брест-Литовскому миру немцы оккупировали Псков с частью губернии, А.Д. Данилова и его братьев не оставляли в покое красногвардейцы, требовавшие «излишков» у бывшего офицера. В одной из стычек с ними Алексей Данилович Данилов был ранен вместе со своим братом Ермолаем⁹. Прибывшие немцы не тревожили заслуженного офицера.

В конце сентября 1918 г. в Пскове, по инициативе русских офицеров началось формирование Псковского Добровольческого корпуса. 15 октября поручик А.Д. Данилов был зачислен в Островский полк в качестве командира отдельного партизанского отряда.

Капитуляция Германии в ноябре 1918 г. и уход 5-й ландверной немецкой дивизии из Пскова, занятого 25 ноября 7-й красной армией, вынудил Псковский Добровольческий корпус к отступлению в Эстляндию. Вместе с Островским полком под командованием полковника Д.Ф. Дзержинского, отряд поручика А.Д. Данилова отошел сначала в район Бокендорф – Пескала, а затем занял оборонительные позиции в 55-60 км. Южнее Ревеля.

После подписания 8 декабря 1918 г. командующим Псковским корпусом, переименованным в Северный, полковником Г.Г. Нефом договора с эстонским правительством о снабже-

нии корпуса, в оперативном плане корпус был подчинен эстонскому главнокомандующему генералу И.Я. Лайдонеру. В начале января 1919 г. 1-я эстонская дивизия генерала Теннисона совместно с Островским полком, отрядом ротмистра Бибикова и другими небольшими русскими частями, в том числе и с отрядом поручика Данилова, перешли в контрнаступление и 19 января, заняв Нарву, вышли на рубеж реки Наровы, где перешли к обороне.

28 января 1919 г., новый командующий Северным корпусом, полковник Д.Ф. Дзержинский, бывший непосредственный начальник поручика А.Д. Данилова, произвел инспекторский смотр его отряда и поблагодарил за готовность к боевым действиям.

7 февраля 1919 г. партизанский отряд поручика Данилова совершил свой первый самостоятельный набег на занятые красными хутора Лавиконда и Куок. Разведывательный поиск прошел удачно, без потерь. Было захвачено два пулемета с лентами и 14 пленных. 10 февраля отряд Данилова, имея в строю 75 штыков и два трофейных пулемета, осуществил смелый набег на деревню Поле. Деревня была занята, но из-за огня подошедшего бронепоезда красных, отряд был вынужден отступить. Эстонского прикрытия на месте не оказалось. При отходе был убит помощник Данилова штабс-капитан Белякович, пытавшийся огнем двух пулеметов заставить отойти с пути отхода отряда бронепоезд красных. Рапорт о его героической гибели Данилов сохранил, он опубликован в очерке Л.Ф. Зуровым¹⁰.

Успешные разведки боем и приток добровольцев подтолкнули Данилова на смелую операцию в районе Темницкой усадьбы, где был расквартирован 50-й полк красных. С согласия командира батальона 4-го эстонского полка, он выступил 7 марта 1919 г. в набег со 145 добровольцами. Ночью были перерезаны телефонные провода, с тем, чтобы вызвать телефонистов на проверку и взять их в плен. Данилов узнал расположение рот полка, место, где стоит на позиции батарея и главное, пропуск. Благодаря этому, часовые были захвачены без сопротивления, а внезапная ночная атака увенчалась полным успехом. Большинство красноармейцев сдались, а отдельные здания, откуда начали отстреливаться, забросали гранатами.

Прапорщик Баранов и заранее отбронированные артиллеристы захватили орудия и открыли из них огонь по пытавшимся наступать из хуторов от-

дельным ротам красных. На одном из хуторов был подожжен дом с оборонявшимся противником. Выскакивавшие из огня расстреливались из пулеметов¹¹.

В имении Темницы было захвачено 206 пленный, 4 орудия с зарядными ящиками, 55 лошадей, 2 пулемета «Максим», 154 винтовки с патронами, рогатый скот и большие склады с хлебом и крупой.

Из 206 пленный в отряде было оставлено 86 добровольцев, остальные были отправлены в лагерь военнопленный. Унтер-офицеру Михайлову было приказано набрать полный кадр орудийной прислуги. Благодаря искусным и тщательно продуманным действиям командира, отряд потерял только одного тяжело раненого и несколько легких.

Темницкая операция и боевой опыт командира отряда обратили внимание генерала А.П. Родзянко, когда в начале мая 1919 г. он, приняв командование корпусом, приступил к разработке плана наступления на петроградском направлении. Отряду Данилова было приказано выйти в тыл красных и захватить штаб 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии, находившейся в селении Попкова Гора. «12 мая, вернувшись из Нарвы – вспоминает генерал Родзянко – ...я лично проводил молодецкий Даниловский отряд в набег»¹². Сняв кокарды и нацепив красные звезды, отряд – произведшего накануне в штабс-капитана Данилова – переправился незаметно на плотках через реку Плюсу и обойдя деревню Залесье, где стояла красная застава – конная команда охраны штаба 3-й бригады – к 5-ти часам утра развернулся для внезапной атаки Попковой Горы.

Деревня была взята после короткого боя. Был захвачен и командир бригады, бывший генерал Николаев вместе со своим штабом, почти в полном составе. Бежать удалось только начальнику штаба бригады Силкину¹³. Другой офицер штаба – Шаперин, встретил партизан Данилова с улыбкой, сказав «мы вас давно поджидаем»¹⁴.

Подрывникам Данилова удалось опрокинуть с насыпи бронепоезд красных, разобрав рельсы. Два других, запертые крушением первого, сдались.

Благодаря дерзким и в то же время исключительно смело продуманным действиям штабс-капитана Данилова, Островский полк полковника Палена с приданными ему частями смог на следующий день на подводах подойти к переправам через реку Лугу у Муравейно (Муравино),

отрезав путь к отступлению левобережным частям красных. Удар, нанесенный 3-й бригаде 19-й стрелковой дивизии, был настолько стремительным и сильным, что 14 мая начальнику штаба бригады Силкину удалось собрать лишь 76 человек и обоз полков бригады, причем только у 25 из них оказались винтовки¹⁵.

Переправившись через реку Лугу у Поречья, отряд штабс-капитана Данилова уже 16 мая участвовал в успешном бою за станцию Веймарн, занятие которой означало выход в тыл 6-й дивизии красных, поспешно бросившей город Ямбург, где были оставлены значительные запасы продовольствия и снаряжения и около 50 груженных вагонов.

Не допустив, таким образом, отступления 6-й дивизии вдоль Балтийской железной дороги и петроградского шоссе и вынудив ее уходить лесными дорогами, бросая обозы и артиллерию. Главная группировка белых «из Талабского и Волынского полков, одного конного полка, и как пишет Д. Надежный – партизанского отряда Данилова и четырех орудий, а также партизанских отрядов, организованных из местного населения, - действовала вдоль Балтийской дороги¹⁶.

Эта группа заняла 20-го мая станции Волосово и Кикерино. Путь на Гатчину был открыт. Но под давлением генерала Лайдонера, генерал Родзянко решил остановить наступление.

«Ни у меня, - писал Родзянко, - ни у кого другого не могло быть и мысли о занятии Петрограда такими ничтожными силами¹⁷. А восстания на форту «Красной Горки», перехода на сторону белых Семеновского полка и других частей он не предвидел в силу полной беспомощности разведывательного отделения в его штабе.

В итоге, после восстания на Красной Горке 11 июня, когда главное командование перебросило значительные резервы в 7-ю красную армию к северу от Балтийской железной дороги, завязались упорные бои. Здесь, в районе Каськово, около 20 мая 1919 г. «...храбрый штабс-капитан Данилов был ранен в руку»¹⁸.

Вскоре отряд Данилова был развернут в полк, получивший наименование Темницкого Гренадерского полка, в память лихого захвата Темницкого имения. В это время, раненый штабс-капитан Данилов лечился в Ямбурге. Здесь его лично посетил генерал Родзянко и вскоре подписал приказ о его производстве в капитаны.

Вернувшись в полк, отступивший вместе со всем корпусом генерала Па-

лена на левый берег реки Луги, капитан Данилов был назначен командиром 1-го батальона. В сентябре генерал Родзянко спохватился и поспешил назначить 7-го октября 1919 г.¹⁹ А.Д. Данилова командиром Темницкого Гренадерского полка, с производством в полковники (приказ о производстве, как это часто случалось в штабе Северо-Западной армии, был отдан с опозданием (10 октября 1919 г., поспешно, в день назначенный для общего наступления на Петроград)).

Готовя операцию «Белый меч» с выходом Северо-Западной армии к Петрограду, генерал Родзянко, ставший помощником главнокомандующего генерала Юденича, придавал особое значение действиям 3-й дивизии генерала Ветренко, в задачу которой входил захват Варшавской железной дороги у станции Преображенская (Толмачево) с мостом через реку Лугу, что с одной стороны изолировало лужскую группу 15-й красной армии от Петрограда, а с другой открывало одно из главных направлений на Петроград, вдоль Варшавской железной дороги и идущему параллельно ей Петроградскому шоссе.

Зная недисциплинированность и своеволие начальника 3-й дивизии Ветренко, генерал Родзянко, как помощник главнокомандующего, решил лично направиться в 3-ю дивизию с тем, чтобы иметь возможность в случае необходимости сохранить темп операции, ибо, как он сам пишет, в ее замысле – «главное было в быстроте и решительности»²⁰.

В начале октябрьского наступления на Петроград, основная роль при прорыве противника на фронте 3-й дивизии представлялась Данилову. Как и в мае, он должен был выйти в тыл и занять теперь деревню Поле.

«По трудности перехода по болотистым дорогам и даже тропинкам (и это ночью – Н.Р.) и по решительности боевых действий, движение Темницкого полка нужно отметить – пишет генерал Родзянко – как пример доблести, выносливости и умения маневрировать»²¹.

Благодаря Данилову и его полку, к вечеру 10 октября, то есть в первый же день наступления, вся 3-я дивизия подошла к деревне Поле где уже находился полковник Данилов, удачно прорвавшийся в тыл противника...»²².

Воспользовавшись его успехом, 3-я дивизия заняла 12 октября важную в стратегическом отношении деревню Красные Горы, откуда вели дороги как на восток, на станцию Преобра-

женскую, так и на северо-восток, на станцию Мишинская, находившуюся еще ближе по направлению Петрограда. 13 октября, 3-я дивизия двинулась на станцию Преображенскую, а еще ночью Темницкий полк с батареей выступил по труднопроходимой, лесной дороге на Мишинскую, и успел до рассвета, стремительным ударом занять эту станцию, отрезав пути отхода к Петрограду гарнизону Преображенской.

14 октября 3-я дивизия заняла Преображенскую, но здесь командир дивизии генерал Ветренко, вместо того, чтобы воспользоваться успехом полковника Данилова и двинуться по Варшавской дороге на север через Мишинскую на Петроград, объятый «рискобоязнью» поспешил на юг и занял в тот же день с Красногорским полком город Лугу, как раз тогда, когда Георгиевский полк 1-й дивизии генерала Дзержинского, согласно плана, вошел в нее с другой стороны.

Вернувшись из «прогулки» туда и обратно Лугу и потеряв драгоценные сутки, генерал Ветренко только 15 октября выступил на север и через Мишинскую вышел к Сиверской, которую занял без сопротивления. Хорошее Куровицкое шоссе, ведущее из Новосиверской в Вырицу на Витебской железной дороге, не было занято красными. И, следовательно, дорога на Тосно на Николаевской (Октябрьской) дороге была еще открыта. Занять эту станцию (и взорвать мост через реку Тосно) возможно было утром 16 октября, для того чтобы помешать красным перебрасывать резервы из Москвы в Петроград.

Вечером 15 октября генерал Родзянко отдал свой приказ № 223 генералу Ветренко, в котором требовал: «Выделить... отряд, под командой решительного офицера, силой не меньше двух батальонов при взводе артиллерии. Отряду этому двинуться из деревни Выра через деревню Сиверская, деревни Вырица, Лисино на станцию Тосно. Цель отряда – занять и взорвать мосты, как на железных дорогах, так и на шоссейных путях, идущих на юг из Петрограда, дабы красные не могли воспользоваться поездами и подвозить подкрепления»²⁴.

Через час, вечером того же 15 октября, генерал Родзянко снова приказал «выделить отряд под командованием решительного офицера, но не менее полка с батареей и двигаться тем же путем – на станцию Тосно и форсированным маршем занять станцию с разрушением всех железнодорожных мостов»²⁵.

Казалось бы, что не было лучшего кандидата для выполнения этих приказов чем полковник Данилов, со своим Темницким полком.

Но, генерал Ветренко, как видно из полевой книжки его начальника штаба подполковника Кусакова, и не собирался выполнять приказы генерала Родзянко, считая занятие Тосно «лишним» (25). Вместо выполнения приказа, генерал Ветренко отправил в Вырицу одну роту, а сам со всей дивизией двинулся на Гатчину, которую, согласно плану, должна была занять 2-я дивизия генерала Ярославцева.

В ночь на 16 октября, Темницкий полк ворвался в Гатчину и занял вокзал на Варшавской железной дороге. Его командир остановил возникшую ночью перестрелку с Семеновским полком 2-й дивизии, вошедшей в Гатчину с юга²⁶. В результате, несмотря на «прогулки» в Лугу, генерал Ветренко не занял Тосно 16 октября, откуда открывалась дорога на незащищенное Колпино, то есть в тот день, когда, согласно замыслу генерала Юденича, Северо-Западная армия уже должна была выйти к предместьям Петрограда (в это же время, согласно плану, 5-я дивизия под командованием полковника К.И. Дыдорова заняла Красное Село). Интуиция генерала Юденича не обманула его: только на следующий день – 17 октября, в Петроград прибыл поезд председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого и только тогда же, 17 октября, была отдана директива Главного командования Красной армии (за подписью С.С. Каменева) о начале переброски по Николаевской железной дороге, через Тосно, многочисленных резервов для создания ударной группы С.Д. Харламова в Колпино, включая, в том числе, бригаду курсантов и 5-й латышский полк из Москвы²⁷.

Генерал Родзянко не настоял на выполнении своих приказов от 15 октября, и не проверил их исполнения, хотя располагал всеми правами для этого. Он мог бы отдать приказ лично хорошо ему известному полковнику Данилову, занять Тосно и вписать, быть может, самую славную страницу в боевой путь полка.

Только 19 октября генерал Ветренко выступил из Гатчины после двухдневного отдыха. К этому времени, паника в частях 7-й красной армии улеглась и 3-я дивизия натолкнулась на упорную оборону у Царской Славянки. Павловск был занят утром 21-го, а уже 22 октября, ударная группа бывшего полковника генерального штаба С.Д. Харламова перешла из

Колпино в наступление. 23-го, позиции 11-го Вятского полка были прорваны на опушке Павловского парка и 3-я дивизия, а за ней и 2-я, оставили Павловск и Царское Село. В ходе дальнейшего отступления Темницкий полк сохранил свою боеспособность. Как и другие части, он понес тяжелые потери от страшной эпидемии тифа, разразившейся в Эстонии после ликвидации Северо-Западной армии 22-го января 1920 г.

Сделав все возможное для своих солдат и добившись небольшого пособия от Ликвидационной комиссии, полковник Данилов переехал в Латвию, где, видимо не без содействия полковника К.И. Дыдорова, поселился на хуторе близ Режицы (в Jēnisu Sadra) и занялся земледелием.

Оказавшись в эмиграции, он не остановился в своей борьбе с большевизмом. Согласно данным политуправления Латвии, любезно сообщенным нам В.В. Никоновым, он уже в 1922 г. находился в списке лиц, подлежащих высылке из страны за свою антисоветскую деятельность. Этого, к счастью, не случилось. 10 лет спустя в 1932 г. он попал в список из 20 лиц, переименованных в официальном советском меморандуме с настойчивым требованием их высылки. В этом меморандуме А.Д. Данилов числился как активный член РОВСа, неоднократно переходивший советскую границу и ведущий отправку белой литературы и людей в Советский Союз. Позже, в 1935 г. согласно докладов агента политуправления Латвии в Берлине Виталинша, сообщавшего о деятельности генерала А.А. фон Лампе, указывалось, в частности, что занимающийся разведкой в СССР полковник Непорожный поддерживает свои давние связи с полковником А.Д. Даниловым, характеризуя его, как одного из самых деятельных активистов на границе, располагающим возможностями перехода границы СССР.

О трагическом конце доблестного полковника А.Д. Данилова пишет «Двинский Вестник» от 25 августа 1943 г. В статье говорится, что полковник был вывезен органами НКВД 19 июля 1940 г. то есть в первые же дни занятия всей Латвии советскими войсками и еще до свержения 21 июля «буржуазного правительства» Латвии.

Весьма возможно, что А.Д. Данилов был расстрелян, как и его сосед по режницкому уезду генерал-майор Михаил Алексеевич Афанасьев, по приговору Военного Трибунала Прибалтийского особого военного округа в Балтзерсе (Белое Озеро) под Ригой.

Примечания:

¹Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Дело по описи П.А. и Н.А. Томиловых 117, с. 79.

²РГВИА. Ф. 3320, Д. 73, Лл. 1-2.

³РГВИА. Ф. 3320, Д. 78, Л. 113.

⁴«Белое дело. Летопись белой борьбы» // т. 2, Берлин, 1927, с. 158.

⁵РГВИА. Ф. 400, Оп.12, Д. 26979, Лл. 104-110; Наградной список с наградными листами подписал и.д. дежурного генерала штаба XI армии, генерального штаба полковник Н.В. Пневский.

⁶Там же, Л. 209.

⁷Свечин А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914-1918 гг. Т.1, М.-Л. 1930, с. 30 и далее. Цит. по «Офицерский корпус Русской армии», «Российский военный сборник», Вып. 17, М., 2000, с. 260.

⁸РГВИА. Ф. 3320, Оп.1, Д. 92, Л.1.

⁹«Белое дело». Указ. соч., с. 165.

¹⁰Там же, с. 177-178.

¹¹Здесь и далее, вплоть до эпизода пленения командира 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии красных, мы пользуемся очерком Л.Ф. Зурова «Даниловы», в конце которого опубликовано заявление самого А.Д. Данилова: «Все написанное соратником Леонидом Зуровым о 12-м Темницком Гренадерском полку – правда. В основу им обработанного, легли крепко врезавшиеся в память воспоминания, рассказы участников боевых дней и немногие уцелевшие книжки донесений и приказов, что хранятся у меня в виде документов. А.Д. Данилов». «Белое дело». Указ. соч., с. 106.

¹²Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921, с. 37.

¹³Надежный Д. На подступах к Петрограду летом 1919 года. М.-Л. 1929, с. 39.

¹⁴«Белое дело». Указ. соч., с. 195.

¹⁵Надежный Д. Указ. соч., с. 40.

¹⁶Там же, с. 49.

¹⁷Родзянко А.П. Указ. соч., с. 44.

¹⁸Там же, с. 54.

¹⁹Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Дело по описи П.А. и Н.А. Томиловых 117, с. 79.

²⁰Родзянко А.П. Указ. соч. с. 108.

²¹Там же.

²²Там же.

²³Там же, с. 109.

²⁴Там же. Приложение № 17, с. 150-151.

²⁵Там же, с. 251.

²⁶Подробнее см. в биографии ген. Д.Р. Ветренко, в кн. «Белый фронт генерала Юденича», М., 2002, с. 164-165.

²⁷Директива Главного Командования командованию 7-й армии о создании группы в районе Петрограда для окончательного разгрома армии Юденича: 17 октября 1919 г. в 15 ч. 30 мин. // Директивы Командования Красной Армии (1917-1920). Сб. док. М., 1919, с. 393.

Александр Д—ский

ПОДПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РУДАКОВ

Прежде чем говорить о подвигах помощника командира 12-го Темницкого гренадерского полка подполковника Николае Васильевиче Рудакове в Северо-Западной армии, позволю себе остановиться на его биографии до момента появления у власти большевиков.

Родился Н. В. Рудаков 22 ноября 1889 года в погосте Малах, ныне расположенном в Эстонии в Печерском уезде, а ранее в Псковском уезде. Род Рудаковых – старинный духовный род в Псковской епархии. По окончании земской школы Рудаков поступил в Псковское духовное училище, а потом в Псковскую духовную семинарию, но живой его натуре была не по духу семинария, откуда он ушел и поступил в Псковское Коммерческое училище. По окончании его Рудаков поступает на службу в Псковскую контрольную палату, где и застала его Мировая война. События войны не могли пройти мимо такой натуры, Рудаков был весь объят происходящими событиями, а потому в первый же прием в Чугуевское военное училище он уже был зачислен юнкером. 1 мая 1915 года последовало производство его в прапорщики. С производством в первый офицерский чин Н. В. Рудаков не искал случая устроиться в тылу, а по собственному своему желанию был прикомандирован к Двинскому военному округу и получил назначение в посад Замбров Ломженской губернии в 59 запасный маршевый батальон, откуда через несколько дней был отправлен в 4-ую действующую армию. Дежурный генерал армии назначает прапорщика Рудакова в 6 Сибирский корпус в 54 Сибирский стрелковый полк. «Так вступил в атмосферу долгожданной жизни», - пишет Рудаков в своем дневнике. В это время Русская армия под давлением больших сил германцев и австрийцев покидала с боем одну позицию за другой. 27 июля 1915 года при дер. Невзвяды (около гор. Люблина) во время боя прапорщик Рудаков был ранен осколками 6-дюймового снаряда и засыпан землею; раны были в ногах и левой руке. По выздоровлении 3 января 1916 года прапорщик Рудаков вернулся на позицию в свой полк под город Ригу. Серьезных операций на фронте в это время никаких не было. Дело сводилось к ежедневным перестрелкам. Так протекли конец зимы, весна и лето 1916 года под г. Ригую. 6 августа из штаба корпуса

была получена телефонограмма о наборе добровольцев для партизанского отряда; цель отряда – поймать «языков» пленных. Прапорщик Рудаков сразу же вступил в отряд и был назначен командиром пехотной части. Здесь он в первый раз встретился с корнетом Балаховичем, который командовал в отряде конницей. Исполнив успешно задачу, отряд был расформирован. Конец 1916 года опять протекал на фронте спокойно. 25 декабря 1916 года началось наступление русских войск. Был страшный бой, во время которого 29 декабря осколком шрапнели прапорщику Рудакову выбило зубы, раздробило левую челюсть, оторвало кусок языка и кусок губы. После выздоровления он поступает в полк Увечных воинов, где и остался до момента падения русской армии и появления у власти большевиков. За время Мировой войны прапорщик Рудаков получил производство до капитана и ордена Станислава и Анны 3-х степеней с мечами и бантами.

Надорванное здоровье во время Мировой войны все-таки не удержало штабс-капитана Рудакова от активной борьбы с большевиками. Он весь горел желанием борьбы с губителями родины, отечества и армии. Свое желание – желание борьбы с большевиками – штабс-капитан Рудаков скоро смог осуществить. В Пскове началось формирование Северного корпуса. Рудаков в числе первых офицеров приехал из пригорода Печер в г. Псков и зачислился в формируемый корпус; назначение последовало в гор. Остров, Псковской губернии. Не суждено было Северному корпусу развернуть свои действия в 1918 году в районе формирования. Поспешный отход немцев из оккупированной области поставил Северный корпус в жалкое положение, а потому частям корпуса с немцами пришлось сразу же покинуть города Псков, Остров и Двинск. С момента отступления Северного корпуса и начинается его боевая эпопея. Небольшая горсточка добровольцев, теснимая красными, с боем отступала на Валк и с Валка на Мойзекуль. О состоянии добровольцев и не приходится говорить, только сильная вера в торжество правды давала ту неутомимую энергию, с которой они, не обращая внимания на холод и голод, обороняясь, отступали и не падали духом. Наконец, 30 декабря отступление прекращается, и отряд до-

бровольцев останавливается у местечка Боригузена, где находится до 10 января 1919 года, а потом переводится в имение Тойс. Здесь отряд разбивают на сотни. Той сотней, в которой находился штабс-капитан Рудаков, командовал поручик Данилов. 1 февраля был получен приказ грузиться русскому отряду на Нарвское направление. 2 февраля отряд прибыл на станцию Корф, откуда и отправился на фронт в деревни Криуши и Долгая Нива. Здесь, заняв определенный участок, добровольцам сразу же приходилось нести, как охрану участка, так и разведку. Не проходит дня, чтобы вновь прибывшие части не давали чувствовать себя большевикам. Появились и трофеи – пулеметы, винтовки, патроны и пленные. Через пленных были получены сведения, что в имении Темницы сосредоточена большая военная база. Поручик Данилов, а отсюда и Даниловская партизанская сотня, решил взять эту базу. Штабс-капитан Рудаков в сотне был старшим офицером. Сотня численностью около 125 штыков для более успешного наступления на имение Темницы была разбита на 2 полусотни; одной командовал поручик Данилов, а другой – штабс-капитан Рудаков. 7 марта сотня выступила и в 7 часов утра 8 марта, перерезав все телефонные провода, идущие из Темницы, штабс-капитан Рудаков, направился на имение, а поручик Данилов остался в резерве. По пути следования к имению штабс-капитан Рудаков со своими солдатами поймали красноармейца с кухней, следующую в Темницы. Конвоируя большевицкую кухню, добровольцы вступают без выстрела в имение. Большевики, видя во вновь прибывшей части смену, очень спокойны, и только тогда, когда были окружены все постройки и добровольцы закричали о сдаче, началась паника. 4 орудия были уже заняты. Обезумевшие красноармейцы бросились бежать, но полусотня во главе с поручиком Даниловым лежала в цепи и стреляла по убегающим. Кроме орудий, в руки добровольцев попало 2 пулемета, 400 снарядов, несколько тысяч патронов, гранат, 20 телефонов, 11 коров, 95 лошадей, 206 пленных, бинокли, артиллерийские приборы и масса другого имущества. Через 2 часа, т.е. в 9 часов уже добровольцы уходили обратно. После этого набега жизнь в Даниловской сотне потекла в занятиях и частичных стычках с большевиками.

Наступила весна. Благодаря генералу Николаеву, находившемуся на службе у большевиков, переправа через реку Плюссу, была невозможна; везде стояли большевистские посты. Наконец, поручик Данилов совместно с штабс-капитаном Рудаковым нащупали слабое место охраны и в одну из темных весенних ночей на одной лодке переправили всю сотню и сами перешли на другой берег. Задача была поставлена – ликвидировать штаб дивизии и бригады. Для того, чтобы провести эту операцию, сотня опять была поделена пополам; во главе одной стал поручик Данилов, а другой – штабс-капитан Рудаков. Теперь сотне пришлось удалиться на двадцать с лишком верст в тыл. Идя незамеченным по лесам и болотам, штабс-капитан Рудаков вывел свою полусотню ночью в указанное место. Штаб бригады был расположен в деревне. Перехватив по пути ординарца и узнав от него пароль, добровольцы двинулись в деревню. Все начальство спало, и только дежурные бодрствовали. Дело нескольких минут и штаб бригады не существует. То же самое делает и поручик Данилов со штабом дивизии. Опять трофеи попадают в руки добровольцев. Начальник большевистской дивизии, бывший генерал Николаев попался в плен. Связь с управляющим центром была потеряна, фронт красных дрогнул, в результате взят Ямбург и ряд деревень. При малочисленности белых войск наступательные движения можно было делать только тогда, когда в тылу у неприятеля работали партизаны. Прошел небольшой период времени, как Даниловская сотня делает новый набег. Штабс-капитан Рудаков со своей полусотней целых

полчаса разгуливает среди красных, поджидая взрыва пути, но красные заметили, наконец, присутствие чужих, и вот к Рудакову подходит группа красных офицеров с командиром бригады и комиссаром во главе. «Какой Вы роты», - раздается вопрос. «Советской роты», - отвечает унтер-офицер. «Ну-ка, советские, построитесь!» – командует красный командир. В ту же минуту Рудаков видит, что коммунисты начинают их окружать. А взрыва нет... «Руки вверх! Граната!» – командует Рудаков. Летят ручные гранаты, раздается пальба во все стороны. Одновременно открывает стрельбу полусотня во главе с Даниловым в толпу ополоумевших большевиков. Красные обратились в дикое бегство, и только отбежав от станции, коммунисты выставили пулемет, но 2-ой взвод партизан сбил их и захватил 8 пулеметов и 200 пленных. Взята станция Кикерино. Фронт катится опять на восток и доходит почти до Гатчины. Но здесь приходится сказать горькую правду. Горсточка самоотверженных героев, ставшая во имя спасения родины на карту свою жизнь, несет все лишения без всякого ропота. Когда эти герои творили чудеса храбрости, не было никого, по колю скоро появилась завоеванная территория, откуда-то появились неведомые люди и начали через штабы распорядиться этими геройскими жизнями.

Пошли интриги, и наступил у этих героев перелом. Северо-Западная армия откатилась на Запад до Ямбура. При обратном отступлении штабс-капитан Рудаков был ранен в левую руку. За боевые подвиги штабс-капитан Рудаков награжден Владимиром 4-ой степени с мечами и бантом и произведен в

капитаны. Летом 1919 года началось переформирование Северо-Западной армии. Даниловская партизанская сотня была переименована в 12-й Темницкий гренадерский полк. Помощником командира полка был назначен капитан Рудаков. Началось наступление на Петроград. Каждый час давал все новые и новые события. Но каким быстрым темпом шли события, таким же темпом и оборвались. Не проходит и нескольких дней, как Северо-Западная армия была прижата к реке Нарове. Надежды все рухнули, но все-таки горсть добровольцев находила себе забвение быть на фронте. Капитан Рудаков, уже будучи больным, примкнул к этой горсточке, но болезнь взяла свое и свалила его окончательно. Полковой доктор хотел эвакуировать его в тыл, но капитан Рудаков не позволил, говоря, что умирать надо со своими братьями по службе. Надорванное здоровье в Мировой войне плюс воспаление легких и катастрофа с армией – вот те три фактора, которые согнали в могилу героя. 26 февраля 1920 года не стало незаметного воина. За 4 года войны вражеская пуля не могла сразить, а болезнь доконала такую твердыню. Перед концом своей жизни капитан Рудаков получил производство в полковники. 28 февраля тело подполковника Рудакова было предано земле на Ивановском кладбище и перевезено в погост Тайлово, Печерского уезда, где одиноко живет его родная мать. Сколько погибло таких незаметных героев! Пусть будет пухом для тебя земля.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Архив Северо-Западной армии, Папка 3-10, № 3.

А. Пюккенен

ПОЛКОВНИК ЭЛЬВЕНГРЕН – СОЛДАТ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Среди возвращающихся к нам имен героев Белого движения достойное место должен занять и полковник Георгий (Юрь) Эльвенгрен. Потомок старинного финляндского рода, боевой офицер Великой войны, герой Освободительной войны в Финляндии, один из основателей Народного Союза Защиты Родины и Свободы, погибший в застенках ВЧК – это далеко не все, что смогли вместить беспокойные 37 лет его жизни.

Страницы родословной.

Карельский (Восточно-финляндский) род Эльвенгрен восходит к XVIII веку. Основателем его был офицер шведской армии Энок

Эльвенгрен (1685–1773 гг.). Родителями его были писарь кавалерийского полка Каспер Эльвенгрен и Хелена Ридер, жившие в Выборге.

Родившись в Выборге, он поступает на службу в Карельский кавалерийский полк полковым писарем, становится корнетом, а в 1718 г. лейтенантом. В 1714 г. он женится на Анне Карлштадт, участвует в Северной войне.

Через 200 с лишним лет потомок шведского офицера отдаст жизнь за Россию...

У него было три сына, основавшие три ветви большого рода. Интересно, что дед основателя рода Иоган Эльвен-

грен служил писарем в Ниеншанце – столице шведской провинции Ингерманландия в середине XVII века. Через 300 лет его потомок возглавит правительство Северной Ингерманландии. Георг-Вильгельм (Георгий, Юрь) Эльвенгрен (Эльфенгрен) родился 20 сентября 1889 г. в г. Фридрихсгаме (Хамипа) в семье офицера Финляндской армии (войска автономного Великого княжества Финляндского) Уно Эугена Эльвенгрена и Аделаиды-Марии Щавинской. Детские годы его (1899-1900 гг.) прошли в Сортавала, где он, как и его младший брат Евгений Владимир учились в начальной школе, а затем – в реальном лицее.

Ладожская Карелия... Здесь еще в первой половине XX века можно было записывать неизвестные калевальские руны, исполняемые под магические звуки кантеле рунопевцем, не знающим ни одного нотного знака. Здесь, в Приладожье, веками жили рядом лютеране и православные, потомки самых древних жителей этого края. Восток и Запад не то что бы соприкасались здесь, они были неразделимо слиты в каждом здесь жившем. Один поэт воспевал сияющие на солнце купола Валаама, другой – суровый скандинавский закон, приняв который они стали частью Европы. Но и тот, и другой с восторгом осознавали себя карелами. Бурный национальный подъем второй половины XIX века захватил и Карелию, осознавшую себя частью молодой финской нации, обретающей свою культуру, искусство, государственный язык. Первые 10 лет жизни, проведенные на берегах Ладоги, не могли пройти бесследно. И через много лет в скупых строчках протокола допроса мы увидим слова Эльвенгрена о том, что он всегда считал себя карелом. Судьбы его родителей, людей, по-видимому, тоже неординарных, заслуживают особого исследования. Отец был офицером Финляндской армии – войск автономного Великого Княжества Финляндского. Закончив Николаевское кавалерийское училище, он служил в драгунском полку, квартировавшем в Вильманстранде (Лаппеенранта), где дослужился до звания ротмистра. Какое-то время он служит в Санкт-Петербурге, здесь в 1891 г. рождается брат Георгия Эльвенгрена Евгений – Владимир, о котором также пойдет речь в настоящем исследовании. В 1903-1905 гг. подполковник Эльвенгрена был кригскомиссаром (начальником призывной комиссии) Бьернеборга (Пори). Финляндия имела свои собственные войска, не входящие в структуру Русской армии и подчиненные непосредственно Императору. Войска эти состояли только из граждан Княжества и могли использоваться лишь на его территории (исключение составлял гвардейский батальон, прославившийся во время битвы при Шипке в 1879 г.). Во время политического кризиса 1902-1903 гг., связанного с попытками Николая II ограничить автономию Финляндии, Уно-Эуген сохранял лояльность Российской империи, за что был внесен активистами в список «оппортунистов» – финнов, чрезмерно преданно служащих России. Интересно, что в этот список попал и Маннергейм. Финляндия сохранила свою ав-

тономию, однако собственные войска - батальоны и драгунский полк - в 1901 г. были упразднены. В 1918 г. 63-летний Уно Эуген вступает в вооруженные силы ставшей независимой Финляндии и остается на службе до своей смерти в мае 1927 году.

Мать, Аделаида-Мария Щавинская в начале века проживала в Санкт-Петербурге по адресу Екатерининский канал 4. Известно, что она занималась литературными переводами со шведского и датского для журнала «Исторический вестник».

Армия, война.

В 1900 г. 11-летний Юрье поступает в кадетский корпус. 8 лет его жизни проходит в казармах Санкт-Петербурга. Он последовательно меняет 1-й Санкт-Петербургский (1900-1903 гг.), Морской (1903-1906 гг.) и Александровский кадетские корпуса. «Физическое развитие соответствует возрасту, хотя кажется худым и хилым, но никогда не болеет», «малооткровенный, малоправдивый, хитрый, к взысканиям относится озлобленно». Такие характеристики будущего полководца гражданской войны встречаем мы в скупых строчках документов морского кадетского корпуса. Первые годы учебу осложняет плохое владение русским языком, которое, очевидно, в значительной мере повлияло на упомянутые в характеристиках черты характера. Казалось бы, военная карьера – не его планета. Однако трудности преодолены, и Георг не мыслит себя вне армии. Закончив кадетский корпус императора Александра 15 августа 1908 г., он поступает в престижное Николаевское кавалерийское училище (в этом же училище обучался когда-то Маннергейм), которое оканчивает по первому разряду, и 6

августа 1910 г. в звании корнета поступает в престижный Лейб-гвардии в Кирасирский Ее Величества полк. Полк квартировал в Гатчине.

«Аттестация за 1912 г. корнета Георгия Эльвенгрена, младшего офицера лейб-гвардии Кирасирского Ее величества полка, составленная командиром полка: «Корнет Эльвенгрена очень хороший строевой офицер, увлекается военным делом и все ему порученное выполняет с большим рвением и любовью; к нижшим чинам отлично относится, тактичен, дисциплинирован, и воспитан. Как полевой командир выдающийся, очень любит разведку и очень способствует успеху разведывательной службы и полевой работы в эскадроне Ее величества. Любит лошадь и спорт. Здоровья крепкого и вынослив. Нравственен и умственных качеств хороших. Отличный товарищ и враг интриг. К вину пристрастия не имеет. Несмотря на недолгую службу в полку вполне заслуживает звания «отличного» обер-офицера».

Служба в полку прекрасно описана в изданных за рубежом мемуарах князя В.С. Трубецкого «Воспоминания кирасира». В 1912 г. он поступает вольноопределяющимся в учебную команду полка. В мемуарах красочно описывается быт офицеров, отношения в офицерской среде, большие маневры в Красном Селе, на которых присутствовали члены императорской фамилии и сам Николай II. Упоминается и корнет Эльвенгрена.

«После «мертвого часа» (которым мы, вольноперы, почти никогда не пользовались, ибо для этого нам нужно было бы бежать домой) до самого вечера производились занятия гимнастикой, пешим строем, вольтижировкой, фехтованием, стрельбой в тире. Этими занятиями в большинстве ведал помощник Палицына молодой и акробатически ловкий чернявенький корнет Эльвенгрена, финн по происхождению – кумир всех Гатчинских гимназисток».

В ноябре 1913 г. Георгий подает прошение о переводе в резерв. В книге финского историка П. Невалайна коротко отмечено, что Эльвенгрена уволился в резерв в связи с финансовыми трудностями. Начавшаяся первая мировая вскоре возвращает его в ряды полка. В составе полка принимает участие в сражениях. В 1916-1917 гг. адъютант командира 3-го армейского корпуса. За выполнение боевой задачи, требовавшей исключительного мужества, поручик Эльвенгрена награждается орденом Св.Георгия 4-й степени.

«...25 мая 1916 г. поручик Г.Е. Эльвенгрена, призванный из запаса Гвардей-

ской кавалерии, состоявший адъютантом при командире 3-го армейского корпуса, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что 21 февраля 1915 г. в период февральских боев Ковенского отряда, проник в тыл неприятеля и, ежеминутно рискуя жизнью, вел наблюдения и давал весьма ценные сведения о действиях противника, разрушая при этом неприятельские телеграфные и телефонные провода, чем принес весьма существенную пользу делу, способствовал успешным действиям наших войск...»

(Высочайший приказ о военных чинах от 25 мая 1916 г.).

В период февральской республики ротмистр Эльвенгрэн становится заместителем Союза Георгиевских кавалеров. Союз Георгиевских Кавалеров и Военная лига возникли весной - в начале лета 1917 г. В Корниловском выступлении Эльвенгрэн не смог принять участия. В самом его начале, 24 августа, по требованию Петроградского Совета Эльвенгрэна высылают из России (через Финляндию) в довольно странной компании Манасевича-Мануйлова, Бадмаева и Вырубовой под охраной думской милиции. Однако 29 августа в Рихимяки революционные солдаты по решению другого Совета (Гельсингфорского) задерживают их и отправляют назад в Россию. События эти кратко отражены в кадетской газете «Речь» от 24 и 29 августа.

Крым.

В октябре 1917 г. в Симферополе национальными лидерами крымских татар был создан Сейм, взявший на себя полноту власти в Крыму. Татарское национальное движение «Милли Фирка» стало единственной организованной силой в регионе, взявшей на себя защиту демократических ценностей и прав всего населения Крыма. Правительство опиралось на сформированную в период февральской республики дивизию из крымских татар, расквартированную в Симферополе, Ялте и Бахчисарае, и две артиллерийских батареи. Некоторое время сохранялось хрупкое двоевластие. В начале января большевики, собрав силы, внезапно атаковали татарские формирования. После боев татарских кавалеристов с матросами, произошедших в нескольких местах, контроль над Крымом безраздельно перешел в руки большевиков. В командовании татарскими отрядами участвовал и кавалерист ротмистр Эльвенгрэн.

Герой Рауту.

В феврале 1918 г. через Петроград Эльвенгрэн тайно переправляется в Финляндию, охваченную гражданской

войной. За создание вооруженных сил со свойственной ему неисчерпаемой энергией принимается генерал Маннергейм. Подпольная организация в Петрограде организует переправку из России в Финляндию офицеров-финнов, служивших до этого в русской армии. 18 февраля 1918 г. он зачислен в списки личного состава финской армии как ротмистр.

12 марта Эльвенгрэн принимает на себя командование 1-м Карельским полком, сформированным из местных отрядов шуцкора (местной самообороны белых). Перед ним ставится задача остановить вторгшийся в районе Раасули (Орехово) двухтысячный отряд большевиков и красных финнов и освободить захваченный ими крупный населенный пункт Рауту (ныне Сосново) в восточной части Карельского перешейка. Под началом Эльвенгрэна было 630 человек. Здесь проявляется талант Эльвенгрэна, способность брать ответственность на себя, принимая нестандартные решения. 25 марта небольшой отряд переходит границу и разрушает приграничную станцию Лемболово, лишив красных возможности получить подкрепление. Усилив свой полк подошедшими егерским батальоном и артиллерийской батареей, Эльвенгрэн начинает обстрел Рауту. После артиллерийской подготовки начинается кровопролитный бой, измотавший обе стороны. Ночью красные вывели из строя орудия и длинной колонной двинулись по шоссе в сторону границы, где красные попали под ураганный огонь пулеметов. После этой победы Эльвенгрэна называют «героем Рауту». Вот что писал в своих мемуарах Маннергейм.

«Наиболее сложная обстановка сложилась на плацдарме близ Ладожского озера. Там 1-й Карельский полк шуцкора под командованием ротмистра Эльвенгрэна перекрыл дорогу через Вуокси на Кивичеми. Ему противостоял отряд численностью до двух тысяч человек, который имел на вооружении большое количество пушек и пулеметов. Этот отряд захватил железнодорожную станцию Рауту. ...Эльвенгрэн решил проявить инициативу и принял решение начать активную оборону. 25 марта подразделение его полка предприняли глубокий рейд на территорию России, чтобы перерезать дорогу на Петроград. Одновременно шуцкоровцы окружили части в Рауту. Мы нашли возможность усилить полк егерским батальоном и несколькими батареями. 5 апреля противник был разгромлен и бежал за

границу. Доблестные карелы захватили отличные военные трофеи – 15 орудий, 49 пулеметов, 2000 винтовок и огромное количество боеприпасов. Потери шуцкоровцев в этих боях были велики, и, тем не менее, победа в Рауту позволила укрепить исходные позиции для предстоящего наступления на Карельском перешейке».

В конце апреля полк подошел к Терийоки, но выпущен был отступить, попав под артиллерийский огонь. Однако на следующий день красные сами оставили Терийоки под угрозой окружения. Эльвенгрэн становится командантом Терийок. Временным полицмейстером он назначает известного поэта и общественного деятеля Микко Уоттинена.

Еще один свидетель тех дней – писатель Леонид Андреев, живший на своей даче в Ваммелсуу (ныне Серово). Всю жизнь ждавший революции, он был потрясен февральским хаосом, а после октября стал эмигрантом, никуда не уезжая. Ходя по нетопленным продуваемым ветром коридорам огромного дома, и слушая, как жена играет на расстроенном рояле «Боже царя храни», он мучительно размышляет о том, почему заря свободы, забрезжившая над Россией, превратилась в невиданную тиранию. Записи в дневнике от 23 апреля 1918 г.: «О взятии Терийок слышали от красногвардейцев, которые бегут целыми толпами. Перед глазами встают домики Ваммелсуу, украшенные белыми флагами, и отряд белых кавалеристов, проскакавший в сторону Ипо». В записи, датированной 21 апреля 1918 г. приводится приказ Эльвенгрэна (перевод Л. Андреева на русский язык).

1. Объявляю, что временным полицмейстером Терийокского района назначаю писателя Микко Уоттинена.

2. Объявляю, что все жители Терийокского района должны иметь при себе надлежащее удостоверение личности для проживания в вышеозначенном районе. Удостоверения выдаются в Терийокском Полицейском Управлении, и объявляю, что все, которые после 7 мая окажутся без данного удостоверения будут расстреляны.

3. В дополнение объявляю, что все те русскоподанные, которые желают выехать из страны, должны явиться в Терийокское Полицейское управление, где можно узнать подробности отъезда. Отъезд назначен на 5 мая.

4. В виду того, что прошлой ночью какие-то темные лица произвели несколько выстрелов по нашим патрулям, объявляю, что за каждый выстрел

расстреляю 25 человек из числа арестованных.

Командир 1-го полка Карельской Армии, комендант Терийокского района полковник Эльвенгрэн.

«Да, это ужас. Но еще больший ужас в том, что результат оправдывает меры. И там, где людей расстреливают как собак, воцаряется мир, благоволение и весьма чуткое чувство законности.... Да, милости ждать трудно. Я хотел написать слезницу в белогвардейский штаб, но... Помимо уверенности, что ничего не выйдет, вдруг стало стыдно вылезать со своей гуманностью, что-то на Горького похоже ...»

Я – карел.

После освободительной войны Эльвенгрэн входит в состав делегации финляндской Карелии, передавшей председателю парламента Свиухувуду пожелания, касающиеся обустройства Карелии.

Перед нами строки из уникального документа – протокола допроса Эльвенгрэна, извлеченных из архивов ФСБ ингерманландским историком Михаилом Таргайненем, автором недавно изданной книги «Ингерманландский излом».

«Финская Карелия с центром в городе Выборге имеет свое особое наречие финского языка и много других отличий, которые делают ее жизнь несколько обособленной от остальной Финляндии. Она всегда более или менее предьявляла тенденцию к этой своей особой от остальной страны жизни. Я, как финляндец, считался всегда и сам себя считаю карелом (финским), так как происхожу из деревни Кармала, недалеко от города Сердоболя, в котором в народной школе и получил свое начальное образование. В связи с этим в Освободительную войну я командовал Карельским фронтом (частью его), был командиром крестьянских частей, из которых по окончании войны при формировании регулярной армии был создан Карельский гвардейский полк. (Приказ о формировании Карельского полка был зачитан К.Г. Маннергеймом во время парада победы 16 мая 1918 г. в Хельсинки. Карельская бригада, в которую в дальнейшем был преобразован полк, и сейчас входит в состав вооруженных сил Финляндии.- примечание автора). По окончании войны был делегатом от Карельского народа и карельских частей (кроме карельских, там были и другие войска) в делегации Карелии, которая тогдашнему главе правительства Свиухувуду заявила требования Карелии, которые шли вразрез с желаниями военных и других полити-

ческих кругов остальной Финляндии. По своему участию в финской внутренней политике меня всегда считали и называли карельским деятелем (по финской Карелии). Я был хорошо известен, и когда я приходил на какое-либо торжественное собрание или другое место в Гельсингфорсе, где имелся оркестр, то меня всегда встречали Карельским маршем. Я хочу сказать всем этим, что уже с начала самостоятельности Финляндии название Карелия было всегда связано с моим именем. Первое время я оставался в Карелии (финской) и проявлял там особую деятельность в вопросах внутреннего устройства Карелии, что вызывало иногда недовольство главы государства, в то время Маннергейма, который за мной следил и стремился прекратить эту мою деятельность, вызывая даже меня оттуда раз для объяснений и хотел мне запретить въезд в Карелию».

После войны Эльвенгрэн занимает должность пограничного коменданта и начальника Выборгского и Пограничного округов шюцкора. 17 сентября 1918 г. он был отстранен от должности и уволен в запас.

Историк Пекка Невалайнен характеризует период пребывания Эльвенгрэна на этом посту как «короткий и скандальный». По его мнению, Эльвенгрэн не смог работать по правилам мирного времени из-за привычки к партизанскому стилю руководства. В начале 1919 г. Эльвенгрэн женится на дочери полковника русской армии Наталии Куколь-Яснопольской. Они живут в Выборге. Весной 1919 г. Эльвенгрэн разрабатывает планы совместного наступления на Петроград армии Юденича и финской армии, которые обсуждает с различными финскими политиками.

Северная Ингерманландия.

Из протокола допроса:

«Таким образом, делегация (Временная комиссия Северной Ингерманландии) эта на пути своем из пограничной области в Гельсингфорс, остановилась в Выборге, где я тогда постоянно проживал, и явилась ко мне. Должен признаться, что до этого я об Ингерманландии и ингерманландцах почти понятия не имел, очень туманно и смутно представлял себе, кто они. О восстании знал лишь из газет, не имея до этого никакого к ним ни отношения, ни касательства. В этот период я проживал с семьей в Выборге, где жене делали очень серьезную операцию, а я за компанию, чтобы быть вместе, лечился от головы, затем мы устроились городской квартире и после сравнительно не-

давней свадьбы, проводили мирно время начала семейной жизни. ...

В делегацию эту входили, насколько я помню, Титтанен, старик Тапанайнен (отец), и Кокко. Переговоры вел главным образом Титтанен... В результате этой поездки и переговоров я был вызван в Хельсинки к военному министру и получил через него указание правительства принять на себя организацию и руководство ингерманландским отрядом, так как правительством было решено помочь ему оружием и другими видами снабжения».

Вскоре вопрос будет согласован, и Юрье Эльвенгрэн отправится в глушь ингерманландских лесов, надеясь оттуда разжечь пламя крестьянской войны. Пока же в распоряжении было лишь 580 человек и несколько пулеметов. Так начался новый период в жизни Юрье Эльвенгрэна, пожалуй, самый удивительный. К сожалению (а может – к счастью) перья российских романистов не коснулись эпопеи Кирьясало – истории нескольких сотен ингерманландских финнов, бросивших вызов всемогущей ЧК и продотрядам и создавшим на самом севере Петроградской губернии подобие независимого государства, включавшего в себя 15 км территории и пять небольших деревень. Было и свое правительство – Временная комиссия Северной Ингерманландии. Почти сразу приняв командование, Эльвенгрэн отдает приказ о наступлении. На несколько дней в руках повстанцев оказывается почти вся пограничная полоса. Однако после того, как красные перебрасывают подкрепление, повстанцы отступают, сохранив за собой Кирьясальский выступ.

В течение лета-осени 1919 г. Эльвенгрэн устанавливает постоянный контакт с представителем Юденича в Финляндии генералом Гулевичем и главой Северо-Западного правительства Лианозовым. Серьезная финансовая помощь со стороны белых помогает создать свой госпиталь, ввести собственную форму, улучшить довольствие. Новое наступление, начавшееся 21 октября, планируется совместно с Юденичем. Одновременно со стороны границы должны были выступить четыре дивизии финской армии. Но совместное наступление не удалось. Начав наступление на несколько дней раньше согласованного срока и окрыленный первыми успехами, Юденич отказался от помощи финнов, хотя в Финляндии уже была объявлена мобилизация.

«С получением сего, поручаю Вам немедленно сообщить правительству

Финляндии, что наступление Финляндской армии на Петроград будущим правительством России будет рассматриваться как акт, враждебный России» - гласила телеграмма Юденича в МИД Финляндии. Стольберг немедленно отменил мобилизацию. Уже через несколько дней глава Северо-Западного Правительства Лианозов будет посылать отчаянные телеграммы в Финляндию с просьбой помочь терпящей поражение армии, однако получит категорический отказ. Однако выход из игры Финляндии ничего не менял в планах Эльвенгрена. 21 октября ингерманландцы начали наступление. Кульминацией его должно было стать Токсово и выход к северным окраинам Петрограда. При штабе Эльвенгрена в качестве наблюдателей находились четыре офицера Северо-Западной армии. Эльвенгрэн не знал о том, что именно в этот день Северо-Западная армия потерпела поражение у Пулковских высот. Это позвонит красным перебраться на перешеек дополнительные силы.

«Помню, в этот день выпал первый снежок. Обходная колонна двух батальонов была под командой Турранена. Я с Титтаненом оставался в Кирьясалах, где были сосредоточены пулеметы с их командами. Когда в условленное время этот обоз с пулеметами стал подходить к опушке леса, то из укрепленных позиций, которые были лучше защищены, чем раньше, по лесу и дороге был открыт пулеметный и ружейный огонь. Оркестр, который был при этом обозе с пулеметами, заиграл ингерманландский марш, а пулеметы были сняты с телег и развернулись в широкую цепь, после чего по сигналу начальника всей этой колонны одновременно открыли огонь». После ожесточенных боев у станции Куйвози (Грузино) повстанцы отступили.

В 20-е и 30-е годы коммунистическая власть выпускала немало пропагандистской литературы на финском языке, предназначенной для ингерманландских финнов. Повстанцы и их командир демонизировались в лучших традициях советской пропаганды... Так, в вышедшем в 1930 г. в Петрозаводске сборнике «На фронтах гражданской» (под редакцией Тойво Антикайнена) опубликованы две статьи, излагающие данные события с точки зрения большевиков. В статье «Воспоминания об Эльвенгреновском фронте» красный финн Лемпинен утверждает: «Все войско Эльвенгрена состояло из 250-300 человек. Это вполне соответствовало его грабительским рейдам. После этого он

организовал вылазки небольшими группами в приграничные местности, грабя и сжигая все, что было доступно ему». Кстати, вокзал в Куйвози до сих пор «украшает» доска, повествующая о том, что здесь в 1919 г. «в боях с белофиннами пал комиссар Иустин Жук». После поражения Эльвенгрэн разворачивает подготовку нового наступления. На прошедшем в Рауту собрании Эльвенгрэн становится председателем Временной комиссии (главой правительства) и получает фактически неограниченные полномочия. Для налаживания штабной работы и службы в полку на должность пачальника штаба приглашается брат Евгений Владимир Эльвенгрэн (родился в 1891 г.), майор, командир батальона инженерных войск в Миккели. В свойственном ему ироничном стиле Георгий характеризует своего брата, угрюмого нелюдимого финна (полную противоположность себе). Брат был большим знатоком в области современной военной науки, владел несколькими иностранными языками. Накопив некоторую сумму, он оставляет через некоторое время военную службу, перебирается в Америку, где начинает простым рабочим, а через несколько лет становится директором паровой линии, воплотив финско-американскую мечту того времени. Евгений-Вольдемар прожил долгую жизнь и умер в 1978 г. в далеком Торонто.

Из протокола допроса:

«Перед Рождественскими праздниками ко мне на позиции приехала погостить моя жена и привезла с собой целый транспорт разных полезных подарков ингерманландцам и их детям, которые она за долгое время скопила, собирая их всюду, частью сама сработала. Здесь были ящики с разным теплым и другим бельем, теплые перчатки, валенки, разная одежда, башмаки и сапоги, табачицы, детские книжки и игры и т.д. На праздники она ездила по деревням и избам и все это раздавала. Сама туркестанка, она 10 последних лет прожила в Финляндии, и, общаясь постоянно с беднотой, научилась говорить по-фински, что имело значение при общении с ингерманландцами. Будучи русской, она очень беспокоилась, чтобы русские красноармейцы и вообще пленные, находясь у ингерманландцев, не страдали от своего положения. Мне пришлось свести ее к ним, чтобы она могла увидеть и поговорить с ними и успокоиться на этот счет...»

Заслужив безграничное доверие местных жителей - ингерманландских финнов, Эльвенгрэн мечтает в буду-

щем представлять их интересы в народном представительстве Свободной России, подобном Учредительному Собранию. Однако 2 февраля 1920 г. Эстония подписывает мирный договор с большевиками. Находившееся на ее территории Северо-Западное правительство расформировывается. Финское правительство принимает решение включить Северо-Ингерманландский полк в состав пограничной стражи, предварительно сократив до батальона. Временная Комиссия вынуждена согласиться на это - никаких других возможностей содержать полк не было. Министр внутренних дел Ритавуори выступает против того, чтобы Эльвенгрэн оставался на своем посту. Эльвенгрэн 12 февраля оставляет свой пост и вскоре становится представителем Врангеля и Савинкова в Финляндии. До мая 1920 г. Эльвенгрэн остается председателем Временной комиссии Северной Ингерманландии. В случае новой активизации белой борьбы в России, он намеревается быстро вернуть себе пост командующего, опираясь на авторитет среди ингерманландцев.

12 апреля 1920 г. на станции Раяйоки начинаются мирные переговоры между Финляндией и Советской Россией. Одним из предложений финляндской стороны была демилитаризация приграничной полосы по обе стороны границы, что обозначало бы разоружение ингерманландцев или, по крайней мере, вывод их из Кирьясало. Уже оставивший пост командира Эльвенгрэн и Антти Титтанен прибывают в Раяйоки и встречаются с членами финской делегации, чтобы убедить последних в недопустимости разоружения ингерманландских повстанцев. Вскоре после этого, 23 апреля, ингерманландские повстанцы атакуют группу красноармейцев в районе Ласисаво (Стеклянный). 15 красноармейцев были убиты или ранены. Повлияло ли это на ход событий, но 24 апреля переговоры прерываются более чем на полгода.

Белая эмиграция.

Несмотря на то, что идея совместного выступления Финляндии и русских белогвардейцев была окончательно похоронена, многие финские военные оставались сторонниками военного и политического сотрудничества в тех или иных формах с различными силами, ведущими борьбу против большевиков. Внимание руководителя финской разведки Бертеля Озолина привлекает созданный Савинковым в Варшаве (при поддержке Пилсудского) Русский Политичес-

кий Комитет. Формально признавая старшинство Врангеля, РПК по многим вопросам занимал особую позицию. Так, РПК был готов безоговорочно признать независимость всех государств, отделившихся от России. По поручению Озолина, Эльвенгрэн выезжает в Варшаву, где встречается с Савинковым и становится его представителем в Финляндии. Сформированная РПК армия включала в себя знаменитую партизанскую армию Булак-Балаховича и дивизию, сформированную из солдат и офицеров белых армий, оказавшихся в результате боевых действий на территории Польши и интернированных там. Предпринятое осенью 1920 г. наступление, начатое совместно с Вооруженными силами Юга России и Петлюрой, проваливается. Польша, уже ведущая в Риге мирные переговоры с Советской Россией, интернирует армию... РПК переименовывается в РЭК (Русский Эвакуационный комитет). Савинков стремится при формальном роспуске армии сохранить ее в виде небольших отрядов, расположенных вдоль границы. В подготовительном совещании, прошедшем 5 января в Варшаве, участвует Эльвенгрэн как представитель Белоруссии и крестьянских отрядов Севера России. Для работы в Финляндии, Прибалтике и на Северо-Западе России ему выделяется 500 000 польских марок. Известно письмо Савинкова главе французской военной миссии в Варшаве Нисселю, в котором он просит снабдить Эльвенгрэна дипломатическим листом для доставки денег в Финляндию.

Назначить белорусом!

Финские власти с подозрением относились к деятельности белых организаций, и Тайная полиция следила за ними. В одном из дозвещений, Предназначенных министру иностранных дел Холсти, отмечалась активная деятельность «известного белого полковника» Эльвенгрэна, направленная на вербовку офицеров, желающих воевать в России. Эти документы освещают еще один малоизвестный, но любопытный эпизод - активное сотрудничество Эльвенгрэна с эмигрантским правительством Белорусской Народной Республики. В мае 1920 г. в Хельсинки прибывает официальный представитель БНР генерал Алексей Васильковский. 25 июня он получает официальные полномочия представителя БНР в Финляндии, а Эльвенгрэн - его советника. Чтобы как-то обосновать назначение Эльвенгрэна, не знавшего белорусского языка, в документах утверждалось,

что Эльвенгрэн родился в Белоруссии (что, как мы знаем, не соответствовало действительности).

Из письма Василя Захарко (главы делегации БНР для переговоров с Советской Россией, Ревель) Вацлаву Ластовскому (премьеру БНР, Рига) за 21 июня 1920 г.

«... Теперь другое дело - это приезд сюда Генерала Васильковского с полковником. Вся информация они передадут Вам устно. С их слов я вижу, что генерал очень твердо стоял на почве нашего государства, вел борьбу с врагами и как нельзя лучше освещал наш вопрос перед представителями Антанты, на протяжении 8 месяцев, не взяв от нас, до сей поры, ни гроша. Сами понимаете, что должна сказать ему Батьковщина...»

«... Я уже сказал, что уважаемый генерал с весьма серьезным полковником передаст Вам, о чем мы беседовали с Министром иностранных дел...»

«... Еще более просим, чтобы не было отказано в назначении генерала нашим полномочным дипломатическим представителем в Финляндии, а советником полковника Эльвенгрэна, весьма способного человека, хорошо знакомого с национальными движениями народов. Он белорус Мисской губ».

«... Как в Финляндии, так и здесь у генерала и полковника много знакомых, которые могут что-нибудь сделать...»

Назначение «горячего карельского парня» белорусом выглядело довольно комично, но гражданская война знала и не такие комбинации. Впрочем, мать нашего героя звали Аделаида-Мария Шавинская и, возможно, у нее были белорусские корни. С большой степенью вероятности можно предположить, что Эльвенгрэн так или иначе ссылался на это.

Известно также, что в мае 1921 г. Эльвенгрэн был уволен с поста советника.

Документы позволяют сделать предположение о каком-то конфликте между Васильковским с Эльвенгрэном (с одной стороны) и правительством БНР - с другой. Однако, в чем он состоял - пока не понятно.

Восставший Кронштадт.

Через Эльвенгрэна, в начале 1921 г. осуществляется связь с действовавшей в Петрограде подпольной организацией профессора Таганцева, с которой Эльвенгрэн, очевидно, поддерживал связь еще во время событий в Кирьясало. Известен доклад Эльвенгрэна Б. Савинкову о подполье в Петрограде и Кронштадтском восстании, опровергающий многие устоявшиеся представления о событиях того времени. «В Петрограде давно уже работала

организация для подготовки переворота изнутри.. Организация эта объединяла в себе (или вернее, координировала) действия многочисленных (мне известны девять), совершенно отдельных самостоятельных групп, которые, каждая сама по себе, готовились к перевороту. Группы эти в большинстве случаев представляют собой чисто военную (боевую) организацию с участием командного состава и солдатского состава красноармейских частей, причем большинство их в политическом отношении стоит определенно на точке зрения беспартийности». В докладе Эльвенгрэн писал о существовании в Кронштадте подпольной группы, связанной с общей организацией, что опровергает ставшее хрестоматийным представление о кронштадтских событиях, как о стихийном выступлении, а также о каком-либо серьезном влиянии на произошедшие события анархистов. «Начало Кронштадтского восстания явилось, благодаря отсутствию достаточно хорошей связи, результатом печального недоразумения и потому оказалось хотя и сильным, но оторванным от общего плана, недостаточным подготовленным и преждевременным».

Одновременно с началом Кронштадтских событий руководитель подпольной организации в Петрограде сенатор Таганцев передает Эльвенгрэну указание вместе с ингерманландскими отрядами начать наступление на Петроград с Севера. Таганцев не знал, что никаких отрядов в распоряжении Эльвенгрэна уже не было. В подробной докладной (датирована 5 июня 1921 г.) Эльвенгрэн информирует о контактах с эсеровской группой, действовавшей на территории Эстонии. Эсеры издавали газету и пытались подпольно доставлять ее в Россию (Псковскую губернию) через Эстонскую границу. Из докладной видно, что Эльвенгрэн пытался использовать свои связи среди финских военных для создания «окна» на финской границе. Кроме того, эсеры вели активную работу среди беженцев из Кронштадта, размещенных в лагерях на территории Финляндии. Официальным представителем этой группы в Суоми был некий Энцильд, живший в Какисалми (ныне Приозерск). Деятельность группы в этот момент была затруднена отсутствием средств.

Союз Защиты Родины и Свободы.

13-14 июля 1921 г. в Варшаве вместе с Б. Савинковым и полковником Гнилорыбовым Эльвенгрэн учреждает Народный Союз Защиты Родины и Свободы, возглавляет входящий в его

структуру «Всероссийский союз офицеров», занимающийся переброской партизанских отрядов в Белоруссию и на Северо-Запад России. Известно, что Эльвенгрэн был в списках офицеров, которые должны были руководить планировавшимся рейдом в Белоруссию и Западную Россию осенью 1921 г. Письма с приказом начать выступление уже были разосланы местным организациям и военным формированиям союза, в том числе и Эльвенгрэну в Хельсинки. Под давлением поляков, не желавших в этот момент ухудшения отношений с Советской Россией, выступление было отменено. В 1922 г. Эльвенгрэн возглавляет боевую группу, готовившую теракт против советской делегации на Генуэзской конференции. Проведение теракта планировалось в Берлине, который должна была посетить делегация. От подкупленного им офицера полиции Эльвенгрэн точно знал маршрут движения делегации. Однако в решающий момент человек, который должен был стрелять, покинул свое место. Другой мог стрелять, но не решился. В документах Союза и протоколах допросов Савинкова Эльвенгрэн значится ответственным за организацию борьбы на территориях, близ границ с Финляндией, Эстонией и Латвией и на Северо-Западе России. В докладе, подготовленном для МИД Великобритании его агентом в Польше, подробно рассказывается об идеологии, целях и задачах организации Савинкова. В частности там утверждалось, что в распоряжении Эльвенгрэна на Северо-западе России и в Финляндии находится около 3 000-6 000 человек, готовых выступить. Савинков использовал этот документ (неведомо как попавший к нему) при общении с представителями иностранных государств, подчеркивая силу и влияние своей организации. Соратник Савинкова Дикгоф-Деренталь в своих воспоминаниях пишет о том, что впоследствии Эльвенгрэн выходит из ЦК Союза по личным причинам характера. Дикгоф-Деренталь подчеркивает, что Эльвенгрэн занимался только своей организацией в Финляндии, действуя абсолютно автономно от Союза, так что у руководства Союза не было никакой информации о его планах. Из протоколов допроса Дикгоф-Деренталья известно, что к июлю 1923 г. Эльвенгрэн вышел из ЦК Союза.

Б. Савинков во время допроса на вопрос следователя о причинах исключения Эльвенгрэна назвал монархические взгляды последнего...

В письмах Савинкова, адресованных иностранным военным и политическим деятелям и представляющим деятельность Союза, неоднократно упоминается соглашение с «ингерманландским национальным комитетом» и «ингерманландские партизаны».

«В настоящее время комитет держит непосредственную связь: на Севере с партизанами Карелии, Ингерманландии, Новгородской губернии, Псковской губернии».

Однако к этому времени Северо-Ингерманландский полк (сокращенный до батальона) был уже окончательно расформирован. После расформирования полка никаких вооруженных выступлений в Ингерманландии не было. В протоколах допроса Эльвенгрэн упоминает о том, что уже после расформирования полка встречался с журналистом Антти Титтаненом, в прошлом членом Временной Комиссии Северной Ингрии. В это время Титтанен жил в Кякисалми (ныне Приозерск) и работал в местной газете. В Карелии в это время борьба еще продолжалась. В конце 1921 - начале 1922 г. повстанцы предприняли крупное выступление, поддержанное местным населением. Военными действиями руководил известный финский военачальник Пааво Талвела. Но представить какое-либо серьезное влияние на них организации Савинкова довольно сложно. Возможно, Эльвенгрэн общался с кем-либо из эмигрантских деятелей российской Карелии на личном уровне. Возможным представляется принятие также общей декларации о взаимодействии и обмен информации. К тому же в Карельском восстании участвовали 50 ингерманландцев и беженцы из Кронштадта. Похоже, что без участия Эльвенгрэна здесь не обошлось!

В результате крупнейшей провокации (Синдикат-2) ГПУ Савинков, тайно прибывший в Россию в сентябре 1924 г., был арестован. Известно также, что Эльвенгрэн, живя в Хельсинки, какое-то время занимался коммерческой деятельностью и был владельцем предприятия «Uitto» (Лесоплав). Прошение, связанное с деятельностью предприятия и адресованное станции водоснабжения коммуны Турку и Пори, зарегистрировано в июне 1925 г. незадолго до рокового воляжа в Россию. О его политической деятельности в 1923-25 гг. известно мало. Можно предположить, что он сотрудничал с другими белоэмигрантскими организациями, например с РОВСОМ, активно действовавшим на территории Финляндии. К этому

предположению склоняют и сведения о монархических убеждениях Эльвенгрэна (во всяком случае – в последние годы жизни). В 1925 г. Георгий Эльвенгрэн тайно прибывает в Россию для развертывания здесь подпольной работы. Под Тверью он был арестован и 9 июня 1927 г. приговорен к расстрелу. В ответ на протест финляндского посла Артти против расстрела финляндского подданного Нарком иностранных дел Литвинов лукаво ответил, что Эльвенгрэн прибыл по румынскому паспорту и на финское гражданство не ссылался, называя себя русским эмигрантом...

Рассказ о судьбе Юрье Элвенгрэна, белого воина, солдата России и Финляндии – еще один штрих к портрету Белой России, которой преданно служили лучшие представители всех ее народов.

Источники и литература:

1. Backström Eke. Krigskommissarier och sekreterare (www.genealogia.fi/genos/66). Военные комиссары и секретари.
2. Nevalainen Pekka. Rautu. Inkerin rajalla. Helsinki, 1996.
3. Haltsonen Sulo. Inkerin suomalaisten historia. Juvdskuld, 1968.
4. Konkka Juhani. Pietarin valot. Helsinki, 1958.
5. Шитов Дмитрий. Карельский перешеек – земля неизведанная. Сектор Рауту. С.-Петербург, 2000.
6. Мусев Вадим. Политическая история ингерманландцев в конце XIX-XX века. СПб., 2001.
7. Маншгергейм Карл Густав. Мемуары. СПб., 2000.
8. Савинков на Лубянке: Сборник материалов. СПб., 2001.
9. Таргайнен Михаил. Ингерманландский излом. СПб., 2001.
10. Luter Georg. Elfengrens slaktor ursprung // Genos. – 1975. – № 46. – S. 46–53 (www.genealogia.fi/genos/46). Происхождение рода Эльвенгрэн.
11. Laurila Kari. Inkerin Vaakuna ja lippu. Vanta, 1989. Герб и флаг Ингерманландии.
12. Возгрип А. Судьбы крымских татар в XX веке. Бахчисарай, 1994.
13. Inkerin teilld. Helsinki, 1990. (?а дорогах Ишкери.)
14. РГВИА Ф.409 Псп № 5013, Ф 400, ОП 11Д.475. Л 223.
15. СРАФ ФСБ по Ленинградской области 19271 «Об ингерманландской авантюре».
16. Татьяна Симонова. «Прометеизм» во внешней политике Польши 1919-1924 гг». // Новая и новейшая история № 4, 2000.
17. А. Саенко Авантюристы гражданской войны (Борис Савинков).
18. Александр Молчанов. Красный и белый комеданты Терийок (рукопись).
19. Архив БНР (ф. 582, оп. 1, д. 45, лл. 38а-н)
20. Архив БНР (ф. 582, оп. 1, д. 45, лл. 39 и об.)
21. Turun maakunta arkisto, vesiasema Akti: AD II 40/52 1925 Rdtus: 08.07.1925 Nro 6905 vp (Архив общины Турку, водопроводная станция).

С.Г. ЗИРИН

ОБЪЕДИНЕНИЯ И СУДЬБЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНИКОВ НА ЧУЖБИНЕ

(КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Страшный и жестокий исход Северо-Западной Добровольческой Армии (СЗДА) осенью 1919 года зимой 1919/1920 годов в Эстонии; и ожесточенные бои с армией большевиков, при защите Эстонской независимости, когда пали смертью храбрых сотни русских воинов, и скончались от ран, эпидемий тифа и испанского гриппа от десяти до пятнадцати тысяч русских добровольцев¹, – получил свой печальный итог в создании малочисленных объединений Северо-Западников в Европе и в их фактическом исчезновении с началом Второй Мировой войны.

К весне 1920 года пик эпидемий в Эстонии спал, а к началу лета болезни были побеждены. К этому времени «цивилизованный» мир обратил внимание на трагедию, стали поступать в заметных количествах продовольствие, медикаменты, перевязочные материалы из США, приезжать врачи из Великобритании и Швеции. Помощь поступала также из Риги: пожертвования, в том числе одежда, и добровольные помощники. В апреле 1920 года в лазаретах и лагерях, в качестве санитаров или больных, еще оставалось около 3500 северо-западников².

2 марта 1920 года Учредительным собранием Эстонской республики было вынесено обязательное постановление «О лесных работах», также резка торфа и ломка горючего камня [сланец]. Призыву подлежали все трудоспособные мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Число, заявленных в постановлении на эти работы равнялось 15 тысячам человек. В тексте подчеркивалось, что призыву на принудительные работы подлежат «лица без определенных занятий», что откровенно указывало на русских беженцев и бывших чинов СЗДА. Лиц уклонявшихся от эстонской повинности ожидал однодневный срок заключения в концлагерном лагере Пяэскюла, расположенном под Ревелем, или штраф в 100 тысяч эстонских марок. Отказникам также предлагали выбор: принудительная высылка в РСФСР, или трудовая повинность. Издание этого постановления совпало с моментом окончания расформирования Белой армии поэтому бывшие русские воинские чины, подлежали принудительным работам. Оставшиеся в живых северо-западники, были полностью лишены граждан-

ских прав и средств к существованию, им ничего не оставалось, как подчиниться. Случалось, что остатки полка расформировывались прямо в рабочие артели. Поскольку никаких документов, не говоря о паспортах, эстонские власти им умышленно не выдавали, а в артелях они попадали в финансовую зависимость, от подрядчиков (неизбежно влезая в долги), то обязательная двухмесячная отработка, превращалась в годичную кабалу. Необходимо отметить, что некоторые бывшие командиры СЗДА стали подрядчиками и без зазрения совести наживались на изнурительном труде своих бывших боевых товарищей. К числу таких относятся: генерал Ветренко, полковник Стрекопытов; негласные компаньоны подрядчиков полковники Микоша и Колзаков³.

Эстонскими властями были приняты жесткие полицейские меры для выявления лиц уклонявшихся от подневольных работ. Но и активные действия эстонской полиции не возымели успеха достичь упомянутой цифры в постановлении, поскольку большая часть намеченных русских на роль белых рабов, уже отошла в лучший мир.

Места их братского упокоения на территории 1-й Эстонской республики: Азери, Алайыэ, Ваэюла, Ивангород, Ийзаку, Иыхви, Кунда, Копли (совр. район Таллинна), Копельское кладбище (Таллинн), Люганузе, Мяс-тагузе, Муствес, Нарва, Нарва-Йыэсуу, Пюхтицкий монастырь, Рахумяэ (Таллинн)⁴. После страшного тифозного мора, эстонцам удалось собрать на принудительные работы около 5 тысяч северо-западников и беженцев⁵.

Член комитета русских эмигрантов в Эстонии И.О. Евсеев предприимчивый исследование о положении северо-западников и гражданских беженцев на принудительных работах, в своем докладе правлению Комитета 1 августа 1920 года сообщал о численности работников в 11-ти из 12-ти заготовительных районов и расположенных на их территориях 54-х заготовительных участков с общим числом русских рабочих около 2500 человек. Из них 2093 северо-западника и 401 беженец. Евсеев упоминает и о существовании трудовой артели в пограничном районе с РСФСР (куда его не пустили эстон-

ские власти), с числом рабочих около 500 человек⁶.

К первому объединению северо-западников можно отнести благотворительное общество *Белый Крест*, которое было создано в Эстонии 18 октября 1920 года, с избранием председателем С.В. Келлпн вплоть до 1940 года. В состав правления входили: генерал-от-кавалерии Н.Ф. фон Крузенштерн (Измайловец), полковник В.К. Шенк (гвардейский стрелок) и др.⁷ После Исхода СЗДА часть выживших северо-западников, оказалась с расстроенным от ранений и болезней здоровьем; и совершенно без всяких средств к существованию. Они, согласно мирного договора Эстонского правительства с большевиками, не имели права ни на какую поддержку⁸. Такая безысходная нужда бывших чинов Белой армии и послужила основанием образовать в Ревеле (Таллинне) группой частных лиц общество *Белый Крест*, в основу которого была положена благотворительность. Название общества было взято от равносоставленного белого креста на рукавном шевроне, который носили северо-западники на Петроградском фронте. Среди перенесших сыпной, брюшной, возвратный тиф, осталось немало слепых, глухих, хромых, туберкулезных и пенициллиновых, а в лучшем случае с надорванным на всю жизнь здоровьем. В начале 1921 года обществом был основан патронат для военных инвалидов в г. Юрьев (Тарту), который существовал вплоть до 1940 года. Пожертвования до самой своей кончины в 1933 году в Ницце, присылал генерал Н.Н. Юденич. Из Финляндии поступала помощь от генерала Клюева⁹.

В 1921 году в Государственный реестр Эстонской республики было внесено *Общество помощи бывшим военнослужащим*, почетным председателем которого являлся генерал Н.Ф. фон Крузенштерн. К 1 июля 1921 года Комитет русских эмигрантов в Эстонии исходил из пребывания в этой стране 12167 беженцев и около 2000 северо-западников¹⁰. К этому времени, по всей видимости, более пяти тысяч человек русских, с приходом, вновь избранного в этом году правительства, получив паспорта, выехали из пределов Эстонии в другие страны¹¹.

В 1930 году генерал-майором О.П. Васильковским был создан *Союз взаимного вспомоществования бывших чинов Северо-Западной Добровольческой Армии и русских эмигрантов* с центром в Нарве. В 1931 году председателем его состоял полковник Алексеев (возможно талабец), проживавший в Нарве по улице Uns Liin 412. Это объединение также называли *Союзом Северо-Западников*. Отделения существовали в Ревеле (Таллинн), председатель, полковник Р.В. Садовский; Юрьеве (Тарту), председатель А. Депп; а также в городах Печоры (Петсери), Пернов (Пярну), в населенных пунктах 1-й Эстонской республики: Кивийли, Азери и др. Судя по газетным сообщениям, в 1935 году в Союз входили в Нарве – 245; в Таллинне – 313; в Тарту – 120 членов. Единства в Союзе не было, и в начале марта 1936 года из Таллиннского отдела вышло более 100 человек, которые образовали самостоятельный Нымеский отдел. К концу года *Союз Севера-Западников* был закрыт эстонскими властями, прекратив свою официальную деятельность.

По причине раздоров в эмигрантской военной среде в Эстонии Генерального Штаба генерал-лейтенантом А.К. Байовым (Лейб-Егерь) были созданы параллельные: *Союз русских военных инвалидов в Эстонии*, зарегистрированный 12 июня 1931 года с центром в Таллинне, в состав которого также вошли бывшие члены СЗДА; и *Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии*, получившее регистрацию 24 августа 1931 года. В Союзе Таллиннским отделом заведовал А. Радзиминович¹³, а Нарвским В. Чижов, Союз имел свою печать, знамя и специальный нагрудный знак. В Общество вошли, помимо генерала Байова: генерал-майор А.О. Штубендорф, Я.М. Корецкий, штабс-капитан Ф.А. Гизетти, генерал-майор Э.А. Верцинский, полковник К.Г. Бадендик (Бадендык), полковник Б.В. Энгельгардт, К.В. Шуманский, А.К. Веймарн, А.Е. Кудрявцев и другие. В 1936 году, после кончины генерала Байова, пост председателя Общества занял генерал А.В. Верцинский, а руководство Союзом возглавил полковник Б.В. Энгельгардт (Семеновец)¹⁴. Незадолго до закрытия в 1940 году Союз был преобразован в *Общество помощи больным русским*.

Осуществляя благотворительную деятельность, организации эти, фактически являлись официально запрещенными в Эстонии, по условиям Мирного договора 1920 года¹⁵, военно-политическими объединениями. Почти все

объединения были напрямую связаны с Русским Обще-Воинским Союзом (РОВС). Так генерал Байов, являвшийся руководителем отделения РОВСа в Эстонии, на учредительном собрании *Общества помощи бывшим русским военнослужащим* 5 июля 1931 года откровенно заявил, что оно создается с целью объединения русских офицеров для борьбы с большевиками¹⁶.

Благодаря фронтовой спайке и корпоративности, помощи светлейшего князя А.П. Ливена и полковника К.И. Дыдорова, часть ливенцев и членов их семей смогли благополучно выехать из обьятой тифом Эстонии в Латвию. В начале 1920-х годов, по инициативе основателя и командира отряда своего имени полковника Анатолия Павловича Ливена, (в составе СЗДА 5-я дивизия, 1-го стр. корпуса, неофициально именовавшаяся «Ливенской») в Латвии было создано *Объединение Ливенцев*.

Им же для членов Объединения был учрежден особый памятный знак для ношения в петлице штатного костюма: золоченый крест белой эмали с двумя накрест лежащими золотыми мечами рукоятями вниз. В середине креста щиток, формы гербового, национальных цветов: бело-сине-красного, в верхней части золотая литера «Л» (Ливен), ниже дата «1919». Щит увенчан золотой короной. Размер знака 2х2 см.¹⁷

Отделения и представительства Объединения Ливенцев:

Латвия:

Рига – [штабс-капитан] Зейберлих Федор Федорович [адъютант свтл. кн. А.П. Ливена; ст. адъютант по оперативной части 5-й Ливенской дивизии, находился в строю до своей болезни 14 окт. 1919 г.]¹⁸;

Режица (совр. Резекне) – полковник Дыдоров Климент Иванович;

Митава (Елгава) – Каминский Петр Андреевич (бывший помощник полицейского пристава в Варшаве)¹⁹;

Либава (Лиенае) – поручик по адмиралтейству Брац Курт Васильевич.

Эстония:

Ревель (Таллинн) – подпоручик Маткевич Николай Иосифович;

Юрьев (Тарту) – капитан Эшолыц Владимир Владимирович;

Нарва – Волков Виталий Степанович;

Германия:

Берлин – полковник Беккер Альфред Альфредович;

Данциг (впоследствии польский Гданьск) – [подпоручик] Коваленко Юрий Николаевич²⁰.

Франция: Союз Ливенцев:

Париж – полковник Бушей Юрий Владимирович (он же председатель «Союза Северо-Западников» и председатель Объединения офицеров 1-го гаубичного артиллерийского дивизиона СЗДА);

Эльзас-Лотарингия – подпоручик [Капитан] Северин Александр Александрович²¹;

Греция: Афины – 19-го пехотного Полтавского полка (до того служивший в 3-м стрелковом полку 5-й «Ливенской» дивизии) СЗДА – капитан Дейтрих-Белуха-Кохановский Владимир Владимирович (он же председатель Союза инвалидов в Греции)²².

По кончине А.П. Ливена в 1937 году и смерти и.д. командира дивизии (Петроградские Походы) К.И. Дыдорова в 1938 году «Объединение Ливенцев, лишившись своих прославленных командиров, вскоре с вторжением советских войск в Прибалтику и началом Второй Мировой войны – прекратило свою деятельность, став достоянием истории.

Объединением издавался журнал «Служба Связи Ливенцев», со второго номера (май 1930 г.) – «Служба Связи Ливенцев и Северо-Западников», всего вышло 8 номеров: №1/1929 г.; №8/сентябрь 1936 г.

В вынужденной эмиграции белые воины учредили знак Объединения Северо-Западников. Значок представлял собою золоченый треугольный щиток (уменьшенная копия нарукавного шеврона национальных цветов, носимая воинами на Петроградском фронте на левом рукаве формы), вверху знака была помещена дата «1919», ниже по бокам равносоставленного белого креста золотые буквы «С.З.». Размер знака 2х2,30 см. Знак был утвержден председателем РОВСа генерал-лейтенантом Е.К. Миллером 31 августа 1931 года за №45²³.

Во Франции до 1940 года, помимо упомянутого «Союза Ливенцев», существовало немногочисленное объединение *Союз Северо-Западников*, председатель, полковник Рогожинский; вице-председатель полковник Бушей Юрий Владимирович²⁴ (он же председатель Парижского отделения «Союза Ливенцев» и председатель Объединения офицеров 1-го гаубичного артиллерийского дивизиона СЗДА)²⁵.

Также имеются сведения о проживающих в Париже в 1920–30-е годы шестерых–семерых офицерах 6-го Талабского полка СЗДА. Полковник Илларион Михайлович Ставский, бывший командир 3-го батальона этого полка, болея тяжелой формой туберкулеза, опередив естественную

смерть на двое-трое суток, покончил жизнь самоубийством 27 августа 1927 г. в парижском госпитале «Hotel Diei»^{26/} В 1929 году во Францию переехал и Леонид Федорович Зуров, бывший прапорщик партизанского отряда поручика А.Д. Данилова, (впоследствии полковника, командира 12-го Темницкого гренадерского полка СЗДА), в Осеннем походе пулеметчик 2-го Островского полка. На фронте он был дважды ранен. При Исходе Армии в Эстонии, чудом остался жив. В начале 1920-х годов проживал в Латвии, работал в Риге грузчиком, маляром. Здесь же он начал заниматься писательским трудом. О его первой книге «Кадет» тепло отозвался, редкий на похвалы, И.А. Бунин. Во Франции Зуров многие годы проживал в семье Буниных. После кончины И.А. Бунина стал душеприказчиком его наследия. Во второй половине 1930-х годов Леонид Федорович приезжал на лето в Печорский край, где проводил археологические и этнографические изыскания по заказу Музея Человека в Париже. Перу Зурова принадлежат одна из лучших книг о Псково-Печерском монастыре «Отчина» и литературно обработанные воспоминания полковника А.Д. Данилова «Даниловы»²⁷. Скончался Л.Ф. Зуров в 1967 году и прах его был погребен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.²⁸

В эти же годы во Франции поселился на постоянное местожительство бывший прапорщик Грабарь Петр Николаевич (Л.-Гв. Кошной артиллерии. Ускоренный курс Пажеского Корпуса, 1917 г.). В СЗДА – пулеметчик судна «Китобой». В 1920 году в числе членов экипажа совершил переход из Копенгагена (Дания), благодаря материальной поддержке Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, в Бизерту (Тунис). Во Франции он стал «выдающимся французским иммунологом русского происхождения, один из ученых самого первого ряда». Скончался в 1986 году в Париже.²⁹

В Праге (Чехословакия) в субботу 16 января 1926 года, в Свято-Николаевском храме на Староместской площади группой чинов СЗДА была отслужена панихида по своим сослуживцам, на поле брани живот свой положившим. В этот день было основано **Объединение Северо-Западников**,³⁰ состоявшее, в основном, из студентов пражских учебных заведений. Член правления Объединения, 1-го «Ливенского» полка (17-го Либавского) старший унтер-офицер из вольноопределяющихся А.А. Енш, автор очень интересных воспоминаний об

участии в Петроградских походах,³¹ учился на юридическом факультете Пражского университета. Он скончался от туберкулеза легких в 1936 году, и был погребен на Ольшанском кладбище г. Праги. В некрологе упомянут как инженер.³²

В Финляндии действовал **Комитет помощи русским военным инвазидам**, председателем которого в 1920-е годы являлся граф В.А. Буксгевден. Вполне вероятно, что этот Комитет опекал и воинов, получивших увечья на Северо-Западном фронте, проживавших в Финляндии.³³

После Исхода Армии в Эстонии, большинство оставшихся в живых северо-западников рассеялось по всему миру. Некоторые успели пробраться в Крым и принять участие в последних сражениях Русской Армии генерал-лейтенанта, барона П.Н. Врангеля: штабс-ротмистр Залесов А.П. (9-й уланский Бугский полк), ротмистр Забелин Н.П. (1-й гусарский Сумской полк), капитан-инженер, барон Кистер Г.А. и др.³⁴ Весной 1920 года из Эстонии в Польшу прибыло несколько эшелонов с северо-западниками, которые возобновили борьбу в Народной Добровольческой Армии генерал-майора С.Н. Булак-Балаховича и 3-й Русской Армии генерал-лейтенанта Б.С. Пермикина на Польском фронте.³⁵

В 1920-е годы стараниями генерала Булак-Балаховича группа его бывших подчиненных выехала на заработки в Бразилию. В числе прибывших в порт Сантос г. Сан-Пауло был офицер Карп Михайлович Аверьянов. В начале 1930-х годов он смог вызвать невесту из Эстонии в Бразилию, но вскоре после рождения дочери, 6 декабря 1934 года скончался от туберкулеза легких и был погребен на кладбище Сан-Пауло (подробнее о нем см. публикацию в данном номере)³⁶. В Бразилию переехал и воспитанник Императорского Александровского Лицея, вольноопределяющийся Кавалергардского полка, граф Николай Дмитриевич Менгден-фон-Альтенвога. В СЗДА служил в танковых частях. Граф был хорошим художником-графиком, он скончался в Сан-Пауло 15 апреля 1973 года.³⁷

Полковник, барон Унгерн фон Штернберг Константин Леонардович, командовавший в Осеннем походе 8-м Семеновским полком, из Европы переехал в Африку. Скончался 19 декабря 1929 года в Тунисе.³⁸

Причудливы, трагичны и непредсказуемы оказались судьбы северо-западников, их потомков на чужбине и быв-

ших их противников по Гражданской войне в годы Второй Мировой войны.

Вольноопределяющийся 6-го Табальского полка Федоров Николай Федорович в 1934 году создал в Париже Национальную Организацию Витязей (НОВ), став ее бессменным руководителем до своей кончины в 1984 году. Во время оккупации Парижа Вермахтом, витязи осуществляли различную благотворительную деятельность. НОВ существует и поныне, возглавляет организацию сын штабс-капитана Д. Шмемана (Семеновский полк СЗДА) Андрей Дмитриевич Шмеман.³⁹

Капитан II ранга барон фон дер Остен-Сакен Г.Г. (ливенец), лишившись средств к существованию, находясь в депрессивном состоянии, 25 января 1934 года покончил жизнь самоубийством, бросившись под колеса берлинского вагона метро.⁴⁰

Штабс-капитан СЗДА Николай Иванович Селиванов, окончивший в 1916 году Владимирское военное училище, служил во время гражданской войны в Испании в Армии генералиссимуса Ф. Франко. В 1940 году работал в Национальной библиотеке в Мадриде. Во время Второй Мировой войны воевал в итальянских войсках. После войны был директором русской секции «Радио Испания» и служил в испанском министерстве информации. Он скончался в Мадриде 4 сентября 1970 года от разрыва сердца.⁴¹

В Эстонии в 1933 году Александром Васильевичем Чернявским была создана русская фашистская организация из бывших чинов СЗДА (Союз Северо-Западников генерала Васильковского). По взглядам Чернявский относился крайне враждебно к Советскому строю и все члены его организации разделяли взгляды своего лидера. А.В. Чернявский (псевдоним А. Черниговский) родился в 1884 г. Окончил Санкт-Петербургский университет. Писатель, журналист, общественный и политический деятель. В Латвии служил преподавателем гимназии. В Эстонии трудился в адвокатской конторе Г.Г. Кромеля. В 1939 г. выехал с женой из Эстонии в Германию.⁴²

В 1940 году при оккупации войсками Красной армии Эстонии, оставшиеся бывшие чинов СЗДА были захвачены чекистами, большинство из которых были убиты: офицер Афанасьев-Копьев Г.И. (1941), подпоручик Гессе А.А. (1941), шт.-капитан Иванов П.Х. (1942), офицер-ливенец Семенов Б.К. (1942) и многие другие⁴³; лишь некоторые из северо-западников, пройдя со-

ветские лагеря, смогли выжить и вернуться домой (поручик Сергеев С.К. +1980, Таллинн).⁴⁴

Нельзя здесь не упомянуть еще одного благороднейшего сына Исторической России капитана II-го ранга Императорского Флота барона Германа Эдуардовича фон Зальца. В начале 1919 года он поступает на службу в созданный Эстонский ВМФ. Принимает участие в боях с большевиками. Вскоре назначается начальником Штаба морских сил Эстонии. Несмотря на столь очевидное выгодное положение, 17 июня 1919 года увольняется с эстонской службы по собственному желанию, и вступает добровольцем в ряды СЗДА. С Армией участвует в Осеннем Петроградском походе, испытав на себе всю меру нужды, лишений и горечь неудач. После Исхода СЗДА восстанавливается в прежней должности, а 1 марта 1925 года назначается Командующим ВМФ Эстонии. В 1928 году он получает высший чин в Эстонском флоте – контр-адмирал. Он был известен, как теоретик-исследователь военно-морского дела, владел пятью языками. С 1932 года в отставке. В 1939 году, как немец, репатрируется с матерью в Германию. В конце Второй Мировой войны, в восточной части Германии был захвачен сотрудниками СМЕРШ, перевезен в Москву, где 23 января 1946 года скончался в возрасте 60-ти лет в Бутырской тюрьме.⁴⁵

Сын свтл. князя А.П. Ливена Павел Анатолиевич был полковником Канадско-Английской армии и заслужил Военный Крест. Скончался в 1965 году в Париже.⁴⁶

Ротмистр Конного полка генерала Булак-Балаховича (правнук героя Отечественной Войны 1812 года генерала от инфантерии, графа П.П. Коновницына); граф Н.А. Коновницын служил в чине лейтенанта в 4-м полку Русского Корпуса (Вермахт), в Югославии. В 1945 году был тяжело ранен. После окончания войны переехал в Южную Америку, последние годы проживал в Перу.⁴⁷

Капитан С.А. Алякритский во время Второй Мировой войны служил переводчиком в германских войсках, где оказывал большую помощь русскому населению. После войны проживал в Западной Германии, принимал деятельное участие в жизни русской колонии. Скончался 15 ноября 1973 года в Мюнхене.⁴⁸

Генерал от кавалерии П.Н. Краснов и некоторые другие офицеры северо-западники оказались в одном строю с бывшими противниками по Петро-

градскому и Нарвскому фронтам в частях Вермахта во время Второй Мировой войны. Так бывшие военнослужащие РККА комбриг Богданов М.В. и майор Никифоров М.Б., попали в плен в 1941 году и пошли служить в РОА генерала А.А. Власова. Первый дослужился до чина генерал-майора, второй – подполковника РОА. Оба они в годы Гражданской войны принимали участие в боях против СЗДА.⁴⁹ Современный исследователь утверждает о категорическом неприятии бывших краскомов совместной службы в РОА (впоследствии ВС КОНР) с офицерами и генералами армий белых фронтов. Так генерал-лейтенант Б.С. Пермикин (командовавший в 1920 году, в Польше III-й Русской армией генерала П.Н. Врангеля), поступил на службу преподавателя тактики, но, встретив в Офицерской школе слишком бестактное отношение к себе, вынужден был переехать в Зальцбургскую группу генерала А.В. Туркула.⁵⁰

До и после окончания Второй Мировой войны, часть оставшихся в живых северо-западников, переехала в США: полковник Бибилов Г.Е. (+1971), штаб-ротмистр Великотный А.А. (+1972), поручик Грюнвальд Л.В. (+ ?), штаб-ротмистр Ермолаев Н.В. (+1959), штаб-ротмистр Залесов Н.П. (+1973), ротмистр Забелин Н.П. (+1979), капитан Лейман К.С. (+1959), генерал-лейтенант Родзянко А.П. (+1970), офицер Цернитский Г.И. (скончался после 1968 г.) и другие, где вошли в состав русских послевоенных объединений.⁵¹

В 1947–48 годах генерал-лейтенантом П.В. Глазенапом в Мюнхене (Бавария) был создан Союз Андреевского Флага (САФ). В Союз входили как старые участники Белой Борьбы, так и, главным образом, воины РОА. САФ представлял собою мощную организацию, объединяя старых и новых бойцов. Главная квартира Союза находилась в Мюнхене, а отделы его были в разных частях Западной Германии, с представительствами в городах Европы и за океаном.⁵² Вполне вероятно, что некоторые северо-западники, проживавшие после Второй Мировой войны в Германии являлись членами САФ: капитан Алякритский С.А. (+1973. Мюнхен); штабс-капитан, барон Беннинггаузен-Будберг Н.А. (+1971. Детмольд); военврач Воропинский Б.С. (+1964. Кёльн); подпоручик Хоментовский М.А. (+1982. Гамбург); ротмистр Шпакович А.А. (+1971. Мюнхен) и другие.⁵³

Удивительна метаморфоза, случившаяся с генерал-майором М.В. Яро-

славцевым. Биографический очерк о нем Н.Н. Рутыча пуждается в существенном пояснении.⁵⁴ В 1937 году М.В. Ярославцев был рукоположен во пресвитера и назначен священником Свято-Троицкой общины в местечке Курига (современный город Хурибга) во Французском Марокко управляющим русскими православными приходами в Западной Европе митрополитом Евлогием (Георгиевским). Последний в это время состоял, как бы в «двойном» каноническом подчинении: с 1931 года состоял экзархом Западной Европы Константинопольского Патриархата (титул не признанный РПЦЗ); а с 1934 года находился в состоянии «примирения» с РПЦЗ. В 1938 году митрополит Евлогий окончательно откололся от РПЦЗ, но община окормляемая о. Михаилом Ярославцевым осталась в каноническом подчинении священноначалия последней. В 1940 году отец Михаил принял монашеский постриг с именем Митрофана и не позднее 1947 года был возведен в сан игумена. В 1947 году на гребне так называемой «патриотической» волны, духовенство Свято-Успенской общины вместе с небольшим количеством прихожан перешли в Московскую Патриархию, где в 1949 году игумен Митрофан получил сан архимандрита, а с 1952 года назначение на должность настоятеля Свято-Троицкой церкви Московской Патриархии в столице султаната Рабате (французское Марокко); где он через два года и скончался. Вот такой путь: от белого генерала до советского священника.⁵⁵

Яркой противоположностью советскому священнику Ярославцеву является офицер-кавалергард Зубов Петр Петрович. Во время Первой Мировой войны поступил вольноопределяющимся в Кавалергардский полк, в рядах которого заслужил на поле брани Георгиевский Крест четырех степеней, полную солдатскую колодку. На фронте за выдающуюся доблесть был произведен в офицеры родного полка. На Петроградском фронте воевал в Конно-Егерском полку СЗДА. После Второй Мировой войны переехал в США. Будучи глубоко верующим человеком, из года в год собирал до 100 тысяч долларов для Свято-Владимирской духовной академии (РПЦЗ), добиваясь субсидий у американских обществ.⁵⁶

Последний северо-западник, вольноопределяющийся 1-го Георгиевского полка, граф Александр Алексеевич Коновницын скончался 23 марта 1998 года, на 93-м году жизни в провинции Буэнос-Айрес в Аргентине.⁵⁷

Примечания:

¹В секретном докладе глава контрразведки Штаба СЗФ сообщает следующие данные о численности Армии к середине июля 1919 г.: «Сила армии Генерала Юденича на южном берегу Финского залива достигает (...) 35 тысяч на боевом фронте и 15 тысяч в тылу для подготовки. Из первых 35 тысяч хорошо вооружена и снабжена едва одна треть...».— Извлечение: Из секретного доклада Полковника [А.В.] Владимирова о состоянии Петрограда к 10 июля 1919 года и положении на Северо-Западном Фронте к концу июля // Архив Гугерско-го Института войны, революции и мира. (АГИВРМ) Стэнфорд, Калифорния, США. Коллекция. Русское посольство. Ящик 9 ф. Лл. 9-15.

К началу Осеннего Петроградского похода 10 октября 1919 года, строевой состав СЗДА составлял: 17960 штыков и 700 шашек. См. Гершельманн А.С. Полковник. В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии. Вооруженная борьба с III-м Интернационалом. 1919год. — Восп. ист. биб-ка «ВоеннойБыли», 3 (20)-I, — М., 1997. С. 81.

²Karsten von Bruggemann. Vom Ende eines Krieges: Die Typhusepidemie in Narva. 1919/20. — Acta et commentationes collegii Narvensis I. Narva. 2002. S. 5-21. (Карстен фон Брюггеманн. Об окончании одной войны. Эпидемия тифа в Нарве 1919/20 гг.— Сборник Нарвского колледжа, вып 1-й. Нарва, 2002. С. 5-20. Здесь С. 17. Здесь и далее перевод с нем. Вольфганг В. Акунов).

³Евсеев И.[Ф]. Записка о положении рабочих на лесных работах. Ревель 1 августа 1920 г. // АГИВРМ. Фонд генерала Е.К. Миллера. Севера-Западная Армия. Ящик 2. Д.5 м. Лл. 1-12. Здесь Лл. 1-3.

⁴Мальцев Ю.П. Братские военные захоронения Северо-Западной Армии на территории современной Эстонии // Труды РИЦЭ. Вып. 1-й, Таллинн, 2001. С. 123-136; Военные кладбища Северо-Западной Армии на территории современной Эстонии // ТрудыРИЦЭ. Вып.2-й, Таллинн, 2003. С. 155-174.

⁵Нео-Сильвестр Г. [Гроссен Г.И.]. Белая Армия у стен Петрограда // «Возрождение», № 78, июль 1958. С. 37 (Париж, Франция).

⁶Евсеев И.[Ф.]//АГИВРМ. Фонд ген. Миллера. Яш. 2. Д. 5 м. Лл.12.

⁷Бойков В.А. Благотворительная организация «Белый Крест» 1920–1940 гг. // Труды РИЦЭ, вып. 1-й, 2001. С. 54-57.

⁸Мирный договор от 2 февраля 1920 г., заключенный в г. Юрьеве между делегациями РСФСР и Эстонии, предусматривал в Ст. XVIII «предоставление настоящим мирным договором и его приложениями права эстонским гражданам». Север-западники и беженцы являлись лицами без гражданства, а посему бесправными. См. Мирный договор, 2 февраля 1920 г. Юрьев: переиздание — «Валгус», Таллинн, 1989.

⁹Цейс О.А. К 15-летию Таллиннского Общества «Белого Креста» // «Иллюстрированная Россия», №48, 23 ноября 1935. (Париж, Франция).

¹⁰Karsten von Bruggemann. Указ соч. С. 17.

¹¹В Записке члена Комитета русских эмигрантов в Эстонии Соболева М.И. (подготовленной к печати проф. С.Г. Исаковым), указывается численность, как русских беженцев, так и воинских чинов в количестве более 20 тысяч человек к весне 1920 года. См. Труды РИЦЭ. Вып. 1-й, Таллинн, 2001. С. 96.

¹²Орехов В. В., Тарусский Е.[А]. Армия и Флот. — Справочное издание. Париж., «Часовой», б.г. [1931 г.] С. 144.

¹³Возможно, что в результате ошибки в написании фамилии имеется в виду А. Радивиничев — унтер-офицер Л.-Гв. Семеновского полка, после Октябрьского переворота ставший помощником комиссара «Полка по охране города Петрограда НКВД РСФСР» (бывшего Гвардии Семеновского резервного полка), а затем и первым «краскомом» этого полка ставшимком подпольной контрреволюционной Семеновской офицерской организации. Вскоре, обоснованно попав под подозрение ЧК, он был нелегально переправлен в Финляндию, вступил в ряды СЗДА, где был произведен в офицеры. (См. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной Ар-

мии. — М., «Русский Путь», 2002. С. 233).

¹⁴Абисогомян Роман. Деятельность А.К. Байова в Эстонии // Труды РИЦЭ, вып. 2-й, Таллинн, 2003. С. 62-63.

¹⁵Пункт 5-й в Статье VII, Мирного договора от 2 февраля 1920 г. гласил: «Не допускать образования и пребывания на своей территории, каких бы то ни было организаций и групп претендующих на роль правительства всей территории другой договаривающейся стороны или части ее, а равно представительства и должностных лиц, организаций и групп, имеющих своей целью низвержение правительства другой договаривающейся стороны».

¹⁶Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940). Сборник монографии под редакцией проф. С.Г. Исакова. — Тарту «Компу» — СПб «Алетейя», 2001; Бойков В.А. Объединения бывших военнотружеников. Там же. С. 82-86; Шор Т. Эмигрантские объединения. Там же. С. 103, 105-106.

¹⁷Пашков П. Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917–1922 гг. // Военно-ист. биб-ка «Военной Были», № 1, 1961. Париж, С. 17.

¹⁸Воинский чин и служба уточнены по: Ливен А.П. Свтл. Князь. Июль 1919 / «Памятка Ливенца». Юбилейное издание чинов 5-й дивизии СЗДА. 1919-1929 гг. — Рига, «Саламандра», 1929. С. 47.

¹⁹Упоминается в качестве агента германского Отдела русской военной контрразведки в Альтенграбове (Германия): Доклад немецкой разведки, перехваченный органами ВЧК, о русских военно-эмигрантских организациях в Германии, июль 1920 г. — В кн.: Русская военная эмиграция 20-х-40-х гг. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1, кн.1. С. 98, № 13.

²⁰Офицерский чин уточнен по: Памятка Ливенца. С. 113.

²¹Северин А.А. Подпоручик К 35-летию основания «Ливенского отряда» (1919–1954) // «Часовой», № 388, июль 1958. С. 19. По всей видимости, подписавшись в статье «Подпоручиком», автор будучи на момент Осеннего Петроградского Похода в данном чине, не сумел возможным указать свое производство в чин Капитала, после Исхода СЗДА. Уточнено по: Некролог. «Часовой», № 544 (10), октябрь 1971. С. 24.

²²Орехов В.В., Тарусский Е.[А]. Армия и Флот // Справочное издание. Париж, «Часовой», б.г. [1931 г.] С. 137.

²³Пашков П. Указ. соч. С. 16.

²⁴Подробнее о нем см.: Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Н.Н. Юденича. — М., 2002. С. 143.

²⁵Орехов В.В., Тарусский Е.[А]. Указ. соч. С. 66.

²⁶Куприн А.И. Голос оттуда 1919–1934. //М, «Согласие», 1999. С. 596-599.

²⁷Л.Ф. Зуров. Даниловы // Белое Дело, т.2, 1926. С. 158-196. — Берлин, «Медный Всадник».

²⁸Калкин О.А. Они были с Россией. Псковичи-участники Белого Движения на Северо-Западе России // «Полезное Знание», вып. 2-й, М., 2000. С. 94.

²⁹Лобыцын В.В. Мартиролог русской военноморской эмиграции. — Москва/Феоудосия, 2001. С. 49.

³⁰Северо-Западники // «Русский Военный Вестник», 31 января 1926. (Белград, Королевство СХС).

³¹Епши А.А. С Белым Крестом. — Памятка Ливенца, Рига, «Саламандра», 1929. С. 63-102: переиздание в сборнике: Белая Борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 456-507.

³²Чичерюкин-Мейнгарт В.Г. Русский воинский некрополь в Праге // «Русское Прошлое», № 8, 1998. СПб университет. С. 346.

³³Сообщено В.Г. Чичерюкиным-Мейнгартом (Москва).

³⁴Некролог. — «Часовой», № 568 (10), октябрь 1973. С. 19; Чичерюкин-Мейнгарт В.Г. Русский воинский некрополь кладбища Голливуд — Лос-Анжелес // «Русское Прошлое», № 9, 2001. С. 324; Некролог. — «Часовой», № 559 (1), январь 1973. С. 20.

³⁵Вендзягольсккий К. Савинков // «Новый Журнал», № 72, 1963. С. 169-197; Ковалев Е. Из Польши на Украину с III-й Русской армией генерала Врангеля // «Военная Быль», № 27. С. 14 (Париж); Петров Н. Савинков в

Польше // «Двуглавый Орел», 15 июня 1921. С. 41-48 (Берлин).

³⁶Семейный архив О.К. Аверьяновой (Кемерово), переписка с нею и с Г.К. Феофиловой (Сан-Пауло, Бразилия).

³⁷Некролог. — «Часовой», № 564 (6), июль 1973. С. 19.

³⁸Белая Борьба на Северо-Западе России. (Сборник воспоминаний участников Петроградских Походов). — М., 2003. Комментарий проф. С.В. Волкова. С. 673.

³⁹Полчанинов Р.В. Отклик на статью о «Витязях» // «Православная Русь» РПЦЗ, № 23, 1999. С. 15 (Джорданвилл, Н.-Й., США); «Костер», журнал НОВ, № 181, 1992. С. 5 (Париж-СПБ).

⁴⁰Лобыцын В.В. Указ. соч. С. 10.

⁴¹Яремчук А.П. II-й. Русские добровольцы в Испании. С.-Франциско, «Глобус», 1983. С. 371.

⁴²Бойков В.А. Русские фашистские группы в Эстонии (1930-е годы) // Труды РИЦЭ. Вып. 2-й, Таллинн, 2003. С. 70-120.

⁴³Архив журнала «Михайлов День» (Ямбург/С.-Петербург).

⁴⁴Сергеев С.К. «Из Печер на Печору». Из воспоминаний. Публикация О.А. Калкина // «Псков», №№ 16, 17. 2002; переписка с О.А. Калкинши (Псков).

⁴⁵Верзунов В. Восные моряки — уроженцы Эстонии // Труды РИЦЭ. Вып. 2-й, 2003. С. 230-232.

⁴⁶Ган (рожд. свтл. княж. Ливен) Д.А. О Князе А.П. Ливене. Письмо в редакцию // «Новое Русское Слово», 16 февраля, 1978. (Нью-Йорк, США).

⁴⁷Русский Корпус на Балканах во время II-й Великой войны 1941–1945. — СПб университет, 1999. Приложение 1. С. 409; Калкин О.А. Указ. соч. С.91.

⁴⁸Некролог. — «Часовой», № 559 (1), январь 1973. С. 20.

⁴⁹Александров К.М. Офицерский корпус Армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. — СПб, «Блиц», 2001. С. 91-94; 219-220.

⁵⁰Александров К.М. Белая военная эмиграция и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России. — В авторском сборнике «Против Сталина»: СПб, 2003. С. 214.

⁵¹Вревская Н.П., бар. Дневник (фрагменты). Публикация и примечания Рожнова В.Ф. // Временник Пушкинской Комиссии. Вып. 28-й, СПб, «Наука», 2002. С. 265; Некролог. — «Часовой», № 547 (1), январь 1972. С. 22; Обращение. — «Перекличка», издание Общества Галлиполишцев в США, 81, июль 1958; Некролог — «Часовой», № 400 (7), июль 1959. С. 34; Некролог. — «Часовой», № 568 (10), октябрь 1973. С. 19; Чичерюкин-Мейнгарт В.Г. Указ. публ. С. 324; Некролог. — «Часовой», № 400 (7), июль 1959. С. 34-переписка с Г.К. Феофиловой (Бразилия); Родзянко А.П. Воспоминания о СЗА. — М, «Икар», 2000. Комментарий Ф.Э. Станана; «Наши Вести», № 394, весна 1984 г. Фото на 4-й ст. обложки (Монтерей, Калифорния, США).

⁵²Кариус Э. Генерал-лейтенант П.В. Глазенап // «Вестник Первопоходника», № 21, июнь 1963. С. 15 (Калифорния, США).

⁵³Некролог. — «Часовой», № 559 (1), январь 1973. С. 20; Некролог. — «Часовой», № 537 (3), март 1971. С. 23; Некролог. — «Часовой», №457 (7), июль 1964. С. 22; Некролог. — «Часовой», № 538 (4), апрель 1971. С. 19; Некролог. — «Часовой», № 636 (2), март-апрель 1982. С. 23.

⁵⁴Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 374-384.

⁵⁵Соллогуб А.А., гр. Русская Православная Церковь Заграницей 1918–1968. — Нью-Йорк, США, б.г. (1968), т. II, стб. 1282: составитель справки А.Л. Никитин, соредатор журнала «Михайлов День».

⁵⁶Мейер Ю.К. Гражданская война. Из воспоминаний. — В сборнике «Кирасиры Его Величества. К 300-летию основания Л.-Гв. Кирасирского Е.И.В. полка: составитель А.Ю. Егоров, Царское Село, «Государева Ратная Палата», 2002. С. 76.

⁵⁷Казанцев Н.Л. Пятинадцатилетний доброволец // «Наша Страна», № 2439-2440, 10 мая 1997. (Буэнос-Айрес, Аргентина); Некролог. Там же, № 2485-2486, 28 марта 1998.

С.Г. Зирин.
АВЕРЬЯНОВЫ: ПАМЯТЬ
ПРОШЕДШИХ ЛЕТ.

Волею Божией 6 ноября 2002 г. на 70 году жизни, от пятого инсульта, в городе Кемерово скончалась **Аверьянова Ольга Карповна**.

Необычна судьба покойной рабы Божией Ольги. Она родилась 22 октября 1933 г. в Сан-Пауло (Бразилия), куда ее родители переехали из Эстонии в надежде обрести материальное благополучие.

Отец покойной, прошел военную страду Первой Мировой и Гражданской войн и был офицером Конного полка Северо-Западной Добровольческой армии генералов Н.Н. Юденича и А.П. Родзянко. В 1934 г. Карп Михайлович скончался от туберкулеза легких в г. Сан-Пауло. Мать с трехлетней дочкой в 1937 г. вернулись из Бразилии в Эстонию, где проживали в родной деревне Рагози-по. После оккупации Эстонии советскими войсками в 1940 г., и с началом активного сыска органов НКВД, по выявлению «врагов народа», Александра Тимофеевна вынуждена была уничтожить все бумаги, которые могли навредить ей и дочке. Даже фотография – открытка мужа 1921 г., пожалуй, лишь единственное, что осталось от боевого прошлого Карпа Михайловича, была обрезана по краям и оставшийся текст на обороте подчищен бритвой.

В 1950 г. Ольга поступила в Ленинградский Технологический институт, который успешно окончила в 1955 г. На 3-м курсе института она однажды невольно проговорила декану факультета о том, что ее отец был белым офицером. На что последний, поступив благородно, заповедовал ей молчать об этом и никому больше не говорить. После защиты диплома, Ольгу Карповну направили (как тогда было принято), по распределению, на работу в Филиал Государственного института азотной промышленности в г. Кемерово. С 1955 по 1999 (год закрытия института) гг. Ольга Карповна бессленно служила в институте, в котором являлась ведущим специалистом с допуском к секретным работам. Ее часто направляли в ответственные командировки, как в бывшие советские республики, так и в зарубежные страны, в частности, Северную Корею, Вьетнам, Румынию, Китай.

Аверьянов Карп Михайлович с Селогойной Александрой Тимофеевной в день броско-четания. Сан-Пауло, Бразилия, 1931 г. (Фото из семейного архива О.К. Аверьяновой).

Переписка с Ольгой Карповной Аверьяновой длилась с 23 марта 2001 по 23 мая 2002 гг. Она очень спешила увековечить память отца. За эти месяцы правление братства «Михайлов день» через половину земного шара соединило в письмах дочерей двух сослуживцев офицеров северо-западников. Связь Ольги Карповны с Галиной Климентьевной Феофиловой-Дыдоровой (проживающей в Сан-Пауло) была недолгой, но светлой и трогательной. По копиям бразильских документов, которые Ольга Карповна нам переслала, стараниями Галины Климентьевны удалось найти место захоронения Карпа Михайловича на кладбище Сан-Пауло.

Первый инсульт у Ольги Карповны случился в 1996 г. Последнее время она очень страдала от паралича и даже не могла разговаривать.

Душа ее во благих водворится!
Просим наших читателей помолиться за рабов Божиих Ольгу, Александру и воина Карпа: да воссоединит их души, Господь в Селениях Своих!

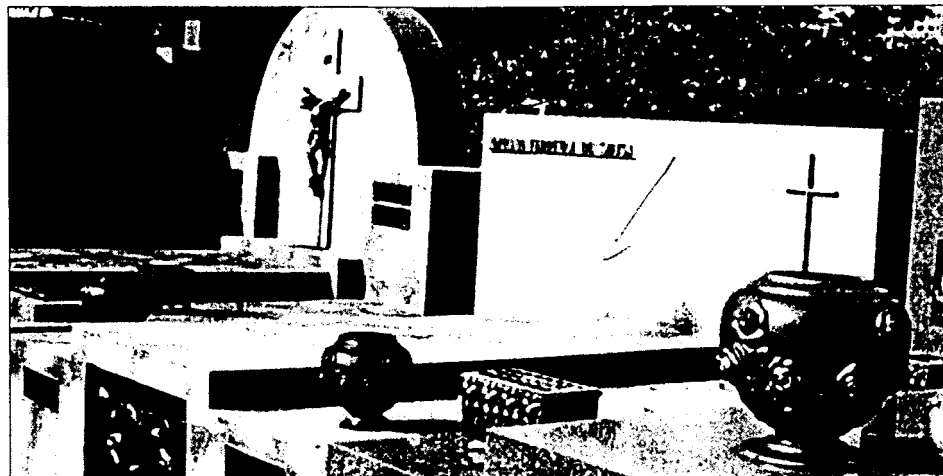
Искренние соболезнования родным новопреставленной рабы Ольги в Эстонии: Нине Ивановне, Людмиле Викторовне, Сергею.

Мы исполняем долг перед дочерью русского офицера и публикуем материалы о белом витязе Карпе Михайловиче Аверьянове. «...Чтобы не перестала память родителей наших и паша свеча бы не угасла!»

Аверьянов Карп Михайлович (1891-1934).

Родился 18 октября 1891 г. в деревне Лядники Гдовского уезда Псковской губернии (совр. дер. Лядники, Лядского района Псковской области). Православного вероисповедания. Из крестьян. Участник Первой Мировой войны. По рассказам младшего брата Михаила Карп служил офицером гарнизона одного из фортов в Финском заливе (Серая Лошадь? Красная Горка? Обручев?), при развале Армии в 1917 г. в ходе мятежей, распоясавшиеся солдаты убивали офицеров, но Карпа Михайловича не тронули, из-за уважения к нему.

Осенью 1918 г. решил вступить добровольцем в Отдельный Корпус Северной Армии в Пскове. Средний брат Иван всю ночь уговаривал Карпа «не делать этого». На службе в Северной, затем Северо-Западной армии офицером в Конном полку ген. С.Н. Булак-Балаховича, в Осеннем походе на Петроград, в этом же полку под командованием полковника Юзефа Булак-Балаховича.

Кладбище г. Сан-Пауло (Бразилия), место захоронения К.М. Аверьянова (Фото Г.К. Феофиловой-Дыдоровой).

Во время стоянки полка (эскадрона?) в деревне Рагозино, Печерского уезда Псковской губернии, познакомился со своей будущей супругой Селюниной Александрой Тимофеевной, учительницей сельской школы (родилась 7 марта 1893 г. в деревне Рагозино, Печерского уезда, окончила Санкт-Петербургские высшие женские курсы, скончалась в 1973 г.). После Исхода армии, вел переписку с невестой (фото-открытка от 1921 г.), место проживания неизвестно. В конце 1920-х гг. выехал из Эстонии (Польши?) в Бразилию на заработки. По всей видимости, с группой бывших сослуживцев. Известно, что С.Н. Булак-Балахович заботился о своих бывших соратниках, в частности, организуя их переезд в Бразилию.

В 1931 или 1932 гг. вызвал невесту А.Т. Селюгину. По прибытии корабля в порт Сантос (Сан-Пауло)

*Ольга Карповна Аверьянова.
Кемерово. 2000 г.*

они обвенчались. 22 октября 1933 г. родилась дочь Ольга. В Бразилии Карп Михайлович получил среднетехническое образование и служил в компании «Телефоника» (Бразильская телефонная компания). 6 дека-

бря 1934 г. К.М. Аверьянов скончался от туберкулеза легких в госпитале Св. Луизы Гонзага и был похоронен на кладбище Сан-Пауло: 89 блок, 273 могила. Перед смертью очень тосковал о России... По прошествии времени, ввиду не продления платной аренды могильного участка место было продано администрацией кладбища местным жителям. В настоящее время, на могиле Карпа Михайловича Аверьянова расположено другое захоронение.

В 1937 г. Александра Тимофеевна с дочкой 3,5 лет возвратились из Бразилии в Эстонию. Проживали в доме сестры Марии Тимофеевны в дер. Рагозино, Печерского уезда Псковской губернии.

Источник: семейный архив Аверьяновых; переписка с О.К. Аверьяновой; переписка с Г.К. Феофиловой-Дыдоровой.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт Некрополь Северо-Западной Добровольческой армии.

Будучи в августе 2001 года проездом в Берлине, автор успел посетить русское эмигрантское кладбище Тегель, расположенное в западной части германской столицы. Среди похороненных здесь белых воинов есть немало и тех, кто в годы Гражданской войны принимал участие в Белом движении на северо-западе бывшей Российской империи. На кладбище сохранились могилы чинов Северо-Западной добровольческой армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича и Западной добровольческой армии генерал-майора князя П.Р. Бермондта-Авалова. «Бермондтовцы» селились в двадцатых годах в Берлине по причине известных прогерманских симпатий ее командования. Можно предположить, что для стран Антанты, бывших союзниц России по Великой европейской войне, они были нежелательными эмигрантами. Что же касается северо-западников, то среди осевших в Берлине преобладали те, кто имели германские, или германо-балтийские корни и для них Германия была исторической Родиной.

На кладбище Тегель автором были обнаружены могилы следующих чинов Западной добровольческой армии: генерал-майора Арцишевского

Ф.Е. (27.4.1872 – 11.2.1945), полковника Ашехманова Б.П. (27.4.1893 – 11.2.1945), л.-гв. полковника Евреинова Г.М. (14.1.1886 – 11.2.1945), поручика Лейкарта А.Г. (1892 – 1923), генерал-майора Погосского В.В. (1859 – 1920). Здесь же на кладбище Тегель погребены и ветераны-ливенцы: л.-гв. полковник фон Беккер А.А. (9.10.1876 – 12.5.1945), капитан 2-го ранга Г.Г. фон дер Остен-Сакен (9.11.1878 – 25.11.1934), капитан Г.И. Цельмин (1885 – 1957). Предположительно, северо-западником был полковник Ф.Ф. Эвальд. Подполковник Ю.Ю. Бучинский (10.04.1877 – 15.4.1926) в 1918 г. возглавлял вербовочное бюро Южной армии герцога Лейхтенбергского в Пскове. Поскольку не все офицеры и добровольцы успели выехать из Пскова в Киев, то часть из них вступила в Северный корпус, который стал основой Северо-Западной добровольческой армии. Т.о., и офицера Бучинского можно считать причастным к истории Белой борьбы на Северо-Западе России.

Другим некрополем Северо-Западной добровольческой армии является православное кладбище финской столицы – Гельсингфорса (Хельсинки). В частности на нем похоронены ротмистр Д.Д. Кузьмин-Караваев, капитан 1-го ранга барон П.В. фон Вилькен, полковник В.А. Зайцов.

В период советской оккупации стран Балтии были уничтожены памятники и кладбища воинов северо-западников на территории Эстонии и Латвии. В последние годы русская патриотическая общественность в этих странах предпринимает шаги с целью их восстановления. Так, в 1996 г. усилиями Союза российских дворян в Эстонии и Общества русской культуры Эстонии был установлен памятный знак на месте братской могилы северо-западников в Айзери. Памятный знак на этой могиле был разрушен в 1940 г. подразделением НКВД.

В 1990-х гг. были установлены памятные знаки на братских могилах воинов северо-западников и на территории России усилиями чинов 1-го отдела РОВСа в России. В частности, в С.-Петербургской губернии у сел Ложгалово и Скамья, у Красного Села. Деятельное участие в этих мероприятиях принимали начальник 1-го отдела РОВСа в России И.Б. Иванов и начальник отделения РОВСа в Ямбурге Сергей Геннадиевич Зирин со своими помощниками.

Примечание: Сведения о кладбище Тегель в Берлине взяты из авторской рукописи «Русский воинский некрополь кладбища Тегель в Берлине», которая будет опубликована в альманахе «Русское прошлое», С.-Петербург.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

Е.Д. Гунцадзе в США.
1930-е гг.

История воинской части - это не только бои и походы, размеренная «по Уставу» жизнь в мирное время, но и судьбы солдат и офицеров, когда-то носивших мундир того или иного полка.

Мое внимание не могла не привлечь статья кандидата исторических наук В. Ж. Цветкова в журнале «Родина» № 11 за 2000 г. - «Белая Гвардия», ибо об одном из офицеров Императорской Гвардии, ставшем в годы Гражданской войны офицером Белой Гвардии, мне довелось услышать из первых уст.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива - 409-м и 400-м, где хранятся Послужные списки офицеров Русской Императорской Армии, документов нет и о нем мне известно главным образом со слов его младшей сестры, живущей в Москве.

Евгений Давидович Гунцадзе родился в военной семье в 1892 г. в городе Кобрин Царство Польское. Его отец Давид Константинович Гунцадзе, из потомственных дворян Кутаисской губернии, был кадровым офицером 38-го пехотного Тобольского полка. Мать Евгения Гунцадзе, также была из военной семьи. В положенный срок Евгений Гунцадзе был отдан родителями в Полоцкий кадетский корпус. По окончании кадетского корпуса он поступил в одно из столичных военных училищ, по окончании которого был выпущен в чине подпоручика Лейб-гвардии в Кексгольмский полк.

С началом 2-ой Отечественной войны Л.-гв. Кексгольмский полк был переброшен к германской границе и в составе 1-й бригады 3-й Гвардейской пехотной дивизии принял участие в Восточно-Прусской операции. В ходе последовавших боев полк понес тяжелые потери и отступил к русской границе. (Подробнее см. Ю. Грамбицкий: Штурм деревни Трыстенъ Лейб-гвардии Кексгольмским полком 15 июля 1916 г., // Военная быль, № 10, 1998). Среди пропавших без вести чинов Л.-гв. Кексгольмского полка значился и подпоручик Евгений Давидович Гунцадзе. Об этом было сообщено в газете «Русский Инвалид».¹

Позднее члены семьи узнали, что он жив и находится в плену у немцев

на территории Германии. В плену подпоручик Гунцадзе находился до конца 1918 г. Теперь уже вряд ли удастся когда-нибудь узнать его маршрут из Германии в Россию. Сколько месяцев или недель заняла дорога? Пробирался ли через Украину или по Черному морю? Это уже никому не известно. Так или иначе, весной 1919 г. подпоручик - гвардеец приехал в Одессу, куда во время Великой войны переехали его мать и сестры. Отец офицера - генерал-майор, георгиевский кавалер Д.К. Гунцадзе еще в 1918 г. вступил в монархическую Южную армию, а теперь состоял в резерве чинов главковерха ВСЮР. В рядах Добровольческой армии сражались против большевиков младшие сыновья генерала - братья Евгения Давидовича - Владимир и Константин.²

Первоначально Евгений Гунцадзе хотел уклониться от участия в Гражданской войне, считая ее братоубийственной. Так он объяснял своим сестрам. По его же словам, за время 1-й Мировой войны он проникся отвращением к войне и военной службе. Однако Советская власть в лице Одесской чрезвычайки преподала ему предметный урок. Через некоторое время, после того, как Одессу заняли красные, чекисты арестовали Е.Д. Гунцадзе как бывшего царского офицера и водворили его в тюрьму. Но ему повезло. Следователь-чекист оказался по национальности грузином. Узнав, что Евгений Гунцадзе наполовину грузин, чекист проникся к нему симпатией как к земляку. Тем временем родители арестанта - Ольга Макаровна Гунцадзе также хлопотала за своего сына. Дело кончилось тем, что чекист-грузин тайком, ночью, вывел офицера из здания ЧК и передал буквально с рук на руки матери.

Скрываясь в доме матери и у чужих людей, Евгений Гунцадзе дождался августа 1919 г., когда Одесса была освобождена от советчиков. «Урок», полученный в Одесской ЧК, не прошел бесследно. Евгений Гунцадзе выехал из Одессы с тем, чтобы присоединиться к воссозданному в составе ВСЮР подразделению гвардейцев-кексгольмцев. По-видимому, ему при поступлении на военную службу зачли предыдущие годы, включая пребывание в германском плену. В начале 1920 г. он на короткое время приехал в Одессу на свадьбу своей сестры Маргариты. Младшая сестра Руфина хорошо запомнила, что присутствовавшие на свадьбе ее братья Евгений и Константин были в военной форме. В полной генеральской форме был их отец - Давид Константинович. Вскоре после свадьбы гости разъехались.³

По возвращении из Одессы, Евгений Гунцадзе и его брат Константин оказались в составе тех частей ВСЮР, которые с боями отступали из Малороссии в Крым. В составе Л.-гв. Кексгольмской роты Сводного батальона Гвардейского отряда, братья Гунцадзе в начале 1920 г. участвовали в боях против красных на Перекопе. В рядах Гвардейского отряда они прошли Крымскую эпопею в капитанских чинах. Оба были ранены: Константин весной, а Евгений - летом 1920 г.⁴ Вероятнее всего, в составе Сводно-гвардейского полка Русской армии генерала П.Н. Врангеля братья Гунцадзе эвакуировались осенью 1920 г. из Крыма в Галлиполи. По рассказам Руфины Давидовны Николаевой, урожденной Гунцадзе, в Галлиполийском лагере капитан Евгений Гунцадзе вел уроки французского языка для своих сослуживцев. Вел также и уроки английского языка. Знания иностранных языков он совершенствовал еще в 1-ю Мировую войну, будучи в плену в Германии. После того, как командование Русской армии предоставило своим чинам свободу действий, Евгений Гунцадзе оставил военную службу и эмигрировал в США.

Здесь ему пригодились занятия английским языком, которым он старался систематически заниматься, будучи в германском плену. В США он обосновался в Детройте, где устроился на работу инженером. По словам его младшей сестры, в США Е.Д. Гунцадзе вступил в грузинское землячество, хотя по-грузински не знал ни слова! Насколько он был связан с русскими эмигрантскими организациями в Америке неизвестно. Однако когда в начале 1920-х гг. в Сербии скончался его отец, то орден скончавшегося генерала Д.К. Гунцадзе из Сербии переправили ему в США как старшему сыну. Женат Евгений Гунцадзе был на русской эмигрантке Екатерине Николаичевой. Скончался Евгений Давидович Гунцадзе в городе Атланта, штат Джорджия, США, 10 августа 1958 г.⁵ Интересно отметить, что в некрологе в «Часовом» был указан чин - полковник Лейб-гвардии Кексгольмского полка. Очевидно, производство в следующий чин имело место в Галлиполи в 1921 г.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

Примечания:

¹Русский Инвалид, 1914 г., № 221, 19 октября.

²В. Чичерюкин - Мейнгардт. Судьба генерала Д.К. Гунцадзе, Военная быль, № 7, 1995 г.

³Сообщение Р.Д. Николаевой (урожденной Гунцадзе), личный архив автора.

⁴Голеевский М.М. Материалы по истории Гвардейской пехоты и артиллерии в Гражданскую войну с 1917 по 1922 год. Кн.3: Крым./Болгария, 1922 г., С.17, 21, 47.

⁵Незабытые могилы, т.2, М. 1999, перепечатка из «Часового», № 391, 1958 г.

Б. Татаров

УЧАСТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В БОЯХ В КИЕВЕ (октябрь 1917 г.)

После государственного переворота в Петрограде, большевики активно готовились взять под свой контроль и другие крупные города и промышленные центры Российской империи. Разумеется, это в полной мере касалось и столицы Украины - Киева. Однако ситуация на Украине, в частности в Киеве, осложнялась наличием там украинских националистов, также претендовавших на власть. Центральная Рада, под влиянием Петроградских событий образовала «Крайовий комітет для охорони революції на Україні» в состав которого, вначале, входили и большевики. Однако после того как Центральная Рада осудила государственный переворот в Петрограде, вышли из его состава и начали активную подготовку к вооруженному восстанию. 9 ноября (27 октября по старому стилю) на объединенном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившем в Мариинском дворце, была принята резолюция о восстании¹. Командование Киевского военного округа (КВО), оказалось практически беспомощным перед большевиками, поскольку могло рассчитывать лишь на юнкеров², школу прапорщиков, автобронедивизион, два полка казаков а также делегатов казачьего съезда (в Киеве с 3 по 13 октября (21 по 31 октября) заседал Всероссийский общеказачий съезд, на котором присутствовало около 600 делегатов). КВО обратился с просьбой к командованию Юго-Западного фронта, о выделении воинских частей для поддержания порядка в Киеве. Но ситуация на фронте была немногим лучше. Временное правительство пожинало плоды своей «демократической» политики, которая фактически привела к развалу армии. Деморализация и дезертирство достигло таких масштабов, что командованию удавалось едва лишь удерживать, на глазах разваливающийся фронт. Тогда было принято решение обратиться за помощью к Чехо-Словацкому корпусу базировавшемуся недалеко Киева (1-я Чехо-Словацкая Гуситская стрелковая дивизия в районе Житомира, 2-я Чехо-Словацкая стрелковая в районе Борисполя), численность которого составляла в это время около 30 000 тысяч³ солдат и офицеров, и представлявшего реальную силу, сохранявшую великолепную дисциплину и порядок.

Временное правительство ранее уже неоднократно использовало чехословацкие части для карательных акций в тылу. Так, например, 2-й Чехо-Словацкий стрелковый Иржи с Подебрад полк участвовал в подавлении крестьянского восстания в районе Полонного; один батальон, из состава 1 дивизии, вместе с казаками и ударниками подавил выступление солдат и крестьян в Славуте⁴, также чехословаки были посланы против солдат 20-й и 46-й пехотных дивизий отказавшихся выступать на фронт⁵. Однако эти акции вызывали негативную реакцию у чехословаков, подчеркивавших свое желание воевать против Австрии и Германии, но нежелавших вмешиваться во внутренние проблемы России. В конце октября 1917 года секретарь Отделения Чехословацкой Народной Рады в России (далее ОЧСНР), Клецанда обратился в Ставку Верховного Главнокомандующего, где вновь напомнил об объявленном ранее чехословаками нейтралитете, и настаивал на том: «...чтобы чехословацкие воинские части использовались только для подавления беспорядков, угрожавших безопасности собственности, и то в случае крайней необходимости и с условием, что нет поблизости русских частей, однако чтобы никогда не были использованы к подавлению беспорядков возникших на политической основе»⁶ (перевод этого и следующих фрагментов автора). Несмотря на то, что Чехо-Словацкий корпус формально еще считался частью Российской армии и его высший командный состав составляли русские офицеры, фактически он был независимым и подчинялся ОЧСНР. Так, что российское командование было вынуждено согласовывать с российским отделением ЧСНР все планы использования чехословацких воинских частей.

9 ноября (27 октября) 1917 года, после большевистского переворота, председатель ЧСНР профессор Томаш Масарик понимая реальную угрозу того, что чехо-словацкие части могут быть втянуты в разгорающуюся гражданскую войну, обратился ко «Всем воинским министерствам и командующим, начальникам Чехословацкого войска» с требованием не использовать чехословаков во внутриполитической борьбе. Однако замес-

титель комиссара Юго-Западного фронта Григорьев, понимая опасность угрожавшую Киеву, обратился напрямую к исполняющему обязанности командира 1-й Чехо-Словацкой Гусицкой стрелковой дивизии полковнику Мамонтову о помощи. Полковник Мамонтов принял решение направить в Киев:

2-й Чехо-Словацкий стрелковый Иржи с Подебрад полк (около 2 500 штыков и 30 сабель, 16 пулеметов)⁷;

1-й Славянский (Корниловский) ударный полк (около 1 000 штыков)⁸;

1-ю батарею 1-го Чехо-Словацкого Гусицкого Яна Жижки артиллерийского отряда (153 артиллериста при 6 орудиях и 2 пулеметах)⁹;

Общая численность отряда составляла приблизительно: 3 200 офицеров и рядовых.

Боевая готовность была объявлена на 17 часов 9 ноября (27 октября). К вечеру того же дня, части начали стягиваться к станции Печановка, где должны были погрузиться в эшелоны. Плохая погода, а главное ливень весьма осложняли передвижение чехословаков. Особенно тяжело и медленно передвигались, по размытой дороге, артиллеристы. Вдобавок ко всему, прямо у станции не выдержав тяжести орудия, провалился деревянный мост. Несмотря на препятствия, уже в 20 часов части начали погрузку. Но из-за недостатка вагонов погрузка длилась целую ночь. Перед отъездом на станции выступил помощник комиссара Юго-Западного фронта Григорьев:

«Сводному отряду 2 Чехо-Словацкого и 1 Славянского полков и батареи Чехословаков

Братья Славяне!

Наш отряд направляется за великим и святым делом: навести порядок в России, измененной немецким шпионством, быть защитой мирным гражданам перед насилием орд бандитов и преступников. Великая русская республика нуждается в помощи регулярной армии; армия откликнулась и посылает несколько подразделений. Выступление большевиков угрожает независимости России, Польши и всех славянских народов. Во имя сильного фронта и порядка в ты-

лу, выступаем с верой, что устраним анархию и вернем России силу и способность продолжать бой. В соединении с русской демократией и нашими вождями, рука к руке творим великую силу славянства, а с ней идем навстречу своей цели: благу и счастьем рабочего народа. Пусть живет Свобода, Равенство и Братство. Вперед за Святое Дело.

Пом. Ком. Юго-Западного фронта Д.Н. Григорьев»¹⁰.

Окончив погрузку сводный отряд, размещенный в четырех эшелонах, отбыл в Киев. Путешествие в грязных, неприспособленных для перевозки людей грузовых вагонах усиливало усталость от бессонной ночи. Ситуация осложнялась и паличием, на станциях, огромного количества дезертиров, которые не желали «проливать кровь за господ» но, тем не менее, считали себя, по крайней мере, спасителями «революционной свободы», по в тылу. Так, во время стоянки в Казатине, дошло до столкновения между революционерами-дезертирами и чехословацкими артиллеристами, после того как артиллерист назвал одного из дезертиров «сволочью». На станции тут же раздались крики о контрреволюции и о немедленном разоружении артиллеристов. Однако инцидент был решен поручиком Александром Халывиным, который объяснил, что часть направляется в Киев для охраны государственного имущества.

Затем в Киеве ситуация оставалась весьма напряженной, 8 (26 октября) ноября в городе было объявлено осадное положение. Патрули юнкеров задерживали солдат без пропусков. Так как украинских казаков не контролировали то большевики активно использовали их форму, представленную сотником Портем, командовавшем куришем в Шевченковском полку. Ночью же с 10 на 11 (28-29 октября) ноября, юнкера и казаки захватили Мариинский дворец и арестовали Военревком – 14 членов комитета и 30-40 солдат. Командование КВО ободренное этим успехом как бы успокоилось предполагая, что тем самым отвратило восстание. Однако большевики избрали новый Военревком, в состав которого вошли: Карпенко, Богданов (от 3-го авиапарка) и Иванов. Центром востания были: Киевский Арсенал и мастерские Арсенала, на территории Киевской крепости. Также перед началом выступления к большевикам присоединилось около 200 солдат 3-го авиационного парка, в арсенал прибыли и солдаты из состава

ва 3-го понтонерного батальона, 147-й и 148-й Воронежских дружин, караульного полка, артсклада, телефонного и искрового батальонов. Прибыли также рабочие отряды из различных предприятий города. В здании авиапарка была образована мастерская по ремонту оружия и набивки пулеметных лент. Восстание было намечено на следующий день. Сигналом должен был быть полет аэроплана над Печерском.

11 ноября (29 октября) основная часть сводного отряда прибыла в Киев, на главный вокзал. Выгрузившись из эшелонов, отряд, оставив караулы от 1-го Славянского ударного полка, направился к штабу КВО. Во время движения по улицам города, а особенно на Хрещатике чехословаков и ударников (корниловцев) восторженно приветствовали горожане. Обстановка в городе была уже крайне напряженная, улицы были полны вооруженных людей, передвигались непонятные отряды и бронев автомобили. Так описывал свое впечатление от Киева один из артиллеристов: «...улицами проезжали бронев автомобили, а чаще всего грузовики наполненные войском, над которыми торчали длинные русские штыки. Одни автомобили были заняты большевиками, другие украинцами, между ними не было неприязни, что не отвечало представлениям добровольцев (чехословаков), которые предполагали, что были посланы в Киев на помощь украинцам против большевиков»¹¹. Чехословакам пришлось несколько раз разбираться на своем пути баррикады и, разумеется, объяснять всем, что они не присхали «подавить революционную свободу». Доходило до курьезов: пулеметная рота «Максим» 2-го полка, которая прибыла поздно вечером в Киев, на улице Жилианская столкнулась с вооруженным пешим отрядом, непонятной принадлежности. Как только чехословаки приблизились на сто шагов, отряд с криками «домой!» разбежался¹².

У штаба КВО сводный отряд поприветствовали генерал-лейтенант Квещинский и начальник штаба Чехословацкого корпуса генерал-майор Шокоров. После чего 2-й Чехословацкий полк разместился на ночь в Кадетском корпусе, 1-й Славянский в Константиновском военном училище а артиллеристы в Николаевском артиллерийском училище.

Восстание началось 11 ноября (29 октября) в 17.00, атакой большевистских отрядов на военные объекты Киева. Несмотря на объявленный нейт-

ралитет Центральной Радой, около 400 украинских казаков: 1-го украинского казачего им. Богдана Хмельницкого и Шевченковского полков, в первый же день присоединились к восстанию. Командование КВО заявило ультиматум Центральной Раде который, однако, ни к чему не привел. В некоторых случаях было практически невозможно четко определить какие части и в какой момент были украинские а какие большевистские. Большевики полагались в основном на рабочие отряды, а также на солдат 3 авиационного парка и понтонерского батальона. Большинство же частей киевского гарнизона сохраняло нейтралитет, однако довольно часто, в зависимости от ситуации, объявляло себя то украинцами то большевиками.

Город который, не смотря на напряженную обстановку, жил своей обычной жизнью вдруг стал центром ожесточенных боев. По всему городу то тут то там, вдруг вспыхивали ожесточенные перестрелки, жертвами которых чаще всего становились гражданские лица, еще не привыкшие к ужасам гражданской войны. «Трамвай был полон оживленно говорящими спокойными гражданами, - пишет в своих воспоминаниях, стрелок 5 Чехословацкого Пражского полка, Адольф Рыпеш, который был в Киеве, в увольнительной и ехал трамваем, на железнодорожный вокзал на поезд, который отъезжал в 16.35, - среди его пассажиров было большинство женщин и детей. Посматривая на них я прислушивался к их разговору. Как вдруг в грохоте трамвая раздались глухие удары по стеклам, в которых тут же появились угрожающие, острые, частые пулевые отверстия. Куски стекла летали повсюду. Люди начали испуганно вскакивать с сидений, женщины дико кричать, дети плакать. Новая очередь, из-за крика едва слышных пулеметов, снова засыпала паш вагон. Теперь на землю упали первые жертвы преступного грязного убийства не в чем не повинных людей. К моим ногам рухнула едва вскрикнув молодая женщина с плачущим ребенком на руках. Мертвая прикрыла его своим телом, стремясь укрыть от пуль. Я хотел крикнуть водителю, чтобы он остановил трамвай, или, наоборот, по возможности увеличил скорость, однако тот сполз на пол с простреленной головой. Кондуктор одним прыжком кинулся к нему, и отодвинув его тело остановил трамвай. Только теперь донеслась к моим ушам пулеметная стрельба. Выскочив из вагона, я кинулся под него, спасаясь за колесами.

Из своего укрытия я осматривался вокруг стремясь определить место откуда нас обстреливают. Люди бегали по улице как перепуганные овцы с глазами полными ужаса и падали на землю как зрелые колоски под острой косой. Смерть тут имела богатую добычу. Пули свистели повсюду, рикашета от мостовой они впились в фасады домов, разбивая окна и витрины магазинов. Пассажиры тоже начали выскакивать из вагона, однако большинство из них не спаслось. Стрелок из пулемета как бы сосредоточил адскую стрельбу именно на стоящий трамвай, расстреливая его с садизмом самодовольного убийцы. Перед вагоном, прямо у колеса за которым я скрывался, лежали в лужах крови трое детей, несколько мужчин и женщин. Были убиты в тот момент когда выскакивали из трамвая, свалившись один на другого... Приподняв голову я осмотрелся по сторонам. На крышах домов, на балконах и в окнах квартир находились пулеметы, поливавшие дождем пуль улицу. Только чудом можно было спастись из этого пекла. Мертвые, раненые, солдаты, мужчины, женщины, дети и старики покрывали улицу. Невинные жертвы боя развязаного в стремлении добыть Арсенал»¹³.

В 8 часов вечера большевиками в здании комендатуры были захвачены командир полка георгиевских кавалеров с адъютантом, заместитель начальника гарнизона и другие офицеры. Была захвачена комендатура и гауптвахта. Солдаты авиапарка заняли оборону со стороны Алексеевского училища.

После того как началось восстание 11-я и 12-я роты 2-го полка были высланы на вокзал, где сменили караулы чехословацкого батальона, 1-го Словянского (Корниловского) ударного полка. На вокзале находились и караулы украинцев, которые вели себя в отношении чехословаков весьма провокационно. Так как в городе уже шли бои, караулы чехословацких корниловцев, не сумев добраться к своему полку, отправились в Кадетский корпус. По всей видимости, здание Кадетского корпуса стало временным штабом чехословацких частей, так как штаб корпуса, который находился в центре города, разумеется не мог быть в безопасности. С полной уверенностью не можем сказать если штаб корпуса подвергся нападению большевиков, но во всяком случае в их руках оказались: командир 1 Чехо-Словацкой стрелковой бригады – полковник Леонтев с адъютантом прапорщиком Жейгличем. В Кадетский корпус

перебрался, со своим штабом командующий чехословацкими запасными частями – генерал Червинка, так как его штаб находился в центре на улице Фундуклеевская. В 10 часов вечера, после приказа командующего КВО, 5-я рота 2-го полка заняла перекресток Львовской улицы и Кадетского шоссе, чтобы не допустить к центру отряд большевиков с броневым автомобилем. Около полуночи рота имела стычку с отрядом украинцев, в количестве 120 человек, который двигался по направлению к Хрещатику. В 12 часов ночи рота была отозвана назад. Где-то в это же время Кадетский корпус подвергся нападению, по части 2 полка и чехословацких корниловцев отразили атаку.

В 1 час ночи командир 2-го батальона 2-го полка поручик Петржик получил приказ с четырьмя ротами и 6 пулеметами направиться к штабу КВО в Банковской улице. Батальон к месту назначения прибыл почти в 4 утра, задержанный инцидентом с украинским отрядом на Бибиковском бульваре. Чехословаки сменили караулы юнкеров, Константиновского училища, которые, построившись в походную колонну, направились к своему училищу. По дороге между Арсеналом и Понтонерными казармами, юнкера подверглись неожиданному нападению большевиков и украинцев. Этот эпизод, как правило встречается во всех воспоминаниях «героев»-большевиков, но, как правило, искажая реальность. Так, например, товарищ Затонский, в своих воспоминаниях, пишет о «глупых» чехах, которые густыми колоннами, «в лоб» по Александровской улице, шли «в психическую атаку» на штурм Арсенала, и как они «геройски» отразили их «приступ» убив и ранив более 100 человек, и, дескать, даже их командира¹⁴. В реальности же, не ожидавшие нападения, юнкера понесли тяжелые потери (70 человек убитыми и ранеными), после чего, отстреливаясь, отступили по Александровской улице к Мариинскому парку, где окопались¹⁵. В поддержку юнкерам была выслана смешанная рота (по полуроте от 6-й и 7-й рот) под командованием подпоручика Пустки с пулеметным взводом и двумя казачьими орудиями. По прибытию на место рота получила, от командующего участком, полковника Кириченко приказ занять линию Мариинский парк - берег Днепра, после чего выдвинуться вперед чуть выше цепи юнкеров и после подготовки атаковать большевиков и украинцев, которые угрожали флангу юнкеров. Чтобы

обеспечить свой собственный фланг взвод 7-й роты перекрыл Екатерининскую улицу, казачьи орудия были поставлены на перекрестке Александровской и Левашовской улиц, откуда должны были вести огонь на Понтонерные казармы и поддержать атаку пехоты. Оставшиеся три взвода с двумя пулеметами развернулись в цепь в Мариинском парке направив для охраны левого фланга, к склону Днепра, два патруля. Окончив подготовку, чехословаки атаковали неприятеля оборонявшего северозападную часть парка. Большевики и украинцы, не выдержав, отступили к барикадам у казарм, где продолжали обороняться. Отряд начал подготовку к штурму барикад и казармы. Казачья батарея открыла огонь, но стреляла крайне неудачно, и несколько раз обстреливала собственную цепь. К тому же малокалиберные орудия не могли причинить ущерба казармам бывших частей Киевской крепости.

После того как отряд был ослаблен (два пулемета были направлены на другой участок) подпоручик Пустка попросил о подкреплении. Поручик Петржик направил взвод 8-й роты в количестве 20 человек, под командованием подпоручика Грдина. После того как пришло подкрепление, отряд вновь атаковал неприятеля. После боя, в котором были убиты подпоручик Грдина и пулеметчик Кожены а также ранен один воин, большевики и украинцы оставив барикады, отступили в здание казармы, а цепь чехословаков и юнкеров залегла в 50 шагах от нее.

В 8 утра того же дня 1 взвод (2 орудия с одним пулеметом) Чехо-Словацкой батареи под командованием поручика Александра Халывина и 4 роты 2-го полка были направлены на Софиевскую площадь. Однако после того как отряд прибыл на место, он тут же был направлен к штабу КВО, где уже кипел бой. У штаба орудия были поставлены следующим образом: 1-е орудие в направлении Понтонерных казарм, под охраной пулемета и двух броневых автомобилей, 2-е в направлении Хрещатики под охраной барикады из колючей проволоки и двух пулеметов 2-го полка.

В 15.00 часа стрельба прекратилась, так как оборонявшиеся выслали парламентеров и попросили о примирении. После чего смешанная рота и юнкера отошли к парку, оставив патрули в соприкосновении с неприятелем.

1-й Славянский ударный полк с юнкерами Константиновского училища уже с первых минут восстания оказался в центре боевых действий. От-

ряд арсенальных рабочих и солдаты пантонерного батальона предприняли атаку на Константиновское училище, однако были отбиты. Весь вечер 11 ноября (29 октября) и утро 12 (30) в непосредственной близости от училища, шли бои между юнкерами алексеивцами и константиновцами и большевиками, стремившимися захватить склады с оружием на Печерске. Здание училища находилось под постоянным оружейным и пулеметным обстрелом большевиков и украинцев, укрывавшихся в соседних домах. Все утро корниловцы были заняты их ликвидацией. После обеда командование округом силами ударников, юнкеров и 5-й школы прапорщиков предприняло попытку взять штурмом, с юго-запада по Московской улице, перекрытой барикадами, Арсенал. Юнкерам удалось взять штурмом здание Ипподрома, и захватить улицы Московскую и Николаевскую. С Николаевской улицы юнкера смогли обстреливать Цепной мост, по которому большевики подвозили с Дарницы боеприпасы. Командование большевиков, оценив угрозу, кинуло в контр наступление свои лучшие части, отряды Ефремова и Батацкого. После напряженного боя большевикам удалось отеснить юнкеров с Николаевской улицы. В рамках этой операции в 13.00 две роты чехословацких корниловцев, под командованием подпоручика Трушновича, захватили интендантские склады. А в 14.00 чехословацкая разведывательная команда, под командованием подпоручика Яновского, стремительной атакой захватила и очистила Печерскую базарную площадь. «В этих боях мы работали только штыками и гранатами», — так описывал эти события подпоручик Яновский¹⁶.

Днем 3-я рота сменила на вокзале 11-ю и 12-ю роты, которые вернулись в Кадетский корпус, кроме одного взвода (50 человек) под командованием прапорщика Захарова который сопровождал две кухни 2-го батальона к штабу КВО. На обратном пути на Хрещатике они были окружены отрядом украинцев с броневтомобилем который заставил их отдать оружие. Чехословаки везли с собой тела павших в бою у Понтонерных казарм. После того как украинцы увидели, что подпоручик Грдина был георгиевским кавалером, и им было сказано, что он пал в бою с большевиками, они изменили свое отношение и провели митинг, где украинский офицер выступил с речью о братском чешском народе. После чего украинцы прокричали «ура» чехам, и взвод продолжил движение, причем

украинцы взяли на караул перед павшими. Позднее взводу было возвращено все оружие¹⁷.

Несмотря на то, что большевикам удалось отразить атаки на Арсенал и Понтонерные казармы, их положение было довольно сложным. Их отряды оказались потрепанными в ходе боев, весьма остро чувствовался недостаток патронов (по пять патронов на винтовку), снарядов и питания. Войскам КВО, удалось удержать в своих руках склады с оружием и заблокировать Печерск. Большевики оказались изолированными и не могли получать подкрепления из других рабочих районов. Воспользовавшись затишьем, один из большевицких руководителей тов. Иванов по улице Собачья тропа выбрался с Печерска и направился в Генеральный секретариат Центральной Рады, размещавшейся в Педагогическом музее. В разговоре с членом рады, Николаем Порш, он потребовал немедленного выступления украинских частей против сил КВО. Представители Центральной Рады, занимавшие выжидательную политику, ответили, что пока не в состоянии присоединиться к восстанию, так как они еще не окончили концентрацию сил.

Не помогла большевикам и агитация среди украинских частей и частей киевского гарнизона. К восставшим присоединилось, всего лишь около 200 человек.

В 16.00 большевики открыли артиллерийский огонь по штабу КВО (однако довольно слабый, так как в здании находились члены захваченного Ревкома). Чехословацкие артиллеристы начали ответную стрельбу. На улицах, на подходах к штабу, то тут то там вспыхивали перестрелки, во время которых были ранены еще два чеха. После чего полурота 4-й роты заняла оборону в Апенковской улице и близлежащих дворах в направлении Хрещатика, а оставшаяся часть роты сменила юнкеров в окопах у Арсенала. Опасаясь общего штурма, командир 2-го батальона поручик Петржик попросил подкрепления. Однако чехословацкое командование, в Кадетском корпусе, само оказалось в весьма сложной ситуации. В их распоряжении оставалось лишь четыре роты 2-го полка. Здание же корпуса находилось вблизи рабочих районов: Шулявки, Мастерских, Депо и Колонии Юго-Западной Железной дороги. Рабочие отряды постоянно обстреливали здание Кадетки. С целью ликвидации большевицкой угрозы своему штабу, чехословацкие роты предприняли ряд атак. Чехословацкие стрелки, большинство которых

были фронтовиками, относительно легко разогнали большевицкие отряды, несмотря на превосходство последних в вооружении. В ходе этих атак ими были захвачены десятки ружей и несколько пулеметов.

После ликвидации угрозы Кадетскому корпусу, к штабу КВО направилась 1-я рота. Прибыв на место в 8 часов вечера, она сменила смешанную роту у Понтонерных казарм, после чего та отошла на отдых в здание штаба. В это же время часть саперного взвода, 2-го полка, была направлена на охрану госпиталя на Дорогожичской улице¹⁸, а вторая часть усилила 3-ю роту на вокзале. Несмотря на то, что чехословаки контролировали Главный вокзал, большевицкие партизанские железнодорожные рабочие задерживали все эшелоны на станции Киев-Вольнский.

Между тем руководство ОЧСНР узнало о том, что чехо-словацкие части, без их ведома, были направлены в Киев где оказались втянутыми в уличные бои. Военный комиссар Чехо-Словацкого корпуса, проф. Прокоп Макса потребовал немедленного вывода чехословаков из Киева.

Ночью, 13 ноября (31 октября) начался постепенный отвод чехо-словацких частей. В 3 часа утра 17-я рота 5-й киевской школы прапорщиков сменила 1-ю роту у Понтонерных казарм. В 5 утра из больницы вернулись саперы. В 3 часа дня сменили и полуроту 4-й роты, которая прибыла к штабу КВО. Тем временем в штаб прибыл профессор Макса который был возмущен тем, что еще не все чехословацкие части заменены. Генерал Квецинский обосновывал это отсутствием частей, предупреждая, что иначе он будет вынужден сдать украинцам и большевикам. Тогда Макса направил телеграмму командиру 2-го полка, в которой писал: «Прошу напомнить всем частям, чтобы во время службы были сдержаннее, так как уже наше присутствие вызывает против нас неприятельскую агитацию. Необходимо чтобы бойцы находились в обороне, а в случае нападения четко выяснили, кто и почему на них попал. Приказы, пожалуйста, выполнять только с моего согласия. Мне было обещано, что наши части будут заменены»¹⁹.

Пока в городе шли напряженные бои между частями верными Временному Правительству и большевиками, власть в Киеве фактически перешла в руки Центральной Рады. Украинские части, общей численностью около 18 000 человек, заняли все ключевые

позиции в городе. Комисар Макса вступил в переговоры с Центральной Радой, с которой договорился: о мирении и обмене пленными, о постепенном стягивании чехословацких частей к Кадетскому корпусу и о последующей отправке из Киева в расположение 1-й Чехо-Словацкой Гусицкой стрелковой дивизии.

Тем временем в штаб КВО прибыл депутат Дюрех с делегацией русских чехов, которые призвали чехословаков к продолжению боев с большевиками и украинцами²⁰. Однако стрелки 2-го полка и артиллеристы озлобленные неразберихой, творившейся вокруг них, а к тому же еще и отсутствием продовольствия, категорически отказались.

Несмотря на то, что бои в городе начали утихать, ситуация в юго-восточной части Киевской крепости, где находились Константиновское и Алексеевское училища, оставалась весьма напряженной. Ударники 1-го Славянского ударного полка вместе с юнкерами вели отчаянный бой с обольшевичеными солдатами и украинцами пытавшимися взять штурмом училище. Окруженные со всех сторон, под прямым артиллерийским огнем, ударники и юнкера отбивали атаки в течение всего дня. Поручик Яновский так описывает эти события: «Напряженная, неопределенная ситуация была до самого утра, утром же 12 ноября (30 октября) наше положение ухудшилось так как украинцы соединились с большевиками и выступили против нас... Наше положение было отчаянным. Мы были окружены со всех сторон 70 тысячами украинского войска и красной гвардии. Без питания. Ситуацией воспользовались провокаторы, и под влиянием их агитации, полк начал распадаться. Так на одном тайном собрании прозвучало предложение: «Убить офицеров, чехов и юнкеров. В полку было много малороссов, которые узнав, что против них стоят украинские части начали роптать. Вся служба в это время легла на нас и юнкеров. Украинцы вели себя весьма подло. Ночью вместе с большевиками стреляли по нам, а днем выступали посредниками между нами и большевиками»²¹.

Ночью к штабу КВО прибыли украинские парламентарии и было объявлено о перемирии. Одним из условий его, было проведение переговоров в здании Городской Думы и создание комиссии, в которую вошли бы все противоборствующие стороны. Выполняя условия перемирия, в которые входил и обмен пленными, полурота под командованием поручика Про-

хазки с пленными большевиками (среди которых находились и пленные члены Ревкома) направилась к Арсеналу, где должен был состояться обмен. К 1 часу ночи, 14 ноября, чехословацкие части, исполняя условия перемирия, сняли все посты вокруг штаба и ожидали прихода украинских парламентариев, которые с украинским флагом, во главе колонны, должны были вести чехословаков к Кадетскому корпусу.

Ночью 13 ноября (31 октября) чехословацкий батальон Славянского (Корниловского) ударного полка получил приказ, от комиссара корпуса Максы, присоединиться ко 2-му Чехо-Словацкому полку. Чехословаки-корниловцы, однако, отказались исполнить приказ, так как понимали, что в условиях разложения полка их отход грозит смертью русским офицерам и юнкерам. «В это время послал подпоручик Тайбр (командир одной из чехо-словацких рот – прим. авт.) двух стрелков как связанных ко 2 полку с целью объяснения нашей ситуации, - пишет поручик Яновский, - а также для координации наших действий. Послали для связи стрелки, вернулись еще этой же ночью с приказом дивизионного (правильно корпусного – прим. авт.) комиссара Максы, которым он отзывал наши роты ко 2-му полку. Командир Корниловского полка капитан Нежинцев позвал меня и поручика Тайбра и показал нам приказ при этом сказав: «В этой ситуации я не могу вам приказывать уйти из полка, а также у меня нет права вас задерживать. Подумайте и решите сами». Так как помимо юнкеров, наши две роты были единственными надежными частями полка, а после нашего отхода юнкерам и около 150 русским офицерам (настоящим русским патриотам) грозила бы неминуемая смерть, мы решили остаться и разделить их участь»²².

Пока в Городской Думе шло заседание комиссии, большевики, используя перемирие и частичную деблокацию Печерска, подвезли в Арсенал полтора миллиона патронов и 750 снарядов. После чего большевики, очевидно не зная, что должен состояться обмен пленными, предприняли атаку на штаб КВО с целью освобождения пленными членами Ревкома. Чехословаки, после того как над Банковской улицей разорвалось несколько шрапнелей, снова заняли оставленные позиции и отбили атаку.

В это время, на перекрестке Александровской и Левашовской улиц, проходил обмен пленными. Больше-

вики никого не привели для обмена, но, тем не менее, чехословаки передали им их пленных, под честное слово, что те потом передадут имеющихся у них пленных. Впоследствии большевики действительно отпустили пленных принадлежащих к Чехо-Словацкому корпусу. Были ли отпущены пленные юнкера и офицеры, большинство которых были захвачены на улицах еще до начала восстания, трудно сказать. Стрелок 5-го Чехо-Словацкого стрелкового Пражского полка, 2-й Чехо-Словацкой стрелковой дивизии, Адольф Рынеш, захваченный большевиками по дороге на вокзал и находившийся в здании Арсенала был ими отпущен после заключения перемирия. Однако в своих воспоминаниях он пишет о расстреле, уже после заключения перемирия, семи офицеров (большинство которых были корниловцы). Среди расстрелянных также оказались: священник и пожилая женщина (которая была арестована за то, что проклинала большевиков, после того как те забили прикладами насмерть, на ее глазах, ее сына).

После освобождения Ревкома, большевики начали обстрел Печерска из тяжелых орудий, находившихся в Дарнице, используя колокольню Киево-Печерской Лавры для координации стрельбы. Особенно ожесточенный огонь был сосредоточен на зданиях Алексеевского и Константиновского училищ. Тысячи рабочих и солдат вновь пошли на их штурм. Особенно ожесточенные атаки были направлены против Алексеевского училища, стратегическое положение которого позволяло контролировать дорогу соединявшую Киевскую крепость с Зверинецкими оружейными складами. Михаил Булгаков, в своем романе «Белая гвардия» так описывает эти бои, участником которых был его брат Николай: «Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах. Туча солдат осадила училище, ну форменная туча». Силы были неравны, и 200 юнкеров-алексеевцев под командованием начальника училища генерала Эльснера, утомленные многодневными боями капитулировали. Защитники же Константиновского училища отказались сдаться, продолжая сопротивление.

Украинские парламентарии и полурота Прохазки вернулись к штабу в полпятого утра. Спустя полчаса колонна начала движение к Кадетскому корпусу. С колонной чехословаков, опасаясь мести большевиков, уходило много

юнкеров и офицеров, припимавших участие в боях. С Печерска уходил и 1-й Славянский ударный полк вместе с юнкерами Константиновцами. Опустевшее здание училища тут же было занято большевиками, которые расценили это как свою победу.

На рассвете все чехословаки и ударники вернулись в казармы: 2-й полк в Кадетский корпус, артиллеристы в Николаевское училище. В Николаевском училище разместился и Славянский полк. Утром ударники провели собрание, на котором решали будущее своего полка. Командир, капитан Неженцев, выступил с тем, что в условиях начинающейся гражданской войны существуют лишь две возможности: либо оставаться и дальше в составе Чехо-Словацкого корпуса либо направиться на Дон к своему шефу, генералу Корнилову. Часть ударников и казаков были готовы ехать на Дон, большая же часть чехословацкого батальона и музыкальная команда, исполняя приказ Массарика, решили остаться в корпусе, и лишь единицы из них собирались ехать к Корнилову.

После обеда, в часовне Кадетского корпуса, была отслужена панихида по павшим 2-го полка: подпоручике Грдине и стрелке Коженном. После этого их гробы были уложены на лафеты орудий 1-й Чехо-Словацкой батареи и, в сопровождении представителей всех чехословацких частей сводного отряда

Примечания:

¹В защиту революции, - Киев, «Изд. полит. литературы Украины», 1977, С. 24.

²В Киеве в октябре 1917 года к моменту большевистского восстания находилось четыре юнкерских училища: Николаевское и Константиновское пехотные, Николаевское артиллерийское и Алексеевское инженерное.

³РГВИА, Ф. 1759, Оп 3, Д. 791, Л. 84.

⁴Клеванский А.Х. Чехословацкие националисты и проданный корпус (1914-1921 гг.), - М., Наука, 1965, С. 111.

⁵Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за Власть Советов, - Киев, 1958, С. 94.

⁶ZA SVOBODU (obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914-1920), - Praha, «Památníku odboje», 1924, S. 602.

⁷Kronika pěšího pluku 2 Jířího z Poděbrad 1916-1920), - Praha, «Památníku odboje», 1926, S. 72.

⁸После Корниловского «мятежа» существование полка было под реальной угрозой. В виду того, что в полку находились самостоятельный чехословацкий отряд разведчиков (100 человек) генерал Л.Г. Корнилов, по договоренности с председателем ЧСНР Т.

и русских кадетов были отведены на кладбище. Над их могилой выступил профессор Макса и представители Центральной Рады.

Простояв в Киеве еще несколько дней, части сводного отряда по очереди начали убывать к месту своей дислокации. 16 ноября из города уехали артиллеристы, спустя два дня 2-й Чехо-Словацкий полк и 1-й Славянский ударный полк. О настроении с которым уезжали чехословацкие солдаты и офицеры лучше всего говорят строки написанные чехословацким офицером Рудольфом Медком: «...русский народ до смерти измученный старым режимом и трехлетней войной, несколько месяцев тонущий в тяжелом похмелье «свободы», не понял, что для нее еще не созрел, русский народ, отчаянно несчастный, преданный, со всех сторон, высеиваемый и оплеванный всеми так называемыми «порядочными людьми» старой Европы, был в эти дни несколько раз распят на кресте... У многих из нас рождались мысли: ты должен помочь России... своему несчастному брату! Но как? Что мы чехи и словаки можем тут сделать? Мы еще чрезвычайно слабая сила, чтобы вернуть России то, что мы от нее прежде всего ждем, то есть немного энергии и желания вести войну? А если миллионы русских солдат скажут в один голос: «не желаем!». Можем ли мы потом, чехословацкие солдаты, силой принуждать этот народ, или 30 тысяч

Масариком, приняли решение о вступлении полка в состав Чехо-Словацкого корпуса. Корниловский полк был переименован в 1-й Славянский ударный и дополнен чехами, которые составили как бы отдельный батальон в составе двух рот со своим знаменем и оркестром под командованием штаб-капитана Меистжика (численностью 250 солдат и офицеров) \ Dějiny 4.střeleckého pluku Prokopa Velikého 1917-1920, Turnov, «Müller a spol», 1927, S. 81.

⁹Kalena Karel Dějiny dělostřeleckého pluku 1 Jana Žižky z Trocnova v ruské revoluci a ve vlasti, - Praha, «Dr. Ed. Gréra a syna», 1937, S. 141.

¹⁰Kalena Karel Указ. соч., С. 141-142.

¹¹Kalena Karel Указ. соч., С. 143; Чехи и словаки, борющиеся за свою независимость, во многом симпатизировали украинцам. В тоже время многие отмечали сильные антибольшевистские настроения в чехословацких воинских частях.

¹²Od Zborova k Bachmači, - Praha, Čin Orbis, 1938, S.111.

¹³Spověď vojáka 10. pluku. Dokumentální kniha Čsl. dobrovolce Adolfa Ryněše, poddůstojníka 10 pluku, - Praha, «K. Smolika», 1935, S.269.

чехословацких добровольцев объявят войну 172 миллионам, живущим в Российской империи?²³.

Бои в Киеве стали для чехословаков первым актом участия в разгорающейся гражданской войне. Как это не покажется странным, но об их участии в Киевских боях или писалось мало, или не писалось вообще ничего. Разумеется, негативно о них отзывались большевики. Но к несчастью в большинстве случаев плохо о них писали и противники большевиков, упрекая их в «предательстве», которое вынудило командование КВО капитулировать. Отчасти это правда! Однако как могло случиться, что из многомиллионной русской армии, с большевистским переворотом в Киеве (да и не только в Киеве) боролось лишь несколько тысяч, да и то в основном юнкера и офицеры. Временное правительство своей политикой пришло к полной самоизоляции, а в конце концов и к падению. Разве могло его спасти несколько тысяч чехословацких частей в Киевских боях, могло бы привести к открытому конфликту с Центральной Радой, что для них могло иметь катастрофические последствия, так как все части корпуса, большая часть которых находилась в стадии формирования, располагались на Украине. Уничтожение Чехо-Словацкого корпуса могло бы грозить и образованию Чехословацкой республики.

¹⁴Затонский В.П. Октябрь 1917 года в Киеве // В защиту революции, Киев, 1977, С. 19.

¹⁵Kronika pěšího pluku 2..., S. 50; Od Zborova..., S. 111.

¹⁶ZA SVOBODU, њ. II, њ. 734.

¹⁷Кronika pěšího pluku 2 ..., њ.51.

¹⁸Очевидно, речь идет о Кирилловской больнице, где работало много врачей-чехов и с 1915 года, туда старались направлять раненых на фронте чехословаков-добровольцев. В октябре 1917 года, там могло еще находиться много чехов раненых в битве у Зборова и во время Тарнопольского отступления.

¹⁹Там же, С. 53.

²⁰В 1917-м году чешское политическое движение было разделено: на русских чехов во главе с Дюрехом (проживавших в России еще до начала Великой войны и бывших ее гражданами), выступавших за активное вмешательство во внутренние дела России, и чехов, подчинившихся ЧСНР во главе с Массариком, занимавших противоположную позицию.

²¹ZA SVOBODU, њ. II, њ. 734.

²²Там же, С. 735.

²³Medek Rudolf Kyjevské dni // «Československy Voják», 1917, а 5.

А Колмогоров, Н. Лухманова

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ. ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ. ГЕНЕРАЛЬСКИЙ СЫН.

Памяти первого военного педагога Русского Зарубежья
Б.В. Адамовича

Пройдут года. И может быть
Историй выцветшие фразы
В тиши спокойно свяжут нить
Невозмутимого рассказа
О прошлом...

А. Лебедев.

Из «Поэмы временных лет».

Я жил! Я жил! И я сгорел...
Пусть я раздавлен у порога.
Но я дышащем согрел
Один ятарь на четках Бога.

П. Булыгин.

1. Крым.

В дождливый весенний день 26 марта 1920 г. из порта Сочи курсом на Севастополь вышло небольшое перегруженное парусное судно «Роза» с группой офицеров штаба Кубанской армии, спешно сформированной из казачьих частей разбитой красными на Кубани и деморализованной Кавказской армии Белых. Эпопея гражданской войны в России приближалась к своему эпилогу, чтобы через восемь месяцев закончиться Крымской агонией.

На борту судна встретились два офицера-приятеля еще по Русско-Японской (1904-05 гг.) войне, теперь уже генерал-лейтенанты, 44-летний командующий Кубанской армией С.Г. Улагай и 49-летний Б.В. Адамович, числящийся в резерве чинов при Главкоме Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР). Им было о чем вспомнить и что обсудить.

Утром, 4 апреля, они уже встречали в Севастопольском порту общего боевого товарища по последним трем войнам, только что прибывшего из Константинополя на бронепосе «Empreg of India», бросившим якорь на рейде.

42-летний П.Н. Врангель был самым молодым из них, но и самым способным, успев окончить Горный институт в С.-Петербурге в 1901 г., Николаевскую академию Генштаба в 1910 г. и, находясь с ними в одном звании, уже побывать Командующим Кавказской и Добровольческой армиями в горниле Гражданской войны.

В этот же день поздно вечером, после нескольких заседаний Военного совета армии (под председательством генерала от кавалерии А.М. Драгомирова) и телеграфных переговоров со

Б.В. Адамович – штабс-капитан ЛГв Кексгольмского Императора Австрийского полка. Варшава, 1900 г. (фото предоставлено А. Колмогоровым).

Ставкой в Феодосии, генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель приказом Главкома ВСЮР А.И. Деникина был назначен его преемником и вступил в командование.

Уже понимая всю бесперспективность продолжения войны с большевиками, тем более после ультиматума Великобритании об отказе в военно-экономической помощи в случае ее продолжения, барон Врангель взвалил на себя неподъемную ношу с единственной целью, как он сам определил ее в постановлении Военного совета армии от 4 апреля 1920 г.: «Я делил с армией чашу побед и не могу отказаться испить с ней и чашу унижения». Много ли найдется в истории войн мужей способных на подобный поступок и достойно его осуществивших?

Новый Главком очень скоро принял ряд стратегических решений по сохранению и воспитанию военного резерва Русской армии. К этому времени, после потери Одессы, Новороссийска, Сочи, в Крыму оказались тысячи воспитанников юнкерских и кадетских училищ и корпусов старой России. Часть кадет при эвакуации их из Одессы уже были размещены в Панчево (близ Белграда) Королевства СХС (Сербов, Хорватов и Словенцев). «Гвардией города Сараево» назывался позже русских кадет командир местного гарнизона генерал Стевен Хаджич. Уже к 10 апреля Врангелем было принято решение о передислокации этих учебных заведений в Славянские

государства, так многим обязанные России.

Генерала Б.В. Адамовича не надо было уговаривать. Обладая опытом военного педагога, боевого гвардейского офицера участника двух войн, военного историка (один из учредителей Императорского Военно-Исторического общества), летописца и командира с сентября 1914 (после «Сольдау») по июль 1915 гг.) Лейб-гвардии Кексгольмского полка, а с августа по декабрь 1915 г. - бригады 3-ей гвардейской дивизии, он уже в первых числах апреля 1920 г. был назначен директором Сводного кадетского корпуса и отбыл с дипломатической миссией в Королевство СХС к 32-летнему Принцу-Регенту Александру Карагеоргиевичу, талантливому военному и политическому деятелю Балкан, в прошлом Главкомом Сербской армии (в Великой войне 1914-18 гг.), сыну престарелого 75-летнего короля Петра Карагеоргиевича.

Миссия увенчалась успехом, найдя живой отклик в сербских политических и военных кругах, расширявших свою экспансию на территории соседних Балканских земель.

2. Родители.

Борис Викторович Адамович (15.11.1870-22.03.1936 гг.) родился в семье верного Царю и Отечеству служаки, на которых всегда держалась армия. Штабс-капитан Виктор Михайлович Адамович, польских кровей потомственный дворянин (6.08.1839-21.04.1903 гг.), уездный воинский начальник, к 59 годам выслужил чин генерал-майора на посту начальника Московского военного госпиталя.

Мать - известная в конце XIX- начале XX веков писательница, переводчик, драматург - Надежда Александровна Лухманова, в девичестве Байкова, (2.12.1844-25.03.1907 гг.), из обеднейшей потомственной дворянской семьи, была, несомненно, женщиной неординарной, литературно-одаренной, упрямо-решительной и волевой. Черты ее характера характеризовали даже прозвища, данные ей воспитанницами (медамочками) Павловского института - «Байярд» - в начальных и «Дон-Кихот» в старших классах.

Гражданский брак родителей, после их «романа» в С.-Петербурге, окончив-

шегося громким судебным разводом Надежды Александровны с «постылым старым мужем» и рождением первенца Дмитрия, а затем еще двух сыновей (Бориса, Александра) и дочери Марии - не состоялся. Осенью 1880 г. супруги расстались, так и не оформив официально своих отношений.

Девятилетний Борис остался с отцом, который вскоре женился (уже законным браком) на... восемнадцатилетней девице Е.С. Вейберг, из совсем небогатой семьи и стал отцом... еще четырех детей (Владимира, Ольги, Татьяны, Георгия - сводных братьев и сестер Бориса) и умер в 63 года.

Одной из самых ярких звезд «Русского зарубежья» станет самый младший из них - поэт, литературный критик - Георгий Адамович (7.04.1892-21.02.1972 гг.). Именем старшего брата Дмитрия (25.08.1867-18.06.1946 гг.) - легенды Российского торгового флота, поэта и писателя-мариниста, капитана дальнего плавания, одного из первых Героев труда РСФСР, будет названо судно «Капитан Лухманов», 26 лет (с 1970 по 1996 гг.) бороздившее моря и океаны планеты. Но это уже совсем другие истории...

3. Становление.

Второй сын Н.А. Лухмановой, окончив 3-й Московский кадетский корпус (в числе лучших) и 2-е Константиновское военное училище (по 1 разряду) в 1890 г., имел все права на распределение (при наличии вакансии) в любой гвардейский полк империи для дальнейшей военной карьеры. Но в выбранном Лейб-гвардии Семеновском полку таковой не оказалось, и новоиспеченный подпоручик временно определился в старейший в Русской армии (основан Петром I в 1710 г.) Кексгольмский Императора Австрийского полк, расположенный в Варшаве. Отказавшись в дальнейшем от перевода в С.-Петербург, Борис Викторович навсегда связал свою судьбу, со ставшем ему родным Кексгольмским полком, вписав в дальнейшем в его летопись несколько своих ярких страниц. Молодой офицер, наряду со службой, участвует в создании (одного из первых в войсковых частях армии) музея полка и становится его первым хранителем, а с октября 1896 г. и историографом. С 24 апреля по 4 июня 1896 г. гвардии поручик Адамович (с 6 декабря 1894 г. полк жалован правами гвардии) участвует, в составе делегации полка, в коронационных торжествах их Императорских Величеств (Государя Императора Николая II с супругой) в Москве.

С началом Русско-Японской войны 1904-05 гг., в которой гвардия участия

не принимала, штабс-капитан Адамович с ближайшим другом-однополчанином К.А. Цабелем отправились добровольцами из Варшавы на театр военных действий, в Маньчжурию. Борис Викторович находился в действующей армии с августа 1904 по октябрь 1905 гг., принимая непосредственное участие, в должности командира 12-ой роты (капитана) 123-го Козловского стрелкового полка 10-го армейского корпуса 2-ой Маньчжурской армии, в боях под Аппином, Ляояном, у Сыквантунской сопки, на реке Шахе и др. Воевал достойно, хотя не был ни ранен, ни контужен. За компанию награжден четырьмя боевыми орденами различных степеней и произведен в подполковники (26.10.1905 г.). И здесь, в Боме забытых сопках и ужасах войны, капитан Адамович, заболев в окопах и добравшись до полевого госпиталя на ст. Угольная, пройдя октябрьской ночью со своим денщиком более 10 верст, встречается со своей матерью - сестрой милосердия (26-го подвижного госпиталя 35-ой дивизии 17-го корпуса) и одновременно корреспондентом «Красного Креста» и Харьковской газеты «Южный край».

Здесь же, находясь одно время в разведотделе штаба тыла армии, Б.В. Адамович и познакомился с 26-летним сотником Отдельного дивизиона разведчиков, добровольно, как и он сам, напросившимся на войну в частях Забайкальского казачьего войска — П.Н. Врангелем и корреспондентом газеты «Русский инвалид» - будущим атаманом Белого Дона - П.Н. Красновым.

Литературную деятельность (наследственность и влияние матери) начал стихотворением «Карагачская годовщина» в военно-литературном журнале «Разведчик» за 1892 г., № 82, посвященном памятного бою (4 января 1878 г.) Кексгольмского полка в войне 1877-78 гг. с Турцией.

С заклатом Карагач туманный
Тревожно дремлет, грозный сон
Восстал пред ним:
и голос бранный,
Орудий гром и сабель звон,
Он в страхе слышит: крик «Ура»
Несется мощно, залп, удар!..
Войны кровавая пора
Пред ним восстала...

Активно публиковался в военной периодической печати — «Военном сборнике», «Русской старине», «Братской помощи», «Разведчике», «Правительственном вестнике» и др. Его перу принадлежат военно-практические (технические) труды - программы подготовки юнкеров военных училищ и школ, военно-исторические (публици-

стические) рассказы и повести: «Кексгольмские рассказы для солдат», «Персидский поход 1722-24 гг.», «Кексгольм в 1710 и 1898 гг.», «Проклятой - взятие Телиша 16 окт. 1877 г.», «Осада Выборга, 1710 г.», «Подвиг поручика Чершцова», «Пехотные полки - участники Полтавского боя», «Хроника, отличия и боевой формуляр Л.-Гв. Кексгольмского полка», «Участие Кексгольмского полка в морском Чесменском походе 1769-74 гг.», «Из походного журнала» (дневники о Русско-Японской войне), печатавшиеся на протяжении 1904-10 гг., «Гангут 1714-1914 гг.» и др. В 1910 г. в Варшаве отдельным изданием выходит «Кексгольмская слава».

Основным же его литературным трудом (в течение 8 лет продолжался сбор материалов в архивах - Московском военном и Главного штаба) стал 3-х томный сборник военно-исторических материалов Лейб-Гвардии Кексгольмского Императора Австрийского полка, изданный в С.-Петербурге к его 200-летию юбилею. Уже позже, в эмиграции, Борис Викторович публикует — «Спасение знамени Л.-Гв. Кексгольмского полка в 1914 г.» (1927 г.), «Дочь Кексгольмского полка» (1928 г.), «К минувшему, 22 авг.-4 сент. 1931 г. 100-летию юбилею 3-ей Гвардейской пех. дивизии», «Отход из Галиции» (1932 г.), «Опись музея» - Первого Русского Вел. Князя Константина Константиновича кадетского корпуса (1933 г.) и «Трыстенъ» (1935 г.) - к 225-летию Лейб-Гвардии Кексгольмского полка.

Стержнем профессиональной биографии Бориса Викторовича стали способности военного педагога, проявившиеся в службе на должности командира батальона XII и XIII выпусков Киевского военного училища (20.12.1906-22.05.1909 гг.), затем блестяще реализованные на должности начальника Виленского пехотного юнкерского (позднее его тщанием реорганизованного в военное) училища (22.05.1909 - 20.09.1914 гг.).

Девизы Виленцев были известны всей армии: «Виленец один в поле и тот воин», «К Высокому и Светлому знай верный путь».

Здесь применялись необычные для того времени новаторские приемы военной педагогики: тактические выходы в поле, почные учения, право на отпуск через экзамен, практические занятия старших юнкеров с младшими и молодыми солдатами рот гарнизона, двухнедельные походы с решением тактических задач (командовали отделениями, взводами и ротами при этом вы-

пускники училища по очереди), разбор учений (с докладчиками юнкерами). В походах юнкера знакомились с военно-историческими памятными местами, боевыми кораблями и возможностями флота, фортификацией и т.д. 3-4 раза в год училище устраивало балы в своих стенах. Юнкера посещали вечера Гарнизонного Собрания, женского института, гимназий, совершали экскурсии. Так, летом 1913 г. - ездили в Москву и в Осташево в гости к Великому Князю, особенно благоволившему училищу.

Вел. Князь Константин Константинович - Главный начальник военно-учебных заведений империи - дал такую характеристику полковнику Адамовичу: «Вполне подтверждаю отзыв генерал-майора Крылова (начальника Киевского военного училища) - полковник Адамович личность в полном смысле слова педюжинная, выдающаяся во всех отношениях. Офицер и человек, который, несомненно, будет чрезвычайно полезен на любой должности, как в строю, так и в военных и юнкерских училищах...». «Достоин всякого повышения вне очереди. Но если бы был назначен командиром отдельной части, где несомненно был бы на своем месте, военно-учебное ведомство, лишаясь полковника Адамовича, понесло бы чувствительную утрату».

Заслуги Бориса Викторовича в 43 года отмечены производством в генерал-майоры (14. 04.1913 г. по гвардейской пехоте). Пример того, как дети идут дальше своих отцов. Аналогичное звание В.М. Адамович получил только в 59 лет. Сын также в отличие от отца, «провалившего» в августе 1867 г. экзамены в Николаевскую Академию Генерального Штаба, выдержал их, был зачислен (12.10.1893 г.), учился почти 6 месяцев, но, к сожалению, вернулся в полк по неизвестной нам пока причине.

Сам офицер-педагог свое внутреннее состояние этого периода жизни очень точно выразил в письме другому офицеру К.П. Гарнишевскому в 1910 году: «Я невольник. Только ли психоз увлечения, выполнение ли призвания или идеальное сознание долга, но я весь отдался службе. Груда писем, 200 - 300 в год, от старых учеников».

Позднее (с 5.01.1916 по 12.10.1917 гг.) способности Бориса Викторовича, как организатора процесса военного обучения, были вновь востребованы на должности помощника военного министра - инспектора военных училищ и школ, ведавшего подготовкой резервов офицерских кадров воюющей армии. Его имя было необычайно популярным в среде молодого офицерства.

Не приняв Советскую власть, генерал-майор Адамович 8-го ноября 1917 г. вышел в добровольную отставку с производством в генерал-лейтенанты (с орденами Св. Владимира 4-ой и 3-ей степеней, Св. Анны 3-х степеней, Св. Станислава 3-х степеней - все с мечами, прусским орденом Короны 3-ей степени с мечами (от 4.01.1908 г.), кавалерским орденом Франца-Иосифа (от 12.10.1897 г.), наградным Георгиевским оружием (от 24.04.1916 г.), с мундиром и пенсией и уехал из Петрограда на родину отца в с. Петровцы Миргородского уезда Полтавской губернии, где он часто проводил отпуска в окружении сводных сестер и братьев. Решив не испытывать судьбу, после ареста и случайного освобождения, генерал-отставник в начале 1919 г. примкнул к Белому движению, не принимая, однако, в нем деятельного участия.

4. В эмиграции.

Сводный кадетский корпус (с 12 июня 1920 г. размещенный в военных казармах Короля Петра г. Сараево), получивший приказом Главкома ВСЮР от 1 октября 1920 г. наименование «Русский кадетский корпус в Королевстве СХС», в феврале 1925 г. пополнился значительной частью, доставленных из Шанхая воспитанников 1-го Сибирского Императора Александра I и Хабаровского Графа Муравьева-Амурского кадетских корпусов (250 чел.). В сентябре 1929 г. (в канун образования Королевства Югославия) корпус был переведен из Боснии и Герцеговины в сербский город Белая Церковь, частично объединен с находящимся там и расформированным Крымским корпусом, пожалован королем Александром I «шефством», с наложением короны и вензеля Великого Князя на малиновые погоны кадет и получил новое наименование «1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус», в состав которого позже (в августе 1933 г.) были включены и кадеты расформированного 2-го Русского Донского Императора Александра III кадетского корпуса, располагавшегося в боснийском городке Горадже, на берегу Дрины.

У «стен Московского Кремля». г. Сараево, 1929 г. (фото предоставлено А. Колмогоровым).

Борис Викторович возглавлял корпус до самой смерти. Его трудами был создан музей (насчитывавший в 1933 г. 3000 ед. хранения, в том числе личные вещи и автографы Российских Императоров, Главкомов Белой армии, до сотни полковых знамен - свидетелей былой славы России), фотографический кабинет (2700 фотографий), включены в учебные программы курсы сербского языка и литературы, истории и географии южнославянских земель. 900 почтовых корреспонденций от бывших своих питомцев (Киевлян и Виленцев) передал Б.В. Адамович в 1933 г. в дар музею корпуса.

В эмиграции Борис Викторович создает, а затем и возглавляет, Объединение и Музей Лейб-гвардии Кексгольмского полка (насчитывавшего на 15 сентября 1935 г. 1147 единиц хранения) с четко обозначенной целью: «сохранение, до смерти последнего из нас, традиций старых кексгольмцев для возможности их передачи». Им же было основано из преподавателей, выпускников и кадет Русского, Киевского, Одесского, Полоцкого, Крымского, Полтавского и Владикавказского кадетских корпусов общество «Княже-Константиновцев»,

Б.В. Адамович в Русском кадетском корпусе. г. Сараево, 1929 г. (фото предоставлено А. Колмогоровым).

имевшее свои отделы в Европе (в том числе и в Югославии). Русские кадетские корпуса готовили военных кадры образовавшегося после распада Австро-Венгерской империи в 1918 г., нового славянского государства (к 1936 г. из стен только 1-го Русского кадетского корпуса было выпущено 618 человек, начиная с выпуска 1920 года). Многие из них делали карьеру в Югославской армии (к 1941 г. 500 окончили Королевскую военную академию в Белграде).

Содержались корпуса на средства «Державной комиссии» королевства и пользовались покровительством короля и военных кругов. Заслуги генерала-педагога, кавалера российских орденов, были отмечены и королем Александром I, наградившим Б.В. Адамовича Большим Крестом и Звездой ордена Белого Орла 2-ой степени и лично вручившим их.

Уже лежа на смертном одре, генерал закончил свое последнее в этой жизни письмо словами: «Да хранит Господь моих лучших спутников жизни – однополчан - кексгольмцев. Благодарный полку ученик, удостоившийся учительства». Скончался Борис Викторович 22 марта в 2 часа утра в Державной больнице г. Сараево, пережив сестру Маню, сводных братьев Григория Колмогорова (по матери), полковника Владимира Адамовича (по отцу) и своего последнего Главкома П.Н. Врангеля, перезахороненного

6 октября 1929 г. в славянской земле русской церкви Святой Троицы г. Белграда.

Сараево давно не видело таких похорон. За гробом русского генерала, установленным на артиллерийском лафете, шли представители Его Величества короля Югославии и князя-наместника, военного министра, митрополит, командующий 2-ой армии, представители русской эмиграции в Югославии, кадеты и еще многие и многие. Похоронен Б.В. Адамович был 24 марта в 17 часов 30 минут на участке военного кладбища Русского кадетского корпуса (им самим же устроенного) под залпы военного салюта, рядом с большим розового мрамора крестом на высоком каменном пьедестале - памятнике, на котором выбито четверостишие самого генерала, посвященное памяти столь любимых им кадет:

*Листки отлетевшие,
Весной чуть пригретые,
Мечты недозревшие
И песни неспетые...*

Б.В. Адамович так и не женился. В последний путь из близких его провожал только о двоюродный брат, бывший командир 225 пехотного Ливенского полка полковник Г.Н. Адамович с супругой Еленой Алексеевной.

Журнал русской военной эмиграции «Часовой» посвятил памяти «офицера без страха и упрека» серию публикаций (в №№ 165-170 за 1936 г.) с фотографиями и стихами:

*Крепче сомкнитесь, кадеты,
В трауре наши ряды
Скорбью природа одета,
Лучшие блекнут цветы.*

В семейном архиве З.В. Массен сохранилось его письмо в Россию от 17 февраля 1929 г. родной сестре Мане (М.В. Адамович, в замужестве Массен) из Боснии (Далмация), в котором искренне ощущается грусть, ностальгия эмигранта: «Здоровье мое пошатнулось. Тяжело переношу холода - морозы до 15°. И высоко, 530 м. над морем, и зима небылая. Вспоминаю горы на берегу Черного моря, в Сочи. Там природа несравнимо богаче. И берег несравнимо красивее и живее, чем Далмация».

Сохранились несколько фотографий Бориса Викторовича в военной форме (в том числе дарственных, адресованных матери и сестре). На одной из них он снят с редкой среди военных монаршей наградой - наградным перстнем (на подвеске мундира). Бриллиантовый перстень с вензельным изображением имени шефа полка - Его Величества Императора Авст-

рийского Франца-Иосифа I было высочайше разрешено (22.09.1894 г.) принять в дар и носить. По семейным воспоминаниям бриллиант перстня имел вес четыре карата.

5. Память.

Еще одна последняя страница... Заключив свое повествование, я хочу, чтобы потомки русских эмигрантов не забывали, что нет истории эмиграции - есть история Отечества, в котором о Вас всегда помнят и ждут. Вы - паша Боль и паше Величие. Ваши отцы и деды сохранили чистоту Души и помыслов ценой лишения Родины. Вы - генофонд той старой России, начавшей свое возрождение с восстановления в Первопрестольной храма Христа Спасителя, под сводами которого молились Ваши предки.

В моей семье - правнука статского советника, потомственного почетного гражданина, инженера А.Ф. Колмогорова и дворянки Н.А. Лухмановой всегда найдется кров и пища для любого из Вас. Мы одной крови и веры в Россию.

Ведь прошлое - это не всегда то, что было когда-то. А чаще даже то, что необходимо помнить, чтобы жить всем нам.

Буду благодарен и признателен государственным гражданским и военным ведомствам и частным лицам республики Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории, детям, внукам и правнукам русской эмиграции за любые сведения материалы о судьбе кладбища Русского кадетского корпуса (на Военном кладбище) г. Сараево, Белой Церкви, музея и его экспонатов «1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса» в Королевстве Югославия, о личных вещах его директора (единокровного брата моего деда) Б.В. Адамовича. Вечная ему память. И храни нас всех Господь.

Мой адрес: 141700, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, Лихачевское шоссе, № 4, кв. 111. А.Г. Колмогорову.

Источники:

1. Семейный архив автора.
2. РГВИА, ф. 29, Оп.3, Д. 654; ф. 400, Оп.12, Д. 23325; ф. 297.
3. «Русские писатели 1800 – 1917 гг. Биографический словарь, т. 3, БСЭ, 1991-1995 гг. с. 417-419.
4. «Опись музея», Б. Адамович, 1933, Белград.
5. Трамблицкий Ю.А. «Кексгольмец». Военно-исторический журнал, № 7, М., 1991 г., с. 81-87.
6. «Часовой», №№ 165-170, 1936 г.
7. Врангель П.Н. Кавказская армия. Последний Главком. Записки, ч. 1, 2., М., 1995.

Представляемый читателям очерк нашего постоянного автора, историка русской конницы А.В. Воронова может показаться и не относящимся тематически к данному номеру. Но этот очерк – очень важен, с точки зрения понимания причин российской гражданской войны. В нем описывается убийство командира 3-го Гусарского Елисаветградского полка барона Ф.И. фон Криденер. Убийство беспричинное, если не считать причиной звериную ненависть подчиненного к своему командиру, ненависть, умноженную на корыстное желание обогатиться. Именно эти «чувства» руководили творцами многочисленных солдатских самосудов, прокатившихся по России в 1917 году. На этом измененном инстинкте и строилась идеология, опьянившая русских солдат в годы «второй Смуты». Примечательно и то, что это преступление произошло в 1910 году, во время когда кровавые «подвиги» первой русской революции уже завершились, когда набирала силу аграрная реформа П.А. Столыпина. Впереди еще были знаменитые 1912-й и 1913-й годы – ставшие эталоном экономического роста Российской Империи накануне Великой войны. Значит не все было «спокойно в Королевстве Датском». Можно было бы, наверно, сказать об «отдельных недостатках», на фоне «всеобщей стабильности». Но очень часто, увы, «отдельные недостатки» и «экономическая стабильность», оказываются лишь преддверием потрясений (прим. сост.).

А.В. Воронов

СМЕРТЬ КОМАНДИРА

В ночь с 28-го на 29-ое сентября 1910 года в 3-м Гусарском Елисаветградском Ея Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полку произошла трагедия, потрясшая весь Виленский военный округ: зверски был убит командир полка полковник барон Фридрих Иосифович Криденер!

Кровавое убийство было неожиданно и пелепо на фоне недавно прошедших событий 1905-1906 годов, за время которых в рядах Русской конницы не было случаев покушения со стороны нижних чинов на своих офицеров, видевших в последних не только непосредственных начальников, но прежде всего – людей благородных, справедливых, готовых в любую минуту оказать посильную помощь и поддержку простым солдатам, любящих своих подчиненных и деливших с ними все тяготы армейской службы.

Во втором часу ночи с 28-го на 29-ое сентября к караульному помещению подбежал, запыхавшись, в одном нижнем белье, без бескозырки, денщик командира полка, черноусый гусар Добровольский, уроженец Каменец-Подольской губернии и не своим голосом закричал: «Бегите спасать, на командира полка напали разбойники!»¹ Часовой ударил в колокол, а Добровольский тем временем побежал к адъютанту полка, штабе-ротмистру Николаю Андреевичу Пономареву, выкрикивая: «Тревога!», - заодно по дороге оповестив теми же словами еще двух-трех офицеров, и затем вернулся в канцелярию, куда в этот момент с квартиры командира полка звонила по телефону пасмерть перепуганная горничная.

Поднялась ночная тревога во всех казармах. Многие гусары и офицеры, не зная точно причины, предполагали приезд командира корпуса, генерал-адъютанта П. К. фон Ренненкампа, любившего полк, но не менее любив-

Полковник Ф.И. Криденер. Командир 3-го Гусарского Елисаветградского полка (фото предоставлено А.В. Вороновым).

шего делать неожиданные ночные тревоги для проверки боевой готовности расположенных на немецкой границе гусар.

В лучшем полусвете глубокой осени замелькали силуэты бежавших к дому командира полка, в окнах которого уже горел свет.

«- Седлай! – кричали бородатые вахмистра, с шевронами на рукавах, с золотыми александровскими медалями на шее.

- Тир-лир-лир-ли! – заливалась труба. Гусары выводили из конюшен больших, цыбатых, вороных лошадей. Запрягали патронные двуколки и кухни. Господа офицеры, затягивая на ходу походное снаряжение, выбегали из флигелей, направляясь в свои эскадроны.

- Не иначе, как ночной поход в Вильковишки, чтобы на рассвете ударить по железной дороге!..

- Потом обед с трубачами и выпивкой в уланском полку!..

- Будет несколько «мертвых тел»!.. Это как пить дать!.. Уланы толк понимают!..»

С такими приблизительно мыслями, выплясывая на ходу что-то вроде мазурки, мчался полковой адъютант Кока Пономарев по направлению к командирскому флигелю за инструкциями. Взор его буравил четырехугольник казарм и конюшен, пытаясь разглядеть в ночном сумраке поднявшее тревогу начальство – кражистую фигуру командира корпуса, в желтых казачьих лампасах, с рыжими подусниками, с двумя белыми крестами на широкой груди... Или кого-либо из его свиты... Или, наконец, вестовых с лошадьми, на которых «Желтая Опасность» прибыл в полк...

- Никого!.. Вот так история с географией!.. Должно быть, у командира!..

Легкими шагами адъютант взбежал на три ступеньки террасы, поправил сползавший с плеча ремень и складку на кителе, щелкнул венгерскими шпорами и толкнул дверь.

А через минуту бледный, с выпуклыми глазами, летел тем же аллюром на полковой плац, где уже строились эскадроны, размахивал в воздухе правой рукой и кричал: «Ком-ман-ди-ра уб-би-ли!..»

Штабе-ротмистр Султан-Гирей, вскочивший первым в командирскую спальню, наступил на скользкий, мягкий, подавшийся под ногами, словно резина, предмет, и чуть было не упал.

Быстро зажглись электрические фонарики.

Один за другим прибывали господа офицеры – бравый поручик Небо (М. Г. Небо был в то время уже в чине штабе-ротмистра; Высочайший Приказ 1909 сентября 1, старшинство 1909 августа 13)² (А.В.), седенький, из персидских прищев, ротмистр Хан-Гус-

сейнов, Скомпский и Безобразов, маленький Каляев (правильнее Халяев – А.В.) и крупный, жилистый, с громовой глоткой ротмистр Нереновский, поручик Багрин-Каменский (в списке офицеров на этот период времени числится Александр Егорович Стеблин-Каменский, но он получил чин поручика лишь в сентябре 1911 г.³ (А.В.), Бобровский, Баумгартен и прочие.⁴

«Вбежавшим представилась ужасная картина.

На полу в полуизогнутом положении у стены, недалеко от залитой кровью кровати, лежал в одной рубашке, весь окровавленный, с зияющей вместо носа раной и тяжело стонавший командир полка. Весь пол, стены и даже потолок забрызганы кровью. На подушке, пропитанной, как и вся постель, кровью, лежал кровавой комок, оказавшийся отрубленным носом.

На полу густые кровавые следы босых ног и такие же следы ладоней рук на стене. Как оказалось потом, несчастный, богатырь по сложению, барон, когда убийца удалился в первый раз, имел силы подняться и, ощупывая окровавленными руками стену, уже ослепший от раны и крови, хотел пройти к столу, но вошедший второй раз человек-зверь, увидев барона стоявшим у печки, принялся вторично рубить, пока он не свалился.

Для первой помощи смертельно раненому прибыл врач, которому деятельно, но сохраняя полное спокойствие, помогал денщик Добровольский, подавая воду и прочее.

На теле несчастного командира, кроме мелких, зияло 12 крупных ран:

1. поперек лица, вместо отрубленного носа зияющая рана в 19 см длины, образовавшая как бы второй огромный рот под глазами;
2. на левом виске рассеченная с раздроблением кости и обнажением мозга рана в 9 см;
3. такая же в 8 см на правом виске рана, переходящая на затылок;
4. другая на затылке рана до мозга в 12 см;
5. мочка правого уха отсечена;
6. на шее отделился лоскут кожи в ладонь величиною;
7. под правой ключицей кожная рана;
8. на спине 6 резаных ран, из них две между лопаток до кисти;
9. кисть левой руки перерублена;
10. локтевая кость разрублена выше сустава;
11. мизинец вдоль рассечен;
12. на правой руке перерублен большой палец.

Барон лежал буквально в луже соб-

ственной крови, застывшей в сантиметр толщиной на полу вокруг несчастного умирающего.

Несмотря на эти ужасные раны, из которых фонтаном лилась кровь и виден был пульсирующий мозг, барон имел еще настолько присутствие духа, столь мужества, что к первому вбежавшему офицеру, не видя его из-за потери зрения, но, узнав по шагам и голосу, обратился, назвав уменьшенным, как всегда, именем: «Это вы Ф..?»⁵ Вскоре барон истек кровью, потерял сознание и умер...

Поистине, от одного только описания ужаснейших ран и страданий полковника Криденера бросает в дрожь! Что же должны были испытывать офицеры, видевшие последствия убийства воочию???!!!

Отвлечемся совсем ненадолго от описания трагедии и обратимся к характеристикам полковника Ф. И. Криденера и его послужному списку, чтобы иметь представление о нем и как об офицере и как о человеке.

Родился Фридрих Иосифович 3 октября 1862 года в семье дворянина Лифляндской губернии. После окончания Аннинской Санкт-Петербургской гимназии по 1-му разряду, вступил в службу прикомандированным к Николаевскому Кавалерийскому Училищу рядовым 31 августа 1882 года. Через год он уже унтер-офицер, а Высочайшим Приказом 14 августа 1884 года произведен в корнеты с назначением в 8-й Драгунский Смоленский Его Величества (с 1907 года – 3-й Уланский Смоленский Императора Александра III) полк. В 1885 году он уже поручик, а в 1887 – штабс-ротмистр. В полку исполнял различные должности: заведующего полковой учебной командой, командующего 1-м эскадром, заведующего штабом полка и делопроизводителя полкового суда, командующего 2-м эскадром.

В марте 1896 года барон Ф. И. Криденер производится в чин ротмистра с утверждением в должности командира 2-го эскадрона.

26 февраля 1904 года он переводится подполковником в 9-й Драгунский Елисаветградский (с 1907 года – 3-й Гусарский) полк, однако, служит в нем недолго (9 с небольшим месяцев), и 9 декабря 1904 года переведен в 7-й Драгунский Новороссийский Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича (впоследствии 3-й Драгунский Новороссийский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елены Владимировны) полк тем же чином. В Новороссийском полку он занимал должность по-

мощника командира полка по хозяйственной части, некоторое время командовал полком.⁶

«Из описания заслуг усматривается, что названный штаб-офицер с полным успехом исполнял должность помощника командира полка сначала по строевой, а в данное время по хозяйственной части.

С выдающеюся способностью подполковник барон Криденер наблюдал за обучением людей команд полка: учебной, саперной, разведчиков, кузнецов и с особенным успехом руководил тактическими занятиями с офицерами, среди которых пользуется глубоким уважением и авторитетом.

Офицеры полка постоянно избирают его в члены суда общества офицеров, в комитет заемного капитала и на другие должности. Хорошо знает и видит полковое хозяйство; энергичен и отличный ездок.

Вообще, полковник барон Криденер отличается выдающимися служебными и нравственными качествами, при высоких способностях...»⁷

«Командир названного полка (Новороссийского – А.В.) аттестует подполковника барона Криденера за 1906 год нижеследующим образом:

«Военное дело вообще знает хорошо; к кавалерийской службе вполне способен и любит ее. Строй понимает очень хорошо; обладает большим опытом и служебным тактом. Жизнь и быт офицеров и солдат знает отлично. К подчиненным относится весьма заботливо, по отношению к старшим вполне корректен.

В настоящей должности (помощник командира полка по хозяйственной части) мало испытан и способности к ответственной инициативе еще не проявил. Отличный ездок; лошадей и работу знает прекрасно. Высоконравственный, благовоспитанный, безупречной честности, бережлив. Характера спокойного, выдержанного. Рассуждает весьма трезво и доказательно. Иностранными языками владеет свободно. Физически вполне способен и вынослив».

Заключительная аттестация совещания 3-й кавалерийской дивизии, утвержденная командиром 2-го армейского корпуса, гласила:

«С мнением командира полка дивизионное совещание вполне согласно и считает подполковника барона Криденера по его нравственным, служебным и физическим качествам вполне достойным к выдвижению на должность командира полка.»⁸

Высочайшим Приказом от 19 апреля 1908 года, за выдающиеся отличия

по службе, подполковник Ф. И. Криденер производится в чин полковника «в порядке пожалования наград «вне правил» и в счет таковых, причитающихся на Виленский Военный Округ», а 20 апреля 1909 года Высочайшим Приказом он назначается командиром 3-го Гусарского Елисаветградского полка.

«Барон Криденер был очень аккуратный, требовательный и строгий по службе, но гуманный, высококравственный, простой и вполне доступный человек, в полном смысле слова барин. Обладая хорошими средствами, он за каждый удачный смотр, тем или иным способом, награждал пижних чинов. Всю долготелную службу провел в строю и, отлично изучив быт офицера и солдата, сумел личным примером в деле обучения провести принцип службы «не за страх, а за совесть».

Полк за время почти 2-годичного командования (точнее, за 17 месяцев – А.В.) барона, полюбил своего командира, а отношения между ним и денщиком были таковы, что Добровольский охотно соглашался и после окончания службы остаться у барона лакеем». ¹⁰

В злосчастный день 28 сентября, Фридрих Иосифович возвратился из своего имения, куда съездил на несколько дней. Жена полковника, Анна Карловна фон Вернеке, тяжело болела и находилась на излечении за границей, и, чтобы иметь возможность продолжать лечение, барон продал часть леса за 35 тысяч рублей, часть которых собирался, не откладывая, отправить больной жене, а оставшиеся вложить в банк.

Домашние и прислуга хорошо знали об этом, слухи о скором получении крупной суммы быстро распространились. Узнал о деньгах и денщик Добровольский, служивший у полковника второй год и довольно долго летом 1910 года пробывший в имении.

Но вернемся к описанным событиям. Вскоре на место происшествия прибыл прямо с дороги старший полковник, возвратившийся из командировки с парфосных охот из Постав, Петр Николаевич Принц и тотчас распорядился арестовать и осмотреть всех бывших в доме и оцепить усадьбу.

«При осмотре дома, в передней нашли золотое с бирюзой кольцо командира полка, но золотые часы и кольцо с дорогим бриллиантом исчезли, висевшая на вешалке шапка оказалась с рукоятью, запачканной кровью, капли которой были под ней и на полу. Это вселило подозрение на денщика, спавшего в эту ночь в передней.

Производивший дознание офицер (командир 5-го эскадрона ротмистр

Прохождение штабного эскадрона 3-го Гусарского Елисаветградского полка. Красносельский лагерный сбор. 31 июля 1913 г. (фото предоставлено А.В. Вороновым).

Ф.И. Нереповский – А.В.), осматривая Добровольского, заметил на его руках свежие ссадины, присутствие которых денщик объяснил возможностью оцарапаться, когда бежал через сад давать знать о нападении. На воротнике его рубашки и тужурки у пуговиц была заметна кровь от пальцев. Раздетый денщик оказался в чистом, свежем переменном белье, а на теле во многих местах была засохшая кровь.

Белье, по словам Добровольского, он переменял 3 дня тому назад в субботу». ¹¹

К расследованию подключился полковой адъютант штабс-ротмистр Пономарев, которому подозрения ротмистра Нереновского казались небезосновательными, и адъютант припомнил, с какой ненавистью иногда смотрел на своего командира денщик, которого полковник за что-нибудь ругал.

Наступивший рассвет ускорил и помог расследованию. При тщательном осмотре сада, в одной из клумб, в ямке от вынутой цветочной кадки была открыта окровавленная рубашка, принадлежавшая Добровольскому. По предъявлении этого, сохраняя полное самообладание и спокойствие (!), нисколько не переменявшись в лице, сознался в убийстве, упорно, однако, отрицая грабеж, проговорив: «Нечего записывать, я порешил командира! Заел меня, дьявол!» ¹²

В то время, когда на гаупвахте допрашивался убийца, отрицавший ограбление и мотивировавший в своих показаниях убийство, как месть командиру за дурное обращение (на следствии он держался смело и все твердил, что он убил своего командира потому, что «Их Высокоблагородие надо мной всегда измывались...», «...Мотивом преступления послужило отношение к нему барона. Он не бил его, одаривал не-

редко деньгами и, по-своему, даже баловал. Но за пылилку на сапоге, за крошку на обеденной скатерти имел обыкновение подзывать к себе, не повышая голоса, спрашивал: «Добровольский, это что?» – и награждал щелчком в нос. Это делалось каждый день, каждый час, по малейшему поводу, с убийственным методизмом и хладнокровием...» ¹³), страшная весть мгновенно распространилась по казармам, и солдаты, не допускавшие и мысли о том, что в среде славного полка может быть такой преступник, живший с ними бок о бок, узнав, кто убийца, пришли в неопишное негодование: кое-где слышались голоса с желанием устроить изуверу самосуд, а когда гусары узнали, что убийца лжет на командира полка, ожесточение достигло высшей степени.

Тем временем ротмистр Нереновский и приехавший из штаба Округа следователь, допросом так измучили Добровольского, пытаясь вынудить последнего дать четкую картину происшедшего, что тот, находясь в безвыходном положении, хотя и не терявший присутствия духа и не падая в истерику, мало-помалу начал давать подробные показания, и события стали восстанавливаться.

Прислуга, находившаяся в роковую ночь в доме полковника Криденера, оправившись от первоначального шока, также дополнила их своими показаниями. Вот что произошло на самом деле.

«Экономка Жену услышала сквозь сон звон разбитого стекла, крик и падение чего-то тяжелого. Доносившиеся с другого конца дома стоны окончательно ее разбудили. Вскочив, она побежала по направлению стоны и, открыв дверь в комнату барона, была поражена обдавшим ее странным, едким запахом. То был запах теплой че-

ловческой крови, насытившей воздух небольшой комнаты в одну окно, через которое падал бледный свет луны, озаряя лежащего на полу изуродованного и стоившего барона. С криком ужаса Жену направилась на кухню, разбудила повара, затем горничную, которым сказала, что барон зарезан разбойниками. (Что же еще могла подумать бедная старая Жена?)

Повар бросился на конюшню, разбудил вестовых Крыжановского и Белова, а горничная передала об убийстве по телефону в канцелярию как раз в то время, когда туда вбежал убийца.¹⁴

Примерно за час до этого вот что происходило в доме.

Услышав о больших деньгах, имеющихся у Фридриха Иосифовича, убийца задумал ими завладеть, для чего расположился в передней, смежной с комнатой, где отдыхал барон Криденер. На другом конце дома, разделенного несколькими большими комнатами, спали старая экономка, бывшая бонна умершей дочери Фридриха Иосифовича, швейцарка Жену, вольнонаемный повар Шипук и горничная. Двери из передней в комнату командира полка были закрыты, а противоположные чуть приоткрыты. Дом погрузился в сон.

Добровольский, выждав, когда пройдет достаточно времени для того, чтобы уснула вся прислуга, находящаяся в доме и в уме высчитав, что это последняя ночь, в которую «десятки тысяч» так близко лежат в соседней комнате (видимо, полковник утром собирался устроить деньги по назначению, о чем будущий убийца легко узнал, к примеру, от того же барона, который не держал секретов от своих слуг), тихими шагами пробрался через две комнаты к противоположным от передней дверям спальни барона и осторожно, стараясь не звякнуть сталью, вынул из кобуре командирскую шашку, висевшую на стене в спальне (вероятно, что это была шашка, сохраненная полковником в память его службы в Новороссийском драгунском полку, личный состав которого был вооружен шашками кавказского образца, пожалованными новороссийцам за отличия в войне 1854-1856 гг. на Кавказе, иначе, зачем же барону было вешать оружие над кроватью в спальне?)

Действовать нужно было тихо и быстро, в противном случае, если барон, физически сильный человек, проснулся бы, то убийце пришлось бы несладко, несмотря на то, что сам Добровольский отличался высоким ростом и некоторой силой в молодом теле. Вдобавок ко всему, дом командира полка на-

ходился в 100-150 шагах от гауптвахты, где всегда находились часовые.

Осторожно приоткрыв дверь, человек-зверь прислушался, но ничто не предвещало быстрого пробуждения командира: в комнате раздавалось лишь мерное дыхание спавшего в сладком сне Фридриха Иосифовича, никак не подозревавшего, что смерть подстерегает его не от пули или сабли вражеского солдата, но в образе «честного солдата», преданного слуги – его любимца денщика Ефима.

Убийца подкрался еще ближе к постели барона и, рассчитав по белой подушке местоположение головы: удар должен быть наверняка, – со всего размаху нанес шашкой первую ужасную рану – поперек лица, затем ударил еще два раза.

Первый удар с лихвой достиг цели – был начисто отрублен нос и сразу же поражено зрение. Несчастный барон, пытавшийся приподняться и закричать, тотчас же захлебнулся собственной кровью и свалился с постели. В комнате стало тихо.

Барон потерял сознание, убийце же показалось, что все кончено и никаких особых усилий не понадобилось.

Добровольский стал лихорадочно, в темноте обшаривать комнату, но, как и следовало ожидать в подобной обстановке, не найдя никаких денег, схватил лежащие на ночном столике золотые часы и два золотых кольца¹⁵, бросил шашку под комод. Вышедши в переднюю перевести дух и прислушаться – не идет ли кто, убийца услышал шорох в комнате барона. Схватив висевшую в передней шашку командира (вероятно, уже стросвую), он вторично, охваченный страхом, вошел в спальню и к своему ужасу (а может быть и к злодейскому разочарованию – кто знает), увидел при лунном свете на свою беду очнувшегося и стоявшего лицом к печке, барона. Удары посыпались один за другим, но затылку, но спине, после чего несчастная жертва со стоном опустилась вдоль стены, и снова стало тихо. Злодей, потеряв надежду отыскать деньги, поспешно вышел к себе в комнату и занялся заботливым следом: тщательно вымыл руки и лицо, переоделся в чистое нижнее белье, свернул залитую кровью рубаху и кальсоны, вышел, не привлекая шумом внимания, через парадный вход в сад, окружавший дом командира полка, где в ямке от цветочной кадки с фикусами, зарыл белье, а у ворот закопал (на лучшие времена) часы и бриллиантовое кольцо, другое же впопыхах обронил в передней.

Затем, заметая следы, подошел к

окну, выходящему из спальни, и начал выдавливать одну шибу, но усилия его были столь сильны, что стекло не выдержало и разбилось, порезав убийце руки. Не докопчив работы, Добровольский вбежал обратно в дом, прошел на кухню, откуда в это время поспешно уходила к телефону разбуженная горничная.

Полковник Криденер, страдая непомерно (не приходит даже в голову, как можно описать страдания этого человека!), от ран ничего не видя, истекая кровью, был, на горе убийце, еще жив!!! Однако, он так и не узнал, кто же был его убийцей, и, находясь в полном сознании (!), до последней минуты спрашивал: «Где же был Ефим, я его неоднократно звал?»

В 6 часов утра 29 сентября 1910 года от чрезмерной потери крови, но в полном сознании, командир 3-го Гусарского Елисаветградского Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полка полковник Фридрих Иосифович Криденер тихо скончался. «При вскрытии в сердце и кровеносных сосудах не было ни капли крови».¹⁶

Вскоре после этого случая, как уже упоминалось выше, прибыл военный следователь и приступил к следствию, но до 3-го октября Добровольский отрицал грабеж и утверждал, что совершил убийство из мести за побои (?), неоднократно нанесенные ему командиром. В один из моментов явилась версия, что часы и кольца украдены кем-либо из живущих в доме барона, использовавших момент, когда в комнате еще никого не было, но, когда показания убийцы, что покойный его бил, были опровергнуты свидетелями обращения Фридриха Иосифовича с денщиком, и ему было сообщено, что все равно, так или иначе, он будет казнен, и своей упорной ложью он только лишь привлекает подозрение в воровстве на смерть перенуганную старуху-экономку Жену, то убийца указал, что часы и кольцо им законаны у ворот. Таким образом, следствие, имея неопровержимые улики, установило, что убийство совершено с единственной целью грабежа.

Решением военно-окружного суда города Ковно, преступник, за убийство своего начальника, приговорен к смертной казни: военная дисциплина сурова и не знает пощады.

«Он выслушал приговор совершенно спокойно. Только чуть дрогнул черный ус над губой».¹⁷

18 октября 1910 года бывший гусар Ефим Добровольский был расстрелян на полковом стрельбище перед строем

всего полка и специально вызванного из Александровского Штаба близ Вильковишек (стоянка 3-го Уланского Смоленского полка) эскадрона Смоленских улан. Все пули взвода, парящего для исполнения приговора, попали в цель.

О самом Добровольском сведений почти нет. Уроженец одного из сел (пользующегося дурной репутацией у его земляков-однополчан) Крутянской волости, Балтского уезда, Подольской губернии, там же воспитывался до призыва в сельской школе. Был женат.

«С первых дней вступления в полк убийца был малообщителен, ни с кем из прислуги командира не дружился, почти не разговаривал и не раз уличался во лжи, но был достаточно хорошо грамотный и происходил из зажиточной крестьянской семьи. В денщики назначен лично командиром полка и уже через 2 месяца по прибытии в полк в ноябре 1907 года, взят в услужение».¹⁸ С нашей точки зрения, дату «1907» следует считать ошибочной: полковник Криденер принял Елисаветградский полк в мае 1909 года, а Добровольский, прибыв в полк в сентябре, взят в услужение через два месяца, то есть в ноябре, но не 1907, а 1909 года.

Следует, однако, упомянуть, что по поводу убийства полковника Кридене-

ра существовала и другая версия, о которой упоминает в своей книге «Легкая кавалерия», изданной в 1928 году в Риге Юрий Галич (настоящая фамилия Гончаренко, генерал-майор), склоняющийся более к версии, что убийство произошло именно на почве действительной мести Добровольского, которого полковник барон Криденер хотя и не бил, но изводил своими дотошными придиранками о чистоте и порядке.¹⁹ (Во что, в принципе, зная немцев, а именно таковым и являлся полковник, как людей педантичных и аккуратных, можно и поверить).

Официальных документов расследования этого дела, видимо, не сохранилось, так что узнать истинную причину убийства невозможно. Об этом можно только догадываться.

С другой стороны, дело не только в том, за что так зверски убийца расправился со своим командиром. Он задел самолюбие и честь не одного конкретного человека, а целого полка, омрачив светлые страницы его славной летописи, ведущей свое начало с 1764 года, бросив тень на гусарский мундир доблестных Елисаветградцев, Шефом которых к тому же была Великая Княжна Ольга Николаевна, благоволившая полку.

Однако, при первом же случае вско-

решней силой проявили свой высокий воинский дух и показали, что полк, как и раньше, достоин быть в числе первых полков Русской Императорской Конницы с ее рыцарски-чуткой совестью перед долгом присяги и с честью носить наименование «Ольгины Гусары»!

Источники и литература:

¹ «Вестник Русской конницы» (далее В.Р.К.) № 22, стр. 955. СПб. 1910 г.

² Российский Государственный Военно-исторический Архив (далее РГВИА). Ф.3513, Оп.2, Д.237, л.24.

³ Там же. Ф.407, Оп.1, Д.2080, без нумерации листов.

⁴ Ю. Галич «Легкая кавалерия». стр.29-30. Рига. 1928 г.

⁵ «В.Р.К.». стр.955.

⁶ РГВИА. Ф.400, Оп.12, Д.2433, л.55.

⁷ Там же. Лл.15-17.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л.11.

¹⁰ Ю. Галич. Ук. соч. стр.29.

¹¹ «В.Р.К.». стр.954.

¹² Там же. стр.956.

¹³ Ю. Галич. Ук. соч. стр.32.

¹⁴ «В.Р.К.» стр.979.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. стр.980.

¹⁷ Ю. Галич. Ук. соч. стр.33.

¹⁸ «В.Р.К.» стр.980-981.

¹⁹ Ю. Галич. Ук. соч. стр.32-33.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О г.г. ОФИЦЕРАХ, ФАМИЛИИ КОТОРЫХ УПОМИНАЮТСЯ В СТАТЬЕ.

ПОНОМАРЕВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (1880-1918(?))

ротмистр

Родился 18 февраля 1880 г. в г. Санкт-Петербурге, в семье губернского секретаря. По окончании полного курса в Николаевском кадетском корпусе, выдержал экзамен при Николаевском Кавалерийском Училище, которое закончил по I разряду, и 10 августа 1902 г. был выпущен корнетом в 9-й Драгунский Елисаветградский полк. С 13 ноября 1904 г. назначен полковым адъютантом, в сентябре 1905 г. произведен в поручики, в сентябре 1909 г. – штабс-ротмистр. 21 марта 1912 г. сдал должность полкового адъютанта и командирован в Офицерскую Кавалерийскую Школу, курс которой окончил 14 июля 1914 г. С началом военных действий выступил с полком в Восточную Пруссию, в мае 1915 г. был представлен к награждению Георгиевским Оружием (однако, такового не получил). 13 сентября 1915 г. штабс-ротмистр Понома-

рев прикомандировывается к Николаевскому Инженерному училищу на должность инструктора верховой езды.

После революции 1917 г. находился на Кавказе, где был выдан грузинами большевикам и расстрелян.

СУЛТАН-ГИРЕЙ КРЫМ СЕЛЕТОВИЧ (САЛАХОВИЧ)

(1876-1918)

полковник

Родился 26 ноября 1876 г. в семье поручика Кубанской области. Прямой потомок Ханов Гиреев Крымских. В службу вступил 28 августа 1896 г. в 9-й Драгунский Елисаветградский полк вольноопределяющимся II разряда. 3 сентября 1896 г. командирован в Тверское Кавалерийское Юнкерское Училище, которое окончил по I разряду, и 10 октября 1899 г. произведен в корнеты в свой полк. 7 июля 1904 г. по собственному желанию переведен в Терско-Кубанский Конный полк Кавказской Конной бригады с переименованием в сотники, с которым принял участие в Русско-Японской войне, заслужив 4 боевых ордена. 16 апреля 1906 г. поручик Султан-Гирей вновь вернулся в полк и назначен начальником учебной команды. 1 сентября 1907 г. ему при-

своим чином штабс-ротмистра, а 24 октября 1911 г. он командирован в Офицерскую Кавалерийскую Школу, в которой закончил курс с оценкой «успешно» 1 октября 1913 г.

С началом Великой войны выступил в поход в составе полка, 20 октября 1914 г. принял под командование 3-й эскадрон и 3 ноября произведен в ротмистры. 5 июня 1915 г. переведен в Черкесский Конный полк; в 1917 г. – командир этого полка, полковник.

Участник Гражданской войны – командир сотни в отряде полковника Покровского; в январе – марте 1918 – командир отдельного добровольческого отряда, действовавшего на левом берегу Кубани.

Убит большевиками около 28 марта 1918 г. в с. Князехайловском Туапсинского округа.

НЕБО МАКСИМИЛИАН РОБЕРТ ВИЛЬГЕЛЬМ ГОТТАРДОВИЧ

(1881-1967)

полковник

Родился 7 ноября 1881 г. в Санкт-Петербурге. Из почетных граждан СПб губернии. Образование получил в Николаевском Кадетском Корпусе (полный курс), по окончании которого

поступил в Николаевское Кавалерийское Училище (закончил по I разряду) и 10 августа 1902 г. произведен в корнеты в 9-й Драгунский Елисаветградский полк. В полку считался выдающимся офицером, служившим «не за страх, а за совесть», неоднократно получал благодарности от командира корпуса, отмечен в приказах. После начала Русско-Японской войны отправился добровольцем на ТВД и был зачислен в 7-й Сибирский Казачий полк, в рядах которого отличился и награжден орденами Св.Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св.Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. По возвращении в Елисаветградский полк он уже поручик (1906), 1 сентября 1909 г. произведен в штабс-ротмистры; в 1913 г. заканчивает полный курс Офицерской Кавалерийской Школы.

С объявлением войны 18 июля 1914 г. выступает на фронт в рядах полка, с 17 июня 1915 г. принимает в командование эскадрон Ея Высочества, а 10 июля произведен в ротмистры. За неоднократные боевые отличия награжден боевыми орденами, а в 1916 г. удостоен Высочайшего Благоволения. При формировании кавалерийских стрелковых дивизионов (потом полков), назначен в таковой 3-й кавалерийской дивизии младшим офицером. 16 июля 1917 г. за боевые отличия произведен в чин подполковника.

После революции 1917 г. уехал в Финляндию; участник Гражданской войны на Севере: начальник штаба Национального Ополчения в армии генерал-лейтенанта Е.К. Миллера. После 1920 г., приняв финское гражданство, проживал в Хельсинки, принимал активное участие в работе ряда Русских общественных организаций национального направления. В конце 40-х гг., после смерти генерал-лейтенанта А. И. Мартынова, возглавил Объединение Офицеров Елисаветградского Гусарского полка. Скончался 18 ноября 1967 г. в Хельсинки.

ГУССЕЙНОВ АЛИ ХАН бек мехти-оглы (1869-1918)

полковник

Родился 8 августа 1869 г. в г. Тифлисе. Окончив Владикавказскую военную гимназию и Елисаветградское Кавалерийское Юнкерское Училище по II разряду, 8 мая 1892 г. произведен в корнеты в 9-й Драгунский Елисаветградский полк. В 1906 г. ротмистр Гуссейнов назначен командиром 2-го эскадрона, с которым и вышел на войну 1914-1918 гг. Неоднократно отличился в боях, особенно в первый период воен-

ных действий, награжден боевыми орденами, а 11 июня 1915 г. ему присвоен чин подполковника за боевые отличия. Полковник (2 декабря 1916 г.), помощник командира полка по хозяйственной части (1917). После революции 1917 г. одним из последних покинул полк (нач. января 1918 г.) и вместе с группой старших офицеров и наиболее верных гусар пытался пробраться в Добровольческую Армию, но был задержан большевиками и в ночь с 17-ое на 18-ое января 1918 г. расстрелян на ст. Успенская Екатериинской железной дороги.

СКОМПСКИЙ БРОНИСЛАВ ОСИПОВИЧ (1865-1935)

полковник Императорской, генерал-майор Литовской армии

Родился 17 января 1865 г. в семье дворянина Сувалкской губернии. Окончил 7 классов Мариампольской мужской гимназии. В службу вступил вольноопределяющимся в 5-й Лейб-Драгунский Курляндский Его Величества полк. 18 августа 1885 г. командирован в Тверское Кавалерийское Юнкерское Училище, в котором за отличные успехи награжден Почетным Оружием и премией графа Милютина. По окончании полного курса наук по I разряду произведен в эстандарт-юнкеры (22 августа 1887 г.) и откомандирован в полк. 1 сентября 1887 г. произведен в корнеты с переводом в 9-й Драгунский Елисаветградский Ея Величества Королевы Вюртембергской полк и назначен помощником заведующего полковой учебной командой, а затем и заведующим ее. 25 марта 1892 г. – поручик, 15 марта 1893 г. – штабс-ротмистр, принимает в командование 6-й эскадрон. 15 марта 1898 г. произведен в ротмистры и некоторое время исполняет должность помощника командира полка по хозяйственной части. Подполковник (1910 г.). 5 августа 1913 г. за отличие по службе произведен в полковники лично Государем Императором.

С началом боевых действий против Германии занимал должность помощника командира полка по хозяйственной части, к 1 июня 1917 г. штаб-офицер, заведующий пунктом слабосильных и больших лошадей 3-й кавалерийской дивизии в г. Тирасполе, затем начальник 1-го отделения пункта слабосильных лошадей Румынского Фронта.

После демобилизации Русской Армии и отделения Литвы поступил в Национальную Литовскую армию, где был создателем и первым начальником литовской кавалерийской дивизии, а затем занимал должность инспектора кавалерии. По выходе в отставку проживал в имении Шукле, предоставлен-

ным ему правительством. В последние годы жизни перенес тяжелую операцию и несколько сердечных приступов. В ночь на 18 марта 1935 г. полковник Б. О. Скомпский скончался.

БЕЗОБРАЗОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1872-1919)

полковник

Родился 27 апреля 1872 г., из потомственных дворян Владимирской губернии. Образование получил в Московском реальном училище (5 классов), Тверском Кавалерийском Юнкерском Училище (по II разряду). Участник Великой войны (командир 4-го эскадрона), подполковник (1915 г.). В 1917 г. – полковник, младший штаб-офицер в Стрелковом полку 3-й кавалерийской дивизии.

В Гражданскую войну – в конном корпусе генерала Мамантова. Во время рейда корпуса по тылам красных попал в плен и был расстрелян.

ХАЛЯЕВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ

(1874-30-е годы)

полковник

Родился 12 июля 1874 г. в семье коллежского асессора Санкт-Петербургской губернии. По окончании курса Тверского Кавалерийского Юнкерского Училища по I разряду произведен в корнеты в 9-й Драгунский полк (1897 г.). 3 августа 1911 г. утвержден командиром 6-го эскадрона, ротмистр.

С эскадрона выступил в составе полка в Восточную Пруссию, неоднократно отличался в боях, награжден боевыми орденами и Высочайшим благоволением. 6 ноября 1915 г. – подполковник, младший штаб-офицер полка. С мая 1916 г. по конец августа находился в прикомандировании к Черкесскому Конному полку, после чего возвратился в свой полк.

Участник Гражданской войны. Галлиполиец. В эмиграции проживал в Югославии, будучи тяжело больным и без средств к существованию. По ходатайству бывшего командира полка генерал-лейтенанта А.И. Мартынова, был зачислен в 3-ю категорию Русских военных инвалидов с получением пенсии и принят в порядке исключения в Русский Инвалидный Дом в Бухте Каторской (Далмация).

Скончался в Югославии в 30-х годах.

НЕРЕНОВСКИЙ ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1867-1935(1936?))

полковник

Родился 5 февраля 1867 г., из мещан Черниговской губернии. В службу вступил 15 марта 1885 г. рядовым на правах вольноопределяющегося в 107-й пехотный Троицкий полк. 21 августа 1885 г. командирован в Виленское Пе-

хотное Юнкерское Училище, но по невыдержанию экзамена возвратился в полк. 16 сентября 1886 г. вновь командирован в Виленское Училище и зачислен юнкером младшего класса, однако 2 августа 1887 г. отчислен из училища с переводом в 9-й Драгунский Елисаветградский полк и с перемещением в Елисаветградское Кавалерийское Юнкерское Училище, которое и окончил в 1889 г. по I разряду: присвоено звание портупей-юнкера, а 22 декабря того же года произведен в корнеты. С 1894 г. – поручик, временно командующий 3-м эскадром. 15 марта 1897 г. – штабс-ротмистр с назначением командующим 5-м эскадром. Командир эскадрона, ротмистр (1889 г.). С 26 февраля 1911 г. – подполковник, младший штаб-офицер, помощник командира полка по строевой части. 31 мая 1914 г. назначен командующим 1-м Полевым Жандармским эскадром. В начале Великой войны исполнял обязанности коменданта штаба 1-й Армии.

Эмигрант, проживал в Берлине. Скончался 19 сентября 1935 (1936?) г.

**СТЕБЛИН - КАМЕНСКИЙ
АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ**

(?-1920)

штабс-ротмистр

Вышел в полк корнетом в 1908 г. С 10 сентября 1911 г. поручик, делопроизводитель полкового суда. Участник Великой войны, штабс-ротмистр (1915 г.), награжден пятью боевыми орденами.

В Гражданскую войну в рядах дивизиона Елисаветградского Гусарского полка (в составе 3-го Конного полка). Умер от тифа.

**БОБРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ (1885-конец 40-х гг.)**
поручик

Родился 10 июня 1885 г. в семье дворянина Курской губернии. По окончании полного курса наук в Орловско-Бахтинском Кадетском Корпусе и Елисаветградском Кавалерийском Училище по II разряду, произведен в корнеты в 3-й Гусарский Елисаветградский полк (24 марта 1906 г.). 1 сентября 1910 г. поручик, с 22 октября 1913 г. – начальник дивизионной конно-саперной команды. Участник Великой войны, неоднократно отличался в боях, грамотно применяя саперное дело, награжден 5-ю боевыми орденами до Св.Владимира 4 ст. с мечами и бантом включительно.

В эмиграции в Югославии. Во время II Мировой войны вступил в ряды Русского Корпуса (конный взвод 2-го полка). С 1945 г. в Австрии. Скончался в конце 40-х гг. в Зальцбурге.

фон БАУМГАРТЕН ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ (1884-конец 40-х гг.)

ротмистр

Родился 8 декабря 1884 г. в семье военного Лифляндской губернии. Окончил полный курс Ярославского Кадетского Корпуса и Елисаветградское Кавалерийское Училище по I разряду, произведен в корнеты в 9-й Драгунский Елисаветградский полк 24 марта 1906 г. В рядах полка участвовал в Великой войне, в 1916 г. – младший офицер в Стрелковом полку 3-й кавалерийской дивизии, награжден боевыми орденами. 19 февраля 1917 г. – ротмистр.

Участник Гражданской войны. Эмигрант. Скончался в конце 40-х гг. в Берлине.

Кроме того, в полку с 1908 г. служил родной брат Федора Баумгартена I – Георгий Владимирович фон Баум-

гартен II, 10 ноября 1911 г. переведенный в один из гвардейских кирасирских полков.

ПРИНЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

(1865-?)

полковник

Родился 8 марта 1865 г. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил полный курс Николаевского Кадетского Корпуса и Николаевское Кавалерийское Училище по I разряду и 11 августа 1886 г. вышел корнетом в 9-й Драгунский Елисаветградский Ея Величества Королевы Вюртембергской полк. Исполнял обязанности полкового адъютанта, заведующего полковыми мастерскими и обозной командой, временно командующего 1-м эскадром. Поручик (1890). 2 февраля 1891 г. произведен в штабс-ротмистры с назначением командующим 4-м эскадром. В 1897 г. – ротмистр. 10 февраля 1906 г. подполковник Принц назначается начальником отряда, командированного в Прибалтийский край для подавления беспорядков. 2 июня 1909 г. произведен в полковники, старший штаб-офицер, а 20 апреля 1911 г. назначен командиром 15-го Уланского Татарского полка, во главе которого и вышел на фронт Великой войны. 19 декабря 1914 г. заболел и вернулся в тыл; 6 января 1915 г. отчислен от должности командира полка с зачислением в резерв чинов Двинского военного округа. 18 февраля 1917 г. назначен на должность генерала для инспектирования конского состава при командующем IV Армией.

С 11 декабря 1917 г. проживал в г. Пятигорске, Терской области (по другим сведениям, в Петрограде). Дальнейшая судьба неизвестна.

ИСТОРИЧЕСКИЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ «ДОБРОВОЛЕЦЬ»,

№№ 1-4, Севастополь, 2002-2003 гг.

Весной 2002 года в Севастополе, по инициативе молодых историков-энтузиастов, исследователей Белого движения, членов Севастопольской группы Национально-Трудового Союза и регионального Клуба любителей истории начал выходить альманах «Доброволец», поставивший своей целью изучение и популяризацию истории Белого движения в России 1917-1922 гг.

В свет вышло уже 4 номера. В этих изданиях отражена история различных воинских частей, приведены интересные сведения о солдатах и офицерах Белых армий. Редакция альманаха проводит обширную работу по восстановлению исторической памяти об участниках Белого движения на Юге России, в частности, Русской Армии генерала Врангеля. Альманах стал своеобразным центром притяжения для всех тех, кому небезразлична судьба Белого движения в годы гражданской войны в России.

ДОБРОВОЛЕЦЬ

№ 4
2003

ПРОДОЛЖАТЕЛИ БЕЛОГО ДЕЛА ОБЪЕДИНЯЮТ СИЛЫ

РЕЗОЛЮЦИЯ I СЪЕЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ, ОСВЕЩАЮЩИХ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ИДЕОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОГО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

За последние 13 лет, минувших со времени формального развала коммунистической системы в России, в деле изучения и освещения истории Русского Белого движения сделан огромный шаг вперёд. Ранее запрещённая в СССР тема Белой борьбы привлекает к себе внимание не только членов Национальных организаций России и Русского Зарубежья, считающих себя идейными наследниками и продолжателями Белого Дела. Обращаются к Белому движению и профессиональные исследователи, и многочисленные ревнители отечественной истории, и все те, кто пытается найти ответы на многие злободневные вопросы современности в прошлом своего народа.

Многие сохранившиеся архивные материалы стали теперь доступными к изучению. Вышло в свет множество исследований, документальных публикаций, посвящённых проблемам истории Белого движения и антибольшевизмского сопротивления. Во многих городах России и в Русском Зарубежье работают историки-энтузиасты, изучающие самые разнообразные вопросы истории Белого Дела. Растёт число «Белых» электронных сайтов и печатных изданий. Появляются документальные фильмы, правдиво отражающие историю Белых армий, биографии героев Белой России.

Однако нельзя не отметить и тех негативных тенденций, которые достаточно сильны сегодня и, увы, имеют многочисленных сторонников, готовых на самые агрессивные действия во имя своих, как им представляется, истинных исторических ценностей.

Прежде всего, – вся важная работа по восстановлению исторической правды о Белом движении до сих пор движима главным образом силами отдельных энтузиастов, отдельных русских национально-патриотических организаций и изданий. Сегодняшняя политическая элита страны, провозгласив в одностороннем порядке лозунг «согласия и примирения», на деле идеологически оправдывает советчину и продолжает идейное противоборство с национально-патриотическими устремлениями российского народа.

Даже воздвижение крестов на могилах Белых Воинов, а тем более установка мемориальных досок героям Белого Дела зачастую объявляются властями РФ и других новообразований, возникших после раздела СССР, недопустимыми. До сих пор не происходит официальной «реабилитации» участников Белого движения и их потомков.

В то же время улицы российских городов и сёл до сих пор «украшают» сотни памятников Ленину, Дзержинскому и другим большевизмским деятелям, активно возрождается коммунистическая символика. Серьёзной опасностью является то, что учебники и программы изучения истории в средней и высшей школах, претерпев после 1991 г. некоторые изменения и исправления, всё же, как и прежде, продолжают проводить мысль о «прогрессивности» большевизмского переворота 1917 г. и положительном, в целом, характере коммунистического режима, «социалистических ценностей». Нередко стал использоваться и псевдонаучный подход к изучению истории, при котором трагедия России начала XX в. подаётся как набор не связанных друг с другом фактов, в полном отрыве от духовной основы.

Мы считаем дальнейшее сохранение такого положения губительным. Духовные, нравственные, идейно-политические и исторические ориентиры, широко проповедуемые сегодняшними защитниками коммунистического режима, лишают народ чувства объективного понимания истории и реальности, дезориентируют и отрывают его от исторических корней.

Мы считаем своим долгом всемерно способствовать делу восстановления исторической правды о Русском Белом движении и его героях – подлинных Патриотах нашего Отечества. На этом пути ещё много трудностей. До сих пор большинство изданий, отражающих историю Белого движения и Русского Зарубежья, выходят в свет бессистемно, им не хватает последовательности и согласованности. Зачастую историки-энтузиасты, особенно проживающие вдали от столиц и крупных городов, вынуждены работать в условиях острого недостатка фактического материала.

Нередко на волне роста интереса к историческому прошлому и, в частности, к истории Белой борьбы всплывают скороспелые, псевдонаучные издания, рождаются уродливые концепции, домыслы и вымыслы, лишённые аргументации, противоречащие историческим фактам. Под предлогом «деидеологизации истории» появляются публикации, авторы которых излагают якобы новые, а на самом деле не изменившиеся штампы советской идеологии об «антинародной сущности» Белого движения, его «антипатриотичности», ориентации на Запад, отсутствии политической программы и т.п. При этом авторы подобных утверждений даже не утруждают себя архивными поисками исторических источников, но требуют безусловной веры.

Приходится слышать и от иерархов Русской Православной Церкви, что Белое движение носило сугубо политический характер, преследовало целью «борьбу за власть» и было лишено сколько-нибудь серьёзных Духовных, нравственных ориентиров.

Всё это никоим образом не способствует пониманию русской истории, воспитанию в новых поколениях чувства патриотизма и уважения к Российской государственности.

Возрождение великого, единого, свободного Российского государства возможно лишь с опорой на духовные ориентиры и традиции исторической России, через осознание русским народом своей истории, уважительное отношение к подлинным Героям и Святыням Отечества. Именно эта история создания, укрепления и защиты русского единоподданства может и должна стать основой русского патриотизма. А потому сегодня борьба за восстановление исторической правды о Русском Белом движении – есть часть борьбы за будущее России.

Участники Съезда, оставаясь верными памяти миллионов наших соотечественников – солдат, офицеров, крестьян, рабочих, казаков, учащихся, русской патриотической интеллигенции, русского православного духовенства, вставших в дни смуты под знамёна Белых армий – и будучи заинтересованы в дальнейшем объективном изучении и освещении истории нашей Родины, приняли следующие решения:

- 1) Создать общую информационную систему, для чего наладить взаимное оповещение о выходе в свет новых изданий, проводимых конференциях, встречах и т.д.
- 2) Создать единую систему распространения изданий, для чего совместно использовать различные торговые точки в крупных городах и региональных центрах России и Зарубежья.
- 3) Опубликовать материалы настоящего Съезда и подробную информацию о представленных на Съезде изданиях отдельной брошюрой.
- 4) Проводить подобные съезды регулярно.

Подписано представителями следующих печатных и электронных изданий: «Белая Волна» – Ходкевич Л.Е., Неприенкова Л.А., «Белая Гвардия» – Цветков В.Ж., Гагкуев Р.Г., Балмасов С.С., Ганин А.В., «Белая Россия» – Гольянов В.А., «Веди» – Ивлев М.Н., Ходаковская О.И., «Вестник РОВС», «Информационный Центр РОВС» – Иванов И.Б., Никитин А.Л., Соколов Г.Н., Чичерюкин-Мейнгард В.Г., «Витязь», «Корпусник», «Разведчик.ру – сайт Копуса Разведчиков» – Ворончихин С.А., «Доброволец» – Руденко-Митих И.И., «Доброволец» – Кузнецов Н.А., Пигилов Д.Ю., Пигилова А.Н., «Память Чести» – Скрипалёв И.В., Скрипалёва А.Э., «Посев» – Штамм А.Ю., «Успенский листок» – Леоничев В.Л., «Южный форпост» – Меснянко А.В., «Юнкеръ» – Терзюв А.С., «Web-сайт Андрея Ганина» – Ганин А.В.

КРЕСТНЫЙ МАРШ

Крест-Памятник на братском захоронении расстрелянных в ноябре 1919 г. воинов Северо-Западной армии. Урочище Свиноежа, район сел Загорье и Ложгалово Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. 24 июня 1998 г. (фото предоставлено Н.А. Кузнецовым).

Воздвижение Русского северного голубца с Иконой «Собор Святых Новомучеников Российских от безбожной власти убиенных». В память расстрелянных в декабре 1919 г. воинов Талабского полка Северо-Западной армии. с. Скамья, Гдовского уезда Псковской губернии 22 июня 1999 г. (фото предоставлено В.Г. Чичерюкиным-Мейшгардт).

В урочище Свиноежа на месте массовых расстрелов пленных воинов Северо-Западной армии. Июнь 1998 г. (фото предоставлено Н.А. Кузнецовым).

Воздвижение Креста-Памятника в урочище. Июнь 1998 г. (фото предоставлено Н.А. Кузнецовым).

Члены ВИК «Добровольческий Корпус» у Креста-Памятника. (фото предоставлено К.А. Кулагиним).

Единственное, Чудом сохранившееся в первоначальном виде братское захоронение воинов белой армии на территории СССР Петро-Павловское старое городское кладбище. Ивангород, Санкт-Петербургской губернии. Надпись на памятнике: «На сем месте покоятся страдальцы войны Северо-Западной армии от ран и тифозного мора скопавшиеся в 1920 году. Имена же их Ты, Господи, веши». (фото предоставлено С.Г. Зириним).